К 902.6
С-12

Савенков, И. Гл.

О древних памятниках изобразительного искусства на р. Енисее

16. 05 2007
08 МАЙ 2007
КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
06. 06. 2007 ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА
Колич. пред. выдач
22 11 2006
16. 05. 2007
26. 09. 2012
1 МАР 2006
12 ДЕК 2009
09 ЯНВ 2016
12 ДЕК 2013
04 МАР 2013
Воскр. тип. Т. 1 млн. З. 739—75

И. Т. Савенковъ.

О ДРЕВНИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАГО ИСКУССТВА НА ЕНИСЕѢ.

Сравнительные археолого-этнографическіе очерки.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.
1910.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
№ В-6155-Н

ніи постановленія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.
Предсѣдатель Графиня ***Уварова.***

ПАМЯТИ

Николая Михайловича

МАРТЬЯНОВА,

основателя Минусинскаго мѣстнаго музея,

посвящается этотъ трудъ.

Памяти Николая Михайловича Мартьянова и памятнику его культурной дѣятельности, основанному имъ Минусинскому мѣстному музею, посвящается этотъ трудъ.

Конечно, значеніе мѣстнаго музея, этой новой для Енисея, далеко еще не акклиматизировавшейся и еще не окрѣпшей этнографической разновидности, слишкомъ разносторонне и глубоко, чтобы всѣ слои мѣстнаго населенія путемъ одной наглядности, при кратковременныхъ осмотрахъ музея, могли вполнѣ правильно оцѣнить его. Пробнымъ камнемъ, въ этомъ отношеніи, мы считаемъ не утилитарные отдѣлы, которымъ капиталисты и торгово-промышленные люди обыкновенно придаютъ главенствующее значеніе, и даже не научныя коллекціи, а отдѣлъ общеобразовательный, съ подъотдѣлами: для безграмотныхъ, малограмотныхъ, темныхъ людей, — для дѣтей всѣхъ возрастовъ, *не исключая и непосредственно предшествующаго школьному*, — и, наконецъ, учебный подъотдѣлъ, долженствующій представлять съ возможно большею полнотою конкретныя и наглядныя учебныя пособія по всѣмъ предметамъ начальной и средней школы.

Надо всегда помнить, что Минусинскій музей никогда не могъ достигнуть той систематичности, той полноты, той широты и той обаятельности воздѣйствія на своихъ посѣтителей, къ которымъ онъ стремился: онъ всегда находился подъ постояннымъ роковымъ гнетомъ недостатка матеріальныхъ средствъ на свое спеціальное оборудованіе. Сущность музея, его обстановочная часть, слагалась далеко не такою, какой она представлялась скромному творческому воображенію устроителя музея и его сотрудниковъ. Мысль о сохраненіи музея in statu nascendi, т.-е. въ томъ видѣ, въ какомъ онъ остался послѣ смерти Н. М., исповѣдуемая нѣкоторыми изъ его наиболѣе фанатическихъ мѣстныхъ поклонниковъ, настолько противорѣчитъ его общественнымъ убѣжденіямъ и его научному міровоззрѣнію, что на ней излишне долго останавливаться. Ближайшимъ сотрудникамъ Н. М. извѣстно, что къ statu quo въ музеѣ онъ относился болѣе, чѣмъ скептически: онъ постоянно что-нибудь устраивалъ новое, то въ томъ, то въ другомъ отдѣлѣ, что-нибудь перекомбинировывалъ, нерѣдко перемонтировывалъ цѣлыя коллекціи, иногда видоизмѣнялъ расположеніе цѣлаго отдѣла. Мы имѣемъ основаніе категорически утверждать, что устроитель этого мѣстнаго музея и его выдающіеся сотрудники не смотрѣли на минусинскій музей, какъ на нѣчто абсолютно совершенное, долженствующее застыть, омертвѣть, превратиться въ памятникъ *смерти* единаго изъ безчисленнаго множества ревностныхъ и безкорыстнѣйшихъ служителей знанія и народнаго просвѣщенія: нѣтъ, въ ихъ глазахъ, музей былъ памятникомъ *жизни* и дѣятельности, — растущею, эволюціонирующею этнографическою разновидностію, — одушевленнымъ общественно-научнымъ учрежденіемъ. Единственнымъ достойнѣйшимъ способомъ чтить память Н. М. Мартьянова это — продолжать дѣло его жизни съ той же неослабной энергіей и настойчивостью, съ той же систематичностью и тактомъ, съ той же любовью къ наукѣ и съ тѣмъ же духомъ объединенья, съ какими трудился онъ самъ. Стойкость и живучесть основаннаго имъ мѣстнаго музея, несмотря на матеріальныя стѣсненія и неблагопріятно измѣнившіяся условія общественной жизни, слу-

жать вѣскимъ доказательствомъ необходимости этого общественнаго научно-просвѣтительнаго учрежденія для Минусинскаго округа, накрывающаго собою наибольшую часть своеобразной и пока еще невыясненной древне-культурной области на Енисеѣ.

Окружной или мѣстный музей, какъ это теперь извѣстно всѣмъ образованнымъ людямъ, помимо общихъ просвѣтительныхъ и образовательныхъ цѣлей, обязанъ, въ предѣлахъ средствъ и силъ, отражать въ себѣ (конечно, планомѣрно и въ *научно*-систематизированномъ видѣ) природу, ея жизнь и дѣятельность человѣка, въ настоящемъ и прошломъ, давая, такимъ образомъ, современнымъ обитателямъ этой мѣстности нѣкоторую возможность обосновывать свою жизнь и культурную дѣятельнсость на болѣе обстоятельномъ и разностороннемъ знакомствѣ съ окружающею природою.

Минусинскій мѣстный музей около 27 лѣтъ съ честью исполнялъ эти обязанности, пользуясь симпатіями и щедрою поддержкою и иногороднихъ жертвователей подъ руководствомъ своего зиждителя, Н. М. Мартьянова, и при содѣйствіи перемѣннаго состава ревностныхъ сотрудниковъ, среди которыхъ также было много иногороднихъ. Шесть лѣтъ уже прошло послѣ смерти Н. М. Мартьянова.

Друзья и почитатели Н. М., не только ученые и научно-образованные люди, особенно иногородніе и иностранцы, которымъ прекрасно извѣстны его научныя и общественныя заслуги, но и всѣ его многочисленные сотрудники по музею, жертвователи, и малые и большіе, — всѣ, при наблюдавшемся тогда временномъ подъемѣ научной и общественной жизни въ Сибири, руководившіеся, одушевлявшіеся и объединявшіеся болѣе широкими задачами, присущими «*мѣстнымъ* публичнымъ» музеямъ, послѣ смерти Н. М. Мартьянова имѣли основаніе быть увѣренными, что его имя будетъ связано съ основаннымъ и устроеннымъ имъ музеемъ. Но *городъ*, въ лицѣ городского управленія, рѣшилъ использовать и этотъ случай[1]), чтобы выдвинуть и подчеркнуть себя... въ качествѣ владѣльца и хозяина музея, хотя, при основаніи музея, въ § 1 устава это означено вполнѣ опредѣленно. Казалось бы, будучи весьма скромнымъ фактическимъ соучастникомъ въ устроеніи музея, городъ Минусинскъ могъ бы взять примѣръ со многихъ городовъ и даже селъ, которые, на сооруженныхъ на пожертвованія зданіяхъ и памятникахъ, на вывѣскахъ благотворительныхъ, просвѣтительныхъ и другихъ учрежденій, по принятіи таковыхъ, не дѣлаютъ посессіонныхъ приписокъ, хотя они являются владѣльцами, но, въ то же время, и предусмотрительными и заботливыми попечителями принятыхъ отъ жертвователей общественныхъ учрежденій. Здѣсь же происходитъ нѣчто иное: городъ, изгнавъ изъ наименованія музея[2]) слово: «мѣстный», можетъ подорвать его матеріальное обезпеченіе, игнорируя или забывая, что 1500 р. Высочайше дарованы, съ 1900 года, «въ пособіе находящемуся въ г. Минусинскѣ, Енисейской губерніи, *Мѣстному Музею*»[3]).

Вмѣсто прежней вывѣски, съ наименованіемъ музея «мѣстнымъ», на нижнемъ этажѣ зданія, надъ парадною входною дверью, теперь прибитъ только большой плакатъ съ надписью: «Основатель музея Н. М. Мартьяновъ». Надпись загадочна по своей недосказанности. Около тридцати трехъ лѣтъ тому назадъ, Н. М. Мартьяновъ, дѣйствительно, былъ только основателемъ музея, но, вѣдь, потомъ, онъ 27 лѣтъ былъ его организаторомъ, руководителемъ и ревностнымъ помощникомъ сотрудниковъ музея, былъ первымъ среди собирателей коллекцій и первымъ ихъ монтировщикомъ. Будучи первымъ въ музеѣ, онъ все это время былъ и первымъ слугою музея; онъ былъ первымъ и среди жертвователей: онъ вложилъ въ музей свою душу, свою жизнь. И Минусинскъ его нашелъ достойнымъ

---

[1]) О предшествующемъ случаѣ, отстранившемъ отъ музея Красноярскій подъотдѣлъ Географическаго Общества съ большою группою сотрудниковъ музея, см. въ Очеркахъ Минусинск. края, А. В. Адріанова, оттискъ, стран. 39.

[2]) См. новые бланки музея.

[3]) Историч. очеркъ Минус. Мѣстнаго Музея, Ф. Конъ, стран. 130.

только плаката, слишкомъ черстваго для выраженія благодарности и слишкомъ безсодержательнаго для освѣдомленія *обывателей города*, — для иногороднихъ посѣтителей музея, особенно сибиряковъ, этотъ плакатъ совершенно излишенъ: фактъ слишкомъ общеизвѣстенъ. Краткій общедоступный очеркъ общественной дѣятельности Н. М. Мартьянова, съ вполнѣ объективнымъ разъясненіемъ цѣлей, преслѣдуемыхъ музеемъ, былъ бы для коренныхъ обитателей Минусинска цѣлесообразнѣе.

Краткая вывѣска на зданіи: «Мартьяновскій мѣстный музей»[1]), несомнѣнно, отмѣчала бы степень заслугъ Н. М. и выражала бы благодарность городского общества памяти покойнаго съ большею простотою, силою и сердечностью.

Можетъ быть, только охраненіе престижа города, чуждое всякихъ поссессіонныхъ соображеній, воспрепятствовало осуществленію этого наиболѣе симпатичнаго и всѣми ожидавшагося чествованія памяти Н. М. Мартьянова?

Ослабленіе общественнаго сочувствія къ музею не произошло бы, число иногороднихъ сотрудниковъ музея не уменьшилось бы, кругъ дѣятельности и сфера вліянія музея не сузилась бы, довѣріе общества къ комитету и нѣкоторыя нареканія на пассивную дѣятельность музея не имѣли бы мѣста, если бъ косность, святая простота (sancta simplicitas), великая близорукость и недостаточное вниманіе къ дѣламъ музея и узкій меркантилизмъ не проявлялись бы иногда въ дѣйствіяхъ городского управленія.

Изъ ложной тревоги, произведенной извѣстіемъ о передачѣ или продажѣ городомъ Минусинскомъ своего музея г. Томску[2]), мѣстные музеи, намъ кажется, могутъ извлечь серьезныя и полезныя для нихъ предостереженія. Въ самой довѣрчивости научно-общественныхъ дѣятелей, распространителей этого непровѣреннаго и маловѣроятнаго событія, и въ изумительномъ легковѣріи большой публики возможно, до нѣкоторой степени, разсмотрѣть отраженіе не только общественной характеристики состава городскихъ управленій, но и нѣкоторое, такъ сказать, общественное самоопредѣленіе: обозначеніе уровня этнографическаго развитія большой публики; взаимоотношенія же большой и малой публики общеизвѣстны. И если, въ центрѣ сибирской культуры, даже одинъ изъ служителей науки рѣшился публично высказать мысль чуть ли не о великомъ переселеніи всѣхъ сибирскихъ музеевъ въ Томскъ, то уже это одно, въ извѣстныхъ предѣлахъ, устанавливаетъ точку зрѣнія и малой томской публики на культивирующіеся сложные этнографичечкіе виды, къ которымъ относятся и мѣстные музеи: и эту, какъ намъ кажется, достаточно обрисовавшуюся точку зрѣнія едва ли возможно признать альтруистическою[3]). Что же удивительнаго, если и въ Минусинскѣ есть даже интеллигентные обыватели, относящіеся къ мѣстному музею также отрицательно: «лишняя школа для города цѣннѣе музея, хоть совсѣмъ его не будь, ничуть о томъ не пожалѣемъ», — продажа его не безвыгодна: отъ лишнихъ расходовъ избавится городъ, а мѣсто и зданія музея будутъ ему приносить доходъ. Также практично и культурно! Вообще, теперь людей, не дружелюбно относящихся къ музею, гораздо болѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Tempora mutantur et nos mutamur in illis! Это вполнѣ естественно, особенно при высокомъ процентѣ безграмотности населенія, и съ этимъ въ борьбѣ за мѣстные музеи должно считаться, и всячески усиливать и совершенствовать просвѣтительные и общеобразовательные отдѣлы музеевъ. Послѣ объединенія дѣятельности — unitis viribus — это наилучшій способъ *городскихъ недруговъ* превращать въ друзей мѣстнаго музея, но выше уже объяснено, почему мѣстные музеи лишены этого оружія борьбы за свое существованіе.

---

[1]) На зданіи, находящемся въ центрѣ города Минусинска, слово «Минусинскій» совершенно излишне.

[2]) №№ 47 и 85 «Русск. Вѣдомостей» за 1910 г.

[3]) Краснорѣчивы мотивы ненапечатанія объясненія Комитета музея «Сиб. Жизнью», изд. въ Томскѣ.

Но въ иномъ направленіи, при нѣсколько измѣнившихся обстоятельствахъ, городская дума энергично поддержала комитетъ музея, сдѣлала представленіе подлежащему начальству о критическомъ положеніи музея и о необходимости увеличенія выдаваемой ему субсидіи[1]). Замѣчательно, что въ этомъ обстоятельномъ ходатайствѣ городская дума держится традицій Н. М. Мартьянова и, повидимому, склоняется къ руководящимъ принципамъ *мѣстныхъ* музеевъ. Музей, внѣ всякихъ сомнѣній, съ великою благодарностію отмѣтитъ это ходатайство городского управленія въ своей скромной исторіи. На дальнѣйшее движеніе этого ходатайства въ настоящее время нельзя надѣяться, — теперь не время культурныхъ предпріятій, особенно такихъ малозначительныхъ, не кидающихся въ глаза своею сущностію, относимыхъ большинствомъ общественныхъ и административныхъ дѣятелей къ «пріятнымъ» занятіямъ, почти «развлеченіямъ», для обслуживанія которыхъ всегда найдутся «любители», изъ профессіональныхъ дѣятелей, могущихъ служить музеямъ «между дѣломъ». Но тѣсную связь вопроса о музеяхъ всѣхъ градацій и типовъ съ застоявшимися вопросами о великой народной безграмотности и темнотѣ и о необходимости скорѣйшаго систематическаго разносторонняго естественно-историческаго изученія всей Россіи (и въ Европѣ и въ Азіи) едва ли возможно отрицать. Если духовное благосостояніе человѣчества можетъ основываться, въ извѣстныхъ предѣлахъ, на познаніи самого себя, то его матеріальное благосостояніе несомнѣнно обусловливается степенью и суммою его познаній окружающей природы. Возможно и категорически утверждать, что матеріальное благосостояніе народа прямо пропорціонально степени и суммѣ его познаній объ окружающей его природѣ, реализировавшихся въ количествѣ твердо усвоенныхъ народомъ культурныхъ навыковъ въ использованіи законовъ природы и природныхъ богатствъ.

Намъ кажется, есть основанія обратить большее вниманіе на мѣстные музеи, какъ на новыя учрежденія, преслѣдующія цѣли нагляднаго ознакомленія народа съ окружающею его природою. Въ недалекомъ будущемъ, затраты на эти учрежденія, начиная съ низшихъ ихъ ступеней, не будутъ считаться безполезно брошенными деньгами.

Нормальный ростъ музея, при всѣхъ прочихъ благопріятныхъ условіяхъ, въ значительной степени обусловливается постояннымъ уходомъ за нимъ, постояннымъ его обслуживаніемъ, спеціально освѣдомленными лицами, служащими ему не «урывками», не «между дѣломъ», а посвятившими себя всецѣло музейной и научной работѣ.

При неизмѣнившемся бюджетѣ, музей не можетъ долго сохраняться въ застывшемъ состояніи, нѣкоторыя коллекціи уже и теперь не удовлетворяютъ всѣмъ современнымъ научнымъ требованіямъ, печать отсталости можетъ лечь и на другія коллекціи, необходимость освѣженія, дополненій, перемонтировки скоро будетъ видна и на другихъ коллекціяхъ, неимѣніе средствъ на научныя путешествія и экскурсіи по собиранію научныхъ матеріаловъ и на ихъ немедленную монтировку будутъ еще болѣе усиливать признаки обветшалости, отсталости и монтировочныхъ несовершенствъ. Отсутствіе средствъ на переплетъ книгъ научной библіотеки и замедленія въ приведеніи ея въ надлежащій порядокъ могутъ сдѣлать ее безполезнымъ замкнутымъ книжнымъ складомъ.

При совокупности прочихъ неблагопріятныхъ условій, музей, научная и общественная библіотеки будутъ хирѣть и понемногу могутъ и замереть, если вопросъ объ увеличеніи субсидіи отъ казны не разрѣшится въ благопріятномъ смыслѣ.

Во всякомъ случаѣ, благопріятное разрѣшеніе вопроса о принятіи подъ покровительство Мартьяновскаго мѣстнаго музея Императорскою Академіею[2]) будетъ не только почетнымъ, отмѣчающимъ ея вниманіе къ маленькому мѣстному музею, но и благодѣтельнымъ,

---

[1]) Записка Минус. городской думы, предст. г. Иркутскому генералъ-губернатору 7 ноября 1908 г.

[2]) О необходимости увеличенія пособія М. М. музею. Брошюра. Минус. 1908 г., стран. 21 и 24.

по тому руководящему и ободряющему вліянію ученыхъ спеціалистовъ и ихъ помощниковъ, которое установится при дѣловой и научной связи музеевъ. При сообщеніи о ростѣ отдѣловъ мѣстнаго музея, будутъ подчеркиваться особо интересныя и рѣдкія находки, съ рисунками и краткими описаніями, при затрудненіяхъ въ опредѣленіи будутъ испрашиваться разныя указанія. Имѣя ресурсы для путешествій и экскурсій, музей заблаговременно будетъ сообщать Академіи маршрутныя линіи, по временамъ года, ожидая замѣчаній, совѣтовъ, указаній и попутныхъ порученій. Завѣдывающій и его помощники сочтутъ за честь обстоятельно исполнять порученія музеевъ Академіи. Многія замѣтки, описанія, отчеты о поѣздкахъ, не имѣющіе возможности проникнуть въ мѣстную печать, могутъ удостоиться вниманія музеевъ Академіи, и найти мѣсто въ ихъ спеціальныхъ отчетахъ. Наша попытка набросать очеркъ филіальной связи мѣстнаго маленькаго общеобразовательно-научнаго музея съ большими спеціально-научными не можетъ быть исчерпывающимъ. Музей, какъ станція, отмѣченъ въ текстѣ, стран. 87.

Въ интересахъ дѣла, покровительствующему научному учрежденію, конечно, должно быть предоставлено участіе въ избраніи завѣдывающаго музеемъ изъ натуралистовъ, наиболѣе соотвѣтствующихъ современнымъ научнымъ и музейнымъ требованіямъ, особенно въ важнѣйшемъ изъ отдѣловъ, — общеобразовательномъ, съ его подъотдѣлами. Самое участіе высокопоставленнаго научнаго учрежденія въ жизни мѣстнаго музея будетъ ослаблять вторженія въ спеціально-научныя основы музейнаго дѣла малосвѣдущихъ, но вліятельныхъ хозяевъ музея, что, при особо неблагопріятномъ для музея подборѣ гласныхъ и членовъ комитета, можетъ случаться.

Особенно дорого ободряющее и освѣжающее вліяніе такого общенія и на обслуживающихъ спеціально-научное и музейное дѣло: обособленность, научное одиночество и отрѣзанность отъ научныхъ и музейныхъ центровъ будутъ значительно ослабляться.

Внѣ всякихъ сомнѣній, что подъ авторитетнымъ покровительствомъ и руководительствомъ Императорской Академіи Наукъ, Минусинскій Мартьяновскій мѣстный музей, служа усердно, по мѣрѣ силъ своихъ, русской наукѣ, сталъ бы съ неменьшимъ усердіемъ учиться и, обогащаясь научными познаніями, могъ бы значительно возвысить свое значеніе: и научное — въ изученіи Минусинскаго края и утилитарное — въ подъемѣ его культуры и промышленности.

Можно надѣяться, что Минусинская городская дума, удѣляя музею больше времени и вниманія, всмотрѣвшись въ положеніе общественной библіотеки и музея и въ ихъ бюджетныя соотношенія, поглубже вникнувъ въ критическое положеніе музея и въ его значеніе для края, найдетъ цѣлесообразныя мѣры какъ къ устраненію нѣкоторыхъ недоразумѣній и преградъ, возникавшихъ на пути прогрессивнаго движенія музея, не всегда по винѣ его самого, такъ и къ ослабленію проявленія нѣкотораго бойкотированія музея и общественной библіотеки.

Строки, посвященныя памяти Н. М. Мартьянова и судьбѣ созданнаго имъ музея, мы сочтемъ, до нѣкоторой степени, достигшими цѣли, если онѣ, рано или поздно, въ томъ или другомъ направленіи, въ большей или меньшей степени, облегчатъ музею выходъ изъ критическаго матеріальнаго положенія, въ которомъ онъ давно находится, которое, главнымъ образомъ, стѣсняетъ и задерживаетъ его нормальный ростъ и значительно ослабляетъ его научно-просвѣтительное вліяніе. Намъ кажется, многое изъ высказаннаго по поводу Минусинскаго Мартьяновскаго музея имѣетъ общее значеніе и можетъ оказаться полезнымъ и для другихъ мѣстныхъ музеевъ.

Съ чувствомъ величайшей благодарности я вспоминаю всѣхъ, чье благотворное вліяніе, даже и отдаленное, не говоря уже о позднѣйшихъ указаніяхъ, совѣтахъ, мнѣніяхъ

и замѣчаніяхъ, высказывавшихся послѣ рефератовъ, могло отразиться, въ большей или меньшей степени, въ томъ или другомъ направленіи, въ тѣхъ или другихъ частностяхъ, на представляемой работѣ.

Первѣе всего, я преклоняюсь предъ памятью графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, покойнаго предсѣдателя Императорскаго Археологическаго общества: его капитальный трудъ о каменномъ періодѣ въ Россіи руководилъ моими первыми шагами въ изслѣдованіи этой стадіи культуры и на Енисеѣ; въ предшествующихъ работахъ и даже здѣсь, въ нѣкоторыхъ главахъ, есть слабые и запоздалые отклики на его одушевленный любовью къ наукѣ призывъ, выраженный въ эпиграфѣ къ его труду.

Преклоняюсь я также предъ памятью недавно умершаго извѣстнаго изслѣдователя Сибири, горнаго инженера И. А. Лопатина: ознакомленіе съ его обширной коллекціей, сопровождаемое его разъясненіями, давно остановило мое вниманіе на характерныхъ особенностяхъ мѣдно-бронзовой эпохи Минусинскаго округа.

Съ благодарностію я вспоминаю и давніе отзывы Г. Н. Потанина и Д. А. Клеменцъ о собранныхъ мною петроглифическихъ матеріалахъ.

Въ 1906 г., 1907 и въ 1908, 19 мая, возможно было реферировать только нѣкоторыя части изготовляемой статьи въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и въ Этнографическомъ Отдѣлѣ Императорскаго Общ. Люб. Ест., Антроп. и Этногр. При обмѣнѣ мнѣній, послѣ рефератовъ высказанныхъ, а также при отдѣльныхъ собесѣдованіяхъ, получено нѣсколько компетентныхъ руководящихъ указаній и нѣсколько мнѣній и соображеній, общаго и частнаго характера, отъ графини П. С. Уваровой, отъ ак. Д. Н. Анучина, отъ проф. В. Ф. Миллера, отъ проф. Д. Я. Самоквасова, С. К. Кузнецова, Н. А. Янчука, А. Н. Максимова, В. В. Богданова, В. А. Городцова и мн. др. Особенно благодаренъ я лицамъ, наиболѣе скептически относившимся къ самой возможности существованія доалфавитнаго письма и горячо противъ него возражавшимъ, что еще болѣе убѣждало меня въ неразработанности этой области антропологіи и этнографіи и въ томъ, что соотвѣтственные отдѣлы археологіи и лингвистики, касающіеся эволюціи и генезиса языка и письма, этнографически недостаточно обоснованы, и что почва, на которой возрастали трактуемыя графическія разновидности, не подвергалась глубокому и разностороннему обслѣдованію. Въ предѣлахъ нашихъ силъ и возможности, въ томъ или другомъ направленіи, мы старались использовать каждый обмѣнъ мнѣній.

19 мая 1908 г., по окончаніи послѣдняго доклада, рукопись и всѣ таблицы были представлены г. предсѣдателю Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, графинѣ Прасковьѣ Сергѣевнѣ Уваровой. Только вниманіе Графини къ матеріаламъ по изобразительному искусству на Енисеѣ и къ новизнѣ нѣкоторыхъ заключеній и выводовъ, только ея ободряющая энергія и ея компетентные совѣты превозмогли сознаваемое мною несоотвѣтствіе моихъ силъ съ широтою и сложностію задачъ, преслѣдуемыхъ предпринятымъ трудомъ. Благодаря снисходительнымъ отзывамъ сочленовъ, представленный трудъ найденъ достойнымъ напечатанія.

Въ лицѣ графини Прасковьи Сергѣевны Уваровой я выражаю глубокую признательность за оказанное научное довѣріе и Императорскому Московскому Археологическому Обществу и XIV Археологическому Съѣзду, въ трудахъ котораго статья удостоилась напечатанія.

Глубокую благодарность выражаю я и всѣмъ облегчавшимъ мнѣ кропотливый трудъ надъ мелочами, помощь въ черченіи нѣкоторыхъ таблицъ алфавитныхъ начертаній, въ корректурѣ, въ составленіи указателя и др.: женѣ, Екатеринѣ Ивановнѣ; дочерямъ: Маріи И. и Аннѣ И., сыну Михаилу И., племяннику, В. Н. Англарезъ, и В. В. Стефановскому.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.
Введеніе.

1—63.

Составъ матеріаловъ 2. — Указанія предварительной обработки 2. — Связь петроглифовъ съ алфавитными начертаніями и родовыми знаками 4. — Графическій анализъ начертаній енисейскаго алфавита; буквенныя начертанія оказались знаками языка движеній 4. — Большинство родовыхъ знаковъ и знаковъ собственности оказались также записью религіозныхъ движеній 4-5. — Взаимоотношеніе этнографіи и лингвистики въ вопросѣ о генезисѣ алфавитовъ 5. — Вторичное разсмотрѣніе и сравнительное изученіе всѣхъ петроглифовъ 6. — Высота древняго культа и его разложеніе 6. — Причины паденія культуры 7. — Символъ, растяжимость и неопредѣленность этого понятія; положеніе символовъ въ наукѣ 7. — «Символъ» въ смыслѣ, принятомъ въ предполагаемой работѣ 8. — Объ эволюціонныхъ градаціяхъ мышленія 8. — О внѣшнемъ выраженіи душевныхъ состояній 8. — Языкъ движеній (языкъ мимическій или языкъ пантомимы) 9. — Языкъ глухонѣмыхъ 9. — О предѣлахъ эволюціи видимыхъ знаковъ 10. — Сходство основныхъ знаковъ мимическаго письма у всѣхъ народовъ всѣхъ временъ 10. — Предѣлъ эволюціоннаго прогресса мимическаго письма 11. — О границахъ скептическаго отношенія къ символамъ 11. — Изображеніе различныхъ проявленій культа знаками и символами 12. — Классификація петроглифовъ должна имѣть въ виду и дѣятелей и объекты эволюціи 11. — Свѣтъ и звукъ, какъ дѣятели въ эволюціи письма; зрительная и слуховая системы письма 13. — Особенности вліянія культа и его служителей на прогрессъ въ письмѣ; причины задержекъ въ развитіи письма 16-19. — Этническій составъ неродностей древнѣйшихъ культуръ и ихъ этнографическія черты 17. — Вѣроятность заимствованія основъ китайскаго письма отъ египтянъ 17. — Народное письмо корейцевъ 17. — Объ эволюціонномъ взаимоотношеніи письма и языка 19. — Опытъ эволюціонной классификаціи письма. *Два періода: оптическій и фонетическій* 20. — Дѣленіе оптическаго періода на *двѣ стадіи: конкретно-графическую и мимико-графическую* 20. — Формы конкретно-графической стадіи: пикто-графическая и сигно-графическая 21. — Мимико-графическая стадія имѣетъ три формы: пикто-графическую, сигно-графическую и символо-графическую 22. — *Двѣ эволюціонныя стадіи фонетическаго періода: силлабическая и алфавитная;* формы письма: пикто-графическая, сигно-графическая и мимико-графическая 23-27. — Причины продолжительнаго слогового состоянія письма 27. — Трудности выясненія графическаго генезиса алфавитовъ и родовыхъ знаковъ; необходимость всего палеографическаго матеріала древнѣйшихъ алфавитовъ и возможно-большаго количества родовыхъ знаковъ и знаковъ собственности 28. — Алфавитъ, въ его конечной стадіи развитія, завершенъ, вѣроятно, не представителями древнѣйшихъ культуръ 27, 39 и 62. — Связь барабаннаго языка съ звуковымъ анализомъ человѣческой рѣчи; эта форма звукового письма еще не выяснена 30. — Письмо звуками барабана и большая древность желѣза въ Африкѣ 33. — Енисейскій алфавитъ, его полиморфизмъ и другіе архаическіе признаки; графическія наслоенія 34. — О путяхъ заимствованія енисейскаго алфавита 35. — Удержаніе въ культѣ языка мимическаго, съ этнографической точки зрѣнія 37. — Борьба языковъ и системъ письма; знаки языка движеній были использованы 38-29. — Нѣкоторые религіозные символы, какъ графическіе элементы буквенныхъ начертаній, могли появиться въ орнаментѣ не только въ неолитическое, но даже и въ постъплioценовое время 40. — Нѣсколько примѣровъ, указывающихъ возможность появленія религіозныхъ символовъ въ до-неолитическое время 40-41. — Арійцы, повидимому, обладали, еще въ неолитическое время, всѣмъ составомъ религіозныхъ мимическихъ знаковъ, вошедшихъ впослѣдствіи въ алфавитъ 42-43. — Причины различія взглядовъ на арійскій вопросъ 43. — Свойство матеріаловъ, явленій и фактовъ и различіе методовъ изслѣдованія и обобщенія 44. — О картахъ торговыхъ путей и сферъ культурнаго вліянія 46. — О медленномъ накопленіи археологическихъ матеріаловъ, о возрастающей трудности ихъ детальной разработки и согласованія обобщеній со всѣми факторами культуры 46. — Примѣры работъ Муха и Коссини, указавшихъ пра-родину индо-европейцевъ въ Германіи, В. М. Флоринскаго, видящаго прародину славянъ

въ сѣверной Азіи 47-48. — О начальныхъ причинахъ арійскаго передвиженія 48. — О поднятіи центральной части Азіи, какъ причинѣ неблагопріятнаго измѣненія физикогеографическихъ и климатическихъ условій 49-50. — Хронологическія соображенія, съ точки зрѣнія различныхъ наукъ 50. — Пра-арійскій языкъ и начало арійскихъ переселеній въ Европу 51. — О литовскомъ языкѣ 51. — О ликійскомъ языкѣ 52. — Древнее кипрское слоговое письмо и кипрскія начертанія финикійскаго алфавита 53. — Предварительныя замѣчанія, общія соображенія, вопросы, подлежащіе спеціальнымъ мѣстнымъ изслѣдованіямъ, и нѣкоторые заключительные выводы 53-63.

I. Историческій очеркъ вопроса о петроглифахъ Енисея.

64—93.

Обзоръ изслѣдованія и изученія петроглифовъ на Енисеѣ 64. — Трудность выдѣленія эволюціонныхъ стадій и формъ картиннаго письма въ различныхъ проявленіяхъ изобразительнаго искусства 65. — Д. Г. Мессершмидтъ; крайне тяжелыя условія его 7-лѣтняго путешествія по Сибири, неимѣніе помощника, интриги и противодѣйствіе при собираніи матеріаловъ 66. — Богатство и научное значеніе собранныхъ имъ коллекцій, плановъ, чертежей, рисунковъ и рукописей 67. — Утрата и гибель всѣхъ коллекцій Мессершмидта, ненапечатаніе и исчезновеніе большей части рукописей, многихъ изъ приложенныхъ къ нимъ картъ, плановъ и рисунковъ, которыми пользовались въ рукописяхъ послѣдующіе путешественники XVIII столѣтія 67. — Гоненія, остракизмъ и бѣдность, въ которыхъ жилъ и умеръ первый ученый, отправленный императоромъ Петромъ Великимъ для изслѣдованія Сибири, по возвращеніи оттуда 66. — Невыясненность этого безпримѣрнаго факта въ исторіи науки; репутація памяти многопострадавшаго ученаго ожидаетъ возстановленія 66. — Вниманіе ученыхъ того времени было сосредоточено на открытыхъ Мессершмидтомъ рунообразныхъ камняхъ 68. — Сочиненіе о Сибири Страленберга, путешествовавшаго долгое время съ Мессершмидтомъ 68. — О рисункахъ Страленберга; его взгляды на таинственные знаки и символы, его параллели съ Египтомъ; сближенія съ начертаніями на бубнахъ; сопоставленіе культовъ лопарей и аборигеновъ Сибири 69. — Отношеніе къ петроглифамъ большихъ и богатообставленныхъ экспедицій императрицы Екатерины II 70. — Требованія, предъявлявшіяся тогда къ рисовальщикамъ, и пріемы сочетанія въ одинъ общій петроглифъ начертаній, разбросанныхъ отдѣльными группами по обширному утесу 72. — Уклончивое отношеніе къ петроглифамъ Миллера и скептическое — Палласа 77. — Заключеніе Миллера объ общемъ характерѣ петроглифовъ; его предположеніе единства религіи въ Сибири и отрицаніе этнографической сущности начертаній на бубнахъ 75. — Возрастающій интересъ къ выясненію енисейскихъ руническихъ надписей усиливаетъ вниманіе и къ петроглифамъ 77. — Дѣятельность Г. И. Спасскаго; описаніе петроглифовъ, сдѣланное имъ по рисункамъ Титова 78. — Новыя указанія на сомнительныя данныя Страленберга 81. — Заслуги Г. И. Спасскаго; возбужденіе вниманія къ памятникамъ древности на Енисеѣ 80. — Труды Кастрена; скудныя средства и единоличный составъ его экспедиціи, трудности путешествія, лишенія, болѣзнь, преждевременная смерть, оставленіе матеріаловъ въ незаконченной обработкѣ 81. — Кастренъ эмпирически вышелъ на вѣрный этнографическій способъ изслѣдованія и обобщеній по трактуемому вопросу. Соображенія и заключенія Кастрена 82. — Отношеніе къ вопросу о петроглифахъ на Енисеѣ Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Географическаго Общества 83. — О путешествіи акад. В. В. Радлова 84. — Статьи Н. И. Попова, посвященныя петроглифамъ Енисея и его древностямъ; описаніе петроглифовъ по рисункамъ Титова 85. — Отношеніе къ петроглифамъ и различнымъ памятникамъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ Минусинскаго музея и его заслуги въ этомъ направленіи его учредителя, покойнаго Н. М. Мартьянова; настоящее и будущее Минусинскаго Мартьяновскаго музея 85. — Перечень изданій о М. музеѣ 88. — Труды Д. А. Клеменца. «Древн. Минус. Музея», 1886 г. F. K. Martin, «L'age du bronze» 88. — О матеріалахъ по трактуемому вопросу, собранныхъ И. Т. Савенковымъ 89. — Вниманіе къ трактуемому г. предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, гр. П. С. Уваровой и содѣйствіе Общества 90. — Труды экспедиціи Финляндскаго Археологическаго Общества съ I. P. Аспелиномъ во главѣ 90. — Мнѣніе Д. А. Клеменца о петроглифахъ 91. — Рисунки петроглифовъ въ атласѣ Аспелина и въ его очеркѣ «Tipes de peuples de l'ancienne Asie centr.» 90. — Рисунки петроглифовъ у И. П. Кузнецова и В. М. Флоринскаго 91. — А. В. Адріановъ и производящіеся имъ механическіе снимки петроглифовъ 91. — Причины застоя въ движеніи вопроса о петроглифахъ 92. — Соображенія о дальнѣйшемъ движеніи вопроса о петроглифахъ 92. — Заключительныя замѣчанія и выводы.

II. Предварительныя свѣдѣнія о мѣстонахожденіи петроглифовъ.

94—105.

Границы распространенія петроглифовъ на Енисеѣ; ихъ совпаденіе съ границами распространенія мѣдно-бронзовой культуры 94. — Береговые утесы и скалы горъ надъ Енисеемъ и его притоками: Тубою, Сисимомъ, Маною, Абаканомъ, обоими Іюссами, Ербою, Тесью и другими небольшими рѣчками, впадающими въ Енисей 95. — Устья рѣкъ; пересѣченія ихъ дорогами и верховыми тропами; переправы, брода;

утесы, доступные только отъ воды; скалы надъ старицами, вдали отъ дорогъ 95. — Залавки (выступы скалъ, balcons), навѣсы (surplombs), убѣжища подъ скалами (abris-sous-roches), ниши, гроты, пещеры 97. — Близость займищъ (плодбищъ), дюнныхъ доисторическихъ поселеній, нерѣдко и кургановъ различныхъ типовъ, на высокихъ наносныхъ террасахъ и на террасахъ размытія 97 и 104. — Петроглифы на могильныхъ и на отдѣльно стоящихъ камняхъ 104. — Перечень осмотрѣнныхъ петроглифовъ; списокъ еще необслѣдованныхъ петроглифовъ 105. — Заключительныя соображенія.

III. Описаніе петроглифовъ на утесахъ и курганныхъ камняхъ.

106—239.

Подраздѣленіе петроглифовъ: рисунки, знаки, графическіе символы, мимико-графическіе знаки 106. — Дифференцированіе письма началось еще до мимической сигнализаціи 107. — О родовыхъ знакахъ и знакахъ собственности 108. — Трудность хронологическихъ сопоставленій 108. — Категоріи рисунковъ; группировка знаковъ 109. — Развитіе графической символизаціи 109. — Пофигурное описаніе петроглифовъ 110. — 1. Абаканскіе петроглифы 110. — 2. Аглахтинскій петроглифъ 119. — 3. Атамановскій петроглифъ 131. — 4. Биджайскій петроглифъ 132. — 5. Петроглифы у «Борка» 134-227. — 6. Бирюсинскій петроглифъ 135. — 7. Петроглифъ Каменки (Лугавскаго) 135. — 8. Копенскій петроглифъ 138. — 9. Петроглифы на утесахъ Кулакъ, близъ сел. Щель-Теси 160-225-227. — 10. Верхне-Колбинскій петроглифъ 161. — 11. Нижне-Колбинскій петроглифъ 163. — 12. Петроглифы близъ дер. Караульной 164. — 13. Майдашинскій петроглифъ 165. — 14. Петроглифъ Писанскаго плеса 173-227. — 15. Петроглифъ Гмелина, подъ Порогомъ 175. — 16. Потрошиловскій петроглифъ 178-226. — 17. Печищенскій петроглифъ 181. — 18. Сулекскій петроглифъ 182-228. — 19. Сисимскій петроглифъ 193. — 20. Тесинскій петроглифъ 194. — 21. Петроглифъ Тихаго плеса 202-228. — 22. Трифоновскій петроглифъ 203-227. — 23. Петроглифъ Унгутской пещеры 204. — 24. Уйбатскій петроглифъ (Кизиль-Кайя) 205. — 25. Аргинскій петроглифъ, Кара-Іюссъ 207. — 26. Акъ-Іюссъ, Батанаково 207. — 27. Бейскій надгробный камень (стелла) 210. — 28. Мессершмидтовскій курганный камень 212. — 29. Второй Уйбатскій камень 212. — 30. Курганный камень на Камыштѣ 212. — 31. Могильный камень Сагайской думы 213. — 32. Бирская стелла или Тазминскій камень 214. — 33. Петроглифъ Палласа 225. — Процентныя данныя о нѣкоторыхъ численныхъ соотношеніяхъ различныхъ петроглифическихъ начертаній (рисунковъ, знаковъ и символовъ), характеризующихъ бытъ, практику культа и нѣкоторыя религіозныя воззрѣнія аборигеновъ Енисея 228. — Предварительныя замѣчанія и выводы изъ сравнительнаго описанія петроглифовъ Енисея 230. **106—239.**

IV. Символы и орнаментъ мѣдно-бронзовой эпохи на оружіи, на принадлежностяхъ культа и домашняго обихода.

240—250.

1. Символы на оружіи и утвари 240. — Символизація жертвенными животными 243-244 (166, 261—264). — Предварительныя заключенія и хронологическія соображенія 245. — 2. О бронзовомъ гусѣ 247.

V. Къ вопросу о преемствѣ въ изобразительномъ искусствѣ на Енисеѣ отъ мѣстныхъ диллювіальныхъ культуръ.

250—284.

Вѣроятность преемства и въ культѣ 251. — О показателяхъ «религіи» или «практики культа» въ палеолитическія времена; забвеніе объ эволюціонномъ ростѣ этнографическихъ явленій и понятій 253, 259-261. — Сравнительное описаніе нѣкоторыхъ памятниковъ изобразительнаго искусства диллювіальныхъ культурныхъ эпохъ 253. — О линейныхъ знакахъ 41, 262, 270 и др. — Небо, солнце и земля, какъ двигатели астрономической оріентировки (254) и дифференціаціи культа, изобразительнаго искусства и письма. Жертвенныя животныя, какъ предстатели предъ міровыми божествами и предками и какъ пережитки языка предметами 270. — Эпохи Солютре и Мадленъ. Сходство нѣкоторыхъ петроглифическихъ начертаній на Енисеѣ съ фресками Альтамирской пещеры 270; 281. — Заключительныя соображенія.

VI. Графическій анализъ енисейскаго и тукюэскаго алфавитовъ, въ параллеляхъ съ древнѣйшими алфавитами.

(Таблицы: X, XI, XII, XIII и XIV.)

285—340.

Причины и цѣли изслѣдованія 286; связь петроглифическихъ начертаній съ алфавитными и необходимость извлеченія изъ графическихъ матеріаловъ этнографическихъ и особенно эволюціонныхъ данныхъ и обобщеній 286.

A. Енисейскій алфавитъ. — Большое число знаковъ, въ 4 поворотахъ; этнографическія подозрѣнія и разъясненія 287. — **1.** Оріентировка знаковъ 288 и 417 (6 и 7 строки лѣваго столбца X таблицы). Угловой символъ (gamma, V, vé, ижица, quinque-symboles) 289. **2.** (4 с. л. X т.). Прямой и лежачій крестъ T (te) и X (ikse), «те» и «ха»-символы и части ихъ 291 и добавл. 8-е. — **3.** (3 с. л. X т., 1-й и 2-й знаки). Свастика и совастика, начальная позиція (или фаза) 292. — **4.** (1 с. л. X т. 3—4 и 7—8 знаки) «A»-символъ, перекрещиваніе угловыхъ символовъ («Alef»-«alpha»-«азъ»-символы) 293. — **5.** (1 с. л. X т. 1—2 и 5—6). Крестъ въ углѣ — символъ и орнаментный мотивъ 295. — **6.** (5 с. л. X т.). Дублированіе углового символа (зачатки мультипликаціи) по вертикали 2 и по горизонтали 1 разъ 295. — **7.** W ou M-symboles и элементы «beta symbolon» при поворотѣ (9 и 11 с. первые знаки справа) 296. — **8.** (9 и 11 с. п. 5 и 6 знаки X т.). Двусторонніе символы: Z. zéde ou ze, et S, esse, ou sauvastika et svastika-symboles 296. — **9.** Лежачіе кресты, съ наложеніемъ линій благословенія на два угла или на 1 уголъ съ ограниченіемъ религіозной сигнализаціи («alfa-symbolon» или эмблема Гермеса, снятая съ кажущейся, въ поворотахъ) 296. — **10.** (8 с. п. X т.). Скобки, въ двухъ поворотахъ 296. — **11.** (5 с. п.). Кругъ, овалъ, ромбъ, квадраты — символы огражденія 297. — **12.** (6 и 7 с.). Символы покрова 297. — **13.** (9, 10 и 11 с. сл.). Символы округленнаго начертанія, заимствованные на пути къ Енисею. Солнечные знаки (полудисковъ); элементы рукописныхъ буквъ d, b, q, p и др. 297. — **14.** (с. п. X т.; 15. п. 7-й знакъ; 16 и 7 стр.). Вильчатый крестъ (Gabelkreuz). Генезисъ «vav», «üpsilon», «psi», «mii», «schin» 299. — **15.** (15 с. 1—6 зн.). Знаки рукоположенія и перстосложенія. Сходныя начертанія енисейскаго и тукюэскаго алфавитовъ съ мало-азіатскими (XIII табл.). Символизація кистями рукъ: 12 и 13 с. праваго и 21—25 строки лѣваго столбца 299. — **16.** О двойственномъ рукоположеніи, объ обращеніи къ небу и землѣ одновременно. О непригодности обще-теоретическихъ соображеній при заключеніяхъ о первобытныхъ обрядностяхъ. Теорія и практика культа очень далеки другъ отъ друга, особенно при разложеніи культуры 302. — **17.** Значеніе поворотовъ ладоней въ практикѣ культа 305. — **18.** (17—21 с. л. X т.): Знаки поднятія и опусканія одной руки и поперемѣнное опусканіе и подниманіе обѣихъ рукъ 307. — **19.** (15 с. п. 1, 5 и 2—4—6 знаки). Символы двойственности и троичности въ перстосложеніи 308. — **20.** (12 с. п. и 3 с. л., знаки 3—8, X табл.). О свастическихъ и совастическихъ молитвенныхъ движеніяхъ или, точнѣе говоря, о свастическомъ и совастическомъ танцѣ. (Генезисъ: z. s, n, и, c, г, з, ж, съ поворотами; большинства буквъ солнечнаго культа, многихъ орнаментныхъ мотивовъ, спиралей, меандровъ и мн. др. 310. — **21.** О троянскихъ напряслицахъ, какъ богатѣйшемъ матеріалѣ для реставраціи древней молитвенной обрядности 314. — **22.** (1 с. п. 1. X т.). Вертикальная линія, какъ знакъ человѣка (i-символъ) немолящагося и начальный счетный знакъ: 1 (единица, одинъ)-символъ. Древнѣйшія начертанія воздѣтыхъ и опущенныхъ рукъ (2 и 3 с. п. X т.), наложеніе благословенія вильчатымъ символомъ 319. — **23.** (2 с. л. X т.). «Beta symbolon», какъ графическая сумма прав. и лѣв. полудисковъ и поклоненія имъ 320 (419 и 438); его отсутствіе въ арамейскомъ алфавитѣ 321. — (Соп. съ «земля»-символомъ 422). — **24.** (8 с. л. X т.). «Delta-symbolon», отсутствіе его въ позднѣйшихъ арамейскихъ алфавитахъ 321. — (См. «добро», 420) 322. — **25.** H, I, Z и S-символы (12 с. л. и 11 с. п. 5 и 6. X т.) 322. — **26.** (13 с. п.). «Не», «epsilon», Э и E-символы 322. — **27.** (14 и 15 с. л. X т.). Дигамма-символы 323. — **28.** Символическія точки-замѣстители косого креста — и другіе подобные знаки 323. — **29.** (10 с. п. X т.). Знаки воды и струй свѣта 323. — **30.** (22 с. п. X т.). Символъ троичности 323. — Иниціалы къ нѣкот. надписямъ Енисея (на табл. X). Преобладаніе знаковъ поклоненія предкамъ 324.

B. Тукюэскій алфавитъ. (Табл. X. A. 1—12, 2—12, 3—12 и 4—3) 324. — Отсутствіе поворотныхъ знаковъ; небольшое число буквъ; указанія на большую и разностороннюю дифференціацію этого алфавита (текстъ стран. 34—35). Стилизированный знакъ перстосложенія къ эмовидному верхнему рукоположенію (XI. 4. 1) 325. — Знакъ изъ готскаго алфавита Ульфилы Варьянты углового символа (2. 9) 325. — Эмъ-символъ (2-12) 325. — Тукюэская буква, какъ орнаментъ украшенія конька во Фригіи (3. 9) 326. — Буква-знакъ поклоненія предкамъ 326.

C. Опытъ классификаціи и генезиса линейныхъ знаковъ и символовъ мимикографической формы свѣтового письма 326. — Объясненія къ правой сторонѣ таблицы XII 327.

D. Заключительныя замѣчанія и нѣкоторые предварительные выводы и соображенія. Буквы оказались знаками языка движеній, т.-е. знаками послѣдней свѣтовой мимико-графической системы письма 337. — Большая древность енисейскаго алфавита 335. — Антропологически обладатели алфавита были аризированы, примѣсь енисейской расы возможна 335. — Надписи принадлежатъ наѣзжавшимъ, а не постояннымъ обитателямъ края; пути наѣздовъ 335-336. — Этнографическіи и графическія наслоенія алфавита. О гипотезѣ де-Ружэ; о поворотахъ знаковъ 336. — О графическихъ предкахъ енисейскаго алфавита. Загадочность источниковъ свастико-совастическихъ знаковъ 337. — Указанія на эволюцію языка 337. — О заимствованіи знаковъ 337-338. — Основы дешифрированія знаковъ и символовъ языка движеній 29, 39, 65 и 339. — Односторонность взглядовъ лингвистовъ на звуковые и графическіе знаки и символы: пренебреженіе этнографическими связями 339 (450, 481-483). — Необходимость объединенія научной дѣятельности для дальнѣйшихъ изслѣдованій и обобщеній по графическому генезису алфавитовъ и по эволюціи языка 339-340 (483).

VII. Графическій анализъ родовыхъ знаковъ и знаковъ собственности.

341—386.

Бѣдность матеріаловъ; причины этого. Настоятельная необходимость ближайшаго изученія и описанія имѣющихся родовыхъ знаковъ различныхъ народностей, прямое и косвенное значеніе предлагаемаго графическаго обслѣдованія и сравнительнаго описанія родовыхъ знаковъ 341. — 1. Знамена сѣверныхъ сибирскихъ инородцевъ XVII вѣка; смѣшанный ихъ характеръ. Сочетаніе нѣкоторыхъ рисунковъ съ линейными знаками иногда напоминаетъ эпохи и Мадленъ (Magdalenien) и Дипилонъ (Dipylon) 342. — 2. Корельскія тамги или клейма 346. — 3. Тамги астраханскихъ калмыковъ 347. — 4. Клейма или тамги лопарей. Сохранность знаковъ древняго культа и основъ системы свѣтогого письма; необходимость монографическаго разносторонняго изслѣдованія этой этнографической разновидности у лопарей и сосѣднихъ съ ними народностей 348. — 5. Клейма мордвы 354. — 6. Тамги вотяковъ 355. — 7. Тамги чувашъ 356. — 8. Тамги черемисъ; религіозные символы и родовые знаки, какъ мотивы общаго и семейнаго или родового орнамента 357. — 9. Остяцкія тамги. Пережитки линейныхъ знаковъ при полномъ, повидимому, забвеніи ихъ внутренняго значенія. Свастическіе и совастическіе знаки говорятъ о южномъ мѣстообитаніи остяковъ, какъ и другихъ палеоазіатскихъ народовъ 357. — 10. Тамги якутовъ. Рисунки и линейные знаки, изъ послѣднихъ нѣкоторые интересны. Тамги-рисунки приводятъ къ вопросу, принесено ли якутами изобразительное и особенно пластическое искусство? Представляется возможнымъ и заимствованіе у полярныхъ звѣролововъ 358. — 11. Тамги самоѣдовъ 358. — 12. Тамги айновъ 359. — 13. Тамги горныхъ калмыковъ 359. — 14. Тамги нѣкоторыхъ киргизскихъ поколѣній и джучидскихъ монетъ 360. — 15. Тамги тюрко-алтайцевъ Минусинскаго округа 362. — 16. Тамги киргизовъ и кара-киргизовъ Сыръ-Дарьинской области 366. — 17. Тамги черкесскія 368. — 18. Кабардинскія тамги. Указаніе на одномъ знакѣ «заходящаго солнца и вечерней зари» свастическаго танца, вѣроятно общераспространенной на Кавказѣ «лезгинки»; подтвержденіе этого другими знаками Малой и Большой Кабарды 371. — 19. Тамги сѣвернаго Кавказа 376. — 20. Арабскія тамги; ихъ бѣдность и безсодержательность 378. — 21. Родовые знаки правителей греческихъ колоній 379. — Древнѣйшіе родовые знаки русскихъ великихъ князей 382. — 23. Родовые знаки негровъ Центральной Африки 386. — Заключительныя соображенія.

VIII. Разныя дополнительныя параллели, для провѣрки и выясненія генезиса петроглифическихъ и алфавитныхъ начертаній.

387—448.

1. Вазы. — Отраженіе на древнѣйшихъ вазахъ и различныхъ сосудахъ культа и зачатковъ письма, конкретографическаго, въ видѣ условныхъ рисунковъ, и сигнографическаго, въ видѣ линейныхъ знаковъ и символовъ 387. — Параллели для выясненія религіознаго значенія основныхъ угловыхъ и нѣкоторыхъ другихъ линейныхъ символовъ; указанія на сигнализированіе молитвъ жертвами и жертвоприниматели 388. — Совмѣстное нахожденіе конкретографовъ и сигнографовъ 390.

2. Матеріалы къ описанію Чертомлыцкой вазы 391. — Религіозныя вѣрованія и языкъ культа, отразившіеся на этомъ памятникѣ скиѳо-сарматскаго времени 391. — Свастико-совастическое поклоненіе и жертвоприношенія по культу солнца 391. — Религіозныя основы композиціи и стилизаціи; значеніе этнографическихъ матеріаловъ, методовъ изслѣдованія и обобщенія 393. — Оставленіе надфризья безъ научнаго обслѣдованія обусловило невыясненіе этнографической сущности не только фриза, но и всего орнамента вазы 393. — Особенности жертвеннаго культа, по надфризью 394. — Указанія вліянія формы вазы и ея орнамента на ея религіозную оріентировку, по странамъ свѣта; опредѣленіе времени дня 395 — Символическое значеніе двухъ бордюрныхъ полосокъ, — верхней (на шейкѣ) 395 и нижней (подъ среднимъ фризомъ) 396 (см. стран. 528). — Разъясненіе верхняго фриза 395-396. — Описаніе средняго фриза; подготовленія къ жертвоприношеніямъ, восточному и западному 396. — Символическое значеніе орнамента нижней части вазы 400. — Заключеніе 401.

3. Напрясла или напряслицы; причины ихъ значенія въ домашней практикѣ культа 401 (см. 451). — Эти молитвенные приборы представляютъ цѣнные матеріалы по сигнографической религіозной символикѣ, основанной на знакахъ языка движеній 402.

4. Цилиндры или древнія печати; значеніе ихъ, а также амулетовъ, геммъ и камей, для разъясненія линейныхъ начертаній религіозныхъ символовъ и знаковъ языка движеній и жертвеннаго культа 403.

5. Живая графическая старина Минусинскаго округа 407. — Примѣры конкретно и сигно-графическаго письма 407. — Линейные знаки и символы, какъ пережитки древняго письма культа (№№ 1—12) 408. — Инородческое серебряное обручальное кольцо съ пережитками древнихъ символовъ (13) 408. — Вотивный орнаментъ на ложѣ инородческой винтовки (14) 409. — Современные узоры

минусинскихъ инородцевъ, сохранившіе религіозные знаки и символы древняго языка культа; параллели съ узорами гольдовъ и съ однимъ мало-азіатскимъ алфавитнымъ знакомъ 410.

6. Къ орнаменту женскихъ поясныхъ фигуръ, на серебряномъ блюдѣ изъ Чертомлыцкаго кургана и конскаго золотого наголовника Цимбаловой могилы; знаки и символы молитвъ о плодородіи 413.

7. Графическій генезисъ буквенныхъ начертаній славянскаго и русскаго алфавитовъ 416. — Цѣли предварительнаго графическаго обозрѣнія: повѣрка предшествующихъ выводовъ, выясненіе разложенія начальнаго заимствованія, свидѣтельствующаго и о разложеніи культуры, выдѣленіе характера позднѣйшихъ наслоеній 416 и др., установленіе особенностей культа. Палеографическіе матеріалы и оріентировка буквенныхъ знаковъ 416-417. — Генетическія замѣчанія и соображенія по каждой буквѣ отдѣльно, съ параллелями и заключеніями §§ 1-40, 417-436. — Сравненіе древне-славянскаго алфавита (такъ называемой «кириллицы») съ древне-греческимъ, и съ византійскими начертаніями V—X вѣковъ. — Важнѣйшія начертательныя и культовыя особенности буквъ; характеръ и послѣдовательность заимствованій изобразительной и звуковой символизаціи; сомнительность непосредственныхъ заимствованій отъ эллиновъ 437. — Образованіе обоихъ славянскихъ алфавитовъ (съ большимъ числомъ силлабаріевъ и дифтонговъ) должно отнести къ до-христіанскому времени 440. — Два пути графическихъ заимствованій въ приднѣпровскомъ алфавитѣ 441. — Большой процентъ солнечныхъ знаковъ 441-442. — Зафиксированіе древне-славянскаго алфавита, безъ разработки, безъ очистки отъ продуктовъ разложенія.— Задержка графической эволюціи церковнаго алфавита на тысячу лѣтъ; двухвѣковая остановка графической реформы русскаго алфавита 443 и 445. — Уничтоженіе древнихъ буквенныхъ (культовыхъ) начертаній у славянъ придунайскихъ азбукою византійскою (литореею), спеціально для нихъ составленною 442.— Отраженіе на буквахъ — солнечныхъ знакахъ примитивныхъ астрономическихъ воззрѣній на движеніе и вращеніе солнца; религіозное значеніе полудисковъ солнца, ихъ соотношенія и графическое обозначеніе. Знакомство съ знаками зодіака 442. — Параллели съ алфавитами Енисея и Орхона и съ нѣкоторыми символами Джиганнатха и Бирской стеллы 443-444. — Полиморфизмъ (около 3-хъ графическихъ наслоеній), съ значительнымъ показателемъ разложенія 446. — Грубое и несовершенное орудіе общенія не могло сдѣлаться народнымъ достояніемъ 447. — Только немногосложность, простота и легкость самого алфавита могутъ ослабить и его задерживающее вліяніе на народное просвѣщеніе 447. — На пути къ обязательному обученію реформа русскаго алфавита — первый обязательный шагъ.

IX. Эволюціонное прошлое письма и языка. Заключительныя замѣчанія. 449—483.

Заимствованія по практикѣ культа, въ большинствѣ случаевъ, предшествуютъ графическимъ заимствованіямъ 448. — Установленіе, заимствованіе и миграція изобразительныхъ движеній шли впереди соотвѣтственныхъ фазъ изобразительныхъ начертаній 450. — Сходство и устойчивость типовъ конкретографовъ и сигнографовъ (со включеніемъ и шрифтографовъ) кроется въ ихъ этнографической сущности 450. — Пиктографы, сигнографы и система письма на Критѣ; возможность смѣшенія знаковъ обѣихъ системъ письма 451. — О линейныхъ знакахъ въ сферѣ Микенскаго вліянія въ до-финикійское время 451. — О времени, мѣстѣ и происхожденіи при-средиземноморскихъ линейныхъ знаковъ 453. — Нѣсколько словъ о теоріи Ружэ 458. — Отсутствіе хронологическихъ данныхъ о началѣ мѣдно-бронзовой эпохи на Енисеѣ; причины этого 459. — Застой въ изслѣдованіяхъ и отсутствіе охраны памятниковъ старины, какъ слѣдствіе бѣдности русскихъ ученыхъ учрежденій и обществъ. Широкія и систематическія изслѣдованія Сибири, вѣроятно, будутъ начаты иностранными учеными обществами 460. — Нѣкоторыя хронологическія соображенія 463. — Языкъ движеній, какъ самостоятельный эволюціонный этнографическій видъ, предшествовавшій звуковому языку 465. — Сосуществованіе двухъ разновидностей одного этнографическаго вида обусловлено различіемъ основъ и дѣятелей эволюціи 466. — Методы этнографіи должны быть примѣнены къ уясненію филогенетическаго начала языка, какъ явленія этнографическаго 467. — Языкъ движеній, какъ воспитатель и учитель звукового языка 467. — Алфавитныя начертанія — автогенетическіе документы 468. — Языкъ движеній жертвенныхъ животныхъ — графическій предшественникъ языка религіозныхъ движеній самого человѣка 468. — Корни развитія способностей къ фонетическому языку, его всемірность и универсальность, сходство алфавитныхъ начертаній, графическій символизмъ, основы стилизаціи и композиціи орнамента кроются въ языкѣ движеній, въ его знакахъ и символахъ 469. — Относительная древность знаковъ и символовъ языка движеній отмѣчается ихъ обращеніемъ къ всемірнымъ божествамъ 470. — Голосъ и рѣчь, рефлекторныя движенія (простыя и какъ вѣроятныя пережитки языка движеній) и языкъ движеній, и вопросъ объ относительной скорости ихъ реакцій на одновременно воспринимаемыя ощущенія и чувства 471. — Сопоставленіе конечнаго вывода съ психо-физіологическими и психологическими данными 475. — Косвенныя указанія на языкъ движеній въ существующихъ гипотезахъ о происхожденіи древнѣйшихъ корней словъ 476. — Будущее вопросовъ о языкѣ и письмѣ; залогъ успѣшнаго ихъ разрѣшенія въ единствѣ международной дѣятельности научныхъ силъ 481-483.

Объясненіе таблицъ и рисунковъ, приложенныхъ къ статьѣ и указанныхъ въ другихъ изданіяхъ.

485—540.

А. Объясненіе таблицъ. — Таблица I, 485-486; таблица II, 486-487; таблица III, 487; таблица IV, 488; таблица V, 488—489; таблица VI, 489; таблица VII, 489-490; таблица VIII, 490-495; таблица IX, 495-496; таблица X, 496; таблица XI, 496-497; таблица XII, 497-525; таблица XIII, 525 и таблица XIV, 525.

В. Добавленія. — 1. Къ критскимъ и эгейскимъ начертаніямъ А. Эванса (къ его табл. I, II и III) 525-526.— 2. О солнечныхъ знакахъ и символахъ 527-528.— 3. Мультиплицированный символъ Гермеса 528.— 4. Символъ «ф» въ древне-славянскомъ начертаніи 331.— 5. О цѣпномъ сочетаніи символовъ и о генезисѣ меандровъ 532. — 6. О вопросительномъ знакѣ 533. — 7. Къ свастическимъ пляскамъ 534. — 8. О генетическихъ соотношеніяхъ прямого и лежачаго крестовъ и о нѣкоторыхъ знакахъ свѣтового письма, означающихъ время и пространственныя соотношенія 535. — 9. Къ генезису буквы «ю» 536. — 10. Религіозное значеніе славянскихъ височныхъ колецъ (Slavische Schläferinge) 538.

Указатель.

541—553.

Важнѣйшія опечатки и добавленія.

Стран.	Стр.	Напечатано	Слѣдуетъ исправить
VII	15 св.	сузилась	сузились
„	15 св.	довѣріе	недовѣріе
„	17 св.	близорукость и	близорукость,-
IX.	12 св.	...щимъ.	исчерпывающею
XI	11 св.	предпологае-мый	предлагаемый
XII	21 св.	камняхъ	надписяхъ
„	12 сн.	къ трактуемому	къ петроглифамъ Енисея
9	2 сн	Indians	Indians и „Picture-Writing of Americ. Indians.“ 1888.
9	3 сн.	46-51	46-51 и слѣд.
25	9 св.	слуха	слуха и рѣчи
44	1 сн.	829	829-Т. Рибо, „Эвол. общ. идей“ 57, 59, 61, 69 и 78.
48	4 сн.	Редакц. акад. В. В. Радлова.	Отнес. къ 3-му примѣчанію
„	2 и 12 сн.	Гельмотъ	Гельмольтъ
56	9 сн.	таблицѣ.	таблицѣ (XII пр.),
„	8 сн.	молитвы	молитвъ и благословеній.
61	7 св.	Тасмина	Тазмина
69	10 сн.	вниманіемъ.	вниманіемъ“.
86	13 св.	Георграф.	Географ.
88	17 сн.	форматѣ	формѣ
103	5 сн.	Аглахты	Арбаты
107	21 св.	энтографія	этнографія
135	4 сн.	гр. Спасскаго,	Гр. Спасскаго.
138	12 св. / 18 сн.	джутскихъ	джучидскихъ
139	12 св.	джутской	джучидской
157	18 сн.	2 фиг.	5 фиг.
167	8 сн.	Гельмотъ	Гельмольтъ
176	17 сн.	сатурна	Сатурна
209	5 св.	подлить огня	подлить въ огонь
210 / 211	3 св. / 1 св	стелла	стела
219	1 сн.	Д. И. Анучинъ	Д. Н. Анучинъ
230	7 сн.	Матріархатъ,	матріархатъ
240	14 св.	par Fi.-	par F.
244	1 св.	о нихъ.	о нихъ
245	3 сн.	на.	на
260	17 сн.	вѣри	звѣри
278 / 281 / „	11 сн. / 16 сн. / 18 сн	Алтамирской	Альтамирской
„	10 сн.	ея	его
285	7 св. / 9 „ / 10 „	XI табл.	X табл.
289	7 сн.	l' ntiqu.	l'. antiqu.
321	1 сн.	Rongemont	Rougemont
324	17 сн.	окруженномъ	округленномъ
326	18 св.	трехлинейною	трехлинейно
329	2 сн.	Г. П. Потанинъ	Г. Н. Потанинъ
331	9 сн.	Schiemann	Schliemann
334	3 сн.	Сопост.	1) Сопост.
340	8 св.	начертаній	начертанія
362	9 сн.	Убизвонова	Убизванова
377	1 сн.	1) Сопоставь	1) Сопост.
378	8 св.	нуждается	нуждаются
379	11 сн.	(than)	thav)
380 / „	6 св / 9 сн	Θеѳорсъ	Θеѳорсъ
381	7 сн.	Базадео	Базодео
395	16 св.	зеркальннымъ	зеркальнымъ
396	7 св.	нобесныя	небесныя
„	8 „	красною	красною же
399	14 сн.	обращенныхъ,	обращенныхъ
400	19 сн.	предокъ:	предокъ,
„	19 „	орнаментиро-ванная:	орнаментированной:
408	21 сн.	означающему	означающей
414	8 сн.	прва	права
416	7 св	греческіе,	греческіе:
421	3 сн.	Э. Клодъ	Э. Клоддъ
423	14 сн.	cr	“сч“
429	3 сн.	вверху и	вверху или
430	20 св.	(bè)-	(bè-
431	14 сн.	и положеніе	и такое положеніе
434	1 св.	обойденъ: онъ	обойдено: оно
„	2 св.	связанъ	связано
„	10 св.	грамотности,	грамотности
„	7 св.	ореографіи,“	ореографіи“
„	8 св.	начальства,	начальства
436	19 сн.	стран.	стран. 270.
441	3 св.	были	были въ
446	14 св.	разложеніе	разложеніе древне-греческаго
447	1 св.	символа	символа.
„	12 сн.	также	такими же
„	4 сн.	основательной	основательнаго
„	15 сн.	устойчивостію.	устойчивостію
448	5 св.	орудіемъ	орудіемъ общенія и
„	5 св.	цѣлесообраз-нымъ,	цѣлесообразнымъ
„	6 „	пригоденъ,	пригоденъ
„	8 „	грамотности,	грамотности:
„	9 сн.	первый	первый и, по нашему мнѣнію, обязательный
453	23 сн.	Chipier	Chipiez
458	7 сн.	гдѣ	гдѣ нѣкоторые
„	7 „	не только	только
460	6 сн.	цѣли	и глубокія цѣли
463	7 св.	протяженіи	протяженіи.
466	1 сн.	724	724-Т. Рибо, “Эв. идей„, 80.
468	3 сн.	283	283-Т. Рибо, 63.
471	3 св.	разложились.	разложились (см. стр. 381),
475	8 сн.	могутъ	могутъ только
476	1 сн.	1877.	1877.-Сопост. Рибо, 57-78.
480	20 св.	щихъ	щимъ
„	2 сн.	Benedik,	Benedix.
„	„ „	172	172.- Бродовскій, Рук. къ выраз чтенію. С. Пб. 1904. стр. 122-123.
482	3 сн.	подлежащимъ	надлежащимъ
„	17 св.	относить: и	относить и
483	7 сн.	міра,—	міра —
493	15 сн.	этнографич. работѣ фототипіями	фототипіями этнографич. работѣ
494	8 сн.	рукъ	рукъ и пальцевъ
495	8 св.	синографъ	сигнографъ
506	8 сн.	головъ.	головъ, т. е. графич. генезисъ „Alef“ („A“ въ восточ. оріентировкѣ), см. Табл. XII. л. 8 2; ср. п. 6. 7 и 7. 7.
517	14 сн.	Ленерману	Ленорману
„	17 св.	Сузіана	Сузіана
538	16 св.	носившіеся	носились
„	„ „	(Ассирія), въ	(Ассирія), но въ
540	1 сн.	ухо	ухо.
547	3 сн.	Оріентировка 387	387, 55-56, 59, 62, 364, 365, 391, 392, 398, 402, 423, 424, 506, 523, 527 532, 435,-536, 537, 538.
549	15 сн.	261;	261, 381.
550	18 сн.	мультиплицир.	мультипликація символовъ 245, 258, 290 415, 527, 530, 532, и др.
541	19 св.	294	294, 417, 506.
551	между 19 и 18 сн. вставка.		Спираль, Т. IX. I. 2, стр. 157-159, 242, 245.
„	26 сн.	392.	392 Солнце, о раздѣленіи его диска на полудиски 115, 364, 391, 514.
552	23 сн.	символы	символы (Гермеса)
553	прав. столб. 1 сн. Вставка:		V. Ижица, славянск., русск. и латинск. буквы и римск. цифра 436 и 270.
„	18 св.	Юпитеръ	Юпитеръ-Аммонъ 158
„	9 сн.	пр. столб. 9	9, 494.
„	13 сн.	лѣв. столб. съ бубномъ	съ бубномъ 529.

Замѣченныя погрѣшности.

Стран.	*Стр.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ исправить.*
48	4 сн.	Редакц. акад. В. В. Радлова.	Отнес. къ 3-му примѣчанію.
103	5 »	Аглахты.	Арбаты,
138	18 сн. / 12 св.	джутскихъ	джучидскихъ
157	18 сн.	2 фиг.	5 фиг.
167	8 »	Гельмотъ.	Гельмольтъ.
210 / 214	3 св. / 1 »	стелла	стела
260	17 сн.	вѣри	звѣри
278 / 281 / —	11 » / 16 » / 18 »	Алтамирской	Альтамирской
281	10 »	ея	его
285 / — / — / —	10 св. / 7 » / 9 » / 10 »	XI табл.	X табл.
324	17 »	окруженномъ	округленномъ
334	3 сн.	Сопост.	[1]) Сопост.
340	8 св.	начертаній	начертанія
377	1 сн.	[1]) Сопоставь	[1]) Сопост.
380 / —	6 св. / 9 сн.	Ѳеѳорсъ	Ѳоѳорсъ
381	7 сн.	Базадео.	Базодео.
396	7 св.	нобесныя	небесные
—	8 »	красною	красною же
399	14 сн.	обращенныхъ,	обращенныхъ
400	19 сн.	предокъ;	предокъ,
—	19 »	орнаментированная:	орнаментированной:
416	7 св.	греческіе,	греческіе, —
428	14 сн.	«сг»	«сч»
434	1 св.	обойденъ: онъ	обойдено: оно
—	2 »	связанъ	связано
—	10 »	грамотности,	грамотности
447	4 сн.	основательной	основательнаго
—	15 »	устойчивостію,	устойчивостію
448	5 св.	цѣлесообразнымъ,	цѣлесообразнымъ
—	6 »	пригоденъ,	пригоденъ
—	8 »	грамотности,	грамотности:
458	7 сн.	гдѣ	гдѣ нѣкоторые
—	7 »	не только	только
475	8 »	могутъ	могутъ только
480	20 св.	щихъ	щимъ
482	3 сн.	подлежащимъ	надлежащимъ
482	17 св.	относить: и	относить и
517	17 »	Суэіана	Сузіана
538	7 »	(Slavische Schlaferinde).	(Slavische Schlaferinge)
540	1 сн.	ꙋхо	ухо,
551	19 »	Спенсеръ, Герб. и т. д.	Спенсеръ, Герб. и т. д. Спираль, Т. IX. 1. 2; стр. 157—159, 242, 245.

Введеніе.

Составъ матеріаловъ. — Указанія предварительной обработки. — Связь петроглифовъ съ алфавитными начертаніями и родовыми знаками. — Графическій анализъ начертаній енисейскаго алфавита; буквенныя начертанія оказались знаками языка движеній. — Большинство родовыхъ знаковъ и знаковъ собственности оказались также записью религіозныхъ движеній. — Взаимоотношеніе этнографіи и лингвистики въ вопросѣ о генезисѣ алфавитовъ. — Вторичное разсмотрѣніе и сравнительное изученіе всѣхъ петрогпифовъ. — Высота древняго культа и его разложеніе. — Причины паденія культуры. — Символъ, растяжимость и неопредѣленность этого понятія; положеніе символовъ въ наукѣ. — «Символъ» въ смыслѣ, принятомъ въ предлагаемой работѣ. — Объ эволюціонныхъ градаціяхъ мышленія. — О внѣшнемъ выраженіи душевныхъ состояній. — Языкъ движеній (языкъ мимическій или языкъ пантомимы). — Языкъ глухонѣмыхъ. — О предѣлахъ эволюціи видимыхъ знаковъ. — Сходство основныхъ знаковъ мимическаго письма у всѣхъ народовъ всѣхъ временъ. — Предѣлъ эволюціоннаго процесса мимическаго письма. — О границахъ скептическаго отношенія къ символамъ. — Изображеніе различныхъ проявленій культа знаками и символами. — Классификація петроглифовъ должна имѣть въ виду и дѣятелей и объекты эволюціи. — Свѣтъ и звукъ, какъ дѣятели въ эволюціи письма; зрительная и слуховая системы письма. — Особенности вліянія культа и его служителей на прогрессъ въ письмѣ; причины задержекъ въ развитіи письма. — Этническій составъ народностей древнѣйшихъ культуръ и ихъ этнографическія черты. — Вѣроятность заимствованія основъ китайскаго письма отъ египтянъ. — Народное письмо корейцевъ. — Объ эволюціонномъ взаимоотношеніи письма и языка. — Опытъ эволюціонной классификаціи письма. *Два періода: оптическій и фонетическій.* — Дѣленіе оптическаго періода на *двѣ стадіи: конкретно-графическую и мимико-графическую.* — Формы конкретно-графической стадіи: пикто-графическая и сигно-графическая. — Мимико-графическая стадія имѣетъ три формы: пикто-графическую, сигно-графическую и символо-графическую. — *Двѣ эволюціонныя стадіи фонетическаго періода: силлабическая и алфавитная;* формы письма: пикто-графическая, сигно-графическая и мимико-графическая. — Причины продолжительнаго слогового состоянія письма. — Трудности выясненія графическаго генезиса алфавитовъ и родовыхъ знаковъ; необходимость всего палеографическаго матеріала древнѣйшихъ алфавитовъ и возможно-большаго количества родовыхъ знаковъ и знаковъ собственности. — Алфавитъ вѣроятно изобрѣтенъ не осѣдлыми народами, не представителями древнѣйшихъ культуръ. — Связь барабаннаго языка съ звуковымъ анализомъ человѣческой рѣчи; эта форма звукового письма еще не выяснена. — Письмо звуками барабана и большая древность желѣза въ Африкѣ. — Енисейскій алфавитъ, его полиморфизмъ и другіе архаическіе признаки; графическія наслоенія. — О путяхъ заимствованія енисейскаго алфавита. — Удержаніе въ культѣ языка мимическаго, съ этнографической точки зрѣнія. — Нѣкоторые религіозные символы, какъ графическіе элементы буквенныхъ начертаній, могли появиться въ орнаментѣ не только въ неолитическое, но даже и въ постъ-пліоценовое время. — Нѣсколько примѣровъ, указывающихъ возможность появленія религіозныхъ символовъ въ до-неолитическое время. — Арійцы, повидимому, обладали, еще въ неолитическое время, всѣмъ составомъ религіозныхъ мимическихъ знаковъ, вошедшихъ впослѣдствіи въ алфавитъ. — Причины различія взглядовъ на арійскій вопросъ. — Свойство матеріаловъ, явленій и фактовъ и различіе методовъ изслѣдованія и обобщенія. — О картахъ торговыхъ путей и сферъ культурнаго вліянія. — О накопленіи археологическихъ матеріаловъ и о возрастающей трудности ихъ детальной разработки и согласованія обобщеній со всѣми факторами культуры. — Примѣры работъ Муха и Коссини, указавшихъ пра-родину индо-европейцевъ въ Германіи. — О начальныхъ причинахъ арійскаго передвиженія. — О поднятіи центральной части Азіи, какъ причинѣ неблагопріятнаго измѣненія физико-географическихъ и климатическихъ условій. — Хронологическія соображенія съ точки зрѣнія различныхъ наукъ. — Пра-арійскій языкъ и начало арійскихъ переселеній въ Европу. — О литовскомъ языкѣ. — О пикійскомъ языкѣ. — Древнее кипрское слоговое письмо и кипрскія начертанія финикійскаго алфавита. — Предварительныя общія соображенія, вопросы, подлежащіе спеціальнымъ мѣстнымъ изслѣдованіямъ и нѣкоторые заключительные выводы.

При обработкѣ имѣвшагося у насъ матеріала по одному изъ видовъ древняго изобразительнаго искусства, именно по фигурнымъ начертаніямъ на береговыхъ утесахъ Енисея и его притоковъ, или, держась научной терминологіи, по петроглифамъ[1]), нѣкоторыя данныя, совершенно неожиданно и вопреки нашимъ предположеніямъ, потребовали болѣе широкихъ археолого-этнографическихъ сравненій въ тѣхъ отдаленныхъ странахъ, откуда могли исходить графическія заимствованія. Такимъ образомъ, предлагаемый очеркъ не только расширился, не только вышелъ изъ намѣченныхъ рамокъ, но и значительно осложнился. Графическія параллели возбуждали новые неотложные и глубокіе вопросы, выходившіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ за предѣлы нашей компетенціи и требовавшіе большихъ усилій и вниманія. Кромѣ того, работу замедляли нежелательные перерывы въ занятіяхъ, отъ насъ совершенно независѣвшіе, и особенно огорчавшая насъ невозможность, вдали отъ центровъ, своевременно пользоваться всѣми необходимыми научными источниками.

Пиктографическія начертанія, съ различными манерами зарисовыванія и иногда съ достаточнымъ совершенствомъ рисунковъ, — *синографическіе,* къ которымъ надлежитъ отнести упрощенныя изображенія предметовъ или начертаніе ихъ знаками, — *мимико-графическія,* записывающія языкъ жестовъ и, наконецъ, *символическія* начертанія, къ каковымъ мы относимъ изображеніе рисунками или чаще знаками наиболѣе важныхъ или характерныхъ частей предметомъ, — всѣ эти виды петроглифическихъ начертаній, принадлежащіе иногда различнымъ культурнымъ эпохамъ и различнымъ народностямъ, встрѣчаются нерѣдко перемѣшанными между собою на одномъ и томъ же утесѣ. Необходимость въ широкихъ и разностороннихъ параллеляхъ возникла сама собою. Ближайшія мѣстныя сравненія съ орнаментными мотивами древнѣйшихъ образцовъ мѣдно-литейнаго искусства привели къ нѣкоторымъ указаніямъ на религіозныя основы ихъ стилизаціи. Петроглифы Орхона подтвердили наши предположенія. Для дальнѣйшей провѣрки естественно было обратиться къ древнимъ культурамъ Малой Азіи, какъ къ мѣсту заимствованія енисейскаго и тукюэскаго алфавитовъ[2]).

Перекрещивающіяся показанія и особенно стремленіе выяснить первоисточники заимствованій и установить, на сколько возможно, пути ихъ передвиженія на Енисей, направили насъ въ Ассирію, Вавилонію, Индію, Египетъ, Финикію, Трою, Кипръ, на побережья Средиземнаго и Чернаго морей. Оказались необходимыми параллели въ Западной Европѣ, на сѣверѣ Европы и Азіи, а также и на востокѣ, въ Китаѣ и въ Средней Азіи.

Результаты превзошли наши ожиданія: вопросы, насъ заинтересовавшіе, правда, оказались несравненно болѣе трудными и болѣе сложными, чѣмъ они казались въ началѣ работы, но они, до нѣкоторой степени, выяснялись и наши предварительныя заключенія по изобразительному искусству на Енисеѣ пріобрѣтали все большую и большую опредѣленность.

---

[1]) Мѣстныя названія этого вида изобразительнаго искусства: «писаные камни или утесы, писанцы или писаницы».

[2]) Inscriptions de l'Jenissei. Par. Soc. Finland. d'Archéologie. H. 1889, p. 5. — Inscript. de l'Orkhon. Par Soc. Finno-Ougrienne. H. 1892, p. XLIII.

Настоятельная необходимость въ увеличеніи матеріаловъ о родовыхъ знакахъ и знакахъ собственности средне-азіатскихъ народностей, народностей крайняго сѣвера Азіи и Европы, народностей Пріуралья и южной полосы Сибири для разнородныхъ этнографическихъ параллелей, связанныхъ съ вопросомъ о петроглифахъ, была давно отмѣчена нами[1]). Въ послѣдніе годы произошло нѣкоторое увеличеніе матеріаловъ въ этомъ направленіи, но еще далекое отъ желаемой полноты.

Рисунковъ тавръ передней Азіи, сѣверной Африки и южной Европы, болѣе или менѣе древнихъ, мы пока не нашли; большихъ сводныхъ работъ, посвященныхъ таврамъ или тамгамъ, сколько намъ извѣстно, не появлялось[2]).

Число работъ русскихъ ученыхъ, посвященныхъ таврамъ или родовымъ знакамъ, не особенно велико[3]), большинство изъ нихъ касаются сѣверныхъ народностей Европы и Азіи. Число выдѣленныхъ недублетныхъ основныхъ знаковъ, за вычетомъ знаковъ съ добавочными черточками или точками (пятнами), появляющимися при раздѣлахъ наслѣдства, очень не велико и для полной устойчивости сравнительныхъ выводовъ не вполнѣ достаточно. Особенно бѣдно представлены родовые знаки средне-азіатскихъ народностей, хотя и теперь, при малочисленности основныхъ знаковъ, небольшая сравнительно коллекція тамгъ Большой, Средней и Малой орды имѣетъ немаловажное значеніе. Въ описаніяхъ къ знакамъ собственности и къ родовымъ знакамъ, во многихъ случаяхъ, нѣтъ существенныхъ подробностей о способѣ наложенія тамги на лошадей и на личный уборъ родоначальника и его жены. Напримѣръ, родовой знакъ очень часто налагается на лошадей перевернутымъ: тавро, вслѣдствіе этого, отнюдь не всегда возможно отождествлять съ родовымъ знакомъ. Еще бѣднѣе представлены родовые знаки народностей Кавказа, народностей юго-западной и сѣверо-восточной Азіи. Конечно, и здѣсь никоимъ образомъ нельзя думать, что собраны *всѣ* пережитки глубокой старины и что болѣе уже ничего не сохранилось.

Современные знаки собственности и родовые знаки тюрко-алтайскихъ народностей Сибири, включая, конечно, и обитающихъ въ долинѣ Енисея, а также нѣкоторыхъ народностей сѣверо-восточной и сѣверной Африки, сѣверо-восточной Европы, южной, передней и средней Азіи, при отсутствіи готовыхъ литературныхъ данныхъ, пришлось искать для того, чтобы сопоставить ихъ между собою и, послѣ того, сравнить ихъ

---

[1]) Извѣст. В. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., 1886 г., т. XVII, №№ 3—4. Къ развѣд. матер. по археол. средн. теч. Енисея, И. Т. Савенковъ, стран. 100.

[2]) R. Andree. Ethnogr. Parallelen und Vergleiche.

Глава о таврахъ, несмотря на ея содержательность, нуждается во многихъ дополненіяхъ.

[3]) Харузинъ. Знамена мордвы XVI и XVII вѣка. Юбилейный сборникъ В. Ѳ. Миллера.—Его же. Русскіе лопари.—Н. Н. Оглоблинъ. Знамена сибирск. инородц. XVII вѣка. Зап. Уральское Общ. Любит. Естествозн. 1891—92, т. III, livr. 1—2.—Его же, Остяцкія знамена XVII вѣка. «Истор. Вѣстн.» 1889 г. 10—12.—Кельсіевъ, А. И. Клейма лопарей. Таблица въ Румянцовскомъ музеѣ.—Ефименко, П. С. Юридич. знаки. Журн. М. Н. П. 1874 г. №№ 10, 11 и 12.—Гродековъ, Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыръ-Дарьинской области. I т. Ташкентъ. 1889 г.—Катановъ, Н. Ф. проф. О тамгахъ Минусинскихъ инородцевъ. Учен. Зап. Казанск. Ун. Годъ LXIV, 3 кн. Мартъ. — Сѣрошевскій. Якутскія тамги. Стр. 470.—Потанинъ, Г. Н. Очерки Сѣверо-Западной Монголіи.—R. Andree. Ethnogr. Parallel. und Vergleiche. II. L. 1889.—M. Buchner. Ausland. 1884. 12.—M. Buch. die Wotiäken. Hels. 1882. 105 u. T. 3. — W. Radloff. Aus Sibirien. I. 279.— Ратцель. Народовѣдѣніе. — Работу Д. Н. Соколова, о башкирскихъ знаменахъ, еще не могли достать. Труды Археол. Комис., изд. въ Оренбургѣ, 1904 г.—П. П. Сабанѣевъ. Охотн. календ. М. 1892. Кабард. тамги. Стр. 272.

съ соотвѣтственными знаками и символами древнихъ культуръ и уже, въ заключеніе, параллелизировать ихъ съ петроглифами Енисея.

Родовые знаки и знаки собственности, при ближайшемъ ихъ изученіи и по сравненіи ихъ между собою, по окончаніи всѣхъ вышеозначенныхъ работъ, оказались поучительнѣйшими хранилищами знаковъ, вытекающихъ изъ практики религіи и отмѣчающихъ многія обрядности культа, — они состоятъ изъ гербовъ боговъ и богинь, древнѣйшихъ молитвенныхъ знаковъ, религіозныхъ символовъ, имѣющихъ не только археологическое, но и глубокое этнографическое значеніе.

Сходство нѣкоторыхъ мѣстныхъ петроглифическихъ начертаній и особенно сходство нѣкоторыхъ современныхъ мѣстныхъ тамгъ (знаковъ собственности) съ алфавитными знаками надписей Енисея склонило насъ поближе всмотрѣться во всѣ типы начертаній енисейскаго алфавита. Но мы никоимъ образомъ не предполагали, что именно начертанія енисейскаго алфавита укажутъ путь и дадутъ ключъ къ выясненію генезиса петроглифическихъ начертаній не на одномъ только Енисеѣ. Само собою разумѣется, что о детальномъ дешифрированіи всѣхъ петроглифическихъ начертаній не можетъ быть и рѣчи. Какъ извѣстно, надписи Енисея открыты въ 1722 г. Мессершмидтомъ, онѣ только теперь вполнѣ дешифрированы, хотя ключъ къ ихъ чтенію и давно открытъ[1]). Надписи Орхона и тукюэскій алфавитъ, по генезису, очевидно, тѣсно связанные съ енисейскимъ алфавитомъ, также привлекли къ себѣ наше вниманіе. Нѣкоторые выводы и соображенія, къ которымъ приводили этнографическія параллели самихъ петроглифовъ, по новизнѣ своей, и намъ самимъ казались слишкомъ смѣлыми, широкими и въ то же время малообоснованными, нуждающимися въ тщательной и разносторонней провѣркѣ. Съ этою цѣлью мы рѣшились подвергнуть графическому анализу мѣстные алфавиты, изъ которыхъ древнѣйшимъ, остановившимся въ своемъ развитіи и сохранившимъ важные въ научномъ отношеніи эволюціонные признаки, мы считаемъ енисейскій. Этнографическія параллели въ предѣлахъ трактуемой разновидности изобразительнаго искусства, направленныя на выясненіе графическаго генезиса алфавитовъ, были бы недостаточны, если бы мы уклонились отъ сравненій и съ упомянутыми древнѣйшими алфавитными начертаніями, такъ какъ заимствованіе произошло въ то отдаленное время, когда греки еще писали справа налѣво, но уже встрѣчалось и зигзагообразное (бустрофедонное) расположеніе письменныхъ начертаній[2]). Поэтому нельзя было игнорировать ликійскій и карійскій, а также и прочіе древніе мало-азіатскіе и греческіе алфавиты, конечно, не оставивъ безъ вниманія финикійскій, древне-еврейскій, южно-семитическіе и особенно арамейскіе алфавиты и кипрскія надписи[3]).

---

[1]) Въ 1893 г. проф. W. Thomsen (въ Копенгагенѣ) открылъ ключъ къ чтенію надписей Енисея. — Меніоранскій. Объ орхонск. и енисейск. надгробн. памятникахъ съ надписями. Ж. М. Н. П. 1898, № 6. — Wilh. Thomsen. Inschriften de l'Orkhon, deschifres par W. Thomsen. Hels. 1896 г.

[2]) O. Donner. Les inscript. en caractères de l'Ienissei.—Inscript. de l'Orkhon. Par Société Finno-Ougrienne. Hels. 1892. XL — XLV — Forrers Real. Lex. 711. — Всеобщ. ист. письм. Шницеръ, С.-Пб. 168.

[3]) Заимствованіе можно считать вышедшимъ изъ Малой Азіи около VII вѣка, до Р. Х.; не позднѣе половины этого вѣка. Иллюстриров. исторія письменъ Я. Б. Шницеръ. С.-Пб. 1903, стран. 168. По Ленорману, Тайлору и друг.

Къ прискорбію, мы должны отмѣтить существенную, не зависѣвшую отъ насъ неполноту параллелей: несмотря на всѣ наши усилія, мы не могли достать большинства древнѣйшихъ палеографическихъ дублетныхъ начертаній буквъ всѣхъ названныхъ алфавитовъ. А между тѣмъ стадія алфавитнаго полиморфизма, время многочисленности начертаній для каждой буквы, такого рода эволюціонная фаза, которая для этнографіи, по многимъ соображеніямъ, имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ послѣдующій періодъ единообразія и устойчивости алфавитныхъ начертаній. Въ большинствѣ исторій письменъ алфавиты сообщаются только въ этой конечной стадіи развитія, первые же опыты человѣчества при установленіи буквеннаго состава остаются малоизвѣстными, что, съ этнографической точки зрѣнія, не отвѣчаетъ современнымъ научнымъ требованіямъ.

Предпринимая чисто этнографическую работу и надѣясь, кромѣ провѣрки ранѣе полученныхъ данныхъ, найти опору или руководящія указанія для дальнѣйшихъ изслѣдованій, — мы были далеки отъ всякихъ лингвистическихъ претензій, въ увѣренности, что къ одной графической сторонѣ разсматриваемаго этнографическаго явленія возможно примѣнить и этнографическіе методы наблюденія и обобщенія.

Таблица типовъ всѣхъ начертаній и всѣхъ инициаловъ въ письменахъ Енисея, приложенная къ трудамъ Финляндскаго Археологическаго Общества (см. приложенную къ этой статьѣ табл. X), сразу показала намъ, насколько основательны были наши подозрѣнія. Всѣхъ начертаній въ письменахъ Енисея около 159. Въ отчетѣ Орхонской Экспедиціи число *всѣхъ* начертаній около 140 (Inscript. de l'Orkhon, табл. на стр. XL); беря *различныя* начертанія, — буквенныхъ знаковъ подсчитывается 45. Какъ извѣстно, древнѣйшіе алфавиты, установившись, ограничивались 22 буквами. Одинъ этотъ, далеко не случайный фактъ указывалъ уже на архаичность алфавита и на его переходное состояніе. Высшая эволюціонная ступень письменности — *звуковая*, означавшая звуки человѣческой рѣчи, въ енисейскихъ надписяхъ видимо еще не накрыла, не вытѣснила окончательно *свѣтовой* системы письменности, передававшей мысли только зрѣнію. И здѣсь уже было нѣкоторое основаніе предполагать, что и прочіе древнѣйшіе алфавиты прошли чрезъ такое же эволюціонное переходное состояніе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя палеографическія изслѣдованія греческихъ и латинскихъ надписей констатируютъ для этнографовъ чрезвычайно важный фактъ: обиліе дублетныхъ начертаній для одной и той же буквы[1]), то же отмѣчено О. Доннеръ (O. Donner) и въ енисейскомъ алфавитѣ. И на берегахъ Средиземнаго моря и Енисея замѣчается нѣкоторая законность въ замѣнѣ начертаній одной и той же буквы, что можетъ принести свою долю пользы и лингвистамъ, облегчивъ имъ, до нѣкоторой степени, распредѣленіе дублетныхъ знаковъ по группамъ, при чемъ должно принять во вниманіе и 39 буквенныхъ знаковъ тукюэскаго алфавита[2]). Но, кромѣ дублетныхъ буквенныхъ знаковъ, возможно было

---

[1]). Приложенныя таблицы X, XII и XIII взяты изъ трудовъ финляндскихъ ученыхъ, Inscript. de l'Jenissei, H. 1889 и Inscript. de l'Orkhon Helsing. 1892.—Къ XII табл. мы добавили столбецъ сходныхъ начертаній на Кипрѣ.

[2]) На основаніи общаго закона графической эволюціи енисейскій алфавитъ представляется намъ древнѣе тукюэскаго; онъ остановился, застылъ въ своемъ развитіи и пассивно воспринималъ новые знаки,

предполагать, что въ нѣкоторыхъ надписяхъ къ фонетическому способу письма примѣшивается и идеографическій въ видѣ вводныхъ знаковъ, молитвеннаго характера. Въ томъ и другомъ случаѣ, наличность графическихъ пережитковъ свѣтовой стадіи письменности представлялась весьма вѣроятною. При ближайшемъ сравнительномъ изученіи большинство начертаній енисейскаго и тукюэскаго алфавита оказалось знаками и символами различныхъ молитвенныхъ тѣлодвиженій, жестовъ и перстосложенія, нѣкоторые изъ нихъ могутъ имѣть и общее религіозное значеніе. Генезисъ буквенныхъ знаковъ семитическихъ, греческихъ, латинскихъ и всѣхъ послѣдующихъ алфавитовъ оказался таковымъ же: *для звуковой системы письма взяты священные знаки изъ предшествующей свѣтовой стадіи письменности, приспособленной къ языку тѣлодвиженій.*

Енисейскіе петроглифы и енисейскій алфавитъ весьма поучительны *различными ступенями* графическаго символизма, какъ въ сторону эволюціи, такъ и въ сторону разложенія, отражающими всѣ особенности молитвенныхъ обрядностей и выражаемыхъ ими эволюціонныхъ измѣненій въ культѣ. На древнѣйшихъ памятникахъ мѣдной стадіи культуры замѣчаются наиболѣе отвлеченные символы, наиболѣе приближающіеся къ соотвѣтственнымъ по времени финикійскимъ и греческимъ мало-азіатскимъ символамъ. Происхожденіе послѣднихъ отъ древнѣйшихъ ассирійскихъ, вавилонскихъ, египетскихъ и индійскихъ символическихъ начертаній доказывается многочисленными памятниками изобразительнаго искусства и письменности. Прямолинейность, округленность и своеобразный характеръ буквенныхъ начертаній могутъ дать нѣкоторыя хронологическія и этническія указанія, напримѣръ, въ группѣ округленныхъ знаковъ перстосложенія енисейскаго алфавита возможно заподозривать уже отраженія браманизма, буддизма и ламаизма. Въ группѣ инициаловъ въ надписяхъ Енисея (табл. X) можно замѣтить нѣсколько начертаній тождественныхъ орхонскимъ.

Обратившись снова къ разсмотрѣнію петроглифовъ Енисея, благодаря произведенному анализу алфавитныхъ начертаній, мы замѣтили многое, ускользавшее ранѣе отъ нашего вниманія. Нѣсколько начертаній, указывающихъ переходы рисунковъ въ знаки и знаковъ въ символы, нѣсколько курганныхъ камней съ грубыми изваяніями головъ погребенныхъ и съ символическими знаками на нихъ, нѣсколько знаковъ и символовъ среди нѣкоторыхъ петроглифовъ, разбросанныхъ въ различныхъ мѣстахъ Минусинскаго округа, отразили въ себѣ нѣкоторыя особенности культа, требующія дальнѣйшей разработки. Особенно выдался по своему научному значенію Бирскій символическій петроглифъ (стелла на курганномъ камнѣ): онъ не только констатируетъ сходство молитвенныхъ обрядностей аборигеновъ Енисея мѣднаго и бронзоваго вѣка съ таковыми же у древнѣйшихъ культурныхъ народовъ передней Азіи и Египта, но и отмѣчаетъ высоту культа. Этотъ петроглифъ, выражая религіозныя воззрѣнія на загробную жизнь, въ то же время, при сопоставленіи съ позднѣйшими петроглифами, образно отмѣчаетъ и нѣкоторыя интересныя особенности культа и его регрессъ, начавшійся повидимому въ концѣ бронзовой эпохи и усилившійся въ началѣ желѣзной.

не оставляя древнихъ, отражая культуры и народности, появлявшіяся на Енисеѣ и храня эти графическія наслоенія. Что можетъ печалить и затруднять лингвистовъ, то именно радуетъ и облегчаетъ этнографовъ, давая имъ такую цѣнную коллекцію автограммъ.

Параллели съ современными графическими выраженіями религіозныхъ представленій тюркскихъ и урало-алтайскихъ народностей сами собою обрисовываютъ дальнѣйшее разложеніе культа.

Конечно, научное выясненіе причинъ пріостановки эволюціи культа, его быстраго разложенія и паденія надлежитъ предоставить будущему, но несомнѣнно эти причины неразрывно связаны съ условіями существованія человѣка: разъ онѣ медленно и неизмѣнно ухудшаются, то наступающее обнищаніе приведетъ и къ общему одичанію и къ упадку культуры, что вызоветъ и разложеніе культа и его угасаніе. Это такъ наглядно выражается у всѣхъ народностей, отодвигаемыхъ на сѣверъ Европы и Азіи, къ окраинамъ эйкумены, и гдѣ эти древнія народности обречены на болѣе или менѣе медленное вымираніе. При ухудшеніи условій существованія, при потерѣ связей съ источниками культуры, какъ извѣстно, народности и безъ передвиженія могутъ впасть въ прогрессивное обѣдненіе и одичаніе, параллельно идетъ и угасаніе культа. Археологія, констатируя факты разложенія культа и его угасаніе или упадокъ культуры, нерѣдко объясняетъ это только ближайшими причинами: обѣдненіемъ и послѣдующимъ одичаніемъ народности. Но причины могутъ скрываться и не въ самомъ человѣкѣ, а въ широкихъ и глубокихъ измѣненіяхъ природныхъ условій. Напримѣръ, измѣненія эти могутъ зависѣть и отъ весьма вѣроятнаго уменьшенія поверхности и количества водъ или уменьшенія влажности воздуха, начавшагося въ данной мѣстности, по нѣкоторымъ геологическимъ указаніямъ, очень давно, беря, конечно, обыкновенный хронологическій масштабъ. Климатъ можетъ сдѣлаться нѣсколько суровѣе, даже при небольшомъ, сравнительно, пониженіи средней годовой температуры и отъ очевиднаго высыханія источниковъ, рѣкъ и озеръ, и отъ прогрессивнаго уменьшенія количества воды въ степныхъ рѣчкахъ и озерахъ, — послѣднія задолго до своего окончательнаго высыханія становятся уже непригодными для обитанія, вслѣдствіе чрезмѣрной солоноватости воды.

Символы въ петроглифахъ Енисея указывались давно[1]). Говоря вообще, многіе предметные символы (символы-рисунки), какъ болѣе понятные, не оспариваются учеными даже съ самымъ строгимъ критическимъ отношеніемъ къ каждому этнографическому явленію. Но прямолинейно начертанные *знаки* религіозныхъ движеній и схемы или сокращенія этихъ знаковъ, т.-е. графическіе символы, болѣе или менѣе отвлеченные, и въ то же время и очень древніе, до сихъ поръ остаются пока непонятными и непризнанными. Только свастика и совастика, сложный молитвенный символъ, остававшійся до сихъ поръ также необъясненнымъ[2]), представляетъ единственное и нѣсколько странное исключеніе, объясняющееся отчасти его искусственною связью съ вопросомъ объ азіатскомъ происхожденіи мѣдной культуры.

---

[1]) См. 1-ю главу. — За послѣднее время Н. И. Поповъ, въ статьяхъ о писаницахъ Минус. округа. — И. Т. Савенковъ. Къ развѣдочн. матеріаламъ по археологіи средн. теченія Енисея. 1885. Изв. Вост. С.-Пб. Отдѣла. стр. 72, 100. О прежнихъ авторахъ см. въ 1-й главѣ.

[2]) Л. Нидерле. Человѣчество въ доистор. врем. Пер. ак. Д. И. Анучина. С.-Пб. 1898 г. стран. 219 слѣдуетъ сопостав. съ стран. 238, 239, 248, 249 и съ нѣк. другими.—Въ Египтѣ свастика на коронѣ царевны Кенумиты (раскопки Моргана) восходитъ къ 5000 г. до Р. Х.—Объясненіе свастики ниже, въ текстѣ.

Это противорѣчіе и неустойчивость во взглядахъ на символы мы объясняемъ, съ одной стороны, растяжимостію и неопредѣленностію самаго понятія „символъ“ и, съ другой стороны, тѣмъ, что этнографы, какъ бы по общему между собою соглашенію, предоставили лингвистамъ всецѣло все, что касается письменности и алфавита, между тѣмъ, какъ не только продолжительный періодъ свѣтового письма, не только переходная эпоха, при появленіи силлабическихъ алфавитовъ, но и эпоха, непосредственно предшествовавшая окончательному установленію алфавитныхъ знаковъ, должны входить и въ кругъ вѣдѣнія этнографіи, потому что исторія письменъ нуждается въ примѣненіи къ ней и методовъ этнографическаго изслѣдованія и обобщенія.

Изъ предыдущаго видно, что въ пониманіи „символа“ мы далеки отъ символики съ геральдикою, символогіи, опирающейся на филологію, а тѣмъ болѣе, символатріи[1]). Символъ мы беремъ въ ограниченномъ смыслѣ, какъ ступень мыслительнаго процесса, отражающуюся на вниманіи, какъ ограниченіе поля сознанія, какъ психологическую фазу мышленія, направленнаго на упрощенную запись языка тѣлодвиженій. И графическій символъ, какъ увидимъ далѣе, не всегда образуется отрицательнымъ путемъ отвлеченія, и въ немъ есть положительныя черты: сопоставленіе графическихъ элементовъ, память объ исключенныхъ отброшенныхъ чертахъ, о прежнихъ графическихъ фазахъ и проч.

Начальною эволюціонною ступенью мышленія признается мышленіе предметами, *переходною* — считаютъ ту фазу психической эволюціи, когда чувственныя воспріятія начинаютъ принимать все менѣе и менѣе чувственные образы и переходятъ въ отвлеченія, *третьею* ступенью будетъ уже мышленіе отвлеченіями или символами. Въ изобразительномъ искусствѣ поднятіе человѣка къ отвлеченіямъ значительно облегчается[2]), какъ мы и практически въ этомъ убѣдились при исполненіи предлагаемой работы. Держась схемы Спенсера и работъ психофизіологовъ Гельмгольца и Сѣченова относительно образованія разныхъ видовъ предметной мысли изъ сложныхъ впечатлѣній, вспомнимъ и о двухъ остальныхъ высшихъ ступеняхъ мышленія: о *четвертой*— активной формѣ мышленія, съ самоощущеніями, съ самосознаніемъ, съ выводами вообще и выводами въ частности, отъ дѣйствія къ причинѣ, и о *пятой*, наивысшей ступени развитія мыслительной способности человѣка, — о внѣ-чувственномъ мышленіи.

Но въ настоящее время насъ интересуетъ способность человѣка выражать душевныя состоянія во внѣшнихъ условныхъ знакахъ, какъ средство общенія съ людьми и какъ пособіе и даже орудіе собственнаго мышленія. Къ внѣшнимъ выраженіямъ душевныхъ состояній относятся: мимика (аналитическіе жесты) всего тѣла, со включеніемъ голоса, условная подражательная мимика глухонѣмыхъ, членораздѣльная рѣчь, какъ слѣдствіе эволюціи органовъ мысли, слуха и голоса, — и письмена, въ *широкомъ* смыслѣ этого слова, т.-е. включая всѣ эволюціонныя ступени этого этнографическаго вида.

---

[1]) Rougemont, de, Freder., Le peuple primit., sa relig., son histoire et sa civilis. Geneve, 1855. — Falb, Rudolf. Das Land der Inka. L. 1883. — Мы ознакомились съ ихъ взглядами на символы, но мы беремъ понятіе символъ въ ограниченномъ смыслѣ, а потому во многомъ расходимся съ названными учеными, отдавая должное ихъ большой эрудиціи въ этомъ направленіи.

[2]) Г. Рибо. Эвол. общ. идей. С.-Пб. 1898 стран. 5 и слѣд

Языкъ мимическій, не эмоціональный, а интеллектуальный, состоящій изъ аналитическихъ жестовъ, какъ извѣстно, отмѣченъ у многихъ первобытныхъ народовъ въ очень различныхъ и весьма удаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ, какъ болѣе или менѣе необходимый спутникъ рѣчи. Къ сожалѣнію, большинство путешественниковъ и даже изслѣдователей не останавливаютъ своего вниманія на языкѣ жестовъ въ той мѣрѣ, какъ онъ этого заслуживаетъ[1]): вполнѣ обстоятельныя, исчерпывающія ремарки могутъ оказаться полезными не только для этнографическихъ, но и для болѣе широкихъ антропологическихъ соображеній, особенно если онѣ будутъ касаться и записей мимическаго языка. Языкъ движеній не только въ отдаленномъ прошломъ, но даже и теперь является немаловажнымъ способомъ сношеній между племенами, неговорящими на одномъ и томъ же языкѣ и для нѣкоторыхъ мѣстныхъ малоразвитыхъ нарѣчій онъ является даже необходимымъ пособіемъ[2]). Эта несовершенная замѣна рѣчи распространена гораздо болѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Въ нѣкоторыхъ нашихъ безсознательныхъ, повидимому эмоціональныхъ жестахъ, можно констатировать пережитки древняго широко распространявшагося, и въ пространствѣ и во времени, мимическаго языка — древнѣйшіе религіозные аналитическіе жесты[3]).

Языкъ жестовъ, какъ высказано Тэйлоромъ, въ сущности одинъ и тотъ же на всей поверхности земного шара, какъ это отмѣчено всѣми изучавшими и употреблявшими его. Этотъ языкъ аналитическихъ жестовъ съ этнографической точки зрѣнія наиболѣе изученъ Мэллери[4]).

Весьма близкая аналогія—почти тождество—между языкомъ глухо нѣмыхъ и аналитическими жестами первобытныхъ народовъ указана еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія[5]).

Д. Стьюартъ, еще въ то время, когда общераспространено было мнѣніе, что человѣкъ не можетъ думать иначе, какъ съ помощію словъ, сказалъ, что „если бы люди были лишены голосовыхъ органовъ и чувства слуха, они все-таки стремились бы выражать, посредствомъ алфавита видимыхъ знаковъ, всѣ свои идеи и чувства“.

Т. Рибо находитъ, что это утвержденіе нельзя считать черезчуръ смѣлымъ, но, тѣмъ не менѣе, признаетъ крайнимъ заключеніе Стьюарта, „что необычайное развитіе фонетическаго языка есть почти дѣло случая, и что языкъ мимическій, если бы онъ въ теченіе вѣковъ формировался подъ вліяніемъ общественныхъ отношеній, несомнѣнно лишь немногимъ уступалъ бы рѣчи въ отношеніи силы, легкости и разнообразія“. Рибо не сомнѣвается въ томъ, что „если бы люди, при ихъ настоящемъ мозговомъ устройствѣ, были лишены способности говорить, языкъ аналитическихъ жестовъ, благодаря иниціативѣ отдѣльныхъ изобрѣтателей, давленію нужды, вліянію коопераціи и совмѣстной жизни, вышелъ бы изъ того несовершеннаго состоянія, въ которомъ онъ остался, и трудно сказать, чего бы онъ достигъ подъ вліяніемъ

---

[1]) Тамъ же. стран. 46 и слѣд.

[2]) Антропологія. Эд. Б. Тэйлоръ. С.-Пб. 1898 г., гл. IV.—Г. Шурцъ. Ист. первоб. культ. стр. 476 и слѣд.—Ю. Липпертъ. Исторія культуры. С.-Пб. 1904г.—Ф. Ратцель. Народовѣдѣніе, I т., 35,270,719 и др., —Летурно. Соціал. 337.

[3]) Т. Рибо. Эвол. общ. идей, стран. 46—51.

[4]) Mallery. Pictograf. of the North Amerik. Indians. — Энц. Слов. Брокг. Эфр. 37. 326.

[5]) Т. Рибо. Эв. общ. идей, стран. 48.

накопляющихся усилій ряда вѣковъ. Вѣдь и рѣчь точно такъ же прошла черезъ зародышевый періодъ, и словесный языкъ точно такъ же развивался медленно и съ трудомъ". Въ заключеніи Рибо выражаетъ свое сомнѣніе въ вопросѣ: „возможенъ ли прогрессъ для языка пантомимы?"

Все высказанное относительно языка жестовъ, насколько намъ пришлось убѣдиться, въ значительной степени примѣнимо и къ заинтересовавшей насъ формѣ письма, фиксирующаго этотъ мимическій языкъ. Не только запись его рисунками и знаками въ общемъ сходна у народовъ всѣхъ временъ, во всѣхъ частяхъ свѣта, но даже и дальнѣйшія дифференціаціи этого письма, съ болѣе значительными сокращеніями и упрощеніями, съ символами, представляютъ примѣры изумительнаго сходства. Затрудненія въ пониманіи петроглифическихъ знаковъ разныхъ странъ обусловливаются, главнымъ образомъ, обычнымъ смѣшеніемъ начертаній различныхъ народностей, различныхъ культурныхъ эпохъ, различныхъ формъ оптическаго письма, отражающихъ различныя эволюціонныя стадіи мышленія на одномъ и томъ же петроглифѣ, но къ этому, конечно, слѣдуетъ присоединить еще и стилизаціонныя мѣстныя особенности, вытекающія чаще изъ эволюціонныхъ варіацій культа, чѣмъ изъ расовыхъ или бытовыхъ отличій.

Сомнѣніе въ прогрессѣ языка пантомимы, а слѣдовательно, и соотвѣтствующаго ему письма всего лучше иллюстрируется своеобразною эволюціею китайскаго письма. Направившись, за 10—15 вѣковъ до Р. Х., вѣроятно, по бассейну Тарима, къ Великому океану, племена-родоначальники китайскаго народа, сколько намъ удалось подмѣтить, уже владѣли основными знаками мимическаго письма, общими съ арійскими и аризированными народностями, со включеніемъ и удержавшихся въ немъ древнѣйшихъ знаковъ предметнаго письма. Послѣдующее увеличеніе числа знаковъ, дошедшее въ общемъ употребленіи до 6000, общее же ихъ число, говорятъ, около 100000[1]), вытекало, главнымъ образомъ, изъ сочетаній и перестановокъ элементовъ письма, общихъ со всѣми прочими народностями, расходившимися почти одновременно изъ одного общаго района, въ которомъ китайскій Туркестанъ повидимому занималъ видное мѣсто. Но такое поступательное движеніе въ сторону многочисленности и сложности письменныхъ знаковъ едва ли возможно назвать прогрессомъ; это скорѣе какое-то подобіе китайской стѣны, не только оградившее языкъ отъ доступа къ нему высшей и простѣйшей формы письма, но можетъ быть и задержавшее и эволюцію языка, что, конечно, не могло не отразиться въ извѣстной степени и на эволюціи самого мышленія, и даже на народной психологіи. Китайскія тысячи церемоній исходятъ не столько изъ лицемѣрія и низкопоклонства, сколько изъ эволюціоннаго наслѣдственнаго навыка въ оптическомъ способѣ выраженія своихъ чувствъ и мыслей.

Нѣчто подобное съ исторіею китайской письменности, какъ намъ кажется, произошло бы и въ развитіи обще-человѣческаго мимическаго языка, если бы онъ былъ единственнымъ орудіемъ мышленія и общенія: оптическая сигнализація утонула бы въ самой себѣ, — въ многочисленности знаковъ, или остановилась бы въ ростѣ и

---

[1]) Основныхъ знаковъ у Цанки (Tsanke) 540. Шницеръ. Ист. письм. стран. 43.—Ю. Липпертъ. Исторія культуры. С.-Пб. 1904, стран. 293. — Ab. Remusat, Recherches sur l'origine de la formation de l'écriture chinoise.

застыла бы, достигнувъ ихъ предѣльнаго количества немногимъ превзойдя обиходъ мимической рѣчи глухонѣмыхъ, — далѣе идти было бы невозможно.

Обойти нетронутый въ этнографической литературѣ вопросъ, поставленный намъ петроглифами и алфавитомъ Енисея, несмотря на всю его трудность, мы не рѣшились, во-первыхъ, потому, что долгъ изслѣдователя подчиняться фактамъ и служить, по мѣрѣ силъ, ихъ константированію и объясненію и, во-вторыхъ, потому что вопросъ этотъ органически связанъ съ генезисомъ петроглифовъ.

Какъ уже отмѣчено, отношеніе къ „символамъ" (въ общепринятомъ смыслѣ этого слова) въ научной литературѣ болѣе, чѣмъ скептическое. И дѣйствительно, предвзятость заимствованій символовъ, въ смыслѣ предметныхъ знаковъ для означенія отвлеченныхъ понятій, въ археологіи и этнографіи многократно приводило къ увлеченіямъ и ошибкамъ. Сходство[1]), особенно отрывочное, графическихъ элементовъ орнамента, никоимъ образомъ не даетъ основаній для категорическаго утвержденія наличности заимствованія: простѣйшіе мотивы орнаментаціи могутъ появляться независимо и самостоятельно.

Но когда, при тождествѣ орнаментныхъ мотивовъ, замѣчается сходство и въ ихъ разстановкѣ и въ поворотахъ, когда это же замѣчается и въ ихъ сочетаніяхъ, и въ примитивныхъ пріемахъ стилизаціи, и въ дальнѣйшихъ попыткахъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ, художественнаго развитія орнаментныхъ украшеній, когда, какъ въ петроглифахъ Енисея и въ современномъ мѣстномъ орнаментѣ, во многихъ случаяхъ ясно отразились особенности культа, когда наличность нѣкоторыхъ простѣйшихъ религіозныхъ символовъ подтвердилась достаточно широкими, и въ пространствѣ и во времени, параллелями, — тогда изслѣдователь едва ли можетъ отвернуться отъ фактическихъ указаній на то, что человѣкъ, въ болѣе глубокой древности чѣмъ обыкновенно думаютъ, различныя молитвенныя обрядности, нѣкоторые религіозные танцы и другія проявленія культа научился изображать особыми знаками.

Эти указанія, пока и малочисленныя, пріобрѣтаютъ бо̀льшее значеніе, когда мы вспомнимъ, что мысль доисторическаго человѣка обосновывалась на чувственныхъ воспріятіяхъ. Человѣкъ мыслилъ предметами, образами, единичными или суммированными (генерическими). Въ то отдаленное время и человѣкъ и его божества неизбѣжно должны были видѣть въ аналитическихъ жестахъ, въ мимическихъ выраженіяхъ богопочтенія, молитвы и благословенія всю сущность религіозныхъ дѣйствій. На графическое значеніе молитвенныхъ обрядностей обращалось, поэтому, очень большое вниманіе: какъ увидимъ, далѣе, тщательно означалось не только поднятіе, опусканіе и сгибаніе рукъ, но и положеніе кистей и различныя перстосложенія.

Облеченіе впечатлѣній, представленій, понятій и мыслей въ графическія формы часто классифицируется только по внѣшнимъ несущественнымъ признакамъ, при чемъ генезисъ и эволюціонная приспособляемость изобразительныхъ знаковъ остается въ тѣни. Такимъ образомъ, съ одной стороны, не выдѣляются *свѣтъ* и *звукъ*, какъ физическіе дѣятели эволюціи, а съ другой стороны, не обособляются и *органы чувствъ и психо-*

---

[1]) Д-ръ Л. Нидерле, пер. акад. Д. И. Анучина. Чел. въ доистор. врем. С.-Пб. 1898. 220.

логическихъ состояній, какъ выразители и восприниматели сигнализируемыхъ мыслей и душевныхъ состояній. Вникнувъ въ смѣну и взаимоотношенія физическихъ дѣятелей, участвующихъ въ передачѣ внѣшнихъ знаковъ, которыми одинъ человѣкъ сообщаетъ другому свои душевныя состоянія и мысли, мы убѣждаемся, что на низшей стадіи развитія человѣка преобладаетъ свѣтъ, а звукъ имѣетъ очень малое вспомогательное значеніе; на высшей же культурной стадіи, наоборотъ,—звукъ пріобрѣтаетъ главенствующее значеніе. Во время господства зрѣнія, всѣ знаки выраженія мыслей и чувствъ обращались къ нему и приспособлялись къ особенностямъ устройства и дѣятельности этого органа. Когда же слухъ и рѣчь, какъ орудія общенія, постепенно, вмѣстѣ съ ихъ развитіемъ, взяли верхъ надъ зрѣніемъ, явилась и иная система письма, подчиненная уже не зрѣнію, а рѣчи, какъ болѣе совершенному воплощенію эволюціонирующей мысли.

Всмотримся въ начальную сигнализирующую фазу. Извѣстно, что на низшей ступени культуры преобладаетъ мимика и голосъ человѣка выражается только въ крикахъ и возгласахъ (междометіяхъ), поэтому и передача чувствъ и мыслей приспособлялась почти исключительно къ зрѣнію. Позднѣе, у наиболѣе культурныхъ народовъ наблюдается преобладаніе членораздѣльной рѣчи, обращенной къ слуху, но мимическій языкъ въ большей или меньшей степени всегда сопутствуетъ рѣчи.

Обратившись къ конечной воспринимающей фазѣ, видимъ, что воспріятіе чувствъ и мыслей было первобытнымъ человѣкомъ обосновано на зрѣніи не безъ основаній: превосходство органа зрѣнія было очевидно. Слухъ былъ еще мало развитъ и органъ рѣчи эволюціонировалъ слишкомъ медленно. На высшей ступени развитія непосредственное воспріятіе было возложено уже на слухъ, зрѣніе же участвуетъ только въ воспріятіи графическаго начертанія мыслей, основаннаго на послѣдовательномъ расположеніи звуковыхъ знаковъ рѣчи. Человѣкъ, убѣждаясь въ безплодности попытокъ начертать мысль, вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдился и въ превосходствѣ голосового общенія и сталъ записывать рѣчь. Есть основаніе предполагать, что не только въ глубокой древности, но сравнительно очень недавно, общеніе съ богами производилось преимущественно языкомъ аналитическихъ жестовъ, а не рѣчью.

Мы полагаемъ, что письмо, какъ этнографическій видъ, и всѣ его элементы на всѣхъ стадіяхъ его развитія, надлежитъ изучать, изслѣдовать и сравнивать не внѣшне только, по формамъ письма, по графической группировкѣ, но пошире и поглубже, чѣмъ это теперь дѣлается. Слѣдуетъ почаще вспоминать о свѣтѣ и звукѣ, какъ дѣятеляхъ эволюціи, не слѣдуетъ забывать и эволюціонныхъ особенностей зрѣнія и слуха, въ свою очередь эволюціонировавшихъ соотвѣтственные элементы и формы мышленія и ихъ органы. Послѣдовательность эволюціонныхъ ступеней графическаго изображенія или начертанія человѣкомъ своего душевнаго состоянія или своихъ мыслей, видимо, согласуется съ постепенностью эволюціоннаго развитія органовъ зрѣнія, слуха и голоса, и соотвѣтственныхъ периферическихъ развѣтвленій нервной системы, конечно, въ связи съ соотвѣтственнымъ развитіемъ большого мозга и мозжечка.

Хотя эволюція письменности, обставленная вполнѣ достаточнымъ количествомъ матеріала, разработаннаго этнографическими методами, дѣло будущаго, но и теперь

естественное ея раздѣленіе на два періода, опирающееся на психо-физіологическихъ основаніяхъ, согласно соотвѣтственнымъ эволюціоннымъ ступенямъ развитія органовъ зрѣнія, слуха и членораздѣльной рѣчи, представляется достаточно устойчивымъ и наиболѣе цѣлесообразнымъ съ научной точки зрѣнія.

Первый, древнѣйшій и наиболѣе продолжительный періодъ принадлежитъ свѣтовымъ или зрительнымъ системамъ письма. Древнѣйшія эволюціонныя ступени египетской письменности, письменность древнихъ мексиканцевъ, пиктографическая письменность индѣйцевъ, тюрко-алтайцевъ, эскимосовъ, малайцевъ (реджангскія и съ острова Св. Пасхи письмена[1]), китайское и японское письмо, обломки и пережитки письменности этого періода у монголовъ, тюрковъ и многихъ индо-европейскихъ народностей, сохранившіеся какъ родовые знаки и знаки собственности, какъ графическія схемы, какъ кабаллистическіе, астрологическіе, астрономическіе, медицинскіе и частію математическіе знаки, многіе изъ мотивовъ орнамента на древнѣйшихъ памятникахъ житейской техники и изобразительнаго искусства, — должны быть отнесены къ первому свѣтовому или зрительному періоду письменности.

Второй періодъ — звуковой или слуховой системы передачи и воспріятія мыслей — съ переходною эпохою слогового письма, по продолжительности едва ли превзойдетъ 5000—6000 лѣтъ; предшествующій же свѣтовой эволюціонный періодъ письма могъ продолжаться во много разъ долѣе.

Петроглифы и письмена Енисея констатируютъ, что древнѣйшій способъ общенія съ людьми и у оборигеновъ Енисея удерживался въ общеніи съ божествами очень долго.

Нельзя не согласиться съ утвержденіями, что религіозные символы, въ отдѣльности, какъ знаки культа и какъ мотивы орнамента, могли повсюду явиться вполнѣ независимо и самостоятельно, вытекая изъ единства законовъ природы, изъ единства духа человѣческаго, изъ единства дѣятельности факторовъ и всѣхъ объектовъ эволюціи. Но неравенство и разнообразіе градацій тѣлесной и духовной эволюціи различныхъ доисторическихъ расъ, народностей и племенъ значительно ослабляютъ эту чрезмѣрную предубѣжденность противу широкихъ заимствованій. Такое предубѣжденіе можетъ заслонить истинныя причины, побуждавшія и доисторическаго человѣка не только наглядно воспринимать культъ, опредѣленнѣе говоря — практику религіи, но усваивать и начертанія, означавшія молитвенныя обрядности и нѣкоторыя религіозныя представленія. Какъ уже высказано, эти графическія схемы, въ силу отвлеченія существенныхъ частей, будутъ символами, въ узкомъ смыслѣ этого слова. Теперь уже общепризнано, что нѣмой мимическій языкъ, языкъ тѣлодвиженій и аналитическихъ жестовъ, предшествовалъ рѣчи и тяжелая борьба за существованіе, въ отдаленнѣйшія эпохи палеолитическаго періода, вынуждала и усиливала развитіе языка жестовъ и мимики.

У первобытнаго звѣролова, при наиболѣе несовершенныхъ орудіяхъ, выраженіе душевныхъ состояній звуками сдерживалось чувствомъ самосохраненія, — языкъ зву-

---

[1]) Ратцель. Народовѣд. I т., 219, 388 и 77.

ковъ, занимая второстепенное вспомогательное значеніе, задерживался въ своемъ развитіи. Эволюція соотвѣтственныхъ нервныхъ центровъ и даже эволюція мышленія должны были также сдерживать развитіе голоса и частію слуха, въ направленіи расчлененія и выдѣленія звуковъ рѣчи. Съ наступленіемъ большаго развитія, человѣку становилось все очевиднѣе, что быть почти нѣмымъ для него, такъ плохо вооруженнаго, выгоднѣе, и для личной безопасности и, главное, для добычливости лова[1]).

Есть основанія утверждать, что эволюція членораздѣльной рѣчи свершалась съ особою быстротою уже послѣ того, какъ житейская техника достигла сравнительно значительной высоты и начались уже нѣкоторыя низшія формы общественной жизни. Намъ кажется, трудно отрицать, что мимическій языкъ, вполнѣ установившійся за много тысячелѣтій до того, какъ членораздѣльность рѣчи достигла высшей эволюціонной ступени, въ свое время занималъ главенствующее, почти исключительное положеніе. Признавъ мимическій языкъ предтечею голосового, должно признать, что и графическое его выраженіе, т.-е. знакъ или символъ, предшествовало буквѣ[2]). Количество буквъ въ древнѣйшихъ алфавитахъ 22, въ позднѣйшихъ алфавитахъ замѣчается небольшое увеличеніе, не всегда, впрочемъ, оправдываемое дѣйствительными фонетическими потребностями. Общее же число рисунковъ предметовъ или ихъ сокращенныхъ знаковъ вмѣстѣ съ начертаніями мимическихъ знаковъ и символовъ, конечно, было значительно больше, но едва ли болѣе, напримѣръ, количества основныхъ знаковъ китайскаго письма, данныхъ Цанки, т.-е. около 500—600[3]).

Для спеціалистовъ, ближайшимъ образомъ знакомыхъ съ относительною высотою культуры 2-й половины неолитическаго періода, особенно къ концу его, не доходя еще до переходной эпохи къ мѣди и бронзѣ, едва ли можетъ показаться неправдоподобнымъ предположеніе, что человѣкъ еще въ то отдаленное время могъ обладать большимъ запасомъ графическихъ начертаній мимическихъ знаковъ и символовъ. Эпоху накопленія этого матеріала надлежитъ разсматривать, какъ подготовительную эпоху, предшествовавшую построенію свѣтовой или зрительной системы письменности. Конечно, запись элементовъ мимическаго языка свершалась уже тогда, когда они вполнѣ установились, что даетъ нѣкоторую возможность опредѣлить и эволюціонную ступень мышленія: отъ предметнаго мышленія человѣкъ переходилъ къ мышленію отвлеченіями или символами; внутренняя символизація впечатлѣній, представленій и даже понятій стала стремиться къ переходу во внѣшнюю, т.-е. къ изображенію результатовъ умственной дѣятельности условными знаками, соотвѣтствующими эволюціоннымъ ступенямъ чувствъ и мышленія. Графическіе знаки и символы, на которые мы рѣшились обратить вниманіе этнографовъ и археологовъ, въ началѣ появлялись отдѣльно, разрозненно, но подъ вліяніемъ шедшей впереди символовъ мимической сигнализаціи, они группировались, связывались и вошли въ систему свѣтовой или зрительной письменности. Прошелъ длинный промежутокъ времени, прошелъ рядъ тысячелѣтій, сложилась новая болѣе цѣлесообразная и стойкая разновидность того же

---

[1]) Г. Шурцъ. Ист. перв. культ., стр. 477—479.

[2]) Г. Шурцъ. Ист. перв. культ., стран. 476 и 477.

[3]) Шницеръ. Всеобщая истор. письменъ. С.-Пб. 1903, стран. 43.—Энц. Слов. Брокг. и Эфр.

этнографическаго вида, стала накрывать старую и, вымирая, послѣдняя снова разложилась на обособленные разрозненные знаки и символы. Большинство знаковъ и символовъ быстро забылись — умерли, многія начертанія, конечно, сохранились, но память объ ихъ первоначальномъ значеніи, объ ихъ истинномъ генезисѣ, могла исчезнуть давно: многимъ изъ нихъ могли быть даны новыя названія, зачастую совершенно несоотвѣтствующія ихъ дѣйствительному значенію, такимъ образомъ, могъ сохраниться только графическій слѣдъ пережитковъ отдаленнѣйшей древности.

Само собою разумѣется, что созидавшаяся въ теченіе многихъ тысячелѣтій зрительно-свѣтовая система письма, съ многочисленными знаками и символами, изъ которыхъ она была построена, не могла разсыпаться сразу, исчезнуть быстро, безслѣдно, одновременно и повсемѣстно, у всѣхъ расъ и всѣхъ народностей, различныхъ по высотѣ культуры, жившихъ осѣдло или передвигавшихся въ разнообразныхъ мѣстностяхъ, при благопріятныхъ и неблагопріятныхъ условіяхъ. Эти соображенія пріобрѣтаютъ еще большее значеніе, когда мы вспомнимъ, что въ установленіи знаковъ и символовъ, а также въ храненіи ихъ и въ передачѣ ихъ другимъ народностямъ, служители культа принимали самое дѣятельное участіе, изобрѣтеніе письменъ у большинства народовъ приписывалось богамъ и царямъ. Древнѣйшія письмена, и свѣтовой и звуковой системы, у всѣхъ народовъ, начиная съ древнихъ египтянъ, находились преимущественно въ мѣстахъ отправленія культа, въ храмахъ, на стѣнахъ ихъ, на утесахъ, на могильныхъ камняхъ, на принадлежностяхъ культа и проч. Народъ привыкъ придавать и отдѣльнымъ знакамъ, символамъ и даже буквамъ магическое чудодѣйственное значеніе.

Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что служители культа, пользуясь своимъ вліяніемъ на свѣтскихъ властителей, не только на начертанія, но и на самую систему письма налагали тяжкій религіозный покровъ ея божественнаго происхожденія, ея абсолютнаго совершенства и канонической неприкосновенности, что въ значительной степени задерживало эволюціонное развитіе письма, какъ важнѣйшей разновидности изобразительнаго искусства, долженствующей изображать мысли человѣка. Намъ кажется, что нѣкоторыя изъ представляемыхъ исторіею культуры задержекъ въ эволюціи письма не могли пройти безслѣдно не только и для развитія самого языка, но даже и мышленія.

Вспомнимъ, напримѣръ, исторію письма въ Египтѣ. Жрецы тамъ, несомнѣнно, принимали въ усовершенствованіи письма дѣятельное участіе: храмы высокочтимыхъ мѣстныхъ божествъ могли сознательно вставлять еще въ силлабическій алфавитъ символы или гербы своихъ боговъ и даже нѣкоторые свои важнѣйшіе обрядные или молитвенные знаки и наиболѣе чтимые мѣстные символы, амулетнаго или кабаллистическаго характера.

При обычной своей консервативности, служители религій, не будучи въ силихъ бороться въ новою эволюціонною формою письма, признавъ ея превосходство, принимали ее въ храмы, но отнюдь не изгоняли ея предшественницъ, но свершали издревле установленный обрядъ: ее, такъ сказать освящали, даровавъ ей освободившіеся за ненадобностью знаки предыдущей эволюціонной формы письма. Такой пріемъ новой системы

письма, по всей вѣроятности, свершался сперва при одномъ изъ храмовъ, послѣ чего и прочіе храмы принимали всѣ знаки и символы или же, по различнымъ мѣстнымъ соображеніямъ, замѣняли въ своемъ храмовомъ обращеніи нѣкоторыя начертанія другими также священными знаками, уже издавна принятыми, но *отнюдь не новыми, нарочно для звукового письма придуманными.* При достаточно выяснившемся вліяніи культа на письмо, послѣднее предположеніе представляется намъ этнографическимъ противорѣчіемъ. Звуковой системѣ письма жрецы сдѣлали только эту уступку, но, какъ извѣстно, въ фонетическомъ направленіи дальше гіератическаго письма они не пошли, и демотическое письмо, для того времени наиболѣе совершенное, съ эволюціонной точки зрѣнія, какъ показываетъ самое названіе, не вышло изъ храмовъ: оно всецѣло принадлежитъ народу.

Примѣръ Китая, съ этой стороны, еще поучительнѣе: онъ остановился на зрительной системѣ письма и донынѣ держится ея, и едва ли уже въ силахъ подняться на слѣдующую эволюціонную ступень письменности. Затрудненія возникаютъ не только со стороны богатства старинной литературы китайцевъ и огромнаго значенія, которое она имѣетъ для всей ихъ общественной жизни, но онѣ кроются гораздо глубже. Японцы, впрочемъ, въ катаканѣ сдѣлали попытку перехода къ силлабическому алфавиту, но ея будущее предугадать еще трудно.

И во второмъ примѣрѣ, причины эволюціонной остановки письма, какъ извѣстно, кроются въ особенностяхъ культа китайцевъ, въ объединенной дѣятельности правителей и служителей культа, въ своеобразной политической и общественной организаціи и въ не менѣе своеобразномъ архаическомъ управленіи.

Благодаря задержкамъ въ эволюціи письма, египтяне и китайцы сохранили для этнографовъ всѣхъ спеціальностей, включая и лингвистовъ-египтологовъ и синологовъ, пріемлющихъ и примѣняющихъ въ своихъ спеціальныхъ работахъ и этнографическіе методы изслѣдованія и обобщенія, а также и для антропологовъ, особенно психофизіологовъ и психіатровъ, обширные, до извѣстной степени, систематизированные матеріалы, дающіе возможность выяснить вліяніе этой искусственной эволюціонной задержки не только на эволюцію языка, но и на эволюцію психики и интеллекта названныхъ народностей, путемъ фактическихъ конкретныхъ данныхъ, сохранившихся у египтянъ въ письмѣ и въ другихъ проявленіяхъ изобразительнаго искусства, генетически связанныхъ съ письмомъ. Какъ ни незначителенъ процентъ грамотности, но вліяніе системы письма въ извѣстной мѣрѣ можетъ отражаться и на языкѣ народа и даже на его интеллектѣ и психикѣ.

Для послѣдующихъ соображеній намъ необходимо вспомнить въ общихъ чертахъ объ этническомъ составѣ народностей, которымъ принадлежатъ памятники зрительной системы письма, оставшіеся не накрытыми слѣдующею эволюціонною разновидностью т.-е. звуковымъ письмомъ.

Древніе египтяне были переселившіеся изъ Азіи хамиты; переселеніе совершилось еще въ тѣ времена, когда часть хамитовъ жила на Индѣ. Египтяне, по нѣкоторымъ этнографическимъ проявленіямъ, родственны азіатскимъ семитамъ и даже такъ называемымъ арійцамъ, кромѣ того, они сходны съ другими сѣверо-африканскими племе-

нами: берберами, сомали, галла, данкали, а всѣ они хамиты. Нынѣшнихъ нумидійцевъ считаютъ самыми чистыми потомками племени, населявшаго въ древности Нильскую долину. Негрскія племена — туземцы. На Дельтѣ съ незапамятныхъ временъ жили семиты финикійско-арабскаго происхожденія, весьма вѣроятно предположеніе, что отъ нихъ произошелъ народъ израильскій.

Культуру древняго Египта трудно признать чисто хамитской, смѣшеніе съ семитами на полосѣ соприкосновенія едва ли возможно отрицать; общій взглядъ на характерныя этнографическія особенности и географическое расположеніе памятниковъ склоняетъ признать эту культуру смѣшанною, хамито-семитическою.

Китайская культура далеко не такъ древня, какъ ее обыкновенно представляютъ: за 2000 лѣтъ до Р. Х. китайцевъ, какъ сложившагося и вполнѣ обособленнаго народа, еще не было. Исторіографія Китая позволяетъ обозрѣвать промежутокъ времени приблизительно въ 4000 лѣтъ. Китайцы — единственный народъ монгольской расы, основавшій столь долговѣчное государство. Съ XII в., до 1368 г., оно подпало подъ власть монголовъ, съ 1644 г. находилось подъ владычествомъ манджуровъ, но во внутреннемъ его развитіи не произошло никакихъ существенныхъ измѣненій. Первоначальныя мѣстообитанія китайцевъ, возможно, что были на южной окраинѣ бассейна Тарима, т.-е. въ восточномъ Туркестанѣ. Около 2000 л. до Р. Х. китайцы появились только въ провинціяхъ Канзу, Шензи и Шанзи, южный Китай былъ присоединенъ къ имперіи лишь въ 214 г. до Р. Х. Первоначальными жителями Китая были міаотсе. Аборигенами Японіи были айны, до сихъ поръ живущіе на остр. Сахалинѣ и Іессо; ихъ осталось около 45000, они обречены на вымираніе.

Въ Кореѣ китайская зрительная система письма, въ V в. по Р. Х., распространилась среди знатной, богатой и болѣе образованной части народа. Простой народъ въ Кореѣ, какъ извѣстно, отъ лицъ знатнаго происхожденія отдѣленъ наиболѣе рѣзко, чѣмъ въ остальныхъ государствахъ восточной Азіи, но онъ хранитъ съ давнихъ временъ *свое народное національное письмо* для своего родного языка. Это письмо звуковой системы, съ примѣсью немногихъ слоговыхъ знаковъ (силлабо-фонетическое). Древнѣйшія начертанія буквъ этого языка, съ этнографической, а также, вѣроятно, и съ лингвистической точки зрѣнія, имѣютъ большое научное значеніе. Хотя графически они, повидимому, отличаются отъ буквъ древне-еврейскихъ, но генезисъ семитическихъ алфавитовъ кроется въ немъ. Производятъ его отъ древне-индусскаго письма „Пали“, занесеннаго, по всей вѣроятности, буддійскими миссіонерами, проповѣдовавшими съ I в. по Р. Х. Корея, въ эволюціи письма, уникатъ въ своемъ родѣ: древнѣйшая несовершенная система письма, усиленно покровительствуемая образованною знатью, живетъ въ этой странѣ бокъ о бокъ съ болѣе простою и совершенною звуковой системою письма, хранимою народною массой.

Хотя древнія культуры Египта и Китая и значительно удалены другъ отъ друга, и по пространству и по времени, но отдаленное заимствованіе, если не непосредственное, то посредственное, для монголовъ было возможно, особенно въ то время, когда клинообразная манера письма еще не отрѣшилась отъ идеографическаго прошлаго, признаваемаго большинствомъ компетентныхъ спеціалистовъ. Своеобразныя черты

Государственная
Универсальная
Научная Библиотека

письма могли слагаться у китайцевъ уже при передвиженіи ихъ къ Тихому океану и китайское письмо только впослѣдствіи пріобрѣло свои характерныя особенности.

Но ознакомленіе съ древнѣйшими начертаніями графически болѣе простыми и болѣе употребительными въ письмѣ, расчлененіе нѣкоторыхъ сложныхъ знаковъ на составные, а главное параллели съ таковыми же начертаніями другихъ монгольскихъ народностей, тюрковъ, урало-алтайцевъ и др. приводитъ къ заключенію, что китайская система письма, пройдя конкретную и сигнографическую стадіи, въ силу какихъ-то причинъ, можетъ быть, въ зависимости отъ особенностей въ развитіи культа или нѣмого мимическаго языка, быстро отстранилась отъ отвлеченнаго графическаго символизма и повернула назадъ, — въ сторону сочетающаго предметнаго символизма, при чемъ рисунки предметовъ, подчиняясь цѣлямъ письма, схематизируясь, превращались въ сложныя трудно анализируемыя начертанія. Напомнимъ нѣкоторые изъ такъ называемыхъ китайскихъ гіероглифовъ: рисунокъ или знакъ рта, рядомъ со знакомъ собаки, значитъ „лаять"; ротъ и дитя означаютъ „кричать"; ротъ и птица — „пѣть"; ротъ и корабль — „болтливость"; сочетаніе знаковъ корабля и двухъ перьевъ значитъ „пухъ"; корабль и пламя — „мерцаніе"; корабль и вода — „тазъ" и т. д.[1]). Но эти идеографическія отличія въ означеніи понятій, эта эксцентричность сочетаній знаковъ и символовъ, эти особенности въ манерѣ начертанія и ихъ своеобразный стиль не даютъ достаточныхъ основаній для категорическаго отрицанія заимствованія основъ китайской письменности отъ древнѣйшихъ культуръ[2]). Ненаселенная полоса между востокомъ и западомъ Стараго Свѣта[3]) въ то отдаленное время была не такъ пустынна и легче проходима. О самостоятельности генезиса китайской письменности до спеціальнаго обслѣдованія этого вопроса не можетъ быть и рѣчи. Исходъ монгольскихъ племенъ, давшихъ начало Китаю, изъ восточнаго Туркестана, движеніе ихъ на востокъ, по долинамъ великихъ рѣкъ, впадающихъ въ Тихій океанъ, гдѣ нѣсколько различавшіяся рѣчныя стадіи культуры слились и объединились, примкнувъ сначала къ небольшому внутреннему морю, — все это кажется намъ правдоподобнымъ, какъ обоснованное не только на преданіи, но даже имѣющее и нѣкоторыя историческія указанія; есть и этнографическія указанія, которыя не могутъ быть оставляемы безъ вниманія. Но какъ бы не разрѣшился въ будущемъ вопросъ о китайскомъ письмѣ, — этотъ живой пережитокъ древнѣйшей эволюціонной ступени письма всегда будетъ останавливать на себѣ вниманіе не только лингвистовъ и этнографовъ, но и антропологовъ. И Египетъ загадоченъ по своей продолжительной остановкѣ и чрезвычайной инертности въ эволюціонномъ развитіи письма, но Китай въ этомъ отношеніи далеко превзошелъ Египетъ. Какъ причины, задерживающія развитіе разсматриваемой этнографической разновидности, такъ и ихъ эволюціонныя послѣдствія, т.-е. отраженія на развитіи языка и даже мышленія, сколько намъ извѣстно, не подвергались разностороннимъ спеціальнымъ научнымъ изслѣдо-

---

[1]) Э. Б. Тэйлоръ. Антропологія, стран. 169. — Ю. Липпертъ. Исторія культуры. С.-Пб. 1904, стран. 292.

[2]) Л. И. Мечниковъ. Цивилиз. и велик. истор. рѣки. Кіевъ. 1899. Глава XI.

[3]) Э. Реклю. Человѣкъ и земля. I. Карта № 43, стран. 312.

ваніямъ. Хотя и теперь выяснено, что китайскій языкъ не простой, каковымъ онъ разсматривался ранѣе, а оказывается — упростившимся изъ болѣе сложной, агглютивной формы [1]). Этотъ фактъ, замѣченный у народа съ древнею культурою, заслуживаетъ выясненія причинъ такой эволюціонной странности. Мы склонны видѣть ее въ письмѣ. Извѣстно, что изслѣдованія задержекъ въ развитіи и аномалій въ мірѣ біологическомъ нерѣдко освѣщали и нормальный ходъ эволюціи, такъ и среди трактуемыхъ этнографическихъ явленій, особенно большой сложности, взаимодѣйствующихъ другъ на друга и вліяющихъ на эволюцію психическихъ и физіологическихъ органовъ, могутъ неожиданно открыться новыя научныя области, пока недоступныя для психо-физіологовъ, работающихъ надъ эволюціею элементовъ мысли и надъ ея внѣшнею символизаціею. И хотя во всѣ времена письмо было достояніемъ лишь высшихъ богатыхъ вліятельныхъ классовъ, преимущественно духовенства, и народная масса всегда была лишаема возможности вполнѣ овладѣть этимъ орудіемъ общенія, казалось бы, безграмотный народъ, хранитель живого языка, находился внѣ вреднаго воздѣйствія зрительной гіероглифической системы письма, но на эволюціонной и исторической судьбѣ интересующихъ насъ языковъ уже и теперь видны нѣкоторыя послѣдствія отдачи ихъ подъ тяжкій гнетъ отжившей громоздкой и нецѣлесообразной системы письма.

Изученіе петроглифовъ на Енисеѣ и знаковъ енисейскаго и тукюэскаго алфавитовъ, въ связи съ другими памятниками древняго изобразительнаго искусства и пережитковъ ихъ въ бассейнѣ Енисея, и особенно предварительныя этнографическія параллели, охватывающія почти всѣ мѣстности, окружавшія Малую Азію, какъ весьма вѣроятный центръ заимствованія енисейскаго алфавита, привели насъ къ инымъ взглядамъ на генезисъ и на эволюцію письма и на ея подраздѣленія, — нѣсколько отличнымъ отъ общераспространенныхъ.

Какъ уже выяснено — въ основу дѣленія надо положить не однѣ внѣшнія формы письма, а свѣтъ и звукъ, какъ важнѣйшихъ дѣятелей эволюціи и зрѣнія и слуха, — со всѣми приспособленіями, дифференцирующими и координирующими всю совокупность и всѣ отдаленнѣйшія послѣдствія ихъ нервной дѣятельности, включая и мозжечокъ и большой мозгъ, какъ вѣроятные органы двойной сложности координаціи въ пространствѣ (зрѣніе) и во времени (слухъ) и какъ центральныя части нервнаго аппарата [2]).

Эволюціонныя стадіи письма, съ характеризующими ихъ системами письма, съ ихъ различными формами и разновидностями, расположатся тогда параллельно, послѣдовательными рядами, подчиняясь эволюціи органовъ чувствъ, формъ мышленія и всѣхъ органовъ внѣшняго выраженія душевныхъ состояній и мыслей. Предлагаемый нами опытъ классификаціи, продиктованный имѣвшимися у насъ матеріалами и соотвѣтственными библіографическими данными, располагаетъ эволюціонныя формы и разновидности письма въ той постепенности, которая, какъ намъ кажется, согласуется съ послѣдовательностью въ развитіи прочихъ наиболѣе употребительныхъ способовъ человѣческаго общенія, обусловливаемыхъ психо-физіологическою эволюціею. Конечно,

---

[1]) Ратцель, Народовѣдѣніе. II, стран. 829. Д. Коропчевскій. Этническія классификаціи.

[2]) Коллинсъ. Герб. Спенсера философія. Спб. 1897 г., стран. 121.

предлагаемой классификаціи мы придаемъ только предварительное значеніе: она нуждается въ провѣркѣ, дополненіяхъ и въ разносторонней разработкѣ.

Начала письма, какъ разновидности изобразительнаго искусства, какъ первыя попытки начертательно передать свое душевное состояніе или свою мысль, какъ новый способъ общенія, и первые признаки дифференціаціи письма отъ того, что принято называть искусствомъ, долгое время шли рядомъ, соприкасаясь, накрывая другъ друга, и это вполнѣ естественно для этнографическихъ разновидностей, вытекающихъ изъ одного источника. Конечно, синхронистическія сопоставленія всѣхъ видовъ и мѣстныхъ разновидностей такого письма могутъ имѣть только относительное значеніе. Большинство петроглифовъ представляетъ смѣшеніе не только различныхъ формъ, но даже различныхъ системъ письма. То, что мы имѣемъ высказать относительно обособленія или происхожденія искусства, мы надѣемся сдѣлать въ будущемъ, теперь же намъ слѣдуетъ отмѣтить эволюціонныя стадіи письма соотвѣтствующими названіями, идя отъ средины, отмѣченной выше пограничной полосы между искусствомъ и письмомъ.

Эволюція письма ясно раздѣляется на два періода: *свѣтовой* (оптическій) и *звуковой* (фонетическій).

По преобладающему значенію органовъ чувствъ, эти періоды можно назвать: зрительнымъ и слуховымъ.

По прочимъ способамъ общенія, установившимся, конечно, нѣсколько ранѣе соотвѣтственныхъ видовъ письма, періоды эти характеризуются: первоначальный — мимическимъ языкомъ, включая и голосъ, но не забывая о медленности его эволюціоннаго превращенія въ органъ членораздѣльной рѣчи, и второй, новѣйшій — болѣе развитымъ сочетаніемъ голосовыхъ звуковъ или членораздѣльною рѣчью.

По преобладающему участію центральныхъ органовъ нервной системы, въ первомъ періодѣ, т.-е. при свѣтовомъ письмѣ, въ настоящее время представляется вѣроятнымъ преобладаніе малаго мозга или мозжечка, а во второмъ, звуковомъ письмѣ — большого мозга[1]).

По продолжительности времени, оба эти періода почти несоизмѣримы. Послѣдній можно назвать *историческимъ*, первый — *доисторическимъ*, отдаленнѣйшая отъ насъ половина котораго выходитъ изъ ближайшаго вѣдѣнія археологіи и этнографіи и находится уже въ рукахъ геологіи и антропологіи. Должно имѣть въ виду и древнѣйшіе рисунки палеолитической эпохи, найденные въ пещерахъ Франціи, какъ первыя записи мышленія изображеніями предметовъ.

Первый свѣтовой періодъ эволюціи письма раздѣляется на двѣ стадіи: 1) *конкретно-графическую* (письмо-рисунками и знаками предметовъ) и 2) *мимико-графическую* (запись языка движеній).

Въ 1-й конкретно-графической стадіи надлежитъ различать пиктографію и сигнографію, какъ формы графическаго письма, формы, нерѣдко смѣшиваемыя между собою и нерѣдко принимаемыя даже за классификаціонные термины. Между ними, во избѣжаніе недоразумѣній, слѣдуетъ установить различіе. Пиктографія, картинное или фи-

[1]) Г. Спенсеръ — Г. Коллинсъ. С.-Пб., 1897 г., стран. 121. — И. М. Сѣченовъ. Элементы мысли. Стран. 48, глава XIV и слѣд.

гурное письмо, состоитъ изъ рисунковъ предметовъ, иногда ихъ дѣйствій, состояній и признаковъ, а также и частей предметовъ, имѣющихъ прямое значеніе. Рисунки эти могутъ имѣть, какъ и большинство петроглифовъ, и религіозное значеніе, но могутъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ начертаніемъ и бытовыхъ предметныхъ представленій. Многіе изъ отдѣльно стоящихъ рисунковъ несутъ на себѣ и элементы простѣйшей мысли, т.-е. удовлетворяютъ трехчленности состава простого предложенія и даже сложнаго, напримѣръ: „мамонтъ или слонъ съ хоботомъ, съ большими клыками, мохнатый, движется; коза стоитъ; козелъ пасется или ѣстъ траву; олень, самецъ, 5 лѣтъ, стоитъ, но насторожился“ и т. д.[1]). Сочетаніе или группа рисунковъ, неимѣющихъ переноснаго значенія, напримѣръ охотничьи сцены, религіозныя, изъ жизни животныхъ и т. п.[2]).

Такимъ образомъ, вошедшій въ употребленіе терминъ „пиктографія“ будетъ означать начальную форму такъ называемаго картиннаго письма.

Но, какъ извѣстно, рисунки предметовъ и ихъ частей не всегда имѣютъ прямое значеніе въ картинномъ письмѣ. Часть иногда берется вмѣсто цѣлаго, причина вмѣсто слѣдствія, рисунки частей предметовъ и частей тѣла берутся иногда для означенія качествъ и дѣйствій. Кромѣ синекдохи, метониміи, метафоры, для идеографическихъ цѣлей употребляются эмблемы, очень часто различныя у различныхъ народовъ, и рисунки-загадки. Эмблема и символика нерѣдко пріурочиваются къ пиктографическимъ изображеніямъ, имѣющимъ въ дѣйствительности прямое значеніе. Эту форму идеографической стадіи письма слѣдуетъ назвать „пиктографіею символическою“, не забывая о субъективной условности многихъ символовъ эмблематическаго и ребуснаго характера; символъ здѣсь берется уже въ общеупотребительномъ широкомъ смыслѣ, не въ смыслѣ *графическаго отвлеченія*, графическаго символа, какъ мы возьмемъ его впереди, трактуя о мимико-графической стадіи письма.

Но писать рисунками, точнѣе говоря: выражать мысль въ рисункахъ, было и физически не легко, рисовальное искусство не всякому давалось, надъ выбивкою или царапаньемъ рисунковъ на камнѣ надо было долго поработать, затрачивая время и силы, и человѣкъ естественно сталъ вмѣсто рисунковъ-предметовъ употреблять упрощенные рисунки, которые постепенно схематизируясь, перешли въ знаки предметовъ и ихъ частей, сдѣлались традиціонными графическими или шаблонными моделями. Этотъ переходъ пиктографіи въ сигнографію конкретную — первая ясная ступень дифференціаціи письма отъ изобразительнаго искусства. Предыдущая и эта форма уже заключаютъ въ себѣ и подготовку къ записи мимической рѣчи, т.-е. къ рисункамъ и знакамъ тѣлодвиженій и жестовъ.

Вторая стадія свѣтовой системы письма характеризуется тѣмъ, что къ пиктографическому письму, стремившемуся изобразить мысли рисунками и знаками предметовъ, стали присоединять попытки записи или зарисовыванія мимической рѣчи, т.-е. ея элементовъ — сознательныхъ движеній, аналитическихъ жестовъ. Затѣмъ, эти

---

1) И. М. Сѣченовъ. Элем. мысли. С.-Пб., 1903, гл. IV и VI. Такіе рисунки сравнительно рѣдки.

2) Въ енисейскихъ петроглифахъ, даже и въ сцены охоты, рисовальщики-шаманы вводятъ религіозный оттѣнокъ, характеризуя этимъ себя и свое общественное положеніе.

зарисовыванія превращались въ линейные абрисы — схемы знаковъ, тѣлодвиженій, жестовъ, направленныхъ въ разныя стороны: поднятій рукъ вверхъ, внизъ, рукосложеній на груди, положеніе большого пальца и ладоней, разнообразные виды перстосложенія и т. п. При дальнѣйшемъ развитіи мимикографіи въ знакахъ чаще и чаще появляется символизмъ, въ смыслѣ графическаго отвлеченія части отъ цѣлаго или подчеркиваніе этой существенной части. Въ первыхъ знакахъ мимическаго языка и письма ясно отражается культъ; аналитическіе жесты религіознаго характера преобладаютъ.

На основаніи вышеотмѣченныхъ особенностей, во второй мимико-графической стадіи слѣдуетъ различать, согласно тремъ способамъ начертанія мимическихъ знаковъ рисунками, знаками и символами, три формы мимическаго письма: 1) *пиктографическую*, 2) *сиграфическую* и 3) *символическую*. Письмо рисунками, знаками и символами, какъ видимъ на петроглифахъ Енисея, вслѣдствіе заимствованія, можетъ смѣшиваться между собою. Хронологическое ихъ раздѣленіе пока невозможно; даже первыя появленія знаковъ предметныхъ и мимическихъ, а также и символовъ установить пока очень трудно.

Эта эволюціонная ступень письма, сколько намъ извѣстно, ранѣе не выдѣлялась. Главную причину, почему эта своеобразная система знаковъ не была выдѣлена, мы видимъ въ томъ, что графическій генезисъ многихъ начертаній, входящихъ въ составъ и египетскаго письма, начиная съ пиктографіи и кончая силлабо-пиктографическимъ письмомъ, включая гіератическое и демотическое письмо, не подвергался спеціальнымъ изслѣдованіямъ, съ примѣненіемъ методовъ этнографіи и съ такими широкими археолого-этнографическими параллелями, каковыя возможны только вблизи перворазрядныхъ музеевъ и въ библіотекахъ, обладающихъ всѣми спеціальными книгами и пособіями. Въ такомъ спеціальномъ изслѣдованіи въ настоящее время чувствуется настоятельная потребность. Внимательное ознакомленіе съ древне-египетскимъ письмомъ различныхъ эпохъ убѣждаетъ въ томъ, что это „письмо божественныхъ словъ“, какъ оно титулуется на розетскомъ камнѣ не могло, конечно, отрѣшиться отъ древнѣйшихъ знаковъ, но не могло устоять и противу вторженія символическихъ знаковъ различныхъ эволюціонныхъ ступеней, и въ немъ легко можно выдѣлить большое количество знаковъ, изображающихъ соотвѣтственныя выраженія мимическаго языка. Психологическое состояніе пишущаго, при переходѣ отъ попытки сразу нарисовать самую мысль къ болѣе легкой и цѣлесообразной попыткѣ записать (что особенно важно) мимическую рѣчь, отразилось и въ египетскихъ начертаніяхъ. Самый поверхностный анализъ и сортировка египетскихъ начертаній показываетъ разновременность ихъ появленія, и графическія наслоенія могутъ быть выдѣлены только по династіямъ, при которыхъ они впервые появляются въ священномъ письмѣ. Этотъ трудъ также желателенъ и даже необходимъ для этнографовъ, но свершить его могутъ только египтологи.

Такую же смѣсь различныхъ письменныхъ наслоеній мы видимъ и на грубыхъ примитивныхъ петроглифахъ Енисея и многихъ другихъ мѣстностей. Особенно интересно то, что нѣкоторые древнѣйшіе молитвенные символы у вавилонянъ, ассиріянъ,

египтянъ и даже грековъ въ позднѣйшее время, повидимому, уже не понимались, особенно послѣ превращенія ихъ скульпторами и живописцами въ конкретные образы, нерѣдко совершенно несоотвѣтствующіе ихъ первоначальному значенію[1]). Такъ, можетъ быть, не понимались[2]) и древними евреями символическіе знаки, вошедшіе въ ихъ и финикійскій алфавитъ. Очевидно, для школьныхъ дидактическихъ соображеній, а, можетъ быть, и изъ религіозныхъ имъ даны были названія, въ большинствѣ случаевъ явно несоотвѣтствующія начертаніямъ. Ознакомившись съ древне-ассирійскими и древне-греческими (изъ Малой Азіи) цилиндрами, съ религіозными начертаніями троянскихъ напряслицъ, изучивъ петроглифы, вникнувъ въ графическій генезисъ алфавита Енисея и Орхона, мы подъ давленіемъ вѣскихъ указаній рѣшились выдѣлить эту форму. Орнаментъ и татуировка австралійцевъ и особенно письмо на маленькомъ островѣ Пасхи[3]) на крайнемъ востокѣ Полинезіи, умершее именно на мимико-графической стадіи, на формѣ пиктографо-символической, вывели насъ изъ колебанія. Одна изъ центральныхъ фигуръ въ характерной позѣ танца „коробори", колдунъ у дерева, много другихъ своеобразныхъ символическихъ фигуръ, животныхъ, крылатыхъ человѣкоподобныхъ существъ, самый рисунокъ, стилизація, строчное расположеніе, — все носитъ печать самобытности, все, повидимому, говоритъ объ отсутствіи графическаго заимствованія изъ Азіи и изъ Америки.

Второй звуковой періодъ эволюціи письма. — Въ отличіе отъ предыдущаго періода его можно называть и фонетическимъ письмомъ, записывающимъ рѣчь, противополагая его предшествующей мимико-графической стадіи письма, также записывающей рѣчь, но мимическую. Теперь, въ звуковомъ періодѣ, письмо вмѣстѣ со слухомъ, служитъ уже рѣчи, — зрѣнію же предоставлена скромная роль простого посредника. Переходную эпоху мы не выдѣляемъ и относимъ ее къ началу звукового періода письма, она еще мало разработана. Слишкомъ много мѣстностей, гдѣ должны храниться древнѣйшіе памятники письма, еще не подвергалось обстоятельнымъ и систематическимъ обслѣдованіямъ, и матеріалъ для графическихъ параллелей въ этомъ направленіи далекъ еще отъ желаемой полноты.

Звуковой періодъ письма раздѣляется на двѣ эволюціонныя стадіи: 1) *слоговую* (силлабическую) и 2) *буквенную* (алфавитную).

Выше мы старались разъяснить, что мимико-графическіе знаки, какъ пережитки языка жестовъ, константируютъ эволюціонныя психо-физіологическія явленія большой важности.

---

[1]) Родовые знаки или гербы нѣкоторыхъ боговъ, напримѣръ: Зевса (См. Forrer Archoel. Reallex. 862. Т. 268; тамъ же Гермесъ, 864, Т. 260); Посейдонъ (Шантепи-де-ля-Сосей, II, 281, ср. 51 и Forrer. 517. Т. 123. 7), у котораго религіозный символъ конкретировался въ трезубецъ — рыболовную острогу; Гермесъ (Шантепи, II, 291, рис. 55); Рамманнъ (Шантепи, Илл. ист. религ. I, 195, рис. 38); Мардукъ (Шантепи, 198, рис. 39) и многіе другіе примѣры.

[2]) Замкнутость мимическихъ знаковъ и предметныя названія, данныя имъ въ алфафитѣ, мы склонны признавать сознательно сдѣланными, чтобы религіозные жесты политеистовъ не вспоминались. Ср. съ арамейскими начертаніями тѣхъ же буквъ.

[3]) Ратцель. Народовѣдѣніе. С.-Пб. 1900 г., стран. 77 (сопост. съ 37 и слѣд.). Не вѣрится, чтобы это письмо сохранилось только на щитѣ, должны бы остаться и петроглифы.

Къ этому виду письма мы относимъ ряды начертаній на троянскихъ вазахъ (№№ 1010 и 1011). H. Schlimann. Illios. Leipzig 1881, стран. 587 и 588, см. и статью A. H. Sayce, Die Inschrift von Hassarlik, стран. 772.

Предшествіе слоговой стадіи письма въ звуковомъ его эволюціонномъ періодѣ — явленіе, еще болѣе многознаменательное, — оно ясно указываетъ причину, почему эволюція не могла обойти этотъ этапъ: она кроется въ отсталости психофизіологической эволюціи органовъ слуха и рѣчи, отсталость ея, сравнительно съ эволюціей органовъ зрѣнія и мимическаго языка, очевидна и вполнѣ естественна. Минуя всѣ различія въ соотношеніяхъ и въ совокупности дифференціаціи, интеграціи и координаціи всѣхъ органовъ, связанныхъ съ эволюціею слуха и рѣчи, вспомнимъ только, что скорость распространенія свѣта въ 900.000 разъ болѣе скорости распространенія звука и сравнительная медленность эволюціи слуха и рѣчи окажется неизбѣжной необходимостью.

Чтобы подойти къ элементамъ простѣйшей мысли, чтобы расчленить ея звуковое выраженіе, чтобы путемъ долгой практики инстинктивно усвоить трехчленность простѣйшаго предложенія, выдѣлить названія предметовъ, дѣйствій, качествъ, человѣкъ долженъ былъ пройти долгій и трудный путь: овладѣть предметною формою мышленія и подойти къ отвлеченной.

Зная продолжительность перваго неудавшагося сразу опыта расчлененія словъ на простые неразлагаемые звуки, мы поймемъ, какія усилія требовались, чтобы человѣкъ могъ преодолѣть всѣ вышеперечисленныя эволюціонныя затрудненія. И только, практикуя систему письма, построенную на нерасчлененномъ звуковомъ основаніи, внимательно вслушиваясь въ записываемую рѣчь, упражняясь въ артикуляціи и совершенствованіи голоса, человѣкъ все болѣе и болѣе развивалъ и свой слухъ и достигалъ наибольшей отчетливости въ произношеніи, и тогда только онъ овладѣлъ расчлененіемъ словъ на простые звуки, тогда только упростились и задачи письма: оставалось только каждому простому звуку человѣческаго голоса дать особый знакъ.

Вопросъ о наибольшемъ упрощеніи письма, какъ средствѣ общенія, повидимому находился нѣкоторое время въ такомъ положеніи, что и передовымъ людямъ того времени наиболѣе заинтересованнымъ въ его скорѣйшемъ рѣшеніи, появленіе алфавита показалось чудесною неожиданностью. И служители религіи различныхъ семитическихъ народовъ, судя по имѣющимся скуднымъ палеографическимъ матеріаламъ, исполняли графическую сторону уже рѣшеннаго въ звуковомъ отношеніи вопроса по своему усмотрѣнію, пользуясь для означенія буквъ знаками быстро вымиравшаго мимическаго языка и сигнографическими символами наиболѣе чтимыхъ мѣстныхъ божествъ и важнѣйшими изъ знаковъ молитвеннаго обращенія къ этимъ божествамъ. Какъ извѣстно, что для цѣлей алфавитнаго письма долгое время служили рисунки и начертанія давно умершихъ эволюціонныхъ формъ „письма священнаго“ и знаковъ мимическаго священнаго до-алфавитнаго письма, въ существованіи котораго мы не видимъ основаній сомнѣваться. То же этнографическое явленіе произошло и съ болѣе древними письменными начертаніями, практиковавшимися въ послѣдней формѣ умиравшаго свѣтового письма.

Первая — слоговая или силлабическая стадія звуковой системы письма, по начертаніямъ, въ ней употреблявшимся, можетъ быть подраздѣлена на слѣдующія формы силлабическаго письма:

1) Пиктографическая или гіероглифическая.

Для новаго способа письма египтяне воспользовались тѣми же характерно стилизированными схемами-рисунками, которые употреблялись ими въ началѣ предыдущаго эволюціоннаго періода письма, но изъ нихъ они выбрали простѣйшіе по начертанію и легчайшіе по исполненію (около 500). Эти пиктографическіе пережитки стали изображать уже не цѣлыя понятія, какъ прежде, но отдѣльный только слогъ записываемаго слова. Причину первоначальнаго пренебреженія гласными мы склонны видѣть не только въ неясности и разнообразіи ихъ произношенія, но, главнымъ образомъ, въ недостаточной развитости слуха.

2) Конкретно-сигнографическая клинопись.

Родоначальникомъ клинописи признается линейное сумерійское письмо, состоящее изъ линейныхъ фигуръ идеографическаго характера[1]). Намъ не удалось видѣть удовлетворительныхъ рисунковъ и фототипій съ эстампажей этого письма, но по маленькимъ гравюрамъ архаическихъ памятниковъ[2]) мы склонны заподозрѣвать въ немъ даже элементы и мимико-графическаго письма. Переходъ отъ линіи къ клину обусловливается свойствами матеріала для письма (чаще всего — глина). Въ анализѣ рѣчи халдейцы дошли до слоговъ[3]).

Въ основѣ, ассиро-вавилонское письмо совершенно согласно съ египетскимъ гіероглифическимъ письмомъ, — вся разница заключается въ томъ, что вмѣсто рисунковъ предметовъ взяты знаки предметовъ (конкретная сигнографія) и, кромѣ того, присоединены и условно-символическіе ребусные знаки (идеограммы).

У вавилонянъ одновременно существовало двѣ системы клинописи: древнѣйшая — конкретно-сигнографическая, сохранившая слѣды первоначальныхъ изображеній, съ названіемъ предметовъ на вавилонскомъ нарѣчіи и вторая, съ тѣми же знаками, но съ слоговымъ значеніемъ, несоотвѣтствующимъ вавилонскимъ, а согласующимся съ начальными слогами наименованій предметовъ на кушитскомъ нарѣчіи, на которомъ говорили сумиры, туранцы, у которыхъ вавилоняне заимствовали письмо[4]). Это несоотвѣтствіе между однимъ конкретно-сигнографическимъ изображеніемъ и различнымъ силлабическимъ произношеніемъ одного и того же письменнаго знака, намъ кажется, заслуживаетъ спеціальнаго изслѣдованія въ направленіи возможнаго отраженія его и на древне-семитическомъ нарѣчіи самихъ вавилонянъ.

3) Сигно-символо-гіероглифическое.

Письмо гиттитовъ, по скольку оно выяснилось, силлабическое, по начертанію оно носитъ переходные слѣды отъ картиннаго (пиктографическаго) письма къ знаковому (сигно-графическому) изображенію предметовъ, примѣсь символическихъ и ми-

---

[1]) Тураевъ. Б. Клинопись. «Энц. Слов.» 29, стран. 401. — Шницеръ, Я. Халдейское письмо. Ист. пис. стран. 69—75.

[2]) Шницеръ, Фигурныя письмена. — Иллюстр. ист. письм., изд. Маркса. рис. 45. А. И. Кельсіевъ, 1880, стран. 86.

[3]) Тамъ же, стран. 71.

[4]) «Энц. Слов.» 29, стран. 401. — Б. Шницеръ. Истор. письм., стран. 72. — Шантепи-де-ла Сосей. Иллюстр. ист. религій. I, стран. 178 (примѣчаніе).

мико-графическихъ знаковъ, въ соединеніи съ характерною стилизаціею начертаній, съ отраженіями египетскаго вліянія. Кромѣ того, во многихъ фигурахъ гиттическаго письма замѣчается сходство[1]), которое не можетъ быть объяснено простою случайностью, съ кипрейскимъ слоговымъ письмомъ, генезисъ котораго также нельзя признать достаточно выясненнымъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, мы выдѣляемъ гиттическое письмо въ особую переходную форму слогового письма, занесеннаго и на островъ Кипръ, гдѣ оно преобразовалось въ вышеназванное кипрейское слоговое письмо[2]).

4) Сигно-мимико-графическое (запись знаками языка тѣлодвиженій, жестовъ и перстосложеній).

При параллеляхъ енисейскаго алфавита съ древне-еврейскимъ, финикійскимъ и съ прочими древне-семитическими алфавитами, съ древне-греческими, латинскими и другими алфавитами, не исключая древне-китайскаго, корейскаго (народнаго) и японской катаканы, съ китайскими ея прототипами, при сопоставленіи съ петроглифами и различными памятниками изобразительнаго искусства на островѣ Кипрѣ, въ Малой Азіи, въ Крыму, на Орхонѣ и въ верховьяхъ Енисея, съ родовыми знаками и знаками собственности, гербами, знаменами, стигматами, тамгами тюркскихъ, тюрко-алтайскихъ народностей средней, сѣверной Азіи, сѣверо-восточной Европы, съ небольшимъ нумизматическимъ матеріаломъ, — мы убѣдились, какой высокій научный интересъ имѣетъ енисейскій алфавитъ, сохранившій около 50 знаковъ (своеобразнаго начертанія)[3]) мимическаго языка и только нѣсколько знаковъ символическаго характера, не считая ихъ четырехсторонних поворотовъ, ясно говорящихъ о ихъ религіозномъ генезисѣ.

Въ катаканѣ (силлабическое японское письмо) и въ корейскомъ алфавитѣ (силлабо-фонетическомъ) значительный процентъ мимико-графическихъ знаковъ.

Вторая стадія звуковой системы письма.

Фонетическое или *алфавитное письмо*, по буквеннымъ начертаніямъ сигно-мимико-графическое.

Несмотря на различія въ начертаніи нѣкоторыхъ буквъ, не смотря на отличія въ манерѣ письма, почеркѣ, зависящихъ въ значительной степени и отъ письмен-

---

[1]) См. табл. XI, строки 13 и 14, знаки въ скобкахъ, сверху гиттическія, а внизу — слогового кипрейскаго алфавита.— Deecke, «Der Ursprung der Kypr. Sylbenschrift. Jtr., 1877. — Sayce, «The Empire of the Hittites», L, 1886, стран. 177.

[2]) Кипръ, съ точки зрѣнія графическихъ видоизмѣненій въ формахъ письма, со временемъ можетъ доставить интересный матеріалъ для выясненія графическихъ видоизмѣненій въ формахъ письма различныхъ народностей, оставившихъ на немъ письменные памятники своего пребыванія. Гиттиты, финикіяне, дорійцы, іоняне, ассиріяне (VIII в. до Р. Х.), хотя греческій элементъ еще долго оставался преобладающимъ. Господствующимъ языкомъ былъ древне-греческій, преимущественно эолійскій и дорійскій діалекты. Рядомъ съ клинописью, рядомъ съ финикійскимъ алфавитомъ и древне-греческимъ на о. Кипрѣ видимо долго существовало и слоговое письмо кипрейское, которое нынѣ читается уже безъ всякихъ затрудненій.

[3]) Не считая поворотовъ начертаній при бустрофедонномъ письмѣ и поворотовъ многихъ символовъ— буквъ къ землѣ. См. табл. XI, E и F 10—14.— Cypern, L. P. di Cesnola. Jenna, 1879. Cypr. Inschrift, p. 392—397 T. XCVII—CIV.— Salaminia, A. P. Cesnola, Lond. 1884. Cypriote characteres, 16—17, рисунки съ дублетными знаками.— H. Schliman. Ilios. Leipz. 1881. См. табл. A. Sayce. Die Inschrift von Hessarlik S. 766—781.

ныхъ матеріаловъ и отъ орудій и способовъ письма, невзирая на характерное для каждаго народа стилизированіе буквенныхъ изображеній, особенно ясно выразившееся въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ алфавитахъ, несмотря на нѣкоторыя другія графическія особенности, мы не рѣшаемся дѣлать подраздѣленій этой стадіи письма, особенно при такомъ обзорѣ, на особыя группы или разновидности. Алфавиты объединены тѣмъ, что всѣ они построены на одномъ основаніи.

Но есть нѣкоторыя этнографическія соображенія, чисто графическаго свойства, на которыя мы уже обращали вниманіе, по которымъ эту стадію фонетическаго письма слѣдовало бы подраздѣлить на двѣ эпохи: древнѣйшую эпоху первоначальнаго фонетическаго и буквеннаго состава алфавитовъ, характеризующуюся полиморфизмомъ, обиліемъ дублетныхъ знаковъ, и новѣйшую, когда большинство древнѣйшихъ алфавитовъ вполнѣ установилось.

Изъ предыдущаго уже можно было увидѣть, насколько наши взгляды на генезисъ буквенныхъ начертаній расходятся съ общераспространенными воззрѣніями на этотъ предметъ[1]) и насколько этотъ застоявшійся вопросъ нуждается въ движеніи.

Трудно согласиться съ предположеніями о томъ, что алфавитъ зародился подъ небомъ Египта и выросъ на почвѣ гіероглифической и гіератической системы. И теперь уже не мало данныхъ, указывающихъ на то, что полная дифференціація письма, его обособленіе отъ культа и послѣдовавшее вслѣдствіе этого открытіе алфавита произошло внѣ этого центра древнѣйшей цивилизаціи, гдѣ легче было отрѣшиться отъ графическаго балласта въ нѣсколько тысячъ свѣтовыхъ знаковъ, чтобы остаться при двухъ десяткахъ звуковыхъ знаковъ. Кочевники, передвигающіеся народы, переселенцы, торговцы, мореплаватели — болѣе нуждающіеся въ письмѣ, какъ самостоятельномъ средствѣ общенія, представляются намъ болѣе вѣроятными изобрѣтателями алфавита. Историческія и особенно археологическія показанія, съ которыми мы мѣли дѣло, пока склоняютъ къ послѣднему соображенію.

По графическимъ указаніямъ, изъ семитическихъ алфавитовъ арамейскій и южные алфавиты, кажутся намъ, древнѣе еврейскаго.

Параллели приводятъ насъ къ заключенію, что буквенные знаки, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, отнюдь не могутъ быть признаны совершенно самостоятельными и обособленными графическими изобрѣтеніями неизвѣстныхъ составителей алфавитовъ. Хотя заимствованія изъ памятниковъ, хранящихъ образцы древнѣйшихъ эволюціонныхъ стадій письма, не подвержены никакому сомнѣнію, но, по отношенію силлабической и алфавитной формы, съ буквами, изображенными знаками (не рисунками), мы, путемъ тщательныхъ сравненій, убѣдились, что эти знаки выбирались изъ мимикографической группы начертаній свѣтовой системы письма: преимущественно изъ двухъ ея послѣднихъ формъ: сигно-графической и символической.

Въ текстѣ, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, приведены основанія высказаннаго заключенія. Конечно, мы далеки отъ претензіи рѣшать этотъ вопросъ исчерпывающимъ

---

[1]) Я. Б. Шницеръ. Иллюстр. вс. ист. письм. С.-Пб. 1903. Стран. 93—108, съ заключеніемъ, что алфавитъ *впервые* зародился у еврейскаго народа и зародился подъ небомъ Египта.

образомъ: онъ слишкомъ разностороненъ и слишкомъ сложенъ, онъ требуетъ соединенныхъ усилій многихъ изслѣдователей, особенно, если его тѣсно связать и съ спеціально лингвистическими задачами, что въ высшей степени желательно. Постановкѣ вопроса о пересмотрѣ генезиса алфавитныхъ знаковъ мы придаемъ бо́льшее значеніе, чѣмъ высказанному его предрѣшенію.

При пересмотрѣ въ параллеляхъ буквенныхъ начертаній, не должно быть дѣлаемо никакихъ натяжекъ и произвольныхъ толкованій, — къ каждой буквѣ должны быть даны *всѣ ея палеографическія формы*. Общія параллельныя таблицы наиболѣе употребительныхъ начертаній всѣхъ древнѣйшихъ алфавитовъ должны обязательно сопровождаться дополнительными сравнительными таблицами всѣхъ безъ изъятія начертаній къ каждой буквѣ. Такой палеографическій матеріалъ для изслѣдованій этнографическихъ будетъ имѣть весьма важное значеніе. До-алфавитныя начертанія гіероглифическіе, гіератическіе, родовые знаки, тождественныя имъ, сходныя мимико-графическія и буквенныя начертанія должно параллелизировать сперва совершенно независимо отъ ихъ звукового значенія. Конечно, послѣднее также должно быть изображено, но на особыхъ сравнительныхъ таблицахъ. Недостаточность имѣвшихся у насъ матеріаловъ мы сознаемъ вполнѣ, но и то немногое, что мы въ силахъ были собрать, приводило не только къ постановкѣ, но и къ нѣкоторому предрѣшенію вопроса, умалчивать о чемъ изслѣдователь едва ли въ правѣ.

Древнѣйшая эпоха алфавитнаго письма характеризуется простотою начертанія буквъ, преобладаніемъ прямыхъ линій; кругъ и округленныя линіи замѣчаются очень рѣдко въ болѣе древнихъ алфавитахъ европейскихъ народовъ, у народовъ же семитическихъ, даже и въ древнихъ алфавитахъ замѣчаются и округленныя очертанія въ буквахъ и сравнительно большее разнообразіе въ ихъ начертаніи.

Въ алфавитахъ позднѣйшихъ въ начертаніи буквъ замѣчается несравненно большее разнообразіе, не всегда объяснимое письменными принадлежностями, и нерѣдко ясно констатирующее стилизаціонную вычурность. Поучительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляютъ нѣкоторые изъ многочисленныхъ алфавитовъ Индіи. Нѣкоторые алфавиты Индіи носятъ графическій отпечатокъ аскетизма, но въ нѣкоторыхъ знаки языка движеній выражены съ такою размашистостію, что ихъ можно назвать танцующими[1]).

Палеографія древнѣйшихъ алфавитовъ, повидимому, мало разработана; болѣе разработана палеографія греческихъ и латинскихъ алфавитовъ. Семитическіе древнѣйшіе алфавиты, древнія разновидности арамейскаго алфавита и *особенно южные*, по разнообразію дублетныхъ знаковъ весьма интересные — они или разработаны мало или въ нихъ еще мало накопилось матеріаловъ въ этомъ направленіи, за малымъ числомъ древнѣйшихъ надписей. Сводныхъ работъ по палеографіи древнѣйшихъ алфавитовъ, которые могли бы облегчать этнографамъ использованіе этого матеріала, еще

---

[1]) Интересующимся предлагаемъ сравнить хотя начертанія буддійскихъ пещеръ, алфавитъ Ашоки, Па-ссе-па, Деванагари и Пали съ интереснѣйшими для уясненія генезиса алфавитами тэлугусскимъ, сингалезскимъ, бирманскимъ и особенно сіамскимъ. См. сравнит. табл. индійскихъ алфавитовъ у Шницера. «Вс. иллюстр. истор. письм.», къ стран. 164.

нѣтъ, — приходится ознакомляться съ отдѣльными работами. Во всѣхъ алфавитахъ въ началѣ замѣчается, что одинъ и тотъ же звукъ означается различными знаками даже у одной и той же народности въ различныхъ мѣстностяхъ или въ различное время. Число этихъ дублетныхъ знаковъ для одной буквы доходитъ иногда до 5—6, но въ среднемъ, въ греческихъ и латинскихъ алфавитахъ будетъ около 2—3 дублетныхъ знаковъ на каждую букву, если не болѣе. По преобладанію и разнообразію знаковъ языка жестовъ, особенно поучительны дублетные знаки южно-семитическихъ алфавитовъ и арамейскаго алфавита[1]). Это проявленіе полиморфизма общее для всѣхъ древнихъ алфавитовъ въ періодѣ ихъ установки, очевидно, не случайное: оно должно обусловливаться одною общею этнографическою причиною, кроющеюся въ томъ, что для означенія буквъ всюду употреблялись религіозные знаки и символы, входившіе въ предшествующую послѣднюю стадію зрительнаго или свѣтового письма. Долго господствовавшая предвзятая мысль, что человѣчество, принимая единство фонетической основы новой системы, обязательно должно было объединиться и *графически*, т.-е принять единое для всѣхъ буквъ начертаніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; знаки для алфавита-прототипа были готовы. Однообразіе языка тѣлодвиженій и жестовъ, господствовавшаго въ религіозной практикѣ народностей того времени, привело къ единству и международности, такъ сказать, и религіозныхъ начертаній. Этимъ объясняется и быстрота распространенія алфавитовъ и сходство ихъ начертанія[2]) и ихъ устойчивость. Изъ-за предвзятыхъ лингвическихъ соображеній были просмотрѣны нѣкоторые этнографическія явленія, что легко объясняется тѣмъ, что письмо, на всемъ протяженіи его существованія, у всѣхъ народовъ, не подвергалось спеціальнымъ этнографическимъ изслѣдованіямъ въ связи съ петроглифами, которымъ не придавалось особаго значенія, — только поэтому религіозный генезисъ письма и оставался нераскрытымъ съ достаточнтю полнотою и ясностію. При графическихъ параллеляхъ, только въ трехъ алфавитахъ (въ древне-еврейскомъ, въ глаголицѣ и въ алфавитѣ Ульфилы) мы имѣемъ основаніе заподазривать нѣкоторую искусственность въ составленіи немногихъ знаковъ; чаще встрѣчаются варіаціи, стилизаціонныя измѣненія, произвольныя замѣны этнографически полноправныхъ начертаній другими, иногда дисгармонирующими съ ближайшими параллельными знаками для тѣхъ же звуковъ. Эти немногія исключенія мы склонны объяснить религіозными соображеніями составителей этихъ алфавитовъ, старавшимися избѣгать древнихъ религіозныхъ символовъ, измѣнять ихъ до неузнаваемости, давать имъ особыя названія, чтобы не вводить въ соблазнъ новообращенныхъ. И здѣсь мы видимъ косвенное подтвержденіе нашего взгляда на генезисъ буквенныхъ начертаній изъ религіозныхъ графическихъ начертаній, — въ то время религіозный смыслъ многихъ древнихъ символовъ еще не былъ совсѣмъ забытъ.

Поучительный примѣръ представляетъ клинописная фонетическая форма, которую мы не выдѣляемъ въ особую группу, потому что она, какъ стенографическій и теле-

---

[1]) Forrer. Archeol. Reallexicon. Ss. 710, 716.

[2]) Д. А. Клеменцъ. Древн. Минус. Музея. Т. 1886. Стран. 41 и 75.

графный алфавитъ, подходитъ подъ нашу графическую характеристику алфавитной стадіи письма: стоитъ только отбросить видовой признакъ „мимико-графическій и оставить родовой „сигно-графическій“, пояснивъ: двузначный, комбинаціонный и т. п. И въ данномъ случаѣ мы отнюдь не видимъ здѣсь изобрѣтенія знаковъ, а подчиненіе, въ одномъ случаѣ, матеріалу для письма, а, въ другомъ, въ телеграфномъ, подчиненіе орудію письма и обязательному движенію его по одной прямой линіи.

Персы, покоривъ, въ VI вѣкѣ до Р. Х., Вавилонъ, подчинились въ значительной степени его культурѣ, заимствовали, между прочимъ, и клинопись, но изъ четырехъ знаковъ взяли только два: клинъ и уголъ[1]). Силлабическую систему они отстранили, какъ несовершенную, приняли фонетическую, изобразивъ буквы комбинаціями вышеозначенныхъ двухъ знаковъ.

Изъ точекъ и тире, и для общепринятыхъ орудій письма, примѣнивъ комбинаціонный способъ, можно выработать также очень компактное письмо, но шифры не входятъ въ кругъ нашего изслѣдованія. Конечно, древнѣйшіе шифры, съ символическими загадочными знаками, могли бы доставить цѣнный матеріалъ и для интересующихся эволюціею письма и стремящихся собрать возможно большее количество растерянныхъ знаковъ нѣкогда существовавшаго мимическаго письма.

Приведя, для сравненія, телеграфное письмо, какъ объясненіе причины происхожденія искусственныхъ знаковъ, мы напомнимъ, что, при быстромъ производствѣ этой письменной работы на аппаратѣ, искусною наторѣлою рукою, происходитъ и звуковое воспроизведеніе телеграммы, какъ на передающей, такъ и на принимающей станціи. Среди профессіональныхъ телеграфистовъ, обладающихъ тонкимъ и воспріимчивымъ слухомъ, встрѣчаются, какъ извѣстно, такіе, которые понимаютъ телеграмму по слуху, по ударамъ ключа. Удивительна эта профессіональная приспособляемость слуха къ расчлененію знаковъ и къ автоматическому быстрому превращенію комбинаціоннаго ряда изъ двухъ условныхъ однообразныхъ звуковъ въ слова и предложенія. Большинство не только обыкновенныхъ людей, но и начинающихъ служащихъ на телеграфѣ слышатъ только трескъ, который имъ кажется нерасчленяемымъ.

На такую звуковую запись человѣческой рѣчи, намъ кажется, слѣдуетъ обратить вниманіе значительно большее, чѣмъ это дѣлается теперь.

Напримѣръ, такъ называемый „барабанный языкъ“ или „барабанный телеграфъ“, распространенный въ Африкѣ до Нила и по бассейну Конго и въ Америкѣ, отмѣченъ многими путешественниками, но обстоятельной и вполнѣ опредѣленной записи барабанныхъ сигналовъ еще не сдѣлано[2]). А, между тѣмъ, *запись человѣческой рѣчи* можетъ быть сдѣлана звуками барабана только по алфавитной системѣ, т.-е. по предварительномъ расчлененіи человѣческой рѣчи на отдѣльные звуки и послѣ переложенія ея на барабанную рѣчь. Если высказанное предположеніе окажется согласнымъ съ дѣйствительностью, то наличность письма „звуками барабана“ предста-

---

[1]) Шницеръ. Вс. истор. письмен. С.-Пб. 1903. Стран. 77. — Клинопись. Б. Тураевъ. Энц. Словарь Бр. и Эфр. 29. 401—402.

[2]) Ратцель, Народовѣдѣніе, I т., стран. 36; II т. 19, 95 и 294. — Шурцъ, Исторія перв. культуры, пер. Д. А. Клеменцъ, стран. 498 и 517.

вляетъ замѣчательнѣйшее этнографическое явленіе. Въ письменномъ общеніи особой надобности не было, но въ быстромъ звуковомъ общеніи ощущалась настоятельная надобность, — надо было охранять себя отъ внезапныхъ нападеній, надо было немедленно оповѣщать своихъ соплеменниковъ и просить защиты: и человѣкъ одарилъ барабанъ языкомъ, видимо ожидающимъ спеціалистовъ по сравнительному языковѣдѣнію, чтобы уловить тайну превращенія человѣческихъ словъ въ барабанные. Этнографамъ это что-то не удается. И о тѣхъ же неграхъ въ весьма компетентныхъ этнографическихъ трудахъ говорится какъ о народахъ, не обнаруживающихъ никакихъ признаковъ письменности[1]). О музыкальныхъ инструментахъ тѣхъ же негровъ — говорится, и не мало, и эти же негры отмѣчаются путешественниками народомъ, склоннымъ къ музыкѣ, имѣющимъ, слѣдовательно, нѣкоторую подготовку къ анализу звуковъ человѣческой рѣчи, а своеобразное исполненіе этой задачи на барабанѣ оставлено безъ обслѣдованія. Число сигналовъ, ихъ особенности, темпъ, паузы, вообще основы этого барабаннаго общенія между туземцами Африки и Америки обстоятельно не выяснены. Свирѣльный языкъ гомеровъ[2]) пастуховъ тоже своего рода звуковое письмо, его основы и системы необходимо также узнать; если и здѣсь констатируется расчлененіе рѣчи и пріурочиваніе опредѣленнаго сигнала къ каждому звуку, то мы имѣемъ дѣло съ звуковымъ письмомъ[3]). И съ вопросомъ о наличности или отсутствіи заимствованія, египтянами или евреями у негровъ или обратно, основъ фонетическаго письма этнографамъ предстоитъ имѣть дѣло. При наличности вышеотмѣченныхъ этнографическихъ явленій въ барабанномъ и свирѣльномъ языкахъ, этнографія не ограничится однимъ выраженіемъ пренебреженія къ низшему состоянію культуры негровъ. Если негры дѣйствительно звуками пишутъ рѣчь человѣка, приспособивъ передачу ея къ звуковымъ особенностямъ барабана, то такая разновидность алфавитнаго письма можетъ быть отстранена отъ участія въ заимствованіи только на серіозныхъ научныхъ основаніяхъ. Нѣтъ спора, общій культурный инвентарь негровъ центральной Африки бѣденъ, но они могли тысячелѣтія обладать спеціальнымъ барабаннымъ алфавитомъ, или барабаннымъ языкомъ. Общеизвѣстная неподвижность культуры восточныхъ, полярныхъ и экваторіальныхъ народовъ, въ данномъ случаѣ, въ значительной степени, усиливается географическою обособленностью негрскихъ народностей, тогда какъ хамиты и особенно хамито-семиты устья Нила, какъ торговцы, могли попадать въ область распространенія барабаннаго языка и, владѣя ихъ языкомъ, легко могли воспринять основы звуковой сигнализаціи и примѣнить ихъ къ алфавитному письму. Объ обратномъ заимствованіи, т.-е. о воспріятіи этого музыкальнаго инструмента отъ карфагенянъ, грековъ, македонянъ, римлянъ, египтянъ, ассиріянъ и т. д. затруднительно думать: нѣтъ указаній, чтобъ именно барабанъ былъ у нихъ въ употребленіи въ войскахъ и въ музыкѣ[4]). Европейскіе военные едва ли могутъ отстаивать заим-

---

[1]) Ратцель, Народовѣдѣніе, II т., стран. 95.

[2]) Ратцель, Народовѣдѣніе, I томъ, стран. 39. — Г. Шурцъ. См. сигнальный свистокъ племени Бали, Камерунъ, стран. 476—477.

[3]) Тамъ же, т. II стран. 19, 95 и 294.

[4]) R. Forrers Archeol. Reallexicon, S. 852.

ствованіе барабана неграми отъ европейцевъ: какъ музыкальный инструментъ барабанъ въ рукахъ европейцевъ нѣсколько эволюціонировалъ, но какъ пишущій звуками инструментъ барабанъ европейскимъ войскамъ совершенно неизвѣстенъ. Для европейцевъ барабанъ — тактовый, сигнальный и музыкальный инструментъ, а для негровъ, какъ бы не рѣшился вопросъ объ ихъ барабанномъ языкѣ, барабанъ — весьма практичная письменная принадлежность, своего рода пишущая машина; барабанщикъ-европеецъ только музыкантъ, а негръ — звукописецъ, точно и быстро, автоматически отбарабанивающій диктуемую рѣчь на барабанѣ, и также быстро и непринужденно воспринимающій и правильно передающій далѣе барабанный отвѣтъ.

Напомнимъ объ участи мангбаттовъ, о ихъ мирной оазисной культурѣ, объ ихъ любви къ музыкѣ и объ ихъ музыкальныхъ инструментахъ, напомнимъ о высокомъ умѣньи выдѣлки весьма разнообразныхъ инструментовъ африканскими неграми[1]). Это этнографическое явленіе отмѣчено всѣми путешественниками и признается единственнымъ въ своемъ родѣ. Излишне разъяснять насколько легче для развитого слуха, исполнить трудную задачу расчлененія человѣческой рѣчи на элементарные звуки. Только тѣмъ, что путешественники не заподазривали эволюціонной связи звукового барабаннаго письма съ графическимъ алфавитнымъ письмомъ и можно объяснить, что замѣчательнѣйшее въ научномъ отношеніи явленіе было только отмѣчено, какъ любопытный курьезъ, и система сигнализаціи высказана только нѣкоторыми изъ путешественниковъ и то въ самыхъ общихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, не доводя объясненія до конца[2]).

Барабанный языкъ негровъ и отсутствіе у нихъ настоящей письменности, нѣкоторые могутъ находить этнографическими явленіями, противорѣчащими другъ другу. Но обязанность этнографовъ по отношенію этихъ вопросовъ и состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, чтобы обстоятельнѣйшимъ образомъ, до мельчайшей детали, обслѣдовать и изучить первое явленіе, съ широкими параллелями, и монографически провѣрить прежнія и собрать новыя данныя о графическомъ письмѣ, изложить бытовыя условія жизни негрскихъ племенъ, ихъ отношеніе между собою, и когда барабанъ, какъ орудіе общенія, окажется и цѣлесообразнѣйшимъ орудіемъ самозащиты, тогда выяснится поскольку племенное, общественное или личное чувство самосохраненія натолкнуло человѣка на барабанное письмо. Можетъ быть, удастся выяснить и относительную древность употребленія барабана у дикихъ народностей Центральной Африки и Южной Америки и дѣйствительное отсутствіе у нихъ даже пережитковъ свѣтового письма.

Какъ нарушеніе эволюціонной послѣдовательности формъ письма, постановка вопроса о возможности заимствованія семитами у негровъ Африки фонетическихъ основъ алфавитной системы можетъ показаться также противорѣчіемъ. Но этнографія представляетъ не мало противорѣчій между дѣйствительностью и апріорными предвзятыми соображеніями. Этнографическія параллели по основнымъ и побочнымъ вопросамъ производимой работы уже привели и насъ къ нѣкоторымъ неожиданностямъ,

---

[1]) Ратцель, I т., стран. 85.

[2]) Г. Шурцъ. Исторія первобытной культуры. С.-Пб. 1906, стран. 498.

и подозрѣніе негровъ въ содѣйствіи эволюціонному развитію письма, закравшееся такъ недавно, хотя и возбуждаетъ и наше недовѣріе, но не склоняетъ насъ къ его замалчиванію. Объ этнографическихъ явленіяхъ, приводящихъ къ сомнѣнію въ наличности или отсутствіи заимствованія, въ виду важности этихъ вопросовъ, умалчивать нельзя, тѣмъ болѣе, что въ эволюціонной послѣдовательности системъ и формъ письма никакого нарушенія мы не видимъ. Когда географическія и политическія условія жизни народа въ теченіе цѣлаго ряда тысячелѣтій не мѣняются, когда грозы и бури времени сравнительно щадятъ народную жизнь, когда нарождающаяся новая этнографическая разновидность не только не подпадаетъ подъ какой-либо гнетъ или давленіе, а, наоборотъ, поощряется и поддерживается чувствомъ общественной безопасности, тамъ ея эволюціонное развитіе можетъ происходить сравнительно очень быстро и достигать изумительныхъ результатовъ.

Малайскіе острова въ послѣдовательности культурныхъ стадій отличаются отъ ближайшихъ частей азіатскаго материка и напоминаютъ Африку[1]) тѣмъ, что и тамъ, повидимому, не было бронзовой эпохи, а отъ камня человѣкъ перешелъ прямо къ желѣзу. Какъ извѣстно, распространеніе обработки желѣза въ Африкѣ, на р. Замбезе, у кафровъ, готтентотовъ и т. д. вообще по всей средней Африкѣ, отличается особою древностію. Въ этой странѣ желѣзный вѣкъ слѣдовалъ, повидимому, непосредственно за каменнымъ[2]). По формѣ оружія было высказано предположеніе, что негры усвоили употребленіе желѣза отъ египтянъ, но и этотъ вопросъ далеко нельзя признать рѣшеннымъ окончательно, исчерпывающимъ образомъ.

Въ Египтѣ, какъ и въ другихъ культурныхъ странахъ, желѣзо, уже бывшее извѣстнымъ, долго не входило въ общее употребленіе, вслѣдствіе того, что его выплавка и выдѣлка были несовершенны и оно по качествамъ уступало бронзѣ. Лишь во второй половинѣ 2-го тысячелѣтія до Р. Х. обработка желѣза, повидимому, вошла въ большее употребленіе въ долинѣ Нила.

Такія отступленія отъ эволюціонной послѣдовательности въ развитіи этнографическихъ видовъ явленія обычныя и неизбѣжныя, при болѣе или менѣе значительныхъ географическихъ, бытовыхъ и историческихъ перемѣнахъ въ жизни народа, а особенно при вторженіи болѣе стойкихъ высшихъ стадій развитія сходныхъ этнографическихъ видовъ.

Все извѣстное по отношенію культурныхъ періодовъ можетъ быть приложено и къ эволюціи письма, и къ барабанному языку африканцевъ и американцевъ: и нѣтъ сомнѣнія, этнографія путемъ своихъ методовъ изслѣдованія и обобщенія, рано или поздно, выяснитъ и этотъ, какъ и многіе другіе вопросы, ожидающіе разрѣшенія.

Енисейскій алфавитъ заимствованъ изъ Малой Азіи. Заподозрѣно это еще Палласомъ и Тихзенъ (Tychsen, 1786), но вполнѣ обстоятельно констатировано по эстампажамъ и приведено въ параллеляхъ финляндскою экспедиціею 1890 г.[3]) и экспедиціею

---

[1]) Ратцель. Народовѣдѣніе, II, 709.—K. Andree. Нидерле. Человѣчество въ доистор. врем. 336.

[2]) M. Hoernes. Die Urgesch. der Menschheit.—Нидерле, Л. Человѣч. въ доистор. врем., стран. 336. Г. Шурцъ. Ист. первобытной культуры, стран. 325 и 326.

[3]) Въ трудѣ, изд. Финно-Угрск. Общ. Inscript. de L'Jenissey et de l'Orkhon. XLIII. См. Т. XIII.

Финно-Угрскаго Общества. Изъ 45—50 особыхъ буквенныхъ знаковъ Енисея и Орхона, 30 знаковъ оказались тождественными съ начертаніями буквъ четырехъ мало-азіатскихъ алфавитовъ: іонійскаго, фригійскаго, ликійскаго и карійскаго. Наибольшее количество тождественныхъ знаковъ оказалось въ ликійскомъ алфавитѣ[1]).

Замѣчательно отсутствіе въ названныхъ алфавитахъ свастическихъ знаковъ, находящихся въ енисейскомъ алфавитѣ въ полномъ составѣ (свастика и совастика), что указываетъ на связь съ алфавитами, арамейскими, финикійскими и пуническимъ. (См. Кипръ[2]), Teima и Aegypt. papyr. 500 лѣтъ до Р. Х.)

Енисейскій алфавитъ заимствованъ у мало-азіатскихъ народностей еще тогда, когда ихъ алфавиты слагались, когда каждая буква могла имѣть два-три и даже болѣе дублетныхъ начертаній и когда направленіе письма справа налѣво стало чередоваться съ теперешнимъ направленіемъ письма (бустрофедонъ).

Но общее количество знаковъ, встрѣчающихся въ енисейскихъ надписяхъ, считая и перевернутые знаки, около 140: число, слишкомъ вѣско характеризующее низкое эволюціонное состояніе и алфавитовъ, отъ которыхъ произошло заимствованіе енисейскаго алфавита.

Чтеніе предугадывалось справа налѣво еще въ XVIII вѣкѣ, что подтверждено позднѣйшими изслѣдованіями; бустрофедонныя строки встрѣчаются сравнительно рѣдко. По этимъ даннымъ, по сравненію съ древне-греческими надписями на островѣ Ѳера, за время отправленія заимствованія изъ Малой Азіи можно брать половину VIII вѣка до Р. Х. время прибытія еще нельзя датировать съ точностью, но среди народовъ Центральной Азіи и на Енисеѣ алфавитъ могъ появиться за нѣсколько вѣковъ до Р. Х.[3])

По надписямъ, около VII вѣка послѣ Р. Х. датируется[4]) тукюэскій алфавитъ, придерживаемся названія, даннаго ему акад. В. В. Радловымъ, хотя О. Доннеръ (O. Donner) даетъ о немъ иныя показанія. Принимая во вниманіе 3-й памятникъ Орхона, Кара Бугаса, гдѣ есть надписи уйгурскія, китайскія и енисейскія, онъ предполагаетъ, что руновидными начертаніями передано древнее письмо уйгурское и что это подтверждаетъ сходство этихъ письменныхъ системъ. По китайскимъ же авторитетнымъ источникамъ признается сходнымъ съ древне уйгурскимъ письмо Хакасовъ, а система Тукюэсцевъ отмѣчается значительно отличающеюся отъ письма Уйгуровъ.

О знакахъ тукюэскаго алфавита акад. В. В. Радловъ говоритъ[5]), что они „навѣрное силлабическіе, но употребляются для обозначенія начинающаго слогъ согласнаго звука“. Большинство авторовъ признаютъ систему письма на Енисеѣ алфавитною (не силлабическою). Регрессъ въ лингвистической основѣ тукюэскаго письма, заим-

---

[1]) Ликія, южная изъ перечисленныхъ греческихъ колоній, которая долѣе всѣхъ была самостоятельною. Страна съ высокою культурою, со многими памятниками искусства. Энц. Слов. 34, стран. 679, См. библіогр. указанія. — См. прибавлен. нами на табл. XIII столбецъ кипрскихъ начертаній.

[2]) Forrer. Archeolog. Reallexicon, См. 714 и 715, Taf. 202 и 203. — Cypern, L. Cesnola. T. 97—108.

[3]) L'expedition finnoise 1890, publ. Soc. Finno-Ougr. H. 1892. — O. Donner. Inscript. en caracteres de l'Jenissey. I P. XLII.

[4]) Меліоранскій. Объ орхонск. и енисейск. надгробн. памятникахъ. Ж. М. Н. П. 1898, № 6, стран. 278 и слѣд.

[5]) Предисловіе къ Атласу, къ «Труд. Орхонск. Экспедиц.».

ствованнаго отъ енисейскаго письма, признаваемаго алфавитнымъ, слишкомъ рѣзко противорѣчитъ графическому прогрессу, ясно выраженному во многихъ признакахъ.

Тукюэскихъ буквъ только 39. Допустимъ, что для двустороннаго письма (бустрофедоннаго) и для письма по отвѣсу приходилось соотвѣтственно поворачивать всѣ начертанія, подчиняясь ихъ символическому религіозному значенію, енисейскому алфавиту нужно было значительно большее число знаковъ; тукюэское письмо надо признать графически установившимся и освободившимся отъ подчиненія религіозному значенію древнихъ символовъ. Высѣчка буквъ однообразная, искусная, расположеніе нѣкоторыхъ знаковъ въ строкѣ строго выдержанное; введено нѣсколько новыхъ знаковъ другихъ типовъ (индо-бактрійскихъ или, можетъ быть, и готскихъ рунъ), есть одинъ знакъ видимо позднѣйшаго типа (знакъ луны въ новолуніе), есть новая комбинація (пересѣченіе) древнихъ знаковъ луны, замѣчается стилизація нѣкоторыхъ знаковъ, но общій характеръ начертанія всѣхъ буквъ сгармонированъ.

Многія енисейскія надписи, въ большей или меньшей степени, носятъ мѣстный отпечатокъ, видна нѣкоторая обособленность мѣстностей, болѣе удаленныхъ отъ остальныхъ; въ характерѣ начертаній, до извѣстной степени отразились различныя эпохи, народности и различныя молитвенныя обрядности. Вслѣдствіе разнообразныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, енисейскій алфавитъ не прогрессировалъ, а регрессировалъ: число буквенныхъ знаковъ не уменьшалось, а увеличивалось вторженіемъ новыхъ знаковъ, можетъ быть, и изъ древне-индійскихъ алфавитовъ, среди начертаній перстосложенія въ буддійскомъ стилѣ, есть основанія заподазривать и молитвенные знаки ламаистовъ. Неумѣнье или небрежность высѣчки буквенныхъ начертаній, неправильность въ ихъ расположеніи, повороты знаковъ, справа налѣво и слѣва направо, а также сверху внизъ и обратно, нельзя считать непреложными указаніями на меньшую древность енисейскаго алфавита и на происхожденіе его отъ тукюэскаго алфавита, а не обратно. Повторяемъ, что совокупность графическихъ данныхъ, указывающихъ на эпоху эволюціоннаго застоя и слѣдовавшую за нимъ регрессивную эпоху, съ сохраненіемъ первоначальнаго графическаго матеріала и принятіемъ новыхъ буквенныхъ знаковъ, представляетъ въ енисейскомъ алфавитѣ научный матеріалъ, плодотворное значеніе котораго можетъ выясниться только впослѣдствіи.

Если за мѣсто исхожденія изъ Малой Азіи енисейскаго алфавита возьмемъ 40° с. ш. и 38° в. д. отъ Гринича, а центромъ своеобразной мѣдной культуры Минусинскаго округа примемъ устье Абакана, т.-е. приблизительно 53° 30′ с. ш. и 90° в. д. отъ Гринича, то прямая, соединяющая эти двѣ мѣстности въ В.С.В. направленіи, будетъ около 3500—4000 килом.

Конечно, степи въ то время занимали меньшую площадь, лѣса еще не были такъ отодвинуты къ горамъ, какъ теперь. Климатъ былъ, можетъ быть, немного влажнѣе, воды было болѣе, — озера, рѣчки, ключи были многоводнѣе; пастбища были привольнѣе. Степи того времени имѣли, можетъ быть, болѣе луговой характеръ и давали пастушескимъ тюркскимъ народностямъ возможность безбѣднаго и спокойнаго существованія въ этой отрѣзанной отъ зоны кочевничества мѣстности. Вершины Алтая и Саянъ, съ юга, ихъ отроги на сѣверъ, хребетъ Абаканскій и другіе мери-

діонально идущіе хребты, съ востока и съ запада, и тогда представляли мѣстности для прочнаго обитанія человѣка непригодныя. Эти негостепріимныя горныя пустыни, посѣщаемыя только звѣроловами, должны быть исключены изъ эйкумены. Эта оторванность отъ зоны кочевничества невыгодно отразилась на многихъ этнографическихъ явленіяхъ: отразилась она и на графическомъ составѣ алфавита и на его недоразвитости и регрессѣ; замѣтна она и въ петроглифическихъ начертаніяхъ, указывающихъ на разложеніе первоначальнаго высокаго культа оборигеновъ. Послѣднее не безъ основанія можно приписывать высыханію мѣстности и отчасти усиливавшейся сухости. Наступившая большая суровость климата[1]) обусловила обѣднѣніе и одичаніе народностей Минусинскаго округа.

Если предположеніе о происхожденіи тукюэскаго алфавита отъ енисейскаго подтвердится, то направленіе движенія этого заимствованія будетъ приблизительно съ С.-З. на Ю.-В. по Енисею, къ его вершинамъ, — по перевалу въ долину Селенги и въ долину Орхона. Продолживъ линію движенія заимствованія отъ устья Абакана получится указаніе на бассейнъ Томи, какъ на конечную часть пути интересующихъ насъ заимствованій изъ Малой Азіи. Путь для горнопромышленниковъ, ищущихъ мѣди и золота, вполнѣ естественный. На этомъ пути приблизительно лежатъ всѣ наиболѣе замѣчательные рудники, открытые по слѣдамъ чудскихъ выработокъ еще въ концѣ XVIII столѣтія и заявленные недавно въ началѣ XIX столѣтія[2]).

По этому указанію, путь передвиженія енисейскаго алфавита и религіозныхъ воззрѣній и обрядностей изъ Малой Азіи, могъ направляться и по Каспію, побережьемъ или воднымъ путемъ на Усть Уртъ и Киргизскія степи, равнины и степи Западной Сибири, Иртышъ, Обь, приблизительно на 52° с. ш., чрезъ Томь на Абаканъ, по притокамъ этихъ рѣкъ. Но отнюдь не чрезъ Кавказъ, эту въ древности извѣстную „гору языковъ“, убѣжище многихъ разбитыхъ и ослабѣвшихъ народностей, гдѣ большіе народные и торговые сухопутные пути почти отсутствуютъ.

Не надо забывать, что бассейнъ Селенги и Орхона, и прилегающія къ нимъ мѣстности, особенно перевалы и всѣ пути къ верховьямъ Енисея не обслѣдованы, возможны иныя указанія на сложеніе тукюэскаго алфавита, можетъ быть отдѣлившагося еще на пути, — тогда маршрутъ заимствованія можетъ измѣниться, спустившись къ югу отъ Азовскаго моря и оз. Балхашъ на древній средне-азіатскій путь, чрезъ Восточный Туркестанъ, переходя отроги Алтая южнѣе.

Вышеотмѣченныя мѣстности, на всемъ пути, въ 4000—4500 кил., по зонѣ кочевничества, относятся къ наименѣе изслѣдованнымъ въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніи.

---

[1]) Высыханіе озеръ ясно указывается озерными террасами. Уровень озера Шира, за послѣдніе 12 лѣтъ, по нашимъ реперамъ понизился болѣе 1 арш. — около 80 с. м.

Климатъ Минус. округа см. Клим. Енис. губ. Л. И. Буланова, Матеріалы по изсл. землепольз. и хозяйств. быта сельск. насел. Ен. губ. Ирк. 1894, т. IV, вып. I. Общія климатическія и географ. свѣдѣнія см. у Д. Клеменцъ въ Древ. Мин. Музея, у И. П. Кузнецова, Древнія могилы. Томскъ, 1889, стран. 3.

[2]) Д. Клеменцъ. Древн. Минус. Музея. Томскъ 1886, стран. 10. Полный перечень древнихъ рудныхъ мѣстностей, сколько намъ извѣстно, путемъ выборокъ изъ замѣтокъ различныхъ изслѣдователей еще не установленъ.

Мы уже имѣли случай высказать, что мимико-графическіе и символическіе знаки, хотя и встрѣчаются въ египетскомъ и китайскомъ свѣтовомъ письмѣ, въ идеографической стадіи, въ формахъ пикто- и сигно-графической, но они встрѣчаются рѣдко и, притомъ, въ смѣшеніи съ разнородными знаками различныхъ эволюціонныхъ формъ и легко теряются среди пиктографическихъ знаковъ, преобладающихъ въ египетскихъ письменахъ.

Въ древне-семитическихъ алфавитахъ особенно въ южныхъ, древне-греческихъ и латинскихъ алфавитахъ, въ древне-индійскихъ алфавитахъ и въ енисейскомъ алфавитѣ встрѣчаются нѣкоторые мимико-графическіе знаки, начальный генезисъ которыхъ можетъ исходить и отъ египтянъ, но есть знаки движеній, которые въ графическомъ отношеніи являются, повидимому, совершенно самостоятельными, такъ какъ они изображаютъ молитвенныя тѣлодвиженія, жесты и перстосложенія нѣсколько иными способами и пріемами, каковыхъ у египтянъ и китайцевъ не замѣчается. То же должно сказать и о молитвенныхъ и религіозныхъ символахъ: причина кроется въ невыясненномъ еще этнографическомъ, историческомъ и хронологическомъ различіи внѣшнихъ проявленій культа и обрядностей[1]). Народности усвоивали тѣмъ или инымъ путемъ основы схематическаго означенія знаковъ молитвы, и примѣняли ихъ къ изображеніямъ различныхъ молитвенныхъ обрядностей, символовъ, гербовъ или эмблемъ различныхъ боговъ и богинь, установленныхъ въ ихъ культѣ.

Когда въ письмо сталъ входить символо-графическій элементъ, когда человѣкъ, практикуя религію, т.-е. разрабатывая ея логическій конецъ, постепенно началъ подходить къ ея изученію, т.-е. къ догмату, къ ея логическому началу, онъ, первѣе всего, встрѣтился съ необходимостью записи молитвенныхъ, жертвенныхъ и другихъ обрядностей, вслѣдствіе чего образовалась особая группа религіозныхъ символическихъ знаковъ. Знаки эти въ египетскомъ письмѣ очень древни, но, къ сожалѣнію, намъ не удалось найти ихъ объясненій: весьма многихъ спеціальныхъ сочиненій мы не могли достать. Весьма важно знать остались ли они, какъ графическіе пережитки или сохранили еще свое первоначальное названіе, *вполнѣ согласное съ дѣйствительностью.* Нѣкоторыя изъ этихъ древнихъ письменныхъ начертаній могли лишиться первоначальныхъ истинныхъ этикетокъ вслѣдствіе схематизма и особенностей стилизаціи[2]). И это новое графическое наслоеніе не ослабило святости и неприкосновенности предшествовавшаго состава письменныхъ знаковъ: они всѣ остались въ письмѣ, но приняты были и новые. При господствовавшемъ политеизмѣ, одно и то же божество могло имѣть различные гербы или символы не только у различныхъ народностей, но и въ различныхъ храмахъ. Кромѣ того, у народностей съ религіями, въ различной степени проникнутыми тотемизмомъ или имѣющими обрядности различныхъ степеней сложности, эти особенности неминуемо должны были отразиться и на молитвенныхъ или жертвенныхъ знакахъ. Само собою разумѣется, что составъ знаковъ свѣтовой системы письма не только у разныхъ народностей, но даже и въ разныхъ мѣстностяхъ, въ большей или меньшей степени, могъ нѣсколько различаться между собою.

---

[1]) См. опытъ классификаціонной таблицы религіозныхъ движеній въ различныхъ по времени начертаніяхъ, табл. XII. П. (правая сторона).

[2]) Какъ это видно въ названіяхъ буквъ еврейскаго алфавита, ср. «Ист. пис.» Шницеръ, стран. 97.

Все вышеупомянутое убѣждаетъ въ томъ, что при наступленіи новѣйшаго эволюціоннаго періода письма, при разработкѣ звуковой системы письма, не было надобности изобрѣтать новыя начертанія, что это даже противорѣчило и религіознымъ воззрѣніямъ изобрѣтателей алфавитовъ, историческимъ указаніямъ и обычаямъ. Египтяне примѣнили рисунки картиннаго письма къ силлабическому алфавиту. На Кипрѣ существовало до буквенныхъ алфавитовъ, финикійскаго и древне-греческаго, силлабическое письмо, производимое нѣкоторыми учеными отъ гиттическихъ гіероглифовъ; оно означено знаками, въ основѣ сходными съ древними алфавитами, среди нихъ по молитвенному мимико-графическому значенію не мало знаковъ, тождественныхъ съ енисейскимъ и тукюэскимъ алфавитами (см. сравн. табл. XIII).

О графическомъ составѣ древнѣйшихъ алфавитовъ какъ семитическихъ, такъ и арійскихъ древнихъ народовъ, повторимъ, что, даже опираясь на важнѣйшія параллели только по тѣмъ немногимъ источникамъ, которыми мы могли пользоваться, уже возможно утверждать, что буквенные знаки ихъ также *не изобрѣтены*, а заимствованы изъ предшествующей свѣтовой формы письма.

Мы уже высказали, что эволюція письма и графическій генезисъ его фонетической системы явленіе болѣе сложное, чѣмъ обыкновенно думаютъ, его никоимъ образомъ нельзя считать рѣшеннымъ исчерпывающимъ образомъ. На буквенныя начертанія нельзя смотрѣть, какъ на ничтожнѣйшихъ рабовъ мысли и рѣчи, этнографическая родословная которыхъ не представляетъ особаго интереса. „Изобрѣтеніе“ абсолютно новыхъ начертаній для „новой“ системы письма представляется многимъ вполнѣ естественнымъ[1]) явленіемъ, задумываться надъ генезисомъ котораго нѣтъ особыхъ основаній, какъ надъ фактомъ самодовлѣющимъ, — а потому и неподлежащимъ ни научнымъ изслѣдованіямъ ни научной критикѣ. А, между тѣмъ, въ самомъ сходствѣ, изумительной устойчивости и сохранности буквенныхъ начертаній уже были достаточныя основанія допускать ихъ общій единый графическій первоисточникъ, отнюдь не изъ перваго алфавита вытекающій.

Увеличеніе предметныхъ матеріаловъ, мы твердо увѣрены, подтвердитъ и усилитъ наше предположеніе, конечно, въ общемъ, въ основѣ, а не во всѣхъ частностяхъ. Положеніе изслѣдователя, не имѣющаго предшественниковъ въ изученіи естественно-историческаго или этнографическаго вида или его разновидности, всегда оказывается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ невыгоднымъ и въ извѣстной степени оправдывающимъ нѣкоторыя несовершества предварительной разработки частностей.

О предполагаемомъ нами генезисѣ этой до-алфавитной формы свѣтового письма болѣе подробно высказано въ текстѣ, теперь пока отмѣтимъ, что только часть этихъ знаковъ можно найти начертанными на каменныхъ стѣнахъ египетскихъ храмовъ, на вавилонскихъ и древне-финикійскихъ и греческихъ цилиндрахъ, на камняхъ, на глиняныхъ плиткахъ, на древнихъ петроглифахъ. Весь составъ послѣдней формы свѣтового періода письма едва ли удастся когда-либо возстановить: онъ составлялъ куль-

---

[1]) Въ объясненіи различій и отклоненій отъ прототиповъ основной азбуки это замѣтно у многихъ лингвистовъ. Этотъ вопросъ затрогивается ими чаще всего только со стороны формы. — Шницеръ, Ист. письм. стран. 108 и 249. См. Forrers Reallex. der prähist. und früchrist. Altertüm. B. и S. 1907. S. 710.

турное достояніе народовъ, неимѣвшихъ городовъ и обходившихъ центры древнѣйшей цивилизаціи, кочевыхъ народовъ или дѣятельныхъ торговцевъ, предпріимчивыхъ мореплавателей, практиковавшихъ это письмо, можетъ быть, еще въ то время, когда въ Египтѣ зачатки силлабическаго письма не вакрыли древнихъ пиктографическихъ начертаній, сдѣлавъ ихъ картинными буквами, когда въ священныя стѣнныя письмена упрощенныя мимико-графическія начертанія проникали еще съ большими затрудненіями и въ очень незначительномъ количествѣ.

Въ графической сторонѣ древнѣйшихъ алфавитовъ совершенно не видно рабскаго подчиненія гіероглифамъ и даже гіератическому письму. Народъ, наслѣдовавшій древнѣйшую культуру, использовавъ всѣ графическія попытки египтянъ, съ легкостью отбросилъ весь излишній графическій балластъ и, держась знаковъ мимическаго языка, сохранявшихся въ культѣ, пришелъ къ геніальной простотѣ системы, — это могло быть только при условіи строго-критическаго отношенія ко всѣмъ до-алфавитнымъ формамъ письма. Коллективный изобрѣтатель, не только видя, но чувствуя и сознавая въ письмѣ средство общенія, ведя мирный, дѣятельный, странствующій, подвижный образъ жизни, всего менѣе думалъ да и не могъ думать о камняхъ, какъ письменномъ матеріалѣ, предназначенномъ для священныхъ начертаній. Надписи на камняхъ могли явиться уже послѣ долгой разработки и практики алфавитнаго письма среди мореплавателей и торговцевъ.

Изъ представляемаго изслѣдованія можно убѣдиться, что и петроглифы и другія проявленія изобразительнаго искусства на Енисеѣ подтверждаютъ культурное вліяніе Малой Азіи, констатируя религіозныя заимствованія изъ мало-азіатскихъ и древне-греческихъ культовъ. При этомъ замѣчается, что нѣкоторые изъ наиболѣе знаменательныхъ знаковъ и символовъ, встрѣчающихся въ петроглифахъ, какъ уже выше сказано, оказываются тождественными съ буквенными начертаніями енисейскаго алфавита, а, слѣдовательно, и съ начертаніями древнихъ мало-азіатскихъ алфавитовъ, отъ которыхъ онъ произошелъ.

Эволюція слуха и рѣчи, шедшая съ прогрессивнымъ ускореніемъ, ослабляла значеніе мимическаго языка, въ обыденной жизни все болѣе и болѣе терявшаго свое прежнее значеніе, но *въ культѣ его главенство оставалось за нимъ* еще долгое время: и рѣчь заняла въ культѣ первенствующее мѣсто не безъ упорной борьбы съ языкомъ жестовъ[1]), и то съ очевидною уступкою, — принявъ для записи словъ начертанія, ранѣе означавшія тѣлодвиженія и жесты.

Но если алфавитному письму предшествовало письмо знаками тѣлодвиженій и жестовъ, въ чемъ, намъ кажется, такъ же трудно сомнѣваться, какъ и въ томъ, что и фонетической формѣ письма предшествовала оптическая, то знаки этой формы письма должны сохраниться не въ однихъ только петроглифахъ и среди алфавитныхъ начертаній, но и въ другихъ проявленіяхъ культа: въ орнаментѣ, въ родовыхъ знакахъ и въ знакахъ собственности. Изысканія, собранные матеріалы и особенно параллели къ нимъ, убѣждаютъ насъ въ вѣрности высказанныхъ предположеній.

Въ соотвѣтственныхъ главахъ статьи мы разъясняемъ, что родовые знаки и знаки собственности, вопреки распространенному мнѣнію, *не есть нѣчто этнографически обосо-*

---

[1]) Г. Шурцъ. „Ист. перв. культ.“, 498.

бленное, самостоятельное: ихъ генезисъ исходитъ изъ того же религіознаго мимическаго языка, т.-е. изъ тѣхъ же графическихъ символовъ-миміограммъ. Появившись въ концѣ неолитической эпохи въ Малой Азіи и въ Европѣ, эти отдѣльныя начертанія религіозныхъ жестовъ, въ видѣ знаковъ и символовъ, и особенно въ мотивахъ орнамента, своимъ сходствомъ съ нѣкоторыми буквенными начертаніями указываютъ, что графическіе элементы древнѣйшихъ алфавитовъ уже были извѣстны, и какъ бы заранѣе подготовлены, чтобы облегчить скорѣйшее распространеніе алфавитовъ[1]).

Заслуживаютъ вниманія указанія на существованіе нѣкоторыхъ начертаній, впослѣдствіи сдѣлавшихся буквенными, въ до-неолитическое время (Trans-neolithische Zeit[2]), въ пещерѣ Ма-д'Азиль (Mas-d'Azil, Арьежъ), изъ слоя турасской индустріи. Тамъ найдены Е. Пьетъ (E. Piette) плоскіе округленные валуны (galets colories, bemalten Kieseln), разрисованные точками и линіями.

Подобные же расписанные плоскіе валуны найдены Мелисъ (Mehlis), въ Болѣ (Böhl), между Нейштадтомъ (Neustadt) и Мюссбахомъ (Mussbach), въ Пфальцѣ (Pfalz)[3]). Эти изображенія красно-бурою краскою, по Мелису, въ большинствѣ случаевъ, состоятъ изъ шрифто-подобныхъ начертаній. Эти находки, въ свое время, надѣлали не мало шума, принимаемы были за указанія на древность алфавитовъ болѣе отдаленную, чѣмъ это допускается на основаніи открытыхъ памятниковъ древнѣйшей алфавитной письменности; эти плоскіе валуны признавались принадлежностями игръ или развлеченій для препровожденія времени, каковыми побужденіями объяснялись и пещерные рисунки и игральныя кости до-неолитической эпохи. Вопросъ, сколько намъ извѣстно, остается открытымъ. Мы склонны принимать эти начертанія за опыты фиксированія представленій, за первыя попытки зарисовать мысль, за графическіе религіозные знаки молитвы или благословенія и за символы, отъ нихъ происходящіе, вообще, за констатированіе прогресса въ религіозной практикѣ.

Изъ петроглифовъ на стѣнахъ пещеръ и на обломкахъ костей эпохи сѣвернаго оленя (Renntierzeit), но еще при жизни мамонта, намъ извѣстны пять рисунковъ, которые, по тщательномъ разсмотрѣніи самыхъ предметовъ, повидимому, могутъ быть относимы къ вещественнымъ доказательствамъ того, что человѣкъ уже тогда началъ практиковать религію и выражалъ ее языкомъ жестовъ, такъ какъ въ этихъ рисункахъ зарисованы жесты рукъ, какъ графическіе символы молитвы.

---

[1]) Дадимъ указанія на рисунки, подтверждающіе наше заключеніе о появленіи нѣкоторыхъ элементовъ мимико-графическаго религіознаго письма еще во второй половинѣ неолитической эпохи. — 1. Л. Нидерле. Человѣчество въ доисторич. времена. С.-Пб. 1898. Рисунки: 52, 54, 55, 59, 65, 72, 74, 85, 91, 92 (поясной знакъ человѣка, съ продолженными линіями рукъ и туловища: сложный символъ покрова, ср. т. XII, л. 18—8 и 9; лабиринтъ въ Арреѣ, въ Финляндіи, несомнѣнно религіознаго характера), 97 (ниж. лѣв.), 102, 103, 104, 126, 132. — 2. Ранке. Человѣкъ, т. II. С.-Пб. 1901. Стран. 622, 646, 647 и 648. I. Schlemm. Wörterbuch zur Vorgeschichte. B. 1908, S. 19. Тамъ и литература вопроса. — 3. Forrers. Reallexicon. 1907. B. T. 35 (стран. 129), T. 149 (стран. 548).

[2]) Ed. Piette, Les galets du Mas-d'Azil. — Мортилье. Г. и А. Пер. Л. Я. Штернберга. С.-Пб. 1903. Стран. 188. — Forrers, Archeol. Reallexicon, 1907 г., s.s. 86, 213, 466 и 921. — Г. Шурцъ. Исторія первобытной культуры, стран. 652. — M. Hoerness. Urgesch. der Bild.-Kunst. Tafel II.

[3]) Mehlis u. Wilser. Die bemalten Kiessel. Globus, Bd. 89, № 1. — Archeol. Reallexicon, Forrer. S. 86. Ed. Piette, L'Anthr. VI. S. 276; VII. 385. — M. Hoernes. Der diluv. Mensch. Br. 1903. S. 79.

1) Рисунокъ человѣческой руки на рогѣ оленя, изъ пещеры Маделейнъ[1]), на которой означены накрашенныя или пататуированныя линіи, къ кисти руки расходящіяся, а въ срединѣ почти сходящіяся подъ угломъ, обращеннымъ въ сторону кисти; такихъ знаковъ угла на обломкѣ 4 ряда, можно думать, что этотъ орнаментъ продолжался и далѣе, по локтю къ плечу. Съ жестами при поднятіи и опусканіи рукъ и раздвиганіи пальцевъ этотъ несомкнутый угловой орнаментъ находится въ полной гармоніи. Среди неолитическихъ орнаментовъ, этотъ символъ-прототипъ буквы „вэ" или „ижицы", — а также и „дубль-вэ," какъ извѣстно, встрѣчается[2]).

2) Обломокъ оленьяго рога съ 4 головами буйволовъ (Archeolog. Reallexicon, Forrer s. 916, T. 286, f. 8) изъ грота Гурданъ (Grotte Gourdan), въ Верхней Гароннѣ. Штриховъ туловища нѣтъ, головы отдѣлены рѣзкими штрихами, ихъ неслучайная обособленность очевидна; но самое замѣчательное — это серповидныя черты на рисункѣ, въ книгѣ, интенсивно означенныя, 8 вверху, надъ головами и 8 внизу, подъ головами, равной величины, и расположенные двумя правильными рядами. При чемъ, верхніе сегменты, надъ головами, обращены вогнутостями вверхъ, а нижній рядъ, подъ головами, обращенъ внизъ. Этотъ рядъ условностей едва ли могъ произойти случайно. Отдѣльныя головы животныхъ замѣчаются и на нѣкоторыхъ другихъ находкахъ того же времени, напримѣръ, головы оленей изъ Mas d'Azil[3]).

3) Рисунокъ дикой лошади, на стѣнѣ Комбарельской пещеры[4]). Изображенія на боку лошади трехъ знаковъ угла, вершинами кверху и углами, приблизительно, равными, очерченныя сверху и снизу двумя параллельными линіями, разсматриваются весьма компетентными учеными, какъ попона и считаются доказательствомъ прирученія лошади еще въ то отдаленное время.

Не касаясь вопроса о прирученіи лошади, мы въ этихъ начертаніяхъ на боку лошади не видимъ попоны: рисунокъ занимаетъ по длинѣ слишкомъ много мѣста. Кромѣ того, орнаментный характеръ начертаній, даетъ нѣкоторое основаніе видѣть въ нихъ украшенія жертвеннаго животнаго, которыя замѣчаются и на петроглифахъ Енисея; въ данномъ случаѣ виденъ тотъ же религіозный символъ угла, но обращенный только внизъ и усиленный нѣсколькими параллельными линіями. Должно обратить вниманіе и на сегментную черту съ кружечкомъ, обращеннымъ назадъ надъ этими углами. Почти рядомъ, на 263 страницѣ труда Э. Реклю, мы видимъ живой пережитокъ съ тѣми же основными мотивами орнамента, но съ инымъ способомъ графическаго усиленія символическихъ угловъ[5]).

---

[1]) См. рисунокъ у K. Forrer, Reallexicon. T. 286, s. 916. f. 5.

[2]) Ранке. Человѣкъ, II, стран. 648, №№ 22, 24 и 31.

[3]) Hoernes, Urgesch. d. Mensch. — Его-же. Urgesch. der Bildend. Kunst in Europa. s. 66 — Forrers Reallex. стран. 916, фигура 9.

[4]) Э. Реклю. Человѣкъ и Земля. I т. С.-Пб. 1906. Стран. 260 и 258 (см. о попонѣ и недоуздкѣ).

[5]) Кстати, на обоихъ рисункахъ (у Э. Реклю и K. Forrer) мы видимъ впереди переднихъ ногъ двѣ линіи, расходящіяся книзу и сходящіяся на груди животнаго, предлагаемъ интересующимся у Forrer, Reallexicon, на табл. 286, рис. 3, взглянуть рисунокъ животнаго, гдѣ начертаніе рогатки выражено съ большею опредѣленностью. Съ увеличеніемъ дублетныхъ рисунковъ, конечно, съ вопросомъ о рогаткѣ выяснится, можетъ быть, практичный и надежный способъ ловли животныхъ.

4) Голова лошади въ Камбарелльской пещерѣ, съ предполагаемымъ означеніемъ недоуздка[1]). И здѣсь можно видѣть знакъ жертвеннаго культа — посвященіе животнаго земнымъ божествамъ или духамъ, или, по меньшей мѣрѣ, только родовой знакъ.

5) Наконечникъ стрѣлы изъ оленьяго рога, изъ палеолитическихъ находокъ въ пещерѣ Тайнгенъ (Thayngen)[2]). Ломаная линія, съ усиленіемъ двумя параллельными, въ видѣ отмѣченныхъ выше начертаній на лошади, останавливаетъ на себѣ вниманіе, какъ двухсторонній молитвенный знакъ, который въ неолитическую и послѣдующія эпохи часто встрѣчается.

Конечно, пять указанныхъ предметовъ, слишкомъ недостаточно, для болѣе или менѣе устойчиваго заключенія, и увеличеніе археологическихъ данныхъ необходимо, но не должно удивляться, если въ будущемъ, по накопленіи достаточныхъ въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи матеріаловъ, придется признать, что человѣкъ началъ уже тогда практику религіи, выражалъ ее мимически и даже началъ означать нѣкоторые мимическіе акты богопочитанія и молитвы графически. Трудности графическаго символизма только намъ кажутся таковыми, и то только на первое время.

Дѣлая краткій ретроспективный взглядъ, мы имѣли въ виду обратить вниманіе на нѣкоторые графическіе знаки и символы, элементы алфавитныхъ начертаній, генезисъ которыхъ кроется именно въ практикѣ культа; значительное ихъ распространеніе должно приписать тому, что они были взяты въ основу орнамента.

Обращаясь къ переходной стадіи культуры, отъ неолитической къ мѣдной и къ началу бронзовой эпохи, беря параллели за нѣсколько вѣковъ до появленія древнѣйшихъ алфавитовъ, финикійскаго и еврейскаго, и минуя подробности, которыя можно найти въ дальнѣйшихъ главахъ, мы увидимъ не только увеличеніе количества знаковъ и символовъ, но и нѣкоторое графическое ихъ развитіе[3]). Вмѣстѣ съ увеличеніемъ мотивовъ орнамента, измѣнились отчасти и пріемы стилизаціи произведеній изобразительнаго искусства: фантазія, подчиняясь религіознымъ символамъ, особенно наиболѣе отвлеченнымъ (графически) и удаленнымъ отъ дѣйствительности, въ стилизаціи начала грубо пренебрегать ею. Реализація искусственно, чисто графически, составленныхъ отвлеченныхъ двухсторонних религіозныхъ символовъ, появившаяся еще во времена упадка древне-классическаго искусства, перейдя въ звѣриный орнаментъ, загроможденный фантастическими животными, ко времени великаго переселенія народовъ, дошла уже до графическихъ крайностей, почти до абсурда и все-таки долго удерживалась и у европейскихъ народовъ.

Но эти видоизмѣненія графическихъ религіозныхъ символовъ и появленіе новыхъ религіозныхъ символовъ, интересныя сами по себѣ, не такъ важны для трактуемаго нами вопроса, — главное мы видимъ въ наличности основныхъ шрифто-подобныхъ знаковъ и символовъ, встрѣчающихся въ отдѣльности и въ мотивахъ орнаментаціи,

---

[1]) Э. Реклю. Человѣкъ и Земля. Стран. 261.

[2]) Forrers Reallexicon, s. 814, Taf. 240, 14.

[3]) M. Hoernes. Urgesch. der Bildend. Kunst in Europa. W. 1898. S.s. 15 und 160, f.f. 1 und 19.

еще до введенія алфавитовъ. Для облегченія провѣрокъ мы приводимъ перечень важнѣйшихъ изъ имѣющихся въ археологической литературѣ данныхъ въ примѣчаніи[1]).

Большинствомъ авторитетныхъ ученыхъ признается, что часть европейскаго населенія уже въ половинѣ неолитической эпохи состояла изъ арійскихъ и аризированныхъ народностей, изъ которыхъ еще не выдѣлились такъ называемые индо-европейскіе народы. Европейская культура 2-й половины неолитической эпохи, какъ извѣстно, близко совпадаетъ съ культурою, о которой мы можемъ составить представленіе на основаніи понятій и словъ, общихъ для всѣхъ индо-европейскихъ языковъ. На основаніи сдѣланныхъ находокъ поселенія арійцевъ располагаются въ восточной, сѣверной и средней частяхъ Европы.

Арійцы моря не знали; по побережьямъ Чернаго и Средиземнаго морей въ мѣстахъ соприкосновенія и скопленія различныхъ народностей культура развивалась и двигалась значительно скорѣе, при болѣе дѣятельномъ участіи аризированныхъ народностей.

Расу, когда-то обитавшую по берегамъ Средиземнаго моря, Серджи назвалъ иберо-лигуро-ливійской, относя къ ней не только первобытныхъ обитателей Италіи, Сардиніи и Сициліи, не только лигуровъ и испанскихъ иберовъ, но и ливійцевъ и древнихъ египтянъ. Въ Малой Азіи въ эту расу долженъ былъ войти семитическій и арійскій элементы.

Не имѣя намѣренія вдаваться въ подробности сложнаго и до сихъ поръ невыясненнаго вопроса о передвиженіяхъ арійцевъ, мы должны выдѣлить важнѣйшія общія данныя по распространенію арійской культуры, связанныя съ затрагиваемыми вопросами по распространенію нѣкоторыхъ арійскихъ особенностей изобразительнаго искусства въ сѣверной Азіи.

Въ исторіи вопроса объ арійцахъ насъ болѣе всего удивляютъ не рѣзкія расхожденія въ вопросахъ о пра-родинѣ, пра-языкѣ, пра-народѣ индо-европейцевъ отдаленнѣйшихъ первобытныхъ культурныхъ эпохъ, высказанные различными учеными, особенно въ построеніи различныхъ гипотезъ, сколько забвеніе о *неизбѣжности* такихъ разногласій въ вопросѣ, переживающемъ, несомнѣнно, еще начальную фазу своего развитія. Есть основаніе сомнѣваться, чтобы какая-либо изъ наукъ, разрабатывающихъ этотъ вопросъ, имѣющіеся у нея въ настоящее время фактическіе матеріалы признала бы вполнѣ достаточными для его исчерпывающаго рѣшенія: объединеніе въ этомъ отношеніи многознаменательно.

---

[1]) Указанія на древніе религіозные символы и орнаментные мотивы, отъ нихъ происшедшіе, можно увидать въ слѣдующихъ сочиненіяхъ.

Forrer «Reallexikon», стран. 111, 113, Bronzezeit 115—124, 185, 233—236, 241, 265, 277—279, 325—329, 349, 355, 449, 504 (129), 138—144, 840, 863, 875—883 и мн. др.—Прекрасный подборъ рисунковъ и у Гёрнесъ, въ «Доистор. челов.» Hoernes, M. Die Urgeschichte des Menschen. W. 1892. Бронзовая и желѣзная эпохи представлены хорошо.—Его же. Urgesch. d. Bild.-Kunst. W. 1898.

Не мало поучительныхъ рисунковъ интересующіеся найдутъ у Нидерле, «Доистор. человѣч.», особенно по славянскимъ, русскимъ и сибирскимъ древностямъ.

Много рисунковъ въ трудѣ гр. Н. И. Толстого и проф. Н. П. Кондакова «Русскія Древности», особенно по скиѳо-сарматской эпохѣ и эпохѣ великаго переселенія народовъ.

См. Др. Геродот. Скиѳіи. Изд. Императ. Арх. Ком. 2 т.

Если къ различію въ свойствахъ матеріаловъ, требуемыхъ различными науками, присоединить различіе ихъ методовъ изслѣдованія и обобщенія, и происходящее отъ того различіе точекъ зрѣнія и разнообразіе путей къ рѣшенію одного и того же вопроса, то большія расхожденія современныхъ научныхъ мнѣній будутъ не удивлять, а успокаивать, возбуждая бодрящую увѣренность, что этотъ вопросъ, такъ живо и такъ глубоко охватившій всѣ отрасли научныхъ дисциплинъ, служащихъ познанію человѣка, не застоится, если научныя учрежденія и выдающіеся научные дѣятели не будутъ лишены средствъ для собиранія и сохраненія матеріаловъ, особенно въ государствахъ и странахъ малокультурныхъ, не могущихъ или нежелающихъ подняться до пониманія общенаучныхъ правъ и обязанностей по фактическому научному сохраненію и скорѣйшему обслѣдованію памятниковъ старины.

Но есть причины значительныхъ разногласій въ арійскомъ вопросѣ, вытекающія изъ особенностей въ воззрѣніяхъ различныхъ наукъ на явленія, подлежащія ихъ изслѣдованію. Пробнымъ камнемъ могутъ служить многія изъ явленій эволюціоннаго характера, относительно которыхъ мнѣнія ученыхъ представителей различныхъ наукъ нерѣдко значительно расходятся. Нерѣдки эти разногласія и среди представителей однѣхъ и тѣхъ же наукъ. Среди лингвистовъ и археологовъ эти разногласія встрѣчаются повидимому чаще всего. Необходимость соглашеній и объединенія, для пользы коллективной научной работы, чувствуется очень давно. Многое въ этомъ направленіи уже сдѣлано, но впереди предстоитъ еще не мало работы.

Языковѣдѣнію всегда будетъ принадлежать руководящее вліяніе и рѣшающій голосъ въ вопросахъ о языкѣ, а уже это одно его обязываетъ и къ большей иниціативѣ и къ большей энергіи въ разработкѣ вопросовъ о происхожденіи и *эволюціи* языка. Наука о языкѣ, не исключая и сравнительнаго и историческаго языковѣдѣнія, должна быть во всеоружіи знанія по всѣмъ научнымъ дисциплинамъ, долженствующимъ участвовать въ рѣшеніи вопросовъ о языкѣ, чтобы въ ея критической компетенціи не было ни малѣйшихъ сомнѣній, она должна быть чужда предвзятыхъ взглядовъ и субъективнаго выбора тѣхъ или иныхъ научныхъ авторитетовъ.

Хотя послѣ В. фонъ-Гумбольдта, который еще въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, опредѣлялъ языкъ, какъ орудіе постоянно совершенствуемое, постоянно возобновляющеюся дѣятельностью человѣческаго духа, послѣ Штейнталя, Гейгера, Гердера и особенно Шлейхера, языковѣдѣніе, въ лицѣ большинства компетентнѣйшихъ и выдающихся представителей, признало извѣстную зависимость языка отъ естественныхъ наукъ и психологіи, но мнѣнія лингвистовъ о томъ, какія родовыя и видовыя явленія языка и какія ихъ особенности подлежатъ эволюціи, далеко еще не объединены. Одни говорятъ, что „агглютинація переходитъ во флексію, флексія перерождается въ агглютинацію другого рода, та опять въ другую флексію, и такъ далѣе до конца“. „Единственно только эволюціонное воззрѣніе на начало языка отмѣчается признаками научности и находится въ связи съ біологическими и антропологическими гипотезами эволюціоннаго характера“ [1]).

---

[1]) С. Буличъ. Индо-европ. языки. «Энц. Слов.» 25. Стран. 160.— И. Б. де-К. Языкъ и языки. «Энц. Слов.», 81, стран. 538.— Ратцель. Народовѣдѣніе, С.-Пб. 1902. 11, стран. 829.

Другіе говорятъ, что представленіе поступательнаго движенія въ развитіи языка согласнымъ съ генеалогическою классификаціею языковъ, въ которой на первомъ мѣстѣ стояли корневые языки, является ненаучнымъ, „такъ какъ извѣстные намъ корневые[1]) и агглютивные языки, несомнѣнно, имѣютъ длинную исторію и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть разсматриваемы, какъ представители того агглютивнаго и корневого періода, которые можно, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, предполагать для индо-европейскаго пра-языка въ его прошломъ. Наконецъ, нельзя забывать и о произвольности мнѣнія, будто бы наши языки по своему грамматическому строю наиболѣе совершенны: всѣ языки удовлетворяютъ своему назначенію, хотя и обозначаютъ различными средствами въ самомъ языкѣ отношеніе между предметами мысли“[2]). Возникаютъ вопросы, не зависитъ ли „длинная исторія“ нѣкоторыхъ корневыхъ языковъ, т.-е. остановки и регрессъ (упрощеніе) въ развитіи языка, отъ внѣшнихъ причинъ? И какъ согласовать различные взгляды на переходы одной формы языка въ другую?

Противники Шлейхера и Дарвина, съ американскимъ лингвистомъ В. Д. Витней во главѣ, повидимому, значительно ослабили связь науки о языкѣ съ естественными науками. Языкъ, правда, признается продуктомъ дѣятельности психофизической организаціи человѣка, признаются его измѣненія въ зависимости отъ измѣненія въ тѣхъ сложныхъ комбинаціяхъ причинъ, которыми обусловлено его существованіе, но мнѣніе о языкахъ, какъ своего рода организмѣ въ смыслѣ естественно-историческомъ, повидимому, въ настоящее время считается нѣкоторыми лингвистами неправильнымъ[3]). Оспаривая антропологическія соображенія, лингвисты, не вникнувъ въ вопросъ по существу, предпочитаютъ прибѣгать къ авторитету ученыхъ, во многихъ случаяхъ выказавшихъ себя противниками эволюціи, особенно, въ антропологіи, сводя спорные вопросы на аномаліи. При сопоставленіи заключеній лингвистическихъ съ естественно-историческими надо учитывать большее или меньшее удаленіе лингвиста отъ тѣхъ или иныхъ отдѣловъ антропологіи, этнографіи и біологіи, какъ причину нѣкоторыхъ разногласій въ его мнѣніяхъ.

Кромѣ разногласій, вытекающихъ изъ различій въ свойствѣ матеріаловъ, явленій и фактовъ, изъ нѣкоторыхъ особенностей методовъ изслѣдованія и обобщенія, не слѣдуетъ забывать, что самая сложность явленій, съ комбинаціоннымъ комплексомъ причинъ, въ отдѣльности недостаточно изученныхъ, также можетъ приводить къ несогласнымъ заключеніямъ.

Локализаціонныя и синхронистическія предвзятыя теоріи и заключенія, при невыясненности всѣхъ комбинацій и сочетаній всѣхъ имѣющихся научныхъ данныхъ, въ соединеніи съ переоцѣнкою значенія археологическихъ находокъ, нерѣдко отрывочныхъ и разрозненныхъ, оказывались преждевременными и неправильными.

Къ сожалѣнію, мы, повидимому, слишкомъ часто забываемъ, что имѣемъ современниками — представителей человѣчества, относящихся фактически къ очень раз-

---

[1]) См. выше, о китайскомъ языкѣ.

[2]) Проф. В. Поржезинскій. Введеніе въ языковѣд., стран. 122. М. 1907.

[3]) Поржезинскій. Введеніе.—Гонеггеръ. Исторія чел. культ., стран. 9.—О Вирховѣ см. у профессора Поржезинскаго, стран. 195.—Ср. проф. Э. Геккель. Борьба за идею развитія. Пер. Броуна. 1907, стран. 56 и слѣд.

личнымъ, иногда и очень отдаленнымъ культурнымъ эпохамъ. Невозможность проведенія рѣзкихъ культурныхъ границъ во времени была выражена въ древнія времена съ несравненно большею наглядностію.

Относительныя скорости эволюціи различныхъ этнографическихъ видовъ и скорости передвиженія заимствованій не поддаются точному опредѣленію, заимствованіе можетъ попасть на такой путь, гдѣ его послѣдующая эволюція можетъ идти ускореннымъ темпомъ и значительно обогнать эволюцію того же вида, идущаго прежнимъ путемъ. При внушительныхъ хронологическихъ и географическихъ амплитудахъ легко просмотрѣть одно перекрещиваніе путей и впасть въ ошибку и замѣтить только другое, болѣе интенсивно выраженное. Соотношеніе мало-азіатскаго и средне-европейскаго узловъ арійской и индо-европейской культуры и теперь еще далеко до окончательнаго выясненія.

Какъ извѣстно, этническіе пути, т.-е. пути переселенія арійскихъ и аризированныхъ народностей, шли параллельно: *сѣверный* на широтѣ равнинъ и степей Европы и Азіи, по полосѣ кочевничества, *южный*, среди оазисовъ, среди полуосѣдлыхъ народовъ. Такіе параллельные пути народныхъ передвиженій были и въ Малой Азіи и въ Европѣ. Культурные и торговые пути далеко не всегда совпадали съ путями народныхъ передвиженій и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пересѣкали ихъ поперекъ. Далеко не всѣ торговые пути извѣстны, особенно ихъ соединенія между собою и отвѣтвленія. Эти пути были, конечно, устойчивѣе путей народныхъ переселеній, но и они иногда на время закрывались или значительно отклонялись.

Въ болѣе спеціальныхъ картахъ торговыхъ путей и сферъ культурнаго вліянія въ Азіи въ различныя эпохи, ощущается сильная потребность, — существующія слишкомъ общи и значительно отстали, далеко не все уже имѣющееся въ литературѣ на нихъ означено[1]). На томъ, что обстоятельныя историческія карты могутъ не только предостерегать отъ сомнительныхъ направленій въ изслѣдованіяхъ и отъ поспѣшныхъ предвзятыхъ заключеній, но и выводить на вѣрную дорогу, останавливаться излишне.

Археологическіе матеріалы накопляются медленнѣе, чѣмъ бы слѣдовало съ точки зрѣнія исторіи человѣка, они зачастую случайны, нерѣдко единичны и обособлены, но съ ихъ увеличеніемъ замѣтно возрастаетъ трудность конкретныхъ характеристикъ и классификаціонныхъ опредѣленій, географическихъ, культурныхъ и археологическихъ. Особенно это чувствуется въ этнографическихъ и антропологическихъ проявленіяхъ интеллектуальной психической и психо-физіологической эволюціи, въ ряду которыхъ петроглифы, родовые знаки, орнаментъ, письмо, включая обѣ системы письма, со всѣми эволюціонными формами и ихъ разновидностями, и прочія начальныя проявленія изобразительнаго искусства занимаютъ выдающееся мѣсто. При этомъ, мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, трудность ихъ сравненія и выдѣленія графическихъ элементовъ и орнаментныхъ мотивовъ изъ разнообразныхъ памятниковъ изобразительнаго искусства, сходныхъ во многихъ начертаніяхъ и стилизаціонныхъ пріемахъ, но

---

[1]) Эл. Реклю. Человѣкъ и природа. С.-Пб. 1906. См. карту между стран. 324 и 325.—Ратцель. Народовѣдѣніе, II томъ, культ. карты, безъ главнѣйшихъ путей.

различныхъ по времени и мѣсту нахожденія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они должны безошибочно указать мѣсторожденіе или мѣстопсхожденіе спорнаго заимствованія. Не такъ давно и авторитетные ученые въ возможности такихъ опредѣленій не сомнѣвались, особенно когда Памиръ былъ развѣнчанъ какъ колыбель человѣческаго рода и даже какъ центръ расхожденія арійскихъ народовъ и той культуры, которую принято называть ихъ именемъ[1]).

Стоитъ только вспомнить о работахъ Муха и Коссини[2]). Одинъ взялъ памятники только матеріальной культуры, другой сосредоточилъ свое вниманіе почти исключительно на изобразительномъ искусствѣ и особенно на орнаментахъ керамики. На длинной и широкой полосѣ передвиженія народовъ, съ преобладающимъ процентомъ арійскихъ народностей, они взяли одинъ небольшой средне-европейскій узелъ аризированія, принявъ во вниманіе далеко не всѣ сплетавшіеся съ нимъ пути переселеній и торговли. Географическое распредѣленіе памятниковъ, и количественно и качественно еще далекихъ отъ желаемой полноты, частью разрозненныхъ, случайныхъ, несвязанныхъ достаточнымъ количествомъ параллелей, указало имъ обоимъ пра-родину индо-европейцевъ на сѣверѣ Германіи. Въ результатѣ извѣстная коллизія „индо-германцевъ“ съ „индо-европейцами“ была усилена. Забвеніе обоими изслѣдователями торговыхъ путей было указано Шрадеромъ. Но это забвеніе осложняется еще игнорированіемъ южнаго пути передвиженія арійцевъ, съ замѣтнымъ преобладаніемъ аризированныхъ народностей надъ чисто арійскими. Оказался забытымъ мало-азіатскій узелъ аризированія, — мѣсто нѣкоторой задержки, соединенной съ скопленіемъ переселенцевъ, гдѣ арійцами вавилоно-ассирійская культура не только воспринималась, усвоивалась и перерабатывалась, но и передавалась на востокъ и западъ, и гдѣ возникли, можетъ быть, и основы средиземно-морской и позднѣйшей индо-европейской культуры. Взвѣсивъ все значеніе азіатскаго культурнаго аванпоста, возникшаго на мѣстѣ расхожденія морскихъ путей, изслѣдователи не переоцѣнили бы значенія археологическихъ данныхъ, на которыхъ они построили слишкомъ узкій выводъ. По пріемамъ изслѣдованія и обобщенія, таковымъ же представляется и трудъ проф. В. М. Флоринскаго: всѣ памятники, принадлежащіе различнымъ арійскимъ и аризированнымъ народностямъ, приписаны имъ первобытнымъ славянамъ. Конечно, эти эпизоды въ исторіи арійскаго вопроса мы приписываемъ не избытку патріотизма и происшедшему оттого научному субъективизму, а сложности и многочисленности факторовъ и явленій, разобраться въ которыхъ названные изслѣдователи были не въ силахъ, вслѣдствіе съуженія поля зрѣнія, пренебреженія повѣрочными параллелями, которыя могли бы привести къ усиленію критическаго отношенія къ матеріаламъ и выводамъ, и недостаточнаго знакомства съ религіознымъ генезисомъ орнамента. Опираться на такіе примѣры, какъ на доказательство научной несостоятельности археологіи, было бы слишкомъ странно и слишкомъ строго; не можетъ быть и рѣчи объ обезцѣниваніи самыхъ работъ, — подборъ матеріаловъ и ихъ разработка имѣетъ цѣнность и теперь, какъ основа для приложенія позднѣйшихъ научныхъ данныхъ и вытекающихъ изъ нихъ коррективъ.

---

[1]) Ср. «Средняя Азія и Сибирь», д-ра Г. Шурца, пер. редакт. акад. В. В. Радлова, стран. 111.

[2]) Ср. Введеніе въ языковѣдѣніе проф. В. Поржезинскаго, стран. 195—196. М. 1907 г.

Давъ перечень наиболѣе важныхъ, по нашему мнѣнію, причинъ разногласій о пра-родинѣ арійцевъ и передвиженіяхъ арійскихъ и аризированныхъ народностей, мы далеки отъ намѣренія развивать ихъ далѣе и коснемся только двухъ изъ нихъ, тѣснѣе связанныхъ съ важнѣйшими изъ вопросовъ, трактуемыхъ въ предлагаемой работѣ.

Наблюдая на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря и въ Средней Азіи передвиженія народовъ, греки, въ лицѣ Аристея и Геродота[1]), отмѣтили этотъ фактъ и констатировали, что только гипербореи, т.-е. народности, оттѣсненныя къ окраинѣ эйкумены, остаются безъ движенія, всѣ же прочія движутся на западъ, но, повидимому, они не задавались вопросомъ, почему эти передвигающіеся народы покидали свою родину и куда они стремились?

Эти показанія древнихъ грековъ слѣдуетъ сопоставить съ древне-индійскими сообщеніями. „Одно изъ мѣстъ въ Зендъ-Авестѣ говоритъ непосредственно, что иранскій народъ долженъ былъ отступить назадъ вслѣдствіе наступленія сильнаго холода, — обыкновенно считаютъ равнины, расположенныя къ сѣверу отъ бассейна Аму-Дарьи, областью, которую ему пришлось покинуть“[2]).

Большинство историковъ и лингвистовъ, касаясь временъ доисторическихъ, и даже большинство историковъ культуры, не останавливаются на этомъ вопросѣ, совершенно удовлетворяясь указаніемъ на увеличеніе народонаселенія въ зонѣ кочевничества, на условія экономическія, на формы хозяйства и на бытовыя особенности, раздѣляющія кочевниковъ и земледѣльцевъ какъ причины народныхъ передвиженій. Г. Шурцъ въ описаніи Средней Азіи, какъ арены историческихъ событій, указываетъ на уменьшеніе влаги и на холодный климатъ, отмѣчая неизмѣнившееся возвышенное положеніе страны[3]). І. Гонеггеръ, начавшіяся постоянныя, большею частью опустошительныя движенія на Западъ, по направленію географической широты, или великія переселенія народовъ приписываетъ медленному поднятію поверхности материка, вслѣдствіе чего климатъ сталъ суровѣе, и азіатскіе кочевники почувствовали недостатокъ въ водѣ[4]).

---

[1]) Аристей Пропонесскій жилъ VI вѣкѣ до Р. Х., по показанію лексикографа Свида, во времена Кира и Креза онъ написалъ поэму «Аримаспея», откуда Геродотъ приводитъ отрывокъ (IV, 13). Хотя форма этого произведенія поэтическая сказочная, но, повидимому, авторъ и самъ путешествовалъ по древнему средне-азіатскому пути къ бассейну Тарима. Показанія эти вполнѣ возможно отнести къ VII вѣку до Р. Х., но доисторическое существованіе этого пути возможно отнести и къ болѣе отдаленному времени. Объ этомъ пути въ I вѣкѣ по Р. Х. см. сообщенія македонскаго купца Маэса или Титіана (Г. Шурцъ, Ист. человѣчества, Гельмотъ. II т., стран. 136). Аристей отмѣчаетъ торговлю шелкомъ, упоминаетъ о народѣ (грифы), живущемъ выше аримасповъ, хранящемъ золото: очевидно, онъ отмѣчаетъ алтайскія народности.

По общему представленію грековъ о мѣстахъ расположенія народовъ и ихъ передвиженій, можно предполагать, что всякій новый народъ, появлявшійся въ азіатскихъ степяхъ, сливающихся съ юго-восточными степями Европы, подвигаетъ предшествующій впередъ или оттѣсняетъ къ сѣверу и только гипербореи, огражденные горами, лѣсами и болотами, остаются въ покоѣ (Гр. Толстой и Кондаковъ, Русскія древн. 2-й вып., стран. 13).

[2]) Э. Реклю. Человѣкъ и Земля. С.-Пб. 1906. Стран. 348. Переводъ подъ редакц. акад. В. В. Радлова.

[3]) Исторія человѣчества, ред. Гельмотъ, статья Г. Шурца, II т., стран. 112.

[4]) І. Гоннегеръ. Исторія челов. культ., стран. 52.

Къ сожалѣнію, I. Гонеггеръ не указалъ источниковъ, на которыхъ онъ обосновывалъ свое категорическое заключеніе. О высыханіи озеръ внутренней Азіи была работа Венюкова, о высыханіи озеръ въ Западной Сибири были сообщенія Ядринцева, Никольскаго и Шульца о колебаніи уровня озеръ Средней Азіи работы Берга, Игнатова и Воейкова, усыханіе озеръ констатировано и въ другихъ мѣстностяхъ, между прочимъ и въ Малой Азіи. Но, какъ извѣстно, существованіе озеръ явленіе временное, при исчезновеніи озеръ, надо имѣть въ виду, помимо стока и заполненія осадками, и соотношеніе между количествомъ осадковъ и испареніемъ.

Но если и признать неизмѣнность климатическихъ условій со стороны влажности, то фактъ уменьшенія мѣстъ, достаточно снабженныхъ водою, несомнѣненъ, надо только вспомнить, что въ замкнутыхъ озерныхъ долинахъ многія озера становятся солеными, лишаются прѣсныхъ ключей, и еще задолго до полнаго высыханія, вода ихъ становится уже негодною для употребленія, а ключи исчезаютъ. Окрестности многихъ озеръ, вслѣдствіе этого, становятся необитаемыми. Одно это явленіе, несомнѣнно быстро уменьшавшее поверхность эйкумены, могло побуждать кочевниковъ къ переселеніямъ.

Но все-таки, встрѣчаясь часто съ примѣрами высыханія озеръ[1]), идущаго, повидимому, съ возрастающею скоростію, трудно отрѣшиться отъ вопросовъ: не уменьшается ли, съ одной стороны, влажность, не увеличивается ли, съ другой стороны, испареніе, не измѣнилось ли направленіе преобладающихъ вѣтровъ? Нѣтъ ли періодическихъ колебаній, помимо общаго поступательнаго ухудшенія климата? Трудно вѣрится въ неизмѣняемость климатическихъ условій, кажется невозможнымъ наблюдающіеся переходы луговъ и прекрасныхъ пастбищъ въ степи съ бѣдною растительностію, степей — мѣстами въ пустыню, приписать только неразумію, лѣнивости и недальновидности человѣка, какъ это дѣлается нѣкоторыми учеными. И прорывы дюнныхъ покрововъ, какъ прискорбныя причины расширенія песчаныхъ пустынь, нельзя же всецѣло поставить за счетъ человѣка, если они отчасти кроются и въ геологическомъ строеніи дна и побережьевъ давно исчезнувшаго великаго средиземно-азіатскаго третичнаго моря.

Хотя поднятіе интересующей насъ части Средней Азіи не установлено прямыми наблюденіями и категорическое его утвержденіе, какъ намъ кажется, преждевременно, но оно представляется весьма возможнымъ. Мы обосновываемъ свое мнѣніе на сопоставленіи направленія сѣверной границы распространенія новѣйшихъ складчатыхъ кряжей, какъ она означена на схематической картѣ Неймайера[2]), съ продолженіемъ отвѣтвленія къ Байкалу, что означено и на сейсмической картѣ проф. А. Зупанъ, (A. Supan[3]) и съ картою восточной области землетрясеній Мушкетова[4]). Воздѣй-

---

[1]) Для Минус. окр. напомнимъ объ оз. Шира. По поставленному нами въ 1889 г. реперу, чрезъ 12 лѣтъ замѣчено пониженіе уровня около 80—75 стм., т.-е. около 6,2 стм. въ годъ. Реперъ возобновленъ, у будки, навѣрное имѣются дальнѣйшія данныя у администраціи озера.

[2]) Исторія Земли, II т., рис. 630 на стран. 564.

[3]) Grundzüge der Physisch. Erdkunde, vierte Auflag. L. 1908, Taf. XVIII, въ сопоставл. съ Taf. XVI.

[4]) Физ. геолог. I т., фиг. 691, стран. 697.

ствіе на земную кору на этой пограничной полосѣ — какъ области чисто сейсмической — проявляется землетрясеніями, направленными по линіямъ нарушеній въ положеніи земной коры, т.-е. на рубежѣ новыхъ мощныхъ горныхъ кряжей[1]). Равнины, расположенныя вблизи наиболѣе выдающихся и самыхъ новыхъ горныхъ кряжей такой сейсмической полосы (Туркестанъ, Алтай, Забайкалье), являются предрасположенными къ медленнымъ поднятіямъ. Зупанъ[2]), трактуя вопросъ о необходимости геодезическихъ работъ надъ опредѣленіемъ такихъ поднятій, указываетъ на Туранскую низменность, какъ на одну изъ наиболѣе пригодныхъ для такихъ изслѣдованій странъ, гдѣ, по мнѣнію Гризбаха, образованіе складокъ продолжается еще и теперь, по направленію отъ сѣвернаго Афганистана[3]). И изслѣдованія строенія долинъ могутъ дать цѣнныя показанія. Комбинаціи положительнаго и отрицательнаго движенія береговъ Азіи, сѣверо-восточныхъ съ 30° с. ш., южнаго Китая и Тонкина и въ индійско-малайскомъ архипелагѣ не противорѣчатъ высказаннымъ соображеніямъ. По берегамъ Малой Азіи, Каспія и Чернаго моря имѣются признаки поднятія[4]).

„Хорошее начало — половина дѣла", если эту пословицу примѣнить къ начальнымъ импульсамъ великаго доисторическаго движенія народовъ, связаннаго съ именемъ арійскихъ народовъ, мѣстопребываніе которыхъ остается еще не вполнѣ выясненнымъ, то индо-европейскій вопросъ едва ли возможно признать находящимся на половинѣ дороги. Начальная причина такого отдаленнаго, такого длительнаго явленія въ жизни человѣчества, каковы передвиженія и переселенія народовъ, послѣдствія которыхъ настолько велики, что такъ называемое „великое переселеніе народовъ" представляется только однимъ изъ многихъ эпизодовъ, не можетъ быть простою, — она должна быть комплексомъ разнородныхъ причинъ. Первоначальницу, важнѣйшую изъ причинъ, можно избрать только послѣ тщательнаго ознакомленія со всѣми прочими. Весьма возможно, что она кроется не въ исторіи человѣчества, а въ исторіи земной поверхности.

Краткое разсмотрѣніе вопроса объ измѣненіи физико-географическихъ условій жизни народовъ средней Азіи выясняетъ необходимость пересмотра имѣющихся данныхъ и дальнѣйшаго болѣе энергичнаго собиранія матеріаловъ по всѣмъ отраслямъ естествознанія, могущимъ освѣтить этотъ сложный вопросъ съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Относительно хронологическихъ амплитудъ, съ точки зрѣнія различныхъ наукъ, ограничимся однимъ сопоставленіемъ. Начало неолитической эпохи, присоединяя къ ней послѣднюю стадію переходной эпохи отъ палеолитическаго времени — тарденуазскую стадію (Феръ-анъ-Тарденуа, Эна), въ которой замѣченъ приходъ какого-то восточнаго кочевого народа, вѣроятно съ козами и овцами, какъ предшественниками скотоводства[5]), возможно относить къ 6000 гг. до Р. Х.

---

[1]) Мушкетовъ. Геологія, т. I, стран. 696.

[2]) Зупанъ. Осн. физич. геогр., стран. 326.

[3]) Grisbach. Field-Notes from Afganistan. — Въ послѣднемъ нѣмецк. изданіи своей «Физ. геогр.» проф. А. Зупанъ на стран. 649, поддерживаетъ высказанное въ предшествующемъ изданіи, переведенномъ на русск. языкъ подъ ред. акад. Д. Н. Анучина.

[4]) Мушкетовъ. Физич. геологія, т. I. С.-Пб. 1899, стран. 722.

[5]) Mortillet. Musée Préhist. pl. XXXVII. — Forrers Reallexicon, 796 и 921. — Нидерле — Анучинъ, стран. 174. — I. Schlemm, Wörterbuch zur Vorgesch. B. 1908, S. 369 и 370 (Literatur).

Приведемъ соображенія Булича[1]) о времени раздѣленія индо-европейскаго праязыка. „Древнѣйшій памятникъ индійской литературы, Ригведа, относится обыкновенно къ 1500 и даже къ 2000 годамъ до Р. Х. Стало быть за 2000 лѣтъ до Р. Х. индо-европейскаго единства уже не существовало; не было тогда и арійскаго единства, т.-е. общности индусовъ и иранцевъ, потому что Ригведа является памятникомъ уже спеціальнымъ индійскимъ, съ мѣстной окраской. Такимъ образомъ, періодъ арійскаго единства долженъ быть отодвинутъ назадъ по крайней мѣрѣ на 1000 лѣтъ, т.-е. за 3000 лѣтъ до Р. Х. Періодъ арійскаго единства былъ довольно продолжителенъ, такъ какъ особенности обще-арійской (индо-иранской) культуры на столько самостоятельны въ сравненіи съ особенностями обще-европейской культуры, что могли выработаться лишь въ теченіе значительнаго промежутка времени. Такимъ образомъ эпоха раздѣленія индо-европейскаго пра-языка на отдѣльные языки можетъ быть отнесена никакъ не позже 4000 лѣтъ до Р. Х. Раздѣленіе это, конечно, происходило исподволь“.

Въ эпоху непосредственно предшествовавшую раздѣленію, индо-европейскій праязыкъ былъ тогда уже языкомъ окончательно сложившимся, уже синтетическимъ. „Есть полное основаніе предполагать, что индо-европейскій пра-языкъ нѣкогда, въ еще болѣе отдаленныя эпохи своей исторіи, не имѣлъ и флексіи и опредѣленныхъ словесныхъ формъ, а только самостоятельныя слова-корни или слова-основы, какъ въ изолирующихъ корневыхъ языкахъ. Но и подобное состояніе не есть еще самое первичное“[2]).

Даже при строго-скептическомъ отношеніи къ археологической датѣ и при увеличеніи хронологической даты лингвистовъ, индо-европейскій пра-языкъ долженъ быть въ числѣ языковъ Европы или Малой Азіи во время неолитическаго періода. Но онъ или угасъ, не оставивъ никакихъ слѣдовъ, или остается незамѣченнымъ сравнительнымъ языкознаніемъ.

„Санскритъ“, по словамъ шотландскаго ученаго Мензиса, „не источникъ индо-европейскихъ нарѣчій, а старшій братъ всей группы; родоначальникомъ же этихъ языковъ, который, какъ показываютъ факты, былъ крайне гибкій языкъ, и, можетъ быть, литовскій языкъ ближе къ нему, чѣмъ санкритъ. Но теперь мы можемъ узнать его, только благодаря изученію общихъ чертъ его уцѣлѣвшихъ дѣтей“. Но литовскій языкъ, видимо, слишкомъ удаленъ отъ русскихъ лингвистовъ, чтобы они могли овладѣть фактами „по лингвистической палеонтологіи“, могущими въ немъ скрываться, и оцѣнили бы его, какъ вспомогательное средство, которымъ можетъ располагать наука о языкѣ, идя на помощь изслѣдованію его доисторическихъ эпохъ. Въ послѣднихъ русскихъ работахъ по сравнительному языкознанію значеніе литовской или балтійской вѣтви языковъ ничѣмъ не подчеркнуто: эта группа стоитъ заурядъ съ прочими, безъ всякихъ упоминаній о живой лингвистической эволюціонной старинѣ, замѣченной въ немъ западно-европейскими учеными[3]).

---

[1]) Индо-европ. яз. Энц. слов. 25, стран. 160.

[2]) С. Буличъ. Индо-европейскій языкъ, стран. 160. «Энцикл. Слов.» Бр.-Ефр.

[3]) Проф. В. Поржезинскій. Введеніе въ языковѣдѣніе. М. 1907.

Съ другой стороны, на этапѣ другого пути, гдѣ началось созиданіе и откуда, можно думать, происходило энергичное распространеніе индо-европейской культуры, при выдающемся содѣйствіи аризированныхъ народностей, въ Малой Азіи, есть слѣды языка, также нѣсколько подозрительнаго въ „палеонтологическомъ“ отношеніи: мы подразумѣваемъ древне-ликійскій языкъ съ его особымъ ликійскимъ алфавитомъ, имѣющимъ съ древне-греческимъ двадцать четыре общихъ знака. Енисейскій алфавитъ сходенъ съ ликійскимъ алфавитомъ въ наибольшемъ количествѣ буквенныхъ начертаній: около 35 начертаній изъ 45 основныхъ существенно отличающихся другъ отъ друга знаковъ.

Нѣкоторыя изъ надписей писаны на двухъ языкахъ: ликійскомъ и греческомъ. Несмотря на это благопріятное условіе, надписи эти до сихъ поръ не дешифрированы вполнѣ удовлетворительно, и всѣ попытки точнаго перевода одноязычныхъ (только ликійскихъ) надписей должны быть признаны неудачными. Лассенъ считалъ ликійскій языкъ родичемъ греческаго; Блау сопоставлялъ его съ албанскимъ. Севельсбергъ относилъ его къ иранскимъ языкамъ. Самый серіозный и осторожный изъ всѣхъ работавшихъ надъ ликійскими надписями ученыхъ, Морицъ Шмидтъ, все-таки не рѣшилъ этой научной загадки.

Принадлежность ликійскаго языка къ индо-европейской семьѣ языковъ до сихъ поръ не можетъ считаться доказанной; болѣе вѣроятно, что это одинъ изъ единичныхъ остатковъ вымершихъ языковыхъ группъ, какъ и языки баскскій, этрусскій и др. Несомнѣнно только, что ликійскій языкъ принадлежалъ къ числу языковъ флективныхъ[1]).

Жители Ликіи рано выразили цивилизаціею свои дарованія. Многочисленные памятники искусства и могильныя сооруженія, часто снабженныя мѣстными надписями, свидѣтельствуютъ о высокой соперничавшей съ греческою культурѣ, которая, если не считать побережья, поддалась вліянію эллинизма только въ римскую эпоху. Ликія очень долго сохраняла свою самостоятельность и независимость. Какъ-то не вѣрится въ полное угасаніе ликійскаго языка, можетъ быть, онъ и сохраненъ какою-нибудь небольшою народностію, вѣроятнѣе изъ переселившихся въ Европу, ускользавшею отъ вниманія изслѣдователей[2]).

Вѣроятно, лингвисты использовали енисейскій алфавитъ и на мѣстѣ исхожденія этого заимствованія, — можетъ быть среди сохраненныхъ имъ дублетныхъ начертаній оказались и полезные для установленія звукового значенія нѣкоторыхъ изъ ликійскихъ буквенныхъ начертаній: можетъ быть, въ наиболѣе загадочныхъ частностяхъ енисейскій алфавитъ въ графическомъ заимствованіи сохранилъ и звуковое. Могутъ пригодиться и сопоставленія его начертаній со стороны сходства ихъ символическаго значенія, которое они могли имѣть въ культѣ, какъ записи религіознаго мимическаго языка.

Южное положеніе Ликійскаго полуострова относительно Каріи и Фригіи, а также отдаленное и морское положеніе Іоніи, дозволяетъ допускать въ началѣ и морской

---

[1]) «Энц. Слов.» 34, стран. 679.

[2]) «Энц. Слов.» 34, стран. 680.

путь движенія заимствованія алфавита къ Енисею, т.-е. къ сѣверному побережью Чернаго моря, кромѣ древняго средне-азіатскаго пути чрезъ восточный Туркестанъ, о которомъ мы уже говорили. Ликійцы были нравственнымъ и справедливымъ народомъ, не принимавшимъ участія въ морскихъ разбояхъ, и здѣсь они стояли особнякомъ, — они были мореплавателями, торговцами.

Къ таблицѣ сходныхъ начертаній енисейскаго и мало-азіатскихъ древнихъ алфавитовъ мы прибавили знаки древне-кипрскаго слогового письма и нѣкоторыхъ начертаній изъ кипрскихъ древне-финикійскихъ надписей, среди которыхъ особо важное значеніе для енисейскаго алфавита имѣютъ свастическіе знаки. Они и такіе же знаки въ пуническомъ алфавитѣ также подтверждаютъ морской путь движенія заимствованія, именно, чрезъ сѣверное побережье Чернаго моря и юго-восточныя степи Европы и степи средней Азіи.

Немногіе недостающіе знаки относятся къ образовавшимся чисто аналитическимъ графическимъ путемъ, подобно знакамъ, изображеннымъ на таблицѣ XII. П. 25.

Переходя къ суммированію результатовъ произведенной работы, считаемъ не лишнимъ высказать нѣкоторыя соображенія общаго характера.

Передвиженія народовъ, начавшіяся въ IV вѣкѣ по Р. Х., вызванныя, главнымъ образомъ, тюрко-монгольскими народами, индо-европейская исторія назвала великимъ переселеніемъ народовъ. Механическій импульсъ, правда, и тогда былъ очень силенъ, крови пролито очень много, этническія послѣдствія велики, но во всѣхъ отношеніяхъ, особенно съ культурной точки зрѣнія, эту эпоху переселенія народовъ едва ли можно сравнивать и по внѣшнимъ проявленіямъ, а главное, и по культурнымъ послѣдствіямъ, съ тѣми невыясненными доисторическими передвиженіями народовъ, народностей и племенъ различныхъ расъ, которыя связываются съ именемъ арійцевъ, и которые начались въ Азіи.

Намъ пришлось, по мѣрѣ силъ, произвести предварительную сравнительную работу по одной мѣстной разновидности, въ предѣлахъ только одного изъ этнографическихъ видовъ, правда, графически отражающаго и практику культа, въ соединеніи съ практикою въ записи языка движеній, но, несмотря на такое съуженіе поля зрѣнія, внутреннія качества арійскаго вліянія, его движущая и объединяющая сила могла, въ извѣстныхъ предѣлахъ, высказаться и въ культѣ и въ письмѣ, и въ широтѣ распространенія и въ устойчивости заимствованій по изобразительному искусству. Хотя многія детали, въ виду возраставшей сложности предпринятой работы, остались пока безъ объясненій, но мы надѣемся, что важнѣйшія заключенія въ текстѣ, въ примѣчаніяхъ и въ библіографическихъ указаніяхъ остановятъ на себѣ вниманіе ученыхъ, спеціально знакомыхъ съ памятниками различныхъ древнихъ культуръ передней, средней и восточной Азіи. При этомъ, въ предѣлахъ возможности, мы отмѣчали и разложеніе культурныхъ заимствованій на сѣверѣ и востокѣ Азіи, засвидѣтельствованное своеобразными признаками вымиранія сущности графическихъ заимствованій.

Трудно было ожидать, чтобы культурная аризинирующая волна прошла такъ далеко на востокъ и, мало того, была бы переброшена на сѣверъ, черезъ Алтай, въ долину Енисея. Было ли тутъ аризированіе, въ точномъ смыслѣ этого слова, или оно соеди-

нялось и съ ферментомъ, хотя бы въ видѣ какой-либо тюркской народности или племени, съ повышеннымъ процентомъ арійской крови, пока не выяснено[1]).

Теперь уже всѣмъ понятно, насколько основательны были надежды кабинетнымъ путемъ отыскать на такомъ обширномъ контактномъ пространствѣ, какова Средняя Азія, этнически обособленный исходный пунктъ древне-арійскаго движенія, въ надеждѣ, что онъ непремѣнно совпадетъ и съ центромъ тяжести и съ точкою приложенія всѣхъ причинъ этого выдающагося, но еще невыясненнаго явленія въ исторіи человѣчества.

Но въ настоящее время многіе ученые и путешественники, представители наиболѣе культурныхъ государствъ, дѣятельно производятъ раскопки и собираютъ цѣнные научные матеріалы въ Восточномъ Туркестанѣ[2]), въ бассейнѣ Тарима и въ началѣ пустыни Гоби, среди доисторическихъ поселеній, накрытыхъ передвигающимися дюнными песками. Есть надежда, что, благодаря иностраннымъ ученымъ, освѣтится арійскій вопросъ и съ восточной стороны, тогда выяснятся и многіе изъ затрагиваемыхъ вопросовъ по мѣдной культурѣ и на Енисеѣ.

Петроглифы Енисея, генетическое единство графическаго состава енисейскаго алфавита и тюрко-алтайскихъ и тюркскихъ родовыхъ знаковъ и знаковъ собственности, и особенно представляемыя параллели къ нимъ, хотя далеко неполныя, указываютъ на болѣе отдаленную эпоху этническихъ смѣшеній, этнографическихъ заимствованій и передвиженій континентальныхъ арійцевъ и аризированныхъ народностей. Тѣ древнѣйшія наблюденія, которыя сдѣланы надъ этими передвиженіями приморскими аризированными и частью арійскими народностями, представляются намъ слишкомъ скудными, запоздавшими и односторонними свидѣтельскими показаніями.

На эту болѣе древнюю и всего менѣе выясненную эпоху переселеній арійскихъ и аризированныхъ народностей, въ различныхъ направленіяхъ, въ передней, средней и сѣверо-западной части Азіи, возможно смотрѣть, какъ на время развитія и широкаго распространенія характерной для этой культурной эпохи дифференціаціи изобразительнаго искусства въ обѣ стороны, т.-е. какъ въ сторону искусства въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, такъ и въ сторону письма, беря это понятіе въ широкомъ смыслѣ. При этомъ, оба развѣтвленія этого этнографическаго вида въ началѣ находились подъ сильнымъ вліяніемъ культа: культъ былъ и движущимъ и объединяющимъ импульсомъ.

Съ одной стороны, письмо, бывшее нѣкогда у до-арійскихъ культурныхъ народовъ религіознымъ украшеніемъ стѣнъ храмовъ, слугою культа, — письмо, нѣкогда господствовавшее, можно сказать, въ извѣстныхъ предѣлахъ, надъ мыслью и рѣчью, становилось орудіемъ мышленія, слугою рѣчи и постепенно сдѣлалось средствомъ широкаго человѣческаго общенія. Съ другой стороны, наблюдается увеличеніе и отсортировка международныхъ мотивовъ орнамента и обогащеніе пріемовъ стилизаціи и композиціи, и, въ то же время, происходитъ объединеніе въ различныхъ проявленіяхъ

---

[1]) К. Горощенко, Курган. черепа Минус. округа. Минус. 1900 г.
[2]) Ак. Д. Н. Анучинъ. Сообщ. Импер. Моск. Арх. Обществу.

изобразительнаго искусства у всѣхъ осѣдлыхъ и передвигающихся народностей. Этому графическому объединенію въ значительной степени содѣйствовало мимическое объединеніе, происходившее вслѣдствіе уменьшенія числа письменныхъ знаковъ и упрощенія ихъ начертаній. Въ древне-арійское время и, можно думать, не безъ участія аризированныхъ народностей Малой Азіи, въ основѣ письма произошелъ крупный переворотъ: звуковая система смѣнила свѣтовую, и новая система письма, съ ея алфавитною формою, благодаря всему выше изложенному, быстро сдѣлалась общею почти для всѣхъ культурныхъ народовъ земного шара.

При расхожденіи по разнымъ эволюціоннымъ путямъ, искусство и письмо долгое время объединялись древнѣйшимъ языкомъ движеній, издревле господствовавшимъ въ культѣ и занимавшимъ видное мѣсто и въ житейскомъ быту. Даже послѣ перемѣны системы письма, при введеніи алфавита, генетическая связь письменныхъ начертаній съ практикою религіи не была порвана. Всѣ виды богопочитанія, всѣ разновидности молитвы и благословенія, всѣ важнѣйшія проявленія культа, выражаемыя тѣлодвиженіями и жестами, записывались соотвѣтственными мимико-графическими знаками, которые, подвергаясь своеобразной графической эволюціи, превращались въ схемы религіозныхъ движеній и графическіе символы, давшіе темы и мотивы для орнамента и другихъ проявленій искусства.

Религіозный дуализмъ (небо и земля, солнце съ западомъ и востокомъ и т. д.), давъ направленіе мимическимъ религіознымъ обращеніямъ и обусловивъ этимъ и ихъ графическую сигнализацію, повліялъ и на стилизацію и композицію, приведя ихъ къ двумъ опредѣленнымъ директивамъ. Анимизмъ, съ сонмомъ духовъ надъ землею и подъ землею, всегда сопутствующій первобытнымъ культамъ, еще далекимъ отъ подробнаго изученія религіи и не достигшимъ даже до антропоморфизма всемірныхъ божествъ, всецѣло погружалъ кочевника въ практику религіи и подвелъ его, въ концѣ концовъ, къ четыремъ странамъ свѣта, какъ къ обязательнымъ естественнымъ директивамъ молитвенной сигнализаціи и ея начертанія, — послѣднее, въ силу непрерывности своего воздѣйствія, повидимому, считалось иногда даже болѣе дѣйствительнымъ въ религіозномъ отношеніи, чѣмъ самая молитва, съ ея преходящими тѣлодвиженіями и жестами.

Какъ ни примитивны петроглифы Енисея, но и они отражаютъ нѣкоторый подъемъ культуры, культа и изобразительнаго искусства, продолжавшійся въ мѣдную эпоху, и ясно отмѣчаютъ наступившее съ начала желѣзнаго вѣка паденіе культуры и разложеніе культа. Руководящее же вліяніе вышеотмѣченныхъ директивъ на самой молитвѣ и особенно на ея изображеніи продолжается очень долго, — начертаніе во многихъ случаяхъ переживаетъ свой первоначальный религіозный генезисъ. Нѣкоторыя символическія начертанія, какъ увидимъ далѣе, несмотря на самыя тяжелыя бытовыя условія, живутъ и теперь, среди многихъ тюрко-алтайскихъ и тюркскихъ народностей, сохраняя только смутное таинственное мистическое обаяніе, въ то же время ихъ графическій генезисъ и ихъ дѣйствительное значеніе названными народностями давно забыто, и пока не всегда поддается прямому обспросному констатированію.

Если обратиться не только къ мѣсту исхожденія заимствованія древняго культа аборигеновъ Енисея, т.-е. къ Малой Азіи, но и къ другимъ древнимъ средиземно-морскимъ

государствамъ (включая и колоніи Чернаго моря), а также и къ центральной и сѣверной Европѣ, беря приблизительно временемъ исхожденія изъ Малой Азіи или съ острова Кипра начало VII вѣка до Р. Х. (время бустрофедонной фазы развитія древне-греческаго алфавита), что подтверждается между прочимъ и кипрскими и троянскими находками, особенно различными символическими начертаніями напряслицъ, то и тамъ повсюду наблюдается не только тождество въ религіозныхъ знакахъ и символахъ, не только поразительное сходство въ мотивахъ орнамента и въ ихъ эволюціонныхъ измѣненіяхъ, но и въ орнаментныхъ комбинаціяхъ или въ композиціи, вслѣдствіе подчиненія однимъ и тѣмъ же религіознымъ директивамъ.

На архаическихъ памятникахъ греческаго искусства, времени вазъ съ черными фигурами, и на раннихъ красно-фигурныхъ вазахъ, найденныхъ въ южно-русскихъ курганахъ, видно подчиненіе стилизаціи и композиціи указаннымъ директивамъ и религіознымъ символамъ[1]). Въ текстѣ мы даемъ нѣсколько детальныхъ поясненій къ нѣкоторымъ наиболѣе характернымъ памятникамъ древняго искусства.

Въ нѣкоторыхъ вазахъ эти линіи-директивы можно, до нѣкоторой степени, уподобить кристалло-графическимъ осямъ (октаэдра), по которымъ компануется и общее очертаніе вазы или чаши, въ зависимости отъ того, какимъ божествамъ отдается предпочтеніе, земнымъ или небеснымъ, и что берется преобладающею темою, молитва или благословеніе.

Даже въ эпоху разложенія классическаго культа, даже въ варварскомъ стилѣ времени великаго переселенія народовъ, прежнія основанія композиціи не были оставлены, а только искажены подъ вліяніемъ стилистическихъ измѣненій религіозныхъ символовъ, напримѣръ, спирализаціи концевыхъ частей древнихъ символовъ. Въ композиціи нѣкоторыхъ сибирскихъ пластинъ видно подчиненіе двусторонним символамъ (свастическаго типа) настолько утрированное, что оно противорѣчитъ дѣйствительности, таковъ, напримѣръ, неестественный вывертъ[2]) жертвеннаго коня и козла подъ хищнымъ животнымъ или птицею — принимателями жертвы.

Кромѣ того, фантастическій элементъ, всегда входившій въ композицію, постепенно наростая, подъ вліяніемъ индійскихъ заимствованій, въ звѣриномъ орнаментѣ дошелъ уже до абсурдовъ въ искаженіи дѣйствительности.

И несмотря на эти ненормальныя явленія, въ древне-азіатскомъ изобразительномъ искусствѣ и въ европейскомъ, времени великаго переселенія народовъ, все-таки ясно видны общія черты, объясняющіяся стойкостію, жизненностію древне-арійскихъ заимствованій по культу и по изобразительному искусству.

Отмѣтивъ далѣе, въ текстѣ и въ особой таблицѣ, послѣдовательность въ чередованіи формъ молитвы и вытекающихъ изъ нихъ религіозныхъ символовъ не только

---

[1]) Dr. R. Forrer, Reallex. der préhist. et coet. Altertümer. 1907. — J. Schlemm. Wörterbuch zur Vorgeschichte. B. 1908. — Dr. M. Ohnefalsch-Richter, «Kypros die Bibel und Homer. — Труды Шлимана, Чеснола, Л. и А. — Perrot et Chipier, Hist. de l'art dans l'antiquité и мног. др. авторовъ, сборники и атласы съ памятниками древняго искусства различныхъ народовъ Африки, Азіи и Европы.

[2]) Русск. древн. въ пам. иск., гр. И. Толстого и Кондакова. Вып. III, стран. 43—45, 55 и 70. Въ этихъ памятникахъ древняго искусства авторы видятъ подчиненіе искусства «дѣйствительности», мы же склонны видѣть большее подчиненіе — культу и своеобразной эволюціи религіозныхъ символовъ.

на петроглифахъ Енисея, на графическомъ составѣ енисейскаго и тукюэскаго алфавитовъ, но и на родовыхъ знакахъ тюрковъ и тюрко-алтайцевъ, мы не могли также не замѣтить, работая надъ параллелями по изобразительному искусству, что это явленіе общаго характера: на памятникахъ изобразительнаго искусства, относящихся къ различнымъ стадіямъ культуры, оно наблюдается, въ большей или меньшей степени, можно сказать, у всѣхъ народовъ земного шара.

Если къ установленнымъ археологіею характернымъ, но часто только внѣшнимъ признакамъ различныхъ эпохъ, присоединить, послѣ надлежащей разработки, и указываемые теперь внутренніе религіозные признаки, по скольку они могутъ быть опредѣлены графическими элементами орнамента, констатирующими практику культа, то эти данныя могутъ служить, въ извѣстной мѣрѣ, и повѣркою и пособіемъ для установленія относительныхъ синхронистическихъ заключеній и для различныхъ археологическихъ и этническихъ соображеній.

Заканчивая введеніе, перечислимъ важнѣйшіе изъ затрагиваемыхъ въ предлагаемой статьѣ вопросовъ и суммируемъ наши предварительныя заключенія.

1) Петроглифы и прочіе древніе памятники изобразительнаго искусства на Енисеѣ, относящіеся къ концу переходной отъ камня къ мѣди эпохѣ и даже къ началу желѣзной, носятъ на себѣ слѣды древней мало-азіатской культуры. Древне-арійскія заимствованія оказываются наиболѣе стойкими: многіе изъ графическихъ пережитковъ сохраняются и теперь у нѣкоторыхъ тюрко-алтайскихъ народностей, населяющихъ степи Минусинскаго округа.

2) Петроглифы, во многихъ случаяхъ, оказываются религіозными начертаніями — записями по практикѣ религіи.

3) Опредѣленіе на петроглифахъ различныхъ стадій культуры и различныхъ народностей представляется пока затруднительнымъ въ виду возможности смѣшенія разновременныхъ петроглифическихъ начертаній на одномъ и томъ же петроглифѣ. Принадлежность нѣкоторыхъ енисейскихъ петроглифическихъ начертаній къ мѣдному вѣку внѣ сомнѣній, что выясняется въ подробномъ пофигурномъ описаніи петроглифовъ, но нѣкоторые петроглифы, очень немногіе (изъ нихъ особенно выдѣляются нѣкоторыя петроглифическія начертанія утеса Игумъ, Тесь на Тубѣ), должны быть отнесены къ болѣе раннимъ стадіямъ культуры. Должно надѣяться, что дальнѣйшіе болѣе тщательные снимки и разнородныя параллели къ нимъ выяснятъ этотъ вопросъ. Особенно важно изученіе этихъ памятниковъ на мѣстѣ.

4) Время исхожденія бустрофедоннаго алфавита изъ Малой Азіи можетъ относиться къ VII вѣку до Р. Х., появленіе алфавита на Енисеѣ, по надписямъ на Орхонѣ, можно относить къ V вѣку послѣ Р. Х., но начало заимствованій по свѣтовому письму, конечно, должно быть отнесено къ болѣе давнему времени.

5) Накрытая, болѣе древняя культура въ Минусинскомъ округѣ пока обрисовывается слабо, но графическія указанія на домашнихъ животныхъ, на зачатки изобразительнаго искусства, на анимизмъ и тотемизмъ имѣются и теперь, особенно у сѣверныхъ тюрко-алтайцевъ.

6) Систематическія раскопки на мѣстахъ древнихъ поселеній неолитической эпохи могли бы дать цѣнныя въ этомъ направленіи указанія, но таковыя на Енисеѣ произведены только около Красноярска (Базаиха). Курганы наиболѣе древніе, также могли бы дать интересный матеріалъ, но пока на Енисеѣ еще не наступило время раскопокъ, подчиненныхъ опредѣленнымъ цѣлямъ, спеціально направленнымъ на полученіе важнѣйшихъ научныхъ данныхъ.

7) На культуру болѣе древнюю, на культы и графическіе памятники, предшествовавшіе арійскимъ заимствованіямъ, развѣдочныя поиски цѣлесообразнѣе направлять съ сѣвера на югъ, начавъ, напримѣръ, съ неолитическихъ поселеній и стоянокъ ангарскаго культурнаго пути, захватывая древнюю бифуркаціонную полосу между Енисейскимъ и Обскимъ бассейнами (линія Обь-Енисейскаго канала), затѣмъ взять неолитическія поселенія Кана и Чулыма. Само собою разумѣется, предварительно надо использовать всѣ соотвѣтственныя указанія о пале-азіатскихъ и сѣверо-американскихъ народностяхъ, данныя послѣдними американскими экспедиціями.

8) Культурные пути, пути передвиженій и заимствованій, съ небольшими центрами съ трудомъ проникавшей культуры, съ зачатками сферъ вліянія, на сѣверѣ и въ срединѣ Азіи, на основаніи немногочисленныхъ имѣющихся данныхъ, представляются въ слѣдующемъ видѣ. А) Сѣверный путь, его можно назвать финно-угорскимъ, идетъ по окраинѣ эйкумены (Финляндія-верховье Камы-Тобольскъ-Нарымъ-Обь-Енисейск. каналъ-Верх. Тунгуска-Ангарск. долина). — В) Средне-сибирскій путь или тюрко-алтайскій (Самара-Оренбургъ, станція Обь-Красноярскъ, съ вѣтвью: Обь-Барнаулъ-Минусинскъ). — С) Степной путь или тюркскій, соединяющійся на западѣ съ западно-сибирскими и южно-русскими степями, а на востокѣ — чрезъ Иртышъ и др. проходы — съ степями Монголіи и Забайкалья. — Д) Древній средне-азіатскій торговый путь на Китайскій Туркестанъ, въ бассейнъ Тарима; путь, пролегающій въ полосѣ полуосѣдлыхъ тюркскихъ и арійскихъ племенъ, на немъ двѣ сферы вліянія Туркестанъ и Малая Азія.

Широтные пути передвиженія и небольшихъ рѣчныхъ культуръ, пересѣкались долготными рѣчными путями.

Степной путь приводилъ къ побережью Чернаго моря и передвигавшіеся по нему народности попадали въ сферу вліянія греческихъ колоній. Кромѣ того, въ средней Европѣ образовалась до извѣстной степени самостоятельная сфера вліянія или узелъ аризированія; вѣроятно, и средне-сибирскій путь, пройдя по средней полосѣ Россіи, подходилъ къ этой индо-европейской сферѣ вліянія. — Е) Индійское вліяніе могло проникать и чрезъ Западный и чрезъ Восточный Туркестанъ. — F) Заимствованія изъ Китая, Монголіи и Манжуріи могли проникать и прямо по Енисею, могли проникать съ его верховьевъ и по Тунгузкѣ, изъ-за Байкала.

9) Интенсивность арійскаго вліянія на берегахъ Енисея едва ли возможно объяснять только продолжительнымъ и постояннымъ сношеніемъ съ мало-азіатскою или средне-европейскою сферами аризированія, весьма вѣроятнымъ является предположеніе, что въ ближайшія столѣтія къ началу христіанской эры въ Западномъ Туркестанѣ (Самаркандъ, Афросіаба) или въ Восточномъ Туркестанѣ (бассейнъ Тарима) были ближайшія азіатскія сферы аризированія.

10) Индійскія заимствованія отражаются въ петроглифахъ, — въ изобразительномъ искусствѣ и въ культѣ повидимому замѣтны три наслоенія: браманизма, усиленія шаманизма (культъ коня и змѣи) и буддизма, но эти вліянія, по имѣющимся пока показаніямъ, происходили послѣ арійскаго. И эти заимствованія нуждаются въ спеціальномъ изслѣдованіи.

11) Китайское вліяніе на петроглифахъ и на изобразительномъ искусствѣ на Енисеѣ не оставило существенныхъ и ясно выраженныхъ слѣдовъ, а, между тѣмъ, число памятниковъ китайской древней культуры сравнительно велико. Можетъ быть, этническая или этнографическая почва была для нихъ несоотвѣтственна или китайцы не были настойчивыми сѣятелями культуры, пока трудно сказать, но для обработки или даже для простого компетентнаго осмотра съ отсортировкою и бѣглою характеристикою китайскихъ вещей для Минусинскаго Мартьяновскаго музея также настоятельно необходимъ свѣдущій синологъ-археологъ.

12) Верховные всемірные боги, небо, земля и солнце, не были антропоморфизированы, на петроглифахъ изображалось только солнце, а также луна, звѣзды; верховные боги на петроглифахъ никогда не изображались: означался только ихъ отвѣтъ на молитву, ихъ благословеніе, предзнаменованія, предостереженія и т. п.

Низшія божества и духи, повидимому, иногда изображаются и антропоморфными, но въ условной формѣ (Бирскій камень).

13) Храмовъ, кумиренъ и постоянныхъ жертвенниковъ у аборигеновъ Енисея не было, но было много мѣстностей, наиболѣе любимыхъ богами, божествами и духами, гдѣ они постоянно находились и гдѣ они собирались. Выступы и впадины скалъ и утесы этихъ живописныхъ мѣстъ, часто съ широкими видами на окрестности, какъ стѣны древнѣйшихъ храмовъ, покрывались примитивными религіозными, начертаніями, относящимися чаще къ культу жертвоприношеній, чѣмъ культу молитвы. Петроглифы большею частью отмѣчаютъ общеніе аборигеновъ съ ихъ богами, божествами и духами, записывавшими, съ одной стороны, посѣщенія, молитвы, жертвоприношенія, а, съ другой стороны, благословенія, благодѣянія и дары, взамѣнъ ихъ ниспосланные и представляютъ, во многихъ случаяхъ, своего рода графическій меморіалъ человѣческихъ и божескихъ взаимоотношеній.

Производя параллели религіозныхъ начертаній, во многихъ петроглифахъ другихъ странъ и народовъ, иногда весьма удаленныхъ другъ отъ друга, въ соотвѣтственныхъ группахъ начертаній, мы замѣчаемъ нерѣдко поразительное сходство.

14) Жрецовъ въ курганную эпоху не было: шаманы, повидимому, были, но права на непосредственное общеніе съ богами и подчиненными имъ низшими божествами и духами принадлежали и мужчинамъ-родоначальникамъ, остальные мужчины, относящіеся къ роду, не исключая и умершаго отца родоначальника, всѣ женщины, кони и скотъ, повидимому, могли выражать молитву только въ его присутствіи.

По нѣкоторымъ могильнымъ камнямъ есть основанія заподозривать матріархатъ. Этотъ важный въ научномъ отношеніи вопросъ также нуждается въ освѣщеніи.

15) Священнымъ языкомъ культа былъ языкъ, можно сказать, такой же всемірный, какъ и боги, понятный для всѣхъ людей и боговъ всего міра — всей земли, — древ-

нѣйшій международный языкъ тѣлодвиженій, жестовъ, различныхъ перстосложеній, имѣвшій и соотвѣтствующее ему письмо. Этотъ священный языкъ эволюціонировалъ въ сторону разнообразія и осложненія, письмо, до извѣстной степени, отражало эволюціонныя стадіи языка религіи, но само по себѣ также эволюціонировало въ соотвѣтственную сторону, т.-е. въ сторону единообразія и простоты, идя путемъ графическаго символизма.

16) Не меньшую, если не большую силу имѣетъ молитва, выраженная или соотвѣтственными начертаніями на предметахъ домашняго обихода или украшеніями тѣла, одежды и оружія. Изобразительное искусство, орнаментъ и петроглифы отражаютъ религіозные символы отъ древнѣйшаго углового начертанія до округленныхъ знаковъ позднѣйшаго времени.

17) Орнаментные мотивы, вытекая изъ религіозныхъ заимствованій, могутъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, служить для историко-археологическихъ цѣлей, давая нѣкоторую опору для синхронистическихъ заключеній.

18) Графическій анализъ начертаній енисейскаго алфавита, произведенный для выясненія ихъ генезиса, привелъ къ открытію, что почти всѣ его буквенные знаки взяты изъ священнаго мимическаго письма, состоящаго изъ графическихъ символовъ. Графическія параллели съ прочими древнѣйшими алфавитами указали, что это общее явленіе при введеніи фонетической системы письма; звуки человѣческой рѣчи у всѣхъ народовъ означались религіозными знаками и символами-записями религіозныхъ тѣлодвиженій, жестовъ, перстосложеній и т. п.

19) Эти же знаки въ эту культурную эпоху стали избираться и родовыми знаками и знаками собственности, накрывая и вытѣсняя таковые же знаки болѣе древняго тотемистическаго культа.

20) Графическій анализъ начертаній енисейскаго алфавита привелъ между прочимъ къ объясненію общеизвѣстныхъ символовъ, признаваемыхъ и нынѣ археологіею, — свастики и совастики: они оказались мимико-графическими начертаніями. Параллелями установлено три графическихъ градаціи этого символа: 1) *енисейская* свастика, древнѣйшая форма, нисходящая къ 1-му городу Трои, вошедшая въ древніе арамейскіе алфавиты, въ финикійскій алфавитъ на Кипрѣ и въ пунический алфавитъ; 2) *троянская* свастика послѣдующихъ городовъ Трои, включая и свастику третьяго города на знаменитомъ свинцовомъ идолѣ (въ начертаніи Г. Шлимана), и 3) *греко-римская* или британская форма, опредѣлившаяся обломкомъ лѣвой руки отъ статуи, хранящейся въ музеѣ Оксфордскаго университета.

Первая форма образовалась изъ перекрещиванія линій туловища и изогнутой линіи рукоположенія; *вторая форма* состоитъ изъ перекрещиванія двухъ линій рукоположенія, въ начальномъ и конечномъ положеніяхъ, и *третья* — составлена изъ гамма-символовъ, какъ показателей отставленія большого пальца и соотвѣтственнаго поворота ладоней.

21) Спорные знаки на древнѣйшихъ велико-княжескихъ русскихъ монетахъ, несомнѣнные родовые знаки, подвергшіеся быстрымъ измѣненіямъ послѣ принятія христіанства, происходятъ отъ до-христіанскихъ религіозныхъ символовъ.

Знаки, замѣченные на нѣкоторыхъ древнихъ могильныхъ камняхъ съ надписями въ Крыму, а также извѣстная древне-русская надпись, приводимая въ сочиненіи арабскаго писателя X вѣка по Р. Х., Ибнъ-эль-Недима, несомнѣнно относятся къ пережиткамъ оптической системы письма, примѣры которой приведены и на Енисеѣ. У народовъ съ очень низкимъ процентомъ грамотности эти пережитки до-алфавитнаго письма замѣчаются часто, — въ Россіи они и теперь нерѣдко встрѣчаются.

22) Бирскій камень, около ул. Тасмина, съ сложнымъ символическимъ начертаніемъ, продолженіе котораго мы предполагаемъ и подъ землею, повидимому, отражаетъ культъ Гермеса-Психопомпа, почему это мѣсто заслуживаетъ величайшаго вниманія, раскопку его не слѣдовало бы откладывать.

23) На выдѣленіе обособленныхъ культовъ растеній, птицъ и животныхъ на Енисеѣ пока нѣтъ основаній: растенія, животныя и птицы имѣютъ въ культѣ только вспомогательное значеніе, какъ естественные выразители религіознаго языка, постоянные символизаторы молитвъ и благословеній.

24) Указываемый параллелями общій религіозный источникъ всѣхъ древнѣйшихъ алфавитныхъ начертаній объясняетъ и ихъ сходство (во многихъ случаяхъ даже тождество и звуковое и графическое), и устойчивость ихъ начертаній, и поразительную быстроту ихъ распространенія.

25) Важнѣйшіе религіозные знаки и символы вошли въ составъ родовыхъ знаковъ и знаковъ собственности, повидимому, задолго до того времени, когда нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались и буквенными знаками.

26) Нѣкоторые изъ высѣченныхъ на утесахъ Енисея и даже на могильныхъ камняхъ конкретно-мимико- и даже символо-графическихъ петроглифовъ древнѣе надписей.

27) Изложеніе всѣхъ результатовъ графическаго анализа и сопоставленій древнѣйшихъ алфавитовъ выходитъ изъ предѣловъ представляемой работы, но передать наше предварительное заключеніе по этому вопросу не безполезно.

Если послѣ обычно дѣлаемаго чисто внѣшняго сравненія *гіератическихъ* начертаній съ древнѣйшими начертаніями *финикійскаго алфавита* перейти къ начертаніямъ индо-европейскихъ алфавитовъ, мы сразу увидимъ и почувствуемъ натяжку и нѣчто совершенно графически несвязуемое въ большинствѣ буквенныхъ начертаній гіератическаго и финикійскаго алфавитовъ; при сравненіи же послѣдняго съ древнѣйшими алфавитами индо-европейскихъ народовъ уже въ формѣ буквъ видно не внѣшнее только сходство: чувствуется сходство внутреннее, кроющееся въ основахъ и знакахъ до-алфавитнаго письма послѣдней мимической его стадіи. Финикіянъ возможно разсматривать какъ народность этнически уже аризированную, бывшую уже въ самомъ тѣсномъ сближеніи съ надвигавшимися въ Малую Азію арійскими племенами.

Если изъ семитической группы алфавитовъ выдѣлить самые древніе алфавиты, то легко замѣтить, что они въ началѣ имѣли большее число сродныхъ чертъ съ индо-европейскими алфавитами, чѣмъ съ чисто семитическими, быстро мѣняющимися и неустойчивыми начертаніями. Южно-семитическіе, съ большимъ процентомъ мимическихъ знаковъ, оказываются болѣе стойкими въ сохраненіи своихъ формъ.

Отсюда вытекаетъ возможность, что въ разработкѣ алфавита и въ увѣнчаніи этого великаго культурнаго начинанія могли принимать участіе народы кочевые, передвигавшіеся, переселявшіеся, входившіе въ соприкосновеніе съ различными культурами, расами и племенами, инстинктивно стремившимися къ письму такому же подвижному, какъ они сами, письму могущему служить удобнѣйшимъ орудіемъ человѣческаго общенія. Мы пришли къ предположенію, что практика звукового письма начата въ древне-арійское время, и въ созданіи алфавита азіатскіе арійцы занимали выдающееся мѣсто. По весьма понятнымъ причинамъ, о каменныхъ памятникахъ, могущихъ свидѣтельствовать о ихъ правахъ на изобрѣтеніе алфавита, они, неимѣющіе храмовъ, думали всего менѣе. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что до начертанія на камняхъ, т. е. до поступленія въ храмы, письмо финикійскихъ мореплавателей долгое время могло жить среди переселившихся въ Малую Азію народовъ незамѣчаемымъ, подобно корейскому народному алфавиту, пренебрегаемымъ и духовенствомъ и знатью.

28) Основные знаки и символы мимическаго культа вліяли и на искусство, долгое время отклоняя его отъ естественнаго подчиненія природѣ и дѣйствительности. Практика религіи, принуждая къ постоянству директивъ орнаментаціи и композиціи, давала новые измѣнчивые мотивы орнамента, предоставляя этимъ значительную свободу стилизаціи. Эти зачатки противорѣчій въ отношеніи къ природѣ, въ композиціи и въ стилизаціи, сглаживались только въ эпоху независимости искусства, т.-е. во время его расцвѣта. На всѣхъ же его предшествующихъ и послѣдующихъ эволюціонныхъ ступеняхъ, замѣтна болѣе или менѣе значительная дисгармонія. Но объединяющая сторона культа все-таки ясно отражается и на своеобразномъ стилѣ сибирскихъ художественныхъ пластинъ и на варварскомъ стилѣ европейскихъ произведеній искусства эпохи великаго переселенія народовъ.

Если и очень немногіе изъ небольшого круга изслѣдователей, спеціально освѣдомленныхъ съ памятниками изобразительнаго искусства древнѣйшихъ культуръ передней, средней восточной Азіи и Египта, и ознакомленныхъ не только съ важнѣйшими данными по эволюціи человѣка и его культуры, тѣсно связанными съ генезисомъ трактуемыхъ этнографическихъ видовъ, но, при этомъ, еще и интересующихся отдаленною и сравнительно очень скромною культурою Енисея, остановятъ свое благосклонное вниманіе хотя на нѣкоторыхъ изъ высказанныхъ выше заключеній и поставленныхъ вопросовъ, то цѣли нашего посильнаго труда мы сочтемъ до извѣстной степени достигнутыми. Кто, подчиняясь указаніямъ изслѣдованія и сравнительной разработкѣ матеріаловъ, рѣшался выступать изъ первоначально намѣченнаго узкаго концентра, входя послѣдовательно въ концентры болѣе широкіе, въ пространствѣ и во времени, переходя иногда за границы дифференціаціи нынѣ обособленныхъ этнографическихъ видовъ, тотъ только съ надлежащею объективностію можетъ взвѣсить необычайную сложность и трудность возникающихъ при этомъ задачъ, и по антропологіи и по исторіи человѣчества,— задачъ, для болѣе устойчиваго рѣшенія которыхъ имѣется пока еще мало данныхъ.

Такія задачи для исчерпывающаго рѣшенія единичному изслѣдователю непосильны: онѣ требуютъ коллективной работы многихъ ученыхъ, можетъ быть и не одного поколѣнія. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о внѣшней символизаціи актовъ чув-

ствованія и мышленія, со включеніемъ и всѣхъ графическихъ ея проявленій, вопросъ, необычайно сложный и самъ по себѣ [1]), и, сверхъ того, еще осложненный разложеніемъ и вымираніемъ этого вида заимствованій, наступающимъ вмѣстѣ съ обѣдненіемъ, одичаніемъ и общимъ угасаніемъ культуры, какъ слѣдствіемъ неблагопріятныхъ историческихъ и географическихъ перемѣнъ въ жизни народностей, передвигающихся или оттѣсняемыхъ къ полярнымъ окраинамъ эйкумены. Положеніе изслѣдователя, не имѣющаго предшественниковъ въ какомъ-либо отдѣлѣ знанія или дающаго иное научное освѣщеніе фактическихъ матеріаловъ, очень тяжело, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится итти непроторенными тропинками, чтобы добыть матеріалы, ускользавшіе отъ вниманія предшественниковъ. И въ этомъ положеніи только научная критика является желанной для изслѣдователя: за неполнотою матеріаловъ и за несовершенствомъ ихъ разработки, не всегда кроющимися въ изслѣдователѣ, она не просмотритъ и не игнорируетъ достойныхъ нѣкотораго вниманія указаній на новые пути изслѣдованія и обобщенія въ вопросахъ по изобразительному искусству, и уже потому одному, что, будучи вполнѣ объективною и чуждою предвзятости, она всегда окажется самымъ надежнымъ стимуломъ къ дальнѣйшей разработкѣ вопросовъ и предварительныхъ заключеній, успѣшно выдержавшихъ критическое испытаніе.

Въ нѣкоторыхъ столичныхъ музеяхъ уже находится много снимковъ съ петроглифовъ Енисея, надъ которыми работаетъ совершенно самостоятельно извѣстный сибирскій изслѣдователь, А. В. Адріановъ, можно надѣяться, что собранный имъ матеріалъ въ скоромъ времени сдѣлается достояніемъ науки.

Въ видахъ собиранія разнородныхъ научныхъ матеріаловъ, мы находимся въ благопріятныхъ условіяхъ, и если будемъ располагать потребными для производства снимковъ средствами, то и мы, въ видахъ провѣрки и пополненія представленныхъ данныхъ, помимо зарисовыванія и фотографированія, будемъ дѣлать снимки наиболѣе цѣнныхъ по своему научному значенію петроглифическихъ начертаній. Снимать всѣ начертанія, безъ изъятія, — предпріятіе слишкомъ дорогое и едва ли цѣлесообразное. Мы слишкомъ хорошо знаемъ и объяснимъ это далѣе, какъ велико можетъ быть число всѣхъ петроглифическихъ начертаній, какъ мало характерныхъ древнихъ фигуръ-моделей, по преемству повторяющихся, и какъ незначителенъ процентъ типичныхъ и цѣнныхъ религіозныхъ и особенно символическихъ начертаній. Такъ какъ зарисовываніе, до фотографированія и снимковъ, мы считаемъ обязательнымъ, то это, при имѣющейся подготовкѣ, значительно облегчитъ намъ изученіе начертаній на мѣстѣ и ихъ отсортировку, что избавитъ коллекцію снимковъ отъ излишняго балласта, нисколько не ослабляя ея научнаго значенія, такъ какъ на рисункахъ всегда будутъ изображаться и отмѣчаться всѣ фигуры, безъ исключенія, съ объясненіемъ, почему тѣ или другія фигуры животныхъ не дублированы.

Теперь мы дали то, что могли; въ будущемъ, живя въ Минусинскомъ округѣ, надѣемся, по мѣрѣ силъ, попрежнему служить затронутымъ въ этой статьѣ вопросамъ по изобразительному искусству на Енисеѣ, — и накопленіемъ матеріаловъ и ихъ посильною предварительною обработкою.

[1]) И. М. Сѣченовъ. Элементы мысли. С.-Пб. 1903. Стран. 88.

I.

Историческій очеркъ вопроса о петроглифахъ Енисея.

Обзоръ изслѣдованія и изученія петроглифовъ на Енисеѣ. — Трудность выдѣленія эволюціонныхъ стадій и формъ картиннаго письма въ различныхъ проявленіяхъ изобразительнаго искусства. — Д. Г. Мессершмидтъ; крайне тяжелыя условія его 7-лѣтняго путешествія по Сибири, неимѣніе помощника, интриги и противодѣйствіе при собираніи матеріаловъ. — Богатство и научное значеніе собранныхъ имъ коллекцій, плановъ, чертежей, рисунковъ и рукописей. — Утрата и гибель всѣхъ коллекцій Мессершмидта, ненапечатаніе и исчезновеніе большей части рукописей, многихъ изъ приложенныхъ къ нимъ картъ, плановъ и рисунковъ, которыми пользовались въ рукописяхъ послѣдующіе путешественники XVIII столѣтія. — Гоненія, остракизмъ и бѣдность, въ которыхъ жилъ и умеръ первый ученый, отправленный императоромъ Петромъ Великимъ для изслѣдованія Сибири, по возвращеніи оттуда. — Невыясненность этого безпримѣрнаго факта въ исторіи науки; репутація памяти многопострадавшаго ученаго ожидаетъ возстановленія. — Вниманіе ученыхъ того времени было сосредоточено на открытыхъ Мессершмидтомъ рунообразныхъ камняхъ. — Сочиненіе о Сибири Страленберга, путешествовавшаго долгое время съ Мессершмидтомъ. — О рисункахъ Страленберга; его взгляды на таинственные знаки и символы, его параллели съ Египтомъ; сближенія съ начертаніями на бубнахъ; сопоставленіе культовъ попарей и аборигеновъ Сибири. — Отношеніе къ петроглифамъ большихъ и богатообставленныхъ экспедицій императрицы Екатерины II. — Требованія, предъявлявшіяся тогда къ рисовальщикамъ, и пріемы сочетанія въ одинъ общій петроглифъ начертаній, разбросанныхъ отдѣльными группами по обширному утесу. — Уклончивое отношеніе къ петроглифамъ Миллера и скептическое — Палласа. — Заключеніе Миллера объ общемъ характерѣ петроглифовъ. — Возрастающій интересъ къ выясненію енисейскихъ руническихъ надписей усиливаетъ вниманіе и къ петроглифамъ. — Дѣятельность Г. И. Спасскаго; описаніе петроглифовъ, сдѣланное имъ по рисункамъ Титова. — Новыя указанія на сомнительныя данныя Страленберга. — Заслуги Спасскаго; возбужденіе вниманія къ памятникамъ древности на Енисеѣ. — Труды Кастрена; скудныя средства и единоличный составъ его экспедиціи, трудности путешествія, пищенія, болѣзнь, преждевременная смерть, оставленіе матеріаловъ въ незаконченной обработкѣ. — Кастренъ эмпирически вышелъ на вѣрный этнографическій способъ изслѣдованія и обобщеній по трактуемому вопросу. Соображенія и заключенія Кастрена. — Отношеніе къ вопросу о петроглифахъ на Енисеѣ Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Географическаго Общества. — О путешествіи акад. В. В. Радлова. — Статьи Н. И. Попова, посвященныя петроглифамъ Енисея и его древностямъ; описаніе петроглифовъ по рисункамъ Титова. — Отношеніе къ петроглифамъ и различнымъ памятникамъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ Минусинскаго Музея и заслуги въ этомъ направленіи его учредителя, покойнаго Н. М. Мартьянова; настоящее и будущее Минусинскаго Мартьяновскаго музея. — Перечень изданій Музея. — Труды Д. А. Клеменца, Древн. Минус. Музей, 1886 г. F. K. Martin, L'age du bronze. — О матеріалахъ по трактуемому вопросу, собранныхъ И. Т. Савенковымъ. — Труды экспедиціи Финляндскаго Археологическаго Общества съ I. P. Аспелиномъ во главѣ. — Мнѣніе Д. А. Клеменца о петроглифахъ. — Рисунки петроглифовъ въ атласѣ Аспелина и въ его очеркѣ «Tipes de peuples de l'ancienne Asie centr.» — Рисунки петроглифовъ у И. П. Кузнецова и В. М. Флоринскаго. — А. В. Адріановъ и производящіеся имъ механическіе снимки петроглифовъ. — Соображенія о дальнѣйшемъ движеніи вопроса о петроглифахъ. — Заключительные выводы.

Различные виды петроглифовъ: рисунки, знаки и ихъ сочетанія между собою, отдѣльно и въ сочетаніяхъ съ фигурными изображеніями, религіозные символы и знаки, въ сочетаніи съ различными религіозными сценами, начертаны на утесахъ Енисея и частью на могилиныхъ камняхъ въ различное время разнообразными народностями, находившимися, повидимому, на различныхъ ступеняхъ культуры и державшихся не вполнѣ одинаковыхъ формъ хозяйства.

Къ сожалѣнію, большинству изслѣдователей вопросъ о петроглифахъ казался не только легкимъ, но и неимѣющимъ особаго научнаго значенія, это же, но, конечно, въ меньшей степени замѣчается и теперь, среди большой публики. Но, среди малой публики, благодаря успѣхамъ этнографіи и распространенію этнологическихъ свѣдѣній, въ научномъ значеніи этого матеріала теперь едва ли кто сомнѣвается. Исключеніе, впрочемъ, составляетъ наука объ искусствѣ, или эстетика и ея развѣтвленія, исторія и философія искусства, они, съ одной стороны, нерѣдко игнорируютъ и обходятъ вопросъ о времени возникновенія изобразительнаго искусства, а, съ другой стороны, излагаютъ ученія и устанавливаютъ основные законы искусства, построенные умозрительно или обоснованные преимущественно на изученіи произведеній современнаго искусства.

Хотя простота первобытныхъ культуръ и особенно общность мимическаго языка до извѣстной степени облегчаетъ пониманіе доисторическихъ памятниковъ изобразительнаго искусства, но сразу, на мѣстѣ, оцѣнить значеніе того или другого петроглифическаго матеріала въ генезисѣ искусства очень не легко, а доставить этотъ матеріалъ въ видѣ, вполнѣ удовлетворяющемъ всѣмъ научнымъ требованіямъ, иногда чрезвычайно трудно. Для устойчивости выводовъ необходимо сдѣлать возможно большее число наблюденій, чтобы въ коллектированіи менѣе отражались субъективные предвзятые взгляды изслѣдователя. Желательно накопленіе возможно большаго количества снимковъ разнородныхъ видовъ петроглифовъ и различныхъ памятниковъ доисторическаго изобразительнаго искусства, — только изъ ихъ внимательнаго изученія и тщательнаго сравненія, только изъ концентрически-послѣдовательныхъ этнографическихъ параллелей, только изъ сопоставленія различныхъ взглядовъ, соображеній и выводовъ, въ концѣ концовъ, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, можетъ раскрыться ихъ значеніе. Первѣйшая обязанность каждаго изслѣдователя состоитъ въ томъ, чтобы не упустить изъ вида при подготовкѣ къ путешествію и не просмотрѣть на мѣстѣ ни одного указанія на болѣе простой и вѣрный путь дальнѣйшихъ изысканій, а для этого надо ознакомиться съ исторіею вопроса. Хотя въ трудахъ Н. И. Попова, Ф. Я. Кона и въ отчетѣ Финляндскаго Археологическаго Общества[1]) вопросъ о петроглифахъ Енисея и затронутъ, но онъ не обособленъ. Поэтому нелишнее вспомнить важнѣйшія общія свѣдѣнія и остановиться на исторіи изученія петроглифовъ и вообще памятниковъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ.

Собираніе матеріаловъ по вопросу о появленіи изобразительнаго искусства на Енисеѣ и по выясненію мѣстныхъ особенностей въ развитіи нѣкоторыхъ изъ его разновидностей задерживалось многими причинами. Немаловажное вліяніе оказывали и особенности открываемыхъ этнографическихъ матеріаловъ и вопросовъ, при этомъ возникавшихъ: одни открытія и вопросы, наиболѣе интересовавшіе западно-европейскій ученый міръ, занимали первенствующее мѣсто, другіе же отодвигались на дальній

[1]) Н. И. Поповъ. Общій историч. обзоръ археологич. изысканій въ Сибири. Изв. Сиб. отдѣла И. Р. Геогр. Общ., томъ II, №№ 1 и 1. стран. 46—60. И. 1871 г. — Ф. Я. Конъ, Историч. очеркъ Минусинскаго мѣстн. музея. Введеніе. Казань. 1902 г. — Библіограф. свѣдѣнія можно найти у Межова, Сибирская библіографія, 3 тт. С.-Пб. 1891—1892 г. и Библіографія Азіи, а также и въ Сибирск. отдѣлѣ каталога Минусинскаго музея.

планъ и оставались почти безъ всякаго движенія. Такъ напримѣръ, упомянутое открытіе Д. Г. Мессершмидтъ[1]), въ 1722 году тюркскихъ руническихъ надписей привлекло

[1]) Д. Г. Мессершмидтъ (1685—1735 гг.), вызванный въ 1716 году Петромъ Великимъ, снабженный лично имъ инструкціями и отправленный въ Сибирь для научныхъ изслѣдованій, путешествовалъ 7 лѣтъ, работая долгое время безъ помощниковъ. Плѣнный, шведскій офицеръ Таббертъ, впослѣдствіи пріобрѣвшій извѣстность подъ фамиліею Страленберга, нѣкоторое время былъ его помощникомъ. Несмотря на разныя препятствія, явное противодѣйствіе мѣстныхъ властей, стѣсненія и задержки въ средствахъ, и разныя интриги, съ изумительною настойчивостію и обстоятельностію Мессершмидтъ исполнилъ возложенное на него порученіе: онъ проникъ до нижней Тунгузки, въ Забайкалье—до Аргуни, въ Монголіи—до Далай-Нора. Наблюденія его надъ птицами (по Палласу) изложены въ 18 тт., его подробный дневникъ и изложеніе результатовъ его путешествія изложены въ 10 тт. Трудами Мессершмидта пользовались многіе ученые, не исключая и великаго Палласа, что не всегда означалось соотвѣтственными указаніями (Риттеръ, Землевѣд. Азіи, т. III, стран. 432; Н. И. Поповъ, указ. выше статья, стран. 59; Историч. очеркъ Минусинскаго музея, за 25 лѣтъ, стран. 7). Въ 1728 г. проф. Беэръ въ привезенныхъ Мессершмидтомъ коллекціяхъ видѣлъ «удивительные антиквисты». Миллеръ, чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ смерти несчастнаго Мессершмидта, удостовѣряетъ, что привезенныя имъ рѣдкости и собранные имъ предметы по части естествознанія «превзошли всякія ожиданія». Чрезъ полстолѣтіе послѣ смерти Мессершмидта, Палласъ сдѣлалъ извлеченіе изъ его рукописныхъ трудовъ и отпечаталъ его для иностранныхъ ученыхъ на нѣмецкомъ яз. подъ заглавіемъ Neue Nord. Beitr. III, 97—104*). Чрезъ 171 годъ, послѣ возвращенія Мессершмидта изъ путешествія и чрезъ 160 лѣтъ послѣ его смерти, акад. В. В. Радловъ, цѣня научное значеніе трудовъ Мессершмидта, далъ нѣкоторыя извлеченія изъ его дневника, изъ которыхъ, несмотря на паконизмъ выраженій, ясно видно, въ какой тяжелой обстановкѣ, при какихъ скудныхъ и крайне неисправно поступавшихъ средствахъ**), приходилось работать Мессершмидту, вполнѣ зависѣвшему отъ мѣстныхъ властей и неимѣвшемъ постоянныхъ помощниковъ не только въ началѣ, но и въ концѣ путешествія. Труды 1-й Сибирской ученой экспедиціи, отправленной императоромъ Петромъ Великимъ, Россійская Академія не только не нашла нужнымъ отпечатать своевременно, но, видимо, за давностію лѣтъ, 183 года, совсѣмъ оставила свое намѣреніе. Хотя въ «Энцикл. Слов.», 37 полут., стран. 150 и упоминается, что всѣ рукописи Мессершмидта еще хранятся въ архивахъ академіи, но позволительно сомнѣваться въ этомъ, можетъ быть и ихъ постигла участь собранныхъ имъ коллекцій, большая часть которыхъ погибла при пожарѣ (?) 1747 года (Г. Ф. Миллеръ. Матер. для исторіи Имп. Акад. Наукъ, VI), тогда открытія, изслѣдованія, соображенія и выводы Мессершмидта погибли не только для современниковъ, но и для потомковъ. Намъ кажется, что темныя страницы о Мессершмидтѣ не только въ будущей исторіи Академіи Наукъ, но и въ исторіи русской науки и этнографіи, уже невозможно сдѣлать свѣтлыми въ глазахъ безпристрастнаго суда исторіи.

Результаты экспедиціи компетентными учеными признаются выдающимися, ими пользуются русскіе академики, а рукописные труды Мессершмидта погребаются въ архивахъ Академіи, рисунки теряются (?), коллекціи же гибнутъ въ музеѣ (?). Непонятныя таинственныя противорѣчія!

Очевидная добросовѣстность и научная обстоятельность Мессершмидта во время долголѣтняго путешествія, терпѣливое перенесеніе лишеній, непріятностей и гоненій и суровая кара (арестъ имущества) и остракизмъ, которому онъ былъ подвергнутъ, не поддержанный Академіею и лишенный ею не только правъ участія въ обработкѣ собранныхъ матеріаловъ, но и права на отпечатаніе ихъ: Академія совершенно отстранилась отъ него, оставивъ его даже безъ всякой матеріальной поддержки. Мессершмидтъ жилъ въ Петербургѣ до самой смерти и умеръ въ бѣдности, всѣми забытый и всѣми оставленный. Конечно, знающихъ жизнь и нравы академиковъ того времени, такое отношеніе Академіи къ русскому ученому путешественнику никого бы не удивило, но, вѣдь, жертва всѣхъ этихъ коллизій, интригъ, опалы и всяческихъ преслѣдованій былъ Даніилъ-Готлибъ Мессершмидтъ. Но онъ былъ датчанинъ, въ простотѣ душевной, вѣроятно, не скрывавшій своихъ симпатій къ шведамъ и другимъ иностранцамъ, находившимся въ его время въ Сибири, возмущавшійся невѣжественнымъ захватомъ воеводами драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ старины, неоднократно опротестовывавшій ихъ противодѣйствіе успѣхамъ его экспедиціи. Можетъ быть, здѣсь кроется причина доносовъ, клеветы и интригъ, погубившая Мессершмидта, и лишившая научную литературу своевременнаго изданія всѣхъ его трудовъ.

*) Еще о жизни и трудахъ Д. Г. Мессершмидта (1735 г.) см. Рихтера, Исторія медиц. въ Россіи. III, 152—155; Пекарскаго, наука и литература при Петрѣ Великомъ. I, 350—362; Пыпина, Русская наука въ XVIII в., «Вѣстн. Евр.» 1884, май, стран. 225—226; акад. В. В. Радлова, во многихъ мѣстахъ приложеній къ «Сибирск. Древн.» изд. Имп. Арх. Ком. т. I, стран. 5, 137 и др. Aus Sibirien. Leipzig 1884. 8. Bd. II, s. 76—77, 92—94.

**) См. объ этомъ у его сотрудника и помощника Страленберга, стран. 412 и слѣд. и въ приложеніяхъ къ «Сибирск. Древн.» акад. В. В. Радлова, т. I, стран. 50.

къ себѣ вниманіе и возбудило живѣйшій интересъ даже въ большой публикѣ, — древніе рисунки, знаки, идеографическія и пиктографическія начертанія естественно были отодвинуты на время на дальній планъ. Но, намъ кажется, что сама исторія преждеоткрытыхъ способовъ письма указывала на возможность сочетанія фонетическихъ начертаній съ идеографическими, что должно было склонять къ собиранію матеріаловъ по петроглифамъ и по изобразительному искусству вообще. Пониманіе значенія пиктографическихъ начертаній красною краской, сопоставленіе ихъ съ подобными же рисунками на бубнахъ мы видимъ уже у Страленберга, болѣе двухъ лѣтъ бывшаго дѣятельнымъ помощникомъ и, смѣемъ думать, ученикомъ Мессершмидта, подъ фамиліей Табберта. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что Страленбергъ могъ воспринять многое отъ Мессершмидта. Только незамедлительное напечатаніе *всѣхъ* рукописныхъ трудовъ Мессершмидта и *всѣхъ* его рисунковъ могло бы разсѣять сомнѣніе въ полной научной самостоятельности Страленберга и показало бы степень научной эрудиціи Мессершмидта и силу его дарованій и научной прозорливости, какъ изслѣдователя. Дневникъ Мессершмидта, по свидѣтельству акад. В. В. Радлова[1]), состоитъ изъ 5 т. in 4° и хранится, повидимому, въ Академіи Наукъ. Въ „Энциклопед. Слов.“ (37 полут.) означено еще 5 тт. рукописи съ изложеніемъ результатовъ путешествія, но въ библіотекѣ Императ. Акад. Наукъ хранится только одинъ томъ, написанный на латинскомъ языкѣ въ 787 страницъ. Сочиненіе посвящено Императору Петру II, какъ означено на послѣдней страницѣ, окончено въ С.-Пб., въ 1728 году, но гдѣ же 5 тт. рукописей, веденныхъ Мессершмидтомъ на нѣм. языкѣ во время путешествія, — они несомнѣнно были. Цѣлы ли его 18 рукописныхъ томовъ наблюденій надъ птицами, акад. В. В. Радловъ не упоминаетъ. Изъ рисунковъ, какъ видно изъ извлеченія, напечатаннаго въ „Сибирск. Древн.“ недостаетъ весьма многихъ, „погибшихъ“ вслѣдствіе небрежнаго храненія этого униката, петроглифы „потеряны“ почти всѣ. На 73-мъ рис. изображенъ „писаный камень“, на Томи (у Страленберга табл. VIII), весьма важны исчезнувшіе рисунки, за №№ 68—79; исчезновеніе подъ рядъ 12 самыхъ интересныхъ для данной мѣстности рисунковъ трудно приписать одной случайности. Нельзя терять надежды на нахожденіе хотя части рисунковъ Мессершмидта въ неразобранныхъ непересмотрѣнныхъ архивныхъ разрозненныхъ бумагахъ. Изъ сохранившихся рисунковъ тоже много интереснаго, №№ 83 и 84 имѣютъ большое значеніе для сравненій съ позднѣйшими рисунками. Рисунокъ 82, монумента in Byr-fluvii представляетъ большую научную цѣнность, вѣроятно это описанная нами стелла, зарисованная финляндскою экспедиціею 1887 года (см. табл. VIII—XIV. 3). Вообще, рисунковъ петроглифовъ на утесахъ и курганныхъ камняхъ у Мессершмидта значительно болѣе, чѣмъ у Страленберга, несомнѣнно пользовавшагося главнымъ образомъ услугами рисовальщика, Карла Шульмана, работавшаго и у Мессершмидта. Большое значеніе имѣютъ дорожные рукописи Мессершмидта, по нимъ онъ составилъ сводъ добытыхъ имъ научныхъ матеріаловъ и отчетъ объ „изысканіи всякихъ раритетовъ“ на латинскомъ языкѣ. Онѣ, по всей вѣроятности, представлены академіи, были выданы ему для ра-

---

[1]) В. В. Радловъ. Сибирскія древн. С.-Пб. Изд. Импер. Арх. Ком. 1888 г., т. I, вып. 1. Прилож., стран. 9.

боты и по окончаніи ея возвращены имъ обратно. Сочиненіе Страленберга вышло за 5 лѣтъ до смерти Мессершмидта и навѣрное было имъ не только прочтено со вниманіемъ, — многое его могло и лично интересовать; его отзывъ не могъ не интересовать ученыхъ того времени, но академія порвала съ нимъ всякія связи, относилась къ нему съ такимъ безучастіемъ, близкимъ къ пренебреженію, что не нашла нужнымъ, какъ бы слѣдовало, предложить ему высказать свое компетентное сужденіе объ этомъ сочиненіи.

Въ заключеніе, о Мессершмидтѣ, по имѣющимся указаніямъ, должно сказать, что онъ самъ не настолько увлекся открытіемъ новыхъ письменъ, названныхъ имъ впервые рунами[1]), чтобы совершенно игнорировать древніе рисунки, разные знаки и фигуры, начертанные на утесахъ и могильныхъ камняхъ и другіе памятники изобразительнаго искусства: онъ внимательно относился къ нимъ, предугадывалъ ихъ значеніе и, насколько могъ, собиралъ и петроглифическій матеріалъ.

Проф. Байеръ, высказывая свои соображенія объ открытіи Мессершмидта[2]), приложилъ къ своему сообщенію и снимокъ съ мессершмидтовскаго рисунка могильнаго камня и надписи, на немъ начерченной. Въ 1730 г. Страленбергъ (до полученія дворянства Таббертъ), въ извѣстномъ своемъ сочиненіи[3]), помѣстилъ имѣвшійся у него рисунокъ съ того же камня и съ той же надписи. Оба рисунка во многомъ не сходны между собою. Объясненія Миллера и соображенія по этому обстоятельству экспедиціи Финляндскаго Археологическаго Общества[4]) основываются на томъ, что Страленбергъ пользовался услугами того же рисовальщика, который состоялъ при Мессершмидтѣ и который оставлялъ первые эскизы у себя, передавая только бѣловой рисунокъ. Копія для Страленберга исполнена съ того же эскиза по возвращеніи въ Швецію, потому она оказывается менѣе удовлетворительною; у Байера нарисована *третья сторона*, но это продуктъ фантазіи, одна изъ сторонъ, покрытая надписями, не зарисована ни у того, ни у другого. Этотъ случай, при сопоставленіи списка рисунковъ Мессершмидта съ рисунками Страленберга, склоняетъ къ предложенію, что послѣдній въ своемъ сочиненіи помѣстилъ не мало рисунковъ, сдѣланныхъ для экспедиціи Мессершмидта, это обстоятельство, будучи превратно истолковано, могло имѣть для Мессершмидта тяжкія послѣдствія: можетъ быть, здѣсь кроется одна изъ причинъ непечатанія трудовъ первой экспедиціи, отправленной императоромъ Петромъ Великимъ для естественно-историческаго изслѣдованія Сибири, ея современныхъ и древнихъ обитателей.

---

[1]) См. названія 75, 77 и 78-го «потерявшихся» изъ рукописи Мессершмидта рисунковъ. Ак. А. А. Радловъ, Сиб. древн., I т., 1-й вып., стран. 6 (Приложенія). Ср. стран. 4 (примѣч. 4) и стран. 10 Трудовъ экспедиціи Финл. Арх. Общ. Н. 1889 г. Намъ кажется, названіе Мессершмидта «руны» можно удержать, прибавивъ къ нему, во избѣжаніе недоразумѣній среди большой и малой публики, опредѣленіе: «тюркскіе» (или «енисейскіе») рунообразныя письмена, что придастъ имъ надлежащую обособленность и характеризуетъ ихъ этнографически и лингвистически. — Ср. Ф. Я. Конъ, 25-лѣтіе Минус. муз., стран. 6 и 8.— К. Риттеръ, Землевѣд. Азіи. Пер. П. Семенова, С.-Пб. 1860. Стран. 432. — P. S. Pallas. Neue nord. Beitr. 1782, т. 3, стран. 97—158. — Клапротъ, Asia polyglotta. 1793, стран. 149. У Миллера и Гмелина не мало ссылокъ на рукописи Мессершмидта.

[2]) Комментар. Ак. Наукъ, т. II, 1729 г., стран. 474, табл. XXVIII.

[3]) Stralenberg. Das Nord — und Ostl. Theil von Europa und Asia. Lüb. 1730 г. Авторъ возвратился на родину послѣ Ништадтскаго мира.

[4]) Сибирскія древн., т. I, № 15. С.-Пб. 1894 г., стран. 93, 97—99.—Надписи Енисея. Изд. Финляндскаго Арх. Общ.

Страленбергъ не далъ ничего новаго о тюркскихъ рунахъ, отдавъ должное въ этомъ отношеніи Мессершмидту, но все-таки должно признать, онъ первый, въ печатномъ трудѣ, обратилъ вниманіе на древніе рисунки, фигурныя изображенія и разнаго рода загадочныя начертанія на утесахъ и курганныхъ камняхъ. Напомнивъ о томъ, что ученые разныхъ спеціальностей имѣютъ и свои особенные письменные знаки, онъ сообщаетъ о древнихъ особенныхъ характерныхъ начертаніяхъ: о волшебныхъ знакахъ, о различныхъ неизвѣстныхъ фигурахъ, имѣвшихъ, по всей вѣроятности, тайное значеніе и употреблявшихся для различныхъ суевѣрныхъ цѣлей. Страленбергъ заявляетъ, что „послѣдняго рода знаки мѣстами во множествѣ встрѣчаются въ Сибири и Татаріи, изсѣченными на скалахъ и камняхъ, либо выжженными (?), либо написанными нестираемою[1]) (?) краскою на скалахъ". Онъ подчеркиваетъ и нѣсколько преувеличиваетъ высоту, на которой находятся нѣкоторые изъ нихъ, и предполагаетъ, что для поднятія на эти высоты и для опусканія оттуда употреблялись каменные клинья, что обосновываетъ и на библіографическихъ ссылкахъ; бревна, лѣса, лѣстницы и особенно арканы почему-то выпущены имъ изъ вида. Далѣе, на стран. 362—371 своего труда, онъ говоритъ и о гіероглифахъ, опредѣляя ихъ такъ: „это символическія изображенія, имѣющія таинственное значеніе и знаки, какіе употребляли египтяне, скрывавшіе подъ ними тайны своей религіи", очевидно смѣшивая гіероглифы съ гіерограммами.

Четыре таблицы Страленберга: XIII, XIV, XV и XVI, возбуждаютъ большое сомнѣніе. Намъ пришлось осматривать не мало сибирскихъ петроглифовъ, начертанныхъ красною краскою: они, всего вѣроятнѣе, писались пальцемъ или грубою толстою кистью изъ коры или травы, и тѣ тонкія черты, при рѣзкихъ нажимахъ, та кудреватость и хитросплетенность знаковъ, какіе замѣчаются на нѣкоторыхъ рисункахъ Страленберга, при отмѣченныхъ выше грубыхъ орудіяхъ письма, не достижимы. Таблицы XVII и XVIII тоже приводятъ въ недоумѣніе: онѣ, какъ-будто, срисованы съ надписи, сдѣланной славянскою вязью, лицомъ, совершенно незнакомымъ ни съ славянскимъ языкомъ ни съ пріемами вязи. Рисовальщикъ не названъ, едва ли это былъ вышеупомянутый шведскій мальчикъ, К. Шульманъ. Мѣстонахожденіе означено крайне неопредѣленно. Подробное разсмотрѣніе этихъ слишкомъ загадочныхъ начертаній, библіографическія ссылки и очень отдаленныя для начертаній красною краскою историческія предположенія, какъ-то не вяжутся съ дальнѣйшимъ заявленіемъ автора о томъ, что „онъ такъ былъ занятъ географическими изслѣдованіями, что всего этого (то-есть этихъ гіероглифовъ) не осматривалъ съ должнымъ вниманіемъ. Спасскій еще заставитъ насъ вернуться къ этимъ памятникамъ. Таблица VII, зарисованная несомнѣнно другимъ лицомъ, болѣе свѣдущимъ и опытнымъ, твердою рукою и утолщенными штрихами, по основному символу молитвы и молитвеннымъ знакамъ будетъ отмѣчена въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Нѣкоторыя заключенія Страленберга слишкомъ смѣлы и поспѣшны, въ нихъ онъ идетъ впереди фактическихъ и сравнительныхъ данныхъ, но многое, имъ высказанное останавливаетъ на себѣ вниманіе, таковы его сближенія нѣкоторыхъ на-

---

[1]) См. далѣе о нестираемости начертаній красною краскою Бирюсинскаго петроглифа. Вопросные знаки наши.

чертаній на утесахъ съ таковыми же на бубнахъ, при чемъ онъ беретъ для сравненія и лопарскіе бубны, его предположенія о заимствованіи религіи аборигенами Сибири и объясненія, почему они избѣгли вліянія буддизма и ламаизма. Категорическое заявленіе Страленберга, что на руническихъ камняхъ „не всѣ знаки руны, и что къ нимъ примѣшанъ, можетъ быть, другой родъ древнихъ парфянскихъ буквъ“ [1]), останавливаетъ на себѣ вниманіе. Конечно, интересъ не въ предположеніи „другого рода парфянскихъ буквъ“, а въ смутной догадкѣ о смѣшанности буквенныхъ и идеографическихъ начертаній въ загадочныхъ письменахъ.

Послѣдующіе ученые: Миллеръ, Гмелинъ, Фишеръ, Палласъ, Фалькъ, Георги и др. не встрѣтили новыхъ надписей, аналогичныхъ съ открытою ранѣе Мессершмидтомъ, но Палласъ, въ 1793 г., опубликовалъ 5 снимковъ съ надписей, доставленныхъ императрицѣ Екатеринѣ II, по ея требованію, посланному съ курьеромъ къ Якоби, иркутскому генералъ-губернатору. Снимки были очень несовершенны, но Палласъ сдѣлалъ по нимъ сопоставленія съ греческимъ и этрусскимъ алфавитами и послалъ копіи извѣстному въ то время филологу Тихсену (Tychsen), проф. въ Бюцовѣ. Хотя и заключенія Тихсена были общи и слишкомъ смѣлы, но и онѣ частію подтвердились, — особенно поучительно указаніе Тихсена на чтеніе енисейскихъ письменъ справа налѣво, подтвердившееся только чрезъ столѣтіе. Тихсенъ, такимъ образомъ, намѣтилъ время заимствованія енисейскаго алфавита отъ грековъ передней Азіи [2]). Любопытно также отнесеніе этого неизвѣстнаго алфавита къ тому времени, когда Сибирь была занята скиѳами. Такое же предположеніе было высказано потомъ и Миллеромъ. Заявленіе о скиѳахъ въ Сибири, обоснованное В. М. Флоринскимъ, главнымъ образомъ, на сходствѣ нѣкоторыхъ внѣшнихъ признаковъ древнѣйшихъ культуръ, оказывается далеко не первымъ [3]). Тихсенъ обосновываетъ свое предположеніе на сходствѣ нѣкоторыхъ буквъ сибирскаго письма съ древне-греческимъ алфавитомъ, отъ котораго произошли почти всѣ европейскіе и азіатскіе алфавиты. Не мало сибирскихъ знаковъ есть въ алфавитѣ готскомъ и кельтскомъ, но много типовъ сибирскихъ начертаній отсутствуютъ въ письменахъ: парфянскомъ, армянскомъ, уйгурскомъ, китайскомъ, а также и въ древне-арабскомъ и татарскомъ языкахъ. Это сходство не можетъ быть случайнымъ, потому что возможно допускать чтеніе не только силлабическое, но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и цѣлыми словами. Кромѣ того, много буквъ сибирскихъ надписей отсутствуютъ въ алфавитахъ готскомъ и кельтскомъ, скиѳскій же алфавитъ долженъ заимствовать остатокъ, какъ это имѣло мѣсто въ языкахъ славянскомъ, армянскомъ, иберійскомъ, коптскомъ, эфіопскомъ, алфавиты которыхъ содержатъ значительно больше буквъ, чѣмъ алфавитъ греческій, отъ котораго они происходятъ. Заключеніе Тихсена, извлеченное изъ этихъ фактовъ, таково, что персы, китайцы и арабы не могутъ считаться авторами этихъ надписей, тѣмъ болѣе, кельты и готы.

---

[1]) Ак. В. В. Радловъ. Сиб. древн., т. I, вып. 2, стран. 46 и 50.

[2]) Inscript. de l'Ienissei. Hels. 1889. Decouverte des inscript. p. 5.

[3]) В. М. Флоринскій. Археолог. Музей Томск. универс. Томскъ. Стран. 250, 253, 263 и другія, 1888. — Его же. Первобытные славяне. Томскъ. 1896 г. Суженіе основного заключенія не вытекло изъ увеличенія естественно-историческихъ данныхъ: оно объясняется разнородностію и разнообразіемъ методовъ изслѣдованія, критики и обобщенія, несвободныхъ отъ субъективизма и духа авторитета.

Далѣе, въ особой главѣ, при объясненіяхъ къ табл. X типовъ въ надписяхъ и въ инициалахъ, мы увидимъ, какое значительное количество религіозныхъ символовъ и знаковъ, простыхъ и сложныхъ, основныхъ и производныхъ, взяты для изображенія тюркскаго алфавита Енисея. Повидимому, тоже можно сказать и относительно меньшаго числа буквенныхъ начертаній орхонскихъ надписей. Кромѣ того, до нѣкоторой степени, выяснится и общераспространенность многихъ изъ этихъ символовъ и знаковъ среди мало-азіатскихъ и европейскихъ народностей того времени. Вслѣдствіе этого, едва ли возможно удовольствоваться одною наличностью сходныхъ типовъ начертаній, надо опредѣленно отмѣтить, при каждой народности, и совпаденіе знаковъ со звуками, ими изображаемыми, нелишнее отмѣтить въ сравнительныхъ таблицахъ и силлабическія, идеографическія и пиктографическія (для цѣлыхъ словъ) знаки, по скольку возможно. Подобный сравнительный матеріалъ можетъ принести свою долю пользы при дешифрированіи новыхъ надписей, особенно смѣшанныхъ. При выборѣ буквъ и знаковъ для новаго алфавита едва ли могла происходить случайная замѣна однихъ религіозныхъ символовъ и знаковъ другими. Самый составъ и даже численность символовъ и знаковъ у различныхъ народовъ не могли быть графически тождественными, вслѣдствіе различій въ передвиженіи заимствованныхъ символовъ, въ пространствѣ и во времени. Должно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ отмѣченнымъ вопросамъ будутъ посвѣщены спеціальныя мѣстныя работы.

Признавая сибирскія надписи скиоскими, Тихсенъ считаетъ таковыми же и синайскія письмена, въ которыхъ онъ считаетъ не менѣе 34 буквъ аналогичныхъ, читаемыхъ также справа налѣво. Они не кажутся Тихсену восточными, изъ оріенталистовъ ихъ никто еще не прочелъ Тихсенъ полагаетъ, что экспедиціи скиоовъ не доходили до Египта, а доходили только до Синая, до мѣстонахожденія надписей.

Интересующихся большими подробностями мы отсылаемъ къ первоисточнику и къ реферату финляндскихъ ученыхъ, собиравшихъ письмена на Енисеѣ.

Нельзя не присоединиться къ сожалѣнію, выраженному экспедиціею Финляндскаго Археологическаго Общества, что Тихсенъ, такъ сильно заинтересовавшійся только что открытымъ загадочнымъ алфавитомъ, имѣлъ дѣло со столь несовершенными копіями, каковыя опубликованы Палласомъ. Странно также, добавимъ мы, что Палласъ не сдѣлалъ самъ сравненій своихъ рисунковъ съ ранѣе напечатанными и не далъ Тихсену никакихъ библіографическихъ указаній на то, что сообщено Байеромъ и Страленбергомъ. Не слѣдовало бы Палласу умалчивать и о рукописныхъ трудахъ и рисункахъ Мессершмидта, которые, какъ видно, давно уже было рѣшено совсѣмъ не печатать. Имѣя этотъ сравнительный матеріалъ, Тихсенъ могъ бы сразу заподозрѣть ненадежность копій, бывшихъ у него въ рукахъ.

Къ древнимъ рисункамъ и разнымъ фигурнымъ начертаніямъ, даже и къ сдѣланнымъ красною краскою, т.-е. сравнительно къ очень недавнимъ, Миллеръ и Гмелинъ относились съ большимъ вниманіемъ[1]). Рисунки художника Беркгана очень не-

---

[1]) Миллеръ. Descriptis Tanguticis in Sibiria repertis, стран. 431—439, «Историч. замѣч.» страницы 92—94. — Гмелинъ. Reise, т. I, стран. 303—306. — Радловъ. «Сиб. древности», Прилож., страницы 66—73. Матер. для истор. Ак. Наукъ, т. VI, стран. 362. — Страленбергъ. Das Nord и т. д.,

удачны, намъ кажется, въ значительной степени, не по его винѣ. Если бы художнику было поручено внимательно срисовать сперва только одни рисунки, въ данномъ случаѣ, по тремъ, примѣрно, группамъ, въ болѣе увеличенномъ и вполнѣ отчетливомъ, согласномъ съ дѣйствительностію видѣ, тогда художникъ, избавившись отъ одновременной и стѣснявшей его зарисовки и тушевки трещинъ и выступовъ скалъ, могъ бы лучше всмотрѣться и вникнуть въ древнія начертанія, конечно, если бы срисовываемыхъ животныхъ онъ видѣлъ ранѣе на волѣ, во время охоты, онъ могъ бы инстинктивно понять значеніе древнихъ начертаній и въ этнографіи и въ исторіи изобразительнаго искусства. Онъ могъ бы тогда съ большимъ успѣхомъ вникнуть въ пріемы рисованія и доисторическихъ рисовальщиковъ; къ отдѣльнымъ эскизамъ съ утесовъ и выступовъ скалъ онъ отнесся бы тогда, какъ подобаетъ, — какъ къ чему-то второстепенному, вспомогательному.

Къ выраженію Гмелина, что „видавшій китайскіе рисунки можетъ составить лучшее понятіе объ этихъ изображеніяхъ“, мы относимся какъ къ указанію на то, что въ нихъ нѣтъ ничего загадочнаго или „гіероглифическаго“, какъ предполагалъ Страленбергъ.

Останавливаетъ на себѣ вниманіе сообщеніе Миллера о замѣчательной фигурѣ человѣка, голова котораго окружена лучами. Ничего подобнаго среди начертаній красною краскою на Енисеѣ намъ не встрѣчалось. Невольно возникаетъ сопоставленіе томскихъ, начерченныхъ на утесѣ фигуръ, съ эпохою алтайско-уральской бронзы: фигура человѣка, голова котораго окружена лучами, напоминаетъ двухъ извѣстныхъ идоловъ, изъ Перми и изъ Туровска (Галичъ, Кострома), на головахъ которыхъ сохранились слѣды лучей; на нихъ впослѣдствіи придется остановиться подолѣе[1]).

Одна эта фигура, упоминаемая Миллеромъ (на рисункахъ Спасскаго и у Аспелина мы ее, къ сожалѣнію, не видимъ), придаетъ „Писаному камню“, на Томи, большое значеніе, полученіе съ него точныхъ отпечатковъ и болѣе точная зарисовка всѣхъ его фигуръ необходимы.

Весьма интересны сообщенія Миллера и Гмелина[2]) о состояніи и начертаніяхъ Бирюсинскаго петроглифа, рисунки и знаки котораго сдѣланы красною краскою. Состояніе скалы описано очень обстоятельно, но выступы скалъ, предъ нанесеніемъ на нихъ фигуръ, вовсе не обмазывались гипсомъ и не подвергались „бѣлой загрунтовкѣ“, бѣлый налетъ образовывался естественно: это осадокъ изъ горныхъ известковыхъ водъ, стекавшихъ по утесу въ Енисей. 170 лѣтъ тому назадъ Бирюсинскій петроглифъ состоялъ изъ многихъ рисунковъ, изъ которыхъ теперь сохранились, хотя и не ясно, двѣ-три фигуры, но двѣ фигуры мы не узнаемъ въ неясномъ неудовлетворительномъ рисункѣ художника Люрсеніуса; не видимъ даже отмѣчаемаго и Мил-

---

стран. 337—340, перев. во 2-мъ вып. «Сиб. древн.», 1891 г., стран. 30 и 35—36.— Спасскій. О доисторическихъ пам. сиб. древн., стран. 143—144, табл. III и стран. 177. (Зап. И. Геогр. Общ. 1857, кн. XI, стран. 111—181.)

[1]) Аспелинъ. Aspelin, Antiquites et coet. Helsing. 1877, №№ 304 и 299, ср. съ № 4, табл. 5-й. Сопост. Стефани, Нимбъ и лучез. вѣн. С.-Пб. 1863, I, табл. 8 и др. — См. табл. VIII, XXII.

[2]) Миллеръ. «Историч. замѣч.», стран. 912—914. — Гмелинъ. «Reise et coet.», стран. 378—379 I т. Сиб. древн., изд. Арх. Ком. 1894 г., стран. 68—70.

леромъ и Гмелинымъ верхового. Причина научной непригодности рисунка и здѣсь кроется не въ умѣлости и непригодности рисовальщика для научныхъ работъ, а въ распоряженіи Миллера: „я распорядился изготовленіемъ точнѣйшаго рисунка *какъ всей скалы*, такъ и всѣхъ находящихся на ней фигуръ и *жилокъ*, и потомъ *оба* рисунка соединилъ на одномъ листѣ съ тѣмъ, чтобы все появилось въ естественномъ своемъ видѣ". Сквозящій въ вышеприведенныхъ строкахъ упрекъ художнику не справедливъ: не слѣдуетъ возлагать на рисовальщика *двѣ* цѣли заразъ, не разъяснивъ ему, какая въ данномъ случаѣ, для спеціальныхъ научныхъ цѣлей, важнѣе. Изъ соединенія двухъ рисунковъ впослѣдствіи образованъ рисунокъ, могущій быть пригоднымъ только для общихъ цѣлей. Рисунокъ петроглифа, т.-е. однихъ фигуръ и другихъ начертаній, слѣдовало сдѣлать на мѣстѣ въ нѣсколько большемъ масштабѣ, чтобы каждое начертаніе можно было перенумеровать и описать на мѣстѣ, принявъ на себя трудъ сличенія оригинала съ рисункомъ.

Миллеръ оспариваетъ многія данныя и соображенія Страленберга, относясь къ нѣкоторымъ изъ нихъ съ ироніею и недовѣріемъ. Въ символическомъ толкованіи всѣхъ начертаній Томи и Енисея онъ не видитъ надобности. „Такъ какъ всѣ фигуры одинаковаго характера, да однѣ и тѣ же часто повторяются безъ всякой примѣси другихъ элементовъ, то это служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что *здѣсь не можешь быть рѣчи о какомъ-либо особомъ родѣ письменъ*[1]), такимъ образомъ и подозрѣніе Страленберга относительно ирбитскихъ надписей не подтверждается". Миллеръ, возражая противъ неосновательнаго приписыванія этихъ надписей Тимуру, говоритъ, что если такія надписи дѣйствительно существуютъ, то ихъ слѣдуетъ искать значительно южнѣе. Указывая нѣкоторыя надписи съ древними рисунками на Ангарѣ, въ 13 верст. ниже устья Чадобца и въ 17 ниже устья р. Муры, и на Ленѣ, между Верхоленскомъ и д. Качегой (вѣроятнѣе, Качуга, нынѣ село Качугское), Миллеръ, въ одномъ случаѣ, не снялъ рисунка, а, въ другомъ, когда, по его распоряженію, рисунокъ былъ снятъ, выразилъ сожалѣніе о потраченномъ на рисовку трудѣ, не находя его достойнымъ изданія. „Въ видѣ образца, однакоже, и слѣдуя принятому порядку, прилагаю нѣсколько рисунковъ, по которымъ любители такихъ вещей разсудятъ, могутъ ли они принести имъ какую-либо пользу". Къ счастію, ак. В. В. Радлову удалось найти эти рисунки. Пользуясь его трудомъ[2]) и мы можемъ ихъ увидѣть. Странными намъ кажутся сожалѣнія о потраченномъ времени, въ связи съ обремененіемъ художника точнѣйшимъ рисункомъ всей скалы, со всѣми „жилками", съ продольною и поперечною трещиноватостію, со всѣми выступами и съ растушевкою всѣхъ неровностей утеса, какъ будто внимательный и опытный глазъ рисовальщика не различитъ искусственной черты отъ естественной и какъ будто такъ много нужно времени, чтобы вдвоемъ корректировать рисунки важнѣйшихъ начертаній петроглифа предъ оригиналомъ. Вспомогательный рисунокъ всегда долженъ занимать свое второстепенное мѣсто: онъ долженъ быть меньшаго масштаба, всѣ очертанія утеса и выступовъ

---

[1]) Курсивъ нашъ. Повтореніе нерѣдко есть слѣдствіе религіозныхъ условностей начертаній.

[2]) Моск. Глав. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, №№ 143, 146, 148 и 149.—В. В. Радловъ. Сиб. древности, изд. Имп. Арх. Ком., т. I, С.-Пб. 1894 г., стран. 70—72. — Миллеръ. Ист. зам., стран. 912—914.

скалъ могутъ быть сдѣланы абрисомъ, рисунки, въ точномъ групповомъ расположеніи, должны быть набросаны также абрисомъ, только для сужденія о ихъ расположеніи. Особый спеціальный рисунокъ долженъ служить для научнаго изученія, для петроглическихъ изслѣдованій и параллелей.

Спеціальные рисунки и механическіе снимки надлежитъ вести по группамъ, точно означая вертикальное и горизонтальное соотношеніе каждой группы къ прочимъ. Вспомогательный графическій матеріалъ зачастую возможно теперь сработать при помощи фотографіи, но спеціальные фотографическіе снимки возможны только при особо благопріятныхъ условіяхъ. Выдающіяся, по своей исключительности, фигуры слѣдуетъ зарисовывать и самому изслѣдователю. Манера зарисовыванія и характерныя особенности древнихъ рисовальщиковъ должны быть, насколько возможно, улавливаемы, рука художника должна отречься отъ себя и слиться съ рукою первобытнаго художника.

На 1-мъ рисункѣ Миллера, стран. 70, замѣчается какое-то верблюдо-образное животное. Послѣдній же рисунокъ, съ Лены (стран. 71 Сиб. древн.), положительно заслуживаетъ вниманія. Несмотря на блѣдность и неясность начертаній петроглифа, вѣроятно, испорченнаго временемъ и непогодами, рисовальщикъ-охотникъ видимо желалъ воспроизвести на немъ одно изъ своихъ дальныхъ странствованій на сѣверъ. Онъ представилъ птицъ на берегахъ Ледовитаго океана, во множествѣ сидящихъ рядами или медленно передвигающихся. Несмотря на туманность ихъ очертаній, въ различіяхъ клюва, туловища, въ постановкѣ и въ движеніяхъ птицъ, видно желаніе означить и различіе породъ видѣнныхъ имъ птицъ. Отмѣчены Миллеромъ начертанія въ горахъ рѣкъ Темника и Джиды, впадающихъ съ запада въ Селенгу, на крутыхъ и обнаженныхъ скалахъ, съ оговоркою, что онъ о нихъ только слышалъ отъ заслуживающаго довѣрія человѣка.

Около 1735 года, если не ранѣе, у Миллера образовались свои заключенія по интересующему насъ вопросу. Конечно, исторія сибирской этнографіи и развитіе доисторической археологіи, въ зависимости отъ бѣдности научныхъ матеріаловъ въ его время не могли и не отразиться на нѣкоторыхъ частностяхъ его сужденій, но, въ общемъ, нельзя не отдать должнаго и широтѣ его взглядовъ и его научной прозорливости. Приведемъ, въ небольшихъ извлеченіяхъ, соображенія, наиболѣе, важныя для исторіи трактуемаго вопроса.

„Опровергая мнѣнія и соображенія другихъ, считаю справедливымъ попытаться“, говоритъ Миллеръ, „высказать свой собственный взглядъ на происхожденіе „писаныхъ камней“. „По всей Сибири, въ мѣстностяхъ, весьма далеко отстоящихъ одна отъ другой встрѣчаются почти такого же рода памятники. Слѣдуетъ ли, однакоже, изъ этого вывести заключеніе, что всѣ происхожденіемъ своимъ обязаны одному и тому же народу? Гдѣ мы отыщемъ такой многочисленный народъ, владѣвшій всею Сибирью и повсюду по ней проходившій? Пришлось бы остановиться на монголахъ и татарахъ, которые въ началѣ XIII вѣка, возвысились при Чингисханѣ и, до перенесенія Кубилаемъ столицы въ Китай, владѣли всею южною Сибирью. Но они имѣли свои письмена и были знакомы съ разными искусствами, такъ что трудно понять, почему они тутъ вздумали прибѣгнуть къ столь грубому изображенію фигуръ? Не отрицаю, что на-

стоящія надписи должны быть приписаны этому народу, но онѣ-то, вслѣдствіе крайняго несходства ихъ съ другими памятниками древности, и убѣждаютъ меня, что изображенія на писанныхъ камняхъ обязаны своимъ происхожденіемъ инымъ народамъ. Если ихъ приписать грубому народу, преданному охотѣ, то, право, не знаю, почему ихъ пріурочивать къ столь отдаленному времени. Въ самихъ произведеніяхъ нѣтъ никакого признака древности и потому я не вижу причины, почему они должны быть приписаны первымъ обладателямъ этого края, а не нынѣшнимъ обитателямъ ея".

Напомнивъ разсказъ Витзена о томъ, что „вогулы и другіе язычники въ окрестностяхъ Ирбитской скалы приносили богамъ жертвы", Миллеръ предполагаетъ, что *языческая религія нѣкогда во всей Сибири была одна и та же*[1]), что сопоставленіе шамановъ съ саманеями не правильно, хотя шаманы также рѣдко приносятъ жертвы верховнымъ божествамъ и болѣе взываютъ о помощи къ низшимъ богамъ, стараясь умилостивить ихъ жертвоприношеніями, чтобъ они не вредили народу ихъ. „Если религія браминовъ изъ Индіи разошлась по землямъ тибетскимъ, китайскимъ, монгольскимъ, калмыцкимъ и сибирскимъ, то почему мы не можемъ допустить, что шаманство, которое древнѣе браминства, такимъ же образомъ проникло въ Сибирь? Оно распространилось до такой степени, что проникло даже и къ лапландцамъ и многимъ народамъ Сѣверной Америки. Это могло случиться не иначе, какъ съ теченіемъ времени и съ переходомъ шаманства отъ одного народа къ другому, если мы не захотимъ допустить, что такое превратное ученіе самою природою привито и какъ бы врождено всѣмъ этимъ народамъ".

Сославшись на свѣдѣнія Шеффера о лапландскихъ бубнахъ, фигуры которыхъ немногимъ отличаются отъ сибирскихъ, сказавъ о бубнахъ, видѣнныхъ имъ и зарисованныхъ Страленбергомъ, принявъ въ соображеніе и показаніе Витзена, Миллеръ, въ окончательномъ выводѣ, признаетъ изображенія на бубнахъ и скалахъ за волшебныя. „Но насъ", онъ говоритъ[2]), „не должно вводить въ обманъ это слово: оно относится къ извѣстному сокровенному значенію фигуръ, а никакъ не къ разуму язычниковъ, потому что это изреченіе не можетъ совмѣщаться съ тупостью ихъ духа. Въ бубнахъ нѣтъ ничего волшебнаго, а они употребляются только для волшебныхъ жестикуляцій, и фигуры на нихъ сочинены еще болѣе тупыми людьми и грубѣйшими идолопоклонниками, *для обманыванія простого народа, и притомъ не по соображеніямъ искусства*[3]), или по тщательномъ обсужденіи, почему лучше нарисовать такую, а не иную фигуру, но совершенно случайно, какъ что̀ пришло въ голову. Я убѣжденъ, пока мнѣ не представятъ лучшаго довода, что то же самое должно сказать о писанныхъ камняхъ".

Въ приведенныхъ словахъ Миллера сквозитъ юпитеровская досада на этнографическую разновидность, сразу не раскрывающую своего генезиса и не поддающуюся пытливости и остротѣ мысли ученаго путешественника: причина оказалась „не въ разумѣ", а „въ тупости духа грубѣйшихъ идолопоклонниковъ".

---

[1]) Курсивъ нашъ. Разнообразія въ суммированіи и въ разложеніи религіозныхъ заимствованій и теперь не всегда поддаются изслѣдованіямъ.

[2]) Миллеръ — В. В. Радловъ. Сибирскія древности, стран. 72.

[3]) Курсивъ нашъ.

Далѣе, въ описательномъ отдѣлѣ, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, послѣ изложенія новыхъ научныхъ данныхъ и выводовъ, изъ нихъ вытекающихъ, будетъ видно, гдѣ, въ чемъ и почему, соображенія и заключенія Миллера, мѣстами, значительно расходятся и съ обогатившимся современнымъ фактическимъ матеріаломъ и съ значительно измѣнившимися этнографическими воззрѣніями.

Напомнимъ, что нѣкоторые виды петроглифовъ и соотвѣтственныя разновидности изобразительнаго искусства различныхъ народностей могутъ быть очень сходны, почти тождественны. Обладаніе письменностію не подавляетъ влеченія къ рисованію и къ другимъ видамъ изобразительнаго искусства.

Въ самихъ петроглифахъ ясно видны слѣды глубокой древности и въ настоящее время имѣются несомнѣнныя указанія на принадлежность нѣкоторыхъ изъ нихъ къ мѣдной стадіи культуры.

Въ несовмѣстимости „сокровеннаго значенія фигуръ на бубнахъ и скалахъ“ съ „тупостію духа язычниковъ“ можно усматривать противорѣчіе и смутное заподазриваніе регресса въ заимствованныхъ нѣкогда религіозныхъ ученіяхъ отъ болѣе культурныхъ народовъ, принесшихъ, можетъ быть, и мѣдь на берега Енисея. Превращеніе отвлеченныхъ символовъ въ болѣе конкретныя формы, приближающіяся уже къ религіознымъ знакамъ, чаще къ молитвеннымъ, указанное добытымъ нами и описаннымъ ниже матеріаломъ, отмѣчаетъ регрессъ, но тѣмъ самымъ какъ бы подчеркиваетъ отвлеченныя и болѣе совершенныя религіозныя заимствованія, начерченныя аборигенами древне курганной эпохи, навѣрное еще понимавшими и сокровенное значеніе многихъ символическихъ фигуръ.

Для вѣрующаго христіанина попытка проникнуть въ душу язычника нѣчто невозможное, для многихъ даже помышленіе объ этомъ — смертный грѣхъ, отсюда горделивая увѣренность въ непреложности своихъ категорическихъ отрицаній „вѣры грубѣйшихъ идолопоклонниковъ“ и ихъ шамановъ, безсовѣстнѣйшихъ обманщиковъ, здѣсь источникъ безапелляціонныхъ заявленій объ отсутствіи разума и религіи у язычниковъ, о тупости духа шамановъ, настолько безвыходной, что они сокровеннаго значенія фигуръ, признаваемыхъ Миллеромъ волшебными, совершенно не понимаютъ, такъ что фигуры на бубнахъ (а, слѣдовательно, и на скалахъ) чертятъ совершенно случайно, „какъ что пришло въ голову“, отнюдь „не по соображеніямъ искусства или по тщательномъ обсужденіи“. Но какъ измѣнились бы воззрѣнія Миллера, если бы онъ могъ сравнить около сотни рисунковъ бубновъ, особенно сибирскихъ, его времени, когда было еще много старыхъ шамановъ, пользовавшихся извѣстностію и почетомъ, когда бубны не фабриковались для продажи, что бы сказалъ Миллеръ, если бы кто-нибудь „изъ грубѣйшихъ идолопоклонниковъ“, проговорился бы ему о шаманской школѣ, а онѣ въ то время несомнѣнно были, если въ началѣ 70-хъ годовъ XIX вѣка, Бастіанъ описываетъ такую школу за Байкаломъ[1]). Поучительное и, конечно, не единственное указаніе на предубѣжденность и предвзятость взглядовъ, какъ на серіознѣйшее препятствіе при собираніи этнографическихъ матеріаловъ.

---

[1]) Bastian. Geogr. Bilder, Iena, 1873, s. 396—410. Это интересное библіографическое указаніе дано намъ С. К. Кузнецовымъ.

Воззрѣнія П. С. Палласа на интересующій насъ вопросъ, въ общемъ, сходятся со взглядами Миллера. Палласъ сомнѣвался въ серіозномъ значеніи петроглифовъ, т.-е. древнихъ рисунковъ, знаковъ и другихъ неписьменныхъ начертаній на утесахъ и курганныхъ камняхъ. Въ то время мѣстностей съ фигурными начертаніями на скалахъ извѣстно было мало, наиболѣе поучительныхъ, разнородныхъ и разновременныхъ по начертанію петроглифовъ ни Миллеръ ни Палласъ не имѣли случая изучать. Къ имѣвшимся матеріаламъ этнографическіе и этнологическіе методы изученія и обобщенія не могли быть примѣнены просто потому, что этнографія тогда еще не выдѣлилась изъ круга естественно-историческихъ наукъ; сравнительные пріемы изслѣдованія, только что начинались, и матеріаловъ для параллелей тогда было очень мало.

Г. И. Спасскій, издатель „Сибирскаго Вѣстника“ (1818—1824) и „Азіатскаго Вѣстника“ (1825—1827), не только много содѣйствовалъ распространенію свѣдѣній о доисторическихъ письменахъ и начертаніяхъ въ Сибири, но неустанно поддерживалъ интересъ къ письменамъ и петроглифамъ Енисея.

Подъ вліяніемъ гр. Румянцева, акад. Кругъ резюмировалъ на латинскомъ языкѣ статьи Спасскаго и издалъ ихъ подъ заглавіемъ: „Inscriptiones Sibiriacae“, съ тѣми же рисунками, что и въ изданіи Спасскаго. На этотъ рефератъ отозвались Абель-Ремюза и Роммель[1]). Клапротъ представилъ свой интересный докладъ о письменахъ Сибири въ Парижскомъ Азіатскомъ Обществѣ[2]), до изданія Круга. Изслѣдованіе характерныхъ знаковъ и особенностей ихъ начертаній на Енисеѣ привело Клапрота къ заключенію о бо́льшемъ ихъ сходствѣ съ европейскими, чѣмъ съ азіатскими алфавитами: по его заявленію, въ немъ безъ труда находятся греческія и даже славянскія буквы. Клапротъ приписывалъ невѣдомыя письмена хагасамъ, народу, по многимъ признакамъ, смѣшаннаго происхожденія, впервые упоминающагося въ китайскихъ источникахъ за 95 лѣтъ до Р. Х., но обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ народѣ относятся къ VII вѣку. На письмо у хагасовъ есть указаніе. Послѣ IX вѣка о посольствахъ Китая къ хагасамъ уже нѣтъ свѣдѣній; народы этой мѣстности называются „киликидзе“. Къ приходу русскихъ хагасы и ихъ довольно высокая культура, повидимому, совершенно исчезли. Относительно отмѣченнаго Клапротомъ сходства съ славянскимъ алфавитомъ, должно думать, что онъ сравниваетъ нѣкоторыя енисейскія начертанія и буквы со славянскими, но такое сходство можетъ происходить отъ предварительнаго заимствованія тюрками религіозныхъ символовъ и знаковъ, каковые отчасти могли быть ими введены и въ алфавитъ. Многія славянскія буквы и сходныя съ ними начертанія встрѣчаются въ древнегреческихъ алфавитахъ: на такомъ сходствѣ рисковано строить хронологическія, племенныя и другія предположенія. Клапротъ отождествляетъ съ хагасами киргизовъ, но это значительно облегчало бы и ускоряло бы дешифрированіе загадочнаго алфавита и нѣкоторыя особенности написанія. Интересующіеся болѣе подробнымъ изложеніемъ соображеній Клапрота, могутъ найти все существенное въ сжатомъ, но обстоятельномъ очеркѣ экспедиціи Финляндскаго Археологическаго Общества[3]) и

---

[1]) Gottingische gelehrte Anzeigen, 1823, n. 204. Inscript. Sibiriacae.

[2]) Journal asiatique, 1823.

[3]) Inscript. de l'Jenissei. Par la Société Finland. d'Archéol. p. 6.

въ „Древностяхъ Минусинскаго Музея“, Д. А. Клеменцъ, мы же перейдемъ къ историческому очерку о сибирскихъ петроглифахъ.

Въ статьѣ Г. И. Спасскаго „О достопримѣч. памятникахъ сибирскихъ древностей и сходствѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ съ великорусскими“ можно найти и важнѣйшія историческія свѣдѣнія по интересующему насъ вопросу за время дѣятельности этого ученаго. Напечатавъ рисунки Титова, исполненные для него по порученію тогдашняго губернатора Енисейской губерніи, В. К. Падалки, Спасскій по рисункамъ сдѣлалъ описаніе петроглифовъ, не побывавъ на мѣстонахожденіяхъ „писаницъ“ и не ознакомившись на мѣстѣ со всѣми особенностями въ начертаніяхъ разнородныхъ и разновременныхъ петроглифовъ, что значительно ослабляло научное значеніе его описанія. Кромѣ того, къ петроглифамъ въ то время относились съ предвзятыми взглядами, разсматривая ихъ то какъ пиктографическую, то какъ идеографическую и даже какъ гіероглифическую запись какихъ-либо событій, для современниковъ болѣе или менѣе важныхъ. „Въ такомъ случаѣ“, говоритъ Спасскій, „начертанія эти представляютъ собою живыя, олицетворенныя лѣтописи. *Съ этой точки зрѣнія и постараемся ихъ разсмотрѣть*“ [1]). Предвзятость взглядовъ насъ, конечно, не удивляетъ: въ господствовавшей тогда исторической и лингвистической литературѣ на пиктографію уже смотрѣли, какъ на переходную ступень къ письменности, но, придавая ей лѣтописный характеръ, не имѣя на это объективныхъ показаній. Методами естественно-историческаго изслѣдованія владѣли тогда немногіе изъ ученыхъ, съ широкимъ независимымъ или, правильнѣе, природѣ и фактамъ подчинявшимся міровоззрѣніемъ, но и эти немногіе, въ этнографическихъ пріемахъ собиранія матеріаловъ, изученія и обобщенія духовной культуры человѣка, т.-е. языка, письменности, культа и проч., оказывались сынами вѣка своего, благоговѣвшими предъ авторитетами, не считавшими критику, въ смыслѣ научнаго анализа, не только священнѣйшими правами, но и первѣйшими обязанностями каждаго ученаго.

Въ исторіи развитія и усвоенія этнографическихъ методовъ изслѣдованія и обобщенія въ Россіи рисунки Титова и описаніе доисторическихъ начертаній навсегда останется однимъ изъ поучительнѣйшихъ примѣровъ. Для насъ, и видѣвшій и срисовавшій нѣкоторыя изъ „писаницъ“ на Енисеѣ, и неописавшій ихъ, а также и невидавшій ихъ и описавшій эти доисторическіе образцы изобразительнаго искусства по набросками современника — однаково странны, но, очевидно, неодинаково отвѣтственны. Незаурядный исполнительный чиновникъ, несомнѣнно образованный и любознательный человѣкъ, получивъ отъ губернатора предложеніе срисовать „писанцы“ на Енисеѣ, въ точности исполняетъ это порученіе: срисовываетъ, но не описываетъ вѣроятно, по скромности, но, возможно, и по чиновничьей заповѣди: „отъ службы не отказывайся, на службу не напрашивайся“. Но, если Г. И. Спасскій не постѣснился чрезъ губернатора заставить его подчиненнаго дать ему рисунки „писаницъ“, ему не слѣдовало церемониться и далѣе: поблагодаривъ Падалку, ради вящей пользы наукѣ, попросить его поручить Титову представить маленькій докладъ, объясненіе, а всего лучше, поставить нѣкоторые вопросы, на которые, внѣ всякихъ

[1]) Курсивъ нашъ.

сомнѣній, Титовъ далъ бы и отвѣты и, можетъ быть, далъ бы, не мудрствуя лукаво, простое безхитростное описаніе, которое благотворно повліяло бы на заключенія Спасскаго, а, можетъ быть, и кореннымъ образомъ ихъ измѣнило. А если бы нѣкоторые вопросы были бы поставлены Титову до съемки рисунковъ или, если бы Спасскій далъ ему инструкцію или наставленіе, то послѣдствія были бы еще плодотворнѣе: матеріалъ могъ бы пріобрѣсти несомнѣнно большое научное значеніе.

Не имѣя возможности различить видовъ и разновидностей начертаній, Спасскій на всѣ виды петроглифовъ смотрѣлъ какъ на фигурныя надписи и, повидимому, серіозно не задумывался надъ возможностію хронологическихъ и этническихъ различій между отдѣльными начертаніями и фигурами одного и того же петроглифа и не стремился вникнуть въ эволюціонныя градаціи различныхъ петроглифическихъ начертаній. Вопросомъ о происхожденіи изобразительнаго искусства въ то время, очевидно, совсѣмъ не задавались, а, между тѣмъ, древніе рисунки бросались въ глаза и своею величиною и передачею характерныхъ особенностей изображаемыхъ животныхъ, особенно, дикихъ; различія въ манерѣ зарисовыванія и въ пріемахъ царапанія или выбиванія контурныхъ чертъ, казалось, выдѣлялись сами собою, особенно при личномъ внимательномъ осмотрѣ многихъ „писаницъ". Но, допустимъ, въ то время о выдѣленіи и группировкѣ различныхъ видовъ петроглифовъ еще нельзя было думать, но вопросъ о разновременности начертанія петроглифовъ является неизбѣжнымъ для того, кто желаетъ провѣрить, не заблуждаются ли нѣкоторые ученые и онъ вмѣстѣ съ ними, считая эти начертанія историческими памятниками. Представлявшимся случаемъ провѣрки своихъ лѣтописныхъ воззрѣній на древніе рисунки Енисея онъ не воспользовался и описывалъ петроглифы, предполагая, что они въ важнѣйшихъ своихъ частяхъ, если не полностію, начертаны одновременно, однимъ рисовальщикомъ. Г. И. Спасскій видѣлъ подтвержденіе своихъ взглядовъ въ однородности рисунковъ различныхъ „писаницъ", не имѣя возможности судить о томъ, относился ли современный копировальщикъ къ доисторическимъ оригиналамъ съ должнымъ благоговѣніемъ, не отразилось ли въ его рисункахъ и его психологическое состояніе и его субъективныя воззрѣнія. Не подвергались ли отдѣльныя начертанія въ копіяхъ нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ и легкимъ исправленіямъ для облегченія пониманія фигуръ и знаковъ, трудно разбираемыхъ? Не лежитъ ли на копіяхъ отпечатокъ личныхъ пріемовъ рисованія?

Должно сознаться, что съ копіями, отъ руки, въ большей или меньшей степени, могутъ происходить нѣкоторыя неточности и недоразумѣнія съ этой стороны: на счетъ доисторическихъ рисовальщиковъ относиться то, что надлежитъ приписать копировальщикамъ, всегда болѣе или менѣе измѣняющимъ древніе памятники изобразительнаго искусства и безсознательно налагающими на нихъ свои предвзятые взгляды. Механическія копіи имѣютъ несомнѣнныя научныя преимущества, но они мѣшкотны и требуютъ большихъ матеріальныхъ затратъ.

Нацарапаны, высѣчены или отбиты начертанія, этими вопросами Спасскій и не задавался и, если выражаетъ сожалѣніе, то только въ томъ, что „Титовъ не сообщилъ подробнаго описанія самыхъ тѣхъ мѣстъ и не приложилъ масштаба къ на-

чертаніямъ". Внутри большихъ фигуръ животныхъ, обрисованныхъ только контуромъ, иногда зачерчивался меньшій рисунокъ животнаго, нерѣдко незаконченный или принадлежащій другому виду, съ абрисомъ, выдѣланнымъ иначе, чѣмъ у включающей большой фигуры, — Спасскій и эти фигуры разсматриваетъ, какъ зародыши, „какъ ознаменованіе испрошеннаго у боговъ плодородія", не замѣчая, что онъ впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе съ собою и въ лѣтописныхъ историческихъ начертаніяхъ находитъ и религіозные рисунки или знаки, но что особенно странно, не обращая никакого вниманія на то, что у нѣкоторыхъ зародышей зарисована только одна голова, а одинъ зародышъ (табл. IV, Аглахт., 6) съ рогами и съ условно зарисованными ушами. Соотношеніе размѣровъ начертаній не соблюдено, расположеніе группъ, во многихъ случаяхъ, не согласуется съ дѣйствительностію, — группы слишкомъ сближены между собою.

Только любовью къ древностямъ Сибири и искреннимъ желаніемъ возбудить къ нимъ интересъ и привлечь вниманіе ученыхъ можно оправдать рискованную попытку Спасскаго описать петроглифы Енисея, не видавъ ни одного изъ нихъ, всецѣло ввѣрившись рисункамъ Титова, не попытавшись даже склонить непосредственнаго наблюдателя къ свободной передачѣ своихъ впечатлѣній. Давая нѣкоторое самое общее понятіе о петроглифахъ Енисея, рисунки Титова совершенно неудовлетворительны для научныхъ цѣлей.

Закончивъ описаніе рисунковъ Титова, Спасскій дѣлаетъ слѣдующую оговорку: „Объясненныя теперь мною начертанія, составляютъ малую только часть изъ находящихся въ южной Сибири... При дальнѣйшемъ изслѣдованіи другихъ вещественныхъ начертаній, предложенныя мною догадки, о содержаніи теперь разсмотрѣнныхъ, или подтвердятся, или нѣкоторыя изъ нихъ и совсѣмъ будутъ отвергнуты".

Задавшись вопросомъ: „Что же былъ за народъ, изъяснявшійся такимъ необыкновеннымъ языкомъ на берегахъ Енисея, Камы и Онежскаго озера?" Спасскій отвѣчаетъ: „По всей вѣроятности, это могли быть тѣ же самые гунны, которые оставили намъ свои курганы и загадочныхъ истукановъ" (стран. 153). Но какимъ образомъ такія начертанія очутились на Онежскомъ озерѣ, когда гунны, сколько извѣстно, вовсе не проникали въ такую даль сѣвера? Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ развѣ только тѣмъ, что такъ какъ въ числѣ выведенныхъ ими изъ Сибири и захваченныхъ на пути народовъ были и финны, или чудь, то эти послѣдніе, отдѣлясь отъ нихъ, могли удалиться въ любимый свой сѣверъ и, основавшись тамъ, возобновить занятое ими отъ гунновъ искусство тайнописанія. Кто знаетъ, не имъ ли обязана Сибирь и всѣми древними начертаніями? Такъ, по крайней мѣрѣ, полагаетъ Гревингкъ".

„Изображенія на шаманскихъ бубнахъ, иногда сходныя съ начертанными на скалахъ и камняхъ", по мнѣнію Спасскаго, „имѣютъ другія основанія: ихъ дѣлаютъ шаманы, для приданія, можетъ быть, большаго значенія своимъ волхвованіямъ".

Отмѣтивъ неточности снимковъ Страленберга, Спасскій обращался къ П. А. Словцову, жившему въ Тобольскѣ и, по порученію послѣдняго, въ 50-хъ годахъ, берега Пышмы, впадающей въ Туру недалеко отъ Тюмени, осматривалъ г. Поповъ: онъ не

только не нашелъ надписей и людей, слышавшихъ объ ихъ существованіи, но не могъ найти и утесовъ, гдѣ бы онѣ могли быть начертаны, — берега Пышмы отлоги и низки. Вообще, эти письмена Страленберга весьма сомнительны. Между тѣмъ, въ юбилейномъ сборникѣ „Книгопеч. въ Россіи", изд. въ С.-Пб., эти начертанія Страленберга помѣщены, какъ вполнѣ достовѣрный образчикъ древней письменности, сохранившейся на утесахъ сибирскихъ рѣкъ.

Самымъ выдающимся изъ ученыхъ путешественниковъ, изслѣдовавшихъ Минусинскій округъ и изучавшихъ петроглифы Енисея, былъ Кастренъ. Главная цѣль его путешествія состояла въ лингвистическомъ и этнографическомъ изученіи самоѣдскаго и остяцкаго племенъ; восточнымъ предѣломъ экспедиціи былъ поставленъ Енисей. Его экспедиція была обставлена болѣе, чѣмъ скромно: она представляла совершеннѣйшій контрастъ съ многолюдными и въ избыткѣ всѣмъ снабженными, до многочисленныхъ и разнородныхъ открытыхъ предписаній, экспедиціями Екатеринскихъ временъ. Съ береговъ Балтійскаго моря, по побережью Ледовитаго океана, пунктуально исполняя преднамѣченный маршрутъ, съ болѣе или менѣе продолжительными остановками и уклоненіями въ сторону, Кастренъ пришелъ на Енисей. Суровый климатъ, постоянныя передвиженія, непрерывный самоотверженный трудъ, окончательно подорвали его здоровье; болѣзнь принудила его прекратить собираніе матеріала, а смерть вскорѣ лишила его самой привлекательной и желанной доли труда путешественника: онъ не могъ закончить обработки всѣхъ собранныхъ имъ матеріаловъ.

Изданія акад. Шифнера[1]), недавнее изданіе Аспелина[2]), проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ личности Кастрена очеркъ его ученой дѣятельности Н. И. Попова[3]), воспоминаніе о трудахъ Кастрена, сдѣланное Ф. Я. Кономъ[4]) и особенно обстоятельное суммированіе Финляндскою археологическою экспедиціей результатовъ научной дѣятельности Кастрена въ области этнологіи, этнографіи, филологіи и доисторической археологіи[5]), позволяютъ намъ сразу перейти къ результатамъ его изученія петроглифовъ Енисея.

На первый взглядъ, основныя воззрѣнія Кастрена на исторію петроглифовъ могутъ показаться сходными съ соображеніями Миллера, но это только повидимому. Взгляды Миллера построены чисто умозрительно, филологически и исторически, стремленіе же Кастрена къ этнологическимъ и этнографическимъ основаніямъ для объясненія прошлаго было выводомъ изъ собранныхъ имъ матеріаловъ. Ни исторія, ни доисторическая культура, ни сама археологія, при бѣдности имѣвшихся въ то время матеріаловъ, не могли ему помочь; помощь же этнографіи и особенно этнологіи для

---

[1]) Acad. Schifner. M. A. Castren's Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849. S.-Peterb. 1856. Перев. на русскій яз. въ «Магаз. Землевѣд. и Путеш.» Фролова, т. VI, часть II, Москва, 1860.

[2]) Aspelin. M. A. Castren's Aufzeichn. über die Altertümer im Kreise Minusinsk. Helsing. 1901.

[3]) Н. И. Поповъ. Общ. историч. обзоръ археолог. изыск. въ Сибири. Извѣст. Сибирск. отд. Имп. Р. Г. Общ., т. II, №№ 1 и 2, стран. 53—54.

[4]) Ф. Я. Конъ. Истор. очеркъ Минус. мѣстн. музея. Казань, 1902.

[5]) Société Finlandaise d'Archéologie. Inscript. de l'Jenissei. Decouverte des inscriptions. Hels. 1889. Pp. 7—9.

него была ощутительна и плодотворна. Кастренъ, къ сожалѣнію, не былъ предварительно достаточно ознакомленъ съ типичными формами орудій, бытовыхъ предметовъ и украшеній мѣдной и бронзовой эпохъ. Если бъ Минусинскій музей существовалъ въ то время, одинъ бѣглый осмотръ коллекцій разсѣялъ бы его узкую киргизскую гипотезу кургановъ, надписей и начертаній Енисея. Можетъ быть, этимъ объясняется его предубѣжденіе противъ археологіи: онъ не видѣлъ въ ней надежной опоры для движенія впередъ. Ознакомившись съ недавно найденными и изданными I. P. Аспелиномъ замѣтками и снимками Кастрена[1]) съ нѣкоторыхъ начертаній на утесахъ и на курганныхъ камняхъ, мы были удивлены, съ какимъ знаніемъ и съ какою продуманностію были отобраны и зарисованы имъ нѣкоторые изъ давно насъ интересовавшихъ знаковъ и символовъ. Кастренъ былъ, видимо, близокъ къ ихъ разрѣшенію, но онъ опредѣлилъ ихъ только какъ тавры или тамги, не подозрѣвая, что это религіозные символы мимико-графическаго происхожденія. Вѣроятно, Кастрену не пришлось разсматривать и изучать на мѣстѣ Копенскій петроглифъ[2]), онъ не просмотрѣлъ бы рѣдкій и поучительнѣйшій символъ, образовавшійся, можетъ быть, на Енисеѣ самостоятельно, хотя и регрессивно, вѣроятнѣе въ срединѣ или въ концѣ бронзовой стадіи культуры: символъ этотъ, уже потерявшій свою первоначальную отвлеченность, легко понимается. Удивительно такъ же, какъ отъ вниманія Кастрена, при обозрѣніи Сулекскаго петроглифа[3]), ускользнула одна фигура верхового, правда, очень грубо высѣченная, съ приподнятыми руками (одна съ растопыренными пальцами) это молитвенное воздѣяніе рукъ могло бы ему не только объяснить зарисованный и неразгаданный имъ символъ, но и раскрыло бы ему и генезисъ нѣкоторыхъ другихъ религіозныхъ символовъ. Этотъ просмотръ мы объясняемъ только тѣмъ, что Кастренъ не имѣлъ особаго рисовальщика и работалъ надъ этимъ большимъ петроглифомъ одинъ. Древнѣйшія художественныя начертанія, конечно, болѣе привлекали его вниманіе, — детали одной изъ позднѣйшихъ фигуръ, грубо отбитыхъ и находящихся въ сторонѣ, легко было и просмотрѣть.

Странно предубѣжденіе Кастрена противъ чуди и чудскихъ могилъ, напримѣръ, въ письмѣ къ Шагрену онъ говоритъ: „Говорятъ, что въ Кузнецкомъ округѣ есть даже какія-то особенныя, чудскія могилы; но едва ли я рѣшусь разрывать ихъ, потому что это сопряжено *съ такими расходами, которыхъ Академія, вѣроятно, не приметъ на себя*“[4]). Излишняя предубѣжденность и скудость средствъ привели къ односторонности. Слѣдуетъ отмѣтить, что одно начертаніе Кизиль-кайскаго петроглифа и одна группа начертаній около Сулекскихъ утесовъ, на основаніи отчетливо изображенныхъ мѣдныхъ котловъ, отнесены Кастреномъ къ бронзовой эпохѣ, но нельзя не удивляться, что и это внушительное указаніе и нѣкоторые другіе въ археологическомъ отношеніи важные выводы не измѣнили его воззрѣній. Отмѣченное выше ограниченіе въ средствахъ на археологическія изысканія, можно сказать, принудило его ограничиться

---

[1]) Aspelin. M. A. Castren's Aufzeichn. über die Altertümer im Kreise Minusinsk. Hels. 1901.
[2]) Табл. VI, 5, фиг. 5.
[3]) Таблица II, I, 4 фиг. въ сравненіи съ 1—3.
[4]) Курсивъ нашъ.

киргизами, какъ прото-аборигенами Минусинскаго округа: заслуга не малая, при тогдашней бѣдности научныхъ матеріаловъ, указать, что этнологія и этнографія Енисея, при дальнѣйшемъ движеніи изысканій, обойдены быть не могутъ, и что эти науки представляютъ надежныя точки опоры и для доисторической археологіи.

Въ 1851 году, въ Иркутскѣ, по ходатайству и подъ особымъ покровительствомъ высшей мѣстной администраціи, учрежденъ Сибирскій отдѣлъ Императорскаго Географическаго Общества, съ субсидіею отъ правительства. Открытіе этого ученаго учрежденія едва ли возможно разсматривать, какъ естественное слѣдствіе особаго развитія общественной жизни, какъ выраженіе подъема общественной самодѣятельности, какъ указаніе на избытокъ мѣстныхъ силъ, достаточно подготовленныхъ не только къ собиранію, но и обработкѣ научныхъ матеріаловъ, и притомъ, вполнѣ объединенныхъ чисто научными интересами. Какъ показываетъ исторія отдѣла, его научная дѣятельность опиралась не на мѣстныхъ силахъ, а лежала, главнымъ образомъ, на сотрудничествѣ ученыхъ, временныхъ обитателей Иркутска, путешественниковъ и небольшой группы ученыхъ, случайно жившихъ въ то время въ Сибири.

И музей и научная библіотека были въ то время только въ Иркутскѣ. Положеніе немногихъ молодыхъ людей съ высшимъ образованіемъ, искренне желавшихъ научно работать во время свободное отъ профессіональныхъ занятій, было безвыходное, при невозможности доставать необходимѣйшія для предварительной обработки собираемыхъ матеріаловъ пособія и книги. Вопросъ о передвижной библіотекѣ или объ удвоенномъ комплектѣ справочныхъ руководящихъ научныхъ книгъ, сколько намъ извѣстно, и не поднимался. Но, несмотря на недостатокъ средствъ и стѣснительныя условія, отдѣломъ сдѣлано много полезнаго. Въ движеніи разсматриваемаго вопроса, наиболѣе неблагопріятно отозвалась тенденція общества печатать статьи и доклады членовъ и сотрудниковъ въ Иркутскѣ, ни подъ какимъ видомъ не передавая представляемыхъ изслѣдователями картъ, плановъ, рисунковъ въ центральное общество, подолгу задерживая матеріалы, въ надеждѣ пріискать средства для изданія на мѣстѣ. Къ этому присоединялся чисто раритетный, весьма скептическій или поверхностный взглядъ на серіозное значеніе этого матеріала и на трудности его обработки. Вслѣдствіе этого петроглифамъ на Енисеѣ очень не посчастливилось: снимки съ нихъ Титова (въ 40-хъ год. пр. столѣтія), кн. Кострова и Савенкова (въ 80-хъ годахъ) не были своевременно отпечатаны. Движеніе этого вопроса для Сибири, вслѣдствіе этого, значительно задержалось. Появлявшіяся изрѣдка въ извѣстіяхъ В. С. отдѣла рисунки, не имѣя никакого научнаго значенія, по своей неточности и устарѣлости пріемовъ зарисовыванія, представляя пейзажъ, были прямо разсчитаны на эффектъ преувеличенія обыкновенныхъ размѣровъ петроглифовъ („Изв. Сиб. отд.“ 1874 г., т. V, №№ 3 и 4, къ стран. 104). Къ этому рисунку отнесся съ довѣріемъ и Э. Реклю, помѣстившій его въ VI томѣ „Земля и Люди“, С.-Пб. 1898 г., стран. 686, подъ названіемъ: „Гіероглифы на береговой скалѣ Енисея“.

Рисунки Титова едва ли сохранились, по всей вѣроятности, они сгорѣли въ старомъ музеѣ Сибирскаго отдѣла, во время общаго пожара Иркутска.

О снимкахъ начертаній на Енисеѣ, сдѣланныхъ въ 50-хъ годахъ кн. Костровымъ, мы слышали отъ С. К. Кузнецова, что они едва ли не переданы наслѣдниками А. В. Адріанову.

Послѣ довольно продолжительной остановки въ движеніи вопросовъ о письменахъ и петроглифахъ на Енисеѣ, съ 1871 по 1874 годъ, I. Р. Аспелинъ изучалъ древности финно-угрской народности на сѣверной полосѣ Россіи, въ Пріуральи и за Ураломъ. Въ I томѣ, цѣннаго въ научномъ отношеніи многотомнаго труда[1]) съ рисунками наиболѣе типичныхъ изъ изслѣдованныхъ имъ древностей, даны и снимки фигурныхъ начертаній на утесахъ въ Сибири, но съ прежде изданныхъ Спасскимъ. Въ бытность на Енисеѣ, I. Р. Аспелинъ сосредоточилъ свое вниманіе на надписяхъ.

Въ 1865 и въ 1866 годахъ, по долинѣ Енисея путешествовалъ, собирая лингвистическіе и этнографическіе матеріалы, акад. В. В. Радловъ. Онъ производилъ много раскопокъ и археологическихъ изысканій. Непосредственно фигурными начертаніями онъ не занимался, но онъ многія изъ нихъ, видимо, основательно изучалъ на мѣстѣ и часто пользуется ими для сравненій и при реставраціи древней одежды и разныхъ бытовыхъ особенностей различныхъ народностей. Хронологическія указанія и соображенія обоснованы имъ на археологическихъ параллеляхъ и на интересныхъ данныхъ, полученныхъ при раскопкахъ. В. В. Радловъ далъ много ссылокъ на китайскія лѣтописи, остававшіяся такъ долго неизвѣстными европейскимъ ученымъ; возможно предполагать, что китайскія свѣдѣнія о древнѣйшихъ народахъ, населявшихъ нѣкогда сѣверъ Азіи извѣстны далеко не всѣ. Вообще, въ трудахъ В. В. Радлова находится много данныхъ, облегчающихъ хронологическія соображенія о различныхъ видахъ петроглифовъ и о разнообразныхъ типахъ памятниковъ изобразительнаго искусства[2]).

Съ 1871 по 1880 годъ, въ „Извѣст. Сиб. отд. Геогр. Общ.“, Н. И. Поповъ далъ цѣлый рядъ статей, обстоятельно, по кабинетно обработанныхъ, съ подробными и цѣнными библіографическими указаніями, посвященными письменамъ и фигурнымъ начертаніямъ Енисея. Эти статьи принесли, приносятъ и будутъ приносить свою долю пользы всѣмъ тѣмъ, кто интересуется исторіею разнородныхъ лингвистическихъ, этнографическихъ и особенно археологическихъ вопросовъ. Лингвистовъ того времени, особенно занимавшихся исторіею алфавитовъ и увлекшихся сходствомъ буквенныхъ начертаній, сравнительныя таблицы буквъ разныхъ алфавитовъ чрезвычайно интересовали, такія приложены и къ одной изъ статей Попова[3]). Но вопросомъ о генизисѣ алфавитныхъ начертаній тогда не задавались. Тамъ можно найти и ту часть надписи, которая считалась тогда прочтенною Тихзеномъ, помѣщено и пайдзе Клапрота. Мнѣнія Тихзена, Клапрота и многихъ другихъ изложены болѣе обстоятельно, съ сравнительными ссылками и указаніями. Въ 1858 году Сибирскій отдѣлъ намѣренъ былъ отправить въ Минусинскій округъ двухъ членовъ, если бы нашлись потребныя на то 2000 руб. Но вопросъ былъ отложенъ безъ всякой попытки передать мысль объ этой экспедиціи въ центральное Географическое Общество, и если бы, въ случаѣ изысканія средствъ, при-

---

[1]) Aspelin. Antiquit. du Nord Finno-Ungrien.

[2]) Ак. В. В. Радловъ. Сибирскія древности. Его же. Aus Sibirien, 2 v. Leipz.

[3]) «О руническихъ письменахъ». 1874 г., т. V, № 2.

шлось дѣлать выборъ лицъ для научной командировки, то на Н. И. Попова, въ то время еще ничѣмъ себя не зарекомендовавшаго, выборъ могъ бы не упасть, и это было бы не удивительно. Но почему В. С. отдѣлъ, послѣ того, какъ Н. И. Поповъ высказалъ не только недюжинную эрудицію и научныя дарованія въ длинномъ рядѣ статей, но и глубокій интересъ и любовь къ разнообразнымъ памятникамъ Минусинскаго округа, когда всѣмъ было извѣстно его стремленіе съѣздить туда, почему тогда отдѣлъ не сдѣлалъ ровно ничего для изысканія средствъ для его командировки, въ плодотворности которой нельзя было сомнѣваться? По принятому обычаю, подчеркивается ближайшая причина — скудость матеріальныхъ средствъ, но очень рѣдко указывается если не разъединенность, то чисто механическая внѣшняя связь мѣстныхъ научныхъ силъ; весьма немногіе допускаютъ существованіе и болѣе глубокихъ причинъ, объективное выясненіе которыхъ возлагается на исторію русской науки. Но и теперь еще Восточно-Сибирскому отдѣлу не поздно воздать должное памяти одного изъ трудолюбивѣйшихъ и выдающихся своихъ сотрудниковъ, издавъ всѣ его статьи по археологіи Минусинскаго округа, съ подробными приложеніями и примѣчаніями, излагающими современное положеніе каждаго изъ затронутыхъ имъ вопросовъ, сдѣланными спеціально освѣдомленными лицами. Такое изданіе, намъ кажется, было бы полезно не только для изслѣдователей и ученыхъ, но и для большой публики, среди которой не мало лицъ, могущихъ путемъ личной дѣятельности или матеріальныхъ пожертвованій содѣйствовать изслѣдованію Минусинскаго края, когда они узнаютъ нужды мѣстной науки.

Конечно, описаніе петроглифовъ Енисея, по рисункамъ Титова (неприложеннымъ къ статьѣ Н. И. Попова), опять же безъ его пояснительной записки, не могло бы имѣть научнаго значенія, но въ примѣчаніи положеніе этого вопроса вполнѣ бы выяснилось. Важнѣйшіе недостатки рисунковъ Титова уже охарактеризованы выше, а потому значительная часть сказаннаго о фигурныхъ начертаніяхъ Енисея Спасскимъ можетъ быть отнесена и къ Попову. „Извѣстія Восточно-Сибирскаго отдѣла“ за 70-е и 80-е годы, теперь большая библіографическая рѣдкость.

Въ 1874 году въ Минусинскъ пріѣхалъ провизоръ мѣстной аптеки Н. М. Мартьяновъ, скончавшійся въ 1904 году. Твердая вѣра въ науку и горячая убѣжденность въ необходимости подъема народнаго просвѣщенія и внѣ школьными учрежденіями выразились въ его неустанномъ самоотверженномъ собираніи тѣхъ вещественныхъ матеріаловъ, на которыхъ зиждутся и научныя знанія и на которыхъ обосновывается практическая сторона жизни, нуждающаяся въ познаніи обыденныхъ явленій природы. Его служеніе музею, какъ хранителю научныхъ матеріаловъ и наглядному распространителю знанія и служителю народнаго просвѣщенія, согрѣвалось любовью не только къ знанію, просвѣщенію, но и къ народу, лишенному грамотности и для котораго, по великому его безграмотству, книги закрыты, а мѣстный музей является своего рода раскрытою книгой, изъ которой каждый беретъ то, что можетъ взять. Покойный Н. М. обладалъ рѣдкими душевными качествами: врожденнымъ психологическимъ тактомъ, привѣтливостію, радушіемъ, скромностію, спокойствіемъ, внимательнымъ ровнымъ обращеніемъ со всѣми посѣтителями, прямотою и идеальнѣйшею честностію, — онъ быстро

пріобрѣлъ всеобщее довѣріе. Его любовь къ наукѣ, его неугасающая любознательность, его постоянная озабоченность дѣлами музея, его обширная эрудиція и всегдашняя готовность подѣлиться всѣми своими знаніями, располагала къ нему всякаго, входившаго съ нимъ въ общеніе, онъ расшевеливалъ самыхъ апатичныхъ, безучастныхъ, даже лѣнивыхъ и эгоистичныхъ людей — и они дѣлались искреннѣйшими и неизмѣнными друзьями музея. Благодаря личнымъ качествамъ Н. М. Мартьянова, друзьями музея дѣлались люди самыхъ разнородныхъ общественныхъ элементовъ, самыхъ различныхъ общественныхъ теченій, это была пестрая мозаика, можно сказать, смѣсь расъ, племенъ, народностей, нарѣчій, состояній, возрастовъ, промысловъ, профессій, объединенныхъ сперва Николаемъ Михайловичемъ, а потомъ уже сцементировавшихся и собственнымъ сознаніемъ пользы музея и обязанностію каждаго вносить въ него посильную долю знанія, труда и доброй воли. Между учрежденіемъ Сибирскаго отдѣла Имп. Русск. Георграф. общества и его музея въ Иркутскѣ, центрѣ административномъ, центрѣ торговой, промышленной и общественной дѣятельности Восточной Сибири и открытіемъ мѣстнаго музея въ захолустномъ городкѣ Сибири прошло только 25 лѣтъ; но какая поучительная разница въ исторіи этихъ учрежденій, одного за полстолѣтіе, а другого за четверть столѣтія. Очевидно, въ жизни Сибири, не взирая на подавляющій процентъ безграмотности и многія неблагопріятныя стѣсняющія развитіе общественной жизни условія, произошло что-то трудно объяснимое: благодаря общественной поддержкѣ въ маленькомъ уѣздномъ городѣ Сибири учрежденъ мѣстный музей и сооружены для него и для публичной библіотеки особыя каменныя зданія. Минусинскій край, благодаря богатству и разнообразію природы, съ памятниками древностей культуры, всегда будетъ доставлять музею обильный научный матеріалъ.

По иниціативѣ А. А. и А. А. Яриловыхъ и при дѣятельномъ участіи Е. К. Мартьяновой, городъ пріобрѣлъ сосѣднее мѣсто; площадь двора (чрезвычайно малаго и тѣснаго) современемъ можетъ значительно увеличиться. Но, помимо крайней необходимости расширить дворъ, покупка сосѣдняго мѣста, съ двумя флигелями (каменнымъ и деревяннымъ), вынуждалась настоятельною необходимостію обезопасить музей перенесеніемъ деревяннаго двухъэтажнаго дома далѣе отъ музея, такъ какъ онъ стоитъ очень близко. Это опасное для музея въ пожарномъ отношеніи зданіе и по сіе время стоитъ на прежнемъ мѣстѣ; оба зданія отданы городскимъ управленіемъ въ кортомъ, повидимому, долгосрочный. Несомнѣнно, заботливость города объ улучшеніи матеріальнаго благосостоянія этого учрежденія заслуживаетъ величайшей похвалы, но надо быть кореннымъ провинціаломъ и кореннымъ сибирякомъ, чтобы съ невозмутимымъ спокойствіемъ смотрѣть на готовые костры, воздвигнутые бокъ о бокъ съ музеемъ.

Фактическая дѣятельность Комитета по завѣдыванію музеемъ за годы, истекшіе послѣ смерти Н. М. Мартьянова (1904 г.), видимо, замерла. Мы, конечно, не присоединимся къ видящимъ и здѣсь своего рода тактику лицъ, враждебно относящихся къ музеямъ, какъ къ внѣшкольнымъ просвѣтительнымъ учрежденіямъ, дни которыхъ якобы уже сочтены, и большинство членовъ Комитета, вѣроятно, не поддается этимъ призрачнымъ неосновательнымъ страхамъ и ослабѣвшая ихъ дѣятельность объясняется, можетъ-быть, гораздо проще: большинство изъ нихъ слишкомъ погружены въ злобо-

дневные труды и житейскія заботы, — цѣли и сфера дѣятельности музея слишкомъ далеки отъ многихъ изъ нихъ.

Нельзя не отмѣтить и различія точекъ зрѣнія на музей и расширеніе требованій, предъявляемыхъ за послѣднее время къ музею. Еще при покойномъ Николаѣ Михайловичѣ почти всѣ иностранные путешественники и ученые и нѣкоторые русскіе ученые изслѣдователи высказывали взглядъ на Минусинскій музей, какъ на научную станцію, географически означенную, какъ естественный центръ обширнаго и своеобразнаго научнаго района. За послѣднее время эта же мысль циркулировала въ нѣкоторыхъ ученыхъ кружкахъ Петербурга и Москвы, интересующихся научными изслѣдованіями въ Сибири. Для молодыхъ ученыхъ, готовящихся къ дальнѣйшей ученой карьерѣ, такое учрежденіе было бы благодѣтельно, здѣсь они нашли бы и временное помѣщеніе и работу, нашли бы всѣ необходимыя для путешественниковъ справочныя книги, получили бы всѣ необходимыя свѣдѣнія, составили бы программу поѣздокъ, возвращались бы для пересмотра и упаковки собраннаго, намѣтили бы дополнительныя поѣздки, сдѣлали бы предварительныя опредѣленія и т. д. Эта мысль, намъ кажется, заслуживаетъ вниманія и въ виду начинающихъ теперь возникать обществъ для собиранія научныхъ матеріаловъ, для изслѣдованія различныхъ мѣстностей Россіи и Сибири и для путешествій.

Отдѣлъ горно-промышленный, съ горнымъ искусствомъ, необходимо расширить и значительно увеличить геологическій отдѣлъ, оборудовавъ кабинетъ для точнаго и быстраго опредѣленія породъ, запросы на это со стороны заинтересованныхъ этимъ дѣломъ возрастаютъ. Сельско-хозяйственный, кустарный, общеобразовательный, этнографическій отдѣлы также нуждаются въ освѣженіи, въ замѣнѣ многихъ №№, въ значительныхъ дополненіяхъ. Отсталость въ прикладныхъ отдѣлахъ недопустима: жизненное практическое значеніе музея не должно быть ослабляема.

Для того, чтобы музей могъ удовлетворять всѣмъ предъявляемымъ къ нему разностороннимъ требованіямъ (а они не ограничиваются вышеперечисленными) и всегда бы могъ стоять на должной высотѣ по всѣмъ отдѣламъ, онъ долженъ имѣть не менѣе трехъ препараторовъ. Одинъ долженъ хранить и собирать матеріалы и составлять коллекціи по группѣ геологическихъ наукъ, со включеніемъ и прикладныхъ коллекцій, т.-е. по горной промышленности и горному искусству, и по почвовѣдѣнію; другой препараторъ долженъ вѣдать біологическія, т.-е. ботаническія и зоологическія коллекціи, научныя и прикладныя; на третьемъ препараторѣ должно лежать храненіе и оборудованіе всѣхъ антропологическихъ коллекцій, включая этнографію и археологію. Общеобразовательный и географическій отдѣлы обслуживаются ими соединенными силами. На собираніе и выписку коллекцій предназначенная сумма должна быть неприкосновенною. Только при такой обстановкѣ, при соотвѣтствующихъ научныхъ силахъ и надлежащей организаціи, музей можетъ быть вполнѣ гарантированъ отъ послѣдствій продолжительнаго застоя и отъ другихъ случайностей, могущихъ наносить ущербъ его общеобразовательной и научной дѣятельности.

Какими бы превышенными и безнадежными не казались теперь высказанныя desiderata, но пассивное отношеніе Комитета къ активнымъ обязанностямъ музея давно слѣдовало бы перемѣнить на болѣе цѣлесообразное.

Можно быть увѣреннымъ, что истинные сторонники мѣстныхъ музеевъ, какъ просвѣтительныхъ и научныхъ учрежденій, пожелаютъ Минусинскому Мартьяновскому музею, по крайней мѣрѣ, въ цѣлости и порядкѣ сохранить все собранное его учредителемъ, если недостаточность средствъ и оскудѣніе въ подготовленныхъ и дѣятельныхъ силахъ, лишаетъ музей возможности поднимать выше и развивать далѣе его общеобразовательное и научное значеніе.

Финляндскіе ученые, члены экспедиціи Финляндскаго Археологическаго Общества, съ особеннымъ сочувствіемъ отмѣчаютъ заслуги Н. М. Мартьянова и основаннаго имъ Минусинскаго музея и предъ наукою и предъ народнымъ просвѣщеніемъ, изумляются быстрому накопленію разнородныхъ научныхъ сокровищъ. Число открытыхъ за время существованія музея надписей значительно возросло, и многія полезныя указанія въ этомъ направленіи сдѣланы непосредственно обитателями улусовъ и деревень, благодаря распространенію музеемъ разнородныхъ свѣдѣній среди населенія. Въ нахожденіи и осмотрѣ камней съ надписями на мѣстѣ Н. М. Мартьяновъ всегда принималъ личное участіе, его опытность и прекрасное знаніе мѣстности гарантировало успѣхъ. Терявшійся камень Мессершмидта и нѣкоторые изъ замѣченныхъ и потомъ затерянныхъ другими путешественниками были снова найдены Н. М. Мартьяновымъ. Число камней съ надписями, съ зачатками ваянія и съ символическими начертаніями, прислоненныхъ съ улицы и во дворѣ къ стѣнамъ музея, настолько увеличилось, что изъ нихъ, на расширившемся дворѣ, со временемъ можно образовать поучительную и цѣнную аллею, разставивъ ихъ по румбамъ какъ они стояли. Въ музеѣ имѣется матеріалъ и по петроглифамъ. Изданія и труды по обработкѣ коллекцій музея перечислены и въ юбилейномъ сборникѣ и въ предисловіи труда г. Горощенко. Послѣ труда Д. А. Клеменцъ появилось съ 1893 года большое и роскошное изданіе „L'âge du bronze au musée de Minoussinsk", F. K. Martin. Расположеніе предметовъ подготовлено для сравнительныхъ справокъ о форматѣ предметовъ.

Въ половинѣ 1880-хъ годовъ благодаря матеріальной поддержкѣ Восточно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, мы могли сдѣлать предварительный рекогносцировочный объѣздъ большинства наиболѣе замѣчательныхъ петроглифовъ какъ высѣченныхъ, такъ и написанныхъ красною краской, по Манѣ, начиная отъ границы Канскаго округа, по Енисею, отъ устья Кана до устья Ои. Мы считали болѣе цѣлесообразнымъ сначала сдѣлать ихъ общій осмотръ и зарисовываніе, намѣтить, что снимать механически, чтобы, впослѣдствіи, зарисовать еще разъ, съ наибольшею тщательностію, всѣ важнѣйшіе петроглифы, свѣряя на мѣстѣ рисунки, всѣхъ начертаній, особенно символовъ, тамгъ и т. п. и уже потомъ сдѣлать различныя сличенія, сопоставленія, этнографическія и археологическія параллели. Но нашимъ расчетамъ и нашимъ надеждамъ не суждено было вполнѣ осуществиться. Силою прискорбныхъ обстоятельствъ, мы вынуждены были надолго прекратить только что начатое нами собираніе научныхъ матеріаловъ о петроглифахъ на Енисеѣ. Нашъ предварительный отчетъ, представленный Восточно-Сибирскому отдѣлу былъ напечатанъ, но прочія статьи и приложенная карта средняго теченія Енисея, съ означеніемъ стоянокъ и поселеній палеолитической, неолитической, мѣдной, бронзовой и

желѣзной эпохъ, петроглифовъ, городищъ, кургановъ и другія свѣдѣнія, таблицы со снимками петроглифовъ, сдѣланныя отъ руки, но съ наложеніемъ квадратовъ изъ нитей, схематическій планъ по образованію займищъ, древнихъ и новыхъ террасъ для уясненія и сортировки галечныхъ и валунныхъ наносовъ, съ указаніемъ мѣстъ несортированныхъ наносовъ, рисунки нѣкоторыхъ археологическихъ и этнографическихъ предметовъ, подобно рисункамъ Попова, остались неопубликованными.

Давно задуманная работа оборвалась и остановилась по обстоятельствамъ, отъ насъ совершенно независящимъ[1]). Когда мы жили на Енисеѣ, когда это научное предпріятіе было для насъ доступнѣе, мы не располагали средствами, достаточными не только для передвиженія къ разбросаннымъ иногда на далекое разстояніе петроглифамъ, но главное и для представленія такихъ матеріаловъ, на которыхъ опирались наши выводы и соображенія, не только въ графическомъ или документальномъ, но и въ вещественномъ видѣ, чтобъ ихъ можно было, такъ сказать, и осязать и изслѣдовать, не какъ „подобіе", а какъ нѣчто близкое къ „тождеству". Но, вѣдь, такіе пріемы дѣлать снимки даже съ письменъ, сколько намъ извѣстно, примѣнены впервые Финляндскою экспедиціею Аспелина и Русскою экспедиціею В. В. Радлова, уже въ концѣ 1880-хъ годовъ. Мы же, кромѣ налагавшихся вспомогательныхъ квадратовъ, старались отрѣшиться отъ темперамента, своей манеры рисовать, подчиняли себя древнему рисунку, старались, такъ сказать, „влѣзть въ шкуру" доисторическаго рисовальщика, отдать ему свою руку въ полное распоряженіе, и копировать, не мудрствуя лукаво, и рисунокъ, и знакъ предмета, и тамгу, и религіозный знакъ, и символъ. Намъ кажется, и собранный нами матеріалъ можетъ принести свою долю пользы въ движеніи трактуемаго вопроса. Приведемъ въ самомъ сжатомъ видѣ выводы, къ которымъ мы пришли тогда, чтобы можно было убѣдиться, насколько они согласовались съ наблюденными фактами и насколько они измѣнились. Конечно, тогда мы и не думали встрѣтиться съ генезисомъ алфавитовъ и единымъ религіознымъ источникомъ родовыхъ знаковъ и знаковъ собственности, но основныя положенія остались безъ перемѣны такими же, какими онѣ изложены въ 1885 году въ предварительномъ отчетѣ[2]).

„Копенская писаница не гіероглифическая; есть основаніе заподозривать, что и изыхская и арбатская гіероглифическія писаницы, вѣроятно, не окажутся таковыми, если взять понятіе іероглифъ въ строго опредѣленномъ смыслѣ слова.

„Въ основу толкованія древнихъ фигурныхъ письменъ должно положить слѣдующія руководящія мысли: a) фигурныя изображенія не начала письменности, а начала начертательнаго искусства; b) нѣкоторыя, очень немногія, могутъ имѣть символическое значеніе (въ точномъ смыслѣ этого слова), напримѣръ: аглахтинская фигура, знакъ смерти, символъ молитвы, знакъ брода и другія идеографическія начерганія; c) въ основѣ нѣкоторыхъ древнихъ рисунковъ и знаковъ могутъ лежать своеобразныя религіозныя анимистическія воззрѣнія аборигеновъ Енисея; d) на позднѣйшихъ фигурныхъ письменахъ ясно отразился шаманизмъ, поэтому рисунки на бубнахъ, онго-

---

[1]) За выѣздомъ нашимъ изъ Сибири и вслѣдствіе сложныхъ профессіональныхъ занятій.

[2]) «Извѣстія В. С. отдѣла И. Р. Геогр. Общ.» 1886 г., т. XII, №№ 3—4, стран. 99—100.

нахъ, джалбакъ-тюсь и т. п. должны быть тщательно собираемы; e) рисунки нынѣшнихъ инородцевъ на затесяхъ деревьевъ (на распутіяхъ, на перевалахъ) надо срисовывать при каждомъ представляющемся случаѣ; f) тавры тюрко-алтайцевъ, киргизовъ, монголовъ и др. народовъ средней Азіи необходимы для окончательнаго рѣшенія вопроса о такъ называемыхъ гіероглифическихъ письменахъ; g) рисунки на курганныхъ или могильныхъ камняхъ должны быть сопоставлены съ таковыми же на утесахъ. Только по достаточномъ накопленіи матеріаловъ въ указанномъ направленіи можно надѣяться на то, что вопросъ о фигурныхъ письменахъ можетъ значительно двинуться впередъ".

„Древніе рисунки, *видъ фигурныхъ письменъ* на утесахъ, на сколько могли, отразили культурныя стадіи и даже народности, проходившія по Енисею; они, слѣдовательно, имѣютъ антропологическое и даже, до извѣстной степени, и хронологическое значеніе, хотя, конечно, отъ нихъ нельзя ждать и требовать такихъ опредѣленныхъ историческихъ показаній, какія можно получить отъ надписей, въ точномъ смыслѣ этого слова. Древніе рисунки, знаки, тамги, символы и проч. надо строго отличать отъ письменныхъ начертаній".

Благодаря просвѣщенному вниманію г. предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, графинѣ Прасковьѣ Сергѣевнѣ Уваровой, и поддержкѣ Общества, намъ удалось ознакомиться съ нѣкоторыми новыми для насъ петроглифами, имѣвшими немаловажное вліяніе на нѣкоторыя заключенія, въ достаточной устойчивости которыхъ мы до того времени нѣсколько колебались.

Благодаря I. Р. Аспелину, интересъ къ загадочному алфавиту, ошибочно[1]) названному еще Мессершмидтомъ руническимъ, ослабѣвшій послѣ смерти Кастрена, былъ снова приподнятъ. Съ Аспелиномъ во главѣ была направлена экспедиція, собравшая не только все прежденвѣстное, но и сдѣлавшая сама много новыхъ открытій по письменамъ. Письмена снимались новымъ, удобнымъ и вполнѣ точнымъ способомъ. Но, кромѣ того, экспедиція обратила вниманіе и на древніе рисунки. Рисовальщикъ экспедиціи, вполнѣ искусный, освѣдомленный въ задачахъ этнографіи, понимающій свои научныя обязанности, — художникъ, видимо, проникшійся порученными ему для зарисовыванія памятниками старины, какъ матеріаломъ для исторіи изобразительнаго искусства.

Какъ жаль, что одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ камней, съ символическими начертаніями (№ 8, стран. 12, Биря, улусъ Тазминъ), не былъ скопированъ тогда и при помощи гигроскопическаго картона. Уже закончивъ, насколько это было для насъ возможно, съ собранными нами петроглифами и уже установивъ главенствующій религіозный символъ и нѣсколько второстепенныхъ и производныхъ, благодаря удачно подобраннымъ и прекраснымъ по исполненію рисункамъ (№№ 2, 3, 7, 8, 9 и 10), мы заподозрили, что ореолъ головы, напомнившей членамъ экспедиціи голову Медузы, есть сложный символъ. Ближайшее ознакомленіе съ этою загадочною сигнографіею, ея сравненіе съ нѣкоторыми символическими начертаніями на курганныхъ камняхъ и

[1]) Inscript. de l'Jenissei. Helz. 1889. S. 10. — См. латинскія названія рисунковъ у Мессершмидта.

сопоставленіе съ типами начертаній алфавита на Енисеѣ, убѣдило насъ въ основательности этого предположенія: такимъ образомъ, сложный символъ былъ расчлененъ. Есть много основаній сопоставлять это интересное начертаніе, можетъ быть, единственное въ своемъ родѣ, съ Гермесомъ-Психопомпомъ грековъ, съ благословеніемъ передающаго душу умершаго подземному божеству.

Въ настоящее время собираніемъ петроглифовъ на Енисеѣ занимается извѣстный сибирскій изслѣдователь А. В. Адріановъ, энергичный собиратель матеріаловъ, примѣнившій пріемы механическаго сниманія петроглифовъ.

Вопросъ о петроглифахъ застоялся не на одномъ Енисеѣ, и причину мы видимъ въ томъ, что къ этому матеріалу вездѣ относились съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ. О петроглифахъ Д. А. Клеменцъ говоритъ, они „во многихъ случаяхъ не имѣютъ какого-либо иного значенія, кромѣ какъ матеріала для исторіи искусства". Намъ кажется, что въ этихъ словахъ формулировано общераспространенное мнѣніе. И мы сочтемъ предлагаемую работу достигшей цѣли, если она, не смотря на недостаточную разработку нѣкоторыхъ частностей, выяснитъ, что научное значеніе петроглифовъ болѣе широко и болѣе глубоко, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Уже одна связь съ практикою религіи говоритъ многое. Если же взглянуть на петроглифы какъ на начало дифференціаціи искусства и письма, какъ на вещественныя отраженія одной изъ переходныхъ эволюціонныхъ стадій культуры, только тогда они, во всей своей совокупности, раскрываютъ свое научное значеніе.

Далѣе, въ концѣ описательной главы, будетъ отмѣчено, какъ малъ процентъ петроглифическихъ начертаній, дающихъ матеріалы для реставрированія доалфавитной письменности, и то только послѣ анализа ихъ графическаго состава и послѣ многихъ параллелей.

Эти соображенія приводятъ насъ къ тщательному срисовыванію не однимъ, а, всего лучше, двумя рисовальщиками, во всеоружіи этнографической подготовки, способными къ вполнѣ объективной самостоятельности при зарисовываніи, какъ основной работѣ надъ петроглифами. Предварительное изученіе петроглифа укажетъ этимъ лицамъ начертанія, которыя надо взять на механическіе снимки и какимъ именно способомъ[1]), съ какою цѣлью, т.-е. для рисунка или для особенностей отбивки, или для опредѣленія относительной древности перекрещивающихъ другъ друга линій. Снимать всѣ петроглифы безъ разбора, на картонъ или коленкоръ, немыслимо, въ виду ихъ многочисленности, да и не цѣлесообразно осложнять, удорожать и замедлять эту и безъ того трудную и мѣшкотную работу. На рисункахъ, конечно, должно тщательно отмѣчать, какія начертанія подвергались той или другой съемкѣ.

Закончивъ краткій историческій обзоръ изслѣдованія и изученія петроглифовъ Енисея, по скольку эту этнографическую разновидность возможно было отдѣлить отъ исторіи енисейскаго алфавита и отъ другихъ памятниковъ изобразительнаго искусства,

---

[1]) Держась не только сочиненія проф. Гюбнера: «Ueber mechanische Copien von Inschriften», переведеннаго на русскій яз. еще съ изданія 1888 года, но и практическихъ указаній финляндскихъ и русскихъ ученыхъ (ак. В. В. Радловъ).

мы видимъ ясно тѣ причины, которыя, съ различныхъ сторонъ и съ различною силой, такъ долго задерживали движеніе этихъ вопросовъ. Должно сознаться, что и послѣдній толчокъ былъ данъ иностранными учеными, опередившими русскихъ и въ изученіи Минусинскаго края и въ использованіи многихъ научныхъ матеріаловъ, собранныхъ Минусинскимъ музеемъ, лишеннымъ силъ и средствъ обрабатывать ихъ на мѣстѣ, хотя предварительно.

Причинъ этихъ задержекъ немного, но, къ прискорбію, важнѣйшая изъ нихъ и нынѣ вездѣ ощущается, — она слишкомъ общеизвѣстна, чтобы на ней долго останавливаться. Но должно отмѣтить, что скудость средствъ, отпускаемыхъ на путешествія по русской территоріи для ея разносторонняго изученія, отмѣченная первою научною экспедиціею XVIII столѣтія, остается безъ существенныхъ перемѣнъ и въ XX вѣкѣ, конечно, принявъ во вниманіе измѣнившіяся географическія, историческія и культурныя условія и ту высоту, на которой теперь стоитъ наука и посвященныя ей ученыя учрежденія въ культурныхъ государствахъ, даже въ очень маленькихъ, сравнительно съ Россіею. Тамъ собираніе матеріаловъ по важнѣйшимъ изъ выдвигаемыхъ наукою или жизнью вопросовъ начинается, можно сказать, немедленно и ведется непрерывно, на это тамъ всегда есть средства; усиленіе, необходимое для полнаго успѣха научнаго предпріятія, дается быстро, у насъ же силы, время и энергія растрачиваются только въ поискахъ за средствами. Замретъ, такимъ образомъ, одинъ научный вопросъ, возникаетъ новый, и его постигаетъ та же судьба и т. д., безразлично, будетъ ли этотъ вопросъ чисто научнымъ или прикладнымъ. Конечно, о русской наукѣ нельзя сказать, что она „дѣлаетъ шагъ на мѣстѣ“, она несомнѣнно движется, но съ замѣтно возрастающимъ опозданіемъ. Различная судьба научныхъ трудовъ Страленберга и Мессершмидта, одновременно изготовленныхъ къ печатанію, отмѣчаетъ не только различное положеніе науки и различное отношеніе къ научному слову, но характеризуетъ и ученыя учрежденія и лицъ, ближайшимъ образомъ вѣдающихъ научное дѣло.

Прогрессивно возрастающій недостатокъ матеріальныхъ средствъ въ русскихъ ученыхъ учрежденіяхъ, музеяхъ и обществахъ, какъ слѣдствіе застоя научно-общественной жизни въ Россіи, въ сопоставленіи съ быстрымъ усиленіемъ въ иностранныхъ государствахъ живѣйшаго интереса къ большимъ научнымъ предпріятіямъ, даже среди большой публики, естественно склоняетъ русскія ученыя общества искать поддержки въ международныхъ научныхъ союзахъ и починъ въ этомъ дѣлѣ нельзя не привѣтствовать. Изслѣдованія наиболѣе отдаленныхъ окраинныхъ мѣстностей для русскихъ ученыхъ скорѣе всего сдѣлаются недоступными, такъ какъ выдающіяся центральныя русскія учрежденія и ученыя общества обращаютъ наибольшее вниманіе на историческія древности, при чемъ нѣкоторыя сосредоточились почти исключительно только на классическихъ древностяхъ, игнорируя доисторическіе періоды культуры. Въ глазахъ же богатыхъ и чрезвычайно энергичныхъ иностранныхъ ученыхъ обществъ и частныхъ предпринимателей большихъ научныхъ экспедицій, застой въ изслѣдованіи мѣстностей, имѣющихъ несомнѣнное обще-научное значеніе, въ обще-археологическомъ или антропологическомъ отношеніяхъ, беря всѣ періоды культуры,

недопустимъ. Иногда очень отдаленныя другъ отъ друга мѣстности и стадіи культуры оказываются связанными другъ съ другомъ, дополняющими другъ друга, облегчающими пониманіе ихъ взаимоотношеній, несмотря на то, что они сохраняютъ памятники различныхъ эпохъ и различныхъ эволюціонныхъ стадій культуры. Энергично служа прогрессу науки и научнымъ задачамъ своихъ музеевъ, международныя ученыя общества и союзы, конечно, используютъ благопріятно складывающіяся обстоятельства и не оставятъ заброшенными даже и отдаленныя мѣстности, возбуждающія большой научный интересъ, несмотря на бѣдность и скромность своихъ памятниковъ старины.

Но, зато, благопріятныя измѣненія произошли въ другихъ причинахъ, затруднявшихъ движеніе трактуемаго вопроса. Измѣнились пріемы зарисовыванія и группировки петроглифическихъ начертаній; обращается вниманіе на способы черченія, царапанія, выбиванія петроглифовъ, — на пріемы и манеру ихъ рисованія, примѣняется, при малѣйшей возможности, фотографія, а за послѣднее время, примѣнены и механическіе способы дѣланія снимковъ. Матеріалы тщательно охраняются отъ отраженій субъективизма собирателей, пріобрѣтаютъ требуемый наукою объективизмъ и дѣлаются вполнѣ надежными копіями и точными снимками, давая всѣмъ полную возможность самостоятельнаго ихъ изученія и провѣрки ихъ научной обработки.

Но надо помнить, что все это значительно удорожаетъ научныя предпріятія, неразрывно связанныя съ болѣе или менѣе сложными графическими и эстампажными работами, предъявляемыми въ данномъ случаѣ современною наукою.

Пріемы обобщенія и выводовъ значительно измѣнились, критика и анализъ частностей постепенно усиливались.

Обычные историческіе пріемы изслѣдованія и обобщенія, пріурочивающіе петроглифическія начертанія и особенно „искусство тайнописанія“ къ различнымъ народностямъ, подкрѣпляемые ссылками на авторитеты различныхъ классическихъ и средневѣковыхъ писателей, смѣнились другими, иначе смотрящими на доказательства, — выступаютъ попытки общихъ графическихъ параллелей. Иностранная научная литература и количество данныхъ и о петроглифахъ за послѣднее время быстро возрастаетъ, и къ вопросу о петроглифахъ начинаетъ уже примѣняться методъ естественно-историческаго изслѣдованія и обобщенія. И теперь трудно предугадывать будущее трактуемаго вопроса, когда, послѣ предварительной его разработки методомъ этнографіи, со включеніемъ быстро возрастающихъ археологическихъ и лингвистическихъ данныхъ, онъ, обогатившись надлежащими матеріалами, будетъ еще разработанъ и соотвѣтственными спеціальными антропологическими науками.

II.

Предварительныя свѣдѣнія о мѣстонахожденіи петроглифовъ

Границы распространенія петроглифовъ на Енисеѣ; ихъ совпаденіе съ границами распространенія мѣдно-бронзовой культуры. — Береговые утесы и скалы горъ надъ Енисеемъ и его притоками: Тубою, Сисимомъ, Маною, Абаканомъ, обоими Іюссами, Ербою, Тесью и другими небольшими рѣчками, впадающими въ Енисей. — Устья рѣкъ; пересѣченія ихъ дорогами и верховыми тропами; переправы, брода; утесы, доступные только отъ воды; скалы надъ старицами, вдали отъ дорогъ. — Залавки (выступы скалъ, balcons), навѣсы (surplombs), убѣжища подъ скалами (abris-sous-roches) ниши, гроты, пещеры. — Близость займищъ (площадищъ), дюнныхъ доисторическихъ поселеній, нерѣдко и кургановъ различныхъ типовъ, на высокихъ наносныхъ террасахъ и на террассахъ размытія. — Петроглифы на могильныхъ и на отдѣльно стоящихъ камняхъ. — Перечень осмотрѣнныхъ петроглифовъ; списокъ еще необслѣдованныхъ петроглифовъ. — Заключительныя соображенія.

Петроглифы находятся въ средней части долины Енисея, самые большіе по количеству и разнообразію начертаній расположены въ Минусинскомъ округѣ, въ болѣе расширенной части долины, гдѣ народонаселеніе появилось въ каменномъ періодѣ культуры; въ началѣ металлическаго періода, въ мѣдную и особенно въ бронзовую эпоху, оно было уже значительно. Слѣды доисторическихъ поселеній, городища, курганы, арыки встрѣчаются здѣсь же. Крайній сѣверный пунктъ, насколько намъ извѣстно, для высѣченныхъ петроглифовъ—56° 15″ с. ш., на югѣ около 53° с. ш., на востокъ около 94° в. д., отъ Гринвича, а на западъ, можно принимать 90° в. д. При этомъ должно отмѣтить, что съ правой стороны Енисея петроглифы повидимому не отдаляются значительно въ долину Тубы и другихъ его притоковъ, на лѣвой же сторонѣ встрѣчаются большіе высѣченые петроглифы, отразившіе различныя культурныя эпохи, километрахъ въ 80—100 и болѣе отъ русла Енисея. Границы распространенія петроглифовъ на Енисеѣ почти совпадаютъ съ границами распространенія мѣдно-бронзовой культуры.

Древнія начертанія, въ большинствѣ случаевъ, находятся на береговыхъ утесахъ, у самой воды; рѣдко петроглифы находятся въ отдаленіи отъ рѣкъ, на горныхъ утесахъ. На значительной высотѣ, надъ водою, на крутыхъ почти отвѣсныхъ утесахъ, наблюдаются только отдѣльныя фигуры, чаще написанныя красною краскою. Для петроглифовъ аборигены предпочитали крѣпкія палеозойскія породы, конечно, избирая гладкія поверхности утесовъ, защищенныя отъ солнца и вѣтровъ; слабые нестойкіе,

растрескавшіеся, съ неровною поверхностью, выступы скалъ оставлялись безъ начертаній. Это обстоятельство оказывало немаловажное вліяніе и на группировку начертаній. Изрѣдка древнія начертанія находятся и въ пещерахъ, но чаще они выдѣлывались на скалахъ съ навѣсами (surplombes), возвышающихся надъ болѣе или менѣе обширными платформами („залавками"), господствующими надъ окрестностями, и съ которыхъ открывается живописный видъ. Нерѣдко доисторическія начертанія встрѣчаются въ убѣжищахъ подъ скалами (Abris-sous-roches). Наиболѣе замѣчательныя по числу фигуръ, по разновременности и разнородности начертаній петроглифы находятся вблизи дюнныхъ поселеній каменнаго и мѣднаго вѣковъ. Само собою разумѣется, что тальвегъ и матерое русло рѣки во многихъ мѣстахъ перемѣстились: утесы съ доисторическими начертаніями находятся вблизи давнозаброшенныхъ и рѣдкопосѣщаемыхъ мѣстными жителями озеръ, протокъ и другихъ слѣдовъ старицъ. Въ мѣстахъ перекрещиванія водныхъ путей съ болѣе или менѣе торными сухопутными дорогами и таежными верховыми тропами, у самыхъ переправъ и бродовъ, или въ болѣе или менѣе значительномъ отъ нихъ отдаленіи, такъ какъ древнія дороги, переправы и брода иногда не совпадаютъ съ современными, а также вблизи мѣстъ религіозныхъ инородческихъ празднествъ[1]), а въ былое время, по всей вѣроятности, болѣе многолюдныхъ собраній для религіозныхъ общественныхъ жертвоприношеній и молитвъ.

Биджайскій, оба Колбинскіе и нѣкоторые Манскіе петроглифы, сдѣланные красною краской, находятся, по имѣющимся историческимъ указаніямъ, на древнихъ верховыхъ тропахъ, которыми тубинцы прямымъ путемъ проходили и въ Канскій округъ, на р. Рыбную, и въ Красноярскій округъ, чрезъ верховья р. Базаихи, спускаясь въ долину Енисея по той же рѣчкѣ, или, чаще всего, по р. Есауловкѣ[2]). Сторожевые казачьи пикеты выставлялись на высокорасположенной степи, между Красноярскимъ и Есаульскимъ острогами, которая и понынѣ называется „маячною"[3]). Зажигаемыя казаками вышки предупреждали окрестныхъ жителей о появленіи тубинцевъ. Отъ Маны и отъ вершинъ р. Колбы, тропы, звѣровыя сперва, потомъ оленныя, верховыя, а нынѣ скотогонныя дороги, идутъ чрезъ верховья Сисима, Сыды и Хабыка къ р. Солбѣ, которою, повидимому, чаще всего и спускаются въ долину р. Тубы. Эти „ломовскія" тропы русскіе узнали и начали ими пользоваться сравнительно очень недавно, въ 1-й половинѣ XIX вѣка, до этого русскіе дѣлали походы и скотъ гоняли такъ называемою „старою" дорогой, изъ Красноярскаго острога на Ачинскій и Караульный остроги. Отмѣченныя тропы, какъ несомѣнно очень древнія, заслуживаютъ вниманія, потому что лѣсные инородцы (карагазы и др.), охотники, оленные и конные, и теперь болѣе глухой лѣсной путь всегда предпочитаютъ водному и болѣе торному. Отмѣченныя

[1]) На памяти старожиловъ и стариковъ-инородцевъ, около нѣкоторыхъ большихъ петроглифовъ, бывали многочисленныя собранія, на которыхъ шаманами дѣлались посвященія (изыкъ) животныхъ, особенно коня. — Е. К. Яковлевъ. Этногр. обзоръ. Минусинскъ. 1900 г., гл. VII, стран. 104.

[2]) Памятн. Сиб. исторіи XVIII в. С.-Пб. 1882 г. «Ломовская» дорога, стран. 112, т. I, и слѣд. стран.

[3]) Между рѣчками Быстрою и Сухою. См. карту окр. Красноярска, сост. Савенковымъ въ 1892 году. Приложеніе къ статьямъ: «О палеолит. эпохѣ въ окрестн. Красноярска» и «Предв. очеркъ долины Енисея около Красноярска». Оттиски докладовъ въ Общ. врачей.

нами мѣстности, а также болѣе высокая мѣстность на юго-востокъ (Колпакъ-тайга, около 6600 фут. абс. в.), съ которой расходятся верховья рѣкъ: Тубы, Агула, Кана и Маны, вслѣдствіе вымиранія оленныхъ инородцевъ, которыхъ еще застали русскіе, придя на Енисей, теперь почти пустынны, но на этомъ пространствѣ могутъ встрѣтиться петроглифы, конечно, вѣроятнѣе всего, писанные кровавикомъ, красною охрою, которую древніе шаманы, повидимому, постоянно носили съ собою, какъ краску, считающуюся священною у многихъ народовъ[1]). До прихода русскихъ мѣстность эта была заселена, конечно, бродячими оленными инородцами. Для параллелей, петроглифы красною краской написанные и даже начерченные углемъ рисунки на затесяхъ деревьевъ, несмотря на ихъ значительно меньшую древность, чѣмъ большинства высѣченныхъ петроглифовъ, всегда слѣдуетъ зарисовывать.

Мѣстонахожденіе Биджайскаго петроглифа. Этотъ писанный кровавикомъ петроглифъ находится на правомъ берегу р. Маны, немного ниже устья Биджи[2]), впадающей въ Ману слѣва, выше брода черезъ Ману. Утесомъ съ петроглифомъ начинается довольно обширное займище или плодбище, оканчивающееся у устья р. Лейбы, на немъ стоитъ зимовье, принадлежавшее Красноярскому монастырю.

Поверхность петроглифа, написаннаго красною краской, обращена на В., къ ней, подъ угломъ, примыкаетъ другая грань утеса, обращенная въ сторону преобладающихъ вѣтровъ, на З. Сверху эта угловатая впадина накрыта навѣсомъ скалъ, образуя защиту начертаніямъ отъ непогоды. Платформа предъ петроглифомъ надъ уровнемъ рѣки не болѣе двухъ метровъ легко доступна благодаря осыпи, мѣстами поросшей травою.

Усть-Колбинскіе петроглифы. Написаны красною краской. Колба на границѣ Красноярскаго и Канскаго округовъ. Колба издавна извѣстна обиліемъ звѣря и рыбы.

1-й петроглифъ на лѣвомъ берегу, у переволоки; поверхность утеса обращена прямо къ западу, находится въ меридіональной плоскости. Скала трудно доступна, надъ нею защищающій навѣсъ, выступъ утеса.

2-й Колбинскій петроглифъ тоже у переволоки, также на лѣвой сторонѣ Колбы, но ниже перваго, по теченію рѣчки. И этотъ „писанецъ“ доступенъ съ трудомъ, хотя онъ невысоко надъ водою. Положеніе поверхности утеса относительно странъ свѣта — то же; но навѣса нѣтъ, этимъ можно объяснить бѣлый натекъ, накрывающій нѣкоторыя фигуры, краска полиняла, начертанія этого петроглифа не такъ ясны, какъ перваго.

Петроглифы на Манѣ и на Енисеѣ мы не будемъ описывать подробно, фотографіи впослѣдствіи, навѣрно, будутъ сняты послѣдующими лучше насъ снаряженными путешественниками и дадутъ болѣе ясное и наглядное представленіе о характерѣ

---

[1]) Красная охра, кровавикъ, была находима нами на Сисимскомъ петроглифѣ, на той части утесовъ, которые находятся надъ р. Сисимомъ. «Изв. В. Сиб. Отдѣла», 1886 г., т. XVII, №№ 3—4, стран. 92.

[2]) Проводники, бывшіе казаки, нынѣ крест. изъ Базаихи и Маганска, произносили различно названіе брода и рѣки: Биджайскій и Биджейскій. Инородцевъ не встрѣчалось, провѣрка у русскихъ склонила насъ къ удержанію названія Биджа. Слово это въ «Землевѣд. Азіи», К. Риттера, переведено, какъ рѣка письменъ. Ср. Биджу, впад. въ Енисей слѣва, противъ д. Потрошиловой.

утесистыхъ мѣстностей, избиравшихся аборигенами для начертаній. Но наиболѣе характерныя особенности расположенія нѣкоторыхъ петроглифовъ мы считаемъ необходимымъ отмѣтить.

„Борокъ“, на лѣвомъ берегу Маны, болѣе полкилометра выше впаденія въ нее справа р. Лейбы, недалеко отъ устья Колбы. Утесы съ петроглифами (тоже красная краска) составляютъ начало займища, построеннаго рѣкою на низкой террасѣ размытія. Отмѣченное выше займище въ соединеніи съ этимъ, при впаденіи очень близкомъ четырехъ рѣчекъ, позволяетъ предполагать здѣсь древнюю стоянку, но лѣсъ, валежникъ и высокая трава представляли серіозное препятствіе для изслѣдованія. На площадкѣ, предъ начертаніями, весьма удобно расположиться такъ, что можно оставаться незамѣченнымъ. Звѣровщики и рыболовы нерѣдко останавливаются, во время непогоды, на этомъ вполнѣ защищенномъ отъ дождя мѣстѣ. Узкій и низкій входъ съ площадки ведетъ въ небольшую пещеру.

Далѣе петроглифы на Манѣ зарисованы еще въ слѣдующихъ мѣстахъ: надъ Писемскимъ плесомъ, надъ Тихимъ плесомъ, надъ Унгутскимъ или Пещерскимъ плесомъ и „Подъ порогомъ“ (Гмелинскій петроглифъ); утесы съ начертаніями расположены на лѣвой (1-й) и на правой (остальные 3) сторонѣ р. Маны.

Ниша или убѣжище подъ скалами надъ „Писанскимъ плесомъ“ образовано двумя сходящимися подъ угломъ поверхностями. Правая и лѣвая группы начертаній, при зарисовкѣ, согласованы между собою въ горизонтальномъ направленіи и сняты въ одномъ масштабѣ. Здѣсь мы впервые встрѣтились съ религіознымъ символическимъ знакомъ. Хотя начертанія красною краской состоятъ, большею частью, изъ знаковъ, но здѣсь есть нѣсколько нарисованныхъ фигуръ.

Петроглифъ надъ „Тихимъ плесомъ“ состоитъ изъ двухъ группъ: 1-я на нижнемъ выступѣ утеса, правѣе, а 2-я — лѣвѣе и выше.

Унгутская пещера, въ сущности, также убѣжище подъ скалами, но болѣе вдавшееся подъ скалы, повидимому, выработанное водою. Площадка довольно высоко надъ водою. Она посѣщается рыбаками, потому что представляетъ надежную защиту отъ непогоды. Начертанія красною краской сильно повреждены и закончены, но все-таки нѣсколько фигуръ сохранилось, но онѣ разрознены, хотя и изображены на одной таблицѣ: разсматривать ихъ надлежитъ только по отдѣльности, вслѣдствіе разбросанности ихъ по небольшимъ отдѣльнымъ выступамъ скалъ. Манскіе петроглифы, съ которыхъ началось наше знакомство съ древними начертаніями на утесахъ, привели насъ къ заключенію, что при выборѣ утесовъ аборигены обращали вниманіе на гладкость поверхности и на твердость породъ, выбирали навѣсы и выступы скалъ, могущіе защитить петроглифъ отъ непогоды; другія условія, повидимому, имѣли второстепенное значеніе, но грани, большею частью, избирались параллельныя теченію рѣки и это едва ли было нужно для того только, чтобы петроглифы съ рѣки были виднѣе: повороты головы нарисованныхъ животныхъ, поднятая указательно рука идущаго человѣка, зарисовка фигуръ нѣсколько наискось, заставляютъ иногда предполагать стремленіе болѣе или менѣе точно означить направленіе движенія нарисованныхъ людей и животныхъ относительно рѣки. На согласованіе избираемыхъ для

петроглифовъ граней со странами свѣта мы прямыхъ указаній не получили, но, ни въ какомъ случаѣ, не склонны отрицать выбора поверхности, удовлетворяющей требованіямъ и съ этой стороны. При постановкѣ, напримѣръ, курганныхъ камней и плитъ съ петроглифами на это обстоятельство должно быть обращено особое вниманіе.

Подъ „порогомъ", на правомъ берегу Маны, находится послѣдній изъ извѣстныхъ намъ и осмотрѣнныхъ нами петроглифовъ. Выступъ скалы, на которомъ нарисованъ красною краской шаманскій бубенъ (единственная фигура этого петроглифа), какъ-будто предварительно была оббита для помѣщенія этого священнаго для шаманистовъ изображенія, хотя, вѣроятнѣе всего, что къ удобной грани, въ 71 квадратныхъ сантиметровъ (1 кв. арш.), весьма удачно подобрано начертаніе. По всей вѣроятности, это же древнее начертаніе нарисовано и у Гмелина[1]), его топографическія указанія намъ не удалось провѣрить на мѣстѣ; съ путешествіемъ Гмелина мы ознакомились гораздо позднѣе.

Бирюсинскій петроглифъ, писанный красною краской, не представляетъ никакихъ особенностей: это отвѣсный утесъ, съ небольшою площадкой около воды, безъ навѣса сверху, чѣмъ и объясняется быстрое сравнительно уничтоженіе многихъ фигуръ, со времени Миллера[2]).

Майдашинскій петроглифъ. Верстахъ въ двухъ отъ него, выше, по протокѣ, находится улусъ, именемъ котораго названо это начертаніе, сдѣланное неглубоко выцарапанною чертою. Мѣстами эта черта будетъ глубже, чѣмъ на Сулекскомъ петроглифѣ[3]). Петроглифъ находится немного ниже протоки, крутой излучины старицы, начинающейся въ нѣсколькихъ верстахъ выше гор. Минусинска. Береговые утесы, состоящіе изъ крѣпкихъ песчаниковъ девонскаго возраста, на которыхъ начерченъ петроглифъ, обращены къ устью Абакана и къ горѣ Самохвалъ, на которой инородцы и теперь еще иногда собираются для общественныхъ моленій и празднествъ. Съ лѣвой, противоположной стороны Енисея, съ правой стороны отъ устья Абакана, горою Самохвалъ отлого заканчивается хребетъ *Изыхъ* (или Изыкъ), названіе котораго даетъ нѣкоторое основаніе относить слабые пережитки общественныхъ моленій, на немъ недавно совершившихся, къ болѣе древнимъ временамъ. Воды подмываютъ утесы и предъ петроглифомъ нѣтъ галечныхъ и песчаныхъ отложеній. Обходя сверху, легко пройти начертанія: деревья и кустарники маскируютъ отвѣсные выступы скалъ, на которыхъ начертанія расположены группами, болѣе или менѣе удаленными одна отъ другой, въ зависимости отъ свойствъ поверхности утесовъ. Поэтому мы настоятельно совѣтуемъ подплыть къ петроглифу на лодкѣ, только тогда успѣхъ экскурсіи будетъ вполнѣ обезпеченъ.

---

[1]) (1738—1740). Gmelin, Reise durch Sibirien. 1752, III часть, стран. 475. Ниже Больш. Берети. Въ верхъ по Енисею отъ Красноярска, недалеко отъ Переволочной прилуки (указаніе на р. Ману пропущено), нынѣ Урманская переволока, въ 1 верстѣ 180 саж. отъ рѣчки Зекуль. Рисунокъ повернутъ не согласно съ изображеніемъ бубна. Кромѣ того, пропущена дугообразная черта надъ головою фигуры внутри бубна.— Акад. В. В. Радловъ. Сиб. древн. Приложенія, стран. 105.— См. табл. IX, рис. XXIV (Гмелина) и рис. VIII, сдѣланный мною.

[2]) См. объ этомъ петроглифѣ въ 1-й главѣ. Подробное описаніе его и рисунокъ см. Сиб древности В. В. Радлова, т. I, С.-Пб., 1894, стран. 69, Приложеній.— См. IX табл., рис. XIV.

[3]) См. Inscript. de l'Ienissei. Soc. Finl. d'Archéol. H. 1889, т. XXXII и др.

Утесъ съ начертаніями начинается метр. въ 100 отъ Коровьяго лога, онъ отнюдь не представляетъ непрерывной отвѣсной и гладкой стѣны, раздѣленной только узенькими трещинами, ограничивающими группы начертаній, плотно придвинутыя одна къ другой. Между тѣмъ благодаря рисункамъ Титова, изд. Спасскимъ и перепечатаннымъ Аспелиномъ[1]), такое ошибочное представленіе неминуемо образуется. Въ дѣйствительности, утесы разрушаются неравномѣрно, вслѣдствіе различій въ зернѣ, въ твердости, въ цементировкѣ и въ сланцеватости песчаниковъ. Выборъ ровной гладкой поверхности, видимо, осложнялся въ нѣкоторыхъ случаяхъ опасеніемъ засыпанія грани осыпями, наносомъ, дающимъ возможность укореняться травамъ, лишайникамъ и проч. Аборигены въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при выборѣ утесовъ для петроглифовъ, проявляютъ замѣчательную наблюдательность и несомнѣнное практическое знакомство съ процессомъ разрушенія утесовъ и важнѣйшими дѣятелями разрушенія.

Надъ петроглифомъ и рядомъ съ нимъ устроена крестьянами Мало-Минусинской волости, по указанію г. крестьянскаго начальника, каменоломня. Большая и наиболѣе цѣнная часть этого древняго петроглифа (мѣдно-бронзовой эпохи) уже уничтожена лѣтомъ 1907 и 1908 года, въ 1909 году, вѣроятно, исчезнутъ всѣ слѣды этого замѣчательнаго „писанца“.

Тесинскіе петроглифы. Шалаболинскія начертанія правильнѣе называть Тесинскими, къ сел. Тесь они значительно ближе: петроглифы за р. Тубою, противъ села, на Зарѣчномъ утесѣ, который называется еще и „Игумъ“. Болѣе извѣстный „писанецъ“ надъ высокою и довольно обширною платформой, подъ навѣсомъ утеса. Но, кромѣ этого петроглифа, есть много другихъ, расположенныхъ не только въ убѣжищахъ подъ скалами, но и на открытыхъ утесахъ. Навѣсы скалъ во многихъ мѣстахъ настолько значительны, что совершенно защищаютъ отъ дождя и вѣтра. Многія изъ начертаній биты глубокою и довольно широкою чертою; изрѣдка дѣлалась соотвѣтственная контурной чертѣ выемка камня внутри всего рисунка, какъ это отмѣчено Стоксъ[2]) на австралійскихъ петроглифахъ. Разнообразіе способовъ выдѣлки петроглифовъ, живость и характерность рисунковъ дикихъ животныхъ, принадлежащихъ народу, еще находившемуся въ звѣроловческой стадіи культуры, разнообразіе манеры рисованія, указанія на разновременность начертаній и возможность участія не одной народности — все это склоняетъ признать Тесинскіе петроглифы наиболѣе цѣнными въ научномъ отношеніи. Число начертаній было значительно больше. Большинство петроглифовъ варварски уничтожены ломкою песчаника для Ирбинскаго стеклодѣлательнаго завода. Къ счастью, выходы этого песчаника найдены были ближе къ Ирбинскому заводу, и ломка песчаника подъ зарѣчнымъ утесомъ прекратилась. Только, благодаря этой счастливой случайности, часть поучительнѣйшихъ памятниковъ примитивнаго искусства сохранилась.

Въ окрестностяхъ Теси, на дюнныхъ пескахъ, на открытой довольно значительной площади древне-культурнаго слоя, нами найдены шлаки и обломки плавильной печи

---

[1]) Спасскій. О достопримѣч. памятн. Сиб. древн. и т. д., стран. 150, табл. IV. Аспелинъ. L'âge du bronez altai-ouralien, s. 76, № 344.

[2]) Stokes. Discoveries in Australia, II, 170 f.—Гроссе. Происх. искусства. М. 1899, стран. 161.

или горна, въ обмазкѣ видны круглыя отверстія для поддувала. Плиты, подпиравшія печь внѣдрены были на окраинѣ террасовиднаго уступа. Повидимому, эта плавильная печь была подобна „сыродувкамъ“, устройство которыхъ старинные енисейскіе кузнецы могли заимствовать у тунгусовъ. Куски глины, служившіе внутреннею обмазкою, были находимы и со шлаками. Качественный анализъ шлаковъ указалъ на желѣзо съ слѣдами мѣди. Каменныхъ орудій поднято нѣсколько, грубыхъ по оббивкѣ, плоско-выпуклыхъ. Костей вымершихъ животныхъ не было поднято. Черепки горшковъ не говорили въ пользу самостоятельнаго каменнаго вѣка, поселеніе, повидимому, переходной эпохи, но вопросъ можетъ быть рѣшенъ только спеціальными изслѣдованіями, съ проведеніемъ нѣсколькихъ развѣдочныхъ канавъ.

Утесы праваго берега Тубы слѣдуетъ внимательно обслѣдовать, отъ Ойскаго утеса, по меньшей мѣрѣ, кончая Игумомъ.

Потрошиловскіе петроглифы. За деревней, выше по Тубѣ, есть „Борокъ“; осмотръ промоинъ и выдувовъ не далъ указаній на древнія стоянки или поселенія. Ленищенскій лугъ, которымъ надо ѣхать къ открытому нами новому петроглифу, ясно указываетъ, что нѣкогда Туба шла вблизи крутыхъ утесистыхъ склоновъ къ лѣвому берегу, гдѣ нынѣ находится продолговатое озеро. Осмотрѣвъ утесы, отъ Оттоптыряка до Мосеевой горы, мы уже потеряли надежду увидѣть „писанецъ“, зарисованный Титовымъ, но, увидя въ бинокль убѣжище подъ скалами, мы нашли въ немъ и около него описанные Спасскимъ и Поповымъ начертанія. Петроглифъ, какъ оказалось, находится въ разлогѣ, недалеко отъ дороги въ Минусинскъ. Съ высокой платформы отъ петроглифа видны ближайшія къ деревнѣ дюны и старое татарское кладбище. Этотъ петроглифъ, по способу выдѣлки, новѣе вышеописаннаго около заимки Устина Халевина. Въ нѣкоторыхъ рисункахъ, отбитыхъ запятовиднымъ штрихомъ, онъ можетъ быть сближаемъ съ Майдашинскимъ петроглифомъ. Штрихъ зарисованныхъ Титовымъ начертаній не глубокій: точечный или, чаще, запятовидный. На петроглифѣ были слѣды свѣжихъ отбивокъ. Невѣжественнымъ посѣтителямъ лѣнь порыться въ осыпяхъ, подъ начертаніями, и найти камни съ чертою, они предпочитаютъ уничтожать памятники сѣдой старины.

Абаканскій петроглифъ. Находится на утесахъ вблизи Абаканскаго перевоза, на лѣвой сторонѣ Енисея. Фигурныхъ начертаній сохранилось мало, выбивка не глубока.

Копенскій петроглифъ. Д. Копены находится на лѣвомъ берегу Енисея, петроглифъ находится на правомъ берегу. Вблизи селенія дюнные холмы „Борокъ“. По общему осмотру стоянки или поселенія непосредственно на нихъ не было, но погребенія древнія, даже мѣдной эпохи, есть. Утесъ, нависшій надъ Енисеемъ, на которомъ выбитъ петроглифъ, обращенъ на Ю.-З. Нижнія начертанія почти надъ самымъ уровнемъ рѣки. Положимъ, въ этотъ годъ былъ большой подъемъ воды, но этотъ петроглифъ расположенъ ниже другихъ. Нижнія начертанія были такъ затянуты иломъ, осѣдавшимъ отъ разлитія водъ, многія верхнія были до того покрыты лишаями и мохомъ, крѣпко приставшими къ утесу, что до срисовки пришлось не мало поработать надъ очисткою петроглифа, при помощи прутьевъ, травы и воды. Древнѣйшія начер-

танія выше, ихъ не заливаетъ водою; ново-копенскія, богатыя религіозными символами и знаками, расположены ниже, но, должно отмѣтить, что многія и изъ нихъ отбиты глубокою чертою. Вблизи подняты признаки небольшой стоянки и усмотрѣны древнія могилы.

Кулахскій или Щель-Тесинскій петроглифъ. Урочище, гдѣ находится петроглифъ называется Кулакъ, въ произношеніи инородцевъ „Кулахъ“ [1]), оно недалеко отъ деревни Щель-Теси. У Э. Реклю [2]) помѣщенъ рисунокъ Титова, дающій самыя неправильныя представленія о фигурныхъ начертаніяхъ и письменахъ и о ихъ размѣрахъ. Подозрѣваемъ, что онъ исполненъ съ нѣкоторыми измѣненіями съ рисунка, приложеннаго къ статьѣ Н. И. Попова[3]). Срисовывавшій, очевидно, не былъ знакомъ съ зарисованными на петроглифѣ животными: горные козлы съ закинутыми за спину рогами изображены какими-то странными животными, съ дугами на спинѣ. Утесъ съ начертаніями вовсе не такъ недоступенъ, какъ онъ описанъ и нарисованъ; до всѣхъ начертаній добраться можно. На рисункѣ деревья у подножья утеса и лодка, отплывшая отъ берега, придаютъ начертаніямъ и письменамъ невѣроятно колоссальные размѣры. Этотъ снимокъ съ петроглифа не можетъ имѣть никакого научнаго значенія. Въ настоящее время рисунки красною краской уменьшились въ числѣ и многіе изъ нихъ выцвѣли и сдѣлались не ясны по очертаніямъ.

Трифоновскій петроглифъ. Находится верстахъ въ пяти отъ с. Новоселовскаго, по направленію къ дер. Трифоновой. Начертанія высѣченныя, нацарапанныя и есть выбитыя болѣе глубокимъ штрихомъ. Поверхность утеса съ петроглифомъ сильно повреждена, съ поверхности отслаиваются и отсыпаются тонкія пластинки съ начертаніями; песчаникъ плохо противостоитъ времени: много рисунковъ уже уничтожено.

Петроглифъ у дер. Караульной. Дер. Караульная была форпостомъ Караульнаго острога, находится въ пяти верстахъ вверхъ по рѣкѣ. Петроглифъ, къ которому можно только подплыть, выше деревни, верстахъ въ трехъ. Карнизъ или залавокъ довольно высокій, но подняться очень легко. Надъ залавкомъ навѣсъ; въ общемъ, типичное убѣжище подъ скалами. Начертаній немного, сняты только наиболѣе сохранившіяся фигуры. Этотъ „писанецъ“ указанъ еще въ 40-хъ годахъ Титовымъ, которому, впрочемъ, не удалось посѣтить этой мѣстности [4]).

Сисимскій петроглифъ. Писемскій утесъ недалеко отъ с. Сисимскаго, при устьѣ р. Сисима, съ правой его стороны. Породы утеса тождественны съ утесомъ на противоположномъ берегу Енисея, выше дер. Караульной — свѣтлосѣрые песчаники, переслаивающіеся съ песчаниками другихъ цвѣтовъ. Начертанія сдѣланы красною краской, петроглифъ обращенъ на Ю.-З., въ сторону преобладающихъ (верховыхъ) вѣтровъ, многія фигуры выцвѣли, на многія сильно повліяли непогоды, потому что они мало защищены навѣсами скалъ и сильнѣе смывались дождями, нѣкоторые испорчены посѣтителями и особенно дѣтьми, избирающими ихъ мишенями для метанія камней. Обойдя

---

[1]) Извѣстія Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. 1874 г. Т. V, №№ 3 и 4.
[2]) «Земля и Люди». Т. VI и VII, стран. 686.
[3]) Извѣстія Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. 1874 г. Т. V, №№ 3 и 4. Рис. къ стран. 104.
[4]) Извѣстія Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. Т. III, № 5, стран. 276.

утесъ, мы проходили вверхъ по Сисиму и поднимались на каменную осыпь, метровъ на 30—35 надъ водою, нашли и тамъ начертанія.

Кромѣ того, тамъ же была найдена выбитая въ утесѣ впадина, выпачканная красною краской. Можно было подумать, что здѣсь растиралась краска, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказалось, что въ углубленіи былъ прослоекъ краснаго желѣзняка, до 35 стм. длины и около 5 стм. толщины. Эта охристая окись съ жиромъ и съ водою давала красную черту. Очевидно, и краска для петроглифа добывалась здѣсь же. Проходя еще далѣе по карнизу, вверхъ по рѣкѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ утесъ растрескался и гдѣ легко было отбивать куски песчаника, замѣчено еще нѣсколько мѣстъ, гдѣ красная окись желѣза встрѣчалась въ видѣ желваковидныхъ скопленій.

Сисимскій петроглифъ уже въ 40-хъ годахъ, какъ заявлено срисовавшимъ его Титовымъ, былъ во многихъ мѣстахъ не ясенъ, многія фигуры полиняли. Можно себѣ представить, что сдѣлалось съ этими начертаніями, сдѣланными красною краской, черезъ 40 лѣтъ. Краска большинства сисимскихъ начертаній не такъ ярка, чиста и прочна, какъ на нѣкоторыхъ Манскихъ петроглифахъ. Начертанія всей лѣвой поверхности большого петроглифа и многія фигуры правой его поверхности совершенно исчезли. Приходилось долго оріентироваться, руководствуясь не только описаніемъ, но и сходствомъ нѣкоторыхъ фигуръ съ Манскими. Прочитывая на мѣстѣ, предъ утесомъ съ большимъ петроглифомъ, статью Попова, мы старались отыскать упоминаемыя въ описаніи фигуры, но, къ прискорбію, связь и послѣдовательность фигуръ во многихъ мѣстахъ обрывалась, кое-что можно было узнать, но многое исчезло.

Аглахтинскій петроглифъ. Начертанъ на лѣвой сторонѣ Енисея, на крутыхъ утесистыхъ склонахъ къ рѣкѣ горы Большіе Аглахты; высокія скалы спускаются прямо на Енисей, мѣстами онѣ нависли надъ водою. Только тамъ, гдѣ ручей Аглахты образовалъ узкую горную долину, и возможенъ подъемъ на береговыя горы, но долина Аглахты почти не видна съ Енисея, береговая разсѣлина, которою заканчивается долина Аглахты, такъ узка, что вечеромъ мы ее едва не проплыли, не замѣтивъ. На горѣ Большіе Аглахты находится замѣчательное городище; оно заслуживаетъ спеціальнаго изслѣдованія, вмѣстѣ съ курганами различныхъ типовъ внутри городища, съ значительными колебаніями въ направленіи постановки могильныхъ оградъ и плитъ. Подъѣхать къ нему — всего удобнѣе по дорогѣ въ Биджу, километр. 7—8, — это, приблизительно, будетъ поперечникъ городища по направленію отъ Енисея. О длинѣ городища можно составить нѣкоторое представленіе изъ слѣдующихъ данныхъ. Начинается оно выше петроглифа, килом. въ двухъ (1, 5—2 версты), почти противъ горы Тепсей (у устья Тубы, правая стор. Тубы и Енисея), отъ высокаго утеса, круто падающаго къ рѣкѣ, и идетъ дугою отъ Енисея, прерываясь на отвѣсныхъ, трудно доступныхъ утесахъ, ограждая уютную горную долину Аглахты, и доходитъ до улуса Сарговъ, оканчиваясь почти противъ дер. Бузуновой, въ виду горы Туранъ. Валъ городища сложенъ изъ плитъ краснаго песчаника, выхода котораго тутъ же. Валъ сложенъ изъ плитъ такъ, какъ складываютъ бутъ для фундамента построекъ, но есть и вертикально стоящія плиты. Передъ валомъ — ровъ, по одну сторону котораго видны

слѣды невысокаго глясиса изъ выкидовъ песка, глины, камни всѣ шли на валъ, который, какъ всегда, расположенъ внутри городища. Средній поперечникъ укрѣпленія около 10 метр., вышина вала не велика — менѣе 1 метра, ровъ мѣстами глубже 1 метра. Очевидно, стрѣлки-защитники городища дѣйствовали двумя рядами: нижнимъ, во рву и верхнимъ, на валу. Конечно, прикрытіемъ служили не только валъ и глясисъ; устоявшіе до сихъ поръ камни и плиты указываютъ, что и они могли поддерживать вѣтви и плетень, который могъ быть и переноснымъ и настолько высокимъ, что защищалъ отъ стрѣлъ и верхній рядъ стрѣлковъ. Иногда сооруженіе идетъ зигзагами. Ворота маскировались и защищались значительнымъ захожденіемъ вала и рва другъ за друга. Все сооруженіе покрылось наносомъ, мѣстами довольно значительнымъ, поросло травою, камни и плиты вала кое-гдѣ упали, сдвинулись, осыпались въ ровъ[1]).

Мы считали необходимымъ представить краткое описаніе городища, внутри котораго на высокихъ обрывистыхъ утесахъ, мѣстами нависшихъ надъ Енисеемъ, находятся петроглифы. Конечно, въ сравненіи съ Китайской стѣною, это городище является ничтожнымъ сооруженіемъ, но обративъ вниманіе на 54° с. ш., подъ которымъ оно приблизительно расположено и вспомнивъ о сравнительной малочисленности доисторическаго населенія Минусинскаго края и сопоставивъ это городище съ другими извѣстными сооруженіями этого рода, оно займетъ, если не первенствующее, то, во всякомъ случаѣ, выдающееся мѣсто среди городищъ Енисея. Аборигенамъ же, строителямъ этого городища и ихъ соплеменникамъ и союзникамъ, кочевавшимъ въ степяхъ, прилегающихъ къ Аглахтынскимъ горамъ, и находившимъ въ немъ защиту и пріютъ, съ семьями, съ табунами коней и со скотомъ, это общественное сооруженіе было событіемъ чрезвычайной важности. Мы далеки отъ мысли весь Аглахтынскій петроглифъ считать посвященнымъ этому сооруженію, но принять его во вниманіе при обсужденіи нѣкоторыхъ начертаній слѣдуетъ. Надо дорожить малѣйшею возможностію получить хронологическую дату къ этому интересному петроглифу, среди начертаній котораго, судя по манерѣ рисованія дикихъ животныхъ, и по способамъ выдѣлки, повидимому есть такія, которыя указываютъ на бронзовую эпоху.

Кромѣ вышеотмѣченныхъ, мы давно имѣемъ указанія на слѣдующія мѣстности, гдѣ находятся петроглифы, которыя, къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности обслѣдовать: 1) недалеко отъ устья Сухой Теси, впадающей въ Енисей слѣва; 2) противъ устья этой рѣчки, на правой сторонѣ Енисея, на горѣ; 3) при устьѣ Тубы, съ правой стороны, „писанецъ“, отмѣченный Титовымъ; 4) недалеко отъ устья Биджи, впадающей въ Енисей слѣва; 5) противъ устья Биджи, на правой сторонѣ Енисея, на нѣсколькихъ скалахъ; 6) на Кара-Іюсъ, около Старой Думы, и 7) на правой сторонѣ Абакана, въ окрестностяхъ стан. Аглахты.

Конечно, и на вышеизложенное описаніе мѣстностей, гдѣ встрѣчаются петроглифы, мы смотримъ, какъ на предварительное.

---

[1]) Интересующіеся могутъ найти нѣкоторыя подробности въ нашемъ предварительномъ отчетѣ 1885 г. Извѣстія Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. 1886 г. Т. XVII, №№ 3—4, 63—69.

Если бы нашлись средства, болѣе или менѣе достаточныя, для собиранія такихъ петроглифическихъ матеріаловъ, которыя удовлетворяли бы всѣмъ современнымъ научнымъ требованіямъ, то, по окончаніи всѣхъ работъ съ оттисками, фотографированіемъ и зарисовываніемъ каждаго петроглифа, необходимо обстоятельно и внимательно ознакомиться съ его ближайшими окрестностями, составивъ глазомѣрную карту, въ возможно большемъ масштабѣ.

На этой картѣ надлежитъ нанести современныя поселенія, но такъ, чтобы круги, знаки и подписи ихъ не занимали много мѣста, какъ это обычно дѣлается на картахъ, исполняемыхъ въ провинціи. Всѣ современныя дороги, сооруженія и другіе примѣтные и общеизвѣстные пункты и урочища должны быть означены, но тонкими чертами и цифрами, чтобы для орографическихъ и важнѣйшихъ топографическихъ, а также и для археологическихъ данныхъ, руководясь общепринятыми международными легендами для такихъ картъ, оставалось возможно болѣе мѣста.

Наносныя террасы, дно разлива и очертаніе берега разлива, высокая наносная терраса, на которой построены гряды и холмы древнихъ дюнъ и на которой, на болѣе развитыхъ займищахъ, находятся курганы и слѣды древнихъ доисторическихъ поселеній, должны быть нанесены тщательно. Господствующія надъ новѣйшими наносами террасы размытія, особенно отчетливо выраженныя и хорошо сохранившіяся нижнія террасы, на которыхъ курганы нерѣдко встрѣчаются, и верхнія, подвергавшіяся денудаціи наиболѣе продолжительное время, должны быть ремаркированы. Высоты, часто встрѣчающіяся, облегчаютъ такую работу, особенно въ весеннее время, когда слѣды разлива еще видны. Петроглифы нерѣдко встрѣчаются и на высокихъ террасахъ размытія, т.-е. на такихъ пунктахъ, гдѣ могли стоять сторожевые посты надъ рѣкою и надъ степью, если не постоянно, то временами, въ тревожное время. Установивъ связи такихъ пунктовъ съ другими, а особенно по слѣдамъ огнища или накаливанія камней, всѣ такіе пункты должно отмѣтить на картѣ. Нѣкоторыя начертанія вблизи находящихся петроглифовъ могутъ принадлежать и сторожамъ-воинамъ, подобно тому, какъ на петроглифахъ вблизи пастбищъ рисовальщиками отчасти могли быть и пастухи.

Осмотръ окрестностей петроглифовъ съ ближайшихъ высотъ чаще всего приводитъ къ составленію наиболѣе цѣлесообразнаго плана рекогносцировочнаго обслѣдованія мѣстности, оттуда легко выясняется и преобладающее направленіе дюнныхъ холмовъ и грядъ и ихъ относительная древность. Особенности въ расположеніи кургановъ на различныхъ террасахъ, измѣненія въ направленіи дорогъ, зависящія отъ измѣненія въ переправахъ, вѣроятное расположеніе доисторическихъ поселеній и другія картографическія данныя съ высотъ, также обрисовываются яснѣе. Городища, маячные или древніе дорожные камни, могильныя плиты съ древними петроглифами, особенно символическими и тождественными съ петроглифами на утесахъ, должны быть наносимы на карты отдѣльныхъ мѣстностей съ такою же тщательностію, какъ и курганные камни съ письменами. Чѣмъ обстоятельнѣе и точнѣе будутъ карты отдѣльныхъ мѣстностей, тѣмъ основательнѣе и цѣннѣе будутъ результаты разныхъ топографическихъ сопоставленій на общей сводной картѣ.

Наибольшее значеніе мы придаемъ выясненію не ближайшихъ къ Енисею дорогъ, — онѣ, повидимому, мало измѣнились, а — дорогъ у предгорьевъ, огибавшихъ склоны Алтая. Особенно интересна дорога, кое-гдѣ намѣченная отдѣльными и парными камнями, идущая отъ начала Минусинскаго озеровиднаго расширенія долины Енисея, отъ означенной, и пересѣкавшая Абаканъ, Кара и Акъ-Іюссы и принимавшая, по всей вѣроятности, всѣ дороги, спускавшіяся съ горныхъ долинъ, т.-е. съ мѣстъ нахожденія чудскихъ копей, направляясь къ западно-сибирскимъ степямъ. Перевалы Абаканъ-Томь (линія Таштыпъ-Кузнецкъ) и отъ верховьевъ Іюссовъ къ Томи, а также верховья рѣчекъ Джебаша, Таштыпа, Эси, Аскыса, Немира, Бири, Уленя, Сона, Печище, на востокъ отъ озера Сингалъ, къ вершинамъ Береша и Базыра, требуютъ ближайшихъ спеціальныхъ обслѣдованій.

Констатировать мѣста и направленія вхожденія древнѣйшихъ мало-азіатскихъ заимствованій въ среднюю часть долины Енисея весьма важно. Конечно, по недостатку средствъ, русскимъ ученымъ едва ли придется считаться серьозно съ этимъ вопросомъ, но иностранныя ученыя общества и международные союзы навѣрно не дадутъ и ему залежаться, особенно, когда производящіяся энергичныя изслѣдованія въ Китайскомъ Туркестанѣ, будутъ подвинуты ими далѣе на востокъ, за Иртышъ и на сѣверъ отъ Кобдо.

III.

Описаніе петроглифовъ на утесахъ и курганныхъ камняхъ.

Подраздѣленіе петроглифовъ: рисунки, знаки, графическіе символы, мимико-графическіе знаки. — Дифференцированіе письма началось еще до мимической сигнализаціи. — О родовыхъ знакахъ и знакахъ собственности. — Трудность хронологическихъ сопоставленій. — Категоріи рисунковъ; группировка знаковъ. — Развитіе графической символизаціи. — Пофигурное описаніе петроглифовъ. — 1. Абаканскіе петроглифы. — 2. Аглахтинскій петроглифъ. — 3. Атамановскій петроглифъ. — 4. Биджайскій петроглифъ. — 5. Петроглифы у «Борка». — 6. Бирюсинскій петроглифъ. — 7. Петроглифъ Каменки (Лугавскаго). — 8. Копенскій петроглифъ. — 9. Петроглифы на утесахъ Кулакъ, близъ сел. Щель-Теси. — 10. Верхне-Колбинскій петроглифъ. — 11. Нижне-Колбинскій петроглифъ. — 12. Петроглифы близъ дер. Караульной. — 13. Майдашинскій петроглифъ. — 14. Петроглифъ Писанскаго плеса. — 15. Петроглифъ Гмелина, подъ Порогомъ. — 16. Потрошиловскій петроглифъ. — 17. Печищенскій петроглифъ. — 18. Сулекскій петроглифъ. — 19. Сисимскій петроглифъ. — 20. Тесинскій петроглифъ. — 21. Петроглифъ Тихаго плеса. — 22. Трифоновскій петроглифъ. — 23. Петроглифъ Унгутской пещеры. — 24. Уйбатскій петроглифъ (Кизиль-Кайя). — 25. Аргинскій петроглифъ, Кара-Іюссъ. — 26. Акъ-Іюссъ, Батанакова. — 27. Бейскій надгробный камень (стелла). — 28. Мессершмидтовскій курганный камень. — 29. Второй Уйбатскій камень. — 30. Курганный камень на Камыштѣ. — 31. Могильный камень Сагайской думы. — 32. Бирская стелла или Тазминскій камень. — 33. Петроглифъ Палласса. Процентныя данныя о нѣкоторыхъ численныхъ соотношеніяхъ различныхъ петроглифическихъ начертаній (рисунковъ, знаковъ и символовъ), характеризующихъ бытъ, практику культа и нѣкоторыя религіозныя воззрѣнія аборигеновъ Енисея. — Предварительныя соображенія и выводы изъ сравнительнаго описанія петроглифовъ Енисея.

Приступая къ описанію петроглифовъ Енисея, необходимо сначала объяснить, какъ подраздѣляемъ мы петроглифическія начертанія, на какомъ основаніи, какіе существенные признаки и какой объемъ имѣютъ наши классификаціонные термины, принятые въ послѣдующемъ описаніи: рисунки, знаки и символы, — начальные (предметные) и конечные (отвлеченные), бытовые и религіозные, волшебные и молитвенные.

Рисунки — болѣе или менѣе точное и художественное изображеніе предметовъ или дѣйствій — по происхожденію своему, могутъ быть разсматриваемы различно: во-первыхъ, какъ запечатлѣніе простѣйшей (предметной) формы мышленія въ начальномъ (одночленномъ) или окончательномъ (трехчленномъ) составѣ, какъ пиктографическія начертанія, какъ картинное письмо, какъ начало изобразительнаго искусства, какъ безсознательное стремленіе воспроизводить и передавать другимъ впечатлѣнія, представленія, чувства и мысли; во-вторыхъ, какъ замѣна идоловъ, фетишей и другихъ принадлежностей заклинаній, наговоровъ, чародѣйства, волшебства и другихъ религіозныхъ дѣйствій и обрядностей, и, наконецъ, въ-третьихъ, какъ знаки родовые или собственности.

Знаками предметовъ или дѣйствій мы называемъ самыя простыя линейныя начертанія предметовъ и дѣйствій, подобныя большинству изображеній, сдѣланныхъ

красною краской шаманистами на утесахъ, камняхъ и бубнахъ. Подобные упрощенные, одною линіей производимыя изображенія предметовъ и дѣйствій, находятся въ большомъ количествѣ и среди петроглифовъ (начертаній на камняхъ), въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Такіе знаки видны въ небольшомъ количествѣ и среди египетскихъ гіероглифовъ; въ гіератическомъ письмѣ, повидимому, ихъ значительно болѣе, чѣмъ въ демотическомъ. Такія начертанія встрѣчены и на Кипрѣ, на Критѣ, на Пелопонессѣ, въ предѣлахъ Микенскаго міра, въ до-финикійское время, не только на берегахъ Эгейскаго моря, но и по всему побережью Средиземнаго моря. Нѣкоторыя изъ до-алфавитныхъ начертаній, источниковъ алфавита, восходятъ къ 5000 лѣтъ до Р. Х.[1]). Знаки могутъ служить тѣмъ же цѣлямъ, какъ и рисунки. Конечно, удовлетвореніе, хотя бы и безсознательное, чисто художественнымъ потребностямъ или спеціально религіознымъ, предъявляемымъ, напримѣръ, къ петроглифическимъ тотемамъ и фетишамъ, иногда склоняло доисторическаго человѣка къ болѣе кропотливому и болѣе тщательному зарисовыванію нѣкоторыхъ начертаній.

На символы въ петроглифахъ и въ мотивахъ орнамента, мы смотримъ, какъ на записи эволюціонныхъ переходовъ отъ низшихъ ступеней начальнаго предметнаго[2]) мышленія къ отвлеченному. *Графическій* генезисъ символическихъ знаковъ и символовъ мы тѣсно сближаемъ съ отвлеченіями и символами въ мышленіи.

Символическія начертанія въ письмѣ египтянъ лингвисты раздѣляютъ на 4 группы, образовавшіяся посредствомъ: синекдохи, метониміи, метафоры, эмблемы или загадки.

Но энтографія, при разработкѣ *графическихъ* параллелей, не можетъ удовлетвориться такимъ генезисомъ, потому что онъ вытекаетъ не изъ единства законовъ мышленія и совершенно не связывается съ эволюціею мышленія и органовъ, ему содѣйствующихъ. Весьма немногія метонимическія и метафорическія начертанія имѣютъ общее значеніе и могутъ входить въ этнографическія параллели, эмблемы же, монограммы, хитросплетенія геральдическія и эмблематическія, загадки и ребусы мы совершенно обходимъ. Если имѣются или найдутся, какія-либо современныя свидѣтельства, только тогда и этотъ матеріалъ можетъ имѣть нѣкоторое научное значеніе.

Мы беремъ общія символическія начертанія, вполнѣ доступныя для народной массы, могущія свидѣтельствовать объ эволюціи мышленія, религіозныхъ воззрѣній и обрядныхъ формъ культа, и пояснять генезисъ изобразительнаго искусства, его разнообразныя проявленія, его дифференціацію, эволюцію стилизаціи орнамента и первоисточники композиціи.

Самая разработка матеріаловъ, собранныхъ на Енисеѣ, уже подчеркнула, что языкъ мимическій предшествовалъ членораздѣльной рѣчи, и что нѣкогда, и на Енисеѣ, ему предоставлялось первое мѣсто и придавалось такое значеніе, которое намъ теперь трудно

---

[1]) См. работы д-ра Эванса съ 1894 года (Первобытные пиктографы и доисторическія письмена изъ Крита и Пелопонесса), д-ра Тсаунтаса, проф. Петри, Фразера. Краткое извлеченіе изъ работъ названныхъ ученыхъ дано у проф. Э. Клодда (Эволюція человѣка въ письменахъ), пер. А. А. Николаева, изданіе «Вѣстн. Знаніе». С.-Пб. 1908 г.

[2]) Въ смыслѣ и объемѣ, установленномъ покойнымъ проф. И. М. Сѣченовымъ, въ его работѣ: «Элементы мысли», М. 1903 г. — Въ смыслѣ низшихъ формъ абстракціи. Эволюція общихъ идей. Т. Рибо. С.-Пб. 1896 г.

представить. Подробныя мимическія картины описанія предметовъ и дѣйствій постепенно, съ эволюціею рѣчи, замѣнялись мимическими знаками названій предметовъ и дѣйствій, происходили упрощенія петроглифовъ и древнѣйшихъ письменъ. Научный интересъ заключается именно въ томъ, что въ нихъ изрѣдка встрѣчаются цѣнныя указанія на пройденныя человѣкомъ эволюціонныя стадіи. Особенно интересны народности, гдѣ сигнографія дифференцировала, болѣе или менѣе рѣзко, отъ пиктографіи, символизмъ которой, при условіи сочетаній рисунковъ, представляетъ несравненно большія трудности. Конечные символы, достигшіе высшихъ ступеней абстракціи, въ большинствѣ — простѣйшіе по начертанію, какъ графическіе образы отвлеченій, наиболѣе отличающіеся отъ изображеній предметовъ, являются труднѣйшими для пониманія. Но, послѣ широкаго параллелизма, и они могутъ иногда выясняться безъ особыхъ затрудненій, несмотря на нѣкоторыя мѣстныя различія начертаній.

Для общаго описанія петроглифовъ, символы, кромѣ подраздѣленія на религіозные, бытовые, родовые, собственности и т. п., достаточно расположить, по генезису, на двѣ ступени: предметные символы, образованіе которыхъ возможно допускать на первоначальной эволюціонной ступени предметнаго мышленія, имѣющаго корни въ чувствованіи. Дальнѣйшее развитіе графической символизаціи зависитъ отъ расширенія сферъ предметнаго мышленія, объектами котораго служатъ послѣдовательно: сперва индивидуумы, потомъ виды, роды и группы болѣе обширные. Другой путь въ развитіи мысли направляется на умственное выдѣленіе частей отъ цѣлаго, для символизированія признаковъ видовыхъ и родовыхъ группъ предметовъ. Возсоединеніе разъединенныхъ частей въ группы, по ихъ сосуществованію и послѣдованію, составляетъ третье направленіе развивающейся мысли. Эта сочетательная дѣятельность предметнаго мышленія ведетъ къ образованію и графическихъ продуктовъ. Понятно, что, при расширеніи сферъ сравненія и при разнообразныхъ движеніяхъ мысли, объекты ея и попытки ихъ графическаго изображенія должны были принимать все болѣе символическій характеръ, значительно удаляющій ихъ отъ чувственныхъ конкретовъ и затрудняющій пониманіе древнихъ отвлеченныхъ символовъ, имѣвшихъ, повидимому, въ до-металлическій періодъ культуры, значеніе и распространеніе несравненно большее, чѣмъ полагаютъ, и появившихся, по всей вѣроятности, за много сотенъ лѣтъ, если не тысячелѣтій, до появленія древнѣйшаго изъ алфавитовъ.

Въ этой общей описательной главѣ относительно символовъ мы ограничимся обстоятельнымъ описаніемъ каждой фигуры, самыми краткими объясненіями, указаніями на параллели, во многихъ случаяхъ мы ими и ограничиваемся, когда они сами за себя говорятъ, даемъ ссылки на рисунки, какъ въ прилагаемыхъ таблицахъ, такъ и въ другихъ трудахъ. Обобщеніе этого матеріала по изобразительному искусству на Енисеѣ отчасти сдѣлано во введеніи и будетъ дано въ заключеніи.

Также кратко отмѣтимъ мы и родовые знаки, они же и знаки собственности, тавры, тамги, откладывая подробности въ особый сравнительный очеркъ. Хотя и по этому вопросу намъ удалось собрать очень мало матеріала, но и собранное ясно указало намъ что древніе родовые знаки и знаки собственности не составляютъ какой-либо самостоятельной этнографической группы, что они въ большинствѣ случаевъ оказываются жи-

выми графическими пережитками отдаленнѣйшей старины, представляющими въ настоящее время жалкія растерянныя, разрозненныя и перемѣшанныя коллекціи различныхъ религіозныхъ рисунковъ, знаковъ, символовъ молитвъ и молитвенныхъ обрядностей. Этнографическое значеніе этого матеріала велико, но, къ сожалѣнію, имъ сравнительно мало интересуются, матеріалъ этотъ какъ бы обходятъ, какъ путешественники, такъ и мѣстные изслѣдователи, что, въ значительной степени, зависитъ и отъ трудности его собиранія. Древнѣйшіе изъ символовъ и родовыхъ знаковъ и знаковъ собственности, изъ которыхъ многіе восходятъ къ концу неолитической эпохи и къ началу металлическихъ эпохъ, прототипы же ихъ или первоначальныя формы начертаній нѣкоторыхъ изъ нихъ возможно относить не только къ переходной, но и къ срединѣ неолитической эпохи. Замѣчательно, что многіе изъ нихъ еще не вышли изъ употребленія и встрѣчаются еще у нѣкоторыхъ народностей, племенъ и родовъ, живущихъ въ бассейнѣ Енисея или въ прилегающихъ ближайшихъ къ нему мѣстностяхъ. Такія, немногія, впрочемъ, тамги въ этомъ описаніи будутъ отмѣчены, а въ спеціальной главѣ будутъ введены въ графическія параллели символовъ различныхъ народностей.

Описывая имѣющійся у насъ небольшой матеріалъ, собранный двумя-тремя рекогносцировочными краткосрочными поѣздками, кромѣ общей археолого-этнографической стороны, въ предѣлахъ возможности, мы коснемся попутно и предварительныхъ хронологическихъ соображеній и отмѣтимъ петроглифы, религіозное, общественное, психическое и этнографо-историческое значеніе которыхъ выражено наиболѣе ясно.

Для избѣжанія повтореній и для упрощенія описаній петроглифовъ-рисунковъ, сообщимъ наше предварительное раздѣленіе этой группы начертаній на 4 категоріи, 4 ступени изобразительнаго искусства, правильнѣе 4 манеры зарисовыванія, потому что объ эволюціонныхъ ступеняхъ, послѣдовательность которыхъ хронологически была бы вполнѣ точно установлена, въ настоящее время и рѣчи быть не можетъ. Смѣны и передвиженія народностей въ бассейнѣ Енисея были и въ началѣ желѣзной эпохи, но таковыя, по всей вѣроятности, происходили и въ концѣ бронзовой эпохи.

Кромѣ того, и это самое важное, болѣе совершенный рисунокъ можетъ принадлежать и менѣе культурной народности. Такіе примѣры слишкомъ хорошо извѣстны.

1-я категорія. Лучшія вполнѣ законченныя произведенія рисовальщиковъ начала мѣдной, а можетъ быть и конца неолитической эпохи. Рисунки, если и не достигающіе полной художественности, но правдиво и жизненно передающіе отличительные признаки животныхъ въ простыхъ очертаніяхъ и силуэтахъ. Сюда же слѣдуетъ отнести первые опыты въ скульптурѣ, съ выемкою камня внутри всей поверхности рисунка, вырѣзанныя изъ кости фигурки животныхъ, многіе предметы мѣдно-литейнаго искусства.

2-я категорія. Болѣе или менѣе удовлетворительно законченные рисунки точечнымъ, запятовиднымъ, линейнымъ или бороздчатымъ контуромъ, вполнѣ замкнутымъ, съ означеніемъ всѣхъ четырехъ ногъ, но часто только двухъ, когда означеніе всѣхъ ногъ не является настоятельно необходимымъ, повидимому изъ чисто религіозныхъ соображеній.

3-я категорія. Та же манера зарисовыванія, но съ контуромъ незамкнутымъ между передними или чаще задними ногами, а иногда и между передними и задними. Можно подумать, что эта незамкнутость контура объясняется желаніемъ рисовальщика-рѣзчика сберечь время и облегчить себѣ работу, но рисовальщикъ можетъ сочетать такія начертанія и съ особыми представленіями, изъ практики культа вытекающими.

4-я категорія. Грубо исполненные рисунки, выбитые толстою и глубокою бороздою или намазанные пальцемъ красной краскою на утесахъ, и иногда, и на курганныхъ камняхъ. Эта категорія составляетъ переходъ къ знакамъ, линейнымъ начертаніямъ предметовъ и дѣйствій. Многіе изъ рисунковъ углемъ, сдѣланные на затесахъ деревьевъ современными инородцами (въ тайгѣ, чаще всего на перевалахъ съ горъ), во многомъ сходны съ древними рисунками, такое же сходство замѣчается и на очень недавнихъ и несомнѣнно современныхъ рисункахъ красною краской на бубнахъ.

При описаніи, знаки и рисунки нелишнее подраздѣлять на двѣ категоріи и отмѣчать знаки, наиболѣе близкіе къ рисункамъ, и знаки недостаточно отчетливо исполненные или грубо нарисованные.

Петроглифическія начертанія, какъ рисунки, такъ и знаки человѣка дѣлаются преимущественно спереди или сзади; изображеніе человѣка сбоку на древнихъ рисункахъ — большая рѣдкость. Животныя изображаются всегда сбоку, ракурсъ (лошади) чрезвычайно рѣдокъ.

Знаки символовъ отдѣлены въ самостоятельную группу, раздѣленіе которой уже намѣчено выше: С. п. будетъ означать символъ предметный; С. о. — символъ отвлеченный; С. о. к. — символъ отвлеченный, конечный. Эти обозначенія придется иногда дѣлать. Графическая символизація далеко итти не можетъ, и мы рѣдко увидимъ на Енисеѣ и у различныхъ древнихъ народовъ удвоеніе такихъ символовъ (въ вертикальномъ или въ горизонтальномъ направленіи) или сочетаніе съ другимъ символомъ или иногда съ знакомъ перстосложенія. Такой сложный или составной символъ мы будемъ иногда означать буквами: простой символъ — с., сложный или составной символъ — с. сл.

1. Абаканскіе петроглифы.

I таблица. Рис. XIV. Три фигуры, высѣченныя на трехъ отдѣльныхъ могильныхъ камняхъ.

Фиг. 1, рис. 3 категоріи. Олень благородный (Cervus elaphus), стоящій съ поднятою головою и закинутыми назадъ рогами; туловище отодвинуто назадъ, и заднія и переднія ноги, вслѣдствіе этого, подвинуты впередъ. Вѣроятно, это родовой знакъ погребеннаго; контуръ между задними ногами не сомкнутъ. Снятъ нами на лѣвой сторонѣ Абакана, отъ рѣки килом. въ 8; въ $^1/_2$ килом. отъ улуса Доможакова. — Фиг. 2. $^1/_5$, р. 3 к. [1]). Верховой (на лошади), какъ-будто стрѣляющій изъ маленькаго лука длинною стрѣлою. Лукъ нарисованъ задомъ напередъ: прямая линія (тетива) обращена впередъ, а изгибъ лука обращенъ назадъ, къ верховому. Рука съ лукомъ вытянута впередъ, другая рука

[1]) Рис. Корнилова. Маг. Земл. и пут. Фролова, 3, стран. 631. Этотъ и слѣдующій рисунокъ — съ могильныхъ плитъ.

уперта въ бокъ и отставлена отъ туловища. Ср. Т. VIII. VIII. 1 фиг. тоже съ маленькимъ лукомъ и въ томъ же поворотѣ; Т. III. VIII. 1 (верхняя фигура верхового); Т. II. XIX. 6 и рис. XIII. 1.

Сопост. съ позою шамана съ бубномъ (Т. III. X. 1), съ колотушкою (рис. IV, на той же таблицѣ, фиг. 11 и 13), литейщика съ формою для отливанія (Т. VIII. 5).

Очевидно петроглифъ изображаетъ молитву съ лукомъ, согласно установленной обрядности.

Нелишнее привести параллель, Т. XII. Л. 17. 8. лѣв. верхн. фиг. петроглифъ съ Rio Gila (№ 35. Andree, Ethnogr. Parall.). Интересны отличія въ культѣ: поднятіе молящейся руки и поворотъ лука внутренностію дуги къ небу.

Ср. изображеніе молитвы или клятвы съ мечомъ на цилиндрѣ Египетскаго музея въ Берлинѣ, родиною его считаютъ Малую Азію, XII табл. л. с. 18. 5 [1]).

Расширеніе головы, см. I табл. XIV. 2, и округленность очертанія ея могутъ отмѣчать шапку-башлыкъ, утолщеніе ноги указываетъ на обувь. Рисунокъ отчасти боковой: у всадника зарисована одна нога, но руки означены обѣ; у лошади означены только двѣ ноги; замѣтна нѣкоторая стилизированность. Рисунокъ отбитъ бороздою, могъ быть и родовымъ знакомъ погребеннаго. Ср. этотъ простой, но достаточно вѣрный и характерный рисунокъ лошади съ ея изображеніями на остяцкихъ знаменахъ XVII вѣка, зарисованныхъ Н. Н. Оглоблинымъ [2]): Табл. III, рис. XIX, фиг. 2 и рис. XX, фиг. 5 и VIII, фиг. 1. — Фиг. 3. $^1/_5$, р. 2 к. Олень, съ нѣсколько опущенной головой и съ прямолинейнымъ стволомъ рога, направленнымъ впередъ, на которомъ вѣтвей рога не зарисовано, а означено 7 короткихъ поперечинъ, такъ что получилось нѣчто въ родѣ двухсторонняго рѣдкаго гребня.

Есть нѣкоторыя основанія считать и этотъ рисунокъ символическимъ, именно въ изображеніи рога. Сопоставленіе съ гребневидными односторонними и двусторонними религіозными вращающимися приборами древнихъ финикіянъ, грековъ Малой Азіи, троянцевъ и обитателей о. Кипра напрашивается само собою, см. на I же таблицѣ, рисунки XXVI, XXVII, XXVIII и даже XV (иглы боковыхъ плавниковъ рыбы и конецъ крыла цапли) [3]). Могутъ быть сравниваемы, съ точки зрѣнія молитвенныхъ символовъ и клы шаманскихъ бубновъ, металлическія расширяющіяся къ низу подвѣски, а также лентовидные лоскутки, жгуты и пр., см. на I же таблицѣ, XXV рис. бубна. Гребневидные древніе религіозные символы, сохранившіеся въ нѣкоторыхъ родовыхъ знакахъ, не мѣшаетъ имѣть въ виду, особенно, когда матеріалы для подобныхъ параллелей увеличатся; пока укажемъ на таблицу IV, рис. XX, фиг. 8; рис. XXII, фиг. 11,12 и 14 и на табл. V, рис. III, фиг. 9 и рис. XVII, ф. 6. Обручальное кольцо современныхъ инородцевъ, VIII табл. V. 6.

---

[1]) Cypern. L. P. di Cesnola. Jena, 1879. S. 430.

[2]) «Историч. Вѣстн.» 1889 г. X—XII; Зап. Уральск. Любител. Естествозн. 1891—1892, т. III, вып. 1—2.

[3]) Ср. Cypern. L. Cesnola, LXIX, fig. 2. Хвостъ лошади; LXXXVIII, fig. 5. Гребневидные символы на хвостахъ коровъ. — M. Ohnefalsch-Richter. Kypros. Bibel und Homer. Text. S. 66, fig. 71. Tafeln. XCVIII. 1 и мн. др.

I табл., рис. XVII, $^1/_5$. Изъ рисунковъ Кастрена. — Фиг. 1. Знакъ человѣка въ шапкѣ, молящагося земнымъ божествамъ; руки отставлены отъ туловища и опущены внизъ, перстосложеніе означено; ноги или сгладились отъ времени или неправильно зарисованы: бедра дугообразно выгнуты вверхъ[1]) можетъ быть, для выраженія сильнѣйшей степени присѣданія[2]); голени совсѣмъ не нарисованы. На утесахъ вблизи Абаканскаго перевоза нами зарисована точно такая же фигура, какъ и у Кастрена, но нижняя черта (означеніе бедеръ) не выгнута вверхъ, а начерчена прямо и горизонтально, кромѣ того, съ лѣвой стороны, зарисована голень и ступня. Такимъ образомъ, получается знакъ мужчины, судя по шапкѣ, можно предполагать шамана, молящагося земнымъ божествамъ: характерны сгибъ ногъ (знакъ присѣданія)[3]) и раздвиганіе рукъ и означеніе раздвиганія пальцевъ, какъ указаніе на перстосложеніе.

Параллели: 1) на этой же I табл.: V рис. фиг. 12; на II и VIII рис. есть нѣсколько фигуръ съ такимъ рукоположеніемъ; 2) Табл. II: рис. XXIII — 1 фиг. и рис. XXVI — фиг. 2; 3) III табл.: рис. XVII — 1 фиг.; рис. VII. $^1/_4$ — фиг. 3 и 5; рис. XXII — фиг. 7; 4) Табл. V: рис. XII — фиг. 2 и 3; рис. II — фиг. 19; рис. III — фиг. 12, 13, 14 и 25; XVII рис. — фиг. 20, 24 и 26; 5) Табл. VI: рисунки: 3 — фиг. 7 и 4-й рис. — фиг. 19 и 26, начертанія наиболѣе поучительныя и характерныя; 6) Табл. VII: рисунки: 2 — фиг. 13 и 4 — фиг. 2, а также и рис. 16; 7) VIII табл.: рис. XIII — фиг. 2, 3, 4 и 5; 8) Табл. IX: рис. XVI, фиг. 5 (она въ боковомъ положеніи и начертаніе знака прямолинейное, но онъ означаетъ присѣданіе же); рис. XIX — фиг. 2 и 3; 9) Табл. XI: 10—3 и 16—2; 10) Табл. XII: Л. 5. 1—2. — Фиг. 2. Кругъ, безъ точки въ срединѣ, безъ черты, безъ лучей — не солнце, и не бубенъ, а, по всей вѣроятности, самостоятельный религіозный знакъ или символъ, встрѣченъ онъ нами и на утесахъ Аглахты (II табл., рис. XXIII — 4 фиг.), онъ вошелъ и въ алфавитныя начертанія (Табл. X, пр. ст. 5. 1 строка, и табл. XIII. 13; Табл. XIV. 6; Табл. XI, 7—2, 9—4), встрѣчается онъ и въ таврахъ (Табл. V, рис. III — 29 фиг.). Какъ основное начертаніе, кругъ входитъ во многіе сложные знаки и символы; своевременно это будетъ отмѣчено и параллелизировано. — Фиг. 3. Знакъ молящагося человѣка, съ воздѣтыми дугообразно руками, въ округленномъ очертаніи и съ раздвинутыми ногами, въ прямолинейномъ очертаніи. Голова означена двумя небольшими сходящимися подъ угломъ линіями, при чемъ вершина угла обращена кверху: голова, такимъ образомъ, какъ бы накрыта коническою шапкой. Но нѣкоторые изъ лопарскихъ клеймъ, взятыя изъ интересной таблицы А. И. Кельсіева[4]), допускаютъ и другое толкованіе, повидимому,

---

[1]) Сопост. съ XII табл. л. 4. 9. Присѣданіе соединяется не только съ крыловиднымъ или дугообразнымъ нижнимъ, но и верхнимъ рукоположеніемъ, см. подобное же петроглифическое начертаніе на III табл. VI рис. лѣв. фиг.

[2]) Quomodo veteres adoraverint. Ern. Woulieme. P. p. 11 et 12; сопост. съ сидѣньемъ на корточкахъ въ браманской религіи, Шантепи-де-ля-Соссей, Ист. религ. М. 1899. II, стран. 65.

[3]) Ср. Т. XII. Л. 17. 21. По символическимъ точкамъ судя, углы эти (бедрами и туловищемъ образуемые) имѣютъ религіозное символизирующее значеніе.

[4]) Таблица А. И. Кельсіева, съ группированными рисунками лопарскихъ клеймъ, хранится въ Румянцевскомъ музеѣ. Мы воспользовались немногими рисунками, ее слѣдовало бы издать, конечно дополнивъ позднѣйшими работами и обязательно присоединивъ къ ней всѣ клейма шведскихъ лопарей. Клейма лопарей представляютъ выдающійся интересъ: древнія графическія заимствованія сохранились у нихъ лучше, чѣмъ у прочихъ сѣверныхъ народностей.

болѣе согласное съ дѣйствительностію, и придающее цѣльность и законченность религіозному знаку молитвы — знакомъ благословенія свыше или принятія молитвы. Ср. Т. XII. Л. 7. 8 л. в.; 11. 8 и 12 п.; 13. 4. Типы письменныхъ начертаній на Енисеѣ[1]), данные экспедиціей Финляндскаго Археологическаго Общества (Табл. X, лѣв. столб., 1-я строка, 4-я фиг., считая слѣва и особенно 6 и 7 строки того же столбца) подтверждаютъ наше предположеніе: на 6-й и 7-й строкахъ изображенъ отвлеченный конечный символъ молитвы, обращенный на 4 стороны, а фигуры 1-й строки, лѣваго же столбца, ясно показываютъ, что этотъ же символъ, со стороны божества, былъ и отвѣтнымъ символомъ — благословеніемъ, дарованіемъ просимаго. Въ описываемомъ петроглифѣ изображена усиленная молитва небу и благословеніе, снисшедшее отъ него, означено на головѣ. На клеймахъ же лопарей (Табл. IV, рис. XIX — 3 и 4 фиг. и рис. XXII — 13 фиг.) молящіеся, раздвиганіемъ ногъ и присѣданіемъ, обращаются къ хтоническому божеству, и отвѣтъ его — исполненіе молитвы — наложено тѣмъ же символомъ въ данномъ случаѣ на genitalia. Для сопоставленія укажемъ на фигуру шамана Копенскаго петроглифа (Табл. VI, рис. 3—8 фиг.) и нижнія части фигуръ карфагенскихъ клеймъ (Т. XII. Л. 15.16, 16.16 и 17.16). — 4 фиг. XVII рис. I табл. Рисунокъ колеса. Сопоставить II рис. той же I табл. фигуру 9-ю. Возможно, что и знакъ колеса имѣетъ символическое религіозное значеніе: молитвы, сигнализируемыя углами во всѣ стороны, замкнуты кругомъ благословенія или огражденія.

Рис. XVIII[2]) таблицы I состоитъ изъ 9 фигуръ: 1 рисунка, 1 знака и 7 символовъ.

Фиг. 1. Вѣроятно рисунокъ одногорбаго верблюда, съ сидящимъ на немъ; зарисованы горизонтальными черточками ступни. (Ср. IX. XVIII, рис. красною краской). — 2. Знакъ горнаго козла (Аркаръ, Ovis argali) или домашняго (Ср. на этой таблицѣ V — 21, II — 6, III — 1, 11).

3. Сложный символъ или китайское начертаніе. Мало матеріала для параллелей. По Енисею китайскихъ предметовъ много, возможно, что это какой-либо изъ многочисленныхъ древнихъ гіероглифовъ. — Основную фигуру, по китайскому гіероглифу (XI табл. 4 — 8), возможно принимать за склоняющееся къ западу плывущее на лодкѣ солнце, верхнее добавленіе напоминаетъ букву древне-еврейскаго алфавита IX вѣка zaïn (XI табл. 8—6), но такой же знакъ входитъ въ китайскій гіероглифъ, прототипъ начертанія звука „е“ въ катаканѣ[3]). Принимая во вниманіе китайскія и корейскія начертанія для означенія „наверху“ и „внизу“, Т. XI. 5 — 5, 6 — 7 и 8, и имѣя указанія на знакъ „земли“ и „человѣка“, мы въ слоговомъ киприйскомъ алфавитѣ увидимъ знаки благословенія неба, выраженными не только дугою (Т. XI — 14.4), но рядомъ (14.5), надъ руками, и прямою линіею. Кромѣ того, въ этомъ же древнемъ алфавитѣ есть знакъ „человѣка“ (отвѣсная линія), съ знаками „земли“ и „неба“, т.-е. съ горизонтальными чертами снизу и сверху (ve)[4]). Въ древне-

[1]) Inscr. de l'Jenissei. Таблица буквенныхъ начертаній взята нами отсюда, см. X таблицу, съ прибавкою иниціаловъ, оттуда же взятыхъ.

[2]) Aspelin. M. A. Aufzeichn. uber die Altertumer im Kreise Minusinsk. Hels. 1901.

[3]) Шницеръ. Ист. письм., стран. 49, рис. 71 и 32.

[4]) Salaminia. A. Cesnola. 1884. Стран. 16 — 18. — Die Inschrift. von Hissarlik. Sayce. Schliemann. Ilios. 766 — 780. — Шницеръ. Ист. письм., стран. 82.

финикійскомъ, въ древне-еврейскомъ (zaïn), въ древне-греческихъ и латинскихъ алфавитахъ этотъ знакъ есть, есть онъ и въ енисейскомъ и въ другихъ алфавитахъ, но въ боковомъ поворотѣ[1]).

На основаніи приведенныхъ графическихъ параллелей и высказанныхъ соображеній, знакъ на солнцѣ фиг. 5-й разсматриваемаго XVIII рисунка можно разсматривать, и какъ знакъ человѣка съ знаками благословеній земли и неба. Подобное начертаніе не уникатъ, на р. Манѣ, при впаденіи Колбы, есть начертаніе солнца, съ шаманомъ, съ бубномъ и съ колотушкою, стоящимъ на немъ (Т. IX — IX рис.), нижній крючокъ также есть, въ означеніи слога „ге“ въ катаканѣ и въ китайскомъ прототипѣ онъ можетъ быть показателемъ перстосложенія. Синологи всего скорѣе могутъ дать разъясненіе этого сложнаго знака (предлагаемъ сопоставить съ табл. IX—IX рисунокъ позднѣйшаго времени, рисованный красною краскою).

4 и 5 фиг. Сложные символы для означенія и установленія обрядности утренней и вечерней молитвы. Въ общемъ, графическій и умозрительный генезисъ этихъ сложныхъ символовъ мы производимъ изъ трехъ простыхъ: 1-й знакъ кругъ — солнце и день; 2-й знакъ — черта, древне-египетскій гіероглифическій знакъ (соединяемый съ изображеніемъ ножа) „раздѣленія, разъединенія“ и 3-й конечный (дугообразный) символъ молитвы, указывающій не только на одновременное поднятіе и опусканіе рукъ, но, при имѣющейся вертикальной чертѣ, дающій, быть-можетъ, наставленіе и о двойственномъ (съ отставленіемъ большого пальца отъ ладони) перстосложеніи на обѣихъ рукахъ.

Чтобы обстоятельнѣе мотивировать и выяснить путь нашихъ соображеній, приходится, и въ будущемъ придется обременять подробностями, но мы считаемъ ихъ крайне необходимыми для полнаго выясненія нашихъ соображеній и выводовъ, а, главное, что существенно важно въ научномъ отношеніи, для облегченія провѣрки и критики приводимыхъ нами результатовъ графическаго параллелизма.

Сочетаніе только круговъ и линій (безъ молитвенныхъ знаковъ) означаютъ „утро“ (фиг. 4) и „вечеръ“ (фиг. 5); мы были приведены къ такому заключенію слѣдующими графическими параллелями. Кругъ и линія, его раздѣляющая пополамъ и продолженная только книзу, какъ несомнѣнно до-алфавитный символъ, взяты для изображенія древне-еврейской буквы qof (узелъ)[2]). Обращаясь къ гіероглифическому прототипу, видимъ ясный символъ утра: кругъ на чертѣ, солнце на землѣ[3]). Къ этому символу мы еще вернемся впослѣдствіи, теперь обратимъ вниманіе, что варіаціи въ начертаніи знака, избраннаго для буквы „qof“ въ древне-еврейскомъ и въ южносемитическихъ алфавитахъ, выражаются въ переходѣ черты за окружность и вверху, но не переходя равенства концовъ черты, выходящей изъ окружности, т.-е. предполагаемый нами символъ или знакъ утра не превращается въ знакъ „вечера“.

Между разсматриваемыми знаками надлежитъ, для параллели, поставить символъ „средины“, точнѣе — „половины“ по древне-китайскимъ изобразительнымъ знакамъ

[1]) Reallexikon. Forrer. Taf. 202 и 203. — Табл. X. л. 12.

[2]) Ibidem.

[3]) Табл. XII. 14.3 пр. в. и 4 л. в.; крючокъ у горизонтальной черты мы принимаемъ за знакъ большого пальца,— такимъ образомъ, при восходѣ солнца египтяне поднимали правую руку, ладонью къ свѣтилу, отставляя большой палецъ (символъ молитвы и къ небу, вверхъ). При закатѣ символизировала также лѣвая рука.

(Цапки, около 2650 л. до Р. Х.). При первомъ взглядѣ на это пиктографическое начертаніе (Табл. XI, 5—8) видно[1]), что его первоначальное значеніе — „полдень“: кругъ — знакъ солнца и дня — раздѣленъ отвѣсною чертою пополамъ; немного выступающіе сверху и снизу концы черты равны. Но надо имѣть въ виду и знакъ человѣка (въ ростъ, съ сомкнутыми ногами) съ нижнимъ фертообразнымъ положеніемъ рукъ.

Вторая половина дня, отъ полудня до заката, означалась, какъ и утренняя, но раздѣляющая кругъ черта выходила за окружность только сверху, какъ на 5-й фигурѣ XVIII рис. То же видимъ и на VII табл. рис. 5, фиг. 5 и фиг. 3, въ которой, подобно разсматриваемой фигурѣ, линія, дѣлящая кругъ, накрыта дугообразною линіей конечнымъ символомъ молитвы и благодаренія за истекшій день или означеніе благословенія, покрова свыше, отъ неба, подобнаго принятому въ египетскихъ гіероглифахъ[2]), XII табл. 14. 3. пр. в.

На 4 фиг., XVIII рис. снизу, прибавлена дугообразная черта, имѣющая то же значеніе, но здѣсь надлежитъ принять во вниманіе древне-китайскій гіероглифъ, означающій „утро“ (Табл. XI, 4.8). Въ тамудскій или сафаитическій алфавитъ, для изображенія буквы бетъ (bet), взяты два символа, которые мы видимъ и въ таврахъ нѣкоторыхъ средне-азіатскихъ народностей. Весьма возможно, что это символы. Можно надѣяться, что впослѣдствіи параллели дадутъ нѣкоторыя основанія для выясненія древняго графическаго означенія частей дня.

Чтобы не впасть въ односторонность, слѣдуетъ помнить, что короткая[3]) дугообразная черта съ длинною чертою посрединѣ, можетъ быть и показателемъ перстосложенія съ отодвиганіемъ большого пальца отъ ладони, соединенное съ одновременнымъ поднятіемъ или опусканіемъ локтей внизъ, что, при наличности культа правой руки, дѣлалось сравнительно рѣдко. Весьма возможно, что знаки требовалось исполнить такъ, какъ они начертаны, — тогда вверху, при поворотѣ ладоней къ солнцу, надо надъ головою или предъ грудью скрестить локти у кистей и сдвинуть ладони; при опусканіи ладоней внизъ, они сдвигаются безъ перекрещиванія, — и въ нижнемъ и въ верхнемъ положеніи пальцы большіе будутъ наружу, согласно показателю. Конечно, при поворотѣ ладоней впередъ, кисти рукъ, надъ головою или передъ

---

[1]) Какъ извѣстно, названіямъ древне-еврейскихъ буквъ и, добавимъ, мѣстнымъ названіямъ древнихъ родовыхъ знаковъ и знаковъ собственности, возможно придавать только относительное, но, ни въ какомъ случаѣ, не рѣшающее значеніе. Сохранившіяся древне-еврейскія первоначальныя названія свидѣтельствуютъ о дидактическихъ пріемахъ: во-первыхъ, запоминанія графическаго начертанія буквы и, во-вторыхъ, забвенія о символическомъ религіозномъ значеніи начертанія, которое поклонники Іеговы должны были забыть скорѣе, особенно подъ давленіемъ жрецовъ высшаго культа, возникшаго среди семитовъ. Мы и далѣе будемъ ссылаться на эти древнія начертанія, называя ихъ, какъ они названы въ еврейскомъ алфавитѣ, не придавая никакого значенія ихъ названіямъ — просто потому, что надо же какъ-нибудь назвать религіозные символы, немыслимо въ текстѣ каждый разъ давать и ихъ начертаніе, которое могло быть или забыто или умышленно замалчивалось жрецами новыхъ высшихъ культовъ.

[2]) Какъ узелъ (qof) не точное названіе начертанія буквы — она изображаетъ или солнце или обрядъ поклоненія ему. На этомъ намъ придется еще остановиться впослѣдствіи. Такъ и «уголъ», названіе гіератическаго прототипа, по теоріи де-Руже, буквы «q», древне-еврейскаго и финикійскаго алфавитовъ, умалчиваетъ, что надъ линіями, образующими уголъ, означенъ кругъ — знакъ восходящаго солнца. Соотвѣтствующій гіероглифъ имѣетъ совершенно иное начертаніе (см. XII. л. 14. 3. л. в. и 14. 4. пр. в.).

[3]) Для поясненія значенія круто изогнутой линіи, концы которой сравниваются съ концами прямой въ срединѣ, укажемъ только нѣсколько фигуръ Копенскаго петроглифа, описаніе котораго будетъ далѣе (VI табл. 5. 5 фиг. и 4. 3 и 4).

грудью, можно сближать, но, при отставленіи большихъ пальцевъ, сблизятся именно большіе пальцы, но для такого положенія кистей рукъ мы имѣемъ эмо-видный (буква М вверхъ ногами) показатель.

6 фиг. Неясное начертаніе, можетъ быть, символъ троичности, но предстоитъ еще путемъ параллелей выяснить, не означается ли тремя кружками страны свѣта: востокъ, югъ и западъ или части дня: утро, полдень и вечеръ. Ср. Табл. I, XXXVI — 4; табл. V. III — 22; VII табл., 2.1 и 12.6; табл. VIII, VI — 21 и 22; табл. X, 22, правый столб. — 7 фиг. Символъ молитвы земнымъ и подземнымъ божествамъ; означено только туловище, способъ поднятія и изгиба рукъ. Способъ этотъ взятъ въ кипрейскій алфавитъ (XI табл., 12 — 8), весьма возможно, что изъ гиттическаго знака (ср. на той же табл. л.: 13.8) въ прямолинейномъ очертаніи онъ вошелъ въ енисейскія письмена (X табл. 16 строка 1-я фиг. справа), а также и въ тукюэскій алфавитъ долины Орхона (верховья Селенги), XI табл. 1—6. Зодіакальный знакъ овна, весьма вѣроятный знакъ жертвы этого животнаго. — 8 фиг. Символъ молитвы небеснымъ божествамъ; туловище и ноги не означены, въ виду неучастія ихъ въ молитвенномъ символизированіи, означена средней линіею шея и голова. Маленькую поперечную черточку въ концѣ средней линіи, образующую крестикъ, мы склонны считать показателемъ перстосложенія: двухраздѣльнаго, съ отставленіемъ большихъ пальцевъ на обѣихъ рукахъ. Приведемъ нѣсколько параллелей. Гіератическое, древне-финикійское и эѳіопское и славянское (кириллица) начертаніе буквы „шинъ“ (schin) и „шаутъ“ (schaut) южныхъ семитовъ[1]). Таблицы: V, XVII — 23 и 27; VI, 6 — 11; Т. XII. Л. 4.8—11 и 10.8. — 9 фиг. Латинское „эсъ“ — религіозный свастическій знакъ, относящійся къ культу правой и лѣвой рукъ, состоитъ изъ двухъ показателей двойного перстосложенія для поднимаемой и опускаемой кистей рукъ: нижняя половина этого религіознаго символа относится къ поднятой правой рукѣ, обращенной ладонью впередъ, съ отставленнымъ съ лѣвой стороны пальцемъ, верхняя же половина символа относится къ опущенной и повернутой ладонью назадъ рукою. Тотъ же символъ въ обратномъ начертаніи (задомъ напередъ) закрѣпляетъ эту же молитвенную обрядность при поднятіи лѣвой руки. Египетскій гіероглифическій способъ означенія кистей рукъ (Табл. XI, 11 и 12) окончательно убѣдилъ насъ въ правильности пониманія прямолинейныхъ двусторонних крюковъ енисейскаго (X табл. 12, правая стор.) и тукюэскаго рунообразныхъ алфавитовъ. Впослѣдствіи мы сгруппируемъ символы-синонимы, касающіеся того же культа и того же перстосложенія.

Рисунокъ XX[2]) ($^1/_2$), 1-й таблицы, состоитъ изъ 6 фигуръ: 1 знакъ и 5 символовъ.

1 фиг. Знакъ человѣка съ сдвинутыми ногами, округленно воздѣвшаго руки кверху; руки начерчены неодинаковой длины (это же видимъ и на фиг. 3 того же рисунка, что вызываетъ предположеніе, что одна рука, предположимъ[3]), лѣвая, озна-

---

[1]) Я. Б. Шницеръ. Ил. ист. пис., стран. 88, 147, 249; рис. 59, 98 и 155.

[2]) Изъ рисунковъ Кастрена.

[3]) Допустимъ, что фигура и мы, смотрящіе, обращены *къ востоку*. Несомнѣнное обращеніе нарисованныхъ фигуръ лицомъ къ смотрящему, т.-е. на западъ, мы будемъ означать. Точное направленіе обращенія по румбу можетъ выясниться только впослѣдствіи, при накопленіи возможно большаго количества матеріаловъ.

чена короткою, потому что кисть сжата въ кулакъ, или въ горсть, а другая, правая, нарисована длиннѣе съ выпрямленною ладонью, обращенною къ божеству, которому приносится молитва, съ разогнутыми пальцами, сдвинутыми или же раздвинутыми, съ соотвѣтственнымъ перстосложеніемъ. Молящагося мы будемъ представлять стоящимъ къ намъ спиною и обращеннымъ лицомъ на востокъ или юго-востокъ. Дадимъ нѣсколько примѣровъ и поворотовъ. — Фиг. 3-я этого же рисунка представляетъ молитвенный символъ (предметный), генетически происшедшій изъ разсмотрѣннаго молитвеннаго знака: по содержанію онъ его дробная часть. Сокращеніе произошло на линію, означавшую туловище и ноги, но линія, означающая шею и голову, еще осталась. Изъ этого одного примѣра уже видно, поскольку для означенія графическаго генезиса символовъ не удобенъ принятый въ стилистикѣ терминъ „синекдоха", примѣняемый иногда филологами для объясненія способа образованія нѣкоторыхъ гіероглифическихъ знаковъ[1]). Этнографическіе методы изслѣдованія требуютъ не общаго выраженія, а детальнаго. Послѣдующая ступень — отвлеченіе, отбрасываніе графическаго означенія шеи и головы даетъ символъ, образовавшійся также синекдохою, древне-греческая буква ürsilon образовалась изъ буквы psi посредствомъ синекдохи. Этнографія стилистическою терминологіей для выясненія графическаго генезиса символовъ удовлетвориться не можетъ. Разсмотрѣнный выше знакъ молитвы (фиг. 1) взятъ въ греческій алфавитъ того времени, когда греки стали писать слѣва направо[2]). Молитвенный же символъ (с. п.), изображенный на фиг. 3-й, того же XX рисунка, въ прямолинейномъ угловатомъ начертаніи, вошелъ въ финикійскій алфавитъ IV вѣка до Р. Х. для означенія звука „Ш"[3]). По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, семиты Абиссиніи овладѣли письмомъ не позднѣе грековъ, у нихъ разсматриваемый символъ молитвы въ начертаніи, почти тождественномъ съ 3-й фиг., взятъ также для означенія звука „Ш", у грековъ этотъ же знакъ, но въ округленномъ очертаніи взятъ для буквы „omega", около V в. по Р. Х. Ср. рукоположенія молитвенныя, Т. XII, п. 12, 1—3 и 14, 1—3. — Къ фиг. 3-й дадимъ нѣсколько графическихъ параллелей: 1) I табл., XXIV, 1, 2 и 3; XXXIII, 7. 2) II табл. 1 рис. 2, 3 и 4. 3) IV таблица, XX. 4, 1, 2 и 3 и др.; XXI, 19 и 20; XV. 4. 4) VI табл., 3 рис. 6, 3 и 4; 4 рис. 3, 4, 10, у 20, и 32; 5 рис. 5 и 14; 6 рис. 12. 5) VIII табл., XIV, рис. 3, разчлененіе и генезисъ символовъ Бирскаго петроглифа: фиг. 19 и 35. 6) IX табл., XVI, 11. 7) XI таблица, 21 строка, 10 и 11 столбцы и 21. 11 знамя или родовой знакъ великаго князя Ярослава Владимировича. — Фиг. 2, з. Знакъ или грубый рисунокъ самца лося, сохатаго (Cervus Alces), наклоненная голова животнаго почти касается знака молящагося человѣка (фиг. 1), — подъ его правою рукою находится склоненная голова животнаго[4]).

---

[1]) Шницеръ. Ист. письм. С.-Пб. 1903, стран. 30—32.

[2]) Ibidem, стран. 173, рис. 116.

[3]) Ibidem, стран. 88, рис. 59, др. финик. буква schin. Китайское — schan — гора (Tian-Schan, Тянь-Шань, небесныя горы). Ср. начертанія.

[4]) Ср. Kypros, M. Ohnefalsch-Richter. Tafeln. CLXXI. II a и d на архаическихъ кувшинахъ. На боку оленя a эновидный или эмовидный ломаный двусторонній символъ. На фиг. d и e другая постановка: сигнализація небу усилена. Обращаемъ вниманіе на круги, украшающіе кувшинъ, а можетъ быть они и знаки солнца.

На основаніи всего вышесказаннаго, при допущенія культа правой руки, т.-е. ея преимущественнаго служенія для молитвы небеснымъ божествамъ, съ вѣроятными пережитками солнечнаго культа, пиктографическая группа, выраженная двумя фигурами (1 и 2), наглядно представляетъ силу молитвы, означая ея обрядность и отмѣчая даже страну свѣта (Ю. или правильнѣе Ю.-В., принявъ во вниманіе боковую манеру рисованія), откуда, повинуясь божествамъ, пришло животное. Обращаемъ вниманіе на то, что рогъ лося изображенъ условно, символически, въ видѣ тождественнаго съ фиг. 1-й знака молитвы, съ выраженіемъ покорности небесному божеству изъ-подъ правой руки человѣка. Возможно принимать эти знаки, какъ обѣщаніе принести это животное въ жертву и оно зарисовано въ положеніи, соотвѣтствующемъ жертвенному уставу. Можетъ быть, что колѣнопреклоненное положеніе жертвенныхъ животныхъ, замѣчающееся на многихъ петроглифахъ[1]), относится къ заключительной фазѣ жертвоприношенія, непосредственно предшествующей закланію. Для поясненія и, главное, для сокращенія дальнѣйшей описательной работы, сопоставимъ съ пиктографическими группами, начерченными одновременно, таковы высѣченные на утесахъ петроглифы: табл. VI, 3—10, 11, 12 и 13; 4 рис. 13, 14 и 2; на I табл., фиг. 6 и 7 рисунка XXXI, надлежитъ обратить вниманіе на раскрытые рты этихъ рѣзныхъ фигуръ лосей. — Фиг. 4, с. о. Косой крестъ — простѣйшій по графическому начертанію четырехсторонній символъ молитвы[2]). Какъ религіозный символъ, этотъ знакъ существовалъ задолго до изобрѣтенія алфавита. Въ свое время мы выскажемъ болѣе обстоятельно основанія, по которымъ появленіе графическихъ религіозныхъ начертаній возможно относить къ очень отдаленнымъ временамъ неолитической эпохи, теперь же ограничимся нѣкоторыми хронологическими и этнографическими сопоставленіями представленнаго на приложенныхъ таблицахъ матеріала, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ библіографическихъ указаній.

На предметахъ мѣдныхъ и бронзовыхъ: II таблица, XXIV—4, XXV—5, XXVII—5 и 7. Среди письменныхъ начертаній на Енисеѣ (Табл. X—4, лѣвая сторона и 18, правая ст.), въ тукюэскомъ алфавитѣ (Табл. XI, 3—3) и во многихъ древнѣйшихъ алфавитахъ знакъ этотъ встрѣчается. Въ древнѣйшемъ еврейскомъ алфавитѣ онъ въ прямомъ начертаніи, но и въ еврейско-финикійскомъ, въ Тамудскомъ алфавитѣ, который нѣкоторые ученые относятъ къ XV вѣку до Р. Х., въ Гимьяритскомъ (VI в. до Р. Х.) косой крестъ — буква thave. Этотъ символъ принятъ и въ рунахъ: готскихъ, англо-саксонскихъ и въ алфавитѣ Ульфилы.

Какъ родовой знакъ этотъ древнѣйшій символъ принятъ у многихъ народностей, какъ простой символъ и входящій въ составъ производныхъ сложныхъ символовъ: у лопарей (Табл. IV, XVIII—2, 3, 4; XXI—1, 9, 10, 11, 12, 13, 14), у кореловъ (I табл., XXXII, 2 и XXXIII, 2), айновъ (XI табл., 17. 2), у негровъ Лунды) XI табл., 17. 8 и 9), у с.-американскихъ индѣйцевъ, эскимосовъ. Въ орнаментахъ принадлежностей шаманскаго культа современныхъ тюрко-алтайцевъ

---

[1]) Напримѣръ, на этой же 1 таблицѣ, рис. XXXV и XXI, 4 и мн. др. Такихъ животныхъ многіе ученые принимаютъ за раненыхъ.

[2]) Forrer's Reallexikon. 423 и 715. — Энциклоп. Слов. Бр. и Эфр. 32, 654.

Минусинскаго округа и черневыхъ татаръ Кузнецкаго Алатау этотъ знакъ изрѣдка встрѣчается (IX, IV, I и I—1, 2).

Древнѣйшее изображеніе косого креста мы замѣтили въ сложномъ символѣ на древне-вавилонскомъ цилиндрѣ (VIII табл., XV—4) и на эмблемѣ Бога Самосъ или Шамашъ, также съ древне-вавилонскаго цилиндра (VIII, XII).

См. косой крестъ на бубнахъ, на узорахъ Минусинскихъ инородцевъ.

Фиг. 5. Сложный символъ, стоящій въ основѣ изъ ромба, двухъ простѣйшихъ основныхъ символовъ молитвы, обращенныхъ внизъ, къ землѣ и въ срединѣ мы склонны видѣть знакъ кисти лѣвой руки, поднятой вверхъ. Этотъ знакъ встрѣчается въ таврахъ киргизовъ Малой орды (джалпалъ) и Великой орды (ятамга)[1]). Далѣе, см. при описаніи знаковъ, отмѣчающихъ перстосложеніе. — Фиг. 6. Сл. с. о. Въ основѣ его косой крестъ — символъ молитвы, обращенной на четыре стороны неба. Наложенныя на концы креста дуги выражаютъ благопріятное принятіе молитвъ со всѣхъ четырехъ сторонъ или благословеніе, нисходящее отъ всѣхъ боговъ и духовъ, окружающихъ молящагося. Косой крестъ въ кругѣ[2]), намъ кажется, подобнымъ, если не тождественнымъ по значенію. Къ разновидностямъ графическаго означенія этой же религіозной мысли намъ придется еще возвращаться.

VII табл., рис. 12 состоитъ изъ 3 рисунковъ, 2 знаковъ и 1 символа. Фигуры 1—3 выбитые неглубоко рисунки (3 кат.) лосей или сохатыхъ. Линіи ногъ не сомкнуты. — 4 фиг., вѣроятно, бубенъ, но форма, прямолинейно усѣченная вверху, наводитъ на нѣкоторое сомнѣніе, какъ рѣдко встрѣчающаяся, но подобная форма отмѣчена и на петроглифахъ Биджайскомъ и Писемскаго плеса, (см. далѣе) на р. Манѣ, написанныхъ красною краской (IX табл. IV—8 и III л. — 4). — 5 фиг. Шаманскій бубенъ, съ внутренней стороны, сходный съ современнымъ алтайскимъ (IX табл. I—1). — 6 фиг. Символъ четырехъ сторонъ свѣта, возможно, что онъ же употреблялся, какъ идеограмма „сутокъ“ (Ср. V табл. II—8 и 11, III — 18, 22 и др.).

2. Аглахтынскій петроглифъ.

II таблица.

IX рис. Двѣ человѣческихъ фигуры; довольно глубоко высѣченный грубый рисунокъ.

X рис. Состоитъ изъ 3 зарисованныхъ и глубоко высѣченныхъ человѣческихъ фигуръ, образующихъ, въ виду одновременности высѣчки этихъ петроглифическихъ начертаній, сцену камланья. Шаманъ съ бубномъ и колотушкою, широкая, грузная фигура. Передъ нимъ неясная согбенная фигура, съ накрытою головою, можетъ быть, одинъ изъ духовъ, его покровителей. Направо, вблизи, тоже полный тучный человѣкъ, судя по раздвоенный наверху шапкѣ, какой-то начальникъ или князь, для котораго, можетъ быть, и свершается камланіе; широко разставленныя ноги, приподнятыя плечи и руки, дугою отодвинутыя и обращенныя внизъ, къ землѣ, указываютъ

---

[1]) Кирг. и Кара-кирг. Сыръ-Дарьинской обл. Н. Гродековъ. Прилож. стран. 4.—См. т. XI, 19, 8. л. знаки.

[2]) Древне-еврейская буква teth. Шницеръ, стран. 97.

на обращеніе къ хтоническимъ божествамъ. Рука шамана съ колотушкою (вѣроятно правая) приподнята вверхъ, средина бубна почти на высотѣ плечъ шамана. — 4 фиг. Лодка съ 13 человѣками.

XII рис. Запятовидными неглубокими штрихами зарисованъ мужчина, повидимому шаманъ, хотя и безъ бубна, но съ колотушкою; руки прямо распростерты въ стороны, на высотѣ плечъ, съ обращеніемъ вправо (западъ, болѣе вѣроятное допущеніе), ноги раздвинуты, ступни обращены направо.

XXIII рис. 1 знакъ и 4 символа. — 1 фиг. Знакъ молящагося мужчины, раздвинутыя ноги, приподнятыя дугообразно и внизъ обращенныя руки, ясно означаютъ молитву подземнымъ божествамъ. — 2 фиг. Символъ неопредѣленный: два круга, одинъ лежитъ на другомъ, образуя цифру 8. Символъ этотъ мы нашли только въ кипрейскомъ (около VI вѣка до Р. Х.) алфавитѣ (XI табл. 12—11)[1]) и въ древне-италійскихъ (до латинскаго) алфавитахъ. Въ кипрейскомъ алфавитѣ (XI, 11—9), въ рунахъ готскихъ, англосаксонскихъ и въ алфавитѣ Ульфилы[2]) мы находимъ переходный символъ, петли съ двумя разъединенными концами, дающій указаніе на генезисъ сложнаго и отвлеченнаго замкнутаго символа, взятаго для изображенія цифры и буквы у нѣкоторыхъ народностей. Этотъ символъ встрѣчается высѣченнымъ и на Абаканскомъ перевозѣ (V, XV—5). Разсматриваемый сложный символъ есть основанія производить отъ косого креста, четырехсторонняго молитвеннаго символа, съ наложенными сверху и снизу полукруглыми благословляющими символами, впослѣдствіи слившимися въ одно начертаніе. Для параллели приведемъ енисейскія начертанія, съ прямолинейно выраженнымъ древнѣйшимъ знакомъ дарованія просимаго или благословенія — прямою чертою, см. X табл. 18, пр. ст. 1 фиг. слѣва. Этотъ же сложный символъ есть въ южно-семитическихъ алфавитахъ, напримѣръ, въ эфіопскомъ, въ буквѣ Tsadai (Табл. XI, 10—1 и 2); одинъ и тотъ же символъ въ прямолинейномъ и округленномъ начертаніи въ сопоставленіи его съ кипрейскимъ начертаніемъ облегчаетъ уясненіе генезиса разсматриваемой петроглифической фигуры. Обратившись къ родовымъ знакамъ, мы находимъ ихъ у мордвы, такъ склонной къ пятнамъ, кружкамъ, но въ немногихъ таврахъ сохранившей и древнія линейныя тавры (VIII, VI—13 и 14). Но живая старина лопарскихъ клеймъ, повидимому, даетъ намъ нѣкоторыя ближайшія указанія относительно этого сложнаго символа: онъ оказывается наставленіемъ крестообразнаго сложенія рукъ, съ отставленіемъ большого пальца на обѣихъ рукахъ, положеніе котораго опредѣляетъ и поворотъ ладоней. Начертанія нѣкоторыхъ клеймъ (Табл. IV, рис. XXI, фиг. 9, 10 и 11) убѣждаютъ въ правильности толкованія, но окончательныя заключенія по двумъ рисункамъ тавръ будутъ поспѣшны: родовой знакъ, накладываемый на рогатый скотъ (на рога) и лошадей, сколько намъ извѣстно, нерѣдко повертывается, особенно, если клеймомъ взятъ не благословляющій, а молитвенный знакъ, обращенный къ небу. Въ данномъ случаѣ, у современныхъ лопарей возможно допускать и полное забвеніе значенія гіерограммъ и пренебреженіе поворотомъ клейма, но это

---

[1]) Шницеръ. Ист. пис., стран. 81—83, 178 (рис. 119, Y). — Forrers Reallex. 714 (202). Berb. Halevy. S.

[2]) Ibidem, стран. 191, рис. 127, нижняя строка. Forrer, ibidem, 203, 11.

необходимо тщательно провѣрить. Крестообразное сложеніе рукъ возможно троякое: надъ головою, на груди и на лобкѣ. Понадобятся и параллели погребальнаго руко- и перстосложенія. Фиг. 14. XXI р. IV т., указывая на сжатіе кистей въ кулакъ, повидимому, говоритъ о крестообразномъ сложеніи рукъ на груди. См. еще табл. III, рис. XI, фиг. 1-ю.: остановимъ вниманіе на остяцкомъ знамени, въ которомъ, несмотря на боковое положеніе, мы видимъ этотъ же знакъ, но благословеніе неба означено не чертою, а позднѣйшимъ знакомъ благословенія или покрова, т.-е. двумя равными линіями, образующими уголъ, но съ боковъ прибавлены черточки. Начертаніе, въ такомъ видѣ, можетъ объясняться и пониматься знакомъ рыбы или человѣка. — Фиг. 3. Прямой крестъ, два конца котораго, верхній и лѣвый слегка притуплены линіями, обращенными другъ къ другу, — разновидность свастики. — Фиг. 4. Кругъ, вѣроятно, какъ религіозный символъ (покрова, четырехсторонняго благословенія); какъ знакъ бубна онъ имѣлъ бы соотвѣтственныя внутреннія черты. — Фиг. 5. Вѣроятнѣе показатель опусканія правой кисти внизъ съ отставленіемъ большого пальца, чѣмъ основной молитвенный знакъ.

Таблица V, рисунокъ IX состоитъ изъ 13 фигуръ, расположенныхъ такъ, какъ онѣ зарисованы; 11 рисунковъ (2 к.), изъ которыхъ 3 немного не закончены, и 2 знака. — Фиг. 1. Рисунокъ коровы (3 к.), незамкнутый, въ 4 ноги. Выбивка точечная, съ поперечными дугообразными чертами, вогнутостію обращенныя впередъ, къ головѣ, которыя могутъ отмѣчать нѣкоторыя особенности жертвоприношенія. При сравненіи съ фигурами лошадей недопустимо предположеніе, что это было подготовкою къ предполагавшейся выбивкѣ всей внутренней поверхности рисунка. — Фиг. 2, 3, 4, 6 и незаконченная 7-я — лошади. (Рис. 3 к.) Первыя 3 фигуры обращены направо. Изображены онѣ своеобразно, отличаясь отъ общепринятой манеры рисовать, подчиняясь натурѣ, видна шаблонность, однообразіе и какая-то условность начертаній. Повидимому, онѣ изображены ложащимися или встающими, но неестественно выпрямленныя переднія ноги и нѣкоторыя другія особенности этихъ рисунковъ склоняютъ видѣть въ нихъ отраженіе религіозныхъ обрядностей, — жертвоприношенія или освященія животныхъ для стадъ и табуповъ[1]). Отъ бедра, сплошь точечно выбитаго, вся остальная часть туловища: животъ, грудь, шея и голова оставлены безъ выбивки: кромѣ того, покрыты зигзагообразными поперечными линіями, на щекѣ, у большинства фигуръ лошадей, нарисованъ треугольникъ, обращенный болѣе острымъ угломъ впередъ. Хвосты лошадей означены тонкими линіями; возможно, что этимъ способомъ выражалось заплетаніе хвостовъ. Хвосты лошадей зарисованы отставленными. Гривы не означены. Копыта и щетки вырисованы тщательно, что заставляетъ заподазривать подстриганіе. Полъ не означенъ (ср. рис. 1, на этой же таблицѣ — Потрошиловскій петрогл.), — всѣхъ пятерыхъ коней есть основаніе принимать за кобылицъ. На спинѣ

[1]) Такое условное положеніе ногъ встрѣчается и на Кипрѣ. Пока укажемъ рис. изъ Kypros die B. u. Hom. D-r M. Ohnefalsch-Richter. Tafeln. CXXXIII (133). 3. Заяцъ и собака, съ вытянутыми впередъ ногами, между ногъ имѣютъ прямые кресты, подъ ними свастическіе и совастическіе знаки и еще выше стилизированные благословляющіе символы (руки дугою внизъ изогнутыя). Сзади человѣкъ съ правою рукою, упертою въ бокъ. Въ другой рукѣ какой-то предметъ, надъ нимъ приходится благословляющій символъ.—Ложащіяся или встающія животныя. Perrot et Chipiez. VI. 844 (428). 24. 19; 431. 11 и 432. 10.

послѣдней фигуры лошади, у которой не нарисованы переднія ноги виденъ какъ бы знакъ человѣка, стоящаго на лошади, но не трудно видѣть, что руки этой фигурки надлежитъ отнести къ хвосту передней лошади и тогда останется петлеобразный, въ два оборота скрученный знакъ, напоминающій нѣсколько символъ Гермеса, повернутый расходящимися концами внизъ. Всю эту группу лошадей, по рисунку, можно бы принять за одновременно отбитыя, но постановка головы, съ обѣими зарисованными ушами, и заднихъ ногъ, петлей зарисованный хвостъ — все это придаетъ ей жизнь, она какъ бы заигрываетъ съ встрѣчными лошадьми. Въ одновременности, поэтому мы сомнѣваемся; когда же приходилось зарисовывать группу ритуальнаго ея значенія мы не заподазривали и не изслѣдовали глубины и особенностей контурной черты. Но если фиг. 6, 7 и 8 работаны и другимъ мастеромъ, то близкимъ по времени, степень искусства и манера указываютъ на одну школу. — На фиг. 5-й изображена самка лося съ поперечными чертами, которыя едва ли можно приписывать намѣченной, но незаконченной выбивкѣ всей поверхности рисунка: рисунокъ очень невеликъ. — На фиг. 9-й видимъ благороднаго оленя, по мѣстному, „сына“ или „морала“. Поперечныхъ линій не видно, передняя часть туловища по всей поверхности выбита точечно и замѣтны только двѣ волнистыхъ линіи, но въ неестественномъ положеніи ногъ оленя можно думать, что онъ изображенъ лежащимъ на боку. — Фиг. 10-я — не вполнѣ законченный рисунокъ коровы. — На фиг. 10-й и 11-й изображены лось и медвѣдь въ необычномъ положеніи — головами вверхъ. Лось безъ переднихъ ногъ, съ рогами, зарисованными, очевидно, условно: имъ придана округленно-трапецовидная форма, широкая сторона, обращенная назадъ, снабжена не натуральными отростками, а гребенчато расположенными равными линіями, т.-е., какъ выяснимъ далѣе[1]), мы встрѣчаемся съ гребенчатымъ молитвеннымъ символомъ. Около туши лося, частью закрывая заднюю ея часть, высѣченъ небольшой знакъ человѣка, безъ шапки, въ боковомъ положеніи или съ одною рукою, опущенною и съ одною ногою отставленною, съ правой стороны рисунка. Медвѣдь, на фиг. 12-й, повернутъ спиною налѣво; очертанія головы отпали вмѣстѣ съ отслоившимся осколкомъ утеса.

Относительно поперечно изображенныхъ самца лося и медвѣдя обращаемъ вниманіе на цилиндры, найденные на Кипрѣ, т. XII, л. 18. 6—7, 8—9 и 10—11, которые позволяютъ предполагать, что это положеніе зарисовываемыхъ животныхъ имѣетъ какое-то особое религіозное значеніе.

Рис. X, на той же V таблицѣ, очень грубо нарисованъ (4 к.) на конѣ всадникъ, одна рука вытянута впередъ и держитъ поводъ, другая откинута назадъ; руки символизируютъ молитву земнымъ божествамъ едва ли случайно. Ноги, можетъ быть, не означены просто потому, что ихъ символизмъ для верхового неизбѣженъ.

На XI рисункѣ, также отдѣльно стоящемъ на утесѣ, видимъ знакъ самки козы или оленя, съ опущенной головой и раздвинутыми ушами; ноги отклонены назадъ настолько не естественно, что въ этомъ положеніи животное стоять не можетъ.

---

[1]) Гребенчатые символы. Т. I. XIV. 3, XXVII, XXVIII и XXIV; Т. XI. 25. 10; Т. VIII. V. 6; Т. IX. XXII; Т. VI. IX. 3; Т. III. XVII. 2 и XIX. 3; на разсматриваемой таблицѣ V, рис. XVII. 6.

XII рис., табл. V. 4 человѣческихъ фигуры въ знакахъ, линейно выраженныхъ; головы означены утолщенными кружечками; изъ нихъ двое мужчинъ, одинъ въ полуовальной шапкѣ, невысокой, съ полями несвѣшивающимися. — На фиг. 1-й видимъ руки распростертыми въ стороны, образующими съ туловищемъ нѣкоторое подобіе креста; ноги раздвинуты. На двухъ среднихъ знакахъ (фиг. 2 и 3) плечевыя части рукъ означены горизонтальными линіями, локтевыя прочерчены вертикально, ноги 2-й фигуры также раздвинуты и означены также округленными линіями. У человѣка же въ шапкѣ (фиг. 3) и бедра начерчены горизонтально, а голени отвѣсно. На трехъ фигурахъ мы видимъ, что молитва земнымъ божествамъ символизирована и руками и ногами. Параллели изложимъ далѣе, при графическихъ сопоставленіяхъ, теперь же, въ примѣчаніи [1]) ограничимся важнѣйшими библіографическими данными.

На знакѣ человѣка вверхъ ногами (фиг. 4-я того же XII рис.) мы видимъ, что руки распростертыя и раздвинутыя ноги зарисованы подобно фиг. 2-й. Какъ извѣстно, у американскихъ индѣйцевъ человѣкъ или его тотемъ, изображенные вверхъ ногами, означаютъ смерть родоначальника, рисунокъ человѣка безъ головы или вверхъ ногами также означаетъ смерть. Впредь до накопленія матеріаловъ въ этомъ направленіи возможно разсматривать 4-ю фигуру какъ знакъ умершаго, но если, по представленіямъ чертившаго этотъ петроглифъ, умершій, уходя въ землю пріобрѣталъ право молиться за живыхъ небеснымъ божествамъ, то этотъ знакъ, какъ отвѣтъ на молитву живыхъ, могъ употребляться и тотчасъ послѣ смерти, но могъ повторяться впослѣдствіи и могъ быть, въ такомъ случаѣ, и общимъ знакомъ принятой предками мольбы [2]). Объ антиподальномъ положеніи обитателей загробнаго міра, см. въ § 32.

Видя индѣйскіе знаки умершихъ стоящими, но безъ головъ, почти всегда съ раздвинутыми ногами, но иногда съ различнымъ рукоположеніемъ, чаще съ воздѣтыми, но иногда и съ опущенными руками [3]), мы склонны приписать эти различія особенностямъ тотемовъ, обусловливающихъ нѣкоторыя отличія въ молитвенныхъ обрядностяхъ и въ ихъ изображеніи.

Эту группу знаковъ возможно принимать за начерченную одновременно и однимъ лицомъ, но затруднительно съ нѣкоторою опредѣленностію высказаться о хронологическомъ соотношеніи этихъ знаковъ съ начертаніями X рисунка этой же таблицы; повидимому, знаки молящихся людей, по сходству ихъ съ петроглифами, писанными красною краской, относящимися къ недавнимъ ступенямъ разложенія древняго культа, возможно признать за позднѣйшія. Но надо опасаться односторонности, въ которую, къ сожалѣнію, слишкомъ часто впадаютъ. Съ точки зрѣнія эволюціи изобразительнаго искусства, въ узкомъ смыслѣ этого слова, группа людей (рис. XII) — свидѣтельство примитивности или разложенія ранѣе заимствованнаго искусства. Съ точки же зрѣнія

---

[1]) См. это рукоположеніе въ классификаціонной таблицѣ, XII. П. 13. 1—3. Ср. такое же рукоположеніе (при такой же шапкѣ) на табл. VI. 4. 26, съ тройственнымъ перстосложеніемъ на обѣихъ рукахъ. — Въ алфавитныхъ знакахъ см. табл. XIII. 25.

[2]) Вс. иллюстр. ист. письм. Шницера, стран. 35.

[3]) Тамъ же, стран. 33. Сопост. ритуалъ человѣческихъ жертвоприношеній, изображенныхъ на ассирійскомъ цилиндрѣ съ Кипра (Cypern, S. Cesnola, Taf. LXXV (75). 4) и на гундеструпской (Gundestrup, Jütland) чашѣ: повидимому приносимый въ жертву символизировалъ тѣлодвиженіями и молитву и благословеніе, подобно жертвеннымъ животнымъ.

эволюціи изобразительнаго письма, въ этихъ грубыхъ съ виду начертаніяхъ возможно видѣть указанія на дифференціацію письма отъ искусства — переходъ отъ письма рисунками къ письму знаками. Кромѣ того, и тогда, какъ и теперь, обитатели долины Енисея не были одинаково искусны въ рисованіи, а, между тѣмъ, религіозныя побужденія могли потребовать ихъ начертательнаго выраженія и не отъ мастера. Только накопленіе вполнѣ точныхъ графическихъ матеріаловъ, и различныхъ, географически и хронологически могутъ дать большую устойчивость, и то, конечно, относительную, различнымъ соображеніямъ о петроглифахъ.

XIII рис. V табл. Рисунки двухъ лошадей, вполнѣ сходные съ фиг. 2, 3, 4 и 6, IX рис. этой же таблицы. Та же условность, та же манера зарисовыванія. Гривы и на этихъ рисункахъ не означены, можетъ быть, въ виду нахожденія ихъ на лѣвой сторонѣ. Сгибанія переднихъ ногъ также не замѣтно. Если украшеніе животныхъ ритуальное, то возможно принимать лошадей за благословляющія жертвы[1]). Отъ бедра, точечно выбитаго, по животу, спинѣ, груди и шеѣ также начерчены зигзагообразныя и волнистыя линіи, на щекахъ лошадей треугольники, на срединѣ шеи 1-й лошади нарисованъ овалъ, отъ котораго расходятся черты къ головѣ и въ стороны. Подобныя мѣшкообразныя добавочныя начертанія на фигурахъ животныхъ мы зарисовали съ пластинокъ Тобольскаго музея; они срисованы и г. А. Гейкель и помѣщены имъ въ его работѣ о древностяхъ Сибири[2]). Тамъ и здѣсь эти мѣшковидныя начертанія можно пріурочивать къ различнымъ внутреннимъ органамъ. Эти символическія начертанія или украшенія животныхъ на пластинкахъ Тобольскаго музея нѣсколько иныя: преобладаютъ прямыя параллельныя линіи.

На XIV рис. V табл. изъ четырехъ фигуръ только двѣ законченныхъ.—1-я фиг. голова животнаго, по всей вѣроятности, самки лося. На фиг. 2-й мы видимъ безрогую корову. 3-я фиг. изображаетъ туловище какого-то животнаго; задняя часть туловища выбита точечно. 4-я фиг. изображаетъ дикую козу.

Изъ 7 фигуръ XV рисунка, той же V табл., одна не закончена.

Изображено: 4 лося (фиг. 1, 2 и 3), 1 лошадь и 2 коровы. На фиг. 3-й вся поверхность рисунка выбита. На фиг. 2-й и 7-й выбита точечнымъ пріемомъ задняя и передняя части, средняя же часть туловища прочерчена поперекъ параллельными дугообразными линіями. Фиг. 6 изображаетъ голову и шею животнаго.

Начертанія, изображенныя на рисункѣ XVI, произвели на насъ впечатлѣнія недавности, особенно по сравненію съ несомнѣнно древними; верхнія двѣ фигуры болѣе раннія, восьмиконечный крестъ, курильщикъ около него и камлающій шаманъ начерчены позднѣе. Небольшая глубина и различія въ ея выдѣлкѣ склонили насъ къ этимъ заключеніямъ[3]).

---

[1]) Интересующимся жертвеннымъ культомъ, положеніемъ жертвъ, украшеніемъ ихъ, связью жертвъ съ жертвопринимающими животными, символическими и частью конкретными начертаніями, укажемъ: Kypros, M. Ohnefalsch-Richter. Tafeln: 63, 84. 1; 89. 2; 101; 111. 5; 114. 1 и 7; 115; 152. 14 и 15; 155. 1; 111. a и d; 192. 5 и мн. др. въ Hist. de l'art dans l'antiquité, Perrot et Chipiez.— См. выше, стран. 123, прим. 3.

[2]) Ax. Heikel. Antiqu. de la Sibérie Occident. Hels. 1894. XVIII. 3, 4, 8 и 9; XIX. Тамъ украшенія животныхъ иныя.

[3]) Спасскій и Поповъ считаютъ ихъ одинаково древними со всѣми прочими начертаніями.

1 и 2 фиг. Верховой и пѣшій, у обоихъ руки распростерты въ стороны, обѣ фигуры имѣютъ подобіе прямому кресту, и только раздвинутыя ноги пѣшаго сразу разъясняютъ, что крестъ этотъ образованъ горизонтальнымъ распростираніемъ рукъ. У верхового ноги не зарисованы, но, какъ это понятно само собою, — для верхового отмѣтка расширенныхъ ногъ совершенно излишня, что, видимо, не полагается по молитвенному ритуалу: это вынужденный графическій символизмъ. Но въ приподнятой головѣ и удлиненной шеѣ лошади есть нѣкоторое основаніе усматривать уже сознательный символизмъ [1]).

Фиг. 3-я, два круга, изображаютъ, по всей вѣроятности, глаза, какъ они и называются у киргизовъ Малой и Средней орды [2]). На рис. XVII, на этой же таблицѣ, на фиг. 2-й, помѣщена эта тамга, отмѣченная Г. Г. Потаниным у киргизовъ [3]). Восьмиконечному кресту (фиг. 4 разсматрив. XVI рис.) мы категорически приписали бы христіанское происхожденіе, если бъ въ вышеотмѣченныхъ таврахъ, помѣщенныхъ на этой же таблицѣ, не обратили вниманія на фиг. 27-ю рис. XVII. Если бы при горизонтально поднятыхъ плечевыхъ частяхъ рукъ локти не были бы подъ прямымъ угломъ согнуты, а вытянуты въ одну линію съ плечами, то получился бы восьмиконечный крестъ, не съ косою, а съ прямою нижнею поперечною линіею. Въ этотъ петроглифъ слѣдуетъ всмотрѣться повнимательнѣе на мѣстѣ. Но при означенномъ на этой китайской тамгѣ присѣданіи, съ прямолинейнымъ изгибомъ ногъ, какъ увидимъ далѣе, распростиранія рукъ въ стороны безъ сгибанія ихъ подъ угломъ, не допускалось. Если бы пересмотрѣть большую коллекцію древнихъ китайскихъ тамгъ и собрать возможно большее число петроглифовъ по Енисею, то параллели, конечно, устойчивѣе разрѣшили бы возникшее недоразумѣніе, хотя дешифрированіе сложныхъ символовъ весьма трудно. — Фиг. 5-я изображаетъ курильщика, съ трубкою во рту; человѣкъ подбоченился и что-то держитъ въ рукахъ. — 6-я фиг., повидимому, изображаетъ камлающаго шамана.

На VI таблицѣ, рисунокъ 1-й изображаетъ часть Аглахтинскаго петроглифа, расположенную отдѣльно, хотя и недалеко отъ прочихъ. Изъ 14 фиг. недорисованныхъ только 2: головы животныхъ, обращенныя вверхъ.

1 фиг. Сохатый или лось, самецъ, повернувшій голову вправо [4]). — 2. Олень или сынъ, самецъ, какъ бы идущій въ гору. Рога зарисованы ненатурально: 4 вѣтви отходятъ отъ рога въ обѣ стороны, супротивно, образуя молитвенные сигналы къ небу и землѣ, напоминающіе изгибы вѣтвей священнаго дерева Копенскаго петроглифа, изображеннаго на этой же таблицѣ на фиг. 2-й, 4-го рисунка. На средней части туловища оленя изображено нѣсколько поперечныхъ дугообразныхъ линій. 3 и 4 фиг. Головы животныхъ, обращенныя вправо и вверхъ. — 5. Самка лося, стоящая съ приподнятою головою; на туловищѣ видны поперечныя линіи. — 6. Весьма

---

[1]) Сравни съ сулекскими фигурами, на табл. VIII. II. 1 и 12.

[2]) Гродековъ, Н. И. Киргизы и т. д. Прилож. 4 стран. (Артынъ).

[3]) Путеш. по С. З. Монголіи, вып. IV, табл. I, стран. 14. См. на рис. XVII этой же, V табл., фиг. 2.

[4]) Сопоставь съ IV табл. VIII рис. и XI рис. 4 фиг. поворотъ головы замѣчается на жертвенныхъ животныхъ въ памятникахъ Малой Азіи, повидимому для образованія двухсторонняго символа. Это видно и въ надфризьи чертомлыцкой вазы. См. «Русскія древн.» гр. И. Толстого и Н. Кондакова, II, 139 и Kypros, M. Ohnefalsch-Richter, Taf. CXIV, 9, CXV, 1 и др.

интересна фигура человѣка въ двурогой шапкѣ, сидящаго въ лодкѣ съ пятью другими; по всей вѣроятности это начальникъ, а люди, отмѣченные только несоразмѣрно маленькими черточками — перевозчики и спутники его. Руки его опущены внизъ округленно. Дуализмъ религіозныхъ воззрѣній, до нѣкоторой степени, охарактеризовался рогами шапки, торчащими кверху и символизирующими обращеніе къ небу и руками, склоненными къ землѣ. Предлагаемъ сравнить эту фигуру съ подобной же на Копенскомъ петроглифѣ (рис. 4-й этой же табл., фиг. 20) и сопоставить ихъ съ фигурами 19, 26 и 27 того рисунка 4-го, фиг. 8 — 3-го рис. и фиг. 3-й и 18-й (лѣвой фигуры) 6-го рисунка. Головные уборы послѣднихъ уже указываютъ на нѣкоторое разложеніе культа: небо видимо опустѣло, божества переселились на землю и подъ землю; подъ широкой нависшею шляпой удобнѣе сосредоточиться въ молитвѣ земнымъ и подземнымъ духамъ. Прочія параллели приведутся ниже. — 7-я фиг. изображаетъ корову; — фиг. 8-я — тоже. Обѣ коровы изображены какъ бы поднимающимися въ гору, съ приподнятыми головами и рогами, обращенными впередъ. На 9-й фиг. изображенъ лось, самецъ, въ отвѣсномъ положеніи, съ головою, обращенною прямо вверхъ, къ небу. Значительно меньшая фигурка (13 фиг.) коровы нарисована такъ же. — 10. Корова, изображенная обычно, т.-е. стоящею на горизонтальной плоскости, головой она повернута влѣво; рисунокъ сомкнутый. — 11. Фигура лося, начерченнаго съ боку, какъ бы стоящимъ на отвѣсной плоскости, подобно №№ 9 и 13. Такія фигуры описывались, какъ фигуры вставшихъ на дыбы животныхъ, но это не всегда правильно: надо обращать вниманіе на ноги животныхъ. Голова описываемаго животнаго повернута, уши зарисованы справа и слѣва. На туловищѣ начерчены поперечныя полосы. Фигура эта приходится подъ вышеописанною лодкою. — 12 фиг. Олень, самецъ, идущій влѣво; передняя часть туловища приподнята, а задняя опущена. На туловищѣ оленя слабо замѣтны поперечныя линіи. — 14-я фигура, послѣдняя въ этой группѣ, изображаетъ корову.

Если отвѣтъ на вопросъ, всѣ ли фигуры животныхъ начерчены одновременно, затрудняетъ насъ, то вопросъ о лодкѣ показался бы трудно разрѣшимымъ, даже если бы у насъ не было ремарки, при констатированіи факта болѣе глубокой выбивки этой фигуры, что выбивка лодки сдѣлана по чертѣ коровы. Иначе, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что, желая почерпнуть происхожденіе этой петроглифической группы отъ властнаго человѣка, сидящаго въ лодкѣ, его могли выбить въ утесѣ поглубже. Относительно животныхъ, должно сказать, что и они, будучи сдѣланы и неодновременно, этнографически могутъ мало разниться во времени: манера рисованія и углубленія черты одна и та же. Изъ 13 фигуръ животныхъ, у 10 головы не только приподняты, но даже обращены вверхъ, то же мы видимъ и на головахъ незаконченныхъ фигуръ; у четырехъ животныхъ видны поперечныя линіи, въ которыхъ возможно подозрѣвать обрядовыя жертвенныя украшенія.

Наиболѣе извѣстныя и интересныя въ научномъ отношеніи фигуры Аглахтинскаго петроглифа: человѣкъ, накрытый дугою и лежащій украшенный конь, въ начертаніяхъ которыхъ такъ очевиденъ графическій символизмъ, находится на VII таблицѣ, рис. 1-й.

На первый взглядъ, на нѣкоторомъ разстояніи, виденъ человѣкъ, скорѣе подбоченившійся, чѣмъ распростершій руки, стоитъ съ раздвинутыми ногами на двухъ дикихъ козахъ. Сжатая дуга окружаетъ фигуру человѣка и заканчивается на головахъ козъ, его какъ бы поддерживающихъ; менѣе глубоко отбита вторая наружная дуга, параллельная первой, она также заканчивается на козахъ. Немного выше передней ноги правой козы — небольшой кружокъ. На головѣ шляпа съ широкими свѣсившимися полями. Одежда въ обтяжку. На плечахъ что-то въ родѣ эполетъ. Отъ боковъ фигуры, справа и слѣва, начерчено по 3 линіи съ каждой стороны. Къ сожалѣнію, плохо сохранился петроглифъ въ изгибѣ рукъ, въ локтевой ихъ части, и по бокамъ туловища. При рекогносцировочномъ осмотрѣ, не имѣя въ то время ни пособій, ни вполнѣ достаточныхъ средствъ, не предвидя расширенія и углубленія вопроса даже при предварительной обработкѣ, мы недостаточно обстоятельно поработали и надъ этимъ петроглифомъ: тщательный оттискъ отбивки петроглифа, обслѣдованіе и снимокъ его на коленкоръ, помимо зарисовыванія и фотографированія, необходимы и здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Теперь же, имѣя предъ глазами и черновой первоначальный рисунокъ, мы помимо того толкованія рисунка, которое, по нашему мнѣнію, болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, не считаемъ себя въ правѣ умолчать и о другомъ толкованіи этого рисунка: окончательное рѣшеніе вопроса слѣдуетъ предоставить будущему.

Начнемъ съ перваго толкованія: руки человѣка согнуты, плечи и локти отставлены въ стороны, кисти рукъ лежатъ надъ бедрами въ обычномъ, для такой позы, положеніи, т.-е. съ отставленнымъ большимъ пальцемъ. Ритуальное значеніе этого рукоположенія и перстосложенія, а оно, какъ увидимъ далѣе, и въ петроглифахъ Енисея, и въ другихъ памятникахъ изобразительнаго искусства, и въ параллеляхъ, есть, принудили рисовальщика демонстративно означить не сжатость кисти въ кулакъ, а установленное раздѣленіе пальцевъ.

Другое толкованіе, которое, по имѣющимся пока даннымъ, нельзя оставлять безъ вниманія. Руки вытянуты и распростерты въ стороны, немного опущенными. Подъ кистями рукъ есть основаніе заподазривать головы и распростертыя руки маленькихъ фигурокъ людей, стоящихъ, раздвинувъ ноги, на бедрахъ разсматриваемой главной фигуры.

Такъ толковали эту фигуру и прежніе изслѣдователи, но въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ, конечно, придется разойтись. Какъ ни медленно накопляются и обрабатываются археологическіе и этнографическіе матеріалы, особенно въ Россіи, но теперь уже невозможно удовлетвориться предположеніемъ, что здѣсь мы видимъ запечатлѣніе гимнастическихъ и волтижерскихъ „фокусъ-покусовъ“[1]).

Продолжаемъ дальнѣйшее описаніе разсматриваемаго петроглифа. Между расширенныхъ ногъ видны 4 крестообразно расположенныя точки. Слѣды ли это полового означенія или особенное подчеркиваніе[2]) молитвеннаго символа, уже заключающагося въ расширеніи ногъ, пока затруднительно сказать.

---

[1]) Н. И. Поповъ. О писаницахъ Минусинскаго округа.

[2]) Четыре точки въ этомъ положеніи равны косому кресту. См. 4 точки на вазахъ съ Кипра: рис. у M. Ohnefalsch-Richter, Kypros, LXXXIX (89). 4 и еще CL (150). 11. Reallex. Forrer's, 137 (39).

Знаки дикихъ козъ, на которыхъ стоитъ фигура, выбиты, повидимому, одновременно, такъ же какъ и фиг. 2-я, но фигуры 4-я и 5-я начерчены позднѣе, хотя пріемъ изображенія знака разнится только въ фиг. 5-й.

Рисунокъ лежащаго коня (фиг. 3), хотя и условенъ, а потому кое въ чемъ и не натураленъ, но изобличаетъ недурного и опытнаго рисовальщика. Эту условную манеру рисованія украшенныхъ лошадей мы уже видѣли, — эта фигура, сходная въ общемъ съ преждеописанными, имѣетъ нѣкоторыя особенности. Голова болѣе приподнята; уши прямостоящія. Лошадь лежитъ, а переднія ноги прямо вытянуты, чего въ дѣйствительности не бываетъ: и лошадь, какъ олень, ложась, подгибаетъ ноги. Хвостъ изображенъ также тонкою линіей, но онъ болѣе приподнятъ, отставленъ отъ зада лошади и на концѣ дѣлаетъ видимо также условный изгибъ вверхъ. Образуемый хвостомъ лошади двухсторонній (небу и землѣ) молитвенный знакъ, съ указаніемъ на дуализмъ въ культѣ, конечно, можетъ быть и случайностью, но прямолинейное начертаніе такого же (не эсо-виднаго, а зето-виднаго) символа на щекѣ заставляетъ задумываться надъ такимъ случайнымъ совпаденіемъ. Взглянувъ на пр. столб. X табл. на 12-ю строку, 2-ю и 3-ю фигуры, мы увидимъ, что эти двухсторонніе молитвенные знаки вошли въ составъ енисейскаго алфавита. Едва ли возможно теперь игнорировать этими датами, имѣющими и нѣкоторое хронологическое значеніе. Весь задъ лошади занимаетъ изображеніе колеса: повидимому сочетаніе прямого и косого креста въ кругѣ[1]). Вся остальная поверхность тѣла лошади расчерчена продольными и поперечными параллельными линіями на клѣтки (рѣшетчатый символъ). Далѣе, въ главѣ о символахъ, подробности выяснятся, теперь же достаточно отмѣтить, что кругъ, обрамляющій молитвенныя обращенія, образующіяся пересѣченіями прямого и косого крестовъ, разсматривался древними, какъ отвѣтъ божества на молитву, какъ полное погашеніе всѣхъ молитвенныхъ къ нему обращеній. И въ рѣшетчатомъ символѣ, повидимому, на каждый угловой знакъ молитвы, исходящій изъ этого символа (изъ петроглифа или амулета), погашался входящимъ въ него, и сверху и снизу. Обратимъ вниманіе на отсутствіе гривы: подстриженность ея, щетка, были бы означены; челки также нѣтъ. На мѣстѣ сѣдельныхъ лукъ и на мѣстѣ обычной бляхи на крупѣ на петроглифѣ сдѣланы небольшіе выступы. Условности въ начертаніи ногъ мы склонны объяснять слѣдующими ритуальными соображеніями рисовальщика. Ноги видимо подстрижены, щетокъ нѣтъ, копыта и бабки отчетливо видны. Ноги значительно отставлены одна отъ другой: молитвенные символы направляются впередъ, символизація прямо землѣ ослабляется. Символизирующее пространство между ногами и животомъ увеличено неестественною поджаростію лошади. Вытягиваніе переднихъ ногъ и ихъ замѣтное удлиненіе съ цѣлію усилить и направить молитвенное обращеніе впередъ и вверхъ. Такимъ образомъ, дуализмъ въ культѣ на этомъ петроглифѣ подтверждается. И какъ ни слаба связь этого петроглифа съ начертаніями енисейскаго алфавита, но она есть.

[1]) Кругъ съ обоими пересѣкающимися крестами нельзя принимать за колесо: м. б. и амулетный символъ. См. рѣшетчатый орнаментъ на Кипрѣ, Kypros, M. Ohnefalsch-Richter. Tafeln: 133. 2; 159. 6; 170. 10; 178. 3; 181. 1 и др. Розетки, стилизированныя изъ сочетанія обоихъ крестовъ, на животныхъ жертвенныхъ, встрѣчаются на Кипрѣ довольно часто, см. тамъ же, у М. Онефальшъ-Рихтера, 19, 1; 61. 1; 111. 1 и др. См. амулеты изъ Костромскихъ кургановъ, изъ раскопокъ Ф. Д. Нефедова, описаніе накад. Д. Н. Анучина, Мат. по арх. Вост. губерн., томъ III. Т. 6. 20, 22, 24 и др.

Графическія сравненія убѣдили насъ, что конь, какъ и женщина, у многихъ народностей, лишены права самостоятельнаго обращенія къ божествамъ, но при мужчинѣ, молящемся верхомъ, въ молитвѣ участвуетъ и олень и конь[1]), при пѣшемъ мужчинѣ часто отмѣчается молящеюся и женщина. Разсмотрѣнный нами украшенный конь, лежащій такъ ненатурально, снабженъ такими исключительными правами, что мы видимъ въ немъ жертвенное животное и изображенное положеніе коня и его украшенія считаемъ символизирующими благословеніе свыше, но не поклоненіе землѣ.

Во 2-й главѣ мы уже при краткомъ описаніи Аглахтинскаго городища высказались за возможность связи между этимъ сооруженіемъ и разсмотрѣннымъ петроглифомъ.

Въ первой фигурѣ возможно видѣть одного изъ древнихъ властителей этой мѣстности, окруженнаго двойнымъ покровомъ и дающимъ убѣжище (?) и защиту двумъ представителямъ сосѣднихъ племенъ или родовъ съ ихъ сородичами.

Двойной незамкнутый со всѣхъ сторонъ покровъ (или благословеніе) ниспосланъ живому человѣку; покровъ мертвому или полное конечное благословеніе, какъ увидимъ далѣе, выражается или замкнутыми со всѣхъ сторонъ символами или нисходящими прямо на голову умершаго.

Въ данномъ случаѣ, въ двойномъ покровѣ есть нѣкоторыя основанія допускать и реальную и ритуальную стороны: первая можетъ относиться ко времени возведенія большого Аглахтинскаго городища, а вторая отмѣчаетъ небесную защиту. Что принудило боговъ къ такому благоволѣнію и что вселило твердую вѣру въ неизмѣнное покровительство боговъ тутъ же простодушно начертано: и конь, и козы, и тѣ копи и животныя, съ жертвенными украшеніями, начертанныя на ближайшихъ выступахъ этой же скалы и которыя уже описаны выше[2]).

2-й рис. табл. VII изображаетъ часть Аглахтинскаго петроглифа и состоитъ изъ 26 фиг. рисунковъ 12, знаковъ 6, незаконченныхъ фигуръ 8.

Бѣглый взглядъ на эту группу начертаній показываетъ, какъ неосноваленъ взглядъ на нѣкоторые петроглифы, какъ на нѣчто цѣльное. Насколько намъ удалось передать на рисункахъ, возможно увидѣть нѣсколько наслоеній, нѣсколько манеръ зарисовыванія однихъ и тѣхъ же животныхъ. Напримѣръ здѣсь видимъ и хорошій рисунокъ коровы и незаконченный — посредственнаго рисунка, указывающихъ, можетъ быть, и на различія народностей, обитавшихъ по Енисею. Возможно наглядно понять значеніе неоконченныхъ, видимо, вотивныхъ рисунковъ и остановить вниманіе на цѣнной въ научномъ отношеніи фигурѣ молящагося аборигена. Мысль объ одновременности начертанія всѣхъ этихъ петроглифическихъ фигуръ падетъ сама собою. Для того чтобы, изслѣдовавъ графически, выдѣлять и связывать фигуры и толковать ихъ, гадательно конечно, синхронистическія группы тѣхъ или другихъ фигуръ, надо имѣть достаточныя основанія. Поэтому предварительное пофигурное описаніе мы считаемъ обязательнымъ.

---

[1]) См. т. VIII. II. 1 и 12; т. III. VIII. 1 и др.

[2]) Do, ut des. — Шантепи-де-ля-Соссей. Иллюстр. исторія религій. II Ведд. культъ, 32—37. — А. Мензисъ. Исторія религій. С.-Пб. 1905, стран. 179—187. — Р. де-ла-Грассери. Психологія религій. С.-Пб. 1901, стран. 151—154.

1 фиг. Три кружечка или 3 точки. — 2. Боковой знакъ человѣка; ноги раздвинуты, приподнята немного одна рука. Фигура тождественна и по размѣру съ разсмотрѣнной ранѣе, на V таблицѣ, IX—13[1]). — 3. Олень, самецъ; на бокахъ замѣтны поперечныя полосы. Рисунокъ жизненный, звѣрь тихо идетъ, немного поднявъ голову и закинувъ рога. — 4. Еще фигурка человѣка. Знакъ съ утолщеніемъ на мѣстѣ головы; руки распростерты и приподняты немного вверхъ, ноги сильно раздвинуты, зачерчены полуоваломъ. — 5. Самка оленя. Контурная линія усилена точечной выбивкой узкой полосы, къ ней прилегающей; средина фигуры чуть тронута пунктиромъ. Ротъ полуоткрытъ. Рис. недуренъ (2 к), пріемъ зарисовыванія и отбивки тождественъ съ фиг. 3, ихъ можно считать начерченными одновременно. У обѣихъ поворотъ налѣво. — 6. Голова животнаго (м. б. дикой козы.) Рисунокъ не законченъ; голова приподнята, обращена вправо. — 7. Повидимому, силуэтъ туловища человѣка; плечи только намѣчены, головы нѣтъ. — 8. Голова, часть груди и спины лося или сохатаго, самца, молодого. Поворотъ вправо. — 9. Голова козы, силуэтъ, глубоко выбитый; голова поднята вверхъ, вправо. — 10. Коза, судя по очертанію туловища и головы, должно-быть, домашняя. Обращена влѣво, нарисована наискось. — 11. Хорошій рисунокъ коровы, ноги зачерчены старательно, съ означеніемъ раздвоенныхъ копытъ; поворотъ вправо. — 12. Очень недурной силуэтъ двугорбаго верблюда; поворотъ влѣво. — 13. Молящійся земнымъ или подземнымъ божествамъ человѣкъ. Рѣдкая и весьма цѣнная въ научномъ отношеніи фигура[2]). Въ числѣ немногихъ мѣстныхъ петроглифическихъ фигуръ, при соотвѣтственныхъ параллеляхъ подвела насъ къ пониманію многихъ древнѣйшихъ религіозныхъ символовъ, относящихся къ концу свѣтовой системы письма, къ ея мимико-графической фазѣ.

На человѣкѣ шапка съ овальнымъ верхомъ, видимо, плотно прилегающая къ головѣ; поля небольшія. Платье — куртка или короткій кафтанъ и неширокіе штаны, запущенныя за голенища обуви. Плечи приподняты и голова какъ бы ушла въ плечи, какъ при жестѣ пожиманія плечами. Опущенныя руки выпрямлены и отчетливо отдѣлены отъ туловища; всѣ пальцы на обѣихъ рукахъ молитвенно растопырены[3]); положеніе ладоней, къ сожалѣнію, опредѣлить невозможно; ноги раздвинуты. Молитва обращена къ землѣ. — 14. Неясный знакъ, можетъ быть и половой. — 15. Силуэтъ, поясной, стрѣлка изъ лука. Шапка съ небольшими полями. — 16. Силуэтъ приподнятой головы дикой козы. — 17. Грубо поперекъ нацарапанный знакъ животнаго; головой вверхъ. — 18. Приподнятая голова лося, самки; неоконченный рисунокъ. — 19. Рисунокъ (3 к.) самки лося, грубый, неумѣлый, хотя и съ зачерченными четырьмя ногами, но много хуже фиг. 5-й. — 20. Олень, самецъ; голова, спина, часть груди. Незаконченный рисунокъ. — 21. Корова или самка оленя; неясный рисунокъ. Черта туловища между задними ногами не прочерчена. — 22. Фигура оленя, хорошо зарисованная; шея замѣтно выгнута вверхъ, голова съ раскрытымъ ртомъ приподнята кверху;

---

[1]) Г. Н. Потанинъ. Путеш. по С. З. Монголіи, сопост. табл. I. 32 фиг. шаманъ передъ бубномъ.

[2]) Ср. съ фигурою молящагося; египетскій рисунокъ, снятый изъ Perrot et Chipiez. I; такое же опусканіе рукъ на цилиндрахъ (Т. VIII, IV, 4 и 5; V рис. 4 и XIV рис. 13 фигура фараона египетскаго начертанія. Т. XII. Л. 3. 10—11 правые знаки); Т. XII. П. 13. 2.

[3]) См. Табл. VI. 4, 19 и 26; Т. VIII. XIII.

выгибъ шеи, поднятая голова, раскрытый ротъ, напомнили одну изъ фигуръ, вырѣзанныхъ изъ рога, найденныхъ нами около Базанхи, близъ Красноярска. Ноги у той фигуры подогнуты, т.-е. въ жертвенномъ положеніи, на петроглифѣ начертаніе ногъ оленя, къ сожалѣнію, отпало вмѣстѣ съ отслоившимся и отпавшимъ отъ утеса осколкомъ[1]). — 23. Интересная, хотя неоконченная фигура животнаго, повидимому, лося; шея вытянута вверхъ, голова круто приподнята туда же. Вотивное поднятіе головы можно заподазривать. Неоконченные рисунки описаны, — слѣдуетъ обратить вниманіе, что изъ 11 неоконченныхъ рисунковъ восемь изображаютъ головы животныхъ. Не служатъ ли головы символическимъ жертвеннымъ знакомъ всего животнаго? Въ изображеніи головъ замѣчается нѣкоторая условность: всѣ онѣ приподняты и обращены вверхъ. — 24. Человѣкъ, готовящійся стрѣлять изъ лука; титева не натянута. Можетъ быть и вотивное начертаніе. Онъ одѣтъ такъ же, какъ и молящійся на фиг. 13-й, но шапка у него безъ полей, можетъ быть онъ въ башлыкѣ, подобномъ самоѣдскому. Лукъ средней длины, стрѣла съ утолщеніемъ на концѣ. Стрѣлами съ такимъ наконечникомъ („колбунъ", по мѣстному), оглушаютъ или убиваютъ небольшихъ птицъ и животныхъ, не портя ихъ шкурокъ[2]). — 25. Маленькая фигурка человѣка, начерченная позднѣе самки лося (фиг. 19). Широкія поля шляпы свѣшиваются; руки опущены внизъ, вѣроятно, въ молитвенномъ положеніи, съ обращеніемъ къ землѣ, означены въ овальномъ очертаніи; ноги разставлены. Можетъ быть, шаманъ или духъ. — 26. Человѣкъ, натягивающій лукъ; фигура по размѣрамъ, рисунку и способу выбивки подобна фиг. 24-й[3]). Ихъ можно считать начерченными одновременно съ фигуркою 25-ю, въ которую они, повидимому, стрѣляютъ или къ которой молитвенно обращаютъ свои луки; концы стрѣлъ притуплены округленіями изъ религіозныхъ вышеразъяснявшихся соображеній.

3. Атамановскій петроглифъ[4]).

(Т. VII. 7.)

Петроглифъ состоитъ изъ 6 фигуръ: 3 рисунка и знаки животныхъ; рисунковъ незаконченныхъ 1, знаковъ незаконченныхъ 2.

1. Рисунокъ (2 к.) дикой козы. — 2. Такой же, но незаконченный рисунокъ, нацарапаный подъ первою фигурой такъ, что линіи, очерчивающія животъ и грудь, пріурочены въ фиг. второй для очертанія спины и груди. Очертанія головы нѣтъ. — 3. Коза, нѣсколько иной манеры зарисовыванія. — 4. Знакъ дикой козы, ноги переднія выше поставлены, шея вытянута, голова приподнята. — 5. Знакъ неразборчивъ. — 6. фиг. Этотъ незаконченный знакъ изображаетъ, повидимому, козу, безъ головы.

---

[1]) Табл. I, XXI, 4. Поднятіе головы жертвеннаго животнаго, см. цилиндръ ассирійскаго стиля, найденный на Кипрѣ. Т. XII. Л. 18, 6—7.

[2]) См. остяцкое знамя. Т. III. XVIII, 4.

[3]) Фигуры людей 13, 15 и даже 24 и 26 можно сближать съ типами народности на петроглифѣ близь Потрошиловской. Т. V, 1, 2 и другія фигуры, рис. IV, V. 2.

[4]) Съ рисунка В. К. Златковскаго.

4. Биджайскій петроглифъ.

(Т. IX. 7.)

Онъ писанъ красною краской. Состоитъ изъ 27 фигуръ; заключеніе объ одновременномъ начертаніи всѣхъ фигуръ петроглифа нельзя обосновать на начертаніяхъ. Всѣ фигуры — знаки, 4 силуэта нельзя относить къ рисункамъ только потому, что лошади намазаны болѣе утолщенно, — верховые на нихъ означены чертами.

1. Кругъ съ косымъ крестомъ внутри и какъ бы идущими отъ окружности лучами. Едва ли это знакъ бубна, — крестовина бубна чаще зарисовывается въ видѣ прямого креста и безъ лучей, но внутри бубна рисуются круги и съ косымъ крестомъ, см. на этой же таблицѣ, рис. 1-й. Лучи могутъ вызвать у нѣкоторыхъ предположеніе о солнцѣ, но тогда ни косой ни прямой крестъ въ центрѣ круга не означаются, а иногда ставится точка, что мы видимъ, напримѣръ, на фиг. 3-й, но точка нерѣдко отсутствуетъ, какъ это мы видимъ на этой же таблицѣ на рис. 16 (фиг. 1), 14 (фиг. 7) и на нѣк. др.[1]). — 2. Знакъ лошади и верхового; рука всадника держитъ поводъ, нога какъ будто означена согнутою, верховой, повидимому, стоитъ на колѣняхъ. Такой изгибъ ноги, въ глубокой древности, сигнализировалъ молитву небу, но въ сравнительно недавнее время, у шаманистовъ, при быстромъ разложеніи культа, едва ли могъ сохраниться такой пережитокъ. Въ виду того, что этотъ петроглифъ находится предъ впаденіемъ Биджи въ Ману, у брода, мы склонны назвать этотъ знакъ „бродовымъ“, и знакъ молитвы, обращенный къ небу, не находимъ основаній игнорировать, но отмѣтимъ, что рука, протянутая къ шеѣ лошади, даетъ жестъ поклоненія землѣ, а поднятая голень символизируетъ молитву небу и надземнымъ божествамъ. — Фигуры 6, 25, 26 и 27 изображаютъ этотъ же знакъ. На фиг. 25 и 27 есть основаніе заподазривать сѣвернаго оленя (у лошади хвостъ всегда означается). — 3. 3 фигуры. Знакъ солнца[2]). — 4. Слѣды уничтоженной временемъ фигуры. — 5. Верховой на оленѣ, съ опущенными и отставленными отъ туловища руками. — 7 и 8. Колотушка отъ бубна и бубенъ. Форма бубна замѣчательна, она отлична отъ современныхъ бубновъ: овалъ вверху усѣченъ прямолинейно[3]). Такая же форма означена и на рис. III, фиг. 4. — 9. Сильно поблекшая фигура ѣдущаго на оленѣ. — 10 и 11. Верховой на лошади и пѣшій, ведущій эту лошадь подъ уздцы. И пѣшій и верховой какъ бы поднимаются на гору. Пѣшій можетъ быть принятъ и за молящагося. — 12. Верховой на оленѣ, съ распростертыми въ стороны руками — знакъ молитвы: туловище и руки образовали прямой крестъ. — 13. Овалъ, раздѣленный

---

[1]) Вѣроятно, солярный знакъ съ косымъ крестомъ, выражавшимъ поклоненіе солнцу. См. рис. идоловъ съ лучами у В. М. Флоринскаго, Первоб. славяне, Томскъ, 1894 г., стран. 287. Предметъ № 1887, пожертвованный мною, ошибочно означенъ В. М Флоринскимъ около Красноярска: с. Чадобецъ, на Ангарѣ, въ Кежемской волости.

[2]) Въ коллекціи И. А. Лопатина, помнится, есть солярные мѣдные знаки. Пріобрѣтенный мною переданъ въ музей Томскаго университета. Къ сожалѣнію, мы болѣе не нашли рисунковъ съ древнихъ памятниковъ этого рода.

пополамъ. Знакъ полдня чаще изображается съ продолженіемъ линій за окружность[1]), тавро или знакъ пола, съ опредѣленностію трудно сказать. — 14. Пятно — слѣды уничтоженной временемъ фигуры. — 15. Верховой, съ рукою протянутою къ головѣ лошади. — 16. Человѣкъ, сидящій на оленѣ, распростершій руки въ стороны. — 17. Лошадь и надъ нею какъ бы перепрыгивающій черезъ нее человѣкъ, но это едва ли волтижерство или фокусъ-покусы, какъ полагали прежніе изслѣдователи, а скорѣе картинное символическое изображеніе молитвы при посадкѣ на лошадь, нѣчто подобное начертаніямъ на этой же таблицѣ: рис. XV, фиг. 1; рис. XVI — фиг. 14 и рис. XX — фиг. 6. Эти начертанія слѣдуетъ параллелизировать съ голодскимъ бурханомъ изъ травы „Хермиктани"[2]). Слѣдуетъ имѣть въ виду пиктографы на древне-финикійской и этрусской вазахъ, Kypros. M. Ohnefalsch-Richter, Tafeln: CII (102). 6 и CXXXII (132). 4; Text: 434 и 446. — 18. Знакъ человѣка, съ раздвинутыми ногами и распростертыми горизонтально руками, образующими съ туловищемъ прямой крестъ. И здѣсь мы видимъ зарисованную молитву. — 19. Пятно. — 20. Поблѣднѣвшее отъ времени начертаніе молящагося человѣка, тождественное съ фиг. 18. — 21. Также знакъ молящагося человѣка, но рукоположеніе нѣсколько иное: руки немного опущены внизъ, зарисованы не округленно, а прямолинейно[3]). — 22. Большое пятно. — 23. Фигура молящагося человѣка, съ раздвинутыми ногами, руки распростерты, зачерчены округленно. Голова округлена. — 24. Верховой на лошади, съ низко опущенной головой. Руки всадника распростерты въ стороны, горизонтально, подобно 16-й фиг., образуя съ туловищемъ крестъ, но въ одной рукѣ, въ то же время, держитъ узду. — 25, 26 и 27 отмѣчены выше, обратимъ вниманіе только на фиг. 27-ю: у оленя отмѣчено 4 ноги (три рядомъ фигуры и три манеры зарисовыванія). — 28. Всадникъ на оленѣ; между ногъ оленя круглое пятно. Около руки длинное пятно отъ расплывшейся краски, въ рукѣ что-то въ родѣ сабли. Руки распростерты, образуя съ туловищемъ прямой крестъ.

Относительно этого петроглифа, написаннаго на утесѣ вблизи брода чрезъ Ману, весною и послѣ дождей далеко не безопаснаго, должно сказать, что вся эта интересная группа фигуръ зарисована нами съ возможно точнымъ ихъ расположеніемъ. Различная сохранность краски, различіе въ очертаніи знаковъ и въ толщинѣ черты, нѣкоторое отличіе въ знакахъ молитвы, не даютъ основаній разсматривать этотъ петроглифъ, какъ одновременную картинную запись какого-либо событія изъ жизни аборигеновъ.

Происхожденіе петроглифа представляется намъ проще. Авторы этихъ начертаній, ихъ было нѣсколько, дѣлали эти начертанія, движимые религіозными побужденіями,

---

[1]) Ср. съ бубномъ VI табл. 5. 8.— Въ условномъ очертаніи головы петроглифа на Бирскомъ курганномъ камнѣ мы склонны видѣть отраженіе очертаній бубновъ того времени, но, вѣроятно, въ то время и продолговато-овальная форма, IV рис. 1, имѣла мѣсто.

[2]) П. П. Шимкевичъ. Этнографическая коллекція. Румянцевскій музей.— Моск. Публ. и Румянц. Музей. Засѣд. въ память гр. Н. П. Румянцева. М. 1897. Вс. Ѳ. Миллеръ. Нѣсколько словъ о коллекціи П. П. Шимкевича.

[3]) Взято, какъ типъ, въ табл. классификаціи молитвенныхъ движеній. Т. XII. Л. 3. 10 и сосѣднія фигуры, какъ производныя для генезиса символовъ.

конечно, въ такое время, когда бродъ былъ наиболѣе опасенъ. Начертавъ молитвенный знакъ или какое-либо священное изображеніе отъ себя и по просьбѣ другихъ, и шаманъ и обыкновенный человѣкъ были увѣрены, что на эти знаки, молитвенные сигналы, соотвѣтственные божества или духи должны обратить вниманіе, какъ и на тѣ молитвенныя тѣлодвиженія, которыя они будутъ свершать и при переѣздѣ черезъ бродъ.

Хотя наши проводники, потомки мѣстныхъ казаковъ, и заявляли, что „наши прадѣды и прапрадѣды застали эти писанцы", но древность всѣхъ ихъ, конечно[1]), не такъ велика, чтобы на нихъ не отразилось вліяніе ламаистовъ, съ ихъ общеизвѣстными механическими воззрѣніями на молитву. Признаки разложенія культа — въ отсутствіи молитвенныхъ движеній направленныхъ къ небу.

5. Петроглифы у „Борка".

I таблица, XI рисунокъ, сохранившаяся часть изображенія красною краской животнаго, съ неотпавшею частью изображенія всадника. Въ знакѣ этомъ мы склонны видѣть верблюда, изображеніе котораго ближайшимъ къ намъ аборигенамъ Енисея не давалось, какъ видно и изъ другихъ начертаній.

IX таблица.

5 рис. Кругъ съ лучами, знакъ солнца; нижняя половина, вѣроятно, отлетѣла съ выпавшимъ изъ скалы осколкомъ. Солнечный кругъ не всегда изображался полностью[2]).

9 рис. Начертаніе это, путемъ параллелей, мы считаемъ состоящимъ изъ двухъ знаковъ. 1-й — знакъ шамана съ бубномъ и колотушкою. 2-й — знакъ солнца, въ нѣсколько измѣненномъ китайскомъ древнѣйшемъ знакѣ. Кругъ съ лучами, но безъ кружка внутри (Ср. Табл. XI 4. 8 верт.). Лодка[3]), на которой поставлено солнце, выгнута, она приходится слѣва, т.-е. солнце изображено склоняющимся къ западу.

На сложной фигурѣ, начерченной, навѣрное, шаманомъ, на заходящемъ солнцѣ стоитъ шаманъ, съ распростертыми руками, немного склоненными внизъ къ солнцу, бубенъ спущенъ и колотушка свѣшена внизъ. Лодка съ подставкою для солнца образуютъ молитвенный символъ поклоненія. Справа виденъ знакъ птицы, летящей вправо, т.-е. хвостомъ и перьями крыльевъ сигнализирующей благословеніе.

Этотъ знакъ въ научномъ отношеніи очень важенъ: онъ указываетъ, что еще не такъ давно (при круглыхъ бубнахъ) шаманы еще чертили и, вѣроятно, понимали многіе изъ символовъ, нынѣ, повидимому, совершенно вышедшихъ изъ употребленія[4]).

---

[1]) Осмотръ мѣстности дѣлался нами рекогносцировочно, бѣгло, утесы вдали отъ современныхъ верховныхъ тропъ слѣдуетъ осмотрѣть съ обстоятельностію. Утесы съ начертаніями не всѣ извѣстны и проводникамъ.

[2]) См. т. III. IV. 12.

[3]) Названіе «лодкою» начертанія египетскаго креста (древне-еврейское thav), присоединенное въ поворотѣ къ кругу солнца для означенія подъема рукъ съ отставленными большими пальцами и, можетъ быть, съ перекрещиваніемъ рукъ надъ головою, уже давно забытаго, но сохранившагося пережитка, далеко не единственный примѣръ того, во что обращаются и какъ конкретируются обломки знаковъ древнѣйшей свѣтовой системы письма.

[4]) Ср. X рис. этой же таблицы, при чемъ оленя слѣдуетъ сопоставить съ орхонскимъ петроглифомъ. Т. XI. 18. 1, по знаку сидящаго на немъ; еще Т. I. XVIII. 3.

11 рис. 1 фиг. Лежащійся верблюдъ. — 2. Силуэтъ медвѣдя. — 3. Верблюдъ съ сидящимъ на немъ человѣкомъ.

18 рисунокъ. Всадникъ на верблюдѣ. Голова всадника и задняя часть верблюда не сохранились (Ср. рис. XI, табл. I).

6. Бирюсинскій петроглифъ.

На табл. IX, на рис. 19 видимъ, что отъ нѣкогда значительнаго петроглифа сохранилось только 3 фигуры: 1. неясная фигура верхового, съ распростертыми руками; — 2 и 3 фигуры мужчины и женщины, въ молитвенныхъ позахъ. У мужчины сгибы опущенныхъ рукъ изображены прямолинейно, у женщины округленно. Ноги раздвинуты[1]).

7. Петроглифъ Каменки (Лугавскаго[2]).

I таблица, рисунокъ XIX.

Петроглифъ состоитъ изъ 8 начертаній, изъ нихъ 2 рисунка оленей, самца и самки. Рога оленя зарисованы не натурально, замѣтна условность и въ сближенныхъ, но означенныхъ полностію ногахъ, животныхъ.

1 фигура. Прямой крестъ, начерченъ надъ животными. — 2. Косой крестъ, начерченъ надъ загадочными принадлежностями культа или молитвенными чарующими символами. — 3. Самка оленя. На первый взглядъ животное можетъ показаться скачущимъ, но переднія и заднія ноги зарисованы плотно сдвинутыми, съ раздѣлительными чертами; ухо означено одно, обращено назадъ, при опущенной головѣ и укороченной шеѣ. Намъ кажется, животное зарисовано убитымъ, лежащимъ, но изображено въ обычномъ боковомъ положеніи вслѣдствіе трудностей ракурснаго зарисовыванія, а, главное, вслѣдствіе установившихся и общепринятыхъ правилъ. Возможно, что животное связано и находится, можетъ быть, въ положеніи животнаго, подготовленнаго къ жертвоприношенію, во всякомъ случаѣ поворотъ самки задомъ къ предмету священному магическому, какъ видно на соотношеніи фигуръ 5-й и 8-й, заслуживаетъ вниманія: тутъ, можетъ быть, высказывается ритуальная неравноправность жертвенныхъ животныхъ. Окончательное рѣшеніе вопроса зависитъ отъ увеличенія параллелей. — 4-ю фигуру и тождественную съ нею, 8-ю, мы опишемъ вмѣстѣ, но сперва ознакомимся съ начертаніемъ (фиг. 5) самца оленя, оно отмѣчаетъ значеніе обѣихъ фигуръ. — 5. Олень стоитъ передними ногами почти на срединѣ окружности фигуры 8-й, съ опущенной внизъ головой, съ укороченной шеею, съ закрытымъ ртомъ; ушей животнаго не видно; оба рога видны раздѣльно, несмотря

---

[1]) Рисунокъ этого петроглифа художника Беркгана, спутника Миллера, помѣщенный академикомъ В. В. Радловымъ въ «Сибирскихъ древн.», изд. Императорскаго Арх. Ком., т. I, приложеніе, стран. 68, состоялъ, повидимому, изъ 25—30 начертаній животныхъ. — Статья гр. Спасскаго, стран. 143—144 и стран. 177.

[2]) Съ рисунка М. А. Кастрена. — Aspelin. M. A. Castrens Aufzeichn. über die Altertümer im Kreise Minussinsk. Hels. 1901, стран. 16.

на боковой рисунокъ. Оба прямыхъ рога направлены вверхъ, немного расходясь, образуя развилину, молитвенный знакъ. Острея роговъ и ихъ вѣтвей притуплены. На рисункѣ бо́льшаго размѣра, у Аспелина, это виднѣе. Двѣ вѣтви роговъ обращены наружу и также зарисованы притупленными. О притупленности или объ утолщеніи острыхъ концовъ молитвенныхъ знаковъ и объ отклоненіи колющихъ концовъ символовъ нѣсколько въ сторону отъ божествъ, къ которымъ они обращаются, намъ придется говорить неоднократно при болѣе соотвѣтственныхъ обстоятельствахъ. Здѣсь же ограничимся отмѣткою графическаго факта и продолжимъ описаніе фиг. 5-й. Переднія ноги оленя сдвинуты плотно, заднія немного разставлены. И здѣсь есть основанія заподазривать жертвенное предназначеніе животнаго.

Возьмемъ ближайшія параллели. На этой же таблицѣ I, на рис. XX, фиг. 2-й, сохатый, самецъ, зарисованъ стоящимъ почти въ такомъ же положеніи подъ знакомъ молитвы (человѣкъ, воздѣвшій руки кверху и стоящій, сдвинувъ ноги) увеличеніе линій рукъ и шеи съ головою, подчеркивающій символизмъ древняго шаманиста. На округленность очертанія символа обращаемъ вниманіе — это относительное хронологическое показаніе, конечно въ предѣлахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ. Замѣчательно, что и рога лося, на рис. XX, изображены также условно: въ видѣ того же знака молитвы, подъ которымъ онъ склонилъ свою голову. — 4-й и 8-я фигуры, рис. XIX, уже по 1-й параллели, можно признать въ ритуальномъ отношеніи равносильными съ молитвенными знаками и символами, хотя графическій генезисъ этого символа намъ пока неизвѣстенъ, но вопросъ о его заимствованіи можетъ быть нѣсколько освѣщенъ слѣдующими параллелями.

Какъ видимъ, знаки эти состоятъ изъ незамкнутаго круга, узкій выходъ изъ котораго обчерченъ двумя короткими параллельными линіями, выходящими наружу; начертаніе какъ бы изображаетъ шарообразную бутыль (колбу) съ короткимъ прямымъ горлышкомъ.

На петроглифѣ, зарисованномъ Палласомъ, къ сожалѣнію, безъ точнаго означенія мѣста, на этой же таблицѣ, на XXII рис., фигура 3-я изображаетъ интересующій насъ колбообразный знакъ, съ добавочнымъ маленькимъ кружечкомъ посрединѣ, въ тѣсномъ соприкосновеніи, слѣва, съ знакомъ молитвы, ф. 1, касающимся и обращеннымъ, повидимому, къ разсматриваемому символу, а справа, знакомъ шамана (бубенъ вблизи) съ поднятою вверхъ колотушкою. Оріентируясь по колотушкѣ (пр. рука), шаманъ стоитъ спиною къ намъ, надъ самымъ выходомъ изъ круга.

На VI таблицѣ, на 3-мъ рисункѣ, фигура 13-я изображаетъ нѣчто очень близкое по начертанію съ разсматриваемымъ знакомъ: отличіе въ овальности очертанія и въ двухъ точкахъ въ срединѣ этого овала. Точки для усиленія и разъясненія молитвенныхъ символовъ, какъ увидимъ далѣе въ большомъ числѣ примѣровъ, имѣютъ знаменательное религіозное значеніе[1]). Знакъ примыкаетъ къ боку камлающаго шамана. Предположеніе это обосновано на высоко воздѣтыхъ рукахъ мущины неестественно длинныхъ и изогнутыхъ, на животномъ, стоящемъ около него, въ знакомой намъ

[1]) Конечно, можно принимать ихъ и какъ глаза, но въ данномъ случаѣ болѣе соотвѣтствующимъ мы считаемъ первое объясненіе.

позѣ и, наконецъ, по указанному выше загадочному символу, молитвенное значеніе котораго усилено двумя точками, и который прилегаетъ узкимъ выходомъ къ груди человѣка, съ лѣвой же стороны, какъ и на рисункѣ Палласа. Взглянемъ на рисунокъ 4-й, на этой же VI таблицѣ, на фигурѣ 23-й, шаманъ (также безъ шапки) держитъ бубенъ въ лѣвой рукѣ и колотушку въ правой, обращенъ, слѣдовательно на З., лицомъ къ смотрящему на него. Петроглифы есть основаніе считать близкими по времени начертанія, и мы вправѣ заключить, что графически нашъ загадочный знакъ можетъ становиться на мѣсто священнаго бубна, но, какъ можно думать, только во время камланія. Не символизируетъ ли этотъ знакъ вытеканія изъ бубна разнообразныхъ священныхъ, чарующихъ волшебныхъ звуковъ? Не символъ ли это бубна самостоятельно священнодѣйствующаго? Разрѣшеніе вопроса, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, въ увеличеніи матеріаловъ, въ обиліи параллелей[1]).

Разсматриваемый религіозный символъ, какъ графическій пережитокъ, подобно многимъ другимъ знакамъ и символамъ, пережившимъ давно разложившіяся и умершія особенности древнихъ культовъ, сохранился у алтайцевъ (Табл. V, XVII, фиг. 11), живетъ еще онъ и среди минусинскихъ инородцевъ, дальнихъ каргинцевъ (V таблица, рис. III, фиг. 7) и казановцевъ, съ нѣкоторыми добавленіями, которыя обусловливаются такъ называемымъ „отпятнываніемъ“ при выдѣленіяхъ и раздѣлахъ имущества. Древнее значеніе знака совсѣмъ изгладилось изъ памяти современниковъ и прибавленія дѣлаются совершенно произвольно, но это и не безъ пользы: дисгармонія графическая невольно кидается въ глаза.

На одной архаической вазѣ, изъ находокъ Чеснола (L. Cesnola) на Кипрѣ (Табл. VIII, рис. V, фиг. 2), видимъ нѣчто подобное интересущимъ насъ символамъ, входящимъ въ составъ молитвенной мельницы, вѣроятно вѣтряной. На трехъ молитвенныхъ знакахъ, включенныхъ другъ въ друга, утверждена ось съ крыльями для вращенія, но на нѣкоторыхъ вращающихся палочкахъ утверждены яйцевидные и колбовидные свистки и гудочки, которые очевидно считались обязательнымъ дополненіемъ къ графической молитвенной сигнализаціи, направленной къ небу, что видно на двухъ верхнихъ крыльяхъ молитвеннаго механизма[2]). Можетъ быть, вѣра во всевидѣніе и неусыпную бдительность боговъ уже значительно ослабѣла, и разнообразные звуки, включая сюда и крикъ слетѣвшихся птицъ, устраивались для пробужденія боговъ и возбужденія ихъ вниманія, этимъ, всего правдоподобнѣе, объяснять и профилактическое, т.-е. оберегательное значеніе стука, свистковъ, гудѣнія, звона и крика птицъ.

Попутно, приходится усомниться въ томъ, что первенство въ привлеченіи вѣтра и воды къ исполненію религіозныхъ обязанностей принадлежитъ ламаистамъ. — Фиг. 6 на разсматриваемомъ рисункѣ XIX, табл. I, изображаетъ кругъ, вѣроятно въ смыслѣ религіознаго огражденія и защиты со всѣхъ сторонъ, какъ благосклонное

---

[1]) Въ буквенныхъ начертаніяхъ Набатейскаго алфавита (I — IV в. послѣ Р. Х.) есть подобное начертаніе, см. рис. 97 у Шницера, Ист. письм.—генеалогія и эволюція араб. письменности, стран. 142.—Reallexicon. Forrer. S. 714.— У Fr. Lenormant. L'alphabet Phenic. II vol. pl. XV, 10-я полоса снизу.— Эти знаки есть въ тамгахъ черкесскихъ (Т. XII. Л. 15, 2, по Андрэ) и у горныхъ калмыковъ (Т. XII. Л. 16, 4).

[2]) Сопост. съ фиг. 3-й и 8-й, рисунка XV, табл. I.

принятіе всѣми божествами и духами, окружающими молящагося. — 7 фиг. Прямой крестъ, нѣсколько расщепленный и утолщенный на концахъ. См. объясненія при фигурѣ 5-й.

8. Копенскій петроглифъ.

Таблица II, рисунокъ XIII.

Фиг. 1. Знакъ мужчины, его голова сдѣлана кружкомъ (безъ выбивки камня внутри его), держащаго большой лукъ (выше его роста), вѣроятно, лѣвой рукою, правая же, безъ изгиба, отставлена отъ туловища опущенною внизъ. Очевидно, передъ стрѣльбою охотникъ молится, но ритуалъ или совсѣмъ другой или зарисована другая предварительная фаза, т.-е. до упиранія правой руки въ бокъ. Ср. на этой же таблицѣ, рис. XIX, фиг. 6 и 8. — 2. Грубо и глубоко высѣченный силуэтный знакъ пасущейся самки оленя.

Таблица VI, рисунокъ III.

1 фиг. Знакъ можно принять за неоконченное начертаніе, но онъ встрѣчается на петроглифахъ Енисея (Табл. I, рис. VIII, фиг. 4); на Табл. III, VIII, 5 и еще чаще въ тамгахъ. Тождественное начертаніе видно на джудскихъ монетахъ (Табл. V, рис. XVII, фиг. 24 и 26), но заканчивающееся прямолинейно. Въ разсматриваемомъ же начертаніи и указанномъ выше на Майдашинскомъ петроглифѣ видны небольшіе отгибы. Но на фиг. 26-й, табл. V, рис. XVII, мы видимъ и отгибъ и точку, обозначающую всегда религіозное значеніе знака: молитва или благословеніе направляется внизъ. Загибы наружу, внизу знака, указываютъ положеніе кистей рукъ, а главное—обращеніе ихъ ладонями внизъ. Такимъ образомъ, значеніе и происхожденіе знака мы считаемъ достаточно выясненнымъ, но нѣкоторыя параллели никогда не излишни.

Среди джутскихъ родовыхъ знаковъ (V табл. VII рис.) есть знакъ очень интересный по варіаціи разсматриваемаго религіознаго символа. На фиг. 25-й мы видимъ означеніе кистей рукъ, отвѣсно опущенными, обращенными къ землѣ концами пальцевъ, мало того, въ срединѣ черточка, остреемъ внизъ — въ видѣ прямой мало изогнутой запятой. Мы имѣемъ основаніе догадываться, что составитель этого герба, во избѣжаніе недоразумѣній, графически далъ понять земнымъ и подземнымъ божествамъ и духамъ, чтобъ они этого молитвеннаго обращенія на свой счетъ не принимали. Какъ видно по рогамъ, по раздвоенію шапки или по молитвеннымъ линіямъ тотъ же символъ обращенъ къ небеснымъ богамъ. Но какъ ставился этотъ варьированный символъ на лошадяхъ? Навѣрное, безъ запятой или съ точкою. Родовой знакъ, какъ клеймо, въ нѣкоторыхъ случаяхъ повертывается. Есть, напримѣръ, монета Владимира Святого съ повернутымъ внизъ родовымъ знакомъ, уже значительно стилизированнымъ. Эта ошибка налагавшаго штамбъ (если онъ сокровенно оставался вѣрующимъ язычникомъ) могла быть и психологически случайною и логически сознательною: въ его глазахъ символъ высшаго небеснаго божества или знакъ молитвы ему священенъ, какъ самый идолъ божества, — и на ношеніе его надо имѣть право. Для вещи, предназначенной ходить по рукамъ, по соображеніямъ чеканившаго, достаточно знака благословенія божества. Неизъятіе такой монеты изъ обращенія въ связи съ замѣною

этимъ древнимъ молитвеннымъ знакомъ другого религіознаго христіанскаго начертанія, фактъ интересный самъ по себѣ, не по одному косвенному указанію на генезисъ родовыхъ знаковъ. Конечно, доисторическая геральдика согласовалась съ тѣмъ, какой символъ былъ избранъ или данъ родовымъ знакомъ. Напримѣръ, на той же V табл., на томъ же рис. XVII тамги 18-я и 19-я въ повертываніи не нуждались. Тамга 20-я тоже, но не срисована ли она съ коня или женскихъ украшеній? Тутъ можно ожидать интереснѣйшихъ пережитковъ: тамга на самомъ владѣльцѣ и его вооруженіи можетъ быть иначе поставленною. Тамга 22-я на коня должна быть наложена повернутою и тогда она будетъ тождественною по религіозному значенію съ 20-ю (разница только въ способѣ начертанія рукъ и ногъ).

Укажемъ еще на тюрко-алтайскую тамгу (V, III, 16 казановская), она сходна съ 25-й джутской тамгою (V. XVII), но безъ запятой.

Въ остяцкихъ знаменахъ (VI т. X рис. фиг. 2; рис. XI, 1 и 5 и III т. XX рис. фиг. 7) XVII вѣка, регрессъ или, правильнѣе, разложеніе религіи отразилось и на древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства: къ плечамъ пририсованы еще руки, на первомъ изъ указанныхъ рисунковъ съ означеніемъ раздвиганія пальцевъ. — Фиг. 2-я VI т. 3. Вѣроятно, изображеніе бубна; прочерченъ наклонно только баръ, но съ утолщеніемъ въ срединѣ. — 3, 4, 5 и 6 фигуры—символы молитвы поклоненія земнымъ божествамъ или благословеніе свыше (4 фиг.)[1]).

Чтобы понять, на чемъ мы основываемъ генезисъ этихъ символовъ, слѣдуетъ взглянуть на табл. XII, л. 4 — 1, 2 и, кстати, для будущаго, и л. 4 — 3, 4 и 5, также и табл. XII, п. 15, 1—5[2]).

Первыя двѣ фигуры — знаки человѣка, молящагося небу и землѣ, въ овальномъ очертаніи. Ноги раздвинуты, но въ символизаціи молитвы они не занимаютъ перваго мѣста. Поэтому, для упрощенія и ясности, на 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ рисункахъ, а также въ правомъ столбцѣ этой же, XII табл., п. 14 и 15 ряды, взяты только поясные знаки людей, также въ округленномъ очертаніи. Другіе пріемы зачерчиванія религіозныхъ схемъ, исходящіе изъ различій молитвеннаго рукоположенія, можно увидѣть на этомъ же столбцѣ. Для относительныхъ хронологическихъ соображеній эти особенности не маловажны. Генезисъ, т.-е. отвлеченіе существенныхъ и отбрасываніе несущественныхъ признаковъ, виденъ наглядно. На табл. XII. Л. 4. 1 и 2 знаки головы и части туловища, на фиг. 3-й эта черта, какъ несущественная уже отброшена, но на 4-й фигурѣ осталась точка, какъ знакъ головы, какъ показатель религіознаго значенія изображенныхъ дугъ или, быть можетъ, и усиленіе молитвеннаго дѣйствія символа.

Обратимъ, кстати, вниманіе и на той же XII табл. п. 14 — 4, здѣсь видимъ оставленной черту туловища, а голову незачерченной, а на 15 строкѣ, на 4 поясномъ знакѣ, мы видимъ голову и туловище означенными. Этотъ символъ будетъ

---

[1]) Этотъ же символъ конкретно стилизированный видимъ, напримѣръ, на уздечномъ украшеніи «Семибратняго» кургана. «Русскія древн.» гр. И. Толстого и Н. Кондакова, I, 117, рис. 144. Нижній хищникъ стилизированъ по символу дуги, XII т. П. С. 15. 5; когти хищника не выпущены.

[2]) Цифры при таблицахъ: X, XI, XII, XIII, означаютъ: первая послѣ точки — горизонтальную полосу начертаній, а вторая — вертикальную полосу. Для таблицъ въ два столбца (X и XII) предъ цифрою горизонтали стоятъ буквы: «п» и «л» (правый и лѣвый столбцы).

встрѣчаться очень часто. На фиг. 3-й разсматриваемаго III рис. VI табл. Копенскаго петроглифа, черта головы и шеи удлинена, на фиг. 5-й верхняя часть отвѣсной черты молитвеннаго символа выгнута влѣво. Не сдѣлано ли это начало завитка изъ религіозныхъ соображеній, чтобы сигнализировать молитву небу и верхними тупыми углами? Что такой взглядъ у копенскихъ канонистовъ существовалъ, можно увидѣть рядомъ, на 4-мъ рисункѣ этой же таблицы, на 6-й фигурѣ: въ тупыхъ углахъ, образованныхъ линіями туловища и раздвинутыхъ ногъ, стоятъ точки, т.-е. имъ придано молитвенное значеніе. — 6 фиг., 3-го рис. теперь не требуетъ объясненій; символъ отбитъ глубоко, широко, концы чертъ округлены.

Символы 6-й и 4-й, въ обоихъ поворотахъ, которые мы увидимъ и на другихъ рисункахъ этой же таблицы[1]), вошли въ обоихъ поворотахъ въ енисейскій алфавитъ. Подчиняясь горизонтальности строкъ написанія, знаки приняли отвѣсное положеніе, удержавъ при этомъ нѣкоторый изгибъ линій вверхъ и внизъ. Парность и обратность этихъ, какъ и другихъ буквенныхъ начертаній енисейскаго и многихъ другихъ древнихъ алфавитовъ особенно въ пережиткахъ, въ дублетныхъ начертаніяхъ буквъ, зависитъ отъ прежняго бустрофедоннаго направленія письма. До IX вѣка греки писали, какъ семиты отъ правой руки къ лѣвой, до VIII вѣка писали и отъ лѣвой руки къ правой, чередуя строки. Этотъ бустрофедонъ[2]), способъ письма, опредѣляющій время заимствованія, сохранился въ енисейскихъ надписяхъ. Эти двойники буквенныхъ начертаній — знакъ и тотъ же знакъ, но въ поворотѣ въ другую сторону — привели насъ къ увѣренности, что для буквъ взяты религіозные символы, въ большинствѣ случаевъ графическія схемы мимическаго выраженія молитвы. Хотя эти упрощенныя для легкости и быстроты письма графическія схемы, эволюціонируя, и значительно дифференцировались, отошли отъ рисунковъ, но они въ то время еще не были пустыми пережитками, знаками звуковъ, они хранили еще таинственный религіозный смыслъ и оставались неизмѣнными въ своемъ молитвенномъ значеніи. Различіе знаковъ было чисто графическимъ, происходящимъ отъ ограниченности изобразительныхъ средствъ. Въ то время животныя изображались постоянно съ боковъ, человѣкъ же означался только спереди и сзади, исключенія (боковые знаки) чрезвычайно рѣдки. Когда бустрофедонная строка шла справа налѣво, предметныя воплощенія молитвенныхъ знаковъ и символовъ рисовались читающему сперва какъ бы идущими къ нему и послѣ поворота, уходящими отъ него, т.-е. онъ видѣлъ тѣ же символы, но повернутыми.

Какъ въ петроглифахъ, многіе символы, обращенные вверхъ къ небу, въ поворотѣ сигнализируютъ обращеніе внизъ, землѣ, такъ и въ надписяхъ, эти же символы, ставъ бокомъ, являются въ сущности пережитками бустрофедонной стадіи алфавитнаго письма, въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ бы выражающими собою религіозный дуализмъ котораго, въ его современномъ смыслѣ, въ анимистической стадіи культа, во время появленія письменъ на Енисеѣ, должно думать, еще не было. Эти разнородные ре-

---

[1]) Ср. VI т. 4 рис. 3 и 4, справа отъ 20 фиг. 32 фиг.; рисунокъ 5. 1, 5 и 14; рис. 6. 12.

[2]) Forrer's Reallexikon. Taf. 201. 7-й и объясненіе на 711 стран. — Всеобщая исторія письма Шницера, стран. 168. — Генезисъ направленія строкъ, т.-е. самого бустрофедона, мы видимъ въ графической практикѣ свѣтового письма; звуковая система подчинилась главенству культа правой руки.

лигіозные молитвенные знаки и символы, съ соотвѣтствующими имъ поворотами, въ центробѣжномъ направленіи были графическимъ означеніемъ молитвъ, направленныхъ во всѣ стороны, не только впередъ, назадъ и въ стороны, т.-е. по поверхности земли, но и вверхъ и внизъ, къ небу и подъ землю. Тѣ же знаки и символы, идя въ обратномъ центростремительномъ направленіи, выражали ему благоволѣніе, благословеніе, защиту; ихъ пути движенія не ограничивались только поверхностію земли, но исходили и изъ разныхъ мѣстъ широкаго и высокаго неба и изъ подземнаго міра. Такимъ образомъ, и человѣкъ того отдаленнаго времени, и божества, и духи, окружавшіе его со всѣхъ сторонъ и наполнявшіе весь доступный для него и для его пониманія міръ, безпрестанно сносились между собою и вели съ нимъ обширнѣйшую корреспонденцію, не ежедневную, даже не ежечасную, а, можно сказать, ежеминутную и легко въ ней разбирались, только для насъ пока она кажется шифрованной. По всей вѣроятности, только для упорядоченія и облегченія въ веденіи этой непосредственной переписки, участіе въ ней женщинъ, конечно, по взаимному соглашенію боговъ съ родоначальниками, не допускалось.

Итакъ, въ до-алфавитной религіозной графической символикѣ, какъ мы ее понимаемъ, не было словъ, но эти знаки и символы, съ которыми мы начинаемъ ознакомляться, несомнѣнно вызывали у современниковъ живыя образныя представленія, преисполнявшія ихъ своеобразною вѣрою и наивною сердечною готовностію служить своимъ богамъ и воспринимать взамѣнъ ихъ благодѣянія.

Стараясь, по мѣрѣ силъ, понять эти графическіе памятники культа въ петроглифахъ Енисея и въ буквенныхъ начертаніяхъ древняго енисейскаго алфавита, *съ точки зрѣнія религіозной практики* — съ культа, т.-е. съ того логическаго конца, съ котораго, какъ извѣстно, началась эволюція религіи, не упуская изъ вида, конечно, тѣхъ проявленій догматики, какія могли отразиться въ изобразительномъ искусствѣ, мы пришли къ убѣжденію, что анимизмъ принудилъ человѣка заниматься первоначальными астрономическими наблюденіями и географическими изслѣдованіями, при чемъ, конечно, его учительница, природа, не освобождала его отъ нагляднаго курса геометріи и пропедевтическій курсъ природовѣдѣнія не находила для него вреднымъ. Усвоеніе и закрѣпленіе въ памяти образовывавшихся отвлеченныхъ представленій, понятій и сужденій, заставили человѣка и писать сперва рисунками, потомъ знаками, потомъ ихъ дальнѣйшими графическими сокращеніями — символами и, наконецъ, буквами.

Сдѣланное небольшое отступленіе, мы увѣрены, облегчитъ пониманіе дальнѣйшихъ символовъ, и сдѣлаетъ излишними подробныя объясненія въ будущемъ. Кромѣ того, оно разъясняетъ, что разсматриваемые до-алфавитные символы никакой связи съ эмблемами, геральдическою, теософическою, оккультическою и т. п. символикою и кабалистикою не имѣютъ, какъ съ позднѣйшими энтографическими разновидностями, которыя никоимъ образомъ не могли оказывать обратнаго дѣйствія на генезисъ, видоизмѣненіе и развитіе буквенныхъ начертаній въ древнѣйшихъ алфавитахъ.

Таблица VI, рис. III, фиг. 7.

Знакъ мужчины, въ молитвенной позѣ, руки, опущенныя внизъ въ прямоугольномъ начертаніи, но ноги согнуты немного, далеко не такъ типично, какъ видимъ

на IV рис. (см. направо), фиг. 26-й. Голова означена кружкомъ; шапки нѣтъ. Кисти рукъ означены въ тройственномъ перстосложеніи. На genitalia m. видны съ боковъ выступы. Въ 4-мъ рапортѣ Этнолог. бюро Smithsonian Instit. на стран. 245-й видимъ такой крестъ на genitalia, образованный поперечною линіею; у Страленберга есть фигура, у которой genitalia m. оканчивается четыреугольнымъ расширеніемъ[1]). У разсматриваемой фигуры Копенскаго петроглифа означены и ступни ногъ. — 8 фиг. III рис. Знакъ человѣка въ шапкѣ, съ плоско-овальнымъ верхомъ и съ небольшими полями, отбитый болѣе широкой и глубокой бороздой, едва ли одновременно съ предшествовавшею фигурой. — Фиг. 8-я, повидимому, древнѣе фиг. 7-й. Руки также опущены внизъ, но плечевыя части рукъ также сильно приподняты, но начерчены округленно; возможно заподазривать и двѣ дуги, т.-е. крыловидное рукоположеніе, см. родовой знакъ айнъ, т. XI.17—1, ср. т. XII. 20—1.

Это рукоположеніе, какъ многія другія изъ енисейскихъ петроглифовъ и буквенныхъ начертаній, наблюдаются и на нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ петроглифахъ[2]).

Ноги фиг. 8-й не согнуты въ колѣняхъ, но раздвинуты. Большое значеніе придаетъ этой фигурѣ мужчины религіозный знакъ (благословеніе отъ земли), наложенный на genitalia m. послѣдствіемъ чего, можетъ быть, является ихъ состояніе, отмѣченное чертою справа. Поступимъ подобно аборигенамъ: отбросимъ туловище, руки и голову, оставимъ только ноги, сигнализирующія молитву землѣ и ея отвѣтный символъ. Буква намъ хорошо знакома и въ этомъ начертаніи. Замѣчательно, что этотъ сложный символъ (состоящій изъ двухъ угловыхъ) не только входитъ въ составъ буквенныхъ начертаній енисейскаго алфавита, но, въ числѣ другихъ разнородныхъ начертаній, и означаетъ эту букву (Т. X. Л. с. 1—3 и повороты: 4, 7 и 8[3]). Въ Ольвіи и Пантикапеѣ нѣсколько сходный знакъ табл. X. Л. с. 1—1 употребляется, также въ числѣ другихъ, для означенія той же буквы.

Генезисъ и религіозное значеніе всего лучше выясняется на параллеляхъ.

На табл. IV, рис. XXI, на фиг. 18, мы видимъ лопарское клеймо, также alpha-видное, но отвѣтный религіозный знакъ данъ горизонтальною линіею, также не погашая окончательно молитвеннаго знака, т.-е. не образуя треугольника.

На описываемой таблицѣ VI. Рис. 2, на фиг. 3-й видимъ поучительный ромбовидный символъ, съ точкою внутри, вполнѣ замкнутый (мы понимаетъ его, какъ женскій, — амулетный: на родоначальника онъ могъ быть наложенъ только послѣ смерти), его генезисъ см. XII табл. Л. 11—13, л. с.

Но простѣйшіе основные символы (знаки угловъ, обращенныхъ вверхъ и внизъ), образуя сложный символъ, могутъ быть графически равными и могутъ перекрещиваться. Такое начертаніе сохранилось въ родовыхъ знакахъ кореловъ, I табл., XXXIII рис. фиг. 2. Этотъ сложный символъ у китайцевъ означаетъ женщину[4]). Знакъ этотъ немного наклоненъ.

---

[1]) Стран. 336—340, табл. VIII, А. томъ. — Ак. В. В. Радловъ. «Сибирскія древн.» т. I, вып. II, стран. 30 и 36.

[2]) 4-й годичный рапортъ Смитс. Инстит. Pl. IX. Стран. 245.

[3]) Общія таблицы алфавитовъ, у Forrer и Шницера.

[4]) Falb. Das Land der Inka. Ss. 178, 231, 365 и др. подтверждающіе его взглядъ на этотъ символъ.

Въ боковомъ поворотѣ этотъ символъ есть въ гимьяритскомъ алфавитѣ[1]), въ саксонскихъ рунахъ (Табл. XI, 24—6[2]) среди мексиканскихъ начертаній[3]).

Насколько мы могли уловить правила древняго религіознаго символизма, благословеніе съ перекрещиваніемъ не могло исходить отъ верховнаго божества, а отъ подчиненнаго: концы перекрестившихъ символъ молитвы линій образуютъ, въ свою очередь, два символа молитвы, въ данномъ случаѣ, обращенные къ небу, подкрѣпляющія обращеніе молящагося. При молитвѣ, обращенной къ небу, то же толкованіе.

Для уясненія другого символа берущагося также для означенія „А"[4]), предлагаемъ взглянуть на гербъ бога Шамаша, какъ онъ означенъ на древне-вавилонскомъ цилиндрѣ (VIII табл., рис. XV, фиг. 4)[5]).

Въ знакѣ угла, обращеннаго кверху, въ основномъ символѣ молитвы древнѣйшаго начертанія, мы видимъ знакъ человѣка, стоящаго на этомъ символѣ, раздвинувъ ноги (знакъ благословенія) и обративъ свои 4 руки въ 4 стороны горизонта, двурогая его шапка символизируетъ обращеніе къ небу.

Сократимъ знакъ человѣка, съ точки зрѣнія молитвеннаго прибора. Туловище оказывается совершенно излишнимъ, при воздѣтыхъ рукахъ и раздвинутыхъ ногахъ: древнѣйшій графическій генезисъ косого креста можетъ быть и такимъ. Этотъ косой крестъ можетъ изображать божество или духа низшаго разряда: онъ, въ размѣрѣ своей власти, благословляетъ и значительно усиливаетъ молитвенное обращеніе.

Но не слѣдуетъ упускать изъ вида и варіанта: косой крестъ можетъ означать и самого молящагося. (См. XII табл. Л. 9—9. п. с. и 12.) Къ поворотамъ примѣняется то же толкованіе.

При смыканіи двухъ такихъ символовъ, получается замкнутый амулетный символъ, описанный выше[6]).

Кстати выскажемся о косомъ крестѣ, какъ четырехстороннемъ молитвенномъ символѣ. Благословеніе или знакъ исполненія мольбы сверху или отъ одной изъ странъ свѣта, погашенный линіею или знакомъ угла (XII т. Л. С. 9—8, 9, л. 10 и 11) отнюдь не уничтожаетъ значенія дѣйствія трехъ оставшихся молитвенныхъ символовъ.

На монетахъ царей Харакена есть гербы, которые отмѣчены Ф. Лепорманомъ[7]), какъ греческія монограммы. Въ косомъ крестѣ, составляющемъ основу герба, въ нижнемъ углѣ мы видимъ тождественный съ Копенскою фигурою знакъ благословенія земного божества. Дадимъ указаніе на благословеніе свыше I. XVII. 3.

Дадимъ нѣсколько параллелей ко всей разсматриваемой петроглифической фигурѣ.

Въ клеймахъ шведскихъ и русскихъ лопарей такое благословеніе встрѣчается (Табл. IV, рис. XIX, фиг. 4 и 3; рис. XXII, фиг. 13). У двухъ фигуръ рукоположеніе

---

[1]) Иллюстр. ист. письмен. Шницеръ. Стран. 147.
[2]) Тамъ же, стран. 191.
[3]) Falb. См. выше.
[4]) O. Donner. XLIII и XLIV. Inscr. de l'Orkhon.
[5]) Conocm. Kypros. M. Ohnefalsch-Richter. Tafeln, LXXXIV, 4.
[6]) Онъ встрѣчается и на христіанскихъ крестахъ, см. Т. XI. 22. 6.
[7]) Т. XII. Л. 16. 11 и 12.

свастическое, у одной фигуры руки распростерты въ стороны, образуя съ туловищемъ прямой крестъ[1]).

Пломбы карфагенскія[2]) весьма сходны, но интересно, что благословляющій символъ пересѣкаетъ ноги — концы символа видны снаружи. Руки фигуръ распростерты въ стороны.

Надъ головой одной фигуры (Т. XII. 16—16) гербъ Гермеса, на ногахъ вышеотмѣченное перекрещивающее ихъ благословеніе, у концовъ рукъ знаковъ человѣка буквы N, „энъ" латинское. Общій видъ начертанія напоминаетъ о компасѣ: фигурка человѣка означаетъ основныя румбическія линіи. Такіе гербы, какъ религіозныя орнаментныя фигуры украшали древніе корабли.

Этотъ же видъ благословенія мы видимъ и на гербѣ I. Цимисхія (XI табл., 23—2)[3]), но съ рукоположеніемъ, подобнымъ скиѳской царицѣ (Табл. VIII. XIV. 11), т.-е. плечевыя части рукъ горизонтальны, хотя округленность очертанія герба это скрадываетъ. То же рукоположеніе видно и на древнѣйшихъ гербахъ русскихъ князей (21. 7—12), быстро измѣнившихся подъ вліяніемъ византинизма. Для сравненія, тутъ же (22.9) древняя эмблема Нептуна: знакъ человѣка, стоящаго съ сомкнутыми ногами и воздѣвшаго къ Небу руки, въ интересующемъ насъ рукоположеніи. Впослѣдствіи, съ разложеніемъ религіи и забвеніемъ древнѣйшихъ знаковъ и символовъ, художники снабдили бога его древнимъ знакомъ, превративъ его въ острогу-трезубецъ, символы вполнѣ подходящіе для рыболова[4]). — 9 фиг.[5]). На эту интересную фигуру, мы смотримъ, какъ на попытку зарисовать человѣка другой народности, непостояннаго обитателя береговъ Енисея. Зарисована, впрочемъ, только голова мужчины, а прочее все означено общепринятыми линіями: таковы руки и ноги, очень короткія, со ступнями, обращенными въ одну сторону. Правая рука готова натянуть сравнительно короткій лукъ (Ср. самый длинный лукъ, II табл. XIII—1, самый меньшій, табл. I. XIV—2), на боку, справа, означенъ ножъ и короткое копье или рогатина. Лицо широкое, глаза, носъ, ротъ означены; означены и уши, но волоса на непокрытой шапкою головѣ не зачерчены. Копье сливается съ очертаніемъ бока и правой ноги. Genitalia m. означены своеобразно[6]). На груди, у самой шеи, знакъ благословенія, типа, изображеннаго на XII табл. II. ст. 2—4; это обстоятельство, въ связи съ отсутствіемъ наружныхъ молитвенныхъ знаковъ, исключая раздвинутыхъ ногъ, даетъ нѣкоторое основаніе предполагать, что это не родоначальникъ, а молодой еще неживущій особо членъ семьи, или же — у этой народности нѣтъ семейнаго культа и права непосредственнаго сношенія съ богами и духами, — права молитвы, перешли къ особымъ людямъ, навѣрное шаманамъ, предлагаемъ сопоставить фигуры женщинъ этой же народности, участвующихъ въ жертвоприношеніи въ обстановкѣ шаманскаго культа, эта же табл. 6 рис. фиг. 8 и 14.

---

[1]) См. Andree и Кельсіева.

[2]) Т. XII. Л. 15—16, 16—16 и 17—16.

[3]) Херсонесъ. Русскія Древн. гр. Толстой и Кондаковъ. IV ч., стран. 3.

[4]) Гербъ Ремиталка, II вѣкъ по Р. Х. «Русскія Древн.» II, стран. 30, 22.

[5]) VI таблица, 3 рисунокъ.

[6]) Сопост. съ китайскимъ знакомъ: „сильный", табл. XII, л. 17. 14 п. н.

10 фиг. Незаконченный или поясной знакъ человѣка, молящагося землѣ, съ прямоугольнымъ рукоположеніемъ, съ усиленнымъ поднятіемъ плечъ; кружокъ — знакъ головы поставленъ прямо надъ руками, безъ означенія шеи. Знакъ рѣдкій и цѣнный въ научномъ отношеніи: онъ указываетъ на весьма возможное опусканіе головы внизъ. Это можетъ объяснить, почему въ древнѣйшихъ начертаніяхъ буквы thav — крестъ, мы видимъ и „Т", въ его простѣйшемъ начертаніи. Крестообразное рукоположеніе (горизонтальное распростираніе рукъ въ стороны) очень древнее и встрѣчается часто: не выражалась ли въ древности молитва небу и землѣ одинаковымъ крестообразнымъ простираніемъ рукъ, но съ различнымъ поворотомъ ладоней, а именно: обращеніемъ ладоней къ землѣ, поднятіемъ плечъ, опусканіемъ головы. Невольно возникаетъ вопросъ: казнь на Т-образномъ крестѣ, символѣ молитвы или посвѣщенія себя землѣ, не была ли пережиткомъ жертвоприношеній? Но приближеніе къ рѣшенію и этого вопроса возможно только при бо́льшемъ накопленіи разнородныхъ матеріаловъ для сравненій. 10-ю фигуру мы принимаемъ за символъ: она въ связи съ прочими, 11, 12 и 13 фигурами и, повидимому, начерчена одновременно съ ними. — 11 фиг. Знакъ человѣка, какъ бы подгоняющаго лошадь (ф. 12) къ камлающей фигурѣ (ф. 13), возможно, что это приносящій жертву или желающій освященія этого животнаго, какъ хранителя табуна. Но, сравнивъ съ подобными петроглифическими начертаніями (III табл. X. 3; I. VIII—12 и 14; IX. VIII—2 въ 1, на этой таблицѣ: IV—23 и VI—6), приходимъ къ предположенію, что рукоположеніе на разсматриваемой фигурѣ не случайное или побочное, а установленное культомъ. — 12 фигура. Знакъ лошади, съ очень короткой шеею и съ опущенной головою; въ зачерчиваніи замѣтна особенность, на которую слѣдуетъ обратить вниманіе. Хвостъ лошади приподнятъ и зачерченъ со спиною однимъ штрихомъ; заднія ноги означены раздвинутыми, онѣ сходятся съ очертаніемъ живота, но сзади обѣ эти черты не сходятся и въ срединѣ туловища виденъ треугольникъ (оставшаяся нетронутою поверхность утеса), несомкнутый въ остромъ углѣ, сзади. Несомкнутость контура животныхъ уже отмѣчена въ началѣ главы. Взявъ нѣсколько параллелей (I. XIV—1 и V—13; II. XVI—2 и XXI—2; IV. IX—2 и мн. др.), мы видимъ, что приписать отмѣченную особенность случайности едва ли возможно, больше вѣроятности въ условности. — 13 фиг. уже описана въ § 7, въ параллеляхъ къ Каменскому петроглифу (См. описаніе 4-й и 8-й фиг. XIX рисунка табл. I). Осталось отмѣтить, что раздвинутыя ноги зарисованы округленно, одна означена короче другой, можетъ быть, чертившій хотѣлъ означить пляску шамана. Линія genit. m притуплена утолщеніемъ на концѣ. О рукахъ добавимъ, что правая воздѣта прямо надъ головою, а лѣвая (какъ бы благословляя) изогнута надъ загадочнымъ начертаніемъ, о которомъ мы уже говорили выше. Если выдѣлить одно очертаніе рукъ съ головою, то получится омега въ растянутомъ начертаніи. Отбросивъ означеніе головы, образуется подобіе буквенному начертанію (X. Л. 11—2). При этомъ не безполезно взглянуть на VI рис. этой таблицы, фиг. 11-й, здѣсь видимъ начертаніе нѣсколько варьированной жестикуляціи рукъ, но также верхней, — въ хронологическомъ отношеніи и это не маловажно. — 14 фиг. Знакъ молящагося землѣ; руки означены двумя дугами (крылообразно), ноги расширены,

очерчены овально (Ср. XII табл. Л. с. 4—9 и 11; П. с. 20—1). — 15 и 23 фиг. Естественныя впадины; трещина и размывъ. — 16 и 17 фигуры. Знаки мужчины и женщины. Поклоненіе землѣ выражено также и руками и ногами; руки зачерчены одною дугою (типъ см. XII табл. Л. 4—1 до 5; П. с. 15—1 до 5). — 18 фиг. Молящійся землѣ. Руки раздвинуты и опущены внизъ безъ сгиба въ локтяхъ; расширенныя ноги зачерчены округленно, означены ступни. — 19 фиг. Верхняя часть знака отпала. — 20 фиг. Знакъ человѣка съ распростертыми горизонтально руками. — 21 фиг. Глубоко отбитый силуэтъ мужчины, руки отпали съ осколкомъ; руки не на верху — поклоненіе землѣ. — 22 фиг. Знакъ поклоненія землѣ, почти въ прямолинейномъ начертаніи.

Всѣ знаки съ фиг. 16-й, исключая фиг. 21-ю, начерчены сравнительно неглубокою чертою.

Копенскій петроглифъ. Таблица VI, IV рисунокъ.

Всего 32 фиг., изъ нихъ не окончено 5, окончено 27; рис. нѣтъ, — все знаки.

1 фиг. Группа изъ трехъ знаковъ, выражающихъ молитву землѣ: мужчина, женщина и шаманъ въ шапкѣ съ округленнымъ верхомъ, почти безъ полей. У шамана, стоящаго впереди, опущенныя руки зачерчены прямоугольно; правая рука изображена короче лѣвой; ноги зачерчены округленно, лѣвая нога короче правой. Но эта фигура съ древнимъ рукоположеніемъ можетъ быть и матерью родоначальника. — 2 фиг. Знакъ молящагося человѣка около священнаго дерева. Листья парные супротивные, свѣшивающіеся дугою, образуя по 4 молитвенныхъ знака землѣ и столько же у ствола — небу, съ каждой стороны древеснаго ствола. На верхушкѣ два маленькихъ листика образуютъ молитвенный знакъ небу. Повидимому дерево предковъ, стилизированное изъ сочетанія поясныхъ знаковъ человѣка (см. табл. XII пр. 20, сопост. съ 17. 8 п. в. и съ фиг. 5, рис. XX на табл. IX). — 3 и 4 фиг. Символы молитвы небу и землѣ, они тождественны съ описанными при рисункѣ III фигурами 4-й и 6-й. — 5 и 6 фиг. Знаки съ крестообразнымъ молитвеннымъ рукоположеніемъ; головы означены кружечками, шея достаточно длинная, можно допускать поворотъ ладоней къ небу; ноги зачерчены нешироко, округленно. Надъ бедрами фигуры 6-й поставлены въ углахъ точки. Какъ уже разъяснено выше, точки эти придаютъ знаменательное молитвенное значеніе и этимъ тупымъ угламъ. — 7 фиг. Знакъ человѣка; символы поклоненія землѣ; очертаніе округленное. — 8 фиг. Бубенъ съ внутренней стороны; баръ такъ же, какъ и на фиг. 2-й III рис., съ утолщеніемъ въ срединѣ; поперечина не означена.

9 фиг. Верховой, повидимому, на оленѣ; животное какъ бы остановилось, ноги зачерчены всѣ раздѣльно. Верховой распростеръ руки въ стороны. — 10 фиг. Символъ обращенія къ небу. Ср. съ фиг. 3-й рис. III, и здѣсь средняя линія (головы и шеи) удлинена. — 11 и 12. Двѣ фигурки, съ распростертыми руками и раздвинутыми ногами. — 13 фиг. Бубенъ съ немного наклоннымъ вправо баромъ, какъ и въ двухъ разсмотрѣнныхъ передъ этимъ бубнахъ (3 рис. 2 и 4 рис. 8), у этого бубна нѣтъ утолщенія въ срединѣ. — 14 фиг. Лошадь съ опущенной головой; ноги зарисованы раздѣльно; хвостъ отставленъ. — 15 фиг. Мужчина въ молитвенной позѣ. Обращеніе молитвенное къ землѣ; очертаніе округленное. Утолщеніемъ означена голова; ступни означены. — 16 фиг. Неоконченный или очень упрощенный знакъ жи-

вотнаго, означена надъ спиной животнаго точка. — 17 фиг. Мужчина въ шапкѣ съ полями, въ правой рукѣ дугообразная колотушка. Руки очерчены одною дугой, ноги раздвинуты. По колотушкѣ этой фигуры мы оріентируемъ знаки правой группы этого рисунка. — 18 фиг. Небольшой знакъ косого креста, надъ колотушкою шамана (ф. 17), у ноги фиг. 6-й. — 19 фиг. Глубоковысѣченный знакъ мужчины въ полуовальной шапкѣ, съ широкими полями и съ длиннымъ перомъ или прядью волосъ. Рукоположеніе въ обращеніи землѣ, прямоугольный сгибъ въ локтяхъ, совершенно тождественный съ фиг. 7-ю, рис. 3 (типъ XII табл. П.с. 13.2 и Л. с. 3.12 л.); пальцы раздвинуты, на лѣвой рукѣ показано 4, а на правой 3 пальца, принявъ во вниманіе руки фиг. 25. Ноги раздвинуты не такъ широко, какъ у сосѣдней 26-й фигуры, изгибъ ногъ означенъ округленно; ступни ногъ обращены наружу. — 20 фиг. Знакъ мужчины въ шляпѣ съ двумя необычайно длинными и условно зачерченными рогами, обращенными вверхъ. Между ними стоячій султанъ, утолщенный наверху. Обѣ руки, опущенныя внизъ, означены одною дугой. Далѣе идетъ туловище, означенное не чертою, а расширеніемъ, нѣсколько несогласнымъ съ общею толщиною черты. Ноги означены также дугообразно, со ступнями наружу.

Въ правой рукѣ этого древняго шамана или жреца виденъ (или касается ея) символъ молитвы, уже знакомаго намъ типа, обращенный дугами внизъ.

На шляпѣ (?) этой весьма интересной фигуры надо остановить особое вниманіе: головной уборъ нерѣдко хранитъ исконные памятники культа и тогда даже, когда носящій его уже иными жестами символизируетъ свои религіозныя чувства и молитвенныя побужденія. Ограничимся однимъ указаніемъ. На митрѣ бога Шамаша, съ гербомъ котораго мы уже познакомились на томъ же вавилонскомъ цилиндрѣ (VIII. XV. I), видимъ трижды повторенное одно рукоположеніе, а на его жестахъ мы можемъ подмѣтить уже дуализмъ, подобающій неверховному божеству, обязанному и благословлять и, въ то же время, долженствующему и молиться.

Сравнивъ молитвенную символизацію шляпы шамана, служащаго предъ людьми въ шапкахъ съ перьями, если не гостей, то кратковременныхъ обитателей Енисея, съ его тѣлодвиженіями, замѣтимъ уже значительный диссонансъ.

Полезно сопоставленіе съ фигурою шамана безъ шапки, народнаго шамана-аборигена (VI табл. III рис. 13), но указываемая для параллели фигура, согласно оріентировочныхъ показаній 3-го рисунка, должна быть повернута, съ сохраненіемъ отвѣснаго положенія знака, получимъ графическое равенство символовъ въ одномъ примѣрѣ — изображенныхъ воздѣтыми руками шамана, а въ другомъ, — украшеніями шляпы; даже и очертаніе ногъ внизу оказывается сходнымъ. Но полученный выводъ приводитъ насъ и къ слѣдующему подозрѣнію: туловище фигуры 20-й не видоизмѣнилось ли или даже не образовалось ли случайнымъ сколомъ, при работѣ чертившаго нижній символъ, повидимому, позднѣйшій. Тогда результаты только что произведенной параллели пріобрѣтаютъ еще большее значеніе: укороченность одной и той же ноги невольно останавливаетъ на себѣ наше вниманіе. То же, что мы признаемъ за очертаніе ногъ (съ ступнями наружу) есть символъ, въ данномъ случаѣ, вѣроятнѣе благословенія, нисходящаго на фигуру, касающуюся этого знака перомъ (ср. ф.ф. 26 и 27).

И въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, мы сочли бы за великое счастье, если бъ мы располагали средствами, еще разъ изслѣдовать петроглифы Енисея, провѣрить свои выводы, снова зарисовать петроглифы со всѣмъ вниманіемъ и, главное, сдѣлать снимки и оттиски наиболѣе характерныхъ и цѣнныхъ въ научномъ отношеніи и отдѣльныхъ начертаній и группъ, но для этого нужны средства, гораздо большія, чѣмъ тѣ, съ которыми мы могли исполнить только рекогносцировочный осмотръ петроглифовъ. Пока остаемся при первоначальномъ пониманіи фигуры 20-й.

Чтобы закончить правую сторону 4-го рисунка, приходится нарушить порядокъ №№.

26 фиг. Знакъ мужчины, отбитый слабо, далеко не такъ глубоко, какъ фиг. 19-й. Шляпа болѣе плоска. Ноги означены въ прямоугольномъ сгибѣ колѣнъ. Около пятки пр. ноги поставлена точка[1]). — 27 фиг. Начатой фигурѣ человѣка не хватило бы мѣста; на начертаніе головы и рукъ возможно смотрѣть, какъ на знакъ благословенія. (Ср. съ фиг. 10-ю рис. 3-го этой же таблицы.) — 25 фиг. Знакъ человѣка уже иного графич. типа и болѣе поздняго времени. — 21, 22 и 23 фиг. составляютъ одну группу. Центральная фигура — шаманъ, съ бубномъ и съ колотушкою. Голова шамана не покрыта. Лѣвая рука вытянута горизонтально и готовится взяться за баръ, правая съ колотушкою болѣе длинною, чѣмъ современная, опущена до земли. Шаманъ какъ бы поднимается вправо, шагнувъ одною ногою; можетъ быть, рисовальщикъ хотѣлъ выразить пляску при камланіи.

За шаманомъ двѣ лошади (22 фиг. не закончена), съ опущенными головами, съ ушами расходящимися кверху. У 22-й фиг. переднія ноги сильно разставлены. Подъ (фиг. 21) животнымъ, повидимому, начерченъ знакъ повернутаго египетскаго креста (thav), средняя линія котораго вытянута до животнаго, на которое, въ данной обстановкѣ, можно смотрѣть, какъ на жертвенное. Невольно вспоминаются сардинскіе вотивные мечи[2]). 28, 29 и 30 — незаконченные знаки, но можетъ быть и символы, напримѣръ на 29-й фиг. непонятна только нижняя половина. — 31 фиг. Знакъ человѣка, молящагося землѣ. — 32 фиг. Знакомый символъ.

Копенскій петроглифъ. Табл. VI, V рисунокъ.

1 фиг. Непонятный пока символъ, не имѣемъ и параллелей къ нему; пока можемъ сказать, что онъ двухстороненъ (дуалистиченъ), направо символъ небу пріемлемъ, что точкою и подтверждается, но лѣвая половина, при двухъ остріяхъ, по тогдашнимъ обряднымъ правиламъ для входа духовъ или божествъ заграждена. Лѣвая наклонная черта, прибавленная къ знакомому намъ дугообразному знаку, даетъ символъ просительный къ землѣ. Во всякомъ случаѣ, это сложный символъ позднѣйшей варіаціи. Если это тамга, то она можетъ принадлежать боковой линіи, со слѣдами вторичныхъ графическихъ прибавокъ или отпятнываніе. — 2 фиг. Весьма интересный древній знакъ бубна, переходящій, можно сказать, въ рисунокъ: на барѣ или марсѣ видна развилина внизу (знаки ногъ) вверху расширенія не замѣтно, руки фигуры опущены внизъ, но это, можетъ быть, знаки ялама; отмѣчены кунгру. Но что

---

[1]) Сопост. съ косымъ крестомъ у правой ноги фиг. 6-й и восьмиконечный крестъ у корня дерева (предковъ), IX т. III р. фиг. 31.

[2]) Perrot et Chipiez. IV. 82. 79.

особенно интересно, снаружи бубна замѣтны черточки, на его окружности какъ будто значки подвѣсокъ, которыхъ теперь уже не замѣчается, на плечахъ бубна, на мѣстахъ кочкоръ они замѣтнѣе всего. — 3 фиг. Знакъ человѣка, съ распростертыми руками, колотушка должна быть въ правой рукѣ: шаманъ изображенъ къ намъ спиною, лѣвая рука обращена къ бубну. — 4 фиг. Сложное начертаніе. Небольшой знакъ человѣка съ поднятыми вверхъ руками и раздвинутыми ногами. Верховой съ воздѣтыми руками; голова животнаго приподнята, уши обращены назадъ, къ бубну. — 9-е неясное начертаніе должно отнести къ 4-й группѣ. — 6, 7 и 8 фигуры, повидимому, образуютъ обособленную и также весьма интересную группу; главенствующею фигурою, конечно, будетъ шаманъ, держащій бубенъ необычной, уже несуществующей формы, — овальной, усѣченной прямолинейно снизу. Правая рука приподнята, но колотушки нѣтъ въ ней; если за нее принять 6-е начертаніе, то форма ея такъ же необычна, какъ и форма бубна: слабо выгнутое латинское „эсъ", двусторонній символъ молитвы. Это начертаніе, но съ перечеркиваніемъ коротенькой черточкою входитъ въ конечную форму свастическихъ начертаній, основныхъ и бустрофедонныхъ, енисейскаго алфавита (XIII табл. 4. 15). — Фиг. 7, по всей вѣроятности, шапка шамана, и въ ея верхнемъ украшеніи не трудно увидѣть религіозный символизмъ. Въ верхнемъ украшеніи шапки, отбросивъ подставку, — „земля-символъ"[1]), въ поворотѣ къ землѣ, очевиденъ. Мы привели ближайшую параллель только для того, чтобы отмѣтить графическій источникъ алфавитныхъ начертаній. Какъ ни отдаленна параллель съ древнѣйшимъ кипрскимъ слоговымъ или, такъ называемымъ, кипрейскимъ алфавитомъ, но она интересна и поучительна, укажемъ на начертанія слоговъ „pe", „mi" и „ki" (XI таблица 12—5, 9 и 10)[2]). Нѣкоторые филологи признали въ начертаніи силлабическаго кипрейскаго письма „идеографическое" происхожденіе[3]). Терминъ „идеографическій", на нашъ взглядъ, не точенъ, крайне неопредѣлененъ и, въ данномъ случаѣ, ничего въ сущности не разъясняетъ. Почти всѣ начертанія — „конкретно-графическія". И это письмо, и кипрскій греческій алфавитъ, какъ и всѣ древнѣйшіе алфавиты, религіознаго происхожденія, ихъ слоговыя и буквенныя начертанія, даже и тогда, когда они входили въ составъ предшествующей эволюціонной стадіи письма, никакихъ отвлеченныхъ идей не изображали: большинство изъ нихъ, если не всѣ, — означеніе религіозныхъ тѣлодвиженій, предметовъ и принадлежностей культа; въ нихъ, въ конкретныхъ образахъ, запечатлѣна практика религіи, до внутренняго ея изученія человѣкъ еще не поднялся. И въ этомъ отношеніи, въ недалекомъ будущемъ, древній енисейскій алфавитъ, въ параллеляхъ съ развившимся изъ него тукюэскимъ, займетъ первенствующее мѣсто въ ряду восточныхъ древнѣйшихъ отвѣтвленій мало-азіатскихъ алфавитовъ, по заключающимся въ немъ указаніямъ на генезисъ алфавитовъ. Конечно, и значеніе кипрейскаго письма съ разработкою графической связи, съ одной стороны,

---

[1]) Напомнимъ нѣкоторыя параллели. Т. XI. 5, 5; 6, 7 и 8; 14, 4 и 7. — Т. XII. Л. 8, 4 и мн. др.

[2]) Ср. параллели гиттическихъ гіероглифовъ съ нѣкоторыми начертаніями кипрейскаго алфавита, Т. XI. 13 и 14 строки, съ 3-й до 11 вертикалями. Сравниваемые знаки взяты въ скобки.

[3]) Но среди древнихъ кипрскихъ надписей, напечатанныхъ у L. Cesnola. Cypern. Табл. CIII (103), въ № 51, есть дублетный знакъ, тождественный съ разсматриваемымъ начертаніемъ шапки, невнесенный въ алфавитъ. Различіе только въ неравенствѣ концовъ верхнихъ изгибовъ.

съ гиттическими гіероглифами, и, съ другой, съ позднѣйшимъ кипрскимъ и прочими древнегреческими алфавитами, также возвысится.

Описываемое символическое украшеніе шапки шамана далеко не единственный разъ встрѣчается въ петроглифахъ въ округленномъ очертаніи. Онъ встрѣчается въ Сулекскомъ петроглифѣ (II т. 1 рис. 1 фиг.), зарисованъ онъ и Кастреномъ (I т. XXIV рис. 6 фиг.), но только въ другомъ поворотѣ.

Знакъ овна (зодіакальный), по религіозному генезису и значенію, тождественъ съ разсматриваемымъ, онъ есть на Абаканскомъ перевозѣ (I т. XVIII р. 7 фиг.), черточка снизу тогда можетъ быть разсматриваема какъ благословеніе земли.

Знакъ овна, надо имѣть въ виду, вошелъ и въ енисейскій алфавитъ, но въ прямолинейномъ начертаніи. Т. X. II. 16.

Но генезисъ сложнаго символа (всей 7 фиг. 5 рис.) можетъ быть графически представляемымъ иначе.

Параллели древнѣйшихъ знаковъ и символовъ всѣхъ народовъ, вошедшія въ составъ алфавитовъ убѣдили насъ въ томъ, что отвѣсная черта (Табл. XII. Л. I. I) — знакъ человѣка, стоящаго „смирно", подобно тому, какъ прямой крестъ, въ первоначальномъ своемъ значеніи — знакъ человѣка въ древнѣйшемъ рукоположеніи, т.-е. съ горизонтально распростертыми руками. Горизонтальная черта сверху (Т—символъ)[1]), какъ послѣднее благословеніе неба, передаетъ человѣка землѣ (XII т. Л. 10. I. л.). Возьмемъ доминирующій египетскій угловой символъ *надъ* знакомъ человѣка — это благословеніе, но знакъ спустившійся (особенно до земли) — знакъ послѣдняго благословенія неба, знакъ смерти, знакъ вѣчнаго покрова: таковъ архитектурный смыслъ грандіозныхъ пирамидальныхъ сооруженій египтянъ (XII т. Л. 10. 1. п.).

Если надъ знакомъ человѣка, благословеннаго землею, т.-е. стоящимъ на землѣ, поставить разсматриваемый или другой птицевидный[2]) символъ. Онъ будетъ означать благословеніе. Этотъ символизмъ издревле фигурируетъ на картинахъ и другихъ произведеніяхъ изобразительнаго искусства, включая и лѣтописи, сказанія, миѳы: надъ великими людьми, въ наиболѣе важные моменты ихъ жизни, парятъ фениксы, орлы и другія птицы, согласно ихъ вѣрованіямъ.

При символѣ благословенія земли, благословеніе неба, опустившееся на самый знакъ человѣка, отнюдь не уничтожаетъ или ослабляетъ, а усиливаетъ его.

Еще нѣсколько заключительныхъ словъ о шапкѣ шамана съ религіозными украшеніями (ф. 7), о его бубнѣ (ф. 8) и о его колотушкѣ, чтобы охарактеризовать, насколько это возможно по графическимъ даннымъ, особенности культа и религіознаго міровоззрѣнія.

Держась петроглифическихъ начертаній, окружающихъ шамана, церемоніалъ этого доисторическаго камланія представлялся такимъ: сперва шаманъ съ непокрытой головою подходилъ къ бубну, стоящему на землѣ, дугою къ небу и титевою къ землѣ. Стоя съ широко раздвинутыми ногами, молясь землѣ и воспринимая ея благосло-

---

[1]) См. Т. XII. Л. 8, 4—13 и 10.

[2]) См. Т. XI. 14. I знакъ — Т. XII. Л. 7 и 8 строки (верх. знаки). и 16. 17 и 18 верхніе знаки, указанные знаки египетскіе, послѣдній знакъ молитвы при закатѣ солнца (гіератическое начертаніе).

веніе, шаманъ бралъ бубенъ и въ прежнемъ положеніи возносилъ его высоко надъ своею головою. Рукоположеніе, символизирующее молитву или обращеніе къ небу, намъ уже знакомо и здѣсь, внизу, фиг. 14, вверху, р. 3. 6 и р. 4. 4). Воздѣтый бубенъ, дугою неба, означенною наружнымъ очертаніемъ бубна, а вѣроятно и соотвѣтственнымъ начертаніемъ на немъ самомъ, какъ радугою, благословлялъ землю и стоящаго на ней шамана.

Затѣмъ надъ головою шамана возносилась его шапка. Все ея начертаніе — четырехчленный символъ: 1) нижняя черта (оголовокъ) — знакъ земли; 2) парящій надъ нею птицеобразный символъ — благословеніе неба; 3) въ несиметричности и удлиненности одного крыла благословляющаго знака птицы, показателя и возбудителя молитвы, который на петроглифѣ касается бубна, есть основаніе усматривать эсовидную колотушку, и, наконецъ, 4) связующая небо и землю отвѣсная черта — самъ шаманъ.

Коснувшись соотвѣтственною частью головного украшенія бубна, получивъ символически изъ руки небеснаго божества колотушку, шаманъ надѣвалъ шапку такъ, чтобы длинное крыло благословляющаго символа приходилось справа, надъ колотушкою, бралъ колотушку, съ соотвѣтственными жестами касался ею бубна и, по всей вѣроятности и соотвѣтственной части украшеній шапки, и, уже послѣ того, начиналъ камланіе.

Весьма возможно, что чертившій эти петроглифическіе знаки родился и жилъ уже въ эпоху разложенія интересующаго насъ религіознаго символизма, такъ быстро наступающую на сѣверныхъ окраинахъ зоны кочевничества, почти на рубежѣ эйкумены, не разъяснилъ бы намъ частностей символики, съ полнымъ пониманіемъ ихъ значенія, но мы думаемъ, что во время и на мѣстѣ разцвѣта древнѣйшаго шаманизма или пра-шаманизма объясненіе не представляло бы никакихъ затрудненій и для не шамановъ. Но этнографія, при посредствѣ своихъ многочисленныхъ служителей, изъ мельчайшихъ обломковъ и пережитковъ старины постепенно возстановитъ большинство древнѣйшихъ религіозныхъ символовъ и знаковъ до-алфавитной свѣтовой системы письма.

Всѣ элементы начертаній разсмотрѣнной петроглифической группы находятся въ енисейскомъ алфавитѣ, въ наслоеніяхъ буквенныхъ знаковъ съ округленнымъ очертаніемъ, конечно, при сопоставленіяхъ надлежитъ не забывать, что въ надписяхъ поворотъ знаковъ иногда не совпадаетъ съ положеніемъ тѣхъ же знаковъ въ петроглифахъ. — Къ фиг. 6. Ср. элементы свастическихъ начертаній (черты — показатели рукъ): табл. X, Л. с. 3 и XIV табл. 4. 11—16 (бустрофедонный поворотъ символа). — Къ фиг. 7. Табл. X. П. с. 9—2 и 3; табл. XIV. 8—3 и 4; еще X табл. П. с. 1. 1 и 8—1 и 2. — Къ фигурѣ шамана и бубна: XIV табл. 10—6. Къ бубну: Табл. X. П. с. 7—1. — Къ фиг. 14-й соотвѣтственное буквенное начертаніе уже указано выше.

Нѣтъ ли на петроглифахъ Енисея начертаній, дающихъ типы народности, къ которой принадлежитъ шаманъ, такъ долго остановившій на себѣ наше вниманіе? Естественный вопросъ.

По головному украшенію къ этой народности должны принадлежать всадники Кизиль-кайскаго петроглифа, а также и литейщики, которыхъ принимаютъ за волшеб-

никовъ. Одинъ изъ всадниковъ изображенъ на табл. VIII. VIII рис. 1 фиг. Прочія фигуры всадниковъ и другія начертанія этого петроглифа прекрасно изображены въ 1-мъ отчетѣ финляндской экспедиціи [1]).

Головной уборъ всадника состоитъ изъ 6 длинныхъ гибкихъ перьевъ или тонкихъ прутиковъ, дугою отходящихъ съ верха шапки, такъ, что съ каждой стороны расположены 3 дуги, одна подъ одной. У одного изъ всадниковъ и на большой (ближайшей) фигурѣ литейщика, идущаго съ формою для литья къ котламъ, перья этого плюмажа короче и въ срединѣ торчатъ вверхъ, символизируя болѣе молитву, чѣмъ благословеніе.

Всадникъ и литейщикъ въ одной и той же молитвенной позѣ: правая рука вытянута и въ ней: у перваго, лукъ и, у второго, металлическій стержень съ готовою формою для литья. У другого верхового, на петроглифѣ Кизиль-Кайя, большой кинжалъ, формы типичной для бронзоваго вѣка. Лѣвыми руками молящіеся какъ бы подбоченились. Лукъ маленькій сигмовидный, безъ стрѣлы. Сзади всадниковъ видны колчаны, у одного [2]), съ лукомъ въ немъ, торчащій кверху и у другого [3]), безъ лука, согнувшійся; сѣделъ не видно, стремянъ тоже. Но веревочныя стремена, подобныя стременамъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, означенныя на одномъ Сулекскомъ петроглифѣ, передавать, при силуэтной манерѣ выдѣлки петроглифа, затруднительно. Одежда короткая, но одинъ всадникъ, повидимому, въ длинномъ плащѣ.

Лошади съ очень длиннымъ туловищемъ, на двухъ фигурахъ, низкорослыя: повидимому, сойотской породы.

Лошадь, такой же породы, везущая въ оленьей запряжкѣ, т.-е. на накинутой на шеѣ веревкѣ, нарты, ногами задѣла ранѣе начерченные котлы мѣднаго вѣка, что дѣлаетъ вторичный осмотръ этого петроглифа желательнымъ, хотя разница во времени соприкасающихся начертаній не должна быть значительною. Фигуры же литейщиковъ, работающихъ у котловъ той же формы, вполнѣ подтверждаютъ заключеніе Аспелина и ранѣе высказанное предположеніе Кастрена о принадлежности нѣкоторыхъ петроглифовъ Енисея къ мѣдному вѣку.

Грубость и нехарактерность начертаній лошади, рѣдкость ея древнихъ начертаній очень неудовлетворительная рѣзьба головы лошади при искусно, почти художественно вырѣзанныхъ изъ кости базайскихъ фигурахъ лося и оленя, оленья запряжка лошади на петроглифахъ, отсутствіе „стремянъ“ на Кизиль-кайскихъ и Сулекскихъ петроглифахъ, рисунокъ арбы, везомой верблюдомъ, позднее появленіе сѣдла на петроглифахъ — все, повидимому, указываетъ на сравнительно недавнее появленіе лошади у аборигеновъ Енисея. Это обстоятельство отмѣчаетъ, въ свою очередь, продолжительность изолированности народностей, населявшихъ то значительное расширеніе долины Енисея, при впаденіи Абакана и Тубы, на которомъ на обширныхъ степяхъ съ озерами, нашла пріютъ своеобразная культура мѣдно-бронзоваго вѣка, съ ея интереснѣйшимъ алфавитомъ, и гдѣ она просуществовала такъ долго, несмотря на мирный образъ жизни

---

[1]) Inscr. de l'Jenissei. P. 8.
[2]) Ibidem. P. 8.
[3]) I. Aspelin. Types de peuples et coet. H. 1890. P. 6.

ея обитателей, которые, можетъ быть, поэтому и не могли дать рѣшительный отпоръ вторгшимся наѣздникамъ, обладавшимъ притомъ и лучшимъ вооруженіемъ.

Размѣры литейныхъ котловъ на петроглифахъ Кизиль-кайя, особенно по сравненію съ ростомъ литейщиковъ, останавливаютъ на себѣ вниманіе[1]): найденные — значительно меньшихъ размѣровъ. На разъясненіе насъ навело одно изъ начертаній Сулекскаго петроглифа, прекрасный рисунокъ котораго находится въ отчетѣ экспедиціи Финляндскаго Археологическаго Общества[2]). Тамъ (Табл. VIII. X рис. I) изображена прорѣзная жаровня еще большихъ размѣровъ, чѣмъ котлы на утесахъ Кизиль-кайя. Такъ называемая сыродувная печь вмазывалась внутри такого котлообразнаго остова, который сдерживалъ ее отъ сильнаго растрескиванія и распаденія; она имѣла сравнительно небольшой вѣсъ и удобно могла передвигаться.

При каждой такой литейной жаровнѣ стояло два человѣка, но работалъ только одинъ. Обязанность другого, какъ видно на петроглифахъ, состояла въ символизированіи молитвы объ успѣшности отливки[3]). Вытянутыя горизонтально или воздѣтыя кверху руки, съ молитвенно раздвинутыми пальцами, вычерчены тщательно и отчетливо. Не всѣ изъ работающихъ — съ описаннымъ выше головнымъ уборомъ, есть даже молящіеся безъ этихъ головныхъ украшеній: весьма возможно, что литейщики съ такими украшеніями — шаманы. Молитва у литейной жаровни Сулекскаго петроглифа выражалась не одной вотивной рукой, но и другими тѣлодвиженіями, подобно молитвѣ верхового и главнаго литейщика на Кизиль-кайя. Ср. съ позами шамановъ Тесинскаго петроглифа (III табл. рис. IV, фиг. 11 и 13).

Теперь мы можемъ перейти къ правой группѣ 5-го рис. VI т., также очень древнихъ начертаній, состоящихъ изъ фигуръ: 5, 10, 11, 12 и 13. — 5 фиг. Въ этомъ знакомомъ символѣ молитвы небу поучительны графическіе признаки разложенія, регресса, спусканія изобразительнаго письма, уже значительно дифференцировавшагося отъ изобразительнаго искусства, внизъ по пройденнымъ уже эволюціоннымъ ступенямъ. Но этому символу, и именно въ этомъ начертаніи, намъ подобаетъ принести благодареніе: онъ далъ намъ намекъ, по какому тяжелому пути надо предварительно пройти, чтобы, ставъ снова предъ этими же петроглифами, почувствовать себя нѣсколько посвященнымъ въ таинства древняго культа и примитивной догматики, каковыми обладалъ начертавшій ихъ аборигенъ. Только теперь мы поняли, что это начертаніе *умышленно* сдѣлано такимъ, можетъ быть, и изъ дидактическихъ побужденій: знакъ этотъ предназначался видимо для приносящихъ жертву, какъ руководящее наглядное напоминаніе о соотвѣтственномъ рукоположеніи и перстосложеніи.

О петроглифной перспективѣ, какъ это ни странно, но никогда не слѣдуетъ забывать, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣсколько начертаній одинаковой древности располагаются горизонтальными рядами: ихъ слѣдуетъ представить себѣ стоя-

---

[1]) См. VIII табл. II рис., 2—11 фиг.

[2]) Inscript. de l'Jenissei. H. 1889. P. 8. fig. 5, ср. fig. 4.

[3]) Ср. египетскій рис. двухъ работающихъ у большого котла, одинъ съ клюкой, разгребаетъ огонь одною рукою, а другую, съ отставленнымъ большимъ пальцемъ, воздѣлъ къ небу. Kypros. M. Ohnefalsch-Richter. Taf. CCXIII. 1.

щими на горизонтальной плоскости, въ порядкѣ начертанія, т.-е. ближе къ намъ нижній рядъ начертаній (12 и 13): шаманъ съ сопровождающими его нижними символами. Конечно, знакъ бубна надо представлять себѣ нѣсколько вознесеннымъ.

Вся обстановка жертвоприношенія убѣждаетъ насъ, что вотивная рука символа (5) — правая, она согласуется съ правою рукою шамана, держащею колотушку. Правый конецъ символа притупленъ утолщеніемъ, при этомъ графическомъ показателѣ нельзя вытянуть вверхъ ладонь со сжатыми пальцами и образовать пріостреніе символа: пальцы должны быть сжаты въ кулакъ или въ горсть. Притупленіе средней линіи означеніемъ головы, вѣроятно, для наилучшаго воздѣйствія на божество, считалось необходимымъ. Кромѣ того, оно означало, что благословеніе можетъ снизойти только на непокрытую голову. Это обстоятельство подтверждаетъ, что шапка на шаманѣ — знакъ благословенія, что ясно видно изъ ея треугольной формы, нѣсколько напоминающей египетскій доминирующій символъ.

Дуализмъ, выражающійся въ символѣ, проникъ въ культъ давно, еще во время преобладанія прямолинейнаго начертанія буквъ енисейскаго алфавита. См. табл. X. II. 15.5 (знакъ лицомъ къ смотрящему) и 1 (бустрофедонный — поворотъ спиною), но это буквенное начертаніе — знакъ отставленія большого пальца отъ ладони съ сдвинутыми пальцами. — Фиг. 10. Знакъ коня, стоящаго у бубна съ наклоненной головою, отъ которой спускается внизъ пунктирная линія къ символу молитвы — небу въ простѣйшемъ очертаніи. Налѣво отъ пунктирной линіи, вблизи нея, стоитъ точка, указывающая молитвенное значеніе начертаній. — 11 фиг. Знакъ бубна круглаго, съ прямымъ крестомъ внутри[1]), съ означеніемъ деревянной и металлической поперечинъ. — 12 фиг. Шаманъ въ плоской треугольной шляпѣ, съ горизонтально распростертыми руками, въ правой колотушка, прямая, короткая и съ шарообразнымъ расширеніемъ на концѣ; она опущена внизъ.

Въ лѣвой рукѣ шаманъ какъ бы держитъ символъ молитвы небу, такой же, какой какъ бы держится головою лошади, но большихъ размѣровъ и включающій его въ себѣ[2]). Ноги шамана раздвинуты, правая нога согнута, — онъ какъ бы идетъ вправо. — 13 фиг. Змѣя, ползущая; означены три изгиба, надъ среднимъ — вверхъ обращеннымъ, точка — знакъ религіознаго ея обращенія къ небу. Змѣя какъ бы подползаетъ къ символу молитвы, который исходитъ отъ шамана, или слѣдуетъ за нимъ. Между символомъ молитвы шамана и змѣею стоитъ вторая точка, значительно подкрѣпляющая права змѣи на участіе въ жертвенномъ обрядѣ. Это указаніе мѣстоисхожденія новой разновидности шаманизма или особой обрядности въ обще-распространенной формѣ шаманизма, отразившее въ петроглифахъ свое, можетъ быть, и индійское вліяніе, должно отразиться и въ графическихъ наслоеніяхъ алфавитныхъ начертаній. На этомъ мы остановимся при анализѣ графическихъ начертаній енисейскаго алфавита. Напо-

---

[1]) См. такой символъ у грековъ эпической эпохи. Perrot et Chipiez. Hist. de l'art. VII tome, 156. 37 и 164. 45.

[2]) Сопост. съ такимъ же двойнымъ символомъ, въ прямоугольномъ очертаніи, XI табл. 16, 5; см. соотвѣтственное рукоположеніе, VIII табл. XIV рис. 11 фиг.; V рис. 5 фиг. и др. Генезисъ см. на XII табл. п. 3, 11, 12 и 13. — См. Forrers, Reallex. S. 714. Taf. 202: t. 20, внизу (berber s. Halevy.)

мнимъ, что змѣя въ культѣ грековъ около IX вѣка до Р. Х. занимала выдающееся мѣсто[1]). Отмѣтить значительное ослабленіе или прекращеніе малоазіатскихъ вліяній, болѣе или менѣе опредѣленно, крайне желательно. — Фиг. 15. Кругъ съ чертою наверху — знакъ закатывающагося солнца; прибавка сверху черточки можетъ быть показателемъ и опусканія правой руки, съ поворотомъ большого пальца наружу, т.-е. съ обращеніемъ ладони къ солнцу (ср. 6 рис. VI табл. 9 фиг.).

Копенскій петроглифъ. Табл. VI. Рис 6-й.

1 фиг. Символъ молитвы небу, подобный фиг. 1-й на V рисункѣ, но безъ средней черты. — 2 фиг. Знакъ молящагося человѣка, съ распростертыми крестообразно руками и раздвинутыми ногами. — 3 фиг. Шаманъ съ колотушкою въ вытянутой правой рукѣ; колотушка обращена вверхъ; лѣвая рука не начерчена, около плеча видны двѣ точки. Ноги раздвинуты. У пояса какое-то оружіе. — 4 фиг. Неясное или незаконченное начертаніе нѣсколько приподнявшагося на лошади верхового. — 5 фиг. Нѣсколько начертаній. Прямой крестъ или знакъ человѣка съ распростертыми горизонтально руками. Знакъ человѣка (внизу влѣво), молящагося землѣ; руки опущены и ноги раздвинуты. Около него животное съ опущеной головою предъ характернымъ и нерѣдко встрѣчающимся знакомъ человѣка (6-я фиг.) съ опущенными внизъ руками, зачерченными широкою дугой; въ правой рукѣ что-то въ родѣ бича, на кисти лѣвой руки означено тройственное перстосложеніе (ср. 3 рис. 11 фиг.). — 7 фиг. Символъ обращенія къ небу, съ двумя черточками внутри. Ср. табл. XIII. 4 (кипръ) и XIV. 1. 8 и 9. — 8 фиг. На эту фигуру мы уже ссылались. Прямоугольникъ, означающій туловище, напоминаетъ о полярныхъ народностяхъ, съ ихъ малоизмѣняющимся по временамъ года костюмомъ. Рукоположеніе одинаково съ стоящею рядомъ 6-ю фиг. — 9 фиг. Символъ, который могъ образоваться изъ знака бубна, съ прибавленіемъ знака благословенія сверху, вѣроятнѣе, это знакъ молитвы при закатѣ солнца[2]). — 10 фиг. Знакъ животнаго, подобный фиг. 10-й, на V рис. — 11 фиг. Омеговидный символъ — воздѣянія рукъ съ среднею линіею, означающею шею и голову. Нѣсколько напоминаетъ буквенное начертаніе (Табл. X. Л.с. 11—3), но въ поворотѣ и безъ линіи шеи и головы. — 21 фиг. Знакъ бубна, съ означеніемъ бара или марса, раздвоеннаго внизу. — 12 фиг. Символъ молитвы небу, подобный фиг. 5-й, на рис. V., но въ поворотѣ. — 13 фиг. Дугообразный знакъ молитвы небу, съ слѣдомъ знака головы. — 14 фиг. Рис. какой-то полярной народности съ дугообразно опущенными внизъ руками; одна рука лежитъ между рогами на головѣ фигуры 15-й оленя. — 16 фиг. Сгладившееся изображеніе. — 17 фиг. Символъ Р (эръ), въ поворотѣ. — 18 фиг. Человѣкъ въ шапкѣ и другой безъ шапки. У обоихъ руки опущены внизъ, ноги раздвинуты. — 19 фиг. Неясное очертаніе. — 20 фиг. Знакъ бубна, безъ поперечины, съ боку точка.

Копенскій петроглифъ. Табл. VII. 3-й рисунокъ состоитъ изъ семи начертаній: 1 не закончено, 1 рисунокъ, остальное знаки; два символа.

---

[1]) Ограничимся только нѣсколькими примѣрами. — Perrot et Chipiez. Hist. de l'art dans l'antiqu. VII. 214. 93; 239. 106. — Dr. M. Ohnefalsch-Richter. Kypr. die Biebel und Homer. Taf. XCI. 4 и 5; C. XIX. 3; CXX. 1; CXXII. 5. 7.

[2]) Опусканіе правой руки, съ отставленнымъ большимъ пальцемъ, ладонью къ солнцу.

1 фиг. Это начертаніе возможно сопоставлять съ фиг. 7-ю на рис. 5, VI табл., находящейся около бубна. Шапка шамана или жреца: символизмъ ея очевиденъ, постараемся раскрыть его. Уловивъ въ общемъ культъ, узнаемъ и служителя его и его родину.

Если на соотвѣтственномъ мѣстѣ, на верхней части разсматриваемаго сложнаго символа, поставить кружечекъ — головку и отбросить нижнюю черту — знакъ благословенія земли или продолжить ее въ стороны — генезисъ символическаго начертанія этой шапки будетъ ясенъ (Ср. табл. XII. Л.с. 4—8, сопост. 4—13, всѣ начертанія 4-й полосы и 5. 1—5, а также пр. ст. этой же XII табл. строки 19 и 20. 7, ср. съ 16—18 строками).

Обратимъ вниманіе на знакъ (XII т. Л. 4. 2; 5. 1 и 4. 9) человѣка, молитвенно согнувшаго распростертыя и приподнятыя до высоты плечъ руки, обращая ихъ къ землѣ или къ небу, и стоящаго на землѣ на сильно раздвинутыхъ и согнутыхъ ногахъ, съ бедрами, приподнятыми вверхъ. Какъ ни курьезенъ этотъ символъ, сидящій, можно сказать, на корточкахъ[1]), но онъ имѣетъ большое этнографическое значеніе: составители его смотрѣли на человѣка, какъ на манекенъ для свѣтовой сигнализаціи молитвъ, изъ котораго надо выжать какъ можно болѣе молитвенныхъ знаковъ и символовъ, — большаго отъ молящагося не требовалось. Дѣло въ томъ, что это неестественное сгибаніе бедеръ, образуя острый уголъ, обращенный кверху, даетъ два истовыхъ символа молитвы небу. Этого обстоятельства мы коснулись при описаніи фиг. 6-й на табл. VI, рис. 4: на двѣ точки при указываемомъ начертаніи человѣка слѣдуетъ взглянуть еще разъ, но, въ то же время бедра и голени образуютъ два угла, т.-е. два символа къ землѣ.

Мы уже видѣли, съ какимъ подчеркиваніемъ на нѣкоторыхъ петроглифахъ означены ступни молящихся, — и онѣ даютъ символы. На табл. VI, рис. 4-й, у пятки фиг. 26-й мы отмѣтили точку, вѣроятно, на обуви было что-либо символизирующее, подобное хвостамъ, привязаннымъ къ пяткамъ воиновъ, индѣйцевъ С. Америки, или подобно маленькимъ крылышкамъ Гермеса, выросшимъ изъ символовъ молитвы, которыми его снабдили впослѣдствіи жрецы и особенно скульпторы.

Напомнимъ о рукахъ въ начертаніи ихъ двумя углами (XII табл. Л.с. 5. 1—5) или двумя отдѣльными дугами (4. 9—10), подъ мышками или, при поворотѣ рукъ внизъ, у шеи, образуются символы. И на это есть указаніе, см. табл. VIII, рис. 1.12, сдѣланное также двумя точками. Такимъ образомъ, принявъ во вниманіе и перстосложеніе, при усердіи, молящійся могъ увеличить молитвенную сигнализацію въ три-четыре раза болѣе противу людей невѣжественныхъ и непосвященныхъ въ тайны мимической молитвы, и притомъ, съ меньшей затратою времени и силъ.

Разсматриваемое петроглифическое начертаніе, по всей вѣроятности, сдѣлано служителемъ этого своеобразнаго культа и тогда, съ большею увѣренностію, будемъ

---

[1]) Сидѣніе на корточкахъ замѣчается въ браманской религіозной практикѣ, см. Шантепи-де-ля-Соссей, II т., стран. 65, присѣданіе примѣнялось у древнихъ грековъ (Voulliеme, Quo modo veteres et coet.), но оно, видимо, было въ употребленіи у египтянъ, это мы видимъ по знаку, вошедшему въ гіератическое письмо (Липпертъ, Ист. культуры, 295, рис. 70, въ 4-й строкѣ сверху). Въ красно-фигурныхъ петроглифахъ Енисея этотъ знакъ встрѣчается (IX т. XVI. 5). Напомнимъ погребенія въ этомъ положеніи.

допускать, что въ символѣ жреческой шапки отразился самъ обладатель ея. Попытаемся въ параллеляхъ съ ранѣе описанными петроглифами выяснить, насколько это возможно, по свойствамъ и количеству матеріала, характерныя отличія этого культа.

Бубны и равные имъ, хотя и загадочные колбообразные символы, разсмотрѣнные ранѣе, особенно съ двумя точками, какъ бы глазами (Табл. VI, рис. 3. 13 фиг.), представляются священными предметами, вдохновляющими шамана, господствующими имъ, предъ которыми склоняются молитвенные символы (Табл. I. XXII. 1); болѣе древняя форма бубна и шапка шамана (Табл. VI, V. 7 и 8) признаютъ главенство неба и могущество небесныхъ божествъ. Разсмотрѣнный же символъ шапки жреца, повидимому, нешаманскаго культа учитъ, что молитва богамъ могущественнѣе самихъ боговъ, что боги во власти служителей молитвы.

Есть основаніе видѣть въ этомъ петроглифическомъ начертаніи (1 фиг. рис. III) шапку браминовъ и символъ созданнаго ими, по образу и подобію своему, бога молитвы, Браманаспати. Конечно, это не первый слѣдъ индійскихъ заимствованій, накрывавшихъ и переслаивавшихся съ другими графическими наслоеніями, слѣдовавшими за первоначальнымъ мало-азіатскимъ, древне-греческимъ. Если бъ спеціалисты по древнѣйшей исторіи браманизма, буддизма, ламаизма и шаманизма, держась этнографическихъ методовъ изслѣдованія и обобщенія, пересмотрѣли бы свои богатые матеріалы и дали бы сравнительные очерки наслоеній и переслаиваній, прямыхъ и обратныхъ, первоначальныхъ и послѣдующихъ, при всѣхъ теченіяхъ заимствованій культовъ и особенно ихъ внѣшнихъ проявленій въ изобразительномъ искусствѣ, этимъ, помимо прочихъ научныхъ результатовъ, значительно облегчилась бы обработка петроглифическихъ матеріаловъ, что дало бы возможность наилучшимъ образомъ использовать ихъ, особенно при разнородныхъ научныхъ сопоставленіяхъ, и въ пространствѣ и во времени. — 2 фиг. Спираль, въ три оборота, вправо. Можетъ быть, особый религіозный знакъ змѣи.

Это весьма распространенное начертаніе, и въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, относится къ разряду символовъ, къ толкованію которыхъ подходятъ съ самыхъ различныхъ сторонъ, становясь на самыя разнообразнѣйшія точки зрѣнія, пользуясь и синекдохою, и метониміею, и метафорою, и эмблемою, нерѣдко примѣняя и сравнительное языкознаніе, но зачастую игнорируя стадіи культуры, ступени умственной эволюціи и отраженій религіозныхъ воззрѣній въ письменныхъ начертаніяхъ свѣтовой системы.

Мы отнюдь не намѣрены обходить всѣ эти толкованія, нѣкоторыя изъ нихъ въ примѣненіи къ соотвѣтственнымъ культурнымъ эпохамъ и народностямъ заслуживаютъ вниманія и мы ихъ кратко отмѣчаемъ, давая ссылки, но предпочитаемъ остановиться на простѣйшемъ толкованіи, опирающемся на ближайшихъ графическихъ указаніяхъ и неудаляющемся отъ предметнаго образнаго мышленія, отъ котораго аборигенъ не могъ отрѣшиться и въ практикѣ культа.

Участіе змѣи въ шаманизмѣ общеизвѣстно, участіе змѣи въ древнемъ шаманскомъ культѣ на Енисеѣ отмѣчено, какъ мы уже видѣли, однимъ древнимъ петроглифическимъ начертаніемъ, участіе змѣи въ древне-греческомъ культѣ вообще и въ мало-азіатскомъ культѣ, въ частности, также извѣстно. Кромѣ того, надо имѣть

въ виду, что зачатки спирали въ орнаментѣ эсо-виднаго религіознаго символа должно отнести, по меньшей мѣрѣ за 2000—2500 лѣтъ до Р. Х., такъ что графическое заимствованіе символовъ и спиральныхъ притупленій концовъ ихъ могло придти на Енисей задолго до алфавита. Но здѣсь спираль не эволюціонировала въ орнаментѣ, осталась мало развитою, не дойдя даже до устойчивыхъ зачатковъ меандра (mäander) [1]).

Къ змѣѣ, свернувшейся спиралью, къ спиралевидно изогнутому прутику, къ начертанію спирали, аборигенъ относился какъ къ молитвеннымъ приборамъ, съ которыхъ стекаетъ молитва и летитъ, подчиняясь направленію символизаціи, но въ спирали, по представленіямъ того времени, происходилъ застой, скопленіе молитвъ, направленныхъ и вверхъ и внизъ и во всѣ стороны. Кольцо, какъ и замкнутая круговая линія, въ молитвенномъ культѣ того времени рѣзко отличались отъ спирали. Въ кольцѣ и кругѣ молитва или просьба къ божеству погашена благословеніемъ или дарованіемъ просимаго, въ спирали же сигнализація молитвъ и обязательныхъ для божества отвѣтныхъ сигналовъ, не встрѣчались между собою, не погашали другъ друга и не препятствовали дѣйствующимъ безпрерывно символамъ овладѣвать вниманіемъ и милостію боговъ и духовъ и задерживать ниспосылаемую божественную силу между оборотовъ спирали. Установившееся ношеніе длинныхъ волосъ женщинами можно объяснять подобными механическими воззрѣніями въ первобытной религіозной практикѣ. Въ легендѣ о Самсонѣ этотъ пережитокъ отразился. Троянскія женщины съ ихъ глиняными напряслицами свои клубки нитокъ навѣрное представляли, какъ скопленія благословеній божествъ. Въ миѳѣ Аріадны отражается повидимому такое же вѣрованіе. Эти же соображенія побуждали къ усиленію религіознаго воздѣйствія простыхъ молитвенныхъ символовъ при удлиненіи рукъ и туловища и обматываніи, такъ сказать, ими головы молящагося или погребаемаго, каковы финскіе каменные лабиринты, назначеніе и происхожденіе которыхъ до сихъ поръ считалось загадочнымъ[2]).

Лабиринты на этрусской вазѣ и на монетахъ изъ Кносса (de Cnosse), вѣроятно, древнѣе и сложнѣе, хотя лабиринтъ на вазѣ довольно схематиченъ. Линія шеи и головы поясного символа въ финскомъ начертаніи не подвергается спирализаціи, а на памятникахъ эпическаго времени и эта линія подвергается закручиванію[3]).

Этими воззрѣніями, привитыми практикою культа, объясняется то предпочтеніе, которое отдавалось жертвеннымъ животнымъ съ завитыми спиралью рогами, — ихъ приспособленность къ религіозной сигнализаціи считалась предопредѣленіемъ свыше, вслѣдствіе чего такими рогами снабжались нѣкоторыя божества, какъ напримѣръ и Юпитеръ Аммонъ, эмблемою котораго, кромѣ того, служитъ разсматриваемый символъ, но наружная линія спирали продолжается далѣе, такъ, чтобы выходъ изъ спирали приходился внизъ. Каменные бараны давно здѣсь замѣчены, — есть въ Минус. музеѣ.

---

[1]) См. Forrers Reallex. (1907), I. Schlemm, Wörterbuch (1908), Perrot et Chipiez, Schliemann и др.

[2]) См. Virchow и Aspelin. Verhandl. d. berl. anthr. Ges. 1877, стран. 439. — Нидерле, пер. ак. Д. Н. Анучина. Челов. въ доист. врем., стран. 136. — Основу лабиринта составляетъ знакъ молитвы небу, см. табл. XII. П. 14.2 см. объяснительную графическую схему на той же XII т. на пр. стор. 18. 15.

[3]) G. Perrot et Ch. Chipiez. Hist. de l'art dans l'ant. La grece de l'epopée. VII, p. 118, fig. 14 et 15.— D-r M. Ohnefalsch-Richter. Kypros et coet. Tafel CXXXII. 4 und 3 ext, s. 446.

Змѣя составляетъ принадлежность многихъ хтоническихъ божествъ; въ культѣ шаманизма, особенно въ древнее время, змѣя занимала видное мѣсто. — 6 фиг. Знакъ человѣка, повидимому начерченный одновременно съ спиралью и шапкой. На головѣ человѣка, стоящаго около выхода спиральнаго хода, низкая шляпа, съ полями и перомъ, наклоненнымъ въ сторону спирали, какъ бы молитвеннымъ къ ней обращеніемъ; обѣ руки опущены внизъ отодвинутыми, ноги раздвинуты. — 7 фиг. Знакъ дикой козы, спокойно стоящей; уши раздвинуты, но откинуты назадъ, — она на одномъ уровнѣ съ шапкою жреца, начертаніе четырехъ фигуръ, образующихъ группу, по всей вѣроятности, сдѣлано одновременно. — 2 фиг. не закончена. Эта фигура, какъ и 3-я, знакъ лошади, начертаны позднѣе.

Копенскій петроглифъ. VII таблица. IV рисунокъ.

Въ этой группѣ начертаній 8 фигуръ: 2 рисунка и 6 знаковъ, изъ нихъ только 5 законченныхъ начертаній.

1-й, 2-й и 8-й знаки образуютъ обособленную группу, нарисованную однимъ рисовальщикомъ и выбитую, повидимому, одновременно. Знакъ бубна (фиг. 8) — кругъ, съ влѣво наклоненнымъ марсомъ или баромъ, поставленъ внизу петроглифа, — впереди; затѣмъ, выше и влѣво, знакъ молящагося мужчины, стоящаго, по всей вѣроятности, лицомъ къ бубну; онъ съ непокрытой головой, съ широко раздвинутыми руками, съ тройственнымъ перстосложеніемъ, ноги молитвенно раздвинуты, ступни означены повернутыми наружу. Ритуалъ жертвоприношенія представляется въ слѣдующемъ видѣ: лѣвая рука была въ дѣйствительности ракурсомъ обращена прямо къ бубну: подчиняясь условности и трудностямъ такого зарисовыванія, этой рукѣ дано боковое положеніе. Правая рука указываетъ и благословляетъ жертвенное животное, повидимому козла, рога котораго изображены условно: вверху разведены, сзади прибавленъ отростокъ. Передняя часть туловища и переднія ноги не означены. — 3 фиг. Начертаніе это возможно разсматривать, какъ знакъ бубна, но въ продолженіи деревянной поперечины мы должны видѣть „косу“ или петлю для подвѣшиванія бубна, а въ поперечной притупляющей линіи можемъ предполагать колотушку для бубна. Внутреннія неясныя изглаженныя временемъ черточки какъ бы говорятъ за такое предположительное объясненіе.

Но кругъ съ отвѣсно проведеннымъ діаметромъ и продолженнымъ вверхъ, какъ увидимъ далѣе, можетъ означать и заходящее солнце, а притупленіе продолженнаго діаметра поперечною чертою можетъ означать благословеніе или благодареніе солнцу заходящему, эта же добавочная черточка можетъ давать и наставленіе о подобающемъ рукоположеніи и перстосложеніи: опусканіе рукъ съ двойственнымъ перстосложеніемъ, т.-е. съ отставленіемъ большого пальца и съ поворотомъ сдвинутыхъ ладоней къ солнцу. — 4 фиг. Рисунокъ дикой козы съ несоразмѣрно длинною шеей — очевидно вотивное начертаніе. — 5 фиг. Между ногъ козы виденъ молитвенный знакъ, обращенный къ землѣ, но средняя линія притуплена знакомъ благословенія земли, незамыкающимъ всего молитвеннаго символа. Символъ этотъ можетъ означать благословеніе неба на человѣкѣ, стоящемъ (также благословенномъ) на землѣ (Табл. XII. Л. 10.2). Едва ли рисунокъ козы можно считать нацарапаннымъ одновременно со зна-

комъ молитвы, тогда его было бы возможно сопоставлять съ начертаніемъ жертвуемой лошади (Табл. VI. IV рис. 21 фиг.), гдѣ недостаетъ молитвенной дуги, такъ какъ она замѣнена въ символизаціи самимъ жертвеннымъ животнымъ. — 6 и 7 фиг. Незаконченные знаки животныхъ; послѣдній выбитъ глубже, въ немъ означены голова, туловище и заднія ноги.

V рисунокъ. Всѣхъ начертаній 5: 1 рисунокъ и 4 знака, изъ нихъ 3 символическихъ.

1 фиг. Рисунокъ лошади и 4-я — знакъ козы. — 2. Знакъ молитвеннаго обращенія къ землѣ сходенъ съ зодіакальнымъ знакомъ овна, но конецъ черты притупленъ эсо-видною черточкою. Знакъ нѣсколько напоминаетъ шапку шамана, фиг. 7-й, рис. 5-го, табл. VI[1]). — 3 и 5. Начертанія одного символа, но на фиг. 5-й конецъ черты притупленъ дугообразною черточкою (см. объясненія къ фиг. 3-й на рис. IV этой же таблицы).

VI рисунокъ состоитъ изъ двухъ знаковъ: козы и бубна; баръ наклоненъ вправо.

XV и послѣдній рисунокъ Копенскаго петроглифа состоитъ изъ одной фигуры,— молящагося всадника, нѣсколько какъ бы приподнявшагося; руки опущены дугообразно внизъ, на одной видно тройственное перстосложеніе; ноги всадника подъ туловищемъ лошади не очерчены. Лошадь съ отставленнымъ хвостомъ и съ означеніемъ копытъ горизонтальными черточками.

9. Петроглифы на утесахъ Кулакъ, близъ сел. Щель-Тесп.

Табл. I, рисунки IX, X и XII.

IX рисунокъ состоитъ изъ трехъ силуэтныхъ фигуръ: двухъ дикихъ козъ и оленя (2-я), рога котораго зарисованы условно. Насторожившіяся козы, особенно первая, переданы жизненно.

X рисунокъ. Двѣ фигуры: корова и свинья.

XII рисунокъ, 14 фигуръ, изъ нихъ 2 не закончены; рисунковъ 5, остальное знаки. — 3 и 6 фиг. верховые на оленяхъ, у одного (6 ф.) руки раздвинуты, дугою внизъ. — 1, 2 и 4 фигуры, вѣроятно олени же, слѣдующіе за верховыми. — 7 фиг. Рисунокъ горнаго козла (Ovis argali), интересный тѣмъ, что онъ удержалъ древнюю манеру зарисовыванія[2]) (ср. съ петроглифомъ, выбитымъ на могильной плитѣ, на той же табл. рис. XIV). Нижній рогъ, верхъ шеи, спина и задняя нога означены одною чертой, а остальной контуръ сдѣланъ другою чертой: между заднихъ ногъ и запрокинутыхъ назадъ рогъ оставлены въ начертаніи какъ бы входъ и выходъ, можетъ быть, для дефилированія боговъ и духовъ и для вящаго воздѣйствія на нихъ приносимою жертвою.

---

[1]) Ср. съ букв. енис. алфавита, X. П. 16 и съ тождественною съ этимъ знакомъ, вѣроятно, съ тамгою, буквою кипрейскаго алфавита. L. Cesnola. Cypern. Pl. CIII, (103) № 51.

[2]) Ср. съ петроглифомъ, рис. XIV, на этой же таблицѣ, тамъ олень, здѣсь горный баранъ, но манера зарисовыванія одна. Ср. съ другими рисунками, на этой таблицѣ, II, V и VII рисунки, на IX табл. красною краской, IX рис. 21 фиг.

Есть нѣкоторыя основанія такую условность рисунка сопоставлять съ загадочными колбовидными начертаніями, о которыхъ было сказано при описаніи рисунковъ XIX и XXII этой же таблицы и которыя, по религіозному значенію, можно параллелизировать со спиралью и спиралевидными предметами, съ спиральнымъ орнаментомъ и съ вавилонными погребальными огражденіями. — 8 и 9 фиг. — знаки пасущихся дикихъ козъ. — 10, 11 и 12 горные козлы въ другой манерѣ зарисовыванія. То же мы видимъ и на другомъ утесѣ, табл. IX, XII рис. Кстати предлагаемъ взглянуть на этой же таблицѣ и 3-й простѣйшій пріемъ означенія того же животнаго на петроглифахъ Писемскаго плеса, фиг. 21.

10. Верхне-Колбинскій петроглифъ.

Табл. IX, рисунокъ XV.

Петроглифъ состоитъ изъ трехъ фигуръ, начерченныхъ красною краскою, насколько возможно судить по краскѣ, сохранности ея, по смысловой связи пиктографическаго памятника, одновременно. Но, дѣлая это предположеніе, мы всетаки будемъ описывать фигуры отдѣльно.

1. Знакъ молящагося верхового, ѣдущаго, повидимому, на лошади, но шея животнаго коротка, хвостъ коротокъ и прочерченъ горизонтально: на знакахъ лошади онъ всегда свѣшивается, — возможенъ и олень. Оленные карагазы въ вершинахъ Маны и Капа и теперь еще есть, но, по преданіямъ и историческимъ памятникамъ, число инородцевъ и оленей у нихъ поразительно быстро уменьшается: вымираніе идетъ очень быстро. По условности начертанія верхового, какъ бы стоящаго на животномъ съ распростертыми руками, наклонившись немного впередъ, уже можно заподазривать какія-то пока мало понятныя намъ религіозныя воззрѣнія[1]). Прежніе изслѣдователи (Титовъ, Спасскій и Поповъ) видѣли въ подобныхъ знакахъ волтижированіе; отсутствіе параллелей и сравнительная бѣдность матеріаловъ наталкивали на чисто субъективныя заключенія. Животное зачерчено только съ двумя ногами, стоящимъ какъ бы на горизонтальной плоскости. Надо имѣть въ виду, что, хотя палецъ, намазанный кровавикомъ, и прототипъ кисти, но онъ даетъ настолько грубую расплывчатую черту, что человѣкъ могъ изображаться только спереди и сзади, а животныя только сбоку, но, не смотря на всѣ стѣсняющія примитивное искусство условія, человѣкъ, когда было нужно и возможно, ухитрялся означать и направленіе своего дальнѣйшаго пути, напримѣръ, верховой (отъ священнаго дерева, см. фиг. 3) поѣхалъ по берегу рѣки Колбы, вверхъ по ея теченію. Если бы отъ берегового утеса, лѣвой стороны рѣки, рисовавшій взялъ немного вправо, чтобы пересѣкать горы наискось, онъ поставилъ бы животное наклонно, приподнявъ соотвѣтственно переднюю часть фигуры. Если бы ему надо было пересѣкать водораздѣльныя горы прямо поперекъ, то и это онъ выразилъ бы загадочнымъ знакомъ, который мы видимъ на этой таблицѣ, на рис. 3,

[1]) Пока имѣется одна параллель — гольдскіе соломенные идолы: хермиктани. Коллекція г. Шимкевича, въ Публичн. Рум. музеѣ. — Торж. засѣд. 3 апр. 1897 г. Табл. VII, фиг. 1.—Слѣдуетъ принять во вниманіе два рисунка въ Kypros, M. Ohnefalsch-Richter, Taf. CXXXII. 4 и CII. 6.

фиг. 43. Этотъ рѣдкій ракурсъ верхового понимается не безъ труда, но, при стараніяхъ проникнуть въ душу мѣстныхъ примитивныхъ художниковъ, при сопоставленіяхъ, овладѣть этимъ въ сущности реальнымъ символомъ, примѣнивъ преобладающіе пріемы графическаго религіознаго символизма, т.-е. отбросивъ у лошади хвостъ, въ данномъ случаѣ символическаго значенія и неимѣющій. Укажемъ для сопоставленія такое же ракурсное начертаніе, но съ хвостомъ лошади, табл. II. XX. 13. Олень намъ какъ-то не приходилъ въ голову. Фигурка верхового съ распростертыми руками и раздвинутыми ногами на двухъ *широко* разставленныхъ подставкахъ (заднихъ ногахъ животнаго; ср. высѣч. фиг. 7-ю, рис. VIII, на табл. III). Продолжимъ разъясненія, они пригодятся въ будущемъ. Если бъ рисовальщикъ, означивъ молитву, желалъ сообщить ѣдущимъ вслѣдъ за нимъ, что онъ въ этомъ мѣстѣ переѣхалъ Колбу и направился наискось („наперекосыхъ") чрезъ береговыя горы, вверхъ по теченію рѣки, или поѣхалъ, придерживаясь праваго берега, то и это онъ выразилъ бы двумя дополнительными знаками: сперва тотъ же знакъ, но съ *узко* разставленными передними ногами (см. здѣсь же, рис. III, фиг. 14 и 11) и повторить фигуру всадника, для перваго случая, приподнявъ переднюю часть знака, а, во второмъ случаѣ, поставивъ его горизонтально. Если бы бродъ былъ выше или ниже по теченію рѣки, то передъ ракурснымъ знакомъ былъ бы поставленъ бродовой знакъ, о которомъ мы уже говорили при Биджайскомъ петроглифѣ.

Приподнятость на сѣдлѣ возможно приписывать и графическимъ пріемамъ усиленія молитвенной символизаціи, иногда противорѣчащимъ естественной жестикуляціи; причудливости и странности этихъ пріемовъ отчасти уже отмѣчены. Но ближайшее ознакомленіе съ травяными бурханами — медвѣдя (доонта) гольдовъ и особенно съ человѣческими фигурками на нихъ склоняетъ къ признанію какихъ-то пока невыясненныхъ религіозныхъ представленій[1]), хотя у енисейскихъ инородцевъ они, повидимому, не связаны съ культомъ медвѣдя, что видно ясно изъ фигуръ: 6-й на рис. XX и 14-й на рис. XVI, гдѣ начертаніе лошади несомнѣнно. Верховой, повидимому, въ конической шапкѣ. — 2 фиг. Фигура шамана въ шапкѣ съ плоскимъ верхомъ и съ свѣшивающимися полями, съ колотушкою въ рукѣ или это, можетъ быть, и начертаніе мѣстнаго духа, и накрытіе шапкою можетъ выражать и его невидимость[2]); въ рукахъ его можно усматривать символъ поклоненія священному дереву. — 3 фиг. Священное дерево съ вѣтвями, вверхъ устремленными (Ср. табл. VI. IV — 2), 3 развѣтвленія корней и 3 вершинныхъ вѣтки образуютъ молитвенные символы вверхъ и внизъ.

Священное дерево (9 вѣтвей и 3 корня), повидимому дерево предковъ[3]), съ очевиднымъ преобладаніемъ поклоненія небу, несогласнымъ съ практикою современнаго шаманскаго культа, въ которомъ, несомнѣнно, преобладаетъ поклоненіе землѣ, то-есть земнымъ и подземнымъ божествамъ. Если фигура у священнаго дерева — шаманъ, тогда оно является въ религіозномъ отношеніи замѣстителемъ, гомологомъ, такъ ска-

---

[1]) Шимкевичъ. Матер. для изуч. шаман. у гольд. Хаб. 1877. Рис. къ докл. В. Ѳ. Миллера, VII табл. 1.

[2]) Schoolcraft, Indian Tribes. Philadelphia, 1853. Знакъ дуги или полуовала.

[3]) Генезисъ сл. симв.: XII т. пр. 1. 2, 1—4 и 2. 2 (перв. въ родѣ), ср. фиг. 12 на бубнѣ, изобр. на табл. VIII, рис. IV. Сопост. табл. XII л. 17. 8 пр. в. — Ср. «Русск. древн.», вып. II, стран. 94 (рис. 79).

зать, бубна, замѣняя колбообразныя начертанія съ однимъ и двумя пятнами въ срединѣ ихъ, и спираль-змѣю болѣе древнихъ шаманистовъ, можетъ быть, относящихся еще къ концу мѣднаго вѣка. Если разсматривать эту пиктографическую религіозную запись какъ нѣчто цѣльное, одновременное по начертанію, то въ верховомъ надо видѣть символизированіе и связи съ землею и, въ то же время, какъ бы вознесеніе, поднятіе надъ нею, власть надъ нею. Для сравненія и подтвержденія высказаннаго предположенія, укажемъ нѣкоторыя высѣченныя на утесахъ близъ ул. Сулекъ начертанія несомнѣнно болѣе древнія, съ нѣсколькими иными молитвенными тѣлодвиженіями, но мысль о молитвенномъ отдѣленіи отъ земли и приподнятіи къ небу древними енисейскими художниками выражена наглядно и просто, въ весьма важныхъ въ научномъ отношеніи расчлененныхъ символахъ, раскрывающихъ, вслѣдствіе этого, тайну своего генезиса (Табл. II. I. 2 и 3 фиг.; Табл. VIII. II—1 и 12 фиг.).

Параллель съ нѣкоторыми начертаніями на древне-вавилонскихъ цилиндрахъ, гдѣ видимъ боговъ приподнявшимися надъ своими сѣдалищами и жертвенныхъ животныхъ, несомыхъ жрецами за заднія ноги, и поднятіемъ головъ и изгибами шеи выражающихъ обращеніе къ небу (Табл. VIII. VI—3 и 5 фиг.), заслуживаетъ вниманія.

11. Нижне-Колбинскій петроглифъ.

Всего 7 начертаній, 8-е совершенно расплылось.

1 фиг. Шаманъ въ шапкѣ съ неяснымъ очертаніемъ, съ распростертыми и нѣсколько внизъ опущенными руками и разставленными ногами. — 2. Колотушка отъ бубна; по ней видно, что шаманы на этомъ и предшествующемъ рисункѣ обращены лицомъ въ одну сторону. — 3. Олень-самецъ, идущій вправо, по направленію къ священному дереву. — 6. Верховой привставшій на лошади, съ зарисованными четырьмя ногами и двумя ушами. Всадникъ совершенно тождественъ съ фигурою 1-ю на предшествующемъ рисункѣ. — 5. Священное дерево, въ 7 вѣтвей и три корня. — 4 фиг. Изображеніе бубна, продолговато-овальной формы, въ продолговатости можетъ скрываться условность. — 7 фиг. Черта между оленемъ и верховымъ — знакъ невидимости.

Дѣло въ томъ, что начертанія можно признать одновременно начертанными. Если и возникаетъ нѣкоторое сомнѣніе, то только относительно 6-й фиг. верхового, но она не умаляетъ доминирующаго положенія бубна: наиболѣе важный въ религіозномъ отношеніи признакъ — деревянная поперечина бубна, баръ или марсъ, поставленъ горизонтально, въ видѣ благословенія неба. Бубенъ въ этомъ положеніи въ глазахъ шаманиста можетъ имѣть то же религіозное значеніе, какъ крылатый дискъ у ассиріянъ, фениксъ у египтянъ и финикіянъ, орлы, голуби и другія священныя и вѣщія птицы различныхъ доисторическихъ и историческихъ народовъ.

Смыслъ пиктографіи ясенъ. Шаманъ, подъ покровомъ бубна и при содѣйствіи покровительствующихъ ему небесныхъ боговъ и духовъ, направилъ многовѣтвистаго оленя къ священному дереву, куда направляется и верховой; но черта между нимъ и оленемъ можетъ быть знакомъ раздѣленія, т.-е. что верховой звѣря не видѣлъ ранѣе, не выслѣживалъ, не сторожилъ въ засадѣ, что звѣрь вышелъ на него самъ. Какъ параллель укажемъ высѣченный петроглифъ (Потрошиловскій) на ту же тему

о могуществѣ шамана (Табл. II. XIX рис.), напомнимъ и петроглифъ, наглядно доказывающій силу его молитвы (Табл. I. XX рис.). И здѣсь и далѣе, видны указанія и на авторовъ этихъ пиктографическихъ проповѣдей о могуществѣ шамановъ, имѣвшихъ нѣкоторое понятіе и о могуществѣ рекламы.

12. Петроглифы близъ дер. Караульной.

Ближайшія окрестности этой деревни и этого петроглифа мы не имѣли возможности осмотрѣть, намъ не удалось встрѣтить связныя пиктографическія начертанія, приводимъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ начертаній. Краска (кровавикъ) здѣсь темнѣе, черта нерѣдко уже обыкновеннаго и, вслѣдствіе этого, интенсивнѣе.

Табл. II. XIV рис. 1 фиг. Овальный продолговатый бубенъ, съ означеніемъ марса, титевы и поперечинъ, въ общемъ внутри окружности бубна какъ бы образовано грубое очертаніе лежащаго мужчины головой влѣво. — 2. Конь, стоящій, зачерченъ въ 4 ноги, хвостъ отставленъ, шея и голова приподняты, оба уха означены расходящимися.

XV рис. Лисица.

XVI рис. 2 фиг. Скачущій влѣво всадникъ; тонкая темно-красная черта дала рисовальщику возможность выразить древнюю и детальную символизацію: ротъ коня раскрытъ, означены оба уха, но сближенными и нерасходящимися, хвостъ поставленъ горизонтально, линіи спины и живота, расходясь отъ груди, назади оставлены несомкнутыми. На головѣ всадника круглая шапка, безъ полей. Такую шапку, точечно означенную, мы видимъ на Потрошиловскомъ петроглифѣ, на высѣченной фигурѣ 4-й (Табл. II. XIX—4). Руки всадника означены прямолинейно расходящимися внизъ, одна рука держитъ поводья, а другая опущена внизъ, отставленною отъ туловища. Всѣ символы направлены къ землѣ. Впереди всадника означена дикая коза (фиг. 1), тихо идущая. Возможно видѣть степную охотничью сцену, изъ облавы на козъ.

XVII рис. Замкнутый амулетный символъ — квадратъ, съ лучами отъ угловъ, образующими четырехстороннее молитвенное обращеніе.

XVIII рис. Всадникъ на лошади, остановившійся и молитвенно сложившій руки фертообразно[1]). Ближайшія параллели къ этой фигурѣ даемъ въ примѣчаніи, съ этимъ фертообразнымъ символомъ придется встрѣчаться часто. Лошадь въ двѣ ноги, хвостъ

---

[1]) Фертообразный символъ въ петроглифахъ Енисея встрѣчается часто, но онъ замѣчается и на памятникахъ древнихъ культуръ, и въ Африкѣ, и въ Азіи, и въ Европѣ.

Дадимъ только нѣкоторые наиболѣе интересные примѣры. — Въ Китаѣ видимъ этотъ знакъ въ смыслѣ «средины»; графически мы принимаемъ это за древній свѣтовой знакъ «полдня». — Въ гіератическомъ письмѣ есть знакъ верхняго смыканія рукъ. Есть амулеты, см. Perrot et Chipiez, I, 162 (104). — Въ костромскихъ курганахъ, Ф. Д. Нефедовъ — ак. Д. Н. Анучинъ, табл. 6.39. — Типично рукоположеніе Артемиды (нижнее, руки на бедрахъ), съ угловыми символами молитвы внизъ и съ дугообразными и горизонтальными линіями благословенія ея сверху и молитвъ къ ней съ боковъ. Русскія древн. гр. Толстого и Кондакова. II вып. См. рис. 75 на стран. 92.

У Камской чуди, въ коллекціи Теплоухова, обработанной А. А. Спицынымъ, XXXI. 5.

Въ Америкѣ, см. базальтовую статую богини, въ 6-мъ годичномъ рапортѣ Смитс. Института. — Афросіаба. Терракот. фигурка (II или III вѣкъ до Р. Х.). Русскія древн. гр. Толстого и Кондакова III. Стран. — 26. Halstadt (Hoerness. Die Urgesch. des Mensch. 486.184), шпильки.

отставленъ, шея и голова приподняты, уши символизируютъ молитву вверхъ. Сзади и выше знакъ дикой козы.

XXI рис. 1 фиг. Знакъ дикой козы. — 2 фиг. Знакъ верхового въ конической шапкѣ, съ нѣсколько инымъ рукоположеніемъ, чѣмъ на только что разсмотрѣнномъ XVI рис. Уши лошади болѣе раздвинуты, ротъ не раскрытъ; въ остальномъ начертаніе лошади совершенно сходно съ фигурою на рисункѣ XVI. Нижнія двѣ фигуры (3 и 4) два верховыхъ, совершенно иное и незаконченное начертаніе знаковъ; связывать ихъ съ предыдущими нѣтъ основаній.

13. Майдашинскій петроглифъ.

Таблица I. I рисунокъ.

Фиг. 1. Знакъ человѣка, поклоняющагося землѣ; ноги раздвинуты, руки дугообразно опущены внизъ. — 2. Такой же знакъ, но руки распростерты въ сторону. — 3. Рисунокъ животнаго, какъ бы лежащаго на землѣ; начертаніе ногъ условно. — 4. Горный козелъ. — 5. Знакъ человѣка въ шапкѣ, съ распростертыми руками и раздвинутыми ногами.

Рисунокъ II.

Всего 26 фигуръ, изъ нихъ неоконченныхъ 5; рисунковъ 8, знаковъ 13.

Фиг. 1. Неоконченный рисунокъ дикаго козла, не начерчены переднія ноги. Заднія ноги изображены условно, передняя часть тѣла и голова низко опущены. Морда животнаго подъ ногою человѣка (фиг. 3). — 2. Справа отъ рога предшествующей фигуры зарисована голова животнаго. — 3. Знакъ человѣка, молящагося, что видно по горизонтально распростертымъ рукамъ и раздвинутымъ ногамъ. — 4. Рисунокъ, повидимому, лежащей дикой козы, но, внимательно всмотрѣвшись, видно, что она начерчена стоящей на колѣняхъ, съ несомкнутыми ногами: — символъ землѣ открытъ, одно ухо означено, изгибъ спины и шеи — дающій символы и небу. Положеніе — или жертвеннаго животнаго, или освящаемаго для стада животнаго (изыхъ) ср. съ фиг. 8-й. — 5. Рисунокъ стоящей дикой козы, иначе исполненный, сзади контуръ между ногъ не сомкнутъ. — 6. Рисунокъ горнаго козла, насторожившагося, съ вытянутою шеею и приподнятою головой. — 7. Знакъ человѣка, стоящаго, раздвинувъ ноги; одна рука опущена внизъ, отодвинутою отъ туловища, другая приподнята горизонтально. — 8. Хорошій рисунокъ самки оленя или дикой козы, тоже повидимому лежащей, но по начертанію на ней эсовиднаго религіознаго символа (въ поворотѣ) есть основаніе предполагать жертвенное положеніе[1]), что видно и изъ нѣкоторыхъ отступленій отъ

[1]) Дадимъ библіографическія даты: рисунки съ жертвеннымъ положеніемъ животныхъ. A. Cesnola, Salaminia. Coins of Cyprus. Taf. 322, 323, 324 и 329; олени въ жертвенномъ положеніи и животное, принимающее жертву (должно думать, по повелѣнію божества), 325, 326, 327 и 328. Ср. грифоновъ Чертомлыцкой вазы, »Русскія древн.», гр. Толстого и Кондакова, II выпускъ. Тамъ жертвенныя животныя изображены на золотой пластинкѣ ноженъ и на другой золотой пластинѣ (стран. 151). На серебряномъ сосудѣ изъ Куль-Оба (стран. 141 Русскія древн.) на золотой пластинѣ налучья (149 стран.), на браслетѣ, на ручкѣ отъ зеркала.

На жертвенное положеніе есть указаніе въ цилиндрахъ, найденныхъ въ Кипрѣ, кромѣ помѣщенныхъ на приложенныхъ таблицахъ, см. L. Cesnola, Cypern, Taf. LXXV. 4 и 1, гдѣ видны указанія и на человѣческія жертвы, LXXXIII. 14.

натуры: животное не касается животомъ земли, изгибы очертаній живота и ляжки образуютъ молитвенное обращеніе землѣ, подогнутыя ноги животнаго не соприкасаются копытами и не уничтожаютъ этимъ дѣйствія образовавшагося символа; животное какъ бы стоитъ на колѣняхъ. На спокойно приподнятой головѣ уши изображены расходящимися. Вообще, животное символизируетъ въ равной мѣрѣ и небу и землѣ, *совершенно гармонируя съ двухстороннимъ молитвеннымъ символомъ, украшающимъ животное.* Обращаемъ вниманіе на половины дугообразнаго двухсторонняго символа[1]), назовемъ одну половину этого эсовиднаго символа, въ его первоначальномъ горизонтальномъ положеніи, верхнимъ (къ небу обращеннымъ), тогда обѣ эти половины (правая, видимая намъ, и лѣвая, предполагаемая на той сторонѣ животнаго) наложены на передней части туловища, — а обѣ нижнія половины (къ землѣ обращенныя) наложены на бедрахъ. Не кроется ли здѣсь, въ этомъ жертвенномъ положеніи животнаго и въ наложенномъ на немъ эсовидномъ символѣ загадка жертвеннаго значенія и фиг. 1-й. Грудь, переднія ноги и даже часть живота не означены, а голова съ двумя ушами надъ головою фиг. 1-й, можетъ быть, означаетъ поясненіе посвященія ея небесному божеству. Высказанное соображеніе, намъ кажется, слѣдуетъ имѣть въ виду, при накопленіи матеріаловъ.

Обратимъ вниманіе на скобки, стоящія на груди животнаго, впереди эсъ-символа въ поворотѣ.

Справа видимъ эсовидный символъ въ поворотѣ, зайдя слѣва увидимъ его въ томъ положеніи, въ какомъ онъ введенъ въ алфавитъ, но поставленнымъ вертикально. Вслѣдствіе бустрофедоннаго письма онъ и въ алфавитѣ сохранилъ повороты. Здѣсь концы символа уже замѣтно загнуты. Эта начертательная стадія имѣетъ относительное хронологическое значеніе. Болѣе древнее начертаніе этого символа: ломаная линія, образующая два прямыхъ угла, обращенныхъ также вверхъ и внизъ. Наложивъ ихъ на жертвенное животное, подчиняясь отмѣченнымъ обряднымъ правиламъ, мы увидимъ съ одной стороны, справа, энъ- или зэтъ-символъ, а, смотря слѣва, будетъ „иже"-символъ. Войдя въ алфавитъ, они стали вертикально, но повороты, благодаря бустрофедону, удержали: видимъ генезисъ буквъ „зетъ" и „эсъ" (въ древнемъ линейномъ начертаніи). Маленькая экскурсія въ исторію алфавита или, точнѣе говоря, въ генезисъ буквенныхъ начертаній, привела къ вопросу, что древнѣе: религіозныя или буквенныя начертанія? Рѣшеніе предоставимъ фактамъ: съ этими вопросами еще при-

---

У A. Heikel, Antiquites, на табл. IX. 6. — У Д. А. Клеменца, Древн. Минус. Музея, табл. VIII. 11, 12 и 19. — Изъ находокъ С. К. Кузнецова, рис. въ Отч. Императорской Арх. Ком. 1892 г., стран. 72.

Въ находкахъ гр. А. А. Бобринскаго, близъ мѣст. Смѣла XXIV и XXI (большой олень съ головами грифоновъ на вѣтвяхъ роговъ, какъ символами принятія жертвы). — Рисун. въ отчетѣ Импер. Арх. Ком. за 1895 г., стран. 149. — Фигуры животныхъ изъ рога, найденныя И. Т. Савенковымъ, около деревни Базаихи (помѣщ. на табл. I. XXXI. 4). — Золотая пластина съ оленемъ, изъ Акъ-Мечетскаго кургана, рис. въ Русск. древн. гр. Толстого и Кондакова. — Kypros. D-r M. Ohnefalsch-Richter. Taf. LXXX. 1; LXXXIV. 1; LXXXIX, CLII. 16; CLXXX. 3 и 4; CXCII. 8; CXV. 1; CLXXI; CLXXXII. 46; XXXII. 36. — Въ обширномъ трудѣ Q. Perrot et Ch. Chipiez, много такихъ изображеній и жертвенныхъ и жертву принимающихъ животныхъ. Минусинскій музей обладаетъ прекрасною коллекціею жертвенныхъ животныхъ.

[1]) При эсовидномъ символѣ (съ поворотомъ) на жертвенномъ животномъ, если бы спирализація концовъ символовъ на Енисеѣ была воспринята, наблюдался бы поворотъ головы жертвенныхъ животныхъ назадъ и на петроглифахъ и на амулетныхъ бляхахъ, а ихъ въ Минусинскомъ музеѣ болѣе 60 экземпляровъ.

дется встрѣчаться и въ описаніи петроглифовъ и въ параллеляхъ къ нимъ, и здѣсь, на Енисеѣ, и на берегахъ и Чернаго, и Средиземнаго, и Нѣмецкаго, и Балтійскаго морей.

Достаточно теперь и того, что мы съ увѣренностію можемъ сказать, что культъ свастики и совастики аборигены, начертавшіе майдашинскіе петроглифы, знали и двустороннее одновременное сигнализированіе молитвы небу и землѣ дѣлали.

Въ таблицѣ же сходныхъ начертаній при сопоставленіи съ іонійскимъ, фригійскимъ, карійскимъ и ликійскимъ алфавитами мы этихъ начертаній не видимъ. — 9. Знакъ колеса, по первому впечатлѣнію. Но не правильнѣе ли понимать это начертаніе, какъ знакъ бубна, съ знакомъ марса или деревянной поперечины, отвѣсно поставленнымъ и косымъ крестомъ, какъ четырехстороннимъ молитвеннымъ символомъ, начертаннымъ на бубнѣ. Украшенное животное, въ жертвенномъ положеніи, стоящее у этого знака, болѣе говоритъ за его священное, чѣмъ за его хозяйственное значеніе. — 10 и 11. Рисунки горныхъ козловъ, самца и самки. — 12. Рисунокъ горнаго козла, въ жертвенномъ положеніи (Ср. съ рис. XXXV этой же таблицы). — 13, 14, 15 и 16. Знаки мужчины, ребенка, еще неходящаго, женщины и птицы или изображаемаго ею знака, благословившаго предстоящій людямъ путь. Пролетѣвъ надъ ними далѣе, птица задними концами перьевъ крыльевъ и хвоста дастъ символъ небеснаго благословенія и людямъ. Такія птицы и съ тѣмъ же значеніемъ фигурируютъ на ватчской и чертозской ситулахъ надъ воинами и надъ жертвенными животными, на которыхъ онѣ иногда и садятся, символизируя благословеніе[1]). — 17. Незаконченный рисунокъ животнаго. — 18. Верховой, съ крестообразнымъ молитвеннымъ рукоположеніемъ. Лошадь грубо зачерчена, ушей не означено; 4 ноги; контуръ лошади сзади не замкнутъ. — 19. Грубо начерченная лошадь. — 20. Шаманъ, въ конической, невысокой, но съ широкими полями, шляпѣ; стоитъ онъ спиною къ смотрящему, въ лѣвой рукѣ бубенъ, въ правой опущенной рукѣ колотушка отъ бубна, которой онъ почти касается бедеръ[2]). — 21 и 22. Знакъ человѣка въ конической шапкѣ, вѣроятно шамана, съ колотушкою отъ бубна. Знакъ человѣка, стоящаго передъ нимъ, распростерши руки. — 23. Знакъ молящагося мужчины; очертаніе молитвеннаго обращенія къ землѣ округленное. — 24. Незаконченное очертаніе животнаго. — 25. Передняя часть барана. — 26. Знакъ коровы. — 27. Вѣроятно, молитвенный знакъ, но въ китайскомъ значеніи можетъ быть знакомъ неходящаго ребенка.

Табл. I. III рисунокъ.

Эта отдѣльная небольшая группа начертаній состоитъ изъ 12 фигуръ: изъ нихъ три не закончены; въ остальныхъ — 6 рисунковъ и три знака.

---

[1]) Д-ръ Л. Нидерле. Человѣч. въ доист. врем., стран. 384. — Прекрасные рисунки и болѣе подробное описаніе ихъ см. Reallexicon. Forrer. S. 740—744, Taf. 211—213. — Гельмотъ. Исторія человѣчества. — D-r. M. Ohnefalsch-Richter. Kypros. Tafel CLVI. 2. Жертва, жертвоприниматели, имъ сопутствующія ритуальныя птицы египетскаго стиля и птицы обыкновенныя вѣщія. — M. Hoernes. Urgesch. d. Bildenden, Kunst in Europa. W. 1898.

[2]) Ср. III табл. VIII. 4 и VI табл. 4. 23. Шаманы изображены въ начальныхъ передъ камланіемъ позахъ, тамъ колотушка бубна почти касается земли, здѣсь она, можетъ быть, символизируетъ и небу, но за то, тамъ бубенъ высоко возносится. Обращаемъ вниманіе на свастическое положеніе рукъ шамана, ср. съ кипрскимъ цилиндромъ на XII табл. Л. с. 18. 18 и 19.

Фигуры: 1. Грубый рисунокъ горнаго козла, въ жертвенномъ положеніи (см. II рис. 8-я фиг.). — 2. Начертаніе голенастой птицы, сидящей на условно согнутой ногѣ; вѣроятно, журавль. — 3 и 4. Два знака человѣка, символизація молитвы одинакова: ноги раздвинуты, руки распростерты въ стороны, горизонтально, но у 3-й фиг. онѣ означены легкимъ изгибомъ внизъ; головка означена кружечкомъ. Весьма возможно, что это мужчина и женщина; означеніе различій во многихъ случаяхъ видимо считалось излишнимъ. — 5. Рисунокъ человѣка, своего рода уникатъ: линіи очертанія туловища и ногъ внизу не сомкнуты. Въ петроглифахъ мы встрѣчаемся впервые съ такимъ начертаніемъ. Въ древнихъ (XVII в.) остяцкихъ знаменахъ есть знаки, нѣсколько сходные (Табл. VI, рис. X—2 и рис. XI, 1 и 2). Если лукъ или дугообразную палку разсматриваемая фигура держитъ правою рукою, то она стоитъ спиною къ горному козлу (фиг. 11), находящемуся въ жертвенномъ положеніи, а сопоставлять эти фигуры возможно. При поворотѣ же человѣка лицомъ къ жертвенному животному, нахожденіе лука или другого дугообразнаго предмета едва ли можно принимать за орудіе, которымъ убивалось животное, болѣе вѣроятно допущеніе молитвеннаго обращенія съ лукомъ, направленнымъ къ жертвенному животному. 12-я фиг., рядомъ стоящая, также приводитъ въ недоумѣніе: лукъ въ лѣвой рукѣ человѣкъ, зарисованный инымъ пріемомъ, стоитъ къ намъ спиною, правая рука, какъ стрѣляющая, не означена, стрѣлы на лукѣ нѣтъ. Поневолѣ приходится предполагать какія-то обрядныя символическія движенія съ луками, могущія придавать имъ особую мѣткость и силу. — 6. Неясное начертаніе. — 7. Знакъ человѣка, выражающаго молитву землѣ. — 8. Грубое начертаніе самки оленя или козы. — 9. Знакъ животнаго. — 10. Рисунокъ животнаго безъ головы. — 11. Козелъ повидимому въ жертвенномъ положеніи.

IV рисунокъ. 6 фигуръ, изъ нихъ 4 рисунка и два знака.

Фигуры: 1. Знакъ дикой козы; голова приподнята, уши раздвинуты, переднія ноги съ условнымъ выгибомъ впередъ. — 2. Грубый рисунокъ оленя, съ четырьмя ногами; контуръ фигуры не замкнутъ между передними и задними ногами, рога оленя означены условно (ср. съ фиг. 35-й этого же петроглифа, рис. V) напоминаютъ головные уборы кизиль-кайскихъ всадниковъ и литейщиковъ (Табл. VIII, рис. VIII, фиг. 1 и рис. II, фиг. 5 и 6). Невольно вспоминается о томъ, что среди петроглифическихъ начертаній не мало древнихъ конкретныхъ (тотемныхъ) родовыхъ знаковъ и различія въ манерѣ начертанія однихъ и тѣхъ же животныхъ, стоящихъ рядомъ на одномъ петроглифѣ и выбитыхъ или нацарапанныхъ, повидимому, одновременно, могутъ объясняться и этимъ обстоятельствомъ. — 3. Очень грубый рисунокъ самки оленя. — 4. Недурной рисунокъ оленя, съ закинутыми назадъ рогами; контуръ между задними ногами не сомкнутъ. Очень сходенъ съ рисункомъ оленя, снятымъ нами съ курганнаго камня, близъ улуса Доможакова (См. Табл. I, рис. XIV, фиг. 1). Описываемую фигуру есть нѣкоторое основаніе относить къ курганной эпохѣ. Тамги, пережитки древнѣйшаго культа, съ конкретными свѣтовыми начертаніями, тогда еще не были вполнѣ накрыты культомъ съ мимико-графическими линейными знаками. — 5. Незаконченный рисунокъ оленя. — 6. Знакъ молящагося человѣка; голова означена кружечкомъ; руки распростерты, образуя съ туловищемъ прямой крестъ, раздвинутыя ноги зачерчены округленно.

Рисунокъ V, продолженіе предшествующаго рисунка.

Фигуры: 7, 8 и 9. Три знака людей, съ утолщеніемъ, означающимъ головы. Положеніе рукъ и ногъ одинаково, только руки средней фигуры слегка выгнуты внизъ. — 11. Незаконченный рисунокъ самки оленя, на мѣстѣ недорисованной задней части животнаго поставленъ наклонно знакъ человѣка, фиг. 10, съ головою, означенною кругомъ, символизирующаго молитву землѣ и руками и ногами, подобно средней изъ только что описанныхъ трехъ фигуръ. — 12. Молитвенный знакъ, имѣющій большое значеніе для выясненія значенія нѣкоторыхъ буквъ енисейскаго алфавита (Табл. X. 13. Л. с. 1 фиг. и табл. XII. П.с. 13—2). Голова на этомъ поясномъ знакѣ означена кружечкомъ. — 13. Грубый рисунокъ, не дающій характерныхъ чертъ. По сравненію съ ниже начерченною фигурою оленя (фиг. 25), начертаніе должно признать за самку оленя; шея и голова приподняты, уши удлинены, расходятся кверху; широко разставленныя ноги спереди закрыты чертою, чего между задними ногами не сдѣлано. Внутри животнаго знакъ (фиг. 14) стоящей дикой козы или самки оленя и рисунокъ (15) пасущейся козы. Между заднихъ ногъ фиг. 13-й начерчена голова и рога фиг. 25-й, оленя, рисунокъ котораго очень сходенъ съ фиг. 35 и отличается только сомкнутостью контура между передними ногами. — 16. Рисунокъ козы; контуръ не сомкнутъ. — 17. Грубо зарисованная голова лося. — 18. Животное въ положеніи, подобномъ одной изъ базайскихъ костяныхъ фигурокъ (Ср. рис. XXXI, фиг. 4). — 19. Очень плохой и сзади незаконченный рисунокъ самки оленя. — 20. Знакъ человѣка, съ прямолинейно распростертыми руками и раздвинутыми ногами. — 21. Знакъ козла. — 22 и 23. Два знака человѣка въ обычномъ для этого петроглифа начертаніи; положеніе рукъ и ногъ на фиг. 23-й означено прямолинейно. — 24. Знакъ человѣка вверхъ ногами; руки опущены внизъ, ноги раздвинуты; означеніе прямолинейное. По американской пиктографіи означаетъ смерть (Ср. голову кургана возлѣ Сагайской думы (VIII табл. XIV рис. фиг. 7а). По манерѣ курганныхъ обитателей изображать подземныя божества антиподально, т.-е. головою внизъ, можно допускать, что такимъ же образомъ изображался и предокъ. — 26. Замкнутый рисунокъ самки оленя съ крестомъ (верховымъ) на спинѣ. — 27. Еще знакъ смерти, но въ округленномъ очертаніи, съ руками такъ же раздвинутыми, какъ на фиг. 24-й, но обращенными вверхъ. — 28. Не вполнѣ законченный или немного сгладившійся рисунокъ дикой козы. — 29. Рядомъ съ фиг. 28-ю знакъ человѣка съ обычнымъ положеніемъ ногъ и рукъ, въ округленномъ очертаніи. — 30 и 31. Два знака человѣка, въ обычныхъ условныхъ позахъ. — 32 и 33. Большой рисунокъ самки оленя и внутри ея такой же рисунокъ меньшихъ размѣровъ. — 34. Рисунокъ скачущаго оленя, съ поднятою головой. Контуръ сомкнутъ. — 35. Рисунокъ оленя, съ несомкнутымъ контуромъ и головою, опущенною внизъ.

Рисунокъ VI. Фигуры: 1. Фертообразный знакъ человѣка, подбоченившагося обѣими руками, ноги, какъ чаще бываетъ, раздвинуты. — 2. Знакъ мужчины, въ фертообразномъ положеніи, означены ступни, обращенныя наружу. — 3. Около мужчины, зоологическій знакъ самки, наискось поставленный, съ точкою въ кружкѣ; можетъ быть, это знакъ беременной женщины.

Рисунокъ VII.

Фигуры: 1. Незаконченный рисунокъ животнаго. — 2. Рисунокъ горнаго козла, съ несомкнутымъ между ногами контуромъ; шея сильно вытянута, голова поднята кверху. Вѣроятно, вотивное начертаніе. — 3. Знакъ человѣка въ молитвенномъ обращеніи къ землѣ, знакъ интересный по прямолинейному очертанію и по нарушенію дѣйствительнаго соотношенія размѣровъ рукъ и ногъ. — 4. Знаки туловища (по поясъ) и распростертыхъ горизонтально рукъ, перекрещивающихся подъ прямымъ угломъ. Прямой крестъ съ головкою на верхней оконечности этого символа, что даетъ прямому кресту реальный генезисъ. — 5. Расчлененный молитвенный знакъ: верхній символъ — голова (кружекъ) и распростертые и немного спущенные внизъ руки (дуга) и нижній символъ, происшедшій отъ раздвинутыхъ ногъ (вила). Слѣдуетъ сопоставить съ расчлененнымъ молитвеннымъ знакомъ Сулекскаго петроглифа (Табл. II. 1—2 и 3), тамъ расчлененіе пошло далѣе: отъ рукъ, дугообразно воздѣтыхъ къ небу, отдѣлилась и голова. Для уясненія графическаго генезиса символовъ, знакъ поучительный. — 6. Знакъ человѣка безъ рукъ. — 7. Рисунокъ животнаго (вѣроятно, самка оленя); контуръ между заднихъ ногъ не сомкнутъ.

Рисунокъ VIII.

Фигуры: 1. Знакъ мужчины вверхъ ногами, дуги рукъ и ногъ обращены къ небу. — 2. Неясное очертаніе небольшого животнаго. — 3. По сравненію съ сложнымъ символомъ, изображеннымъ на фиг. 5-й, разсматриваемый знакъ 3-й, какъ часть его, можетъ означать знакъ мужа въ брачномъ символѣ фигуры 5-й повернутымъ вверхъ ногами. — 4. При бѣгломъ взглядѣ это начертаніе можетъ показаться за неоконченное. Близость этого начертанія къ загадочному знаку, изображенному на фиг. 3-й, который состоитъ изъ перевернутой вверхъ ногами верхней части (безъ нижняго круга) сосѣдняго сложнаго символа, обязываетъ насъ внимательнѣе всмотрѣться въ него. Полезно еще разъ пересмотрѣть тѣ графическія параллели, которыя были приведены при описаніи Копенскаго петроглифа (Табл. VI. III—1), присоединивъ къ нимъ недавно описанную человѣческую фигуру, съ несомкнутымъ между ногъ контуромъ туловища (рис. III, фиг. 5). При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что доисторическіе ревнители молитвенныхъ обрядностей, разрабатывая культъ и особенно практику молитвы съ ея мимическими и графическими выраженіями — символами, вынуждены были увеличивать раздвиганіе рукъ и отбрасывать черту, означающую туловище въ поясныхъ молитвенныхъ знакахъ. Это вынуждалось, съ одной стороны, твердо сознаваемою необходимостью изгибать и всячески притуплять нелюбимыя богами и духами концы линій (острія) въ символахъ, на нихъ направляемыхъ, а, съ другой стороны, возникали еще большія заботы и употреблялись всевозможныя усилія къ образованію и къ огражденію помощію конкретныхъ предметовъ и сооруженій, помощію тѣлодвиженій и жестовъ, помощію рисунковъ предметовъ, знаковъ и символовъ, болѣе или менѣе обширныхъ помѣщеній для скопленія и храненія божественной силы, безпрерывно текущей на молитвенные знаки и символы.

Подтвержденіе высказанныхъ религіозныхъ воззрѣній аборигеновъ Енисея мы уже во многомъ видѣли и еще увидимъ при дальнѣйшемъ ознакомленіи съ петро-

глифами и параллелями къ нимъ[1]). — 5 и 8. Фигуры загадочныя, нуждающіяся въ увеличеніи матеріала. По тому, что теперь имѣется, мы склонны видѣть въ нихъ, особенно въ фиг. 5, брачные символы, хотя значеніе фертообразнаго рукоположенія для насъ еще недостаточно ясно, но символъ само-благословенія или само-огражденія можно заподазривать въ смыканіи рукъ надъ головою и надъ туловищемъ. Что смыканіе рукъ надъ головою можетъ быть соединено и съ молитвою, мы можемъ видѣть на архаической статуѣ увѣнчаннаго побѣдителя на олимпійскихъ играхъ (VIII. XXIII. 1), особенно при сравненіи съ позднѣйшею статуею участника (VIII. XIV. 9) въ этихъ же олимпійскихъ играхъ.

Въ первой статуѣ руки символизируютъ какъ бы вѣнецъ, и поднятыя вверхъ ладони съ разставленными пальцами выражаютъ благодарность богамъ. Во второй статуѣ мы не видимъ замкнутаго круга, образованнаго надъ головою руками: руки разставлены, ладони обращены къ небу, пальцы почти не раздвинуты, — все говоритъ о молитвѣ предъ состязаніемъ. На положеніи рукъ на туловищѣ при фертообразной символизаціи молитвы или благословенія придется еще останавливаться впослѣдствіи, но мы напомнимъ теперь о фрескѣ, изображающемъ побѣжденнаго гладіатора, просящаго зрителей о дарованіи ему жизни. Многіе помнятъ, что гладіаторъ поднималъ руку, многіе помнятъ и отвѣтные жесты зрителей, но лучше взглянуть на самый фрескъ[2]). Видимъ гладіатора стоящимъ, расширивъ ноги, безоружнаго, поднявшаго согнутую лѣвую руку до высоты плечъ, направивъ кисть съ слегка растопыренными пальцами на зрителей. Но для насъ, въ данномъ случаѣ, интереснѣе правая рука: она образуетъ загадочную дугу. Почему онъ ее не опустилъ свободно, т.-е. далъ ей прижаться къ туловищу и не дѣлать нежелательнаго для гладіатора второго (см. ноги) обращенія къ землѣ? Почему онъ не осмѣлился ее поднять? Онъ этимъ разгнѣвалъ бы „цирковаго бога“ — публику, отъ котораго зависѣла его жизнь: гладіаторъ, отставилъ локоть и, касаясь кистью руки бедра, замыкаетъ молитвенную сигнализацію руки землѣ, но на фрескѣ довольно ясно видно, что горстеобразно сложенная ладонь обращена къ небу. Къ такому невѣдѣнію лѣвой руки о томъ, что дѣлаетъ правая, къ такой молитвѣ украдкою, къ такой символизаціи тѣломъ мольбы землѣ, небу, цезарю и зрителямъ очевидно никто изъ перечисленныхъ боговъ ничего не имѣлъ.

Возможно предполагать, что одною изъ разновидностей фертообразнаго рукоположенія было что-либо подобное, но несомнѣнно возможны и иныя варіаціи положенія рукъ при этой своеобразной символизаціи. Обстоятельное изученіе мало-азіатскихъ цилиндровъ, въ будущемъ, прольетъ много свѣта на эти вопросы.

Укажемъ нѣсколько петроглифическихъ начертаній, графическое сопоставленіе съ которыми небезполезно для нѣкотораго уясненія трактуемаго вопроса: Табл. I. VI рис.; VIII рис. 17 фиг.; XIV рис. 3 фиг. — Табл. II. XVIII — I; XIX рис. — 4 и 6. XXVI рис. —

---

[1]) Эта часть петроглифа, вмѣстѣ съ большинствомъ другихъ начертаній, уничтожена каменоломнею, устроенною, въ 1907 г., съ дозволенія надлежащаго начальства.

[2]) Интересующіеся найдутъ рисунокъ въ трудѣ Липперта, Исторія культуры, стран, 211. рис. 58. — Ср. цилиндръ съ Кипра, Salaminia, Cesnola, p. 122, Pl. XII, № 11. Рукоположеніе, какъ видимъ свастическое. Сопост. съ фиг. 20; на рис. II, I табл.

I; XXXII рис. — фиг. 1, 2 и 6. — Табл. III. VII рис. — 2; VIII рис. — 1 фиг.; IV рис. — 11 и 13; X рис. — 2. — VI рис. — Табл. VI. VI. Фиг. 8. — Табл. VIII. II. 5; VIII рис. 1 фиг.; XXI рис.

Верхнія части знаковъ, кончая ногами, въ 5-й фиг. обращенными влѣво, а на фиг. 8-й — въ обѣ стороны, можно принимать за человѣческія фигуры, а далѣе возможно предполагать genitalia, а кружки амулетныя благословенія[1]).

Къ брачнымъ символамъ мы склонны отнести два символа (Табл. XII. Л. с. 14. 1), изъ которыхъ одинъ съ могильнаго камня, изъ Минусинскаго края[2]), а другой с.-американскій (Утахъ)[3]).

Сюда же, повидимому, надлежитъ отнести и загадочный знакъ воспорскихъ надписей на надгробіи 56-мъ, стран. 53[4]). Нахожденіе этого пережитка до-алфавитныхъ начертаній, касающихся практики культа предковъ, облегчаетъ нѣсколько разъясненіе.

Но отмѣтимъ варіантъ, основанный на наблюденной на р. Бирѣ антиподальности начертаній подземныхъ божествъ, а, слѣдовательно, и предковъ. Мы склонны смотрѣть на этотъ знакъ, какъ на ремарку молитвы родоначальника надъ умершимъ подземнымъ божествомъ (верхняя часть, съ частью черточки надъ нижнимъ кругомъ). Рукоположеніе фертообразное, туловище отброшено, для означенія, что символъ не относится къ самому символизирующему и не есть знакъ само-благословенія, а молитвы. На головѣ родоначальника наложено половинное разрѣшеніе неба на молитву о предкѣ, въ то же время этотъ знакъ можно разсматривать, какъ указаніе на перстосложеніе только лѣвой опущенной руки, т.-е. отставленіе большого пальца, опущенная правая рука дальнѣйшихъ отступленій отъ ея культа (сигнализированія преимущественно небу и солнцу) не дѣлаетъ.

Средняя черточка слишкомъ мала, и это насъ смущаетъ, приходится принимать и верхній и нижній (отвѣтный) знаки за поясные и линію земли надо представить раздѣляющей черточку между кругами пополамъ. Предокъ (въ положеніи карточныхъ фигуръ) сдѣлалъ надъ головою верхнее смыканіе рукъ, — благословляющее; голова не означена по культу и, кромѣ того, какъ знакъ благословенія подземнаго божества не на него (предка) наложеннаго, а для живого родоначальника предназначенное.

Эта попытка дать транскрипцію къ мимико-графическому воспорскому знаку привела къ новой версіи относительно фиг. 8-й разсматриваемаго Майдашинскаго петроглифа (рис. VIII, табл. I). На этой фигурѣ проведена линія земли и у родоначальника означено туловище, а у предка означена чертою шея безъ означенія головы кружечкомъ, что сдѣлано у родоначальника. — 6 и 7. Знаки мужчины и, вѣроятно, женщины; ноги ихъ раздвинуты, руки приподняты и опущены внизъ; очертаніе знаковъ округленное. — 9 и 11. Сюда же можно отнести 19-ю и 20-ю фигуры. Всѣ эти знаки человѣка съ одинаковыми тѣлодвиженіями: ноги раздвинуты, лѣвая (на рисункѣ) рука опущена, правая приподнята горизонтально. — 12 и 14. Хотя

---

[1]) M. A. Castrens. Aufzeichnungen et coet. I. R. Aspelin. Hels. 1901. 5. 15, ср. съ Fig. 12 и 13.
[2]) Insc. de l'Jenissei. Hels. 1889. P. 13, fig. 13.
[3]) 4-й годичный отчетъ Смитс. Института.
[4]) Ак. В. В. Латышевъ. Надписи, найден. въ Ю. Россіи. С.-Пб. 1895 г. Ср. съ фиг. 12 и 13 Кастрена.

позы и одинаковы, и въ правыхъ рукахъ означены бичи или прутья, но затруднительно признать одновременность начертанія этихъ фигуръ. 12-я фиг. значительно менѣе, руки распростерты и немного приподняты, ноги, по обыкновенію, раздвинуты; сходна съ табл. II. XII рис. — Фигура 14-я, знакъ мужчины, лѣвая рука опущена, ноги болѣе раздвинуты, означены ступни, обращенныя въ правую сторону; очертаніе ногъ округленное. — 13. Знакъ животнаго; повидимому, олень, самка, съ опущенной головою. Фиг. 12-я, какъ сзади находящаяся, можетъ быть погонщикомъ животнаго. Фиг. 14-я можетъ быть связываема только съ фиг. — 24-ю головою оленя. У фигуръ 9 и 14 рукоположеніе свастическое. Ср. съ копенскими фигурами, на VI табл. 3 рис. II и 6 рис. 6. — 17 фигура мужчины съ палкою, интересный варіантъ фертообразнаго символа. Около него незаконченный рисунокъ. — 21. Какъ у всѣхъ знаковъ человѣка, на этомъ рисункѣ, голова означена кружечкомъ, рукоположеніе, раздвиганіе ногъ, подобно фиг. 6-й и 7-й. — 22. Знакъ человѣка съ горизонтально приподнятыми плечами; ступни означены и обращены вправо. — 23. Человѣкъ съ горизонтально распростертыми руками; ноги раздвинуты и зачерчены прямолинейно.

14. Петроглифъ Писанскаго плеса.

Петроглифъ, написанный красною краской.

IX табл. II рисунокъ состоитъ изъ трехъ фигуръ: священнаго дерева въ срединѣ и по бокамъ знаки луны, слѣва полнолуніе и справа половина луны. Лучистость означена въ четырехъ мѣстахъ, изъ которыхъ исходятъ по 3 луча, уподобляясь знакамъ молитвы типа, изображеннаго на табл. XII п. с. на фигурѣ I. 3. Верхушка священнаго дерева и корни его также очень сходны съ молитвенными знаками того же типа.

Рисунокъ III раздѣляется на двѣ половины, согласно плоскостямъ утеса; фигуры расположены съ соблюденіемъ относительнаго расположенія и промежутковъ между фигурами.

1. (Слѣва и ниже.) Знакъ человѣка въ шапкѣ съ невысокимъ верхомъ, съ полями. Руки распростерты горизонтально, означены слегка эсо-видною чертою; ноги широко разставлены, зарисованы округленно. — 2. Шаманъ, съ бубномъ. Руки распростерты горизонтально, означены прямолинейно; ноги разставлены, ступни обращены наружу. — 3. Вѣроятно, знакъ колотушки отъ бубна. — 4. Шаманъ въ конической шапкѣ, съ бубномъ, имѣющимъ древнюю теперь не встрѣчающуюся форму овала, срѣзаннаго вверху прямолинейно[1]); означены и марсъ и тетива. — 5. Небольшой знакъ верхового. подъ правою рукою шамана; ѣдетъ онъ вправо; у лошади означены 4 ноги и уши. — 6 и 7. Знаки пасущихся козъ. — 8. Какъ будто, молитвенный символъ, обращенный къ небу. — 9. Птица, летящая вправо, выражаетъ благословеніе пути, предстоящаго изображенному подъ рукою шамана верховому, фиг. 5-й. — 10. Грубый знакъ верхо-

[1]) Ср. съ положеніемъ такого же бубна на Биджайскомъ петроглифѣ, на этой же таблицѣ, рис. IV, фиг. 8. — Сопостав. съ способомъ держанія бубна такой же формы въ болѣе древнее, можетъ быть, бронзовое время, на VI табл. 5, фиг. 8.

вого. — 11. Знакъ верхового въ переднемъ ракурсѣ. — 12. Незаконченный знакъ животнаго. — 13. Повидимому, священное дерево, сваленное; краска расплылась. — 14. Передній ракурсъ верхового. — 15. Знакъ верхового на лошади. — 16. Знакъ пасущейся лошади. — (16). Вѣтка, пальмовидная; молитвенные символы листьевъ обращены вправо. — 17. Верховой, стрѣляющій изъ лука. Голова лошади опущена.

Правая поверхность утеса.

18. Начертаніе загадочное. Оно нѣсколько сходно съ однимъ начертаніемъ с.-американскаго петроглифа[1]). Мы его склонны принять за начертаніе священнаго дерева, стилизированнаго, зарисованнаго въ боковомъ положеніи. — 19. Скачущій верховой, съ распростертыми горизонтально руками. — 20. Пасущаяся самка оленя или козы. — 21. Нѣсколько размытое мѣстами изображеніе горнаго козла. — 22. Верховой съ необычно зарисованною лошадью: внутри оставлено небольшое незакрашенное пространство. Начертаніе приближается къ рисунку. Голова лошади приподнята, уши расходятся; зарисовано 4 ноги широко разставленными; хвостъ означенъ приподнятымъ и отставленнымъ назадъ. Одна рука верхового вытянута горизонтально, другая касается шеи лошади. — 23 и 24. Птицы, летящія вправо и могущія, слѣдовательно, расправленными перьями крыла и хвоста символизировать благословеніе боговъ, предвѣщая благополучіе ѣдущимъ. — 25. Знакъ верхового, руки не означены. Лошадь съ расходящимися вверхъ ушами и съ отставленнымъ хвостомъ; ногъ означено двѣ. — Съ 26-й по 36-ю фигуру включительно начертанія сдѣланы, повидимому, одновременно и находятся въ связи; начертанія съ 26-й по 31-ю включительно сдѣланы, можно сказать, вязью. Но все-таки заключительнымъ соображеніямъ мы предпошлемъ отдѣльныя пофигурныя описанія. — 26. Кругъ съ точкою посрединѣ и четырьмя лучами, идущими отъ окружности, означаетъ солнце. Въ расположеніи четырехъ лучей возможно видѣть условность: лучи не означены отвѣсно: прямо вверху, внизу, а также и горизонтально, съ обоихъ боковъ четыре луча поставлены такъ, что, продолживъ ихъ по диску солнца, получимъ косой крестъ. Такимъ образомъ, лучи символизируютъ молитву на всѣ четыре стороны желаніемъ рисовавшаго использовать начертаніе солнца для выраженія молитвы, мы объясняемъ себѣ отступленіе отъ обычнаго начертанія солнца со многими лучами, символизирующими истекающія отъ него благословенія и благодѣянія, свѣтъ и теплоту (Ср. на этой же таблицѣ: рис. IV. 3; рис. V; рис. X. 6; рис. XVI. 1 и др.). — 27. Вверху солнечнаго диска, не затрудняя молитвенной сигнализаціи, начерчена дуга (знакъ неба) и три круглыхъ пятна (28 фиг.). Принявъ во вниманіе данныя с.-американской пиктографіи[2]), эти круглыя пятна мы можемъ понять, какъ означеніе дней предстоящаго пути двумъ верховымъ (фиг. 29 и 33); отмѣченная дуга соединена съ мордою лошади передняго всадника, а ея хвостъ соединенъ съ вершиною священнаго дерева (фиг. 30). — 29. Всадникъ съ распростертыми руками имѣетъ видъ креста. — 30. Священное дерево семивѣт-

---

[1]) Fourth annual. Report. Sm. Inst. 227.— Ср. Ратцель, Народовѣд. II, стран. 590, табл. орнам.— «Русскія древн.» II, 94 (79).

[2]) Schoolcraft. Part. I. Plate 57, B. Pictographs on Lake Sup. — Э. Б. Тайлоръ. Антропологія. С.-Пб. 1898 г. 166. 47.

вистое и 2 корня, къ лѣвому прикасается восьмиконечный крестъ (фиг. 31). — 31. Восьмиконечный крестъ могъ образоваться двумя путями: соединеніемъ 4 вильчатыхъ молитвенныхъ знаковъ, обращенныхъ къ 4 сторонамъ свѣта или прибавленіемъ къ концамъ прямого креста ижицеобразныхъ молитвенныхъ символовъ. Первое толкованіе мы въ данномъ случаѣ предпочитаемъ. Какъ основной молитвенный символъ (знакъ угла), такъ и вильчатый, графически еще не исчезли среди тюрко-алтайскихъ инородцевъ[1]). — 32, 35 и 36. Летящія вправо птицы, символизирующія благословеніе или предсказывающія благополучный путь въ ту сторону, куда ѣдутъ верховые. — 33. Верховой съ крестообразно распростертыми руками. Голова лошади приподнята; шея, уши и морда удлинены въ наиболѣе выразительной символизаціи ею молитвенныхъ обращеній; по общепринятой условной манерѣ, для молитвенной сигнализаціи землѣ, ноги означены раздѣльно и хвостъ означенъ отставленнымъ. — 34. Голова дикаго козла, обращеннаго мордой къ верховому фиг. 34-й, часть шеи видна внизу; вверхъ и назадъ обращены уши и между ними знакъ рога. Предлагаемъ сравнить съ 5-ю фиг. X рис. на IX же таблицѣ. — 37. Знакъ человѣка съ раздвинутыми ногами, съ руками, распростертыми крестообразно; очертаніе прямолинейное. — 38. Верховой на лошади непропорціонально малаго размѣра; означены 4 ноги. Всадникъ обѣ руки опустилъ внизъ[2]). — 39. Бродовой знакъ верхового, т.-е. съ означеніемъ голени при стояніи на лошади на колѣняхъ. На спинѣ лошади какъ бы означается наклонно иже-видный символъ (поворотъ зето-виднаго). — 40. Птица, летящая вправо. — 41. Верховой на самкѣ оленя означенъ крестомъ. — 42. Вильчатый молитвенный знакъ, обращенный къ землѣ; изгибъ верхняго конца линій сдѣланъ, чтобы въ тылу не было противодѣйствующей или нежелательной или неугодной богамъ символизаціи. (Ср. Табл. VI. III. 5.) — 43. Знакъ верхового сзади, въ ракурсѣ. — 44. Знакъ человѣка, съ одною рукою, полуопущенною внизъ. Верхъ фигуры притупленъ черточкою. — 45. Знакъ верхового ѣдущаго влѣво; фигура по рукоположенію тождественна съ фиг. 38. — 46. Знакъ пасущейся козы. — 47. Знакъ верхового, голова означена утолщеніемъ; одна рука вытянута горизонтально, другая на лошади. — 48 и 49. Человѣкъ, ведущій осѣдланную лошадь. — 50. Знакъ солнца, кругъ съ 6 лучами. — 51. Рядомъ съ нимъ прямой крестъ или поясной знакъ человѣка съ распростертыми руками.

15. Петроглифъ Гмелина подъ Порогомъ.

Таблица IX, рисунки VIII, XXIII и XXIV.

VIII рисунокъ.

1-я и 2-я фигуры. Бубенъ съ шаманомъ или, точнѣе, шаманъ въ бубнѣ. Бубенъ овальной формы, обведенный толстою чертой; въ немъ, кромѣ бара или марса, вопреки обыкновенію, означено двѣ поперечныхъ черты; верхнюю надо понимать обычно, какъ руки фигуры человѣка, нерѣдко и изображаемой на барѣ, нижняя поперечина будетъ титевою.

---

[1]) Г. И. Потанинъ. Путешествіе по С.-З. Монголіи. См. табл. IX. I. I.

[2]) Ср. на этой же табл. IV рис. фиг. 5.

На рис. XXIII даемъ, какъ параллель, такое же начертаніе бубна вблизи устья Беи.

Описываемое начертаніе красною краской, находящееся на Манѣ, ниже Порога, въ 1740 году осмотрѣлъ І. Г. Гмелинъ (I. G. Gmelin).

На рис. XXIV даемъ этотъ бубенъ такимъ, какъ онъ зарисованъ у Гмелина, но, позволивъ себѣ измѣнить поворотъ, согласовавъ его съ дѣйствительнымъ положеніемъ начертанія[1]) на утесѣ.

Непонятная загадочная фигура внутри бубна нарисована у Гмелина, въ общемъ, правильно, но надъ верхнею поперечиною не означена голова шамана въ шапкѣ. На фиг. 2, рис. VIII, нами выдѣлено изображеніе между поперечинами и марсомъ: оно оказывается шаманомъ, помѣстившимъ себя подъ правою рукою духа-покровителя и предстателя за него предъ Эрли-ханомъ. Шаманъ обращенъ къ намъ лицемъ, стоитъ онъ на титевѣ, лѣвою рукою онъ держится за марсъ, колотушкою, находящеюся въ правой рукѣ, онъ подъ лѣвою рукою касается марса. Изображеніе не чуждо символизма, начиная съ общаго вида начертанія. Надъ плечами проходитъ рука покровительствующаго божества, а надъ нею высится голова шамана въ шапкѣ съ невысокимъ верхомъ и съ свѣшивающимися внизъ полями, символизируя благословеніе свѣтлыхъ небесныхъ духовъ, тогда еще разложеніе шаманизма не шло такъ быстро, — небо еще не опустѣло. Хотя ноги и выражаютъ поклоненіе землѣ, но положеніе рукъ — пока уникатъ среди петроглифовъ Енисея, раскрытіе ихъ символическаго значенія, поскольку это возможно, должно до нѣкоторой степени охарактеризовать анимистическія вѣрованія шаманистовъ эпохи, можетъ быть, восходящей и къ XVI вѣку. Въ эти молитвенныя движенія рукъ, если графическій параллелизмъ констатируетъ ихъ древнее происхожденіе, при отбрасываніи излишнихъ линій (головы, ногъ) и оставленія знака въ поясномъ видѣ, наводятъ на генезисъ буквы alef въ древне-финикійскомъ и еврейскомъ начертаніи (Табл. XII. II. 6. 7). Предположительно ея происхожденіе мы давно подозрѣвали въ начертаніи знака сатурна (печальной звѣзды)[2]), но въ поворотѣ (см. табл. XII. Л. 17.4); зодіакальный знакъ юпитера[3]) мы относимъ къ такому же рукоположенію, но верхнему (ср. копенскаго шамана на табл. VI. 3. 13.). Для параллелей мы возьмемъ болѣе древнія высѣченныя начертанія, на нѣкоторыхъ изъ нихъ намъ уже приходилось останавливать вниманіе. Но сперва выдѣлимъ и отвлечемъ графически очертаніе рукъ шамана съ Маны: видимъ сжатый на одной сторонѣ овалъ, яйцевидное, въ узкой части несомкнутое очертаніе; суженіе и незамкнутость пространства, обнимаемаго или захватываемаго руками шамана, приходится подъ его лѣвою рукою;

---

[1]) Reise durch Sibirien. Gott. 1752. III часть, стран. 475—476

Ниже Большой Берети, переволочная прилука, 1 верста, саж. 100 — 180 выше впаденія рѣчки Sjok-jul. Сколько знаемъ, послѣднее названіе тамъ неизвѣстно, но провѣрка интересна. Нѣтъ ли поблизости дублетнаго начертанія? — Сибирскія древности. Ак. В. В. Радлова. С.-Пб. 1894 г. приложенія, стран. 104—105.

[2]) Здѣсь онъ въ поворотѣ, Falb. R. L. 1883. Das Land der Inka, S. 61. См. астрономич. знаки.

[3]) См. таблицу генезиса алфавитныхъ начертаній отъ знаковъ и символовъ молитвенныхъ движеній. Табл. XII. П. 6 и 7 строки и л. 18. 4 н. — Есть знакъ сатурна (sidus triste) съ показателемъ опусканія руки и перстосложенія.

несомкнутою частью начертаніе касается праваго бока божества или духа, постоянно пребывающаго въ бубнѣ; шаманъ же къ источнику религіозной силы прикасается своимъ лѣвымъ бокомъ. Интересующимся слѣдуетъ сопоставить его съ начертаніемъ одного изъ шамановъ Копенскихъ петроглифовъ (Табл. VI. 3. 13): шаманъ (безъ шапки) тамъ дѣлаетъ какъ бы обхватъ или взмахъ руками въ лѣвую же сторону, но надъ головою. Полезно также сопоставленіе съ другимъ шаманомъ (въ шапкѣ, подобной шаману Гмелинскаго петроглифа). Оріентируясь по колотушкѣ, молитвенные символы, змѣя, бубенъ, жертвенное животное — съ лѣвой стороны. И 5-я фигура, рис. 5, этихъ копенскихъ петроглифическихъ знаковъ поясняетъ, что у шамана правая рука символизируетъ молитвенное, просящее, религіозное дѣйствіе, лѣвая поднята, въ горсти или даже и съ ладонью, обращенною къ небу, для принятія благодѣяній, какъ бы для полученія исполненія желаній.

На одномъ изъ майдашинскихъ начертаній (Табл. I. II. 20) мы видимъ шамана, съ бубномъ и колотушкою, и въ такой же шапкѣ, какъ и на разсматриваемомъ начертаніи; онъ также въ спокойной позѣ, повидимому, приступаетъ къ камланію. Бубенъ овальной формы, онъ отставленъ отъ туловища, хотя не приподнятъ до высоты плечъ; правая рука изображена приподнятою въ плечѣ, значительно отставленною отъ туловища, какъ бы взявшею подъ мышки какой-то объемистый предметъ; колотушка почти, но не совсѣмъ, касается бедра. (См. II т. XIX. 7.) Упертою въ бокъ правую руку видимъ у шамана на петроглифѣ Теси на Тубѣ (Табл. III. X. 2). И здѣсь колотушка не образуетъ молитвеннаго обращенія къ землѣ: охватываемое рукою и колотушкою пространство не раскрывается, а, наоборотъ, почти замыкается. Пересмотрѣвъ и другія изображенія камланія, мы убѣждаемся, что молитва землѣ шаманомъ символизируется только ногами, такъ какъ бубенъ не опускается до соприкосновенія съ землею, а колотушка не раскрываетъ вполнѣ подготовленнаго (отставленіемъ отъ туловища руки) молитвеннаго знака къ землѣ. Сопоставленіе графическихъ начертаній приводитъ къ представленію вѣрованій шамана въ такомъ видѣ: боги или подчиненныя имъ божества и духи, имъ управляющіе, или ему служащіе, стекаютъ на бубенъ и на шамана съ неба, слетаются они и съ поверхности земли, что ему ихъ надо удержать какъ можно долѣе, не давать имъ улетать или стекать на землю, надо ихъ привлечь, захватить и магическими движеніями поймать ихъ и развѣвающимися встряхиваемыми жгутами, тесьмами и другими предметами удержать ихъ въ своихъ рукахъ, при чемъ молитвенная сигнализація не прерывается, и духи все въ большемъ и большемъ количествѣ скопляются на немъ и въ обхватахъ его рукъ, и въ тесьмахъ, и лоскуткахъ, въ изобиліи навѣшанныхъ на его одѣяніи. Такой полный обхватъ обѣими руками происходитъ, когда колотушка ударомъ смыкаетъ магическій кругъ, образуемый руками.

Въ начертаніи шаманства безъ бубна (Табл. VI. III. 13) психологическая и дидактическая стороны выражены нагляднѣе, руки подняты, образовавъ надъ головою призывающій и захватывающій духовъ кругъ, а подъ лѣвою рукою виднѣется подобное же волшебное огражденіе, колбообразный магическій знакъ, сосудъ или нѣчто подобное головѣ божества или духа (и двѣ точки, уподобляясь глазамъ, какъ бы подтверждаютъ послѣднее

сравненіе), откуда какъ бы вливается въ шамана сила прорицаній и заклинаній и даръ картинной импровизаціи, каковая у такихъ шамановъ должна занимать первенствующее мѣсто. Эти автограммы (добавимъ: табл. I. VIII. 12; т. III. X. 3; т. VI. 5. 12 и 3 и 6 р. 11), записи самихъ шамановъ, какъ исполнителей большинства, если не всѣхъ петроглифическихъ начертаній религіознаго характера, представляютъ вещественные научные матеріалы большой важности. Ихъ окончательное разъясненіе въ прямой зависимости отъ увеличенія петроглифическихъ матеріаловъ, при чемъ снимки, оттискомъ на картонѣ или отпечатываніемъ на холстѣ должны занять первенствующее мѣсто.

16. Потрошиловскій петроглифъ.

Таблица II.

Рисунокъ IV. Изображеніе оленя съ вытянутою шеей, приподнятою мордой и запрокинутыми на шею вѣтвистыми рогами. Связь съ начертанными вблизи фигурами людей не согласуется съ различіями въ способѣ выдѣлки черты.

Рис. V. Два знака человѣка въ молитвенныхъ позахъ: у одного руки распротерты крестообразно, у другого немного опущены; одинъ повидимому въ плоской шапкѣ.

Рис. XI. Фиг. 1. Рисунокъ коровы, отвѣсный, т.-е. головою вверхъ, съ обычно несомкнутымъ контуромъ и между задними и передними ногами[1]). — Фиг. 2. Голова животнаго (самки оленя или коровы), съ ушами, очевидно условно расположенными. Такія головы едва ли можно разсматривать, какъ неоконченныя начертанія: ихъ законченность съ религіозной точки зрѣнія во многихъ случаяхъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, они могутъ означать и опредѣленную часть предназначаемаго въ жертву животнаго и означать часть вмѣсто цѣлаго. Можетъ быть, эти головки и многія изъ вполнѣ зарисованныхъ фигуръ — жертвенные обѣты, въ нѣкоторомъ родѣ обязательства, въ опредѣленный срокъ или безъ срока, принести въ жертву то или другое животное. Эту голову, какъ и многія изъ ранѣе описанныхъ, мы склонны понимать, какъ вотивную, — въ смыслѣ молитвеннаго обѣта о жертвѣ.

Подобныя петроглифическія начертанія, до извѣстной степени, возможно разсматривать какъ своего рода „таблицы приношеній" (Эвансъ, о до-финикійскомъ времени, пещера Маунта Дикта).

Рис. XIX. Фигуры 5, 9 (лоси, самецъ и самка), 6 и 7 (шаманъ и стрѣлокъ) по рисунку и выдѣлкѣ начертаній можно признать связною картинною притчей о силѣ и благодѣтельной помощи шамана на охотѣ: онъ одинъ, съ священнымъ бубномъ, пригналъ къ стрѣлку двухъ сохатыхъ. Фигура идущаго вправо за животными шамана съ бубномъ по положенію рукъ сходна съ шаманомъ Гмелинскаго петроглифа; шаманъ безъ шапки, голова означена кружечкомъ, означены ступни, какъ и у стрѣлка. Въ начертаніи фигуры стрѣлка, отступленія отъ реализма въ религіозную сторону очевидны: правою рукою стрѣлокъ подбоченился (Р — эръ или иностранное пэ — сим-

---

[1]) Кипрскіе цилиндры ассирійскаго стиля (См. ихъ снимки на табл. XII. Л. 18. 6—7, 8—9 и 11—12) ясно показываютъ, что отвѣсное начертаніе животныхъ имѣло ритуальное значеніе. — L. Cesnola. Cypern. Schatz von curium. Taf. LXXV (нашъ снимокъ №№ 6—7). — A. Cesnola. Salaminia. Pl. XIII, № 32 (№№ 8—9) и Pl. XIV, №: 33 (№№ 10—11).

волъ), а лукъ въ лѣвой рукѣ означенъ съ натянутою титевою. Изъ прочихъ, не вошедшихъ въ описанную картину фигуръ, надлежитъ обратить вниманіе на позы стрѣлковъ, фиг. 4-я и 8-я. Первый изображенъ подбоченившимся обѣими руками (фертовидно), а справа, къ локтю, причерченъ знакъ лука со стрѣлою. Другой, стоящій къ намъ лицемъ, въ лѣвой опущенной рукѣ держитъ ненатянутый лукъ со стрѣлою и правой подбоченился.

Изъ головъ животныхъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ фиг. 11-я: голова дикой козы или самки оленя, нарисованная въ отвѣсномъ положеніи, съ открытымъ ртомъ, обращеннымъ вверхъ жертва небу или солнцу.

При описаніи петроглифовъ мы, желая нагляднѣе означить начертаніе того или другого символа, прибѣгаемъ къ названію его буквами; въ будущемъ намъ также придется прибѣгать къ такимъ названіямъ символовъ, но, мы надѣемся, это не поведетъ къ неправильнымъ заключеніямъ объ ихъ генетическихъ соотношеніяхъ. Мы надѣемся, въ концѣ концовъ, будетъ признано, что древность многихъ религіозныхъ знаковъ и символовъ, фигурирующихъ въ исторіи алфавитовъ, восходитъ ко временамъ болѣе отдаленнымъ, напримѣръ къ концу неолитической эпохи, если не ранѣе. Сопоставляя фиг. 6, 7 и 8 разсматриваемаго рис. XIX съ молитвенными тѣлодвиженіями тождественныхъ фигуръ на табл. VIII, рис. X, фиг. 1 (а и с), рис. VIII. 1 и рис. II, фиг. 5-я подбочениваніе одною рукою (символъ — пэ, прототипъ буквы „Р“), какъ устойчивый религіозный жестъ, майдашинскую охотничью сцену возможно относить къ мѣдной эпохѣ. Но, кромѣ буквы Р этотъ же молитвенный символъ возможно заподозривать, какъ прототипъ и буквы D, съ подтверждающимъ это предположеніе обратнымъ бустрофедоннымъ поворотомъ, а эти знаки восприняты и древнѣйшимъ енисейскимъ алфавитомъ и позднѣйшимъ тукюэскимъ. Поучительно сопоставить рукоположеніе древняго потрошиловскаго шамана (II табл. XIX. 7) съ красно-фигурнымъ шаманомъ бубна Гмелина (IX табл. VIII).

Слѣдуетъ, попутно, отмѣтить, что если силуэтный знакъ потрошиловскаго шамана изобразить въ поясъ прямолинейными чертами съ незначительнымъ увеличеніемъ расхожденія линій рукъ на концѣ, то увидимъ почти тождество съ древне-еврейскимъ и древне-финикійскимъ начертаніемъ буквы „алефъ“, что указываетъ на сходство съ неизвѣстнымъ пока символомъ — прототипомъ этой буквы. Вѣрить, что это голова быка[1]), какъ и вообще придавать рѣшающее значеніе позднѣйшимъ названіямъ уже конкретированныхъ древнѣйшихъ символовъ, психическая и религіозная сущность которыхъ давно умерла, пока нѣтъ основаній. Знать эти названія, всегда ихъ записывать при собираніи матеріаловъ — это, конечно, conditio sine qua non, но также обязательны и изслѣдованія, и параллели, и критика этого матеріала.

Высказанныя попутно отрывочныя графическія сопоставленія указываютъ на значительный промежутокъ времени, въ теченіе котораго рѣзкихъ измѣненій въ культѣ доисторическихъ болѣе культурныхъ народностей не произошло, и что шаманизмъ

---

[1]) Графическіе результаты трудовъ Эванса и Тсаунтаса въ трехъ параллельныхъ таблицахъ помѣщены у проф. Э. Клодда, Эволюція человѣчества въ письменахъ, изд. «Вѣстн. Знанія», стран. 58; стран. 60. 12; стран. 61. 15; стран. 62. III и стран. 63, рис. 59.

и въ очень недавнее время сохранялъ, а, во многомъ, и теперь еще хранитъ указаніе на заимствованіе и на направленіе заимствованія.

Никогда не слѣдуетъ забывать, что по генезису буквенныхъ начертаній высказались только пока лингвисты, этнографы еще не высказались, почему-то считая этотъ вопросъ совершенно не подлежащимъ ихъ научной компетенціи.

Относительно фертообразнаго символа, по нашему мнѣнію, запоздалаго свидѣтеля потрошиловской охоты, должно отмѣтить, что онъ встрѣчается и на сулекскихъ утесахъ (Табл. II. XXVI. I и рис. XXXII). При этомъ надо не упускать изъ вида, что различія въ манерѣ рисованія и въ выбивкѣ или выцарапываніи контурныхъ чертъ петроглифовъ не могутъ всегда служить указаніями значительной хронологической разницы во времени начертанія тѣхъ или другихъ петроглифовъ: они могутъ принадлежать и различнымъ, но современнымъ народностямъ, и даже представителямъ одной и той же народности, но различныхъ сословій, неодинаково искусныхъ въ рисованіи и въ высѣканіи или выцарапываніи начертаній. Этотъ символъ, прототипъ славянскаго „ферта", очень древенъ: онъ есть у египтянъ, въ древне-еврейскомъ алфавитѣ, въ южно-семитическихъ алфавитахъ, у китайцевъ, среди керченскихъ древностей, относящихся къ началу нашей эры, въ некрополѣ Афросіаба, близъ Самарканда и др.

Рисунокъ XX.

1. Рисунокъ самки лося, въ отвѣсномъ положеніи, головою кверху; ноги не закончены. — 2. Незаконченный рисунокъ козла, стоящаго на колѣняхъ однѣми передними ногами; контуръ не сомкнутъ и въ концѣ шеи, надъ которою сохранилась черта рога, но головы какъ-будто не означено. — 3. Крестообразный поясной знакъ человѣка. — 4. Знакъ человѣка въ молитвенномъ обращеніи къ землѣ; очертаніе опущенныхъ внизъ рукъ и раздвинутыхъ ногъ округленное. — 5. Головка дикой козы, вѣроятно вотивная, — поверхность утеса внутри абриса выбита. — 6. Знакъ мужчины, замѣчательный двойственностію молитвенной сигнализаціи руками, раздѣленіемъ и обособленіемъ культа правой и лѣвой руки: правая дугообразно символизируетъ молитву небу, а лѣвая, такимъ же образомъ, символизируетъ землѣ: руки означены эсо-видною линіей. — 7. Рисунокъ мужчины, идущаго влѣво, въ двурогой шапкѣ, въ короткой одеждѣ, съ кинжаломъ на поясѣ; плечи отъ туловища не отставлены, локти же зачерчены въ разныя стороны, — означенъ какъ бы жестъ пожиманія плечами. Типъ народности интересенъ, необходимо дать ближайшія параллели. Двурогая шапка есть въ слѣдующихъ петроглифахъ: 1) Аглахты, Табл. II. X. 3; Табл. VI. I. 6; 2) Копены, Табл. VI. 5, 7 и 4 рис. 20, и 3) Тесь на Тубѣ, Табл. III. VII рис. 2 и X рис. 2. — 8. Внизу незаконченныя неясныя очертанія животнаго, вверху, у руки вышеописанной фигуры 7-й, поясной знакъ, нѣсколько напоминающій зодіакальный знакъ Сатурна, но въ поворотѣ и безъ изгиба опущенной руки[1]). — 9. Совершенно непонятная фигура. — 10. Рисунокъ коровы, какъ бы взбѣгающей вправо на гору; контуръ рисунка замкнутый, голова и грудь выбиты

См. обычный и прочіе знаки Сатурна, Табл. XII. Л. 17. 4. — Falb, K. Das Land der Inca. S. 61.

сплошь. — 11. Внутри очертанія коровы изображена голова животнаго, глядя сверху, — уши по сторонамъ. — 12. Теленокъ, недавно родившійся; интересна условная переплетенность ногъ, какъ знакъ нетвердости на ногахъ. — 13. Верховой на лошади, видъ сзади. Шапка немного на бокъ, руки отдѣльными дугами[1]) обращены къ землѣ, ноги раздвинуты. Посадка на лошади, весьма часто замѣчающаяся у инородцевъ. — 14. Повидимому одновременно выдѣланная сплошной выбивкою фигура человѣка въ конической шапкѣ, но съ совершенно иными молитвенными тѣлодвиженіями: руки вверхъ (Табл. XII. Л. с. 4. 1), но ступни означены приподнятыми вверхъ: очевидно, тоже условно, какъ угловой символъ. — 15. Самка оленя, также съ сильно приподнятымъ передомъ, съ вытянутою шеей и поднятою вверхъ мордой; ноги, какъ у большинства фигуръ, не закончены. — 16. Голова коровы и передняя часть туловища; шея и голова выбиты сплошь, какъ означено на рисункѣ.

Рисунокъ XXII.

Фигуры: 1. Знакъ козла. — 2. Рисунокъ коровы въ двѣ ноги; контуръ сомкнутъ; голова, шея и часть груди выбиты по всей поверхности внутри контура. — 3. Неясный и грубый знакъ верхового, съ лукомъ и стрѣлою. — 4. Знакъ человѣка, стоящаго, раздвинувъ ноги и крестообразно распростершаго руки. — 5. Корова, зарисованная отвѣсно; вся поверхность, обведенная контуромъ, выбита. Несомнѣнно вотивный рисунокъ. — 6. Незаконченный знакъ верхового. — 7. Знакъ дикой козы, съ удлиненною шеей. — 8. Верхнее очертаніе какого-то животнаго. — 9. Рисунокъ самки оленя, шея немного вытянута и голова приподнята. — 10. Рисунокъ коровы отвѣсный, законченный. — 11. Повидимому туловище убитаго животнаго, лежащаго на спинѣ. — 12. Единственная фигура, начерченная красною краской. Знакъ верхового, повидимому, на оленѣ, привставшаго (символически)[2]) на животномъ. — 13. Олень — поперечный рисунокъ. — 14. Убитая коза, лежащая на спинѣ.

17. Печищенскій петроглифъ.

Таблица VIII, рисунокъ XIII.

Восемь фигуръ, глубоко и грубо высѣченныхъ. Знаки людей съ очевидно условнымъ положеніемъ рукъ и ногъ и у большинства съ преувеличеннымъ означеніемъ genitalia, заставляющими вспомнить египетскаго бога Бесъ (Bes)[3]). Только 1-я фигура стоитъ, какъ и всѣ прочія фигуры, раздвинувъ ноги, но подбоченившись (фертомъ), всѣ прочія, приподнявъ плечи, опустили руки внизъ; у нѣкоторыхъ замѣтенъ выгибъ ладоней; у одной фигуры означено отставленіе большого пальца. Выгибъ ладоней у 4-й фиг. значительный, напоминаетъ фигуру сидящаго человѣка на цилиндрѣ изъ раскопокъ Чеснола на Кипрѣ (Табл. VIII. IV. 4). Если изображенную на таблицѣ IV, рис. III, принять по культу одинаковыми съ печищенскими фигурами, обративъ вниманіе на шамана, долженствующаго стоять къ бубну лѣвою рукою, то всѣ

---

[1]) См. Табл. XII. П. с. 20. 1.

[2]) Сопост. Kypros, D-r M. Ohnefalsch-Richter. CII (102). 6 и CXXXII (132). 4.

[3]) Perrot et Chipiez. Aegypte. I. 549.

фигуры описываемаго Печищенскаго петроглифа обращены къ намъ спиною и двойственное символическое перстосложеніе означено правою рукою, какъ это видно и на фиг. 6-й, рис. III на таблицѣ IV. Но верховой таблицы VII, рис. XV, обращенъ къ намъ лицомъ.

Передняя большая фигура безъ головы; на шеѣ видны 3 зубца.

18. Сулекскій петроглифъ.

I таблица.

Рис. XXIV.

Начертанія, означенныя Кастреномъ, какъ загадочныя, въ его записной книжкѣ[1]), отнесены къ Сулекъ, но 4—5 начертаній намъ не удалось встрѣтить у большого петроглифа, они относятся къ культу солнца и въ основныхъ чертахъ они вошли въ зодіакальные знаки; соображенія о ихъ значеніи мы приводимъ. Относительно 6-й фигуры должно сказать, что основа ея — горизонтальное поднятіе обѣихъ рукъ въ согнутомъ положеніи, при означеніи каждой руки отдѣльною дугой (см. XII. П. с. 19. 7 и Л. с. 4. 10), понятна, 3 точки, отмѣченныя Кастреномъ, намъ также понятны, но нами зарисованъ этотъ знакъ иначе и мы о немъ выскажемся далѣе. Первые три знака зарисованы, къ сожалѣнію, безъ того поучительнѣйшаго расчлененія — раскрытія тайны графическаго религіознаго символизма, что замѣчается въ этихъ начертаніяхъ. На прекрасномъ и точномъ рисункѣ финляндской экспедиціи всѣхъ начертаній большого петроглифа у Сулекъ видны и эти знаки. Ознакомленіе съ этимъ рисункомъ дѣлаетъ излишнимъ подробное его описаніе и далѣе, если мы и входимъ въ нѣкоторыя подробности, то для выясненія генезиса забытаго древняго символизма. — 4 фиг. Въ основу первоначальнаго генезиса этого сложнаго символа, какъ и многихъ другихъ, глубокая древность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, немыслимо положить монограмму. И здѣсь любители монограммъ увидятъ буквы древнѣйшихъ алфавитовъ: O, T и L, и будутъ стоять за начертанія глаза (ain), креста (thav) и рогатины (lamed) — анахронизмы, къ сожалѣнію, не бросаются имъ въ глаза. Подчиняясь фактамъ и большому числу параллелей, мы не можемъ съузить поля зрѣнія при нашемъ разсмотрѣніи этого начертанія, какъ сложнаго религіознаго символа, элементы котораго явились задолго до появленія алфавитовъ, но на свои заключенія мы отнюдь не смотримъ какъ на предрѣшеніе, какъ на нѣчто исчерпывающее, — непреложное.

Разсматриваемый сложный символъ состоитъ изъ трехъ знаковъ: 1) солнца; 2) человѣка въ очень древней молитвенной позѣ, съ ладонями, повернутыми вверхъ, и 3) знакъ молитвы, въ символѣ однѣхъ рукъ, въ округленномъ очертаніи. Послѣдній знакъ, несомнѣнно позднѣйшій, самъ собою даетъ относительное указаніе на время образованія разсматриваемаго сложнаго символа, кромѣ того, выдаетъ себя и графическою тавтологіею. Отбросивъ позднѣйшую прибавку, получимъ общеизвѣстный древнѣйшій символъ. Мы его знаемъ какъ астрономическій знакъ земли, но астрономическіе символы едва ли восходятъ далѣе XI вѣка, поэтому основательнѣе опе-

---

[1]) Aspelin. M. A. Castrens Aufzeichn. uber die Altertumer im Kreise Minusinsk. Hels. 1891.

реться на крестъ съ ручкою, какъ одну изъ регалій египетскихъ фараоновъ. Первый изъ взявшихъ эту регалію могъ въ человѣкѣ, стоящемъ на солнцѣ видѣть себя, но, возможно допустить, что для этой регаліи взятъ древнѣйшій каноническій знакъ молитвы восходящему и заходящему солнцу.

Древнѣйшій знакъ креста или египетскій крестъ („T") понимается нами, какъ второй знакъ для молящагося человѣка, онъ означаетъ нагибаніе головы, поднятіе плечъ и горизонтальное распростираніе рукъ, съ поворотомъ ладоней къ землѣ. Этотъ знакъ, въ свое время, былъ знакомъ молитвы и заходящему и восходящему солнцу. — 5 фиг. Позднѣйшій символъ такого же генезиса, что видно изъ отпятнываніа, прибавки черточки при имущественномъ раздѣлѣ. И этотъ и предыдущіе знаки въ тамгахъ киргизовъ, тюрковъ и тюрко-алтайцевъ, какъ увидимъ изъ тамгъ, встрѣчаются.

Таблица II.

Рисунокъ I.

Фигуры: 1. Молитвенный символъ. Означены только руки двумя отдѣльными дугами[1]); на одной рукѣ большой палецъ, повидимому, отставленъ. — 2. Въ высокой степени поучительный многознаменательный символъ: это безсознательное авто-психологическое и наглядное разъясненіе *положительной* стороны того эволюціоннаго состоянія, которое выражается въ трактуемомъ нами древнемъ графическомъ символизмѣ, — здѣсь образно означено и *психологическое усиленіе* (renforcement psychique) того, что отвлекается и послѣдующее *ослабленіе* того, отъ чего оно отвлекается.

Расчлененіемъ конкретнаго знака молящагося человѣка соединеніемъ его воздѣтыхъ рукъ дугообразнымъ многоточіемъ, достигнуто частичное усиленіе психологической напряженности, что составляетъ „настоящій характерный признакъ процесса отвлеченія"[2]). Въ разсматриваемомъ начертаніи отвлеченіе нѣкоторыхъ графическихъ элементовъ только, такъ сказать, подчеркнуто, но эти элементы со связанными съ ними качествами воспріятія оставлены аборигеномъ, по всей вѣроятности, не случайно присутствіе ихъ въ данномъ случаѣ онъ находилъ желательнымъ и исключеніе ихъ, слѣдовательно, означало бы только то, что они не нужны въ данный моментъ, даже какъ вспомогательное средство.

Начертаніе это напоминаетъ о довольно распространенномъ предразсудкѣ: считать отвлеченіе сравнительно рѣдкимъ и труднымъ актомъ умственной жизни. Отвлеченіе, такъ часто, является синонимомъ темнаго, труднаго для доисторическаго человѣка, недостижимаго и для человѣка, находящагося въ первобытныхъ стадіяхъ культуры. Отвлеченіе, съ эволюціонной точки зрѣнія, ошибочно такъ понимать на всемъ протяженіи его эволюціоннаго развитія, отъ самыхъ начальныхъ до самыхъ высшихъ ступеней. Способность къ отвлеченію, во всѣхъ его формахъ, тождественна, ея развитіе — въ зависимости отъ развитія ума и языка, но ея элементы несомнѣнно находятся въ предметномъ мышленіи, т.-е. въ конкретныхъ воспріятіяхъ и представленіяхъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что относительно языка существуетъ предразсу-

---

[1]) См. XII т. п. с. 19. 7 и 20. 7, нижній поворотъ.

[2]) Рибо. Эволюція общихъ идей. С.-Пб. 1898. Стран. 4 и слѣд. — Ср. Kypros. D-r Ohnefalsch-Richter. Taf. LXXIV. 4 и 3; LXIX. 70 и 71 и др. подобныя начертанія.

докъ, сходный съ вышеотмѣченнымъ относительно отвлеченія, — изъ-за его ближайшихъ высшихъ эволюціонныхъ формъ многіе не видятъ зачаточныхъ начальныхъ формъ: *языкъ аналитическихъ жестовъ*, въ свое время замѣнявшій, а нынѣ только сопутствующій, а у нѣкоторыхъ народностей даже и теперь необходимый помощникъ языка словеснаго, *зачастую забывается*.

Интересующій насъ графическій символизмъ, вытекающій и опирающійся на предметные символы, связанъ съ религіею: и здѣсь самый объективный изслѣдователь, въ предвзятыхъ мысляхъ и въ обобщеніяхъ, можетъ поймать себя на высшихъ уровняхъ этого растяжимаго эволюціоннаго понятія. Слишкомъ часто забываютъ, что человѣкъ началъ практику языка до изученія его грамматики и едва ли не чаще можно встрѣтиться съ невѣдѣніемъ, что человѣкъ началъ практиковать религію, совершенно игнорируя теорію религіи, т.-е. ухитрившись, такимъ образомъ, сдѣлать, по современнымъ воззрѣніямъ, второй шагъ раньше перваго. Приведя вышеозначенныя эволюціонныя понятія къ одному знаменателю и зная, что продолжительность періода культа измѣряется тысячелѣтіями, мы перестанемъ удивляться тонкостямъ его развитія, отразившимся въ символахъ и знакахъ, въ петроглифахъ и въ древнихъ буквенныхъ начертаніяхъ, и безъ сомнѣнія, облегчавшимъ, въ свою очередь, развитіе и конкретнаго религіознаго символизма.

Отмѣтивъ расчленіе этого начертанія и его психологическое значеніе, отмѣтимъ и его важнѣйшія графическія особенности. Концы линій туловища и ногъ оканчиваются округленіями, что замѣчается и на Бирскомъ петроглифѣ (Табл. VIII. XIV. 3). На дугѣ, означающей, обѣ руки, справа замѣчается расщепленіе, двойственное перстосложеніе, характеризирующееся отставленіемъ большого пальца отъ ладони. Обращаясь къ буквеннымъ начертаніямъ енисейскаго алфавита (Табл. X. П. с. 15. 1 и 5 поясные знаки), мы видимъ означеніе такого отставленія большого пальца и бустрофедонный поворотъ къ нему. Прямолинейность этихъ буквенныхъ начертаній указываетъ на большую древность воздѣянія рукъ, съ отмѣткою отставленія указательнаго пальца, вошедшею въ алфавитъ[1]).

Дугу изъ точекъ, находящуюся надъ головою и оканчивающуюся на ладоняхъ надо понимать, какъ поясненіе, что зарисованному воздѣянію рукъ предшествуетъ, а, можетъ быть, кромѣ того, и послѣдуетъ сведеніе рукъ надъ головою съ молитвеннымъ поворотомъ ладоней, и вторичное разведеніе рукъ, со вторичною болѣе или менѣе продолжительною остановкою въ зарисованномъ положеніи.

Отдѣленная отъ туловища (вслѣдствіе неозначенія шеи) голова чрезвычайно возвышаетъ научную цѣнность этого и сосѣдняго съ нимъ начертанія. На всемъ петроглифѣ можно встрѣтить 2—3 такихъ знака, не болѣе, но далеко не такихъ отчетливыхъ, какъ фиг. 2-я разсматриваемаго рисунка, состоящаго изъ собранія фигуръ, встрѣченныхъ на разныхъ утесахъ. Конечно, это отдѣленіе головы можетъ символи-

---

[1]) Такое отставленіе большого пальца отмѣчено въ соотвѣтственной буквѣ ликійскаго алфавита (XIII табл. 25. 1) и древняго кипрейскаго (XI табл. 14. 9). См. Salaminia, A. Cesnola, p. 18. «se». — Сопост. съ начертаніемъ подобнаго символа въ лопарскихъ клеймахъ: IV табл. XIX рис. 5 и XX рис. 2 фигура.

зировать возношеніе головы къ небу, молитвенное, даже, можетъ быть, и жертвенное. Но, вспомнивъ объ отдѣльныхъ головахъ, какъ всегдашнихъ (у всѣхъ народовъ) выразителяхъ смерти, характерныхъ спутникахъ погребенія и загробной жизни, возможно видѣть въ разсматриваемомъ знакѣ и предка, вставшаго на молитву о своихъ потомкахъ. Высказывая это предположеніе, для полноты, какъ матеріалъ для генезиса этихъ своеобразныхъ знаковъ Сулекскаго петроглифа, мы далеки отъ его особеннаго подчеркиванія: матеріаловъ, особенно дублетныхъ начертаній изъ другихъ мѣстностей и косвенныхъ параллелей, пока не имѣется. Ознакомленіе съ имѣвшимся у насъ матеріаломъ приводитъ къ заключенію, что умершій лишался права самостоятельнаго обращенія къ небу, но есть смутныя указанія на то, что въ этомъ правѣ онъ становился заурядъ съ женщиною, съ конемъ, съ жертвенными животными, т.-е. въ присутствіи живого родоначальника, вмѣстѣ съ нимъ, предокъ могъ символизировать молитву богамъ. Но съ этой стороны возникаютъ сомнѣнія: нерасчлененнаго знака молящагося вблизи описываемаго знака нѣтъ. Далѣе, влѣво, есть замкнутый фертообразный знакъ (Табл. II. XXXII. 2), но ставить его въ связь съ интересующимъ насъ начертаніемъ, мы затрудняемся: онъ одной эпохи, но, по относительнымъ размѣрамъ и по ширинѣ и глубинѣ выбивки, не можетъ быть, какъ намъ кажется, признанъ отбитымъ одновременно. Первый варіантъ, графическое выраженіе готовности отдать свою голову въ жертву верховному божеству, имѣетъ предпочтеніе, по силѣ имѣющихся данныхъ.

Но наши предположенія о молитвенныхъ правахъ умершихъ, повидимому, подтверждаются интереснымъ сочетаніемъ 4 знаковъ[1]), древность прототиповъ которыхъ, по всей вѣроятности, на много вѣковъ превосходитъ надпись посвятительнаго камня, на которомъ они были начертаны, въ IV вѣкѣ до Р. Х. Не только языкъ аналитическихъ жестовъ и соотвѣтствующее ему сигно-графическое письмо, но и культъ предковъ и представленія о загробной жизни на обширномъ пространствѣ аризированія возможно предполагать очень сходными. Предлагаемое отступленіе не безполезно для уясненія отдѣленія головы на сулекскомъ начертаніи.

Принимая знаки и на камнѣ расположенными такъ, какъ они изображены въ концѣ статьи акад. В. В. Латышева, т.-е. въ тѣсномъ сосѣдствѣ между собою, съ означеннымъ графическимъ соотношеніемъ начертаній и съ тѣмъ тождествомъ черты, какъ это видно на рисункѣ, мы понимаемъ эти начертанія такъ: всѣ четыре символа (1, 2, 3 и 4 фигуры) одного молитвеннаго генезиса (см. Табл. XII. Л. с. 3. 13, лѣвый верхній знакъ). Отъ *a*, горизонтально и параллельно расположеннымъ плечевымъ частямъ рукъ 1-го и 2-го знаковъ проведемъ линію за 4-й знакъ — это будетъ линія поверхности земли. 1-й знакъ молитвы принадлежитъ живому родоначальнику, — онъ стоитъ на землѣ; 2-й принадлежитъ умершему. Опущенная изъ *b* линія отдѣляетъ знаки, расположенные въ вертикальной плоскости, отъ 3-го и 4-го знаковъ, которые мимически исполняются въ горизонтальной проекціи, съ изгибаніемъ туловища.

Родоначальникъ, подойдя къ могилѣ предка, долженъ стать рядомъ, слѣва отъ него, плечомъ къ плечу; подъ его воздѣтою правою рукою должна находиться лѣвая

---

[1]) Табл. VIII. XXVIII.—Акад. В. В. Латышевъ. Греч. и лат. надп. южн. Россіи. С.-Пб. 1892. 24 и 38.

рука умершаго. Къ *лѣвому* локтю, изгибомъ внизъ, сзади символизирующихъ рукъ покойнаго, причерчена таинственная 3-я рука, вѣроятно, рука подземнаго покровительствующаго божества, съ главою покойнаго, которую она какъ бы поднимаетъ надъ землею и ставитъ въ срединѣ символа молитвы небу о своихъ потомкахъ, еще живущихъ на землѣ и находящихся подъ покровомъ и властію верховнаго надземнаго божества. Это наглядное изображеніе силы совмѣстной молитвы съ усопшимъ имѣетъ большое научное значеніе; — для насъ, оно пока уникатъ.

Обойдя изголовье, пришедшій становился справа, также на продолженной линіи плечъ, дѣлалъ полуоборотъ къ нему и слагалъ руки для молитвы, направляя ихъ внизъ, къ землѣ. Попутно выражалась благодарность почившему за предстательство предъ небомъ, попутно приносилась молитва и надземнымъ божествамъ, западнымъ и восточнымъ; поклоненіе сѣвернымъ и южнымъ не означено, думается намъ, просто потому, что оно выражалось вращеніемъ (circumactio religiosa) и графически уже символизировано: между параллельными основаніями молитвенныхъ знаковъ, средину которыхъ заграждаетъ молящійся.

По культу правой руки (почитаніе неба и солнца), который въ то время возможно еще считать главенствующимъ, толкованіе даннаго сигно-графическаго начертанія должно начать *отъ правой руки* къ лѣвой, подобно чтенію семитическаго письма.

Кружечекъ въ молитвенныхъ знакахъ и символахъ, прямомъ, косомъ, основномъ (угловомъ), въ болѣе или менѣе сложныхъ символахъ, очень давно пріобрѣлъ усиливающее и знаменательное значеніе, останавливая вниманіе на начертаніяхъ и на тѣхъ ихъ частяхъ, которыя прошли бы незамѣченными. Это видно на очень древнихъ троянскихъ напряслицахъ Трои, 2-го и 3-го городовъ, около 2500—2000 лѣтъ до Р. Х. Замѣчательные пережитки мы видимъ на алтайскихъ бубнахъ (Табл. IX. I. 1 и 2; рис. XXV и на друг.[1]).

Почти одновременно вмѣсто кружечка стала употребляться, съ этою же цѣлью, точка. На напряслицѣ (Табл. XI. 25. 5) 2-го города Трои видно, что вѣтви въ глубокой древности были принадлежностію культа, разнообразившею и усиливавшею молитвенную символизацію. Въ Индіи, Вавилоніи и Ассиріи преимущественно употреблялась Тамариндовая пальма (Tamarindus indicus)[2]), вѣтви которой, обращенныя вверхъ и внизъ, изображены на табл. VIII. VII. На петроглифахъ, писанныхъ красною краской, священныя деревья означены съ вѣтвями, направляющимися вверхъ (См. табл. IX), отдѣльныя вѣтви также встрѣчаются (Табл. I. XIII; Табл. IX. 16).

На воспорскихъ надгробіяхъ IV вѣка до Р. Х. вѣтвь съ листьями и точками, указующими на ихъ молитвенное значеніе, встрѣчается (Табл. VIII. VIII. 3) Неорнаментное ея значеніе подчеркнуто сверху и снизу хтоническими красными линіями; стебель вѣтви означенъ также красною краскою. Надъ надписью, у насъ непомѣщенною, орнаментъ состоитъ изъ двухъ расходящихся вверху листьевъ обрамлен-

---

[1]) Г. Н. Потанинъ. Путеш. въ Сѣверо-Западную Монголію. Табл. XIII, 68 и 69; Табл. VI, 56. На рис. 1, табл. IX, отмѣчаемъ, что на рисункѣ, на верху бубна, не означенъ ремешокъ или коса бубна.

[2]) Проф. Кернеръ фонъ-Марилаунъ. Жизнь растеній. С.-Пб. 1902. Стран. 668 и 712. — См. Baumcultus у M. Ohnefalsch-Richter. Text. 33—227.

ныхъ снизу овальнымъ молитвеннымъ знакомъ, также символизирующихъ молитву небу, но эти символы накрыты также красною чертою благословенія. Внизу, между ововами и стрѣльчатыми листьями образуются символы дубль-вэ, покрашенные внутри интенсивною хтоническою краскою. Символъ дубль-вэ встрѣчается на курганныхъ камняхъ Минусинскаго края (Табл. VIII. XIV. 5)[1]).

Кружокъ въ петроглифахъ Енисея видимъ на табл. I. XXII. 2. Точки видимъ на Копенскомъ петроглифѣ (Табл. VI. III. 13; рис. IV. 6 и 26; V рис. I, 10 и 13; VI. 13), на Аглахтынскомъ (VII табл. I. I и на Трифоновскомъ (Табл. VIII. I. 12).

Въ енисейскомъ алфавитѣ, какъ знаки препинанія, употребляется двоеточіе и четырехточіе; оба произошли отъ отбрасыванія косого креста, въ которомъ, въ первомъ случаѣ, они стояли, въ углахъ, обращенныхъ вверхъ и внизъ для — усиленія, а, во второмъ, поставлены были во всѣхъ углахъ.

Отвѣсная линія въ начертаніяхъ многихъ народовъ и во многихъ древнихъ алфавитахъ означаетъ человѣка, и точка надъ нею или двѣ точки по бокамъ ея вверху тоже пережитки забытаго символическаго значенія этихъ знаковъ: линіи рукъ, воздѣтыхъ кверху безъ изгиба и съ прямоугольнымъ сгибомъ въ локтяхъ, устранялись, какъ менѣе значущіе въ религіозной символикѣ, — остались точки.

Эти параллели показываютъ, что объясненіе расчлененныхъ молитвенныхъ знаковъ Сулекскаго петроглифа предположеніемъ связи ихъ съ культомъ предковъ имѣетъ нѣкоторыя основанія. При этомъ, надлежитъ имѣть въ виду и графическое значеніе кружечковъ и точекъ: подчеркиваніе, усиленіе, объясненіе и указаніе на религіозное значеніе нѣкоторыхъ символическихъ линейныхъ начертаній.

4. — Молящійся верховой, руки подняты вверхъ, пальцы на одной рукѣ разставлены. Конь въ двѣ ноги, хвостъ не означенъ. Невольно возникаетъ вопросъ, не сдѣлано ли это затѣмъ, чтобы усилить молитву небу, уменьшивъ число молитвенныхъ знаковъ землѣ. Весьма возможно, что это имѣло мѣсто въ нѣкоторыхъ случаяхъ и ранѣе. Шея коня вытянута вверхъ, морда приподнята.

26 рисунокъ. 4 фигуры съ разныхъ утесовъ около Сулекъ.

1. Знакъ человѣка, съ раздвинутыми ногами (одна ступня означена) и руками, упертыми въ бока (фертообразный символъ). — 2. Фигура человѣка въ молитвенной позѣ, типа, означеннаго на табл. XII. Л. с. 4. 2. — 3. Та же поза, но въ рукѣ что-то держитъ; ступни означены. — 4. Грубый рисунокъ лошади; хвостъ поднятъ, уши раздвинуты. Контуръ между задними и передними ногами не сомкнутъ.

28 рис. Часть Сулекскаго петроглифа. Группа верблюдовъ. Самцы, дерущіеся изъ-за самки. Верблюдъ, животное, видимо хорошо знакомое сулекскимъ рисовальщикамъ. Верблюдовъ[2]) эта народность держала много. Изъ рисунковъ видно, что они служили для перевозки арбъ и какъ вьючное животное. Это указываетъ, что

---

[1]) См. Kypros, D-r M. Ohnefalsch-Richter, Text, 448 и Tafeln, CXXXIII. 4. Поучительная по символизаціи Erichtonios-Figur, съ краснофигурной вазы Британскаго музея (Roscher's Mythol. Lexicon I, Sp. 1307). Надлежитъ обратить вниманіе на нижнюю вѣтвь, съ листьями, расположенными концами влѣво (по культу правой руки), на рѣшетчатый символъ за нижнею вѣтвью, на символизацію змѣями, на символизацію правой руки юноши, съ отставленнымъ большимъ пальцемъ и на вѣнокъ на его головѣ.

[2]) Кости верблюдовъ были находимы въ пещерахъ около Бирюсы.

эта народность пришла, по всей вѣроятности, изъ степей западно-сибирскихъ. Лошади — быстрыя на бѣгу, высокія съ короткимъ туловищемъ; типъ лошадей не сойотскій, съ верховьевъ Енисея. Для верблюдовъ путь съ верховьевъ Енисея едва ли и возможенъ. На рисункахъ есть собака и соколъ. Вооруженіе — пика; сражались они верхомъ, видимо, стремена были. На Іюссахъ обитала народность, неимѣвшая лошадей или неумѣвшая еще объѣзжать ихъ и предпочитавшая сражаться пѣшею, одѣтою легко, тогда какъ пришедшіе съ верблюдами наѣздники обладали кольчугами, такъ что хронологически съ этою народностію возможно соединять наступленіе эпохи желѣза. Писали они древнимъ енисейскимъ алфавитомъ, можетъ быть послѣдніе. Конечно, на показаніяхъ одного петроглифа, при бѣдности матеріаловъ въ этомъ направленіи, нельзя опираться, но енисейскій алфавитъ сулекскіе наѣздники могли узнать, вѣротнѣе всего, въ Туркестанѣ, западномъ или восточномъ, т.-е. пути заимствованія приблизительно могли итти по линіямъ: Самаркандъ-Барнаулъ или Кульджа-Барнаулъ. Гдѣ-нибудь, въ наиболѣе благопріятныхъ мѣстахъ, на заброшенныхъ древнихъ путяхъ, можетъ быть, еще найдутся этапные памятники енисейскаго письма и вмѣстѣ съ ними и петроглифическія начертанія. Но первые литейщики мѣди, воспринявшіе алфавитъ, по имѣющимся указаніямъ, какъ горные обитатели и вѣроятно и первые золотопромышленники, находились подъ вліяніемъ другого пути заимствованія. Періодъ существованія енисейскаго алфавита, судя по однимъ графическимъ наслоеніямъ въ самыхъ буквенныхъ начертаніяхъ, долженъ быть значителенъ, онъ могъ появиться на Енисеѣ столѣтія за три, за четыре, если не болѣе, до Р. Х.

32 рис. II таблицы. Начертанія, разбросанныя по разнымъ утесамъ и выступамъ камней Сулекскаго петроглифа, которыми необходимо, для пользы дѣла, заняться спеціально, со всею обстоятельностію, со снятіемъ нѣкоторыхъ контактныхъ мѣстъ, гдѣ соприкасаются разновременныя петроглифическія начертанія между собою и съ надписями. Петроглифы совершенно иного, грубаго, рисунка и болѣе глубокой выбивки, чѣмъ большинство рисунковъ большого петроглифа [1]), также заслуживаютъ вниманія.

1 фиг. Двойной фертообразный символъ, въ которомъ, какъ уже высказано при описаніи Майдашинскаго петроглифа, мы заподазриваемъ амулетъ или символъ брака или молитвы надъ предкомъ, но, до новыхъ данныхъ и до новыхъ параллелей, достаточно устойчивое рѣшеніе этого вопроса пока не возможно. Внизу округленіе. — 6 фиг. Фертообразный знакъ человѣка; ноги и ступни, обращенныя въ сторону, ясно отмѣчены. 1-я и 6-я фигура выбиты вблизи, какъ зарисовано. Между ними двѣ точки, которыя надо понимать, какъ знаки одновременной молитвы небу и землѣ. См. ранѣе, генезисъ ихъ отъ косого креста; не допускаемъ мысли о томъ, чтобы точки были не одновременны начертаны съ символами или что точка прибавлена. Точки могутъ быть отнесены только къ 6-й фигурѣ: углубленіе между головою и плечемъ и между нижнимъ очертаніемъ руки и ступнею. Вѣроятнѣе, что всѣ три фигуры связаны въ своемъ значеніи. Въ фиг. 1-й нижняя черточка какъ бы закрываетъ лѣвый нижній молитвенный изгибъ. — 2 фиг. Поясной знакъ человѣка

---

[1]) XXXVII снимокъ надписей въ изданіи 1-й финляндской экспедиціи.

съ фертообразнымъ рукосложеніемъ, при значительно поднятыхъ плечахъ. — 3 и 4 фиг. Прямой крестъ съ точкою въ лѣвомъ верхнемъ углу и кругъ, приходящійся надъ спиною слѣдующей вотивной фигуры. — 5 фиг. Животное, повидимому самка дикой козы, съ опущеннымъ задомъ и выше поставленными передними ногами, съ вытянутою вверхъ шеею и приподнятою мордою. Очевидно вотивное животное и кругъ, можетъ быть, относится къ ней[1]). — 7 фиг. Пока уникатный символъ изъ петроглифическихъ начертаній на Енисеѣ. Мы понимаемъ его, какъ знакъ человѣка съ древнимъ молитвеннымъ простираніемъ рукъ горизонтально, замкнутый по поясъ въ кругъ благословенія или принятія и исполненія молитвы.

Сперва скажемъ о первомъ знакѣ.

Въ отдаленную эпоху, на которую имѣются у насъ смутныя указанія, не практиковалось одновременнаго молитвеннаго обращенія къ двумъ божествамъ, небесному и земному: въ прямомъ крестѣ древнѣйшихъ алфавитовъ можно заподазривать поклоненіе небу; въ палеографическомъ, почти одновременно фигурировавшемъ дублетномъ знакѣ — „тэ“ (египетскій крестъ) — ясно выражено молитвенное поклоненіе землѣ. Въ равноконечномъ крестѣ, какъ древнѣйшемъ символѣ, мы склонны видѣть *поясной* знакъ человѣка въ вышеобъясненномъ поклоненіи небу. Когда, безъ умаленія верхней черты, удлинялась нижняя, это въ петроглификѣ должно принять за таковой же знакъ человѣка, но съ означеніемъ нераздвинутыхъ ногъ, т.-е. въ древнѣйшее время, по единству времени и молитвеннаго дѣйствія, два нижнихъ угла совершенно игнорировались, какъ незнаменательные. Въ то отдаленное время этотъ символъ не могъ образоваться: онъ противорѣчилъ бы правилу единства времени и единства молитвеннаго дѣйствія, обязательнаго для человѣка и пріемлемаго только для божества, могущаго и благословлять и возносить молитву къ верховному божеству въ одно и то же время, но тогда ноги фигуры, выходящія изъ рамокъ благословенія, являются несообразностію, легко предотвращаемою включеніемъ всей фигуры символа вмѣсто круга въ овалъ. Такимъ образомъ, допустивъ и позднѣйшее образованіе символа, остается предполагать, что выступающая изъ круга черта означаетъ показателя или ручку символа. Невольно возникаетъ графическая параллель съ croix ansée, но тамъ знаки въ рядовомъ соединеніи, здѣсь же во включающемъ.

Приведемъ нѣсколько параллелей, могущихъ, въ извѣстной мѣрѣ, подтвердить высказанныя нами соображенія.

Молитвенно распростертыя руки богини Паффіи на вавилонскомъ цилиндрѣ (Табл. VIII. IV. 7); лучистый ореолъ надъ верхней молящейся стороной рукъ (Шамашъ, XV рис. VIII табл.) нижняя благословляющая — безъ ореола. Орхонскіе петроглифическіе знаки человѣка, стоящаго на землѣ и на животномъ (Таблица XI. 18, фиг. 5 и 6) и нисхожденіе на первый изъ этихъ знаковъ благословенія неба въ видѣ углового (древнеегипетскаго) основного символа[2]). Эти несомкнутые символы мы

[1]) Ср. съ жертвенными животными, изображаемыми вздыбившимися надъ жертвенникомъ, напримѣръ, на франческой вазѣ, съ Кипра, VIII табл. V рис. 1 фиг.; I табл. XXXVIII. 3. Мотивъ этотъ встрѣчается часто.— См. животн. съ кружками надъ спиною, на русск. велико-княжескихъ монетахъ (Т.XII.Л.18.3, п.н.).

[2]) Шантепи, Ист. рел. I, 119, рис. 19. — Сопост. съ символомъ индійцевъ «Dschoni». Giass R. Worterbuch d. Mythol. L. 1880.

видимъ въ древнемъ кипрейскомъ (силлабическомъ) алфавитѣ (Табл. XI. 14. 7 и 8), надъ которымъ помѣщенъ его прототипъ въ гиттическихъ іероглифахъ (13 горизонт. 7).

Въ сомкнутомъ видѣ благословеніе непосредственно ложится только на верхніе символы и можетъ принять видъ табл. XII. Л. 9, 1 пр. нижн. весьма распространеннаго креста на русскихъ кладбищахъ, не только деревенскихъ и сельскихъ, но и городскихъ. Пережитокъ сохранился какъ добавленіе къ христіанскому символу, прикрываемое желаніемъ предохранить крестъ отъ скораго гніенія.

Принимая во вниманіе одну изъ тамгъ, зарисованныхъ Г. Н. Потанинымъ (см. табл. XII. Л. 14. 6. л. н. зн.), есть основаніе отнести къ группѣ солнечныхъ знаковъ начальнаго типа (табл. XII. Л. 14. 3. п. в. и 14. 4 л. в. знакъ заката) отнести и разсматриваемое начертаніе Сулекскаго петроглифа, принявъ крестъ, какъ позднѣйшую вставку въ дискъ солнца рукоположенія, сопост. съ XX табл. 14. 9. п. в. (сулекскій знакъ).

Украшенія съ амулетнымъ значеніемъ, въ видѣ круга съ крестомъ внутри, отдѣльно и въ соединеніи со шпилькою встрѣчается въ древнѣйшей и древней бронзовой эпохѣ въ Европѣ[1]).

8. Вила, съ косымъ перекрещиваніемъ внизу; неясный сложный символъ. — 9. На первый взглядъ, дублетъ къ расчлененнымъ символомъ, описаннымъ на рис. I этой II табл., но онъ интересенъ по варіанту, сдѣланному копировальщикомъ: къ туловищу, вмѣсто утолщенія на концѣ, прибавлена черточка въ верхней части. Увеличившись при дальнѣйшемъ перекопировываніи, это дало бы вторую пару рукъ, какъ бы поддерживающихъ верхнюю.

Таблица VIII. Сулекскій петроглифъ.

Рисунокъ IX. Взяты болѣе замѣчательныя фигуры, характеризующія бытъ и форму хозяйства этихъ рисовальщиковъ, у которыхъ изобразительное искусство достигло значительной самостоятельности, переставъ поддерживать только культъ и его служителей.

Фиг. 1. Олень, съ большими рогами. Хорошій и жизненный рисунокъ. Повидимому не жертвенное вотивное начертаніе, но онъ какъ бы стоитъ, насторожившись, съ приподнятою головою. — 2 и 14. Хищное животное, кошачьяго рода. Изъ мѣстныхъ, теперь встрѣчающихся, болѣе соотвѣтствующею является рысь, но размѣръ преувеличенъ и хвостъ длиненъ. — 3. Незаконченный рисунокъ дикаго козла. — 4. Выводокъ куропатокъ. См. надъ ними рис. амулета или простого украшенія (XIX рис. 4 фиг.). — 5. Охотничья собака, довольно крупной породы, повидимому, съ ошейникомъ. — 6 и 8. Бѣгущіе зайцы. — 7. Неясное, видимо перечеркивавшееся начертаніе крупной птицы, куриной породы, — вѣроятно, дрофа. — 9. Голова и грудь барана. — 10. Рисунокъ насторожившейся дикой козы. — 11 и 12. Небрежно сдѣланный рисунокъ верблюда, запряженнаго въ арбу, двуколку. — 13. Соколъ, сидящій съ распущеннымъ немного хвостомъ и съ чуть приподнятыми крыльями, съ головою, поставленною бокомъ. Замѣтна условность рисунка; символизація направлена внизъ.

---

[1]) Reallexikon. Forrer. S.s. 121, 123 и 277.

Внизу, рисунокъ XXI, птичка-амулетъ: сигнализирующіе концы перьевъ хвоста и крыльевъ обращены также къ землѣ. Такую же символизацію видимъ на орлѣ, встрѣчающемся на монетахъ Московскаго Великаго Княженія в. к. Василій Васильевичъ (1425—1462). Тогда языческую символизацію молитвы видимо понимали, но очевидно не безъ надлежащаго утвержденія примѣняли ее на монетахъ. Отступленія дѣлались подъ вліяніемъ христіанства только въ усиленіи молитвенной сигнализаціи вверхъ и въ ослабленіи ея внизъ. Послѣднее, напримѣръ, достигнуто прибавленіемъ несоразмѣрно большихъ ногъ съ отчетливыми остріями когтей, дѣлавшихъ нижніе символы для земныхъ божествъ непріемлемыми; хвостъ съуживался и пріострялся, съ тою же цѣлью. Крылья приподнимались, для образованія угловъ вверху, клювъ раскрывался. Какъ удобный символическій манекенъ, пѣтухъ вошелъ въ составъ монетныхъ знаковъ гораздо ранѣе. Въ концѣ XV вѣка появляется двуглавый орелъ, но на монетахъ тверскихъ (безъ имени князя) онъ, повидимому, появился ранѣе. Происхожденіе его вытекаетъ изъ доисторической символизаціи молитвы жертвенными мелкими животными, часто приносившимися въ жертву попарно или изъ расщепленія головы для усиленія символа. (См. Табл. I. XXXVIII, 4 фиг. и проч.) Такія жертвы и на Енисеѣ стилизировались и изображались, какъ бы одно животное, съ двумя головами.

Подношеніе рыбъ также чаще дѣлалось попарно, что косвенно подтверждаетъ и названіе и двухсторонній молитвенный знакъ этого созвѣздія. Подношеніе одной рыбы дѣлалось съ поворотомъ хвоста къ чествуемому божеству, потому что хвостъ и плавники были какъ бы самою природою приспособлены къ односторонней сигнализаціи молитвы. Это видно изъ посвященія рыбы на предметѣ мѣдной эпохи Минусинскаго округа, рядомъ съ нѣсколькими, другъ въ друга включенными основными молитвенными знаками (Табл. II. XXVII. 11 фиг.). При подношеніи головою, ротъ рыбы обязательно долженъ быть открытъ. Это видно и на каменныхъ рыбахъ, находимыхъ въ Енисейской губерніи (Табл. II. XXXIII) и на древне-греческихъ памятникахъ изобразительнаго искусства (Табл. I. XV).

X рисунокъ; фигуры 1 (ср. Kypros, Ohnefalsch-Richter, Atl. CCXIII. I) и 3.

1. Литейщики мѣдной эпохи, за работою, у большой прорѣзной жаровни, внутри которой, во вмазанномъ большомъ тиглѣ, могло происходить плавленіе мѣди. Формы для отливки, особенно для мелкихъ вещей, могли и погружаться въ тигли.

Большая прорѣзная жаровня имѣетъ форму котловъ мѣдной эпохи. Употребленіе не выяснено, предположеніе можетъ быть двоякое: или стѣнки жаровни служили основою и скрѣпою тягля плавильной печи или особый тигель занималъ средину, а стѣнки жаровни регулировали топку, содѣйствовали тягѣ и облегчали примѣненіе мѣховъ. Отвѣтъ на это, конечно, могутъ дать только находки.

И здѣсь, какъ въ литейной Кизиль-кайя, при жаровнѣ два рабочихъ, но работаетъ, повидимому, только одинъ, а другой, можетъ быть, изготовившій свою форму для отливки, ждетъ очереди и символизируетъ молитву. У работающаго одна рука означена, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, упертою въ бедро, образовавъ обычный условный просвѣтъ подъ мышками, другая вытянута и упирается въ жаровню. У второго та же условная поза, тождественная съ кизиль-кайскимъ литейщикомъ

(рис. 11. 5), съ тѣлодвиженіями всадника съ лукомъ (рис. VIII. 2), съ болѣе интереснымъ въ смыслѣ молитвеннаго символизма всадникомъ изъ Теси (Табл. III. VIII. I и еще рис. VII. 2), съ майдашинскими стрѣлками изъ лука (Табл. II, рис. XIX), съ тесинскими фигурами, нарисованными красною краской (Табл. III. IV. 11 и 13) и съ человѣческою фигуркою съ молитвеннымъ символомъ вмѣсто головы и съ молитвенною гребенчатою машинкою въ рукахъ древне-финикійской вазы (Табл. I, рис. XXVI). — 3. Пѣшій стрѣлокъ изъ лука, ставшій на одно колѣно; легко одѣтъ, безъ шапки. Такіе воины не могли, конечно, противостоять верховымъ кольчужникамъ, съ копьями, какъ они сами изобразили это на XVI рисункѣ этой же VIII таблицы.

Рис. XVI, фигуры:

4. Верховой въ кольчугѣ, съ копьемъ, направленнымъ на пѣшаго воина, съ лукомъ. На концѣ копья виденъ косой крестъ; флагъ на древкѣ съ выемкою въ срединѣ, обращенъ онъ концами кверху. — 5. Пѣшій стрѣлокъ изъ лука изображенъ или въ обтяжку одѣтымъ или голымъ. — 6. Знакъ собаки; черта контура и отбивка совершенно иныя. — 7. Знакъ человѣка; жесты съ символизаціею молитвы землѣ. — 8. Надъ цифрою, выше флага, грудной контуръ, повидимому, собаки. Налѣво виденъ задъ какого-то животнаго. — 9. Знакъ человѣка, стоящаго, раздвинувъ ноги; одна рука уперта въ бедро, а другая отставлена отъ туловища и опущена внизъ. — 10. Два полуэлипсиса, въ одномъ на срединѣ прямой видна черточка (знакъ шеи и головы), что даетъ основаніе объяснять эти начертанія, какъ знаки смыканія рукъ надъ головою, т.-е. фертообразный символъ, но безъ наложенія рукъ на голову.

Этотъ знакъ есть въ гіератическомъ письмѣ[1]), въ тождественномъ начертаніи. Въ прямолинейномъ начертаніи, т.-е. въ видѣ треугольника, этотъ символъ встрѣчается и въ іероглифическихъ надписяхъ на гробницахъ (въ Гизѣ, рис. Лепсіуса)[2]). Съ наложеніемъ на голову — то же молитвенное положеніе рукъ мы видимъ въ буквѣ qof (узелъ) въ древнееврейскомъ алфавитѣ.

XVII рис. VIII табл.

Верховой, стрѣляющій изъ лука. Всадникъ въ легкой домашней одеждѣ, довольно плотно прилегающей къ тѣлу, повидимому въ очень короткомъ кафтанѣ и неширокихъ шароварахъ; обувь простая, портки изъ кожи, придерживающіеся обвязками на голени. Сѣдло — просто войлочная немного украшенная попона, придерживаемая нагрудникомъ и подхвостникомъ; стременъ, повидимому, нѣтъ, ихъ замѣняетъ свѣшивающаяся веревочная петля[3]), прикрѣплявшаяся, вѣроятно, къ накинутому на лошадь войлоку. Узда съ двумя поводами (съ недоуздкомъ). Лукъ и стрѣла енисейскихъ инородцевъ конца XVI вѣка (см. тамги XVII вѣка, табл. III. XXI) существенно ничѣмъ не отличались. Складъ лошади не сойотскій и не степной — мѣстный — крупная лошадь[4]).

Петроглифъ — часть охотничьей сцены; выгнанныя на охотниковъ животныя преслѣдовались и стрѣлялись на скоку, „на короткѣ“, т.-е. на самомъ близкомъ раз-

---

[1]) Вс. иллюстр. ист. письм. Шницера, стран. 66, рис. 41, 2 и 4 строки, стран. 67, рис. 43. ч.

[2]) Ibidem, стран. 62, табл. V, направо вверху.

[3]) Aspelin, I. R. Types de peuples et coet. 11 fig. 7.

[4]) Не китайская ли порода? См. рельефъ, II вѣка по Р. Х. Ист. человѣч. Гельмольтъ-Радловъ, т. II, стран. 62.

стояніи, при чемъ натяженіе титевы дѣлалось преимущественно отодвиганіемъ лука отъ себя, а не непосредственнымъ притягиваніемъ титевы правою рукою, на которой могли быть накинуты и поводья[1]).

19. Спсимскій петроглифъ (начертанный красною краскою).

IX таблица, рисунокъ XIII, три фигуры.

1 и 2. Фигуры людей, съ распростертыми руками и раздвинутыми ногами, какъ бы бѣгущихъ. — 3. Знакъ верхового, съ распростертыми горизонтально руками (крестъ); у лошади означены всѣ 4 ноги. — Группа начерчена одновременно и можетъ отражать практику культа.

Рисунокъ XVII, сборный рисунокъ, фигуры, болѣе или менѣе опредѣленныя, взяты съ разныхъ утесовъ петроглифа. Большинство начертаній испорчено временемъ и „мальчишками", избирающими эти начертанія мишенью для упражненія въ метаніи камней, такъ объяснилъ мнѣ проводникъ выбоины на многихъ знакахъ. — 1. Самка лося, спокойно стоящая. — 2. Знакъ человѣка, стоящаго, раздвинувъ ноги; одна рука на бедрѣ соединена съ туловищемъ, другая опущена внизъ, съ обычнымъ отставленіемъ ея отъ туловища. — 3 и 4. Знаки животныхъ. — 5. Верховой какъ-будто на оленѣ. Руки одною дугою означены опущенными внизъ. — 6. Верховой, съ распростертыми руками. — 7. Знакъ козы, опустившей голову къ землѣ. — 8. Птица, летящая вверхъ. — 9 и 10. Знакъ человѣка, какъ бы ведущаго животное; руки горизонтально распростерты. — 11, 12 и 13. Три козы (задняя не ясна), стоящія рядомъ; изображено на одномъ туловищѣ три головы. — 14. Верховой на лошади, какъ-будто держитъ въ рукахъ саблю. — 15, 16 и 17. 3 знака. Первый, по всей вѣроятности, знакъ молитвы небу; если бъ черта туловища была подлиннѣе, возможно было бы предположеніе о младенцѣ или неходящемъ ребенкѣ. Второй — человѣкъ вверхъ ногами, можетъ быть, и знакъ предка, см. выше. Третій — означеніе молитвы землѣ. Пятно вверху блѣдно, внизу ясно: не стерто ли нарисовавшимъ аборигеномъ.

18 фиг. какъ и 8 — символы благословенія. Птица, пролетѣвъ надъ человѣкомъ (10 фиг.), ведущимъ лошадь, концами перьевъ хвоста и крыльевъ дастъ свыше указаніе пути, болѣе благопріятнаго. — 19. Знакъ человѣка, ногами и руками выражающаго поклоненіе землѣ. — 20. Неясный знакъ животнаго. — 21. Кругъ, съ 6 какъ бы лучами, идущими отъ окружности. Затруднительно принять за знакъ солнца, вслѣдствіе необычайнаго внутри начертанія К (ка) — символа въ лежачемъ положеніи. — 22. Непонятное начертаніе. — 23. Вѣроятно соболь. — 24 и 25. Вѣроятно знаки дикихъ козъ. — 26 и 27. Два знака молящихся людей. Первый съ обычно выражаемымъ обращеніемъ къ землѣ. Второй такой же: отъ бедеръ идутъ линіи вверхъ, недоходящія до рукъ. Знакъ, пока единственный въ этомъ родѣ, какъ связанный съ генезисомъ фертообразнаго символа въ линейномъ начертаніи, нуждается въ дублетныхъ повто-

---

[1]) Inscr. de l'Jenissei. Soc. Finl. d'Archeol. H. 1889. XXXII. Верхнія фигуры Сулекскаго петроглифа; локоть у большинства скачущихъ фигуръ не зачерченъ сзади особенно выдающимся, лукъ на многихъ скачущихъ фигурахъ видимъ наравнѣ съ головой лошади, туловище настолько подалось впередъ, что къ данному изгибу ноги необходимость короткаго стремени очевидна.

реніяхъ[1]). — 28. Самка оленя, пасущаяся; голова опущена. — 29. Знакъ человѣка въ шапкѣ, невысокой, съ опущенными полями. Руки означены одною дугой, обращенною внизъ; ноги раздвинуты. — 30. Знакъ человѣка съ обычнымъ выраженіемъ молитвы землѣ. — 31. Знакъ дикой козы. — 32. Верховой, на оленѣ; руки распростерты съ наклономъ къ землѣ. — 33. Человѣкъ въ позѣ поклоненія землѣ. — 34. Самка лося. — 35. Знакъ дикой козы или самки оленя. — 36. Верховой (на оленѣ), руки символизируютъ молитву землѣ.

20. Тесинскій петроглифъ.

II таблица.

Рисунокъ II, фигуръ три.

1 и 2. Рисунки свиней, вѣроятнѣе, домашнихъ: кабановъ нѣтъ въ Минусинскомъ округѣ и не встрѣчено въ остеологическихъ находкахъ на доисторическихъ поселеніяхъ. Контуръ сомкнутый. — 3. Рисунокъ лося, очень правильный и жизненный, изображающій спокойно стоящаго самца. Контуръ несомкнутый, — сзади, между ногами.

Рисунокъ III. Фигуръ 19. (Сборная группа лѣвая — 7 и правая группа — 12 фигуръ).

1. Незаконченный рисунокъ задней части животнаго. — 2. Рисунокъ козы, какъ бы идущей въ гору направо; шея вытянута впередъ, морда приподнята, уши насторожѣ. — 3. Самка лося. — 4. Дикая коза, какъ бы спускающаяся съ крутизны, вправо; манера зарисовыванія нѣсколько иная, чѣмъ въ фиг. 4-й. — 5. Очертанія животнаго, безъ головы. — 6. Неоконченное очертаніе головы и передней части оленя, наклоненное внизъ и направо. — 7. Рисунокъ коровы; контуръ несомкнутый между задними ногами.

Рисунокъ III, правая связная группа начертаній.

1. Силуэтъ лисицы. — 2. Знакъ человѣка. Поклоненіе землѣ выражено руками, зачерченными двумя отдѣльными дугами[2]), обращенными внизъ, ноги, по обыкновенію, дугою. — 3. Силуэтъ дикой козы, переднія ноги поставлены значительно выше заднихъ. — 4. Незаконченный или попорченный рисунокъ лошади, посрединѣ видны ноги всадника. — 5. Сплошь выбитый силуэтъ барана. — 6. Рисунокъ оленя, самца. — 7. Голова лося, самки, обращена и приподнята слѣва. — 8. Силуэтъ барана. — 9. Рисунокъ коровы. — 10. Силуэтъ коровы; животное обращено вправо, какъ бы стоитъ на подъемѣ въ гору; шея и морда приподняты, хвостъ отставленъ. Сравненіе съ подобными начертаніями даже одной разсматриваемой таблицы (рис. III. А. Фиг. 2; рис. XX, фиг. 10 и 15; рис. XXII, фиг. 5 и 13) приводитъ къ заключенію объ условности этихъ начертаній и о ихъ вотивномъ характерѣ. — 11. Голова лося, обращенная вправо. — 12. Рисунокъ коровы, идущей немного въ гору; начертаніе подобно фиг. 10-й.

---

[1]) См. 38-й знакъ сводной таблицы съ 134 священными начертаніями параллелизированными съ древнимъ кипрскимъ слоговымъ алфавитомъ д-ра M. Ohnefalsch-Richter, Kypros, Taf. LXIX.

[2]) XII табл. п. с. 20. 1.

Рисунокъ VI, двѣ фигуры.

1 и 2. Пара лосей, время течки, повидимому. Контуры спереди не сомкнуты.

Рисунокъ VII, пять фигуръ.

1 и 3. Рисунки самцовъ, вздыбившихся вверхъ, ракурсъ со спины. — 2. Корова, вправо головой зарисованная, въ эту же сторону она какъ бы и спускается. — 4 и 5. Самки лосей, съ прижатыми ушами, видимо, время течки.

Рисунокъ VIII, двѣ фигуры.

1 и 2. Пара лосей; время течки.

Таблица III.

Рисунокъ I. Рядъ точекъ и рисунокъ лося. Туловище лося нарисовано правильно, полнымъ контуромъ; только въ ногахъ замѣчается нѣкоторая вотивная условность: въ особомъ означеніи раздвоенія копытъ[1]).

Рисунокъ II. Знакъ верхового на оленѣ; на поясѣ означенъ кинжалъ; руки приподняты, но не до высоты плечъ. Эта фигура встрѣчается часто, она типъ какой-то народности, изъ очень древнихъ и устойчивыхъ обитателей Енисея.

Рисунокъ III. 3 знака животныхъ, вѣроятно козъ; 3-й знакъ безъ головы.

Рисунокъ IV. — 1. Изображеніе коровы, съ полуоткрытымъ ртомъ; рогъ означенъ горизонтально, хвостъ означенъ немного приподнятымъ, для образованія молитвеннаго знака. Ногъ означено двѣ, но четыре копыта означены на двухъ ногахъ удвоеніемъ молитвенныхъ знаковъ (Ср. рис. 1); линія живота безъ изгибовъ, во избѣжаніе малѣйшихъ признаковъ религіозной сигнализаціи вверхъ. Это или родовой знакъ или жертвенное обѣщаніе, послѣднее намъ кажется болѣе вѣроятнымъ. — 2. Верхняя часть туловища и голова самца лося съ условно означенными рогами. Эта фигура и 3-я только теперь открыли намъ глаза и мы съ увѣренностью можемъ утверждать, что эти фигуры не закончены сознательно, — отнюдь не случайно. Дѣло въ томъ, что эти жертвы со знаками посвященія верховному небесному божеству въ начертаніи не имѣютъ ни малѣйшаго знака отъ земли: обдуманно, съ цѣлью не означены ноги и не дано нижнихъ очертаній животнаго. Въ этихъ жертвенныхъ головахъ сохатыхъ (лосей) мы можемъ усматривать аналоги бычачьимъ головамъ, фигурамъ оленей и лошади въ жертвенномъ положеніи и другимъ благословляющимъ символамъ жертвеннаго культа. Въ рогахъ мы склонны видѣть и эмблему могущественнаго божества принимателя жертвъ: знакъ человѣка съ четырьмя руками. Можетъ быть, во время начертанія представленіе о „четырерукости“ этого знака уже не возникало, но символъ остался графическимъ пережиткомъ.

На древне-вавилонскомъ цилиндрѣ (Табл. VIII, рис. XV, фиг. 4) мы уже указывали гербъ Шамаша, отдѣливъ внизъ знакъ поклоненія ему—основной верхній символъ молитвы и двурогую шапку (стилизированный символъ молитвы) мы увидимъ ясно этого въ древнихъ представленіяхъ „четырерукаго“ бога, позднѣе, какъ видимъ, сила и могущество его представлялись и графически выражались иначе.

---

[1]) См. знамена сибирскихъ инородцевъ, VIII табл. III рис. 6 и VI табл. VII рис. 2. Березовскіе остяки.

Этотъ символъ вошелъ въ силлабическій кипрейскій алфавитъ, съ значеніемъ „а“[1]), есть онъ и въ скандинавскихъ рунахъ[2]), на монетахъ Совромата и Котиса (II и III вѣка по Р. Х.)[3]), и въ родовыхъ знакахъ древне-княжескихъ[4]).

Считая этотъ знакъ древняго силлабическаго алфавита символомъ-пережиткомъ оптическаго письма, мы видимъ въ немъ символически-стилизированный знакъ мужского божества (мужского творящаго начало) на тѣлѣ египетской богини Нутъ[5]) мы видимъ ту же символическую фигурку человѣка, но безъ нижней средней черточки, genictalia m. И этотъ древній знакъ свѣтовой стадіи письма (XI т. II. 4) вошелъ въ древней кипрскій алфавитъ для означенія звука „і“[6]).

При заимствованіи изъ Малой Азіи, еще во время бустрофедоннаго письма, енисейскаго алфавита, заимствованіе и этого символа представляется возможнымъ. Но, какъ бы дѣло ни было, замѣна типичныхъ роговъ лося отмѣченнымъ знакомъ указываетъ насколько важны для изслѣдованія и незаконченныя фигуры животныхъ. Среди множества такихъ фигуръ могутъ встрѣтиться такія, которыя раскрываютъ и подкрѣпляютъ предположенія о томъ, какимъ побужденіямъ подчинялись древніе обитатели Енисея, изображая множество разнообразныхъ животныхъ. Насколько не основательны недавнія предположенія, что многія изъ петроглифовъ изображаютъ переселенія доисторическихъ людей и передвиженія животныхъ. — 3. Такой же рисунокъ верхней части лося, но съ рогами въ видѣ треугольника и квадрата, съ выгибомъ сторонъ внутрь[7]). Треугольникъ обращенъ острымъ концомъ внизъ, широкою стороною онъ символизируетъ обращеніе къ небу. — 4. Рисунокъ самки лося. — 5 и 6. Двѣ головы животныхъ, безъ ушей. Можно заподазривать приношеніе только землѣ. — 7. Лодка или плотъ съ большимъ числомъ плывущихъ. — 8. Лодка съ людьми; слѣва на болѣе отчетливо начерченной фигурѣ видно длинное перо, съ раздвоеніемъ на концѣ. У двухъ сидящихъ въ лодкѣ можно увидать раздвоеніе или двурогость шапки. — 9. Расплывшаяся фигура, пятно. — 18. Положеніе надписи, сообщенной нами Финляндской археологической экспедиціи въ 1887 г.[8]). — 10 и 14. Два знака молящихся людей. — 11 и 13. Два знака одинаковыхъ тѣлодвиженій: одна рука уперта въ бедро, другая, вытянутая, что-то держитъ; у одного какъ-будто бубенъ, означенный сбоку, но онъ почти всегда зарисовывается весь, вѣроятнѣе лукъ[9]); у другого — какое-то оружіе, что-то въ родѣ палицы; ноги раздвинуты. У одного за поясомъ вѣроятно кинжалъ. Въ сопоставленіи съ другими тождественными петроглифическими

---

[1]) Deecke. Der Ursprung der Kypr. Sylbenschrift. Str. 1877. Иллюстр. ист. письм. Шницера, стран. 82, — Cesnola, A. Salaminia, p. 16. — A. U. Sayce. (Khu. ?) Illios, Schlimann. 3. 775. Далѣе мы разъяснимъ, почему генезисъ кипрскаго силлабическаго письма, мы видимъ въ послѣдней эволюціонной фазѣ (мимико-графической) свѣтоваго письма.

[2]) Forrer's Reallexikon. S. 712. — Шницеръ, Ист. письменъ, 83, рис. 54.

[3]) Русскія древн. гр. И. Толстого и Кондакова, в. II, стран. 32 и 35, рис. 23 и 25 (знакъ въ поворотѣ).

[4]) В. кн. Ярослава. Ibidem. — Русскія монеты до 1547 г., изд. И. И. Музея.

[5]) Ист. религій Шантепи-де-ля-Соссей. М. 1899. I т., стран. 159, рис. 3. Знакъ, насъ интересующій, изображенъ тремя манерами начертанія.

[6]) A. Cecnola. Salaminia, p. 16. — Шницеръ. Ист. письм. 82, рис. 54.

[7]) Такой квадратъ есть въ знакахъ енисейскаго алфавита, см. X табл. 5 т. с. 7.

[8]) Inscript. de l'Jenissei. Hels. 1889. P. 16, № XXIX.

[9]) Ср. II табл. XIX рис. 8 фиг.

начертаніями, мы считаемъ эти фигуры знаками молитвы о благословеніи оружія[1]). — 12. Половина солнечнаго диска. — 15 и 16. Двѣ лодки съ людьми. На 8 фиг. одинъ изъ сидящихъ въ шапкѣ съ раздвоеннымъ перомъ, повидимому, въ ферто-образномъ рукоположеніи, у двухъ руки воздѣты вверхъ. — 17. Квадратъ съ лучами.

V рисунокъ.

1. Грубо начерченный знакъ оленя-самца. — 2. Верховой; голова выдѣлена кружкомъ; руки распростерты. — 3 и 4. Неясныя очертанія животныхъ; во второмъ можно заподазривать волка.

Рисунокъ VI.

1. Удвоенный молитвенный символъ, обращенный вверхъ. Можно сопоставлять съ знакомъ Кастрена, I табл. XVII рис. 1 фиг., но въ немъ руки опущены. Ср. VI табл. 5 рис. 1. — 2. Вильчатый молитвенный знакъ, въ поворотѣ вверхъ, вошедшій въ енисейскій алфавитъ[2]), накрытъ знакомъ благословенія или покрова[3]), находящагося въ ореолѣ божества, начертаннаго на бирскомъ курганномъ камнѣ.

Рисунокъ VII, три знака.

1. Знакъ дикой козы. — 2. Знакъ верхового съ распростертыми руками; лошадь въ двѣ ноги, хвостъ сильно приподнятъ. — 3. Знакъ верхового на оленѣ, въ двурогой шапкѣ[4]) съ перомъ; одна рука вытянута впередъ, касаясь уха оленя, другая уперта въ бедро.

Рисунокъ VIII, 12 знаковъ.

1. Всадникъ, по всей вѣроятности, на оленѣ; рисунокъ грубый; въ шапкѣ съ плоскимъ верхомъ, повидимому съ свѣшивающимися полями. Шапка напоминаетъ Колбинскій петроглифъ (Табл. IX. XV. 2). Всадникъ держитъ лукъ въ протянутой рукѣ, но титева не натянута, стрѣла обращена вверхъ и впередъ или спусковымъ концомъ или на ней зачерченъ на концѣ молитвенный символъ. Есть наконечники вильчатые, для птицъ и мелкихъ животныхъ, но изъ дальнѣйшаго состава данныхъ этого начертанія и на основаніи сдѣланныхъ выше разъясненій, такой охотничій наконечникъ, съ рѣжущими и колющими частями, какъ символъ, непріемлимъ, и можетъ навлечь жестокую кару отъ оскорбленнаго божества. Кромѣ того, излучина лука образовала уже надъ всадникомъ символъ благословенія; грамматика примитивнаго символизма противорѣчій въ немъ не допускала[5]). Всадникъ одною рукой подбоченился, другую вытянулъ впередъ со стрѣлою и лукомъ.

Этотъ типъ молитвы тождественъ во многихъ начертаніяхъ и ее можно назвать молитвою съ лукомъ[6]). Верхній уголъ лука со стрѣлою; лукъ, голова и вытянутая

---

[1]) См. XII табл. 18. 4. лѣв. фиг. Петроглифы изъ Малой Азіи. Cypern. L. Cesnola, s. 430, 6 и 7 фиг. тождественны, разница только въ поворотѣ.

[2]) Табл. X. П. 14. 1.

[3]) XII табл. П. 15. 4.—VIII табл. XIV рис. Къ №№ 1—7. Фиг. 4.

[4]) Сходна съ шапкою шамана на VI табл. 5 рис. 6 фиг.

[5]) Ср. съ молитвенными знаками — разставленными копытами лося, коровы. Слѣдуетъ сопоставить дугообразное означеніе копытъ оленя на знаменахъ остяковъ (VI—VII. 2). Обращаемъ особое вниманіе на XVIII рис. разсматриваемой III табл., фиг. 1 и 3.

[6]) Ср. съ другими начертаніями молитвы съ однимъ лукомъ, и съ лукомъ и стрѣлою (См. таблицы: I. XIV. 2; II. XIII. I и XIX. р. 4, 6 и 8; VIII. VIII. I; XII. Л. 17. 8. л. в., сопоставь и 18. 4 и 5. Ср. съ молитвою на Кипрской геммѣ изъ раскопокъ L. Cesnola (Cypern, Taf. LXXXIV. 29).

рука сигнализируютъ молитву небу; нижніе углы обращены къ надземнымъ божествамъ и духамъ.

Голень и ступня человѣка подъ брюхомъ оленя означены, въ прочихъ начертаніяхъ этого не было: есть основаніе допускать, что это сдѣлано не столько ради реализма начертанія, а для увеличенія символовъ молитвы. Но особенно интересны и цѣнны въ научномъ отношеніи ноги оленя: онѣ заставляютъ подозрѣвать, что начертавшій этотъ знакъ не чуждъ грамотѣ. Переднія ноги оленя — дублированный молитвенный символъ, обращенный назадъ: можетъ быть, благодареніе божеству за пройденный путь. Этотъ религіозный символъ введенъ въ енисейскій алфавитъ, табл. X. Л. с. 5. 3. Заднія ноги оленя — дублированный двухсторонній молитвенный символъ (зетъ-символъ[1]): верхнею половиной онъ подкрѣпляетъ символизацію переднихъ ногъ, нижняя половина сигнализируетъ молитву впередъ, къ надземнымъ божествамъ. Этотъ символъ также взятъ въ енисейскій алфавитъ, табл. X. П. с. 11. 5; рядомъ на той же X таблицѣ и его бустрофедонный поворотъ (фиг. 6) эсъ-символъ въ прямолинейномъ начертаніи. Надо добавить, что хвостъ оленя, первое время смущавшій насъ, удлиненъ изъ религіозныхъ побужденій: онъ даетъ знакъ поклоненія землѣ, этимъ же мы объясняемъ обязательное означеніе хвоста лошадей отставленнымъ, приподнятымъ. Кромѣ того, отмѣтимъ, что всадникъ изобразилъ себя подбоченившимся слишкомъ высоко не безъ расчета: подъ локтемъ, надъ спиною оленя, онъ образовалъ назадъ обращенный благодарственный знакъ надземнымъ божествамъ и духамъ. Голова оленя неглубоко и неясно отбита, но она укорочена, можно думать, тоже не безъ умысла: подъ головою и, добавимъ, внизу, надъ землею, при имѣющемся изгибѣ переднихъ ногъ, образованы молитвенныя обращенія земнымъ и надземнымъ божествамъ.

Изъ вышеизложеннаго, несмотря на всю архаичность начертанія, отбивавшій его, видимо не безъ анимистической богобоязненности, отнесся къ мельчайшимъ деталямъ не только своего изображенія, но и изображенія животнаго, на которомъ онъ сидѣлъ, сдѣлавъ и его манекеномъ, говорящимъ божествамъ языкомъ тѣлодвиженій. Символы, вошедшіе въ енисейскій алфавитъ, для этого всадника и для начертавшаго знаки вышеописаннаго VI рисунка, не были пережитками и это древнее начертаніе можетъ быть относимо къ курганной эпохѣ. — 2 и 3. Знаки верховыхъ, руки обращены внизъ, головы означены кружочками, туловище двумя чертами. — 4. Знакъ шамана съ бубномъ и колотушкою. Знакъ начерченъ спиною къ смотрящему. Въ надписяхъ Енисея и Орхона означены страны свѣта, это обстоятельство можетъ пригодиться при оріентировкѣ обращенія молящихся[2]). Слѣдуетъ обратить вниманіе на перегибъ туловища, подниманіе бубна высоко надъ головою и опусканіе колотушки бубна до земли, почти къ правой ногѣ. Рукоположеніе шамана *свастическое*[3]).

---

[1]) X табл. п. с. II. 6 и 7.

[2]) «Передъ»—востокъ, «задъ»—западъ, «правая сторона»—югъ и «лѣвая сторона»—сѣверъ.—Объ Орхонск. и Енис. надписяхъ. П. Меліоранскій, Журн. Мин. Нар. Просв. 1898 г. Часть CCCXVII. Іюнь. Стран. 280.

[3]) Ср. съ буквами енисейскаго алфавита X табл. л. с. 1, 3 и 5 фиг. и съ кипрскими финикійскими знаками на XIII табл. 30 горизонталь. Сопост. XII табл. л. с. 6. 12; 6. 13. п. 3 и 7. 3; 7. 10 и 7. 13 прав. фиг.

Шаманъ безъ шапки: признакъ мѣстнаго шамана. Характерное различіе въ рукоположеніи рукъ у шамана майдашинскаго въ шапкѣ, табл. I. II. 20, но, возможно, что тамъ изображена предшествующая поза[1]). — 5. Мы склонны разсматривать это изображеніе, какъ несомкнутый контуръ рукъ, шеи и головы. Выше мы касались такого вида начертаній[2]). — 6. Начертаніе какъ бы ножницъ, намъ сомнительно. Мы склонны заподазривать въ этомъ перекрещиваніи знаковъ восходящаго солнца[3]) означеніе сутокъ, но желательны дублеты этого знака въ поворотахъ и параллели къ нему изъ другихъ мѣстностей. — 7. Всадникъ на оленѣ, въ ракурсѣ сзади; руки отчетливо означены двумя дугами внизъ, съ значительнымъ поднятіемъ плечъ. — 8. Несомкнутый контуръ какого-то животнаго. — 9. Неясное очертаніе вѣтви съ листьями съ одной стороны.

Рисунокъ IX. 2 фиг. Стрѣлокъ изъ лука; изображена одна рука въ необычномъ положеніи.

Рисунокъ X. 3 фигуры.

1. Человѣкъ въ высокой конической шапкѣ молится, держа лукъ (м. б., и бубенъ сбоку) въ вытянутой рукѣ, изгибомъ къ себѣ, другая рука, вѣроятно правая, не уперта въ бедро, какъ часто наблюдалось ранѣе, а опущена внизъ, съ подъемомъ плеча. Ноги раздвинуты, означены ступни повернутыми въ стороны. Поворотъ лицемъ впередъ, т.-е. на востокъ. — 2. Шаманъ съ бубномъ (лѣвая рука), въ шапкѣ съ немного вогнутымъ верхомъ и перомъ, съ правой (отъ него) стороны; ноги раздвинуты, рука уперта въ бокъ. — 3. Знакъ человѣка, какъ будто держащаго недлинныя веревки въ рукахъ и сильно движущаго ими, отчего онѣ извиваются змѣею.

Рисунокъ XI, три фигуры.

1. Косой крестъ, съ закрытымъ прямолинейнымъ благословеніемъ верхнимъ молитвеннымъ угломъ (Табл. XII. Л. с. 9. 8). Этотъ символъ сохранился и въ таврахъ лопарей и кореловъ. — 2 и 3. Грубо начерченныя самки оленей; голова и шея одной изъ нихъ выбита сплошь, на туловищѣ нацарапаны дугообразныя черты, обращенныя впередъ.

Рисунокъ XII, 31 фигура.

1. Поперекъ поставленное, какъ бы вздыбившееся, туловище какого-то животнаго; голова не начерчена, но грудь и переднія ноги означены. — 2. Козелъ, домашній, стоящій на подъемѣ вправо. — 3. Вотивная голова животнаго, уши означены условно: линіи ушей съ линіями очертанія лба и затылка образуютъ косой крестъ. — 4. Корова, поднимающаяся влѣво, съ рогами, загнутыми впередъ и внизъ. — 5. Косой крестъ. — 6. Рисунокъ дикой козы, выбитый сплошь; животное стоитъ на подъемѣ влѣво. — 7. Фигурка человѣка, стоящаго раздвинувъ ноги и воздѣвъ кверху руки. — 8. Голова лося, приподнята вверхъ; оба уха означены. — 9. Головка дикой козы. — 10. Верхняя часть коровы,— недурной рисунокъ. — 11. Верхнее очертаніе животнаго. — 12. Знакъ человѣка съ распростертыми горизонтально руками, стоящаго раздвинувъ ноги. —

---

[1]) См. XII табл. 18 и 19.

[2]) Но дата для интересующагося не излишня, табл. I. III, 5; табл. VI. X. 2 и мн. др.

[3]) XII табл. Л. 14, 3. п. в.

13. Корова, восходящая вправо. Контуръ сзади не сомкнутъ. — 14. Верхняя часть дикой козы, уши означены. — 15. Рисунокъ самки лося; контуръ и спереди и сзади не сомкнутъ. — 16. Самка оленя, спускаясь вправо, остановилась насторожившись. — 17. Верхняя часть лося (самки), изображеніе отбито внутри очертанія сплошь. Уши изображены условно: одно наклонено впередъ, другое назадъ. — 18. Голова лося, также сплошь выбитая; означеніе ушей и роговъ условное. — 19. Очертаніе головы лося; уши означены. — 20. Рисунокъ коровы, спускающейся вправо. Голова, шея и загривокъ выбиты сплошь; хвостъ сильно отставленъ. — 21. Силуэтъ птицы, взлетающей вверхъ, дающей, слѣдовательно, благословляющіе символы внизъ. — 22. Рисунокъ стерляди. — 23. Рисунокъ самки лося; по туловищу отбиты поперечныя черты. — 24. Рисунокъ оленя съ короткимъ тяжелымъ туловищемъ, съ животомъ, прямолинейно очерченнымъ. — 25. Рисунокъ самки сохатаго (лося). — 26. Лодка съ нѣсколькими людьми. — 27. Голова животнаго; уши условно начерчены. — 28. Верхняя часть животнаго, съ раскрытымъ ртомъ и условно начерченными ушами и рогами. — 29. Голова лося, внизъ опущенная, вотивная: одинъ рогъ зарисованъ нѣсколько сходно съ натурою, другой означенъ чертою, на которой означенъ косой крестъ[1]). — 30. Голова лани, съ расходящимися невѣтвистыми рогами (Ср. ланей петроглифа у Потрошиловой). — 31. Голова животнаго, съ условно нарисованными ушами.

Табл. IV. (См. Потрошиловскій петроглифъ).

Рисунокъ I, 12 фигуръ.

1 и 2. Силуэты свиней или кабановъ. — 3. Рисунокъ самки лося. — 4 и 5. Лодки. Высокія фигуры на кормѣ, по всей вѣроятности, нѣчто въ родѣ украшеній или для постановки знаковъ. На одной видна ясно голова съ воздѣтыми вверхъ руками; можетъ-быть, это стоящія фигуры начальниковъ. — 6. Корова, поднимающаяся вправо; голова не начерчена. — 7. Большая фигура самки лося. — 8. Неоконченный рисунокъ самки лося. — 9. Грубое очертаніе самки лося. — 10. Верхняя часть туловища, головы и часть груди коровы. — 11. Рисунокъ дикой козы, стоящей на большомъ подъемѣ, съ сильно вытянутою шеею и съ приподнятою головою. — 12. Перечерчивающіяся начертанія двухъ животныхъ.

Рисунокъ II. Одна фигура, верхняя часть туловища съ головою самки оленя. Начерченъ красною краской.

Рисунокъ III, 9 фигуръ.

1. Бубенъ овальной формы. — 2. Человѣкъ безъ шапки, стоящій около бубна, раздвинувъ ноги (ступни означены) и опустивъ руки, означенныя одною общей дугою. Передомъ онъ, по всей вѣроятности, обращенъ къ востоку, судя по бубну. — 3. Мужчина въ высокой конической шапкѣ стоитъ въ такой же молитвенной позѣ. — 4. Человѣкъ въ конической шапкѣ у основанія и далѣе представляющей шарообразное раздутіе (Ср. Табл. II. XIX, фиг. 4), стоящаго также раздвинувъ ноги, но руки его зарисованы двумя отдѣльными дугами, опущенными внизъ (См. Табл. XII.

---

[1]) См. выше описаніе рис. IV, фиг. 2-й.

II. 20. 1). — 5. Поясной знакъ человѣка или знакъ ребенка, съ руками, опущенными внизъ и означенными общею дугою. — 6. Фигура больше другихъ, вѣроятно начальникъ; шапка у него съ довольно широкими полями и съ высокою изогнувшейся тульею; ноги раздвинуты и руки опущены внизъ, на одной рукѣ отмѣчено растопыриваніе пальцевъ и приподнятіе ладони. По культу, опущенною съ растопыренными пальцами можетъ быть только лѣвая рука. Одновременность начертанія съ фиг. 2-ю (у бубна) оказывается сомнительною. — 7. Человѣкъ въ овальной шапкѣ, съ стоящимъ перомъ посрединѣ; руки опущены внизъ, что̀ означено одною дугой; ноги раздвинуты. — 8. Большой рисунокъ самки лося, болѣе древній, чѣмъ фигуры людей. — 9. Фигура человѣка съ перомъ, съ опущенными руками; туловище означено прямоугольникомъ; ноги разставлены, ступни обращены въ одну сторону.

IV рисунокъ, 8 фигуръ.

1. Неоконченный рисунокъ животнаго. — 2. Грубый рисунокъ животнаго на крутомъ спускѣ вправо. — 3. Фигура животнаго безъ головы. — 4. Фигура животнаго; контуръ между задними ногами не сомкнутъ. — 5. Грубый знакъ козы. — 6. Насторожившаяся самка оленя; передъ ея сильно приподнятъ. — 7. Рисунокъ сохатаго, самца; контуръ между задними ногами не замкнутъ. — 8. Рисунокъ самки оленя.

V рисунокъ. Двѣ фигуры. 1 и 2. Рисунки свиней.

VI рисунокъ, 3 фигуры.

1. Неотчетливое изображеніе животнаго. — 2. Человѣкъ съ перомъ, сильно приподнявшій плечевыя части рукъ и опустившій локти; одной рукою онъ касается морды животнаго; за поясомъ у него кинжалъ; ноги раздвинуты. — 3. Фигура идущаго человѣка, вѣроятно, женщины; ступни означены вправо; руки зарисованы одною дугою, опущенною внизъ.

VII рисунокъ.

1. Силуэтъ медвѣдя, взбирающагося на дерево; голова опущена, ротъ раскрытъ, уши отмѣчены, ноги означены отдѣльно. Вѣтви дерева обращены вверхъ.

VIII рисунокъ.

1. Самка оленя, остановившаяся на крутомъ подъемѣ вправо; она представлена оглядывающеюся назадъ[1]), ротъ ея раскрытъ, уши означены раздѣльно. На туловищѣ означены поперечныя линіи, можетъ-быть, это намѣченная, но незаконченная сплошная отбивка и остальной части поверхности рисунка.

---

[1]) Такой поворотъ головы у животныхъ и птицъ, въ практикѣ древнихъ культовъ, нерѣдко встрѣчается, но, сколько намъ удалось замѣтить, уже при разложеніи двойственнаго свастическаго культа: Z—зетъ и S—эсъ символы, означенные условнымъ положеніемъ животныхъ, какъ бы по собственному желанію посвящающихъ себя тѣмъ или другимъ божествамъ. Дадимъ нѣкоторыя библіографическія указанія. Cypern, L. Cesnola, taf. LXXIV. 2; LXXV. 4 и 8; LXXX. 19 и LXXXI. 23.—Salaminia, A. Cesnola. Pl. XIV. 40; XV. 56, 58 и 88.— Kypros, M. Ohnefalsch-Richter. Taf. XXXII. 3, 11 и 30; CXIV. 1 и 2; CXV. 1; CXLII. 6.— Голова жертвеннаго оленя чертомлыцкой вазы повернута назадъ и внизъ однимъ изъ крылатыхъ грифоновъ-жертвоприниматель, чтобы всею группою символизировать благословеніе верховнаго божества. Еще см. въ «Русск. древн.» Гр. Толстого и Кондакова. II в. 56. 41 рис. Здѣсь выражена животными молитва верховному божеству, благословеніе снизу сдѣлано стилизированною птицею; ср. съ 123 рис. 150 стран. «Къ ист. иск. Пріурал. Чуди», ак. Д. Н. Анучина.

IX рисунокъ, 2 фигуры.

1. Фигура человѣка; руки не означены. — 2. Рисунокъ коровы; между заднихъ ногъ контуръ не сведенъ. Означеніе рога условное.

X рисунокъ. Рисунокъ самки лося.

XI рисунокъ, 8 фигуръ животныхъ, почти половина ихъ означена съ открытымъ ртомъ.

1. Силуэтъ или рисунокъ лося съ сплошной выемкой всей поверхности; рога даютъ символы молитвы вверхъ; ротъ животнаго полуоткрытъ. — 2. Такой же рисунокъ, съ сплошной выбивкой всей поверхности рисунка, самки лося; ротъ животнаго раскрытъ. — 3. Верхнее очертаніе туловища и голова животнаго. — 4. Дикій козелъ (Cerv. capr.), оглядывающійся назадъ, ротъ раскрытъ, шея вытянута. Сопоставить съ рис. VIII на этой же таблицѣ. — 5. Пасущійся сѣверный олень, ротъ раскрытъ. Хорошій рисунокъ. Фигура внутри контура выбита вся, сплошь. Фигура эта и 6-я могутъ имѣть и ритуальное значеніе. — 6. Рисунокъ такого же оленя, съ закинутыми рогами и приподнятою мордой; ноги означены условно. По средней части туловища выбивки сплошной не сдѣлано. — 7. Рисунокъ медвѣдя, идущаго влѣво; ротъ его раскрытъ; уши означены. — 8. Рисунокъ дикой козы, съ несоразмѣрно длинными ногами.

XII рисунокъ.

1. Рисунокъ овцы. — 2. Рисунокъ коровы.

XIII рисунокъ. Силуэтъ медвѣдя, вылѣзающаго изъ берлоги, разинувъ пасть; уши означены; переднія лапы подняты вверхъ.

21. Петроглифъ Тихаго плеса.

Таблица IX.

VI рисунокъ, 3 фигуры.

1. Можетъ быть, слѣдъ человѣка или слѣдъ медвѣдя. Весьма сомнительно принимать это начертаніе за колотушку отъ бубна. — 2. Вѣроятно неудавшееся начертаніе солнца. — 3. Типичное начертаніе. Верховой на оленѣ въ полуовальной шапкѣ. Руки распростерты, но поставлены низко. У оленя означены только двѣ ноги, но на концахъ сдѣланы условныя раздвоенія; уши условно удлинены и разставлены.

X рисунокъ. 7 фигуръ, изъ нихъ двѣ неразборчивыхъ.

1. Символъ поклоненія землѣ (типа, означ. на табл. XII. Л. с. 13, 3). — 2. Дерево (ср. III рис. фиг. 18) необычной формы (ср. на этой же таблицѣ: XX рис. 5; XV. 3 и др.). — 3. Непонятное начертаніе. Должно быть, сомкнутые верхніе и нижніе символы, т.-е. амулетный символъ. — 4. Изображеніе сгладилось, остались только пятна. — 5 и 6. Олень, съ человѣкомъ, на немъ сидящимъ, опирается передними ногами на солнце. На спинѣ оленя только черта, утолщающаяся кверху, этимъ онъ напоминаетъ одно орхонское петроглифическое начертаніе (Табл. XI, 18. 1).

Среди орхонскихъ петроглифовъ горный козелъ (аркаръ), съ немного отклоненною назадъ чертою, нерѣдко встрѣчается. Эта черта (знакъ божества или шамана) замѣчается иногда даже и между двумя козлами (XI. 18. 3). На головѣ оленя символъ мо-

литвы типа, означеннаго на XII табл. II. с. 1. 3, соотвѣтствующій начертанію ушей и рогу посрединѣ. Замѣчательно, что и шаманъ становится на солнце (См. Табл. IX. IX.) на то же мѣсто. — 7. Пятна, — какъ будто слѣды оленя.

XIV рисунокъ, 8 фигуръ.

1 и 2. Знаки верховыхъ на оленяхъ, поднимающіеся вверхъ вправо. — 3. Верховой на оленѣ, какъ будто на колѣняхъ (бродовой знакъ). — 4. Можетъ быть, знакъ воздѣтыхъ рукъ, накрытый угловымъ знакомъ благословенія сверху; замкнутый амулетный символъ. — 5. Знакъ птицы, летящей вправо. — 6. Знакъ человѣка, въ плоскоовальной шапкѣ; руки, опущенныя внизъ, означены одною дугой; ноги раздвинуты. — 7. Знакъ солнца. — 8. Бродовой знакъ, т.-е. верховой на оленѣ, какъ бы стоитъ на колѣняхъ.

22. Трифоновскій петроглифъ.

Таблица VIII, рисунокъ I, состоитъ изъ 38 фигуръ.

1. Голова свиньи, спереди. — 2. Къ мордѣ свиньи прикасается прямоугольникъ, съ наискось въ немъ проведенными двумя параллельными линіями. — 3. Контуръ верхней части туловища и головы животнаго. — 4. Сжатый элипсисъ, пересѣченный въ верхней трети горизонтальною чертою, можетъ быть, начатый контуръ головы человѣка въ шапкѣ. — 5. Лежащая дикая коза или, можетъ быть, переднія ноги нарисованы вытянутыми впередъ сознательно, изъ ритуальныхъ цѣлей. — 6. Человѣкъ съ поднятыми молитвенно руками, означенными одною дугою; ноги фигурки съ означенными наружу ступнями сильно раздвинуты. — 7. Рисунокъ лося, вѣроятно; голова отпала съ отслоившимся камнемъ. — 8. Большая фигура лося, съ основнымъ дугообразно начертаннымъ символомъ молитвы къ небу вмѣсто обыкновенныхъ роговъ. — 9. Маленькая фигурка животнаго, внутри фиг. 8-й, на груди. — 10. Рисунокъ самки лося, находящійся отчасти въ фиг. 8-й. — 11. Сложный символъ, вѣроятно буддистовъ или ламаистовъ. Кругъ съ горизонтальною черточкою посрединѣ, на кругѣ прямой крестъ съ округленіемъ боковыхъ концовъ и развилиною (полукругомъ) на верхнемъ концѣ; этотъ молитвенный символъ, обращенный къ небу, накрытъ благословеніемъ ногъ божества, ставшаго на концы отмѣченнаго символа. Руки человѣческой фигурки означены одною дугою, обращенною къ землѣ; плечи означены сильно поднятыми, голова при рукосложеніи какъ бы ушла въ плечи.

Это начертаніе мы разсматриваемъ, какъ сложный символъ: 1) солнце; 2) крестъ — знакъ поклоненія заходящему солнцу[1]), съ горизонтально распростертыми руками, и 3) фигурка человѣка, стоящаго на развилинахъ верхняго конца креста, съ опущенными внизъ руками. Начертаніе поучительнаго наслоенія въ культѣ, при чемъ начавшіе господствовать, желая подчеркнуть себя, означили подъ собою и прежнюю практику религіознаго поклоненія. Въ этомъ отношеніи начертаніе важно тѣмъ, что даетъ весьма основательный варіантъ для объясненія креста надъ кругомъ, что нерѣдко видимъ, какъ зоологическій знакъ, и какъ тамгу у тюрко-алтайцевъ и тюрковъ: это знакъ покло-

---

[1]) Чаще встрѣчается египетскій крестъ (tav), см. XII. п. с. 144. л. н.

ненія заходящему солнцу; знакъ поклоненія восходящему: кругъ и крестъ или египетскій крестъ — снизу (см. XII. п. 14. 3. л. н.).— 12. Знакъ женщины (?), жестикулирующей молитву, съ изгибами въ локтяхъ и колѣняхъ (См. Табл. XII. Л. с. 4. 13 и 5. 4); подъ мышками точки, знаменующія молитву или благословеніе, если эти точки употребляются только при женскихъ знакахъ[1]). Нужны дублеты и параллели. На фиг. 6-й, рис. IV табл. VI, точки поставлены въ сгибахъ ногъ. — 13. Рисунокъ козы, какъ бы поднимающейся въ гору направо, шея вытянута, голова приподнята, уши въ обычномъ условномъ начертаніи. — 14. Знакъ головы дикой козы. — 15. Рисунокъ передней части животнаго. — 16. Начертаніе головы, шеи и рукъ, несомкнутое, отмѣченное и параллелизированное выше (Табл. III. VIII. 5 и др.). — 17. Знакъ животнаго. — 18. Символическое начертаніе головы и шеи, какъ будто означенъ ротъ и дуга надъ нимъ; надъ головою три кружечка; слѣдуетъ отнести къ знакамъ туловища человѣка, полымъ внутри (Табл. III. VIII. 5), прочее—добавленія. — 19. Фигура, повидимому, женщины[2]), ея молитвенныя тѣлодвиженія тождественны съ описанною уже 12-ю фиг. Рукоположеніе это отразилось на енисейскомъ алфавитѣ, въ буквенномъ начертаніи (Табл. X. 19. II. с. I). Оба конца черты туловища раздвоены. — 20. Бѣгущая влѣво коза. — 21. Опытъ стилизаціи орнамента: двѣ головки, мордами обращенныя другъ къ другу. — 22. Грубый и незаконченный рисунокъ животнаго. — 23. Къ мордѣ животнаго обращенный символъ съ точкою или продолженіе морды, съ означеніемъ ноздри. — 24 и 25. Человѣкъ (бѣгущій) и „кандія“ (старообрядческое кадило). Эти знаки тоже стоятъ того, чтобы въ нихъ разобраться на мѣстѣ. — 26. Передняя половина коровы. — 27. Рисунокъ самки лося; значительная часть поверхности снята отбивкою. — 28. Рисунокъ пасущейся дикой козы. — 29. Дикая коза насторожѣ, съ вытянутою шеею и поднятою мордою. — 30. Рисунокъ лося, выбитый внутри. — 31. То же. — 32. Знакъ дикой козы съ ушами, отведенными назадъ; спина выгнута вверхъ болѣе обыкновеннаго. — 33. Грубый контуръ животнаго. — 34. Поясной символъ молитвы землѣ, съ ладонями, обращенными къ землѣ не горизонтально, а съ приподнятіемъ ладони снаружи; знакъ стилизированъ, вѣроятно тамга. Сопост. съ тамгами киргизовъ Большой орды, XI табл. 20. 6, и сагайцевъ, V табл. III р. 15. — 35. Лодка съ двумя человѣками. — 36. Рисунокъ самки оленя; поверхность утеса внутри рисунка выбита. — 37. Рисунокъ самца оленя; поверхность внутри рисунка большею частью выбита. Рога означены условно: раздвинутыя уши образуютъ одинъ символъ и между ними поставленъ рогъ съ развилиною (Ср. Табл. III. VI. 1, л.). — 38. Такой же грубо начерченый рисунокъ самки оленя; шея вытянута.

23. Петроглифы Унгутской пещеры.

Таблица I, рисунокъ XIII, съ двумя фигурами.

1 и 2. Кругъ и подъ нимъ вѣтвь съ рѣдкими развѣтвленіями, могущая служить для молитвенной и благословляющей символизаціи.

---

[1]) Знакъ пола можно понимать и не въ прямомъ означеніи, а какъ благословеніе, наложенное на genitalia, съ точкою. Это же, вѣроятно, выражено и на болѣе стилизированной фиг. 19, табл. VIII.

[2]) Но болѣе правдоподобно вышесказанное пониманіе знака на genitalia.

Таблица IX, рисунокъ 16, изъ 14 фигуръ: изъ разныхъ мѣстъ внутри и около пещеры.

1. Кругъ съ лучами—знакъ солнца. — 2. Знакъ мужчины въ обычномъ условномъ положеніи, означающемъ поклоненіе только землѣ; руки означены одною дугою, ноги означены также. — 3. Верховой на лошади, руки распростерты и немного наклонены къ землѣ; лошадь означена въ 4 ноги. — 4. Два круга, соприкасающіеся; большій, слѣва, съ чертою внутри, — средній, меньшій, — безъ черты, къ нему прикасается священное дерево, сигнализирующее при боковомъ положеніи и вверхъ, и внизъ, и впередъ. Для установленія объясненія этого начертанія пока нѣтъ параллелей. — 5. Также въ боковомъ положеніи знакъ присѣвшаго человѣка, съ руками и ногами образующими двѣ буквы М (Табл. XII. Л. с. 5. 1). — 6. Знакъ этотъ напоминаетъ такой же знакъ, но въ поворотѣ, какой находится въ Сулекскомъ петроглифѣ (Табл. VIII. Рис. XVI. 10. Л. фиг.), но тамъ черта туловища не означена: тамъ руки сведены надъ головою, здѣсь не означена голова и руки сомкнуты значительно ниже пояса. Возможно предполагать символизированный знакъ опусканія рукъ (типа, означен. на XII табл. п. с. 13. 3), имѣющагося и на этой таблицѣ, на рис. X. I, съ дугообразнымъ благословеніемъ, типа XII табл. п. с. 14. 5. Эти знаки весьма важны, въ будущемъ, по накопленіи ихъ, а также и другихъ параллелей, по всей вѣроятности, удастся выяснить загадочный ферто-видный знакъ. — 7. Непонятный знакъ, — сжатый овалъ. — 8. Также непонятное очертаніе. — 9 и 10. Знаки верховыхъ. — 11. Знакъ молитвы небу, въ прямолинейномъ начертаніи (Ср. Табл. IX. X, фиг. 1). — 12. Знакъ человѣка съ распростертыми руками, снизу, можетъ быть, означена черта земли, какъ благословеніе (Табл. XII. 18. 5). Знакъ, останавливающій на себѣ вниманіе, тѣмъ болѣе, что надъ нимъ знакъ „внизу" корейскаго и китайскаго (новаго) начертанія. — 13. Верховой съ распростертыми горизонтально руками. — 14. Верховой, какъ бы привставшій на конѣ, напоминающій гиляцкихъ соломенныхъ идоловъ, на немъ коническая шапка. Описаніе и параллели даны выше[1]).

24. Уйбатскій петроглифъ (Кизиль-кайя).

Табл. VIII, рис. 2, 8 и 16.

Изъ этого петроглифа мы даемъ только 14 фигуръ. Интересующіеся могутъ увидѣть на прекрасномъ рисункѣ финляндской экспедиціи[2]) остальные. Вся группа фигуръ 2-го рис. изображаетъ отливаніе мелкихъ вещей. — Фиг. 2—4, 6—8 и 9—11 изображаютъ литейщиковъ, зачерпывающихъ въ небольшія формы расплавленную мѣдь изъ котловъ, ихъ помощники въ это время молятся небесному божеству: руки съ растопыренными пальцами подняты вверхъ[3]). У всѣхъ ноги выгнуты впередъ, ступни

---

[1]) Добавимъ указаніемъ на гемму изъ Саламиніи, гдѣ видимъ усиленное поднятіе надъ сидѣніемъ (Cesnola, A. Salaminia, pl. XV. 59).

[2]) Inscript. de l'Jenissei. Hels. 1889. Tabl. XXXII.

[3]) Для параллели, укажемъ на египетскій стѣнной рисунокъ времени Рамзеса III, гдѣ есть основаніе предполагать не приготовленіе пищи въ котлѣ на ножкахъ, а отливаніе мелкихъ вещей въ формы

приподняты; стоять въ такомъ положеніи не возможно: очевидно, это условное начертаніе; возможно, что подъемъ носковъ и стояніе на пяткахъ имѣетъ сигнализирующее божествамъ значеніе. Форма котловъ характерна для этой эпохи. Размѣръ ихъ на петроглифахъ очень великъ, сравнительно съ ростомъ литейщиковъ. Всѣ работаютъ безъ шапокъ; у одного изъ работающихъ видны перья или гибкіе прутья, торчащіе кверху. — Фиг. 5 Литейщикъ этотъ также въ шапкѣ, съ изогнутыми нѣсколько перьями[1]), символизирующими молитву не только вверхъ, къ небу, но и землѣ (внизу изгиба). Возможно, что это религіозное украшеніе сдѣлано изъ сплетенія волосъ. Фигура эта поставлена нѣсколько ниже, она болѣе описанныхъ, сдѣлано ли это случайно или для того, чтобы показать его ближе къ смотрящему, трудно сказать, но нижніе ряды въ петроглифахъ, какъ въ древнихъ рисункахъ, можно понимать ближайшими. Лѣвая рука его касается бедра, но она означена согнутою, — религіозное значеніе, вѣроятно; напомнимъ сказанное выше о гладіаторѣ и о майдашинскомъ шаманѣ (I табл. II. 20), т.-е. о возможности поворота ладони вверхъ. Въ правой отставленной отъ туловища рукѣ литейщикъ держитъ форму, прикрѣпленную къ металлическому пруту, почти касаясь ею земли. Ноги означены раздвинутыми. Правая рука и ноги сигнализируютъ молитву землѣ.

Рис. VIII, фиг. 1. Верховой съ головнымъ уборомъ, подобнымъ вышеописаннымъ литейщикамъ, но украшающія перья или прутики симметрично, по три, дугою наклоняются на обѣ стороны, образуя 2 символа землѣ и 1 къ небу. Символизація руками соединена съ держаніемъ маленькаго лука (вотивное уменьшеніе) въ правой вытянутой рукѣ, лѣвая, согнутая, уперта выше бедра. Между крупомъ лошади и спиною всадника образовался уголъ, сигнализирующій молитву небу; изгибъ опустѣвшаго налучья внутри этого угла предсказываетъ уже благословеніе неба. Впереди, между шеею лошади и всадникомъ, также символизирующій молитву уголъ, но и тамъ рисовальщикъ вскинутымъ недоуздкомъ также далъ благопріятное для путешественника указаніе на благоволеніе неба. Лошадь также сигнализируетъ: уши означены расходящимися кверху, морда и шея дали знакъ молитвы къ землѣ, со стороны которой тотъ же недоуздокъ погашаетъ этотъ знакъ благословеніемъ земли; нога передняя зарисована закинутою впередъ не безъ разсчета, хвостъ лошади отставленъ и не означенъ развѣвающимся, чтобы не ослабить значеніе образуемаго угла; между передними и задними ногами видны сигнализирующіе углы. Недоуздокъ, т.-е. управленіе лошади одною веревкою или ремнемъ, въ связи съ оленьею запряжкою на фиг. 2-й, см. рис. XVI, указываетъ на недавнее знакомство съ лошадью изображенной на петроглифѣ народности, навѣрное мѣстной, не пришлою, можетъ быть, еще незнавшею и колесъ и ѣздившею и лѣтомъ на нартахъ. Лошадь въ нартахъ и лошадь одного изъ всадниковъ на рисункѣ финляндской экспедиціи (стран. 8, фиг. 4)[2]) съ длиннымъ туловищемъ сойотскаго склада.

Управляющій огнемъ и держащій клюку лѣвую руку поднялъ въ молитвенномъ перстосложеніи, вверхъ. Kypros, M. Ohnefalsch-Richter, Taf. CCXIII, text 490.

[1]) Нѣсколько сходные головные уборы и фигуры видимъ на Кипрѣ, D-r. Ohnefalsch-Richter. XCVII 4 и XLVI. 4.

[2]) Inscript. de l'Jenissei. 1-й всадникъ слѣва.

25. Аргинскій петроглифъ, Кара-Іюссъ.

Табл. VIII. II, 13.

Пѣшій стрѣлокъ изъ лука (Kara-Ious, Orgà). Лукъ сигмовидный, подобный скиоскимъ, но нѣсколько большаго размѣра; выгибъ лука впереди и даже выгибы на концахъ его могли установиться изъ религіозныхъ побужденій: снабдить это оружіе постоянно сигнализирующими молитвенными символами, обращенными и впередъ, помимо основной дуги, благословляющей стрѣляющаго. Рисунокъ взятъ у І. Р. Аспелина и мы, не видавъ этой фигуры, затрудняемся сказать, начерчена ли она на утесѣ держащею лукъ правою рукою или рисунокъ повернулся при оттискѣ. О скиоахъ греки знали, что они одинаково успѣшно стрѣляли и правой и лѣвой рукою. Пріемъ стрѣльбы, повидимому, не скиоскій: скиоы стрѣляли только держа титиву и натягивая ее подвиганіемъ лука впередъ[1]), т.-е. въ накидку, безъ прицѣла по стрѣлѣ. Рисунокъ, повидимому, безъ условностей, бытовой, подчинявшійся натурѣ. Только сзади, изъ-подъ шлема видимъ двѣ пряди волосъ, подобныхъ начертанію буквы енисейскаго алфавита — табл. X, 5, лѣвая ст. 2.

26. Акъ-Іюссъ, Батанаково.

Изваяніе на курганномъ камнѣ.

Табл. VIII. XIV. 6.

Барельефный бюстъ женщины[2]), грубо сдѣланный, — очень хорошій рисунокъ въ отчетѣ финляндской 1-й экспедиціи, на стран. 12, фиг. 9. Очертаніе лица продолговатое овальное, съ длиннымъ подбородкомъ (длинноголовый, не монгольскій и даже не тюркскій типъ). Носъ длинный, сжатый съ боковъ. Глаза поставлены косо съ означеніемъ выбивкою зрачковъ; глазничная впадина выбита примитивно, не давая правильнаго очертанія надбровнымъ дугамъ. Отъ средины носа идетъ по два эсовидныхъ надрѣза (не точечная татуировка). Напоминаетъ татуировку маски эскимосовъ крайняго сѣвера, зарисованную Ф. Боасъ (См. Табл. VIII, рис. XXVI)[3]). Ротъ съ узкими губами, съ поднятыми къ верху углами рта для образованія молитвеннаго дугообразнаго символа (типа табл. XII. Л. 4. 5, верх.). Эта архаическая улыбка, по нашему мнѣнію, одинъ изъ поучительнѣйшихъ примѣровъ силы и продолжительности вліяній культа на искусство. Въ находкахъ на Кипрѣ[4]) это можно наблюдать въ послѣдовательности[5]), съ переходомъ къ реализму, къ дѣйствительности[6]). На лѣвой груди 3 знака, въ видѣ кружковъ. Уши не сдѣланы, очевидно, тоже по религіознымъ

---

[1]) Въ схоліяхъ къ Илліадѣ (IX кн. 325) это отмѣчается: у Ѳеокрита (XIII, 56) сказано, что Гераклъ стрѣлялъ по-скиоски, Русскія древн. II, стран. 33. См. скачущихъ сулекскихъ стрѣлковъ.

[2]) Груди выражены отчетливо, на лѣвой выбито три кружечка.

[3]) Г. Шурцъ. Ист. перв. культуры. 117.

[4]) L. Cesnola, Cypern и A. Cesnola, Salaminia.

[5]) Эволюціонное развитіе скульптурныхъ формъ выражено съ особою наглядностію въ капитальномъ трудѣ M. Ohnefalsch-Richer (Kypros).

[6]) Чернышевскій. Объ отношеніи искусства къ дѣйствительности.

побужденіямъ, такъ какъ они означены на головѣ въ видѣ суженныхъ и вытянутыхъ ушей дикой козы. Рядомъ съ ними двумя параллельными линіями означенъ рогъ или символъ власти (слѣва онъ, повидимому, отбитъ). Волосы совершенно не означены, конечно тоже не безъ религіозныхъ основаній. На темени означенъ утроенный символъ полудуги, обращенной вверху къ небу. 3-й знакъ сливается съ лирообразнымъ продолженіемъ надъ головою: края лиры загнуты спирально; отъ этихъ отгибовъ вверхъ идутъ двѣ параллельныхъ черты съ рядомъ поперечныхъ линій, начинающихся въ срединѣ лировиднаго молитвеннаго символа. Отмѣтимъ это ясное указаніе и на религіозное происхожденіе формы одного изъ раннихъ музыкальныхъ инструментовъ. Болѣе древній—лукъ, съ производными отъ него инструментами, тоже подчиненъ культу, что ясно видно и изъ установившихся пріемовъ держанія этихъ инструментовъ, особенно лиры [1]), во многихъ случаяхъ затруднявшихъ игру на этихъ инструментахъ.

Эта стелла, по составу символовъ и по стилизаціи, весьма интересна въ научномъ отношеніи, и мы будемъ считать себя счастливыми, если осмотримъ и ее и курганъ еще разъ. Обработка петроглифовъ и особенно параллели къ нимъ въ Малой Азіи дали намъ такъ много, что мы далеко еще не успѣли разобраться во всемъ вспомогательномъ графическомъ матеріалѣ, который намъ удалось урывками собрать, при чемъ наиболѣе дорогихъ и наиболѣе богатыхъ сравнительнымъ матеріаломъ сочиненій мы не могли достать. Хотя, быть можетъ, было бы основательнѣе пока воздержаться отъ заключительныхъ соображеній, до осмотра на мѣстѣ и до увеличенія числа параллелей къ этому памятнику курганнаго искусства на Енисеѣ, но, какъ намъ теперь кажется, для общаго предварительнаго взгляда (для постановки вопросовъ), мы будемъ стоять и теперь на вѣрномъ пути: впереди разработка деталей, параллели и повѣрка; путь обобщенія едва ли можетъ измѣниться. Поскольку мы ознакомились на различныхъ памятникахъ изобразительнаго искусства съ правами женщины на непосредственное обращеніе къ богамъ съ молитвою, у египтянъ, индійцевъ, ассиріянъ, вавилонянъ, финикіянъ, древнихъ грековъ, беря не только Малую Азію, но и колоніи ихъ, на сѣверномъ берегу Чернаго моря, мы не помнимъ женской головы съ такими религіозными правами, какія ясно обозначены на этой головѣ и которыя намъ кажутся даже выше правъ обыкновеннаго родоначальника.

Не помню кѣмъ впервые высказано, едва ли не замѣчено еще греками, что у скиѳовъ и сарматовъ конскія украшенія были очень богаты и что нѣкоторыя женскія украшенія надѣвались на лошадей и обратно. Изучая, хотя и бѣгло, композицію и стилизацію головныхъ уборовъ и украшеній, мы увидѣли равенство религіозныхъ правъ лошадей и женщинъ: непосредственнаго обращенія къ божествамъ, выраженія молитвы тѣлодвиженіями и жестами и особенно символизированія молитвы выдающимися украшеніями на головѣ онѣ дѣлать не могли. Но и онѣ, и лошади и женщины, повидимому могли выражать молитву тѣлодвиженіями, жестами, наложенными на нихъ уборами и украшеніями, только въ присутствіи родоначальника.

---

[1]) См. чернофигурныя вазы. Лукъ, конечно, одинъ изъ древнѣйшихъ инструментовъ; напомнимъ струну «горы» у бушменовъ (Ратцель, Народовѣд. I, 729), луковидную цитру (гавасовъ), «панголо» Новой Помераніи, Меланезіи (Шурцъ, Исторія пер. культ. 295 стран.)

Напомнимъ бляху погребальнаго золотого вѣнка скиоской царицы[1]) верхомъ на лошади, стоящей у олтаря огня и сравнимъ ее съ таковою же бляхою, гдѣ изображенъ царь[2]). Правая рука царя поднята согнутою, кисть съ раздвинутыми пальцами знаменуетъ молитву небу. Царица не имѣетъ права такой молитвы, но она подняла вверхъ (немного ниже темени) рогъ съ масломъ, готовая подлить огня, — она косвенно заявляетъ о себѣ верховному божеству, какъ исполнительница важнѣйшаго своего служебнаго долга. Даже въ извѣстномъ изображеніи Гестіи отеческой[3]) композиція и стилизація характеризуютъ ея силу, какъ свыше дарованную, въ такихъ предѣлахъ, что она можетъ помочь сама, но права молитвы не означены: покровъ, — лежащее на ней благословеніе боговъ — этотъ мотивъ доминирующій въ композиціи. Взглянувъ на молящуюся женщину, изображенную на Чертомлыцкомъ блюдѣ, мы увидимъ, что художникъ имѣлъ въ виду царицу, — намъ бросятся въ глаза[4]) ея типично согнутыя руки, съ отставленнымъ большимъ пальцемъ, но большіе пальцы поддерживаютъ концы кокошника, верхняя дуга котораго даетъ символъ покрова или благословенія: видно ухищреніе художника въ обходѣ правилъ культа и ясно видна рабыня, стремящаяся практиковать самостоятельную молитву, несмотря на то, что правъ на это у нея столько же, сколько и у коня.

Взглянемъ еще разъ на погребальныя бляхи, чтобы всмотрѣться въ символизацію лѣвыхъ рукъ царя и царицы: лѣвая рука царя на поводѣ, на шеѣ коня, насколько можно судить по рисунку, съ раздвинутыми пальцами; лѣвая рука царицы, повидимому, лежитъ на ея правомъ плечѣ, гдѣ видны пальцы, означенные на рисункѣ. Если это такъ, то это многознаменательное подтвержденіе единства воззрѣній на религіозное равноправіе женщинъ съ лошадьми и на берегахъ Енисея и на берегахъ Чернаго моря. Царица можетъ налагать *на себя* знакъ благословенія, но благословлять (коня) отъ имени боговъ она не имѣетъ права. На гривѣ коня этой бляхи видимъ сигнализацію молитвы вверхъ гребенчатыми или щеточными символами. Конь родоначальника, *самъ*, не управляемый женщиною, подвезъ ее къ жертвеннику огня.

На украшеніяхъ женщинъ и даже многихъ богинь у грековъ и другихъ народовъ, особенно на головѣ, какъ завершающихъ уборъ, мы очень рѣдко увидимъ символизированіе молитвы небу.

На разсматриваемой же стеллѣ бѣлаго Іюсса мы видимъ не только права молитвы, но и права широкой власти (уши и рога на головѣ). Но, главное, смущаетъ насъ то, что символы молитвы не накрыты (не погашены навсегда) знакомъ благословенія свыше. Остается пока допустить, что въ народности или племени, къ которому относится погребенная у этой стеллы, сохранился еще матріархатъ. Неужели накрытіе головы уборомъ, что выражено суженіемъ камня кверху, дѣлаетъ излишнимъ наложеніе послѣдняго вилчатаго символа? Во всякомъ случаѣ, эта стелла предста-

---

[1]) См. рис. золотой бляхи вѣнка, найденнаго въ женской могилѣ, въ Керчи. Гр. Толстой и Кондаковъ, «Русскія Древн.» II вып., стран. 83, рис. 62, сопост. съ рис. 52 въ I вып.

[2]) Русскія Древн. I вып., стран. 43, рис. 52.

[3]) Тамъ же, стран. 44, рис. 31.

[4]) См. табл. VIII. XIV. II.

вляетъ замѣчательное исключеніе въ практикѣ культа курганной эпохи и нуждается въ спеціальномъ обслѣдованіи.

27. Бейскій надгробный камень (стелла).

Табл. VIII. XIV рис. 2. См. рисун. финлянд. 1-й экспедиціи, фиг. 7.

Барельефъ мужского лица, поскольку можно судить по изображенію, сходнаго съ предыдущимъ типомъ немонгольскимъ, съ узкимъ длиннымъ внизу выдавшимся подбородкомъ, съ длиннымъ носомъ, приплюснутость котораго объясняется поврежденіемъ камня. Глаза правильно поставленные, не косые и не узкіе. Также не означены волосы, съ боковъ головы поставлены рога, какъ символы власти, а посрединѣ, между ними, на темени, наложено благословеніе вильчатымъ символомъ, подобнымъ буквѣ енисейскаго алфавита (Табл. X. 14. II. с. 2), стилизаціонное различіе заключается только въ волнистости и удлиненіи верхней части линіи. Отъ наружныхъ угловъ глазъ, отъ висковъ идутъ, начинаясь петлей, дѣлая изгибъ, линіи, на концѣ которыхъ виденъ глазъ, означенный двумя концентрическими кругами, съ точкою посрединѣ, заключенный въ квадратъ, съ слабо вогнутыми сторонами: такой квадратъ стоитъ въ ряду типовъ письменныхъ начертаній (Табл. X. 5. II. с. 7). Квадратъ, какъ и кругъ, какъ и ограда изъ курганныхъ камней, знакъ благословенія, покрова со всѣхъ сторонъ; въ данномъ случаѣ, конечно, рѣчь идетъ о послѣднемъ благословеніи верховныхъ божествъ, съ которымъ „огонь глазъ“, если примѣнимо веддійское ученіе на Енисеѣ, „возвращается къ своему источнику — солнцу“ [1]). Знаменательны въ графической символикѣ углы квадрата, благословеніе на глазъ налагается съ четырехъ сторонъ. Знакъ порѣзной татуировочный, по нашему мнѣнію, не украшающій, а родовой, состоитъ, повидимому, изъ одной (непарной, какъ было предъ этимъ) поперечной черты, но наружу она какъ будто раздваивается, образуя знакъ молитвы, обращенный въ стороны. Только дублеты могутъ вывести изъ колебанія. Верхняя вѣтка этого раздвоенія, повидимому, соединяется съ повтореннымъ символомъ квадрата со включенными въ немъ двумя концентрами, но безъ точки въ срединѣ. Такой же символъ, на боковой же сторонѣ камня, означенъ на высотѣ рта. Ротъ съ замѣтнымъ выгибомъ, т.-е. съ условнымъ религіознымъ подъемомъ угловъ рта, дѣланной архаической улыбкой. Надъ верхнею губою видна черта, которую можно разсматривать и какъ знакъ усовъ, черта эта, опускаясь, переходитъ и на боковую сторону камня, оканчиваясь подъ 3-мъ квадратнымъ символомъ; если примѣнить къ чертѣ символическое или ближайшее молитвенное значеніе, то надъ губами она даетъ молитвенный знакъ небу, а дальнѣйшій изгибъ — подъ подбородкомъ естественная дуга, очерчивающая подбородокъ — означаетъ поклоненіе землѣ. Подъ подбородкомъ, на груди, виденъ, какъ бы отвѣтный знакъ, — знакъ двухсторонняго благословенія: вверхъ — головѣ и два (подъ дугами) туловищу. Знаки эти, и верхній и только что описанный, намъ кажутся сомнительными: въ смыслѣ только неодновременности съ прочею барельефною работой, но ихъ должно признать современными: они въ духѣ нѣмого языка культа того времени и его начертаній.

[1]) E. Bournoux. Essai sur le Weda. 432.— Соціологія Летурно. Изд. Павленкова, стран. 159.

Трижды отмѣченный на лѣвой боковой поверхности камня символъ круговъ въ квадратѣ означенъ и на передней поверхности стеллы, на груди бюста, являясь какъ бы амулетнымъ итогомъ предыдущихъ; въ центрѣ внутренняго круга означена точка. Два буквенныхъ начертанія на этомъ курганномъ камнѣ уже отмѣчены, но разсматриваемый послѣдній символъ — сложный, и въ немъ два круга: одинъ безъ точки, другой съ точкою въ срединѣ, эти символы также вошли въ енисейскій алфавитъ, см. табл. X. 5. II. с. 1 и 3. О религіозномъ генезисѣ круга съ точкою см. XII. Л. с. 4. 4. Въ знаменательныхъ углахъ квадрата можно видѣть основной угловой символъ молитвы и благословенія (послѣднее въ данномъ положеніи болѣе вѣроятно) для 4 сторонъ, во всѣхъ поворотахъ онъ находится также въ алфавитѣ: см. табл. X. 6 и 7. Л. с. Кромѣ того, заслуживаетъ вниманія и петля на вискѣ: она, какъ мы теперь понимаемъ, означаетъ включеніе того предмета, на который указываетъ (въ данномъ случаѣ — на глазъ), этотъ символъ, конечно, въ укороченномъ видѣ, также вошелъ въ енисейскій алфавитъ, см. табл. X. Л. с. въ ряду знаковъ 9-й и 10-й строки.

По времени, оба эти памятника курганной эпохи можно считать близкими между собою, особенно со стороны типа народности и общихъ догмъ культа, но разница въ правахъ непосредственнаго обращенія къ верховнымъ божествамъ поразительная, побуждающая къ накопленію параллелей. Предшествующая стелла относится къ женщинѣ, только что описанная — къ мужчинѣ-родоначальнику, при жизни пользовавшемуся правомъ молитвы, послѣ смерти этого права онъ лишенъ, за женщиною эти же права, вопреки культу древнихъ грековъ и скиѳовъ, дарованныя при жизни, оставлены за нею и въ загробной жизни. Послѣднее на женской стеллѣ ясно выражено: ни небо ни земля не выразили символами послѣдняго благословенія; на мужской стеллѣ голова и грудь съ ясными знаками благословенія, нижнее особенно категорично, въ замкнутомъ символѣ, амулетнаго характера. Права покойнаго на молитву изложены мимико-графическимъ письмомъ, съ боку одного изъ воспорскихъ памятниковъ съ надписью, которую мы уже разъяснили, см. табл. VIII. XXVIII, т.-е. когда живой родоначальникъ придетъ (справа, съ Ю. или съ В.) къ кургану и будетъ молиться о погребенномъ, только тогда послѣдній въ правѣ, заурядъ со всѣми членами рода или семьи, по обычаю, повторить молитвенныя тѣлодвиженія старшаго въ родѣ.

Женщина же сохраняетъ и послѣ смерти права непосредственнаго обращенія молитвы къ верховнымъ божествамъ, но, по всей вѣроятности, въ предѣлахъ курганнаго огражденія.

На курганное огражденіе камнями, квадратомъ или кругомъ, есть достаточныя основанія смотрѣть, какъ на замкнутый религіозный символъ амулетнаго характера, дѣйствующій въ горизонтальной плоскости. Насыпь же надъ могилою, сооруженіе надъ нею, четыреугольное (пирамида) или округленное (ступа), означая благословеніе свыше, представляетъ въ то же время огражденіе и сверху. Погребенная подъ женскою стеллою, въ семейной молитвѣ на ея курганѣ, должна занимать первенствующее мѣсто при ея поминкахъ.

Что мало-азіатскіе культы отражаются на Енисеѣ это уже начинаетъ выясняться,

но есть указанія и на предшествующія и, повидимому, самостоятельныя черты культа, указывающія на какія-то особенности въ положеніи женщины. Предшествующее заимствованіе не можетъ быть приписано буддизму, центръ болѣе древнихъ заимствованій ближе, слѣды должны найтись и у оттѣсняемыхъ за эйкумену народностей.

28. Мессершмидтовскій курганный камень.

(Уйбатъ, ул. Чиркова. Табл. VIII. XIV. 8.)

Снимки надписей сняты акад. В. В. Радловымъ[1]). Мы сосредоточимъ свое вниманіе только на изображеніи головы. Кромѣ предлагаемаго рисунка, мы рекомендуемъ ознакомиться съ прекраснымъ рисункомъ этого памятника въ отчетѣ финляндской 1-й экспедиціи, онъ въ большомъ масштабѣ[2]). По грубому изваянію о типѣ лица трудно судить, но подбородокъ и носъ позволяютъ и здѣсь предполагать, что монгольскій типъ и въ данномъ случаѣ не допустимъ, — тюркскій возможенъ. Бросается въ глаза трехглазость, средній символическій божественный глазъ означенъ нѣсколько выше и нарисованъ безъ полукруга — знака молитвы — причерченнаго къ обычному знаку глаза, т.-е. къ кругу съ точкою внутри. Трехглазость боговъ Греціи была отмѣчена еще Павзаніемъ (II вѣкъ по Р. Х.), кн. IV, гл. XIX, на этомъ мы еще остановимся далѣе, въ § 32. Двѣ параллельныхъ черты татуировки проходятъ здѣсь и по носу и подъ носомъ. Между ноздрями и верхней губою мы видимъ парныя изогнутыя черты, напоминающія буквенное начертаніе енисейскаго алфавита на строкѣ 2-й вправо, на табл. X. Ротъ полуоткрытъ, углы его приподняты, изгибъ верхней губы, видимо, условный.

29. Второй Уйбатскій камень съ надписью.

(Также недалеко отъ улуса Чиркова.) Табл. VIII. XIV. I.

Барельефъ головы здѣсь нѣсколько совершеннѣе. На продолговатомъ лицѣ съ хорошо развитымъ лбомъ, правильно поставленными глазами, длиннымъ и узкимъ носомъ и такимъ же подбородкомъ, не видно монгольскихъ чертъ. На немъ нѣтъ чертъ татуировки; углы рта, какъ и ранѣе, означены приподнятыми. На обнаженной головѣ видны рога и надъ головою начерчены 3 параллельныхъ линіи, волнообразно изгибающихся; онѣ какъ бы нисходятъ съ неба, въ одномъ изъ изгибовъ, справа, виденъ овалъ съ черточкою внутри[3]).

30. Курганный камень на Камыштѣ.

(Улусъ Терентія.) Табл. VIII. XIV. 5 a и 5 b.

Этотъ курганный камень, подобно двумъ уйбатскимъ, съ грубымъ изображеніемъ

---

[1]) Труды Орхонской экспедиціи. Атласъ древней Монголіи. Табл. XCII и XCIII.

[2]) Inscriptions de l'Jénissei. Société Finland. d'Archéol. Hels. 1889. P.— См. рисунокъ Страленберга Сибирскія древности. Акад. В. В. Радлова. Т. I, вып. II, «Приложенія», стран. 31, табл. V. А. Сопост. табл. II и стран. 49.

[3]) Ак. В. В. Радловъ. Атласъ къ труд. Орх. экс. XCII, 1 и 2.

головы у самаго основанія камня, такъ что подбородка не видно. Носъ не сдѣланъ, ротъ означенъ прямолинейно. Глазъ — три. Два ниже расположенныхъ глаза обведены парными параллельными линіями, изгибающимися дугою вверхъ, сверху двѣ линіи и снизу три; кромѣ того, со внутри глаза обведены двумя парными линіями, въ соединеніи съ дугообразными линіями они съ молитвою направляютъ глаза къ небу. 3-й небесный символическій глазъ означенъ надъ верхнею дугою, образуя молитвенный символъ (типъ: Табл. XII. Л. с. 4. 4 в. з.; генезисъ: правая стор. 14. 5). Съ неба, изгибаясь, нисходятъ три параллельныхъ луча, идущихъ волнообразно, внизу надъ головою или, вѣроятнѣе, надъ третьимъ глазомъ, означенномъ на лбу, они расходятся (см. Табл. VIII. XIV. 5 b), образуя въ срединѣ, надъ 3-мъ глазомъ, косой крестъ и съ боковъ парные эсовидно-изогнутые знаки и 4 овала съ точками внутри. На выгибахъ линій, справа и слѣва, поставлены символическіе знаки, попарно съ каждой стороны, „дубль-вэ“ или „эмъ“ — символы.

31. Могильный камень Сагайской думы.

(Табл. VIII. XIV. 7.)

Камень поставленъ головою внизъ; на фиг. 7 b онъ изображенъ въ увеличенномъ видѣ въ прямомъ положеніи, но слѣдуетъ всегда помнить объ этомъ поворотѣ, потому что этотъ американскій знакъ смерти отмѣчаетъ поворотъ и въ культѣ, и притомъ поворотъ въ сторону разложенія культа: небо, если и не совсѣмъ опустѣло, то потеряло уже прежнее значеніе: первенствующее мѣсто въ культѣ заняла земля съ наполняющими ее безчисленными сонмами мелкихъ божествъ и духовъ. По этому повороту всѣхъ символовъ къ землѣ этотъ памятникъ есть основаніе считать болѣе позднимъ, чѣмъ ранѣе описанные, но, конечно, какъ и въ прочемъ исчерпывающее заключеніе надо предоставить будущему.

Судя по наблюденному на Бирской стеллѣ антиподальному положенію подземнаго божества, принимающаго душу, и всѣ умершіе, уходя въ землю, поворачивались головою, носительницею благословенія солнца, внизъ[1]) для благословенія владыки загробнаго міра.

Лицо по типу иное, — оно шире, подбородокъ короче и шире. Носъ длиненъ, но приплюснутъ. Голова накрыта какъ бы шапкою съ ушами по сторонамъ, но допустимо толкованіе трехъ горизонтальныхъ линій, какъ благословеніе; уши отмѣчаютъ право на молитву непосредственную. Татуировка также иная: противу средины носа, но отступя отъ него, — двѣ линіи; верхняя снаружи немного изгибается внизъ; вторая пара знаковъ, ниже — знаки можно сопоставлять съ группою округленныхъ петлевидныхъ символовъ[1]), вошедшихъ въ енисейскій алфавитъ, по всей вѣроятности, позднѣе знаковъ съ прямолинейнымъ очертаніемъ. Сбоку видны звѣриныя уши и рога дикаго козла, образующіе развилину; съ рогомъ соединяются двѣ спирали, съ задѣвающею ихъ болѣе длинною изогнутою линіей съ глазомъ на концѣ. Съ боку камня стрѣловидная черта не ясна.

Табл. X. Л. с. 9, 10 и 11.

[2]) Сиб. Древн. Ак. В. В. Радловъ. I, 2. Прил. 27 стран. т. III., фиг. С. (Stralenberg).

32. Бирская стелла или Тазминскій камень.

(Табл. VIII. XIV. 3)[1]).

Мы даемъ рисунокъ самаго изображенія съ этого камня, стоявшаго одиноко не на курганѣ (размѣры 1 : 15 натуральной величины[2]). Лицевая часть стеллы обращены на ЗЮЗ.

Внутри ореола, состоящаго, какъ будетъ разъяснено далѣе, изъ символовъ и символическихъ знаковъ, но въ четыреугольникѣ съ округленными углами и съ округленною нижнею стороною, мы увидимъ человѣческое лицо. Это потребуетъ нѣкоторыхъ усилій, но, увидѣвъ знакомые уже намъ три глаза, легко оріентируемся далѣе, особенно замѣтивъ ротъ съ его архаической улыбкой. Отсутствіе туловища приводитъ въ недоумѣніе и вызываетъ невольно вопросъ о причинѣ такого пропуска, хотя сознательность его, конечно, очевидна. Присутствіе ногъ (18—18) или, можетъ быть, и рукъ, также въ странномъ условномъ видѣ, нѣсколько напоминающемъ нижнюю татуировку на щекѣ барельефа сагайскаго курганнаго камня (Табл. VIII. XIV. 7) и сходномъ съ алфавитными начертаніями (Табл. X. 10. Л. с. 3 и 1). Притупленіе — шарикъ на концѣ — указаніе на религіозное значеніе символа; едва ли основательно видѣть въ этихъ утолщеніяхъ головы змѣй. Выше мы уже объясняли вѣроятную причину притупленій. Эту религіозную почтительность мы поймемъ, когда вспомнимъ, какъ всегда внимательно и осторожно, съ поворотомъ острія къ себѣ, подаютъ простолюдины, особенно инородцы и звѣровщики, ножъ и другое оружіе.

Чтобы легче схватить общій смыслъ всего этого выдающагося по своей важности религіознаго начертанія, мы, до подробнаго описанія и параллелей, предлагаемъ это же изображеніе въ упрощенномъ видѣ — эта схема не нуждается въ особыхъ разъясненіяхъ (Табл. VIII. XIV. 22).— Между ногами или руками верхняго символическаго изображенія божества видно обособленное нижнее самостоятельное изображеніе, еще болѣе геометрическое, еще болѣе, по ассоціаціи идей, напоминающее о пифагорейцахъ (о Пифагорѣ, см. Энцикл. Слов. Брок. Эфр. 46. 767 лѣв. ст. 768 лѣв. столб. и 769): прямоугольникъ безъ притупленныхъ угловъ, раздѣленный пополамъ поперечною линіей. Глаза и ротъ, находящіеся внутри прямоугольника, говорятъ намъ, что это необычно стилизированное лицо человѣка и что оно изображаетъ душу умершаго[3]). Права молитвы и права на непосредственное сношеніе съ богами ясно обозначены на верхней сторонѣ рогами (19 и 19′) и благословеніемъ божества. Погребенный при жизни имѣлъ право непосредственнаго сношенія съ божествами, но вильчатый знакъ (20) благословленія — онъ же и гербъ сопровожающаго душу божества — поставленный на верху квадрата, среди знаковъ молитвы души, почти обнимающее возложеніе символическихъ ногъ или рукъ божества на прямоугольникъ, религіозно включающій въ себѣ душу

---

[1]) См. рис. въ Inscript. de l'Jenissei. Soc. Finl. d'Archéologie. Hels. 1889. Стран. 12.

[2]) См. уменьшеніе нашей таблицы по сантиметру въ нижнемъ лѣвомъ углу. Дробь $^1/_7$ у фиг. 3 относится къ нашей таблицѣ (безъ уменьшенія).— Этотъ камень теперь находится въ Минусинскомъ музеѣ.

[3]) Древніе писатели, напримѣръ Тимагенъ (у Амміана) производятъ мудрость друидовъ отъ Пиѳагора (V вѣкъ до Р. Х.), и думаютъ, какъ и нѣкоторые новые изслѣдователи, что друиды облекали тайную мудрость въ глубокомысленные символы.— Вс. ист. религ. Шантепи, II т., стран. 542 и 543. — Гр. А. С. Уваровъ. Христ. символ. М. 1908 г. с. 95—96.— Schwartz, Das alte Aegypten. L: 1843, S. 155.

погребеннаго, лишаетъ его этого права Само собою разумѣется, что они переходятъ къ старшему въ родѣ; невольно опять возникаетъ параллель съ женскою стеллою на курганѣ близъ ул. Батанаково (см. 26. Табл. VIII. XIV. 6). Какъ выражено отношеніе подземнаго божества, мы надѣемся выяснить при первомъ же посѣщеніи этого замѣчательнаго и пока уникатнаго памятника. Надъ землею виденъ только ротъ, нижняя часть символическаго прямоугольника, какъ видно и на рис. 3-мъ, находится подъ землею. — Параллели и описаніе начнемъ съ ореола божества — сопроводителя души въ загробный міръ.

Появленіе ореола въ греческомъ искусствѣ относится къ до-римскому времени[1]), съ отнесеніемъ его ко времени Александра Македонскаго нельзя согласиться[2]). Появленіе же лучей надъ плечами и, чаще, надъ главами божествъ, ихъ изображеній и жертвенниковъ у ассиріянъ и вавилонянъ въ цилиндрахъ встрѣчается очень давно. На табл. VIII. IV. 3, 6 и 7, а также и лучистость, означенную на древне-вавилонскомъ цилиндрѣ, на рисункахъ XII и XV той же таблицы[3]). Три волнистыхъ луча бога Шамашъ очень напоминаютъ таковые волнистые лучи, нисходящіе на головы курганныхъ стеллъ Минусинскаго округа. Зачатокъ ореола изъ религіозныхъ символовъ можно видѣть на той же эмблемѣ бога Шамашъ (рис. XII): онъ самъ изображается знакомъ солнца, а треугольники между волнистыми лучами солнца есть 4 знака молитвы, къ солнцу обращенные (символы генезиса и фазы — Табл. XII. П. с. 2. 5). Тотъ же символъ видимъ и на петроглифахъ Орегона вокругъ головы божества (погребальнаго культа), см. табл. XII. Л. с. 17. 5. Тотъ же символъ, но въ начальной фазѣ (Табл. XII. П. с. 2. 2) мы видимъ и у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, табл. XII. Л. с. 14. 10 и. зн. Этотъ же символъ, въ другой фазѣ графическаго отвлеченія (Табл. XII. П. с. 1—4 и 2—4), входитъ и въ составъ символическаго ореола описываемой Бирской стеллы: см. табл. VIII. XIV. 3 фиг. 11—14, въ поворотахъ къ божеству и отъ божества. Этотъ символъ мы отмѣтили и на камнѣ Бейскомъ (VIII табл. XIV. 3 и къ №№ 1—7, фиг. 17 и 18). Эти же религіозные символы вошли и въ енисейскій и тукюэскій алфавиты; вошли они и въ мало-азіатскіе и кипрскіе алфавиты (Табл. XIII. 21), но въ одномъ поворотѣ. Всматриваясь внимательно въ прочіе символы ореола, мы видимъ 4 знакомыхъ петлевидныхъ символа, означенные цифрами 7 и 9, они сходны съ символомъ, изображающимъ ноги или руки (18); эти символы также сходны съ нѣкоторыми буквенными начертаніями енисейскаго алфавита. 5-й и 8-й знаки съ вогнутостями, обращенными вверхъ; 10-й боковой знакъ: съ обѣихъ сторонъ прямая линія — и она также есть въ енисейскомъ алфавитѣ; 15-й знакъ — линія съ выгибомъ внизъ. Далѣе, внизъ по окружности головы, остаются только три парныхъ знака: 1-й: дублированный эсовидный символъ, встрѣчавшійся и ранѣе (недавно, напримѣръ, — какъ татуировка лица на батанаковскомъ барельефѣ); этотъ знакъ

---

[1]) Forrer's Reallexikon. 552.

[2]) Стефани. Нимбъ и лучезарный вѣнецъ.

[3]) D-r M. Ohnefalsch-Richter, Kypros, LXXXIV. 2—7 на fig. 4 гербъ Шамаша варьированъ. — Д-ръ Д. П. Шантепи-де-ля-Соссей. Илл. исторія религій. I. 183, рис. 34 и 194. 37.

длиннѣе другихъ и его можно принимать и за руки этого фантастическаго начертанія, тогда 18-й парный знакъ придется разсматривать какъ ноги. Разногласіе не существенное, такъ какъ и ноги участвуютъ въ религіозной сигнализаціи, и оба знака обращены къ землѣ, но послѣдній знакъ благословенія божества обычно предоставляется рукамъ. Подтвержденіе этому мы видимъ въ символическихъ головахъ съ крыльями внизу, являющимися графическими гомологами рукъ, а также и въ древнѣйшихъ благословляющихъ рукахъ египетскихъ гіероглифовъ (Табл. XI. 25. 1, верхнее начерт. и Табл. XII. Л. с. 16. 17). 17-й знакъ — точки на обѣихъ сторонахъ отмѣчаютъ знаменательное молитвенное значеніе пространства между символами 16-мъ и 18-мъ, своего рода nota-bene для земного божества.

Верхняя часть символическаго ореола расчленяется нѣсколько труднѣе, но, если мы взглянемъ на слѣдующія начертанія: 1) табл. XII. Л. с. 1. 3 (символъ человѣка, молящагося одновременно и небу и землѣ); 2) буквенный знакъ кипрейскаго алфавита — табл. XI. 14. 9 — знакъ поясной человѣка, воздѣвшаго руки съ отставленіемъ пальца на правой рукѣ; 3) енисейскаго алфавита буквенные знаки — табл. X. 15. II. с. 1 и 5 — тотъ же знакъ, какъ и съ Кипра, но съ бустрофедоннымъ поворотомъ, то расчлененіе составныхъ символовъ не представитъ особыхъ затрудненій. (См. т. VIII. XIV. Къ №№ 1—7.)

Символы надъ глазами сложностью своею уже показываютъ главенствующее положеніе этого органа въ практикѣ культа. Надъ тремя глазами, надъ каждымъ, стоитъ по молящейся символической фигуркѣ человѣка; боковыя накрыты однимъ, а средняя фигурка двумя знаками благословенія или покрова. Но изъ-подъ этихъ покрововъ, своего рода огражденій, выступаютъ молитвенно простирающіяся къ небу руки символическихъ молящихся фигурокъ, у боковыхъ, одна рука съ отставленіемъ большого пальца (въ двухъ поворотахъ, какъ въ енисейскомъ алфавитѣ), у средней руки подняты съ сомкнутою ладонью (пригоршнею). Бустрофедонность поворотовъ, требующая неизмѣнности положенія рукъ и сложенія пальцевъ, показываетъ, что молящеюся рукою для духа праваго глаза остается правая же рука, даже при поворотѣ божества лицомъ къ западной сторонѣ неба, какъ въ данномъ случаѣ. Духъ праваго глаза долженъ бы подлежать всецѣло культу *правой* руки, т.-е. при поклоненіи западу, какъ странѣ смерти или владыки подземнаго міра и загробной жизни, должна сигнализировать молитву *лѣвая* рука: отсюда можно заключать: символизируемая молитва духами человѣческихъ глазъ, праваго и лѣваго, возносится къ небу или солнцу, какъ верховнымъ божествамъ. Надлежитъ обратить вниманіе на то, какое положеніе занимаютъ руки просящія, воздѣтыя для принятія подаянія боговъ, т.-е. поднятыя не для сигнализаціи молитвы: у духа лѣваго человѣческаго глаза для принятія дара небесъ поднята *правая*, а у духа праваго глаза поднята *лѣвая* рука. Обѣ просящія руки духовъ человѣческихъ глазъ ближе къ центру, онѣ присоединяются какъ бы къ *только просящимъ* (почти требующимъ) дара отъ неба, готовымъ его принять, символическимъ рукамъ покрова надъ центральнымъ небеснымъ глазомъ (см. Табл. VIII. XIV. Къ №№ 1 и 7 : 2 верх. въ сопоставленіи съ 1-й фигурой) и рукамъ духа символическаго глаза: на этихъ рукахъ нѣтъ молитвеннаго перстосложенія.

Но, какъ извѣстно, въ древней практикѣ религій изреченіе „do, ut des“ („даю,

чтобъ и ты далъ") устанавливало религіозныя взаимоотношенія, то здѣсь же, въ этомъ символическомъ ореолѣ, должна быть означена и жертва, которая обязываетъ принявшаго даяніе верховнаго бога не отказать въ просимой протекціи предъ владыкою подземнаго загробнаго міра. (Рис. 3, знаки — 3.) Жертва эта означена у кистей молящихся рукъ символовъ — духовъ обоихъ человѣческихъ глазъ,—это глаза усопшаго (зн. 4), или „огонь глазъ", „свѣтъ очей", говоря словами ведійскихъ гимновъ.

Рядомъ съ руками, протянутыми къ небу за ожидаемымъ ими даромъ, видимъ волнисто поднимающіяся вверхъ и расходящіеся кверху линіи; онѣ, вѣроятно, равнозначущи рогамъ и означаютъ права на молитву и на предстательство предъ небомъ.

Но это божество, которое мы пока воздержимся называть, не можетъ обезпечить исполненія своего предстательства предъ небомъ или солнцемъ за сопровождаемую душу, если оно ограничится обращеніемъ только къ западной сторонѣ неба. Извѣстно религіозное вращеніе предъ божествомъ или жертвенникомъ, такъ называемое circumactio religiosa[1]), которое свершалось, какъ извѣстно вправо и влѣво. Какой поворотъ должно сдѣлать наше божество, подчиняясь культу арійскихъ народностей (грековъ, римлянъ, галловъ и др.) и не будетъ ли какихъ противорѣчій съ енисейскимъ молитвеннымъ культомъ? Дальше на западъ отъ головы погребаемаго (сопост. табл. VIII. XXVIII. 1 и 2), къ его ногамъ, посланникъ неба не можетъ подвигаться, не можетъ подвигать впередъ и правое плечо съ рукою, посвященною правому восточному культу: остается начинать вращеніе лѣвымъ плечомъ, т.-е. слѣва направо, „посолонь", подчиняясь движенію солнца. Но представимъ, что изображенное божество обращено лицомъ къ востоку, тогда вращеніе къ западу оно должно начать правымъ плечомъ впередъ, навстрѣчу солнцу, чрезъ сѣверный румбъ; этому вращенію отдавалось предпочтеніе въ обѣихъ Галліяхъ[2]). Енисейскій алфавитъ на повороты ясно указываетъ.

Изъ символическихъ начертаній ореола можно извлечь нѣкоторыя правила относительно жертвоприношеній и положенія жертвы и жертвоприносящаго къ жертвеннику или къ жертвенному огню. Жертвенное животное должно находиться не у самаго жертвенника, а нѣсколько отступя, чтобы было мѣсто для молитвы жертво-приносителю и жрецу или шаману, линія, идущая къ той или другой части неба или части земной поверхности, гдѣ предполагается присутствіе чествуемаго божества, должна быть не занята, отклоненіе указывается преобладаніемъ западныхъ или восточныхъ божествъ, небесныхъ, земныхъ, хтоническихъ или относящихся къ культу предковъ. При погребеніи противоположности культовъ могутъ чаще встрѣчаться. Принесеніе двухъ жертвъ, означенное въ описанномъ ореолѣ, могло побуждать къ принесенію и двухъ одновременныхъ жертвъ, съ нѣсколько инымъ религіознымъ ритуаломъ. Молитвы и жертвоприношенія на курганѣ или вблизи его свершались не одинъ разъ во время похоронной тризны. Ставъ около жертвы, съ надлежащей стороны, лицомъ къ божеству, родоначальникъ надъ жертвою поднималъ руки, въ перстосложеніи дара и молитвы о его принятіи, и, повернувшись, уже другую руку, обращенную ладонью вверхъ,

---

[1]) Voullieme. Quomodo veteres adoraverint. Halle, 1887.

[2]) Si deos salutas, dextrovorsum censeo. Quod in laevum fecisse Galliae religiosius credunt. См. E. Voulliem, p. 11, De circumactione religiosa.—Различія во вращеніи шамановъ надлежитъ тщательно означать.

протягивалъ какъ бы за полученіемъ отъ божества его отвѣтнаго (обязательнаго, повидимому) дара. При свершеніи погребенія, ноги раздвигались, символизируя благодарственную молитву землѣ за принятіе жертвы и въ сочетаніи съ другимъ культомъ.

Наше небольшое отступленіе отъ описанія и самое описаніе символическаго ореола божества Бирской курганной стеллы мы закончимъ указаніемъ на вильчатый символъ, наложенный этимъ божествомъ на сопровождаемую имъ душу погребеннаго около этой стеллы и перейдемъ къ описанію лица этого божества.

Лицо божества заключено въ прямоугольную раму съ округленными углами, составленною изъ двухъ параллельныхъ совершенно замкнутыхъ чертъ. Эта рама имѣетъ несомнѣнное религіозное значеніе, это видно будетъ изъ дальнѣйшихъ параллелей.

Въ верхнихъ углахъ рамы помѣщены земные глаза, означенные двумя концентрическими кругами; внизу ихъ — символическая дуга (генезиса — Табл. XII. II. ст. 14, 15). Небесный глазъ — въ срединѣ, немного выше земныхъ; подъ нимъ и подъ дугами, сливаясь съ ними, проведена прямая линія, замыкающая пространство между дугами и символизирующая поклоненіе и этому глазу. Далѣе идутъ двѣ параллельныя черты, повидимому означающія порѣзную татуировку и отмѣчающія этимъ религіозное значеніе татуировочныхъ знаковъ. Носъ не означенъ, конечно, не потому, что онъ забытъ, но, какъ объяснить его неозначеніе, пока не имѣемъ никакихъ указаній[1]). Ноздри означены и снаружи ихъ видимъ два парныхъ знака (эсо-видный символъ и поворотъ къ нему). Ниже двѣ параллельныхъ линіи, снаружи слегка изогнутыя внизъ, возможно, что это знакъ усовъ; повидимому имъ служатъ продолженіемъ парныя, внизъ идущія линіи ореола. Ротъ очень большой, раскрытый, безъ зубовъ или высовывающагося языка, вообще, не архаически типичный для Горгоны; углы рта, какъ уже высказано, подняты (выраженіе молитвы небу), — эволюція улыбки видимо связана съ культомъ.

Отсутствіе туловища, конечно, бросается въ глаза, но кому приходилось видѣть древнія погребальныя помѣщенія и вещи и внимательно всматриваться въ ихъ украшенія, разсматривать фрески погребальныхъ катакомбъ, тому это не покажется страннымъ, особенно принявъ во вниманіе большую древность заимствованія, пришедшаго, по имѣющимся даннымъ, непосредственно изъ Малой Азіи, но не чрезъ Индію.

На (табл. VIII, XIV, 15 фиг.) погребальномъ вѣнкѣ (III вѣка по Р. Х.), изъ керченскихъ могилъ, изображена не Медуза, какъ обыкновенно думаютъ, — съ этимъ трудно согласиться: присутствіе крыльевъ на головѣ, опустившихся только съ цѣлью символизаціи хтоническаго характера, указываетъ на проводника и ходатая о душахъ умершихъ. Головѣ этой воздается божеское поклоненіе тремя угловыми молитвенными знаками, къ ней обращенными; они полузакрыты эмо-видными символами благоволенія умершему и ходатайства о немъ предъ земными богами. Такую же голову, также съ крыльями на головѣ, немного опущенными, мы даемъ на той же табл. VIII, на XXV рисункѣ. По нашему мнѣнію, это также скорѣе голова хтоническаго Гермеса, чѣмъ Медузы. Эта голова находится на жертвенникѣ, хранящемся въ Императорскомъ Эрмитажѣ,

---

[1]) Вспоминается очень отдаленная параллель съ австралійскими петроглифами. Сопост. Э. Гроссе, Происхожд. искусства. М. 1899 г., стран. 157 и 158. Ср. еще прилож. XII табл. 17. 11 пр. верх. фиг.

въ Петербургѣ. Голову Медузы Рондонини (La Meduse Rondonini[1]) мы относимъ къ наиболѣе интереснымъ и поучительнымъ примѣрамъ изображенія хтоническаго Гермеса, см. табл. VIII, XIV, 14; въ немъ останавливаетъ на себѣ вниманіе, помимо экспрессіи лица, смѣлый контрастъ опущенныхъ видимо условно крыльевъ на головѣ и символизированіе сплетшимися концами змѣиныхъ хвостовъ молитвы вверхъ. Голова Коры, какъ извѣстно, часто изображается отдѣльно, безъ туловища. Голова Гермеса-Психопомпа (фрески керченскихъ могилъ)[2]), фиг. 12, характерна и по приподнятымъ вверхъ крыльямъ на головѣ и по спокойному свѣтлому жизнерадостному выраженію юношескаго лица; отъ подбородка *справа* отходитъ символическій знакъ руки съ *тройственнымъ* перстосложеніемъ. Голова окружена ореоломъ, образующимъ замкнутый кругъ, *справа* видны символы молитвы (генез. и типа Табл. XII, II. с. 12, 2 или 3 и 13; 2 или 3) тройственнаго типа, стилизированные подобно лиліи, очень сходно съ кипрейскимъ слоговымъ знакомъ, изображеннымъ на табл. XI, 14, 3; одинъ изъ этихъ знаковъ молитвы обращенъ къ Гермесу, а другой направленъ отъ окружности ореола, окружающаго его голову. Эта голова не хтоническаго Гермеса.

Божества и особенно духи на петроглифахъ различныхъ странъ земного шара, иногда весьма удаленныхъ другъ отъ друга, а также и въ пиктографическихъ начертаніяхъ, изображаются отдѣльными головами, нерѣдко съ ореоломъ или заключенными въ различныя символистическія рамки. Для скорѣйшаго напоминанія и для ускоренія параллелей приводимъ нѣсколько примѣровъ, но число ихъ можетъ быть значительно увеличено.

Символъ Митры, звѣзда и знакъ смерти, на томъ же XIV рисункѣ, фиг. 21[3]). — Фиг. 18, голова съ тверскимъ безъ имени князя монетъ. — Фиг. 19, одна изъ многихъ и разнообразныхъ отдѣльныхъ головъ съ фресокъ керченскихъ катакомбъ. — Фиг. 16-й—изъ украшеній головной повязки царя инковъ[4]) — и фиг. 17—одна изъ орнаментныхъ головокъ съ золотой пластинки Чертомлыцкаго кургана[5]). Изображеніе духа (въ рамкѣ) на небѣ у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, съ рисункомъ вотивной руки, Табл. VIII, XXIX. На подставкахъ подъ голову спящимъ замѣчается нерѣдко погребальный орнаментъ и отдѣльныя головы, какъ украшеніе. Мы даемъ рисунокъ изголовья, изъ Новой Гвинеи, съ фигурой человѣка съ увеличенной головой, обрамленной символическимъ орнаментомъ — фиг. 23, рис. XIV[6]). Голова мѣдной пластины музея П. И. Щукина. Судя по двумъ моментамъ обрамленія[7]), принимая во вниманіе несомкнутость религіознаго символа, взятаго за основу композиціи (Табл. X, II. с. 7, 3; генезисъ: XII, II. с. 20, 5) и мотивы стилизаціи, это маскообразное символическое лицо относится не къ хтоническому, а къ погребальному культу, за нимъ мы склонны

---

[1]) Рисунокъ взятъ изъ Revue Archéolog. Paris, 1904. P. 152. Янв. — февраль. Тамъ же и статья. Еще см. Revue Archéolog. 1903, II, 219. — Ср. VIII т. XXV египп. рис. головы плѣннаго еврея. — Perrot et Chipiez, vol. I, 796 (527).

[2]) Русскія древн. Гр. И. Толстого и Н. Кондакова, вып. I, стран. 33.

[3]) Das Land der Inca, Falb. L. 1883. S. 154.

[4]) Тамъ же, стран. 193.

[5]) №№ 19 и 17 изъ Русск. древн. гр. Толстого и Кондакова. II в. стран. 63 и 90.

[6]) Г. Шурцъ. Исторія первобытной культуры, стран. 304 и 358 и др.

[7]) Акад. Д. И. Анучинъ. Къ исторіи искусства и вѣрованій у Приуральской чуди, стран. 116.

видѣть душу умершаго, которая, странствуя въ подземномъ мірѣ, еще не дошла до его владыки, и онъ еще не наложилъ на нее послѣдній смыкающій охранный символъ, не уничтожая правъ умершаго на непосредственное къ нему молитвенное обращеніе. При наличности признаковъ разложенія культа на многихъ памятникахъ описанной акад. Д. Н. Анучинымъ группы древностей, возможно, что знакъ благословенія будетъ соединенъ съ правомъ молитвы, но, при нормальныхъ условіяхъ, полныя права молитвы и жертвоприношенія предоставляются живому представителю рода, тогда обрамленіе головы умершаго родоначальника будетъ вполнѣ сомкнутымъ.

Рядомъ съ этой головою, на рис. 26-мъ, помѣщенъ эскимосъ въ маскѣ, для параллели татуировки, наложенной, начиная отъ нижней губы, на всемъ подбородкѣ: это гребенчатый символъ, обращенный къ землѣ (ср. табл. I, 27, 28 и 29—знакъ человѣка съ символомъ вмѣсто головы — вращающ. гребенч. симв. въ рукѣ). Эта же эскимосская маска пригодна, какъ параллель и по татуировкѣ на щекахъ, — у аборигеновъ Енисея она накладывалась нѣсколько выше[1]). Изображеніе всемогущаго духа въ татуировкѣ австралійцевъ (Табл. VIII, XVI, 24)[2]) въ высшей степени поучительно, особенно въ совокупности съ другими символическими фигурами ихъ татуировки, поразительнымъ сходствомъ въ символахъ, въ ихъ композиціи и въ ихъ сочетаніяхъ съ семитическими, хамитскими, арійскими, монгольскими и тюркскими народностями: вся разница въ *геометрической стилизаціи*, представляющей въ разсматриваемомъ примѣрѣ, на полосѣ окружности, нѣкоторое подобіе румбамъ компаса. По всей вѣроятности, трафареты для такого рисунка австралійцы изготовляютъ подобно гольдскимъ женщинамъ[3]); австралійскихъ описаній вычерчиванія орнаментовъ мы не встрѣчали. Символы австралійскаго ореола по композиціи сходны съ боковыми символами ореола божества Бирской стеллы, но австралійскій духъ замкнутъ въ кругъ, всѣ символы молитвы погашены: это духъ предка. Среди петроглифическихъ начертаній близъ гор. Чердыни двѣ головы, зарисованныя Страленбергомъ, помѣщены на табл. XII, Л. с. 14. 11 и 13 верх. фигуры. Голова изъ петроглифовъ Порто-Рико, въ Америкѣ, съ обрамляющимъ, но не сомкнутымъ внизу оваломъ (ср. т. VIII. XXVII), съ символами благословенія на головѣ, см. табл. XII. Л. с. 17, 13 верх. Голова изъ петроглифовъ Орегона уже указывалась выше (Табл. XII. Л. с. 17, 5). Голова изъ петроглифовъ Гвіаны (Табл. XII. Л. с. 17, 10) въ треугольникѣ, обведенномъ вторично перекрещивающимися параллельными линіями (знаками перекрещивающихся рукъ); верхняя часть головы съ символами, обращенными къ небу, а на остромъ углѣ, обращенномъ къ землѣ, перекрещиваніемъ линій образованъ религіозный знакъ обращенія къ землѣ. На Енисеѣ (Кулакъ) и на Манѣ (Борокъ) среди петроглифовъ есть также отдѣльныя головы (Табл. IX, XXI и XXII).

---

[1]) См. G. B. Gordon. Notes on the W. eskimo. Pl. IX I. 2; фотографіи *женщинъ* (XVI—XVII и XX). — Ратцель. Народовѣдѣніе. I. 370 и мн. др. — Л. Я. Штернбергъ. Энц. Слов. Б. Э. 64. 677. Мы и здѣсь за религіозный генезисъ основныхъ символовъ и ихъ стилизаціи; разложеніе (регрессъ) культа и культуры заимствовавшихъ мѣстами ясно виденъ. Поле для спеціальной работы обширное и благодарное.

[2]) W. Joest, «Tatowiren, Narbenzeichn. u. Körperbemalen». B. 1887. — Шницеръ, стран. 22.

[3]) Шимкевичъ. Матер. для изученія шаманства гольдовъ. — В. Ѳ. Миллеръ. О коллекціи Шимкевича. Табл. X. Тотъ же пріемъ употребляется и женщинами Минусинскихъ тюрко-алтайцевъ.

Изъ представленнаго ряда начертаній отдѣльныхъ головъ можно видѣть, что божество, изображенное на Бирской курганной стеллѣ, состоящее только изъ головы, безъ туловища, съ символическими руками или ногами, не представляетъ изъ себя чего-либо исключительнаго. Въ погребальномъ и хтоническомъ культѣ, у большинства народностей, представленія божествъ, духовъ и душъ изображаются въ видѣ одной головы; въ этомъ случаѣ антропоморфизація божествъ, связанныхъ съ культомъ умершихъ, не бываетъ полною даже у народовъ, достигшихъ высокой степени художественнаго развитія; послѣднее обстоятельство, конечно, объясняется неуклонно точнымъ копированіемъ древнѣйшихъ графическихъ моделей.

Ореолъ изъ символовъ молитвы направилъ насъ на Браманаспати или Бригаспати (Brahman-spati)[1]), владыку молитвъ, олицетвореніе силы и значеніе молитвеннаго дѣйствія, ангела-хранителя правовѣрныхъ браманистовъ, семейное божество (Purohita), но это блѣдное отвлеченное созданіе браминской теологической школы не имѣетъ опредѣленнаго графическаго начертанія — мы не нашли рисунковъ этого божества. Относительно рисунковъ многихъ браминскихъ божествъ должно сказать, что ихъ древность болѣе, чѣмъ сомнительна: они, видимо, очень недавни и не могутъ итти въ сравненіе съ начертаніями на утесахъ и съ изваяніями изъ камня, съ памятниками, добытыми раскопками, проходящими иногда чрезъ ряды культурныхъ слоевъ. Но главное, почему мы не остановились на этомъ теоретическомъ богѣ касты брахмановъ (изъ котораго впослѣдствіи образовался богъ Брама), было то, что онъ не имѣлъ храма, ему не приносилось жертвъ и не на его обязанности было сопровожденіе душъ умершихъ, хотя брамины приписывали ему многое, что принадлежитъ богамъ, созданнымъ народомъ: богъ молитвы (Brahmanaspati) былъ созданіемъ жрецовъ, но не народа. Разсматриваемое же нами божество, налагая на душу умершаго вильчатый знакъ благословенія и молясь о немъ небу (или солнцу), приноситъ въ жертву „глаза“ усопшаго, а это указываетъ на его право и пріема жертвоприношеній. Глаза самого божества, включая и 3-й глазъ высшаго божества, какъ находящіеся внутри очерченнаго двумя линіями полнаго огражденія всего лика божества, не приносятся какъ жертва. Внѣ сущности божества, за огражденіемъ надъ глазами, стоятъ антропоморфные духи, вознесшіе молитвы и частью только накрытые знаками благословенія или принятія ихъ молитвъ, всѣ же прочіе знаки молитвы о душѣ умершаго еще не накрыты, — и даже на геометрическомъ схематическомъ знакѣ души наложенное благословеніе сопутствующаго божества и верхняя линія очертанія души съ роговидными знаками послѣдняго обращенія самого умершаго къ верховному надземному божеству вполнѣ еще не замкнута[2]): душа еще лишена полнаго защитнаго огражденія, она еще не являлась къ главѣ хтоническихъ божествъ, она не стала предъ нимъ анти-

---

[1]) I. Dawson. Classic. dict. of Hindu Mythol. and Relig. L. 1879. P. 63.—Wurm. S. 43 (изданіе 1874 г.)—H. H. Wilson, «Essays on the Religion, of the Hindus» и его же «Словарь индійской миѳологіи».—Perrot & Chipier. «Hist. de l'art».—Энц. Слов. 8.573 и 25.133.—Шантепи-де-ля Соссей. «Иллюстр. исторія религій», С.-Пб. 1899. II т., § 74, 46. — А. Мензисъ. Ист. рел. С.-Пб., 1905 г. Стр. 24.

[2]) По типу табл. XI. 18. 9 (начертаніе съ петроглифовъ Орхона), но не буддійскимъ ступо-виднымъ знакомъ благословенія, а браминскимъ — овалом, сжатымъ. Отмѣтимъ, что вильчатый знакъ, какъ символъ, принятъ и буддистами.

подально (вверхъ ногами), какъ означено принимающее подземное божество[1]), благословеніе неба не замѣнено еще благословеніемъ подземнаго божества.

Обращаясь къ Пушану[2]), питателю, божеству древней индійской миѳологіи (ведійскаго періода), то это божество, хотя и довольно неопредѣленнаго характера, іерархически выше разсматриваемаго нами. И онъ былъ богомъ стадъ, и онъ исполнялъ должность бога дорогъ, и онъ имѣлъ (кромѣ золотого копья) вильчатое стрекало — погонялку для своихъ козловъ, но онъ былъ богомъ солнечнаго жара и, вѣроятно, Пушанъ былъ нѣкогда солнечнымъ божествомъ. Обратившись къ Агни[3]), видимъ, что это — божество домашняго огня, семейнаго очага, что ему поклонялись какъ жертвенному пламени и уже изъ огня жреческая каста превратила его и въ генія жертвы; и, разжаловавъ плебейскаго бога Пушана, возложила на него и сопровожденіе умершихъ въ подземное царство, этому помогъ, конечно, и наступившій обычай сжиганія труповъ.

Но нашу экскурсію въ Индію мы не считаемъ въ графическомъ и въ этнографическомъ отношеніи безплодною. Матеріалъ для нѣкоторыхъ поучительныхъ параллелей встрѣтился тамъ, гдѣ мы не намѣрены были и искать, — на статуяхъ или идолахъ бога Вишну, точнѣе воплощенія его въ видѣ Кришну, его брата и сестры. Они представляютъ грубыя фигуры, едва отесаные чурбаны, но эти безобразно-чудовищные идолы — самыя священныя и наиболѣе чтимыя изображенія во всей Индіи. Народное названіе этого божества Джагернатхъ (въ англійской транскрипціи Juggernath, въ европейскомъ искаженіи Джаггернаутъ) или Джаганнатха (Jagan-nâtha — міровладыка)[4]). Каждый годъ, въ іюнѣ или въ іюлѣ, подвижная пагода этихъ божествъ, поставленная на 8 парахъ колесъ, движется 4200 жрецами и множествомъ богомольцевъ (стеченіе которыхъ достигаетъ иногда до 300000) къ берегу, на разстояніи 2 километровъ. Прежде подъ колеса бросалось много богомольцевъ, — эти случаи нерѣдки и теперь. Эта древняя (болѣе XV ст.) церемонія напоминаетъ годовщину Шакія-Муни. Такимъ образомъ, слились здѣсь двѣ религіи. „Правовѣрный, который мнѣ угоденъ, это не ученый, посвященный въ тайну четырехъ священныхъ письменъ, а смиренный вѣрующій; это ему нужно давать и это отъ него надо принимать. Почитайте его, какъ вы почитаете меня самого“, это слова Вишну, и могущество святыни этого мѣста уничтожаютъ на это время всякое кастовое различіе.

На рисункѣ этого чурбана, у Э. Реклю[5]), видно, что *ногъ у него нѣтъ, рукъ только обрубки; руки идутъ отъ головы* очень большой; на ней два глаза, повидимому, кольцеобразные слѣды обломанныхъ вѣтвей, между ними подобіе носа и низко ротъ, богомольно изогнутый приподнятыми углами рта, образуя „архаическую“ улыбку;

---

[1]) Какъ это мы увидѣли на камнѣ, выкопавъ его лѣтомъ 1908 года. См. отчетъ И. Моск. Арх. Обществу.

[2]) С. Буличъ, «Пушанъ», Энц. Слов. 50. 824 стран. — Шантепи. Ист. религій, II, стран. 27 и слѣд.

[3]) Энц. Слов. I. 145 и 8. 577. — Шантепи. Ист. рел. II. 28—29 стран. — Миѳол. словари см. выше.

[4]) С. Буличъ. Джаганатха, Энц. Слов. 20. 515. — Hunter, M. W. Orissa, T. I, III—IV. — Willson, Works, ed. Rost. 1861—66. — Schlagintweit. Indien in Wort und Bild. Lz. 1880. I. 185. Рисунокъ всѣхъ трехъ убранныхъ идоловъ. — Bohlen. Das alte Indien. — Barth. Les religions de l'Inde.

[5]) Земля и Люди. Т. VIII, кн. V., стран. 411.

подбородка нѣтъ. На груди знакъ подобный глазамъ[1]). Но эти идолы лѣтъ чрезъ 70—80 заново одѣваются, боковымъ надѣваются золотыя или серебряныя руки[2]). Судя по рисунку Шлагинтвейта и Э. Реклю, на лица чурбановъ надѣваются маски. Мы срисовали лицо и бюстъ съ фигуры сестры Джаганнатха, I табл. XXXV рис., стоящей слѣва отъ Джаганнатха; у средняго главнаго идола рукъ нѣтъ. Головы всѣхъ фигуръ накрыты конусообразнымъ покровомъ, надъ которымъ никакихъ знаковъ молитвы у Джаганнатха не поднимается: самодовлѣющее божество, съ силою, въ немъ самомъ находящеюся, схожденіе свыше на центральной фигурѣ не означено. У боковыхъ фигуръ воздѣты руки, по типу, означенному на табл. XII. II. с. 14. 2. Лицо обрамлено въ прямоугольную раму, съ округленными верхними углами и округленною нижнею стороною; обрамленіе сдѣлано двумя параллельными линіями. Обрамленію можно приписывать глубокое религіозное значеніе, если въ лицѣ видѣть душу божества, его сущность; между двумя линіями обрамленія, въ верхней части, до угловъ рта означены символы благословенія, округленные вверху (типъ Табл. XII. II. с. 15. 5), ниже орнаментъ линейный, т.-е. гребенчатый молитвенный символъ. При отмѣченномъ выше отсутствіи выдающихся надъ головою символовъ, мы имѣемъ основанія происхожденіе и конусообразнаго верхняго покрова[3]) Джаганнатха приписать культу предковъ: это божество, по нашему мнѣнію, земного происхожденія, — внѣ пантеона. На лицѣ видимъ тотъ же большой ротъ, съ тою же религіозной улыбкой, которая на Кипрѣ наложена на всѣ статуи[4]) ранней стадіи искусства и которую видимъ и на Енисеѣ. Глаза три; знаменитый алмазъ Кохъ-и-нуръ („Гора Свѣта") принадлежалъ Джаганнатха.

Сходство въ графическихъ начертаніяхъ лица есть, предполагая древность индійской модели большую, чѣмъ XV вѣковъ, если допустить для этого памятника и индійскія заимствованія на Енисеѣ, эта манера изображать головы на курганныхъ камняхъ могла быть на Енисеѣ ранѣе появленія орхонскихъ надписей, около IV—V вѣка, по Р. Х. На этой же таблицѣ, табл. I., на рис. XXXII означены браминскій и буддійскій символы Джаганнатхъ. Въ браминскомъ символѣ 1-я линія земля, 2-я воздухъ и 3-я дугообразная линія — небо, на немъ голова Джаганнатха съ воздѣтыми руками. Буддійскій символъ — символъ пяти элементовъ: земля, воздухъ, небо, огонь и эфиръ.

Божество Бирской стеллы[5]), по предварительному заключенію, ближе всего подходитъ къ Гермесу-Психопомпу: его гербъ въ древнемъ линейномъ начертаніи наложенъ на сопровождаемую имъ душу, этотъ же молитвенный символъ, въ обоихъ поворотахъ, занимаетъ среднюю часть ореола; этотъ же вильчатый знакъ виденъ въ перстосложеніи

---

[1]) Знакъ этотъ, видимо, принимается за знакъ Вишну (Vischnu), поставленный на его груди, какъ отмѣтка о его божественномъ рожденіи отъ дѣвицы. Wurm, s. 238. Надъ этой параллелью придется еще подумать, изслѣдуя долину р. Бири.

[2]) Рукоположеніе, сгибъ подъ прямымъ угломъ, надлежитъ сопоставить съ рукоположеніемъ скиѳской царицы (VIII т. XIV рис. 11).

[3]) Не мѣшаетъ сопоставить съуженія бабы около Батанакова на Акъ-Іюсъ и многихъ другихъ бабъ Минусинск. округа, особенно на р. Бири (VIII т. XIV, 6).

[4]) L. Cesnola, Cypern. Jena. 1879. — Kypr. die Bib. 4. Hom. D-r M. Ohnefalsch-Richter. Berlin. 1893. — A. Cesnola. Salaminia. — Hist. de l'art dans l'antiquité. g. Perrot et Ch. Chipiez. Tome VI.

[5]) Есть основаніе здѣсь вспомнить имя Мессершмидта: большая вѣроятность предполагать, что потерявшійся въ Академіи Наукъ одинъ изъ его рисунковъ относится именно къ этому камню.

духовъ, стоящихъ надъ глазами божества и воздѣвшихъ руки къ небу; въ изгибахъ символчнескихъ начертаній ногъ или рукъ возможно заподазривать и змѣй, головы которыхъ охраняютъ сопровождаемую душу. Общій горгональный видъ этого начертанія, отмѣченный финляндскими учеными, гармонируетъ съ типомъ Гермеса и особенно его головы въ позднѣйшихъ произведеніяхъ классическаго искусства, въ которыхъ теоретики не желаютъ видѣть Гермеса, вышедшаго изъ круга обязанностей Психопомпа служителя Зевса, и погрузившагося, временно, въ сферу вліянія хтоническихъ божествъ. Въ виду необычайной серіозности, сумрачности и нѣкоторыхъ устрашающихъ оттѣнковъ выраженія лица эти изображенія приписываютъ Медузѣ, несмотря на наличность крыльевъ. Нѣтъ ли и въ культѣ Гермеса чего-то невыясненнаго, соединеннаго съ трудностями охраненія ввѣренныхъ ему душъ? Отсутствіе или, точнѣе говоря, ослабленіе и искаженіе антропоморфныхъ чертъ въ разсматриваемомъ божествѣ, его устрашающій обликъ, нельзя ли приписывать какой-либо особо архаичной формѣ культа курганной эпохи, въ немъ правильнѣе, конечно, видѣть традиціонную графическую модель, но есть основаніе предполагать и сознательное измѣненіе посланникомъ неба своего обычнаго вида и наложеніе на себя маски устрашающей; сопровождаемой имъ душѣ и принимающему ее подземному божеству даны необычныя геометрическія формы не случайно, не по недостатку искусства у рисовальщика.

Извѣстно, что нѣкоторые примитивные народы относятся и къ рѣчи съ предубѣжденіемъ, — и въ словахъ подозрѣваютъ иногда вредоносное вліяніе. Напримѣръ, въ звукахъ своего имени видятъ какъ бы второе „я“, — своего двойника, свою вторую душу, поэтому имена произносятся ими съ величайшей осторожностію[1]). Съ другой стороны, въ вылѣпленномъ, вырѣзанномъ или нарисованномъ изображеніи, въ своей тѣни, въ отраженіи своемъ въ водѣ, въ зеркалѣ, первобытные народы видятъ также своего двойника, представляютъ свою образную безтѣлесную душу, которую надо также заботливо охранять.

И призракъ умершаго, и душа его-*имя* и особенно душа-*изображеніе* подвергаются величайшимъ опасностямъ, особенно идя за первымъ охраннымъ благословеніемъ къ владыкѣ загробнаго міра, на нихъ могутъ налетѣть злыя божества, враждебные духи, мстительныя души враговъ, недовольныя души предковъ, колдуновъ, чародѣевъ, захватить въ свою власть, подчинить своему вліянію и даже уничтожить не только душу-имя или душу-изображеніе, но и того, кому они принадлежатъ.

Эти, говоря вообще, анимистическія, или, въ частности, кабаллистическія и мистическія, воззрѣнія на душу и ея двойники, замѣченные у первобытныхъ малокультурныхъ народовъ и живущіе въ пережиткахъ и у цивилизованныхъ народовъ[2]), можно положить въ основаніе для объясненія не только разсматриваемыхъ чисто условныхъ охранительныхъ начертаній, но и масокъ и портретовъ, налагаемыхъ на лицо погребеннаго или изображаемыхъ на его гробницѣ и даже надъ его могилою: эти священныя изображенія, привлекая на себя вниманіе злыхъ божествъ и духовъ мсти-

---

[1]) Шурцъ. Ист. пер. культуры. С.-Пб. 1907. Стран. 486.

[2]) Напр. закрываніе зеркалъ, портретовъ и фотографій въ домахъ или квартирахъ умершихъ, избѣганіе произношенія ихъ имени и т. п.

тельныхъ душъ враговъ и злобныхъ душъ предковъ, были своего рода щитами, за которыми могла укрываться душа погребеннаго. Намъ кажется, что и самая перемѣна положенія тѣлъ и душъ подъ землею (антиподальность, означенная на этой стеллѣ) обязывала душу немедленно предпринять трудное путешествіе къ владыкѣ подземнаго міра, чтобы онъ снялъ съ ея головы, обратившейся къ преисподней земли, благословеніе Неба или Солнца и наложилъ на нее свой знакъ, дѣлавшій ее неприкосновенной полноправной обитательницей царства мертвыхъ.

Весьма возможно, что на Бирской стеллѣ, подъ вліяніемъ высказанныхъ мистическихъ воззрѣній, начерчены три своеобразно геометрически стилизированныхъ маски, накрывающихъ и душу и лики божествъ: и сопровождающаго ее, — солнечнаго, и принимающаго ее въ загробномъ мірѣ — подземнаго. Главное значеніе этого религіознаго символа — не устрашающее, а охраняющее: сила охраненія заключается въ каноническомъ однообразіи начертанія. Души всѣхъ умершихъ одноплеменниковъ и ихъ ближайшіе хранители — божества надземные и подземные — имѣли одно изображеніе, — этимъ узнаваніе было чрезвычайно затруднено.

33. Петроглифъ Палласа.

(I табл. XXII рис.). — Изъ его Reise, VI Tabl. fig. B. 5 сентября, 1772 г. Alte Grabmäler am Abakan. См. описаніе и параллели на стран. 136.

34. Добавленія.

А. Къ описанію петроглифовъ на Теси.

Къ таблицѣ III. Къ § 20, стран. 194—202.

Рис. XIII. Очень свѣжая высѣчка, — по всей вѣроятности, родовой знакъ, въ его основѣ солнечный символъ — показатель поклоненія заходящему солнцу: кругъ и указатель опусканія правой кисти, съ поворотомъ ладони къ солнцу. Въ окрестностяхъ рч. Матора, на затесяхъ деревьевъ, мы видѣли и зарисовали такой же знакъ (углемъ) (табл. VII. рис. 13. 6), но безъ точекъ по сторонамъ: онѣ могутъ быть и позднѣйшей прибавкой „отпятнываніемъ“, но могутъ имѣть и указующее значеніе — выразить поклоненіе и лѣвою рукою. Въ послѣднемъ случаѣ, на соотвѣтственныхъ сигнографахъ многихъ народностей замѣчается изгибъ кисти, съ направленіемъ лѣвой ладони къ землѣ.

Рис. XIV. Знакъ козла; линейное, видимо условное (въ двѣ ноги), начертаніе. Голова обращена вправо, можно считать движеніемъ по солнцу или — по правому культу, т.-е. на югъ, представляя фигуру движущейся отъ насъ, — на востокъ. Шея и голова приподняты такъ, что нижній рогъ касается туловища, верхній рогъ дублируетъ символъ благословенія. Форма шаблонная установившаяся, такихъ начертаній не мало близъ Щель-Теси. Заключительно говоря, сигнографъ козла — амулетнаго значенія (благословляющаго).

Рис. XV. Также отдѣльное начертаніе, можетъ быть и сигнографъ-символъ: прямой крестъ съ линіею земли.

В. Къ описанію Потрошиловскаго петроглифа.

Къ § 16, стран. 178—181.

Къ табл. V. Рисунки I, IV, V, VI и VII.

Фиг. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9 и 10 изображаютъ облавную охоту на ланей; рисунки IV и VII, находящіеся нѣсколько въ сторонѣ, служатъ дополненіемъ къ главному начертанію. Изъ 7 верховыхъ — 6 изображены какъ бы движущимися вправо, только лошадь, на VII рис., повернута головою влѣво. Начертаніе силуэтное (съ выемкой камня внутри очертанія), грубое, видимо условное, у лошадей означены только двѣ ноги: передняя неестественно выпрямлена и подвинута впередъ на всѣхъ фигурахъ, задняя очерчена натуральнѣе, съ означеніемъ колѣна, но выдвинута также впередъ; шеи вытянуты вверхъ и впередъ съ мордою, горизонтально поставленною: уши раздвинуты, хвосты значительно отставлены, и даже приподняты при основаніи; копыта довольно отчетливо обозначены.

Петроглифъ, по начертанію, крайне своеобразенъ, онъ рѣзко выдѣляется среди другихъ петроглифовъ. Фигуры лошадей сдѣланы какъ бы по одному трафарету, только лошадь начальника (фиг. 2) немного болѣе и длиннѣе другихъ. Въ постановкѣ фигуръ лошадей и ланей есть сходство съ начертаніемъ аглахтынскихъ лошадей (IX. 2), съ бронзовою фигуркою лошади изъ Obrzan bei Brünn[1]), а также съ свинцовыми фигурками лошадей съ всадниками, изъ Фрегга въ Хорутаніи (Frög, Kärnten)[2]). Выпрямленныя и занесенныя впередъ ноги лошадей напоминаютъ фрагментъ вазы изъ Тиринта, дипилонскаго времени[3]) и лошадей съ всадниками на этрусской вазѣ[4]).

Есть что-то ритуальное или миѳическое въ этихъ начертаніяхъ. Манера отбивки совершенно иная, выемка камня сдѣлана глубже. Петроглифъ вдали отъ извѣстнаго Потрошиловскаго петроглифа, зарисованнаго еще Титовымъ[5]). Посадка верховыхъ прямая, у нѣкоторыхъ съ значительнымъ наклономъ впередъ, съ приподнятыми ступнями, что можетъ быть показаніемъ на стремя, но здѣсь вѣроятнѣе и ритуальныя соображенія (лишній символъ вверхъ); подъемъ ступни замѣчается и на свинцовыхъ фигуркахъ изъ Фрегга.

У лошади начальника, между ушей, означена чолка или украшеніе, на лбу впереди и сзади сѣдла означены бляхи. У трехъ всадниковъ довольно высокіе шлемы, съ округленнымъ верхомъ, съ шишакомъ и у начальника съ перомъ; у двухъ коническіе шлемы, два всадника въ низкихъ округленныхъ шляпахъ. Одежда, повидимому, лѣтняя, почти въ обтяжку; шаровары широкіе, свѣшивающіеся, внизу они или въ обуви или подвязаны; у начальника видны какъ бы свѣшивающіяся голенища. Всѣ съ луками въ колчанахъ, концы ихъ загнуты; луки, вѣроятно, сигмовидны, и съ, видимо, спущенной

---

[1]) M. Hoernes, Urgesch. der Bild. Kunst. S. 476 (149).

[2]) Ibidem. Taf. XV, Fig. 1—9. Text S. 483.

[3]) Ibidem. Taf. XVIII, Fig. 9. Text S. 633. — Forrers, Reallex. S. 825 (245. 3 и 4).

[4]) Ohnefalsch-Richter, CXXXII. 4. Text S. 446.

[5]) См. стран. 100. — Ив. Савенковъ. Къ развѣд. матеріаламъ, стран. 60—62. Изв. В.Сиб. О. Имп. Р. Геогр. Общ. 1886. Т. XVI, №№ 3—4.

титевой (отгибъ концовъ колчана). У трехъ охотниковъ въ рукахъ, наготовѣ, какое-то легкое вильчатое оружіе (не копье), колющее, но меньшая вилка, можетъ быть, и колющею *и рѣжущею.* Всадники держатъ меньшую вилу отъ лошади. По фиг. 8 и 5 можно замѣтить, что вилы направляются всадникомъ какъ-будто такъ, чтобы захватить ногу животнаго въ вилы: вѣроятно и подрѣзываніе сухожилій ноги. Конечно, возможенъ при удобномъ случаѣ и двойной колющій ударъ въ бокъ. (Ср. фиг. 1, на рис. VIII, рядомъ.)

По фиг. 10 видно, что въ облавѣ участвовали и пѣшіе загонщики.

Прочія фигуры недавнія и малозначущія.

Фиг. рис. V и VI отбиты не такъ глубоко, фигура человѣка на рис. V, вѣроятно, современна со всадниками; фигурки, — лань и коза, можетъ быть и современныя имитаціи. Фиг. 2 и 3 недавни.

C. Къ Трифоновскому петроглифу.

Къ § 22, стран. 203—204.

Къ таблицѣ VI.

Рис. II. Двѣ коровы, какъ бы восходящія на возвышеніе, головами вправо: контуръ вполнѣ сомкнутъ; фиг. 2 не закончена. Внизу видимъ ромбъ съ знаменательною точкою въ срединѣ.

D. Къ петроглифу „Писанскаго плеса".

Къ § 14, стран. 173—175.

VII рис. Верховой, ѣдущій вправо, и 2 птицы, его благословляющія.

E. Къ петроглифу у Борка.

Къ § 5, стран. 134—135.

Къ табл. IX, съ начертаніями красною краскою.

XXI рис. 1 фиг. Верховой, ѣдущій вправо, поднялъ горизонтально правую руку, лѣвая на шеѣ коня; у пояса, вѣроятно, кинжалъ.

2 фиг. Человѣкъ въ плоско-округлой шапкѣ, руки раздвинуты и дугообразно опущены внизъ, ноги раздвинуты.

3 фиг. Кругъ, съ глазами въ видѣ точекъ, вѣроятно голова, безъ рта и носа. На головѣ 2 рога, внизу черты, едва ли означающія шею, отъ ушей идутъ линіи.

Рис. XXIX. Загадочное начертаніе. Можетъ быть и черепаха.

F. Къ петроглифу около Щель-Теси.

Къ § 9, стран. 160—161.

Къ IX таблицѣ.

XXII рис. Голова линіями, внизу означенными, символизируетъ обращеніе къ землѣ.

II рис. Лодка съ 3 человѣками.

G. Къ Тихому плесу.

Таблица IX. Къ § 21, стран. 202—203.

Рис. 28. Загадочное начертаніе, повидимому подобно рис. XXIX этой же таблицы.

H. Къ Сулекскому петроглифу.

§ 18. Табл. VIII, фиг. 1, 12, 14.

Фиг. 1 и 12. Отдѣльныя фигуры. Молящіеся верховые: лошади также ясно выражаютъ молитву небеснымъ божествамъ: шеи вытянуты, головы подняты мордами вверхъ; переднія ноги вытянуты впередъ, хвостъ приподнятъ. Одинъ верховой въ конической шапкѣ. Руки у обоихъ воздѣты къ небу, ступни означены приподнятыми, въ фиг. 1, съ яснымъ подъемомъ кверху, что можно видѣть на этомъ же рисункѣ у кизиль-кайскихъ литейщиковъ и у ихъ помощниковъ (табл. VIII. II. 2, 4, 6 и 11)[1]).

Фиг. 14. Также отдѣльное начертаніе, современно предшествующимъ и кизиль-кайскимъ: начертаніе этого оленя можно сближать съ начертаніемъ лошадей, на нихъ означены также только двѣ ноги. На оленѣ означенъ одинъ рогъ, въ горизонтальномъ положеніи, какъ и голова.

Общее число фигуръ на петроглифахъ, осмотрѣнныхъ и зарисованныхъ на приложенныхъ таблицахъ болѣе 1000, не считая параллелей къ нимъ. Располагая болѣе, чѣмъ скромными средствами, приходилось работать одному, безъ помощниковъ. При благопріятной обстановкѣ, число фигуръ и петроглифовъ легко было бы и удвоить. Нѣкоторыя данныя о численныхъ соотношеніяхъ различныхъ начертаній могутъ характеризовать это далеко неполное собраніе петроглифовъ. Приводимыя свѣдѣнія касаются только петроглифовъ, т.-е. начертаній на утесахъ Енисея. Въ означенномъ числѣ незаконченныхъ фигуръ, въ большинствѣ которыхъ возможно видѣть отраженіе культа (вотивность) около 140. Рисунковъ около 360, болѣе трети общаго числа; изъ нихъ религіозныхъ болѣе половины. Знаковъ предметовъ, тѣлодвиженій и жестовъ около 500, изъ нихъ религіозныхъ знаковъ около двухъ третей. Знаковъ молитвы, ясно выраженныхъ, болѣе 50, болѣе отвлеченныхъ знаковъ или символовъ, сверхъ того, около 20; разныхъ сложныхъ религіозныхъ символовъ и знаковъ около 15. Тамгъ около 50. Отдѣльныхъ буквъ енисейскаго алфавита, въ значеніи религіозныхъ символовъ, встрѣчено на петроглифахъ болѣе 25.

Человѣкъ изображенъ на 200 фигурахъ, въ большинствѣ случаевъ, молящимся. Животныхъ около 600, болѣе двухъ третей выражаютъ молитву небеснымъ или земнымъ божествамъ и готовность быть принесенными въ жертву. Остальныя фигуры изображаютъ различные предметы и отражаютъ бытовыя особенности. Человѣкъ, въ вышеозначенномъ числѣ, изображенъ пѣшимъ и въ шапкѣ 19 разъ. На лошади,

---

[1]) Forrer, Reallex. 93—95 (Fig. 89). — Hofmann, K. B., «Das Blei b. d. Völk. d. Alt. B. 1885.— Hoernes, Bild. Kunst. Taf. XV.

оленѣ и верблюдѣ (I) изображенъ болѣе 50 разъ безъ шапки, а въ шапкѣ и шлемѣ только 17 разъ. Лошадь и олень со всадникомъ, въ переднемъ и заднемъ ракурсѣ, изображены только 4 раза. Животныя преимущественно изображаются только съ боковъ, а человѣкъ—спереди и сзади. Ракурсъ всадника древній рисовальщикъ вынужденъ былъ сдѣлать для означенія пути, приходившагося подъ прямымъ угломъ къ поверхности утеса. Изображенія людей съ боку необычайно рѣдки, но боковой поворотъ все-таки и въ рисункахъ и въ знакахъ примѣнялся, хотя и рѣдко.

Пастухи, съ кнутомъ или прутомъ, означены при жертвоприношеніяхъ около 6 разъ. На петроглифахъ охотники означены болѣе 30 разъ; стрѣлки изъ лука около 10 разъ; людей въ лодкахъ означено около 60; литейщиковъ 10 фигуръ; остальныя фигуры (94), въ большинствѣ случаевъ, молящіяся.

Начертанія шамана, съ бубномъ и колотушкою, встрѣчаются 6 разъ, съ однимъ бубномъ — 5 разъ и съ одною колотушкою — 1 разъ.

Бубны круглые означены 20 разъ, овальные — 3 раза и полуовальные — 3 раза.

Дикихъ животныхъ изображено около 190, изъ нихъ около 30 начертаній за неясностію и незаконченностію рисунка не опредѣлены. Преобладающимъ является лось или сохатый (Cervus Alces) — болѣе 60 фигуръ; затѣмъ, дикая коза (Cervus capreolus) — около 45 фигуръ; далѣе слѣдуетъ благородный олень, маралъ или сынъ (Cervus Elaphus) — около 20 фигуръ; лани, неводящіяся теперь здѣсь — 7; сѣверный олень (Cervus Tarandus) — 5 фигуръ; каменный баранъ (Ovis argali), также теперь не встрѣчающійся въ Минусинскомъ округѣ — 9 фигуръ; медвѣдь — 4 фигуры; пантеры, или, вѣроятнѣе, рыси — около 6; волкъ — 1. — Птицъ около 15, повидимому, чаще — воронъ или ворона, встрѣчается гусь, соколъ, журавль, дрофа, куропатка. — Рыба — только 2 фигуры.

Домашнія животныя представлены 94 фигурами, изъ нихъ: лошадь — около 35 фигуръ; корова — 30; козелъ — 13; свинья — 9; верблюдъ — 6; овца — 2 и собака около — 5 разъ. — Верблюдъ въ запряжкѣ встрѣчается 1 разъ; лошадь, запряженная въ нартахъ — 2 раза.

Сѣдло видно на трехъ фигурахъ; стремя простое (веревка или ремень) — 1 разъ.

Солнце встрѣчается чаще въ петроглифахъ, начерченныхъ красною краской, всего около 15 разъ, луна — 4 раза. Большая часть знаковъ солнца съ показателями перстосложенія. — Деревья и вѣтви деревьевъ — 6 разъ, всѣ несомнѣнно, какъ принадлежность культа.

Шапка съ плоскимъ верхомъ, съ ушами встрѣчается въ петроглифахъ — 6 разъ, двурогая шапка — 4 раза; шапка округлая, съ полями — 12 разъ; шапка коническая, высокая — 8 разъ, такая же, но съ полями — 5 разъ и шапка съ немного округленнымъ верхомъ — 8. Шлемъ коническій замѣчается на 8 фигурахъ; кольчуга — на двухъ фигурахъ. Луки видны при 9 фигурахъ; копья означены 7 разъ; стрѣлы 5 разъ; кинжалы — тоже 5 разъ. Лодки зарисованы 9 разъ; колесо и арба замѣчены 2 раза; нарты — тоже 2 раза.

Закончивъ главу съ описаніемъ петроглифовъ Енисея, суммируемъ наши предварительныя соображенія и заключенія.

1. Петроглифы Енисея, въ большинствѣ случаевъ, религіознаго происхожденія, они представляютъ, можно сказать, конкретные матеріалы по практикѣ религіи въ различныя эпохи и, можетъ-быть, у различныхъ народностей, смѣнявшихъ другъ друга на берегахъ Енисея. Петроглифы, наглядно отражая культъ и его постепенное разложеніе, даютъ, такимъ образомъ, нѣкоторыя реальныя основанія для возстановленія его и на высотѣ первоначальнаго заимствованія.

2. Петроглифы отмѣчаютъ различные виды молитвы, жертвенныхъ обѣтовъ и жертвоприношеній, дѣлаютъ указанія на молитвенныя права главы семьи и прочихъ ея членовъ, выясняютъ молитвенную равноправность животныхъ и женщинъ[1]), изображаютъ принадлежности шаманства въ очень отдаленное время (въ эпоху переходную отъ камня къ мѣди) и въ очень недавнее (въ началѣ желѣзной эпохи), даютъ даже, до нѣкоторой степени, возможность установить и нѣкоторыя обрядности при древнемъ камланіи, представляютъ графическіе символы иногда въ очень древнихъ угловыхъ начертаніяхъ и въ позднѣйшихъ округленныхъ знакахъ — вообще, отражаютъ въ себѣ эволюцію культа и во многихъ другихъ его проявленіяхъ.

3. Весьма возможно, что нѣкоторыя петроглифическія начертанія восходятъ къ началу переходной эпохи, но, для выдѣленія древнѣйшихъ начертаній изъ окружающихъ ихъ новѣйшихъ, нужны многіе дополнительные и повѣрочные матеріалы и новыя систематическія изслѣдованія съ разнообразными снимками и рисунками, для тщательнаго и разносторонняго сравненія петроглифовъ не только мѣдной, но, можетъ быть, и неолитической эпохи, къ которой со временемъ, можетъ быть и придется отнести нѣкоторыя петроглифическія начертанія и нѣкоторые графическіе прототипы, нынѣ признаваемые только за металлическими стадіями культуры.

4. Но, давая, главнымъ образомъ, графическіе отпечатки религіозной практики, петроглифы, особенно въ снимкахъ и оттискахъ, представляютъ цѣнные предметные матеріалы и по исторіи культуры и по этнографіи, констатируя религіозный генезисъ и орнамента, давая интересныя показанія и о другихъ этнографическихъ видахъ и разновидностяхъ: о домашнихъ и дикихъ животныхъ, о различныхъ типахъ народностей, о способахъ передвиженія и о многихъ другихъ бытовыхъ особенностяхъ.

5. Классификація разныхъ видовъ изобразительныхъ начертаній, изъ которыхъ постепенно дифференцировалось письмо, беря это понятіе въ широкомъ смыслѣ, должна быть построена на эволюціонныхъ основаніяхъ, принимая во вниманіе и активныхъ и пассивныхъ дѣятелей психо-физіологической эволюціи и разложенія, ставя внѣшнія графическія данныя на подобающее мѣсто.

---

[1]) Петроглифическія указанія на матріархатъ, пока малочисленны, но настолько многознаменательны, особенно въ связи съ историческими указаніями и памятниками искусства, захватывающими область скиѳской культуры, что объ отрицаніи возможности исключеній не можетъ быть и рѣчи. Неозначеніе пола на нѣкоторыхъ фигурахъ шамановъ древнихъ петроглифическихъ начертаній на Енисеѣ едва ли возможно приписать случайности: этотъ знакъ отличія всегда такъ заботливо отмѣчается на петроглифахъ. Хотя и косвенное, но цѣнное подтвержденіе видно и въ сохранившихся у минусинскихъ инородцевъ правахъ женщинъ на шаманство. См. § 26, стран. 207—210. Долина р. Бири также интересна въ этомъ отношеніи.

Классификаціи, основанныя только на внѣшнемъ видѣ, на формѣ древнѣйшихъ памятниковъ письма, нельзя признать вполнѣ соотвѣтствующими научнымъ требованіямъ: онѣ нуждаются въ нѣкоторыхъ существенныхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ.

Въ предлагаемой нами классификаціи письмо подраздѣляется на два періода: оптическій (или зрительный) и фонетическій (или слуховой).

Оптическій періодъ подраздѣляется на двѣ стадіи: конкретно-графическую и мимико-графическую. — Конкретно-графическая стадія подраздѣляется на двѣ формы: пикто-графію (письмо рисунками) и сигно-графію (письмо линейными знаками), присоединяя къ послѣдней и символическія начертанія, относящіяся къ этой формѣ. — Мимико-графическая стадія имѣетъ три формы: пикто-графическую, сигно-графическую и символо-графическую. — Довольно продолжительною переходною эпохою послѣднія двѣ формы соединяются съ силлабическою стадіею фонетическаго періода.

Фонетическій періодъ письма подраздѣляется на двѣ стадіи: силлабическую (слоговую) и алфавитную (буквенную). (См. выше, стран. 20—26.)

6. Въ практикѣ религіи древнихъ аборигеновъ Енисея господствующее (почти исключительное) положеніе занимали не предметы, не деревья, не животныя, не изображенія божествъ и религіозныхъ предметовъ, не слово и рѣчь, наконецъ, а *движенія и жесты* человѣка: на петроглифы возможно смотрѣть, какъ на записи языка движеній, какъ на зачатки *до-алфавитнаго* свѣтового *письма*, какъ на пережитки предшествующей силлабаріямъ эволюціонной стадіи письма, относящіеся въ петроглифахъ преимущественно къ практикѣ культа. Но это письмо культа не даетъ основаній отрицать у аборигеновъ существованія подобнаго же свѣтового письма, примѣнявшагося и къ житейскимъ потребностямъ[1]). По весьма понятнымъ причинамъ, такая переписка между людьми была недопустима въ священныхъ мѣстностяхъ, на камняхъ и утесахъ, на ряду съ религіознымъ общеніемъ родоначальниковъ и главъ семей съ богами.

7. Встрѣчающіяся въ петроглифахъ Енисея, а также и въ различныхъ древнѣйшихъ памятникахъ изобразительнаго искусства Передней Азіи, изображенія деревьевъ и животныхъ, не даютъ никакихъ основаній къ выдѣленію вполнѣ обособленныхъ и вполнѣ самостоятельныхъ культовъ различныхъ растеній и животныхъ. Человѣкъ давно остановилъ свое вниманіе на животныхъ и растеніяхъ и ввелъ въ религіозную практику тѣ растенія, тѣхъ животныхъ, тѣхъ птицъ, тѣхъ гадовъ, которые казались ему совершеннѣйшими природными механическими символизаторами и мультипликаторами молитвъ, мимически выражаемыхъ, могущими, вслѣдствіе этого, усиливать и молитвы и жертвы.

8. Всемірные боги, — небо, солнце, луна, земля и т. д. были несомнѣнно главенствующими и у древнихъ енисейцевъ, но и въ изображеніи солнца, изрѣдка встрѣчающемся, можно заподазривать поклоненіе не ему, а, вѣроятнѣе всего, его лучамъ, какъ сигнализаторамъ молитвъ, благословеній и благодѣяній, безпрерывно изъ него истекающихъ и распространяющихся во всѣ стороны.

---

[1]) См. главу о живой графической старинѣ.

9. Конкретно и мимико-графическое письмо рисунками и знаками, отвѣчая требованіямъ наглядности, вполнѣ естественнымъ на начальныхъ ступеняхъ интеллектуальнаго развитія, перейдя къ выраженію богопочитанія знаками и линейными символами, отмѣчало не только бросающіяся въ глаза тѣлодвиженія, но обращало самое заботливое вниманіе и на малозамѣтные тѣлодвиженія и жесты, каковы напримѣръ, разнообразныя перстосложенія, имѣвшія большое значеніе въ практикѣ культа.

Собираніе матеріаловъ по этой категоріи этнографическихъ явленій, и въ практикѣ культа и въ бытѣ, къ сожалѣнію, большинствомъ путешественниковъ и изслѣдователей не только не считается обязательнымъ, но даже и заслуживающимъ особаго вниманія: изрѣдка встрѣчающіяся отдѣльныя замѣтки, видимо, имѣютъ случайный характеръ. А между тѣмъ, эти пережитки глубокой старины, въ виду ихъ связи съ древнѣйшими линейными знаками и символами, начиная съ до-финикійскаго времени[1]) и кончая графическими пережитками, сохранившимися въ родовыхъ знакахъ и знакахъ собственности, заслуживаютъ полнаго вниманія, требуютъ обстоятельныхъ изслѣдованій и нуждаются въ широкихъ проникновенныхъ обобщеніяхъ.

10. Петроглифы отражаютъ характерныя графическія измѣненія въ манерѣ начертанія и въ способѣ отбивки, высѣчки или царапанія контурной линіи, происходящія, повидимому, съ нѣкоторою послѣдовательностью. Съ особою наглядностію эта послѣдовательность выражается въ линейныхъ начертаніяхъ человѣка что, видимо, обусловливается нѣкоторыми измѣненіями и въ самыхъ религіозныхъ тѣлодвиженіяхъ, такъ какъ рѣзкой перемѣны въ письменныхъ матеріалахъ еще не произошло.

Наиболѣе древними знаками движеній на Енисеѣ должно признать: 1) египетскій“ [2]) угловой символъ безъ сгибанія рукъ въ локтяхъ и 2) съ ихъ прямоугольнымъ сгибаніемъ греко-скиѳскій („III“) символъ [3]). Но разложеніе культа — значительное ослабленіе въ почитаніи неба и солнца, выразилось въ большой рѣдкости воздѣянія рукъ въ скиѳскомъ рукоположеніи: оно на Енисеѣ чаще встрѣчается въ послѣдующемъ 3-мъ дугообразномъ начертаніи, за которымъ слѣдовало 4) означеніе рукъ отдѣльными дугами. На особой таблицѣ (прав. стор. табл. XII) нами сгруппированы поясные линейные петроглифы Енисея и даны параллели къ нимъ, поясняющія нѣкоторые знаки. Несмотря на то, что этотъ первый опытъ мы не находимъ полнымъ и достаточно разработаннымъ, но разсмотрѣніе этой таблицы, смѣемъ думать, всетаки дастъ болѣе того, что мы находили необходимымъ здѣсь высказать.

---

[1]) A. Evans. Cretan Pictographs. L. 1895.— Tsoundas, его знаки, дополнившіе 32 знака Эванса.— M. Hoernes. Urgeschicht. d. Bild. Kunst. 334 и слѣд.—Sophus Müller. Urgesch. Europas. Str. 1905. 31—41. — Проф. Э. Клоддъ. Эволюц. чел. въ письменахъ. С.-Пб. 1908. 55—69. — Petrie. Kahun und Gurob. L. — Ак. Д. Н. Анучинъ. Камен. вѣкъ и доисторич. населеніе Египта. М. 1898 г. Стран. 16. р. 8 и 9; 17. 1 а и 2; 27 (17) и друг.

[2]) По древности и главенствующему значенію въ религіи и въ стилѣ построекъ для мертвыхъ; но его можно правильнѣе назвать и «присредиземно-морскимъ» — онъ встрѣчается и въ древнѣйшихъ критскихъ начертаніяхъ и въ 1-мъ городѣ Трои (см. Эванса, Тсаунтаса и Шлимана).

[3]) Schin — въ финикійскомъ начертаніи (Reallex. R. Forrer, 714. 202. 4 Sidon). Графическое его начало также въ Египтѣ (см. табл. XI. 9. II) и въ Малой Азіи и на Критѣ, но на Черномъ морѣ и на Востокѣ онъ воспринятъ сперва, видимо, скиѳами, его видимъ у славянъ VIII—XI ст. по Р. Х., въ Средней Европѣ онъ появился, повидимому, ранѣе, — еще въ свайныхъ постройкахъ (родовые знаки на урнахъ — хижинахъ).

Напомнимъ о солнечныхъ знакахъ, со смыканіемъ рукъ на головѣ, о часто встрѣчающихся фертообразныхъ знакахъ, о свастическомъ рукоположеніи, чтобы обстоятельнѣе себѣ представить все разнообразіе мимическихъ движеній, особенно принявъ во вниманіе и различныя раздвиганія и присѣданія съ различными сгибаніями ногъ. Впослѣдствіи, послѣ разработки матеріаловъ, наиболѣе разнообразныхъ съ географической, этнической и хронологической стороны, по всей вѣроятности, болѣе выяснится и относительная хронологическая послѣдовательность въ различіяхъ начертанія однѣхъ и тѣхъ же символовъ и вліяніе нѣкоторыхъ варіацій графическихъ элементовъ на композицію и стилизацію орнамента.

11. Такъ какъ языкъ движеній, въ свое время бывшій, можно сказать, международнымъ языкомъ, общимъ для всего человѣчества, и теперь еще удерживающій эти общія черты, то, при небольшой подготовкѣ, *общее* пониманіе и предварительное изученіе петроглифическихъ начертаній различныхъ народностей возможно и безъ помощи этнографовъ и лингвистовъ, спеціально свѣдущихъ по тѣмъ или другимъ группамъ народностей. Но, для наибольшей устойчивости заключеній по сомнительнымъ и особо-важнымъ начертаніямъ, необходима совмѣстная работа этнографовъ различныхъ спеціальностей, при чемъ обязательно участіе лингвистовъ, въ совершенствѣ освѣдомленныхъ во *всѣхъ внѣшнихъ* проявленіяхъ культа у народностей, петроглифы которыхъ изслѣдуются. Только международные союзы и съѣзды, сгруппировавъ спеціалистовъ, дадутъ непрерывное энергичное движеніе вопросу объ изслѣдованіи петроглифовъ, составятъ общій широкій планъ работъ, объединятъ научныя силы, уже начавшія собирать петроглифическіе матеріалы въ различныхъ частяхъ земного шара и обезпечатъ научныя предпріятія средствами.

12. Даже и въ небольшой коллекціи петроглифовъ, которую намъ удалось собрать, арійское вліяніе очевидно. Но, несмотря на представленныя параллели, затруднительно категорически утверждать, что аризированіе слѣдуетъ приписать исключительно мало-азіатскому узлу, безъ непосредственныхъ заимствованій и отъ другихъ древнѣйшихъ культуръ и безъ нѣкоторыхъ обратныхъ воздѣйствій индо-европейскаго узла аризированія, и при полной независимости отъ предполагавшейся основной средне-азіатской сферы болѣе древняго арійскаго вліянія. Хотя отрицать сношенія мало-азіатскихъ народностей съ Средней Азіею около VII вѣка до Р. Х. и невозможно[1]), но отдаленнѣйшее прошлое Восточнаго Туркестана, находящагося недалеко отъ бассейна Енисея, только что теперь начало открываться. „Ключъ ко многимъ тайнамъ древности зарытъ подъ знойными песками Восточнаго Туркестана“ (Д-ръ Г. Шурцъ).

13. Индійскія заимствованія замѣчаются въ петроглифахъ Енисея позднѣе общеарійскихъ и древне-скиоскихъ; вліяніе Индіи, повидимому, оставило менѣе глубокіе слѣды.

14. Причины разложенія культа связываются, повидимому, съ продолжительною изолированностію и съ быстрымъ угасаніемъ культуры мѣдно-бронзовой эпохи, около VI вѣка до Р. Х. Наступившее одичаніе и обѣднѣніе обитателей Енисея къ началу

---

[1]) Геродотъ и Аристей Пропонезскій. См. д-ра Г. Шурца, «Средняя Азія и Сибирь», въ «Исторіи человѣчества» Гельмольтъ, II, стран. 126, 134, 135, 136, 156 и 195. — Начало заимствованій есть основаніе отодвинуть и къ X в. до Р. Х. См. слѣд. IV томъ, стран. 250—260.

желѣзной эпохи объясняется отчасти измѣненіемъ географическихъ условій и, главное еще недостаточно выясненными историческими причинами.

15. На петроглифахъ и на другихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ замѣчены линейныя начертанія не только сходныя, но даже и тождественныя съ нѣкоторыми буквенными начертаніями енисейскаго алфавита, что указывало на необходимость графическаго анализа всѣхъ его начертаній.

16. Кромѣ того, при изученіи петроглифовъ Енисея, встрѣчено не мало тамгъ, сходныхъ, съ одной стороны, съ тамгами тюрко-алтайскихъ и тюркскихъ народностей, а, съ другой стороны, сходныхъ съ буквами древняго енисейскаго алфавита, то эта связь, наводившая на нѣкоторыя предположенія, въ свою очередь, требовала не только графическаго анализа родовыхъ знаковъ и знаковъ собственности возможно большаго числа народностей, входившихъ въ соприкосновеніе съ арійцами, но и параллелей между ними и сопоставленіями ихъ съ буквенными начертаніями древнѣйшихъ алфавитовъ.

17. Изслѣдованія петроглифовъ привели насъ къ предположенію, что генезисъ буквенныхъ знаковъ, а также и родовыхъ, и знаковъ собственности, — одинъ: всѣ эти группы начертаній состоятъ изъ знаковъ языка религіозныхъ тѣлодвиженій и жестовъ и изъ происшедшихъ отъ нихъ графическихъ символовъ.

Вытекавшія изъ хода изслѣдованія указанія на необходимость дополнительныхъ работъ, ясно подчеркивали и ихъ повѣрочное значеніе. Къ сказанному присоединялось еще напоминаніе о томъ, что происхожденіе алфавитныхъ начертаній до сихъ поръ остается невыясненнымъ[1]).

18. Предварительное изученіе петроглифическихъ начертаній на Енисеѣ, соединенное съ пріискиваніемъ параллелей ко многимъ изъ нихъ, выясняя нѣкоторыя детали и ихъ эволюціонныя особенности, постепенно подвело насъ къ болѣе разностороннимъ воззрѣніямъ на способы воспріятія и передачи графическихъ заимствованій не только петроглифическихъ начертаній и конкретныхъ знаковъ, но и загадочныхъ линейныхъ знаковъ и символовъ, которые поражаютъ необычайною широтою своего распространенія[2]) и пока, какъ бы стоятъ внѣ пространства и времени[3]). Только въ сочетаніи

---

[1]) Въ своемъ недавно вышедшемъ капитальномъ трудѣ, R. Forrer на стран. 710, говоритъ: «Die Uranfänge der Schrift sind noch in Dunkel gehüllt.» — Evans, «Cret. Pictogr. and Prae-Phoenic. Script». L. 1895. — M. Hoernes, Bild. Kunst in Europa. W. 1898. S. 349. — Petrie, Kahun und Gurob. L. Ср. «Всемірную иллюстр. исторіи письменъ», Я. Б. Шницеръ, С.-Пб., изд. Маркса. 1903 г. Вопросъ о происхожденіи алфавита, стран. 93—98; объ изобрѣтателѣ алфавита, стран. 98—108 и общій обзоръ съ генеологическою таблицею алфавитовъ, рис. 155, стран. 245—250.

[2]) Вспомнимъ объ этихъ этнографическихъ разновидностяхъ въ Египтѣ и въ древнѣйшихъ культурахъ Малой и всей Средней Азіи и Южной Европы, со всею присредиземно-морскою культурою, съ эгейскою, до-микенскою и со всѣми доисторическими эпохами и сферами ихъ вліяній и взаимодѣйствій, послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга. Конечно, присоединяя сюда не только пока загадочный центръ, востокъ и югъ, но и сѣверъ Азіи съ его еще несобранными и неразработанными петроглифами и съ енисейскимъ алфавитомъ, сохранившимъ въ своихъ начертаніяхъ драгоцѣнныя этнографическія данныя и указанія на генезисъ алфавитовъ.

Напомнимъ о линейныхъ знакахъ и символахъ современныхъ первобытныхъ народовъ Европы, Азіи, Африки и Австраліи, весьма сходныхъ между собою.

[3]) Линейные знаки и символы даютъ основаніе заподазривать практику культа и въ палеолитической эпохѣ, см. стран. 41—42 (введеніе) и далѣе, главу V-ю.

съ цѣлою серіею знаковъ такого же графическаго порядка[1]), присоединяя къ нимъ, согласно имѣющимся петроглифическимъ указаніямъ[2]), и нѣкоторые сигнографы конкретные, неподвергшіеся графическому отвлеченію, мы можемъ, до извѣстной степени, приблизиться къ представленію всей серіи знаковъ послѣдней формы при-средиземно-морского оптическаго письма. Таковая же, восточно-азіатская китайская форма[3]), во многихъ знакахъ изобразительной и указательной категорій, представляетъ драгоцѣннѣйшій для исторіи человѣчества этнографическій конкретный матеріалъ. На основаніи знаковъ этой восточной формы, но лишь при замѣнѣ многихъ сигнографовъ своеобразнаго китайскаго начертанія имѣющимися арійскими гомологами ихъ, при общихъ усиліяхъ лингвистовъ, археологовъ и этнографовъ всей земли, возможно возстановить важнѣйшіе и характернѣйшіе сигнографы-элементы оптическаго до-алфавитнаго письма, т.-е. послѣдней стадіи эволюціоннаго развитія западно-азіатской формы, начавшей накрываться сначала силлабаріями, а затѣмъ и алфавитами, съ буквами-сигнографами, символами, крипто-графами, и изъ нихъ выдѣлившимися впослѣдствіи и шрифто-графами одного и того же генезиса.

Обращаясь къ вопросамъ о символо-графическихъ заимствованіяхъ и ихъ миграціи въ отдаленныхъ доисторическихъ эпохахъ, должно всегда имѣть въ виду, что всѣ попытки построенія генезиса названныхъ сигнографовъ, особенно простѣйшихъ по начертанію и имѣющихъ распространеніе, поражающее своею обширностію, *до выясненія всего эволюціоннаго ряда ихъ этнографическихъ производителей*, не всегда могутъ быть плодотворны: легко стать на ложные пути и надолго задержать движеніе этого важнаго вопроса[4]). Не будемъ останавливаться на чисто лингвистическихъ попыткахъ объясненія происхожденія нѣкоторыхъ знаковъ трактуемаго порядка, въ виду свойствъ самыхъ доказательствъ и способовъ ихъ изслѣдованія и обобщенія, а главное, въ виду того, что появленіе нѣкоторыхъ сигнографовъ есть основаніе

До-неолитическое время, турасская эпоха (Tourassien). Reallex. R. Forrer, 86 и 921. — Ed. Piette «Les galets colories du Mas-d'Asil». — Mehlis u. Wilser «Die bemalten Kiesel vom Böhl bei Neustadt». — M. Hoernes. Urgesch. Bild. Kunst. W. 1898. — Soph. Müller. Urgesch. Europas. S. 1905.

[1]) Родовые знаки, знаки собственности, охранительные знаки и символы, кабаллистическіе знаки, амулеты, сигнографы, конкретографы и символы на монетахъ, печатяхъ, цилиндрахъ, глиняныхъ напряслахъ. Одна Троя дала Шлиману болѣе 18000 напряслицъ. Этотъ цѣнный для выясненія эволюціи письма матеріалъ еще не тронутъ. Нумизматика обладаетъ обширными и еще нетронутыми энтографическою разработкою данными. На русскихъ монетахъ, особенно княжескихъ и велико-княжескихъ, ярко отражаются средне-азіатскія вліянія языческихъ культовъ на символическихъ начертаніяхъ.

[2]) Собираніе петроглифовъ на всемъ земномъ шарѣ, съ соблюденіемъ современныхъ научныхъ требованій, можно сказать, только что началось, но предварительное обозрѣніе всѣхъ имѣющихся теперь матеріаловъ о петроглифахъ представляется весьма желательнымъ, потому что можетъ ускорить и объединить изслѣдованія и обобщенія и оказать много другихъ полезныхъ услугъ, помимо критики и руководящихъ указаній.

[3]) Проф. А. О. Ивановскій. Китай Энц. Слов. Бр. и Эфр. 29. 212—214. — Шницеръ, Вс. илюстр. ист. письм. Стран. 45, см. рисунки, и о знакахъ Цанки.

[4]) Теорія Руже, построенная на заимствованіи и миграціи *знаковъ*, какъ таковыхъ, совершенно игнорируя ихъ психологическія и этнотрафическія связи, игнорируя языкъ движеній въ культѣ, сравнивая конкретографы и сигнографы различныхъ эволюціонныхъ градацій, игнорируя повороты знаковъ, не могла давать вѣрныхъ сопоставленій. — Поучительны попытки объяснить происхожденіе нѣкоторыхъ символическихъ начертаній на основаніи чисто лингвистическихъ и эмблематическихъ соображеній. См. Rongemont, Le peuple primit. G. 1855 и у Falb, Das Land der Inca. L. 1883.

относить къ тому древнѣйшему періоду исторіи человѣчества, когда преобладающимъ средствомъ общенія былъ мимическій языкъ.

И чисто археологическій путь, направленный къ той же цѣли, повидимому, по ископаемымъ слѣдамъ, также нельзя признать ведущимъ къ исчерпывающему рѣшенію этого вопроса и, намъ кажется, сомнительною надежда, что только одна „лопата въ одинъ прекрасный день рѣшитъ“ и вопросъ о генезисѣ загадочныхъ линейныхъ знаковъ[1]), и, развязавъ центральный узелъ, расплететъ и всѣ прочія пряди этнографическихъ нитей, въ него вошедшихъ.

Возможно утверждать, что только этнографическіе методы изслѣдованія и обобщенія, отнюдь неигнорирующіе фактическихъ данныхъ ни одной изъ антропологическихъ наукъ, могутъ привести къ рѣшенію этого вопроса. И вѣрнѣйшимъ залогомъ успѣха этнографіи будетъ ея категорическое заявленіе, что разрѣшеніе вопроса о генезисѣ этихъ произведеній духа человѣческаго, не можетъ лежать *въ самихъ линейныхъ знакахъ*, т.-е. только въ ихъ графической сущности, — что разнообразнѣйшія сравненія и сопоставленія тождественныхъ простѣйшихъ сигнографовъ, столь значительно отдаленныхъ другъ отъ друга, и въ пространствѣ и во времени, есть своего рода пассьянсъ. Цѣлесообразнѣе искать и другихъ путей. Основываясь, напримѣръ, на живучести этнографическихъ явленій, слѣдуетъ настойчиво искать соотвѣтственныхъ пережитковъ и матеріаловъ для заключеній по аналогіи. Языкъ движеній, сдѣлавшись, въ большей или меньшей мѣрѣ, наслѣдственнымъ, вслѣдствіе психо-физіологической эволюціи всѣхъ органовъ, участвовавшихъ въ повторяемости нѣкогда аналитическихъ движеній, и потерявъ свое прежнее значеніе, продолжаетъ жить совмѣстно съ рѣчью, всегда опережая ее въ проявленіяхъ чувствъ и желаній и, въ большинствѣ случаевъ, безсознательно отражая ихъ съ большею искренностію. Но серія сигно-графовъ и конкрето-графовъ, входившихъ въ систему письма до-алфавитнаго, разсыпавшись, не исчезла безслѣдно: ея графическіе продукты переселились въ другіе этнографическіе виды и разновидности, въ этомъ нуждающіеся.

О томъ, какъ продолжителенъ былъ этотъ культурный періодъ, можно только смутно себѣ представить, вспомнивъ, что нѣкогда безсознательныя движенія, войдя въ мимическій языкъ, сдѣлались аналитическими (сознательными) и, послѣ того, большинство изъ нихъ, путемъ продолжительной наслѣдственной передачи, перешли опять во врожденныя, т.-е. какъ бы снова сдѣлались автоматическими, но для жизненныхъ потребностей высшаго порядка, пріурочиваясь къ выраженію различныхъ комплексовъ чувствъ и мыслей.

Исторія письма (беря это понятіе во всемъ его объемѣ), его эмбріональная пиктографическая стадія, зачатки дифференціаціи письма изъ изобразительнаго искусства, ихъ тѣсная связь съ характерными памятниками дифференціаціи и самого искусства, конечно въ разновидностяхъ и особенностяхъ, ближе стоящихъ къ письму, могутъ показать, что эти этнографическія разновидности, и разлагаясь, не умираютъ во всемъ своемъ составѣ, а переходятъ въ иныя проявленія этнографической жизни,

---

[1]) Фразеръ, Объ источникѣ Микенской цивилизаціи. См. проф. Э. Клоддъ. Эволюція человѣка въ письменахъ. С.-Пб. 1908 г., стран. 68.

удерживая свои графическія формы и вытѣсняя бывшія тамъ предшествующія начертанія (въ данномъ случаѣ конкретографы); при разложеніи культуры передвиженіе, конечно, наблюдается въ обратномъ порядкѣ. Идя по этимъ слѣдамъ загадочныхъ линейныхъ знаковъ, возможно очень близко подойти къ ихъ этнографической родинѣ и даже увидать ее, а такая локализація въ вопросѣ объ ихъ генезисѣ несомнѣнно важнѣе географической уже потому, что сигнографы, „криптографы" и ихъ производные „шрифтографы" могутъ переслаиваться,-и коротенькія „надписи", съ сочетаніемъ сходныхъ конкретографовъ и сигнографовъ, съ одинаковою вѣроятностію можно принимать за силлабическое и за оптическое письмо[1]).

Когда жили всѣ предполагаемые этнографическіе производители загадочныхъ сигнографовъ, т.-е. вся совокупность практики культа, — со всѣми мимическими элементами религіознаго и бытового языка движеній, со всѣми ихъ производными, сигнографами и символографами, отъ нихъ происшедшими и ихъ обозначавшими, — тогда только могли бы вполнѣ обрисоваться всѣ психологическія особенности и всѣ характерныя черты первоначальныхъ и послѣдующихъ фазъ воспріятій графическихъ заимствованій. Но и теперь, не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что сигнографы мимическаго генезиса не могли явиться ранѣе тѣлодвиженій, которыя ими означались, и всей серіи основныхъ аналитическихъ жестовъ, сдѣлавшихся уже элементами мимическаго языка. Значительная продолжительность вышеотмѣченной психо-физіологической подготовки, какъ явленія эволюціоннаго порядка, не можетъ быть игнорируема. Послѣ пиктографической стадіи и при установленіи основной серіи сигнографовъ, заимствованія весьма продолжительное время *воспринимались не отъ знаковъ*, а непосредственно, — изъ первоисточника: отъ религіознаго и народнаго языка движеній, обосновываясь слѣдовательно, преимущественно, если не исключительно, на законахъ переимчивости и подражанія[2]). Конечно, при обсужденіи раннихъ миграціонныхъ заимствованій, надлежитъ обращать особое вниманіе на изслѣдованія и разработку низшихъ эволюціонныхъ ступеней, чтобы не повторять ошибочныхъ гипотетическихъ построеній генезиса и заимствованій загадочныхъ линейныхъ знаковъ и символовъ сверху, — беря эти разновременные и разнородные пиктографы (гіероглифы) и сигнографы и основаніемъ и матеріаломъ для построенія[3]). Заимствованія же дальнѣйшія, — начиная съ дифференцированія пріемовъ начертаній фигуръ человѣка, прямо (спереди и сзади) и сбоку (справа и слѣва), во весь ростъ и въ поясъ,

---

[1]) См. рисунки конкретографовъ и сигнографовъ у Evans, Tsoundas, Petrie, S. Miller, Hoernes, Forrer, Э. Клоддъ.

[2]) Tard, G. Les lois de l'imitation. — Русскій пер. Павленкова. С.-Пб. 1892 г. — Хотя, сколько намъ извѣстно, Тардъ спеціально не касался графическихъ вопросовъ, насъ интересующихъ, но его основныя идеи намъ кажутся весьма плодотворными въ приложеніи къ отдаленнѣйшимъ доисторическимъ заимствованіямъ. — Сопост. Р. де-ла-Грассери. Психологія религій. С.-Пб. Изд. Ф. Павленкова. Глава V.

[3]) См. генетическую таблицу Руже у Я. Б. Шницеръ, В. Илл. ист. письм. стран. 93—97 и рис. 64 (сопост. рис. 43 и 155), у професс. Э. Клодда, Ист. алф., стран. 51 съ рис. въ сравненіи съ табл. (Ebers) Эберса и сравнительными таблицами 37 важнѣйшихъ изъ древнихъ алфавитовъ въ Forrer's, Reallex. 1907, S. 5. 710 (Fig. 546) и Taf. 202 (S. 714) и 203 (S. 715). Одно внимательное ознакомленіе съ этимъ графическимъ матеріаломъ, помимо критскихъ и родственныхъ имъ письменъ, убѣдитъ, что теорія Руже построена на доказательствахъ и обобщеніяхъ, не имѣющихъ принудительной силы.

переходъ къ начальнымъ графическимъ символамъ, легче составляемымъ и воспринимаемымъ, не говоря о символахъ послѣдующихъ графическихъ отвлеченій, — будутъ уже обосновываться на усиленіи вниманія, представленій, воображенія, памяти, вообще и отъ воспринимающаго потребуютъ уже значительнаго повышенія умственнаго уровня, хотя не выходящаго еще изъ предѣловъ начальнаго конкретнаго мышленія.

19. Какъ единство законовъ природы обусловило единство законовъ психо-физіологической эволюціи и единство законовъ духа человѣческаго, такъ и единство строенія тѣла человѣческаго, какъ органа мимическаго языка, въ свою очередь, объединило почти все человѣчество не только въ языкѣ движеній, но и въ основныхъ линейныхъ начертаніяхъ, которыми эти движенія и выражаемыя ими мысли, чувства и желанія обозначались.

Это объединеніе въ языкѣ движеній и въ свѣтовомъ письмѣ было первымъ крупнымъ культурнымъ пріобрѣтеніемъ человѣчества, завершившимъ необычайно длинный періодъ его первобытной до-алфавитной жизни. Графическое наслѣдіе и этнографическая почва для эволюціи алфавита намъ представляются, въ общемъ, достаточно опредѣлившимися и генезисъ большинства шрифто-графовъ кажется очевиднымъ.

20. Но, проходя подготовительную эволюціонную школу, человѣкъ навѣрное обращалъ все большее и большее вниманіе на голосъ, на давняго непрошеннаго соучастника въ мимическомъ общеніи, не оставлялъ его безъ практики и понемногу имъ пользовался. Объединеніе въ основныхъ знакахъ мимическаго языка и въ начертаніяхъ, имъ соотвѣтствующихъ, должно было привести, если не къ полному объединенію, то къ значительному согласованію звуковыхъ знаковъ съ мимическими и съ ихъ начертаніями.

Намъ кажется весьма правдоподобнымъ предположеніе, что нѣсколько сотенъ знаковъ живого мимическаго языка и соотвѣтствующихъ имъ начертаній могли, до нѣкоторой степени, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, руководить начальною практикою и въ рѣчи и въ сложеніи языка. Едва ли возможно сомнѣваться, что, даже при такомъ переломѣ въ эволюціи письма, каковымъ обыкновенно представляется переходъ отъ изображенія мысли къ записи звуковъ рѣчи, или смѣна оптической системы письма фонетическою, при ближайшемъ разсмотрѣніи, можно увидѣть неразрывныя тѣсныя эволюціонныя связи, — и значительную долю преемства, и причинную зависимость, и взаимодѣйствіе съ взаимопомощію, — особенно, вникнувъ во всю совокупность психо-физіологической эволюціи.

Графическій анализъ енисейскаго алфавита и родовыхъ знаковъ собственности представляется далѣе, въ отдѣльныхъ главахъ. Результаты этихъ дополнительныхъ работъ, какъ увидимъ далѣе, превзошли наши ожиданія.

Само собою разумѣется, что мы далеки отъ претензіи придавать представляемому сравнительному археолого-этнографическому очерку (части петроглифовъ Енисея) законченное исчерпывающее значеніе. Необходимость энергичнаго и умѣлаго собиранія

дальнѣйшихъ матеріаловъ, а главное — и внимательнаго пофигурнаго изученія петроглифовъ на мѣстѣ (помимо снимковъ и оттисковъ) для насъ слишкомъ очевидна. Общій планъ этой нелегкой работы и частныя къ ней поясненія нами попутно сдѣланы во многихъ мѣстахъ. Если найдутся достаточныя средства для скорѣйшаго и наиболѣе обстоятельнаго веденія этой работы, мы предпочтемъ начать съ петроглифовъ, оставшихся нами неосмотрѣнными. Обработку матеріаловъ мы намѣрены заканчивать отдѣльно по каждому петроглифу, т.-е. по мѣстностямъ и по группамъ. Общее же сравнительное обозрѣніе, параллели и окончательные выводы, будутъ сдѣланы послѣ обслѣдованія и снятія снимковъ и оттисковъ всѣхъ петроглифовъ Енисея, не исключая, конечно, и тѣхъ, которые обслѣдованы нами только предварительно, рекогносцировочно.

IV.

Символы и орнаментъ мѣдно-бронзовой эпохи на оружіи, на принадлежностяхъ культа и домашняго обихода.

1. Символы на оружіи и утвари. — Символизація жертвенными животными. — Предварительныя заключенія и хронологическія соображенія. — 2. О бронзовомъ гусѣ.

1. Символы на оружіи, котлахъ и горшкахъ.

II таблица, рисунки XXIV, XXV, XXVII, XXVIII, XXIX, XXX и XXXI.

Приложеннымъ рисункамъ мы придаемъ напоминающее значеніе, освобождающее отъ справокъ, при предварительномъ ознакомленіи съ указываемыми начертаніями. Желающихъ ближе ознакомиться съ формами древностей мѣднаго вѣка на Енисеѣ мы отсылаемъ: 1) къ труду акад. В. В. Радлова „Сибирскія древности", гдѣ рисунки въ большемъ масштабѣ, художественно исполненные, и гдѣ интересующіеся найдутъ подробное описаніе предметовъ; 2) къ фототипическому альбому съ объясненіями „L'age du bronze au musée de Minoussinsk, par Fi. — R. Martin. Stockholm и къ атласу „Древн. Минус. Музея", Д. А. Клеменца.

Сперва мы разсмотримъ наконечники топоровъ (celts).

1. Прямой крестъ. Наиболѣе типично выраженъ на фиг. 7, рис. XXIV, табл. II[1]), и на фиг. 4, рис. XXIX; послѣдній интересенъ тѣмъ, что впадина, въ которой отформованъ крестъ, внизу очерчена ломаною эмо-видною линіею, что констатируетъ, по нашему мнѣнію, наличность символа double-vé, въ данномъ случаѣ, въ нижнемъ (эмо-видномъ) поворотѣ, а это можетъ быть принимаемо за указаніе на соотвѣтственное сгибаніе ногъ, при чемъ наибольшее религіозное значеніе имѣло самое присѣданіе, на что древніе греки и римляне, какъ извѣстно, обращали вниманіе[2]). Но присѣданіе получится и при усиленномъ раздвиганіи ногъ, при чемъ указываемый и петроглифическими начертаніями подъемъ бедра становится излишнимъ и что, впослѣдствіи, означалось просто широкою дугою, какъ это видно на енисейскихъ петроглифахъ и что можно заподазривать и на сложномъ благословляющемъ начертаніи (Т. XI. 18. 9), связанномъ съ концомъ XVII надписи на Кемчикѣ (Кайябаши)[3]).

---

[1]) Сиб. древн. II, 1 в. V. 2. — Ср. гіератическій знакъ на XII т. 17. 4. b. n. — Напомнимъ краснофигурное петроглифическое начертаніе (IX т. XVI. 5), но въ поворотѣ, и съ опусканіемъ рукъ.

[2]) Voulliemе. «Quomodo veteres adoraverint». H. 1887. Стран. 11—12.

[3]) См. труды 1-й Финляндской экспедиціи и Атласъ Орхонской экспедиціи.

Крестообразный знакъ молящагося человѣка, особенно по начертанію въ „Атл. древностей Монг.“, изданномъ акад. В. В. Радловымъ, можно разсматривать, какъ полный, т.-е. съ означеніемъ широко раздвинутыхъ, присѣдающихъ, почитающихъ и, вѣроятно, въ то же время, и благословляющихъ землю ногъ. Надъ человѣкомъ и надъ землею, на которой онъ стоитъ, два знака благословенія, графически различныхъ, можетъ быть, они принадлежатъ двумъ различнымъ божествамъ, изъ которыхъ одно нѣсколько (не до полнаго включенія въ себѣ) могущественнѣе другого, но, намъ кажется, есть основаніе разсматривать ихъ, какъ поучительную этнографическую и, въ соотвѣтственныхъ предѣлахъ, археологическую автограмму: дѣло въ томъ, что верхній благословляющій знакъ графически значительно моложе нижняго. Генезисъ перваго — отъ рукоположенія, изображеннаго въ опытѣ классификаціонной таблицы XII, на правой резюмирующей сторонѣ, на 15, фиг. 5, форма слишкомъ похожая на горшкообразные купола „ступъ“, чтобы затрудняться въ культурной эпохѣ[1]). Генеалогія второго благословляющаго знака несомнѣнно древнѣе (Табл. XII. II. 2. 4).

Алфавитныя графическія параллели и здѣсь подтверждаютъ наши предварительныя классификаціонныя соображенія. Сравнивъ буквы енисейскаго алфавита, табл. X. II. 7. 1 и 14. 2 съ таблицею О. Доннера (O. Donner)[2]) сходныхъ начертаній съ малоазіатскими алфавитами (Табл. XIII), найдемъ треугольный (3) и четыреугольный (15 строка) знаки покрова или благословенія, но овальнаго не видимъ: слѣдовательно, его можно считать за азіатское позднѣйшее пріобрѣтеніе. Кстати, тутъ же, на 11-й строкѣ, видимъ „М“ (эмъ) — символъ, въ нижнемъ поворотѣ, съ начертаніемъ, тождественнымъ[3]) съ начертаніемъ подъ прямымъ крестомъ разсматриваемаго мѣднаго топора, что, въ сочетаніи съ горизонтальнымъ распростираніемъ рукъ, склоняетъ признать за разсматриваемымъ топоромъ до-буддійскую древность, конечно не въ смыслѣ абсолютнаго синхронизма. Сложный же символъ, намъ кажется, отмѣчаетъ начальное время появленія буддизма. Трудно отрѣшиться отъ невольно возникающей параллели, географически очень отдаленной, но, намъ кажется, не безполезной для того, чтобы возбудить сомнѣніе въ научности характеристики погребенія только одними внѣшними особенностями погребенія, уклоняясь отъ всякой попытки дать по нимъ хотя предварительное заключеніе о внутреннихъ особенностяхъ погребальнаго культа. Намъ вспоминается обстоятельный поперечный разрѣзъ съ тройнымъ покровомъ погребальной урны сверху и двойнымъ снизу, помощію широкихъ плоскодонныхъ горшковъ[4]). Сходство горшковъ съ таковыми же въ ящикообразныхъ погребеніяхъ, несмотря на внѣшнія отличія въ погребеніи, подчеркивается усиленными попеченіями погребавшихъ склонить небо и землю къ многократному огражденію и вызываютъ предположеніе только о расовыхъ отличіяхъ погребавшихъ, въ религіозныхъ же воззрѣніяхъ они

---

[1]) Ср. съ двойнымъ покровомъ въ ореолѣ божества Бирской стеллы.

[2]) Inscr. de l'Orkhon, XLIII. — Таблица О. Доннера перепечатана, см. XIII табл., съ прибавленіемъ буквенныхъ начертаній древняго кипрскаго слогового алфавита и нѣкоторыхъ финикійскихъ.

[3]) См. Карія и Кипръ.

[4]) Колоколообразная гробница изъ Гоголева (по Оссовскому). Проф. Л. Нидерле. «Человѣч. въ доисторическія врем.», стран. 409, рис. 302. Ср. съ стран. 324.

видимо сходились другъ съ другомъ. Петроглифное означеніе нѣсколькихъ покрововъ на долменѣ у Гавра[1]), какъ сдѣланное только сверху, является недостаточнымъ для означенія такого ряда концентрическихъ круговъ. Эволюціонныя измѣненія въ культѣ едва ли могутъ свершаться въ такой незначительный промежутокъ времени, не давая никакихъ отраженій на предметахъ внѣшней культуры[2]).

Обращаясь къ прямому кресту на петроглифахъ Орхона, должно отмѣтить, что начертанія, табл. XI. 18. 5 (ср. 14. 7), 18. 10 (крестъ означаетъ рукоположеніе, а угловые знаки — поворотъ ладони внизъ), табл. X, „инициалы", 10 и 11, съ болѣе соотвѣтственнымъ поворотомъ низомъ вверхъ (какъ знаки съ молитвеннымъ обращеніемъ вверхъ), мы склонны отнести къ до-буддійскому времени[3]). Знакъ креста (несимметричнаго) на черепахѣ[4]) и крестикъ съ дугою внизу (ср. 22. 5) съ движущимъ колесомъ[5]) для вращенія слѣдуетъ отнести къ буддійскому времени. Напомнимъ, кстати, о механическомъ значеніи въ практикѣ культа носимыхъ символическихъ украшеній, кистей, бунчуковъ, бахромокъ, и т. п.

2. Косой или лежачій крестъ. Табл. II. XXIV. 2 (Сиб. древн., томъ II, вып. IV. I. 3), 4 (Сиб. древн. VI. 1); рис. XXV. 5 и XXVII. 10. Послѣднюю форму, съ параллельными линіями въ верхнемъ и нижнемъ углахъ, очевидно усиливавшими символизацію молитвы, можно сопоставлять съ начертаніемъ на архаической вазѣ изъ Саламиніи, табл. I. XVI. 5, а также и съ кистевыми, щетко, бахромо и гребне-видными уборами.

3. Угловой равнобедренный символъ.

Табл. II. XXVII. II, наконечникъ ножен (Сиб. древн. I. XIX табл. 8), дублированные основные (египетскаго начертанія) символы, въ верхнемъ поворотѣ; рядомъ знакъ рыбы въ нижнемъ посвященіи. — Рис. XXIV. 2, въ верхнемъ и боковыхъ поворотахъ и фиг. 3 — боковые повороты. Основные символы въ молитвенномъ обращеніи къ небу находятся подъ одною, двумя и тремя линіями, образующими кайму, такимъ образомъ они могутъ показаться пассивными знаками: активная сигнализація можетъ быть отнесена къ угламъ, образующимся между верхними знаками, но не всегда для усиленія эти углы раздѣляются линіями, свѣшивающимися внизъ (XXV, 6 и XXVII, 13), это ясно видно на стрѣловидномъ знакѣ (II табл. XXIV, 4), отнюдь не уничтожающемъ религіознаго значенія этого знака[6]).

Къ типичнымъ топорамъ, съ основными символами, безъ свѣшивающихся линій,

---

[1]) Forrer's Reallexikon. 914. 285. 6 и 8.

[2]) Нѣсколько примѣровъ огражденій: XII т. л. 16. 8 и 9; 17. 6 и 12; 18. 15. Спираль (VII т. 3. 5) замѣчена въ петроглифахъ разъ, — и очевидно во время буддизма; стадія развитія спиральнаго символа на Енисеѣ еще не установлена, онъ началъ развиваться и стилизироваться, повидимому, уже вблизи Европы.

[3]) Но поворотъ, означенный на табличкѣ съ «инициалами», весьма интересенъ: 11 фиг. (табл. X) молитву предка владыкѣ подземнаго міра и благословеніе, сигнализируемое ногами, направленное къ земной поверхности, т.-е. къ живому родоначальнику. Основываясь на символическомъ начертаніи Бирской стеллы.

[4]) Табл. XI. 18. 6. — Ср. съ черепахой въ Америкѣ, Скулькрафтъ (Schoolcraft), pl. 45, Antiqu. fr. New-Iork and South Carolina.

[5]) Gebet-rad und gebet-cepter. — Ср. у Schlagintweit, «Indien in Wort und Bild.» L. 1880.

[6]) Ср. табл. XII, л. с. 17. 14., т.-е. китайскій іероглифъ «сильный» (tin). Мы понимаемъ его, какъ знакъ благословенія (одною рукою) предка, подъ чертою земли антиподально означеннаго.

относятся, кромѣ вышеуказанныхъ, три, изображенныхъ въ „Сиб. древн.“, томъ II, вып. I. II. 1, 2, 3 и 4[1]).

Топоры съ угловыми символами и линіями, свѣшивающимися изъ угловъ, обращенныхъ внизъ, табл. II. XXV. 6 и рис. XXVII. 12. Въ „Сиб. древн.“, томъ II, вып. I. II, табл. 5, 7, 8, 10 и 11. — Съ расходящимися линіями, см. тамъ же: фиг. 6.

Группа кельтовъ (celts a douille) безъ верхнихъ религіозныхъ символовъ, а съ прямоугольнымъ нижнимъ символомъ, типа, означен. на XII табл. п. 13. 3, помѣщена, въ атл. Мартина (R. Martin), на I табл.; эта основная символическая линія такимъ образомъ не должна быть смѣшиваема съ вышеотмѣченною орнаментальною линіею.

4. Отмѣченныя въ описаніи топора, на V табл. „Сиб. древн.“, фиг. 4-я, треугольныя впадины, т. II. XXIV. 6, представлются на рисункѣ отпечатками ногъ. Невольно возникаетъ такой же вопросъ и о топорѣ, изображенномъ на XXXI рис., хотя мы болѣе склоняемся къ тому, что крестъ, расходящійся книзу, скорѣе можетъ представлять внутреннюю сторону бубна, и гребенчатые свѣсы — „срга“ (серьги) или клычи и кунгру.

5. На рукояткѣ ножа, табл. II. XXVII, начерчена рыба, жертвуемая небесному божеству (ср. на этомъ же рис. съ фиг. 11). На фиг. 12-й изображенъ амулетъ, съ изображеніемъ двухъ рыбокъ, съ разинутыми ртами; по дырочкѣ для подвѣшиванія, символъ обращается къ небу. На рис. XXXIII срисована одна изъ нѣсколькихъ рыбъ, находящихся въ коллекціи И. А. Лопатина. Обломанный хвостъ тонкимъ штрихомъ пририсованъ. Сопост. рис. XV табл. I съ рис. XVII. II пр.

6. Разинутая пасть животнаго, птицы и рыбы имѣетъ также религіозное значеніе при жертвоприношеніяхъ: это часто наблюдается на петроглифахъ Енисея и въ начертаніяхъ греческихъ, а также и на украшеніяхъ. См. табл. II. XXV, фиг. 2 и 3; на рис. XXIX, фиг. 5; еще см. табл. I. XXXI, фигуры изъ д. Базаихи.

7. Украшенія на горшкахъ часто имѣютъ видъ религіозныхъ символовъ, см. рис. XXIX, фиг. 1, 2 и 3.

8. Рукоятки ножей оканчиваются иногда кругомъ, украшены ломаной линіею или двумя рядами косыхъ крестовъ, встрѣчается эмъ-символъ въ обыкновенномъ положеніи и въ поворотѣ вверхъ. (См. рис. XXVII, фиг. 1—9.)

9. На верхней части рукоятки кинжаловъ часто отливается кругъ, овалъ; рѣдко, но встрѣчается и перекрещиваніе дугъ, расширенныхъ, обручевидныхъ, образующихъ пустоту, въ которую могъ бы вставляться полый внутри звенящій шарикъ, но чаще верхняя часть рукоятки украшается двумя головами грифовидныхъ хищныхъ птицъ, клювами внутрь, изрѣдка головами животныхъ, обращенныхъ наружу, своимъ положеніемъ символизирующихъ молитву, жертву и принятіе жертвы. Эти парныя животныя, сигнализирующія собою религіозные символы, часто встрѣчаются въ кипрскихъ, этрусскихъ древностяхъ и на руническихъ камняхъ. См. табл. II. XXIV. 8; рис. XXX. Ср. табл. I. XXXVIII. 1. съ литыми изъ мѣди горными баранами, аборигеновъ Сибири, двухъ домашнихъ козловъ этрусковъ (2), и съ начертаніями двухъ козъ съ кипрской геммы (3) и съ начертаніями двухъ головокъ птицъ руническаго камня (4).

---

[1]) Hoernes, «Die Urgesch. des Menschen». W. 1892. S. 316, 377, 378. — Reallexik., Forrer. S. 122, Taf. 33. 5 и S. 311. Taf. 75. 6. — Aspelin, Atlas. Viatka. 6.

10. Изъ буквенныхъ начертаній енисейскаго алфавита нѣкоторыя встрѣчаются и отдѣльно, не въ видѣ украшеній. На рукояткахъ ножей встрѣчаются: прямой и косой крестъ, показатель поднятія руки, кругъ съ угловымъ символомъ (Табл. X. Иниц. 9), эмъ-символъ, въ обычномъ нижнемъ поворотѣ и въ верхнемъ, „Ш“ — символъ, въ различныхъ украшеніяхъ VIII табл. „Древн. Минус. музея“ видимъ „омега“ и „вѣди“ — символы съ значительными загибами внутрь и наружу, узловой символъ съ загибами концовъ наружу, три типичныхъ жертвенныхъ положенія козы, оленя и лошади.

11. Обратившись къ орудіямъ и предметамъ мѣдно-бронзовой эпохи Минусинскаго Музея[1]), ограничиваясь, за недостаткомъ времени, только самымъ общимъ предварительнымъ осмотромъ данныхъ по интересующему насъ отдѣлу изобразительнаго искусства, т.-е. по сохранившимся въ родовыхъ знакахъ, въ мотивахъ орнамента и въ символизаціи фигурами животныхъ, древнѣйшимъ графическимъ памятникамъ по практикѣ культа или по мимико-графическому религіозному символизму. Мы не теряемъ надежды впослѣдствіи дать и спеціальную работу въ этомъ направленіи. Теперь же мы вынуждены ограничиться предварительными данными общаго характера. Всѣхъ такихъ начертаній, съ дублетами, замѣчено не болѣе 50—60, изъ 6000—7000 №№ мѣдно-бронзовой курганной эпохи, т.-е. на 110—115 предметовъ приходится 1 съ начертаніемъ, болѣе или менѣе цѣннымъ для соображеній о различныхъ стадіяхъ религіознаго графическаго символизма, прямыхъ (символическихъ) или косвенныхъ (орнаментальныхъ).

Символы встрѣчаются преимущественно поодиночкѣ; очень рѣдко, около 2%, встрѣчаются парные символы или дублированные угловые, почти 4% какъ усиленіе религіознаго значенія символа.

Надписей не встрѣчено, но это, конечно, не можетъ служить основаніемъ для категорическаго утвержденія, что енисейскій алфавитъ, въ составѣ древнѣйшихъ знаковъ этого обильнаго буквенными знаками алфавита, чуть не во всѣхъ четырехъ поворотахъ, не былъ извѣстенъ обладателямъ оружія и предметовъ съ древнѣйшими угловыми символами, процентное ихъ число, по имѣющимся даннымъ, наибольшее— около 8—10%. Немногимъ менѣе процентъ прямоугольныхъ символовъ и орнаментальныхъ украшеній. Дугообразные символы преобладающаго коненскаго типа и дуговидные очень рѣдки, едва 2%. Таковъ же процентъ эсовидныхъ символовъ округленнаго очертанія, безъ зачатковъ спирализаціи концовъ этихъ символвъ; спирализація,

---

[1]) Номера орудій музея съ символическими и орнаментными знаками: I. 32, 46, 49, 51, 61, 76, 83, 89, 106, 107, 108, 111, 113. 119 и 123; III. 32, 42, 47, 51, 63 и 65; V. I; VI. 7; X. 83, 89, 94 и др.; XIV. 36, 37, 42, 62, 63, 77, 79, 95, 113, 130, 146, 153, 157, 159, 160 и нѣкот. др.

Перечень таблицъ атласа Ф. Р. Мартина, F. R. Martin, Musée de Minoussinsk съ изображеніями орудій и предметовъ съ символическими и орнаментными знаками: II. 5, 10 и мног. др.; III. 1, 2, 7, 12, 21 и др.; IV. 20 и др.; VI. 5 и др.; VII. 1, 2, 3, 4, 5, 6; VIII. 1, 2, 9, 10 и др.; IX. 9, 18 и др.; X. 3 и др.; XI. 1 и мног. др.; XII. 1, 26, 27 и др.; XIII. 1, 2, 3, 4, 5, 8, 12, 13, 14, 16, 30 и др.; XIV. 4, 5, 6, 7, 9, 17, 23 и мнот. др.; XV. 2, 3 и мног. др.; XVI. 1, 16 и мног. др.; XVII. 15, 17 и мног. др.; XVIII. 25 и др.; XIX. 1, 8 и мног. др.; XX. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11. 12, 13 и др.; XXI. 1, 2, 3, 4, 7, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 18, 20, 22; XXII. 3, 8, 12 и мног. др.; XXIII. 1, 2 и мног. др.; XXIV. 10, 11 и мног. др.; XXV. 1; XXVII. 8, 10, 15, 17, 12; XXVIII. 19, 21; XXIX. 12, 13, 15, 16 и мног. др.; XXX. 7, 13, 32 и мног. др.; XXXI. 1, 6, 11, 12, 16, 69, 16 и мног. др.; XXXII. 10, 11, 21, 26 и мног. др.; XXXIII. 1, 4.

въ немъ замѣченная, не превосходитъ двухъ оборотовъ, такой символъ замѣченъ пока только на одномъ предметѣ. Символовъ въ округленномъ начертаніи, включая и солнечные знаки, характерные для Енисея, около 6—8%. На оружіи довольно распространено, особенно въ орнаментныхъ мотивахъ, супротивное сопоставленіе двухъ дугъ или серповъ такъ, что конецъ одной дуги приходится у средины другой, нѣсколько подобно готской рунѣ, изображенной на XI табл. 23. 12 пр. Такихъ символическихъ сочетаній двухъ дугъ встрѣчается около 4—6%. Интересенъ знакъ поклоненія восходящему солнцу на одномъ изъ серповидныхъ ножей Минусинскаго Музея (№№ XIV 79) тождественный съ арабскою тамгою (XII л. 15. 10 н.), съ киргизскою, малой орды (XI табл. 19. 5. п. н.) и знакомъ поклоненія заходящему солнцу, этой же графической стадіи того же культа, въ большой Кабардѣ (Уздень Анзорова). Должно напомнить, что почти всѣ предметы мѣдно-бронзовой эпохи музея подъемные и что анализовъ бронзы сдѣлано очень немного. Орудія съ родовыми знаками и религіозными символами различныхъ эпохъ, относящихся къ типичнымъ по символамъ и орнаментаціи, должны быть подвергнуты анализу. Кромѣ того, надо, насколько возможно, выяснить не зависѣлъ ли довольно значительный процентъ встрѣчающихся мѣдныхъ орудій отъ недостатка олова.

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ уже можно сдѣлать предварительное заключеніе, что древнія мало-азіатскія культурныя заимствованія, перейдя Алтай, сохранились среди отроговъ Саянъ и Алтая, вслѣдствіе географической обособленности, въ большей полнотѣ и чистотѣ, чѣмъ въ Западной Сибири, гдѣ, повидимому, легче примѣшивались послѣдующія гипперборейскія, среднеазіатскія и скиоскія заимствованія.

Графическая эволюція символовъ и орнамента на Енисеѣ характеризуется дублированіемъ или мультипликаціею, но не ихъ стилизаціею или модификаціею, какъ графическихъ элементовъ или мотивовъ орнамента (спираль, лабиринтъ, меандръ, и т. п.). Эти эволюціонныя графическія особенности слагались, повидимому, не въ сферѣ скиѳской культуры (беря и греко-скиѳовъ), а уже вблизи индо-европейскаго узла аризированія. Вліяніе средне-азіатскаго узла аризированія, какъ схожденія разнородныхъ культуръ, въ различныхъ эволюціонныхъ стадіяхъ развитія, еще не выяснилось съ достаточною опредѣленностію.

12. Намъ кажется, изъ поэмы „Аримаспейя“ Аристея[1]), по сопоставленіи Геродота и византійскаго писателя Цецы (Хиліад. VII. 689) съ мѣстными археологическими данными, возможно прійти къ нѣкоторымъ относительнымъ хронологическимъ соображеніямъ, касающимся мѣдно-бронзовой курганной эпохи на Енисеѣ.

„Грифы“, по Г. Шурцу[2]), „несомнѣнно алтайскіе народы, носители древней южно-сибирской бронзовой культуры“. Есть основаніе добавить: „и носители характернаго оружія, чаще всего кинжаловъ, съ двумя головами *грифовъ* на верху рукоятки“. Для грековъ, времени Аристея, грифоны Микенскаго времени были уже забыты, какъ орнаментъ, и потому эти фигурныя украшенія могли произвести на,

---

[1]) Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, «Русскія древн.». II. 13.
[2]) «Ист. человѣч.», Г. Гельмольтъ. II. 136.

знавшихъ миѳы о нихъ, грековъ такое сильное впечатлѣніе, что вся алтайская горная народность могла получить отъ нихъ это названіе. Думается намъ, что это предположеніе заслуживаетъ вниманія, особенно въ связи съ послѣдующими сопоставленіями.

По очертанію, головы минусинскихъ грифоновъ болѣе приближаются къ халдейскимъ и къ ассирійскимъ[1]), на цилиндрахъ, гдѣ они являются стражами, хранителями и даже служителями алтаря, а въ орнаментѣ, уже у греко-скиѳовъ III—II вѣка до Р. Х., они явились уже миѳическими хищными животными, божественными главными принимателями жертвъ[2]).

Легенды и миѳы о грифахъ-птицахъ подтверждаютъ, что значеніе грифоновъ, въ культѣ и въ изобразительномъ искусствѣ, у грековъ въ VI вѣкѣ было совершенно забыто.

Принявъ во вниманіе религіозное заимствованіе отъ ассиріянъ или, можетъ быть, даже и отъ гиттитовъ[3]), есть основаніе относить появленіе грифоновъ на Енисеѣ задолго до Аристея, примѣрно, къ началу 1-го тысячелѣтія до Р. Х. Но такъ какъ въ VI вѣкѣ до Р. Х. при-средиземные и при-черноморскіе греки уже были въ желѣзномъ вѣкѣ, то мѣдное оружіе при-алтайцевъ и алтайцевъ, долинныхъ и горныхъ, Аристей или Геродотъ отмѣтили бы. Вѣроятнѣе, греки застали только что свершившуюся замѣну бронзы желѣзомъ: на Енисеѣ встрѣчаются желѣзные кинжалы съ головами грифовъ, почти тождественные бронзовымъ.

Рукояткѣ кинжаловъ съ грифонами, повидимому, предшествовала овальная форма, напоминающая рукоятки восточныхъ гиттитовъ[4]), поэтому начало мѣдной эпохи на Енисеѣ вполнѣ возможно относить къ X вѣку; начало же заимствованій по культу безошибочно можно относить на нѣсколько столѣтій ранѣе.

Кстати отмѣтимъ, что китайскія монеты Минусинскаго Музея восходятъ ко II—III вѣкамъ до Р. Х., греческія же монеты (3) также подъемныя, пріобрѣтенныя мною, въ с. Ужурѣ и въ окрестностяхъ Красноярска (съ дюнъ), относятся къ IV вѣку, Филиппа (1) и Александра Македонскаго (2). Эти указанія нельзя считать за совершенно случайныя, могущія отмѣчать лишь позднѣйшія сношенія.

На этотъ важный вопросъ мы склонны искать отвѣтъ не въ курганахъ, а на мѣстахъ древнѣйшихъ стоянокъ и поселеній.

Слѣдуетъ обратить вниманіе и на показаніе о скиѳахъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ этою народностію, а царскимъ скиѳамъ, черноморскимъ, чрезъ грековъ стали извѣстны грифоны только около III или II вѣка, какъ благословляющіе свыше жертвоприниматели (Чертомлыцкая ваза и мн. др. памятники искусства).

Грекамъ, невидавшимъ „одноглазыхъ“, скиѳы же могли назвать такъ сосѣднюю народность, но тоже, конечно, не въ прямомъ смыслѣ, а, можетъ быть, въ виду особаго почитанія ими *небеснаго* глаза, стоящаго на изваяніяхъ нѣкоторыхъ „бабъ“ на лбу, что

---

[1]) Perrot-Chipiez, II, p. 732 (409), d'après Layard.

[2]) Русск. Древн. гр. Толстой и Н. Кондаковъ. II, 137. См. рисунки.

[3]) Perrot-Chipiez, IV. 637 (313). — G. Hirschfeld. «Die Felsenreliefs in Klein-Asien» и т. д. B. 1887. — Г. Винклеръ. «Зап. Азія въ древн. врем.». — Гельмольтъ, «Ист. челов.», III т. стран. 110.

[4]) Ibidem, IV. 718 (352) и др.

скиѳы-сосѣди могли видѣть на не однихъ каменныхъ изваяніяхъ[1]). Допустима и татуировка такого глаза на лбу (подобно индусамъ)[2]) или ношеніе на лбу или на шапкѣ, какого-нибудь кокардо-виднаго символа, тогдашняго *всевидящаго ока*[3]).

На грубыхъ изваяніяхъ головъ бабъ съ высокими головными уборами благословеніе неба снисходитъ именно на этотъ *верхній* лобный глазъ. У сосѣднихъ скиѳскихъ народностей, какъ можно думать, въ практикѣ культа не было такого вѣрованія.

„Грифы", обитатели верхнихъ горныхъ долинъ, будучи, вѣроятно, не только сосѣдями, но и данниками „аримасповъ", занимавшихъ болѣе низменныя и широкія долины съ пастбищами, но проникавшихъ и выше въ горы. Аримаспы, какъ говоритъ Аристей, дѣлали набѣги даже *до Тарима*[4]): эта связь также достойна особаго вниманія. Съ гуннами едва ли возможно отождествлять исседоновъ, — они пришли позднѣе. Среднее и верхнее теченіе Енисея во многомъ нуждаются въ систематическихъ изслѣдованіяхъ.

Греки VI вѣка, видимо входившіе съ исседонами въ болѣе близкія сношенія, свидѣтельствуютъ, что женщины у исседоновъ пользуются одинаковыми правами съ мужчинами; косвенно, слѣдовательно, допустимъ у нихъ и матріархатъ, замѣченный нами по символамъ, начертаннымъ на нѣкоторыхъ „бабахъ". Это могло быть и у аримасповъ или одноглазыхъ, которые могли проникнуть и въ долину р. Бири, гдѣ найдена вышеописанная стелла (см. выше §§ 26 и 32) и болѣе 10 грубыхъ изваяній головъ бабъ, у нѣкоторыхъ одинъ глазъ на лбу, между и выше двухъ обыкновенныхъ; на головахъ высокіе остроконечные головные уборы, изгибающіеся верхомъ впередъ (полумѣсяцемъ). Связь этихъ изваяній съ большими курганами, невдалекѣ отъ нихъ, весьма вѣроятна, и потому изслѣдованія въ долинѣ р. Бири, съ раскопками большихъ кургановъ, представляютъ большой интересъ и обѣщаютъ дать цѣнный научный матеріалъ.

2. О бронзовомъ гусѣ, съ распростертыми крыльями[5]).

Изображеніе это нельзя опредѣлять, какъ лебедя, тѣмъ болѣе принять эту птицу за цаплю или аиста: ширина и короткость клюва совершенно не соотвѣтствуютъ послѣднимъ предположеніямъ[6]). Фигуру гуся слѣдуетъ сопоставить съ изображеніемъ голенастой птицы на этой же таблицѣ, на рис. III, фиг. 2.

---

[1]) Обыкновенные же глаза, какъ на Бирской стеллѣ, на Чаа-тасской и другихъ камняхъ, возносятся, какъ жертва богу свѣта — солнцу.

[2]) Г. Гельмольтъ. «Ист. челов.». II т. 410—411. См. фрески въ пещерѣ X въ Аджантѣ, относящіяся къ II столѣтію до Р. Х. (По D. Burgess'у). Замѣчательно, что кругъ на лбу нататуированъ только на женщинахъ; на мужчинахъ: у одного — чубъ надъ правымъ глазомъ, а у другого — въ повязкѣ на головѣ 3 павлиньихъ пера. Напомнимъ о Павзаніѣ, II вѣкъ послѣ Р. Х., видѣвшаго деревяннаго Юпитера въ Аргосѣ, съ 3 глазами, изъ которыхъ одинъ помѣщался на срединѣ лба.

[3]) Гомолога, по графическому значенію, глазу въ треугольникѣ или кокардѣ. См. 3 павлиньихъ пера, надъ головной повязкой мужчины, на фрескахъ въ Аджантѣ.

[4]) Г. Шурцъ, «Средн. Азія и Сибирь».—Г. Гельмольтъ, «Исторія человѣчества». II т. стран. 136.

[5]) Древн. Минус. Музея. Пам. метал. эпохъ. Д. А. Клеменцъ. Стран. 139. — См. табл. I, рис. XXI. Прекрасный рисунокъ, съ металлическою подставкою имѣется у R. Martin, на 33 табл. фиг. 1.

[6]) Ср. табл. I, рис. III, фиг. 2. — Ак. Д. Н. Анучинъ. Къ истор. иск. и вѣров. Пріур. Чуди, стран. 125.

Какъ уникатное, для Минусинскаго музея, оно весьма важно, но какъ напоминаніе о необходимости поисковъ дублетныхъ экземпляровъ. Предметъ подъемный, мѣстность не осмотрѣна. Относить ли его къ древне-курганной эпохѣ или ко времени болѣе позднему?

Повторять имѣющіяся описанія мы не будемъ. Отмѣтимъ только то, что оставалось пока безъ вниманія.

Клювъ гуся совершенно горизонталенъ. Условность вытянутой прямолинейно шеи, съ небольшимъ отклоненіемъ головы назадъ, сразу бросается въ глаза: насторожившаяся птица вытягиваетъ также шею, но наклоняетъ, болѣе или менѣе, впередъ.

Образуемый клювомъ и шеею уголъ не символизируетъ молитвы землѣ: она отодвинутою назадъ прямою шеею обращается впередъ по поверхности землѣ и можетъ выражать и благословеніе.

Послѣднее предположеніе усиливается тѣмъ, что нижняя челюсть прикрѣплялась особо, т.-е. могла подниматься и опускаться. Раскрытый ротъ рыбы, животнаго, птицы, обращенный къ божествамъ означаетъ молитву, но обращенный къ человѣку это выраженіе благословенія, добраго предзнаменованія. Изображеніе птицы изъ священныхъ, содержавшихся при храмахъ въ Римѣ, культъ которой видимо широко распространялся и по Азіи. Увидѣть гуся, съ открытымъ или закрытымъ клювомъ, для поклоняющихся ему, представляетъ большое значеніе.

Крылья гуся расправлены также горизонтально, они не сигнализируютъ поклоненія ни землѣ, ни небу: ихъ значеніе тоже болѣе благословляющее, чѣмъ молитвенное. Изгибъ крыльевъ, обращенный впередъ, можетъ быть разсматриваемъ какъ знакъ благословенія, хотя у птицъ наибольшее молитвенное и благословляющее значеніе имѣетъ расправляющіяся перья крыльевъ и хвоста, съ задней стороны.

Спина гуся и шея, нижняя часть туловища, задняя и передняя образуютъ религіозные углы, направленные по поверхности земли и надъ землей: не видно символовъ спеціально обращенныхъ къ небу или землѣ.

Ноги гуся не разставлены, а сомкнуты: это уже ясное указаніе, что съ подземными хтоническими божествами этотъ священный гусь связи не имѣетъ.

Простота композиціи ясно говоритъ о благословляющемъ, но не молитвенномъ назначеніи этого древняго бронзоваго гуся. Рисунокъ и стиль просты и носятъ черты архаизма. Вообще предметъ заслуживаетъ подробнаго обслѣдованія.

Отдѣльная нижняя челюсть, пустота шеи и туловища, подставка съ четырехугольною выемкою, все наводитъ на мысль о чародѣйствѣ и о томъ, что гусь могъ служить и оракуломъ. Это было нами высказано еще въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка, и тогда же мы высказали подозрѣніе о соединеніи прорицаній съ чревовѣщаніемъ, каковое, еще въ старину, отмѣчено у шамановъ и колдуновъ сѣвера Азіи и Америки; это было подтверждено и нѣкоторыми полярными экспедиціями и путешественниками за послѣднее время. Чревовѣщаніе было извѣстно древнимъ египтянамъ, евреямъ, грекамъ и римлянамъ.

Покойному основателю Минусинскаго Мартьяновскаго музея, Николаю Михайловичу, мы давно говорили и о грамотѣ изъ „Памятн. Сибирской исторіи XVIII вѣка“,

книга 1, С.-Пб. 1882 года, стран. 240—242; въ виду ея значенія мы прилагаемъ выписку изъ № 62, стран. 242, 1703 г., апр. 30 и 1704, послѣ 2-го апрѣля.

„Изъ грамоты березовскому воеводѣ о присылкѣ въ Москву самоядскихъ шамановъ".

Указъ 30 апрѣля 1703 года не выписывается, но то, что даетъ возможность возстановить существенное изъ указа 1704 года, мы представляемъ:

„Господину Леонтью Ѳедоровичу, Михайло да Алексѣй Черкаскіе челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ 1704 году, апрѣля во 2 день, въ грамотѣ великаго государя писано къ намъ въ Тоболескъ; указалъ великій государь въ сибирскихъ городѣхъ въ ясашныхъ волостяхъ сыскать шамановъ самыхъ знающихъ, которые бъ конечно шаманить умѣли, и тѣхъ шамановъ изъ ясашныхъ волостей выслать въ Тоболескъ, а изъ Тоболеска велено прислать тѣхъ шамановъ къ намъ къ Москвѣ въ сибирскій приказъ нынѣшнимъ зимнимъ и лѣтнимъ путемъ съ нарочными посылщики, сколько пригоже. И тебѣ бъ, по указу великаго государя, Березовскаго уѣзда въ Бѣлогорьѣ и въ Самоядѣ и въ иныхъ ясашныхъ волостяхъ велѣть сыскать шамановъ такихъ знающихъ, которые вѣшки и о всякихъ дѣлахъ съ болванами своими говорятъ, и ихъ вспрашиваютъ и въ томъ шаманствѣ имъ тѣ болваны и въ Бѣлогорьѣ мѣдный гусь отповѣдь чинятъ, и они въ шаманствѣ въ огонь мечютца и иные мечты чинятъ; а сыскавъ, выслать въ Тоболескъ безъ всякой отговорки, и сказать имъ великаго государя милость, чтобъ они ничего не опасались, и что знаютъ объявили бъ все безъ утайки; и съ тѣми шаманы прислать толмачей, кто ихъ языку разумѣетъ".

Веберъ, въ своемъ сочиненіи: „Das Veränderte Russland" etc. etc. (Frankfurth. 1721), на стр. 124[1]), январь 1716 года, говоритъ: „Князь Гагаринъ, бывшій губернаторъ всей Сибири, вслѣдствіе полученнаго извѣстія, что на восточномъ краю Каспійскаго моря, въ странѣ Самаркандъ, гдѣ, какъ говорятъ, родился великій Тамерланъ, открыли нѣкоторые минералы, послалъ туда изъ Сибири людей и велѣлъ изслѣдовать почву. Проработавъ нѣкоторое время въ землѣ, люди эти нашли много весьма древнихъ мѣдныхъ фигуръ и послали ихъ Гагарину, а онъ — Его Царскому Величеству въ Петербургъ, какъ большую рѣдкость. Это были языческіе идолы, въ формахъ минотавровъ, быковъ, гусей и т. п.

„У клюва гуся и морды минотавра верхняя и нижняя часть были снабжены колѣномъ въ родѣ шарнира и языками, и могли двигаться; внутри проходила къ мордѣ трубка, черезъ которую говорили идолослужители и обманывали народъ[2]). Его Царское Величество приказалъ у упомянутаго Самарканда вести мины дальше, думая, что будетъ найдено еще большее количество такихъ вещей, но и богатыя жилы золота"[3]).

---

[1]) «Сибирскія древн.» Ак. В. В. Радлова, т. I, в. I, приложенія, стран. 23.

[2]) По всей вѣроятности, и эти весьма интересные и сами по себѣ и для параллелей предметы также не сохранились, какъ и прочія коллекціи и матеріалы Д. Г. Мессершмидта. — Сопост. Древн. Минус. Музея, стран. 140.

[3]) Знакомство императора Петра Великаго съ «жильнымъ золотомъ», по скольку намъ извѣстно, въ исторіи русской горнопромышленности не отмѣчено съ надлежащею опредѣленностію. На Енисеѣ поиски руднаго золота начались только въ концѣ XIX в., а добываніе его началось въ началѣ XX вѣка.

Выше мы видѣли указанія на то, что греки въ VII—VI в. до Р. Х. появлялись вблизи Алтая (на Таримѣ), вѣроятно, и для пріобрѣтенія золота мѣною отъ «аримасповъ», которые отнимали его

Далѣе, у того же Вебера, на стран. 200 говорится, что „наслѣдованные остяками отъ предшественниковъ, чуди (Tschut), идолы большею частью отлиты изъ бронзы въ видѣ гуся, дѣвушки съ вытянутой рукой, змѣй и т. п.“

Конечно, въ данномъ случаѣ, мы не склоняемся къ предположенію, чтобы шаманы говорили изъ гуся Минусинскаго музея чрезъ трубку, но для эффекта достаточно и движенія клюва, особенно если шаманъ, при чревовѣщаніи, умѣлъ мѣнять и голоса. Гусь могъ прикрѣпляться шаманомъ на соотвѣтственной подставкѣ.

Возможно предполагать, что этотъ предметъ относится къ практикѣ культа поздняго времени, когда въ очертаніи символовъ и въ стилизаціи орнамента преобладали округленныя линіи.

Усиленныя археологическія изысканія англійскихъ ученыхъ въ Китайскомъ Туркестанѣ уже съ очевидностію отмѣчаютъ сконцентрированіе въ западной части бассейна Тарима различныхъ культуръ и различныхъ религіозныхъ ученій. На ряду съ греко-индо-буддійскими, китайскими, несторіанскими и персидскими древностями найдены, между прочимъ, „грубыя мѣдныя фигуры, служившія, вѣроятно, для шаманскихъ цѣлей и происходящія, повидимому, изъ древней культурной провинціи Алтая, гдѣ шаманство существуетъ и понынѣ“ [1]).

у горной народности «грифовъ». Въ добываніи разсыпнаго золота, конечно, нѣтъ возможности сомнѣваться, но «блѣдное» золото, электрумъ, которое довольно часто встрѣчается въ видѣ тонкихъ листочковъ, налагаемыхъ на вещи, на пластины и украшенія, находимыя въ курганахъ и на мѣстахъ древнихъ поселеній въ Сибири, заставляетъ подозрѣвать, что «видимое» золото въ осыпяхъ кварца древніе рудокопы и литейщики мѣди и бронзы на Алтаѣ знали. Египтянамъ золото было извѣстно болѣе, чѣмъ за 5000 лѣтъ до Р. Х., въ добываніи жильнаго золота есть основанія ихъ заподазривать (Офиръ); китайцы знали золото за 2000 л. до Р. Х. (съ основанія этого государства), но видимо, подобно финикіянамъ и евреямъ, они добывали его обмѣномъ. О захватѣ римлянами рудниковъ есть указанія, — они едва ли начинатели, но, въ веденіи выработокъ въ рудныхъ мѣсторожденіяхъ, они, какъ извѣстно, выказали и большое искусство и познанія. Примѣсь серебра къ высокопробному разсыпному золоту, для того времени, при неумѣніи отдѣлять серебро отъ золота, при смѣшиваніи награбленныхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, *менѣе* вѣроятна, чѣмъ ознакомленіе древнихъ горныхъ народностей Алтая (при-средиземноморскими торговцами и рудокопами финикійскаго и даже, можетъ быть, микенскаго и до-микенскаго времени) съ «видимымъ золотомъ» на гольцахъ, въ осыпяхъ жильнаго кварца. Надо не забывать, что хотя серебро, какъ древнѣйшій вѣсовой эквивалентъ при мѣновой торговлѣ, видимо, было знакомо человѣку ранѣе золота, но, несомнѣнно, оно было большою рѣдкостію и цѣнилось не дешевле золота. Въ VIII в. до Р. Х., вѣсовая единица золота оплачивалась 13 единицами серебра. Въ Аравіи, во II в. до Р. Х., серебро было дороже золота (въ 10 разъ). — Энциклоп. слов. Бр. и Эфр. 24. 648.

[1]) Д-ръ Г. Шурцъ. Средн. Азія и Сибирь. «Ист. человѣчества», ред. д-ръ Г. Гельмольтъ, пер. ред. ак. В. В. Радловъ. — Ак. Д. Н. Анучинъ. О древностяхъ Китайскаго Туркестана. Сообщеніе Императорскому Моск. Археол. Общ.

V.

Къ вопросу о преемствѣ въ изобразительномъ искусствѣ на Енисеѣ отъ мѣстныхъ диллювіальныхъ культуръ.

Вѣроятность преемства и въ культѣ. О показателяхъ «религіи» или «практики культа» въ палеолитическія времена; забвеніе объ эволюціонномъ ростѣ понятій. — Сравнительное описаніе нѣкоторыхъ памятниковъ изобразительнаго искусства диллювіальныхъ культурныхъ эпохъ. О линейныхъ знакахъ. — Небо, солнце и земля, какъ двигатели астрономической оріентировки и дифференціаціи культа, изобразительнаго искусства и письма. Жертвенныя животныя, какъ предстатели предъ міровыми божествами и предками и какъ пережитки языка предметами. — Эпохи Солютре и Мадленъ. Сходство нѣкоторыхъ петроглифическихъ начертаній на Енисеѣ съ фресками Альтамирской пещеры. — Заключительныя соображенія.

Предлагаемую замѣтку, о вѣроятномъ преемствѣ аллювіальною культурою на Енисеѣ и мѣстной диллювіальной, мы находимъ необходимою по многимъ соображеніямъ, не только общаго характера, по первоначальной зависимости дифференціаціи письма отъ языка движеній, управлявшаго въ началѣ, по имѣющимся даннымъ, въ широкихъ предѣлахъ, и практикою голоса и даже рѣчи, но и мѣстнаго характера. Палеолитическая эпоха, констатированная нами, на Енисеѣ[1]) могла оставить болѣе значительное культурное наслѣдство, чѣмъ обыкновенно думаютъ, особенно въ тѣхъ этнографическихъ видахъ и разновидностяхъ, которые, выросши другъ изъ друга, расходились, соприкасаясь и разнообразно переплетаясь другъ съ другомъ и, наконецъ, слились въ неолитической культурѣ на Енисеѣ, что можетъ, до нѣкоторой степени, выяснить подготовку къ послѣдующему воспріятію южныхъ аризирующихъ заимствованій. Это особенно важно по ненахожденію на Енисеѣ пещеръ съ памятниками по изобразительному искусству, достаточными, и по составу и качеству данныхъ, для характеристики послѣледниковой эпохи, хотя свойства и особенности памятниковъ по житейской культурѣ позволяютъ утверждать присутствіе человѣка на Енисеѣ и въ эпоху послѣдняго обледенѣнія. Пока придется, при обработкѣ предметовъ житейской техники, наиболѣе вникнуть въ показанія отдѣльно обрабатываемыхъ нами памятниковъ этой отдаленной культуры. Немаловажно, что несортированныя наносныя террасы, до нѣ-

---

[1]) Congrés international d'archéol. prehist. et d'anthropologie II-eme session, a Moscou, 1892, I, страница 121. I. Savenkov. Sur les restes de l'epoque paleolithique dans les environs de Krasnoiarsk. — Ив. Савенковъ. О палеолитической эпохѣ въ окрестностяхъ г. Красноярска; съ картой и разрѣзами. — Le baron de Baye. Sur les découvertes faites par Savenkov dans la Siberie oriental. Lecture a l'academie des sciences. — Dr. M. Hoernes, Der diluv. Mensch. Br. 1903, s. 181. — Проф. Ю. Кольманъ. Какой интересъ представл. Моск. междунар. конгрессъ 1892 г. для западно-европейскихъ ученыхъ, стран. 9 и 26. — Г. и А. де Мортилье. Перев. Л. Я. Штернберга. Доисторическая жизнь. С.-Пб. 1903. Стран. 483 и 506.

которой степени сортированныя валунныя и галечныя террасы, на которыхъ построены мѣстами водные и дюнные наносы, съ костями вымершихъ животныхъ, въ связи съ новѣйшими дюнами, различной древности, мѣстами сохранившими свой первый покровъ, по имѣющимся у насъ даннымъ, не возбуждаютъ опасеній въ перерывѣ (hiatus) между концомъ палеолитическаго періода и началомъ неолитическаго. Впредь до полученія прямыхъ показаній на изобразительное искусство и картинное письмо, которыя могутъ дать только пещеры, придется довольствоваться разносторонними сравнительными указаніями.

Открытый ротъ человѣка, животныхъ, рыбъ и пресмыкающихся, какъ одинъ изъ графическихъ символовъ[1]), повидимому, установился въ практикѣ культа очень давно, что во введеніи мы уже отчасти высказали (стран. 41—42). Для дополненія и подкрѣпленія, а, главное, для выясненія нашихъ взглядовъ на эволюцію письма, пиктографическаго и сигнографическаго, мы считаемъ необходимымъ остановиться на двухъ графическихъ параллеляхъ, приведенныхъ проф. М. Гернесъ (M. Hoernes)[2]). *Къ рисункамъ М. Гернесъ, Р. Форрера, Ж. Перро и Шипье* и пріурочивается предлагаемое описаніе; многіе дополнительныя *параллели указываются нами и въ трудахъ другихъ ученыхъ*, къ которымъ интересующіеся могутъ обратиться. Только заключительныя параллели съ соотвѣтственными петроглифическими начертаніями Енисея будутъ указаны на таблицахъ, приложенныхъ къ нашей статьѣ.

Графическія параллели Гернеса, одна, — конца палеолитическаго періода (время сѣвернаго оленя, Renthierzeit) и, другая, — позднѣйшая, — конца микенской эпохи, времени стиля Дипилонъ (Dipylonzeit, Eisenzeit im Peloponnes), интересны не только для выясненія эволюціи искусства, но поучительны и для нѣкотораго ознакомленія,

---

[1]) Для уясненія религіозной символизаціи открытымъ ртомъ рыбы интересующимся предлагаемъ обратиться къ слѣдующимъ трудамъ: G. Perrot et Schipiez, Hist. de l'art dans l'antiquité, начиная со II т., гдѣ у халдеевъ (стран. 65.9) раскрытый ротъ рыбы на головѣ Дагона (Dagon ou Anou) является равнозначущимъ рогамъ; Cesnola, L и A, Кипръ и Саламинія; D-r M. Ohnefalsch-Richter, Kypros (XXVIII, XXIX, XXX, LXXXVII, XCVII—XCVIII, и мн. др.); D-r H. Schliemann, Ilios 471—472 и въ др. его трудахъ; D-r Hoernes, Urgesch. d. Bild. Kunst. s. 15, 39 и мн. др.; Графъ А. С. Уваровъ, Христіанская символика, ч. 1 древне-христіанскій періодъ, сопост. 37 (рис. 37), 108 страница, 142, 143, 144, 146 и др.; Forrers, Reallexikon, 243, Delphin, Fischmarken и др.

[2]) Urgesch. d. Bild. Kunst in Europa, W. 1898. S. 15 (fig. 1 и 2). Предлагаемъ къ нимъ еще параллели въ этомъ же трудѣ М. Гернеса, на страницахъ: 32; 160 (fig. 19), значеніе рыбы какъ жертвоприниматель на основныхъ параллеляхъ и здѣсь, при положеніи головы рыбы на genit. f. Artemis, знаменательно; характерно также отношеніе фантастическихъ жертвоприниматель обоихъ культовъ (восточнаго и западнаго) и свастики; стран. 482 (155): во рту лошади м. б. и трава, какъ знакъ открытаго рта; стран. 632 (190), пережитокъ ромба, Taf. XVIII. Fig. 9; стран. 633, плодотворная пояснительная параллель къ болѣе древнему фрагменту дипилонскаго стиля; часть ритуала жертвоприношенія по культу свастическому, лѣвой поднятой руки (свастики — общераспространенное ея названіе «правой» не всегда точно совпадаетъ съ свастическимъ подъемомъ именно этой руки, и можетъ иногда вносить путаницу въ представленіе о рукоположеніи). — Въ Forrers Reallexikon оба фрагмена изъ Тиринта (Tiryns) очень удачно и весьма поучительно для уясненія глубокомысленности дипилонскаго фигурнаго письма противопоставлены на стран. 825 (Taf. 245, Fig. 3 и 4. См. «Fische» и др. статьи и рисунки. — G. Perrot et Schipiez. VII. 166 (48) fragm. du decor d'une vase du Dipylon (Tavola d'aggiunta, Annali, 1872), весьма поучительный рисунокъ; 181 (66) предъ-жертвенныя и жертвенныя положенія оленей, ритуалъ принесенія человѣческой жертвы и фантастическіе жертвоприниматели; 256 (132) поясненіе къ вопросу: узда или трава во рту лошади?

Интересующимся предлагаемъ внимательно всмотрѣться въ указанные рисунки.

при помощи дальнѣйшихъ параллелей, съ начальною фазою дифференціаціи письма отъ изобразительнаго искусства, въ стадіяхъ мимической и символической пиктографіи, и даже — сигнографіи (линейные знаки), *въ практикѣ культа*, при чемъ въ общеніи человѣка съ божествами участвуютъ не только жертвенныя животныя, но, въ позднѣйшихъ эволюціонныхъ стадіяхъ, и животныя, сопровождающія или принимающія жертвы. Человѣкъ выдвигаетъ себя позднѣе.

Хотя многіе изъ памятниковъ изобразительнаго искусства пещерныхъ обитателей, по многимъ причинамъ, навлекли на себя сомнѣнія[1]), но начерченный рисунокъ, взятый М. Гернесъ основною параллелью, признанъ заслуживающимъ полнаго вниманія и Р. Форреръ и С. Мюллеръ[2]), поэтому мы рѣшились подвергнуть его детальному разсмотрѣнію, примѣняя пиктографическія указанія, данныя петроглифами Енисея.

Рисунокъ, по манерѣ начертанія, по гармоніи въ соотношеніи частей тѣла нарисованныхъ сѣверныхъ оленей, *реаленъ*, но онъ во многомъ не натураленъ, — противорѣчитъ дѣйствительности: въ движеніяхъ, въ расположеніи предметовъ и въ рѣзкой разнородности эволюціонныхъ градацій изобразительнаго искусства. Животныя, при зарисованномъ положеніи ногъ и копытъ, не могутъ ни стоять ни идти: стоя на кончикахъ копытъ, шагая однѣми передними ногами, при сложенныхъ и перекрещенныхъ заднихъ, — это невозможно. Рыбъ видимъ подъ животными и надъ спиною животныхъ, и, сверхъ того, имѣются символическіе линейные сигнографы! Условностей слишкомъ много, чтобы онѣ были случайны!

Наличность несогласія съ дѣйствительностію палеолитическаго (послѣ-ледниковаго) памятника такова, что къ заключенію М. Гернеса о томъ, что „эта роговая пластинка имѣетъ значеніе только, какъ картина“, какъ рисунокъ, мы не можемъ присоединиться, отнюдь не отрицая ея значенія въ эволюціи, въ исторіи, философіи и даже психологіи искусства[3]). Къ подозрѣнію Р. Форреръ о символическомъ значеніи рыбы между ногъ оленя-самца[4]), хотя и высказанному въ общихъ выраженіяхъ, безъ мотивированія, мы не только присоединяемся, но надѣемся дальнѣйшими детальными разъясненіями установить, что этотъ пиктографическій памятникъ палеолитической эпохи ясно свидѣтельствуетъ о начавшейся дифференціаціи *письма*, беря это понятіе въ широкомъ психолого-этнографическомъ смыслѣ[5]), принимая во вниманіе и культъ, которому эта пиктографическая форма письма служила. Уже при общемъ

---

[1]) Нѣкоторые даже признаны поддѣльными. — Д-ръ Л. Нидерле, «Челов. въ доистор. врем.» переводъ ак. Д. Н. Анучина. С.-Пб. 1898, стран. 44 и 66. — C. Merk. Der Fund von Thayngen. Zur. 1875.— I. Müller. Offent. Erklérung über die bei Thaynger Höhlen funden. Zur. 1877. — Arch. f. Anthropologie, IX, X, XI, статья Линденшмита. Доистор. жизнь.— Г. и А. Мортилье. Пер. Л. Я. Штернбергъ. С.-Пб. 1903, стран. 182. — D-r. L. Reinhardt. Munch. 1908, s. 367 — 382. — Сопост. D-r.M. Much. Iena 1907. Die Trugspiegel. Orient. Kultur, s. 63 — 72. интересное указаніе и на другія начертанія, въ которыхъ виденъ графическій символизмъ.

[2]) Reallex. S. 243 и Urgesch. Europas. Str. 1905. S. II.

[3]) Urgesch. Bild. Kunst, S. 16. См. выше введеніе къ статьѣ, стран. 8—11, 19—21, 41, 63. — Труды Спенсера, Сѣченова, Рибо, Тарда, Меллери, Тайлоръ и др. авторовъ.

[4]) Reallexikon der Altertümer, 243, «Fische».

[5]) Это письмо культа дозволяетъ допускать, что разсматриваемая форма, какъ и послѣдующія, примѣнялась и въ бытовой жизни.

предварительномъ разсмотрѣніи, это произведеніе духа человѣческаго, показалось намъ, особенно въ виду благопріятныхъ заключеній о его аутентичности и С. Миллера, подающимъ нѣкоторыя основанія съ нѣсколько большею опредѣленностію и доказательностію, высказаться о духовной жизни послѣ-ледниковаго человѣка и даже, до нѣкоторой степени, охарактеризовать эволюціонную стадію его психики и интеллекта.

Описываемый фрагментъ пиктографическаго начертанія на пластинкѣ изъ оленьяго рога, по совокупности многихъ условностей рисунка, на первой взглядъ реальнаго, относится къ *практикѣ культа* и изображаетъ согласованное съ жертвеннымъ предназначеніемъ движеніе трехъ сѣверныхъ оленей, сопровождаемыхъ и видимо руководимыхъ въ своихъ движеніяхъ, какъ языкѣ культа, рыбами-жертвоприниматели[1]),— низшими — реальными, не высшими (*чаще* преувеличенными и видоизмѣненными реальными или фантастическими животными, фактически принимающими жертву[2]).

Руководясь указаніями петроглифовъ Енисея и большинства древнихъ начертаній средней и передней Азіи, мы будемъ представлять передъ собою, въ большинствѣ случаевъ, восточный румбъ, назади — западный, направо — южный и налѣво — сѣверный; вверху надлежитъ представлять небо или солнце, а внизу, въ данномъ случаѣ, надлежитъ представлять воду, на что указываютъ и рыбы, какъ сопроводители жертвъ. Земля, въ этомъ начертаніи, не означена и какъ бы игнорируется: копыта оленей не стоятъ, а какъ бы висятъ, — переднія острыя части копытъ опущены внизъ.

Попутно, взглянувъ на дипилонское начертаніе, мы видимъ тамъ не только рѣзко обозначенную линію земли[3]), но и увеличеніе размѣровъ копытъ коня, что особенно выступаетъ при сопоставленіи съ указаннымъ нами другимъ фрагментомъ вазы, также изъ Дипилона (Perrot et Chipiez, Hist. de l'art, p. 166 (48), гдѣ начертаніе копытъ не такъ увеличено и приближается къ разсматриваемому — палеолитическому. Кромѣ того, и рыбы, между ногъ лошадей, не имѣютъ такого же условнаго

---

[1]) Указывающими на водяныхъ (надземныхъ) божествъ, которымъ приносится жертва. Рыбы здѣсь болѣе сопроводители и руководители, чѣмъ приниматели жертвы, въ тѣсномъ смыслѣ слова.

[2]) Для примѣра, укажемъ на серебряный сосудъ изъ Куль-Оба, Русскія древности, гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, II выпускъ, 140—141 (117 и 118 рис.), на золотую пластинку оттуда же 149 (126), гдѣ изображенъ олень съ открытымъ ртомъ, значительно стилизированный, въ жертвенномъ положеніи (ср. Perrot et Chipiez, Hist. de l'art, VII, 181 (66), но съ поворотомъ головы). Религіозно настроенный художникъ изобразилъ и всѣхъ жертвоприниматели и даже слугу жертвоприниматель — собаку. Истовое положеніе копытъ, обращенныхъ на западъ, но не къ землѣ, — чтобы всячески усилить сигнализацію небу и солнцу. Спирализировавъ рога, давъ ихъ концамъ благословляющій смыслъ, художникъ въ нихъ конкретировалъ благословеніе умноженіемъ барановъ, угодныхъ богамъ и желательныхъ и для жертвоприносителя. Размѣщеніе всѣхъ животныхъ на тѣлѣ жертвеннаго оленя имѣетъ проникновенный смыслъ (сопоставь текстъ Русск. Древн., вып. II, 149). Эта пластина можетъ служить самостоятельною темою интереснѣйшей, при обиліи параллелей, работы. Цѣненъ этотъ памятникъ и по показаніямъ на двойной свастическій культъ (эсо-видный символъ и поворотъ къ нему, — по поворотамъ головы льва и собаки). Открытый ротъ оленя видимъ и на Чертомлыцкой вазѣ, большая часть лошадей, пегасъ и львы также съ открытыми ртами (138—139).

[3]) Подъ первою линіею проведено еще три линіи. При сравненіи съ другимъ дипилонскимъ фрагментомъ, также изъ Тиринта (Tiryns), см. Forrers Reallexikon, S. 825 (Taf. 245, 3) и у Hoernes, Bild. Kunst, XVIII, Fig. 9, ноги людей, видимо тоже приносимыхъ въ жертву, стоятъ не на первой полосѣ земли, а на второй, а правое копыто лошади стоитъ даже на 3-й полосѣ. Собака, видимо назначенная для сопровожденія животнаго, стоитъ на первой линіи. Условнаго увеличенія копытъ не видно. Можетъ быть, указаніе на хтоническій характеръ жертвоприношенія.

(видимо религіознаго) увеличенія хвоста рыбы, какъ бы опирающейся имъ на землю[1]). Сопост. съ увеличеннымъ хвостомъ рыбы на прилож. рис. XV, на табл. I.

Движеніе фигуръ на рисункѣ справа *налѣво*, — представлять ихъ движеніе надлежитъ отъ мѣста жертвоприношенія, но уяснять себѣ и, *такъ сказать*, читать пиктографъ надо, подчиняясь культу, въ данномъ случаѣ (по общему направленію животныхъ) вѣроятнѣе по восточному или по правому культу. На обломанной правой сторонѣ пластинки, мѣсто жертвоприношенія — вправо. Начало обрядности мы не видимъ и не можемъ знать, который изъ принесенныхъ въ жертву оленей представлялся въ воображеніи рисовавшаго отъ правой руки къ лѣвой, когда правый олень, старый самецъ, повернулъ прямо на западъ, т.-е. на насъ, что примитивный описатель этого жертвоприношенія изобразилъ начертаніемъ головы оленя не въ ракурсѣ, а въ профиль? Но этотъ олень, должно полагать, не былъ первымъ въ этомъ большомъ жертвоприношеніи: первое животное было принесено, вѣроятно, по культу правой руки; а здѣсь есть признаки лѣваго культа. Слѣдующія же, повидимому, болѣе молодыя животныя носятъ нѣкоторыя графическія указанія на культъ правой руки. Если бъ сохранилась лѣвая сторона начертанія, мы увидѣли бы конецъ ритуала, т.-е. увидѣли бы послѣднее жертвенное животное и заключительныя обрядности. Такимъ образомъ, эту пиктографическую запись, гдѣ принесенныя въ жертву животныя изображаются анимизированными, идущими къ тѣмъ божествамъ, которымъ онѣ приносились, повидимому слѣдуетъ читать семитически и въ воображеніи своемъ перестроить порядокъ отходящихъ отъ жертвеннаго мѣста тѣней жертвъ. Если бы, послѣ жертвоприношенія по восточному культу, было жертвоприношеніе и по западному культу, что, при наличности данныхъ на разсматриваемомъ начертаніи, не представляется невозможнымъ, то подъ этимъ рядомъ фигуръ былъ бы начертанъ другой бустрофедонный рядъ, гдѣ первая жертва была бы означена слѣва: читать эту картинную строку надлежало бы слѣва направо, представляя фигуры движущимися на насъ, т.-е. „посолонь“, на западъ. Если бы и по этому культу были бы жертвы умилостивительныя небу или солнцу, то и онѣ были бы записаны на надлежащемъ мѣстѣ.

Подсчитавъ, въ имѣющемся у насъ скудномъ библіографическомъ матеріалѣ по палеолитической эпохѣ, число фигуръ, обращенныхъ головами вправо и влѣво, мы получили 22 первыхъ и 36 вторыхъ, т.-е. по восточному культу около 60%. Человѣкъ[2]) направленъ *на востокъ*, чѣмъ объясняется неозначеніе глазъ. Змѣевидный сопроводитель человѣческой жертвы востоку, восходящему солнцу, означенъ свисающимся своею пріостренною головою немного выше пятки *правой* ноги человѣка. Расположеніе рта и глаза указываетъ на то, что змѣй обращенъ животомъ вверхъ; движется онъ на

---

[1]) Такое же, напримѣръ, условное увеличеніе ступни человѣка мы можемъ видѣть на чернофигурныхъ вазахъ. См. Forrers Reallexikon, S. 862 (318) и мн. другіе, тоже можно замѣтить и въ древнѣйшихъ изваяніяхъ Египта, Вавилоніи, Ассиріи, Малой Азіи и Греціи.

[2]) См. рис. у L. Reinhardt, 1908, S. 282 (185) и у R. Forrer R. lex. 916 (286). 7 п. см. болѣе полный рисунокъ, но поставленный вверхъ ногами. Сопост. Abgerollte Zeichnung auf «Commandosstabe» von Madelein, M. Hoernes, Urgesch. d. Bild. Kunst in Europa, W. 1898. S. 40. Fig. II. Дѣйствительно, развертываніе рисунковъ съ начальническихъ (?) жезловъ затрудняетъ пониманіе обрядностей жертвоприношенія, но, и при этомъ, видны основанія относить эти жезлы къ практикѣ культа и принадлежность ихъ распорядителямъ жертвоприношенія, намъ кажется, болѣе вѣроятною.

востокъ, оріентируясь по фигурѣ человѣка, и различные пути его движенія и лошадей (означенныхъ только однѣми головами) на западъ будутъ благословлены хвостомъ змѣя, снабженнаго супротивно-расположенными плавниками (ср. хвостъ коня дипилонской параллели М. Горнесъ, по рис. въ его трудѣ, Bild. Kust. S. 15. Fig. 2).

Подъ человѣкомъ, между коней, означены быки головами на востокъ, въ обратномъ положеніи, т.-е. принесенными въ жертву вверхъ животомъ, т.-е. небесному божеству. Обращаемъ вниманіе на штрихи.

Первое и переднее[1]) жертвенное животное, старый олень самецъ, безъ сопровождающихъ и руководящихъ животныхъ: вверху не рыба, что видимъ на прочихъ оленяхъ, а 2 сигнографа,—внизу, между переднихъ ногъ, не видимъ хвоста рыбы. Жертва, или ея тѣнь, отойдя отъ восточнаго жертвеннаго мѣста налѣво, занеся впередъ лѣвую ногу, и голову поворачиваетъ влѣво, но на западъ, а *не назадъ* (на вост. румбъ), какъ можно понимать по рисунку, хотя и такое движеніе, по культу, не только пріемлемо, но въ высшей степени желательно, какъ благословеніе послѣдующихъ жертвъ и жертвоприносителей и всѣхъ присутствующихъ. Голова повернута оленемъ влѣво безъ опусканія и подъема[2]): на линіи спины — и лобъ и верхняя часть морды. Уши не раздвинуты, пріостреніе конца уха и уголокъ въ основаніи уха внизу сдѣланы отчетливо; концы вѣтвей роговъ также пріострены, заднія ихъ части, при поворотѣ на западъ, могутъ сигнализировать и на востокъ.

Сигнографы-ромбы съ поперечною чертою, болѣе всего насъ изумляющіе, едва ли могутъ быть линейными начертаніями мимико-графическихъ символовъ — это, вѣроятнѣе всего, знаки предметовъ, — сигнографы конкретные. И если это линейные знаки глазъ оленя, расположенные одинъ надъ другимъ, по невозможности поставить ихъ — одинъ за другимъ, при чемъ нижній знакъ относится къ ближайшему правому глазу, а верхній (немного уменьшенный) къ лѣвому, то это указаніе на такую стадію въ практикѣ жертвеннаго культа, которая представляется рѣзкимъ противорѣчіемъ съ тѣмъ предвзятымъ чрезмѣрнымъ приниженіемъ интеллектуальныхъ и психическихъ способностей палеолитическаго человѣка, которое замѣчается у многихъ авторовъ. Знакъ рыбъ, кажется намъ, въ данномъ случаѣ, менѣе вѣроятнымъ[3]); знакъ же глазъ можно приписывать исключительной принадлежностью праваго (солнечнаго) культа и здѣсь, можетъ быть, означается изъятіе ихъ изъ западнаго культа.

2-я фиг. оленя, молодого самца, судя по небольшимъ рогамъ. Переднія ноги также раздвинуты, копыта означены съ той же условностію; голова, судя по сохранившимся концамъ рогъ, также повернута назадъ, но, вѣроятно, на правую сторону,

---

[1]) Фрагментъ палеолитическаго времени, Bild. Kunst, M. Hoernes, S. 15, Fig. 1. Счетъ справа.

[2]) Поворотъ головы изображался въ это время и при высоко поднятой головѣ, см. «Доист. жизнь» (Le préhistorique), Г. и А. де-Мартилье, пер. Л. Я. Штернберга. С.-Пб. 1903, стран. 187 (рис. 75 и 76); Dr. L. Reinhardt, Der Mensch. M. 1908, S. 243, 277, двѣ головы буйволовъ, въ разныя стороны обращенныхъ.

[3]) Поперечность внутренней черты. — M. Ohnefalsch-Richter. Kypros. Taf. Band, LXIX, 42—43. — Прототипъ критскаго, эгейскаго и египетскаго линейнаго сигнографа, № 19, изъ 32 знаковъ Эванса. См. его таблицу, приведенную у Э. Клодда, Исторія алфавита, С.-Пб. 1908, стран. 57—61.

подчиняясь занесенной впередъ правой ногѣ; заднія ноги оленя сближены, перекрещиваясь, надъ копытами, концами опущенныхъ ногъ.

3-я фиг. оленя. Сохранилась только задняя часть туловища, съ сложенными вмѣстѣ и отставленными назадъ ногами; копыта означены условно.

Эти жертвенныя животныя сопровождаются рыбами — какъ ближайшими и естественными жертвоприниматели, какъ представителями водяныхъ божествъ. Онѣ, до извѣстной степени, характеризуютъ и бытъ и способы охоты за оленями.

1-я рыба, съ открытымъ ртомъ, направленнымъ на anus 2-го оленя; лобной частью головы она касается зада этого второго оленя и, изгибаясь, касается брюшнымъ плавникомъ колѣннаго сочлененія лѣвой ноги перваго оленя-самца, закрывая символическій уголъ и воспроизводя его изгибомъ своей спины (ср. на прилож. табл. I. XV. 6. 2) и, въ то же время, какъ бы препятствуетъ дальнѣйшему движенію оленя впередъ. Графическая символизація этою рыбою насъ поражаетъ и мы убѣдительно просимъ, со всѣмъ вниманіемъ, всмотрѣться въ это, повидимому, реальное изображеніе, чтобы отнестись къ нашимъ дальнѣйшимъ объясненіямъ со всею строгостію научной критики. Самый изгибъ тѣла этой рыбы нельзя признать натуральнымъ, въ начертаніи тѣла есть основаніе заподазривать условности. Изгибъ этотъ отнюдь нельзя приписать тому, что „люди этой эпохи были легкомысленны, что имъ недоставало обдуманности и предусмотрительности“ и что, нарисовавъ животныхъ, рисовальщикъ уже потомъ захотѣлъ помѣстить между ними рыбу и, случайно, вслѣдствіе отсутствія глазомѣра или графической неловкости, сразу слишкомъ увеличилъ ея размѣры и, чтобы втиснуть ее въ оставшееся небольшое пространство, изогнулъ ея тѣло. Предлагаемъ художникамъ, подъ руководствомъ ученыхъ этнографовъ — знатоковъ первобытной конкретной символики въ практикѣ культа, заполнить внутреннюю недостающую часть обломка. Это легко,— туловища животныхъ трафаретно расположены, различіе только въ томъ, что животныя идутъ (не условно ли?) не въ ногу. Между 2-мъ и 3-мъ оленемъ оставлено такое же пространство, а рыба тамъ нарисована меньше, ея ротъ, на двухъ различныхъ гравюрахъ, мы видимъ закрытымъ и она какъ бы стоитъ на хвостѣ, безъ всякаго изгиба. Случайность, необдуманность? Всмотримся въ нижнюю часть начертанія рыбы отъ изгиба: два плавника означены приподнятыми, давая сигнализацію внизъ; ниже прибавлены или развернуты (случайно, по непредусмотрительности?) два плавника, и на спинѣ и на животѣ, съ символизирующими внизъ уголками; хвостъ шире, чѣмъ у другихъ рыбъ, почти касается копыта оленя, и на концѣ видимъ черточки, ясно образующія гребенчатое усиленіе символа внизъ, линія, раздѣляющая спинную часть отъ брюшной, безъ развилины внизу, которая сдѣлана у 3-й рыбы, находящейся въ такомъ же положеніи.

Тѣлодвиженія верхней половины той же рыбы символизируютъ благословеніе 2-му оленю раскрытымъ ртомъ и прикосновеніемъ лобной части головы, и только въ двухъ поджаберныхъ расходящихся плавникахъ можно видѣть благословеніе и 1-му животному, которому предуказано было итти къ западнымъ божествамъ (по культу лѣвой руки). Но наиболѣе поразительно причерчиваніе къ средней боковой линіи этой рыбы супротивныхъ черточекъ, образующихъ острые уголки

вверхъ[1]), образуя древовидный линейный символъ, котораго на другихъ рыбахъ нѣтъ. Этотъ мультиплицированный символъ, обращенный къ переднему оленю, на дипилонскомъ фрагментѣ, на той же 15 стран. Гернеса, на F. 2, мы видимъ и на концѣ хвоста лошади, означеннаго линіею. Но стоитъ только вспомнить критскія и эгейскія начертанія Эванса и взглянуть 10-й знакъ на его таблицѣ, чтобы задуматься надъ начертаніемъ этого дерева[2]). Напомнимъ находку въ Дордони, Нижній Ложери, стран. 176, рис. 67, у Мортилье, Доистор. жизнь, названную имъ „пуговицею“ „и амулетомъ“ у L. Reinhardt[3]) и мы, опять же, при аутентичности предмета, присоединяемся къ послѣднему мнѣнію. Наличность отвлеченнѣйшаго углового (египетскаго) символа въ раннее послѣледниковое время, по нашему мнѣнію, невозможно отрицать, конечно, при сопоставленіи съ угловыми начертаніями и стоящей гривой и волосами подъ нижнею челюстью на Комбарельскомъ конѣ (см. выше 41 стран. этой статьи) — на фрагментѣ изъ оленьяго рога, съ быками, съ двумя буйволами, съ открытыми ртами, съ тщательно и стилизованно прочерченными волосами на гривахъ, на груди и подъ нижнею челюстью, на фрагментѣ съ 3 головами буйволовъ, упомянутомъ нами на стран. 41[4]), и съ тремя угловыми символами на идолѣ изъ оленьяго рога, отмѣчающими его права на непосредственное сношеніе съ надземными божествами, означены схематично и ясно. Обращаемъ вниманіе на угловые знаки, которыми заканчиваются переднія ноги оленя, отчетливо означеные черточками волосы на спинѣ.

2-я рыба приковываетъ къ себѣ особое вниманіе по параллели съ рыбою дипилонскаго фрагмента, данною М. Гернесъ; на средней линіи она имѣетъ вильчатые символы, ясно означенные (см. верхнюю рыбу). Наличность трехъ линейныхъ знаковъ символическаго характера — обстоятельство весьма серіозное: изученіе самого памятника и его описаніе является крайне желательнымъ. Дипилонская рыба, почти стоящая на религіозно увеличенномъ хвостѣ, съ ненатуральными 6 дугообразными плавниками, попарно расположенными, на насъ производитъ впечатлѣніе рыбообразнаго жертвенника. Открытый ея ротъ направленъ на gentialia коня. На указываемомъ нами рисункѣ орнамента съ другой дипилонской вазы (Tavola d'aggiunta) обѣ[5]) рыбы (съ очень небольшими хвостовыми плавниками и обѣ между ногъ коней) зарисованы наклонно, ближе къ натурѣ, головами обращены также къ genitalia животныхъ; у одной ротъ закрытъ, у другой, повидимому, полуоткрытъ.

3-я рыба, съ закрытымъ ртомъ, налагаетъ благословеніе на сигнализирующій молитву уголъ, образуемый правою переднею ногою и нижнею частью груди 3-го оленя; она поставлена отвѣсно, вверхъ головою.

---

[1]) Какъ на ребрахъ мамонта изъ Предмоста, Ранке (I. Ranke), Человѣкъ, С.-Пб. 1901, II т 560 стран. — Проф. Л. Нидерле, перев. ак. Д. Н. Анучина, Челов. въ доист. врем. 47. — Сопост. Dr. L. Reinhard, Der Mensch. 321 (240), 277 (178), 275 (174). — Forrers, Reallex 371 (99.6).

[2]) Проф. Э. Клоддъ. Эвол. челов. въ письм., стран. 61, табл. II, 19, 24 и 25.

[3]) D-r. L. Reinhardt, Der Mensch zur Eiszeit. M. 1908. S. 326 (F. 248).

[4]) Ibidem, S. 277 (178) — Dr. M. Much. Die Trugspieg. Orient. Kultur. I. 1907. S.s. 66—68, Abb. 21, 22 и 23 съ поучительною параллелью къ комбарельской лошади. Сопост.: Ак. В. В. Радлова, «Сиб. древн.» Т. II, в. 1, стран. 35 и 36; Проф. I. Ранке, Человѣкъ, II, 622 и 648, 24, 46 и др.; прилож. табл. I, XV и XVI; VI, XXVII. 10; S. Muller, Urgesch. 61 (Fig. 41) и Perrot et Chipiez, VII. 166. 148, см. прав. верхн. уголъ.

[5]) G. Perrot et Ghipiez, Tome VII, p. 166 (48).

4-я рыба, касаясь лѣвой ноги жертвеннаго животнаго, подобно 2-й рыбѣ, также съ открытымъ ртомъ, какъ бы склоняетъ къ сдвиганію ногъ вмѣстѣ, по требованіямъ обрядности.

5-я и 6-я рыбы (верхнія) головами закрываютъ угловые символы, образовавшіеся за рогами, что приводитъ къ заключенію, что ротъ головы, и неподнятой выше линіи спины, долженъ быть закрытъ у жертвеннаго животнаго, идущаго на восточный румбъ, въ обстановкѣ воднаго жертвоприношенія; 3 рыбы своимъ закрытымъ ртомъ на это же указываютъ.

Фрагментъ представляетъ большой интересъ и потому, что на немъ сохранились слѣды обоихъ культовъ: раздѣляющимъ знакомъ служитъ рыба, изгибающаяся, какъ бы отталкивающая и направляющая самца, долженствующаго итти на западъ, къ подземнымъ божествамъ.

Конечно, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что языкъ жестовъ былъ извѣстенъ послѣ-ледниковому человѣку на Енисеѣ, но какова была степень его развитія и, главное, на какой ступени развитія стояло письмо и графическій символизмъ и какая стадія культа отражалась въ немъ? Болѣе или менѣе обоснованное заключеніе по этимъ вопросамъ крайне необходимо.

Число находокъ по изобразительному искусству и вообще сравнительно не велико, казалось бы, онѣ могли бы быть обработаны вполнѣ научно и съ надлежащею разносторонностію, но въ дѣйствительности, въ этомъ направленіи остается желать многаго. Ускореніе общей обработки, съ указаніемъ всѣхъ условій нахожденія каждаго памятника, съ критическою оцѣнкою его научнаго значенія, съ тщательнымъ подборомъ параллелей и сопоставленіемъ палеолитическихъ начертаній, между собою, съ неолитическими и съ позднѣйшими эпохами, притомъ обстоятельно иллюстрированное, оказало бы самое благотворное вліяніе на движеніе вопроса, на усиленіе изысканій и на подъемъ ихъ научныхъ достоинствъ.

Но и теперь, несмотря на медленность въ накопленіи матеріаловъ, уже возможно высказаться, съ нѣсколько большею обоснованностію, и о культурѣ, и о духовной жизни палеолитическаго человѣка, чѣмъ это было возможно лѣтъ 10—15 тому назадъ.

Вопросъ о религіи или религіозномъ культѣ, пользовавшійся особымъ вниманіемъ французскихъ пальэтнологовъ, разрѣшенъ ими въ отрицательномъ смыслѣ, и разрѣшенъ категорически. „Характерной и постоянной чертой изъ области его внутренней жизни служитъ полное отсутствіе религіозныхъ представленій и религіознаго чувства. Религія совершенно отсутствовала: начиная съ шельской до конца мадленской и турасской эпохи, мы не видимъ и слѣда ея“ [1]). Таково заключеніе Г. де-Мортилье. Если до сихъ поръ, дѣйствительно, нѣтъ ни малѣйшихъ доказательствъ существованія религіознаго культа, то это, намъ кажется, не ведетъ еще къ заключенію, что они никогда и не будутъ найдены, а потому вопросъ объ отсутствіи

---

[1]) Доисторич. жизнь (Le prehistorique). Г. и А. Мортилье. Пер. Л. А. Штернбергъ. С.-Пб. 1903, стран. 273.

религіи едва ли можно считать рѣшеннымъ исчерпывающимъ образомъ. Слѣдъ предвзятости и логической неустойчивости на этомъ рѣшеніи слишкомъ ясенъ, даже не принимая во вниманіе игнорированія объемомъ и содержаніемъ понятія *религія*, и генезисомъ и эволюціею этого этнографическаго рода, представляющаго сліянія многихъ потоковъ и ключей, въ нихъ впадавшихъ, многихъ этнографическихъ разновидностей, дифференцировавшихся еще въ пальэтнологическія времена и сливавшихся разновременно[1]). Въ сущности и въ формулировкѣ вопроса о „религіи" въ палеолитическомъ періодѣ культуры кроется, по меньшей мѣрѣ, логическое недоразумѣніе, въ видѣ этнографическаго анахронизма: не желая имѣть дѣла съ слагаемыми, слишкомъ странно задаваться вопросомъ о суммѣ.

Выборъ „погребенія", какъ единственнаго специфическаго показателя „религіи" у людей палеолитическаго времени, едва ли возможно признать удачнымъ въ виду чрезвычайнаго разнобразія погребальныхъ обычаевъ[2]). Напомнимъ о вынесеніи и предоставленіи трупа на съѣденіе звѣрямъ у нѣкоторыхъ восточно-американскихъ народовъ, тибетцевъ, монголовъ, парсовъ, нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ и др. Тѣсной связи между уровнемъ культуры и погребальными обрядами нѣтъ.

Остановившись ближайшимъ образомъ на параллеляхъ д-ра М. Гернесъ, въ соединеніи съ указаннымъ нами другимъ фрагментомъ дипилонской вазы, мы не можемъ игнорировать бросанія трупа въ воду, въ началѣ вынужденнаго, какъ замѣну предоставленія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, трупа хищнымъ животнымъ[3]). Послѣднее для плохо вооруженныхъ звѣролововъ было крайне опасно, и, кромѣ того, приближеніе хищныхъ животныхъ, сдѣлавшись для послѣднихъ привычнымъ, распугивало бы оленей, за которыми прирѣчные обитатели охотились преимущественно у воды и даже на водѣ, карауля небольшія или массовыя переплыванія ихъ чрезъ рѣки[4]). На такихъ охотахъ, на горныхъ рѣчкахъ Саянъ и Алтая, даже и теперь, въ заповѣдныхъ мѣстахъ, по издревле установившемуся обычаю, ни одинъ звѣропромышленникъ не оставитъ на берегу никакихъ остатковъ добычи: все сбрасывается въ воду и добытые вѣри, для сохранности, загружаются въ холодную воду горныхъ рѣчекъ.

Въ рисункахъ животныхъ, не смотря на кажущуюся реальность рисунка, замѣчаются нѣкоторыя условности въ начертаніяхъ: всматриваясь въ нихъ со всѣмъ вниманіемъ, увидимъ ихъ одаренными человѣческимъ языкомъ аналитическихъ жестовъ, они какъ бы понимаютъ указанія другихъ животныхъ, жертвоприниматели, дѣлаемыя на этомъ же языкѣ, и подчиняются имъ[5]). Такъ какъ фрагментъ обломанъ и съ правой и съ лѣвой стороны, то число принесенныхъ въ жертву оленей однюдь не менѣе 5: такая жертва можетъ быть сдѣлана значительною группою мужчинъ и женщинъ. Такъ что и человѣческое жертвоприношеніе возможно допускать[6]): въ этомъ отно-

---

[1]) Д-ръ Г. Шурцъ. Исторія первобытной культуры. Пер. Д. А. Клеменцъ. С.-Пб. 1907. стран. 1, 2 и слѣд.

[2]) Ibidem, стран. 189 и 193.

[3]) Ibidem, 190.

[4]) Ibidem, 231, 334, 546. — А. Э. Брэмъ. Жизнь животныхъ. Пер. К. К. Сентъ-Илера. Т. III, стран. 475, 477.

[5]) Условности, при сосредоточенномъ изученіи рисунковъ, не трудно уловить.

[6]) Фрагменты изъ Дипилона, повидимому, на это указываютъ.

шеніи палеолитическіе люди едва ли могли оказаться менѣе культурными, чѣмъ классическіе греки эпическаго или архаическаго времени. Распорядитель жертвоприношенія и празднества былъ необходимъ; его жезлъ могъ быть и записью ритуальнаго акта.

На тощихъ и необычайно жирныхъ, чрезмѣрно откормленныхъ палеолитическихъ Венеръ изъ слоновой кости, даже и безъ сопоставленія съ троянскою свинцовою женщиною[1]) и съ фракійскими глиняными фигурками[2]), должно смотрѣть какъ на проявленіе культа предковъ, какъ на воспоминаніе о женщинѣ, отправленной племенемъ въ страну смерти къ предкамъ. Есть нѣкоторое основаніе предполагать, что и человѣкъ также былъ жертвеннымъ животнымъ, что можетъ свидѣтельствовать о наличности культа, конечно, въ совокупности съ прочими косвенными данными.

Скульптурное изображеніе тѣла оленя на камнѣ, эпохи Солютре, очень напоминаетъ жертвенное положеніе[3]). Особенности въ группировкѣ начерченныхъ оленей, отмѣченныя Г. Мортилье, какъ сообщено выше, могутъ служить указаніями на различія въ жертвенномъ культѣ.

Изъ того, что во всю мадленскую эпоху въ изобразительномъ искусствѣ (не признавая начавшейся дифференціаціи картиннаго письма), нѣтъ и слѣда нелѣпыхъ концепцій необузданной фантазіи, т.-е. зачатки искусства строго подчиняются дѣйствительности, дѣлается выводъ, что мадленскій человѣкъ, отличный художникъ, не имѣлъ никакихъ религіозныхъ представленій, такъ какъ въ нихъ — стремленіе къ сверхъестественному, къ замѣнѣ дѣйствительности воображеніемъ, нѣчто обязательное и что первобытная *религія* всегда покидаетъ почву простыхъ, дѣйствительныхъ фактовъ. И здѣсь въ большой посылкѣ силлогизма въ палеолитическую эпоху отнесено понятіе „религія", въ полномъ объемѣ и со всѣмъ содержаніемъ, включая и миѳы, и съ категорическою увѣренностію въ томъ, что логическій порядокъ генезиса „религій" вполнѣ согласенъ съ эволюціоннымъ. Мы уже высказались (на стр. 37), къ какимъ воззрѣніямъ мы присоединяемся въ этомъ отношеніи[4]). Какъ изученіе языка начато не съ грамматики, а съ практики голоса, съ накопленія звуковыхъ знаковъ и съ практики въ ихъ сочетаніяхъ, такъ и религія не началась съ внутренней сущности, — не съ догмата, не съ миѳа, не съ нравственныхъ ученій, а съ внѣшнихъ ея проявленій, съ прогрессивнаго накопленія привычекъ къ жертвамъ и молитвамъ, — съ практики культа. Палеолитическіе люди послѣднихъ эпохъ этого культурнаго періода слишкомъ ясно означили ту стадію конкретнаго мышленія, до которой они достигли, ту ступень, на которой они стояли въ изобразительномъ искусствѣ и тѣ шаги, которые они сдѣлали въ дифференціаціи картиннаго письма, чтобы требовать отъ нихъ такого удаленія отъ дѣйствительности, „такой аберраціи ума, такого извращенія фантазіи", каковыя требуются нѣкоторыми паль-

---

[1]) H. Schliemann. Ilios. S. 380 и D-r. M. Ohnefalsch-Richter, Kupros. S. 181. Совастика по начертанію различна у обоихъ авторовъ.

[2]) См. I. Schlemm, Worterbuch zur Vorgeschichte (литература). — Forrers, Reallexikon, 746 (214. 2 и 6) и 758 (215. 6 и 7). — M. Hoernes, Bild. Kunst, Taf. II.

[3]) Сопост. F. R. Martin. L'age du bronze. Pl. 29. 23. — Число жертвенныхъ бляхъ, украшеній и амулетовъ въ Минусинскомъ Мартьяновскомъ музеѣ теперь около 100.

[4]) См. Шурца, «Истор. первоб. культ.» — Р. де-ля Грассери, «Психолог. религій», стран. 12 и др.

этнологами для доказательства существованія „религіи“ отъ начинателей дифференціаціи культа, какъ этнографическаго явленія. Ненормальности въ ходѣ и въ проявленіяхъ эволюціи культа чаще всего оказываются послѣдствіями религіозныхъ заимствованій высшаго порядка народностями, стоящими на несоотвѣтственно низкихъ ступеняхъ культуры, начавшей при этомъ разлагаться, вслѣдствіе различныхъ неблагопріятныхъ условій. Обратная и перекрещивающаяся эволюція труднѣе поддается изслѣдованію.

Намъ кажется, что этотъ отрицательный признакъ не можетъ быть прямымъ доказательствомъ отсутствія религіозныхъ представленій. Такой же отрицательный признакъ, — отсутствіе скульптурныхъ и начертательныхъ изображеній хищныхъ животныхъ, особенно большого пещернаго медвѣдя, леопарда, тигра, льва, гіены и др., дѣйствительно существовавшихъ въ солютрейскую, маделенскую и даже въ турасскую эпохи, намъ кажется болѣе устойчивымъ доказательствомъ существованія общеизвѣстныхъ анимистическихъ предубѣжденій и боязни сильныхъ хищниковъ, представителей злыхъ духовъ, только впослѣдствіи вошедшихъ въ жертвенный культъ въ качествѣ жертво-принимателей и даже, еще позднѣе, жертво-пожирателей, ниспосылаемыхъ высшими божествами; попытки изображенія послѣднихъ, являются много позднѣе, когда человѣкъ почувствовалъ себя сильнѣе. Медвѣдь, повидимому, бурый, рѣдко, но фигурируетъ какъ менѣе опасный, но прочія хищныя животныя не фигурируютъ въ рисункахъ палеолитическаго человѣка. Скачокъ чрезъ предметную стадію прямо къ фантастической противорѣчитъ законамъ поступательной эволюціи психики.

Вообще, не погребеніе, не фантастическія изображенія божествъ, а *жертвоприношеніе*, въ томъ или другомъ видѣ, съ тѣми или другими обрядностями, какъ своеобразными проявленіями духа человѣческаго на этой стадіи культа, должно признать неизмѣннымъ отличительнымъ признакомъ и болѣе чувствительнымъ показателемъ первобытной религіи[1]). Жертвоприношеніе и культъ въ древнемъ мірѣ были равнозначущими терминами. Безъ нихъ общеніе съ божествами было немыслимо: съ нихъ оно началось, ими оно поддерживалось, только жертвоприношенія обезпечивали связь съ божествами. Діагнозъ на начавшуюся дифференціацію культа въ жертвоприношеніяхъ облегчается тѣмъ, что, въ началѣ, только жертвенныя животныя, затѣмъ, животныя ихъ сопровождающія, впослѣдствіи, животныя-жертвоприниматели владѣли языкомъ культа, и, наконецъ, какъ бы послѣ всѣхъ, и человѣкъ овладѣвалъ языкомъ культа, языкомъ движеній, какъ древнѣйшимъ первоначальнымъ способомъ общенія. Человѣкъ сперва научился записывать сношенія съ божествами чрезъ посредниковъ, и уже потомъ, достигнувъ нѣкоторой зрѣлости и сознанія большей подготовки въ языкѣ и письмѣ культа, перешелъ къ непосредственному сношенію съ божествами и духами.

О геометрическихъ рисункахъ, о линейныхъ знакахъ, о сигнографахъ въ орнаментѣ и въ конкретографахъ лошади, мамонта, рыбы, на которые мы выше указы-

---

[1]) Проф. А. Мензисъ. Исторія религій. С.-Пб. 1905. Стран. 48 и слѣд. — Г. Шурцъ. Первобытная культура, стран. 600.

вали, нѣкоторыми учеными было сдѣлано также поспѣшное и необоснованное заключеніе, до монографическаго спеціальнаго изученія этихъ древнѣйшихъ графическихъ памятниковъ и, видимо, до ближайшаго ихъ личнаго разсмотрѣнія и безъ всякихъ попытокъ пріисканія къ нимъ параллелей изъ ближайшихъ культурныхъ стадій. Отмѣчено, напримѣръ, что: „простѣйшія художественныя изображенія состояли изъ ряда прямыхъ линій, различнымъ образомъ скомбинированныхъ: это какъ бы насѣчки, идущія въ различныхъ направленіяхъ въ видѣ клѣтокъ, зигзаговъ, непрерывныхъ рядовъ линій, соединяющихся шевронами или пересѣкающихся въ видѣ буквы X". „За этими простѣйшими украшеніями слѣдуютъ ряды волнистыхъ линій, бугорковъ и другихъ формъ, но эти послѣднія очень рѣдки. И сдѣлано слѣдущее заключеніе: „всѣ эти различные виды орнаментировки проистекаютъ, по всей вѣроятности, изъ обычая[1]) дѣлать вогнутыя линейныя нарѣзки на скошенномъ краѣ наконечниковъ копій. Нужно замѣтить, что среди всѣхъ этихъ различныхъ комбинацій линій совершенно отсутствуютъ тѣ знаки, которые въ наше время переходили изъ одной эпохи въ другую, пріобрѣтая и сохраняя мистическій и религіозный смыслъ. Тутъ нѣтъ ни простыхъ круговъ, ни концентрическихъ[2]), ни треугольниковъ[3]). Крестъ — двѣ линіи, пересѣкающіяся подъ прямымъ угломъ, — знакъ кажущійся намъ столь простымъ, отсутствовалъ въ то время[4]). Это служитъ однимъ изъ многочисленныхъ доказательствъ того, что люди временъ геологическихъ не имѣли ни культа, ни религіозныхъ идей". И это категорическое косвенное доказательство нельзя признать достаточно обоснованнымъ и его объяснительную сторону вполнѣ соотвѣтствующей всей совокупности имѣющихся данныхъ и здѣсь объ исчерпывающемъ рѣшеніи вопроса не можетъ быть и рѣчи: разностороннее научное изученіе всѣхъ матеріаловъ и пересмотръ вопроса необходимы, въ виду его великой важности. Матеріаловъ теперь чрезвычайно мало, они отрывочны, случайны, нерѣдко безъ точнаго означенія условій залеганія, иногда безъ необходимѣйшихъ геологическихъ данныхъ. Но и теперь уже есть нѣсколько ученыхъ, начавшихъ внимательно всматриваться въ рисунки и знаки и уже усмотрѣвшихъ такія условности въ реальныхъ, повидимому, рисункахъ, гдѣ очень многіе теперь видятъ только начало *чистаго* искусства. Къ заподазриванію графической условности и конкретографовъ, т.-е. къ конкретному символизму, подошли весьма немногіе изъ ученыхъ, можно сказать, единицы.

Пересмотрѣвъ многіе памятники изобразительнаго искусства палеолитическаго періода съ нѣсколько большимъ вниманіемъ, чѣмъ ранѣе, мы нашли достаточныя основанія относить нѣкоторыя начальныя стадіи культа, изобразительнаго искусства и картиннаго или свѣтового письма къ болѣе раннимъ диллювіальнымъ эпохамъ.

---

[1]) Далѣе мы даемъ ссылки на рисунки, которые не подтверждаютъ такого генезиса орнамента.

[2]) Есть — и отдѣльные круги, и концентрическіе.

[3]) Есть угловой символъ, въ двухъ поворотахъ, верхнемъ и нижнемъ.

[4]) Это — поясной знакъ молящагося человѣка, а человѣкъ, какъ разъяснено выше и какъ увидимъ далѣе, въ началѣ входилъ въ общеніе съ божествами чрезъ жертву, — записью ея языка движеній, затѣмъ, присоединялись сопроводители и руководители жертвенныхъ животныхъ, потомъ жертвоприниматели реальные (хищныя животныя, не съѣдобныя), затѣмъ уже человѣкъ ввелъ и себя въ культъ и, повидимому, ранѣе всего, какъ жертвенное животное.

Во второй половинѣ послѣдняго 3-го межледниковаго времени (Dritte Warmzeit) уже можно заподазривать практику культа. Фигуры оленей изъ камня: самца, лежащаго на боку, и самки, лежащей на животѣ, съ пригнутыми къ животу передними ногами и придвинутыми (у самки до соприкосновенія) къ переднимъ, есть основанія признавать находящимися въ жертвенномъ положеніи, которое преемственно передалось послѣдующимъ культурнымъ эпохамъ. Наиболѣе убѣдительною, конечно, является лежащая фигура, съ обломанною головою[1]), но вторая является весьма важнымъ усиленіемъ совпаденія въ положеніи ногъ. Мы приведемъ рядъ примѣровъ[2]), начиная съ мѣдной культуры Енисея, времени и области распространенія скиѳской культуры, древне-греческой микенской культуры, дипилонскаго времени, вообще напомнимъ о такъ называемыхъ лежащихъ оленяхъ и другихъ животныхъ, въ дѣйствительности находящихся въ жертвенномъ положеніи, и мы убѣдимся, что при подгибаніи ногъ къ тѣлу животнаго чаще прилегаютъ *переднія ноги* или сближаются копытами на одной высотѣ. Такова болѣе грубо сдѣланная одна изъ базайскихъ фигурокъ изъ оленьяго рога (табл. I, рис. XXXI, фиг. 4). Число примѣровъ можно значительно увеличить. Вотъ почему, приведенное выше наше заключеніе мы считаемъ болѣе обоснованнымъ, чѣмъ объясненіе соединенія ногъ подъ брюхомъ тѣмъ, что такъ поступаютъ съ животными, которыхъ нужно нести на палкѣ. Это объясненіе Г. де-Мортилье далеко до „*очевидности*“ того, что „здѣсь представлены сцены изъ охотничьей жизни[3])“. Трудно согласиться съ Г. Мортилье, особенно въ виду его же остроумнаго и вѣскаго объясненія непропорціональнаго отношенія костей животныхъ въ „жилыхъ отбросахъ“ тѣмъ, что животныхъ убивали на охотѣ и „*тамъ же, на мѣстѣ*[4]) разрѣзали, унося съ собою самыя полезныя части и оставляя все остальное“. Къ этому мнѣнію мы вполнѣ присоединяемся, тѣмъ болѣе, что достать палку или жердь для принесенія къ хижинѣ или пещерѣ добытаго крупнаго животнаго въ то время могло быть гораздо труднѣе, чѣмъ добыть нѣсколькихъ звѣрей. Не желая впадать въ противорѣчіе, мы должны всегда помнить, что преобладающее вліяніе на изобразительное искусство, при его дифференціаціи, оказываетъ не бытъ, а культъ.

---

[1]) G. et A. de-Mortillet. Musée prehist. P. 1881. Pl. XIX, 125 и 126. — Доистор. жизнь. Г. и А. Мортилье, пер. Л. Я. Штернберга. С.-Пб. 1903. Стран. 180. — Forrers Reallex. 746 (214. 9).

[2]) Fr. R. Martin, L'age du bronze. St. 1893. Pl. 29, fig. 20, 21, 23 et 24. — Д. А. Клеменцъ. Древн. минус. музея, VIII, II. Теперь въ музеѣ число жертвенныхъ амулетовъ, оленей, козъ, лошадей, птицъ болѣе 60, изъ нихъ съ передними ногами, лежащими на заднихъ болѣе 10, въ прочихъ прямое соприкосновеніе копытами и въ большинствѣ случаевъ стилизированное сліяніе ногъ.

Альбомъ Имп. Арх. Комиссіи. С.-Пб. 1906. 50 (281, 321), (2103, 2104). — Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія древн. С.-Пб. 1889. Стран. 149 (126). — Гр. А. А. Бобринскій. Смѣла. С.-Пб. 1894, табл. XXI. Цѣнная въ научномъ отношеніи жертвенная фигура, особенно въ сопоставленіи съ предъидущею: эта — по культу земли, а куль-обская — по культу неба. — Дж. Леббокъ, пер. Д. Н. Анучина. Доистор. жизнь, стран. 46 (57). — G. Perrot et Chipiez. Hist. de l'art. P. 1898. P. 181 (65 и 66). Жертвоприношеніе по свастическому ритуалу. Жертва оленей, повидимому, предшествовала жертвѣ человѣческой. Рисунокъ съ вазы времени Дипилонъ (Dipylon), во многихъ отношеніяхъ поучительный и самъ по себѣ, особенно важенъ въ параллеляхъ.

[3]) Г. и А. Мортилье. Доистор. жизнь. Пер. Л. Я. Штернбергъ. Стран. 271 и 180. См. Kypros. M. Ohnefalsch-Richter, Tafel CXV. 2 и 3. Несеніе жертвенныхъ животыхъ.

[4]) Курсивъ нашъ.

Во всякомъ случаѣ, воздержавшись отъ преждевременнаго исчерпывающаго рѣшенія, лучше выжидать накопленія матеріаловъ, но, не выпуская изъ рукъ и косвенныхъ указаній, вытекающихъ изъ имѣющихся данныхъ по аналогіи и преемственности эволюціонныхъ явленій.

Не будемъ забывать, что при климатѣ, тепломъ и сухомъ[1]) издѣлія изъ рога, кости и даже изъ бивня мамонта въ срединѣ эпохи Солютре не могли сохраняться такъ, какъ это замѣчается при таковомъ же небольшомъ пониженіи годовой температуры, въ соединеніи съ увеличеніемъ влажности. Пещеры тогда могли быть только зимними жилищами. О полномъ отрицаніи примѣненія кости и рога для первобытной пластики не можетъ быть и рѣчи. Но есть памятники, отнесеніе которыхъ къ этой эпохѣ признается большинствомъ компетентныхъ ученыхъ. Къ таковымъ относятся и такъ называемыя Венеры этой палеолитической негроидной расы, изъ мамонтовыхъ бивней[2]). При взглядѣ на необычайно тощую и на чрезмѣрно откормленныхъ женщинъ палеолитической эпохи, невольно вспоминается и знаменитый троянскій свинцовый женскій идолъ, и особенно „неолитическія островныя фигуры", мраморныя статуэтки такихъ же жирныхъ женщинъ (Forrer's Reallexik. S. 758 (215. 6 и 7) изъ Спарты и подобныя же фракійскія глиняныя фигурки (M. Hoernes, Urgesch. der Bild. Kunst. Taf. III, Text S. 206—209), исполненныя съ татуировкою и съ другими условностями, и въ палеолитическихъ откормленныхъ женщинахъ мы склонны видѣть жертвенныхъ животныхъ, качества которыхъ, можетъ быть, нѣсколько утрированы религіозною фантазіею первобытнаго скульптора. При разсмотрѣніи указанныхъ рисунковъ интересующіеся сами увидятъ детали, склонившія насъ къ высказанному предположенію.

Обратимся теперь къ тѣмъ начертаніямъ, которыя многими относятся къ концу эпохи Солютре.

Выше, на стран. 41-й, мы уже, въ общемъ, высказались о рисункѣ жертвенной дикой лошади изъ Комбареля, обращенной головою вправо, добавимъ, что линейный знакъ угла, обращеннаго къ землѣ, образовавшійся послѣ продолжительной практики культа, повторенъ трижды, уменьшаясь вправо, съ перекрещиваніемъ двухъ линій. Невольно вспоминаются: египетскій угловой символъ, обращенный внизъ, доминирующій въ сооруженіяхъ для мертвыхъ[3]), индійскій символъ „Джони"[4]), неолитическій знакъ и мотивъ орнамента[5]), критскія и эгейскія начертанія (Эвансъ, №№ 17 и 24, его табл.). На лѣвомъ (заднемъ) знакѣ, начерченномъ на лошади, ясно выражены мультиплицирующія черты. Кружечекъ надъ 3-мъ угловымъ знакомъ, внизъ обращеннымъ,

---

[1]) При увеличеніи годовой температуры на 2°—4° С. — Д-r L. Reinhardt, Der Mensch zur Eiszeit in Europa. M. 1908. S. 84. — Пенка придаетъ значеніе разницѣ въ среднихъ лѣтнихъ температурахъ. — Я. С. Эдельштейнъ и А. П. Герасимовъ. Инстр. для изуч. слѣд. древн. оледенѣнія. С.-Пб. 1909. Стран. 34.

[2]) D-r L. Reinhardt. Der Mensch zur Eiszeit. M. 1908. S. 229—230 (134—135). — M. Hoernes. I. d. B. K. Taf. II. — Forrers Reallex. 746. 214. 2. 6.

[3]) Шантепи-де-ля-Соссей. Ил. ист. религій. М. 1899. I, 119 (19). — Perrot et Chipiez. I. 195—252, колонны 564—572. Сопост. VII vol., p. 166 (48), угловые знаки, вверху, справа.

[4]) Wörterb. d. Mythol. Glass, R. L. 1880.

[5]) Ранке, Человѣкъ, II, 648. 22 и др.

съ маленькимъ угловымъ (у Л. Рейнгардта, L. Reinhardt) или дуговиднымъ (въ лексиконѣ Р. Форрера, R. Forrer) ясно означенъ; угловой значокъ предъ глазомъ лошади констатируется всѣми имѣющимися у насъ рисунками. Съ петроглифической точки зрѣнія, глазъ жертвеннаго животнаго (при правомъ поворотѣ головъ, безъ изгиба), при стоящихъ и впередъ обращенныхъ ушахъ[1]), имѣетъ какъ бы обособленное жертвенное значеніе и сигнализируетъ молитву или обращеніе вверхъ. Отмѣтимъ коротковолосую, какъ бы щетинистую гриву, волоски которой заштрихованы съ наклономъ впередъ, короткій хвостъ прижатъ и волосы подъ нижнею челюстью съ ослабленною сигнализаціею внизъ, что, въ связи съ сдвинутыми вплоть ногами, указываетъ на сознательность въ начертаніи многихъ деталей этого рисунка. Черты сверху и снизу — линіи неба и земли, ихъ слѣдуетъ понимать какъ благословенія[2]). Есть нѣкоторыя основанія смотрѣть на этотъ конкретографъ съ сигнографами на немъ, какъ на записи жертвоприношенія, какъ на законченный петроглифическій документъ сношеній съ всемірными божествами.

Мамонтъ, повидимому, былъ также жертвеннымъ животнымъ, человѣкъ не боялся его, какъ большихъ хищныхъ животныхъ, ему современныхъ, изъ которыхъ онъ зарисовалъ только медвѣдя, и то, кажется, обыкновеннаго бураго. Это ясно видно на петроглифѣ въ пещерѣ Фонъ-де-Гомъ (Font-de-Gaume, in Südfrankreich). Рисунокъ мамонта, обращенный головою налѣво, зарисованъ весь, но безъ заднихъ ногъ. Хоботъ опущенъ внизъ, какъ у молодого мамонта Комбарельской пещеры. (D-r L. Reinhardt, S. 244 (147) и 281 (183), сопост. съ 244 (148)) и съ давно извѣстнымъ мадленскимъ начертаніемъ мамонта (Realex. Forrer, 916 (286)). Волосы на спинѣ не означены, заштрихованы только снизу, на бокахъ и животѣ, отвѣсными чертами; на ногахъ и даже на обхватывающей (?) поверхности хобота волосы отчетливо означены черточками, наклоненными внизъ.

Сигнографъ на лѣвомъ боку животнаго означенъ тремя линіями: генезисъ орнаментной мультипликаціи линейныхъ символовъ приходится отнести къ концу послѣдняго межледниковаго теплаго времени, не далѣе переходной (верхней солютрейской) эпохи. Опираясь на предшествующія указанія, линейное начертаніе произошло отъ перекрещиванія двухъ одностороннихъ сигнографовъ, углового типа (табл. XII. Пр. ст. 4. 5 и 6), до соприкосновенія съ сохранившимися на поясномъ знакѣ отвѣсными линіями туловища, съ образованіемъ косого креста въ срединѣ сложнаго символа. Линія благословенія земли на задній уголъ надъ неозначенными ногами, не наложена: онъ оставленъ открытымъ, при укороченной косой линіи. Линія земли только дублирована.

Оба начертанія указываютъ, что дифференціація линейныхъ знаковъ изъ рисунковъ произошла недавно, рисунки жертвенныхъ животныхъ были обязательны по культу, — рисовальщики-писцы, хотя и изощрились, путемъ вышеразъясненныхъ услов-

---

[1]) S. Müller. Urgesch. Europas. S. 11. — Forrers Reallex. 371 (99) и Э. Реклю, Человѣкъ и земля, I, 261.

[2]) Сопост. символъ на амфорѣ царской гробницы въ Негодѣ. Ак. Д. Н. Анучинъ. Доисторическое насел. Египта. М. 1898 г. Стран. 27 (17).

ностей и стилизаціи въ означеніи ритуала, но видимо отдавали сигнографамъ предпочтеніе и рѣшились означать ихъ внутри конкретографовъ, какъ поясненіе не отъ себя, а отъ предстательствующей предъ божествами жертвы. Человѣкъ чувствовалъ себя еще очень далекимъ отъ боговъ, которымъ онъ поклонялся.

Весьма знаменательное и поучительное начертаніе для уясненія генезиса сигнографовъ изъ конкретографовъ, модифицированныхъ для сношеній съ божествами чрезъ посредство жертвенныхъ животныхъ, имѣющее обще-научное значеніе это — человѣкоподобное существо, зарисованное (вопреки обыкновенію) съ боку, съ головою животнаго, стоящее на дыбахъ, въ поворотѣ направо, съ воздѣтыми руками и съ растопыренными пальцами на обѣихъ рукахъ, и съ раздвинутыми ногами, изъ Алтамирской пещеры (Aus der Hohle von Altamir)[1]). Переведя данный конкретографъ на поясной сигнографъ, получимъ генезисъ типичнаго руническаго знака: fech, feh, fe. Предлагаемъ сопоставить съ боковыми начертаніями грифоновъ (прил. табл. VIII. IV. 7) и человѣческихъ фигуръ на древне-вавилонскихъ цилиндрахъ (приложеніе табл. XII. 17. 1—2, пр. фиг. и XI. 25. пр. фиг.), на египетскихъ начертаніяхъ (Шантепи-де-ла-Соссей. Ил. ист. религій, I, 119 (19) и 159 (33) Озирисъ и Горусъ), на черныхъ вазахъ изъ tumulus bei Oedenburg und abgerollte Zeichnung derselben. M. Hoernes, Urgesch. der Bild. Kunst. Taf. XXVII и XXVIII, Text. S. 610, на бронзовомъ ведрѣ изъ Куфарнъ (von Kuffarn in Niederösterreich, ibidem, Taf. XXXIII, Tex. S. 661. Еще Taf. XXX и XXXI).

Какъ это ни парадоксально, но это обезьяно-подобное начертаніе, которое можетъ быть относимо къ верхнему Солютре, въ связи съ данными послѣдующихъ главъ, можетъ показать, въ какихъ предѣлахъ, насколько основательно и опредѣленно заключеніе Виммера и Бугге (Wimmer und Bugge)[2]), что „руническая система возникла и выросла *на почвѣ латинскаго алфавита;* при чемъ изъ послѣдняго германцы заимствовали лишь его звуковой принципъ и нѣкоторыя начертанія, остальныя же начертанія они взяли изъ тѣхъ *символическихъ черточекъ,* которыя существовали у нихъ съ давнихъ временъ *для цѣлей прорицанія* и упоминаніе о которыхъ мы находимъ у Тацита“, въ X главѣ его „Германіи“[3]).

Въ древнѣйшей послѣ-ледниковой эпохѣ встрѣчаются указанія на практику культа и на дифференціацію картиннаго и знаковаго письма еще болѣе поразительныя, какъ это мы отчасти уже и видѣли во введеніи (стран. 41) и при разсмотрѣніи фрагмента съ оленями и рыбами.

Въ видахъ разносторонняго освѣщенія культуры эпохи Мадленъ, необходимо остановиться еще на нѣкоторыхъ наиболѣе характерныхъ для этой эпохи памятникахъ.

Извѣстно, что рукоятки кинжаловъ изъ оленьяго рога эпохи Мадленъ (Magdalenien) нерѣдко вырѣзывались въ видѣ оленей, въ видѣ мамонта, мускуснаго быка.

---

[1]) L. Reinhardt. Der Mensch zur Eiszeit. S. 251 (155).

[2]) Die Runenschrift, Wimmer. B. 1887.— Om Runes Kriftens Oprindelse, Chr. 1874.— Я. Б. Шницеръ. Илл. вс. ист. письм. С.-Пб. 1903. Стран. 192.

[3]) Курсивъ нашъ.

Оленей этихъ считаютъ лежащими, но нѣкоторыя своеобразныя (аналитическія) условности ихъ зарисовыванія и нерѣдко встрѣчающаяся неестественность начертанія ногъ могутъ быть установлены только при внимательномъ разсмотрѣніи и при сличеніи съ хорошими рисунками и фотографіями лежащихъ оленей. Во всякомъ случаѣ, подъемъ головы съ полуоткрытымъ ртомъ, съ сильнымъ изгибомъ шеи и закидываніемъ роговъ назадъ невольно остановитъ на себѣ вниманіе. Ранѣе приведено много ссылокъ и параллелей для выясненія жертвенныхъ положеній въ разныя времена и у различныхъ народовъ, иногда нѣсколько различающихся между собою. Сошлемся еще разъ на серебряные сосуды и золотыя пластины[1]) съ ноженъ и налучья изъ Куль-Обы, изъ Смѣлы, изъ станицы Костромской, и начертаній жертвенныхъ оленей на петроглифахъ Енисея, вотивныхъ оленей Минусинскаго музея. Въ таковомъ же жертвенномъ положеніи грубо изображенъ[2]) и олень, вырѣзанный изъ оленьяго рога, неолитическаго времени, найденный вмѣстѣ съ другими фигурами и каменными орудіями, около д. Базаихи. Предлагаемъ сопоставить съ рисункомъ оленя Аглахтынскаго петроглифа, табл. VII, 2 рис. 22 фиг. Молитва на рукояти эпохи Мадленъ изображена со сдвинутыми вмѣстѣ ногами, съ выгнутою шеею, приподнятой кверху головою и, повидимому, съ полуоткрытымъ ртомъ.

Палеолитическія рукояти кинжаловъ есть основаніе признавать также за жертвенныхъ животныхъ: голова оленей обращена къ небу, а заднія ноги символизируютъ землѣ.

На многихъ минусинскихъ кинжалахъ, на верху рукояти, дуга, повидимому, потомъ стилизировавшаяся въ 2-хъ грифоновъ (полуденный символъ, см. „Камен. вѣкъ Египта“, стран. 16. 9). Откосы нижней части древнихъ рукоятей даютъ угловой символъ внизъ, согласующійся съ сигнализаціею ногами мадленскаго оленя. (II табл. XXX рис.)

Еще Г. де-Мортилье констатировалъ и подчеркнулъ одну интересную особенность въ группировкѣ животныхъ, въ начертаніяхъ эпохи Мадлены или сѣвернаго оленя (Magdalenien Rennthierzeit). „Наиболѣе обычная группировка, когда дѣло касалось животныхъ одного вида, состояла въ изображеніи ихъ въ одну линію, одно вслѣдъ за другимъ. Это, конечно, наиболѣе простая и естественная группировка. Мы находимъ такія ряды лошадей, быковъ, сернъ и т. п. Всѣ изображенныя въ такомъ рядѣ животныя почти одинаковой величины“. Напомнимъ, что животныя эти кажутся идущими (но копыта рѣзко вырисованы и иногда означены условно), то вправо, то влѣво. Мы сосчитали повороты головы на томъ небольшомъ собраніи рисунковъ съ пластинъ, съ которыми мы могли ознакомиться, и съ жезловъ распорядителей жертвоприношеній. Опредѣливъ процентъ поворотовъ головы налѣво (навстрѣчу солнцу, позволимъ себѣ такую предвзятость) и направо, за солнцемъ (т.-е. для семитическихъ строкъ, и строкъ — „посолонь“, на западъ), мы получили для *лѣваго* (восточнаго, конечно въ смыслѣ крупнаго румбическаго дѣленія, напримѣръ, по

---

[1]) См. «Русскія древн.» вып. II, 149; Альбомъ Импер. Арх. Ком. 1207; припож. табл. I. II рис. 4, 8 и 12 и XXXVII рис. Большая коллекція такихъ фигуръ (около 50) въ Минус. Мартьяновскомъ музеѣ, золотую накладку со многихъ изъ нихъ продавцы снимаютъ, на одномъ только экземплярѣ она сохранилась.

[2]) I табл. XXI рис. 4 и прочіе.

„косому или лежачему кресту“) *поворота* около 60% а для *праваго* (западнаго) (для арійской строки) около 40%. Намъ кажется, что цифры оправдываютъ предвзятость о культѣ солнца.

На петроглифахъ общеупотребительное пониманіе такихъ начертаній *по культу*, т.-е. направо, *на югъ* идущее жертвенное животное надлежитъ представлять не такъ, какъ оно нарисовано, а въ заднемъ ракурсѣ, т.-е. идущимъ *на востокъ*, — отъ насъ.

Налѣво идущее жертвенное животное, т.-е. *на сѣверъ*, надо представлять въ переднемъ ракурсѣ, т.-е. идущимъ на западъ, — къ намъ.

Въ палеолитическую эпоху начертанія вправо и влѣво головою, повидимому, понимались въ прямомъ, безъ ракурсныхъ осложненій, смыслѣ, т.-е. навстрѣчу солнцу или по солнцу.

Если бы забыть о болѣе тепломъ климатѣ эпохи Солютре, который не благопріятствуетъ сохранности костяныхъ памятниковъ культуры[1]), то замѣну изображенія жертвоприношенія изображеніемъ шествія жертвенныхъ животныхъ можно принять за обратное движеніе въ дифференціаціи и культа и изобразительнаго искусства, но переходъ отъ жертвеннаго положенія животнаго, отъ прозаической практики культа къ представленію и изображенію движенія жертвенныхъ животныхъ къ мѣстопребыванію подземнаго и загробнаго божества, указываетъ на значительный прогрессъ анимистическихъ представленій послѣ-смертной жизни принесенныхъ въ жертву животныхъ, и здѣсь, намъ кажется, затруднительно отрицать отраженія развившагося культа предковъ, въ связи съ культомъ жертвенныхъ животныхъ.

На начальническія жезлы мы смотримъ, какъ на знаки правъ родоначальника или можетъ быть и права цѣлаго племени, приносившаго столь большія для того времени жертвы, какъ старѣйшаго на этомъ празднествѣ; круглое отверстіе, нерѣдко и не одно[2]), ослабляющее прочность рога, и дѣлающее его негоднымъ для оружія, мы склонны считать предназначенными для привязыванія хвостовъ животныхъ, ремешковъ и другихъ украшеній ритуальнаго характера.

Поучительнѣйшимъ изъ этихъ жезловъ должно признать фрагментъ изъ Нижняго Ложери (Laugerie-Basse) туразской эпохи, это прототипъ „двуглавыхъ конкретныхъ символовъ“[3]): это двѣ головы самца и самки дикаго быка, расположенныя вокругъ обычнаго круглаго отверстія такихъ жезловъ, со стилизированными гривами вверху и длинными волосами внизу. При держаніи такого жезла вверхъ обѣими головками, ясно констатируется значительная обособленность культовъ (солнце, востокъ, западъ, небо, земля).

Предъ нами — очень вѣское указаніе на жертвоприношеніе „парами животныхъ“. Эти парныя животныя или головы ихъ весьма распространенный орнаментный мотивъ[4]).

---

[1]) И со стороны увеличенія числа внѣ-пещерныхъ жилищъ.

[2]) Musée prehist. Pl. XXVI, fig. 193 и 194.

[3]) G. Mortillet. Musée prehist. Pl. XXVI, 195. — L. Reinhardt. Der Mensch zur Eiszeit. S. 277 (178).

[4]) 4 примѣра даны на I табл., рис. XXXVIII и на табл. II рис. XXX. — Альбомъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ отчетахъ Имп. Арх. Ком. за 1882—1898 гг. 300 (1925), «коньки», «пѣтушки», мотивъ слишкомъ общеизвѣстный и имѣющій самое широкое распространеніе. Интересны минусинскіе древніе прототипы

Мамонтъ отъ рукоятки кинжала изображенъ съ сдвинутыми ногами, съ приподнятой головой и полуоткрытымъ ртомъ [1]).

Напомнивъ объ упомянутыхъ на стран. 41 (2) трехъ головахъ буйволовъ съ дуговидными символами, вверхъ (небу) и внизъ (землѣ) сигнализирующими, мы остановимся на кружочкѣ изъ кости съ отверстіемъ посрединѣ (Musèe prehist. G. et A. Mortillet. Pl. XXIII. 158 и на параллели къ нему, fig. 157).

На обѣихъ сторонахъ начерчено по одной фигуркѣ дикой козы, — на одной сторонѣ стоящей, а на другой *лежащей съ подогнутыми ногами*, при чемъ задняя нога налегаетъ на переднюю. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ жертвеннымъ положеніемъ. Но замѣчательны угловые знаки (∨ и ∧ символы), линейные сиграфы къ тому конкретному ихъ выраженію, которые мы только что видѣли между стилизированными головами и шеями двухъ буйволовъ. Символы росположены сверху и снизу, по краямъ амулета. На оборотѣ, уголъ мы видимъ и между заднихъ ногъ, изъ которыхъ одна какъ-будто прочерчена вытянутою. На оборотной сторонѣ, число нижнихъ угловыхъ символовъ значительно болѣе, чѣмъ верхнихъ. Мы, конечно, не считаемъ ихъ „означеніемъ зубовъ волка“ (?). Не относимъ этотъ памятникъ къ вполнѣ обособившемуся *культу* солнца, какъ высказалъ М. Пьетъ (M. Piette), но признаемъ его заключеніе болѣе близкимъ къ истинѣ, чѣмъ категорическое заключеніе Г. де-Мортилье, что этотъ кружочекъ изъ кости *„пуговица съ простымъ орнаментомъ, ее украшающимъ“* (и съ тыльной стороны ?)[2]). При такомъ совпаденіи контуровъ

этого орнамента см. стр. 321 (2108, 2109, 2110). — F. M. Martin. L'âge du bronze au Musée de Minoussinsk. 1893. Pl. 16 (4 поворотъ внизъ), 7; pl. 21. 11. — Ак. В. В. Радловъ, «Сибирск. древн.». Т. I, вып. II. Табл. XI. 12. — Perrot et Chipiez, Hist. de l'art. V. 509 (321). Ассирійское знамя (штандартъ), скомпанованное по вильчатому символу (см. прилож. XII табл. пр. с. 1. 4), верхняя фигура, характерная поздѣйшая прибавка. Такова же и капитель колонны (pag. 701, 430 и pag. 780. 465—466). У гиттитовъ, vol. IV, pag. 647. 320, подобная же композиція, и та и эта понимаются по культу солнца: правая фиг. — по солнцу, а лѣвая — на встрѣчу солнца. Голова человѣка съ острымъ шлемомъ не даетъ молитвеннаго знака вверхъ: обращена на встрѣчу солнца. Эта голова, при наличности жертвоприниматели, можетъ служить знакомъ человѣческой жертвы. Барельефъ рядомъ изображаетъ веденіе жертвы лѣвою рукою, правая поднята только на высотѣ плечъ, она является приносящею и, вѣроятно, закалывающею. (Сопост. архаич. бар. Perrot — Chipiez, VIII. 447 (220) и 448 (221). Еще у гиттитовъ, 682 (343). Томъ III, Финикія. 213 (151). — VI томъ, 824 (401) и 826 (404), Микены.

«Русскія древности» гр. И. Толстого и Н. Кондакова, вып. II, 145 стран. (рис. 122), интересенъ косвеннымъ указаніемъ на значеніе средней продольной орнаментальной полосы, которая замѣчается на многихъ минусинскихъ кинжалахъ. Конные охотники изображены антиподально, т.-е. возможно представленіе охоты надъ землею и подъ землею, въ загробномъ мірѣ.

[1]) Подобно дикимъ баранамъ изъ Минусинскаго округа, стоящимъ на сдвинутыхъ ногахъ и подобно животнымъ на рукояткахъ ножей, изъ которыхъ у многихъ ноги сдвинуты, см. атласъ Мартина (Martin), pl. 16—19, 21 и 22. При несеніи мелкихъ животныхъ на себѣ (см. статую «Kalbträger, Forrers Reallex. 765. Taf. 219. 3) и у Perrot et Chipiez, L'art, IV vol. 89 pag. 88 fig.), а также и на палкѣ, ноги жертвенныхъ животныхъ были соединяемы вмѣстѣ. —

[2]) Число угловыхъ символовъ, внизъ (къ землѣ) обращенныхъ, на оборотной сторонѣ этого кружечка съ дырочкою значительно болѣе. Символы небу расположены надъ козой, по верхней окраинѣ кружка, а символы землѣ — подъ жертвеннымъ животнымъ. О случайности тутъ не можетъ быть и рѣчи: на оборотѣ видимъ то же.

У стоящей козы переднія ноги оканчиваются угловыми символами, т.-е. и раздѣленіе копытъ вводится въ сигнализацію жертвою, это мы видимъ на знаменахъ XVII вѣка Березовскихъ остяковъ, см. прилож. табл. VI, рис. VII и на петроглифахъ табл. III, рисунки I и IV (с. Тесь на Тубѣ).

Еще табл. VIII, рис. III. 2 и 6 (медвѣдь) и, для сопоставленія, 8, современный рисунокъ медвѣдя, сдѣланный русскимъ звѣропромышленникомъ, изъ Кежмы, на Ангарѣ.

животнаго и молитвенныхъ знаковъ на рисункахъ атласа, не трудно представить, въ какомъ правильномъ *поворотѣ* будутъ изображенія жертвенныхъ животныхъ и при жертвоприношеніи по другому культу, что и означено на лицевой и обратной сторонѣ кружечка. Обращеніе къ верхнимъ божествамъ (надземнымъ, небеснымъ, солнечнымъ или луннымъ и т. д.) и къ землѣ или, можетъ быть, къ подземнымъ божествамъ, отрицать невозможно.

Кружечекъ, съ отверстіемъ въ центрѣ, нельзя признать шейнымъ амулетомъ, въ виду двусторонности начертаній, незамкнутости или непогашенія символовъ молитвы знаками благословенія признать затруднительно. Вѣроятнѣе всего, предметъ этотъ не носили на себѣ и его надлежитъ отнести къ культу молитвенныхъ знаковъ, въ родѣ почетныхъ жезловъ, но съ развилиною, внутри которой кружечекъ надѣвался на жилу, привязанную къ концамъ рогульки, что въ поучительныхъ пережиткахъ замѣчается на „тюйсъ“ и другихъ вотивныхъ предметахъ, у многихъ мѣстныхъ инородцевъ, у сойотъ и урянховъ.

Предметъ, значительно подкрѣпляющій предшествующія соображенія, это амулетъ изъ плоской гальки (змѣевикъ), съ отверстіемъ у края (съ видимымъ пониманіемъ центра тяжести), въ разсчетѣ, чтобы угловой знакъ и верхняя часть животнаго, спина котораго приходится въ точкѣ схожденія линій, образующихъ уголъ; голова обращена влѣво, черта шеи не перечеркнула углового символа; голова вытянута горизонтально, съ ухомъ не торчащимъ вверхъ, а наклоненнымъ назадъ и прижатымъ.

Вообще конкретографъ (верхняя часть животнаго) опредѣленно объясняетъ линейный символъ, какъ *благословеніе* свыше. Если *кругъ*, въ предшествующемъ предметѣ, принять за знакъ благословенія или замыканія молитвеннаго значенія начертаній козы и угловыхъ символовъ, то двухсторонность начертаній и центральное положеніе отверстія говоритъ противу амулетнаго (ношебнаго) значенія. Угловые символы не вездѣ совпадаютъ съ изгибами, впадинами, выпуклостями контура козы, то-есть, угловые вокругъ фигуръ козъ не равнозначущи точкамъ въ позднѣйшемъ свѣтовомъ письмѣ: мы видимъ много лишнихъ угловыхъ знаковъ. Каждый „угловой знакъ“ можетъ означать общее число жертвъ козы по верхнему или по нижнему культу. Но вѣроятнѣе это обычное мультиплицированіе религіозныхъ символовъ.

Совокупность всѣхъ данныхъ, прямыхъ и косвенныхъ: рисунковъ и линейныхъ знаковъ-символовъ, указаній на жертвенныя положенія и на повороты по странамъ свѣта, приводятъ къ категорическому заключенію о наличности основного углового символа молитвы и главнѣйшихъ культовъ (неба, земли, солнца и странъ свѣта).

Человѣкъ[1]) между двухъ лошадиныхъ головъ (влѣво обращенныхъ) и около неопредѣленнаго (фантастическаго ?) змѣевиднаго существа, почти касающагося его пятки, также возможно относить къ практикѣ культа. Человѣкъ зарисованъ съ боку, подобно вышеописанному обезьяноподобному существу. Означенная правая рука согнута, уголъ изгиба обращенъ вверхъ. Переведя рукоположеніе на линейный поясной знакъ, по-

---

Изъ дипилонскаго времени дадимъ 1 примѣръ, у G. Perrot et Chipiez, vol. VII, p. 181, ст. 66. эти же символы означены на копытахъ миѳическихъ жертвоприниматель, опирающихся на землю.

[1]) G. et A. de Mortillet, Musée prehistor. P. 1881. Pl. XXV. 202. — Forrers Reallex. 916(7). Сопост. съ рисункомъ обратной стороны жезла, у M. Hoernes, D. Bild. Kunst. S. 40 (11).

лучимъ букву Енисейскаго алфавита (X табл. л. ст. 18. 1 и сопост. 18. 2), подобный знакъ для обѣихъ рукъ есть въ англосаксонскихъ рунахъ (*a*). Лицо обращено къ востоку, т.-е. впередъ. Контуръ фигуры не сомкнутъ.

Изображеніе беременной женщины подъ оленемъ[1]) мы также склонны относить къ культу, — на томъ основаніи, что олень былъ жертвеннымъ священнымъ животнымъ: стоя надъ женщиною, такое животное могло символизировать благословеніе неба надъ нею и могло выразить молитву землѣ. Реставрируя всю фигуру оленя, можемъ представлять, что олень стоитъ съ лѣвой стороны женщины и что головою она можетъ какъ бы касаться правой ноги оленя. И у женщины поднята одна рука, со сгибомъ въ локтѣ и *съ растопыренными пальцами*. На рукѣ замѣтны черты м. б. и татуировки; ноги ея сложены вмѣстѣ и ступни приходятся между ногъ оленя. Копыта оленя означены какъ бы висящими, — онѣ не стоятъ на землѣ. Несоблюденіе сравнительной величины оленя и женщины можно приписать религіознымъ побужденіямъ.

Къ фрагменту руки съ татуировкою (см. выше, стр. 41, надлежитъ добавить, что имѣется еще 2 изображенія[2]), на которыхъ начертаніе руки ясно заканчивается на локтевой части, вотивный характеръ руки ясно обрисовывается, черточки хотя и не сомкнуты, но угловые символы намѣчены ясно. Пальцы сомкнуты: большой палецъ закрытъ поворотомъ кисти: подгибаніе можетъ быть сознательнымъ или безсознательнымъ автоматическимъ, вслѣдствіе большого противопоставленія большого пальца.

Грубая голова идола, изъ оленьяго рога[3]). Показаніе ея на культъ было игнорировано вслѣдствіе того, что поиски были направлены на констатированіе „религіи“, обосновываясь только на погребеніи.

Слѣдуетъ отмѣтить амулетъ съ сайгами-антилопами[4]), двусторонній, съ слѣдами дырочки для подвѣшиванія, и съ линейными угловыми и гребенчатыми знаками.

Для обстоятельности мотивировки нашихъ заключеній мы вынуждены привести краткій перечень линейныхъ сигнографовъ, графическихъ символовъ, доходящихъ до значительныхъ ступеней отвлеченія, которые, по малочисленности находокъ, не имѣютъ еще графической эволюціонной связи, но которыя характеризируютъ интеллектуальное развитіе человѣка: и здѣсь мы ограничимся раннею или древнѣйшею послѣледниковою эпохою.

Съ угловыми мультиплицированными (иногда съ одной стороны) сигнографами нѣкоторые наконечники изъ Фрейденталерской пещеры (Magdalenien aus der Freudenthaler Höhle), и угловые знаки — и по одну сторону черты[5]), и по обѣ ея стороны[6]).

---

[1]) Forrers. Reallex. S. 916 (286). 7. — G. Mortillet. Musée, XXVII. 202.

[2]) G. et A. de Mortillet, «Musée préhistor.» Pl. XXVII, 201 (2 рис.) и 200, на обѣихъ сторонахъ фрагмента.

[3]) G. Mortillet. Musée, Pl. XXVII, 199. — Reinhardt. Der Mensch.

[4]) Dr. L. Reinhardt. Der Mensch zur Eiszeit. S. 328 (249 и 250).

[5]) Dr. M. Hoernes, Der diluv. Mensch. R. 1903. S. 66 (22, прав. верхній наконечникъ); S. 169. 72 и S. 182. 78. — Dr. L. Reinhardt, Der Mensch zur Eiszeit, 246. 150. Сопост. односторонніе угловые знаки на мамонтѣ изъ Фонъ-де-Гомъ (Font-de-Gaume) и на конѣ изъ Комбареля (Combarelles). ∨ и ∧ — символы у Гернеса (Der dil. M., стран. 66) рядомъ съ вышеозначеннымъ рисункомъ.

[6]) На большой рыбѣ разсмотрѣннаго фрагмента изъ пещеры Ларте. — (Гернесъ, Др. ист. изобр. искусства, стран. 15, фиг. 1.) Несимметричная двусторонность см. Der Diluv. Mensch. M. Hoernes, S. 182. 78. — L. Reinhardt, Der Mensch, S. 311. 233.

Интересныя начертанія видимъ и въ находкахъ изъ пещеры Костеликъ (Kostelik bei Mokrau, Mähren)[1]). Вѣточку, съ супротивно расположенными листиками, слѣдуетъ отнести къ мультиплицированнымъ угловымъ символамъ: первый слѣдъ культа растеній[2]).

Смѣшанныя угловыя и линейныя начертанія эпохи Солютре изъ Предмоста въ Меренъ (Solutreen von Predmost in Mähren)[3]).

Очень интересны начертанія — на наконечникахъ Magdalenien aus der Maszycka-Hohle bei Oicow (Nach G. Ossowskii). Угловые символы, надъ дугою и подъ дугою, наиболѣе останавливаютъ на себѣ вниманіе[4]). Тройную ломаную линію видимъ на наконечникѣ Тайнгенъ (Magdalenien aus dem Kesslerloch bei Thayngen)[5]). Гребенчатый (а также — щеточный, кистевой и бахромочный) символъ видимъ на лошади, оленѣ, быкахъ и на мамонтѣ[6]). Прямоклѣтчатый на покровѣ женской головы, изъ бивня мамонта, конца межледниковаго времени, эпохи Солютре[7]). Косоклѣтчатый на наконечникѣ Magdalenien, aus der Höhle bei Steeten[8]). Тройная волнистая линія отмѣчена на наконечникѣ изъ грота Плакаръ (grotte du Placard à Rochbertier)[9]). Концентрическіе круги отмѣчены въ эпоху Солютре, aus Mähren[10]), и въ древнемъ, послѣледниковомъ времени[11]), замѣчательны вырѣзанные изъ слоновой кости круги и эсовидные знаки изъ Лурда (Lourdes) и Аруди (Arudy)[12]). Относительно шрифтографовъ изъ Ма-д'Азиль (Mas-d'Azil), конечно, необходимо принять во вниманіе сомнѣніе г. Мортилье[13]). Намъ кажутся, прямоугольныя начертанія, и даже округленныя, нѣсколько несоотвѣтствующими эпохамъ, гдѣ преобладаетъ угловой символъ. Не произошло ли какого-либо смѣшенія культурныхъ слоевъ? Отнесеніе ихъ къ переходу отъ древняго къ новому каменному вѣку (Transneolithische Zeit) намъ кажется правильнымъ[14]). Во всякомъ случаѣ, эти находки шрифтографовъ, по нашему мнѣнію,

---

[1]) Diluv. Mensch, S. 169. 72. Есть рѣшетчатый символъ, дуги, нижній угловой и др.

[2]) Der Mensch zur Eiszeit, L. Reinhardt. S. 312. 234. Сопост. съ пиктографами кипрскими (5 и 7) и эгейскими линейными начертаніями (19). — Проф. Э. Клоддъ. Эвол. челов. въ письменахъ, С.-Пб. 1908. Стран. 60 и 61, табл. I и II.

[3]) Dr. M. Hoernes. Der diluv. Mensch, S. 143. 67, сопост. съ черною персидскою вазою, изображенною у Perrot et Chipiez, L'art. V vol. 869 pag. 524. — У Гернеса, стран. 138, рис. 55, интересныя мультиплицированныя начертанія.

[4]) Ibidem. S. 177, Fig. 77.

[5]) Ibidem. S. 68, Fig. 24.

[6]) Mortillet, G. et A. Musée prehist. P. 1881. XXVI (192, 195, 197). — Reinhardt, L. Der Mensch zur Eiszeit, S. 253 (157) сопоставить слѣдуетъ съ S. 254 (158), 308 (229 и 230). Фигуры мамонта вправо и влѣво повернутыя, просимъ интересующихся сопоставить съ фигурами лошадей, въ правомъ и лѣвомъ поворотахъ: 244 (148), 246 (150) и 243 (144, 145, 253 (157) и 254. Число такихъ параллелей можетъ быть увеличено, но различеніе культовъ (правой и лѣвой руки) повидимому уже сложилось. — Der Mensch zur Eiszeit. S. 55 (16).

[7]) Dr. L. Reinhardt, Der Mensch, S. 237, Fig. 139.

[8]) Dr. M. Hoernes, Diluv. M. S. 74. 30.

[9]) Musée prehist. G. et A. Mortillet. Pl. XXV. 178.

[10]) Dr. M. Hoernes, D. M. S. 138. 55.

[11]) Dr. L. Reinhardt, Der Mensch. S. 315. 236.

[12]) Dr. M. Hoernes, Urgeschichte d. Bild. Kunst. Taf. II, Fig. 14 и 15. Text 30; Der diluv. Mensch, S. 35. 4 и 5.

[13]) Ibibem. S. 79. 31. — Forrers, Reallex. 466. — Der Mensch zur Eiszeit. Reinhardt, L.

[14]) Dr. L. Reinhardt. Der Mensch. S. 370.

констатируютъ не только существованіе языка движеній и примѣненіе его въ практикѣ культа, не только умѣніе изображать важнѣйшіе знаки и тѣлодвиженія, но, кромѣ того, и это самое главное, плитки, съ накрашенными начертаніями изъ пещеры Ма-д'Азиль, служатъ поучительнымъ указаніемъ на существованіе графическихъ отвлеченій, принявшихъ уже устойчивыя формы, существовавшія въ культѣ и въ бытѣ народовъ за тысячелѣтія до введенія ихъ въ алфавитъ[1]).

Фрагментъ изъ пещеры Ларте, съ 3 оленями и 6 рыбами, можно сказать, реально-символическій, уже описанъ, въ немъ указанія на конкретно-графическое письмо культа уже отмѣчены, но намъ надлежитъ подчеркнуть только сигнографы, изъ которыхъ важнѣйшіе на рыбахъ: 1) вильчатый крестъ (Gabelkreuz), въ прямомъ верхнемъ, въ нижнемъ поворотѣ, и даже 2) угловой символъ, т.-е. слѣдующее его графическое отвлеченіе (спина правой верхней рыбы) и, кромѣ того, 3) древовидный линейный знакъ, 4) два ромбическихъ знака, „глазъ" оленя или „рыбъ", одинаково важны, но и ихъ значеніе, какъ и предыдущихъ, можетъ нѣсколько выясниться послѣ того, какъ мы всмотримся въ особенности параллелей со стороны характеристики условныхъ стилизаціонныхъ особенностей изобразительнаго письма эпохи Дипилонъ. Интересующимся совѣтуемъ имѣть рисунки не только Гернеса[2]), но и Форрера[3]). Кромѣ этихъ параллелей, сразу заставляющихъ заподазривать ритуальныя причины того или другого означенія поворотовъ животныхъ и на памятникахъ диллювіальнаго времени, необходимо взглянуть еще на слѣдующіе два рисунка, помѣщенные въ томъ же трудѣ Гернеса, Fig. 5 и 6, на стран. 32. Двѣ отдѣльныхъ головы лошадей изъ пещеры Ма-д'Азиль (aus Höhle Mas d'Azil), обращенныя вправо, съ отчетливою стилизаціею длинныхъ волосъ подъ нижнею челюстью и глиняную головку лошади изъ Олимпіи, которая интересна по положенію ушей, по стилизаціи глаза, гривы и шеи. Она можетъ быть сопоставлена (въ виду возможности поворота и направо) съ лошадью на фрагментѣ изъ Тиринта (Hoernes, Tafeln XVIII, fig. 9). Отношеніе рыбы къ божеству и жертвоприниматели можно увидѣть на конкретно-сигно- и символо-графическомъ изображеніи, на погребальной вазѣ изъ Беотіи (Hoernes, Bild. Kunst. S. 160, Fig. 19) съ 6 свастическими знаками, съ поднятіемъ лѣвой руки и опусканіемъ правой, при чемъ на свастикѣ, подъ лѣвою рукою богини, слѣва, прибавлена черта. Съ головы богини волосы ниспадаютъ внизъ; руки въ благословляющемъ положеніи (не свастическомъ); съ бедеръ ниспадаютъ внизъ волнистыя линіи. Изображеніе рыбы на платьѣ обращено головою къ genitalia. На правой сторонѣ — извивающееся змѣевидное существо, съ косыми крестиками въ изгибахъ; на другой сторонѣ, видимъ такое же змѣевидное начертаніе, но безъ крестиковъ[4]). Хвосты миѳическихъ жертвоприниматели: у праваго (отъ руки богини) хвостъ поднятъ, у лѣваго опущенъ, очевидно, согласно

---

[1]) Для насъ, въ нихъ, помимо высказанныхъ Г. Мортилье сомнѣній, непонятно появленіе прямоугольныхъ символовъ *до* угловыхъ. Но символы, какъ таковые, въ переходную эпоху къ новѣйшему каменному вѣку, могли дифференцироваться и въ письмѣ культа.

[2]) Hoernes. Urgesch. d. Bild. Kunst. S. 15.

[3]) Forrers. Reallex. S. 825, Taf. 243. 3.

[4]) Сопост. Thongefäss mit Graffitofiguren aus Narce, Tafel XVIII, Fig. 8, Text 634 и 632 (Fig. 189) змѣй у ноги коня.

свастическому указанію, т.-е. подъемъ руки на символѣ надо понимать не отъ смотрящаго, а *отъ богини*. Птицы надъ руками богини усиливаютъ ея благословеніе хвостами. Птицы надъ фризомъ идутъ вправо, согласно изгибу свастики[1]).

Теперь сдѣлаемъ краткое сравнительное разсмотрѣніе параллели Гернеса къ палеолитическому начертанію оленей и рыбъ, относящейся къ позднѣйшему микенскому стилю (дипилонскаго времени), помѣщенной въ его трудѣ по изобразительному искусству на стран. 15 (Fig. 2) и предлагаемую нами[2]) параллель того времени и стиля, также съ жертвоприношеніемъ лошади и, по нѣкоторымъ графическимъ указаніямъ, и человѣка, но по другому свастическому ритуалу. Въ лексиконѣ Форрера оба рисунка помѣщены рядомъ на стран. 825, Tafel 245. 3 и 4.

1-я параллель Микенскаго времени — къ палеолитическому фрагменту эпохи сѣвернаго оленя изображаетъ жертвоприношеніе по совастическому ритуалу (см. знакъ совастики и прямоугольный совастическій меандръ), а 2-я — по свастическому ритуалу, съ свастическимъ рукоположеніемъ, съ опущенною правою рукою (см. 2 эсовидныхъ знака; они элементы свастическаго меандра)[3]).

Рукоположеніе человѣка, въ 1-й параллели, по первому впечатлѣнію, ближе къ эмовидному символу (генезисъ отъ знака на табл. XII. пр. ст. 16. 1). Поворотъ головы и движеніе мужчины влѣво означены глазомъ — точкою на большомъ бѣломъ кругѣ (во всю голову) и раскрытымъ ртомъ, въ видѣ птичьяго клюва. Хотя, при профилѣ въ одну сторону, туловище зарисовано спереди или сзади (трудно съ опредѣленностію сказать), но болѣе вѣроятія, что молитвенный символъ землѣ, указываемый совастикою, образуется при помощи палки, находящейся въ лѣвой рукѣ человѣка. Что знакъ молитвы подъ этою рукою есть — видно по знаменательной чертѣ благословенія надъ genitalia мужчины[4]). Раздвинутыя ноги мужчины также вотивный знакъ, отмѣченный чернымъ ромбомъ. Съ вотивнымъ перстосложеніемъ, въ такомъ случаѣ, будетъ, какъ и требуется знаками совастики и меандра, правая рука, она имѣетъ скорѣе благодарственное значеніе за символъ покрова или благословенія, выраженнаго свыше шеею коня, какъ жертвеннаго животнаго. Въ углѣ,

---

[1]) Какъ вспомогательныя параллели для уясненія основныхъ параллелей, отмѣтимъ у M. Hoernes'a (Bild. Kunst), S. 682, Fig. 155 и 153, трава или листикъ во рту, какъ знакъ открытаго рта и стран. 632 (190) пережитокъ ромба.

[2]) Рисунокъ усмотрѣнъ сперва у Гернеса, мы будемъ его во время сравненія называть 2-ю параллелью; по поднятой *лѣвой* рукѣ — ее надлежало бы назвать лѣвою.

[3]) Отъ S (эсъ) — символа. По выясненію свастики и совастики, какъ графическихъ символовъ, благодаря тремъ буквеннымъ знакамъ енисейскаго алфавита, генезисъ обоихъ меандровъ, и изъ спиральныхъ и ломаныхъ линій, раскрылся самъ собою: наложеніемъ и связью Z или S, зетъ или эсъ — символовъ, въ соотвѣтствующемъ начертаніи.

[4]) Означеніе таково же, какъ и на фигуру человѣка. По кипрскому (слоговому) символу хе, ка, да. A. Cesnola, Salaminia или у Шницера, Илл. вс. ист. письменъ, стран. 82 (рис. 54).

См. приложен. XI табл. 12. 12 и Копенскій петроглифъ, табл. VI. 3. 7 и сопост. родовые знаки попарей, табл. IV, 8, рис. XIX. 3 и 4 (свастика) и XXII. 13 (свастика). Мексиканцевъ и индѣйцевъ, VIII табл. V рис. 7 и XXX рис. и кароагенскіе родовые знаки (пломбы) XII табл. л. ст. 15. 16; 16. 16 и 17. 16.— Kypros, Ohnefalsch-Richter, XC. 3 и Русскія древн. гр. И. Толстаго и Н. Кондакова, вып. II, стран. 115 (99): тема орнамента конскаго налобника, вѣроятнѣе, дѣвица — родональница скиѳовъ (3 сына и 3 знака благословенія genitalia).

образованномъ ногою мужчины[1]) и ногою коня въ видѣ меандра стилизированъ змѣй.

Мы не можемъ присоединиться къ толкованію волнистой линіи, идущей отъ рта лошади, за узду: рука человѣка ясно слита съ чертою палки. Отвѣсная линія утроена, какъ обычный пріемъ усиленія символизаціи. Мужчина не держитъ узды по начертанію. Линія, принимаемая за узду, утончаясь, оканчивается, не задѣвая руки человѣка. На многихъ лошадяхъ, изъ Беотіи, правда, есть и узда, но надо обратить вниманіе и на траву и листики, которые изображаются во рту животнаго или въ клювѣ птицы для того, чтобы означить, что онъ раскрытъ. Предлагаемъ взглянуть въ томъ же трудѣ Гернеса, на стран. 482, у лошади (Fig. 155)[2]) трава, рядомъ у птички (Fig. 153) листикъ — знакъ открытаго рта и расправленный хвостикъ благословляетъ и жертвеннаго барана, и пройденный и предстоящій ему путь. Птица, рядомъ (Fig. 154), поднявшая острый клювъ вверхъ, не даетъ молитвы небу, ея хвостъ демонстративно сжатъ и только изгибъ лапки даетъ знакъ землѣ — но и онъ не касается колесницы, — предзнаменованіе ѣдущему на двуконной колесницѣ очень дурное, и онъ, повернувшійся назадъ головой, изображенъ отшатнувшимся.

Шея лошади непомѣрно удлинена и изогнута, какъ лебединая, уши торчатъ впередъ, копыта массивны, наиболѣе цѣнныя въ жертвоприношеніи (точнѣе въ пиршествѣ) части тѣла утолщены, хвостъ изображенъ съ древовиднымъ символомъ, обращеннымъ не вверхъ, какъ на палеолитическомъ начертаніи на рыбѣ, а внизъ,— всѣ эти условности сдѣланы изъ религіозныхъ побужденій и съ очевидною цѣлью придать конкретографической надписи наибольшую удобопонятность. Къ сожалѣнію сигнографическіе и символическія линейныя начертанія надъ спиною коня отбиты. Таковая же условность ясно видна и въ начертаніи рыбы; въ открытомъ ртѣ, въ линейно означенныхъ плавникахъ, въ положеніи, въ расширенномъ хвостѣ и въ ромбѣ около нея. На параллели 2-й, свастическаго жертвоприношенія коня, видно много особенностей, начиная съ сопутствующаго животнаго собаки — здѣсь бросаніе жертвъ въ море уже не указывается.

Рисунокъ сдѣланъ значительно свѣтлѣе. Туловище коня украшено слабо волнистыми линіями, идущими поперекъ, подобно нѣкоторымъ петроглифическимъ начертаніямъ животныхъ на Енисеѣ. Надъ спиною коня благословляющія дуги, на нихъ двѣ горизонтальныя линіи и на нихъ лежащіе эсовидные *свастическіе* знаки[3]). Шея и голова животнаго, съ торчащими вверхъ ромбовидными украшеніями короны, завитой хвостъ жертвоприниматель, образуютъ свастическіе изгибы. На головѣ лошади корона изъ удлиненныхъ ромбовъ съ точками въ срединѣ, оба глаза означены обращенными на смотрящаго, т.-е. вѣроятно на западъ. У воиновъ островерхіе шлемы,

---

[1]) Змѣи въ украшеніяхъ одежды и въ орнаментѣ встрѣчаются часто, для примѣра, укажемъ въ Kypros, M. Ohnefalsch-Richter, Atlas; XCI. 4, 5; CXL. 5, 6 и 7. — См. конскій налобникъ Цимбаловой могилы. Русскія древн. въ пам. иск.

[2]) Подкрѣпимъ болѣе отчетливымъ начертаніемъ у Perrot et Chipiez, Hist. de l'art, vol. VII, p. 256, fig. 132.

[3]) Наложеніе сосѣднихъ половинъ спиралей очевидно даетъ спиральный меандръ свастическаго генезиса.

раскрытые рты обращены направо, шеи также сильно вытянуты, въ лѣвыхъ рукахъ они держатъ круглые щиты, выпуклою стороною обращенные къ смотрящему, т.-е. на западъ. Приподняты они не высоко. Наконечники копій *надъ щитами,* обращены къ небу. Можно предполагать, что самые щиты изображаютъ заходящее солнце. Правыя руки изогнуты неестественно, но локоть поставленъ такъ, какъ мечется копье и въ то же время такъ, чтобы ладонь *опущенной* правой руки была повернута вверхъ. Туловище изогнуто, грудь выпячена впередъ; ноги условно раздвинуты, между ними, *что особенно замѣчательно,* при одеждѣ въ обтяжку, снизу, сдѣланы свѣсы, въ видѣ вильчатаго креста, какъ символа благословенія земли, направленное на genitalia. Еще выдающаяся особенность: внизу также проведены линіи земли, но болѣе широкія, ноги лошади, съ уменьшенными копытами и необыкновенно тонкія ноги воиновъ какъ бы пронизываютъ первую полосу и останавливаются внутри второй полосы; правая нога лошади касается 3-й нижней линіи земли. Только собака отчетливо обозначена на поверхности земли. Повидимому, хтоническимъ божествамъ приносится въ жертву не только лошадь, но и воины.

Интересующимся мы предложимъ еще 3-ю параллель[1]) къ основному палеолитическому фрагменту изъ оленьяго рога съ лошадьми и рыбами, также рисунокъ съ дипилонской вазы, рисунокъ, хотя и фрагментный, но обрамленный, обособленный и законченный, обильно снабженный не только стилизированными по культу конкретографами (двумя лошадьми, двумя рыбами и человѣкомъ), но и снабженный сигнографами, мультиплицированными усиливающими линіями, т.-е. подвергшійся условной геометрической стилизаціи. По этимъ соображеніямъ, этотъ фрагментъ изъ Tavola d'aggiunta (Annali, 1872, 1 fig. 1) намъ кажется не менѣе поучительнымъ, чѣмъ 1-я параллель, данная М. Гернесъ.

Давая сжатую сравнительную замѣтку и по этой параллели, мы сдѣлаемъ сопоставленія съ сигнографами на лошади изъ Комбареля (Combarelle) и на слонѣ изъ Фонъ-де-Гомъ (Font-de-Gaume), углубляясь, слѣдовательно, еще ниже, чѣмъ фрагментъ, данный М. Гернесъ основою для сравненій; изъ эпохи сѣвернаго оленя мы спустимся къ послѣднему межледниковому времени.

Этотъ рисунокъ обчерченъ сверху одною линіею. Одна черта неба можетъ отчасти указывать, что жертвоприношеніе не относится исключительно къ небу, солнцу, — вообще верхнимъ божествамъ. Вверхъ даны четыре конкретныхъ угловыхъ символа[2]), поясненныхъ и повторенныхъ угловыми линейными символами. Уголъ надъ правой рукой человѣка-жертвы обращенъ въ клѣтчатый символъ (зачатки орнамента шахматной доски), а надъ лѣвой мультиплицированъ линейно.

Боковыхъ вертикальныхъ обрамляющихъ линій 4, онѣ могутъ быть понимаемы, какъ молитвенное обращеніе вверхъ, накрытыя чертою неба сверху и нисходящими

---

[1]) G. Perrot et Chipiez, Hist. de l'art. vol. VII, p. 166, fig. 48.

[2]) Они образованы рукоположеніемъ человѣка по эмъ-символу (табл. XII, пр. ст. 16, 1), усиленному головами лошадей, гривы означены вздыбившимися подстриженными. Конь по правую руку человѣка съ ушами, обращенными впередъ, у лѣвой лошади уши обращены назадъ.

линіями (какъ бы слившимися съ восходящими линіями). Этотъ символъ (столбчатый, колонный варіантъ гребенчатаго) мы видимъ на мамонтѣ изъ Фонъ-де-Гома[1]).

Но есть еще конкретные угловые символы (спиной и шеею коней образованные), но сигнографы трактуютъ ихъ (послѣ амулетнаго обведенія чертами благословенія) уже[2]) символами благословенія свыше. Надъ правымъ (считая отъ руки человѣка на рисункѣ) конемъ геометрическая символика исполнена тщательно: гребенчатое мультиплицированіе линейныхъ угловъ сдѣлано на обѣ стороны (сопост. съ таковыми линіями на сигнографахъ, на мамонтѣ изъ Фонъ-де-Гомъ)[3]). Взглянувъ на сигнографы на конѣ изъ Комбареля, и сравнивъ ихъ съ правымъ угловымъ стилизированнымъ сигнографомъ времени Дипилонъ, мы не можемъ не изумиться сходству начертаній. Различіе только въ томъ: уменьшеніе угловыхъ символовъ въ дипилонскомъ начертаніи идетъ, подчиняясь ритуальному значенію, а у палеолитическаго человѣка большій угловой знакъ обусловленъ, можетъ быть, пиршественными пищевыми побужденіями: онъ поставленъ на задней части жертвеннаго животнаго.

Для человѣка-жертвы конь слѣва, повидимому, болѣе важенъ: раскрытый ротъ этой лошади онъ не закрываетъ, онъ касается только нижней губы ея концами пальцевъ, большой палецъ ясно означенъ внизу; на ротъ праваго коня онъ налагаетъ благословеніе, касаясь пальцами обѣихъ губъ животнаго. Раскрытый ротъ человѣка обращенъ внизъ, къ лѣвой отъ него лошади. Направо и налѣво отъ шеи человѣка видны ромбы, одинъ съ точкою, другой раздѣленъ на 9 клѣтокъ.

Изгибъ шеи, груди и туловища, на лѣвомъ конѣ (для смотрящаго) эсовидный, т.-е. свастическій, на правомъ — поворотъ къ нему — т.-е. совастическій. Лошади не стоятъ, копыта условно не увеличены: на переднихъ ногахъ копыта какъ бы висятъ, какъ на основномъ фрагментѣ эпохи сѣвернаго оленя. Между передними и задними ногами коней, рыбы изображены съ меньшею условностію, чѣмъ на 1-мъ дипилонскомъ фрагментѣ. Лѣвая (отъ смотрящаго) рыба болѣе, она изображена наклонно и головою къ genitalia musc. коня, подъ рыбою ромбъ и на концѣ хвоста лошади также ромбъ. Правая (отъ смотрящаго) лошадь также съ рыбою между ногъ, положеніе рыбы таково же.

Направо отъ человѣка-жертвы — жеребецъ, налѣво, повидимому, самка; хвостъ ея касается земли, подъ рыбою, между ногъ лошади, угловой символъ, обращенный къ землѣ. Ноги человѣка, повидимому, не символизируютъ, но онѣ согнуты и присѣданіе выражено ясно. Сопоставленіе съ начертаніемъ согнутыхъ ногъ межледниковаго человѣка изъ Алтамирской пещеры возникаетъ само собою[4]).

---

[1]) Линій вертикальныхъ на мамонтѣ три, но, по имѣющемуся рисунку, боковыя принадлежатъ двумъ угловымъ символамъ, обращеннымъ къ землѣ и усиленнымъ добавленіемъ двухъ параллельныхъ линій. З такихъ символа погашены тремя чертами земли (три «рубежа» родовыхъ знаковъ).

[2]) Угловые символы вверхъ оставлены безъ штриховъ, а отъ нихъ какъ бы исходятъ линіи — лучи внизъ: спины жертвенныхъ коней, какъ и ихъ раскрытые рты, имѣютъ уже благословляющее значеніе.

[3]) Хотя этотъ сигнографъ насъ и поражаетъ, но мы его не можемъ игнорировать: на жертвенномъ животномъ можетъ быть начертанъ только знакъ, практикою культа установленный, но не хижина. Мы далеки отъ отрицанія того, что шкура мамонта могла быть использована и какъ покровъ-кровля, но два угловыхъ символа — не ее обозначаютъ.

[4]) Dr. L. Reinhardt. Der Mensch sur Eiszeit. M. 1908. S. 252. Fig. 156.

Послѣ сжатаго очерка выдающихся памятниковъ изобразительнаго искусства палеолитическаго періода, мы можемъ высказаться съ большею обоснованностію относительно различныхъ формъ письма и, главное, относительно начала ихъ дифференціаціи и характерныхъ особенностей въ ихъ эволюціи.

Въ древнѣйшихъ культурахъ палеолитическаго періода не могло быть рѣзкихъ различій. Конечно, для сѣвера Азіи мы должны принимать во вниманіе континентальный климатъ и его вѣроятную большую суровость. Но разница годовой температуры, на 1—2°, не могла производить коренныхъ измѣненій въ общемъ эволюціонномъ движеніи культуры и, въ частности, изобразительнаго искусства, къ которому человѣка, въ значительной мѣрѣ, подготовлялъ прогрессъ: и въ техникѣ принадлежностей звѣролова[1]), и въ его мышечной сноровкѣ, при ихъ употребленіи, и въ изученіи животныхъ, при ихъ скрадываніи, и въ подробномъ ознакомленіи съ ихъ нравами, привычками, образомъ жизни и съ ихъ языкомъ движеній. Вся совокупность жизни полярнаго охотника, тѣсно связанная съ жизнью животныхъ, въ изобиліи бродившихъ по окраинамъ ледниковъ, то нѣсколько надвигавшихся, то отодвигавшихся; природа, будучи однообразною, приводила неизбѣжно къ однообразію и въ проявленіяхъ изобразительнаго искусства и особенно во всѣхъ проявленіяхъ изобразительнаго письма. И замѣчательный реализмъ въ рисункахъ животныхъ слагался въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ мы можемъ думать, обосновываясь только на томъ немногомъ, что могло сохраниться и на томъ ничтожествѣ графическихъ данныхъ, какое могло быть найдено.

Единственное, что возможно допускать для сѣверной Азіи, это нѣкоторое запаздываніе въ движеніи, — эволюціонная отсталость, но пути и градаціи — должны быть одни и тѣ же; разложеніе культуры, вслѣдствіе обѣднѣнія и одичанія, едва ли могло такъ рѣзко обозначаться, при малочисленности населенія и обиліи животныхъ.

Такъ что, не имѣя пока прямыхъ данныхъ для Сибири, и не надѣясь на ихъ скорое нахожденіе, въ виду иныхъ географическихъ условій, особенно на равнинахъ и въ области тундръ, едва ли возможно имѣть достаточно опредѣленныя представленія о положеніи изобразительнаго письма на Енисеѣ въ его пиктографической, конкретнографической, сигнографической и символографической стадіяхъ. Тщательное изслѣдованіе памятниковъ бытовой техники, т.-е. формы ихъ и пріема выдѣлки каменныхъ орудій, можетъ дать, болѣе или менѣе, устойчивыя критическія ремарки къ сравнительнымъ заключеніямъ, сдѣланнымъ по аналогіи съ западной Европою.

Поскольку намъ извѣстно, по изобразительному искусству палеолитическаго періода высказались за послѣднее время Клаатшь (Klaatsch) и проф. М. Ферворнъ

---

[1]) Какъ это признается и Гроссе, въ его «Происхожденіи искусства», но онъ въ немъ почти не касается линейныхъ знаковъ или сигнографовъ и графическихъ символовъ палеолитическаго періода.

Письмо, какъ запись языка движеній, его дифференціація, эволюція въ культѣ и бытѣ, во всей совокупности графическихъ проявленій диллювіальнаго человѣка, еще не изучено съ исчерпывающею обстоятельностію.

Стоя на полосѣ расхожденія или дифференціаціи искусства и письма,—отрѣшиться отъ нынѣ господствующаго звукового языка съ его алфавитнымъ письмомъ и вникнуть всецѣло въ языкъ движеній теперь даже и теоретически почти не возможно: собираніе графическихъ матеріаловъ потребуетъ много силъ и многочисленныхъ параллелей; для отдѣльныхъ изслѣдователей эта работа не достижима.

(M. Verworn)[1]), лично ознакомившійся съ рисунками въ пещерахъ Комбарелль и Фонъ-де-Гомъ.

Со статьею перваго мы, къ сожалѣнію, не могли здѣсь ознакомиться, съ основными выводами второго мы ознакомились въ трудѣ Dr. L. Reinhardt, „Der Mensch zur Eiszeit in Europa, Zw. Aufl.

Наши соображенія, вытекшія изъ предварительнаго ознакомленія съ петроглифами Енисея, мы старались уяснять и провѣрять путемъ разнородныхъ параллелей, не придавая однимъ объяснительнымъ доказательствамъ рѣшающаго значенія. Для выясненія мало-азіатскихъ заимствованій, мы находили весьма желательнымъ, насколько возможно, хотя бы и въ общихъ чертахъ, отмѣтить то наслѣдіе, которое, по аналогіи, могло быть оставлено палеолитическими охотниками сѣвера Азіи и которое, и здѣсь и въ Европѣ, едва ли могло исчезнуть совершенно безслѣдно и не дать какихъ-либо пережитковъ въ петроглифическихъ начертаніяхъ, конкретныхъ или сигнографическихъ, или въ орнаментѣ: преемство въ неолитической культурѣ должно быть.

При этомъ, конечно, мы не будемъ упускать изъ вида указаній на языкъ движеній и на его проявленія въ зачаткахъ искусства и письма.

Проф. Ферворнъ, ознакомившійся съ двумя пещерами, наиболѣе извѣстными по стѣннымъ рисункамъ животныхъ, считаетъ „наиболѣе замѣчательнымъ заключеніе о томъ, что въ этихъ картинахъ животныхъ нѣтъ никакихъ указаній на условно-стилизированное искусство. Въ этомъ заключается основная противоположность съ доисторическимъ искусствомъ всѣхъ послѣдующихъ культурныхъ ступеней“.

Мы не имѣемъ всѣхъ рисунковъ животныхъ изъ пещеръ Комбарель и Фонъ-де-Гомъ, о которыхъ говоритъ проф. Ферворнъ, и лишены возможности всмотрѣться въ рисунки животныхъ въ осмотрѣнныхъ имъ пещерахъ. Но обстоятельное изученіе всѣхъ памятниковъ изобразительнаго искусства, включая и линейные знаки и символы, убѣдило насъ въ болѣе ранней дифференціаціи культа, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Кромѣ того, мы и теоретически не допускаемъ возможности полной гармоніи въ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности въ періодѣ его безсознательнаго состоянія, такъ какъ культъ, уже при первыхъ признакахъ своей обособленности, неминуемо вліялъ на *условность* рисунковъ животныхъ, а условность — одинъ изъ первыхъ признаковъ стилизаціи въ рисункѣ.

Практику въ языкѣ движеній человѣкъ, повидимому, началъ съ изученія этого языка на животныхъ. Конкретографъ „и въ реальномъ способѣ рисованія“ можетъ быть съ несомнѣнною условностью въ *реальномъ* изображеніи нѣкоторыхъ частностей. Внимательный старый охотникъ и художникъ-зоологъ увидятъ неправильность рисунка и условность тамъ, гдѣ невидавшій дикихъ животныхъ на волѣ ничего не замѣтитъ и останется при заключеніи, что, въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ чистымъ искусствомъ, чуждымъ всякой условности. Мы имѣли случаи сдѣлать такія указанія при разсмотрѣніи палеолитическаго рисунка и параллели къ нему, на которыхъ остановилъ свое вниманіе проф. Гернесъ и которые вполнѣ заслужи-

---

[1]) Zeitschrift für Ethnologie, 1903 и 1906.

ваютъ такого вниманія. Къ счастію, у L. Reinhardt, на стран. 240-й, есть снимокъ съ картины животныхъ (Tierbildern) изъ Альтамирской пещеры, на сѣверѣ Испаніи.

Эта группа рисунковъ на потолкѣ пещеры, повидимому, такъ же, какъ и нѣкоторые петроглифы Енисея, начертана въ разное время и разными рисовальщиками, хотя и одной школы, по линіи неба и земли, судя по положенію спины и ногъ животныхъ, можно считать вполнѣ установленными. Болѣе крупныхъ фигуръ 25. Изъ нихъ: 1. Какъ бы сидящихъ буйволовъ, съ согнутыми, прижатыми къ груди и къ животу ногами, съ головою опущенною внизъ и рогами торчащими кверху; хвостъ у одной фигуры прижатъ къ спинѣ, у другой приподнятъ и изогнутъ дугою внизъ; у одной верхней фигуры опущенъ внизъ, безъ изгиба. Всѣ четыре фигуры животомъ, т.-е. 16%, обращены налѣво (къ предполагаемому сѣверному румбу). Этотъ рядъ тождественныхъ условностей, намъ кажется, изображаетъ жертвенное положеніе этихъ буйволовъ[1]). 2. Фигуры буйволовъ и другихъ животныхъ, обращенныхъ головою влѣво и какъ бы поднимающихся влѣво, большинство изъ нихъ наклонены подъ угломъ около 45°, къ горизонту[2]), всего такихъ животныхъ 9, т.-е. 36%.— 3. Животныхъ съ поворотомъ головы вправо, при чемъ фигуры какъ бы спускаются внизъ, также подъ угломъ около 45°[3]), всего 12, т.-е. 48%. У этихъ фигуръ шея иногда замѣтно укороченная[4]). У животныхъ съ головою, вправо обращенною, хвосты отставлены менѣе; только у одного буйвола хвостъ приподнятъ вверхъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ рисункахъ животныхъ замѣчаются разнообразныя условности. Надлежитъ отмѣтить 3 маленькихъ рисунка только головъ животныхъ. Связи между рисунками животныхъ не замѣчается, но на многихъ фигурахъ съ соотвѣтственнымъ поворотомъ головы и положеніемъ тѣла ясно видно поразительное сходство всѣхъ подробностей рисунка животнаго. То же замѣчается на нѣкоторыхъ петроглифахъ Енисея. Предположеніе объ условно-установленныхъ прототипахъ рисунковъ, намъ кажется, правдоподобнымъ для Алтамиры и для другихъ палеолитическихъ рисунковъ Европы.

Никоимъ образомъ нельзя игнорировать на фрескахъ Алтамиры сигнографовъ и символическихъ линейныхъ начертаній. Ясно выраженными мы признаемъ: а) 4 гребенчатыхъ линейныхъ знака, — односторонних съ пятью линіями. Изъ нихъ одинъ съ поворотомъ вверхъ, другой — внизъ, третій — направо и четвертый — налѣво. Три повидимому въ связи съ символизаціею конкретографовъ (жертвеннаго характера), какъ первоначальныхъ выразителей языка культа.

Во второмъ ряду животныхъ, 3-я фигура слѣва, — буйволъ, надъ ея горбомъ стоитъ такой гребень, давая молитвенное обращеніе направо, на югъ, заходящему

---

[1]) Въ рядѣ повторяющихся условностей и наличность практики культа выражена достаточно ясно. Сопост. съ условными изображеніями на цилиндрахъ изъ Кипра, ассирійскаго стиля, Cypern, L. Cesnola, J. 1879. Tafel. LXXV, 6; LXXVI. 17, 22; LXXVII. 27. См. прилож. табл. XII. л. с. 18. 6—7, 8—9 и 10—11.

[2]) Горизонтально зарисованныхъ около 2—3 фигуръ.

[3]) Двѣ фигуры буйволовъ съ поворотомъ головы приподняты спереди.

[4]) Лѣвая крайняя фигура самки дикой козы и тоже животное, внутри коня нарисованное, и начертаніе самого коня, особенно при сравненіи съ лошадью изъ пещеры Pair-non-Pair, Доистор. жизнь, Мортилье, пер. Л. Я. Штернберга, стран. 187, рис. 75.

солнцу. У этого животнаго, единственнаго съ поворотомъ головы вправо, приподнятъ хвостъ и на концѣ, можетъ быть, по случайному совпаденію, мы видимъ угловой символъ, по сигнализаціи согласующійся съ гребенчатымъ. На 3—4 горбахъ другихъ буйволовъ можно замѣтить и зачатки стилизаціоннаго гребневиднаго штрихованія волосъ, вздыбившихся на горбѣ. Рядомъ, въ углу, образованномъ шеею животнаго и его ногами, вытянутыми влѣво (съ несомнѣнною условностію), видимъ тотъ же 5-линейный гребенчатый символъ, сигнализирующій влѣво, согласно съ конкретнымъ угломъ и съ поворотомъ головы животнаго влѣво. Надъ головою этого животнаго слѣдуетъ обратить вниманіе на 2 гребенчатыхъ (въ 3 линіи) также односторонних символа, поставленныхъ подъ угломъ и сигнализирующихъ вверхъ: угловымъ — направо и налѣво — гребенчатыми символами. Тутъ же овалъ съ 3 линіями влѣво. Интересенъ гребенчатый символъ, графически связанный, съ хвостомъ буйвола, восходящаго влѣво (3-й рядъ животныхъ, считая сверху, третья фигура слѣва): сигнализація символа вверхъ[1]). На горбѣ этого буйвола видимъ угловой символъ — замѣна гребенчатаго штрихованія.

Два конкретныхъ линейныхъ знака весьма интересны по своему символическому генезису (часть вмѣсто цѣлаго): черты лба повидимому самца лося и очень красивый сигнографъ — слегка изогнутая черта лба съ рогами буйвола и черты его глазъ. Послѣдній приходится почти надъ углубленіемъ спины, предъ горбомъ, на нижней (слѣва) фигурѣ крупнаго буйвола. Едва ли это родовой знакъ, вѣроятнѣе вотивный знакъ, относящійся къ буйволу, означенному надъ нимъ: эта жертва, повидимому, посвящена духамъ или божествамъ, на юго-востокъ находящимся (по енисейской оріентировкѣ). Этотъ линейный знакъ позволяетъ предполагать, что и животныя, съ правымъ поворотомъ головы, вотивнаго характера. Поучительна въ этомъ направленіи фигура буйвола, направо отъ описаннаго, съ поворотомъ головы вправо, съ усиленною штриховкою на горбѣ и подъ шеею, съ двумя чертами на лбу и съ угловымъ символомъ (за рогами, немного выше шеи)[2]), приводящимъ въ недоумѣніе деталями въ положеніи ладоней и убѣждающій, въ соединеніи съ прочими данными, и въ существованіи условностей вотивнаго свойства и начавшейся стилизаціи.

Принимая во вниманіе не только рисунки животныхъ изъ Алтамиры, но и всю совокупность вышеприведенныхъ указаній, едва ли возможно отвергать нѣкоторыя условности въ памятникахъ изобразительнаго искусства даже въ эпоху Солютре, а также и въ рисункахъ животныхъ, на которыхъ стилизація выражена и не всегда отчетливо, но эмбріоны ея, при изслѣдованіи, уже различимы. Рядомъ съ этою начавшеюся дифференціаціею изобразительнаго или картиннаго письма отъ изобразительнаго искусства, мы видимъ и дифференціацію письма линейными знаками, генезисъ которыхъ вытекаетъ изъ записей языка движеній человѣка. Элементы или знаки тѣлодвиженій и жестовъ графически упрощались, схематизировались, превращались въ графическіе символы, поразительные по своей отвлеченности, особенно для дилювіальныхъ культур-

---

[1]) Сопост. Kypros, M. Ohnefalsch-Richter. Atl. LXIII. 2 и CLII. 14 и Cesnola, L, Cypern. Tafel LXXXVIII. 5.

[2]) Надъ этимъ ∨ — символомъ, съ отгибомъ ладоней, незаконченный контуръ животнаго.

ныхъ эпохъ, съ которыми мы считали необходимымъ ознакомиться обстоятельнѣе. Ихъ развитіе прошло въ палеолитическое время[1]), какъ-то въ сторонѣ, вѣроятно, въ бытовой графической практикѣ, въ которую входилъ, конечно, и культъ, и которая только изрѣдка, какъ бы случайно, крадучись, отрывочными указаніями проскальзывала среди рисунковъ животныхъ. Совокупность всѣхъ линейныхъ знаковъ неоспоримо свидѣтельствуетъ о дифференціаціи письма и линейными знаками, сигнализирующими движенія и жесты, входившіе въ свѣтовой языкъ, конечно, долго практиковавшійся до установленія графическихъ пріемовъ письма.

Правда, процентъ условностей и ясно выраженныхъ зачатковъ стилизаціи въ конкретографахъ невеликъ, процентъ сигнографовъ и графическихъ линейныхъ символовъ, среди палеолитическихъ памятниковъ изобразительнаго искусства и особенно среди рисунковъ животныхъ (Tierbildern), еще менѣе, но ихъ права на научное вниманіе, какъ вещественныхъ доказательствъ, какъ эволюціонныхъ автографовъ, нисколько этимъ не умаляются: не покончивъ съ ними, нельзя дать категорическихъ заключеній, и о началѣ практики культа въ диллювіальное время, а также, и о дифференціаціи изобразительнаго письма, и его эволюціи, управлявшейся языкомъ движеній.

Какъ уже выяснено, дифференціацію культа есть основанія заподазривать еще въ эпохѣ Солютре. Въ практикѣ культа, повидимому, первѣе всего, установились жертвы божествамъ и на жертвенныхъ животныхъ возлагалось и обозначеніе божества, которому предназначалась жертва, и побужденіе, склонившее человѣка къ жертвѣ, и молитва, ее сопровождающая. Жертвенныя животныя были предстателями человѣка предъ божествами. Движеніе жертвеннаго животнаго къ мѣсту жертвоприношенія и положеніе жертвы, предъ ея закланіемъ, изображалось рѣзьбою изъ слоновой кости, изъ оленьяго рога, выдѣлывалось изъ камня, рисовалось на кости и рогѣ, на стѣнахъ пещеръ. Жертвенное направленіе животнаго къ божеству изображалось и на многихъ рисункахъ животныхъ. Повороты головы, опусканіе и поднятіе передней части туловища, обозначали движеніе навстрѣчу солнцу или по солнцу, заключительное жертвенное положеніе чаще всего выражалось лежаніемъ жертвы на подогнутыхъ ногахъ; ноги иногда соприкасались копытами, а иногда налагались одна на другія.

Какъ при начертаніи стоящихъ и какъ бы движущихся жертвенныхъ животныхъ, такъ и при легко опредѣляющемся лежачемъ жертвенномъ положеніи, и люди палеолитическаго періода, подобно людямъ неолитическаго періода, и болѣе позднихъ культуръ, какъ это видно и на петроглифахъ Енисея, видимо придерживались издавна установленныхъ типичныхъ рисунковъ, преемственно передававшихся и долго удерживавшихъ свою первоначальную форму; варіяціи замѣчаются въ очень ограниченныхъ предѣлахъ. Тяжелый промыселъ охотника, при слабомъ вооруженіи, требовавшій напряженнаго вниманія, наблюдательности, осторожности и предусмотрительности, привелъ человѣка къ близкому знакомству съ животными, онъ понималъ прекрасно ихъ языкъ движеній, онъ зналъ нравы и образъ жизни промысловыхъ животныхъ, ихъ же онъ и приносилъ, какъ благодарственную жертву божеству,

---

[1]) И у первобытныхъ народовъ замѣчается нѣчто подобное, оставляемое пока безъ обслѣдованія.

ее ниспославшему и благословившему его на ея принятіе: такая жертва, конечно, не могла быть жертвою всесожженія, а употреблялась всѣми ее приносящими. Весьма возможно, что направленіе движенія животнаго, особенности тѣлодвиженій, при первомъ взглядѣ на усмотрѣнное животное или обстоятельства, при которыхъ оно было убито, указывало, какъ надо было зарисовать это животное, чтобы жертва его была удостоена вниманія и чтобы чествуемое божество и на будущее время было къ звѣроловамъ также милостиво.

Хищныхъ животныхъ, особенно наиболѣе сильныхъ и опасныхъ, почти нѣтъ среди палеолитическихъ изображеній; изображенія медвѣдя (Тесь на Тубѣ) и рысей (Сулекъ) очень рѣдки и на петроглифахъ Енисея. Едва ли, это — одна случайность.

Въ концѣ ледниковой эпохи, къ жертвеннымъ животнымъ присоединены сопровождающія животныя—спутники, руководящіе обрядовыми движеніями жертвъ, какъ бы представители божествъ, которымъ принадлежитъ жертва: таковы рыбы и, повидимому змѣи.

Человѣкъ, повидимому, еще въ палеолитическую эпоху ввелъ себя въ жертвенный культъ; необычайно откормленнымъ женщинамъ возможно придавать это значеніе: это не простые идолы, а съ отраженіемъ человѣческихъ жертвоприношеній.

Въ послѣдующія культурныя эпохи, мы видимъ уже и жертвоприниматели, точнѣе говоря, — жертвопожирателей: или миѳическихъ чудовищъ (чаще грифоновъ) или большихъ хищныхъ животныхъ. Человѣкъ чаще появляется на условныхъ стилизированныхъ рисункахъ сложнаго жертвеннаго ритуала, въ началѣ, какъ жертвенное животное, и потомъ уже, какъ жертвоприноситель и какъ жертвоприниматель.

Впослѣдствіи, появляются и божества, съ атрибутами своей власти надъ жертвоприниматели, иногда въ борьбѣ съ ними, какъ злыми божествами.

Языкомъ жертвеннаго культа, съ глубочайшей древности, былъ, и даже и теперь есть, въ пережиткахъ, въ большинствѣ религій, и во всѣхъ разновидностяхъ культа,— *языкъ движеній:* всѣ мельчайшія проявленія языка движеній, въ большинствѣ случаевъ, со всею тщательностію означаются на памятникахъ религіознаго характера.

Сигнографы и даже символы, какъ сокращенные знаки языка движеній, появляются на рисункахъ конца палеолитическаго періода: реалисты-рисовальщики древняго каменнаго періода уже подошли не только къ линейнымъ знакамъ, но и къ основнымъ символамъ, пространственно-геометрическаго характера. Въ началѣ неолитическаго періода, сигнографы, символы, нѣкоторые крипто- или шрифтографы, вообще, важнѣйшіе графическіе элементы свѣтового письма, несомнѣнно были, и даже, возможно предполагать, къ концу ново-каменнаго періода культуры, было и письмо съ ограниченнымъ числомъ линейныхъ знаковъ и символовъ. Восточное развѣтвленіе этого письма еще живетъ, западное свѣтовое письмо умерло, его знаки разсыпались, но большую ихъ часть, намъ кажется, еще возможно собрать и реставрировать западное свѣтовое письмо, которое могло перейти, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, изъ сигнографовъ и символовъ въ силлабаріи, въ родовые знаки и въ знаки собственности. Эти мѣстности могутъ дать интереснѣйшія и неожиданныя показанія не только по генезису алфавита, но и по эволюціи языка.

VI.

Графическій анализъ енисейскаго и тукюэскаго алфавитовъ, въ параллеляхъ съ древнѣйшими алфавитами.

(Таблицы: X, XI, XII, XIII и XIV).

Причины и цѣли изслѣдованія; связь петроглифическихъ начертаній съ алфавитными и необходимость извлеченія изъ графическихъ матеріаловъ этнографическихъ и особенно эволюціонныхъ данныхъ и обобщеній. — **А. Енисейскій алфавитъ.** — Большое число знаковъ, въ 4 поворотахъ; этнографическія подозрѣнія и разъясненія. — **1.** (6 и 7 строки лѣваго столбца X таблицы). Угловой символъ (V, vé, ижица, quinque-symboles). — **2.** (4 с. л. X т.) Прямой и лежачій крестъ T (té) и X (ikse), «mé» и «xa»-символы. — **3.** (3 с. л. X т.). Свастика и совастика. — **4.** (1 с. л. X т. 3—4 и 7—8 знаки) «A»-символъ, перекрещиваніе угловыхъ символовъ («Alef»-символъ). — **5.** (1 с. л. XI т. 1—2 и 5—6). Крестъ въ углѣ — символъ и орнаментный мотивъ. — **6.** (5 с. л. X т.). Дублированіе углового символа (зачатки мультипликаціи) по вертикали. — **7.** W ou M-symboles и элементы «beta-symbolon», при поворотѣ (9 и 11 с. первые знаки справа). — **8.** (9 и 11 с. п. 5 и 6 знаки X т.). Двусторонніе символы: Z, zéde, et S, esse, ou sauvastika et svastika-symboles. — **9.** Лежачіе кресты, съ наложеніемъ линій благословенія на нѣкоторые углы, — съ ограниченіемъ религіозной сигнализаціи («alfa-sybmolon» и эмблема Гермеса). — **10.** (8 с. п. X т.). Скобки, въ двухъ поворотахъ. — **11.** (5 с. п.). Кругъ, овалъ, ромбъ, квадраты — символы огражденія. — **12.** (6 и 7 с.). Символы покрова. — **13.** (9, 10 и 11 с. сл.). Символы округленнаго начертанія, заимствованные на пути къ Енисею. Элементы нѣкоторыхъ рукописныхъ буквъ. — **14.** (14. с. п. X т.; 15. п. 7-й знакъ; 16 и 7 стр.). Вильчатый крестъ (Gabelkreuz). Элементы «beta» или «b»-символъ. — **15.** (15 с. 1—6 зн.). Знаки рукоположенія и перстосложенія. Сходныя начертанія енисейскаго и тукюэскаго алфавитовъ съ мало-азіатскими (XIII табл.). Символизація кистями рукъ: 12 и 13 с. праваго и 21—25 строки лѣваго столбца. — **16.** О двойственномъ рукоположеніи, объ обращеніи къ небу и землѣ одновременно. О непригодности обще-теоретическихъ соображеній при заключеніяхъ о первобытныхъ обрядностяхъ. Теорія и практика культа очень далеки другъ отъ друга, особенно при разложеніи культуры. — **17.** Значеніе поворотовъ ладоней въ практикѣ культа. — **18.** (17.—21 с. п. X т.). Знаки поднятія и опусканія одной руки и поперемѣнное опусканіе и подниманіе обѣихъ рукъ. — **19.** (15 с. п. 1, 5, и 2—4—6 знаки). Символы двойственности и троичности въ перстосложеніи. — **20.** (12 с. п. и 3 с. л. X табл.). О свастическихъ и совастическихъ молитвенныхъ движеніяхъ или, точнѣе говоря, о свастическомъ и совастическомъ танцѣ. — **21.** О напряслицахъ, какъ богатѣйшемъ матеріалѣ для реставраціи древней молитвенной обрядности. — **22.** (1 с. п. 1. X т.). Вертикальная линія, какъ знакъ человѣка (i-символъ) немолящагося и начальный счетный знакъ: 1 (единица, одинъ)-символъ. Древнѣйшія начертанія воздѣтыхъ и опущенныхъ рукъ (2 и 3 с. п. XI т.), наложеніе благословенія вильчатымъ символомъ. — **23.** (2 с. л. XI т.). «Beta symbolon», его отсутствіе въ арамейскомъ алфавитѣ. — **24.** (8 с. л. X т.). «Delta-symbolon», отсутствіе его въ новыхъ арамейскихъ алфавитахъ. — **25.** H, I, Z и S — символы (12 с. п. и 11 с. п. 5 и 6. X т.) — **26.** (13 с. л.). «Hé», «epsilon», Э и E-символы. — **27.** (14 и 15 с. л. XI т.). Дигамма-символы. — **28.** Символическія точки-замѣстители косого креста — и другіе подобные знаки. — **29.** (10 с. п. X т.). Знаки воды и струй свѣта. — **30.** (22 с. п. X т.). Символъ троичности. — Инициалы къ нѣкоторымъ надписямъ Енисея (на табл. X.) Преобладаніе знаковъ поклоненія предкамъ. **В. Тукюэскій алфавитъ.** (Табл. X. A. 1—12, 2—12, 3—12 и 4—3). — Отсутствіе поворотныхъ знаковъ; небольшое число буквъ; указанія на большую и разностороннюю дифференціацію этого алфавита (текстъ стр. 34—35). Стилизированный знакъ перстосложенія къ эмовидному верхнему рукоположенію. — Знакъ изъ готскаго алфавита Ульфилы,

Варьянты углового символа. — Эмъ-символъ. — Тукюэская буква, какъ орнаментъ украшенія конька во Фригіи. — Буква-знакъ поклоненія предкамъ. — Заключительные выводы. Буквы оказались знаками языка движеній, т.-е. знаками послѣдней свѣтовой мимико-графической системы письма.— **С. Опытъ классификаціи и генезиса линейныхъ знаковъ и символовъ** мимико-графической формы свѣтового письма. Объясненія *къ правой сторонѣ таблицы XII-ой.* — **D. Нѣкоторые предварительные выводы и соображенія.**

Бирскій петроглифъ или Тазминскій камень и рядъ современныхъ ему петроглифическихъ и скульптурныхъ памятниковъ, по всей вѣроятности, бронзовой эпохи, пришлось изучать ближайшимъ образомъ уже послѣ предварительной обработки фигурныхъ начертаній на утесахъ. Благодаря прекраснымъ рисункамъ изданія Финляндскаго Археологическаго Общества[1]) и полученной нами подготовкѣ, какъ-то быстро и неожиданно, при первыхъ же сопоставленіяхъ, раскрылось сложное символическое начертаніе этого замѣчательнаго религіознаго памятника. Прочіе рисунки курганныхъ камней, къ которымъ мы присоединили и рисунокъ Кастрена и, кромѣ того, воспользовались снимкомъ В. В. Радлова, части Уйбатскаго петроглифа, около ул. Чиркова[2]), на который, къ счастію, была наложена надпись. Мы увидѣли, на сколько образно, отвлеченно, и глубокомысленно было религіозное міровоззрѣніе аборигеновъ бронзовой эпохи. Кромѣ того, намъ показалось, что эти памятники не носятъ на себѣ рѣзкихъ признаковъ буддійскаго вліянія и, что особенно удивительно, будучи несравненно выше шаманства, поскольку оно выразилось и въ высѣченныхъ и въ написанныхъ красною краскою петроглифахъ, эти начертанія, повидимому, близки къ нему, — они стоятъ къ нему ближе, родственнѣе, находятся съ нимъ въ нѣкоторой генетической связи, хотя объ эволюціонномъ развитіи культа, послѣ заимствованія, не можетъ быть и рѣчи: регрессъ, повидимому, съ наступленіемъ желѣзной эпохи, въ культурѣ и въ религіи, среди позднѣйшихъ обитателей Минусинскихъ степей несомнѣненъ. Мы долго держались ошибочнаго взгляда, что вопросъ о разсмотрѣніи алфавитовъ совершенно выходитъ изъ компетенціи этнографа и археолога и всецѣло принадлежитъ филологамъ, но данная экспедиціею Финляндскаго Археологическаго Общества 1887—88 таблица типовъ начертаній въ письменахъ и иниціалы къ надписямъ, опубликованіе акад. В. В. Радловымъ и проф. О. Доннеръ тукюэскаго алфавита, и законченное нами изученіе и сопоставленіе родовыхъ знаковъ многихъ народностей, въ связи съ нѣкоторыми другими чисто-этнографическими соображеніями, склонили насъ къ разсмотрѣнію типовъ начертаній алфавитовъ нѣкоторыхъ азіатскихъ, мало-азіатскихъ и европейскихъ народностей.

Желательно было, изслѣдуя графическія особенности алфавитныхъ начертаній, извлечь изъ нихъ отвѣты на вопросы, о стадіи культуры и ея устойчивости, о постановкѣ культа, и о степени умственнаго развитія аборигеновъ Енисея и Орхона.

Важно было, по возможности, выяснить графическій генезисъ и послѣдующее развитіе интересующихъ насъ алфавитовъ, — выяснить, преобладаютъ ли въ нихъ рисунки или

---

[1]) Inscript. de l'Jenissei. Par. Soc. Finland. d'Archéologie. Hels. 1889 г. p. 12, Fig. 8.

[2]) Магазинъ землевѣд. и путешествій, Фролова, т. VI, часть 2, стран. 186. — Труд. Орхонской экспед. Атласъ древн. Монголіи. В. В. Радловъ. С.-Пб. 1892 г. XVII, 2.

знаки предметовъ и дѣйствій, символическіе знаки, родовые или религіозные, или символы, въ точномъ смыслѣ этого слова, наконецъ, въ какой мѣрѣ отразился культъ, нѣтъ ли графическихъ наслоеній, интересна также и степень отвлеченности, простоты, одиночности символовъ, нѣтъ ли сочетаній двухъ разнородныхъ символовъ или удваиванія одного и того же простого символа?

Въ этомъ направленіи, *безъ всякихъ лингвистическихъ претензій,* мы рѣшились разсмотрѣть енисейскій и тукюэскій алфавиты, и сравнить ихъ съ нѣкоторыми древнѣйшими алфавитами, высказать свои соображенія и содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, выясненію особенностей ихъ графическаго состава и генезиса этихъ алфавитовъ.

Енисейскій алфавитъ. Таблица всѣхъ типовъ въ надписяхъ, сдѣланныхъ этимъ алфавитомъ, помѣщенная въ концѣ текста къ надписямъ, изданная Фин. Арх. Общ., состоитъ изъ 148 начертаній, распредѣленныхъ на 49 группъ въ двухъ столбцахъ. Цифры эти ясно указываютъ, что лингвисты могли опасаться и сложныхъ способовъ письма: т.-е. и фонетическаго, и идеографическаго, и даже силлабическаго. Возможны и вставочные религіозные символы (изъ буквенныхъ знаковъ), какъ пережитки доалфавитнаго ихъ значенія въ культѣ и свѣтовомъ письмѣ[1]).

Выскажемъ нѣкоторыя общія соображенія о необходимости перегруппировки типовъ въ надписяхъ, съ точки зрѣнія религіозныхъ символовъ вообще, и символовъ молитвы и благословенія (принятія молитвы) въ частности. Этимъ дѣломъ мы не имѣли времени заняться. Если представится возможность, такую таблицу мы составимъ впослѣдствіи, теперь же мы воспользуемся группировкою финляндской экспедиціи, при чемъ слѣдуетъ имѣть въ виду и вторую группировку проф. О. Доннера, въ которую введенъ и алфавитъ Орхона. Особенно важное значеніе имѣетъ основной, конечный, простѣйшій по начертанію и отвлеченнѣйшій по значенію, символъ молитвы. Не менѣе важны и его удвоенія, усиленія, комбинаціи съ другими символами и знаками, каковы, напримѣръ, двухсторонній, четырехсторонній, удвоенный сверху, удвоенный сбоку. Интересны и другіе сложные символы и знаки молитвы,— основные простые и осложненные нѣкоторыми графическими подробностями, которые есть въ разсматриваемомъ алфавитѣ. Не слѣдуетъ забывать, что эволюцію символовъ религіозныхъ, изобразительныхъ, можно и должно сопоставлять съ инстанціями мыслительной символизаціи вообще, съ подраздѣленіемъ ея на внутреннюю и внѣшнюю символизацію. Знаки и символы, восходя отъ конкретныхъ къ болѣе отвлеченнымъ, генетически, при эволюціонномъ развитіи, на мѣстѣ родины, до заимствованія, должны были предшествовать конечному (угловому) символу; но, послѣ эмиграціи, особенно отдаленной, при регрессѣ, возможенъ обратный ходъ, по прежнему эволюціонному пути. Такой регрессъ вполнѣ возможенъ, когда отъ народностей съ высшею куль-

---

[1]) Интересный примѣръ, заслуживающій ближайшаго обслѣдованія, отмѣченъ Дм. Бакрадзе, въ его «Археолог. пут. по Гуріи и Адчарѣ». С.-Пб. 1878 г. Стран. 77, атласъ, 1 . 1. «Между согласными буквами женскаго письма, большею частью вставляется безъ всякой надобности гласная «і» (In). Но, по угловому начертанію этой буквы, и по тремъ ея начертаніямъ въ верхнемъ поворотѣ, приходится заподазривать этнографическое явленіе. Въ рукописи мужчинъ, встарь, замѣчались ли такія вставки, и тогда, поворотъ угла вверхъ, не встрѣчался ли чаще, чѣмъ внизъ?

турою и съ болѣе развитыми умственными способностями, сложная и отвлеченная религія, съ таковыми же религіозными символами, воспринимается народностью географически замкнутою, менѣе культурною, менѣе развитою въ умственномъ отношеніи, которая, во внѣшней символизаціи религіозныхъ представленій и понятій, всегда будетъ тяготѣть къ предметнымъ знакамъ и къ конкретированію символовъ. Напомнимъ основной угловой символъ мѣстныхъ, мѣдныхъ и бронзовыхъ орудій древнѣйшихъ типовъ и округленные символы Сулекскаго и Копенскаго петроглифовъ.

Какъ понимать направленіе и положеніе основного символа молитвы, а, слѣдовательно, и прочихъ символовъ и знаковъ въ строкахъ надписи, особенно, когда она не горизонтальна, а вертикальна? [1]). Затрудненіе мы видимъ съ двухъ сторонъ. Теряютъ ли символическіе знаки свое внутреннее первоначальное значеніе въ написаніи? Буквенные фонетическіе—должны потерять, а если и тутъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ставится тотъ же знакъ, но въ томъ или иномъ поворотѣ? [2]) Въ идеографическихъ знакахъ символы навѣрное сохраняютъ свое былое значеніе. Другое затрудненіе: какъ понимать направленіе или, точнѣе, положеніе символа въ горизонтальной и вертикальной плоскостяхъ? На могильныхъ камняхъ, поверхности плитъ и грани на обдѣланныхъ камняхъ приходятся иногда въ извѣстномъ положеніи къ странамъ свѣта. Весьма возможно, что погребальный ритуалъ или поклоненіе покойному требовали иного выбора знаковъ и ихъ постановки въ согласіи съ странами свѣта и положеніемъ строки? Молитвенное простираніе рукъ мы видимъ на барельефахъ и цилиндрахъ, видимъ въ пережиткахъ и теперь двоякимъ: впередъ (горизонтально) къ земному представителю власти или къ надземнымъ духамъ (у анимистовъ и у шаманистовъ) и вверхъ къ небу, солнцу, къ божествамъ высшимъ. Тѣлодвиженія, обращенныя къ покойному, еще непогребенному и жесты, поклоны и простиранія рукъ къ недавно и давно погребенному и теперь рѣзко различаются, а въ то отдаленное время символы въ тѣлодвиженіяхъ, жестахъ, въ сжиманіи и раскрываніи ладони и въ перстосложеніи были, какъ извѣстно, осложнены жрецами и духовенствомъ до чрезвычайности. Символъ, начертанный на отвѣсномъ утесѣ, среди фигурныхъ начертаній, вверхъ или обращенный внизъ, или вправо, или влѣво, понимается вполнѣ согласно своему положенію, но въ надписи, изображаемой и читаемой справа налѣво, молитвенный символъ, обращенный налѣво, можетъ относиться къ духамъ или божествамъ, и налѣво находящимся. При надписяхъ на могильныхъ камняхъ, на эти обстоятельства не мѣшаетъ обратить вниманіе и, на всякій случай, даже при надписяхъ на утесахъ, слѣдуетъ ремаркировать положеніе поверхности относительно странъ свѣта. Наше предварительное рѣшеніе этихъ вопросовъ мы изложимъ ниже, разсмотрѣвъ всѣ символы енисейскаго рунообразнаго алфавита.

---

[1]) Напримѣръ, XXIII надпись въ Inscript. de l'Jénissei. Helsingfors. 1889, p. 4, Fig. 3. Та же надпись у В. В. Радлова, труды Орхонской экспед. Атласъ древностей Монголіи. XCII, 1, 2 (Tsch. K. I.).

[2]) За неимѣніемъ пока болѣе древнихъ показаній, чрезвычайно цѣннымъ является уже отмѣченное нами (стран. 198) обозначеніе странъ свѣта въ VIII вѣкѣ по Р. Х. вокругъ владѣній турецкаго эл'я; «передъ» — востокъ, «задъ» — западъ, «правая сторона» — югъ и «лѣвая сторона» — сѣверъ. П. Меліоранскій. Объ Орхонск. и Енисейск. надпис., стран. 280.

1. Лѣвый столбецъ, 6 и 7 строки, табл. X, считая сверху.—Знаки угла (прямого) *конечный отвлеченнѣйшій символъ молитвы*, поклоненія со стороны человѣка[1]) и покрова, благословенія и т. п. со стороны божества[2]). Всѣ 4 знака слѣдуетъ соединить въ одну группу. По всей вѣроятности, символъ, обращенный вверхъ, означаетъ и поклоненіе впередъ, такъ какъ воздѣяніе рукъ соединялось съ наклоненіемъ ихъ вмѣстѣ съ поклономъ впередъ: молитвенный символъ относился, такимъ образомъ, и къ небу, солнцу, къ надзвѣзднымъ духамъ и божествамъ, и къ поднебеснымъ, и надземнымъ духамъ и божествамъ. Продолжая поклонъ ниже, касаясь руками земли или дѣлая, кромѣ того, и земной поклонъ можно было распространить силу молитвы и на подземный міръ[3]). Наличность четырехъ поворотовъ основного символа въ надписяхъ показываетъ, что молитвенное обращеніе дѣлалось на 4 стороны. Впослѣдствіи, по всей вѣроятности, удастся болѣе или менѣе точно установить къ какой странѣ свѣта обращалось начальное моленіе, въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ, предположительно, есть основаніе высказаться за востокъ, тогда вправо обращенный молитвенный символъ придется на югъ, назадъ — на западъ и влѣво — на сѣверъ. Но то, что въ петроглифахъ и въ различныхъ болѣе совершенныхъ памятникахъ изобразительнаго искусства рѣдко представляетъ затрудненія въ различеніи символа молитвы отъ символа благоволенія, благословенія или покрова божества, можетъ поставить въ затрудненіе и даже привести къ невѣрнымъ заключеніямъ: линейный знакъ благословенія небеснаго божества можно принять за молитву, обращенную къ подземному божеству[4]).

---

[1]) Предметныя изображенія. Табл. VIII. XXXI, XIV. 9, II. 1 и 12. Основное правило молитвы у грековъ и римлянъ (см. Quomodo veteres adoraverint. E. Voulliem. Halle; 1887) „Cum tellurem dicit manibus terram tangit, cum Iovem dicit, manus ad caelum tollit". Стран. 25 и друг.— Forrers, Reallexicon. Berl. 1907. Taf. 218 (руки верхней статуи), Taf. 223, s. 769; fig. 194, S. 249. S. 400, f. 292. — Шантепи-де-ля Соссей, I, стран. 124, рис. 21. — Петроглифы Енисея, табл. II. XX. 14. — A. P. di Cesnola. Salaminia. Pl. XIII. 21.

Линейные символы.— Шантепи-де-ля-Соссей, т. I, стран. 119, рис. 19.— «Dschoni», das Zeichen der empfangen den Naturkraft. См. Glass. Wörterbuch der Mythologie. Lpz. 1880.—На мѣдныхъ орудіяхъ Минусинскаго, края, табл. II. XXV. 6 и 4; XXIV. 2 и 3; XXVII. 11 и 13.— На древне-вавилонскомъ цилиндрѣ, табл. VIII. XV. 4 (основной знакъ сложнаго герба бога Шамашъ).—Цилиндръ съ Кипра, египетскаго стиля, изъ находокъ Чеснола. Прилож. табл. VIII. XV. 4.—См. приложенныя къ статьѣ табл. I. XV и XVI.— Табл. VIII. V, фиг. 2.—Ручки бубновъ, черневыхъ, сагайскихъ и качинскихъ, см. табл. I. XXV; бубны Минусинскаго музея за №№ 53, 57, 59 и 60 съ этими знаками, въ поворотахъ къ небу и землѣ. — На неолитической керамикѣ этотъ знакъ встрѣчается часто. — Forrer. Reallexicon, 548. T. 149. 2. — I. Ранке. Ч-къ. С.-Пб. 1901. II т., стран. 646, 1, 647. 3 и 648. 21 и 22.— На петроглифахъ Орхона этотъ символъ наблюдается, см. прилож. табл. XI. 18. 8. (В. В. Радловъ, LXXII). — Въ Фригіи этотъ знакъ встрѣчается на петроглифахъ и на могильныхъ камняхъ, см. Perrot et Schipiez, V т. 114; въ Ликіи тоже.— Въ первые вѣка христіанства этотъ языческій символъ употреблялся въ значеніи молитвеннаго символа, напримѣръ, см. распятіе на крестѣ (VI—VII вѣка). Forrers, Reallexicon, S. 427. Taf. 109. 9 и воскрешеніе Лазаря, тамъ же, стран. 449, fig. 370. — На ликѣ св. Кирилла, на иконѣ XIII вѣка, см. приложенную таблицу XI. 22. 1. — Сопост. нѣкоторыя иконы «Старой Ладоги», Бранденбурга, LXXXII, LXXXIV и LXXXVI. Символы между бровями и подъ глазами.

[2]) Предметныя изображенія: L Cesnola. Cypern. Tafel LXXVIII. 4 (египетскій стиль), финикійскій стиль: LXXIX. 3. 11 и 7; LXXX. 10 и 11. — Perrot et Schipiez. L'hist. de l'art dans l'ntiqu. III. 716. 528. (Schlimann. Ilios. 1-й городъ). См. табл. I. Рис. 23, фиг. 1 и 2.—См. соврем. рѣзное украшеніе ложа ружья инородца, съ Чернаго Іюсса. См. табл. VIII. VII. 8 (благословеніе вотивной руки).— Табл. VIII. XII (гербъ бога Шамашъ, благословеніе солнцу).

[3]) Колѣнопреклоненія на петроглифахъ Енисея мы не встрѣчали ни разу. У древнихъ культурныхъ народовъ и у грековъ и римлянъ оно было, см. Voullieme, Quo modo veteres adoraverint. Halle, 1887.

[4]) Какъ примѣръ, можно указать на пирамиду, знакъ звѣзды, см. прилож. табл. VIII, рис. XII;

Во многихъ древнѣйшихъ религіяхъ: Индіи, Вавилоніи, Ассиріи, Финикіи и у грековъ доисторическаго времени, какъ извѣстно, воздѣйствіе на боговъ молитвенныхъ символовъ признавалось равнымъ самой молитвѣ. Подобно тому, какъ въ Индіи и въ Средней Азіи путешественниками замѣчены разнаго рода механическія приспособленія, приводимыя въ движеніе рукою, вѣтромъ и водою, съ вращающимися написанными молитвами или съ молитвенными символами, такъ и въ отдаленныя доисторическія времена, у финикіянъ и грековъ (Кипръ, Троя и др.), видимъ приборы для вращенія символовъ[1]), особенно поучительны напряслица богомольныхъ троянскихъ женщинъ, покрытыя разнороднѣйшими молитвенными символами, и исполнявшія, такимъ образомъ, одновременно, и домашнія и религіозныя обязанности.

Геометрическая простота этого символа связывается съ значительнымъ умственнымъ развитіемъ человѣка, съ расширеніемъ его кругозора, съ усвоеніемъ сложныхъ пространственныхъ отношеній, съ значительнымъ уровнемъ математическихъ и астрономическихъ познаній. Къ символамъ, особенно молитвеннымъ, и въ древнѣйшія эпохи предъявлялись требованія отвлеченнаго, знакового, линейнаго, геометрическаго, но не конкретнаго (предметнаго) означенія. Религіозные предметы и символы избирались издавна, задолго до алфавитнаго письма, гербами, родовыми знаками и знаками собственности[2]). Вотъ причины, приводившія къ разнымъ усиленіямъ молитвенныхъ символовъ, къ разнымъ осложненіямъ, къ разнообразнымъ варіаціямъ не только въ линейномъ ихъ начертаніи, но и въ стилизированномъ фигурномъ его изображеніи[3]). Конечно, у различныхъ народностей замѣчаются нѣкоторыя несущественныя, впрочемъ, различія, напримѣръ, основной молитвенный символъ можетъ быть изображенъ и въ видѣ русской буквы „П“ и латинской — „U“, съ соотвѣтственными поворотами, въ видѣ округленныхъ: „V“ и „Λ“ и т. п. Эти письменные знаки енисейскаго рунообразнаго алфавита, какъ видимъ изъ приведенныхъ датъ и какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія, относятся къ древнѣйшимъ, встрѣчающимся только на мѣдныхъ и бронзовыхъ древнихъ типахъ орудій. Позднѣйшіе, на которыхъ возможно увидѣть и вліяніе ламаизма[4]), имѣютъ уже иное очертаніе.

Генезисъ символа виденъ на табл. XII. Пр. ст. 1. 1—6 и 2. 1—6.

IV. 8 (верхняя часть); XVIII. 5 и 8; XXXII (серпенъ) и табл. XII, п. с. 14. 10. н. з. и 17. 5. а также на верхнее и нижнее и боковое перекрещиваніе угловыхъ знаковъ.

[1]) Древне-вавилонскій цилиндръ, Шамашъ и его вращаемая людьми эмблема. См. Шантепи-де-ла-Соссей. Спб. 1899 г. Рис. на стран. 183. — Кипръ: напряслица, вращающіеся гребенчатые символы, украшенія на шлемахъ, щеточно-видные, кисте-видные, подстриганіе гривы у лошадей и многое другое. — Молитвенныя машины и приборы ламаистовъ, см. Шантепи де-ля-Соссей, II т., стран. 117. — F. Schlagintweit. Indien in Wort und Bild; рисунки: Gebetcepter и Gebet-rad. — Zmigrodzkeigo, M. Hist. Swastaki. Рис. 124 и 144. Буддійскій приборъ — «курдэ», монгольское названіе, у тибетцевъ, «кхорло». Цилиндръ, въ который вкладываются листики съ молитвою. Цилиндръ или колесо вертятъ рукояткою или снуромъ. Бываютъ колеса въ 1 саж. и болѣе въ діаметрѣ, оно пересѣкается 8 радіусами. Тысячерадіусное колесо было поднесено, по легендѣ, Буддѣ. «Вращать колесо вѣры» — буддійское изреченіе. См. статью проф. А. Позднѣева. Энц. Слов. 33. 71.

[2]) Египетъ, Вавилонъ, находки въ пещерахъ и на мѣстахъ неолитическихъ поселеній.

[3]) Напримѣръ, въ стилѣ Дипилонъ, сигнографы и конкретографы взаимно дополняютъ другъ друга.

[4]) На четырехъ только знакахъ: на 19 и м. б. на 16 и 17 строк. прав. столбца. Хотя въ письмѣ повороты несиметричныхъ знаковъ, ближайшимъ образомъ, объясняются бустрофедономъ, но, въ сущности, религіозное значеніе символа остается безъ перемѣнъ.

Регрессъ этого отвлеченнѣйшаго символа начинается съ прибавленія въ срединѣ угла линіи[1]), дѣлящей его пополамъ. Такой родовой знакъ есть у лопарей, можетъ встрѣтиться и на мѣдныхъ орудіяхъ съ Енисея. На копенскомъ петроглифѣ находятся поучительныя фазы регресса полуовальной формы основного молитвеннаго знака: сдѣлано утолщеніе кисти руки и головы. Основной символъ въ видѣ „п“ и „ш“, чрезъ прибавленіе среднихъ линій, превращается въ символы: „ш“ и „т“. Для примѣра, укажемъ серпъ, изъ красной мѣди[2]), съ этимъ пріемомъ начертанія молитвеннаго знака, можетъ быть и избраннаго тамгою, но въ описаніи она неправильно названа „прямоугольникомъ“: четвертой ограничивающей на обухѣ серпа линіи не видно на рисункѣ. Далѣе, можетъ быть и конкретированіе и стилизація (Русск. др. въ пам. иск. I, 117 (144) и табл. XI. 21. 7—12).

2. *Кресты прямой и косой* (лѣвый столб., 4-я строка),—древнѣйшіе религіозные символы: прямой крестъ вошелъ въ древне-еврейскій алфавитъ IX вѣка до Р. Х., въ позднѣйшемъ еврейско-финикійскомъ алфавитѣ вмѣсто него поставленъ косой крестъ[3]). Эти сложные символы, какъ и ихъ восьми-конечныя разновидности, можно разсматривать, какъ образовавшіяся отъ сдвиганія-суммированія четырехъ простѣйшихъ основныхъ символовъ.

Въ начальныхъ знакахъ къ енисейскимъ надписямъ прямой крестъ встрѣчается 2 раза (19 стр.) и 1 разъ въ концѣ XVII надписи (Кемчикъ); въ текстѣ надписей встрѣчается 1 разъ въ № 29; онъ встрѣчается и въ орхонскихъ петроглифахъ (табл. XI. 18).

Прямой крестъ, въ обыкновенномъ линейномъ начертаніи, безъ точекъ, черточекъ, безъ добавленій и измѣненій, не былъ преобладающимъ символомъ молитвы. Для графическаго символа молитвы берутся руки, какъ наиболѣе замѣтные и характерные выразители покорности, благоговѣнія и мольбы. Къ царю, а тѣмъ болѣе къ божеству, *прямое* простираніе той или другой руки и особенно сомкнутыхъ ладонями рукъ было бы выраженіемъ непочтительности или даже жестомъ отталкиванія, что навлекло бы на нарушителя исконныхъ религіозныхъ правилъ тяжкія кары. Въ находкахъ Шлимана, при раскопкахъ Трои, найденъ прямой крестъ, Gerhard. „Griech. Vasen,“ tabl. 171. Schlieman, H. Atlas d. a. Troya, съ точками въ углахъ, т.-е. съ означеніемъ или головы молящагося или знаменательнаго значенія этихъ угловъ[4]). На одномъ лопарскомъ клеймѣ такія же точки стоятъ и на косомъ крестѣ. Крестъ съ ручкою (Croix ansée), мы видимъ на петроглифахъ только у египетскихъ боговъ и царей, которые направляютъ крестъ прямо на того, кого они благословляютъ, даруютъ мудрость, силу и могущество[5]). Прямой (не египетскій или древне-еврейскій), мы видимъ на тамгахъ средне-азіатскихъ народностей (см. киргизы).

---

[1]) Знакъ шеи и головы, — возвращеніе къ предшествующей символо-графической фазѣ, см. табл. XII. П. с. 1, 4 и 2, 4. Для примѣра разложенія символизма приведемъ нѣкоторые копенскіе и сулекскіе петроглифы, VI и II табл.

[2]) «Сиб. древн.». С.-Пб. 1894 г., табл. XV, 7 рис., стран. 85.

[3]) Я. Б. Шницеръ. Иллюстр. всеобщей исторія письменъ. С.-Пб. 1903 г., стран. 88 и 90.

[4]) См. выше стран. 184 и 186.

[5]) Perrot et Chipiez. Hist. de l'art dans l'antiquité. Paris. 1884 г. I т., стран. 45, 33 и 63, 43.

Прямой крестъ, который ранѣе часто видѣли и зарисовывали въ петроглифахъ, иногда отдѣльно, а чаще на оленяхъ и лошадяхъ, какъ объяснено выше, по незнанію молитвы съ горизонтальнымъ простираніемъ рукъ, практиковавшейся въ желѣзную эпоху, не только въ началѣ ея, но и при современномъ шаманствѣ, беря начертанія красною краскою на утесахъ. Среди идеографическихъ группъ начертаній въ письменахъ, прямой крестъ, въ чистой линейной формѣ, скорѣе всего, можетъ обозначать направленіе въ горизонтальной или вертикальной плоскостяхъ, менѣе вѣроятно, чтобы онъ служилъ раздѣлительнымъ знакомъ или знакомъ препинанія. Символъ этотъ весьма интересенъ по тѣмъ производнымъ формамъ, въ которыхъ наличность всѣхъ требованій, предъявляемыхъ къ молитвенному символу, несомнѣнна. Какъ извѣстно, самое незначительное добавленіе или искривленіе въ линіяхъ креста: притупленіе концовъ креста, симметрическое или одностороннее; раздвоеніе или вильчатость, прямолинейная или криволинейная, крючковидная или спиральная; точки у концовъ креста; удвоеніе линій; орнаментная или фигурная стилизація превращаютъ прямой крестъ уже въ несомнѣнный молитвенный символъ.

Косой крестъ не подвергался никакимъ измѣненіямъ и добавленіямъ, съ цѣлію уясненія или усиленія его молитвеннаго дѣйствія, отъ глубокой древности до современныхъ шаманистовъ, которые, сознательно или безсознательно, подвергаютъ прямой крестъ и свастикѣ и совастикѣ (табл. VIII. 1. 2; XXV и III. 31).

3. *Разновидности свастики и совастики.* (Лѣвый столб., 3-я стр.).— Эти поясные знаки молящагося могутъ имѣть символическій и идеографическій смыслъ: одновременное поклоненіе небу и землѣ, выраженіе равнаго почтенія поднебеснымъ и подземнымъ духамъ или божествамъ, указаніе на внутреннюю сторону обращенія къ божествамъ означеніемъ различія молящейся просящей руки отъ руки, выражающей только богопочтеніе, и различныя внѣшнія молитвенныя дѣйствія, а именно: двумя первыми знаками, происшедшими какъ бы отъ прямого креста, указывается поднятіе одной руки кверху и опусканіе другой руки, съ соотвѣтственнымъ изгибомъ, внизъ; двумя же слѣдующими свастиковидными[1]) знаками, находящимися въ положеніи косого креста, отмѣчается и наклоненіе туловища. Въ третьей парѣ знаковъ, см. табл. XIV (О. Доннера), 4. 15 и 16, можно видѣть сгибаніе туловища, доведенное до предѣла возможности. Въ прямомъ и косомъ крестѣ удлинена и изогнута *только одна линія*, соотвѣтственное измѣненіе и другой линіи дало бы типичныя формы совастики и свастики. Но если на разсмотрѣнные типы начертаній енисейскаго алфавита взглянуть просто какъ на знаки молитвенныхъ тѣлодвиженій, то эти символы-знаки могли образоваться и безъ заимствованія, самостоятельно. Во всякомъ случаѣ, даже при несомнѣнномъ заимствованіи этихъ начальныхъ формъ этого сложнаго религіознаго символа, должно отмѣтить отсутствіе типичныхъ позднѣйшихъ формъ свастики и совастики на памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ, особенно на древнѣйшихъ типахъ мѣдныхъ и бронзовыхъ орудій, на котлахъ, на горшкахъ, что склоняетъ

---

[1]) Табл. X. п. 3. 3 и 4 или на табл. XIV. 4. 13 и 14. Означены всѣ 3 фазы движенія.

къ предположенію о приходѣ на Енисей мѣди вмѣстѣ съ древнѣйшими и болѣе отвлеченными молитвенными символами изъ Средней или изъ Малой Азіи, еще въ то весьма отдаленное доисторическое время, когда свастика еще не получила своей позднѣйшей формы и не имѣла еще того замѣтнаго преобладанія надъ другими религіозными символами[1]), которое наблюдалось впослѣдствіи.

4. Группу письменныхъ начертаній, изображенную въ лѣвомъ столбцѣ, на 1-й строкѣ, слѣдуетъ раздѣлить на двѣ группы *молитвенныхъ символовъ:* въ этой рубрикѣ разсмотримъ 3, 4, 7 и 8-й знаки, а прочіе — въ слѣдующей, 5-й, рубрикѣ[2]). Эти 4 начертанія весьма интересны: по простотѣ и прямолинейности начертанія, по образованію изъ двухъ тождественныхъ простѣйшихъ символовъ, ихъ должно отнести къ древнѣйшимъ сложнымъ символамъ, современнымъ основному, съ тѣхъ поръ, когда онъ сталъ символизировать не только молитву, но и благословеніе или покровъ. Мы склонны понимать эту группу символовъ въ этомъ именно смыслѣ: уголъ меньшій можетъ означать молитву, а уголъ большій, его накрывающій, принятіе божествомъ молитвы, исполненіе ея, — благословеніе, покровъ, и наоборотъ. Величина сторонъ этихъ угловыхъ символовъ можетъ быть и равна[3]), т. е. равные по величинѣ угловые символы могутъ перекрещиваться, какъ это часто наблюдается на карфагенскихъ клеймахъ. Значеніе этихъ символовъ, какъ равнозначащихъ, видно изъ того, что ихъ можетъ быть только два: въ верхнемъ и нижнемъ поворотѣ и въ боковомъ положеніи этихъ символовъ, въ первомъ случаѣ — выражается благословеніе верховныхъ божествъ солнца и неба и земли и подземнаго міра, а во-второмъ — означается благословеніе божествъ съ боку. Въ культѣ, особенно въ ритуалѣ погребенія римлянъ,

---

[1]) Въ Троѣ, на глубинѣ 14 метровъ, т.-е. въ 1-мъ городѣ (H. Schliemann, Atlas des ant. Troyen. P. 1874 г.), найдена свастика, тождественная со 2-ю изъ разсматриваемыхъ фигуръ енисейскаго алфавита. — Форма свастики на золотой коронѣ египетской царевны Кэнумиты (находка Моргана) намъ неизвѣстна, ее относятъ къ IV—III династіи, около 5000 лѣтъ до Р. Х. Revue Archeol. 1895. Mars.-avril, p. 257. Свастика на статуэткахъ Будды, см. Нидерле, Человѣчество въ доисторическія времена, стран. 219, Max Müller'a, въ Ilios, H. Schliemann, стран. 389 и Fussabdruck Budda's (стран. 393, совастика). Свастика признается до-буддійскимъ религіознымъ символомъ. — У египтянъ свастическіе знаки вошли только въ гіератическое письмо, ихъ мы замѣтили два: совастики (табл. XII. л. 16. 13. в. зн.), эсовиднаго въ основѣ начертанія — знакъ «дороги» и двусторонняго (перекрещиваніе обѣихъ рукоположеній), см. тамъ же, 12. 11, замѣнило гіероглифическій рисунокъ, указатель — «говорящее лицо». См. Липпертъ. Исторія культуры. С.-Пб. 1904, стран. 295 и Lenormant, Essai sur la propagation de l'alphabet phenicien. Paris, 1875. III, стран. 14. — Основныя свастическія позы, тождественныя съ енисейскими, 1-мъ и 2-мъ поясными знаками, видимъ на погребальной урнѣ-хижинѣ (Hausurnen) доисторической эпохи, изъ некрополя Альба-Лонга, см. Forrer's Reallexicon, 338. Наиболѣе важныя въ религіозномъ отношеніи мѣста означены точками и внизу видна точка подъ genitalia, но не въ углахъ сгибовъ ногъ. На крышѣ начерчена svastica, такъ же какъ и въ Троѣ. Гербъ домовладѣльца тождественъ съ нижнею частью символа (т. XI 22, 7) (т. XII, л. 16, 20 нижній), найденнаго въ Керченской могилѣ I вѣка послѣ Р. Х. «Русскія древн.» Толстой и Кондаковъ, II, стран. 155.

[2]) Сопост. знакъ X табл. л. с. 1. 3 съ такимъ же начертаніемъ «А» въ позднѣйшемъ греческомъ и коптскомъ. R. Forrers Reallexikon. S. 715, Taf. 203. A. 1. 8 и 12 столб.; Taf. 202. 17—S. — См. Абамелекъ-князь Лазаревъ. Джерашъ. С.-Пб. 1897. Стран. 45, табл. XV. Шницеръ, Ист. письм. 142, 147 (zai). Гимьяр. 191 (ing).

[3]) Напримѣръ, табл. XI. 22. 6 и 24. 6; т. XII. Л. 16. 16 и т. I. XXXIII. 2. Этотъ знакъ на фигурѣ человѣка, см. т. VI. 3-й фиг. 8; см. лопарскія тамги, клейма Карфагена и Харацепа.—Т. VIII. V. 7. Этотъ же символъ у инковъ.

эти знаки имѣли большее значеніе, чѣмъ кресты прямой и лежачій; изъ нихъ предпочтеніе въ культѣ мертвыхъ имѣлъ лежачій крестъ. Причина, какъ намъ кажется, кроется въ томъ, что *два лежачихъ креста, поставленныхъ рядомъ*, образуютъ одинъ верхне-нижній знакъ — перекрещиваніе верхняго и нижняго угловыхъ знаковъ, а *два лежачихъ креста — одинъ подъ другимъ* — одинъ боковой перекрещивающійся знакъ. Всего лучше это можно увидѣть по камерѣ (cubiculum) одной римской катакомбы, съ гробницею (loculi) и фресками[1]). На рисункѣ Росси, мы обратили вниманіе на украшеніе простѣнковъ, не занятыхъ фресками, такъ называемымъ „рѣшетчатымъ" символическимъ орнаментомъ, въ которомъ, при бѣгломъ взглядѣ, можно удовольствоваться генезисомъ этого орнамента изъ римскихъ „десятокъ", т.-е. лежачихъ крестовъ. Но, сосчитавъ число римскихъ „десятокъ", по горизонту и вертикали, мы увидѣли, что ихъ по 4 въ ряду. Нижнія можетъ быть накрыты мусоромъ, стѣнка, видимо, оббита. Предоставляемъ интересующимся и могущимъ на мѣстѣ удостовѣриться и выяснить, и по прочимъ частнымъ случаямъ, преимущества того или другого варіанта перекрещивающагося символа. Для насъ ясно, на квадратъ изъ 16 лежачихъ крестовъ образуется 8 верхнихъ и 8 боковыхъ перекрещивающихся символовъ. При рѣшетчатыхъ символахъ слѣдуетъ брать во вниманіе не одни угловые символы, но и вышеотмѣченное значеніе перекрещивающихся угловыхъ символовъ. Изъ четырехъ поворотовъ этого символа важнѣйшимъ должно считать, конечно, относящійся къ небеснымъ божествамъ. Въ странѣ пирамидъ всего нагляднѣе видно подавляющее значеніе этого символа и его вліяніе на стиль архитектуры: пирамида — это подобіе 4-скатной палаткѣ, одной изъ древнѣйшихъ формъ жилища — гранями своими образуетъ 2 символа благословенія или покрова, перекрещивающіеся между собою, кромѣ того, надо имѣть въ виду и перекрещиваніе четырехъ скатовъ, отъ вершины пирамиды, имѣющихъ форму треугольниковъ. Не трудно убѣдиться, что символы у египтянъ вліяли не только на общую форму зданій, но и на стилизацію ихъ отдѣльныхъ частей, мебель, украшенія, орнаментъ. Мы ограничимся немногими общими ссылками, наиболѣе характерными[2]). Наиболѣе типичные примѣры означаемъ въ примѣчаніи у финикіянъ, грековъ и другихъ болѣе древнихъ народовъ Малой Азіи[3]).

Если бы въ центрѣ прямоугольника этого сложнаго символа (перекрещиванія угловыхъ символовъ) стояла точка, что мы видимъ, напримѣръ, въ правомъ столбцѣ, на 5-й строкѣ, въ 5-й фиг. слѣва, то символъ (простѣйшій или основной) усиливался бы внутреннимъ 4-стороннимъ символомъ и образованіемъ снаружи эмъ-символа, со всѣми четырьмя поворотами, но первое толкованіе намъ кажется и болѣе простымъ и болѣе правдоподобнымъ: точка можетъ въ замкнутой фигурѣ имѣть самостоятельное религіозное значеніе.

Невольно напрашивается сопоставленіе этого символа съ частью молитвеннаго знака среди клеймъ лопарей[4]), но тамъ символъ молитвеннаго обращенія къ землѣ

---

[1]) Rossi, «La Roma sotterranea cristiana». — R. Forrer. Reallexicon. 396, Fig. 289.

[2]) Perrot et Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité. Aegypte. I. 1882. — Лоренцъ. Орнаментъ всѣхъ временъ и стилей. С.-Пб. 1898 г.

[3]) II—VI томы. Hist. de l'art dans l'antiquité, Perrot et Chipiez.

[4]) T. IV. XIX. 3 и 4 и рис. XXII. 13. Румянц. музей, Этногр. отд. Табл. Кельсіева.

выраженъ раздвинутыми и поднятыми ногами, а символъ благословенія земли означенъ маленькимъ угломъ, надъ genitalia.

5. *Соединеніе простѣйшаго молитвеннаго символа съ косымъ крестомъ* — простѣйшимъ четырехстороннимъ молитвеннымъ символомъ (т. X. Л. I. 1, 2, 5 и 6). Понимать и толковать его, намъ кажется, возможно съ двухъ точекъ зрѣнія: 1) какъ сложный усиленный молитвенный символъ и 2) какъ молитву и благословеніе.

Въ первомъ случаѣ, простѣйшій символъ надо, можетъ быть, представить въ горизонтальной плоскости и его графическій поворотъ вверхъ надо понимать за обращеніе молитвы впередъ; но внутренній символъ, косой крестъ[1]), слѣдуетъ, въ то же время, представить въ вертикальной плоскости: четырехсторонній символъ молитвы, двигаясь впередъ, умилостивитъ всѣхъ боговъ и всѣхъ духовъ подземныхъ, надземныхъ и небесныхъ, находящихся въ сферѣ дѣйствія этихъ символовъ. (Сопост. табл. VIII. XVI р. 4. Флагъ и крестъ на наконечникѣ копья). Прочіе символы касаются остальныхъ странъ свѣта. При второмъ толкованіи, четырехсторонній символъ молитвы накрывается основнымъ символомъ благословенія, принятіемъ молитвы, дарованіемъ покрова.

Первое толкованіе находитъ подтвержденіе въ гербѣ или символѣ бога Шамашъ, изображеннаго на древне-вавилонскомъ цилиндрѣ (табл. VIII, 15. 4)[2]; разница только въ томъ, что символъ молитвы обращенъ къ знаку бога Шамаша, который передаетъ молитву высшему божеству. И въ разсмотрѣнномъ сложномъ символѣ, четырехсторонній символъ, образовавшійся изъ знака молящагося человѣка, можетъ также изображать божество, воспринимающее и передающее молитву далѣе — высшимъ божествамъ. Такимъ образомъ, разсмотрѣнный сложный символъ могъ служить гербомъ божества, изображеннаго на Бирскомъ петроглифѣ. См. этотъ символъ: въ орнаментѣ древняго бубна Минусинскаго музея (VIII табл. IV. 1[3]); на глиняныхъ горшкахъ изъ Венгріи (aus Hügelgäbern der ersten Eisenzeit in Oesterreich-Ungarn), M. Hoernes, Urgesch. Bild. K. Tafel XXII, Fig. 8, Text. S. 577, сопост. въ Босніи и Герцеговинѣ, Ibidem, XX Tafel, Fig. 7 Text S. 559—561; на вазахъ изъ Ормидіи и Іерусалима. Perrot-Chipiez, III, 711 (523), vase d'Ormidia et pag. 669 (478), vase de Iérusalem.

6. Лѣвый столб., 5 стр. — *удвоенный* (сверху) *основной молитвенный символъ*, только въ трехъ поворотахъ, при чемъ поворотъ влѣво замѣченъ во всѣхъ надписяхъ 2 раза,

---

[1]) Кромѣ вышеприведеннаго объясненія, почему косой и прямой крестъ удерживается, какъ символы, они могутъ быть произведены и отъ знаковъ молитвы. Прямой крестъ — поясная фигура человѣка съ распростертыми въ стороны руками, или стоящаго съ сдвинутыми ногами. Косой крестъ — сокращенный знакъ молящагося человѣка (См. рис. на стр. 318, фиг. 106 «Вс. Психол.», проф. И. А. Сикорскаго.) съ воздѣтыми кверху руками и раздвинутыми ногами. Символъ всегда является дробною частью замѣняемаго имъ цѣльнаго предмета, въ разсматриваемомъ примѣрѣ молитвеннаго знака: отбрасываются голова и туловище, какъ части тѣла, не принимающія никакого участія въ молитвенной символизаціи, — остаются, такимъ образомъ, однѣ руки и ноги. — Этотъ генезисъ разсматриваемаго символа, какъ намъ кажется, согласуется съ законами мышленія символами или отвлеченіями. Сопост. Д-ръ Аментъ, «Душа реб.», стран. 88. С.-Пб. 1908 г.

[2]) См. Шантепи-де-ля-Соссей и M. Ohnefalsch-Richter, LXXXIV. 3.

[3]) На финикійской вазѣ, на боку скачущей лошади, запряженной въ боевую колесницу, означены 4 double vé, обращенныя назадъ, т.-е. означающія дарованіе силы и твердости въ бѣгѣ 4 ногамъ животнаго (Perrot et Chipiez, Histoire de l'art. Г. III. 716. 528). Повидимому, 7-ю и 8-ю группу символовъ предназначали для надземныхъ божествъ, умилостивленіе которыхъ было важно и для путешественниковъ.

а вправо обращенный совсѣмъ не встрѣченъ. Есть основаніе предполагать, что этотъ сложный символъ примѣнялся, чаще всего, въ молитвѣ къ небу или солнцу и къ землѣ, при чемъ одинъ символъ можетъ означать молитву божества, помощь котораго вынуждается, можетъ быть, не только молитвою, но и жертвою, усиливающею молитву. Въ петроглифахъ, какъ мы видѣли, животныя, приносимыя въ жертву, нерѣдко символизируютъ молитву.

7. Правый столб., 9 стр.,— удвоенный (сбоку) основной символъ (W, double vé), правильнѣе эмъ—„M"—символъ, встрѣчается въ письменахъ только въ одномъ боковомъ поворотѣ, влѣво, въ строкѣ — впередъ обращенный. Этотъ же сложный символъ, но въ двойномъ начертаніи (правый столб. 11 стр. 1 и 4 знаки, считая слѣва) имѣетъ два поворота: вправо, влѣво; въ строкѣ — назадъ и впередъ[1]). Этотъ же символъ, нѣсколько стилизированный,—знакъ летящей птицы (правый столб. 9 стр. 2 и 3 знаки) встрѣчается въ двухъ поворотахъ: впередъ — назадъ или влѣво — вправо; въ двойномъ начертаніи — только одинъ поворотъ — впередъ. Весьма возможно, что эти начертанія имѣютъ одно значеніе, разница произошла отъ времени и склонности пишущаго къ тому, а не другому начертанію; сказанное можетъ быть примѣнимо и къ нѣкоторымъ другимъ группамъ начертаній. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что эти символы могутъ означать и благословеніе, тогда поворотъ символа обратный.

8. Правый столб., 9 стр., 5-й и 6-й знаки — *простѣйшій двухсторонній молитвенный символъ*, въ двухъ поворотахъ: влѣво и вправо, въ строкѣ — впередъ и назадъ. Въ начертаніяхъ и въ тамгахъ онъ не всегда симметричнъ, нерѣдко принимаетъ форму буквы Z (zède ouze). Въ таврахъ мы также не видимъ горизонтальныхъ поворотовъ этого двухсторонняго символа. Въ томъ же столбцѣ, ниже, на 11 строкѣ, 5-й и 6-й знаки, слѣва, удвоенное начертаніе того же символа. Этотъ символъ въ округленномъ начертаніи мы склонны видѣть на Бирскомъ петроглифѣ, по сторонамъ носовыхъ отверстій и по сторонамъ рта. Эти знаки отвлечены отъ совастическаго (6-й) и свастическаго (5-й) движенія.

9. Правый столб., 18 стр. — Символы, очень рѣдко употребляющіеся въ надписяхъ (всего 3 раза), ихъ цѣлесообразнѣе присоединить къ косому кресту: прибавка линій ограничиваетъ значеніе четырехсторонняго символа, превращая его въ двухсторонній. Встрѣчена нами, какъ тамга, на р. Абаканѣ, ближе къ вершинамъ его. Эти символы видимъ среди лопарскихъ и корельскихъ тавръ. Сопост. Perrot-Chipiez, VII. 173 (56).

10. Правый столб., 8 стр. сверху — скобки въ двухъ поворотахъ. Если это не соединительные или раздѣлительные знаки, то символическое значеніе ихъ равносильно группѣ 7-й, т.-е. примѣняющейся только къ надземнымъ божествамъ или духамъ. Скобки въ обратной постановкѣ, но несомкнутыя, отмѣчены, какъ тавро у кивинскихъ инородцевъ на Енисеѣ.

---

[1]) Сопост. съ начертаніями на боку лошади. Финик. ваза. Perrot-Chipiez, III, 717. 528. Ср. Forrers Reallex. 1907. 714 — 715, 202 — 203, строки 202, вторая снизу и 203, «S».

Весьма интересенъ сложный символъ, образующійся изъ соединенія скобокъ, лѣвый столб., 16 строка, сверху, — въ немъ выражена четырехсторонняя молитва. Встрѣчается какъ тамга (тавро) у инородцевъ на Енисеѣ, у ближнекаргинскихъ[1]).

Сочетаніе скобокъ въ готскихъ рунахъ (т. XI. 23. 12), варьированное въ алфавитѣ Ульфилы (j), также заслуживаетъ вниманія.

Правильнѣе ихъ разсматривать, какъ графическіе аналоги *угловымъ* символамъ, (см. выше, § 4, стр. 293) перекрещивающимся, въ позднѣйшемъ округленномъ начертаніи — тотъ религіозный символъ изображался пересѣченіемъ серповидныхъ линій[2]).

Скобки, какъ элементы символическихъ несомкнутыхъ начертаній, замѣчаются въ группахъ 3-й и 4-й строки праваго столбца.

11. Правый столбецъ, 5-я строка сверху, — 7 символовъ, частію, можетъ быть, и знаковъ защиты и огражденія. Кругъ — символъ божества, совершенства, вѣчности, но бываетъ и знакомъ солнца особенно съ точкою въ центрѣ. Овалъ можетъ быть знакомъ змѣи, бубна. Кругъ съ точкою посрединѣ — солнце, звѣзда, глазъ на петроглифахъ. Ромбъ — символъ молитвы и благословенія. Ромбъ съ точкою посрединѣ можетъ быть разсматриваемъ, какъ четырехсторонній символъ молитвы съ благословеніемъ со всѣхъ сторонъ. Этотъ символъ есть на Трифоновскомъ петроглифѣ (табл. VI, 2). Квадратъ — ограда. Четыреугольникъ, образованный вогнутыми наружу линіями, т.-е. 4 символами молитвы[3]): дуги вогнутыми наружу, но бейскій и бирскій и нѣкоторые другіе петроглифы указываютъ на амулетное замкнутое четырьмя благословеніями начертаніе.

12. Правый столбецъ, 6-я и 7-я строки. — Рѣдко употребляющіеся знаки покрова небесныхъ божествъ, наиболѣе типичны: въ 6-й строкѣ — 4-й, а въ 7-й — 1-й и 3-й.

13. Лѣвый столбецъ, 9-я, 10-я и 11-я строки. — Округленныя своеобразныя группы начертаній, негармонирующія съ преобладающимъ прямолинейнымъ стилемъ большинства буквъ енисейскаго алфавита. Эти группы кажутся намъ пришлыми, вошедшими въ алфавитъ уже въ позднѣйшее время. Поскольку отражается на нихъ вліяніе уйгурскаго, монгольскаго и другихъ алфавитовъ предоставляемъ судить спеціалистамъ. По отсутствію въ таблицѣ[4]) сходныхъ съ малоазійскими алфавитами начертаній, по округленности, есть основанія заподазривать въ этихъ типахъ енисейскихъ надписей индійскіе религіозные символы, — буддистовъ и ламаистовъ, но, къ сожалѣнію, въ литературѣ не удалось напасть на древнѣйшія и новѣйшія начертанія, хотя бы нѣкоторыхъ изъ наиболѣе важныхъ символовъ. Изъ группы 10-й строки сверху узловидные знаки, повидимому, вошли въ составъ символическаго ореола, окружающаго голову солнечнаго или надземнаго божества молитвы на Бирскомъ петроглифѣ (табл. VIII. XIV. 3).

---

[1]) Проф. Н. Ф. Катановъ. Изв. Каз. ун. № тамги 62 ближнекаргинская и № 14 тамга кивинская.

[2]) Сопост. «ing» въ англо-саксонскихъ рунахъ, варьянтъ аналогичнаго противопоставленія скобокъ въ «ger, yr» въ готскихъ рунахъ, въ гимiаритскомъ «S» (Forres R. L. 714. 202. 17).

[3]) Ср. табл. VIII, XIV рис., 2 фиг. Въ такой вогнутый четыреугольникъ включены концентрическіе круги, повидимому, символы глазъ, возносящихся къ небесному божеству-солнцу. (Бейскій могильный камень, т. VIII. XIV. 2.)

[4]) Прилож. табл. XIII.

Дальнѣйшее ближайшее разсмотрѣніе начертаній енисейскаго алфавита, особенно въ сравненіи его съ финикійскимъ и съ другими, не исключая и древне-еврейскаго алфавита, отражающаго на себѣ нѣкоторыя мимико-графическія начертанія гіероглифовъ, въ алфавитъ ихъ вошли и другіе религіозные знаки и символы, при чемъ, евреи несомнѣнно могли пользоваться еще болѣе древними (XV вѣкъ до Р. Х.) семитическими алфавитами. Сопоставляя древне-еврейскія буквы lamed (рогатина) и phe (ротъ) съ 2 гіероглифическими знаками (табл. XI. 8 и 9 гориз. и 11 съ 12 вертик.), мы не безъ основаній пришли къ заключенію, эти древне-еврейскія буквы могутъ означать древнѣйшія правила перстосложенія съ угловымъ символомъ или отставленіе большого пальца, при прочихъ сомкнутыхъ пальцахъ. Кромѣ означенныхъ гіероглифическихъ начертаній, мы предлагаемъ интересующимся обратить вниманіе на слѣдующія: на той же XI табл. 23. 1, 2 и 3, а также и на XII. 17. 1 и 2. Эти буквы видны и въ енисейскомъ алфавитѣ, см. табл. X, строку 9-ю лѣваго столбца, 6-й и 7-й знаки, считая слѣва. Но въ типахъ енисейскихъ начертаній правила перстосложенія представлены полнѣе: 4-й и 6-й указываютъ перстосложеніе для поднимаемыхъ вверхъ кистей рукъ, правой и лѣвой; 5-й и 7-й для опускаемыхъ кистей, лѣвой и правой рукъ.

Знаки 10-й строки, лѣваго столбца, означаютъ то же самое и разнятся, можетъ быть, только временемъ и пріемами начертанія; одного знака, для поднимаемой лѣвой кисти, недостаетъ.

На строкѣ 11-й, лѣваго столбца, 1-й и 2-й знаки, считая слѣва, могутъ означать положеніе кистей горизонтальное, съ тѣмъ же угловымъ символомъ въ перстосложеніи. Знаки 3-й и 4-й, той же строки, лѣваго столбца, означаютъ подъемъ лѣвой кисти и опусканіе правой; двухъ знаковъ недостаетъ, но они едва ли и нужны по культу рукъ: если лѣвая поднята, то правая должна быть поднята, безъ сомнѣнія.

3 знака на 9-й строкѣ, 1-й, 2-й и 3-й съ лѣвой стороны, повидимому, имѣютъ одинаковое значеніе,— относятся къ правой поднимаемой кисти. 2 послѣднихъ знака въ лѣвомъ столбцѣ, на 11-й строкѣ относятся къ кисти правой руки. Но эта группа еще нуждается въ дополнительныхъ параллеляхъ.

Но нѣкоторыя енисейскія петроглифическія начертанія, фигуры камлающихъ и пригоняющихъ жертвенныхъ животныхъ или животныхъ для освященія (для стадъ), нѣкоторыя арамейскія буквы (особенно „Teth“ III вѣка до Р. Х. и II вѣка послѣ Р. Х.), нѣкоторыя буквы индійскихъ алфавитовъ (особенно сингалезскаго и тэлугузскаго), нѣсколько буквъ грузинскаго и славянскаго алфавитовъ, сохранившихъ нѣкоторыя архаическія черты, даютъ указанія на то, что начертанія строки 11-й, лѣвой ст. X таблицы, могутъ означать рукоположеніе, а не перстосложеніе, что здѣсь можно видѣть символы, образовавшіеся чрезъ отбрасываніе чертъ шеи и головы. Возможно, что 2-й и 3-й символы строки 9-й, лѣвой ст. имѣютъ тотъ же графическій генезисъ. Но сущность вопроса о генезисѣ этихъ символовъ отъ языка движеній, несмотря на неполноту и неразработанность частностей въ объясненіяхъ нѣкоторыхъ изъ этихъ знаковъ, остается безъ перемѣнъ. Современемъ, при дальнѣйшей разработкѣ палеографическаго матеріала, по накопленіи дублетныхъ знаковъ и графико-этнографическихъ параллелей, разрѣшится и этотъ вопросъ, какъ и многія другія варіантныя заключенія.

14. Знаки молитвы или упрощенныя изображенія молящагося человѣка, съ нѣкоторыми отбрасываніями несущественныхъ для молитвы частей тѣла, съ выдѣленіями и подчеркиваніями существеннаго, съ нѣкоторыми начальными чертами отвлеченія или символизма, слѣдуетъ, какъ намъ кажется, собрать въ одинъ отдѣлъ, съ раздѣленіемъ на группы. Отмѣтимъ эти группы и представимъ нѣкоторыя разъясненія. А) 3 знака на 14-й строкѣ, праваго столбца — знаки молитвы, обращенной въ 1-мъ знакѣ, слѣва, къ небу, а въ двухъ послѣдующихъ къ землѣ[1]). Напомнимъ, что 2-мъ знакомъ выражено напутственное благословеніе умершему, уходящему въ землю, надземнымъ божествомъ, его сопровождавшимъ до могилы (табл. VIII. XIV. 3. 20). Кромѣ того, 1-й и и 2-й знаки (слѣва) входятъ въ составъ ореола бирскаго божества, противъ средней части головы (фигуры 11—14). Изъ группы на 10-й строкѣ лѣваго столбца, два послѣднихъ знака, считая слѣва, также относятся сюда же, т.-е. къ молитвамъ землѣ или благословенію земли. Можетъ быть, это и сложные знаки: опусканія рукъ и отставленія большихъ пальцевъ отъ ладоней. Напомнимъ, для сравненія, одинъ изъ знаковъ Копенскаго петроглифа (табл. VI, рис. 3-й, фиг. 5), въ немъ основной знакъ отставленія большого пальца перечеркнутъ, указывая опусканіе руки, съ тройственнымъ перстосложеніемъ. Изъ строки 15-й, праваго столбца, надлежитъ сюда же, въ группу А, взять послѣдній въ ряду знакъ молитвы, въ которомъ средняя линія (голова и шея) осталась; В) прочіе знаки, съ 1-го, слѣва, до 6-го, какъ символизирующіе не только рукоположеніе, но и перстосложеніе, должны образовать самостоятельную группу. Описаніе см. далѣе въ слѣд. § 15-мъ. Чтобы понять 2 знака молитвы на 16-й и одинъ — на 17-й строкахъ, праваго столбца, слѣдуетъ взглянуть на табл. VI, рис. 4-й, фиг. 19, 26 и 27, а также рис. 3-й на той же таблицѣ, фиг. 7 и 8, и особенно на т. VIII. I. 11, 12 и 14 фиг. петроглифическихъ начертаній. Сопоставивъ съ знаками XII табл. II. 18. 1 и 4; лѣвой стор. 5. 1—5 фигуры генезисъ этихъ знаковъ будетъ вполнѣ понятенъ. Взглянувъ на табл. XIII, въ строкахъ 11 и 25, мы увидимъ, что и эмъ и дубль-вэ — символы, отмѣчаютъ рукоположеніе, заимствованное изъ Малой Азіи. Навѣрное, лица, обстоятельно знакомыя съ молитвенною обрядностію буддистовъ и ламаистовъ, выскажутъ свои компетентныя соображенія, касающіяся этого вопроса, въ литературѣ малоразработаннаго. Знаки на 17, 19, 20 и 21 строкахъ, праваго столбца, слѣдуетъ отнести къ той же группѣ символовъ.

15. На правомъ столбцѣ[2]), на строкѣ 15-й, 6 знаковъ, справа, представляютъ большой научный интересъ, изображая не только поднятіе рукъ, но и перстосложеніе на одной рукѣ, при чемъ ладонь другой руки оставалась, можетъ быть, и сжатою въ кулакъ, какъ это видно на Копенскомъ петроглифѣ, табл. VI, рис. 5, фиг. 5 и рис. 6, фиг. 12, но, вѣроятнѣе, ладонь оставалась не сжатою, а просто въ горсти, съ примкнутымъ большимъ пальцемъ.

Д. Банзаровъ, относящій начало шаманства задолго до Р. Х., отмѣчаетъ и перстосложеніе у шамановъ, напримѣръ, соединеніе большого, указательнаго и средняго

---

[1]) 3-й знакъ, съ наклоненіемъ основной линіи (локтя и ладони), правильнѣе считать инымъ рукоположеніемъ но не «Gabelkreuz» (вильчатый крестъ), R. Forrer. Reallex. S. 424. См. т. XIV. 9. 8 и 9.

[2]) X таблица, П. 15.

пальцевъ [1]). Конечно, за такой промежутокъ времени, не могло не произойти значительныхъ измѣненій въ молитвенныхъ тѣлодвиженіяхъ, что должно было, такъ или иначе, отражаться сперва на религіозныхъ знакахъ и символахъ, а впослѣдствіи, и на типахъ буквенныхъ и идеографическихъ начертаній алфавита. Могли быть и замѣны однихъ знаковъ другими или въ существующихъ знакахъ дѣлались соотвѣтственныя графическія измѣненія, каковыя одними изъ пишущихъ могли немедленно приниматься, а другіе, при написаніи, могли держаться старыхъ буквенныхъ начертаній. Если бы молитвенный поворотъ къ извѣстной странѣ свѣта возможно было установить съ несомнѣнностью и если бы, въ этомъ направленіи, допустить неизмѣнность поворота при обращеніи къ небеснымъ и къ подземнымъ божествамъ, вообще, и при восходѣ и закатѣ солнца, и погребеніи и поминкахъ, и т. д. въ частности, то означаемое и въ буквенныхъ начертаніяхъ енисейскаго рунообразнаго алфавита [2]) перстосложеніе, повидимому, дѣлалось безразлично и правою и лѣвою рукою. Но, вспомнивъ о преобладающемъ положеніи покойниковъ въ мѣдный и бронзовый періоды головою къ востоку (съ лицомъ, обращеннымъ на западъ), мы должны допустить возможность отклоненій въ поворотахъ молящагося при молитвѣ. Вѣроятно, обращеніе на востокъ дѣлалось при молитвѣ къ небеснымъ богамъ, но при молитвѣ къ хтоническимъ божествамъ примѣнялось обращеніе лицомъ на западъ. На перстосложеніе, при раскопкахъ кургановъ въ Минусинскомъ округѣ, повидимому особаго вниманія не обращалось. Только у одного акад. В. В. Радлова [3]) мы нашли вполнѣ

---

[1]) Д. Банзаровъ. Черная вѣра. С.-Пб. 1891. Стран. 43.

[2]) Къ разсмотрѣнію табл. X, строки 15, праваго столбца, (шесть знаковъ слѣва). Эти типы въ надписяхъ, какъ символы, указываютъ на необходимость въ инструкціи о раскопкахъ кургановъ внести означеніе не только положенія рукъ, но, по возможности, и перстосложенія каждой руки.

[3]) Aus Sibirien. II. VII гл. В. В. Радловъ. Сибирскія древн. Пер. гр. А. А. Бобринскаго, стран. 11, „Голова къ востоку. Наклоненіе ея на бокъ могло быть случайно. Руки вытянуты вдоль туловища, а большіе пальцы *подняты* кверху“.

Представимъ нѣсколько параллелей, въ библіографическихъ ссылкахъ на рисунки, гдѣ, при молитвенныхъ жестахъ рукъ, большой палецъ замѣтно отставленъ отъ ладони и гдѣ нетрудно, задавшись вопросомъ, какъ нарисованное изобразить въ простѣйшемъ линейномъ знакѣ, и разрѣшить этотъ вопросъ.— G. Perrot et Ch. Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité.— Египетъ. Т. I. 64 стран. 44. Горусъ (линейное означеніе при начертаніи спереди, неминуемо будетъ крестообразно; при начертаніи сбоку; получится типичный руническій знакъ). 154 рис. Фигуры въ пирамидіонѣ; 159 рис. (жесты плакальщицъ) 45 стран. 33. Руки боговъ, благословляющихъ Аменофиса III; 701 стран. 472, погребальный танецъ, свастика и совастика. II томъ, Халдея и Ассирія, стран. 64, рис. 8 — рука благословляющаго или увлажающаго священное дерево божества; 80 рис. руки жреца, касающіяся жертвенника (при линейномъ начертаніи, съ боку, поясной знакъ будетъ подобенъ k (ka) — символу, въ арійскомъ поворотѣ).— III томъ. Fig. 281, 291, 375, 375, 379, 417, 381, 882 (сравни съ рукоположеніемъ Венеры Медицейской и друг. под. прилож. табл. VIII, XXIII рис. 2 или Гнѣдичъ, «Ист. иск.» 3-е изд. I т., стран. 176, рис. 208). 329, 458; 555, 380, 381, 382 и предыдущія подобныя фигуры женщинъ, „сжимающихъ“, по Перро, свои груди, въ дѣйствительности же, по показанію символа, перстосложеніемъ и изгибомъ рукъ въ локтяхъ, означающихъ жестами жертву Венерѣ, ср. съ рис. Анагиты, въ „Исторіи религій“ Шантепи-де-ла-Соссей, II т., стран. 192, рис. 35. У Перро изъ отмѣч. статуй наиболѣе поучительна (для линейнаго означенія руко-и перстосложенія) статуэтка изъ слоновой кости. Въ III же томѣ Перро интересна фигурка молящагося, какъ бы отдающаго честь по военному, 329, 458; въ IV т. Перро укажемъ еще молящагося воина, на стран. 88, р. 87.

«Иллюстр. исторія религій», сост. Д. П. Шентепи-де-ля-Соссей. М. 1899 г. I т., стран. 119, рис. 19, изгибъ рукъ и перстосложеніе душъ-птицъ Озириса и Горуса; на рисункѣ есть и другіе символы, обращаемъ вниманіе на простѣйшій символъ благословенія или покрова и на 3 цѣпи лучей, исходящихъ изъ солнца къ землѣ; стран. 129, рис. 23-й, руки души Озириса и Анубиса и іероглифъ молитвы, въ верхнемъ ряду

опредѣленное и весьма важное указаніе на религіозную символизацію кистью руки: поднятый вверхъ большой палецъ съ остальными сложенными пальцами образуетъ молитвенный символъ, обращенный въ данномъ случаѣ на западъ, къ странѣ смерти. Это фактическое основаніе, подкрѣпленное въ примѣчаніи нѣсколькими библіографическими указаніями на весьма отдаленную древность, несомнѣнно доисторическую, выраженія благоговѣнія, почитанія, молитвы, благословенія, даетъ намъ нѣкоторыя основанія отнести къ этой же группѣ начертаній еще слѣдующія. Типы въ письменахъ, означенные на 23 и 25 строкахъ разсматриваемой таблицы, надлежитъ присоединить къ разсматриваемой группѣ символовъ кистью руки и пальцами. На перстосложеніи знаковъ 15-й строки, праваго столбца, 2-го и 3-го, это ясно видно[1]). Въ молитвенныхъ знакахъ и эти символы существовали навѣрное ранѣе, чѣмъ попали въ типы буквенныхъ начертаній енисейскаго алфавита.

іероглифическихъ начертаній, надъ концомъ верхняго крыла души Озириса,— двѣ руки съ поднятыми вверхъ большими пальцами, сравненіе съ интересующими насъ начертаніями, покажетъ намъ разницу въ генезисѣ четырехъ символовъ древнѣйшаго перстосложенія. Локоть и плечо отброшены, какъ не относящіеся къ этому спеціальному знаку: начертаніе означило ладонь и отставленный большой палецъ. Въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ мы не видимъ надобности. Стран. 146, рис. 29. Руки муміи Сутимозу, держащія душу: одна рука символизируетъ, а другая, держащая душу, съ согнутою ладонью. Предлагаемъ смотрящему представить себѣ и лѣвую руку также символизирующею, т.-е. совершенно подобною правой, затѣмъ, предлагаемъ превратить рисунокъ ладоней съ поднятыми пальцами въ знакъ, въ линейное начертаніе рисунка, получимъ начертаніе древне-еврейской буквы Kaph (К повернутое въ обратную сторону), что значитъ — ладонь, правильнѣе „ладони". Хотя названіямъ буквъ, какъ и названіямъ родовыхъ знаковъ, знаменъ, бортныхъ знаковъ, клеймъ, тавръ, тамгъ и т. д. никоимъ образомъ нельзя придавать рѣшающаго значенія, но, въ данномъ случаѣ, повидимому, мы имѣемъ дѣло съ исключеніемъ. Галеви (Halévy, Melanges d'epigraphie semitique, стран. 168), сторонникъ передѣлки или видоизмѣненія основныхъ начертаній, на основаніи чисто графическихъ соображеній, между прочимъ, производитъ начертаніе kaf отъ двухъ gimel (греч. gamma), приставленныхъ другъ къ другу верхними концами. Въ своемъ мѣстѣ мы выскажемся, на какихъ основаніяхъ мы не можемъ согласиться съ теоріею происхожденія алфавитовъ, предложенную Галеви, здѣсь же мы категорически выскажемся противъ графическаго произвола, который онъ неудачно старается поддержать фонетическимъ родствомъ звуковъ, но въ данномъ случаѣ мы на его сторонѣ, даже съ графической точки зрѣнія: онъ правъ — знакъ двухъ ладоней съ отодвинутыми большими пальцами дѣйствительно образовался изъ знака, точнѣе символа, одной ладони. Для изображенія буквы взятъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ *готовый* религіозный символъ, символъ молитвы или благословенія, выражаемый кистью руки. Внѣ всякаго сомнѣнія, и этотъ символъ, какъ и всѣ прочіе графически сложился задолго до изобрѣтенія алфавита. Разъ въ культѣ установился молитвенный символъ, производимый кистью руки и отведеніемъ большого пальца, сперва это зарисуется, потомъ это молитвенное дѣйствіе означится самымъ упрощеннымъ образомъ, затѣмъ, начнется обычное выдѣленіе существенной для этого отвлеченія части тѣла: символъ является послѣднимъ слѣдомъ дробныхъ реакцій. Остается, въ концѣ концовъ, кисть: отбрасывается, какъ нѣчто несущественное, ея ширина, но удерживается ея большая, сравнительно съ пальцемъ, длина. Молитвенная символизація кистями рукъ выражена, по нашему мнѣнію, въ слѣдующихъ типахъ и группахъ въ енисейскихъ письменахъ, на строкахъ 12-й и 13-й праваго столбца и на строкахъ 21, 22, 23, 24 и 25-й лѣваго столбца. Объясненія въ текстѣ.

Стран. 159, рис. 33. Шу, Кеба и Нутъ. Много интересующихъ насъ знаковъ. Останавливаемъ вниманіе: іероглифъ глаза (у ногъ Нутъ и Кеба) съ рукою, согнутою въ локтѣ и съ молитвеннымъ символомъ, образуемымъ ладонью и большимъ пальцемъ. Древне-вавилонскій цилиндръ. Стран. 183, рис. 34. Поклоненіе Шамашъ. Стран. 192, рис. 36. Поклоненіе Сину. Древне-вавилонскій цилиндръ. Греки. Стран. 265, рис. 46. Мойры. Стран. 298, рис. 57. Гіеродулы (правая фигура).

[1]) При поднятіи обѣихъ рукъ, въ этомъ перстосложеніи видно различіе, въ *наклонѣ* основной линіи, и 6-й знакъ 15-й строки, правый столбецъ, по сопоставленію съ *третьимъ* знакомъ, 14-й строки, праваго же столбца, указываетъ на важность этого руко- или перстосложенія; въ тамгахъ такія начертанія и ихъ комбинаціи встрѣчаются (напримѣръ, табл. XI. 19—4; 20—2; 21—2 и мн. др.).

Въ предшествующихъ (строки 23 и 25 слѣва) символахъ молитвеннаго отведенія большаго пальца отъ ладони, въ начертаніяхъ, можно думать, остается часть локтя. При дальнѣйшемъ же отвлеченіи, въ символическомъ начертаніи должна остаться только ладонь и отставленный палецъ, что, по нашему мнѣнію, и означалось символомъ, изображенномъ на 24 строкѣ (лѣвый столбецъ) въ поворотѣ къ верху, къ небу; обращеніе этого же молитвеннаго символа къ землѣ, къ подземному божеству, означено опусканіемъ ладони внизъ, на 22 строкѣ въ (лѣвомъ же столбцѣ). Одно начертаніе этого символическаго перстосложенія (для обращенія его къ небу (большой палецъ влѣво) и одинъ указатель этого же вида молитвеннаго обращенія къ землѣ. Почему только два знака? Почему не четыре? Случайность это или разсчетъ? Ладони, какъ видимъ у всѣхъ народовъ, всегда обращаются къ чествуемымъ божествамъ. Принявъ это, мы видимъ, — верхній символъ относится къ правой рукѣ; нижній, замѣчательно, при томъ же поворотѣ ладони, относится къ правой же рукѣ. Представимъ себѣ аборигена, современника этой разновидности перстосложенія, стоящимъ предъ нами лицомъ къ востоку. Интересующій насъ символъ молитвы вверхъ, къ небеснымъ божествамъ или къ одному изъ нихъ, *правою* рукою, онъ сдѣлалъ и потомъ далъ *тою же* рукою, *съ тѣмъ же* поворотомъ ладони къ востоку, молитвенный символъ къ подземнымъ божествамъ. Возможно ли такое религіозное противорѣчіе? Возможно ли одновременно молиться небу и землѣ, свѣту и тьмѣ? Возможно ли ввѣрять себя двумъ діаметрально противоположнымъ мірамъ божествъ или духовъ? Возможно ли, посвятивъ часть своего тѣла, — поднятую правую руку и кисть руки небу, опустить ее и молитвенными символами выразить какъ бы готовность отдать ее землѣ?

16. Такіе вопросы овладѣли нами, когда мы впервые замѣтили такое отступленіе отъ культа *правой* руки, до уясненія себѣ правилъ поворота.

Такіе религіозные жесты съ одинаковымъ перстосложеніемъ намъ долго казались непонятнымъ противорѣчіемъ, но мы считали необходимымъ ихъ себѣ уяснить, и обратились сперва къ исторіи религій[1]).

Намъ могутъ возразить, что это вопросъ не этнографическій, а богословскій, рѣшеніе котораго надо предоставить спеціалистамъ. Не споримъ, окончательное рѣшеніе — да, но болѣе вѣроятное предварительное заключеніе на стадіи практики культа развѣ не возможно? Какихъ бы преобладающихъ философскихъ схемъ мы ни держались въ предварительныхъ представленіяхъ о религіи составителей разсматриваемаго рунообразнаго алфавита, намъ казалось, мы должны бы найти желаемые отвѣты по обсуждаемымъ ритуальнымъ особенностямъ.

Въ дуализмѣ мы видѣли объясненіе, но культъ рукъ, правой и лѣвой, намъ казался недопускающимъ такой размашистой жестикуляціи.

Гегель отнесъ бы культъ стоящаго предъ нами аборигена Енисея къ религіи природы, къ переходной стадіи отъ непосредственной религіи (чародѣйства) къ раздвоенію сознанія въ самомъ себѣ, т.-е. къ религіи субстанціи.

---

[1]) Ип. ист. религій. Д. П. Шантепи-де-ля-Соссей. М. 1899. 1 т.

Фонъ-Гартманъ мало помогъ бы намъ. При бѣгломъ знакомствѣ, по нѣмымъ графическимъ матеріаламъ, къ которымъ, какъ ко всякому новому научному взгляду, надлежитъ отнестись болѣе скептически, мы склонились бы къ переходу натуралистическаго генотеизма къ его человѣкоподобному одухотворенію, но до эстетическаго его облагороженія. Болѣе обстоятельное ознакомленіе съ матеріалами, касающимися культа, указываетъ на нѣкоторую систематизацію генотеизма. Нѣкоторыя параллели склоняютъ къ началамъ натуралистическаго монизма египтянъ. Но если бъ представители всѣхъ поколѣній прото-аборигеновъ Енисея, начиная со второй половины палеолитическаго періода, весь неолитическій періодъ, съ начала металлическаго періода, и кончая самостоятельною желѣзною эпохою на Енисеѣ, могли, чередуясь, свершать предъ нами разнородные молитвенные обряды, за длинный рядъ вѣковъ ихъ генезиса, эволюціоннаго развитія и разныхъ постепенныхъ въ нихъ измѣненій, — мы могли бы наглядно убѣдиться въ участіи религіозныхъ символовъ въ образованіи и дальнѣйшемъ развитіи алфавита, долгое время остававшагося обособленнымъ, предоставленнымъ самому себѣ, мирно отмѣтившимъ не только многія измѣненія въ внутреннемъ и внѣшнемъ культѣ, но и регрессъ культа, яснѣе выраженный въ петроглифическихъ начертаніяхъ[1]). Въ бронзовую стадію культуры религія, по Гартману, поднималась, можетъ быть, на Енисеѣ до супранатурализма, приближаясь, до нѣкоторой степени, до отвлеченнаго монизма, съ началами идеалистической религіи спасенія, съ слѣдами акосмизма, а, можетъ быть, и абсолютнаго иллюзіанизма (буддизма).

Тиле привелъ насъ къ признанію за культомъ протоаборигеновъ и аборигеновъ Енисея значительныхъ колебаній въ его эволюціонной шкалѣ религій, начинающихся съ полидемонически-магической религіи съ господствомъ анимизма, подвергшейся нѣкоторымъ очищеніямъ и организованности, пройдя политеизмъ съ обожаніемъ людей и животныхъ, а также и поклоненіе существамъ, имѣющимъ человѣческія формы, но сверхчеловѣческое могущество, и существамъ полуэтическаго характера, т.-е. антропоморфическій политеизмъ, и заканчивающихся приближеніемъ къ этическимъ религіямъ, какъ къ національнымъ номистическимъ (браманизмъ), такъ и всемірнымъ (буддизмъ) религіознымъ обществамъ. Перебирая памятники изобразительнаго искусства мѣдной и бронзовой эпохъ Минусинскаго округа и соприкасающейся съ нею Приуральской Чуди, а также принявъ во вниманіе положеніе древняго и современнаго шаманства, и по Тиле, регрессъ въ культѣ на Енисеѣ, и притомъ, съ значительными хронологическими и этнографическими амплитудами колебанія, несомнѣненъ.

Зибекъ поставилъ бы религію протоаборигеновъ и аборигеновъ Минусинскаго края на довольно высокую степень религіи нравственности, первоначальное же заимствованіе, по имѣющимся теперь даннымъ, отнесъ бы къ древнѣйшимъ культурамъ Малой Азіи, остановивъ вниманіе на регрессивномъ метаморфозѣ и въ культическихъ вѣрованіяхъ и въ молитвенномъ ритуалѣ, въ которомъ остались лишь малозамѣтные слѣды, нѣкогда широко распространеннаго символизма.

---

[1]) Въ позднѣйшихъ петроглифахъ, писанныхъ красною краскою, замѣтно даже нѣкоторое религіозное одичаніе (и довольно значительное).

Вспомнивъ, наконецъ, и анимизмъ, какъ представилъ его Тэйлоръ, т.-е. въ широкомъ смыслѣ плодотворнаго философскаго ученія, генезисомъ связавшаго большинство религій и культуръ, безъ всякаго стремленія поставить вмѣсто разнороднѣйшихъ религій и всѣхъ культическихъ вѣрованій анимизмъ, въ чемъ иногда обвиняютъ Тэйлора его противники, обратившись и къ фетитизму, мы не нашли объясненій нарушеній обрядности въ рукоположеніи правой и лѣвой руки.

Не нашли мы отвѣта и въ религіи народовъ, находящихся въ такъ называемомъ естественномъ состояніи.

Намъ кажется, на какой бы ступени религіознаго развитія ни стояли аборигены Енисея эпохи рунообразнаго алфавита, изъ какихъ бы заимствованій не вытекали ихъ противоположныя молитвенныя обрядности, намъ необходимо было найти хотя предварительное объясненіе, обоснованное, до нѣкоторой степени, на этнографическихъ данныхъ, не выжидая вполнѣ компетентныхъ заключеній спеціалистовъ по интересующему насъ графическому недоразумѣнію. Въ литературѣ о религіяхъ и культахъ мы не могли нигдѣ найти подробныхъ и вполнѣ обстоятельныхъ указаній на тѣлодвиженія, жесты и перстосложенія, при различныхъ молитвахъ, предъ разными божествами этихъ религій, и при одновременномъ выраженіи имъ богопочтенія.

Но обращеніе къ теоретическимъ опредѣленіямъ и къ общей характеристикѣ догматической или миѳической стороны религіи и не могло намъ помочь въ разрѣшеніи кажущихся противорѣчій въ нѣкоторыхъ деталяхъ ритуала, — кромѣ указанія на дуализмъ, проходящій красною нитью и въ древнѣйшихъ первобытныхъ культахъ. Въ генезисѣ и ходѣ эволюціи самой религіи и ея исторіи есть своеобразное противорѣчіе: логическій генезисъ, какъ извѣстно, рѣзко расходится съ историческимъ или съ этнографическимъ. Человѣчество начало религію, какъ и языкъ, съ конца логическаго генезиса, т.-е. съ практики. Предметы поклоненія воспринимались человѣкомъ безсознательно — были объектами, такъ сказать, контактными: причинности и взаимоотношенія предметовъ и явленій не выходили изъ ближайшаго концентра, его окружавшаго. Наступившее общеніе съ божествами сводилось къ выраженію имъ мимическихъ знаковъ, сперва вниманія, а потомъ уже и богопочтенія, затѣмъ, и къ принесенію имъ даровъ, жертвъ и, наконецъ, къ требованію отъ божествъ взамѣнъ жертвъ благодѣяній, — do ut des, являлось своего рода догматомъ и предъ богами вначалѣ предстательствовали однѣ *священныя жертвенныя животныя*.

Языкъ движеній признанъ общимъ для всего человѣчества, казалось бы и долговременное храненіе его въ культѣ должно бы быть общеизвѣстнымъ фактомъ, между тѣмъ, ритуальная сторона, особенно первобытныхъ религій, излагается, въ большинствѣ случаевъ, въ общихъ выраженіяхъ и не иллюстрируется въ желаемыхъ размѣрахъ ни фактическимъ ни графическимъ матеріаломъ. Письмо культа, рисунки, знаки, конкретографы, сигнографы, символы, шрифтографы и линейныя начертанія, имѣющія такую глубокую древность и такое широкое распространеніе, обходятся или не затрагиваются, вслѣдствіе неразработанности, даже въ спеціальныхъ сочиненіяхъ о древнѣйшихъ религіяхъ. Неужели „disciplina arcani“ такъ ревниво хранилась, что древніе писатели-спеціалисты не оставили ничего и попытка установить

важнѣйшія молитвенныя тѣлодвиженія древнихъ можетъ быть сдѣлана только по обще-литературнымъ произведеніямъ, касавшимся этихъ вопросовъ совершенно случайно и отрывочно[1]). Пластическіе и графическіе памятники заслуживаютъ спеціальной разработки въ этомъ направленіи, научное значеніе такого труда навѣрное будетъ широко и глубоко: что оно выйдетъ изъ узкихъ рамокъ современной исторіи искусства и базируется, въ концѣ концовъ, на этнографіи, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

17. На вышеизложенныхъ основаніяхъ, мы хотя и высказываемся противъ опусканія правой руки, съ поворотомъ ладони, къ чествуемому божеству и относимъ нижній символъ кисти (изображенный на 22 строкѣ лѣв. столбца) къ *лѣвой* рукѣ, съ полнымъ поворотомъ или полуоборотомъ ладони *назадъ* (на западъ, предположительно говоря), но, продолжая графическій анализъ енисейскихъ буквенныхъ начертаній и производя такое же разсмотрѣніе родовыхъ знаковъ и знаковъ собственности, мы будемъ отмѣчать знаки языка движеній, согласно начертаніямъ, какъ своего рода предметнымъ явленіямъ,— вещественнымъ даннымъ, надъ которыми придется еще много поработать.

Обзадачившее насъ опусканіе правой руки, впослѣдствіи, при накопленіи графическихъ матеріаловъ, можно сказать, выяснилось на культѣ солнца: при восходѣ его, рука поднималась, простираясь къ нему, при закатѣ, опускалась, обращаясь *и къ землѣ*, въ которую солнце какъ бы погружалось, *и къ солнцу*, чтобы оно вернулось. И въ этомъ графическомъ указаніи (о немъ будетъ сказано въ слѣдующей VII главѣ) мы нашли практическое разъясненіе, почему *правая* рука, вопреки культу правой руки, можетъ быть опущена и внизъ (какъ бы къ землѣ): жестъ дѣлается при поворотѣ лицомъ къ западу (и къ смотрящему).

Допустивъ поворотъ на западъ, остающіеся неизмѣнными знаки укажутъ, что поднималась съ указаннымъ перстосложеніемъ и лѣвая рука, опускалась правая, но мы видѣли серьезное противорѣчіе въ знакахъ 23 и 25 строки (лѣв. столб.), ранѣе разсматривавшихся какъ символы перстосложенія, тогда какъ къ нимъ, можетъ быть, правильнѣе примѣнить боковой поворотъ фигуры, придавъ имъ и значеніе соотвѣтственныхъ руническихъ знаковъ. Кстати, эти прямостоящіе знаки слѣдуетъ выдѣлить, соединивъ въ особую группу.

Такъ какъ, по всей вѣроятности, молитвенные знаки строки 15-й, праваго столбца, считая слѣва: 2-й, 3-й, 4-й и 6-й, означаютъ положеніе рукъ съ тройнымъ перстосложеніемъ, то, для облегченія изученія, лучше образовать отдѣльную подгруппу молитвенныхъ символическихъ жестовъ при особомъ *тройномъ* перстосложеніи, и поставить рядомъ знаки рукоположеній съ отставленнымъ большимъ пальцемъ.

Въ виду уже полученныхъ указаній на строгое соблюденіе, при молитвѣ, культа правой и лѣвой руки, знаки относятся къ двумъ поворотамъ, и на востокъ и на западъ, но съ молитвенными знаками для *обоихъ* этихъ культовъ. Возьмемъ, сперва,

[1]) Quomodo veteres adoraverint. Dissertatio et coet. E. Voullieme Borussus. H. 1887. Весьма желателенъ подобный трудъ и по древней скульптурѣ, исполненный историкомъ искусства — этнографомъ, пріемлющимъ всю совокупность эволюціи искусства.

культъ правой руки: примемъ 3-й знакъ, 15 строки п. с. соотвѣтствующимъ дѣйствительности, то, въ виду бустрофедонныхъ поворотовъ письма, знаки эти, будучи религіозными, *остаются въ сущности одними и тѣми же*, поворотъ же обусловливается только перемѣнностію въ направленіи движенія молящагося, шедшаго сперва впередъ (на востокъ) и повернувшаго назадъ лицомъ (на западъ). Допустимъ, что молящійся, въ дѣйствительности, повернулся къ намъ лицомъ, но мы не замѣтили этого, тогда подъемъ правой руки мы сочтемъ за подъемъ лѣвой. Графическій поворотъ знаковъ и обусловливаемая имъ бустрофедонность строкъ — явленіе чисто этнографическое, несомнѣнно подчиняющееся религіозному смыслу знака.

Два знака (25 строка лѣв. столб.), очень трудныхъ для пониманія, безъ цѣлаго ряда разнородныхъ параллелей, если ихъ предположительно принять за спеціальные знаки тройного перстосложенія, также придется отдѣльно относить къ востоку и къ западу, но слѣдуетъ обратить особое вниманіе на внизъ опущенный знакъ съ тройнымъ перстосложеніемъ: опять онъ *одинъ* для правой и лѣвой руки, что, при наличности вышеотмѣченной свастики и совастики (см. выше § 3-й), какъ бы подтверждаетъ два поворота, при молитвенномъ культѣ, къ востоку и западу, но, повторяемъ, рѣшеніе многихъ графическихъ деталей въ зависимости отъ накопленія соотвѣтственныхъ этнографическихъ матеріаловъ. Въ двойномъ перстосложеніи, 22 и 24 строки лѣваго столбца указываютъ, какъ дѣлать эти молитвенные символы, обратясь и къ востоку и къ западу, направляя ихъ соотвѣтственными руками и поворотами ладоней вверхъ и внизъ, къ землѣ и къ небу. Символъ 24-й строки, лѣваго столбца, обращенный отъ насъ, впередъ, т.-е. на востокъ, должно дать правою рукою, при молитвенномъ обращеніи къ западу, поворотъ знака (см. и особый поворотный знакъ, табл. XIV, гориз. 5, верт. 6), съ соотвѣтственнымъ положеніемъ большого пальца, можетъ быть данъ только лѣвою рукою. Символъ строки 22-й, лѣваго столбца, ясно показываетъ, что, стоя лицомъ къ востоку, въ одномъ изъ основныхъ свастическихъ положеній, молитвенное обращеніе внизъ и назадъ съ соотвѣтственнымъ поворотомъ ладони, можно (при поднятой правой рукѣ) сдѣлать только лѣвою рукою; при поворотѣ молящагося на западъ, обращеніе ладони къ землѣ и на востокъ можетъ быть сдѣлано только правою рукою (см. XIV табл. 5. 2; сопост. Forrers, Real. L. 716. 546).

Отбросивъ оріентировку по западу и востоку, мы сразу замѣтимъ облегченіе, въ пониманіи культа рукъ, почему мы и подозрѣваемъ, что сложныя религіозныя движенія, выражаемыя свастическими и совастическими знаками едва ли связаны съ культомъ солнца, съ странами свѣта, свершаясь предъ жертвенниками или стеллами.

Обращаемъ вниманіе на строку 10-ю, табл. XIII сходныхъ начертаній[1]).

На 13-й строкѣ, праваго столбца, два знака мы принимаемъ за начертанія двойного перстосложенія, сдвинутые вмѣстѣ, они могутъ означать образованіе горсти. Положеніе большихъ пальцевъ символа, повидимому, ясно означаетъ этотъ жестъ, конечно, ладони при немъ могутъ быть болѣе или менѣе раскрываемы. Обращеніе къ низу, къ земнымъ божествамъ, дѣлалось, можетъ быть, и на западъ, а большее

---

[1]) Сопост. Reallex. R. F. Taf. 201 и 203, gimel, gamma и lambda.

или меньшее поднятіе сдвинутыхъ ладоней дѣлалось только при поворотѣ на востокъ, или при обращеніи къ небу.

Но эти знаки (13 строки, пр. ст.) могутъ быть показателями и скрещиванія локтей у кистей рукъ, при чемъ большіе пальцы плотно сдвинутыхъ кистей должны принять указанное положеніе: такое смыканіе рукъ есть основаніе допускать вверху (надъ или предъ головою) и внизу.

Одновременные молитвенные символы для правой и лѣвой руки при двойномъ перстосложеніи, означенные для двухъ поворотовъ, восточнаго и западнаго, имѣютъ форму двухъ прямолинейныхъ „крюковъ", такъ они зачастую и называются въ знаменахъ, клеймахъ, таврахъ и тамгахъ. Въ правомъ столбцѣ, на 12-й строкѣ, 1-й знакъ слѣва относится къ западному повороту и указываетъ, что вверхъ должно поднять кисть съ отставленнымъ большимъ пальцемъ лѣвой руки, а 2-й знакъ, обращаемый къ востоку, отмѣчаетъ поднятіе правой руки и опусканіе лѣвой, съ поворотомъ ладони назадъ. 3-й, крайній, справа знакъ, лишній — онъ, повидимому, дублетъ 2-го знака, разница только въ округленіи молитвеннаго нижняго знака, обращеннаго къ небу.

Можетъ быть этимъ выгибомъ хотѣли означить поворотъ рукъ, отмѣченный для туловища молитвенными знаками на строкѣ 3-й, лѣваго столбца (3-й и 4-й слѣва), которые, какъ увидимъ далѣе, могутъ относиться только къ молитвенному ритуалу съ двойственнымъ перстосложеніемъ.

18. Для послѣдовательности и для облегченія въ усвоеніи сложной молитвенной символизаціи аборигеновъ Енисея алфавитнаго времени, слѣдуетъ разсмотрѣть сперва своеобразную группу молитвенныхъ знаковъ. См. строки лѣваго столбца, той же X табл., съ 17-й по 21-ю включительно. Всѣ эти знаки указываютъ поднятія и опусканія рукъ, не одновременныя, а отдѣльныя и поочередныя, повидимому, съ сомкнутою ладонью, безъ указанія на перстосложеніе.

Выдѣлимъ знаки легкіе по начертанію: 4 молитвенныхъ знака для каждой руки отдѣльно, примѣрно, при слѣдующемъ изгибѣ руки — плечевая кость удерживается почти горизонтально, локтевая, и вверхъ и внизъ, почти подъ прямымъ угломъ. См. знаки строки 17-й (оба), и еще, на строкахъ 18-й и 19-й первые знаки (по одному слѣва, изъ каждой строки). Изучимъ внимательно эти руновидные поясные знаки: вертикальныя линіи означаютъ туловище и голову, ломаныя линіи — руки. Попутно и для параллели, обратимъ вниманіе и на прочіе знаки: они уже могутъ быть названы символами, потому что они дробныя части предыдущихъ: означеніе ранѣе головы было нужно, чтобы съ плечомъ и локтемъ дать символъ и графически, здѣсь (18 и 19 строки лѣв. столбца, 2-й[1]) и 3-й знаки, считая слѣва) вертикальная линія уже символъ, знаки рукъ, точнѣе — простѣйшіе молитвенные символы (угловые), означены вверху и внизу этой вертикальной линіи. Должно думать, что этотъ знакъ относится и къ позднѣйшему изгибу рукъ, когда кисть была наравнѣ съ плечомъ. Продолжимъ отступленіе, мы видимъ въ этомъ необходимость: оно будетъ намъ нужно для объясненія происхожденія свастики и совастики, иначе поклонники этого разносто-

[1]) См. 12 строку, табл. XIII сходныхъ начертаній. — Forrer R. I. Taf. 202 и 203, строки «N» и «п».

ронне понимаемаго символа могутъ отнестись къ такой попыткѣ слишкомъ скептически. Мы видѣли символы для каждой руки отдѣльно, взглянемъ на символы-показатели поочереднаго поднятія обѣихъ рукъ, съ небольшими промежутками, для восточнаго и западнаго поворота, т.-е. для подъема вверхъ правою и потомъ лѣвою рукою, въ отдѣльности, относящіеся къ только что разсмотрѣннымъ символамъ. Эти знаки находятся на строк. 20-й и 21-й, стоятъ они послѣдними справа, каждый изъ этихъ символовъ даетъ указаніе на поднятіе и опусканіе рукъ для восточнаго и западнаго поворотовъ. Верхній символъ намъ говоритъ: обратясь лицомъ къ востоку, или, ставъ передъ небеснымъ божествомъ, подними сперва правую руку и потомъ символизируй молитву землѣ, кончивъ, опусти обѣ руки и повернись лицомъ къ западу; подними лѣвую руку и несразу опусти правую. 2-й символъ 21-й строки лѣв. столбца уже не требуетъ объясненій.

Перейдемъ къ оставшимся тремъ символамъ-показателямъ поочереднаго поднятія и держанія обѣихъ рукъ на молитвѣ. Знаки эти находятся на 20-й строкѣ, лѣваго столбца, 1-й и 2-й, считая слѣва (второй дублетный, съ несущественной варіаціей въ начертаніи), и на 21-й строкѣ, того же столбца, 1-й знакъ слѣва. Послѣ предшествующихъ объясненій, они не представятъ затрудненій. Надлежитъ, впрочемъ, обратить особое вниманіе на означеніе туловища: вѣроятно, оно не сгибается, молящійся, при этихъ двухъ формахъ молитвы, безъ назначенія перстосложенія, не сгибаетъ туловища, стоитъ прямо.

За исключеніемъ отмѣченныхъ въ примѣчаніи, прочіе знаки, повидимому, вошли въ алфавитъ позднѣе, дорогою.

19. Теперь можемъ продолжать интересную и нелегкую для усвоенія форму молитвы съ символомъ двойственности въ перстосложеніи. Въ культѣ аборигеновъ Енисея мѣдной и бронзовой эпохи и въ религіозной обрядности этотъ видъ молитвы занималъ несомнѣнно первенствующее мѣсто, какъ и у тѣхъ древнихъ народовъ, отъ которыхъ онъ заимствованъ. Молитва съ символомъ троичности въ перстосложеніи, повидимому, занимала не такое видное мѣсто.

Древнѣйшая, какъ намъ кажется, разновидность этой формы молитвы изображена на 15-й строкѣ, праваго столбца, 1-мъ и 5-мъ знаками, считая справа. Держась прежняго предположительнаго способа оріентировки, въ 1-мъ знакѣ, обращенномъ на востокъ, правая рука съ отведеннымъ отъ ладони пальцемъ, поднята вверхъ безъ изгиба, также поднята и лѣвая рука, но безъ перстосложенія[1]). 5-й знакъ устанавливаетъ обрядность молитвы при поворотѣ на западъ: обѣ вытянутыя руки должны быть подняты вверхъ, перстосложеніе двойственности сдѣлать только на одной правой рукѣ. На петроглифахъ (табл. VI, рис. 5, фиг. 5 и рис. 6, фиг. 12) утолщеніе въ концѣ руки какъ бы указываетъ на сжатіе ее въ кулакъ или образованіе плотно сжатой, пригоршни другая же кисть, въ одномъ случаѣ, съ растопыренными пальцами, а въ другомъ ладонь вытянута, съ сдвинутыми пальцами. Сопоставляя пока-

[1]) Беря только рукоположеніе, то разсматриваемое — тождественно съ означеннымъ буквеннымъ начертаніемъ (14. пр. 1) рукоподнятія безъ отставленія большого пальца и вообще безъ перстосложенія.

занія петроглифовъ Енисея[1]) и одинаковыя показанія ликійскаго (т. XIII. Лик. I) и кипрейскаго (древнѣйшаго слогового, т. XI. 14. 9), возникаетъ предположеніе, которое, конечно, нуждается въ дальнѣйшей этнографической провѣркѣ и въ параллеляхъ. Мы пока имѣемъ въ виду одну, — это архаическая греческая статуя молящагося увѣнчаннаго побѣдителя на олимпійскихъ играхъ и другая, позднѣйшая, молящагося предъ состязаніемъ юношу. Одинъ сигнализируетъ благодарственную молитву, а другой — просящую молитву, руки обѣ какъ бы ждутъ подаянія — дарованія силы, удачи и т. д.

Не было ли въ разсматриваемой формѣ молитвы чего-либо подобнаго, то-есть, рука, съ отставленнымъ большимъ пальцемъ, не служила ли внѣшнимъ выраженіемъ богопочтенія, благодаренія за прежнія благодѣянія, вообще — молитвы въ тѣсномъ смыслѣ слова, можетъ быть, и соединенной съ жертвоприношеніемъ, другая же рука, въ болѣе или менѣе горстеобразномъ сложеніи, символизировала ожиданіе дара за молитву или жертву. Вѣроятнѣе, что въ послѣднемъ видѣ держались кисти рукъ, относительно перстосложенія которыхъ не сдѣлано указаній въ начертаніяхъ надписей. Эту форму молитвы слѣдуетъ считать болѣе древней, чѣмъ послѣдующая, особенно съ осложненіями съ изгибами туловища вправо и влѣво. Форму молитвы съ тройственностью въ перстосложеніи надлежитъ признать или современною съ нею или нѣсколько позднѣйшею. Самою позднѣйшею формою молитвы, отмѣченною въ письменахъ, должно считать форму, означенную въ строкѣ 19-й, праваго столбца[2]), а также на 16 и 17[3]) строкахъ, того же столбца: культъ правой руки въ знакахъ линейныхъ, повидимому, уже отсутствуетъ, но въ рисункахъ на вазахъ онъ виденъ.

Древнѣйшими формами молитвы мы считаемъ означенныя знаками на строкахъ 1, 2 и 14 (первые два знака слѣва), праваго столбца.

Анализируя начертанія молитвенной обрядности при перстосложеніи съ символомъ двойственности или угла, мы находили необходимымъ подробнѣе изложить свои соображенія и заключенія о символахъ доисторическихъ и, во всякомъ случаѣ, до-алфавитныхъ. Изложивъ правила этой молитвы на Енисеѣ, мы попутно, по имѣвшимся даннымъ, выяснили правила этой молитвы въ Малой Азіи и сочли полезнымъ, не только представить этнографическія параллели, но и разъяснить на этомъ примѣрѣ вліяніе внутренней символизаціи впечатлѣній на внѣшнюю графическую символизацію, на накопленіе и модификацію знаковъ тѣлодвиженій и жестовъ, задолго до открытія возможности означать звуки человѣческой рѣчи. Намъ казалось, что подробное разсмотрѣніе правилъ молитвы съ однимъ этимъ перстосложеніемъ принесетъ свою долю пользы въ будущемъ, при дальнѣйшей разработкѣ вопроса о до-алфавитныхъ символахъ.

Наличность молитвы съ символомъ двойственности, при сопоставленіи съ петроглифическими указаніями на могильныхъ камняхъ приводитъ насъ къ увѣренности, что троичность также символизировалась перстосложеніемъ. Въ знакахъ молитвы, которые отмѣчены выше (табл. X, прав. столб., 15 строка, фиг. 2, 3, 4 и 6, слѣва),

---

[1]) См. прилож. II таблицы, I рис. 2 и 3 фиг. дугообразное начертаніе рукъ. Сопост. тутъ же, символъ рукоположенія въ двѣ дуги (по типу XII. П. 19. 7). Табл. I, XXIV рис. I. М. А. Кастренъ.

[2]) Reallex. R. F. S. 825, Taf. 245. 4. Dipylon-Vesenfragment aus Tirins. — Perrot-Chipiez. Tome VII. P. 166. 48. Fragm. d'un vase du Dipylon.

[3]) См. прил. табл. XIII, строка 25. Кипръ. Надписи, см. L. Cesnola, Cypern.

мы усматриваемъ теперь тройственное перстосложеніе. Сравнимъ знакъ двойственнаго перстосложенія съ тройственнымъ, т.-е. 1-й знакъ, слѣва, со вторымъ: черточка, означающая, въ первомъ случаѣ, отставленный большой палецъ (правой руки, держась прежней оріентировки), немного удлинена и пересѣкла линію руки для означенія отодвинутаго отъ ладони мизинца, одного или вмѣстѣ съ безымяннымъ пальцемъ. Тройственность перстосложенія отмѣчена на петроглифахъ, на что въ свое время мы обращали вниманіе[1]).

Мы увѣрены, что впослѣдствіи, при нахожденіи новыхъ матеріаловъ и параллелей къ нимъ, многіе изъ вышепоставленныхъ вопросовъ окончательно выяснятся.

20. Теперь перейдемъ къ изложенію самой сложной изъ молитвенныхъ обрядностей, указанныхъ идеографическими, сочетательными и частію символическими знаками въ рунообразныхъ письменахъ Енисея.

Просимъ взглянуть еще разъ на молитвенную обрядность относительно символизированія двойственности или, что болѣе вѣроятно, углового символа[2]) отставленіемъ большого пальца отъ ладони (12 строка праваго столбца, 1 и 2) одновременно двумя кистями рукъ и вспомнить ранѣе сдѣланныя объясненія. Относительно кистей рукъ мы имѣемъ указанія, но какъ держать руки, какъ двигать ими? Нѣтъ ли при этомъ какихъ-либо особенностей въ движеніи рукъ, нѣтъ ли какихъ-либо другихъ тѣлодвиженій? Среди енисейскихъ буквенныхъ начертаній есть 6 знаковъ[3]), отвѣчающіе на поставленные вопросы, и мы имѣемъ возможность, до извѣстной степени, установить почти всю внѣшнюю обрядность интересной разновидности молитвы съ одновременнымъ обращеніемъ двумъ божествамъ и съ угловыми символами, и на поднимаемой и на опускаемой рукѣ.

Заключительными знаками — указателями движеній рукъ и туловища явились извѣстныя разновидности свастики и совастики (см. выше, п. 3), но не въ наиболѣе извѣстныхъ и типичныхъ формахъ, а въ древнѣйшихъ ихъ прототипахъ.

На 3-й строкѣ лѣваго столбца, 1-й и 2-й начальные поясные знаки (по №№ таблицы), основные и бустрофедонные, для этой молитвы; при движеніи по круговой линіи, съ вращеніемъ вокругъ себя, дѣлаются и бустрофедонными, другъ для друга, знаками.

---

[1]) Табл. VI, 3.7 и 4.26; табл. VII, 4.2 и 15 рис.

[2]) Значеніе этого символа въ бытѣ и культѣ грековъ можно уяснить себѣ на слѣдующихъ рисункахъ на черно-фигурныхъ вазахъ, Reallex. R. Forrer; S. 75, F. 59; S. 127, F. III; S. 399. Tafel 103. Здѣсь есть примѣры рукоположенія, нами разсматриваемаго, и въ бытовой жизни.

[3]) Inscript. de l'Jenissei. Société Finland. d'Archéol. Types dans les insriptions. Отдѣльная таблица. См. табл. X, 3-ю строку лѣваго столбца. Знаки рекомендуемъ отмѣтить слѣдующими латинскими буквами: надъ 2-мъ знакомъ слѣва краснымъ карандашомъ поставить S, надъ 4-мъ, — A, надъ 6-мъ — U, надъ 1-мъ знакомъ, желтымъ карандашемъ — S, надъ 3-мъ знакомъ U и надъ 5-мъ — A, т.-е. 2-й, 4-й и 6-й знаки трехъ фазъ совастики — sauvastika, а знаки: 1-й, 3-й и 5 й будутъ свастическимъ рядомъ — svastika. Это будутъ №№ фазъ движенія. Чтобы облегчить запоминаніе, сообщимъ, что первая пара знаковъ относится къ восточному молитвенному повороту, а вторая — къ западному. — Изъ таблицы О. Доннера, помѣщенной въ Inscr. de l'Orkhon, на стран. XL, видимъ новые два знака, составляющіе продолженіе вышеотмѣченныхъ. Эти знаки прибавлены на этой таблицѣ, они означены и на табл. XIII. 4. 15 и 16. Такимъ образомъ, эта разновидность молитвы, также въ двухъ поворотахъ — свастическомъ и совастическомъ — представлена въ трехъ фазахъ: начальной (знаки 1-й и 2-й), средней (знаки 3-й и 4-й) и конечной или предѣльной (5-й и 6-й).

2-й знакъ слѣва означаетъ предполагаемый нами восточный поворотъ, т.-е. впередъ (отъ смотрящаго) лицемъ, выразившійся ясно *культъ правой руки* склоняетъ къ такому заключенію, согласующемуся съ принятою оріентировкою. 1-й знакъ слѣва — бустрофедонный поворотъ того же знака[1]), т.-е. съ поднятіемъ той же правой руки: бустрофедонный знакъ является псевдо-свастикою (pseudo swastica). Но былъ и лѣвый культъ свастики, начинавшійся обращеніемъ на востокъ или *западъ*, съ вращеніемъ вправо. Это обозначено 2-мъ же знакомъ, слѣва, съ обращеніемъ назадъ, или 1-мъ знакомъ, — на востокъ. Чтобы сразу понять вторую фазу, выраженную двумя парами совастико- и свастико-видными гіерограммъ, слѣдуетъ 3-й и 4-й знаки, а также и 5-й и 6-й знаки, представить себѣ расположенными надъ или подъ первою основною парою знаковъ, сообразуясь съ движеніемъ *на востокъ* или *на западъ* и обращая вниманіе на нагибаніе линіи туловища въ соотвѣтственныя стороны. Знаки XIV табл., перенесенные нами и на табл. X, лѣв. ст. 5 и 6, означаютъ почти невозможное: черта туловища горизонтальна. Намъ кажется, что молитвенная свастическая и совастическая обрядность изображена шестью этими знаками ясно, но надо не забывать, что знаки только поясные и проектированы на одной отвѣсной плоскости. Надо представить человѣка вращающимся то вправо, то влѣво и въ то же время движущимся по круговой, спиральной, эсовидной, зетовидной или по меандровой линіи. Предлагаемъ рисунки на таблицахъ: XII. Л. с. 6. 11—13; 7. 1—4 и 13; 16. 21; 17. 8. в. л., 18 и 21; 18. 5. 18, 19, 20 и 21; XIII. 30—32 и XIV. 11—16. И если мы позволяемъ себѣ привести отрывокъ изъ доалфавитнаго служебника, то только для того, чтобы все было ясно, а, главное, чтобы избѣжать затрудненій и недоразумѣній.

„Стать лицемъ къ востоку. Поднять правую руку и въ то же время опустить лѣвую“, какъ указываютъ знаки: плечевыя кости должны быть почти горизонтальны, локти же — отвѣсны. Символъ угла или двойственности надлежитъ дать перстосложеніемъ, согласно знакамъ, его изображающимъ. Далѣе надо изгибать туловище влѣво, какъ означено, охватывая символами молитвы, образуемыми тѣломъ и его членами, возможно большее пространство на небесахъ, на землѣ и подъ землею, чтобы умилостивить и склонить къ помощи возможно большее число боговъ и богинь. Кружась влѣво, двигаться навстрѣчу солнцу. Молитва западнымъ или надземнымъ божествамъ совершается обратно, начинаясь съ подъема лѣвой руки.

Культъ лѣвой руки, при обращеніи на западъ, выражается, повидимому, безъ противорѣчій, какъ и на восточномъ поворотѣ, при соотвѣтственномъ нагибаніи туловища къ сѣверному румбу; при вращеніи и движеніи на западъ, конечно, подавалась впередъ лѣвая рука, при поворотѣ на востокъ — обратно. Но сторона неба, съ враждебными людямъ темными божествами, возбуждала большія опасенія, чѣмъ югъ, на которомъ такъ высоко поднимается солнце. Возможно допускать въ ритуалѣ нѣкоторыя

---

[1]) Въ стилѣ Дипилонъ нерѣдко замѣчается такая условность: означеніе головы кругомъ, съ бѣлымъ кружкомъ въ срединѣ (иногда съ однимъ глазомъ) показываетъ, что лицо фигуры обращено къ смотрящему, если же вся голова означена чернымъ пятномъ, то это означаетъ поворотъ лицомъ впередъ. Это кое-гдѣ замѣчается и на петроглифахъ Енисея. Вслѣдствіе двухъ свастическихъ культовъ и перемѣнности знаковъ, при правомъ и лѣвомъ вращеніи, этотъ пріемъ здѣсь не примѣненъ. Уясняя координацію движеній черный и бѣлый кружочки не лишнее означать.

незначительныя тѣлодвиженія, которыя не поддавались графической передачѣ и которые передавались по традиціи, усваивались наглядно. Напримѣръ, возможно допускать при этой молитвѣ и нѣкоторое нагибаніе туловища назадъ, чтобы охватить движущимися молитвенными символами возможно большее пространство.

Такъ какъ символизирующія руки и кисти ихъ, опущенныя къ землѣ, должны находиться впереди, для воспріятія соотвѣтственными богами предназначенныхъ для нихъ символовъ, то внизу, въ обоихъ поворотахъ, движенія рукъ оканчивалось надъ genitalia. На это обстоятельство насъ заставила обратить вниманіе извѣстная оловянная фигура обнаженной женщины, которая найдена Шлиманомъ въ третьемъ неолитическомъ городѣ Трои[1]) и финикійское происхожденіе которой признается многими компетентными археологами. Если совастика, наложенная надъ ея genitalia, не перевернута при срисовываніи или гравированіи[2]), то она, оріентируясь отъ статуэтки, наложена ея правою рукою по странамъ свѣта, благодарственная молитва вознесена лѣвою рукою, при движеніи на западъ — поклоненіе хтоническому божеству весьма вѣроятно. Оріентировку, по статуѣ и даже, какъ кажется, по копенскому петроглифу, слѣдуетъ принять лицомъ къ смотрящему, но рѣшить вопросъ о поворотѣ категорически пока невозможно: эта статуэтка, въ свою очередь, могла быть оріентирована къ статуѣ божества, которая не могла быть поставлена лицомъ къ востоку. Вѣроятнѣе, эта статуэтка изображеніе богини: и рукоположеніе не свастическое.

По мѣсту нахожденія, конечно, слѣдуетъ обратиться не къ культу Астарты, а къ культу Деметры, матери-земли, царицѣ умершихъ, охранительницѣ положенія замужнихъ женщинъ, богинѣ, имѣвшей этическое и политическое значеніе[3]). Разсматриваемую статуэтку мы склонны считать принадлежностію или предназначеніемъ къ погребальному культу; тогда кружечки вокругъ свастики могутъ означать число дѣтей обладательницы этого амулета или могутъ имѣть и другое (жертвенное) религіозное значеніе, какъ это нерѣдко наблюдается въ древнихъ начертаніяхъ.

Но предшествующее заключеніе наше условно, — оно обосновано на предположеніи, что енисейскіе свастическіе и совастическіе знаки тождественны по начертанію и по значенію въ культѣ, но это болѣе, чѣмъ сомнительно. Это вытекаетъ изъ того факта, что самый ритуалъ свастики и совастики и самыя начертанія этихъ сложныхъ религіозныхъ движеній (рукоположеній, перстосложеній, изгибанія туловища, вращенія тѣла вправо и влѣво, движеніе въ одну сторону и другую) подвергались на мѣстѣ заимствованія эволюціи, а во время движенія и на Енисеѣ, и регрессу или разложенію, — кромѣ того, надо имѣть въ виду и накрываемые культы и мѣстныя различія.

Начертаніе на Енисеѣ, несомнѣнно, поясное, и одна линія остается прямою, не

---

[1]) H. Schliemann. Ilios. L. 1881, s. 380.—Дерпфельдъ относитъ 2-ю Трою къ 2500—2000 годамъ, до Р. Хр., 6-й городъ (Гомера) между 1500—1000 гг. Нидерле-Анучинъ, Челов. въ доисторич. времена. С.-Пб. 1898 г. Стран. 253—254.—Hist. swastyki, p. M. Zmigrodskiego, табл. I, фиг. 1.

[2]) Ср. H. Schliemann, Ilios, S. 380 (226) и M. Ohnefalsch-Richter, Kypros, S. 151 (149). Начертаніе совастики различно.

[3]) Исторія религій Шантепи-де-ля-Соссей. М. 1899 г., стран. 248 и 279. — См. «Kypros» Ohnefalsch-Richter, S. 151, Fig. 150. Та же совастика, что и на локтяхъ наложена у мужчины на *лѣвомъ* плечѣ. Поворотъ головы соотвѣтствуетъ вращенію.

подвергаясь болѣе или менѣе значительнымъ эсо-виднымъ изгибамъ, что даетъ основаніе принять ее за знакъ туловища: она только переходитъ изъ отвѣснаго положенія въ горизонтальное[1]).

Здѣсь же, обѣ линіи (z — зэтъ и s — символы) изогнуты прямолинейно, и мы эти линіи имѣемъ основаніе принять за слѣдующую фазу графическаго отвлеченія, то-есть вмѣсто отброшенныхъ изгибовъ туловища, для означенія того же изгибанія взяты 2 знака рукоположенія; перекрещенными между собою: см. табл. XII. лѣвой стороны 6 строка: 11, 12 и 13 фигуры и 7 строка: 1, 2, 3, 4 и 13 фигуры. Въ нашей пояснительной (приложенія табл. XII. л. с. 7. 1, 2 и 3) схемѣ мы взяли даже три перекрещиванія — три фазы поворота — какъ это сдѣлано въ енисейскихъ болѣе архаичныхъ начертаніяхъ свастики и совастики.

Мы позволимъ себѣ означить и предполагаемое „circumactio religiosa", которое въ древности несомнѣнно дѣлалось[2]), и которое здѣсь намъ кажется даже неизбѣжнымъ.

Но графическая эволюція свастики и совастики, повидимому, на перекрещиваніи линій рукоположенія не остановилась. На плотнооблегающемъ рукавѣ *лѣвой* руки статуи[3]), къ несчастію не найденной, вышита совастика, т.-е. та же разновидность, что и на разсмотрѣнномъ троянскомъ идолѣ. Замѣчательно, что рука согнута прямолинейно и большой палецъ отставленъ.

Если перекрещивающіеся совастическіе знаки понимать, какъ два перекрещивающихся символа рукоположенія въ начальномъ и конечномъ положеніи, то *поднятою должна быть правая рука.*

Остается одно: генезисъ этой можетъ быть греко-римской позднѣйшей графической формы совастики отнести къ перекрещиванію двухъ крюковидныхъ показателей отставленія большого пальца, въ отвѣсномъ начальномъ и конечномъ горизонтальномъ положеніи, тогда совастическіе крюки (въ енисейскомъ алфавитѣ, табл. X, пр. ст. 12. 1 и 2, линія ладони и большого пальца образуютъ острый уголъ) будутъ означать поднятіе съ отставленнымъ большимъ пальцемъ лѣвой руки и опусканіе правою рукою.

На схемѣ табл. XII. л. 18. 20 и 21, видно, что нагибаніе туловища при совастикѣ (какъ и на енисейскихъ знакахъ) будетъ отъ лѣвой руки *къ правой* (беря верхнюю дугу).

Но кромѣ совастическаго на рукавѣ есть еще знакъ, напоминающій сегнерово колесо, но дуги, конечно, не служатъ показателями движенія дуговидныхъ трубокъ отъ истеченія жидкости, а указываютъ направленіе истеканія воды: оказываемое движеніе въ горизонтальной плоскости, т.-е. вращеніе туловища должно свершаться отъ правой руки къ лѣвой (беря верхъ окружности), т.-е. навстрѣчу солнца, какъ это, по Плинію[1]), предпочиталось въ обѣихъ Галліяхъ.

---

[1]) Древнѣйшую форму троянскую см. у M. Zmigrodskiego, «Hist. swastyki», таблица I, фиг. 1.

[2]) Voulliem. Dissert. Quomodo veteres adoraverint. Halle 1887 г. стран. 11—13. Мнѣніе Плутарха, какъ умершаго жрецомъ, намъ кажется, заслуживающимъ вниманія, хотя онъ, если бы не *disciplina arcani*, могъ бы сказать гораздо болѣе. Мы предполагаемъ, что лѣвое вращеніе, навстрѣчу солнцу, примѣнялось на утреннихъ чествованіяхъ божествъ, а правымъ вращеніемъ начинались послѣполуденныя и вечернія поклоненія.

[3]) См. табл. VIII, рис. XIV, фиг. 10 Музея Оксфордскаго университета. Поясненія къ ней на XII табл. л. с. 18. 20 и 21.

[4]) См. E. Voulliem. Quod in laevum fecisse Galliae religiosibus credunt. Стран. 12.

Что свастика и у грековъ имѣла связь съ символомъ двойственности или угла, можно видѣть въ раздвоеніи и даже вильчатости на концахъ линій свастики. Убѣдиться въ этомъ легко даже при бѣгломъ просмотрѣ рисунковъ къ обширнымъ трудамъ Шлимана; убѣдительныхъ примѣровъ можно найти очень много[1]). Типична форма съ Гасарлика, взятая Жмигродскимъ эпиграфомъ и подчеркнутая имъ на стран. 11 его работы. Вильчатость съ намекомъ на начало молитвеннаго подъема правой руки небу съ символомъ двойственности въ перстосложеніи поучительна на пряслицѣ изъ Трои, срисованная на табл. I, рис. 41. Молитва начиналась видимо съ обращенія къ небеснымъ божествамъ, а заканчивалась передъ хтоническими божествами.

Что эта молитва приносилась не единожды, а многократно, выражалась въ длинномъ рядѣ быстрыхъ тѣлодвиженій, соединенныхъ съ краткими остановками въ назначенныхъ молитвенныхъ позахъ, предъ странами свѣта, предъ жертвенниками, предъ статуями боговъ или просто предъ камнями, столбами и другими знаками божествъ, что эта молитва могла быть общественнымъ религіознымъ танцемъ, въ которомъ въ извѣстные праздники могли участвовать и оба пола, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Въ такомъ случаѣ, пѣніе и музыка являются не только наилучшими хранителями ритма, но и надежнѣйшими дисциплинирующими средствами.

Указаніе на то, что на берегахъ Средиземнаго моря этотъ видъ молитвы, соединенной съ поворотами, изгибами туловища, вращеніемъ рукъ и другими усиленными движеніями, перешелъ въ танецъ, мы видимъ и въ графическомъ означеніи: на берегахъ Енисея оно остановилось на знакахъ, на Средиземномъ же морѣ оно поднялось до символа, въ которомъ „движеніе“ ученые уже давно считаютъ существеннымъ признакомъ. Эта сложная молитва на Енисеѣ ясно раздѣляется на 4 парныхъ фазы: двѣ неподвижныхъ, требующихъ остановки на мѣстѣ въ указанной двумя знаками позѣ; двѣ подвижныя фазы исходятъ изъ первыхъ, осложняются изгибами туловища въ различныя стороны, вращеніемъ рукъ и переходнымъ движеніемъ ко 2-й неподвижной фазѣ и т. д. (Танецъ камлающихъ шамановъ свастическій). Символъ финикійскій или греческій образовался обычнымъ способомъ отбрасыванія несущественныхъ частей (означеніе головы и части туловища) и отставленіемъ и соединеніемъ частей тѣла, имѣющихъ въ молитвѣ наибольшее знаменательное значеніе.

Такимъ образомъ, показатель движущейся фазы молитвы изъ знака превратился въ символъ; предшествующая форма означенія сохранилась и на Кипрѣ и въ Илліонѣ, но она нерѣдко маскируется наложеніемъ на концы линіи, означающей туловище, крюковъ-указателей перстосложенія и обращенія ладоней въ противоположныя стороны, согласно культамъ рукъ.

21. Мы увѣрены, троянскія и другія напряслица Малой Азіи, Греціи, острововъ и вообще побережья Средиземнаго моря, въ недалекомъ будущемъ будутъ подвергнуты спеціальной обработкѣ, и онѣ вполнѣ этого заслуживаютъ: онѣ помогутъ окончательно выяснить значеніе древнѣйшихъ знаковъ, символовъ и разныхъ сложныхъ начертаній,

---

[1]) См. труды: Ohnefalsch Richter. «Kypros»; M. Hoernes, Urgeschichte der Bild. Knust. IV книга, бр. А. и L. Cesnola и мн. др.

изрѣдка нечуждыхъ стилизаціонныхъ и орнаментныхъ попытокъ, въ которыхъ, такъ или иначе, должны отражаться особенности культа и детали молитвенныхъ обрядностей. Общее число ихъ, украшенныхъ и неукрашенныхъ, будетъ около 20000 экз. Съ начертаніями можетъ быть около 8—10 тысячъ. Большой, многообѣщающій и нетронутый еще матеріалъ[1]).

Твердою неотразимою для самихъ боговъ вѣрою въ силу не только молитвенныхъ тѣлодвиженій, но и ихъ начертаній, вѣетъ отъ этихъ напряслицъ. Есть основаніе приписать женщинамъ изобрѣтеніе этой, можетъ быть, первой молитвенной машины, приводившейся въ движеніе ихъ богомольными руками вмѣстѣ съ веретеномъ[2]); ихъ дѣти, навѣрное, воспользовались и водою и вѣтромъ для благодатнаго воздѣйствія на боговъ при помощи вращающихся на колесахъ знаковъ, символовъ и разныхъ молитвенныхъ формулъ, не утруждая себя слишкомъ частымъ *произношеніемъ* молитвъ, что, какъ видно, и не входило въ практику культа. Ламаисты, съ ихъ многочисленнѣйшими и разнообразными молитвенными машинами, не могутъ претендовать на первенство въ этомъ направленіи[3]).

Самое бѣглое предварительное разсмотрѣніе рисунковъ пряслицъ показало намъ, что для означенія перстосложенія и направленія ладоней были и отдѣльные знаки, но жрецы и ихъ старались превратить въ гіерограммы, дѣлая, напримѣръ, перекрещиваніе[4]) такихъ же знаковъ, какіе мы уже разсмотрѣли выше, въ типахъ начертаній въ енисейскихъ рунообразныхъ надписяхъ. (X табл. 12 стран. прав. столбца.)

Есть другая разновидность свастики, также со встрѣчными концами, но ее правильнѣе производить отъ прямого креста. Это интересная переходная форма отъ знаковъ къ символу[5]): она произошла отъ знаковъ-показателей неподвижныхъ фазъ разсматриваемой молитвы[6]), прямостоящая черта означаетъ туловище, а свастико-

---

[1]) Въ одномъ 3-мъ городѣ Трои Шлиманъ нашелъ болѣе 18000 экз. Ilios, L. 1881, S. 470. — Iulie Schlemm. Worterbuch zur Vorgeschichte. Berl. 1908. Spindelsteine. S. 558. 560. Spindel und Spinn Wirt. Обстоятельныя указанія по литературѣ и по рисункамъ. — R. Forrer. R. Lex. S. 754. B. St. 1907.

[2]) Ср. рисунки: Нидерле-Анучинъ, стран. 90, 167, 569; Тайлоръ, Антропологія, стран. 245; Schoolcraft, Ant. from New-York and S. Carolina, 37, IV т.

[3]) H. Schliemann. Atl. des antiqu. Troyennes. P. 1874. Ilios. P. 1887. p. 404. Orchomenos. Mycene, P. 1879. — Cesnola. Cypern. Iena 1879. Salaminia. London. 1884. 364. Табл. XCII, XCIII, XCIV. — Жмигродзкій, Zmigrodskiego, Hist. Swastyki, табл. I. — Нидерле-Анучинъ, Чел. въ доистор. времена. М. 1898 г. стран. 167. — Шантепи-де-ля-Соссей, М. 1899 г., стран. 117, II тома. — Энц. Слов. 33. 71 стран.

[4]) Разновидность свастики съ встрѣчными изгибами концовъ, см. римскую цифру X съ наружными отворотами концовъ. H. Schliemann, – L. Cesnola, Kr. Goblet-d'Alviella (Migrations des Symboles), Hist. swastyki Zmigrodzkiego, табл. I, фиг. 8, 42 и 44.

[5]) Эта разновидность свастики, вмѣстѣ съ типичными формами свастики и совастики, встрѣчаются среди знаменъ сибирскихъ инородцевъ XVII вѣка, именно у березовскихъ остяковъ. Н. Н. Оглоблинъ. Записки Уральск. Общ. любит. естествознанія. 1891—1892, т. III, в. 1—2. Табл. рис., фиг. 50 (38, 39, 14 и 27). — Шаманы, при камланіи, танцуютъ свастику, держа въ поднятой лѣвой рукѣ бубенъ.

[6]) См. табл. X строка 3-я, лѣваго столбца; первые два знака слѣва. Тождественная 2-му знаку разновидность свастики Шлиманомъ была найдена въ Троѣ, въ *неолитическомъ городѣ*, на глубинѣ 14 метр. Держась Дерпфельда, этой древнѣйшей изъ свастикъ должно быть около 3500—4000 лѣтъ до Р. Х. — Свастика на золотой коронѣ египетской царевны Кэнумиты, IV или III дин. еще древнѣе (Раскопки Моргана). 5000 лѣтъ до Р. Х. Revue Archeol. 1895 г. Mars-Avril. — H. Schliemann. — Atlas des ant. Troyennes, P. 1874. 30. 47. 119. — Zmigrodskiego, Hist. swastyki, odb. z. t. V «Wisly», стран. 14, рис. I, 1.

видно изогнутая устанавливаетъ правила изгиба и подъема рукъ. Черта туловища незнаменательная — вспомогательная часть знака для рукъ, ею и воспользовались для помѣщенія на концахъ ея извѣстныхъ уже намъ крюковъ-показателей перстосложенія для верхней и нижней кисти рукъ [1]). Но символизація на этомъ въ Малой Азіи не остановилась, графическая разработка устава этой молитвы до полной свастики поднялась, какъ намъ думается, не сразу, а еще черезъ ступень. Эволюція доисторической религіозной символизаціи интересна и весьма поучительна, въ будущемъ она займетъ въ археологіи и этнографіи болѣе видное и вполнѣ устойчивое положеніе. Конечно, это произойдетъ только тогда, когда и доисторическое прошлое древнѣйшихъ культуръ будетъ изслѣдовано съ тѣмъ же вниманіемъ и обстоятельностію, какія удѣляются историческимъ эпохамъ, но съ наибольшимъ усиленіемъ методовъ и пріемовъ этнографическаго изслѣдованія и обобщенія, согласно новѣйшимъ разностороннимъ научнымъ требованіямъ. Собираніе петроглифовъ и всѣхъ вспомогательныхъ для ихъ толкованія матеріаловъ по изобразительному искусству тогда только и можетъ безостановочно двигаться и приносить свою долю пользы археологіи. Особенно интересна символизація, имѣвшая цѣлью, въ возможно меньшемъ числѣ знаковъ, дать правила свершенія внѣшнихъ молитвенныхъ дѣйствій, до изобрѣтенія алфавита, каковыя, конечно, въ виду ихъ религіозной важности, преимущественно и вводились въ древніе и въ позднѣйшіе алфавиты.

Напряслица въ разсматриваемомъ символѣ отмѣчаютъ послѣднюю ступень въ его развитіи. Въ приведенной у Жмигродзскаго на его табл. I, рис. 41 разновидности вильчатой свастики ясно выражена попытка остановиться на вилкѣ, какъ указателѣ перстосложенія, но на рис. 47 той же табл. мы видимъ также 1 знакъ вильчатый, но надъ нимъ видны 4 знака птицеобразной формы съ клювомъ, повернутымъ согласно съ крыльями, означающими поднятіе и опусканіе рукъ. Человѣкъ додумался до того, что линію, отмѣчавшую ладонь, отбросилъ, найдя большой палецъ болѣе существеннымъ въ графическомъ означеніи перстосложенія. Если поднята лѣвая рука, то палецъ долженъ быть обращенъ вправо, разъ линія рукъ изгибомъ своимъ указываетъ подъемъ правой руки, то черточка на верхней же части такой линіи (большой палецъ) наглядно указываетъ влѣво. Въ двухъ верхнихъ знакахъ, того же рисунка, въ нижней части туловища видны черточки, означающія положеніе большого пальца. Положеніе большого пальца поднятой руки указываетъ и сторону, куда надлежитъ нагибать туловище. Теперь уже ясно видно, что всѣ ранѣе употреблявшіеся знаки совершенно излишни: свастика и совастика, означивъ и первоначальное и послѣдующее положеніе рукъ въ одномъ поворотѣ молитвы, двумя перекрещивающимися и согласно изогнутыми линіями, тѣмъ самымъ, означаетъ и положеніе большого пальца, ясно указывающаго и сторону, въ которую надлежитъ нагибать туловище и вращать руки.

---

[1]) Ср. табл. X, 12 строку, праваго столбца. H. Schliemann. Ilios. P. 1885, стран. 404. M. Zmigrodzki. Zur Geschichte der Svastika (Archiv für Anthropologie, XIX, стран. 173), табл. I, фиг. 3, 22 и 26.

Въ нѣкоторыхъ начертаніяхъ напряслицъ, намъ кажется, могутъ заключаться и другія указанія относительно обрядностей этой сложной молитвы, точнѣе говоря, религіозной пляски.

Напримѣръ, пальмовыя вѣтви употреблялись при этомъ религіозномъ танцѣ, но при поклоненіи, гдѣ символъ двойственности въ перстосложеніи такъ настойчиво проводится, позволительно предполагать, что изъ нихъ устраивались вѣнки такъ, чтобы возможно большее число листьевъ стояло и образовывало бы, такимъ образомъ, молитвенные символы, нѣсколько напоминающіе позднѣйшія короны гіеродулъ[1]).

---

[1]) Исторія религій. Шантепи-де-ля-Соссей. М. 1899, II т. 298 стр., рис. 57, перстосложеніе выражено ясно. Лучше исполненный рис. съ того же мраморнаго рельефа II вѣка по Р. Х. находится у Л. Стефани, «Нимбъ и лучезарный вѣнецъ», въ произвед. древн. искусства. Прилож. къ IV т. Зап. Имп. Ак. Наукъ. Листъ III, рис. 7. Символъ двойственности въ перстосложеніи, у передней фигуры (правой), отчетливо выраженъ, но культъ правой руки въ это время могъ и утратиться. Но у 2-й и 3-й справа опущены къ землѣ руки, съ двойственнымъ и тройственнымъ перстосложеніи. Танецъ, повидимому, свастическій. Жертва — небу (гіеродулы въ обуви и стоятъ на пальцахъ), землѣ — благословеніе или благодареніе. Жертвенниковъ два, на лѣвомъ дѣлается жертва лѣвою рукою; лѣвыя спицы вѣнцовъ обращены у средней и правой гіеродулъ впередъ, а правыя отклонены назадъ. Мы не видимъ здѣсь того, что желаетъ видѣть Л. Стефани, т.-е. лучезарнаго вѣнка, а видимъ права молитвы на головахъ храмовыхъ дѣвицъ, свершающихъ богомольный танецъ. Парнолистное растеніе, предъ первою, слѣва, фигурою заслуживаетъ вниманія, его игнорировать не слѣдуетъ (Стефани, стран. 152). Земля даетъ 3 гіеродуламъ 3 знака благословенія. Отмѣтивъ, что на одномъ изображеніи такого вѣнка прямыя острія головного убора соединены поперечною чертою, что отняло отъ нихъ значеніе лучей, Стефани объясняетъ это «необдуманностію художника». Но поучительнѣе всего, что Стефани, давъ весьма интересный рисунокъ вазы съ красными фигурами, III вѣка до Р. Х., не всмотрѣлся въ него и не далъ объясненій о крылатой богинѣ надъ жертвеннымъ огнемъ; ея увеличенная правая рука съ благословляющимъ перстосложеніемъ направлена на юношу, ближе всѣхъ стоящаго къ большому въ стилѣ построенному жертвеннику; въ полъоборота онъ правою приподнятою рукою обращаетъ къ себѣ благословляющій жестъ въ перстосложеніи богини. Крайній слѣва юноша какъ бы воспроизводитъ тѣ же жесты рукъ и перстосложеніе богини. Лучезарныя короны юношей — такая же храмовая молитвенная разновидность вѣнковъ, съ ясно выраженными правами молитвы на головахъ. Гербъ или символъ божества означенъ справа и слѣва, его хтоническое происхожденіе возможно усматривать въ стилизаціи символа изъ растительныхъ формъ.

Приведенное Стефани изображеніе Хризы (на 1-мъ же листѣ, 9 рис.) также не подтверждаетъ его увѣреній, что подобная лучезарная корона «надѣвалась лицами, которыя участвовали въ совершеніи обрядовъ богопочитанія для выраженія божественнаго блеска». Хриза изображена въ древнемъ одѣяніи и съ жестами жрицы. Ноги ея не раздвинуты. Расходящейся лучезарности нѣтъ: въ прямо стоящихъ листовидныхъ зубцахъ короны — права обращенія къ божествамъ. Молитвенное сложеніе (эмъ-символъ, въ верхнемъ поворотѣ) рукъ древне-египетское (ср. пирамидіоны, съ молящимися фигурками). Надъ поясомъ остались незамѣченными два косыхъ крестика, съ правой стороны, съ точками только въ верхнемъ и нижнемъ углахъ, а слѣва — и въ боковыхъ углахъ. Многоточіе вверхъ надъ верхними углами обоихъ косыхъ крестовъ. Ниже пояса, на темной полоскѣ, ясно видны простѣйшіе символы молитвы или предстательства и предъ хтоническими божествами; съ боковъ видны кружки, какъ символы святости и божества. Ея гербъ или символъ и указатель молитвеннаго культа: огонь (узкими языками) подъ ея правою рукою, на правой сторонѣ жертвенника, сложеннаго на горѣ изъ простыхъ неотесанныхъ камней. Хриза — не изъ круга небесныхъ или солнечныхъ божествъ: на ней корона благословенія.

Къ чисто филологическому разсмотрѣнію Л. Стефани лучезарныхъ вѣнцовъ Геліоса, Беллерофонта, Геліосъ и Эосъ, добавимъ разъясненія чисто графическія, данныя изученіемъ петроглифическихъ памятниковъ записей языка жестовъ. Подробно мы не можемъ здѣсь останавливаться, отмѣтимъ, что совершенно не различая вѣнца молитвы отъ вѣнца благословенія, нельзя придти къ правильнымъ и устойчивымъ графическимъ заключеніямъ. Предлагая интересующимся взглянуть эмблему Шамашъ, VIII табл., XII рис., и сопоставить съ датами примѣчанія Л. Стефани, на стран. 33 и 140 его труда, напомнимъ и египетскіе углы благословенія, широкій (пирамида), узкій (обелиски, иглы). Еще на той же эмблемѣ Шамаша волнистые лучи идутъ съ периферіи и внутри образуютъ кругъ; надъ головами многихъ бабъ Минусинскаго округа такія волнистыя линіи ясно заканчиваются благословенеіемъ вильчатымъ или тройчатымъ. Поучительны въ этомъ направленіи петроглифическія начертанія Америки, см. XII табл. п. с. 17. 5; 14. 10. Параллелей въ этомъ направленіи много. Графически обобщаемъ: Геліосъ и Беллерофонтъ — съ вѣнцами благословенія: о *лучезарномъ* вѣнцѣ не можетъ быть и рѣчи.

На нѣкоторыхъ напряслицахъ изображены какіе-то гребневидныя принадлежности молитвенной пляски или головные уборы[1]).

Но эти гребневидныя принадлежности молитвеннаго танца имѣли и колечки, повидимому могли надѣваться на палецъ[2]), вообще, есть нѣкоторыя основанія заподазривать механическій молитвенный приборъ. Въ существованіи же ихъ, намъ кажется, затруднительно сомнѣваться, въ виду использованія вращенія самихъ пряслицъ съ молитвенною цѣлію. На одной финикійской вазѣ оригинальный символическій знакъ: человѣческая фигурка, у которой вмѣсто головы нарисованъ значокъ молитвы, держитъ въ рукахъ двухсторонній гребневидный приборъ, видимо вращающійся на оси, нѣсколько напоминающій трещетку. Орнаментъ, на которомъ поставлены эти символы, состоятъ изъ двухъ родовъ параллельныхъ линій, между которыми расположены простѣйшіе молитвенные символы, надъ однимъ изъ такихъ символовъ и поставленъ этотъ человѣкообразный знакъ молитвы съ вращающимся молитвеннымъ приборомъ[3]).

Въ простыхъ и двойныхъ кружечкахъ съ точкою въ центрѣ можно видѣть означеніе странъ свѣта, но, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и алтарей. На нѣкоторыхъ кружечкахъ начерчены радіально расходящіяся линіи (т. XI. 25. 6, 7 и 8); на другихъ замѣтно раздѣленіе на 4 и на 3 части гребенчатыми загородками (см. табл. XI. 25. 11, 125, 10); въ послѣднемъ случаѣ нѣсколькими концентрическими дугами и удвоеннымъ простѣйшимъ символомъ молитвы. Спеціальное изученіе напряслицъ можетъ выяснить или даже и окончательно установить страны свѣта, въ которыя обращался этотъ религіозный танецъ въ Греціи, и одному божеству или двумъ онъ посвящался. Есть основаніе заподазривать послѣднее: при четверномъ раздѣленіи напряслицъ, замѣчаются и 3 знака свастики и 1 совастики и обратно[4]), есть и по 4 одинаковыхъ разновидностей свастики и совастики. Есть напряслица съ тремя молитвенными положеніями, изъ нихъ встрѣчаются всѣ 3 свастики или всѣ 3 совастики, рѣже, повидимому, встрѣчается изъ трехъ: 2 совастики и 1 свастика[5]). При двухъ символахъ на одномъ пряслицѣ замѣчается и различіе и согласіе, то же замѣчается, и при большемъ количествѣ символовъ. Интересны условія, при которыхъ на кружечкѣ пряслицы встрѣчается *одинъ символъ* различныхъ видовъ свастики: а) при трехъ радіально расположенныхъ вышеупомянутыхъ гребневидныхъ знакахъ (т. XI. 25. 10); б) при большой дугѣ, занимающей почти полуокружность пряслица, при чемъ отъ этой дуги въ окружности идутъ радіально линіи, наводящія на мысль о солнцѣ (табл. XI. 25. 8); в) три сомкнутыхъ концентрическихъ дуги, занимающихъ три четверти горизонта, и г) при вѣтвяхъ пальмъ, съ точками, между листьевъ (табл. XI. 25. 5).

---

[1]) Табл. I. XXVII и XXVIII. У Шлимана и Чеснола, Троя, Кипръ, Саламинія. Жмигродзскій, Исторія свастики, табл. I, фиг. 26, 29 и 36.

[2]) См. табл. I, XXVII, 1 и 2 рис. Schliemann, Ilios, №№ 1872 и 1911.

[3]) См. табл. I, XXVI. Cesnola, Salaminia.

[4]) Жмигродзскій, Исторія свастики, №№ 7, 46, 47, 43, 8. Въ древнѣйшей формѣ преобладаетъ, по нашему мнѣнію, западный культъ (№ 7, на 7 метрія глуб.), въ новой (№ 46, около 3 метр.) преобладаетъ восточный культъ.

[5]) Какъ примѣры, приведемъ у Жмигродзскаго, Истор. свастики, №№ 16 и 48 (свастика, вост. поворотъ, всѣ три), №№ 27 и 40 (всѣ 3 совастики). № 21 — 2 западныхъ и 1 обращеніе на востокъ.

Въ нѣкоторыхъ пряслицахъ можно заподазривать указаніе движенія для двухъ, четырехъ, восьми, десяти и шестнадцати лицъ, кромѣ фигуръ, указываемыхъ символами на пряслицахъ, при чемъ по одной свастической линіи могутъ навстрѣчу двигаться два исполнителя религіознаго танца, по другой — перекрещивающей, тоже два, всего по каждому символу могло танцовать четверо (табл. XI. 25. 11 и 12). Прочія фигуры стилизированы спиралевидно, на нѣкоторыхъ — движеніе встрѣчныхъ танцоровъ означено второю параллельною линіею[1]).

22. Выше мы уже имѣли случай высказаться, что знаки молитвы, означенные въ правомъ столбцѣ, на строкахъ 1, 2, 14 и 15 (послѣдняя фигура, справа), мы считаемъ древнѣйшими.

Первая строка, праваго столбца, прямая вертикальная линія, должна быть разсматриваема, какъ знакъ человѣка, стоящаго прямо, со сдвинутыми ногами, съ опущенными и прижатыми къ бедрамъ руками.

Чтобы не быть голословными, дадимъ перечень, далеко еще неполный. *С. Америка:* индѣйцы. — *Африка:* египтяне, негры. — *Азія:* Китай, Японія, Корея, киргизы, тюрки, Енисей, Орхонъ, евреи, арамейцы, южные семиты, гиттиты, Кипръ, Троя, Іонія, Ликія, Карія, Фригія. — *Европа:* греки, римляне, латинскіе алфавиты, Галлія, руны, всѣ, включая и алфавитъ Ульфилы, корелы, лопари, древніе славяне[2]) и русскіе: у индоевропейскихъ народовъ преимущественно въ значеніи „і“ десятеричнаго и точка надъ этою линіею — поучительный пережитокъ, происхожденіе котораго, восходящее ко временамъ его до-алфавитнаго религіознаго значенія, едва ли кому въ точности извѣстно: знакъ ли это символическаго возношенія[3]) или готовности пожертвовать своею головою, или, можетъ быть, знакъ человѣческой жертвы, какъ нѣкоторые знаки зодіака — овна, тельца и рыбъ[4]).

Этотъ же знакъ отвѣсной линіи служитъ и манекеномъ, или, такъ сказать, и штативомъ, на который навѣшивались или надѣвались отвлеченные символы, чаще всего угловой, основной и дублированный (съ боку) и другіе символы (см. многіе руническіе знаки; см. нѣкоторые знаки енисейскаго алфавита) (табл. X. Лѣвая сторона 18—21 фиг.), см. табл. XII. Л. 2. 11, 12 и 13, 3 строку. 1, 2 и 3, 5 строку. 9, 10, 11 и 13, — см. табл. XII. Л. 25, — см. южно-семитическіе алфавиты.

Отвѣсная линія, несмотря на всю простоту этого знака, встрѣчается у многихъ народовъ въ петроглифахъ и вошла въ число алфавитовъ, весьма многихъ народностей (особенно у индоевропейцевъ) и именно, какъ знакъ человѣка во весь ростъ или поясной.

---

[1]) См. Шлимана и Чеснола. Теперь мы можемъ сослаться только на Жмигродзскаго, — у него есть сравнительныя даты, которыя значительно облегчаютъ нахожденіе желаемыхъ рисунковъ. Кружечки съ однимъ символомъ: а) № 26; б) № 24; в) № 31 и г) № 4 и 51. Движеніе для двухъ и четырехъ № 49, въ двухъ концентрическихъ кругахъ, съ точкою, можно видѣть солнце, означающее западъ и востокъ. Еще укажемъ: №№ 56, 33, 43, 5, 58 и др.

[2]) Въ извѣстной подписи арабск. писат. Ибнъ-Эль-Недима 4 такихъ знака есть, см. XII табл. л. с. 12—13.

[3]) Напомнимъ начертанія сулекскаго петроглифа. Табл. I. I. 2 и 3.

[4]) Forrer's Reallexicon. B. 1907. S. 710—716. Tafel 202 и 203 у семитовъ «z», у арійцевъ: z, i. Вс. илл. ист. письм. Я. Б. Шницеръ. С.-Пб. 1903. Стран. 249.

Два знака 2-й строки, праваго столбца, нерѣдко встрѣчаются въ знаменахъ инородцевъ (остяковъ, мордвы) XVI вѣка, 1-й, въ сыскахъ, называется, вѣроятно, со словъ инородцевъ, „шайтанскою рожею“ и „болваномъ“[1]).

1-й знакъ слѣва мы понимаемъ такъ: нижняя линія означаетъ верхнюю часть туловища, а двѣ линіи надъ нею, по сторонамъ, означаютъ поднятыя вверхъ руки. Соединивъ эти три отдѣльныя линіи прямою линіею, получимъ знаки покрова, защиты, принятія молитвы небесными или хтоническими божествами, смотря по направленію (ср. т. XIII. 28; т. XIV. 7; кипр. слогов. т. XI. 12. 2—4, 7; 14 строка. 3, 4 и 12; у гиттитовъ XI т. 13. 3. Сопост. съ XI т. 15. 3 и 4). При разчлененіи Бирскаго символическаго петроглифа, мы видѣли подобныя начертанія (табл. VIII, рис. XIV, фиг. къ №№ 1—7. 3 и 4).

2-й знакъ — молитвенное опусканіе рукъ; линія, соединяющая поперечные концы этихъ трехъ линій, превращаетъ знакъ въ символъ покрова небеснымъ божествомъ ср. съ 4-мъ знакомъ (слѣва), 6-й строки, праваго столбца, X табл. (т. XII. Л. 3. 7).

Знаки 3-й и 4-й строкъ, праваго столбца. Мы ихъ считаемъ сравнительно позднѣйшими, они относятся къ тому времени, когда прямолинейныя очертанія замѣнялись иногда скобками, чтобы получить графически сигнализацію молитвы и въ сторону. 1-е знаки слѣва на 3-й и 4-й строкахъ — знаки молитвы къ небу и принятія молитвы, обѣщаніе помощи, защиты и т. п. со стороны подземныхъ божествъ. 2-е знаки — то же самое, но обратно: молитва къ подземнымъ богамъ и покровъ небесныхъ божествъ[2]).

На 3-й строкѣ, праваго столбца, той же X таблицы, 1 фиг. справа, также молитвенный знакъ, но изгибъ вправо средней черточки можетъ быть означаетъ наклонъ головы. Въ кипрейскомъ слоговомъ алфавитѣ есть тождественный знакъ, но только средняя черточка наклонена влѣво[3]).

23. 2-я строка, лѣваго столбца. Греческая буква beta первоначальнаго вида и болѣе поздняго вида, когда стали писать слѣва направо, не можетъ происходить отъ омега символъ, въ поворотѣ налѣво и направо, съ наложеніемъ черты благословенія, погасившаго, такъ сказать, его значеніе, какъ молитвеннаго символа, потому что omega-символъ вошелъ въ греческій алфавитъ только въ IX вѣкѣ по Р. Х. Онъ могъ произойти изъ эмъ-символа, см. XII табл. л. с. 5. 5 (два нижніе знака, съ линіею благословенія неба и земли. См. табл. XIII. 12, кипрскія начертанія. Конечно, въ боковыхъ поворотахъ.

Но графическій генезисъ „beta symbolon“ мы видимъ и въ сочетаніи двухъ знаковъ, символизирующихъ два дневныхъ поклоненія солнцу (между восходомъ и полднемъ и между полуднемъ и закатомъ), производившіяся поднятіемъ одной правой руки, „p(pè)-symbole“ съ наложеніемъ на голову (Табл. XII. II. 9. 3 и II. 3), и опусканіемъ ея, съ наложеніемъ на бедро „b(bè)-symbole“ (Табл. XII. II. 9. 6 и II. 3),

---

[1]) Шайтанъ — духъ тьмы, болванъ — истуканъ. Генезисъ см. на табл. XII. Л. 3. 6, 7, 8 и 9 лѣв. фиг.

[2]) Въ бирск. сложн. символѣ эти знаки есть. Т. VIII, р. XIV, 3 фиг. и ея 3 части. Къ симв. изобр. 1—7. 1 и 2.

[3]) Ср. табл. XI, 14. 12 Я. Б. Шницеръ. Иллюстр. всеобщей исторіи письменъ, стран. 82, рис. 54. 1-й, столб. справа, 3-й знакъ снизу. Сопостав. съ знакомъ 1-го столбца слѣва, 3-я строка снизу.

Генезисъ бустрофедоннаго шрифтографа къ „beta“ кроется въ таковомъ же символизированіи поклоненія зорямъ, но лѣвою рукою: утренней, „q(qu)-symbole“ (Табл. XII. П. 8. 3 и 10. 3) и вечерней „d(dè)-symbole“ (Табл. XII. П. 86 и 10. 6).

Въ арамейскомъ алфавитѣ, отъ котораго *производятъ* нѣкоторые лингвисты енисейскій, нѣтъ этихъ начертаній „beta“, а ихъ должно отнести къ начальному заимствованію. И это не единственный указатель аризированія енисейскаго алфавита.

24. Знакъ 8-й строки, лѣваго столбца (табл. X), римскаго начертанія. Какая это буква въ енисейскомъ алфавитѣ, мы знаемъ — „S“[1]) въ семитическомъ и арійскомъ рядахъ алфавитовъ она daleth, delta, въ позднѣйшихъ арамейскихъ ее не видно. Какъ и ранѣе мы коснемся графическаго генезиса этого начертанія. Образовалось оно изъ угла или дугообразнаго символа, относительно которыхъ мы уже высказались (п. 10-й). Прибавленіемъ линіи благословенія, молитвенное значеніе угла и полудугъ погашено; но видѣть въ этихъ начертаніяхъ и полудиски полуденнаго солнца есть основанія.

Графическое происхожденіе древне-еврейской буквы alef и daleth можно сопоставлять, какъ нѣчто сходное: онѣ произошли изъ праваго простѣйшаго символа молитвы и черты. Въ „a“ черта пересѣкла молитвенный символъ посрединѣ угла, при чемъ концы сѣкущей выдались наружу: вслѣдствіе этого молитвенный символъ не только не уничтоженъ, а въ нѣсколько разъ усиленъ; нѣтъ ничего невѣроятнаго, если такой религіозный символъ и существовалъ до изобрѣтенія алфавита. Но вполнѣ возможенъ генезисъ этой, какъ и большинства буквенныхъ начертаній отъ знаковъ молитвенныхъ движеній, напримѣръ, отъ рукоположенія, означеннаго на табл. XII. 6 и 7. Въ начертаніи „дельты“ или „далетъ“ черта соединила концы молитвеннаго знака, погасивъ его молитвенное значеніе, но, надо помнить, что треугольникъ очень древній символъ троичности[2]). Повидимому въ начертаніяхъ всѣхъ алфавитовъ въ началѣ преобладала прямолинейность начертаній, затѣмъ уже, угловатыя очертанія смѣняются округленными, но въ греческомъ алфавитѣ угловатое начертаніе дельты удерживалось очень долго. Но въ греческомъ эоло-дорійскомъ алфавитѣ, замѣчательно, гамма (простѣйшій молитвенный символъ) повернута угломъ не внизъ, а въ правую сторону; кромѣ того, что особенно важно, гамма изображалась тамъ другимъ знакомъ, также символомъ молитвы — дугою, въ эоло-дорійскомъ алфавитѣ обращенною вправо, въ этрусскомъ — *влѣво*, въ архаическомъ латинскомъ — *вправо*. Образованіе римскаго начертанія дельты основательнѣе искать здѣсь. Какъ извѣстно, письмена древне-италійскими народами были заимствованы у грековъ еще въ то отдаленное время, когда послѣдніе писали, подобно семитамъ, справа налѣво. Такія указанія даны Умбрійскою и Оскійскою надписями. Въ разсматриваемыхъ двухъ знакахъ енисейскаго рунообразнаго алфавита, особенное значеніе имѣетъ наиболѣе древній видъ буквы, т.-е. 1-й знакъ слѣва, второй можетъ указывать на переходное время, когда греки и эоло-доряне, а также и латиняне начали писать слѣва направо.

---

[1]) O. Donner. Inscr. en caract. de l'Jenissei. P. XLV.

[2]) Символъ этотъ вошелъ въ гіероглифы несомнѣнно задолго до открытія алфавита. Шницеръ. Ип. ист. письм. стран. 57—69 и 64. Кельсіева. Фигурн. письмена. 1880 г. Стран. 85. Египет. гіероглиф. письм. табл. II (за 3500 лѣтъ до Р. Хр.) и 7. F. de Rongemont. Le peuple primit. P. 1856.

На древнѣйшемъ памятникѣ латинскаго письма, восходящемъ, приблизительно, къ V вѣку, до Р. Х., видно, что этрусскій типъ латинскаго алфавита предшествовалъ греческому и что эта древнѣйшая надпись имѣетъ семитическое направленіе строки, т.-е. написана отъ правой руки къ лѣвой[1]). Въ этой, какъ и въ Умбрійской и Оскійской надписяхъ, написаніе дельты совершенно тождественно съ 2-мъ (слѣва) знакомъ, строки 8-й, лѣваго столбца, енисейскаго алфавита (см. X табл.).

25. Два знака на 12-й строкѣ, лѣваго столбца, той же X табл. 1-й знакъ соотвѣтствуетъ первоначальному начертанію греческой буквы „eta“, 2-й знакъ нѣсколько походитъ на написаніе древне-еврейскаго „zain“, но повернутаго[2]).

Въ семитическомъ и арійскомъ рядахъ начертаній буквы „Z“,—ясное преобладаніе начертанія римской цифры I, т.-е. „знакъ человѣка“ съ чертами „неба“ и „земли“ (см. граф. схемы табл. XII. л. с. 8. 4 и особенно 8. 5 верхн. зн.), съ окончательными благословеніями надземныхъ и подземныхъ божествъ, т.-е. умершаго. Мы еще должны остановиться на этой строкѣ, теперь только отмѣтимъ, что въ древнѣйшемъ греческомъ удержанъ совастическій знакъ сидонскаго начертанія (V вѣкъ до Р. Х.), что даетъ основаніе совастическую молитву или совастическій танецъ называть танцемъ смерти, т.-е. соединеннымъ не только съ поминовеніемъ умершаго, но и съ принесеніемъ человѣческихъ жертвъ, по кипрскому знаку „so“, стоящему въ томъ же ряду, можно заподазривать въ этомъ и совастическое чествованіе божества, см. этотъ и поворотный къ нему знакъ въ енисейскомъ алфавитѣ, на 11-й строкѣ, справа, 5 и 6 знаки.

26. Табл. X, строка 13 лѣваго столбца, 4 знака, напоминающіе позднѣйшее начертаніе греческой буквы „эпсилонъ“, въ основномъ очертаніи они сходны съ присоединенными къ нимъ финлядскими учеными знаками (5, 6 и 7)[3]). Въ нихъ возможно подозрѣвать показателей того же рукоположенія, но болѣе упрощеннаго (отброшена средняя линія,—шеи и головы. См. XII табл. пр. ст. 14. 3 и 5 въ боковомъ поворотѣ, съ черточками на одномъ концѣ, означающими большой палецъ и поворотъ ладоней. Молитвенные знаки въ нихъ возможно видѣть, напримѣръ 1-й и 4-й знаки, считая слѣва, означаютъ молитвенное обращеніе въ правую сторону, къ небеснымъ и подземнымъ божествамъ; 3-й знакъ отмѣчаетъ молитвенное обращеніе въ лѣвую сторону, по чтенію „впередъ“, къ подземнымъ божествамъ. 2-й знакъ, въ настоящее время, намъ не понятенъ: не видимъ параллелей. О прочихъ знакахъ сказано выше (п. 14).

Впрочемъ, должно имѣть въ виду, что, какъ религіозный символъ, этотъ знакъ могъ имѣть повернутое горизонтальное положеніе (см. т. XII. л. 8. 4 и 5) и образо-

---

[1]) R. Forrers. R. L. Tafel 202. — S. Entings Schrifttafeln bei Zimmern, «Gram. d. sem. Sprache». Шницеръ. Иллюстр. всеобщая исторія письменъ. С.-Пб. 1903 г., стран. 178, 180, 183 и 184; рис. 119 120, 121, 122 и 123. — Forrers R. Lex. Tafel 203, 9—17.

[2]) Forrers Reallex. S. 714—715 (202—203). Шницеръ. Всеобщая исторія письменъ. С.-Пб. 1903 г., стран. 249 (155) и 88 (59), генезисъ см. XII. л. 8. 5 в.

[3]) См. эти начертанія на петроглифахъ около Копенъ, табл. VI. См. бронз. ножъ съ этимъ символомъ.

вался изъ отвѣсной линіи — знака человѣка и наложенныхъ снизу и сверху благословеній земли и неба.

27. Строка 15, лѣваго столбца, X табл., какъ кажется, можетъ изображать молитву въ боковомъ поворотѣ, съ поочереднымъ поднятіемъ рукъ, и съ ихъ опусканіемъ (ср. т. XII. II. 3 и 4), но, вѣроятнѣе, это — digamma, см. т. XII. Л. 3. 4 и 5.

Знаки 14-й строки, того же столбца, весьма возможно, происходятъ тоже отъ фигуръ человѣка въ боковомъ начертаніи (см. табл. XII. л. с. 2. 1—10). Можетъ быть, и наложеніе благословенія (см. табл. XII. л. с. 10—13). Возможно происхожденіе нѣкоторыхъ знаковъ этой группы отъ символизаціи одною рукою, по объяснительнымъ рисункамъ 4-му и 5-му третьей строки лѣв. ст. XII таблицы. Сопост. „S“ арамейское Teima и Altaegypt. pap. и архаическое латинское „A“. Группа эта еще нуждается въ параллеляхъ и въ разработкѣ.

28. Знаки послѣднихъ строкъ, 24-й и 25-й, праваго столбца едва ли заключаютъ въ себѣ какое-либо символическое значеніе, по всей вѣроятности, это знаки препинанія или раздѣленія словъ или предложеній. 24. 1. равнозначущи косому кресту съ знаменательными точками въ верхнемъ и нижнемъ углу, а также знаку на 18-й строкѣ, пр. ст. 2-й знакъ. 25. 1 три точки какъ бы на концахъ прямого креста разставленныя замѣняютъ лежачій крестъ.

29. 10 строка, праваго столбца, отвѣсныя зигзагообразныя линіи можно принять за лучи свѣта и за знакъ воды, первое намъ кажется, болѣе правильнымъ: обыкновенно знакъ воды располагается горизонтально, какъ это видно и на египетскомъ знакѣ воды[1]), но вытекающая изъ сосудовъ, изображается и отвѣсно. На древнемъ вавилонскомъ цилиндрѣ символъ бога Шамашъ изъ радіально струящихся лучей. На могильныхъ камняхъ, отъ головъ погребенныхъ или на ихъ головы струи свѣта идутъ отвѣсно, волнистою линіею[2]). Сопост. съ буквою „S“ южно-семитическаго алфавита Safa (I вѣкъ по Р. Х.)[3])

30. Символъ троичности, на 22-й строкѣ, прав. столб., сопост. съ знакомъ тукюэскаго алфавита, табл. XI, 3. 9: не знаки ли это 3-дневныхъ поклоненій солнцу?

Иниціалы къ нѣкоторымъ надписямъ Енисея (см. отдѣльную табличку, на X таблицѣ, съ 11 фигурами).

1. 1 и 2 знаки — дуги рукъ[4]), могущія символизировать обращеніе вверхъ и внизъ, перечеркнуты линіею земли и могутъ означать (верхнею частью) молитву родоначальника небу или солнцу и (нижнею частью) его умершаго отца. Знакъ 1-й,

---

[1]) Шницеръ. Иллюстр. всеобщая исторія письменъ. С.-Пб. 1903 г., стран. 30, р. 17.

[2]) Табл. VIII, рис. 12. Шантепи-де-ля-Соссей. Иллюстр. исторія религій. М. 1899 г. томъ I, стран. 183, рис. 34. — Ср. прил. табл. VIII, рис. XVI, фиг. 1 и 5.

[3]) Forrers R. L. 714 (202). 19. 5-й знакъ снизу.

[4]) См. табл. XIII. 29 и табл. XIV. 7. 1—6.

съ линіею шеи и головы, означаетъ наглядно и права радоначальника на непосредственное сношеніе съ божествами; 2-й знакъ можетъ принадлежать только лицамъ, не имѣвшимъ права самостоятельной молитвы. По имѣющемуся у насъ теперь графическому матеріалу, это — единственное заключеніе, которое возможно дать теперь.

2. 3-й знакъ, среди инициаловъ, большинство которыхъ относится къ культу предковъ, указываетъ на происхожденіе лежачаго креста изъ 3-й фиг. 1-й строки XII таблицы, чрезъ отбрасываніе туловища и угловое нижнее благословеніе можетъ принадлежать не только божествамъ земли, но и предкамъ.

3. 4—6 знаки носятъ на себѣ графическое противорѣчіе: дуги обращены вверхъ, но подъ ними нижніе западные показатели опусканія лѣвой кисти съ отставленнымъ большимъ пальцемъ (4-й знакъ) и правой (5-й и 6-й знаки). Объясненіе видимъ только въ томъ, что это отвѣтные знаки предковъ во время молитвы надъ ними. 8-й знакъ этой же категоріи, т.-е. дуга обращена внизъ, но знаменательная черточка (головы) не внутри дуги, а сверху, а внизу видимъ вертикальныя черточки, — слѣдовательно, дуга не выражаетъ молитву земли или земнымъ божествамъ, а обращена къ предку, отвѣчающему простираніемъ рукъ къ богу земли.

4. 7-й символъ сложный: вверхъ эмъ — символъ, въ окруженномъ очертаніи, усвоенномъ уже по выходѣ заимствованія алфавита изъ Малой Азіи[1]) и „земля" (з)—символъ въ тукюэскомъ (табл. XI. 3. 8) начертаніи, но въ верхнемъ поворотѣ. Бросается въ глаза сходство съ начертаніемъ жабы или лягушки. См. рис. на бубнахъ.

8. 9-й знакъ. — Интересный солнечный знакъ—заката, съ врѣзавшимся въ него угловымъ знакомъ, указывающимъ опусканіе рукъ, конечно, съ поворотомъ ладоней къ солнцу. Знакъ восхода солнца или ранняго утра: дискъ солнца, съ верхнимъ угловымъ знакомъ, сверху изображенъ на табл. XII, лѣв. 14. 8.

9. 10-й знакъ. — Прямой крестъ съ гаммовидными показателями поворота ладоней внизъ съ отставленнымъ большимъ пальцемъ. Знакъ обращенъ назадъ или внизъ.

10. 11-й знакъ. — Предокъ стоитъ антиподально въ землѣ, съ распростертыми въ сторону руками, съ ногами, образовавшими дугу; покойный благословляетъ потомка, помолившагося о немъ на западъ, съ отставленіемъ большихъ пальцевъ на обѣихъ рукахъ.

Тукюэскій алфавитъ. (Табл. XI. А. 1—12, 2—12, 3—12 и 4—3.) Въ немногихъ строкахъ возможно охарактеризовать, съ графической стороны, этотъ алфавитъ, состоящій только изъ 39 буквъ, тѣмъ болѣе, что мы ограничимся только дополнительными ремарками къ тѣмъ обстоятельнымъ и компетентнымъ описаніямъ, которыя сдѣланы такими спеціалистами, какъ ак. В. В. Радловъ, проф-ра Томсенъ, Доннеръ, Меліоранскій и мн. др. Поворотныхъ знаковъ въ немъ нѣтъ *совсѣмъ:* 1. 8, 1. 9 и 1. 10, 1. 11 знаки отставленія большого пальца и показатели поворотовъ ладоней впередъ (на востокъ) и назадъ (на западъ), соединенные съ ихъ поднятіемъ и опусканіемъ, относятся къ правой и лѣвой рукѣ, безъ всякаго религіознаго поворота поясныхъ знаковъ. Конечно, это отмѣчаетъ особую важность этого вида молит-

---

[1]) Сопост. начертанія сулекскаго петроглифа, табл. I, XXIV рис. 6 табл. III, I рис. 1.

венной обрядности и у турокъ VI—VII вѣка, занимавшихъ верхнюю область бассейна Енисея (со включеніемъ и Ангары). На графическомъ генезисѣ большинства знаковъ излишне останавливаться, мы коснемся только немногихъ знаковъ, имѣющихъ особенности, представляющія общій интересъ. См. табл. XI.

1. Знакъ, 4. 1, стилизированный, хотя прямолинейный его прототипъ, несомнѣнно былъ и въ первомъ древнѣйшемъ комплектѣ буквъ енисейскаго алфавита, если и тукюэскій и енисейскій алфавиты не вѣтви отъ какого-либо туркестанскаго или, вѣроятнѣе, таримскаго алфавита, еще не открытаго. Черты дифференціаціи и графической эволюціи лежатъ на тукюэскомъ алфавитѣ, — на енисейскомъ — черты архаичности, удержанія этнографическихъ показаній, сохраненія, въ звуковомъ письмѣ религіознаго значенія свѣтовыхъ знаковъ, признаки графическихъ наслоеній и разложенія культуры и культа, такъ рѣзко выражены, что непосредственное заимствованіе намъ кажется мало вѣроятнымъ. И не одинъ этотъ знакъ наводитъ на высказанную мысль.

Разсматриваемый знакъ относится къ лѣвой рукѣ, въ угловомъ сгибѣ, поднятой до высоты плечъ[1]), см. табл. проф. О. Доннера, въ приложеніи XIV табл. 9. 9, рядомъ енисейскій знакъ 9. 10—для кисти и части локтя правой руки. Нельзя не отмѣтить весьма важнаго нижняго знака, — такого же наклоннаго типа для опущенной правой руки, табл. XI. пр. ст. 3, съ поворотомъ ладони назадъ[2]). Сопост. съ тамгами Малой (XI табл. 19. 4. н. знаки) и Средней (20. 2. верхніе и весьма поучительный и важный знакъ совастическаго рукоподнятія: поднятіе правой и опусканія лѣвой) орды. Послѣдней тамгѣ Средней орды соотвѣтствуютъ слѣдующіе знаки енисейскаго и тукюэскаго алфавитовъ: a) табл. X. л. с. 3. 2. и табл. XI 2. 8 и b) табл. X лѣв. с. 20. 1 и табл. XI. 2. 7; первыя двѣ для *одновременнаго* поднятія правой и опусканія лѣвой, (совастика) и для тѣхъ же религіозныхъ движеній рукъ, но съ нѣкоторымъ промежуткомъ. Для свастики въ енисейскомъ алфавитѣ есть бустрофедонный поворотный знакъ, въ тукюэскомъ — довольствуются подразумѣваемою перемѣною „востока“ на „западъ“.

2. XI табл. 2. 9—знакъ очень близкій къ буквѣ „ф“ готскаго алфавита Ульфилы (IV вѣкъ нашей эры).

3. XI табл. 2. 10—11 и 3. 1—2,— стилизированные знаки, угловой (лѣвый) и его производные.

4. XI табл. 3. 3: лежачій крестъ съ угловымъ благословеніемъ, накрывшимъ верхній или передній уголъ.

5. XI табл. 2. 12. — Начертаніе эмовиднаго символа указываетъ на болѣе древній генезисъ, чѣмъ эмовидное рукоположеніе; символъ могъ образоваться еще при прямолинейномъ означеніи, — отъ воздѣянія обѣихъ рукъ впередъ или вверхъ, какъ это видимъ въ енисейскихъ начертаніяхъ этого типа (X табл. пров. ст. 1—4 строки или XIV табл. 7. 1—4) съ сочетаніемъ углового символа въ верхнемъ поворотѣ, какъ это видимъ въ буквѣ „ma“ (табл. XI. 11. 6) кипрскаго слогового алфавита.

---

[1] Рукоположеніе, заимствованное и христіанами. См. табл. XII. л. с. 3. 4. л. в., но это рукоподнятіе дѣлается и одновременно обѣими руками. Линія плеча отброшена и оставлена верхняя часть локтя.

[2]) Для опущенной лѣвой наклоннаго знака нѣтъ, но для отвѣсно опущеннаго локтя есть: табл. X, лѣв. ст. 23.

6. Табл. XI. 3. 5. — Угловой символъ съ наложеннымъ на него вильчатымъ символомъ благословенія и сверху птицевиднымъ парящимъ угловымъ символомъ, сравн. съ египетскимъ солнечнымъ знакомъ благословенія заходящаго солнца (парящій орелъ надъ кругомъ), таблица XII, лѣв. ст. 16. 18. в. зн.

7. Табл. XI. 3. 9. — Начертаніе серпа луны (съ точками глазъ и рта) или дуговиднаго символа съ тремя точками внутри видимъ, какъ орнаментъ надъ угломъ (конекъ) на древнихъ памятникахъ Фригіи[1]).

8. Табл. XI. 1. 5. — Вильчатый знакъ, въ верхнемъ поворотѣ, съ поперечною чертою у самой вершины угла. Одно петроглифическое начертаніе, на Бухтармѣ[2]): символическая фигура человѣка, воздѣвшаго руки и раздвинувшаго ноги, имѣетъ поперечную черту у рукъ, вѣроятно черта земли, и часть фигуры подъ землею означаетъ предка, стоящаго подъ живымъ родоначальникомъ антиподально и молящагося владыкѣ подземнаго міра. (Сопост. XII табл. лѣв. ст. 1. 3 и 4.) Рядомъ, на рис. 351, верхній рядъ, 8 начертаній, слѣва, особенно поучительны: 3 первыхъ, заключенныхъ въ прямоугольники, съ линіею земли и символовъ поклоненія живого родоначальника предку и подъ землею предокъ, стоящій антиподально подъ земною поверхностію и молящійся внутрь (внизъ) земли. Съ 4-го по 8-й символы человѣка (двухвильчатые) соединяются съ линіею, кончающеюся трехлинейною, т.-е. съ присоединеніемъ линіи шеи и головы предка. Эти бухтарминскіе знаки представляютъ необычайную научную цѣнность своимъ спеціальнымъ характеромъ: преобладаютъ нѣсколько варіацій на одну тему. Генезисъ священнаго дерева молящагося (живыхъ), изъ верхнихъ угловыхъ символовъ, и благословляющаго (предковъ), изъ нижнихъ угловыхъ символовъ, довольно устойчиво указывается. Интересующимся предлагаемъ взглянуть на начертанія деревьевъ красной краской на петроглифахъ Енисея и Маны, на цилиндрахъ вавилонскихъ и ассирійскихъ (табл. VIII, IV рис. 1, 4; V рис. 5; VII рис.)[3]).

Опытъ классификаціи и генезиса знаковъ и символовъ мимико-графической формы свѣтового письма.

Какъ результатъ и сводъ всѣхъ параллелей, произведенныхъ при графическомъ анализѣ древнѣйшихъ алфавитовъ, прилагается опытъ классификаціи разныхъ религіозныхъ тѣлодвиженій, устанавливавшихся въ практикѣ культа въ различныя времена. На сколько было возможно, по имѣвшимся у насъ матеріаламъ, мы старались держаться эволюціонной послѣдовательности, но хронологическая и особенно синхронистическая точность — дѣло будущаго. Изъ рисунковъ и конкретографовъ, эти миміографы градаціонно переходили въ простѣйшія линейныя начертанія, — символы, какъ схемы конкретныхъ отвлеченій, какъ мнемо-графическія ремарки, — и отвле-

---

[1]) L'architecture funéraire. La Phrygie. Perrot-Chipiez, V. P. 99 (58).

[2]) Томской губерніи. I. R. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. I Ages de la pierre et du bronze. H. 1877. P. 77. 350 верхній рядъ, 2-й знакъ, справа; сопост. съ рис. 351.

[3]) Сопост. Kypros, M. Ohnefalsch-Richter, LXIX, первую строку «te» и 2-ю снизу «mu».— Русск. древн. гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ. Вып. II, стр. 94, 79 благословеніе предковъ), см. тюркскіе и турецкіе древніе орнаменты.

каемаго и оставляемаго въ сигнографѣ - символѣ. Disciplina arcani, видимо, сознательно лишала народную массу пониманія простѣйшихъ линейныхъ знаковъ, производныхъ высшихъ ступеней мимико-графической символизаціи. Изъ этихъ многочисленныхъ криптографовъ, очень немногіе, самые важнѣйшіе въ свѣтовомъ письмѣ культа, нашли себѣ мѣсто въ новой звуковой системѣ письма: часть видимъ въ родовыхъ знакахъ и въ знакахъ собственности, большая часть, по всей вѣроятности, вымерла, — совершенно забыта. Но реставрацію исчезнувшаго присредиземноморского до-алфавитнаго свѣтового письма, въ основныхъ знакахъ, мы находимъ вполнѣ возможною. Сохранившіеся у китайцевъ и у другихъ восточно-азіатскихъ народовъ историческіе матеріалы и конкретныя данныя по генезису и эволюціи свѣтовой системы письма, а, главное, единство языка движеній и обусловливаемое имъ поразительное сходство основныхъ письменныхъ знаковъ послѣдней формы свѣтового письма, вселяютъ твердую увѣренность въ осуществимости такого труда, особенно при объединенной дѣятельности ученыхъ всѣхъ наиболѣе культурныхъ странъ, всѣхъ культурныхъ народностей, и лингвистовъ и этнографовъ.

Прилагаемъ краткія объясненія къ этому опыту классификаціонной таблицы, XII, правая сторона.

Въ выраженіи молитвы, главное значеніе имѣли: туловище, голова и руки; движенія ногъ имѣли второстепенное вспомогательное значеніе. Въ перстосложеніи первенствующее значеніе занимало двойственное, съ отставленіемъ большого пальца, но на петроглифахъ, на другихъ произведеніяхъ изобразительнаго искусства и даже въ алфавитахъ отмѣчается тройственное и разставленіе пальцевъ всей кисти. Значеніе отставленія большого пальца заключается въ образованіи угла между большимъ и указательнымъ пальцемъ. Въ перстосложеніи и въ движеніяхъ кисти не меньшее значеніе придается и обращенію ладони къ божеству, которому выражается молитва или къ человѣку, которому выражается благословеніе, почитаніе или привѣтствіе.

Знаки молящагося человѣка на петроглифахъ чаще означаются во весь ростъ, но въ буквенныхъ знакахъ енисейскаго, мало-азіатскихъ и прочихъ древнѣйшихъ алфавитовъ знаки человѣка, по преимуществу, поясные.

Для рисунка и линейнаго знака чаще берется поворотъ спереди или сзади. Рисунки и знаки, при боковомъ положеніи, встрѣчаются очень рѣдко.

Такіе способы означенія приняты и нами въ опытѣ классификаціи.

Всѣ важнѣйшіе способы выраженія молитвы движеніями рукъ изображены на XII табл. правая сторона, въ текстѣ означаемъ ее — XII. П. или п. с. Но и на лѣвой сторонѣ дано не мало пояснительныхъ начертаній.

Но, несмотря на то, что мы пользовались памятниками изобразительнаго искусства и у классическихъ народовъ, мы не могли установить, какое положеніе рукъ признать древнѣйшимъ: горизонтальное распростираніе рукъ (безъ сгибанія въ локтѣ) съ соотвѣтственными поворотами ладоней къ небу и землѣ или такое же угловое воздѣяніе и опусканіе рукъ, съ небольшимъ угломъ къ горизонту. Вѣроятнѣе, — простираніе рукъ впередъ (см. Египетъ). Простираніе въ стороны могло образоваться потомъ, подъ вліяніемъ начертаній въ меридіональныхъ плоскостяхъ.

Мы отдали, впредь до окончательнаго выясненія, предпочтеніе не угловому или египетскому рукоположенію, давшему и основной символъ вильчатый крестъ (Das Gabelkreuz) и, при извѣстной степени отвлеченія, въ сочетаніи съ знаками благословенія, давшему и латинскую букву „A“ „v“ (vé), и Y пжицу и мн. др., а прямому кресту.

1. Прямой крестъ, одинъ изъ древнѣйшихъ и распространеннѣйшихъ символовъ. На табл. XII. л. 1. 8 видимъ знакъ человѣка, въ ростъ, съ горизонтально распростертыми руками, съ поворотомъ ладоней вверхъ. Фигура 1. 10 — тоже рукоположеніе, — съ поворотомъ ладоней внизъ. Фиг. 1. 9 — поясной знакъ. Удаленіе черты шеи и головы даетъ египетскій крестъ (съ кольцомъ-ручкою, регалія фараоновъ) — поклоненіе землѣ или благословеніе; удаленіе черты туловища — обращеніе къ небу. Напомнимъ знаки вверхъ и внизъ китайцевъ и корейцевъ. Крестъ, добавочной второй горизонтальной чертой даетъ, такъ называемый, „византійскій крестъ“. Въ крестѣ съ двумя добавленными горизонтальными чертами[1]) мы склонны принимать: среднюю линію за знакъ земли, надъ нею живой родоначальникъ и внизу — его умершій предокъ, антиподально молящійся владыкѣ загробнаго міра.

2. Угловой знакъ молитвы и благословенія, направленнаго вверхъ и внизъ и означеннаго прямолинейно, изображенъ на табл. XX. II., на 1 и 2 горизонтальныхъ полосахъ, первыми знаками, т.-е. XII. II. 1. 2 и 2. 2.

Послѣдующіе знаки изображаютъ послѣдующія градаціи отвлеченія — графическій символизмъ: отбрасываніе линіи туловища, съ оставленіемъ линіи головы и шеи, и обратно, и съ означеніемъ основного углового символа и въ боковыхъ поворотахъ. Внутри этого знака часто встрѣчается кружечекъ или точка, какъ знаки головы.

Треугольники, соотвѣтствующіе этому рукоположенію, символы сложные: они образовались изъ углового символа молитвы и благословенія, выраженнаго линейно, см. лѣвую часть XII таблицы, 11. 9 и 10 пояснительные знаки. Полезно попутно взглянуть и на прочіе виды сложныхъ символовъ, происходящихъ изъ углового символа, но съ наложеніемъ на него другихъ графическихъ формъ благословенія.

Особенное значеніе придавалось сочетанію угловыхъ символовъ.

Треугольникъ, какъ и ромбъ, — амулетные символы, т.-е. сомкнутые: они уже не имѣютъ дѣйствующихъ (активныхъ) символовъ молитвы и носились, преимущественно, женщинами. Главы семьи, родоначальники, конечно, имѣли право на ихъ ношеніе, но свое право молитвы и право общенія съ божествами они всегда отмѣчали на головныхъ уборахъ, на ношеніе которыхъ ни женщины ни сыновья (до извѣстнаго возраста) права, повидимому, не имѣли.

3. Молитвенные знаки, изображенные на 3-й и 4-й строкахъ табл. XII. II., мы считаемъ боковыми изображеніями молитвы.

---

[1]) Samech — столбъ, евр. буква. См. критскія и эгейскія начертанія (№ 18, табл. II. Клоддъ. Ист. алф. 61).

Наиболѣе распространенные передне-задніе знаки мы оріентируемъ на востокъ и западъ, когда же человѣку надо было означить поклоненіе божествамъ полудня или полночи, юга или сѣвера, онъ, повидимому, прибѣгалъ къ боковымъ знакамъ[1]).

Законность выраженія молитвы движеніемъ рукъ, какъ она выражена на древнѣйшихъ памятникахъ искусства и въ древнѣйшихъ литературныхъ памятникахъ, проста: простирай руки къ тому, кому молишься. Если хочешь выразить молитву небу, воздѣвай ихъ, если землѣ — опускай[2]).

Это горизонтальное простираніе рукъ, это же воздѣяніе и опусканіе рукъ, одной или обѣихъ вмѣстѣ и означено на этихъ строкахъ. Этотъ способъ означенія молитвы часто употребляется въ рунахъ, но онъ виденъ и въ начертаніяхъ енисейскаго алфавита. Въ петроглифахъ древнихъ, высѣченныхъ, и недавнихъ, — писанныхъ красною краскою, эти знаки встрѣчаются довольно рѣдко[3]).

Въ тамгахъ тюрковъ и тюркоалтайцевъ и вертикальная черта (знакъ немолящагося человѣка) и рукоположеніе, сбоку означенное, встрѣчается чаще.

4. Одновременное наклонное простираніе обѣихъ рукъ по одной прямой линіи изображено на 5-й строкѣ таблицы.

Какъ горизонтальное простираніе рукъ образуетъ съ туловищемъ прямой крестъ, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ символовъ молитвы, такъ и это рукоположеніе образуетъ косой крестъ. На древность этого вида молитвы мы пока имѣемъ указаніе на древне-вавилонскомъ цилиндрѣ; изображающемъ выходъ бога Шамаша изъ восточныхъ вратъ неба (табл. VIII. XV. 4).

Знакъ этотъ (на табл. XII. II. 5. 6) по установившейся практикѣ, символизируетъ могущество и силу, но мы генезисъ его видимъ въ означеніи двухъ отдѣльныхъ рукоположеній, изображенныхъ на одномъ знакѣ.

Это рукоположеніе мы понимаемъ уже какъ двухстороннюю *одновременную* молитву двумъ противоположнымъ божествамъ: небу и землѣ, солнцу и лунѣ, свѣту и тьмѣ и т. п. (Здѣсь можно заподазривать начало свастико-совастическаго культа.)

Конечно, ее скорѣе слѣдуетъ собственно понимать, какъ выраженіе молитвы одною рукою, другая же — выражаетъ бого-почтеніе, можетъ быть, соединявшееся съ просьбою о поддержкѣ молитвы. Этими или иными, болѣе соотвѣтствующими дѣйствительности, соображеніями возможно объяснить эту двойственную сигнализацію. Въ это время, руки, какъ части тѣла, предназначенныя для сигнализаціи молитвы, уже обособились по культамъ правой и лѣвой руки. Правая рука была посвящена востоку, культу солнца, дню, а лѣвая — западному культу подземному, ночи, предкамъ и т. п.

---

[1]) Въ концѣ 4-й строки надлежитъ обозначить и одновременное поднятіе одной и опусканіе другой руки, въ двухъ поворотахъ, т.-е. k-символъ.

[2]) Voullieme (диссертація). Quo modo veteres adoraverint. Halle. 1887. — Н. Вашкевичъ. Истор. хореогр. древн. культ. М. 1908. стран. 58. — O. Müller. Handbuch. — Lasaulx «Ueber die Gebete der Griechen und Römer».

[3]) Г. П. Потанинъ. Путешествіе по С.-З. Монголіи. Табл. I, фиг. 32. Молитва шамана предъ бубномъ.

1-я и 2-я фигуры означаютъ одно поднятіе рукъ, и послѣдующія означаютъ два отдѣльныхъ поднятія.

Выше расположенная рука, вѣроятно ладонью, обращалась тоже вверхъ или впередъ, а опущенная была повернута ладонью къ землѣ или назадъ; весьма возможны, и варіаціи въ этомъ направленіи, но онѣ не имѣли особо важнаго религіознаго значенія, иначе положеніе ладони указывалось бы прибавленіемъ на концахъ линій черточки, означающей положеніе большого пальца[1]).

Какъ знаки благословенія (см. рукоположеніе второстепенныхъ божествъ) они представляются легко: одна рука (какъ у Шамашъ) благословляетъ землю, а другая молится о благоденствіи живущихъ на ней.

Когда на отвѣсную линію, знакъ человѣка, или на знакъ человѣка съ косымъ молитвеннымъ распростираніемъ рукъ, налагаются соотвѣтственныя косыя благословенія сверху (неба) и снизу (земли), тогда могутъ образоваться тѣ косыя начертанія буквы „samech“, которыя встрѣчаются въ древне-еврейскомъ и чаще въ древне-финикійскомъ алфавитѣ. Этому же косому прямолинейному рукоположенію мы приписываемъ своеобразные косые кресты въ ряду „т“ арійскихъ народностей (см. 203 Tafel, Forrers. R. L.).

5. 6-я и 7-я строки таблицы изображаютъ также не поворотъ, а двухстороннее рукоположеніе, хотя здѣсь вполнѣ возможно предполагать молитву одному и тому же божеству, но по культамъ рукъ, т.-е. поднятая или вытянутая рука означаетъ молитву, а несогнутая остается обращенной къ землѣ.

Астрономическіе знаки, Юпитера (XII. II. 6. 1) и Сатурна (7. 7), относятся къ этой формѣ молитвы. Эта форма молитвы изрѣдка встрѣчается въ петроглифахъ. Въ ея варіаціяхъ можно видѣть генезисъ начертанія древне-финикійской и древне-еврейской буквы „alef“ (быкъ). Дублетныя начертанія желательны.

6. На 8-й и 9-й — изображено то же молитвенное рукоположеніе, которое изображено и въ двухъ послѣдующихъ строкахъ, въ 10-й и въ 11-й, въ позднѣйшемъ округленномъ начертаніи. Одна рука вытянута горизонтально безъ сгибанія, а другая поднята или опущена согнутою. Въ этомъ видѣ рукоположенія нами указанъ генезисъ буквы „beta“, въ прямолинейномъ и округленномъ начертаніи. Символъ образовался изъ соединенія поднятія и опусканія одной и той же руки, соединенное съ наложеніемъ ладоней на голову и на бедро. Но, конечно, нелишнее прослѣдить образованіе „beta“ и по символамъ Кипрской буквы „т“ (см. Forrer, Tafel 202).

7. На строкахъ 12-й и 13-й, въ прямолинейномъ начертаніи, изображена та же разновидность рукоположенія, которая означена округленно на 14-й и 15-й строкахъ. 12—13-й типъ, въ алфавитѣ и въ петроглифахъ Енисея, встрѣчается очень рѣдко, — въ нижнемъ поворотѣ: указаніе на разложеніе культа, бывшее предъ появленіемъ типа 14—15-го.

---

[1]) По существу, эти рукоположенія (хотя безъ сгибанія рукъ) могутъ быть сопоставляемы съ свастическимъ и совастическимъ: поднятіе одной стороны и опусканіе другой.

8. Особыя разновидности мимическаго символизма видны въ начертаніяхъ строкъ: 16-й, 17-й и 18-й. Молитва, при которой каждая рука своимъ сгибомъ образовывала угловой символъ, т.-е. получалось боковое дублированіе углового символа. То же рукоположеніе, на строкѣ 18-й изображено еще рѣзче, его расчлененіе можно видѣть на правой сторонѣ таблицы, 5. 1—5. Генезисъ sigma, mü, double-vé, W, виденъ ясно, принявъ во вниманіе только очертанія рукъ.

Кромѣ того, на правой таблицѣ виденъ генезисъ нѣкоторыхъ другихъ символовъ, встрѣчающихся часто и въ тамгахъ.

9. На фигурахъ 19-й и 20-й строкъ означено рукоположеніе, подобное предыдущимъ, но въ округленныхъ начертаніяхъ. Особаго вниманія заслуживаетъ весьма распространенный фертовидный символъ, часто встрѣчающійся, при чемъ надо различать соединеніе рукъ на головѣ и у поясницы.

10. На 21-й и 22-й строкахъ, 1—5 фигуры изображаютъ не одновременныя, а съ нѣкоторымъ промежуткомъ, поднятія и опусканія рукъ въ прямолинейномъ и округленномъ очертаніи.

11. Свастическое и совастическое рукоположеніе, съ линіею туловища, въ трехъ градаціонныхъ фазахъ изгибанія туловища и рукъ. Эти енисейскіе свастическіе знаки даютъ ясное указаніе на генезисъ троянскаго начертанія свастики (вправо сгибающееся начертаніе, строка 23[1]) и совастики (влѣво изгибающееся)[2]). Если линію туловища, на 3 енисейскихъ знакахъ отбросить, а оставшіяся линіи рукъ наложить соотвѣтственно одинъ на другой, получимъ подобіе сегнерова колеса, что изображено на лѣвой стор. XII табл. знаками 7. 1. Троянское начертаніе обоихъ знаковъ — 7. 4[3]).

Такимъ образомъ, генезисъ свастическаго и совастическаго символовъ выясняется — это графическіе символы, происшедшіе отъ постепеннаго сокращенія начертаній сложныхъ религіозныхъ движеній, вѣроятно соединенныхъ съ пляскою съ молитвеннымъ вращеніемъ (circumactio religiosa), каковое у древнихъ грековъ и римлянъ отмѣчено многими латинскими и греческими писателями[4]). Знакъ мимикографическій, религіозный, въ до-алфавитномъ его происхожденіи не можетъ быть ни малѣйшихъ сомнѣній. Первый совастическій знакъ, найденный въ Троѣ, на глубинѣ около 14 метровъ, относится, слѣдовательно, къ 1-му городу, кромѣ того, въ 1-мъ городѣ были находимы и напряслица съ изображеніемъ совастики[5]). Зна-

---

[1]) См. на лѣвой сторонѣ таблицы, 6. 12 и 6. 13. правой фиг.; 7. 1 правая фиг. 7. 3, 7. 4 нижняя фиг., 7. 10 л., ф. 7. 11 л. ф. и 7. 13 пр. фиг.

[2]) См. т. XII л. 6. 11 и 6. 13 л. ф.; 7. 1 л. ф., 7. 2, 7. 4 в. ф., 7. 10 п. ф. 7. 11 п. ф. и 7. 13 л. ф.

[3]) M. Müller u. Sayce. См. Ilios, von Dr. Schiemann. L. 1881, стран. 389 и 396. См. рис. свастики и совастики на напряслицахъ.—Cypern. L. P. D. Cesnola. I. 1879. 364 и 432 (совастика). Табл. XCII и XCIII (совастика) и XCIV, на вазѣ рисунокъ рыбы на клювѣ цапли, надъ раскрытымъ ртомъ рыбы — свастика, а подъ нею рядъ молитвенныхъ символовъ, обращенныхъ къ небу.

[4]) Quo modo veteres adoraverint. E. Voulliem. Halle. 1887. Стран. 11.

[5]) Atlas des antiqu. Troyeunes. H. Schliemann. P. 1874. Historia swastiki. M. Zmigrodskiego. W. 1891. 1. Нидерле, Л. Человѣчество въ доистор. времена.

Сиб. 1898. Стран. 167. Городъ конца неолитической эпохи. Находки эти относятся за 1500—2000 лѣтъ, если не болѣе, до изображенія алфавита.

менитый свинцовый идолъ, изображающій женщину съ совастикою на genitalia, найденный въ слоѣ 4-го города также до открытія алфавита, столѣтій за пять (около 2000 лѣтъ до Р. Х.). Въ скрещенномъ рукоположеніи женщины этой свинцовой статуэтки, взявъ и линію плечъ, можно видѣть beta-simbol, прототипъ буквы. Другая статуя, найденная на островкѣ Керосъ (Keros), по рисунку, помѣщенному у Онефальшъ-Рихтера (Ohnefalsch-Richter, M.), съ тѣмъ же рукоположеніемъ (безъ перекрещиванія рукъ) и съ тѣми же совастическими знаками[1]).

Изъ находокъ на Кипрѣ, на нѣкоторыхъ вазахъ видны преимущественно совастика и только на одной изъ нихъ, въ открытомъ ртѣ рыбы, пойманной цаплей на клювъ, начерчена свастика[2]). Изображеніе это помѣщено, на табл. I. XV, для параллелей основныхъ (угловыхъ) символовъ молитвы (см. 1). Отвѣсная цѣпь этихъ символовъ, обращенная къ небу, вверхъ, начинается надъ свастикою. Можно придавать этой рыбѣ жертвенное значеніе, и цапля является замѣстителемъ хищныхъ животныхъ, принимателей жертвъ. Взмахъ крыла цапли вверхъ съ условнымъ означеніемъ гребенчатаго знака, символизируетъ посвященіе небу, но перья и хвостъ рыбы сигнализируютъ молитву внизъ.

Жертву можно понимать, какъ посвященную *небесному* божеству и земному или водяному. Свастику можно разсматривать, какъ знакъ, присвоенный небеснымъ божествамъ.

На табл. VIII. XIV. 10 изображена описанная въ параллеляхъ согнутая лѣвая рука, съ совастикою на рукавѣ[3]).

Если принимать древне-троянскій генезисъ совастики, т.-е. перекрещиваніе начертаній рукоположеній рукъ въ начальной и послѣдующей фазѣ, то поднятою должна бы быть правая рука, тогда какъ обломокъ руки статуи ясно свидѣтельствуетъ о подъемѣ лѣвой руки. Генезисъ совастическаго знака долженъ быть иной: несомнѣнно, что въ этой свастикѣ перекрещиваются знаки показателей перстосложенія для начальнаго и конечнаго положенія. На табл. XII. Л. 20 и 21 рисунки объясняютъ высказанное нами. Можетъ быть, статуя относится уже къ греко-римской эпохѣ.

Обратившись къ совастикѣ свинцоваго идола изъ Трои, рисунокъ Шлимана привелъ насъ къ возможности предположенія, что во время 4-го троянскаго города, можетъ быть, уже символъ принялъ это значеніе. Но опредѣленное заключеніе невозможно по одному начертанію.

Но, взглянувъ рисунокъ той же фигуры у Ohnefalsch-Richter (стран. 151, fig. 149), мы увидѣли въ начертаніи совастики — существенное различіе: совастическаго изгиба на концѣ линіи, идущей справа налѣво, нѣтъ и мы, слѣдовательно, имѣемъ передъ собою перекрещиваніе одной совастически изогнутой линіи, означающей рукоположеніе съ показателемъ отставленія пальца на лѣвой поднимаемой рукѣ. Такое начертаніе уже придаетъ большую вѣроятность высказанному нами предположенію.

---

[1]) Kypros, die Bibel und Homer. Dr. M. Ohnefalsch-Richter. Berlin. 1893. Text-Band. S. 181. — Ilios. Dr. H. Schlimann. S. 381. — Человѣкъ въ доистор. времена. Л. Нидерле. Стран. 254.

[2]) Cypern. L. Cesnola. Taf. XCIV.

[3]) Revue d'Archéologie 1900. Сент., окт., стран. 308.

Окончательное установленіе начертанія совастики принадлежитъ Музею, гдѣ хранится эта выдающаяся по своему научному значенію статуэтка. На рукавѣ лѣвой руки статуи, хранящейся въ Оксфордскомъ музеѣ, есть еще звѣзда съ изгибающимися влѣво лучами, указывающими, по всей вѣроятности, направленіе религіознаго вращенія влѣво.

Такимъ образомъ, оказывается, что этотъ видъ молитвы или, вѣрнѣе, религіозный танецъ имѣлъ свою эволюцію и перстосложеніе было, можетъ быть, введено въ знакъ еще во время существованія 4-го города Трои, если начертаніе совастики на извѣстномъ женскомъ идолѣ согласуется съ рисункомъ Ohnefalsch-Richter.

Ноги у древнихъ грековъ въ молитвенной символизаціи имѣли только вспомогательное значеніе, но большая ступня, будучи и устойчивѣе, была видимо и болѣе желательной и съ религіозной точки зрѣнія. На древнѣйшихъ рисункахъ чернофигурныхъ вазъ мы видимъ непропорціонально большія ноги, не только у мужчинъ, но и у женщинъ. На урнѣ-хижинѣ [1]), изображенной на фиг. 16. 21 табл. XII. Л., мы имѣемъ интересное указаніе на характеръ сгибанія ногъ (присѣданіе) и, что особенно важно, что знаменательные въ религіозномъ отношеніи углы означены кружечками и подъ genitalia видимъ также кружечки.

Указанные выше рисунки, реставрирующіе движенія и особенно вращеніе при исполненіи свастики и совастики древнѣйшаго и новѣйшаго ея вида, поясненія дѣлаютъ излишними.

Обращаемъ вниманіе на свастическія начертанія пуническаго алфавита (см. табл. XX. Л. 17. 18 и 19). Какъ и въ карфагенскихъ надписяхъ Кипра виденъ сходный способъ начертанія знаковъ: въ нихъ не видно перекрещиванія двухъ ломаныхъ или округленно изогнутыхъ знаковъ двухъ фазъ свастическаго и совастическаго рукоположенія, въ нихъ довольно опредѣленно означается прямая линія (иногда отвѣсно, а иногда и наклонно начерченная), означающая туловище.

Въ изображеніяхъ цилиндровъ, найденныхъ A. di Cesnola [1]) на остр. Кипрѣ, мы видимъ нѣсколько оттисковъ и съ интересующимъ насъ рукоположеніемъ, при чемъ особенно важны по вопросу о путяхъ заимствованія енисейскаго алфавита №№ 19, 20 и 21, pl. XIII, названнаго труда Чеснола.

Приведенныя данныя даютъ основаніе предполагать, что заимствованія передвигались и по Черному морю въ то время, когда финикіяне еще не уступили морской торговли въ Черномъ морѣ. Мало-азіатскіе алфавиты не имѣютъ свастическихъ буквъ; исключеніе представляетъ только Кипръ, въ финикійскихъ надписяхъ (Cyprn, L. Cesnola). Не видимъ мы ихъ и въ позднѣйшихъ арамейскихъ алфавитахъ, съ 500—300 лѣтъ до Р. Х. (Aegypt. papyri). Въ Pehlevi Hagiabad, 238—269 послѣ Р. Х.[2]) противу т, въ столбцѣ 11-мъ, подозрительный знакъ: тройчатый поясной верхній знакъ, т.-е. съ обѣими поднятыми руками, съ черточкою внизъ, идущею отъ

---

[1]) Salaminia. L. 1884. Pl. XII, №№ 10 и 11. На приложенной XII табл. п. с. 18. 18—19 помѣщенъ оттискъ цилиндра № 11, но и № 10 интересенъ участіемъ птицъ.

[2]) I. Eutings Schrifttafeln bei Zimmern, Grammatik d. semit. Sprache.—Forrers. Reallexikon, 1907, 714, Tafel 202.

(правой, вѣроятно) руки. Правый знакъ уничтожаетъ совастическое подозрѣніе[1]): начертано только воздѣяніе рукъ, соединенное внизу плечевою линіею, беремъ главенствующій поворотъ „впередъ", т.-е. на востокъ. Линія лѣвой руки на концѣ утолщена, см. фиг. 11 и 12, 6 рис. VI табл. (Коп. петр.)[2]). Этнографическія показанія по практикѣ культа заставляютъ обратить вниманіе на енисейскіе ряды свастическихъ и совастическихъ знаковъ, заимствованныхъ не изъ арамейскихъ послѣ Р. Х. алфавитовъ, а также и на солнечные знаки петроглифовъ Енисея.

На строкахъ 23-й и 24-й табл. XII изображены и тѣ религіозные символы (изгибы рукъ), которые въ прямолинейныхъ округленныхъ начертаніяхъ, являлись прототипами различныхъ буквъ.

12. Религіозные знаки, изображенные на 21-й и 22-й строкахъ, 6-й и 7-й фигуры и на 25-й строкѣ, по своему генезису весьма интересны: они образовались изъ установившихся символовъ путемъ наложенія ихъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ отвѣсной линіи, имѣющей уже чисто графическое вспомогательное значеніе. Напримѣръ, на фиг. 21. 6, съ лѣвой стороны, наверху приставленъ основной угловой символъ, обращенный къ небу внизу, справа, этотъ же символъ причерченъ въ поворотѣ къ землѣ.

Мы понимаемъ этотъ знакъ, какъ указаніе на неодновременное поднятіе рукъ, какъ и въ знакахъ 21. 1 и 22. 1, но съ болѣе продолжительнымъ промежуткомъ. Знакъ 22. 6 даетъ обратныя указанія, т.-е. сначала правая рука молитвенно поднимается, а потомъ уже лѣвая опускается

Такихъ знаковъ въ енисейскомъ алфавитѣ большая группа, 13 знаковъ, см. табл. X. Л. 17—21. На л. с. XII т. 2. 11—13, 3. 1—3 и 5. 9. 13 изображены подобные по генезису знаки южно-семитическихъ и индійскихъ алфавитовъ.

Вся 25-я строка представляетъ подобное же сочетаніе изъ дублированныхъ знаковъ (дубль-вэ и отсюда — символы). Интересно начертаніе 25. 7 пуническаго свастическаго знака, какъ сочетаніе отвѣсной черты съ астрономическимъ знакомъ Юпитера (ср. на той же таблицѣ 6. 1).

Пояснительныя линейныя начертанія къ описанной таблицѣ XII п. и нѣкоторыя петроглифическія параллели на той же таблицѣ, съ лѣвой стороны, подробныя описанія каждой фигуры даны въ концѣ статьи, въ особомъ объясненіи всѣхъ приложенныхъ таблицъ.

Эволюціонныя и хронологическія соотношенія енисейскаго и тукюэскаго алфавитовъ, поскольку они отразились въ степени дифференціаціи письма, уже отмѣчены нами во введеніи (стран. 34—36 и 325). Основываясь на представленномъ въ этой главѣ выясненіи этнографическихъ производителей алфавитныхъ начертаній, отмѣтившихъ себя такими разнообразными и глубокими чертами въ енисейскомъ алфавитѣ,

---

[1]) Сопост. съ начертаніями Копенскаго петроглифа, VI табл.: 4 р. 20 ф.; 5 р. 1 и 7 ф.; 6 р. 1 и 11 ф.

[2]) Сопост. съ слѣдующими петроглифическими начертаніями, на VI-же табл. 5 р. 5 ф. и воздѣяніе рукъ шамановъ: 3 р. 13 и 4 р. 20.

возможно утверждать, что этотъ алфавитъ значительно древнѣе тукюэскаго, можетъ быть, на нѣсколько сотенъ лѣтъ и, что непосредственная эволюціонная связь обоихъ этихъ алфавитовъ представляется сомнительною: вѣроятнѣе, что это самостоятельныя вѣтви, и, притомъ, различнаго возраста. Мы не имѣли возможности ознакомиться съ арсакидскими начертаніями на пароянскихъ монетахъ, но указаніе на нихъ проф. О. Доннера[1]) заслуживаетъ серіознаго вниманія. Для рѣшительнаго отклоненія древнѣйшаго заимствованія слѣдуетъ ближайшимъ образомъ всмотрѣться въ этнографическое содержимое этого нумизматическаго матеріала, одна форма легендъ, одни начертанія, сами по себѣ, отдѣленныя отъ всѣхъ эволюціонныхъ нитей, безъ разносторонних вполнѣ научныхъ обслѣдованій и повѣрочныхъ параллелей, могутъ заслонить болѣе древнее заимствованіе: составъ знаковъ въ енисейскомъ алфавитѣ разнороденъ по манерѣ начертанія и несомнѣнно разновремененъ. Надо не забывать, что даже лингвисты, обосновываясь на совершенствѣ и точности орхонскаго алфавита, на разработанности и выдержанности его орѳографіи, склонны отодвинуть его появленіе въ бассейнѣ р. Селенги столѣтія на два на три, приближаясь къ началу нашей эры. Этотъ алфавитъ приписывается турецкому или турко-монгольскому племени. Относительно же авторовъ енисейскихъ надписей мнѣнія лингвистовъ расходятся[2]). „Кыргызы“, которымъ приписывается енисейскій алфавитъ, — по однимъ, — другое турецкое племя, а, по другимъ, принимающимъ во вниманіе китайскіе и мусульманскіе источники, „кыргызы“ антропологически были *не турко-монголы*, а скорѣе — арійцы или, можетъ быть, смѣшанная енисейская[3]) раса; видѣть въ нихъ „первобытныхъ славянъ“[4]), какъ и финновъ, и угровъ (венгровъ) нѣтъ основаній, кромѣ легендарныхъ сказаній и миѳовъ, произвольно и превратно толкуемыхъ, иногда съ анахронизмами въ сближеніяхъ памятниковъ житейской техники. И хотя, основываясь на свидѣтельствѣ надписей, языковѣды и утверждаютъ, что эти аризированные енисейцы были въ тѣ времена уже отуречены, но позволительно предполагать, что объ отуреченіи *народной массы* не можетъ быть и рѣчи: процентъ пользовавшихся алфавитомъ былъ настолько ничтоженъ, что надписей на оружіи и на древнихъ вещахъ не встрѣчено, — около петроглифовъ, онѣ очень рѣдки, — надписи встрѣчаются отдѣльно на утесахъ, и на могильныхъ камняхъ. Есть основанія предполагать, что большинство надписей не принадлежитъ постояннымъ обитателямъ при-енисейской древне-культурной области, а наѣзжавшимъ туда изрѣдка турко-монгольскимъ властителямъ или ихъ военачальникамъ, или, самое бóльшее, и мѣстнымъ вассальнымъ правителямъ и ихъ приближеннымъ. Возможны были наѣзды турко-монголовъ не по одному Енисею, но и южными перевалами чрезъ Алтай, съ юго-запада, съ Біи, по р. Лебеди, чрезъ южную часть Абаканскаго хребта, чрезъ Мрасъ-су-Маторъ — на станицу Таштыпскую.

---

[1]) «Sur l'origine de l'alphabet turc du nord de l'Asie», 1896. — Wilh. Thomsen. «Inscriptions de «l'Orkhon». H. 1896.

[2]) П. Меліоранскій. Объ орх. и енис. надгробныхъ памятн. съ надписями. Стран. 279 и 281.

[3]) Ibidem, 278, 279 и 281. — Сопост. д-ра Г. Шурцъ, Средняя Азія и Сибирь. — Исторія человѣчества, Гельмольтъ, томъ II, стран. 119—122.

[4]) В. М. Флоринскій. «Первобытные славяне» по памятн. ихъ доисторической жизни. Томскъ, 1894.

Возможны наѣзды и съ долины Томи: двумя болѣе отдаленными, но и болѣе удобными перевалами. *Южный перевалъ*, съ Мрасъ-су, чрезъ среднюю часть Абаканскаго хребта, на Таштыпъ или на древнюю сагайскую дорогу, *сѣверный перевалъ* съ Томи, почти на 55° с. ш., обходя горы: Тыдынъ, Акъ-Тай и Табулгалы, пересѣкая р. Кію, верховья рѣчекъ Урюпа, Береша и Печище и отъ юртъ Агаскыръ, расходясь къ устью рѣкъ Печище и Саралы, гдѣ много интересныхъ кургановъ древнихъ типовъ. Устье Печища лежитъ приблизительно на средней высотѣ долинъ озернаго пространства, на которомъ расположены такія большія озера, какъ: Бѣлое, Божье, Ураки, Салбашъ, Учумъ, Билло, (или Билё), Иткуль. Этотъ бѣглый перечень переваловъ и путей къ верхнимъ долинамъ Енисея, съ мѣсторожденіями мѣди и золота, указываетъ, насколько эти и сосѣднія съ ними мѣстности складчаты и пересѣчены, обильны изолированными долинами, занятыми этнически невыясненнымъ народонаселеніемъ, въ которыхъ первоначальное заимствованіе могло сохранить архаическія черты, и которое, достигнувъ этихъ гористыхъ мѣстностей, вскорѣ же могло подвергнуться и разложенію, вслѣдствіе загражденія этой вѣтви отъ главнаго пути на востокъ, пролегавшаго у южныхъ склоновъ Алтая и Саянъ. Введеніе въ прямолинейный алфавитъ значительнаго процента *овальныхъ начертаній* могло происходить и потому, что въ религіозныхъ изображеніяхъ мѣстами начала появляться и округленная манера ихъ начертанія. Такимъ образомъ, нѣкоторыя архаическія прямолинейныя буквы могли быть и совсѣмъ вытѣснены гомологичными овальными знаками. Движеніе обоихъ алфавитовъ съ запада на востокъ несомнѣнно, но тукюэскій алфавитъ, по главному пути, могъ прійти въ позднѣйшемъ усовершенствованномъ составѣ и попасть на Орхонѣ въ условія болѣе благопріятныя для поступательной эволюціи. Но, кромѣ того, нельзя забывать о длительности и подготовительной фазы заимствованія, — этнографической, т.-е. предварительнаго усвоенія символическихъ движеній, входившихъ въ практику культа: эта фаза, можно сказать, обусловливаетъ и *характеризуетъ* графическій составъ алфавита. Въ теоріи Ружэ[1]) о заимствованіи всѣхъ алфавитовъ отъ египетскаго гіератическаго алфавита, выдающагося по полиморфизму, по изобилію дублетныхъ буквъ, характеризующему начальную эволюціонную стадію, народный (демотическій) алфавитъ при этомъ былъ игнорированъ, а онъ, хотя и позднѣйшій, но менѣе полиморфный и болѣе установившійся, какъ мѣстная параллель, представлялъ интересъ. Гіероглифы же, обращенные налѣво, сравниваются: съ обращенными направо гіератическими буквами (выбранными изъ большого количества дублетовъ), и съ буквами различныхъ древнѣйшихъ алфавитовъ, обращенными и вправо и влѣво. Причина этихъ поворотовъ оставлена безъ разслѣдованія, а, между тѣмъ, *священныя письмена* указывали направленіе изслѣдованія. Вслѣдствіе пренебреженія этнографическими связями, просмотрѣна почти треть сравниваемыхъ рядовъ, состоящая изъ цѣнныхъ солнечныхъ знаковъ, разработка которыхъ безъ помощи египтологовъ весьма затруднительна. Гіератическія буквы

---

[1]) Эд. Клоддъ. Эволюція человѣчества въ письменахъ. С.-Пб. 1908. Стран. 49—55, 77. — Я. Б. Шницеръ. Иллюстр. всеобщей ист. письменъ. С.-Пб. Стран. 93—95. — Forrers, Realex. Египетскіе алфавиты по Эберсу (Nach Ebers). Стран. 710.

(папирусъ Приса) были древнѣе финикійскихъ (Сидонъ), почти на 2000 лѣтъ; при сравненіи же съ болѣе древними (послѣ открытыми: Дибонъ, Меша) различіе получилось не меньшее, какъ бы слѣдовало, а *большее*. Сравнивались, такимъ образомъ, не только *разнородные* (рисунки и знаки, конкретографы и сигнографы) и *разновременные* графическіе элементы, но еще съ игнорированіемъ ясно выраженныхъ „этнографическихъ явленій", съ ненаучными воззрѣніями на „заимствованія", — на условія ихъ сохранности или неприкосновенности, и даже — на методы изслѣдованія и обобщенія.

Собранные трудами Эванса, Петри, Тсаунтаса и др. матеріалы, въ Египтѣ, на Критѣ и на другихъ островахъ Эгейскаго моря фактически сдѣлали гипотезу Руже болѣе чѣмъ сомнительною.

Теперь же, когда, руководясь указаніями петроглифовъ Енисея и особенно енисейскаго алфавита, удалось разъяснить и доказать эти разъясненія параллелями, что для *звуковой* системы письма взяты знаки предшествующей *свѣтовой* системы письма, приспособленной къ языку тѣлодвиженій, предшественнику звукового языка, гипотеза Руже должна уступить фактически установленному генезису. Руже мы обязаны тѣмъ, что въ его таблицѣ мы нашли солнечные знаки въ гіератическомъ письмѣ, замѣченные сперва у Шампольона[1]).

Обращаясь къ вопросу о ближайшихъ „графическихъ предкахъ" енисейскаго алфавита, нельзя надѣяться на его исчерпывающее рѣшеніе, если первоначальные этнографическіе производители и послѣдующія графическія наслоенія не будутъ достаточно выяснены, съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ измѣненій въ религіозныхъ тѣлодвиженіяхъ и въ манерахъ ихъ означенія.

На приложенной таблицѣ XIII сходныхъ начертаній проф. Доннера, съ добавленными нами кипрскими, первоначальное заимствованіе отъ аризированныхъ народностей Малой Азіи, графически устойчиво обрисовано, но его еще необходимо разработать спеціально, этнографически, съ точки зрѣнія тѣлодвиженій, усвоенныхъ въ практикѣ культа.

Отмѣчаемое арамейское вліяніе было бы желательно увидѣть въ подобной же особой таблицѣ, съ означеніемъ всѣхъ сходныхъ начертаній, чтобы этнографы имѣли возможность сдѣлать хотя общія заключенія.

Большой интересъ возбуждаетъ сближеніе проф. Доннера съ знаками легендъ пароянскихъ монетъ, намъ кажется, что этнографическая разработка въ этомъ направленіи окажется плодотворною. Но, во всякомъ случаѣ, это вліяніе не будетъ начальнымъ, кромѣ буквенныхъ указаній на мало-азіатскіе алфавиты имѣются на Енисеѣ и косвенныя указанія: графическіе религіозные пережитки въ тамгахъ, петроглифахъ и въ орнаментѣ.

Въ енисейскомъ алфавитѣ, съ этнографической точки зрѣнія, чрезвычайно загадоченъ этнографическій источникъ свастико-совастическихъ знаковъ и основныхъ

---

[1]) Эд. Клоддъ. Исторія алфавита. С.-Пб. 1908. Стран. 51, №№ знаковъ: 1, 2, 4, 11, 19 и 20. — M. Champollion le jeune, Mémoiresur les signes a la notation de divisions du temps, p. 1841. — Fr. I. Lauth. Les zodiague de Denderah. M. 1865.

или начальныхъ фазъ этой разновидности тѣлодвиженій, относящихся къ культу солнца, показателей рукоположенія и другихъ производныхъ отъ этого культа линейныхъ начертаній. При большомъ процентѣ знаковъ свастико-совастическихъ религіозныхъ движеній, знаки прямого поклоненія восходящему, полуденному и заходящему солнцу въ енисейскомъ алфавитѣ почти отсутствуютъ; конкретографы, дискъ и полудиски солнца, есть. Въ мало-азіатскихъ и арамейскихъ алфавитахъ процентъ свастико-совастическихъ знаковъ ничтоженъ, съ замѣтнымъ увеличеніемъ въ болѣе древнихъ варіантахъ; въ финикійскихъ алфавитахъ и на цилиндрахъ (Кипръ) эти начертанія чаще встрѣчаются, имѣя своеобразныя особенности. Сюда же должно отнести своеобразную группу знаковъ сходнаго религіознаго значенія, съ отличіемъ только въ поочередномъ (съ паузами) подъемѣ рукъ (см. конецъ § 18).

Впредь до появленія новыхъ матеріаловъ, на группу свастико-совастическихъ знаковъ приходится смотрѣть, какъ на указаніе, что заимствованіе алфавитовъ отнюдь не начинается съ *непосредственнаго усвоенія буквенныхъ начертаній:* предшествуетъ подготовительная эволюціонная фаза, т.-е. болѣе или менѣе продолжительное воспріятіе выражаемыхъ тѣлодвиженіями знаковъ и символовъ, установленныхъ при различныхъ обрядностяхъ культа. Число такихъ непосредственныхъ воспріятій религіозныхъ тѣлодвиженій и жестовъ значительно превосходитъ число заимствованныхъ буквенныхъ начертаній, особенно если присоединить усвоеніе знаковъ и символовъ движеній, служившихъ для общенія съ людьми. Эти накопленія непосредственныхъ заимствованій знаковъ и символовъ языка движеній, особенно религіозныхъ, въ неустойчивой стадіи алфавита, въ фазѣ полиморфизма, или при начавшемся разложеніи культа, могли вводиться и по прибытіи заимствованія въ очень отдаленную мѣстность, безъ всякихъ новыхъ или повторительныхъ заимствованій.

Если вышеотмѣченные свастико-совастическіе знаки не будутъ найдены на пути заимствованія, то появленіе ихъ въ алфавитѣ можетъ свидѣтельствовать о большей продолжительности и значительности непосредственнаго заимствованія культа, и по объему и по содержанію, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Только покровъ культа, сотканный изъ множества этнографическихъ нитей, сохранялъ въ неприкосновенности многіе памятники изобразительнаго искусства и письма, имѣющіе и геологическую давность, а также и относящіеся къ аллювіальнымъ временамъ.

Только древнѣйшій языкъ культа, языкъ тѣлодвиженій, обусловилъ поразительное сходство древнихъ памятниковъ искусства и письма, объединилъ все человѣчество, корни этого объединенія спускаются къ еще болѣе отдаленнымъ стадіямъ эволюціи человѣчества.

Буквенные знаки звукового языка оказываются письменными знаками и символами языка движеній, слѣдовательно, объ эволюціонной самостоятельности языка, въ узкомъ общераспространенномъ смыслѣ этого слова, не можетъ быть и рѣчи: практику языка человѣкъ началъ не на немъ. Эволюціонный предшественникъ звукового языка, — языкъ тѣлодвиженій, дифференцируясь и координируясь, въ свою очередь, дифференцировалъ, координировалъ, эволюціонировалъ соотвѣтственныя группы

психо-физіологическихъ дѣятелей, велъ за собою эмбріоны человѣческой рѣчи, руководилъ практикою голоса, слуха и даже рѣчи, пока питомецъ не окрѣпъ и не переросъ своего воспитателя, который, и уступивъ первенствующее значеніе, все еще идетъ вмѣстѣ, не отставая и нерѣдко оказываетъ немаловажныя услуги своему эволюціонному наслѣднику.

Этотъ выводъ очень важенъ, многимъ онъ покажется слишкомъ смѣлымъ, расходясь съ гипотезами о филогенетическомъ происхожденіи языка человѣческаго, построенными на эволюціонной плоскости того же звукового языка, но дальнѣйшія объясненія, соображенія и заключенія мы вынуждены перенести въ конецъ статьи, такъ какъ въ слѣдующихъ главахъ, VII и VIII, будетъ помѣщенъ графическій анализъ родовыхъ знаковъ и знаковъ собственности, генезисъ славянскаго и русскаго алфавитовъ и нѣкоторыя другія параллели, подтверждающія и выясняющія графическій генезисъ алфавитовъ.

Мы слишкомъ хорошо понимаемъ, что представляемые графическіе анализы алфавитныхъ, родовыхъ, юридическихъ, астрономическихъ и другихъ группъ изобразительныхъ линейныхъ знаковъ и символовъ не могутъ претендовать на законченную разработку, на исчерпывающее рѣшеніе всѣхъ общихъ и частныхъ графическихъ вопросовъ: это можетъ быть исполнено только соединенными усиліями многихъ научныхъ силъ, спеціально въ этомъ заинтересованныхъ. Нельзя сказать, чтобы литература по доисторической антропологіи и этнографіи, въ интересующемъ насъ направленіи, была очень обширна, но въ центральныхъ библіотекахъ Москвы и Петербурга, несмотря на всѣ усилія, мы не нашли и половины намѣченныхъ изданій; оставаться надолго мы не могли. Живя вдали отъ научныхъ центровъ, мы вынуждены были довольствоваться едва третью библіографическихъ матеріаловъ, намѣченныхъ въ нашихъ карточкахъ. Повременныя иностранныя изданія и капитальные иллюстрированные труды послѣдняго времени особенно трудно доступны. Вотъ причины того, что во многихъ случаяхъ мы даемъ только предварительные варіантныя рѣшенія частныхъ графическихъ вопросовъ, но мы твердо увѣрены въ томъ, что мы стоимъ на вѣрномъ пути.

Предлагаемыя *основы* уясненія содержанія или, можно сказать, своего рода дешифрированія знаковъ и символовъ языка движеній мы находимъ вполнѣ правильными, въ предѣлахъ нашихъ силъ, онѣ тщательно и разносторонее провѣрены, теперь онѣ нуждаются въ научной критикѣ, въ компетентныхъ указаніяхъ спеціалистовъ и во вниманіи ученыхъ, тогда только планомѣрность и успѣшность дальнѣйшей разработки поставленныхъ нами вопросовъ будетъ вполнѣ обезпечена.

Съ точки зрѣнія большинства лингвистовъ знаки и символы голосовыхъ звуковъ какія-то небесныя неземныя созданія, свободно и далеко разлетающіяся на воздушныхъ волнахъ, съ точки же зрѣнія антропологіи, не только знаки и символы, не только обѣ эволюціонныя системы письма, но и оба языка — оптическій и акустическій — *земныя* существа, — творенія духа человѣческаго.

Спеціалисты по сравнительному языковѣдѣнію, въ объединенной научной работѣ съ этнографами надъ этой отдаленною эволюціонною стадіею письма, — въ древ-

нѣйшихъ памятникахъ практики культа, изобразительнаго языка и письма, въ пережиткахъ среди древнихъ и современныхъ кочевыхъ народовъ, — могутъ установить хотя бы важнѣйшія этнографическія связи буквенныхъ начертаній: съ землею и небомъ, свѣтомъ и тьмою, съ солнцемъ, какъ двигателемъ эволюціи, какъ возбудителемъ этнографическаго творчества, какъ установителемъ странъ свѣта, временъ года, частей дня, съ природою, во всей ея совокупности, съ міровыми божествами, указанными ею человѣку и съ самимъ человѣкомъ, наконецъ, какъ творцомъ культа и языка. Тогда только начертаній двигательныхъ и голосовыхъ знаковъ и символовъ пріобрѣтутъ желаемую устойчивость, научную обоснованность и сдѣлаются надежными матеріалами для дальнѣйшихъ этнографическихъ изслѣдованій и обобщеній.

Основы вполнѣ научной классификаціи всѣхъ 2000 алфавитовъ[1]), которые насчитываются съ до-историческаго періода, включая и тѣ немногіе (около 50), которые дожили до нашихъ дней, будутъ конечнымъ результатомъ лингвистическихъ и этнографическихъ работъ надъ собираніемъ и приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ еще сохранившихся матеріаловъ по эволюціи письма и языка оптическаго, съ помощію котораго человѣкъ пріобрѣлъ и акустическій языкъ, передавъ ему очень немногія, но, видимо, важнѣйшія въ практикѣ культа начертанія изъ свѣтовой системы письма.

---

[1]) Э. Клоддъ. Эволюція въ письменахъ С.Пб. 1908. Стр. 77.

VII.

Графическій анализъ родовыхъ знаковъ и знаковъ собственности.

Бѣдность матеріаловъ; причины этого. Настоятельная необходимость ближайшаго изученія и описанія имѣющихся родовыхъ знаковъ различныхъ народностей, прямое и косвенное значеніе предлагаемаго графическаго обслѣдованія и сравнительнаго описанія родовыхъ знаковъ.—1. Знамена сѣверныхъ сибирскихъ инородцевъ XVII вѣка; смѣшанный ихъ характеръ. Сочетаніе нѣкоторыхъ рисунковъ съ линейными знаками иногда напоминаетъ эпохи и Мадленъ (Magdalenien) и Дипилонъ (Dipylon). — 2. Корельскія тамги или клейма.— 3. Тамги астраханскихъ калмыковъ.— 4. Клейма или тамги лопарей. Сохранность знаковъ древняго культа и основъ системы свѣтового письма; необходимость монографическаго разносторонняго изслѣдованія этой этнографической разновидности у лопарей и сосѣднихъ съ ними народностей.—5. Клейма мордвы. — 6. Тамги вотяковъ. — 7. Тамги чувашъ. — Тамги черемисъ; религіозные символы и родовые знаки, какъ мотивы общаго и семейнаго или родового орнамента. — 9. Остяцкія тамги. Пережитки линейныхъ знаковъ при полномъ, повидимому, забвеніи ихъ внутренняго значенія. Свастическіе и совастическіе знаки говорятъ о южномъ мѣстообитаніи остяковъ, какъ и другихъ палеоазіатскихъ народовъ. — 10. Тамги якутовъ. Рисунки и линейные знаки, изъ послѣднихъ нѣкоторые интересны. Тамги-рисунки приводятъ къ вопросу, принесено ли якутами изобразительное и особенно пластическое искусство? Представляется возможнымъ и заимствованіе у полярныхъ звѣролововъ. — 11. Тамги самоѣдовъ. — 12. Тамги айновъ. — 13. Тамги горныхъ калмыковъ. — 14. Тамги нѣкоторыхъ киргизскихъ поколѣній и джучидскихъ монетъ. — 15. Тамги тюрко-алтайцевъ Минусинскаго округа. — 16. Тамги киргизовъ и кара-киргизовъ Сыръ-Дарьинской области. — 17. Тамги черкесскія. — 18. Кабардинскія тамги. Указаніе на одномъ знакѣ «заходящаго солнца и вечерней зари» свастическаго танца, вѣроятно общераспространенной на Кавказѣ «лезгинки»; подтвержденіе этого другими знаками Малой и Большой Кабарды. — 19. Тамги сѣвернаго Кавказа. — 20. Арабскія тамги; ихъ бѣдность и безсодержательность. — 21. Родовые знаки правителей греческихъ колоній. — 22. Древнѣйшіе родовые знаки русскихъ великихъ князей. — 23. Родовые знаки негровъ Центральной Африки. — Заключительныя соображенія.

Число народностей и количество собранныхъ у нихъ родовыхъ знаковъ, которыми мы располагаемъ, очень не велико, но не потому, чтобы мы не принимали мѣръ къ увеличенію графическихъ матеріаловъ. Несущественные пробѣлы возможны, — мы слишкомъ удалены отъ большихъ книгохранилищъ и большихъ музеевъ, но бѣдность этнографическихъ и археологическихъ матеріаловъ о тамгахъ или гербахъ — внѣ всякихъ сомнѣній. Къ этому присоединяется и неполнота данныхъ, сопровождающихъ каждый знакъ, безъ которыхъ графическій анализъ и параллелизированіе знаковъ иногда совершенно невозможно. Неразличеніе тамги, какъ религіознаго, а впослѣдствіи, и юридическаго знака, налагаемаго на скотъ и на вещи, и родового или семейнаго знака значительно ослабляетъ значеніе имѣющихся матеріаловъ. Большин-

ство тамгъ срисованы, большею частью, только съ животныхъ, лошадей, скота (на рогахъ), оленей, самыя же клейма не осмотрѣны и не сличены или, по крайней мѣрѣ, не сопоставлены съ предшествовавшими клеймами семьи или рода, до раздѣловъ. Нѣтъ ремарокъ о постановкѣ тамгъ, вышивныхъ, орнаментныхъ, на уборѣ и вещахъ родоначальника и его жены, особенно, на ихъ головныхъ и грудныхъ уборахъ. Не сдѣлано никакихъ ремарокъ о поворотахъ клейма, при наложеніи на лошадей, и другихъ животныхъ, самцовъ, самокъ и „кладеный" скотъ.

Солнечные знаки и нѣкоторые верхніе и боковые повороты религіозныхъ знаковъ и символовъ языка движеній подвергаются, въ такихъ случаяхъ, весьма существеннымъ измѣненіямъ своего религіознаго значенія, — вполнѣ опредѣленные и устойчивые выводы и заключенія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не могутъ быть сдѣланы.

Но, несмотря на неполноту и количественную бѣдность имѣющагося матеріала, мы вынуждены были ознакомиться съ нимъ поближе. Мы и здѣсь видѣли предварительное значеніе такого изученія, — пофигурныя описанія и сличенія тамгъ различныхъ народностей, приводя къ новымъ перекрещивающимся параллелямъ съ нѣкоторыми петроглифическими и алфавитными начертаніями, могли дать намъ иное освѣщеніе изученному ранѣе графическому матеріалу и указать новые варіанты толкованій или дешифрированія тѣхъ или другихъ мѣстныхъ модификацій знаковъ языка движеній и особенно символовъ-шрифтографовъ.

Мы предвидѣли и прямое значеніе предварительнаго описанія родовыхъ знаковъ различныхъ народовъ и различныхъ странъ, и косвенно-повѣрочное, критическое значеніе такого описанія, обусловливаемое разнообразіемъ точекъ зрѣнія и освѣщенія, а также и увеличеніемъ графическихъ и символическихъ варіантовъ на одну и ту же мимико-графическую тему.

1. Знамена сѣверныхъ сибирскихъ инородцевъ XVII вѣка.

А) Предметные или конкретно-графическіе родовые знаки. Параллели къ главамъ V и VI.

Табл. III, рисунки IX. XVI—XXII, знамена сибирскихъ инородцевъ XVII вѣка[1]).

Красноярскаго уѣзда, знамена 1662 года изображены на рис. XVI — копье (1) и топоръ (2), на рис. XVII — колчанъ фиг. 2 и юрта, фиг. 3. О колчанѣ замѣтимъ, что 5 стрѣлъ[2]), отставлены одна отъ другой, перья и ясно означенныя развилинки на концахъ образуютъ обращеніе къ небу. Колчанъ монгольскаго или киргизскаго типа. Начертаніе юрты (3), очевидно, условное религіозное начертаніе, амулетнаго характера: въ срединѣ, означенъ кругомъ очагъ, отъ него расходятся крестообразно 4 древнихъ молитвенныхъ знака, типовъ т. XII. П. 14. 2 и 4 (15 строка, фиг. 2), — они всѣ и

---

[1]) Н. Н. Оглоблинъ. Остяцкія знамена XVII вѣка. «Историческій Вѣстникъ», 1889 года, №№ 10—12. — Его же. Знамена сибирскихъ инородцевъ XVII вѣка. Зап. Уральское Общ. Любит. естествознанія, 1891—1892, т. III, livr. 1—2. Нѣкоторыя знамена восходятъ къ концу XVI вѣка.

[2]) Сопост. 5 стрѣлъ скиѳовъ, посланныхъ Дарію съ птицей, мышью и лягушкой. Въ числѣ стрѣлъ совпаденіе можетъ быть и не случайное. «Русскія древн.» II, стран. 25.

вся внутренность юрты обрамлены благословеніемъ, чаще всего понимаемымъ въ смыслѣ охранительнаго заколдованнаго круга или пояса[1]).

Четыреугольная юрта, тамга тѣхъ же качинцевъ и аринцевъ, см. т. VI. XII, состоитъ изъ такихъ же религіозныхъ охранительныхъ символовъ, перекрещивающихся въ видѣ перекладинъ; сходство съ перекладинами и скрѣпами юртъ въ дѣйствительности всегда подтверждается: развилины сучковъ, въ большинствѣ случаевъ, коротко не обсѣкаются[2]), можно думать, не изъ однихъ техническихъ соображеній. Погашеніе молитвенныхъ символовъ линіями благословенія сдѣлано также вмѣстѣ съ огражденіемъ всего жилища; четыреугольникъ, служащій охраняющимъ символомъ, составленъ изъ углового знака съ петлею въ мѣстѣ схожденія линій (символъ Гермеса) и двухъ отдѣльныхъ линій, можетъ быть, когда-то также сходившихся угломъ, образуя отвѣтный благословляющій символъ.

Рис. XXI. И здѣсь изображены знамена инородцевъ Красноярскаго уѣзда: сабля, мечъ, лукъ и стрѣла.

Сабля, по всей вѣроятности, поздняя тамга, заимствована у киргизовъ, вытѣснившихъ качинцевъ къ Красноярску; въ концѣ XVII вѣка они, впрочемъ, снова вернулись на минусинскія степи. Остріе сабли съ знакомъ благословенія по типу, изобр. на т. XII. II. 15. 2; рукоять сабли, точнѣе шашки, имѣетъ форму позднѣйшаго молитвеннаго рукоположенія, см. Т. XII. II. 20. 1; еще слѣва 4. 9.

Мечъ, съ рукояткою типа древнихъ мѣдныхъ кинжаловъ, подчинявшагося религіознымъ символамъ дугъ (т. XII. II. 14 и 15. 4), изгибы еще замѣтны на тамгѣ; благословеніе на остріе наложено прямою черточкою, по наискось, для приданія знаку двусторонняго значенія.

Лукъ длинный, но сигмовидный подобный скиоскимъ лукамъ[3]), но немного длиннѣе. Форма такого лука могла, конечно, происходить и отъ способа натягиванія титевы отодвиганіемъ лука, что, при стрѣльбѣ на короткѣ, дѣлали скиѳы, но она могла, въ свое время, обусловливаться и религіозными побужденіями: дать больше символовъ молитвы впередъ, и передъ стрѣльбою, и послѣ выстрѣла, придать ей этимъ и силу и вѣрность полета. Дуга же обыкновеннаго лука даетъ знакъ благословенія только назадъ, на стрѣлка. На тамгѣ означенъ конецъ лука, съ котораго титева снимается (ср. рис. XVIII. 4) и надѣвается быстро, въ 1 минуту: рука обхватываетъ заразъ и лукъ и тетиву у означеннаго приспособленія и, при упорѣ другимъ концомъ лука, сгибаніемъ лука надѣваніе производится одною рукою, не прибѣгая къ скиоскому

[1]) Въ этомъ же смыслѣ мы склонны понимать и тюркское слово qurgan. См. мнѣнія проф. I. Крека и Люборъ Нидерле, «Человѣчество въ доистор. времена». Стран. 146. По словарю Вамбери, курганъ — только *огражденное* мѣсто. Но обспросы одного проводника-качинца привели насъ къ подозрѣнію въ сложности слова qurgan (или qur-gän). Послѣднее слово, онъ переводилъ — поясъ. Первое же «qur» есть основаніе сопоставлять съ заговорнымъ словомъ: «чуръ». Курганъ теперь слѣдуетъ понимать въ смыслѣ огражденнаго заговоромъ (волшебно, мистически) мѣста. Въ новгородской же лѣтописи, въ 1224 г., слово «курганъ» впервые появилось въ смыслѣ укрѣпленія.

Объясненіе этого слова археологи и этнографы давно ожидаютъ отъ спеціалистовъ тюркологовъ, это важно во многихъ отношеніяхъ.

[2]) Это же видно и на старинныхъ столбахъ-коновязахъ.

[3]) Овидій. Trist. V, 7. 15—16, 19—20. — Скиѳскій способъ стрѣльбы — отдалять отъ себя лукъ. Гр. Толстой и Кондаковъ, «Русскія древн.», вып. II. Стран. 33.

способу надѣванія, — чрезъ колѣно. — Проф. П. Шурцъ, „Первобытная культура“, стран. 342—347. — Ак. Д. Н. Анучинъ, „Лукъ и стрѣлы“, V Археол. съѣздъ.

Стрѣла качинской тамги также носитъ на себѣ отраженія культа: на переднемъ концѣ видимъ фертообразный символъ (т. XII. П. 20. 3), а на заднемъ — символъ молитвы, по типу т. XII. П. 15—2 или 20. 2; ср. тамги т. V. 11. 12 и III. 13 и 15. У сулекскаго стрѣлка изъ лука, коннаго, лукъ и стрѣла очень похожи по начертанію съ описываемою тамгою, но на петроглифѣ на заднемъ концѣ стрѣлы не зонтичный, а петлевой знакъ (символъ Гермеса), генез. по типу т. XII. П. 19. 4. Уйбатскіе всадники, съ вотивнымъ оружіемъ, кинжаломъ мѣднаго типа и сигмо-виднымъ лукомъ, указываютъ насколько древня сигмо-видная форма лука: она восходитъ къ мѣдному вѣку.

XIX. 1 и 3 — мѣсяцъ. — 2. Всадникъ.

Т. III. Рис. XVIII. Три лука со стрѣлами, у двухъ на переднемъ концѣ означены символическія расширенія, которыя встрѣчаются и въ дѣйствительности (для стрѣльбы птицъ), но они никогда не достигаютъ тѣхъ размѣровъ, какой означенъ, напримѣръ, на фиг. 3. Округленіе на концѣ стрѣлы, фиг. 4, означаетъ или простое притупленіе съ религіозною цѣлью или изображаетъ стрѣлу съ шарикомъ на концѣ, чтобы убивать мелкихъ звѣрковъ, не портя ихъ шкуръ. Развилинка на заднемъ концѣ стрѣлы увеличена. Титева означена снятою съ лука: символъ внизъ и указаніе на заботливость о сохраненіи гибкости лука.—Фиг. 2-я изображаетъ соболя.

Т. III. Рис. IX. Фиг. 1-я изображаетъ выдру, а фиг. 3-я — бобра. Лапы животныхъ зарисованы очевидно условно: они подобны вильчатымъ религіознымъ знакамъ (т. XII. П. 14 и 15. 2).

Т. III. Рис. XX. Фиг. 1 и 5, остяцкія тамги, изображаютъ коней. — Фиг. 3 и 7 — княжескія знамена, одно изъ нихъ интересно по неозначенію туловища, какъ части тѣла, для молитвенной сигнализаціи излишняго. (Сопост. съ фиг. 106 (318) Вс. Псих. проф. И. А. Сикорскаго.) — 2. Какъ-будто метательная бичева съ шаромъ. — 6. Палка съ вилами на концахъ и съ шаромъ посрединѣ. — 4 — лапа.

XXII. Бобръ и выдра. Лапы выдры означены условно линейными дублированными символами.

Табл. VI. VII. 2. Рисунокъ сѣвернаго оленя. Голова приподнята, ротъ раскрытъ; отъ него идутъ извилистыя линіи; на боку замѣчаются поперечныя линіи. Копыта означены условными развилинами, какъ на рисункѣ козы эпохи Мадленъ[1]).

Т. VI. VIII. Фиг. 1. Лицо или маска: кругъ съ 3 кружечками внутри; тамга Нарымскихъ остяковъ. Ср. съ рисункомъ головы духа сѣв.-американскихъ индѣйцевъ, т. VIII. XXIX. Сигнографическіе родовые знаки описаны ниже, особо.

Т. VI. X. 1-я фигура, безъ рукъ, довольно загадочна, несомнѣнно только, что это человѣческая фигура, вѣроятнѣе женская, не относится ли она къ погребальному культу[2])?

2-я фигура. Изображеніе головы человѣка безъ туловища и съ головою, неотдѣленною чертою отъ шеи, такъ что внутренность головы открыта, эта условность на-

---

[1]) Mortillet, Musée, pl. XXIII. 158.

[2]) Types de peuples, Aspelin. H. 1890, фиг. 2. 3. — Сопост. XII. Л. 15. 21. н. пр.

чертанія, повидимому, отвѣчаетъ религіознымъ соображеніямъ: усиленію поклоненія землѣ. Возможно, что это изображеніе идола или духа; ротъ не начерченъ. Означено тройственное перстосложеніе, едва ли это позднѣйшая прибавка молитвеннаго знака къ концамъ линій. Ноги идутъ отъ плечъ.

Т. VI. XI. Фигуры 1 и 5 также изображенія человѣка; по пріему начертанія онѣ сходны съ предшествующею. Фиг. 2 и 4 — знакъ человѣка, обыкновеннаго начертанія, у второго обведено туловище и голова, съ однимъ глазомъ. Фиг. 3-я — дитя, руки и ноги означены въ видѣ молитвенныхъ знаковъ; руки подняты вверхъ.

Рис. IX. 2 фиг. — знакъ человѣка. — 1 фиг. Филинъ. — 3 фиг. Филинъ. — 4 фиг. Тетеревъ, крылья и хвостъ — религіозные символы. — 5 фиг. „Скобель", въ дѣйствительности же это графическій пережитокъ молитвеннаго знака, т. XII. П. 13. 2. Въ XVII столѣтіи, весьма возможно, религіозное его значеніе, хотя и смутно, еще знали, но, понятно, боярамъ, дьякамъ или подьячимъ и служилымъ людямъ, производившимъ сыскъ о недоимкахъ по ясачному сбору, высказать этого инородцы не посмѣли. — 6 фиг. „Пичушка". — Всѣ тамги этого рисунка остяцкія.

Т. VII. Рис. 8-й. Оба рисунка и знакъ изображаютъ соболя. — Остяцкія тамги.

Рис. 17. Фиг. 1-я. Юрта, но можно подозрѣвать и восточный солнечный знакъ (табл. XII. Л. 14. 3. пр. в.). Фиг. 2-я. Вѣроятно, по показаніямъ, остяковъ, могла быть тоже „юрта", т.-е. 1-й знакъ, осложненный позднѣйшими линіями такъ называемаго „отпятнываніе". Фиг. 3-я. Нарты. — Фиг. 4-я Ель. — Фиг. 5-я „Крюкъ".

Поскольку эта запись названій тамгъ XVII стол. соотвѣтствуетъ первоначальному дѣйствительному значенію тамгъ, трудно сказать. При обѣднѣніи и одичаніи остяковъ, при разложеніи и регрессѣ культа, возможна и отрицательная графическая эволюція, и этотъ „крюкъ", часто встрѣчающійся, есть примѣръ такого измѣненія тамги, вида т. XII. П. 20. 6 (ср. на той же VII т. 13 рис. 6; еще ср. т. XI. 19. 5).

Т. VIII. III. Фиг. 3-я. Тетеря — остяцкое знамя XVII вѣка. Около зоба видно мѣшковидное расширеніе, отъ котораго идетъ черта къ головѣ. Эта особенность напоминаетъ пластинки Тобольскаго музея[1]), хотя тамъ она выражена на животныхъ. Одно крыло тетери приподнято, хвостъ въ видѣ религіознаго знака (т. XII. П. 15. 3), лапки зарисованы также условно — дугою. Фиг. 6-я. Медвѣдь, также остяцкое знамя. Въ зарисовкѣ ногъ замѣтна условность.

В) Сигно-графическіе знаки.

Всѣ послѣдующіе родовые знаки и знаки собственности будутъ линейными.

Выясняя себѣ генезисъ того или другого знака всегда слѣдуетъ имѣть въ виду всѣ четыре поворота *одного и того же* знака, обусловленные религіознымъ ихъ происхожденіемъ, направленіемъ ихъ, какъ символовъ, къ небу или землѣ (вверхъ или внизъ), на востокъ или западъ (направо или налѣво), представляя нѣкоторые символы стоящими, такъ сказать, „лицомъ къ намъ" или „затылкомъ къ намъ". Этнографамъ такая группировка, можно сказать, обязательна, для скорѣйшаго выясненія генезиса

[1]) Heikel, «Ant. de la Siberie. XVIII. XIX.

начертаній. Думаемъ, что такой предварительный пріемъ не безполезенъ и для лингвистовъ, и уже послѣ поворотовъ слѣдуетъ подвергать этотъ знакъ спеціально алфавитному графическому анализу.

Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что измѣненіе прямолинейнаго очертанія символовъ въ округленное, нисколько не измѣняетъ религіознаго значенія символовъ, а также и наоборотъ: это графическое измѣненіе имѣетъ только нѣкоторое хронологическое значеніе. Затѣмъ, разсматривая тамги, надо имѣть въ виду, что онѣ, въ большинствѣ случаевъ, поясные знаки.

2. Корельскія тамги или клейма.

Табл. 1. Рис. 32.

1. Эсъ-символъ, какъ и зэтъ-символъ — знаки свастическато и совастическаго положенія обѣихъ рукъ (одновременно), какъ въ начальной, такъ и въ конечной фазѣ этого сложнаго молитвеннаго акта. Здѣсь означено свастическое рукоположеніе, т.-е. опущена правая рука.

2. Сложный знакъ, въ немъ есть: косой крестъ, два угловыхъ символа и горизонтальная линія, фигурирующая иногда, какъ знакъ земли. Здѣсь, въ родовомъ знакѣ, могли образоваться графическія осложненія и при раздѣлахъ имущества.

3 и 4. Дубль-вэ или дублированный въ горизонтальномъ положеніи основной угловой символъ. Но генезисъ его должно также отнести къ одновременному положенію обѣихъ рукъ при соотвѣтственномъ ихъ воздѣяніи (см. т. XII. П. 16. 1, 17. 1, 18. 1 и 18. 4. Ср. т. X. П. 16, 17 и 19; т. XIII. 25. Енис. 2 и Ликія 2. Ликійскій знакъ особенно важенъ: рукоположеніе въ немъ *отдѣлено отъ туловища* только отставленіемъ[1]); т. XIV. 10. 1, 2, 3, 5 и 8; петроглифы см. т. VIII. 1. Фиг. 12 и 19)[2]).

На 4 фиг. проведенною чертою верхній символъ погашенъ, вѣроятно при „отпятнываніи“.

5 фиг. Округленный знакъ перстосложенія (см. X. Л. 10. 3). Сопост. XI. л. 10. 3.

6 фиг. т. XII. П. 13. Добавочная черта—„отпятнываніе“.

7 фиг. Совастика, 2-я форма — троянская или присредиземноморская.

8 фиг. Если бы этотъ знакъ былъ такъ же отчетливо наклоненъ, какъ напримѣръ, на рис. XXXVI, фиг. 3, на этой же таблицѣ, тогда знакъ 8-й, рис. XXXII, указывалъ бы на опусканіе лѣвой руки, ладонью назадъ, съ отставленіемъ большого пальца, (правая рука ладонью *впередъ* не можетъ опускаться по культу)[3]). Ср. знаки поднятія

---

[1]) Напомнимъ такое же отставленіе линіи рукъ отъ туловища и головы въ сулекскихъ начертаніяхъ табл. II. 1. 2 и 3. На табл. XIII, на строкахъ 28, видимъ это же расчлененіе знаковъ и въ енисейскомъ и въ кипрскихъ алфавитахъ. Процессы: расчлененія, отвлеченія или символизаціи на ряду съ сопоставленіемъ или напоминаніемъ объ отвлекаемомъ.

[2]) Forrers Reallexikon, s. 714 и 715, taf. 202 и 203. — H. Schliemann, Ilios, № 1874, terracotta—Wirtel aus Troja.—L. Cesnola, Cypern, см. алфавиты Кипра.

[3]) Беря за основу солнечный культъ, а также и поклоненіе небу.

При молитвѣ восходящему солнцу, правая рука поднималась даже и въ самое позднѣйшее время при разложеніи культа, см. 14. 6 (лѣвый нижній), см. древнѣйшіе солнечные знаки: египетскій, табл. XII. Л. 14. 3 (лѣвый верхній) и китайскій, табл. XII. Л. 14. 3 (лѣвый нижній).

Даже, при закатѣ солнца, на болѣе древнихъ знакахъ, указано опусканіе одной лѣвой руки ладонью впередъ, т.-е. съ отставленнымъ пальцемъ, см. табл. XII. Л. 4 (лѣвый нижній).

рукъ, съ отставленнымъ большимъ пальцемъ, т. XIV. 9. 8 и 9 и т. XI. 19. 4 нижніе, и 20. 2 верхніе знаки. Отвѣсная же линія означаетъ туловище, тогда см. т. XII. II. 3. 6.

9 фиг. См. разновидности молитвы, на т. XII. II. 12. 5 и 18. 2. Нижняя черточка — позднѣйшее добавленіе.

10 фиг. т. XII. Л. 3. 4; табл. XIII. 19. 4. н. Вѣроятно, отставленіе большого пальца, а не руническій знакъ.

11 фиг. По сторонамъ отвѣсной линіи, означающей человѣка, прибавлены линіи, примѣрно, отъ высоты плечъ, означающія опусканіе рукъ внизъ. См. т. XII. Л. 3. 6 и 7; т. X. II. 2. Ср. съ гиттическимъ и кипрейскимъ знакомъ (табл. XI. 13 и 14. 2). Сопост. 28 строку XIII табл.

Рисунокъ XXXIII.

1 фиг. Восьмиконечный крестъ, знакъ молитвъ, обращенный на 4 стороны горизонта; этотъ сложный знакъ состоитъ изъ четырехъ простыхъ религіозныхъ знаковъ типа, означеннаго на т. XII. II. 1. 4. Сопост. табл. IX. III. 31.

2 фиг. Два основныхъ знака: одинъ молящійся, другой благословляющій[1]).

3 фиг. Двухсторонній знакъ, эсъ-символъ, генезисъ см. выше. Совастическій показатель.

4 фиг. Знакъ туловища и опусканія правой руки; такіе знаки встрѣчаются въ южно-семитическихъ алфавитахъ[2]).

5 фиг. Послѣдняя фаза свастическаго перегибанія туловища при отвѣсномъ положеніи рукъ, см. XIV. 4. 11, 13 и 15 и т. XII. Л. 7. 1 прав. и 3; еще т. X. Л. стран. 3, 5. — Интересная тамга: напоминаетъ енисейскую форму свастики. См. XIV. 4. 15. См. тамги Кабардинскія.

6 фиг. Перекрещиваніе эсъ-символа и поворота къ нему (зэтъ-символъ); вѣроятно, знакъ свастическаго танца, съ покачиваніями рукъ и туловища въ обѣ стороны. Ср. табл. VI, VII, фиг. 1.

7 фиг. т. XII. II. 1. 2. Молитвенный знакъ.

3. Тамги астраханскихъ калмыковъ.

(Таблица I. XXXVI.)

Рисунокъ XXXVI.

1 фиг. Прямой крестъ (или египетскій крестъ) съ кольцомъ (ручкою); древневавилонскій и египетскій символъ (регалія).

2 фиг. Треугольникъ, сигнализирующій молитву или благословеніе землѣ: поперечный разрѣзъ пирамиды — угловой знакъ благословенія или покрова надъ погребеннымъ подъ пирамидою. Генезисъ, отъ рукоположенія, означеннаго на табл. XII. II. 12. 6. Точка, ставящаяся въ срединѣ, — символъ головы; общеизвѣстно ея позднѣйшее конкретированіе — означеніе глаза.

---

[1]) Сопост. съ § 4, гл. VI, Графич. анализъ алфавитовъ.

[2]) Reallexikon, Forrer, табл. 202. — Всеобщая иллюстр. исторія письменъ, Шницеръ, стран. 147, рис. 98 (Kaf.)

3 фиг. Знакъ локтя и кисти правой руки съ отставленнымъ большимъ пальцемъ, т.-е. съ поворотомъ ладони впередъ, но можетъ быть знакомъ положенія на грудь лѣвой руки, ладонью къ груди.

4 фиг. Знакъ троичности или „звѣзды“[1]).

5 фиг. т. XII. II. 14. 5.

6 и 7 фиг. Знаки молящагося человѣка. Простираніе рукъ горизонтально (крестомъ) и со сгибаніемъ одной руки.

8 фиг. Т. XII. II. 1. 4. Добавочныя линіи позднѣйшаго происхожденія. — Ср. табл. XII. Л. 13. 1 и XII. II. 7. 1.

9 фиг. Знакъ совастическаго положенія рукъ, зэтъ-символъ, въ округленномъ очертаніи. См. выше.

10 фиг. т. XII. II. 14. 2. Молитвенный знакъ вполнѣ погашенъ благословеніемъ, вѣроятно, съ выдѣленіемъ лошадей женщинѣ; тамги женщинъ, какъ неимѣющихъ правъ на самостоятельное обращеніе къ божествамъ, обыкновенно накрываются знакомъ покрова. Въ народномъ письмѣ свѣтовой системы этотъ знакъ сохранился, см. у Кельсіева.

11 фиг. т. XII. II. 13. 2. Съ загибомъ кистей рукъ, обращенныхъ ладонями къ землѣ.

Тавры взяты далеко не всѣ, но и невзятые нами для таблицы несомнѣнно относятся къ мимико-графическимъ знакамъ.

4. Клейма или тамги лопарей.

(Таблица IV.)

Рисунокъ XVIII.

1 фиг. Въ основѣ пэ-символъ или прямоугольникъ, накрытый сверху расходящимся покровомъ.

2 фиг. 2-я фаза свастики, по енисейскому начертанію: линія съ незагнутыми концами означаетъ туловище, изогнутое вправо, а эсовидная линія означаетъ положеніе рукъ. См. 1-ю и 3-ю фазу, въ поясномъ начертаніи, т. X. Л. 3. 1, 3 и 5. Основная позиція свастической молитвы означена во весь ростъ на двери дома-урны, изъ свайныхъ построекъ. Т. XII. Л. 16. 21[2]). Среди лопарскихъ клеймъ, въ собраніи покойнаго А. И. Кельсіева, есть и 3-я фаза совастики, по типу, тождественному съ енисейскимъ буквеннымъ знакомъ (39 знакъ, по его таблицѣ), см. т. X. Л. 2. 2, 4 и 6. Слѣдовательно, лопарямъ была, во время оно, извѣстна и свастика въ 3-хъ фазахъ начертанія, тождественнаго съ енисейскимъ начертаніемъ, заимствованнымъ въ эпоху бустрофедона, почти совпадающаго съ концомъ эпохи черныхъ вазъ[3]).

---

[1]) Estorff, «Heidnische Alterthum». Hanov. 1846. 3. 906. 53.

[2]) R. Forrer, «Reallexikon», s. 338, fig. 256. — Форму молитвы съ прямоугольнымъ начертаніемъ можно относить къ скиоскому времени, но увеличеніе графическихъ данныхъ по начертанію свастики и совастики весьма желательно.

[3]) См. свастическіе знаки финикійскаго алфавита на о. Кипрѣ (L. Cesnola, «Cypern»). — См. табл. XIII. 28. Кипръ.

Сходство въ написаніи вѣроятно соотвѣтствовало и особенностямъ въ движеніяхъ при свершеніи этой обрядности; въ этомъ начальномъ состояніи свастическаго культа знакъ, ему соотвѣтствовавшій, отмѣчалъ положеніе плечевыхъ и локтевыхъ частей рукъ, — для означенія перстосложенія, къ свастическимъ крестамъ енисейскаго алфавита были особые показатели, въ видѣ крюковъ (табл. X. II. 12. 1 и 2). Есть основаніе подозрѣвать, что пріурочиваніе къ свастическому культу перстосложенія, съ отставленіемъ большого пальца, установилось потомъ, или запись практики этой религіозной обрядности нѣсколько запоздала. На троянскихъ напряслицахъ, встрѣчающіяся расщепленія свастическихъ чертъ уже указываетъ на наличность двойственнаго перстосложенія, но символизмъ линій былъ, повидимому, пріуроченъ къ изгибамъ рукъ.

3 и 4 фиг. Эти два свастическихъ знака, повидимому, указываютъ, что лопарямъ была извѣстна и болѣе отвлеченная и болѣе трудная для пониманія позднѣйшая графическая форма свастики, указанная намъ лѣвою рукою отъ древней статуи, съ соотвѣтственнымъ перстосложеніемъ и съ вышитою на рукавѣ совастикою и знаками вращенія (circumactio religiosa). Этотъ, поскольку намъ извѣстно, уникатный памятникъ религіозной старины хранится въ музеѣ Оксфордскаго университета. Прибавленная къ чертѣ туловища черточка слѣва внизу, если она древня настолько, чтобы отражать полную сознательность и пониманіе этихъ кабалистическихъ знаковъ культа, означаетъ кисть правой руки съ отстановкою большого пальца, а, слѣдовательно, и съ поворотомъ ладони впередъ, — все это предписываетъ ея подъемъ; опусканіе въ то же время лѣвой руки, съ соотвѣтственнымъ поворотомъ ладони, подразумѣвается само собою. На другой линіи, согнутой эсъ-символомъ, поднята лѣвая рука: разногласіе показаній. Поворотъ кисти руки назадъ, по духу культа, не возможенъ[1]). Обращаемся къ 4-му свастическому кресту, въ немъ, къ той же наклоненной линіи туловища, прибавлена добавочная черточка и вверху, въ соотвѣтственномъ направленіи, но знакъ, въ такомъ видѣ, т.-е. происшедшій изъ эсъ-символовъ, въ прямолинейномъ очертаніи, пересѣкающихся между собою, въ видѣ показателей рукоположенія, находится въ полномъ противорѣчіи съ показателемъ перстосложенія на фигурѣ № 3-й. Такимъ образомъ, по одному знаку никоимъ образомъ нельзя дать даже предположительнаго заключенія о томъ, что лопари знали и 3-й позднѣйшій способъ графическаго означенія свастической и совастической молитвы двумя перекрещивающимися эсъ и зэтъ-символами, показывающими положеніе кисти руки, особенно большого пальца и ладони. Но 2-я троянская форма свастики и совастики лопарямъ была извѣстна. —

5 фиг. Вѣроятнѣе всего, что это совастическая „восьмерка“ (табл. XII. л. 7. 13. л. ф.), въ прямолинейномъ начертаніи, съ наложеніемъ правой руки на голову.

6 фиг. Прямой крестъ и треугольникъ. См. табл. XII. II. 12. 6. Видно, что черточка, перекрещивающая нижнюю линію, — позднѣйшая прибавка.

---

[1]) На извѣстной женской свинцовой статуэткѣ съ совастикою на genitalia, по начертанію профессора M. Ohnefalsch-Richter, этотъ религіозный знакъ съ подъемомъ лѣвой руки, — здѣсь же, у лопарей, подъемъ правой руки указываетъ на связь знака лопарей съ солнечнымъ культомъ. — См. C. Kypros, die Bibel und Homer. B. 1893, стран. 150.

7 и 8 фиг. Треугольники, какъ молитвенные символы землѣ, окончательно ею покрытые линіею благословенія; на 8-й фигурѣ одна позднѣйшая прибавка.

Рисунокъ XIX.

1 фиг. Квадратъ, образованный 4 перекрещивающимися линіями — покровъ и молитва; мужской амулетный знакъ.

2 фиг. Можно разсматривать, какъ два знака человѣка, соединившихъ руки, можетъ-быть символъ супружества или братства. Ср. знакъ Кастора и Поллукса. Можетъ быть и означеніемъ священныхъ воротъ — знакъ покрова или благословенія въ прямоугольномъ очертаніи.

3 фиг. Знакъ человѣка, съ распростертыми руками и раздвинутыми ногами, внутри которыхъ надъ genitalia поставленъ знакъ благословенія земли.

4 фиг. Также знакъ человѣка, но съ свастическомъ рукоположеніемъ и съ раздвинутыми ногами, между которыми также есть знакъ благословенія землею.

5 фиг. Дуговидный знакъ молитвы, съ означеніемъ двойственнаго перстосложенія. Ср. гіероглифическій знакъ съ такимъ же мимико-графическимъ знакомъ у египтянъ, на гіероглифической надписи въ Гизѣ (по Лепсіусу)[1]).

6 фиг. Два пересѣкающихся дуговидныхъ знака, обращенныхъ на правую сторону.

Рисунокъ XX.

1 фиг. Косой крестъ, накрытый дугообразнымъ покровомъ. Но дугу можно разсматривать, какъ линію плечъ, а косой крестъ, какъ перекрещиваніе локтей.

2 фиг. Дугообразное рукоположеніе, обращенное къ небу, съ означеніемъ перстосложенія и поворота ладоней вверхъ или впередъ.

3, 4 и 5 фиг. табл. XII. II. 14. 2 и 3, въ поворотахъ внизъ и направо.

6 фиг. Знакъ мужчины, молящагося, поднявъ руки по типу, табл. XII. II. 14. 2 и лѣв. стор. 4. 1.

7 фиг. Знакъ мущины, молящагося, поднявъ вверхъ одну руку.

8 фиг. Два молитвенныхъ символа, формы, означ. на табл. XII. II. 14. 2, т. XI. 14. 10, пересѣкаются въ своихъ основаніяхъ; знакъ тождественъ съ гиттическимъ и съ древнекипрейскимъ силлабическимъ знакомъ; различіе въ начертаніи символовъ, они болѣе отвлечены: по типу табл. XII. II. 14. 4.

9, 11 и 13 фиг. Знаки молящихся мужчинъ; у одного одна рука вытянута прямо, другая изогнуто опущена; у другого рукоположеніе свастическое; у третьяго, дугообразное, съ означеніемъ шеи и головы; усилено проведеніемъ свастической линіи. Ноги у всѣхъ раздвинуты.

10 фиг. Два покрова, въ округленномъ очертаніи, включая одинъ въ другомъ, частью накрываютъ двусторонній религіозный символъ или совастическій показатель.

12 фиг. Молитвенный знакъ въ округленномъ очертаніи; добавленія при основаніи знака позднѣйшія, слѣдствіе раздѣловъ и „отпятнываніе“.

14 фиг. Покровъ, образуемый опущенными руками, пересѣченъ линіею со знаками согнутыхъ внизъ кистей рукъ.

---

[1]) Вс. исторія письм. Шницера. табл. V, стран. 62. Часть надписи на гробницѣ въ Гизѣ. Внизу слѣва, ближе къ срединѣ, между человѣкомъ и совою.

Табл. IV, рис. XXI.

Фигуры:

1. Косой крестъ. См. енис. алф. табл. X. Л. 4. и табл. XIII. 8.

2. Два косыхъ креста, дублированныхъ по діагонали. Въ отвѣсномъ положеніи это будетъ извѣстный критскій и эгейскій знакъ[1]), который мы понимаемъ, какъ молитву надъ предкомъ, см. табл. XII. л. 10. 12. в. л.: крестъ — молящійся надъ линіею земли—живой родоначальникъ, а подъ линіею земли—стоящій предокъ. При изображеніи послѣдняго крестомъ[2]), т.-е. молящимся, получится другой загадочный знакъ оттуда же.

3. Наклонное рукоположеніе, съ несогнутыми руками (табл. XII. П. 5. 2), но, повидимому, съ неодновременнымъ поднятіемъ рукъ: лѣвая (по рисунку, т.-е. предполагая молящагося стоящимъ къ намъ спиною), молящаяся, вотивная, поднимается ранѣе; правая, поклоняющаяся или благословляющая, выражающая богобоязненное почтеніе. отодвигается отъ туловища, съ опусканіемъ, потомъ. Прибавки отвѣсныхъ черточекъ сдѣланы много позже, въ разсчетѣ усилить молитвенную сигнализацію внизъ. Судя по опусканію кистей рукъ — чествуемое божество должно быть лѣваго культа и поднята вверхъ, вѣроятно, лѣвая рука. Сопост. съ 5 фиг. и рунами „nod(n)“.

4. Знакъ человѣка, вопреки общему правилу, начерченный съ боку, какъ на петроглифахъ, чаще всего, рисуютъ животныхъ. Ср. изображеніе молящагося грифона на вавилонскомъ цилиндрѣ, табл. VIII. IV. 7. и табл. XII. Л. 17. 1 и 2. Древнѣе, повидимому, должно считать горизонтальное положеніе рукъ, см. табл. XII. П. 4. 3. Если допустить въ лопарскихъ религіозныхъ знакахъ обращеніе лицомъ отъ насъ и на востокъ, то разсматриваемый знакъ человѣка въ боковомъ молитвенномъ положеніи обращенъ на сѣверъ. Въ рунахъ готскихъ, англо-саксонскихъ, скандинавскихъ и въ готскомъ алфавитѣ Ульфилы молитвенное обращеніе дѣлается на южный румбъ и верхній знакъ руки долженъ принадлежать правой рукѣ. Со временемъ, при увеличеніи матеріаловъ и особено параллелей должно надѣяться на значительно большее выясненіе и вопроса объ этихъ знакахъ[3]).

5. Поясной знакъ (не боковой), устанавливающій неодновременный подъемъ одной руки и опусканіе другой, послѣ значительной паузы. Не думаемъ, чтобы этотъ знакъ былъ показателемъ перстосложенія. Сопост. съ 3 фиг.

6. Значеніе этого знака можетъ быть то же, но лѣвая (по рисунку) рука не опускается, а поднимается. Кромѣ того, здѣсь, на лѣвой сторонѣ знака можно видѣть указаніе на отставленія большого пальца правой руки, съ обращеніемъ ладони впередъ; если бъ это впослѣдствіи подтвердилось, тогда это позволяло бы признавать, съ большею увѣренностію, что и свастическіе знаки и свастическія рукоположенія, въ большинствѣ случаевъ, обращены впередъ. Еще варіантъ: не показатель ли это отставленія большого пальца для правой руки (съ поднятіемъ руки) и для опускаемой лѣвой, но спустя нѣкоторое время? Сопост. § 18, гл. VI.

---

[1]) № 4-й на таблицѣ Эванса, а слѣдующій знакъ, № 18. Табл. эта есть у Эд. Клодда. Эволюція челов. въ письм. С.-Пб. 1908. Стран. 61.

[2]) Табл. XII. л. 8. 13.

[3]) Dr. R. Forrer. Reallexikon. 712. — Я. Шницеръ. Вс. ист. письм. стран. 191. — Т. XI. 23.

7. Если удастся встрѣтить дублеты этого молитвеннаго знака (табл. XII. II. 18. I; петроглифы — табл. VIII. 1. 12 и 14), въ наклонномъ положеніи, т.-е. съ указаніемъ на сгибаніе и, можетъ быть, и покачиваніе туловища, то это очень важно для уясненія генезиса эмъ-символа въ нижнемъ и въ боковыхъ поворотахъ. См. клейма кореловъ, знаки 2 и 4. См. буквенный знакъ въ енисейскомъ алфавитѣ (X. Л. 5).

8. Четыре точки, — онѣ въ данномъ расположеніи могутъ быть разсматриваемы, какъ равнозначущіе съ неначерченнымъ прямымъ крестомъ религіозные знаки.

9. Косой крестъ съ 4 точками въ углахъ. О точкахъ напомнимъ показанія петроглифовъ Сулека, Копенъ и Трифоновой, и нѣкоторыхъ воспорскихъ надгробій.

10. Знакъ локтей, крестообразно сложенныхъ на груди, съ отставленіемъ большого пальца, при поворотѣ ладоней къ себѣ.

11. То же перекрещиваніе локтей, но ладони обращены отъ себя, впередъ. Нижняя черта означаетъ благословеніе земли. Безъ черточекъ большихъ пальцевъ начертаніе тождественно шапкѣ Митры или звѣздѣ смерти (по Фальбу).

12 и 14. 14-й знакъ — такое же рукоположеніе, но безъ отставленія большого пальца, со сжатіемъ кистей рукъ въ кулакъ, или съ наложеніемъ притупленія концовъ линій (см. выше) или, что вѣроятнѣе, выраженіе благоволенія небеснаго божества; погашеніе верхняго знака молитвы прямою линіею, выразивъ послѣднее благословеніе, даетъ основаніе относить такой знакъ къ группѣ погребальныхъ[1]). У лопарей не мало тамгъ отъ локтевого перекрещиванія. Возможно, что такое конкретное значеніе косой крестъ, какъ отвлеченный символъ, получилъ впослѣдствіи, при началѣ разложенія полученнаго отъ грековъ культа и молитвеннаго устава, но это можетъ выясниться въ будущемъ, при детальной разработкѣ.

13. Такой знакъ, по культу лопарей, можетъ означать оба локтевыхъ перекрещиванія, съ поднятіемъ и съ опусканіемъ рукъ.

15. Косой крестъ, въ которомъ лѣвою дугою, вблизи угловъ, выражено благословеніе, но одинъ правый молитвенный уголъ остается ею ненакрытымъ, указывающимъ, можетъ быть, на принадлежность его къ культу правой дуги (руки).

16, 17 и 18. Дублированные угловые знаки. 1-й — буква енисейскаго алфавита, табл. X. Л. 5. Угловой знакъ, обращенный внизъ, съ означеніемъ усиленія и благословенія.

18-й — латинская буква „А“, т.-е. угловой символъ съ чертою благословенія земли. — 19 („А“ сабельскаго начертанія) и 20, табл. XII. II. 1-й и 2-й, 3-й рядъ.

Рисунокъ XXII.

Съ 1-го знака по 5-й, включительно, а также 14-й и 15-й, въ основѣ имѣютъ знакъ опущенныхъ рукъ (боковое приподнятіе замѣчается только въ 14-мъ знакѣ), округленно изображенный; его генезисъ виденъ въ петроглифическихъ начертаніяхъ, табл. VIII. XIV. Къ №№ 1—7. — Знаки: 3, 4, 8 и 7. Ср. съ общимъ генезисомъ, табл. XII. II. 14 и 15.—1. Благословеніе означено молитвеннымъ символомъ, таб-

---

[1]) Рукоположеніе у свинцоваго идола Трои (съ совастикою), повидимому, со сжатіемъ въ кулакъ, но по рисункамъ нельзя съ увѣренностію сказать, перекрещены онѣ или лежатъ рядомъ. Нидерле, «Чел. въ до-ист. врем.» 254. — Schliemann, Ilios, 380 и Kypros, Ohne falsch-Richter.

лица XII. П. 15. 2, къ которому прибавлена черточка, какъ показатель отставленія пальца для лѣвой опущенной руки, что предписываетъ обращеніе ладони къ землѣ, т.-е. ея приподнятіе, что видно, но уже съ нѣкоторою стилизаціею на знакѣ 10-мъ. На концѣ показателя 1-го знака видимъ молитвенный тройчатый символъ. Варіантъ перекрещиванія молитвенныхъ знаковъ (табл. XI. 14. 10). — 2. Линія наложеннаго благословенія совастическими черточками указываетъ лѣвой ладони предыдущую сигнализацію; правой кисти руки слѣдуетъ отставить большой палецъ, тогда будетъ понятно, что и правая ладонь должна опускаться ладонью къ туловищу, что даетъ возможность молящемуся приподнять ладонь, обративъ ее къ небу. Обратить ладонь къ землѣ[1]), приподнявъ ее: для руки, служащей правому небесному культу, это высшая степень сигнализаціи землѣ[2]) въ тѣлодвиженіяхъ возможно еще прикосновеніе правою рукою къ землѣ, но это, мы склонны считать, признакомъ опустѣнія или ослабленія неба — указаніемъ на разложеніе культа. Таковъ слѣдующій знакъ. — 3. Черточку внизъ у линіи благословенія, судя по правой рукѣ, предписываютъ обѣ ладони обратить къ землѣ. См. предыдущій знакъ. Въ тюркскихъ тамгахъ это рукоположеніе довольно ясно выражено и нерѣдко встрѣчается, табл. XI. 20. 6. Въ развернутой омеговидной формѣ оно отразилось и въ тамгахъ лопарей: на таблицѣ Кельсіева (въ 6-мъ ряду сверху) есть такое дублированное клеймо, наискось положенное. Въ древнихъ южносемитическихъ алфавитахъ, въ эстрангелло и въ иранскихъ алфавитахъ онѣ также есть[3]). — 4, 5 и 15. Боковой поворотъ, — генезисъ римской буквы. Во второмъ знакѣ, можетъ быть, при позднѣйшемъ „отпятнываніи", правой рукѣ дана возможность сигнализаціи вверхъ. Въ знакѣ 15-мъ наверху прибавленъ очевидно, для отличія знака, при раздѣлѣ, тотъ же показатель для лѣвой кисти руки, который уже есть на лѣвомъ концѣ линіи благословенія. — 14. Дублированные знаки поклоненія, наклоненные направо, можетъ быть, къ солнцу или на южный румбъ, пересѣчены двумя параллельными линіями благословенія, съ показателями для перстосложенія и положенія ладоней обѣихъ рукъ, при чемъ, при поднятыхъ лѣвыхъ рукахъ, въ обоихъ случаяхъ указано опусканіе кисти, т.-е. обращеніе ладоней къ землѣ; ладонь правой руки, поднятой вверхъ, обращается впередъ. — 6 и 7. См. табл. XII. 15. 7 и 2. 8, 9 и 10. См. табл. XII. Л. 2. 5 верх.; ср. буквы енисейск. алфавита, табл. X. Л. 17. Въ южно-семитическихъ алфавитахъ есть подобные знаки, въ эфіопскомъ, среди дублетныхъ къ буквѣ „К" есть знаки очень близкіе по начертанію въ другомъ поворотѣ, табл. XI. 15. 9. — 9. Знакъ съ усиленіемъ обращенія къ землѣ. — 10. Знакъ по типу, табл. XII. П. 15. 2. У всѣхъ знаковъ на верхней чертѣ поперечная горизонтальная черточка даетъ, можетъ быть, указаніе на то, что это древнѣйшее рукоположеніе при молитвѣ (табл. XII. Л. I. 8 и 10) предшествуетъ сгибанію и опусканію рукъ. — 11 и 12. Знаки типа, табл. XII. П. 15. 2, усиленные, вѣроятно, при раздѣлахъ, и внизу и вверху: внизу прибавленіемъ линій образованы гребенчатые символы, а наверху № 11 поставленъ прямой крестъ, а

---

[1]) Что видѣли, напримѣръ, на цилиндрѣ изъ Саламиніи, табл. XII. Л. 18. 18—19.

[2]) Табл. XI. 20. 6.

[3]) Forrers, Reallex. 715. — Шницеръ, Ист. письм. 127 и 153 стран.

на № 12 дуга.—13. Знакъ человѣка, съ высоко поднятою ногою и руками въ свастическомъ положеніи; на genitalia наложено благословеніе угловымъ символомъ. 16. Дублированный прямой крестъ, боковые молитвенные знаки накрыты не благословляющимъ, а также молитву означающимъ знакомъ: указаніе, что прибавившій эти знаки былъ уже не освѣдомленъ въ религіозныхъ графическихъ символахъ.

Лопарскія тамги настолько выдѣляются сохранностію древнихъ религіозныхъ символовъ, что заслуживаютъ спеціальнаго обслѣдованія съ дополнительными свѣдѣніями о способахъ наложенія тамгъ, конечно, при этомъ необходимо собирать и старинныя клейма и орнаментъ на мотивы знаковъ движенія. Можетъ быть, нѣкоторыя тамги вымершихъ родовъ удастся возстановить по рисункамъ стариковъ-лапландцевъ.

По тому, что замѣчено нами, на тамгахъ этой народности, возможность предполагать, что эта народность, мѣстами уже сдвинутая въ анэйкумену, была нѣкогда у береговъ Чернаго моря, повидимому, въ до-скиоское время. Ихъ ассортиментъ линейныхъ знаковъ и особенности нѣкоторыхъ комбинацій знаковъ движеній и теперь указываетъ на меньшее сходство съ тюркскимъ составомъ знаковъ. Аризирующее вліяніе могли имѣть на нихъ финикіяне или, вѣроятнѣе, греки, непосредственно сообщившіе имъ основы древняго культа съ системою свѣтового письма, которые угасли среди нихъ значительно позднѣе, чѣмъ на побережьи Чернаго моря, среди правителей Босфора и Керчи (см. ниже § 21).

5. Клейма мордвы.

(Табл. VIII.)

Рисунокъ VI.

1, 2 и 3 — уже извѣстный намъ угловой символъ въ двухъ поворотахъ.

4. Покровъ или благословеніе, не въ видѣ буквы „П“, а округленный „ступовидный“, по формѣ и генезису намъ также знакомый (см. енисейскій алф.).

5 и 6. Эсъ-символъ въ прямо-линейномъ начертаніи, съ поворотомъ къ нему (зэтъ-символъ), также въ прямо-линейномъ начертаніи; „И“ русское и „N“ (nü) — символы, въ боковомъ положеніи. Знаки свастическаго и совастическаго положенія рукъ, въ боковомъ положеніи, см. ихъ въ прямомъ положеніи, табл. XII. 23 и 24. 5.

7 и 8. Дублированный двусторонній символъ nü или double-vé, въ боковомъ положеніи, въ двухъ поворотахъ.

9 и 10. Символы, въ тамгахъ, какъ увидимъ далѣе, часто встрѣчающіеся. Руки, обращенныя къ землѣ и къ небу, съ наложеніемъ благословенія прямою линіею. № 9 имѣетъ форму древняго жертвеннаго стола[1]).

11 и 12. Треугольники, верхній, и нижній, т.-е. уголъ, сигнализирующій молитву вверхъ, накрытый горизонтальною чертою благословенія и таковой же знакъ молитвы внизъ, также вполнѣ накрытый благословеніемъ земли.

13 и 14. Косой крестъ съ накрытымъ нижнимъ (№ 13) и боковымъ угломъ (№ 14). Этотъ знакъ можетъ означать и направленіе скрещенныхъ рукъ.

---

[1]) Perrot et Chipiez. L'hist. de l'art. III vol. 79. 30.

15, 16, 17 и 18. Такъ называемые въ русскихъ знаменахъ „рубежи". № 17— протянутыя къ небу руки, а въ № 18 опущенныя руки, съ чертою туловища посрединѣ. Очень древнія начертанія, см. табл. XII. Л. 3. 6—9. №№ 15 и 16—тѣ же символы въ боковомъ положеніи.

19 и 20. Руки, воздѣтыя къ небу, съ чертою туловища внизу (ср. енисейскій алфавитъ).—№ 20—тоже знакъ воздѣтыхъ рукъ, вверху горизонтальныя черточки означаютъ ладони, обращенныя къ небу.

21—28. Тамги „пятнами": въ 3 пятна (обращеніе къ небу и къ землѣ), знаменательные углы треугольниковъ или, правильнѣе, представлять эти кружечки, расположенными въ трехъ знаменательныхъ углахъ рукоположеній-mü и double-vé; въ 4 пятна, что равносильно прямому кресту, въ 6 пятенъ, въ 5 пятенъ, въ два пятна, соединенныхъ линіею, въ 1 пятно, въ угловомъ знакѣ и, наконецъ, пятно надъ тремя рубежами.

29 и 30.—Три „рубежа", точнѣе—три покрова или благословенія, усиливающіе угловой символъ (см. орнаментъ греческихъ вазъ), обращенный къ землѣ.—№ 30, интересный, по рѣдкости, сложный символъ: онъ образовался изъ основного углового символа, обращеннаго къ небу, съ черточками внутри, у концовъ линій, означающихъ отставленіе большихъ пальцевъ у обѣихъ рукъ и означающихъ обращеніе ладоней впередъ, или же благословляющій угловой символъ, накрытый окончательною линіею благословенія, придавшую тамгѣ амулетный замкнутый характеръ.

6. Тамги вотяковъ.

(Табл. XII. Л. 15. 20 и 21 и 16. 1—3)[1]).

1. Два знака религіозныхъ, по формѣ молитвы, по табл. XII. П. 15. 2.

2. 15. 20. н. з. Знакъ молящагося человѣка, табл. XII. II. 1. 4, въ боковомъ положеніи; въ прямомъ — см. букву тукюэскаго алфавита, табл. XI. 1. 5. Поперечная черточка можетъ означать линію земли, и этотъ знакъ можетъ быть связанъ съ погребальнымъ культомъ. Китайскіе и корейскіе знаки, табл. XI. 5. 5 и 6. 7 и 8, „вверху" и „внизу", судя по петроглифическимъ указаніямъ, отмѣченнымъ выше, могли имѣть первоначальное религіозное значеніе: молитвы къ небу, вверхъ, надъ землею, и молитва къ землѣ и къ подземнымъ божествамъ, послѣднее могло быть связано съ культомъ предковъ; у корейцевъ, въ знакахъ „вверху" и „внизу", горизонтальная черта — знакъ земли соединяется съ отвѣсною черточкою — знакъ человѣка; не безъ основаній, въ современныхъ китайскихъ знакахъ, приняты вмѣсто точекъ или кружечковъ Цанки молитвенные знаки, табл. XII. Л. 1. 12 („наверху") и 1. 13 („внизу").

3 (15. 21. в. з.). Два косыхъ креста, съ усиленіемъ нижняго и бокового угла, основнымъ угловымъ символомъ. — Н. л. Символъ, табл. XII. II. 12. 2. Этотъ же символъ есть и въ округленномъ очертаніи. Прибавленная снизу черточка указываетъ

[1]) R. Andree, «Ethnogr. Parall. u. Vergleiche», L. 1889, s. 82, Taf. V.— Erdmann, «Die Wotjaken». H. 1882. S. 105 und Taf. 3.

отставленіе большого пальца и для лѣвой руки. — Прямой крестъ, знакъ молитвы съ горизонтально распростертыми руками. Ноги изображены искривленно, напоминаютъ такъ же условно изогнутыя ноги на остяцкомъ знамени, табл. VI. X. 1.

4 (16. 1) Египетскій и древне-еврейскій крестъ, буква „Т“ (тау) съ точкою (головою) сверху и двѣ точки подъ распростертыми руками; другая тамга съ черточками вмѣсто точекъ. Очертаніе обѣихъ рукъ, по рукоположенію, означ. на табл. XII П. 19. 7; на лѣвой стор. 4. 10 и 11. Начертаніе повернуто бокомъ; отвѣсныя черты съ обѣихъ сторонъ должно понимать, какъ обычное измѣненіе родовыхъ знаковъ при раздѣлѣ. — Два эсовидныхъ символа, перечеркнутыхъ поперекъ третьимъ.

5 (16. 2). Приподнятая просящая рука: плечо, изгибъ въ локтѣ, кисть руки и большой палецъ, какъ опредѣлитель положенія ладони. Ср. опущенную правую руку, съ такимъ же положеніемъ ладони, въ тамгахъ киргизовъ Малой орды, табл. XI. 19. 4 л. в. Ср. молящіяся руки см. табл. XII. Л. 3. 4 и 5. — Крестъ подъ кругомъ: подъ дискомъ солнца, молящійся человѣкъ. — Прямоугольники, часто встрѣчающіеся въ вотяцкихъ тамгахъ, повидимому, образовались, для отличія, при раздѣлахъ, двумя способами: черты благословенія, съ полнымъ погашеніемъ молитвенныхъ знаковъ снизу и сверху. Первые два, повидимому, знаки опущенныхъ рукъ [1]), съ чертою — благословеніемъ отъ земли. 3-й правый знакъ — прямоугольникъ, съ маленькою черточкою на нижней сторонѣ, внутри, напоминаетъ замкнутый египетскій знакъ — треугольникъ, съ такою же черточкою на нижней сторонѣ [2]). Генезисъ этихъ знаковъ мы видимъ въ гіероглифическихъ начертаніяхъ, табл. XI. 25. 1 и 4, а также табл. XII. Л. 16. 17. На разсматриваемой тамгѣ благословеніе наложено сверху; неозначеніе головы позволяетъ относить эту тамгу къ культу предковъ.

6 (16. 3). Во всѣхъ прямоугольникахъ (5), находящихся въ этомъ квадратѣ, — линія, какъ благословеніе земли, наложена на ноги, безъ нея видно, что первоначальные знаки были фигуры людей, съ различнымъ молитвеннымъ положеніемъ рукъ. — II. средн. Знакъ, близкій къ астрономическому знаку сатурна (Sidus triste), см. далѣе, табл. XII. Л. 17. 4 нижнія фиг.

7. Тамги чувашъ [3]).

(Табл. XII. Л. 15. 19.)

Угловой знакъ, въ двухъ боковыхъ поворотахъ, косой крестъ, молитвенный знакъ, табл. XII. П. 14. 2, съ обращеніемъ ладоней къ небу, двухсторонній прямоугольный знакъ поднятія и опусканія рукъ („Н“ — „ache“ и „нашъ“-символъ), двухсторонній дуговидный, съ указаніемъ на обращеніе ладоней, двухсторонній знакъ, выраженный ломаною линіею, выраженный (зачатки „иже“ — И или „S — эсъ“) въ прямолинейномъ начертаніи. Свастическій показатель.

---

[1]) Forrers. Reallexik., Taf. 202, Sudsemitisch.

[2]) Вс. ист. письм. Шницеръ, 147, рис. 98 и табл. V, верхній рядъ: два треугольника.

[3]) G. F. Miller, Samml. russisch. Gesch. St.-Pet. 1758. — R. Andree, Ethnogr. Parallel. und Vergl. Neue Folge. L. 1889. S. 82, Taf. IV, fig. 10.

8. Тамги черемисъ.

(Табл. XII. Л. 16. 5—7.)

По Р. Андре (Andree) у черемисъ встрѣчаются всѣ вышеотмѣченныя тамги чувашъ. Но, по докладу С. К. Кузнецова (S. K. Kusnetzoff[1]) объ узорахъ этой интересной языческой народности, было вполнѣ возможно установить, что въ орнаментахъ сохранены женщинами графическіе пережитки еще слѣдующихъ древнихъ молитвенныхъ знаковъ.

1 (16. 5). Угловой верхній, „ikse или ха-“ символъ изъ показателей отставленія большого пальца для лѣвой и правой руки, знакъ „овна“ зодіакальный, молитва съ прямоугольнымъ сгибомъ рукъ, съ раздвинутыми ногами, съ присѣданіемъ — сильнымъ сгибаніемъ въ колѣняхъ.

2 (16. 6). Въ верху квадрата видимъ прямолинейно начертанные двухсторонніе знаки (символы „иже“ и „энъ“, т.-е. „эсъ“, съ поворотомъ, въ начертаніи ломаными линіями), показатели свастики и совастики; значительное скашиваніе боковыхъ символовъ объясняется религіознымъ графическимъ усердіемъ — сдѣлать молитвенные сигналы наиболѣе наглядными. Среднія линіи, при рукоположеніи горизонтальны. Кромѣ нѣкоторыхъ изъ сходныхъ съ знаками енисейскаго алфавита, заслуживаютъ вниманія и знаки, табл. X. 6. II. „Слово“ или „вѣди“-символъ, дугообразный знакъ (съ поворотомъ ладоней внутрь и съ большимъ или меньшимъ ихъ опусканіемъ[2]), „фертовидное рукоположеніе“ также было когда-то у черемисъ въ практикѣ ихъ культа, носящаго въ орнаментѣ довольно ясныя указанія древне-греческаго вліянія.

3 (16. 7). Въ этомъ квадратѣ знакомые уже символы, отмѣтимъ рукоположеніе по типу табл. XII. II. 20. 7, „омега“ или „земля“ символы, въ нижнемъ поворотѣ, изъ показателей перстосложенія въ узорахъ часто образуется буква „т“ изъ двухъ соотвѣтственно повернутыхъ гаммъ.

9. Остяцкія тамги (знаковыя)[3]).

(Табл. VI. VIII.)

Сигно-и мимико-графическіе родовые знаки въ остяцкихъ родовыхъ знакахъ XVII вѣка, повидимому, сохранились *только въ графическихъ пережиткахъ*, это ясно видно изъ названій этихъ тамгъ или знаменъ, записанныхъ „этнографами“ того времени, но, конечно, надо не забывать, что предъ боярами, дьяками, поддьяками и служилыми людьми религіозное значеніе нѣкоторыхъ знаковъ, можетъ-быть, смутно и понимаемое, какъ таинственный охранительный знакъ, не было высказано. Этимъ названіямъ XVII вѣка можно придавать только относительное значеніе, какъ и на-

---

[1]) С. К. Кузнецовъ. См. его докладъ въ «Этнограф. Отд. И. Общ. Л. Е. и А.».

[2]) Поклоненіе полуденному солнцу.

[3]) Н. Н. Оглоблинъ. «Остяцкія знамена XVII вѣка» («Истор. Вѣстн.» 1889, №№ 10—12) и «Знамена сибирск. инородцевъ XVII вѣка» («Зап. Уральск. Общ. Люб. ест.» 1881—1892, т. Табл,, livr. 1—2).

званіямъ буквъ древне-еврейскаго алфавита. Съ толкованіемъ свастики и совастики, подкрѣпляемымъ названіями этихъ знаковъ „скобелями“, „скобельками“, „скребницами“, „скобленицами“, какъ приборами для добыванія огня, также нельзя согласиться. Встрѣчная свастика или перекрещиваніе линій обѣихъ свастическихъ рукоположеній названо: „что на оленѣ пятно“, и въ сыскномъ дѣлѣ объ уменьшеніи взноса ясака такъ и написано: „знамя такого-то, имя ему, „что на оленѣ пятно“; о другомъ знамени (линія съ притупленіемъ на одномъ концѣ) сказано — имя ему, „на лѣвой рукѣ его топоромъ посѣчено“, безъ объясненій, можетъ быть и у другихъ, хоть и немногихъ, было на рукахъ что-нибудь и осколкомъ нацарапано. Но нѣкоторыя названія все-таки отмѣчаютъ религіозное значеніе нѣкоторыхъ остяцкихъ знаменъ, таковы: „болванъ“ (истуканъ, идолъ), шайтанская рожа (фиг. 3 и 6), шайтанскій посъ (фиг. 2 и 4). Double-vé — символъ — названъ „кривое дерево“.

Одичаніе народности, сдвинутой къ окраинѣ эйкумены, а мѣстами и въ анэйкумену, и разложеніе культа, намъ кажутся очевидными, но о нѣкоторой степени аризированія говорятъ нѣмые графическіе (свастическіе знаки) свидѣтели. Древній культъ у остяковъ, видимо, не былъ накрытъ въ той степени, какъ у ихъ южныхъ сосѣдей. Свастическіе и совастическіе знаки, почти отсутствующіе у тюрковъ бассейна Оби, склоняютъ къ предположенію, что остяки сдвинуты съ юга и что, въ древности, они были или на торговомъ пути или въ сферѣ непосредственнаго сношенія съ греками.

10. Тамги якутовъ[1]).

Судя по рисунку В. Сѣрошевскаго, у якутовъ преобладаютъ предметные родовые знаки, исполненные очень слабо и не отчетливо: отъ такихъ рѣзчиковъ изъ кости, каковыми славятся якуты, ожидалось большее. Но надо помнить, что родовые знаки такая разновидность изобразительнаго искусства, въ которой отражается культъ: древнія модели знака свято хранятся. Знаки мимико-графическіе есть, но во всей коллекціи только 4, преимущественно движенія руками. Одно рукоположеніе тождественно съ изображеннымъ на фиг. 9-й и на знакѣ при ней, на табл. VIII. XIV, но на мѣстѣ головы поставленъ косой крестъ; очертаніе округленное. Такое же воздѣяніе рукъ, но со смыканіемъ ихъ вверху, видно на другомъ знакѣ; на мѣстѣ головы угловой символъ благословенія. Есть омеговидный символъ, съ одною рукою, занесенною надъ головою. Есть ромбовидный знакъ, съ двумя продолженными сторонами, отъ формы рукоположенія — табл. XII. II. 18, 7, въ боковомъ положеніи и съ одною линіею, завитою въ спираль. Есть треугольникъ, съ чертою внутри.

11. Тамги самоѣдовъ.

(Табл. XII. Л. 15. 17 и 18.)

1 (15. 17). Угловые молитвенные символы въ различныхъ поворотахъ. 2 (15. 18). Дугообразные символы, въ боковыхъ поворотахъ, съ точками внутри;

[1]) См. рисунокъ В. Сѣрошевскаго, «Якуты», стран. 470.

напоминаютъ петроглифы Сулекъ, табл. II. 1, 2 и 3, но руки болѣе согнуты. 3 (15. 18. н). Сложный символъ; основной — прямолинейный знакъ. Генезисъ былъ указываемъ (табл. XII. Л. 11. 6 пр. знаки; сопостав. табл. XI. 6. 10 и 12. 2). Дуговые знаки, справа и слѣва, позднѣйшая прибавка.

12. Тамги айновъ.

(Табл. XI. 17. 1—5.)

17. 1. Рукоположеніе типа, табл. XII. II. 20. 1 и еще см. ту же табл. XII. Л. 4. 10 и 11.—17. 2. Косой крестъ.—17. 3. Знакъ мужчины, въ молитвѣ земнымъ божествамъ; форма — съ прямоугольнымъ сгибомъ рукъ и ногъ, табл. XII. II. 13. 2. 17. 4. Религіозный знакъ въ боковомъ положеніи; рукосложеніе по формѣ — табл. XII. II. 18. 1 и еще см. на этой же табл. слѣва, 5. 1—4. Совастическая линія внизу — показатель отставленія большого пальца: правая должна обратиться ладонью впередъ, а лѣвая — назадъ. 17. 5. Лицо, указаніе на маски вообще или какъ на принадлежность только при культѣ предковъ.

13. Тамги горныхъ калмыковъ[1]).

(Табл. XII. Л. 16. 4.)

Лѣвые знаки, начиная сверху.

1. Положеніе рукъ, при прямоугольномъ сгибѣ рукъ, по табл. XII. II. 12. 7, но съ устраненіемъ и знака туловища, см. на XII же табл. Л. 3. 13; изгибы наружу означаютъ обращеніе ладоней къ небу. — 2. Дугообразное рукоположеніе, вверхъ обращенное, съ чертою благословенія.— 3. Хотя тамги этого вида нерѣдко носятъ названіе мѣховъ или сосуда отъ вина[2]), но этотъ графическій пережитокъ сохранился, благодаря своему религіозному значенію: мы увѣрены, что это знакъ рукоположенія, въ родѣ того, которое, напримѣръ, означено на Копенскомъ петроглифѣ, табл. VI. 3. 13.

Описываемъ правые знаки, — также сверху. — 4. Символъ молитвы, по типу, табл. XII. II. 15. 3.— 5. Сосудообразная тамга, такъ она часто и называется алтайцами, что и означено академ. В. В. Радловымъ[3]), но мы и на нее смотримъ, какъ на знакъ рукоположенія, наложеннаго на лошадь бокомъ. По древне-классическому культу, наложеніе религіозныхъ символомъ такого типа въ прямомъ положеніи не дѣлалось, а бокомъ, впередъ или назадъ[4]) или даже совсѣмъ переворачивалось, такъ чтобы налагался уже знакъ благословенія, но ни въ какомъ случаѣ не знакъ молитвы. Разсматриваемый знакъ относится къ формѣ табл. XII. II. 14. 3, лировидной разновидности (см. на этой же табл. Л. с. 17. 14, гербъ Орфея, ср. табл. VIII, XIV. 9 и знакъ).

---

[1]) K. Andree, «Ethnogr. Parallel. u. Vergleiche Neue Folge, L. 1889. S. 78. Taf. VII, Fig. 14. — W. W. Radloff, «Aus Sibirien», I. 279. — Lewschin, bei W. W. Radloff. a. a. O. I. 475.

[2]) Названіе тамги: Jurakai ?.

[3]) Названіе этой тамги: Taschur-Broudweinflasche.

[4]) Perrot et Chipiez, L'histoire de l'art, III. 716. 528.— Ср. табл. XI. 22. 7.

6. Нижній правый знакъ затруднительно опредѣлить только по прибавкѣ черточки вверху, но она, можетъ быть, позднѣйшаго происхожденія. Не знакъ ли дневного поклоненія солнцу (1-я четв. дня)? При устраненіи черточки,— это знакъ поклоненія восходящему солнцу, значокъ указываетъ правой кисти отставленіе большого пальца и поднятіе руки съ ладонью, обращенною къ солнцу. При закатѣ солнца, она должна выражать поклоненіе и землѣ, т.-е. опускаться внизъ, но ладонью также къ солнцу (см. петроглифическіе знаки — табл. VI. 5. 15 и 6. 9). Ср. на этой же таблицѣ гіероглифическій китайскій знакъ, полоса 14. 3 лѣв. верхн., внизу знакъ поклоненія восходящему солнцу по культу обѣихъ поднятыхъ рукъ.

14. Тамги нѣкоторыхъ киргизскихъ поколѣній и джучидскихъ монетъ[1]).

(Табл. V. XVII).

1. Знакъ человѣка, спокойно стоящаго, немолящагося. Къ этой отвѣсной чертѣ, въ очень отдаленной древности, для означенія молитвеннаго воздѣянія рукъ, черты рукъ ставились рядомъ, безъ соединенія съ основною чертою — знакомъ человѣка, при чемъ приподнятость или опущенность чертъ-рукъ означали молитвенное обращеніе къ небу или землѣ. См. табл. XII. Л. 3. 6 и 7. Но надо имѣть въ виду, что знакъ этотъ бываетъ пояснымъ, какъ это видно на квадратѣ 3. 7, и какъ это видно на гиттитскомъ гіероглифѣ, табл. XI. 13. 3, и подъ нимъ, на знакѣ округленнаго очертанія кипрейскаго древняго силлабическаго алфавита, предшествовавшаго кипрскому буквенному алфавиту — 14. 3. Хотя знаки и отличаются другъ отъ друга, но, безъ затрудненій, видно относительное положеніе головы и рукъ, сигнализирующихъ поклоненіе землѣ. На этой же строкѣ, на знакѣ 1, видимъ опусканіе одной руки, а на 12 — видимъ поднятіе обѣихъ рукъ. Поучительны также поясные знаки енисейскаго алфавита, см. табл. X. II. 2 и 3.

Этому древнему виду записей языка движеній мы придаемъ большое значеніе: намъ кажется, онъ въ значительной степени обрисовываетъ низшія ступени психической и интеллектуальной дѣятельности. Какъ легко мы можемъ представить себѣ черту — знакъ человѣка въ видѣ простѣйшаго манекена и какъ намъ кажется легко представить себѣ этотъ манекенъ раскрывающимся. Но представленіе и воображеніе доисторическаго человѣка было, вѣроятно, нѣсколько инымъ: онъ причерчивалъ къ линіи туловища уже отвлеченныя, такъ сказать уже символическія черты рукъ, ставя ихъ то выше, то ниже. Въ начальномъ психологическомъ процессѣ замѣтна не одна отрицательная (отдѣляющая), но и положительная (присоединяющая) сторона графическаго символизма. Разчлененные религіозные символы, съ этой стороны, въ высшей степени цѣнны. См. выше, стран.

2. Глаза. — 3. Благословеніе (покровъ) или молитвенное обращеніе къ землѣ въ прямоугольномъ начертаніи. См. табл. XII. П. 13. 7. — 4. Эта тамга изъ тѣхъ, кото-

---

[1]) Г. Н. Потанинъ. Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи, вып. IV. Спб. 1883, табл. I.

рыя требуютъ, помимо зарисовыванія съ лошади, осмотра важнѣйшихъ уборовъ родоначальника. Тамга наложена, по всей вѣроятности, въ боковомъ положеніи и ея надлежащее положеніе — остріемъ внизъ. Тогда мы имѣемъ дѣло съ боковымъ руническаго происхожденія пояснымъ знакомъ человѣка: руки поднимаются, повидимому, неодновременно, сперва верхняя. Крючокъ — показатель для отставленія большого пальца: примѣняя его къ правой рукѣ, видимъ указаніе на поворотъ ладони влѣво; примѣнивъ къ лѣвой рукѣ, ладонь должно повернуть вправо. — 5. Табл. XII. П. 14. 4. — Мы увѣрены, что этотъ символъ въ древности налагался съ поворотомъ внизъ. — 6. Гребенчатый символъ. Въ дѣйствительности, на родоначальникѣ, эта тамга можетъ быть и въ противоположномъ поворотѣ. Это скиоскій поворотъ[1]). — 7. Боковое положеніе рукоположенія, которое въ округленномъ очертаніи изображено на фиг. 13-й. — 8. Прямой крестъ. — 9. Въ данномъ положеніи могутъ быть и глаза, но мы считаемъ ихъ знаками дневныхъ поклоненій солнцу. О чертѣ снизу, какъ показателѣ рукоположенія, см. въ § 19 этой главы, въ тамгахъ сѣвернаго Кавказа (Абазинскія, 20 знакъ, Цымпова). — 10. Можетъ быть наложеніе одной руки на голову, по табл. XII. П. 11. 3, т.-е. знакъ послѣполуденнаго (до заката) поклоненія солнцу, при чемъ означалось и время дня. — 11. Эта сосудообразная или, точнѣе, колбообразная тамга останавливаетъ на себѣ вниманіе въ виду большого сходства съ такими же петроглифическими начертаніями, зарисованными Палласомъ, Кастрепомъ и нами (табл. 1. XIX и XXII; табл. VI. 3. 13). Въ зарисованномъ нами на Копенскомъ петроглифѣ изображеніи, внутри поставлены или глаза или двѣ знаменательныхъ молитвенныхъ точки. Если это знакъ тѣлодвиженія, то его возможно относить только къ рукамъ, сведеннымъ надъ головою, съ указываемымъ положеніемъ ладоней. — 12. Угловой молитвенный знакъ. — 13. См. № 7-й. — 14. Истинное положеніе родового знака иное, — это боковое положеніе[2]), какъ и въ № 17-мъ. № 21 поставленъ правильно. Повторяемъ, полное этнографическое значеніе имѣетъ двойной рисунокъ родового знака: наложенный на лошадь и на оружіе, на личный уборъ владѣльца, на украшеніяхъ жены. Всѣ 3 тамги несомнѣнно относятся къ культу солнца, но заходящаго, какъ на № 21 или восходящаго? Показатель перстосложенія, движенія рукъ и положенія ладоней на № 21 ясно говоритъ то же, что указываетъ, напримѣръ, черемисская орнаментная тамга изъ двухъ „глаголей“, прямого и въ поворотѣ (табл. XII. Л. 16. 7. gamma, съ бустрофедоннымъ поворотомъ къ ней): опустить руки большими пальцами наружу, т.-е. ладонями къ заходящему свѣтилу. Для того, чтобы увидѣть указанія тамги № 14, рекомендуемъ обратиться къ енисейскому алфавиту и вспомнить соотвѣтственные знаки того же рукоположенія въ прямолинейномъ начертаніи (табл. X. П. 16).

Тамга № 17-й весьма интересна по прямому кресту, означенному въ кругѣ, — указаніе на рукоположеніе, которое мы склонны считать древнѣйшимъ. Беря показателей перстосложенія правой руки, не трудно понять то небольшое измѣненіе въ поло-

---

[1]) Напомнимъ военный значокъ на фрескахъ катакомбы въ Керчи, «Русскія древн. въ памятн. иск.»; вып. II. 66 (49).

[2]) До-полуденное поклоненіе солнцу (14 знакъ) и послѣ-полуденное (знакъ 17); эти знаки могли означать и время дня.

женіи ладони, которое должна сдѣлать правая рука: при восходѣ ладонь надлежитъ обратить почти вверхъ, при закатѣ — большой палецъ долженъ быть направленъ вверхъ, ладонь будетъ въ отвѣсномъ положеніи. Лѣвая рука, держащаяся въ обоихъ случаяхъ горизонтально, можетъ дѣлать поворотъ ладони вверхъ и внизъ. У китайцевъ и монголовъ на движеніе большого пальца, т.-е. и на положеніе ладоней обращается вниманіе даже и при сжатыхъ въ кулакъ ладоняхъ. — 15. Смотри ранѣе. Поворотъ даетъ зодіакальный знакъ овна, въ первоначальномъ значеніи, вѣроятно, знакъ жертвы овна землѣ, тамга можетъ означать эту же жертву небу. Знаменательная точка наводитъ на предположеніе, что это до-полуденное поклоненіе солнцу. Поклоненіе полудню, почти всегда, или наложеніе рукъ на голову (верхній фертовидный знакъ) или съ загибаніемъ кистей внизу къ головѣ[1]). — 16. Опять боковое положеніе. Своеобразный и весьма интересный знакъ, при отвѣсномъ положеніи. Мы его относимъ пока къ группѣ знаковъ фертообразнаго символа: повидимому, онъ символизируетъ большее сближеніе ладоней, чѣмъ это означается предшествующимъ знакомъ. Но возможно этотъ знакъ понимать, какъ означеніе благословенія неба на знакѣ человѣка. Киприйскій силлабическій алфавитъ даетъ къ тому основанія[2]). На петроглифѣ Бентона (Benton), въ южной Калифорніи (Süd California) есть тождественный знакъ (табл. XII. Л. 17. 6. пр. в.). Петроглифы Нортумберланда (Northumberland) даютъ много варіантовъ на эту графическую тему (табл. XII. Л. 16. 8. лѣв. в.)[3]). — 18, 19, 20, 22 и 27. Знаки молящихся людей; на двухъ означенъ полъ, два — безъ головы (одинъ въ сомнительномъ поворотѣ), можно заподазривать позднѣйшее устраненіе ея, — по культу предковъ. — 23. Лировидное воздѣяніе рукъ; крестикъ на мѣстѣ головы позднѣйшая прибавка (табл. XII. II. 14. 3). — 24, 25 и 26 объяснены ранѣе, при параллеляхъ.

15. Тамги тюрко-алтайцевъ Минусинскаго округа.

(Табл. V. II и III. Изъ собранія проф. Н. Ф. Катанова.)[4])

II рисунокъ.

1 и 6. Дублированная молитва внизъ, по двумъ формамъ рукоположенія, смотр. табл. XII. II. 15. 1 и 20. 1. При этомъ невольно вспоминаются бронзовыя украшенія Александропольскаго кургана[5]), они свидѣтельствуютъ о наличности рукоположенія по второй формѣ. На курганныхъ камняхъ около оз. Шира, петроглифы[6]) имѣютъ сходныя начертанія и указываютъ на болѣе древній типъ молитвы. Есть основаніе принимать этотъ знакъ за поклоненію предку, а при дублированіи — предкамъ, обращающимъ свои молитвы внизъ, къ загробному небу и владыкѣ загробнаго міра.

---

[1]) Сопост. символъ рукоположенія египетскій (неолитическій), изъ Абидоса (Анучинъ, Д. Н., стран. 16. 9) и тамгу изъ Кабарды (Убизвонова), см. Сабанѣева, 271. — Сопост. Forrer R. L. 714. 202. 3-й столб. букв. q. Еще сопост. XII табл. 19. 1 и 20. 1, безъ линій головы и шеи.

[2]) См. Cypriote Characters, у A. Cesnola «Salaminia», стран. 16. Первый знакъ къ «ti», но есть и другіе подобные. См. у Schliemann, Ilios и у L. Cesnola, Cypern и у Perrot-Chipiez.

[3]) R. Andree, Ethnogr. Parallel. и Vergleiche (см. №№ 6 и 4).

[4]) Извѣстія *Казанскаго* университета.

[5]) Гр. Толстой и Кондаковъ, «Русскія древности», II, стран. 94.

[6]) По указаніямъ гг. Самохвалова, Свинцова и Инкижинова. Лично еще не удалось ознакомиться съ этими начертаніями.

Кстати отмѣтимъ орнаментные мотивы современныхъ обитателей Минусинскаго округа, табл. VIII. XVIII. 5 и 7, а также общіе тюрко-монгольскіе типы орнамента, по Ратцелю[1]). — 2. По всей вѣроятности, генезисъ этого древняго тавра восходитъ къ означенію молитвеннаго положенія рукъ, см. табл. X. II. 3; табл. XIII. 29. Буквы енисейскаго алфавита, см. табл. XIV. 3. 16 и 17. — 3. Поворотъ? См. табл XII. II. 3. 3 или 5. Сопост. X. л. 25. — 4. Показатель опусканія правой руки, съ указаннымъ положеніемъ большого пальца, то-есть ладонью назадъ.

5. Прямой крестъ, съ кружечками на концахъ, вѣроятное означеніе головы, для усиленія молитвеннаго обращенія на всѣ четыре стороны. Къ этой же группѣ тамгъ надлежитъ пока отнести № 8 и №№ 18, 21 и 22 рисунка 3-го на этой же V таблицѣ.

Надъ собираніемъ, сопоставленіемъ, выясненіемъ и окончательнымъ установленіемъ всего круга солнечныхъ, дневныхъ, полуденныхъ, зоревыхъ, ночныхъ и полуночныхъ знаковъ по египетской сочетательной символикѣ и арійской (позволимъ себѣ этотъ терминъ вмѣсто „скиѳско-тюркской“), изображающій движеніями рукъ и солнце, и части дня, и поклоненія имъ, предстоитъ еще много работы, тогда уяснится, что арійцы или аризированные народы — этнографическіе создатели алфавита. Хотя и теперь „гласныя буквы“ даютъ вѣское показаніе въ пользу арійцевъ.

Къ этому первичному толкованію добавимъ дешифровку, указываемую дѣленіемъ горизонта орхонскими турками: впереди (вверху) — востокъ и знакъ поклоненія ему; назади (внизу) — западный солнечный знакъ: направо — полдень, налѣво — полночь[2]).

7. Табл. XII. II. 15. 4.

9. Табл. XII. II. 15. 2, съ обращеніемъ къ землѣ ладоней обѣихъ рукъ. Поворотъ тамги здѣсь важно установить.

10. Знакъ амулетный, м. б. культа предковъ. Поворотъ? Этотъ знакъ женщины могутъ носить, но, при отсутствіи признаковъ разложенія культа и полнаго забвенія традицій, для родоначальника, по меньшей мѣрѣ, нужно дать положеніе косого креста. Генезисъ — дуговые знаки молитвы, накрытые такими же знаками благословенія, въ двухъ поворотахъ, съ перекрещиваніемъ. Ср. съ эмблемою бога Шамашъ (таблица VIII. XII).

11. Эти же замкнутые символы, дублированные по отвѣсной линіи. Установленіе поворота, по вещамъ родоначальника весьма важно: имѣемъ дѣло не съ амулетомъ, см. табл. X. Инициалы — 2 и 1. Указаніе на первоначальное положеніе тамги ясно. Должно думать, что при антиподальномъ сочетаніи поясныхъ символовъ предка и живого родоначальника, черта земли была не обязательна.

12. Мы этотъ знакъ понимаемъ, какъ знакъ полдня, руководясь китайскимъ гіероглифомъ — „средина“ (фертообразный религіозный символъ), который мы относимъ къ группѣ солнечныхъ знаковъ въ до-алфавитномъ письмѣ. См. табл. XI. 5. 8;

---

[1]) Народовѣдѣніе, II, стран. 590 таблица.

[2]) Какъ предварительное соображеніе, выскажемъ, что, по этой тамгѣ, по раздѣленіи полуночнаго знака на двѣ половины, знакъ «b» подойдетъ къ западной, а къ восточной (съ соотвѣтственными поворотами черточекъ и наклонѣ половинокъ) — «q»; раздѣливъ и придавъ надлежащее положеніе въ румбѣ — предполуденнымъ знакомъ будетъ — «p», а послѣ-полуденнымъ — «d».

въ этомъ начертаніи есть основаніе видѣть дискъ солнца, раздѣленный отвѣсною линіею пополамъ, при чемъ концы линіи, выступающіе изъ окружности, равны между собою. Сопоставляя указанія различныхъ начертаній солнца съ молитвенными указаніями на этотъ предметъ у египтянъ и въ петроглифахъ Енисея, и принявъ во вниманіе древне-еврейскую букву — „qof“, узелъ, мы стали смотрѣть на нее, какъ на символъ восходящаго солнца. Знакомъ нисходящаго, свѣшивающагося съ небеснаго свода (напомнимъ гіероглифъ „звѣзды“) будетъ перевернутый внизъ знакъ. Далѣе, на петроглифахъ Енисея, и особенно при параллеляхъ къ нимъ, нельзя было не обратить вниманія на загадочную и чрезвычайно интересную, по подробностямъ, особую форму культа, характеризующуюся фертообразнымъ рукоположеніемъ, верхнимъ (надъ головою) и нижнимъ соединеніемъ рукъ на туловищѣ. Фертообразному смыканію рукъ предшествовало, повидимому, треугольное. Въ предложенномъ нами опытѣ классификаціи молитвенныхъ рукоположеній, обусловливающихъ соотвѣтственныя движенія ногами, мы отмѣтили эту форму на табл. XII. II. 19 и 20 горизон. полосы. Это рукоположеніе, а, быть можетъ, и болѣе древнее, означенное на 14 и 15 полосахъ связаны съ культомъ солнца. Этотъ вопросъ въ будущемъ заслуживаетъ спеціальной разработки.

Но мы обязаны и теперь высказать нѣкоторыя общія соображенія, которыя могутъ облегчить таковую разработку. Послѣ изготовленія таблицъ къ статьѣ намъ пришли въ голову два схематическихъ чертежа, для построенія солнечныхъ знаковъ-шрифтографовъ, включая и крупныя дѣленія дня, которыя, по всей вѣроятности, будутъ совпадать съ часами общественныхъ поклоненій, утреннихъ (между восходомъ и полуднемъ) и вечернихъ (до заката), по двумъ видамъ символизаціи: изобразительной и сочетательной.

Въ 1-й схемѣ будетъ фигурировать китайскій знакъ „средины“, какъ основная поза движеній: среднее фертообразное наложеніе рукъ *на поясъ*. Остаются два далеко видимые сигнала: 1) верхній (руки *на головѣ*) и 2) нижній (руки низко *на бедрахъ*). Черту китайскаго знака „средины“ для 1-го сигнала опустимъ внизъ, а для 2-го — поднимемъ вверхъ. Знакъ черты подъ кругомъ — „человѣкъ, благословляемый солнцемъ“, по нашему дешифрированію этого знака, называемаго у всѣхъ тюркскихъ народностей „ложкою“, или „поварежкою“, или „чумизою“, пока не будемъ вводить въ схему.

Теперь, предлагаемъ интересующимся начертить полукругъ: небо и горизонтъ, положить эту схему такъ, чтобы „впереди“ былъ востокъ, „сзади“ западъ и направо — полдень, и разставить *надлежащимъ* образомъ три знака, представляя себя въ центрѣ горизонта, при поклоненіи на востокъ, югъ и западъ, дѣлающими соотвѣтственные повороты. Въ знакѣ восходящаго солнца, при раздѣленіи на два знака, мы видимъ знаки поднятія: одной правой руки-„p“ и одной лѣвой руки-„q“. Дискъ солнца видимо, дѣлился по культу, на правую и лѣвую половины, и при поклоненіи восходящему солнцу. Стоя лицомъ на югъ, на полуденномъ солнцѣ нельзя было забывать объ оріентировкѣ и на востокъ и западъ, и правая рука могла выражать и поклоненіе восточной половинѣ солнца и знакъ p, поднятіе правой руки съ наложеніемъ

на голову, символизировалъ (дугою руки) поклоненіе восточной половинѣ, а q — западной. Символизація полудня могла состоять въ перестановкѣ знаковъ: p — налѣво и q — направо. При дальнѣйшемъ отвлеченіи могли оставаться дуги или углы рукъ: линія туловища, какъ незнаменательная, тоже отбрасывалась. Генезисъ дуговыхъ символовъ и ихъ сближеніе x (ikse), но, при раздвинутыхъ дугахъ, ставится между ними иногда и знакъ туловища. Знаки табл. X, пр. с. 3 строка получаютъ тогда иное освѣщеніе, понятнѣе становятся и знаки лѣв. с. той же X табл. на строкѣ 8-й. Получается о знакѣ „p“ и о культѣ правой руки такое представленіе, что, въ полдень, она какъ бы переходитъ по культу солнца налѣво, а лѣвая рука — направо. Это можно видѣть въ символахъ ликійскаго и кипрскаго рукоположенія (элементы „живѣте“ или „Ж“ символъ). Начало свастико-совастическаго культа мы склонны видѣть въ этихъ воззрѣніяхъ, скрывающихся въ перемѣнахъ религіозной сигнализаціи рукъ предъ полуднемъ или въ полдень. — (См. g, d, ch, t, k, q, r — египет. алф. Ebers.).

Означивъ на другой схемѣ египетскій гіератическій знакъ поклоненія восходящему солнцу, состоящій изъ круга, а внизу изъ угла показателя поворота ладони правой руки къ солнцу и подъема той же руки, также на соотвѣтственномъ мѣстѣ схемы, а гіератическій знакъ „руки“ поставимъ, предположительно, надъ полднемъ, направо поставимъ также соотвѣтственные знаки, беря поворотъ на западъ, мы получимъ и на западѣ тѣ же шрифтографы. По знаку „руки“ видимъ, что правая половина дня только что началась (b), а лѣвая утренняя или нижняя (d) прошла. Финикійское же начертаніе, даетъ шрифтографъ „q“ означаетъ лѣвое верхнее поднятіе. Нѣкоторыя противорѣчія есть, но шрифтографы d, b, q и p одни и тѣ же.

На высказанныхъ основаніяхъ эту тамгу мы опредѣляемъ, какъ древній письменный знакъ свѣтовой системы письма, „средины дня“, полуденный знакъ. (См. группу солнечныхъ знаковъ, табл. XII. Л. 14. 3—9; 14. 3 (п. в.) — восходъ солнца и 14. 4 (л. в.) — закатъ солнца).—13. См. № 14 на рис. XVII, на этой же таблицѣ: боковое положеніе, но въ противоположную сторону.—14. См. табл. X. Инициалы енисейскаго алфавита — 2; табл. XI. 15. 7 и 8, буквенные знаки южно-семитическихъ алфавитовъ. — 15 и 17. См. табл. XII. П. 12 и 15 и табл. X. П. 6. 4 и 7. I.—16. Кругъ съ крестомъ; усиливающая сигнализирующее значеніе символа черта, можетъ быть, и мѣстная позднѣйшая прибавка. Длинная поперечная линія — черта земли, сверху крестъ съ головкою означаетъ живого родоначальника молящагося подъ предкомъ внизу, означеннымъ отвѣсною черточкою. — 18. Символъ, въ основѣ тождественный съ № 9. Прибавлена верхняя горизонтальная черточка для указанія отставленія большихъ пальцевъ. Символы эсо-видный и омего-видный прибавлены потомъ 19 и сходные съ нимъ знаки 13, 14 и 15, рис. III, едва ли нуждаются въ объясненіяхъ.

III рисунокъ.

1. Дискъ солнца на жертвенникѣ или престолѣ, см. табл. XII. Л. 14. 9 л. в. Согласно финикійскому начертанію на указанномъ рисункѣ означенъ и серпъ луны[1]). — 2. Основной знакъ молитвы.— 3 и 26. Символы молитвы небу и землѣ, въ прямо-

[1]) Perrot и Chipie. L'hist. de l'art III. 79. 30.

линейномъ и прямоугольномъ начертаніи, съ означеніемъ положенія ладоней. Въ № 26 тѣ же знаки соединены чертою. — 4 и 7. Начертанія, относящіяся къ своеобразнымъ видамъ рукоположенія. — 5. Двусторонній религіозный символъ, въ прямоугольномъ начертаніи. — 6. Знакъ заходящаго солнца; нижнее фертообразное положеніе рукъ (на бедра). — 8. Знакъ молитвы землѣ или знакъ жертвы овна; поперечныя черты, можетъ быть, добавлены впослѣдствіи, при раздѣлахъ имущества, но возможно и означеніе поклоненія и жертва предку, который означенъ прямымъ крестомъ подъ чертою земли. — 9. Двусторонній знакъ, образовавшійся изъ символа, табл. XII. П. 12. 2.—10 и 11. Показатели для отставленія большого пальца.—12. табл. XII. П. 15. 2. Поворотъ?—13. Можетъ быть, это благословляющій дискъ солнца или благословляющій духъ; рога — символъ могущества.—17. Сложный символъ: молитвенное обращеніе къ землѣ, пересѣченное вверху знакомъ овна; послѣдній символъ, помимо знака жертвы, можетъ быть, служитъ и показателемъ поворота опущенныхъ ладоней впередъ.—19 и 28. Два эсовидныхъ знака, съ поворотомъ. См. букву енисейскаго алфавита, табл. XIV. 8. 12.— 20 и 30. Угловые символы, съ кружечками (солнце) на концахъ; вѣроятно, до-и послѣ-полуденные знаки. — 21. Отвѣсная линія, съ 4 кружечками, расположенными попарно на концахъ этой линіи. Изъ группы солнечныхъ знаковъ. — 22. Религіозный знакъ, типа, табл. XII. П. 15. 7, въ боковомъ положеніи. — 24. Двѣ перекрещивающіяся дуги, см. букву енисейскаго алфавита, табл. X. Л. 16. — 25. Молитвенный знакъ, формы, табл. XII. П. 13. 2, съ притупленіемъ горизонтальною черточкою средней линіи, — этимъ она, можетъ быть, сдѣлана показателемъ перстосложенія. — 27. Дублированный горизонтально прямой крестъ. — 29. Знакъ солнца.

16. Тамги киргизовъ и кара-киргизовъ Сыръ-Дарьинской области[1]).

(Табл. XI. J. 19. 1—8, тамги Малой орды; K. 19. 10—12; 20. 1—3, тамги Средней орды; L. 20. 5—12 и 21. 1—5 тамги Великой орды.)

А. Тамги Малой орды.

19. I. В. зн. Можетъ быть, и первоначальное значеніе тамги „глаза". — Ср. зн. Символъ типа, табл. XII. Л. 3. 13. — Н. зн. Символъ рукоположенія, обращеннаго къ землѣ, съ выгибомъ ладоней. — 2. В. З. Т. XII. П. 9. 4. Н. зн. Знакъ животнаго. 3. Зэтъ-символъ и поворотный знакъ отъ него. M-W-символъ, въ боковомъ положеніи. Двѣ отвѣсныя черты, вѣроятно, знаки рукъ. — 4. Опущенная правая рука, съ большимъ пальцемъ — отъ туловища, т.-е. ладонью впередъ. Показатель опусканія рукъ и поворота ладоней. Часть локтей и кисти обѣихъ рукъ, большими пальцами внутрь, т.-е. ладонями впередъ. — 5. Весьма цѣнные знаки солнечнаго культа. Восходящее (л. н.) и заходящее (л. в.) солнце, безъ означенія молитвы, и безъ перечеркиванія солнечнаго диска. Знакъ свѣтового языка — кругъ, образованный сомкнутыми

---

[1]) Гродековъ. Киргизы и кара-киргизы. Ташкентъ, т. I. 1889. R. Andree. «Ethnogr. Parallel. und Vergl.» L. 1889. Табл. VII, fig. 15.

надъ головой руками — записанъ безъ линіи шеи и головы. Закатъ солнца означался смыканіемъ рукъ внизу, записывался также съ отбрасываніемъ линіи туловища. Знакъ восходящаго солнца съ крючкомъ, показывающимъ, что лѣвая рука должна быть поднята съ отставленнымъ большимъ пальцемъ ладонью впередъ; подъемъ правой руки, при подъемѣ лѣвой, уже не требуетъ указаній, если онъ обязателенъ. Восходящее солнце, по-китайскому начертанію, см. на этой же таблицѣ, 4. 8. Лодка китайцевъ, но знакъ внизу разсматриваемой тамги означаетъ подъемъ обѣихъ рукъ, ладонями впередъ. Для точнаго исполненія этого графическаго указанія, т.-е. для постановки большихъ пальцевъ наружу, локти у запястьевъ надо скрестить. Знакъ перстосложенія у китайцевъ *конкретировался*, — превратился въ лодку: значеніе древняго знака подверглось полному забвенію; и это произошло, видимо, очень давно. — 6. Табл. XII. П. 3. 1 и прямые кресты, которымъ приданъ видъ шашекъ. Знакъ солнца. Двойной крюкъ — показатель перстосложенія для обѣихъ рукъ, см. табл. X. П. 13. 2.—7. Прямой крестъ и угловые символы, въ двухъ поворотахъ. — 8. Два показателя для лѣвой руки, округленнаго очертанія. Угловой символъ, съ длиннымъ изгибомъ влѣво (м. б. J), показывающимъ, можетъ быть, и рукоположеніе и отставленіе большого пальца; возможно начертаніе и змѣи, но змѣя означается преимущественно извилистою линіею.

Б. Тамги Средней орды.

Строка 19. К. 10—12 и К. 20. 1—3.

10. Табл. XII. П. 1. 4 и 14. 2. Изгибъ ладони правой руки выраженъ усиленно. 11. Знакъ глазъ и восходящаго или заходящаго солнца въ боковомъ положеніи. 12. Табл. XII. П. 13. 3. Приподнятость кисти лѣвой руки ясно указана, туловище удлинено. Табл. XII. П. 8. 1. Знакъ накрытъ чертою благословенія. Прямоугольный молитвенный знакъ, обращенный къ землѣ. Серпъ луны или дугообразный знакъ въ лѣвомъ поворотѣ.

К. 20. 1. Угловой молитвенный знакъ, обращенный вверхъ. Непонятный знакъ, позднѣйшаго округленнаго начертанія, съ крючкомъ, округленно загнутымъ; пока не видно параллелей[1]). — 2. См. выше, 19. 4, знакомые знаки поднятія обоихъ локтей, съ ладонями, обращенными впередъ. Справа черта съ черточками на концахъ ея, показывающими одновременный подъемъ правой руки, съ отставленіемъ большого пальца влѣво, т.-е. ладонью впередъ, и опусканіе лѣвой руки, съ поворотомъ ладони назадъ[2]). Прямой крестъ. — 3. Табл. XII. П. 13, въ нижнемъ и боковомъ поворотѣ. Двѣ отвѣсныхъ линіи, вѣроятно молящіяся руки.

В. Тамги Великой орды.

(L. 20. 5—12 и 21. 1—5).

5. Табл. XII. П. 13. 2 и 3. Верхній знакъ: при опусканіи рукъ, съ лицомъ обращеннымъ на востокъ, указано приподниманіе ладони правой руки. Нижній знакъ —

---

[1]) Въ кабардинскихъ тамгахъ встрѣченъ подобный знакъ. См. тукюэскую букву: XI табл. 4. 1. Разсматриваемый — нижній знакъ: локоть и кисть съ отставленнымъ большимъ пальцемъ.

[2]) Ср. съ нижнею частью этой двойной тамги предшествующій «непонятный» знакъ.

отмѣчаетъ подъемъ лѣвой кисти; вѣроятно, означено обращеніе молящагося на западъ. — 6. Знаки объясненій не требуютъ. — 7. См. табл. XII. Л. 8. 8, верхніе знаки, на нижнихъ знакахъ благословеніе возложено на знакъ человѣка. См. петроглифическій знакъ изъ южной Калифорніи, 17. 6 н. в., и буквенный знакъ кипрейскаго алфавита, табл. XI. 14. 8. Ср. съ сходною тамгою изъ коллекціи Г. И. Потанина (табл. V. XVII. 16). — 8. Дерево или вѣтвь съ развилиной внизу, съ четырьмя листьями, супротивно-расположенными. — 9. Неясный въ боковомъ положеніи знакъ. Дублированный горизонтально крестъ. — 10. В. зн. Солнце и восходящее солнце. Н. зн. Дублированные дугообразные знаки, въ боковомъ положеніи. Угловой символъ. — 11. Крестъ подъ кругомъ: поклоненіе восходящему солнцу. — 12. Крестъ съ прямоугольникомъ, какъ ручкою.

21. 1. Показатели отставленія большого пальца, въ округленномъ очертаніи, на обѣихъ рукахъ. Ср. съ египетскимъ означеніемъ этого перстосложенія: табл. XI. 9. 11, еще 25. 1 (верхнее благословеніе), 25. 2 и 25. 3; на той же таблицѣ, слѣва, 17. 1 и 2. Н. зн. Показатель поднятія руки, съ отставленіемъ большого пальца. Отвѣсная линія. — 2. Отвѣсная черта — знакъ человѣка. Показатель для поворота правой (вверху, в. зн.), отъ себя, и лѣвой руки, къ себѣ. — 3. На чертѣ земли угловой молитвенный знакъ, обращенный вверхъ. Ср. табл. XI. 11. 7 и 12. 9 и 12. 10. Скошенный знакъ молитвы землѣ. — 4. Дугообразные молитвенные символы, обращенные вверхъ. — 5. Треугольникъ, основаніемъ внизъ: молитвенная сигнализація землѣ. Знакъ „овна“, см. табл. XII. Л. 4. 9, — поясное рукоположеніе, безъ означенія ногъ и головы.

17. Тамги черкесскія.

(Табл. XII. Л. 15. 1—6.)

Правое колѣно[1]).

15. 1. Воздѣтыя руки въ дугообразномъ начертаніи (ср. буквы енисейскаго, карійскаго, ликійскаго и древняго кипрейскаго алфавитовъ: XIII табл. 28 и 29; табл. XIV. 7. 1—6; табл. XI. 14. 3 и 12); ладони выгнуты, обращены къ небу; показатель для отставленія большого пальца правой руки сдѣланъ съ росчеркомъ. — Символъ дуги, въ боковомъ положеніи (табл. XII. П. 14. 5), обращенъ направо, и здѣсь также росчеркомъ сдѣлано усиленіе молитвы. — Omega или, правильнѣе, по начертанію, „сё“-символъ[2]), нерѣдко встрѣчающійся въ амулетахъ[3]); рукоположеніе то же, какъ въ „сё“ и въ „omega“ символъ, но безъ черты шеи[4]), и въ поворотѣ къ землѣ, и съ усиленнымъ загибаніемъ кистей рукъ внутрь[5]). „Вѣди“ или „З“-символъ, по

---

[1]) R. Andree, «Ethnogr. Parallelen u. Vergleich. N. Fi. L. 1889. Tafel IV.

[2]) Или gamma классическая.

[3]) Ак. Д. И. Анучинъ. О костромск. кург. раскоп. Ф. Д. Нефедова. Табл. 6, 27. — Ср. бляхи на цѣпи изъ гробницы въ Ашераденѣ; Нидерле, «Челов. въ доист. врем.», стран. 582, рис. 451. — Символы на золот. статуэткахъ изъ Сибирск. коллекцій Эрмитажа; Гр. Толстой и Кондаковъ «Русскія Древн.» III, стран. 65, рис. 75.

[4]) Сопост. съ воздѣтыми руками женщинъ амфоровиднаго сосуда изъ Abydas. Камен. вѣкъ въ Египтѣ, Ак. Д. Н. Анучинъ, стран. 16 (9).

[5]) Ср. съ тамгою, № 7-й, извѣстнаго кабардинскаго коннозаводчика Убизванова, «Охотн. календ.» Сабанѣева, 1892, стр. 271. и съ рис. 8, на стр. 16, оттиска статьи «Кам. вѣкъ Египта», ак. Д. Н. Анучина.

типу, означенному на табл. XII. П. 19. 1, въ верхнемъ поворотѣ, менѣе соотвѣтствуетъ и верхнему и нижнему знаку.

2. См. табл. XII. П. 12. 3; изгибаніе кистей, для обращенія ладоней вверхъ, означено ясно, поэтому нижнія черточки должно разсматривать, какъ позднѣйшія измѣненія этого юридическаго знака, — онѣ, впрочемъ, своимъ расхожденіемъ сигнализируютъ молитву внизъ. — Сигма-символъ, по религіозному значенію, тождественъ и съ „double-vè-символомъ“: разница только начертательная и хронологическая. Поворотъ боковой, на положеніе ладоней есть указанія. — Л. н. Молитвенный знакъ, въ прямомъ положеніи. Для уясненія степени стилизаціи слѣдуетъ сравнить съ древнимъ начертаніемъ (см. справа, на этой же таблицѣ—14. 2), — въ эсовидной линіи очертанія туловища, шеи и головы нельзя упустить указанія на наклонъ головы, на положеніе ладоней обѣихъ рукъ также есть указанія[1]). — Элипсовидный символъ, въ боковомъ поворотѣ, почти со смыканіемъ рукъ надъ головою (см. табл. справа — 19. 3), большій изгибъ принадлежитъ правой рукѣ, заканчивающейся яснымъ означеніемъ положенія ладони; лѣвая рука, въ виду праваго культа чествуемаго божества держитъ себя пассивно. Сосудообразная форма символа весьма интересна, въ виду кабалистическаго значенія, которое пріобрѣли подобныя начертанія впослѣдствіи. Сопост. съ петроглифическими начертаніями, табл. VI. 3. 13 и тамъ же, рис. 6. 11, и съ тамгою калмыковъ, табл. XII. Л. 4 л. н.

3. Два дуговидныхъ символа, въ разныхъ боковыхъ поворотахъ, сомкнутые тыльными частями, „X“-symbole[2]). — Знакъ человѣка съ поднятою и касающеюся головы рукою. — Н. л. Уникатное начертаніе, — конечно, не песочные часы, каковыми они могутъ показаться. Для объясненія беремъ параллель. — Поставленная рядомъ черкесская же тамга, въ общемъ, сходна съ этимъ загадочнымъ начертаніемъ, разсмотримъ сначала ее. — Этотъ знакъ мы склонны относить къ знакамъ „дня“. Основываясь на высказанныхъ выше соображеніяхъ, мы можемъ предполагать, что два круга, одинъ надъ другимъ, соединенные отвѣсною чертою, означаютъ: верхній-восходящее и нижній-заходящее солнце. У сѣверо-американскихъ индѣйцевъ „день“ изображается болѣе конкретно (см. на этой же таблицѣ 14. 7, нижній знакъ): на линіи земли два полукруга — восходящее и заходящее солнце, а въ срединѣ — полуденное солнце.

Предоставимъ коллегамъ, по служенію этнографической наукѣ, окончательно рѣшить наше предположеніе, основываясь на новыхъ и болѣе обильныхъ графическихъ матеріалахъ, но, если оно будетъ признано заслуживающимъ вниманія, то и предъидущая объясняется точно такъ же. И, кромѣ того, даетъ даже нѣкоторое подтвержденіе, а именно: круги означены отдѣльно; соединены они двумя линіями, не прямыми, а слегка изогнутыми внутрь — эти линіи означаютъ руки. Выше высказано, что по культу солнца при восходѣ его руки поднимались и обозначались подъ солнцемъ, а при закатѣ обѣ опускались и означались сверху. Черточки на окружности солнечныхъ дисковъ — не показатели отставленія большихъ пальцевъ отъ ладоней, а обычныя позднѣйшія измѣненія родовыхъ знаковъ при раздѣлахъ. Въ кабардинскихъ и

[1]) Графическая перестановка знаковъ воздѣтыхъ рукъ, при поклоненіи полуденному солнцу.

[2]) Стилизированныя скобки или дуги, «cè» — symboles.

въ другихъ тамгахъ сѣвернаго Кавказа, какъ видно по рисункамъ у Сабанѣева, въ его „Охотн. календ.“ сохранились тамги сочетательнаго генезиса: дискъ солнца и двѣ прямыхъ линіи — руки. (См. §§ 18 и 19). Выгибы концовъ линій мы уже ранѣе видѣли, но, не лишнее привести болѣе характерные примѣры, таковы: на этой таблицѣ 13. 5 и на XI 20. 5. Если наши догадки и объ этомъ уникатномъ знакѣ подтвердятся, и при увеличенномъ числѣ параллелей, то онъ будетъ однимъ изъ интереснѣйшихъ конкретно-мимическихъ начертаній до-алфавитнаго свѣтового письма. На табл. XII. Л. 18. 16 этотъ знакъ представленъ въ расчлененномъ видѣ, но безъ черточекъ, искажающихъ первоначальный видъ этого прекраснаго и поучительнаго знака.

Лѣвое колѣно.

15. 4. Двѣ верхнихъ фигуры слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы на нихъ долго останавливаться, но на правой мы должны обратить вниманіе на выгибы обѣихъ ладоней и позднѣйшую прибавку углового знака. Для параллели, приводимъ двѣ буквы изъ гражданскаго грузинскаго алфавита[1]), — въ особыхъ объясненіяхъ онѣ не нуждаются, но о правой напомнимъ, что такая буква есть и въ енисейскомъ алфавитѣ. На грузинскій алфавитъ, беря и капитальное и минускульное церковное письмо, съ графической точки зрѣнія, мы обращаемъ особое вниманіе и спеціалистовъ-лингвистовъ, когда они заинтересуются и чисто графическими параллелями алфавитовъ. Попутно, отмѣтимъ нѣкоторыя буквы, наиболѣе бросившіяся въ глаза: Vi, Kan (k), Qar (q), Chin (ch), Dzil (dz) и Jan (j). Почти тождественныя перечисленнымъ буквамъ начертанія имѣются въ енисейскомъ алфавитѣ. Общеинтересны нѣкоторыя буквы гражданскаго алфавита, напримѣръ: Ghan (gh), какъ знакъ опусканія рукъ, съ показателемъ отставленія большого пальца отъ ладони; Ban (b), Gan (g), Don — знаки, относящіеся къ солнечному культу и, что особенно замѣчательно, сохранили показателей перстосложенія. Какъ вещественное доказательство правильности нашихъ взглядовъ на генезисъ свастики и совастики, капитальный и гражданскій знаки Jan (j) имѣютъ большое значеніе. Грузинскихъ тамгъ мы не нашли, а болѣе древнія изъ нихъ представляютъ, въ виду высказаннаго, большой интересъ. Тамги прочихъ народностей Кавказа могутъ заключать въ себѣ не мало интересныхъ въ научномъ отношеніи данныхъ. Нижніе два знака, квадрата 15. 4, также знакомы: лѣвый — знакъ опусканія рукъ къ землѣ, съ выгибаніемъ кистей наружу, другой — съ загибаніемъ кистей внутрь.

5. Л. в. знакъ ромба и проч. — сложный. Генезисъ: угловой знакъ накрытъ угловымъ же, въ нижнемъ поворотѣ, съ черточкою сверху (см. таблицу справа 1. 5 и 2. 4)[2]). Черта съ кружкомъ — позднѣйшая прибавка. — Кругъ, наверху какъ бы крылья, сдѣлавшія взмахъ кверху, надлежитъ сравнить съ гіератическимъ знакомъ (см. выше 16. 18)[3]), тамъ птица надъ кругомъ означена на нижнемъ взмахѣ крыльевъ. Оба знака мы относимъ къ группѣ солнечныхъ знаковъ. Черкесскій интересенъ по

---

[1]) Шницеръ, «Вс. иллюстр. ист. письм.», стран. 156, рис. 107.

[2]) Сопост. съ тукюэской буквой, XI табл. 3. 5.

[3]) M. Champollion le jeune. Mèmoire sur les signes par les anciens égyptiens et coet. Paris MDCCCXLI. Орелъ — птица солнца у египтянъ и у гиттитовъ.

нѣкоторому графическому диссонансу, можетъ быть, указывающему на его болѣе позднее происхожденіе: показатель воздѣянія рукъ помѣщенъ надъ заходящимъ солнцемъ (см. гіероглифическій знакъ 14. 3 л. в.). Гіератическій благословляющій знакъ, указанный выше и проектированный нами знакъ гіероглифическій (см. выше 14. 4) (такого знака въ небольшомъ матеріалѣ, которымъ мы располагали, мы не нашли) вполнѣ согласны съ графическими правилами доисторическаго культа. Мало того, этотъ знакъ въ противорѣчіи съ своимъ сосѣдомъ — 15. 6 л. в. — знакомъ солнца въ лодочкѣ, стилизированнымъ по китайскимъ религіознымъ представленіямъ; не сходится онъ и съ арабскими показаніями (см. въ этой же полосѣ — 15. 10 и 11 н.)[1]). — Знакъ змѣистилизированный дуговой символъ, въ боковомъ поворотѣ.

18. Кабардинскія тамги.

А) Тамги наиболѣе извѣстныхъ коннозаводчиковъ.

Интересующимся предлагаемъ взглянуть рисунки тавръ наиболѣе извѣстныхъ кабардинскихъ конныхъ заводовъ въ „Охотн. Календ.“ Л. П. Сабанѣева. М. 1892 года, стр. 270—273.[2]) Мы нашли этотъ матеріалъ послѣ изготовленія рисунковъ къ статьѣ и не могли взять на таблицы интересныя тамги. По общему впечатлѣнію, среди нихъ значительный процентъ солнечныхъ знаковъ, особенно онъ великъ въ абазинскихъ родовыхъ знакахъ. Эти тамги требуютъ точнаго означенія способа наложенія на лошади и на одеждѣ и вещахъ владѣльца. Мы уже неоднократно отмѣчали это въ верхнихъ символахъ молитвы, превращающихся въ благословеніе. А въ солнечныхъ знакахъ знакъ поклоненія при восходѣ солнца превращается въ западный знакъ, съ инымъ поклоненіемъ, и наоборотъ. Особенно важны наклоненные вправо или влѣво знаки: таковы знаки поклоненія солнцу днемъ. Важенъ полуденный знакъ, но и вечерній (послѣ-полуденный) и утреній (до-полуденный) знаки, по рѣдкости своей, необычайно цѣнны.

А) Изъ 1-й серіи тамгъ наиболѣе извѣстныхъ кабардинскихъ конно-заводчиковъ, состоящей изъ 32 тамгъ, почти 38% солнечныхъ знаковъ и поклоненія солнцу: 3, 4, 13, 16, 18, 20, 21, 24.—№№: 4 и особенно 21 (знакъ покрова) сходны съ буквою енисейскаго алфавита, табл. X. п. 3.—№№: 13 и 16, омеговидные символы очень близки къ петроглифическому начертанію, табл. VI. 6. 11 ф. (Копены). № 16 очень интересенъ по показателю отставленія большого пальца для лѣвой руки: можетъ-быть, знакъ вечерней молитвы, до заката солнца, или знакъ поклоненія зарѣ вечерней. Знакъ 20-й такой же, но показатель предлагаетъ ладонь лѣвой руки повернуть впередъ, что можетъ быть, предположительно, отнесено къ утренней зарѣ.

1. Свастическій символъ, 3-й фазы. — 3. Свастическое поклоненіе закатывающемуся солнцу и вечерней зарѣ, съ означеніемъ поднятія лѣвой руки.—8. Beta-symbolon

---

[1]) Нужны параллели съ древне-греческими и латинскими знаками поклоненія заходящему солнцу, но работъ въ этомъ направленіи, сколько намъ извѣстно не было.

[2]) Кабардинскія и другія тамги сѣвернаго Кавказа собраны, въ 40-хъ годахъ, генераломъ Грамотинымъ, сообщены Н. П. Ситовскимъ.

(греческое, рукописное), въ поворотѣ.—19. Соприкосновеніе свастико-совастическихъ знаковъ (эсовидныхъ).—15. Кругъ въ кругѣ, въ родѣ знака Вишну.

Въ добавочной таблицѣ на черномъ фонѣ самымъ интереснымъ по древности (въ Египтѣ — неолитическаго времени) символъ полуденной молитвы (фиг. 7) — omega-symbolon, со сближенными кистями рукъ, какъ бы благословляющихъ голову. Интересно мультиплицированіе лировиднаго символа (фиг. 5). Важны №№: 1, 3 и 4.

В) Тамги коннозаводчиковъ Малой Кабарды.

27 тамгъ Малой Кабарды съ большимъ процентомъ нижнихъ знаковъ, около 84%, только 16% обращенія религіозныхъ символовъ къ небу; поклоненія солнцу восходящему нѣтъ ни одного знака. Знаковъ закатывающагося солнца только около 20%. Это обстоятельство заставляетъ предполагать, что многія клейма, при наложеніи на лошадей, повертываются.

Для уясненія всѣхъ солнечныхъ знаковъ, т.-е. восхода и захода, 2 знаковъ зарей, 2 дневныхъ, полуденнаго и полунощнаго, знаковъ наблюденія надъ наложеніемъ солнечныхъ клеймъ съ одной черточкою при кругѣ, съ двумя линіями, параллельными или немного расходящимися, тамга Кабарды (Джанбеева) и тамга Абазинская (Жаманбаева) выяснить крайне необходимо.

Тамгъ, оставшихся въ своемъ первоначальномъ видѣ, очень немного. Большинство видоизмѣненій и даже комбинацій сдѣлано эсо-и зето-видными знаками округленнаго начертанія, напримѣръ къ 4 знаку треугольника прибавлены съ боковъ эти знаки; къ №№: 11, 12 и 18, знакамъ заходящаго солнца, прибавлены эти же знаки. Но есть и другіе способы видоизмѣненій,— слѣды раздѣленія семьи. Закатъ солнца, судя по знакамъ 11 и особенно по 18, означался постановкой надъ кругомъ египетскаго креста, т.-е. человѣка съ чертою благословенія неба, слѣдовательно, *знакъ восхода солнца* былъ: кругъ съ египетскимъ крестомъ снизу, т.-е. дискъ солнце, какъ благословеніе, находился сверху, а подъ отвѣсною чертою, какъ знакомъ человѣка снизу, какъ знакомъ благословенія земли. Но знакъ египетскаго креста означаетъ, для востока и запада, отставленіе большихъ пальцевъ, т.-е. при поклоненіи восходящему солнцу перекрещиваніе локтей у запястья. Знакъ, и въ Средней Азіи и на Енисеѣ встрѣчающійся. Знакъ, слѣдовательно, былъ китайскаго построенія. Знаки: до-полудня и послѣ-полудня выражались наклонно, а 2-й полуденный, какъ на табл. XI. 5. 8. Полночь, вѣроятно, означалась подобно, „o“, онтѣ, съ равномѣрнымъ выступаніемъ концовъ линій (справа и слѣва), подобно китайской серединѣ. Знакъ „b“ можно уже по этому китайскому знаку заподазривать какъ знакъ вечерней зари[1]). Съ этой точки зрѣнія, въ высшей степени становится интересенъ знакъ поклоненія заходящему солнцу и вечерней зарѣ, 24-й

---

[1]) Представляя кругъ спустившимся внизъ по сѣкущей, но надо брать не правый знакъ, а лѣвый, *по культу*, т.-е. «d» будетъ символомъ вечерней, а «b» символомъ утренней зари. Это указаніе заслуживаетъ вниманія. Раздѣливъ китайскій полуденный знакъ, беря начертаніе на табл. XI. 5. 8 неизмѣняемымъ, но переставивъ половины по культу, имѣемъ на восточной половинѣ «p», а на западной «q». При обсужденіи 2-го примѣчанія, на стран. 363, и схемъ на стран. 364—365, высказанное надо имѣть въ виду.

(Дацирхова), означенный знакомъ свастическаго поклоненія, или танца свастики такъ, что половина этого знака осталась наверху, а половина заняла верхнюю часть солнечнаго диска. Имѣемъ интереснѣйшее графическое показаніе, что именно свастическій танецъ (описаніе см. выше, стр. 276—285, §§ 20—21 и въ параллеляхъ), то-есть съ поднятіемъ лѣвой руки, былъ религіознымъ вечернимъ танцемъ, и онъ преобладалъ и на вечерней зарѣ.

Какой танецъ танцуется преимущественно въ Кабардѣ, на закатѣ и послѣ заката солнца, излишне называть — это слишкомъ извѣстно. Названіе указываетъ очень опредѣленно, что заимствованіе пришло съ юга. Мы очень сожалѣемъ, что это указаніе на пережитки (survivale) на Кавказѣ свастическаго и совастическаго религіозныхъ танцевъ мы получили въ самомъ концѣ предпринятой работы, иначе мы достали бы хотя нѣсколько „лезгинскихъ“ тамгъ, хотя это русское названіе танца распространяется на всѣхъ горцевъ южныхъ склоновъ Кавказа. Во всякомъ случаѣ, эта мѣстность заслуживаетъ особаго вниманія этнографовъ со стороны древней *чисто народной манеры исполненія этого кавказскаго танца*, особенно со стороны движеній руками, при чемъ большое значеніе имѣютъ соотношенія поднятой (съ бубномъ) руки съ преобладаніемъ того или другого вращенія тѣла, вправо или влѣво. Важны манеры перехода въ совастическое круженіе, т.-е. когда бываютъ моменты опусканія руки съ бубномъ и поднятіе правой руки. Какое вращеніе тогда преобладаетъ: преобладаетъ ли то или другое перегибаніе и покачиваніе туловища или перегибаніе? Къ современной художественной музыкальной ея обработкѣ и хореографической (балетной) этнографамъ необходимо относиться скептически: особенно балетмейстера обладаютъ способностью стирать въ народныхъ танцахъ характернѣйшія племенныя и бытовыя черты, ослабляя, обобщая и обезцвѣчивая отраженія жизни, не зная и нерѣдко безсознательно искажая *древній* классическій языкъ движеній, почти изъявъ его изъ обращенія въ балетномъ языкѣ движеній. Подвергая народные танцы традиціонной критикѣ и цензурѣ, опирающейся на исторію, теорію и спеціальную философію хореографическаго искусства, давая манекенныя условно эффектныя позы, съ координаціею движеній, нерѣдко совершенно отсутствовавшихъ въ древнихъ пляскахъ и *совершенно не употреблявшихся въ древнемъ языкѣ движеній*, — хореографы уничтожаютъ въ танцѣ его душу, его религіозное прошлое. Условный балетный языкъ движеній, жестовъ и мимики представляетъ такую мозаику анахронизмовъ, не регистрированныхъ по правиламъ единства дѣйствія, мѣста, времени, народности, сословія, темперамента и т. д., что народный танецъ, подвергшійся такъ называемой художественной обработкѣ, теряетъ этнографическую сущность, — духъ и чувства народа, его создавшаго; нерѣдко нарушается послѣдовательность психологическихъ мотивовъ, фазъ и перипетій танца, особенно сложнаго по композиціи. Этнографамъ обязательно слѣдуетъ обратиться къ первоисточникамъ, чтобы имѣть матеріалы, вполнѣ удовлетворяющіе научнымъ требованіямъ. Въ народныхъ славянскихъ танцахъ пережитки свастико-совастическихъ особенностей въ различныхъ видахъ мазурки, русской и т. п., навѣрное, въ большей или меньшей степени сохранились. Насколько мы ознакомились съ древними указаніями, танцующіе, вдвоемъ и вчетверомъ и болѣе, кружились вокругъ себя, вокругъ

другъ-друга, и въ то же время идя кругами, спиралями, зигзагами вокругъ олтарей, стеллъ, камней, деревьевъ, но раздѣльно, изрѣдка обнимаясь или держась за руки.

Въ пляскахъ цыганъ, дервишей и особенно храмовыхъ танцовщицъ Индіи, въ бассейнѣ Нила, у сѣв. амер. индѣйцевъ и у мн. др. народностей при благопріятныхъ условіяхъ должны сохраниться различныя черты этого танца, совершавшагося и въ болѣе медленномъ темпѣ марша или торжественнаго шествія рядами танцующихъ (напомнимъ барельефъ изъ Булака).

Изслѣдователи, заинтересовавшіеся этою этнографическою разновидностью, не раздѣлимою съ музыкою и пѣніемъ, и доступною далеко не всѣмъ научнымъ дѣятелямъ, должны обстоятельно ознакомиться съ системою записи движеній человѣческаго тѣла нотными знаками, изобрѣтенными В. П. Степановымъ[1]) и разработанной А. А. Горскимъ. Само собою разумѣется, что научный изслѣдователь, усвоивъ схему и особенно стенографическую, такъ сказать, сторону графики, будетъ записывать, описывать и обобщать, не мудрствуя лукаво, забывая о бальныхъ и сценическихъ яко бы художественныхъ изощреніяхъ, возводимыхъ почти всѣми современными балетмейстерами (кромѣ Айседоры Дунканъ) въ требованія, даже въ законы и исторіи, и теоріи, и даже философіи балетнаго искусства[2]). Всѣ народныя (въ точномъ тѣсномъ, смыслѣ слова) плясовыя разновидности, ихъ мѣстныя варіаціи должны записываться безъ всякихъ самомалѣйшихъ измѣненій, особенно въ координаціи основныхъ тѣлодвиженій и перстосложеній. *Полная* освѣдомленность съ литературою и имѣющимися въ этнографіи матеріалами въ этомъ направленіи для научнаго изслѣдователя обязательны[3]).

Къ высказыванію нѣкоторыхъ соображеній о способѣ собиранія пережитковъ одной изъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ разновидностей молитвы, на солнечный культъ которой тамги Кабарды даютъ указанія, насъ побуждаютъ, главнымъ образомъ, цѣли реставраціи и коллектированія знаковъ и символовъ самаго языка движеній и слѣдовъ свѣтового письма послѣдней мимико-графической формы. Съ научной и общественной точки зрѣнія, вмѣсто выродившагося современнаго сценическаго танца, потерявшаго прежнее этнографическое значеніе, вслѣдствіе забвенія и искаженія присущаго ему языка движеній, мы не сочувствуемъ и „танцу будущаго[4]), который не мыслимъ безъ возстановленія танца „отдаленнаго прошлаго“, когда языкъ движеній еще не былъ забытъ, и человѣчество, для развлеченія, любило поговорить, танцуя, и когда этотъ нѣмой разговоръ *всей фигурой* человѣка передавалъ и мысли и чувства, — тогда онъ не нуждался въ словесныхъ поясненіяхъ: его тогда *всѣ понимали* безъ словъ, и это дѣйствовало *на всѣхъ* оживляющимъ образомъ. Но танецъ будущаго, и по А. Дунканъ, обосновывается именно на античной базѣ — на древнѣйшемъ языкѣ

---

[1]) Ник. Вашкевичъ. «Ист. хореогр. всѣхъ вѣковъ и народовъ; съ иллюстраціями» Гл. VII. См. вып. I, предисловіе, V стр. Но хореографическій способъ изображенія танцевъ въ печати появился въ XVI ст. и принадлежитъ Jean Tabourot (Foinot Arbeau), «Orchesographie», 1588 г. По рукописи, принадлежавшей Маргаритѣ Австрійской, дочери Филиппа Красиваго, хореографика была извѣстна гораздо ранѣе. Энц. Словарь Брок.-Эфр. 74.570.

[2]) Скальковскій, «Балетъ, его истор. и мѣсто въ ряду изящн. иск.».

[3]) Въ Forrers Reallex., къ сожалѣнію, рубрики «танцевъ» и «хореографія» въ памятникахъ древняго искусства пока отсутствуютъ.

[4]) «Танецъ будущаго», лекція Айседоры Дунканъ. Пер. Филькова. 1897 годъ.

человѣчества, — на языкѣ движеній: его источникъ — въ отдаленнѣйшемъ прошломъ. Но сбросить современныя балетныя наслоенія, продукты разложенія этнографическаго вида, нелегко: только перевоплотившись, танецъ будущаго войдетъ въ народъ, займетъ свое прежнее мѣсто, и на сценѣ пріобрѣтетъ былое общественное значеніе.

Возрастающая до головокруженія быстрота темпа свастической пляски весьма интересна съ психо-физіологической стороны, — по психозу, окрашивающему эмоціальныя движенія и переходящему почти въ гипнотическое состояніе. Нѣкоторыя древнія статуэтки, религіозныя и, по нашему мнѣнію, изображающія человѣческія жертвы, по жребію или по собственному желанію, на лицахъ имѣютъ совокупность своеобразныхъ условностей, придающихъ имъ печать именно гипноза, при которомъ жертва можетъ быть убита въ безсознательномъ состояніи, въ эмоціональномъ экстазѣ, безъ сопротивленія, безболѣзнено, мгновенно, не нарушая общаго веселаго возбужденія толпы[1]), массоваго возбужденія, также подчиненнаго своеобразному гипнозу.

Основной тонъ общаго настроенія давался ритуальными особенностями обрядностей, предшествовавшихъ человѣческимъ жертвоприношеніямъ и слѣдовавшихъ за ними.

Обращаемъ вниманіе интересующихся на другой знакъ поклоненія закатывающемуся солнцу и вечерней зарѣ (№ 6, Абазибанъ); но этотъ знакъ предписываетъ поклоненіе только опусканіемъ обѣихъ рукъ, съ поворотомъ ладоней къ солнцу. На знакѣ 10-мъ, имѣющемъ уже внизу черточку — линейный указатель поклоненія востоку — сдѣланъ еще показатель опусканія рукъ, сверху, знакъ заката; графическій диссонансъ, указаніе забвенія религіознаго значенія этихъ знаковъ. Таковъ же знакъ и 27 и 19.

Но среди конно-заводчиковъ Малой Кабарды есть еще 3 солнечныхъ знака (11, 12 и 18) также съ графическими указаніями поклоненія закатывающемуся солнцу, изъ которыхъ 12-й близокъ къ знаку Гермеса (въ поворотѣ молитвы), и съ добавленіями къ первоначальнымъ обще-каноническимъ знакамъ поклоненія: добавлены къ каждому изъ этихъ знаковъ, справа и слѣва, S и Z, оба свастическихъ показателя, въ округленномъ начертаніи.

Тамги большой Кабарды[2]).

Всего 41 тамга; 40% солнечныхъ знаковъ. Нижнихъ молитвенныхъ обращеній или благословеній — 20%. 2-й типичный знакъ закатывающагося солнца (39), но восточный (40-й) искаженъ: имѣя снизу черту и дугообразный знакъ (востока), онъ имѣетъ и черточку западнаго значенія. Можетъ быть, къ „полдню", китайскаго начертанія, прибавлена дуга. И въ томъ и въ другомъ — указаніе на непониманіе значенія этихъ древнихъ графическихъ символовъ. Въ подобныхъ случаяхъ, изслѣ-

[1]) Примѣровъ не мало, приведемъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ. «Kypros die Bibel und Homer», Dr. M. Ohnefalsch-Richter. Berl. 1893. Text. S. 151 (Fig. 150), сравн. Fig. 40, 149, 173 и 218. Tafeln. ср. XIX. 2, XLVI. 13, CIV. 6 и CXXIV. 5. — Perrot et Chipiez, «Hist. de l'art», VII tome, p. 149, fig. 28. Это не кукла, а изображеніе жертвы по свастическому культу, это видно по начертаніямъ на тюникѣ, гдѣ означенъ и жертвенный топоръ; IV tome, p. 74, fig. 66. — Forrers Reallexikon, S. 640, Fig. 508. — «Urgesch. der Bilp. Kunst in Europa», M. Hoernes. W. 1898. Tafel I. 1; S. 395—398, Fig. 122—123.

[2]) Рисунки см. въ Охотничьемъ календарѣ Сабанѣева, изд. 1892 г., стран. 272.

дователь, осмотрѣвъ самое клеймо („жигало"), могъ бы придти къ болѣе опредѣленнымъ заключеніямъ. Съ тамгъ, во многихъ случаяхъ, полезно дѣлать эстампажи.

6-я тамга, самая замѣчательная (для насъ — она уникать), значительно освѣщающая генезисъ 3, 5 и 31-го знаковъ. Особенное религіозное значеніе 5-му знаку, шрифто-графу: „сè" и „ikse" или „ха-символу" придаетъ показатель отставленія большого пальца и поднятія одной правой руки. Поставленный снизу, показатель весь знакъ относитъ къ правому культу. Но „сè"-символы не соприкасаются одинъ съ другимъ, слѣдовательно, надо сперва поднять правую руку (ладонью впередъ) и опустить ее (ладонью назадъ, потомъ *лѣвою* рукою сдѣлать то, что указываетъ правый знакъ. Этотъ знакъ придаетъ иное освѣщеніе *правой* и *лѣвой* сторонѣ самихъ показателей относительно другъ друга и относительно направленія своего сигнализирующаго вліянія. Тамга 6-я, по нашему мнѣнію, знакъ „полдня": начерчена половина солнца. Снизу видимъ символъ дуги, въ верхнемъ рукоположеніи, означенный почти прямою линіей съ отгибомъ краевъ вверхъ; дуга полудиска солнца имѣетъ благословляющее значеніе. Но этотъ же, съ виду очень простой символъ есть знакъ движенія и головою, именно: она должна быть наклонена для воспріятія солнечнаго благословенія.

Дуги въ боковомъ положеніи, основываясь на вышеизложенномъ толкованіи 6-й тамги (Атласкирова), будутъ: *лѣвая*, встрѣчающая солнце половина дня, означающая поклоненіе ему. Мы ранѣе замѣчали, что этотъ знакъ и поворотъ къ нему, т.-е. C — sigma греческая, или „gamma" латинская буквы и „слово" — славянская буква, означая восточную и западную половины дня[1]), могутъ служить и показателями перстосложенія. А именно, латинское „сè" и латинское начертаніе сотни указываютъ; внизу, отставленіе большого пальца и подъемъ лѣвой руки (ладонью впередъ) и вверху — отставленіе большого пальца и поворотъ ладони назадъ; поворотъ же къ нему означаетъ поднятіе правой руки ладонью впередъ и опусканіе лѣвой, ладонью назадъ при отставленіи большихъ пальцевъ и поворотѣ ладоней впередъ. „Esse" и „zede — symboles различаются отъ „C — symbole" съ поворотомъ къ нему только тѣмъ, что опускаемыя руки удерживаютъ поворотъ „по культу руки".

Такимъ образомъ, оказывается, что „C" — (сè) и поворотъ къ нему:) какъ и „S" съ поворотомъ къ нему, „Z", относится къ показателямъ свастики и совастики, но съ различными поворотами ладоней.

19. Тамги сѣвернаго Кавказа[2]).

А. Карачаевскія тамги 7 знаковъ.

Преобладаютъ благословляющіе символы; солнечный знакъ одинъ. По нижнимъ показателямъ — поднятія рукъ, съ отставленными большими пальцами и поворотами ладоней къ солнцу (съ перекрещиваніемъ локтевыхъ частей рукъ у запястья), это поклоненіе его восходу, но сверху излишняя черточка, вѣроятно, послѣдующее добавленіе.

---

[1]) Но слѣдуетъ напомнить, что эти дугообразные знаки могли служить и знаками ущерба и наростанія мѣсяца, тогда пріостреніе на концахъ знаковъ можетъ служить рѣшающимъ показаніемъ.

[2]) См. рисунки Сабанѣева, Охотн. календарь, М. 1892, стран. 272.

Если же клеймо старинное и измѣненіямъ не подвергалось, то это, можетъ быть, знакъ и дневного, — предполуденнаго, — поклоненія солнцу. 3 фертообразныхъ знака, №№: 1, 2 и 5, съ линіями земли, а на одномъ (5-й знакъ), вѣроятно, означена молитва предка. 4-я тамга, въ основѣ, сходна съ одной буквою енисейскаго алфавита. Тамга 7-я, — сочетательное построеніе, характерное для тамгъ Кавказа: какъ-бы опусканіе рукъ, равнозначущее съ знаками заката (но безъ знака самаго солнца), выраженное двумя эсо- и зето-видными показателями свастики и совастики.

В. Абазинскія тамги.

20 знаковъ, изъ нихъ 12 солнечныхъ символовъ. Останавливаютъ на себѣ вниманіе тамги. — 14. Скобки съ острыми крючками на концахъ; недавнее, вѣроятно, измѣненіе. Такого древняго символа среди знаковъ движенія мы не знаемъ.

Нѣкоторые солнечные символы видоизмѣнены послѣдующими прибавками, напримѣръ тамги: 13 и 17; осмотръ самыхъ клеймъ весьма интересенъ. Парные знаки: 11 и 17 — непонятны. — 21, 25 и 27, въ основѣ одинаковы съ тамгою 20-ю, оставшейся безъ позднѣйшихъ измѣненій при раздѣлахъ. Кругъ, съ египетскимъ крестомъ внутри, интересенъ, хотя мы считаемъ эту вставку также позднѣйшей прибавкою. Интересенъ дублетъ знака восхода солнца, съ поднятіемъ и перекрещиваніемъ рукъ надъ головою (15) и весьма цѣнна тамга 18-я, гдѣ для поклоненія восходящему солнцу означено воздѣяніе обѣихъ рукъ. —

20. Самый интересный двойной солнечный знакъ, — двухъ *дневныхъ* (до полудня и послѣ полудня, до заката) поклоненій солнцу или утренней и вечерней молитвы, вѣроятно, общественной. Между кругами, знаками утренняго и вечерняго солнца поставленъ египетскій крестъ. Разсматривая его, какъ показателя подъема рукъ, оріентируемся сперва по лѣвому знаку солнца и египетскій крестъ ясно означаетъ подъемъ *правой* руки[1]) съ отставленнымъ большимъ пальцемъ. Повернувшись къ правому кругу лицомъ, мы видимъ указаніе на опусканіе правой руки съ поворотомъ ладони къ солнцу. Но повернемся опять къ лѣвому кругу, — увидимъ, что тотъ же египетскій крестъ дѣлаетъ указаніе на опусканіе лѣвой руки, съ поворотомъ ладони къ солнцу. Обратившись снова къ правому знаку, найдемъ назначеніе подъема лѣвой руки ладонью впередъ. Тамга, какъ символъ движенія, даетъ указаніе на то, что утреннія моленія и жертвоприношенія производились по совастическому культу, а вечернія по свастическому культу, т.-е. съ поднятіемъ лѣвой руки.

С. Балкарскія и Дигорскія тамги.

18 тамгъ, изъ нихъ солнечныхъ знаковъ только 3, т.-е. около 16%, нижнихъ поворотовъ символовъ около 50%. Только 3 знака не носятъ слѣдовъ „отпятнываніе“: 1-я — смыканіе рукъ надъ головою; 6-я, вѣроятно, молитва надъ предкомъ и его благословеніе, направленное на лошадей, и молитва его къ владыкѣ загробнаго міра и 11-я, вѣроятно, нижнее смыканіе рукъ (ср. съ нѣкоторыми Карачаевскими тамгами).

---

[1]) Сопоставь съ подъемами и опусканіями рукъ по «С» — (сѐ), съ поворотомъ къ нему.

Группа тамгъ Кавказа, численно очень скромная и осложненная позднѣйшими добавленіями, представляетъ большой интересъ по преобладанію солнечныхъ знаковъ и символовъ, и уже дала весьма цѣнныя указанія на пережитки свастико-совастическаго танца и варіанты нѣкоторыхъ особенностей въ построеніи солнечныхъ знаковъ. Думаемъ, — найдется еще не мало дублетовъ поклоненія дневному солнцу и выяснятся правила поклоненія зарямъ. Заревые знаки далеко не выяснены, очень рѣдки, а, между тѣмъ, они могутъ дать многія плодотворныя указанія, и прямыя и косвенныя. Поклоненія полуденному солнцу также нуждается въ дублетахъ.

20. Арабскія тамги[1]).

(Табл. XII. Л. 15. 7—11.)

15. 7. Основной молитвенный символъ, въ нижнемъ поворотѣ, какъ у киргизовъ и нерѣдко у тюрко-алтайцевъ онъ налагается на кладеныхъ лошадей; двѣ точки слѣва, вѣроятно позднѣйшая прибавка. — Отвѣсная черта съ двумя точками по бокамъ; знакъ, можетъ быть, въ горизонтальномъ поворотѣ. При срисовываніи родового знака на вещахъ родоначальника можно было бы установить древнѣйшій поворотъ. Мы свое соображеніе основываемъ на соединеніи уже упоминавшихся китайскихъ знаковъ (табл. XI. 5. 5) и на религіозномъ значеніи точекъ въ енисейскихъ петроглифахъ, а также и въ мало-азіатскихъ. — Знакъ — „101“, прилагая до-алфавитную точку зрѣнія, можно разсматривать, какъ знакъ солнца и воздѣтыхъ рукъ. — „110“ было бы трудно объяснить, если бъ въ тамгахъ арабовъ не было тамгъ въ двѣ черты, отвѣсныхъ и съ наклонами линій. Косое простираніе рукъ, въ родѣ древне-еврейскаго креста (Thav въ видѣ буквы Т), съ чертою на верху, знакомъ благословенія; такой знакъ налагался на родовое клеймо при надѣлѣ женщинъ. — Омеговидный знакъ на концахъ прямого креста типичный знакъ въ орнаментѣ арабовъ[2]).

8. Квадратъ съ точкою посрединѣ; точка знакъ его религіознаго значенія. — Двѣ влѣво наклоненныхъ черты. — Четыре отвѣсныхъ черты. Треугольникъ, сверху черточка, вѣроятно, позднѣйшая прибавка. Угловой знакъ, съ поворотомъ внизъ, накрытый снизу такимъ же знакомъ; орнаментный мотивъ[3]). „Т“ (Те)-символъ, генезисъ его см. выше, на этой же таблицѣ.

9. Черта и Т-символъ. — Два знака человѣка съ одною поднятою горизонтально рукою, схема сбоку, см. табл. XII. Л. 2. 1. — Вильчатый знакъ.

10. Солнечный знакъ, въ боковомъ неопредѣленномъ положеніи. Знакъ, тождественный съ одною изъ буквъ округленнаго начертанія енисейскаго алфавита[4]), см. табл. X. Л. 9. — Дуговидный знакъ, обращенный вверхъ[5]). Дугообразный символъ въ боковомъ положеніи. Солнечные знаки восхода и заката; налагаются, повидимому, бокомъ.

---

[1]) R. Andrée, «Ethnogr. Parallel.» Tafel. IV, fig. 2—4. — Ратцель. Народовѣд., II т., стр. 442.
[2]) Ратцель, «Народовѣд.», 442—464.
[3]) Тамъ же. — «Орнаментъ всѣхъ врем. и стилей», Н. Ф. Лоренцъ. С.-Пб. 1898. Табл. 24—26.
[4]) Ср. съ XIII и XIV табл.
[5]) Шницеръ, «Исторія письм.», стран. 138—142, табл. 93 и 97.

11. Два дугообразныхъ символа, соединенныхъ между собою; одинъ обращенъ вверхъ, а другой — внизъ. — Дугообразный символъ, въ боковомъ поворотѣ. — Знакъ восходящаго солнца. — Показатель подъема правой руки. — Сжатый дугообразный знакъ, въ боковомъ положеніи[1]).

Бѣдность и безсодержательность арабскихъ тамгъ поразительна, пришлось справляться и въ орнаментѣ и въ генеалогіи и эволюціи арабской письменности, только по тѣмъ болѣе, чѣмъ скуднымъ источникамъ, которые были подъ рукою, чтобы получить нѣкоторое представленіе о составѣ древнихъ религіозныхъ знаковъ, извѣстныхъ арабамъ. Число этнографическихъ изслѣдованій объ арабахъ велико и бѣдность коллекціи ихъ тамгъ объясняется невниманіемъ къ этой этнографической разновидности или накрытіемъ ихъ древней религіи. Одною трудностію собиранія этого матеріала нельзя объяснить этотъ пробѣлъ, намъ кажется въ архивахъ коннозаводчиковъ европейскихъ странъ можно найти не мало цѣнныхъ въ этомъ направленіи указаній.

21. Родовые знаки правителей греческихъ колоній

сѣвернаго побережья Чернаго моря.

(Табл. XI. 22. 7—12 и 23. 1—5.)

7. На конскомъ уборѣ Керченской могилы, I вѣка по Р. Х. Сложный знакъ: два молитвенныхъ символа, верхній по формѣ табл. XII. II. 12. 7, а нижній — по 13. 2; верхній знакъ немного наклоненъ къ звѣздѣ, изгибы концовъ линій указываютъ на изгибы кистей рукъ для обращенія ладоней къ небу. На нижнемъ знакѣ сверху стилистическія прибавки, дающія молитвенную сигнализацію внизъ и вверхъ[2]). — 8. На мѣдной монетѣ Рискупориса, I вѣкъ, по Р. Х.[3]). Сложный знакъ: молящійся человѣкъ и солнечный дискъ. Знакъ весьма интересенъ по указанію на эволюцію въ практикѣ религіи и въ отраженіи ея въ графическихъ записяхъ молитвенныхъ обрядностей. Раздвинутыя ноги, прибавленныя внутри солнечнаго диска къ отвѣсной чертѣ надъ кругомъ, придаютъ верхней поперечной чертѣ значеніе показателей древняго рукоположенія — горизонтальнаго простиранія рукъ, конечно, они могутъ быть и показателями положенія и большихъ пальцевъ, точнѣе — ладоней. И только поворотъ ладоней внизъ вынуждаетъ къ подъему плечъ, что, съ опусканіемъ головы, придаетъ поясному начертанію человѣка видъ древне-еврейской буквы „Т“ (than), а не креста. Мы склонны смотрѣть на этотъ знакъ, какъ на искаженіе обыкновеннаго знака поклоненія закатывающемуся солнцу. — 9. На мѣдной монетѣ Римиталка, вторая половина II вѣка по Р. Х.[4]). Знакъ уже объясненъ ранѣе (табл. XII. II. 12. 2). — 10. Знакъ III вѣка по Р. Х. (Варахрана II, Сассаниды) кругъ съ рогами вверху — знакъ тельца, но едва ли этотъ родовой знакъ[5]) указывалъ только жертву тельца свѣтлымъ небес-

---

[1]) Символы до-мусульманской эры см. въ древне-куфической азбукѣ.
[2]) Гр. Толстой и Кондаковъ, «Русскія древности», II, стран. 21.
[3]) Тамъ же, стран. 21.
[4]) Тамъ же, стран. 30, № 28.
[5]) Ibidem, вып. III, стран. 11 (6).

нымъ божествамъ (по показателямъ внизу), проще признать его знакомъ поклоненія солнцу, а прибавку роговъ или дуги признать уже позднѣйшимъ добавленіемъ; непониманіе или пренебреженіе къ символамъ свѣтового письма есть основаніе предполагать.—11. Родовой знакъ II вѣка по Р. Х. Дискъ солнца на престолѣ или жертвенникѣ, заимствованіе изъ Карѳагена, если не изъ Египта (см. табл. XII. Л. 14.9).—12. Гербъ Ѳеѳорса, III вѣка, по Р. Х. Знакъ, очевидно болѣе поздній, чѣмъ предыдущій, 22. 10, уже разсмотрѣнный знакъ поклоненія восходящему солнцу и верхняго поворота къ нему, 22. 8. Онъ подвергся еще большимъ „искаженіямъ", подъ давленіемъ, конечно, раздѣленія фамиліи, и указываетъ, между прочимъ, и то, что обладатель измѣненнаго герба происходитъ не по прямой линіи отъ перваго въ родѣ. Говоримъ „искаженіямъ" потому, что послѣдующія добавленія являются уже довольно грубыми нарушеніями правилъ записи языка движеній.

Повидимому, сперва прибавлены къ горизонтальной линіи маленькія черточки, превратившія эту линію въ показателя свастики (поворотъ впередъ ладонью указанъ *лѣвой* рукѣ: она поднимается, а правая молитвенно же опускается. Нарушеніе правила культа: на *восточномъ* солнечномъ знакѣ должна преобладать совастика. См. сдѣланный нами поворотъ знака, но верхній знакъ все-таки остается съ *одною* поднятою рукою, основной же показатель двойного рукоположенія требуетъ символизаціи молитвы и другою рукою. Проведеніе черты по диску солнца — нѣчто непріемлемое для понимающаго и уважающаго письмо культа. Китайскій знакъ „средины", по нашему мнѣнію, знакъ *человѣка*, изображающаго собою полуденное солнце или наложившаго на себя его полуденное благословеніе (нижнее фертообразное рукоположеніе); арійскій знакъ долженъ быть безъ черты въ дискѣ солнца, и мы увѣрены такой найдется. Для облегченія въ усвоеніи нашихъ дальнѣйшихъ объясненій мы даемъ боковой поворотъ къ описываемому знаку, на строкѣ 23. 1 п. з. Указанныя выше основы солнечныхъ знаковъ: заката, 22. 8, и восхода, 22. 10, просимъ постоянно имѣть въ виду[1]). Хотя начало генезиса этихъ знаковъ несомнѣнно должно искать въ томъ знакѣ, гдѣ человѣкъ стоитъ на землѣ, и, благословленный землею, благословляется восходящимъ солнцемъ, происхожденіе сочетающаго графическаго символа заходящаго солнца, съ первоначальнымъ толкованіемъ: „человѣкъ, благословленный небомъ, благословляется уходящимъ подъ землю солнцемъ" должно считать послѣдующими. Показатели перстосложенія и разныя ухищренія въ религіозной символизаціи несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія.

Это основное начертаніе мы признаемъ[2]) древнѣйшимъ и принадлежащимъ арійцамъ.

Первоначальный родовой знакъ Ѳеѳорса былъ этотъ восточный солнечный знакъ, тогда „*стоящій*[3]) на восходящемъ солнцѣ, *молящійся небу одною рукою*", является

---

[1]) При обстоятельномъ изученіи знаковъ свѣтового письма рекомендуемъ прибѣгать къ помощи увеличивающаго зеркала прямоугольной формы. Вычерчиваніе и стремленіе къ умственному воспроизведенію поворотовъ не рекомендуемъ: излишнее утомленіе и большая вѣроятность ошибокъ.

[2]) Предположительно, конечно. Теперь еще рановременно предпринимать спеціальную работу въ этомъ направленіи. Напомнимъ только, что египетскій солнечный знакъ хотя тоже сочетательный, но съ «угломъ» — показателемъ перстосложенія.

[3]) Причерчиваніе знака молитвы одною рукою снизу будетъ относиться къ культу предковъ.

уже не только нарушеніемъ орѳографическихъ правилъ древняго свѣтового письма, но и кощунственнымъ отношеніемъ къ солнцу, къ его культу и къ небу, къ которому простирается *„лѣвая“* рука: кощунство усугубляется на столько, что Ѳеѳорсъ или, точнѣе говоря, одинъ изъ его предковъ „въ непочитаніи боговъ“, выраженномъ на своемъ гербѣ (съ знакомъ солнца), превзошелъ вину Сократа.

Сдѣланный нами поворотъ только нѣсколько ослабляетъ вину предковъ Ѳеѳорса и герольдмейстеровъ того времени, но мы имѣемъ основаніе предполагать, что, около начала нашей эры, древнѣйшая религія была въ большомъ упадкѣ въ Тавридѣ и вообще на берегахъ Чернаго моря и, вѣроятно, на всемъ побережьи Средиземнаго моря, основы письма культа, видимо, были въ забвеніи или пренебреженіи, не только среди правителей и высшихъ сословій, но и среди народа.

Впрочемъ, разложеніе древняго культа до-алфавитнаго періода культуры относится къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда къ народу, практикою сложившему культъ, и къ *установленнымъ имъ* служителямъ культа, вкупѣ усердно предавшимся составленію миѳовъ и разработкѣ пантеона, пришли на помощь не менѣе одушевленные служители искусствъ, практиковавшіе и поэзію, и музыку и изобразительное искусство, и архитектуру, и ваяніе, воплотившіе всѣхъ боговъ въ устойчивые каноническіе типы, и создавшіе, такъ сказать, ихъ по образу и подобію самихъ творцовъ этихъ этнографическихъ явленій. Конечно, къ художественному совершенству своихъ созданій человѣкъ подошелъ длиннымъ и труднымъ эволюціоннымъ путемъ. Но, до этого, языкъ движеній подвелъ человѣка къ линейной, до извѣстной степени, отвлеченной системѣ знаковъ и символовъ, выражавшихъ *только* сношенія человѣка съ всемірными божествами: въ началѣ — ни человѣкъ ни божества не изображались. Посредниками были священныя животныя, съ одной стороны, жертвенныя а, съ другой, — приниматели жертвъ, выразители и исполнители воли боговъ. Языкъ движеній былъ одинъ, — понятный для всѣхъ людей, боговъ и для всей природы, таковы-же были и его многочисленныя письменные знаки. Но звуковой языкъ, съ своими эволюціонными союзниками, взялъ верхъ; алфавитъ, оставивъ себѣ 25—50 знаковъ, всѣ прочіе лишилъ былого этнографическаго значенія. Трудно формулировать, какую услугу оказали религіи и эволюціи человѣчества служители искусствъ, конкретировавъ не только боговъ и духовъ, но и многія изъ наиболѣе отвлеченныхъ символовъ древнѣйшаго языка культа.

23. 1. Л. зн. На монетѣ Ольвіи. — 2. На монетѣ I. Цимисхія. Фигура человѣка съ раздвинутыми ногами и наложеннымъ на genitalia знакомъ благословенія земли, руки обѣ приподняты вверхъ. Ср. съ карѳагенскими пломбами (табл. XII. Л. 15. 16. 16. 16 и 17. 16) и съ тамгами лопарей (15. 15 л. в. шведскіе лопари и русскіе, табл. IV. XIX. 3 и 4; XX. 13), а также съ монетами Харакена (табл. XII. Л. 16. 11 и 12). — 3. Съ монеты Базадео. Знакомый молитвенный знакъ. — 4. Съ монеты Ооерки. Жертвенникъ. Сложный символъ: въ срединѣ косой крестъ, снизу — угловой, благословеніе земли и гребенчатый символъ — черточки означаютъ языки пламени. — 5. Также жертвенникъ, но позднѣйшаго начертанія; съ монеты Ооерки. — 22. 2. Родовой знакъ Ахаменидовъ, съ монеты Митридата, I вѣкъ до Р. Х. Звѣзда и подъ нею серпъ луны — конкретированіе отвлеченнаго символа дуги съ точкою, на петроглифахъ Енисея, означающую голову (ср. Сулекъ и др.).

22. Древнѣйшіе родовые знаки русскихъ великихъ князей.

(Табл. XI. 21. 7 и слѣдующіе.)

О загадочныхъ знакахъ на первыхъ великокняжескихъ монетахъ образовалась обширная литература, дѣлались разнообразнѣйшія предположенія. Въ 1906 году, при докладѣ о петроглифахъ Енисея, послѣ графическаго анализа тамгъ многихъ народностей, произведеннаго нами для параллелей съ алфавитными начертаніями, мы категорически высказались, что это родовые знаки. Сложные по графической композиціи древнѣйшіе родовые знаки и западными учеными иногда разсматривались, какъ монограммы. Многимъ сторонникамъ такихъ монограммныхъ предположеній, до выясненія древнѣйшаго религіознаго значенія разсматриваемаго начертанія, до разнороднаго графическаго анализа, не слѣдуетъ рановременно прибѣгать къ разгадкѣ вопроса монограммнымъ способомъ. Значительный процентъ буквенныхъ знаковъ, по генезису своему отъ религіозныхъ движеній, имѣетъ два поворота, вверхъ и внизъ (по культу), но, сверхъ того, во время бустрофедонной эпохи письма, многіе изъ нихъ пріобрѣли боковые письменные повороты. Вслѣдствіе этого, сложные знаки до-алфавитнаго письма могутъ увлечь на ложный путь: принимать сочетанія религіозныхъ символовъ за сочетанія буквъ.

Въ цѣляхъ произведенія повѣрки нашихъ соображеній о нѣкоторыхъ петроглифическихъ начертаніяхъ на Енисеѣ, мы считали необходимымъ произвести графическій анализъ и родовыхъ знаковъ. Мы касаемся этого вопроса попутно, спеціальная же разработка этого интереснаго вопроса лежитъ на обязанности нумизматовъ. Мы имѣли дѣло только съ немногими рисунками, и то съ увѣренностію говоримъ, что графическій символизмъ, птицы и животныя, какъ природные сигнализаторы молитвъ, предзнаменованій, рогатыя головы и разные таинственные знаки, въ общемъ весьма далекіе отъ христіанства, во множествѣ зафиксированы на древне-русскихъ монетахъ, особенно за время татарскаго ига[1]). Намъ кажется, разложеніе культовъ на монетахъ будетъ констатировано графически въ обѣ стороны: и въ языческихъ культахъ и въ христіанской религіи.

Гербы древнѣйшихъ монетъ великаго князя Владимира Святославича являются уже значительно измѣненными, осложненными и стилизированными. Очерчены они двумя линіями (табл. XI. 21. 7), особенно цѣнны для рѣшенія интересующаго насъ вопроса „злотники“, но и изображенный знакъ „его сребра“ (21. 8), въ сопоставленіи съ родовымъ знакомъ в. к. Ярослава Владимировича (21. 11), даютъ возможность сдѣлать заключеніе о томъ, что древнѣйшій русскій велико-княжескій гербъ состоитъ, въ основѣ, изъ двухъ знаковъ свѣтовой системы письма, происходящихъ отъ двухъ религіозныхъ символовъ мимико-графическаго происхожденія. Генезисъ верхняго символа виденъ на 12-мъ рядѣ одного изъ видовъ молитвъ, выражаемыхъ тѣлодвиженіями, на классификаціонной таблицѣ (XII. II. 12. 3), въ 3-й колоннѣ.

---

[1]) См. монеты Московскаго, Владимирскаго, Рязанскаго и Тверского великаго княженія, XIII—XV вѣка, включая и Тверскія безъ имени князя монеты.

Этотъ способъ рукоположенія означенъ въ египетскихъ гіероглифахъ (табл. XI. 9. 11 и на табл. XII. л. 16. 17 п.), на древнихъ кипрскихъ цилиндрическихъ печатяхъ ассирійскаго стиля (табл. VIII. V. 5), на петроглифахъ Енисея (табл. VI. 6. 12 и на рис. 5, 5) и на фигурѣ женщины, можетъ быть, и царицы скиоской, на блюдѣ Чертомлыцкаго кургана (табл. VIII. XIV. 11). Послѣдній весьма типичный и характерный примѣръ должно пояснить тѣмъ, что женщины скиѳовъ, какъ и у тюрко-алтайцевъ и многихъ другихъ народностей, не имѣли правъ на *молитву*, т.-е. на непосредственное обращеніе къ божествамъ, — онѣ могли на себя налагать (какъ и въ украшеніяхъ) только *благословеніе* (какъ оно налагалось и на лошадяхъ). Разсматриваемая фигура женщины, воздѣвъ руки съ отставленными большими пальцами, прикоснулась ими къ концамъ дуги головного украшенія (кокошника) и сомкнула, такимъ образомъ, символъ молитвы съ благословеніемъ и образовала вокругъ своей головы религіозное огражденіе. Правда, ладони образуютъ сигнализирующій уголъ, но концы пальцевъ не поднимаются выше благословляющей дуги кокошника, такъ что могутъ быть приняты за знаки ожиданія и готовности принять всякое даяніе божества и не будутъ сочтены за дерзновенную молитву не по инстанціи, т.-е. не чрезъ главу семьи.

Хотя головные уборы и мужчинъ — скиѳовъ и сарматовъ — должно отнести къ выражающимъ благословеніе или покровъ, а не молитву, но, глава семьи, воздѣвъ руки, этимъ самымъ давалъ всѣмъ членамъ семьи право молиться такъ же, какъ и онъ, т.-е. руки изображенной женщины не касались бы тогда головного убора. Къ такимъ заключеніямъ насъ приводятъ графическіе матеріалы и параллели между ними.

По вѣрованіямъ того времени, подобныя графически отвлеченныя и начертанныя означенія молитвы равносильны, по религіозному воздѣйствію, самой молитвѣ: родовой знакъ нѣчто неотъемлемое отъ родоначальника.

Второй религіозный знакъ, входящій въ составъ разсматриваемаго великокняжескаго знамени, несомнѣнно болѣе древняго происхожденія, его генезисъ на табл. XII. П. I. 5, онъ исходитъ отъ земли и выражаетъ ея благословеніе, можетъ быть, и съ отраженіями культа предковъ.

Но эти символы дублированы въ отвѣсномъ направленіи, что часто наблюдается и въ религіозной символизаціи, напримѣръ, гербъ бога Шамашъ, его корона, на древне-вавилонскомъ цилиндрѣ (табл. VIII. XV), еще укажемъ на табл. XI. II. 6 и 7; еще — 16. 5.

Свои воззрѣнія мы выразили и графически, въ двухъ знакахъ, въ одномъ, табл. XI. 21. 10, символы начерчены утолщенною линіею, а, въ другомъ (21. 9), — двойною линіею.

Нумизматическіе матеріалы, какъ намъ кажется, даютъ нѣкоторыя указанія на то, что самъ князь, духовенство и монетные мастера понимали религіозное, въ языческомъ смыслѣ, конечно, значеніе знаковъ древняго великокняжескаго герба. Въ началѣ, на оборотной сторонѣ монетъ было оттиснуто изображеніе Іисуса Христа, а родовой знакъ князя становился рядомъ съ нимъ, у его лѣваго плеча, въ надлежащемъ положеніи, по смыслу символовъ. Но почему-то, можетъ быть послѣ того,

какъ князю былъ сообщенъ случай съ монетою и высказанный Іисусомъ Христомъ взглядъ на нее, были отчеканены монеты безъ образа Іисуса Христа, и вмѣсто него былъ помѣщенъ родовой знакъ великаго князя, отдѣльно отъ него, перевернутымъ. Такое склоненіе великокняжескаго „знамени“ къ землѣ, соединенное, притомъ, съ измѣненіемъ его: прибавленіемъ новаго символа, орнаментнаго характера, и свѣшивающихся двухъ или трехъ кистей, усиливающихъ молитвенную символизацію землѣ, было бы своевременно замѣчено ближайшими къ князю свѣтскими и духовными лицами, — все это безъ вѣдома и повелѣнія князя произойти не могло.

Можетъ быть, мы и переоцѣниваемъ это нумизматическое показаніе, но мы придаемъ ему большое этнографическое значеніе, въ немъ видимъ подтвержденіе воззрѣній на родовые знаки и знаки собственности, вытекшихъ изъ ближайшаго графическаго ознакомленія съ тамгами тюрко-алтайскихъ и при-уральскихъ народностей, при возстановленіи древнѣйшаго культа, въ нихъ отразившагося, до его разложенія. Эти двѣ категоріи знаковъ, въ большинствѣ случаевъ, были однѣ и тѣ же, но родовой знакъ, взятый изъ религіозныхъ символовъ, изображающихъ молитвенное обращеніе къ небу, не могъ быть налагаемъ на коня, какъ тавро, ни на сбрую, въ верхнемъ поворотѣ, то же самое воспрещеніе распространяется и на жену и на всѣхъ членовъ семьи — на ихъ украшеніяхъ и уборѣ такой знакъ родоначальника не могъ быть въ верхнемъ поворотѣ: на нихъ могутъ находиться знаки только его благословенія, покрова и защиты. Какъ исключеніе, какъ амулетъ, какъ нашивка отдѣльная, онъ могъ быть налагаемъ на уборѣ, но обязательно обведеннымъ кругомъ, квадратомъ или ромбомъ, вполнѣ замкнутыми знаками благословенія божествъ и духовъ, со всѣхъ сторонъ.

Въ присутствіи князя, какъ родоначальника, во время молитвы и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ, могли происходить отступленія отъ общаго правила, но они были временными явленіями.

На вопросъ, въ какомъ положеніи налагался родовой знакъ на военныхъ значкахъ или знаменахъ, мы безъ малѣйшаго колебанія, отвѣтимъ — до принятія христіанства, обязательно въ нижнемъ поворотѣ, исключая, быть можетъ, его личнаго отряда, его тѣлохранителей. Наложеніе же родового знака въ нижнемъ поворотѣ на монетѣ, на оборотной сторонѣ которой находится изображеніе великаго князя, позволяетъ допустить такое же наложеніе и на знаменахъ и послѣ принятія христіанства. Конечно, на древкѣ, въ то же время, могъ быть и крестъ, а на одной сторонѣ знамени образъ Іисуса Христа. Періодъ двоевѣрія не могъ быть скоропреходящимъ. На злотникахъ онъ отразился конкретно и сигнографически: на нѣкоторыхъ злотникахъ, подъ приподнятою къ груди лѣвою рукою князя, съ раздвинутыми немного пальцами, видимъ маленькую руку, свѣсившуюся внизъ, съ довольно явственнымъ раздѣленіемъ пальцевъ, а на другихъ, повидимому позднѣйшихъ, подъ тою же рукою, изображены маленькія ноги (голень и ступня), параллельно свѣшивающіяся внизъ, за ступнями ясно означенный гребенчатый символъ, какъ и вотивная рука и вотивныя ноги, выражающій поклоненіе землѣ.

На сребренникахъ, съ родовымъ знакомъ, повернутымъ къ землѣ и выражающимъ ей древнее молитвенное поклоненіе, на изображеніи князя уже нѣтъ выше-

означенныхъ конкретныхъ и сигно-графическихъ символовъ, — это обстоятельство едва ли возможно признать случайнымъ. На нѣкоторыхъ злотникахъ приподнятая благословляющая правая рука Іисуса Христа, съ свѣшивающимися внизъ раздвинутыми пальцами, останавливаетъ на себѣ вниманіе.

Въ древней иконографіи, въ Кіевѣ и Старой Ладогѣ[1]), даже на ликахъ святителей можно замѣтить до-христіанскіе символы. На табл. XI. 22. 1 скопирована верхняя часть лика св. Кирилла, гдѣ замѣтна условность въ начертаніи подглазицъ и виденъ между бровями поставленный символъ съ точкою.

Рядомъ (22. 2) стоитъ дуговой символъ съ точкою и конкретированіе его въ гербѣ Ахеменидовъ.

На таблицахъ LXXXII, LXXXIV и LXXXVI со снимками съ иконъ, въ трудѣ Бранденбурга, можно замѣтить то же самое. Впрочемъ, и въ Византіи, и на Западѣ, въ раннюю эпоху христіанства, замѣчается удержаніе до-христіанскихъ графическихъ символовъ[2]).

22. 5. Превращеніе древняго молитвеннаго знака въ крестъ.

22. 6. Крестъ съ древними молитвенными символами на трехъ концахъ.

21. 11. Гербъ в. к. Ярослава Владимировича, на немъ генезисъ отъ двухъ отмѣченныхъ выше религіозныхъ символовъ сохранился, слѣдуетъ обратить вниманіе и на точки, поставленныя внутри герба, въ углахъ.

22. 4. Крестъ на гербѣ Болеслава Храбраго.

22. 3. Орнаментный крестъ времени в. к. Ярослава Мудраго.

23. Родовые знаки негровъ Центральной Африки.

(Табл. XI. 17. 6—12)[3]).

17. 1. Угловой знакъ молитвы, съ черточкою внизу, въ верхнемъ поворотѣ; есть точно такой же родовой знакъ, съ поворотомъ внизъ.

2. Есть точно такой же знакъ, въ противоположномъ поворотѣ, тогда основной угловой символъ изображаетъ благословеніе, съ неба нисходящее на знакъ человѣка, вытянувшаго горизонтально одну руку, горизонтальная черта означаетъ землю (ср. табл. XI. 6. 3, 4, 7 и 8 и 14; строка 4 и 7; табл. XII. Л. 10. 1). Къ изображенному знаку см. наложеніе благословенія на человѣка подъ землею (табл. XII. Л. 14. 5).

3. Косой крестъ съ закрытымъ благословеніемъ нижнимъ угломъ или знакъ верхняго скрещиванія рукъ, есть и обратный знакъ нижняго скрещеванія рукъ. И тотъ и другой знаки подчеркнуты снизу и сверху.

4. Косой крестъ, подчеркнутый двумя чертами сверху и есть другой знакъ косого креста, подчеркнутаго двумя чертами снизу.

---

[1]) Гр. Толстого и Кондакова, «Русскія древн.» IV, стран. 165, рис. 150.— Бранденбургъ, «Старая Ладога».

[2]) Forrers Reallexikon, 133 и 553.

[3]) K. Andree, «Ethnogr. Parallel. u. Vergl.», L. 1889 Taf. VI, fig. 13, Text.— 85.— M. Buchner, usland 1884. 12.— Ратцель, Народовѣдѣніе, II, 36.

5. Угловой знакъ, въ верхнемъ поворотѣ, съ двумя черточками въ концѣ лѣвой линіи. Есть такой же знакъ и въ нижнемъ поворотѣ.

6. Знакъ, есть и поворотный знакъ, обращенный внизъ.

7. Знакъ земли, съ знакомъ молящагося человѣка. Есть[1]) обратный знакъ, оба наклонены.

Есть и округленные знаки, подобные несомкнуто написаннымъ знакамъ „9“ и „6“, подобныхъ такимъ же начертаніямъ енисейскаго алфавита (табл. X. Л. II).

Общее заключеніе о родовыхъ знакахъ то же, что и объ алфавитныхъ знакахъ: они религіозные символы, означающіе въ большинствѣ случаевъ тѣлодвиженія, жесты и перстосложеніе при совершеніи различныхъ молитвъ. Начертанія эти относятся къ различнымъ культурнымъ эпохамъ и отражаютъ тѣ эволюціонныя измѣненія, которыя происходили въ самомъ культѣ.

Если бъ не было никакихъ другихъ матеріаловъ, — ни петроглифовъ, ни алфавитовъ, ни исторіи эволюціи свѣтового письма китайцевъ, — то и тогда родовые знаки, даже въ томъ неполномъ составѣ, въ какомъ они теперь собраны, основы татуировки родовыхъ знаковъ у австралійцевъ и меланезійцевъ, начертанія на жезлахъ и знаки эпохи Мадленъ, въ Европѣ, и современной эпохи — на остр. Св. Пасхи, танцы первобытныхъ народовъ, пережитки разговорныхъ сигналовъ, сохранившіеся у американскихъ индѣйцевъ, указали бы намъ на всемірность языка движеній, имѣющаго геологическую давность и просуществовавшаго такъ долго, что онъ распространился по всей землѣ.

---

[1]) Дополняемъ по Andree, мы затруднялись помѣстить всѣ родовые знаки негровъ.

VIII.

Разныя дополнительныя параллели, для провѣрки и выясненія генезиса петроглифическихъ и алфавитныхъ начертаній.

1. Вазы. — Отраженіе на древнѣйшихъ вазахъ и различныхъ сосудахъ культа и зачатковъ письма, конкретографическаго, въ видѣ условныхъ рисунковъ, и сигнографическаго, въ видѣ линейныхъ знаковъ и символовъ. — Параллели для выясненія религіознаго значенія основныхъ угловыхъ и нѣкоторыхъ другихъ линейныхъ символовъ; указанія на сигнализированіе молитвъ жертвами и жертвоприниматели. — Совмѣстное нахожденіе конкретографовъ и сигнографовъ. — 2. Матеріалы къ описанію Чертомлыцкой вазы. — Религіозныя вѣрованія и языкъ культа, отразившіеся на этомъ памятникѣ скиѳо-сарматскаго времени. — Свастико-совастическое поклоненіе и жертвоприношенія по культу солнца. — Религіозныя основы композиціи и стилизаціи; значеніе этнографическихъ матеріаловъ, методовъ изслѣдованія и обобщенія. — Оставленіе надфризья безъ научнаго обслѣдованія обусловило невыясненіе этнографической сущности не только фриза, но и всего орнамента вазы. — Особенности жертвеннаго культа, по надфризью. — Указанія вліянія формы вазы и ея орнамента на ея религіозную оріентировку, по странамъ свѣта; опредѣленіе времени дня. — Символическое значеніе двухъ бордюрныхъ полосокъ, — верхней (на шейкѣ) и нижней (подъ среднимъ фризомъ). — Разъясненіе верхняго фриза. — Описаніе средняго фриза; подготовленія къ жертвоприношеніямъ, восточному и западному. — Символическое значеніе орнамента нижней части вазы. — Заключеніе. — 3. Напряслa или напряслицы; причины ихъ значенія въ домашней практикѣ культа. — Богатѣйшій матеріалъ по сигнографической религіозной символикѣ, основанной на знакахъ языка движеній. — 4. Цилиндры или древнія печати; значеніе ихъ, а также амулетовъ, геммъ и камей, для разъясненія линейныхъ начертаній религіозныхъ символовъ и знаковъ языка движеній и жертвеннаго культа. — 5. Живая графическая старина Минусинскаго округа. — Примѣры конкретно и сигно-графическаго письма. — Линейные знаки и символы, какъ пережитки древняго письма культа (№№ 1—12). — Инородческое серебряное обручальное кольцо съ пережитками древнихъ символовъ (13). — Вотивный орнаментъ на ложѣ инородческой винтовки (14). — Современные узоры минусинскихъ инородцевъ, сохранившіе религіозные знаки и символы древняго языка культа; параллели съ узорами гольдовъ и съ однимъ мало-азіатскимъ алфавитнымъ знакомъ. — 6. Къ орнаменту женскихъ поясныхъ фигуръ на серебряномъ блюдѣ изъ Чертомлыцкаго кургана и конскаго золотого налобника Цимбаловой могилы; знаки и символы молитвъ о плодородіи. — 7. Графическій генезисъ буквенныхъ начертаній славянскаго и русскаго алфавитовъ; нѣкоторыя параллели съ алфавитами Енисея и Орхона и съ символическимъ начертаніемъ Бирской стеллы.

1. Вазы.

Вазы и разнаго рода сосуды[1]), несмотря на свое скромное бытовое значеніе, въ извѣстной мѣрѣ, поучительно отражаютъ на себѣ эволюцію духа человѣческаго, и въ житейской техникѣ, и въ зачаткахъ орнамента, и особенно въ практикѣ культа, бережно сохранившей данныя по практикѣ языка и письма предшествующей эволюціонной стадіи. И въ этихъ памятникахъ культуры надо внимательно всматриваться

[1]) Литературу по всѣмъ отдѣламъ можно найти въ Forrers, Reallexikon. B. & S. 1907 и въ Wörterbuch zur Vorgeschichte. Von Iulie Schlemm. B. 1908.

во все, — онѣ свидѣтельствуютъ о прогрессѣ этнографическихъ пріобрѣтеній: и техникою, и формою, и лѣпнымъ, и начертательнымъ орнаментомъ, — зачатками и скульптуры, и искусства, и письма (въ широкомъ смыслѣ этого слова: и пиктографическаго, предметнаго, и линейнаго, сигнографическаго). Вазы, во многихъ случаяхъ, представляютъ цѣнные научные матеріалы, съ точки зрѣнія исторіи эволюціи человѣчества, еще далеко не исчерпывающе использованные.

Для таблицъ мы могли взять только нѣсколько примѣровъ; изъ того болѣе чѣмъ скромнаго библіографическаго матеріала, которымъ мы могли располагать, указаны многіе рисунки, но мы увѣрены, что въ новѣйшихъ объемистыхъ и дорогихъ изданіяхъ можно найти много еще болѣе типичныхъ рисунковъ, съ новыми варіантами по интересующему насъ языку движеній въ культѣ и въ бытовой жизни.

1. Табл. I. XVI рис. Archaic Terra Cotta. Архаическій рисунокъ на терра-коттовомъ сосудѣ, изъ раскопокъ А. П. Чеснола (A. Cesnola), около Саламиніи (Salaminia) на Кипрѣ[1]).

Отвлеченнѣйшій молитвенный символъ, математическій знакъ угла и знакъ — „болѣе“ и „менѣе“, одно изъ начертаній мимическаго языка, генезисъ его смотр. на табл. XII. II. с. 1. 5 и 2. 5. Справа рядъ знаковъ ниспадаетъ на землю[2]), какъ благословеніе неба, налѣво же эти символы одинъ за другимъ возносятся отъ земли. Религіозное значеніе символовъ поясняется конкретно-графически, изображеніемъ трехъ предметовъ, два изъ нихъ — символы, требующіе нѣкоторыхъ разъясненій. Верхній (3) мы понимаемъ, какъ крылатое солнце (крылатый глазъ — менѣе вѣроятно), le globe ailé[3]) ассирійскихъ петроглифовъ, эти же начертанія финикійскаго стиля видны на печатяхъ, найденныхъ на Кипрѣ Л. П. Чеснола[4]). Подъ этимъ знакомъ благословенія видна двойная кисть (5), одна обращена вверхъ, а другая — внизъ, между ними суженіе для обхвата рукою. Что-то въ родѣ двусторонняго кропила. Молитвенный приборъ, автоматически сигнализирующій молитвы, подобно щеточному гребню шлемовъ, пучкамъ перьевъ, гребневиднымъ символамъ и т. п. Слѣва изображена птица, по всей вѣроятности, цапля (4), мы не срисовали ее всю, — только грудь. Можетъ быть, религіозное уваженіе къ этой птицѣ зависитъ отъ длиннаго клюва, естественно приспособленнаго къ сигнализаціи основного молитвеннаго знака. Ноги цапли использованы для религіозной символизаціи землѣ. Въ мѣстѣ соприкосновенія клюва цапли съ концомъ крыла символа (3) образуется, очевидно, знаменательный религіозный уголъ: это графически означено рядомъ отмѣченныхъ уже восходящихъ (1) молитвенныхъ знаковъ.

2. Табл. I. XV. Рисунокъ съ Кипрской архаической вазы[5]). Голенастую птицу мы также не срисовали всю, и ограничились только головою, частію груди и лѣ-

---

[1]) A. Cesnola, «Salaminia», Табл. XIX. 30.
[2]) Perrot et Chipiez, III vol. 716. 528 и 701. 510 и 511.
[3]) Тамъ же, II vol. 89. Знаки восходящаго солнца.
[4]) L. Cesnola, «Cypern». LXXIX. 1 a и 7.
[5]) Тамъ же, XCIV. 1.

вымъ крыломъ, — и эта цапля зарисована также условно, съ яснымъ отпечаткомъ символизма. Но для параллелей намъ интересны болѣе отвлеченные символы. Цапля вонзила клювъ въ спинную часть колючеперой рыбы, съ условно удлиненными перьями, сигнализируя мольбу или посвященіе себя водѣ, но листъ, закрывъ хвостовой символъ, измѣняетъ направленіе ряда знакомыхъ намъ символовъ: они направлены землѣ или къ ногамъ цапли, какъ священной жертвупринимающей птицы. Въ раскрытомъ ртѣ рыбы видимъ свастику (4) и надъ нею по отвѣсной линіи къ небу вздымается рядъ символовъ (1); глазъ рыбы, тщательно подчеркнутый линіями, заканчивающимися треугольникомъ, обращеннымъ острымъ угломъ внизъ, усиливаетъ символизацію рта. Взмахомъ крыла, давъ съ изгибомъ крыла и гребенчатый молитвенный символъ къ небу, цапля рѣшаетъ вопросъ объ исходѣ жертвы (такъ мы полагаемъ) и о посвященіи вазы, на которой находится этотъ рисунокъ, — небу, фиг. 7.

На XCIV табл., приложенной къ работѣ Чеснола[1]), на фиг. 2 изображена птица (повидимому, той же породы), сигнализирующая молитву или поклоненіе или посвященіе вазы землѣ, что и означено справа, передъ ногами цапли (см. фиг. 3), рядомъ соотвѣтственныхъ знаковъ въ удлиненномъ прямоугольникѣ, какъ бы сосудѣ, въ который они вливаются и какъ бы выливаются (фиг. 8, рис. XV, табл. I).

Птица спокойно стоитъ, лапки съ когтями означены дугою, хвостъ опущенъ книзу, съ расправленными перьями, немного приподнятое крыло и какое-то условно отодвинутое перо символизируютъ молитву землѣ; выгибъ шеи за головою, образующій молитвенный знакъ вверхъ, закрытъ цвѣткомъ водяного растенія.

3. На таблицѣ VIII. V. 3 помѣщенъ характерный рисунокъ съ архаической (также черно-фигурной) вазы, — онъ также цѣненъ по своимъ объяснительнымъ начертаніямъ, въ видѣ основныхъ религіозныхъ знаковъ, обращенныхъ вверхъ и внизъ: безъ нихъ мы не поняли бы странности и условности начертаній и птицъ.

Въ центрѣ видимъ молитвенную мельничку, видимо вѣтряную. На коническомъ основаніи, состоящемъ изъ 3-хъ знакомыхъ религіозныхъ символовъ (угло-видныхъ), надѣта легкая крестовина, на концахъ съ колбовидными и шаровидными предметами съ кружечками или шариками, внутри нихъ находящимися; одинъ такой предметъ надѣтъ на ось, на которой вертится этотъ наивно-простой молитвенный приборъ. Плоскія ли это изображенія или легкіе, полые внутри, бубенчики съ шариками, — категорически сказать трудно, но несомнѣнно, что и вращеніе изображеній вполнѣ соотвѣтствовало цѣли, особенно если средній шарикъ вращался особо, при помощи крылышекъ-пластинокъ, на которыхъ означены верхніе знаки молитвы, что весьма вѣроятно. Птицы поднятіями и изгибами крыльевъ вверхъ, опусканіемъ хвостовъ сигнализируютъ молитву двустороннюю. Двѣ птицы, надъ мельничкой, раскрыли клювы и видимо крикомъ профилактически усиливаютъ религіозное дѣйствіе прибора[2]).

---

[1]) L. P. di Cesnola, «Cypern».

[2]) «Cypern», L. Cesnola. XCII. I и LXXXVIII. 5. — «Salaminia», A. Cesnola, XIX.

4. Жертвенникъ съ двумя козлами, стоящими около него (табл. VIII. I и Ia) архаическій рисунокъ съ кувшина изъ раскопокъ Л. П. ди-Чеснола (L. P. di Cesnola[1]). На козлахъ видимъ розетки, одну на груди, другую на ляшкѣ, на боку, между ними прямоугольникъ, въ которомъ находится 7 дубль-вэ-символовъ, означающихъ предназначеніе этихъ жертвенныхъ животныхъ небу. Животныя, упираясь и задними и передними ногами, касаются верхней части жертвенника мордами. Возможно, что предъ жертвоприношеніемъ иногда устраивалось кормленіе такихъ животныхъ съ жертвенника, съ цѣлью гаданія, при чемъ, по всей вѣроятности, принимались во вниманіе ихъ различныя тѣлодвиженія. Между ногъ животныхъ видимъ нисходящіе къ землѣ символы и свастику (см. рисунокъ Чеснола). На рис. Ia означены нами одни символы и знаменательные изгибы тѣла животныхъ. У окраины кувшина сегменты, включенные другъ въ друга, выражаютъ посвященіе сосуда небеснымъ божествамъ.

У Л. Чеснола[2]), на другомъ архаическомъ сосудѣ, у жертвенника въ положеніи, подобномъ положенію козловъ, изображены птицы, надъ головою лѣвой птицы означена свастика. За птицами изображены два человѣка, поднявшіе и протянувшіе къ жертвеннику одну руку, а въ другой держатъ что-то въ родѣ вѣтви, касаясь ею земли. За лѣвою рукою означена вѣтвь, съ парно-перистыми листьями, символизирующими молитву внизъ[3]).

5. На табл. I. XXVI изображенъ знакъ человѣка съ молитвеннымъ символомъ вмѣсто головы[4]), въ правой его рукѣ, повидимому, находится двусторонній[5]) гребенчатый символъ, вращающійся на оси; рука, держащая эту ручную молитвенную машинку, изогнута, видимо, условно, образуя обращеніе къ небу, другая рука уперта въ бедро, что нерѣдко наблюдается и на нѣкоторыхъ фигурахъ петроглифовъ Енисея (табл. VIII. X. Ia; рис. VIII. I и рис. II. 5. — Табл. III. IV. II и 13 и др.). Подъ фигурою изображена часть орнамента, опоясывающая эту уникатную вазу, онъ состоитъ: изъ 5 черныхъ линій, изъ ломаной линіи (двусторонній молитвенный символъ) и снова изъ 5 черныхъ линій. Фигурка человѣка приходится надъ изгибомъ обращеннымъ вверхъ.

На другой вазѣ[6]) изображено священное дерево, корни и верхушка, раздѣляющіеся на 3 развѣтвленія, что замѣчается на священныхъ деревьяхъ и на енисейскихъ петроглифахъ, но горизонтально идущія вѣтви, съ условно означенными вѣточками, направляющимися только внизъ, составляютъ характерную особенность священнаго дерева этой архаической финикійской вазы. Эта особенность вызываетъ сопоставленіе съ штандартомъ варваровъ, изображенныхъ на фрескахъ Керченскихъ

---

[1]) Тамъ же, IV. I. — Большой прекрасный рисунокъ см. Kypros. Die Bibel und Homer. M. Ohnefalsch-Richer. Atlas. LXI.

[2]) Cypern, Tafel LXXXVI. 2. Сопост. условное означеніе лапокъ птицъ съ таковымъ же на тамгахъ сѣверныхъ сибирскихъ инородцевъ.

[3]) У Чеснола, же, на статуѣ, изображенной на табл. XXIX, фуг. 1-я, изображена символизація молитвы вверхъ вѣтвью, находящеюся въ правой рукѣ.

[4]) Табл. XI. 24. 12 и XII. п. 1.— Ср. Forrers Reallexik. 914. 5.

[5]) См. троянскія напряслица, табл. I. XXVII и XXVIII и табл. XI. 25.

[6]) A. P. di Cesnola, «Salaminia». L. 1884. I заглавн. табл. и стран. 225—260.

катакомбъ, въ которомъ гребенчатый символъ, внизъ обращенный, указываетъ также на предпочтеніе, отдаваемое земнымъ божествамъ. Это предпочтеніе на Кипрѣ привело къ привязыванію къ хвосту коровъ граблеобразнаго приспособленія для автоматической сигнализаціи благодарности за прокормленіе и благодѣтельное попеченіе о скотѣ. Заслуживаютъ вниманія символическія листья и цвѣты, на которыхъ возложено уже благословеніе[1]).

2. Матеріалы къ описанію Чертомлыцкой вазы[2]).

Въ описаніяхъ многихъ древнихъ памятниковъ изобразительнаго искусства, нѣкоторые этнографическіе показатели эволюціи, нерѣдко весьма важные, восходящіе отъ началъ звуковой стадіи письма и даже захватывающіе пережитки предшествующей стадіи, — свѣтовой, изобразительной, — пережитки, выражающіеся знаками и символами языка и письма движеній, сохраненныхъ культомъ (и понынѣ еще, отчасти, практикуемыхъ, въ большей или меньшей степени, во всѣхъ религіяхъ), остаются нерѣдко не только не разъясненными, но даже совсѣмъ неотмѣченными; описанія, обходя эти научныя препятствія, пріобрѣтаютъ субъективный характеръ, и, опираясь болѣе на объяснительныя доказательства, склоняются иногда къ методу авторитета, уклоняясь отъ метода научнаго.

Изъ многихъ описаній археологическихъ памятниковъ, недостаточно полныхъ и этнографически не вполнѣ обоснованныхъ, мы беремъ теперь только этотъ примѣръ, чтобы на немъ провѣрить и разъяснить двойственный свастико-совастическій культъ скиѳо-сарматскаго времени (III—II вѣка, до Р. Х.), которымъ проникнуто это художественное произведеніе греческаго искусства.

Въ началѣ нашей работы, мы приписывали (стр. 302) двойственность рукоположенія одновременному поклоненію небу и землѣ или двумъ подобнымъ противоположнымъ божествамъ, но нахожденіе и изученіе солнечныхъ знаковъ въ алфавитахъ, особенно арійскихъ и южно-семитическихъ, и въ средне-азіатскихъ тамгахъ, указало намъ на всемірное божество, обучавшее человѣка астрономіи, и въ своемъ видимомъ движеніи скрывавшее эту двойственность — это солнце: этотъ расколъ, эта двойственность культовъ, произошла сперва при поклоненіи „полуденному солнцу“[3]).

Причина кроется въ томъ, что прохожденіе солнца черезъ меридіанъ, — линію, дѣлящую небесный сводъ на западную и восточную половины, а также и „средину дня“, человѣкъ, видимо, установилъ послѣ „восхода солнца“ и „заката солнца“, начала и конца дня. Поклоненія восходящему и поднимающемуся солнцу и солнцу закатывающемуся или опускающемуся были установлены ранѣе, т.-е. культы поклоненія востоку и западу

---

[1]) L. P. di Cesnola. XCII. — Птица вѣщая. XCI. — LXVIII, Curium; LXXXVIII. 5; LXXXIX. 6.— Жертвен. животныя. Coins of. Cyprus, 322 и 324, 329 и 323, олень и левъ, 325—326.

[2]) Рисунки см. въ «Русск. древн. въ пам. искусства», гр. И. Толстого и Н. Кондакова, С.-Пб., 1889 г. Вып. II, 136 (рис. 114), 138 (115) и 134 (126).

[3]) Не считая, конечно, двойственности жестикуляціи руками въ бытовой жизни, въ общеніи съ людьми, при встрѣчѣ и выраженіи привѣта, какъ это можно увидѣть на многихъ древнѣйшихъ египетскихъ, ассирійскихъ, древне-греческихъ и др. памятникахъ, дадимъ примѣры на черно-фигурныхъ вазахъ (VIII—VII вѣкъ до Р. Х.), Forrers, Reallexikon, S. 126, Fig. III и S. 399, Taf. 103. 1.

практиковались и твердо усвоились ранѣе полуденнаго поклоненія солнцу. Поэтому двѣ руки сочтены были человѣкомъ за свыше предназначенные именно для этихъ двухъ культовъ: правая — была посвящена востоку и главенствовала при поклоненіи восходящему солнцу, а лѣвая рука была посвящена западному культу и главенствовала при поклоненіи заходящему солнцу.

Но, впослѣдствіи, болѣе ортодоксальные, болѣе наблюдательные и болѣе ученые солнцепоклонники указали, что воздѣяніе правой руки, по пересѣченіи полуденной линіи *западною* половиною солнечнаго диска, переходящаго въ *западную* половину небосвода, — неправильно, какъ несомнѣнное нарушеніе культа правой руки. Въ виду этого указанія, тѣлодвиженіе, знаменовавшее полдень и символъ его означавшій остались, но *до начала* перехода чрезъ полуденную линію — съ началомъ же передвиженія въ западную половину неба правую руку съ соотвѣтственнымъ отставленіемъ отъ туловища и изгибомъ въ локтѣ, стали опускать, оставляя лѣвую воздѣтою, для выраженія поклоненія западной половинѣ солнечнаго диска; поклоненіе же восточной половинѣ солнца выражалось опущенною правою рукою.

Когда же и восточная половина солнца начинаетъ переходить полуденную линію, только тогда правую руку поднимали, а лѣвую опускали, для выраженія поклоненія западной половинѣ солнца.

Эти религіозныя тѣлодвиженія и начертанія и символы, ихъ обозначающіе, указаны и отчасти разъяснены выше.

Параллели и пересмотръ графическихъ памятниковъ древнихъ эпохъ указали на такія свастико-совастическія жертвоприношенія, въ которыхъ являются преобладающими то свастическія, то совастическія обрядности; это и привело къ предположенію о раздѣленіи солнечнаго диска, при закатѣ и восходѣ, горизонтальною линіею на 2 полудиска: при восходѣ — западный-верхній и восточный-нижній; при закатѣ нижнимъ будетъ западный полудискъ. Повидимому, солнце не представлялось въ видѣ вращающагося шара, а дискъ его, идя по круговой линіи, медленно поворачивался въ одной плоскости, подобно колесу, такъ, что горизонтальная сѣкущая въ полдень принимала отвѣсное положеніе, а во время заката была опять горизонтальною. Солнечные знаки, означавшіе половину между востокомъ и полуднемъ, а также между полуднемъ и западомъ ставились наклонно; въ началѣ это могло дѣлаться въ кругѣ, но, впослѣдствіи, кругъ могъ отбрасываться и знакомъ времени дня могъ служить знакъ молитвы, установленной для этого времени. На востокѣ, первою появлялась западная половина солнца, а при закатѣ она же первою и закатывалась, но восточная половина скрывалась послѣднею, такимъ образомъ, на западѣ главенствовалъ культъ правой руки или совастическій, а на востокѣ культъ лѣвой руки или свастическій (стоя лицомъ на востокъ впередъ)[1]).

---

[1]) Въ петроглифахъ Енисея такой способъ означенія преобладаетъ, но у грековъ въ разцвѣтѣ искусства, конечно, и обращеніе на востокъ на горельефахъ дѣлалось назадъ обращеннымъ, къ смотрящему. Желая выяснить языкъ движеній и, усвоить соотношенія религіозныхъ движеній со странами свѣта, слѣдуетъ себя воображать стоящимъ за спинами изображенныхъ людей. Напримѣръ, въ данномъ случаѣ, оріентироваться отъ центра вазы.

Къ предлагаемымъ замѣткамъ и объясненіямъ общей композиціи и особенностей стилизаціи орнамента на извѣстной Чертомлыцкой вазѣ насъ побуждаетъ отнюдь не увѣренность, что мы можемъ дать цѣльное законченное описаніе этого художественнаго произведенія греческаго[1]) искусства, а желаніе на этомъ примѣрѣ, далеко не единичномъ, разъяснить, какъ мало археологія, лингвистика и доисторическая этнографія освѣдомлены съ важнѣйшими обрядностями древнихъ культовъ, даже и заимствованныхъ отъ классическихъ народовъ, какъ мало дано въ этомъ направленіи спеціалистами по классической археологіи. Какъ странны мы, при этомъ, развязно подходя къ древнимъ произведеніямъ искусства только съ современною художественною мѣркою и съ общими поверхностными взглядами, прививаемыми намъ современною эстетикою, исторіею и философіею искусства, такъ тенденціозно и робко сторонящимися отъ антропологіи и доисторической этнографіи. Мы далеки отъ самонадѣянной увѣренности дать что-либо исчерпывающее и удовольствуемся, если намъ удастся разъяснить, что не только композиція Чертомлыцкой вазы, съ верху до низу, отъ общей формы самой вазы, отъ основной мысли, объединяющей композицію всего орнамента, до мельчайшихъ его декоративныхъ и стилизаціонныхъ подробностей, оживлена древнимъ языкомъ тѣлодвиженій, записана пиктографически, — проникнута искреннимъ, свѣтлымъ, жизнерадостнымъ и серьезнымъ религіознымъ настроеніемъ. Теоретически многіе знаютъ, что глубокое разностороннее пониманіе древнихъ произведеній изобразительнаго искусства, при субъективномъ ненаучномъ пренебреженіи его начальными эволюціонными стадіями, не возможно; что не возможно оно и безъ прочувствованнаго проникновенія въ *энтографическую* сущность изучаемаго памятника, но на практикѣ немногіе вникаютъ въ значеніе всѣхъ конкретно-и сигно-графическихъ слагаемыхъ композиціи и стилизаціи, — въ языкъ движеній, не одного только человѣка, но и животныхъ, птицъ, растеній, весьма немногіе не заслоняютъ собою изучаемаго памятника, очень немногіе становятся, такъ сказать, за спиною его исполнителя, всѣми силами стараясь слиться съ нимъ и умомъ и душею.

Надфризье и подфризье вазы въ описаніяхъ только отмѣчаются, безъ особыхъ разногласій, но и безъ пониманія ихъ таинственнаго религіознаго значенія, что естественно приводитъ къ серьезнымъ разногласіямъ въ ихъ толкованіяхъ фриза, при чемъ всѣ описанія довольно согласно подчеркиваютъ бытовое или жанровое значеніе главнаго фриза. Отмѣчаются труды пастуховъ царскихъ табуновъ, выѣздка коней; прославляется коневодство скиѳовъ; однимъ изъ изслѣдователей категорически утверждается, что на фризѣ изображено укрощеніе дикаго коня[2]), но кто видѣлъ неоднократно укрощеніе степныхъ дикихъ коней, взятыхъ изъ табуна, или кто читалъ описанія такого укрощенія у различныхъ кочевыхъ народовъ, тотъ, конечно, видитъ на сколько расходится съ дѣйствительностію такое предположеніе; другой —

---

[1]) Судя по многимъ деталямъ, требующимъ «натуры», напримѣръ: типъ степной лошади, сѣдла, сваливаніе коня однимъ человѣкомъ, прическа, языкъ культа, языкъ жертвенныхъ животныхъ, уже во многихъ деталяхъ въ то время умершій въ Греціи, — ваза сработана въ окончательномъ видѣ на берегахъ Чернаго моря, иначе нельзя соблюсти полной гармоніи и единства въ композиціи и въ исполненіи.

[2]) «Ист. русской жизни съ древн. врем.», И. Е. Забѣлинъ. М. 1908. Стран. 301.

дѣлаетъ еще менѣе правдоподобное предположеніе о случкѣ, склоняясь къ утвержденію, что фризъ иллюстрируетъ извѣстный разсказъ о скиѳскомъ царѣ, желавшемъ случить жеребца съ его матерью[1]).

Жертвенныя животныя, какъ разъяснено выше (въ главѣ V), вошли въ практику культа еще въ палеолитическомъ періодѣ культуры, въ неолитическую эпоху священное предстательствующее значеніе жертвенныхъ животныхъ выразилось разностороннѣе и своеобразнѣе, ихъ языкъ движеній обогатился многими новыми знаками и символами. Петроглифы этихъ двухъ культурныхъ періодовъ въ Западной Европѣ и на Енисеѣ выражаютъ это довольно сходно, несмотря на различный составъ фауны. Въ это же время появляются линейные знаки и символы, какъ элементы свѣтового письма, практиковавшагося въ бытовой жизни. Въ началѣ металлическихъ эпохъ жертвенныя животныя, чаще олени, появляются въ большомъ количествѣ; различія положеній такихъ священныхъ животныхъ указываетъ на различія божествъ, которымъ приносятся эти жертвы. Постепенно появляются крупныя хищныя животныя: львы, тигры, орлы[2]), появляются грифоны и другія миѳическія животныя, какъ сопроводители, жертвоприниматели, терзающія жертвы и управляющія языкомъ культа при жертвоприношеніяхъ. Условныя положенія жертвъ и жертвоприниматели, ихъ очевидно условный языкъ движеній видны на вазахъ, на урнахъ и на ситулахъ, на цилиндрахъ, на геммахъ, въ орнаментѣ; эти памятники изобразительнаго искусства убѣждаютъ, что какъ жертвы, такъ и жертвоприниматели почитаются одинаково, какъ священныя животныя. Сущность жертвеннаго культа въ доисторическое время не стала яснѣе, когда и человѣкъ сталъ чаще являться на памятникахъ изобразительнаго искусства и жертвою и жертвоприниматеемъ. И намъ кажется, не исторія религій раскроетъ намъ психологическій и этнографическій генезисъ всѣхъ особенностей жертвеннаго культа, не разрѣшитъ его и одна археологія безъ содѣйствія этнографіи. Но такъ какъ вездѣ, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, и въ жертвенномъ ритуалѣ господствуетъ языкъ движеній, то, разработавъ способы его дешифрованія и овладѣвъ ими, на сколько это возможно, удастся, наконецъ, особенно съ помощію графическихъ параллелей, найти ключъ къ тайнамъ и приблизиться къ рѣшенію такихъ вопросовъ, которые теперь кажутся неразрѣшимыми.

Эти терзанія грифонами и львами оленей, лежащихъ въ сравнительно спокойной позѣ[3]), всегда въ условныхъ положеніяхъ, давно привели насъ къ мысли объ искупительныхъ жертвахъ, приносимыхъ по собственному желанію жертвенныхъ животныхъ и хотя мистическо-религіозный смыслъ этихъ начертаній, сложившихся уже въ началѣ миѳическаго времени, еще, во многомъ непонятенъ, но охранительное ихъ значеніе въ орнаментѣ было выражено слишкомъ ясно и было замѣчено нѣкоторыми учеными.

Приступая къ описанію формы вазы, мы напомнимъ объ общеизвѣстномъ антропоморфизмѣ орнамента древнѣйшихъ глиняныхъ сосудовъ, отражавшемся, между про-

---

[1]) А. Лаппо-Данилевскій. Скиѳскія древности. С.-Пб. 1887. Стран. 37, гдѣ приводятся библіографическія указанія.

[2]) См. табл. VIII, рис. IV, фиг. 6—7. Орелъ Юпитера, Прометея.

[3]) Гр. И. Толстой и Н. Кандаковъ. «Русскія Древн.» В. II, стран. 137.

чимъ, и въ ручкахъ, что особенно поучительно выражено на этрусскихъ погребальныхъ урнахъ подвижными руками[1]). Ручки разсматриваемой вазы указываютъ ея оріентировку: опираясь на плечахъ вазы, они подняты вверхъ, но не доходятъ до верхняго края, не наложены на голову, что, вѣроятно, указываетъ на поклоненіе только что восшедшему солнцу.

Культъ полуденному солнцу отпадаетъ, въ виду второй группы небесныхъ или солнечныхъ жертвоприниматели и второй двойной жертвы: на сѣверъ жертвы, при поклоненіи полуденному солнцу, не можетъ быть. Обѣ группы верхняго фриза сдѣланы горельефомъ: восточный и западный румбы несомнѣнны, но художникъ, при композиціи, имѣлъ въ виду солнце, уже нѣсколько отодвинувшееся отъ востока, когда, по культу, должны были подниматься обѣ руки, сперва, можетъ быть, съ наложеніемъ на голову (воспріятіе благословенія), а, потомъ уже и отставивъ локти, для выраженія молитвы[2]).

Передъ вазы опредѣляется по группѣ жертвенныхъ животныхъ съ поднятыми правыми ногами это будетъ вѣроятно ВЮВ[3]), къ счастью, рисунокъ этой группы у насъ имѣется, а западнаго нѣтъ, но онъ долженъ быть боковымъ зеркальнымъ отраженіемъ, т.-е. грифоны будутъ съ поднятыми лѣвыми передними лапами (наложенными на оленя) и олень долженъ благословлять степь и обитателей ея лѣвою ногою. Въ послѣднемъ случаѣ, на западной сторонѣ, долженъ быть свастическій культъ, оріентируясь, опять же изъ центра вазы.

Наше заключеніе о странахъ свѣта, куда обращались ритуалы жертвоприношеній подтверждается тщательною отдѣлкою лицевой стороны вазы, всѣ украшенія ея сдѣланы большимъ рельефомъ, уменьшающимся къ оборотной западной сторонѣ вазы.

Разсматриваемая амфоровидная ваза выражаетъ своею общею формою равное благодарственное поклоненіе и небу и землѣ (діаметры верха и дна одинаковы), шейка и на ней „ручки“ небольшія.

Орнаментная полоска, обхватывающая шейку вазы, имѣетъ символическое религіозное значеніе, это своего рода ключъ композиціи, въ ней, можно сказать, означенъ тонъ композиціи всей вазы.

Этотъ орнаментъ принято означать, какъ состоящій изъ ововъ (Eierstabornament). Этотъ общепринятый описательный терминъ нельзя признать научнымъ, потому что къ генезису этой орнаментной полоски „яйцо“ никакого отношенія не имѣетъ. Этотъ орнаментъ состоитъ изъ „А-символовъ“, и научнымъ его опредѣленіемъ мы считаемъ „А-орнаментъ“, въ округленномъ очертаніи; превративъ его въ древнее прямолинейное начертаніе, получимъ: „АААААА“, т.-е. сложный символъ перекрещиванія угловыхъ религіозныхъ символовъ, разъясненный нами выше. „А“ въ начертаніи воспор-

---

[1]) «Ilios», H. Sehliemann, L. 1881, S. S. 329 (158 и 159); 383 (227—229); 384 (231); 385 (332 и 233); 386 (235) и др. Съ двумя ручками, съ ихъ различнымъ положеніемъ: 597 (1080); 599 (1086, 1087, 1088 и 1089); 600 (1090—1091); 601 (1101) и др.—«Cypern», L. P. di Cesnola, Taf. LXXXVIII. 3. «Storia degli antichi popoli Italiani», G. Micali. 1836. XIV. 1, 4 и 3. См. археологическіе словари Форрера и Клеммъ.

[2]) Подобно рукоположенію женщины, можетъ быть и царицы, изображенной на блюдѣ, подъ ручками.

[3]) Особенно принявъ во вниманіе несовпаденіе астрономическаго востока съ мѣстнымъ и со временемъ года.

скихъ надписей и въ очертаніяхъ енисейскаго алфавита (X табл. л. I), и на шаманскихъ бубнахъ (VIII табл. IV. I). Разсматриваемый „А-орнаментъ“ Чертомлыцкой вазы сверху и снизу накрытъ двумя чертами, которыя можно разсматривать, какъ погашеніе верхнихъ и нижнихъ символовъ. См. прекрасный рисунокъ, приложенный къ статьѣ ак. В. В. Латышева, „Греч.и лат. надп. въ Ю. Россіи въ 1892—1894 гг. этотъ же орнаментъ сверху обчерченъ красною хтонической чертою, внизу же образовавшіеся нижніе эмовидные углы (по графическому символизму небесныя благословенія) интенсивно раскрашены красною хтонической краскою. Эту окраску орнамента нельзя упускать изъ вида, разсматривая его и на вазѣ. Эта параллель объяснила намъ серьезныя и сосредоточенныя выраженія лицъ скиѳовъ или сарматовъ, изображенныхъ на среднемъ фризѣ: для бытовыхъ и жанровыхъ группъ онѣ слишкомъ озабочены только одна фигура представляетъ нѣкоторое исключеніе.

Срединная часть сосуда яйцевидна, часть верхней широкой полосы занята фризомъ, ограниченнымъ сверху, отъ надфризья, толькою узкою и неглубокою двойною чертою, снизу же фриза линія земли означена довольно широкою, рельефно исполненною полоскою: двойныя черты сверху и снизу, а въ серединѣ двѣ переплетающіяся линіи такъ, что свастическая и совастическая линіи взаимно опредѣляютъ другъ друга, при чемъ свастическая линія („S-symbole, съ кружечкомъ, знакомъ солнца, въ срединѣ) накрываетъ совастическую (поворотъ къ „S“)[1]). Это объяснено ранѣе. Нижній полудискъ солнца — восточный — встрѣчается *правою* рукою; на восходъ всего солнечнаго диска поднимаются обѣ руки съ возложеніемъ ихъ на голову или со смыканіемъ ихъ надъ головою (воспріятіе благословенія) и потомъ уже руки нѣсколько размыкаются съ молитвеннымъ обращеніемъ къ солнцу. Вотъ почему совастическій культъ, при восходѣ солнца, занимаетъ подчиненное положеніе. Но, смотря на эти переплетающіяся линіи съ обратной стороны, накрывающею линіею будетъ *совастическая* (т.-е. съ подъемомъ правой руки), что соотвѣтствуетъ композиціи лицевыхъ частей надфризья и фриза.

На людяхъ, на первый взглядъ, не видно характерныхъ совастическихъ рукоположеній: люди не молятся: они всецѣло поглощены подготовленіями къ жертвоприношенію землѣ; ихъ движенія выходятъ какъ бы не аналитическими, а рефлекторными. Обратившись къ надфризью, гдѣ изображены жертвоприношенія небу, олени, лежащіе головою, одинъ налѣво, а другой — направо, т.-е. къ солнцу и отъ солнца и совастически символизирующія благословеніе и молитву передними ногами. Правая передняя нога оленя поднята и вытянута къ восходящему солнцу съ изгибомъ, копыто лежитъ на землѣ: правая нога священнаго жертвеннаго животнаго благословляетъ принесшихъ жертву небу. На лѣвой передней ногѣ жертва лежитъ, упершись на колѣно; уголъ въ изгибѣ этой ноги и копыто нижнею частью обращены съ молитвою къ небу. Правая задняя нога означена впереди лѣвой[2]).

---

[1]) «S» съ кружечкомъ означаетъ полудиски d+p, а S въ поворотѣ (глаголь) — b+q (69).

[2]) Напомнимъ пластину изъ Семибратняго кургана съ «оленицею» (?), съ религіозно стилизированными рогами и «сосущимъ» олененкомъ. Свастико-совастическое жертвенное положеніе; благословеніе земли дано летящею птицею «Русскія древн.» II. 55 41 рис.

Само священное жертвенное животное или, повидимому, солнечный (совастическій, на югъ или на западъ головою обращенный (см. эсо-видно изогнутый опущенный хвостъ) жертвоприниматель — крылатый грифонъ — повернулъ голову жертвеннаго животнаго, и онъ рогами благословилъ и себя и принесшихъ жертву. Символъ благословенія данъ оленемъ и открытымъ ртомъ (языкъ высунутъ).

Грифоны съ львинымъ или тигровымъ тѣломъ съ гребнемъ на шеѣ, съ орлиными головами съ поджатыми хвостами, съ большими крыльями.

Правыя переднія лапы грифоновъ лежатъ на жертвѣ, а лѣвыя — на землѣ; на заднихъ ногахъ видимъ также подчиненіе совастическому культу: правыя ноги — впередъ, а лѣвыя отодвинуты назадъ.

Клювы грифоновъ, вонзенные въ жертву, раскрыты; крылья грифоновъ широко-развернуты и перья расправлены; ноги широко разставлены: небесные жертвоприниматели также благословляютъ жертву и приносящихъ ее и почитающихъ боговъ, ихъ ниспославшихъ[1]). Вторая свастическая группа въ особомъ описаніи не нуждается; эта вторая группа указываетъ на двойное жертвоприношеніе небеснымъ божествамъ: на восточной и на западной сторонѣ пастбищъ. Это подтверждается и фризомъ.

Подъ благословеніемъ всей восточной жертвенной группы, изображающей, на верхнемъ фризѣ, принятіе жертвы оленя, на среднемъ фризѣ, на лицевой его сторонѣ, находятся 3 лошади и 6 человѣкъ[2]). Группа скомпанована такъ: 1) двѣ лошади на краяхъ, головами къ центру, а средняя лошадь обращена головою въ ту же сторону, куда обращенъ жертвенный олень, т.-е. по солнцу, вправо (оріентируясь отъ центра вазы); 2) 2 человѣка у крайнихъ лошадей, 3 человѣка заняты съ среднею лошадью и одинъ человѣкъ, повидимому, ничѣмъ не занятый.

Касаться одежды и обуви излишне, это обстоятельно сдѣлано во всѣхъ описаніяхъ, мы отмѣтимъ только полосу на спинѣ одного изъ скиѳовъ или, вѣроятнѣе, быть можетъ, сарматовъ (2-я фиг. человѣка слѣва), въ воротникѣ сдѣлана отороченная выемка, угломъ, такъ что образуется вильчатый символъ. Кстати, отмѣтимъ, что такая же выемка въ воротникѣ замѣчается и спереди (это видно на нижнихъ фигурахъ), что въ соединеніи съ переднею оторочкою и спереди образуетъ такой же символъ и спереди (табл. XII. П. I. 4); кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить, что полы короткаго кафтана спереди значительно удлинены и пріострены, такъ что ихъ оторочки, передняя и нижняя, образуютъ угловые символы, что хорошо видно на восточной части фриза, на 2 фиг. человѣка справа, а, на западной, на 1-й фиг. справа.

Волосы не накрыты, по всей вѣроятности, согласно культу, для воспріятія благословенія неба и солнца. Изъ участвующихъ одинъ босикомъ, это снятіе обуви также религіозное — для непосредственнаго воспріятія благословенія земли. По этому признаку, мы въ этой фигурѣ видимъ самого жертво-приносителя, владѣльца табуновъ этихъ породистыхъ лошадей. На обоихъ прекрасныхъ рисункахъ этой вазы, въ трудѣ гр. И. Толстого и Н. Кондакова, „Русскія древн. въ памятн. искуств.“, головы

---

[1]) Сопост. съ грифонами IV вѣка, Forrers, Reallexikon, S. 676. Taf. 187. 3.

[2]) «Русскія древн.» у И. Толстого и Н. Кондакова. В. II. Рисунокъ 116 (стран. 139), фигуры верхняя и средняя.

всѣхъ людей ниже черты или полоски неба, только голова этой фигуры (почти на полголовы) поднялась надъ этою чертою.

Намъ кажется, весьма правдоподобнымъ, что художникъ сдѣлалъ это не безъ умысла; повязка царя въ сферѣ божественнаго вліянія была бы, вѣроятно, и не по культу: земной символъ долженъ уступить мѣсто небесному.

Что царь равенъ съ прочими въ служеніи и поклоненіи божествамъ: онъ на осѣдланномъ конѣ, видимо, самъ привелъ жертвенную кобылицу[2]); на переднія ноги его коня конюхъ налагаетъ „путы", и то изъ опасенія движеній лошади, могущихъ повредить успѣшности жертвоприношенія.

Центральная фигура на восточной половинѣ фриза — кобылица, съ подстриженною гривою для усиленія молитвенной символизаціи солнцу и небу. Жертвенное животное движеніями тѣла выражаетъ молитвы и поклоненія вмѣсто людей: ея молитвы, какъ жертвы умилостивленія и благодаренія, видимо, считаются жертвоприносящими сильнѣе и дѣйствительнѣе, чѣмъ — ихъ самихъ. Опущенная голова лошади[1]), изогнувшей шею касается открытымъ ртомъ земли; правая передняя нога ею поднята (благословляя землю: на это она теперь, какъ священное животное, имѣетъ полное право); лѣвая передняя подогнута символическою дугою: въ ней уже нѣтъ опоры, изображено мгновеніе предъ паденіемъ, при которомъ, при подавшихся впередъ заднихъ ногахъ, она приметъ положеніе жертвеннаго оленя, ее свыше благословляющаго. Надо отмѣтить, что и выгибъ спины, и отставленный хвостъ, и копыто лѣвой передней ноги, обращенное вверхъ, и невполнѣ подстриженная челка, съ волосами, спускающимися внизъ, — все это символическіе знаки, усиливающіе религіозное воздѣйствіе жертвы.

Тѣлодвиженія скиѳовъ, сваливающихъ кобылицу и управляющихъ, при посредствѣ аркановъ, ея движеніями, выражаютъ поклоненіе землѣ, опущенными руками и раздвинутыми ногами, но не забывая о своей постановкѣ и о своемъ движеніи — навстрѣчу солнцу или по солнцу.

Направо, конюхъ надѣваетъ путы лошади, стоящей головою по солнцу, на переднія ноги; правая нога у нея все-таки впереди лѣвой; то же — и съ задними ногами. Голова лошади приподнята, грива обстрижена; хвостъ отставленъ.

Нагнувшійся человѣкъ, повернувшійся налѣво (отъ него считая), нагнулся подъ шею лошади, оперся на лѣвую ногу, а согнутою правою ногою онъ далъ угловой символъ назадъ къ солнцу; при стреноживаніи коня лѣвая рука у него впереди. Тѣлодвиженія этой фигуры сильнѣе всѣхъ выражаютъ поклоненіе землѣ, до готовности пожертвовать собою для наибольшаго успѣха жертвоприношенія[3]).

---

[1]) Сопост. Perrot et Chipiez, «Hist. de l'art». Vol. II, p. 2 91. 118; 714, pl. XIV, см. 1 и 2 (орнаментъ подъ ногами идущихъ); p. 752—753, f. 409 и 410. — L. P. di Cesnola, Cypern, Taf. LXXXIII. — Еще сопост. съ золот. пласт. сиб. собр. Эрмитажа, рис. 63 и рис. 62, какъ совастическій и свастическій культы, дошедшіе во время переселенія народовъ до абсурда, до неестественныхъ «вывертовъ» жертвы и жертвеннаго животнаго. «Русскія древн. въ пам. иск.» Гр. П. Толстого и Н. Кондакова, III вып., стран. 55—56.

[2]) Сѣдловидно свернутый войлокъ, съ однимъ нагрудникомъ, подхвостникъ на равнинныхъ степяхъ излишенъ; стремена — свѣшивающіеся ремни, петлею. Подобныя свѣшивающіяся простыя петли видны и на петроглифахъ Енисея (табл. VIII. XVI. 4 и XVII. 2). Но на Енисеѣ есть и мѣдныя стремена.

[3]) Сопост. Perrot-Chipiez, Hist. de l'art, VII vol. 246 (113). Діадема съ охранительнымъ зна-

Налѣво, на краю восточной части фриза, конюхъ, повернувшійся направо (по солнцу), поднятою лѣвою рукою, держа коня за узду, выражаетъ поклоненіе верхнему (западному) полудиску солнца, а правою, придерживая согнутую *лѣвую* ногу коня, символизируетъ нижнему (восточному) полудиску солнца; ноги раздвинуты, правая впереди, лѣвая позади, — обѣ согнуты. Жеребецъ повернулъ голову направо, поклоняясь нижней половинѣ солнечнаго диска; онъ подогнулъ лѣвую переднюю ногу, оперся на правую переднюю, вытянутую впередъ (свастика); изъ заднихъ ногъ, впереди лѣвая, уже не касающаяся земли, хвостъ отставленъ, но концомъ онъ задѣваетъ правую заднюю ногу.

Царь, руководящій и слѣдившій, навѣрное, со вниманіемъ за языкомъ культа всей группы, съ видимымъ удовольствіемъ на лицѣ, правою рукою раскупориваетъ мѣхъ съ виномъ и, подставивъ чашку, видимо, уже готовъ сдѣлать надлежащее возліяніе и на землю, и на жертву, и на всѣхъ и, наконецъ, выпить самому и дать участникамъ.

Царь, или назначенный имъ распорядитель жертвоприношенія, подался впередъ правымъ плечомъ, выставивъ правую ногу.

Мы присоединяемся къ высказанному толкованію этой фигуры — къ толкованію, что этотъ скиѳъ „что-то разсматриваетъ въ скинутомъ съ праваго плеча кафтанѣ“[1]), мы не можемъ присоединиться, потому что на этомъ человѣкѣ ясно означенъ обычно затянутый поясъ: снятіе рукава подпоясаннымъ не возможно, къ тому же, обѣ переднія полы видимъ въ обычномъ положеніи.

И если придается значеніе скиѳской чашкѣ, которую они всегда имѣли съ собою, то небольшой мѣхъ съ виномъ и для воды этому не только не противорѣчитъ, а находится въ полномъ согласіи.

По изображенному сваливанію жертвы можно склониться къ предположенію, что она и въ данномъ случаѣ, едва ли удушалась, а закалывалась; языкъ движеній жертвы, во время удушенія, могъ оказаться нежелательнымъ и недопустимымъ[2]).

На западной сторонѣ фриза, въ срединѣ, видимъ двѣ лошади, уже подготовленныхъ къ жертвѣ, подстриженныхъ, обращенныхъ, опущенными къ землѣ головами въ разныя стороны. У лошади, идущей противъ солнца направо, (считая по фризу) впереди — лѣвая нога, а идущей налѣво (по солнцу) — впереди правая. Крайнія фигуры скиѳовъ и кони, ими заарканенные, изображаютъ предшествующій эпизодъ,— поимку этихъ лошадей; они еще не подстрижены. Обѣ эти лошади обращены головами другъ къ другу и обѣ вздыбились съ приподнятыми лѣвыми передними ногами, одна съ подогнутою лѣвою, выражая подъемомъ и наклонами головы поклоненіе верхнему и нижнему солнечнымъ полудискамъ.

комъ человѣческаго жертвоприношенія. Наше заключеніе (ср. стран. 245-ю Перро) обосновывается на свастическихъ меандрахъ (считая отъ смотрящаго), двойнымъ рядомъ означенныхъ: тѣлодвиженія человѣка и одного изъ жертвоприниматели согласны съ орнаментальными символами: отъ солнца идущій, въ пасти котораго находится голова человѣка, выступаетъ впередъ лѣвою ногою (по свастическому культу).

[1]) «Ист. русской жизни съ древн. врем.» Н. Е. Забѣлинъ М. 1908. Стран. 304.

[2]) Ibidem. 258.

Люди руками выражаютъ поклоненіе солнцу, а ногами землѣ, давая угловой символъ и назадъ; у одного лѣвая, а другого правая нога выставлена впередъ, руки также согласуются съ свастическимъ или совастическимъ культомъ.

Земля совокупностію орнамента нижняго фриза, — всею его композиціею и всѣми стилизаціонными частностями, всѣми знаками и символами языка движеній, которымъ она одарила свои созданія, и животныхъ, и птицъ, и растенія, отразила на нижней, части вазы свое отношеніе къ совершающемуся жертвоприношенію и напомнила (въ нижней заключительной части этого фриза) о неизбѣжномъ долгѣ всего живущаго принести себя, въ концѣ концевъ, въ жертву землѣ, — перейти въ иныя формы жизни.

Послѣднія напоминанія земли выражаютъ, между прочимъ, и трехраздѣльный (точнѣе 4-раздѣльный, представляя и задній), сморщенный увядающій листъ, съ отгибающимися внизъ концами, готовый упасть съ стеблей, означенныхъ двумя волютами — спиралями, обращенными молитвенно внизъ и меандровидно отходящими отъ нихъ вѣтками, обвивающими головы священнѣйшихъ и сильнѣйшихъ изъ принимателей жертвъ, землѣ приносимыхъ, и — предстателей предъ нею за жертвоприносителей; открытыя пасти львовъ выражаютъ отъ имени земли благословеніе.

Основная мысль композиціи верхней части нижняго фриза сосредоточивается на благословеніи жертвъ и молитвы къ этимъ священнымъ животнымъ объ успѣшномъ исходатайствованіи предъ небомъ и землею всѣхъ благъ для жертвоприносящихъ, въ то же время, по двойственности совастико-свастическаго культа, выражаются и благодаренія и молитвы землѣ.

Центральными орнаментными фигурами восточной и западной стороны вазы, выражающими благословеніе жертвеннымъ лошадямъ, является ихъ миѳическій покровитель — предокъ; означенный головою лошади, фантастически орнаментированная: ей приданъ гребенчатый ошейникъ гиппокампа и крылья пегаса. Высоко воздѣвъ крылья; верхнимъ символомъ; образовавшимся между ними, гиппокампъ, благословляетъ жертву. Своего рода неполный нимбъ и подобія лучей вокругъ головы (до глазъ) и расправленныя перья крыльевъ кругомъ распространяютъ мультиплицированныя благословенія. Но предокъ жертвенныхъ лошадей благословляетъ ихъ не непосредственно, а по культу предковъ. Послѣдовательность поколѣній выражена, въ началѣ, свастическимъ символомъ: chi или „ха“, образованными частями свастическою и совастической спиралей (волютъ) и пальметкой парно-лепестной (изъ 5 паръ), еще парою тычинокъ и указующимъ на жертвы пестикомъ. Жертва кобылицы указываетъ (косвенно, конечно) на матріархатъ; жеребецъ, ея спутникъ и въ послѣ-смертной жизни, не пользуется никакими особыми знаками вниманія, какъ жертва служебная. На западѣ, землѣ приносятся въ жертву два производителя.

Какъ около жертвенника, по бокамъ этого родословнаго дерева, на охранѣ его сидятъ два голубя на спирализированныхъ символахъ (S-символъ и поворотъ къ нему), крылья и хвосты ихъ расправлены. На бокахъ вазы, т.-е. на меридіанальной полосѣ, отмѣченной ручками, гармонично разбросаны волюты, спиральныя, меандровидныя, съ различными декоративными цвѣтами въ разнообразномъ положеніи и вездѣ виднѣются увядающіе, сморщенные листочки, также въ различныхъ поворотахъ.

На общемъ орнаментѣ вазы, особенно беря во вниманіе фризы, верхній и средній, не видно ясныхъ признаковъ погребальнаго культа и культа предковъ, культъ коня и архаическій культъ оленя, повидимому, на первомъ планѣ, но серьозныя лица конюховъ и слугъ жертвоприносящаго — наводятъ на сомнѣнія: они какъ бы озабочены не однимъ ближайшимъ, — не однимъ соблюденіемъ ритуала принесенія въ жертву лошадей. Хтоническая окраска нижней части символа „А", въ начертаніи изъ Ю. Россіи (стран. 396), на орнаментѣ верхней ленты, обхватывающей шейку вазы, допускаетъ возможность хтоническаго жертвоприношенія[1]), умилостивляющаго, искупительнаго, связаннаго съ производительностію земли, тогда и человѣческія жертвы возможны: здѣсь въ жертву, м. б., обречены всѣ помогавшіе царю въ жертвоприношеніи коней. Подобныя жертвы для остающихся были охраною отъ хтоническихъ божествъ, и такія изображенія, наравнѣ съ другими священными изображеніями жертвъ, носились на шеѣ, какъ это видимъ на гривнѣ изъ Куль-Обскаго кургана[2]).

3. Напрясла или напряслицы.

Напрясла или напряслицы, кольца или кружечки, надѣвающіеся для груза на веретена (le peson de fuseau, Spindelsteine, Spinnwirtel)[3]). Такихъ кружечковъ найдено много въ Троѣ, сначала, въ 1-омъ городѣ, хотя и немного, но, затѣмъ, ихъ число увеличивается. Среди нихъ, повидимому, встрѣчаются, хотя и очень рѣдко, и кружечки, безъ круглыхъ отверстій въ срединѣ: такіе предметы имѣютъ уже амулетное, охранительное значеніе. Кружечки же, съ отверстіями въ срединѣ, надѣвались на деревянную ось веретена, какъ грузъ и своего рода маховое колеско, служили вотивными автоматическими приборами.

Примѣненіе веретена и къ практикѣ культа, конечно, должно приписать тому, что вращеніе предъ божествомъ (circumactio religiosa) служило выраженіемъ слѣдованія путемъ божества и, можно думать, что древнѣйшее вращеніе, слѣва направо, было наслѣдіемъ культа солнца. Отмѣчаемое Плиніемъ вращеніе справа налѣво, которому отдавалось предпочтеніе въ обѣихъ Галліяхъ, было, видимо, исключеніемъ[4]). Вращеніе веретена, производимое въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ правою рукою, вполнѣ соотвѣтствуетъ такому выраженію подчиненія движенію солнца. Число напряслицъ, покрытыхъ разнородными религіозными символами и начертаніями, настолько велико, что можетъ дать матеріалъ для обширной монографіи, особенно при параллеляхъ съ прочими памятниками изобразительнаго искусства. Прибѣгнуть къ механическому способу общенія съ богами, женщинъ вынуждало и то обстоятельство, что они не могли мимически и даже украшеніемъ головы и иными выдающимися знаками обращать на себя вниманіе божествъ; дома они могли собою сигнализировать молитву только въ соучастіи или въ присутствіи родоначальника; находясь однѣ, поскольку мы замѣтили при общемъ ознакомленіи съ орнаментомъ и украшеніями

---

[1]) Энц. Слов. Брокгаузъ-Ефронъ. 74. 756.—Шантепи де-ля-Соссей, «Илл. ист. рел.» II. 247—250.

[2]) Рис. 80-й на 59 стран. «Русскія древн. въ пам. иск.» вып. I.

[3]) См. литературу у Iulie Schlemm, «Wörterbuch». B. 1908 и у Forrers, Reallexikon. B. u S. 1907.

[4]) E. Vouliem. Quomodo veteres adoraverint. Halle. 1887. P. II.

у большинства народностей, — онѣ не имѣли правъ на самостоятельное, независимое отъ жреца или родоначальника, обращеніе къ божествамъ. Движеніе же молитвенныхъ символовъ, при отсутствіи воздѣтыхъ рукъ и другихъ выдающихся знаковъ молитвы жестами и украшеніями, не было противозаконнымъ превышеніемъ молитвенныхъ правъ и, въ тоже время, не могло быть оставляемо богами и богинями безъ надлежащаго вниманія.

Нами взяты нѣсколько напряслицъ, наиболѣе соотвѣтствующихъ нашимъ сравнительнымъ цѣлямъ, на нихъ мы уже кое-гдѣ ссылались, а потому мы можемъ быть кратки по отношенію нѣкоторыхъ начертаній.

Табл. I. XXIII.

1-я фиг. изображаетъ напрясло съ 4 основными символами молитвы, изъ 1-го города Трои.—2-я фиг. Кувшинъ, черный, изъ терракоты, съ 3 женскими сосками и 3 основными религіозными знаками, расходящимися отъ отмѣченныхъ конусовидныхъ выступовъ внизъ, означая посвященіе горшка землѣ.

У Шлимана[1]), на рисункахъ его труда, за №№ 28—35, 43, 53, 54, 67—70 и 72, интересующіеся могутъ увидѣть, что преобладалъ прямолинейный орнаментъ, но основные религіозные знаки и орнаментные мотивы стали означаться и округленными линіями.

Въ 3-мъ городѣ Трои чаще встрѣчается свастика и совастика[2]), религіозный символъ, устанавливающій правила молитвенныхъ тѣлодвиженій, выражающихъ поклоненіе не одному, а двумъ божествамъ[3]) одновременно, при чемъ преобладаетъ культъ лѣвой руки, вторая же, правая совастика (къ прямому кресту на концахъ прибавлены черточки слѣва) можетъ быть разсматриваема, какъ бустрофедонный знакъ въ енисейскомъ алфавитѣ, но свастика и совастика въ петроглифахъ, на напряслицахъ и на древнихъ проявленіяхъ изобразительнаго искусства указываетъ на свастику (именно ту, которую называютъ *правою*) съ поднятіемъ лѣвой руки и опусканіемъ правой. Намъ все-таки кажется правильнѣе различать восточный и западный знакъ, согласуясь съ сущностью культа и, при этомъ, никогда не упуская изъ вида того, что въ храмѣ и внѣ храма, предъ божествомъ западнаго культа, который могъ быть и долженъ быть поставленъ лицомъ къ западу, молящійся, стоя лицомъ къ востоку, находился въ противорѣчіи съ древнѣйшими догматами солнечнаго культа. У народовъ арійскихъ, особенно у индо-европейскихъ, не имѣвшихъ ни храмовъ ни идоловъ, въ оріентировкѣ по странамъ свѣта такихъ противорѣчій и недоразумѣній не было.

Какъ самая молитвенная обрядность, слѣдствіемъ которой явился этотъ знакъ, съ цѣлію предохраненія его отъ измѣненій, при передачѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію, измѣнилась нѣсколько введеніемъ двойственнаго перстосложенія (отставленіе большого пальца отъ ладони), такъ и самое значеніе 4 графическихъ элементовъ этого сложнаго знака измѣнилось. Кромѣ того, религіозное круженіе (circumactio reli-

---

[1]) Ilios. St. u. Land. L. 1881.

[2]) См. выше, стран. 292—293, 310—319.

[3]) Этотъ двойственный культъ, см. выше, стран. 302—305, повидимому, былъ поклоненіемъ полуденному солнцу. Оборотясь лицомъ къ солнцу, правая рука символизируетъ западной половинѣ солнечнаго диска.

giosa), восточное и западное, стали, видимо, преобладать надъ сгибаніемъ туловища, каковое въ енисейскомъ алфавитѣ является образно выраженнымъ.

На табл. I. XXIII. Ф. 3 изображены утроенные основные религіозные знаки, образующіе косой крестъ, въ центрѣ креста свастика съ страннымъ, безсистемнымъ притупленіемъ концовъ; о ней мы скажемъ при выясненіи показаній о позднѣйшей формѣ свастики „лѣвой руки“ Оксфордскаго музея (табл. VIII.XIV. 10).

Напряслица изъ Трои, табл. XXVII и XXVIII, гребенчатые религіозные символы молитвенные приборы, съ знаками свастики, объяснены выше, въ главѣ о графическомъ анализѣ енисейскаго и тукюэскаго алфавита.

4. Цилиндры или древнія печати.

Цилиндры, древнія печати, геммы, камеи и амулеты всѣхъ стилей представляютъ богатѣйшій научный матеріалъ для выясненія знаковъ и символовъ, отмѣчавшихъ знаменательныя тѣлодвиженія, элементы свѣтового языка, незначительная часть которыхъ сдѣлалась впослѣдствіи шрифтографами.

Важнѣйшіе источники и графическіе матеріалы, по рубрикамъ, можно найти въ недавно вышедшихъ археологическихъ словаряхъ Р. Форрера и Ю. Шлеммъ.

VIII табл. XV рис.

1. Древне-вавилонскій цилиндръ. Выходъ бога Шамашъ изъ восточныхъ вратъ неба. Горы, изъ-за которыхъ выходитъ богъ солнца, и особенно долина между ними, выражаютъ поклоненіе благодѣтельному богу. Одѣяніе жреческое; на головѣ тіара, съ 3 символами обращенія къ небу (по типу табл. XII. П. 14. 3). Правая рука, молящаяся, держитъ пальмовую вѣтвь; сгибъ этой руки по типу, означен. на табл. XII. II. 16. I, но можно принять типъ двусторонняго рукосложенія, неодновременнаго, см. тамъ же 21 горизонт. полосу, фиг. 1-ю, потому что и у Шамашъ могла быть поднята молящаяся рука, а, послѣ ея, поднята плечевая часть лѣвой руки, образующей верхней частью молитву, а нижнею частью, въ сочетаніи съ локтемъ, знаменующей благословеніе земли. Сіяніе, зачатокъ ореола, означено въ видѣ трехъ изгибающихся линій, идущихъ отъ наплечій. Привратники, съ головами рогатыхъ животныхъ, подобно Шамашъ, сигнализируютъ и молитву и благословеніе.

Но самое интересное, что привлекло наше вниманіе, это древнѣйшій знакъ или символъ бога Шамашъ, его родовой знакъ, означенный на этомъ древнемъ цилиндрѣ. Внизу мы видимъ угловой символъ, выражающій (подобно горамъ) поклоненіе или благодареніе земли, на немъ знакъ человѣка (бога Шамашъ), въ положеніи молитвенномъ, по табл. XII. Л. I. I; раздвинутыми ногами выражается какъ бы отвѣтъ на предшествующій знакъ; руки (четыре, для выраженія силы и могущества) выражаютъ благословеніе на всѣ стороны горизонта. На богѣ надѣта шапка въ видѣ угловаго символа, обращеннаго къ Небу; внутри этого символа замѣтна гребенчатость.

Этотъ знакъ указалъ намъ, что древнее отвлеченное сигнографическое начертаніе Шамашъ для большинства было не понятно и его необходимо было выразить въ предметныхъ образахъ.

При послѣдующихъ цилиндрахъ, табл. VIII. IV и V, конечно, съ боку, внѣ ихъ, мы знаками выразили наиболѣе характерныя тѣлодвиженія, сообразно древнимъ пріемамъ начертанія.

2. Изображенная, на рис. табл. VIII. XII, эмблема бога Шамашъ, которую мы брали уже въ параллеляхъ для XIV рис. той же VIII табл., отмѣтивъ и косой крестъ изъ лучей, идущихъ зигзагами и угловые знаки благословеній и молитвъ небу и землѣ. Намъ остается обратить вниманіе на рогоподобныя спирали[1]), на которыхъ покоится кругъ, и на то, что этотъ кругъ для непрерывности сигнализаціи религіозныхъ символовъ, получившихъ уже мистическое значеніе, приводился въ движеніе, какъ это и означено на одномъ изъ древнихъ цилиндровъ.

3. Ассирійскій цилиндръ, изъ раскопокъ на Кипрѣ[2]), табл. VIII. V. 4. — Справа видна фигура человѣка въ короткой туникѣ, съ птичьею головою (вѣроятно жрецъ), съ раздвинутыми ногами и опущенными внизъ руками, что и изображено нами надъ рамкою цилиндра линейнымъ знакомъ (см. табл. XII. Л. 3. 12, но съ раздв. ногами и болѣе соотвѣтствующій типъ, изображенный на этой же таблицѣ, но справа — 18. 4). Въ срединѣ — козелъ, окруженный религіозными знаками: 4 кругами, съ точками по срединѣ, 2 четыреугольниками, съ вогнутыми сторонами, съ 2 угловыми символами, расположенными вверху, и углами или клиновидными знаками, на лѣвой окраинѣ.

4. Табл. VIII. V. 5. Также ассирійскій цилиндръ[3]). У пальмовиднаго священнаго дерева, съ листьями, поднятыми вверхъ, стоитъ человѣкъ съ раздвинутыми ногами и поднятыми вверхъ руками (табл. XII. II. 12. 2). Надъ отпечаткомъ цилиндра, справа, поставленъ нами знакъ человѣка въ той же молитвенной позѣ. Съ боку отъ человѣка, на цилиндрѣ изображена голова быка, повидимому, летящая птица и другіе знаки.

5. Табл. VIII. IV. 2.[4]) Цилиндръ ассирійскаго же стиля, съ Кипра. Жрецъ, безъ рукъ, съ головою птицы. За нимъ изображено животное въ боковомъ положеніи; очевидная условность этого положенія и шаровидная оконечность его хвоста не понятны. Прочія фигуры стерлись.

6. Фиг. 3-я, на томъ же рис. VIII же таблицы. Цилиндръ прекрасной вавилонской работы[5]). Три фигуры жрецовъ въ длинныхъ подпоясанныхъ одеждахъ, двое съ птичьими головами; у двухъ замѣтны каблуки и приподнятые носки. Надъ плечами видно подобіе сіянія. У средняго жреца въ поднятой рукѣ клевецъ. У двухъ въ рукахъ газели, которыхъ они держатъ за заднія ноги; животныя, сильно выгнувъ шею, поднимаютъ голову вверхъ. Двое боковыхъ приподняли жертвенники Паффіи. У всѣхъ рукоположеніе по типу XII табл. 16. 1.

---

[1]) Символы: q и p. Шантепи-де-ла-Соссей. Ист. религіи. I т., стран. 183, рис. 34.
[2]) L. Cesnola, «Cypern», LXXVI.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же.
[5]) A. Cesnola, «Salaminia», p. 120 и tabl. № 131.

7. На 4-мъ рисункѣ, подъ № 4, изображенъ цилиндръ ассирійскаго стиля[1]). Посрединѣ сидящая фигура, съ утиною головою; сидитъ, облокотившись на спинку стула, опустивъ, какъ бы въ изнеможеніи, руки; правая рука вывернута и обращена ладонью вверхъ, голова свѣшена впередъ; ноги раздвинуты. Направо пальмовая парнолистная вѣтвь, повернутая углами книзу, символизируя въ полномъ согласіи съ тѣлодвиженіями жрецовъ, такъ какъ и у второго жреца, стоящаго съ раздвинутыми ногами, руки также опущены внизъ. Внѣ рамки цилиндра, сбоку нами поставлены знаки молитвенныхъ жестовъ. Между жрецами видна голова грифона, съ змѣевиднымъ туловищемъ, безъ ногъ. Стоящій что-то держитъ въ рукѣ. Въ лѣвомъ верхнемъ углу неясное очертаніе какого-то маленькаго животнаго.

8. Фиг. 5-я, IV рис. VIII табл., представляетъ цилиндръ грубой архаической работы[2]). Изображено 5 фигуръ, одна небольшая, стоящая на колѣняхъ у одного изъ находящихся въ сидячемъ положеніи, но приподнявшихся надъ сидѣньемъ. Сидѣнія-скамеечки означены значительно ниже сидящихъ: видимо, выражается представленіе о чудесной божественной силѣ поднимающей эти фигуры вверхъ. Въ то же время двѣ фигуры подняли руки вверхъ, какъ бы поддерживая небо или потолокъ. Одна фигура съ длиннымъ утинымъ носомъ. Молитвенныя движенія рукъ у двухъ фигуръ вверхъ и у двухъ внизъ, по типу, изображенному на табл. XII. II. 12. 2 и 13.

9. Фиг. 6-я представляетъ цилиндръ съ особенно грубымъ символомъ богини Паффіи, но также окруженный ореоломъ и съ боковъ украшенный символическими начертаніями. Жрецъ въ длинной одеждѣ, не подпоясанъ, обувь съ загибающимися вверхъ носками. Работа носитъ характерныя черты гиттитскаго искусства, въ грифонѣ есть черты египетскихъ сфинксовъ.

10. Фиг. 7-я, того же IV рис., табл. VIII. Грифонъ молится предъ жертвенникомъ Паффіи, онъ въ боковомъ положеніи, обращаетъ поднятыя лапы въ одну сторону. Внѣ рамки цилиндра, сбоку, нами зарисовано линіями положеніе его переднихъ лапъ; знакъ имѣетъ сходство съ нѣкоторыми руническими знаками и даетъ наглядное указаніе на то, что, при подобныхъ особо важныхъ въ религіозномъ отношеніи поворотахъ, древніе рисовальщики вынуждены были отступать отъ обычнаго традиціоннаго пріема рисовать человѣка только спереди и сзади, что встрѣчается и въ египетскихъ петроглифическихъ начертаніяхъ. На табл. XII. Л. 17. 1 и 2, зарисованы двѣ фигуры въ боковомъ положеніи[3]), одна изъ нихъ въ поворотѣ грифона разсматриваемаго цилиндра и съ болѣе истовымъ перстосложеніемъ: обѣ ладони повернуты отъ говорящаго или, вѣроятнѣе, молящагося въ сторону собесѣдника или божества. Другая фигура съ ладонями, обращенными къ себѣ.

---

[1]) L. Cesnola, «Cypern», LXXVI.

[2]) A. Cesnola, «Salaminia», № 13.

[3]) Fr. Jos. Lauth, «Les zodiaques de Denderah. Munich. 1865. — Par M. Champolion le jeune» Mémoire sur les signes employées par ces anciens egyptiens. Paris. MDCCCXLI. — Фигуры, изображенныя на табл. XII. Л. 17. 1 и 2, взяты отдѣльно.

Число цилиндровъ теперь очень велико; эти памятники глубочайшей иногда старины отражаютъ, поскольку намъ пришлось убѣдиться при бѣглыхъ общихъ осмотрахъ, большею частію культъ, касаются самой интересной его стороны — практики религіи, они должны быть подвергнуты спеціальной сравнительной обработкѣ, въ которыхъ миѳологическія фабулы вовсе не имѣютъ того важнаго значенія, какое придаютъ имъ филологи-спеціалисты. Для этнографовъ, по крайней мѣрѣ, важенъ общій для всего человѣчества языкъ тѣлодвиженій и жестовъ, помощію которыхъ древнѣйшіе люди выражали свои религіозныя чувства и мысли.

Общее ознакомленіе съ классическимъ орнаментомъ Греціи ближайшихъ вѣковъ къ Р. Х. (II, III, не далѣе) привели насъ къ взгляду на хищныхъ животныхъ, какъ священныхъ животныхъ, по повелѣнію боговъ, принимающихъ жертвы и во время растерзыванія ихъ могущихъ измѣнить желаемыя жертвователемъ тѣлодвиженія животнаго, особенно въ сочетаніяхъ съ своими тѣлодвиженіями. Это замѣтно въ предметахъ, изготовлявшихся для греческихъ колоній сѣвернаго побережья Чернаго моря. Видно это и на нѣкоторыхъ сибирскихъ пластинахъ, находящихся въ Эрмитажѣ, и неимѣющихъ точныхъ датъ о мѣстонахожденіи. Въ цилиндрахъ, есть основаніе предполагать, долженъ встрѣтиться матеріалъ, могущій, такъ или иначе, въ большей или меньшей степени, выяснить поставленный вопросъ. На одномъ изъ ассирійскихъ цилиндровъ, найденныхъ на Кипрѣ, по взаимной символизаціи быка или коровы и льва[1]) можно предполагать, что посвящаемая землѣ жертва должна стоять, низко опустивъ голову; левъ, налагая правую лапу на рогъ, образуетъ угловой символъ жертвы землѣ, хвостъ льва — также аналитическій обдуманный, такъ сказать, жестъ: эсовидный двухсторонній символъ, и небу и землѣ. Внизу, посрединѣ того же цилиндра, изображены два грифоноподобныхъ крылатыхъ животныхъ, стоящихъ другъ противъ друга и приподнятыми правыми лапами сигнализирующихъ благословеніе свыше надъ жертвеннымъ животнымъ, лежащимъ на землѣ, приподнявъ голову съ открытымъ ртомъ и лѣвую лапу: это положеніе жертвеннаго животнаго, очевидно, является типичнымъ при посвященіи его небу. Слѣва жрецъ, съ топоромъ въ правой рукѣ, съ раздвинутыми какъ бы на ходу ногами, лѣвая рука, съ отставленнымъ большимъ пальцемъ, приподнята къ груди льва, стоящаго предъ нимъ на дыбахъ; его переднія лапы раздвинуты какъ бы для благословенія, — правая лапа льва почти касается лба человѣка, а лѣвая приходится противу его пояса; заднія лапы раздвинуты. Голова льва съ раскрытою пастью и отчетливо означенными ушами. Ни въ фигурѣ льва, ни въ очертаніяхъ головы, ни въ тѣлодвиженіяхъ не означено звѣриной злобности, враждебности и т. п. На правой сторонѣ описываемаго цилиндра изображены поперекъ два быка, наклонившіе головы, какъ бы бодающіеся. Можетъ быть, такое положеніе животныхъ служитъ условнымъ означеніемъ предназначенія жертвъ одновременно и землѣ и небу. Во всякомъ случаѣ, рога, какъ природные символы, оказываются рѣшающими графическими признаками.

На ассирійскомъ цилиндрѣ, изображенномъ у Л. Чеснола[2]), на табл. 75-й, фиг. 1,

---

[1]) L. Cesnola, «Cypern». S. 1879. Taf. LXXV, № 6. Онъ изображенъ на табл. XII. л. 18. 6 и 7.
[2]) Тамъ же.

которому Сэйсъ (Sayce) даетъ 16 вѣковъ до Р. Х. видимъ козла въ жертвенномъ положеніи, изображеннымъ у верхней кромки отпечатка цилиндра вверхъ ногами, головою внизъ, такимъ образомъ, его рога фигурируютъ въ качествѣ благословенія, съ неба нисходящаго. На этомъ же цилиндрѣ, посрединѣ, у нижней рамки цилиндра, видимъ животное, условно изображенное, въ жертвенномъ положеніи. На цилиндрѣ № 4-й, на той же 75 табл. труда Чеснола[1]), видимъ козла въ жертвенномъ же положеніи, на которое наложило лапы фантастическое животное, принимающее жертву, которая измѣняетъ первоначальное положеніе ногъ. На этомъ и предыдущемъ цилиндрѣ можно заподазривать церемоніалъ принесенія человѣческой жертвы.

На 17 цилиндрѣ также видимъ животныхъ, изображенныхъ дыбомъ стоящими.

Цилиндръ № 19 изображаетъ оленя и по сторонамъ его двухъ собакъ, а надъ ними религіозные символическіе предметы. Цилиндръ № 27-й интересенъ хищными животными, можетъ быть собаками, изображенными поперекъ съ разинутыми ртами, обращенными вверхъ. Цилиндры, за №№ 24, 28 и 29, заслуживаютъ вниманія по вотивной рукѣ и по тремъ изображеніямъ птицъ, символизирующихъ молитву и благословеніе. Въ высказанномъ направленіи, много поучительнаго и пригоднаго для уясненія религіознаго значенія петроглифовъ Енисея, можно найти въ печатяхъ египетскаго и финикійскаго стиля, найденныхъ на Кипрѣ Л. Чеснола.

При раскопкахъ А. П. ди Чеснола, около Саламиніи, найдено много цилиндровъ, на которыхъ преобладаютъ религіозныя мистическія темы съ кабалистическими знаками и символами, но записи языка движеній, иногда сразу, безъ параллелей понимаемыя, позволяютъ надѣяться, что впослѣдствіи, при значительномъ увеличеніи матеріаловъ, выяснится многое, что теперь кажется темнымъ и загадочнымъ. На таблицѣ, приложенной къ стран. 120-й труда А. П. ди Чеснола, на № 139 цилиндра изображенъ олень въ жертвенномъ положеніи, на табл. XIII, №№ 20 и 21 видимъ основное двойственное (съ отставленіемъ большого пальца) перстосложеніе, на № 32 — поперекъ, какъ бы стоя, зарисованы жертвенныя животныя.

5. Живая графическая старина у инородцевъ Минусинскаго округа.

1. Табл. III. XIII. На затеси дерева. Горный перевалъ. Молитва при закатѣ солнца; показатель поворота ладони опускаемой правой руки[2]). — 2. Табл. III. VI. На затесахъ деревьевъ. Поясной знакъ, но бедра означены приподнятіемъ, можетъ быть, для означенія присѣданія, чтобы усилить молитвенное обращеніе къ небу[3]). Вильчатый символъ (табл. XII. II. 1. 4), въ поворотѣ къ небу, накрытъ благословляющимъ знакомъ (табл. XII. II. 15. 4); это начертаніе сдѣлано углемъ, а лѣвое рѣзью. — 3. Табл. IV. XIV. Поѣздка на Маторъ, долина Анзаса. Повидимому, три тамги и три летящихъ слѣва направо птицы какъ благопріятное предзнаменованіе. 1-я тамга упи-

---

[1]) L. Cesnola, «Cypern, LXXV, № 4.

[2]) Знаменательныя точки могутъ означать, что этотъ же показатель поворота ладони примѣнимъ и для лѣвой руки, т.-е. эта ладонь должна повернуться назадъ, точнѣе — къ землѣ. Начертаніе углемъ. 1874 г.

[3]) Табл. I, XVII. — Aspelin, I. R., M. A. Castréns, Aufzeichnungen. H. 1901. S. 49.

катная, намъ ее не доводилось встрѣчать. Мы видимъ въ этомъ начертаніи знакъ мужчины, молящагося съ лукомъ и стрѣлою, при чемъ верхняя часть лука, соприкоснувшись съ головою стрѣлка, образуетъ надъ рукою и стрѣлою символъ благословенія; другая рука, какъ это отмѣчено выше, при этомъ упирается въ бедро (ср. табл. VIII. VIII. I; табл. III. VIII. I). Конецъ стрѣлы слегка утолщенъ; то же замѣчается иногда и на родовыхъ знакахъ, хотя чаще становится вильчатый знакъ. 2 фиг. Можно разсматривать, какъ знакъ человѣка, стоящаго на землѣ, съ наложенными съ боковъ знаками благословенія. 4 фиг. Знакомый знакъ косого креста съ верхнимъ и нижнимъ благословеніями; по лопарскимъ тамгамъ, можно разсматривать, какъ благословеніе и неба и земли на верхнее (надъ головою) и нижнее скрещиваніе рукъ. — 4. Табл. IV. XV. Тамги, срисованныя съ лошадей на Абаканскомъ перевозѣ. 1. Знакъ заката солнца. 2. Знакъ „дня", слѣдующій 3 фиг., можно, по высказаннымъ выше соображеніямъ, разсматривать, какъ знакъ „полуторыхъ сутокъ". Знакомый молитвенный знакъ, въ боковомъ положеніи, обращенный впередъ. 5. Два круга, одинъ на другомъ. 6. Два круга, одинъ надъ другимъ, не соприкасающіеся другъ съ другомъ. 7. Тамга, нуждающаяся въ параллеляхъ; за ручки ножницъ затруднительно ее принять[1]). — 5. Табл. IV. XVI. Рисунокъ углемъ на затеси дерева. Зарисованъ по дорогѣ къ Матору изъ стан. Таштыпской, р. Анзасъ. Ромбъ, вѣроятно, тамга инородца, начертившаго себя въ древнемъ фертообразномъ молитвенномъ[2]) положеніи; у собаки закрученность хвоста отчетливо вырисована; многовѣтвистый олень съ опущенной головою и козелъ, а можетъ быть, и „аргудай" (олень, молодой, по 2-му году) подходятъ къ его тамгѣ, означающему, быть можетъ, его „солопецъ"[3]).—6. Табл. VII. 16. Маторъ. Рѣзи на затеси деревьевъ. Вѣроятно, тамги.— 7. Табл. VII. 18. Маторъ. Двѣ тамги, начерченныя углемъ на затеси деревьевъ. — 8. Табл. VII. 9. Рѣзи на затеси дерева. Слѣдъ или колотушка отъ бубна. Фигура человѣка, съ распростертыми руками и раздвинутыми ногами. Знакъ благословенія, символъ опущенныхъ внизъ рукъ, съ приподнятыми ладонями, и подъ покровомъ фигура человѣка, подобная верхней. —9. Табл. VII. 10. Рѣзь на деревѣ. Знакъ человѣка, накрытаго шапкою, опустившаго руки, съ отодвинутою ногою; другая нога не означена.—10. Табл. VII. 11. На затесяхъ различныхъ деревьевъ, частью рѣзью, часть углемъ означенныя тамги[4]).—11. Табл. VII. 13. На затесяхъ различныхъ деревьевъ тамги, начерченныя углемъ.—12. Табл. IX. XXX. Анзасъ. На затеси дерева, углемъ. Четыре фигуры человѣка, безъ рукъ. Одинъ мужчина. Двѣ женщины. Одна фигура на лошади. Двѣ тамги, одна тождественна съ буквою енисейскаго алфавита (табл. X. II. 7. 3).— 13. (Табл. VIII. V. 6) Черн. Іюссъ, улу. Секта, Чебаки. Серебряное обручальное кольцо, инородческой работы, съ 8-гранною плоскою бляшкою, на немъ наложенною; восьмигранникъ начерченъ по окраинѣ бляшки. Эти сомкнувшіяся линіи можно, намъ кажется, разсматривать, какъ благословенія, идущія съ 8 сторонъ. Въ амулетахъ, какъ

---

[1]) Полудиски; вѣроятно — вечерніе знаки. Выше 2-й знакъ ср. табл. XII. л. 15. 3. н. з.

[2]) Поклоненіе закатывающемуся солнцу (табл. XII. П. 20. 3).

[3]) Искусственный *солончакъ*, дѣлаемый на перекресткѣ нѣсколькихъ звѣриныхъ тропъ.

[4]) 5-й знакъ — перекрещиваніе воздѣтыхъ рукъ — интересенъ.

извѣстно, преобладаютъ квадратъ и кругъ. Внутри, параллельно благословляющимъ линіямъ, вырѣзаны гребенчатые символы, одинъ сигнализирующею гребенкою обращенъ вверхъ, а другой — внизъ. Внутри, въ центрѣ, начерчена несомкнутая вверху цифра — „8“ (восьмерка) или узловой символъ (символъ Гермеса, но какъ бы снятый, отдѣленный отъ кадуцея). Справа отъ него, начертаніе, тождественное съ цифрою „6“, но съ несомкнутою округленною нижнею частью, налѣво же отъ узловаго символа стоитъ поворотъ отъ этой цифры — „д“; на немъ поставлена дугообразная линія съ отчеркомъ — угловой символъ (см. рис. 6а), а правый знакъ „шестерки“ дублированъ приставкою такого же знака справа. Знакъ шестерки и поворотъ къ нему тождественъ съ нѣкоторыми начертаніями енисейскаго алфавита (табл. X. Л. 9. 2 и 6).

Для возстановленія первоначальнаго начертанія узлового символа обратимся къ его линейнымъ начертаніямъ; по генезису и классификаціоннымъ молитвеннымъ типамъ, табл. XII. Л. 16. 7 (см. нижн. поворотъ въ тукюэскомъ алфавитѣ — табл. XI. 3. 4), 18. 7 и 19, ср. съ 14. 2 и др. начертаніями Вишеры (Пермь) и Бухтармы (Томскъ), не трудно убѣдиться въ графической связи съ верхнимъ перекрещиваніемъ рукъ, что сохранилось у лопарей и въ указателяхъ по отставленію большого пальца.

По молитвенному символу, добавленному надъ лѣвымъ знакомъ, не трудно догадаться, по показателю, кто долженъ поднять правую руку, съ отставленнымъ большимъ пальцемъ и не трудно увидѣть, кому надо поднять лѣвую руку. Нельзя не отмѣтить, что, при наложеніи другъ на друга нѣсколько наклоненныхъ обоихъ показателей отставленія большихъ пальцевъ, получится узловой символъ Гермеса.

Самые осторожные и разносторонніе разспросы и разговоры, въ разное время произведенные, убѣдили насъ въ графической неразвитости и полномъ непониманіи этого обручальнаго амулета, не только мужемъ и женою, но и родителями ихъ. Мастера мы надѣемся найти, хотя онъ живетъ, къ сожалѣнію, далеко.

14. Табл. VIII. IV. 8. Сарала-Іюссъ. Улусъ на Теплой рѣчкѣ. Вотивная рука съ благословеніемъ ея, вырѣзанная на ложѣ отцомъ владѣльца винтовки; направо, нижняя часть ложи.

Начерчена рѣзью правая рука, ладонью вверхъ; всѣ пальцы растопырены и обращены впередъ. Благословеніе, на руку нисходящее, означено тремя угловыми знаками и треугольникомъ, расположеннымъ внутри.

Далѣе, означена прямая линія, потомъ ломаная линія и рядъ треугольниковъ, обращенныхъ основаніями отъ вотивной руки. За рукою вырѣзано „1886 г. май 7 дня“, пропущенныя нами, въ виду большаго интереса орнамента изъ треугольниковъ и частью ромбовъ, сигнализирующихъ молитвенныя обращенія во всѣ стороны; орнаментъ заканчивается тремя рядами треугольниковъ, сигнализирующихъ молитву вверхъ, при горизонтальномъ положеніи ложи. Безграмотный сынъ вырѣзавшаго знаки не обнаруживаетъ ни малѣйшаго пониманія орнаментаціи, но вырѣзанную руку различаетъ; жена его, видимо, ревнивѣе относится къ сохраненію въ семьѣ этого завѣтнаго ружья.

15. Современные узоры мы заимствовали у А. А. Кузнецовой[1]), прибавлены замѣченные нами два мотива (№№ 3 и 9), но они встрѣчаются, видимо, очень рѣдко, хотя основной религіозный мотивъ выраженъ и въ № 7 (№ 3 табл. А. А. Кузнецовой). Основное очертаніе узоровъ вырѣзывается изъ бересты или бумаги. Орнаментъ минусинскихъ инородцевъ не отличается богатствомъ и разнообразіемъ, узоры не отличаются тою изумительною сложностью, каковая отмѣчена у гольдовъ П. П. Шимкевичемъ, и женщины не отличаются тѣмъ изумительнымъ искусствомъ въ вырѣзываніи по памяти и безъ приспособленій, каковое констатировано у гольдскихъ дѣвочекъ и дѣвушекъ, но, можетъ быть, благодаря меньшей воспріимчивости къ новизнѣ и графической консервативности инородческихъ женщинъ Минусинскаго округа, религіозный генезисъ и пережитки записей древнѣйшаго языка культа — языка тѣлодвиженій и жестовъ — значительно легче выдѣляются у тюрко-алтайцевъ Енисея, чѣмъ у гольдовъ. Но и здѣсь, несмотря на простоту сплетеній и извивовъ, мимическіе элементы орнамента не бросаются въ глаза, а между тѣмъ растительные мотивы орнамента и здѣсь отнюдь не могутъ быть признаны господствующими. Директивы построенія взятыхъ нами симметрическихъ узоровъ ясны: прямой и косой кресты и ихъ сочетаніе, т.-е. восьми-конечный крестъ, дублированіе прямого креста (рис. XVIII. 6), дублированіе свастической и совастической линій или перекрещиваніе эсъ-символа съ его бустрофедоннымъ поворотомъ. Этотъ цѣнный въ научномъ отношеніи знакъ (табл. VIII. XVIII. 0) замѣченъ нами не сразу, а при второмъ пересмотрѣ таблицы узоровъ А. А. Кузнецовой. Въ какихъ поворотахъ преимущественно налагаются орнаментные мотивы религіознаго происхожденія, желательно установить, насколько возможно, обстоятельнѣе.

Самое поучительное начертаніе, фиг. 7, крестъ, въ знаменательныхъ углахъ котораго поставлены поясные знаки молящихся, 2 съ воздѣяніемъ и 2 съ опусканіемъ рукъ. Заслуживаетъ вниманія, что на поднявшемъ руки какъ бы надѣта шапочка, но, вѣроятнѣе, это 2-я фигура, также съ воздѣтыми руками. Благословляющій символъ предка господствуетъ: онъ усиливаетъ молитвенную сигнализацію потомка. Фиг. 6 интересна сохранностью указанія на двойственность перстосложенія (съ раздвиганіемъ ногъ), не замаскировавшеюся растительною стилизаціею рукъ. Ср. съ рогатыми шапками петроглифовъ Енисея XX. 7 табл. VI. 1. 6 и 4. 20; табл. II. X и благословляющими овальными шапками (табл. VII. I. I и рис. 2. 13. фиг.; табл. VI. 3. 8, рис. 4. 19 и 26 фиг. и рис. 6. 18 и 3; табл. IX. VI. рис. III. 4, рис. VIII и рис. XXI) и смѣшанными (табл. VIII. XVIII и табл. VI. 5. 7). Сопост. VIII табл. IV. 1. 12 фиг.

Интересующимся предлагаемъ сравнить разсматриваемый орнаментъ съ общимъ для тюрковъ и монголовъ орнаментомъ тюркскихъ и монгольскихъ тканей и украшеній у Ратцеля (Народовѣдѣніе. Табл. II, стран. 590).

Не безъинтересна параллель съ узорами гольдовъ. Въ узорахъ гольдовъ молитвенныя движенія, съ поднятіемъ и опусканіемъ рукъ, а также и съ отставленіемъ большого пальца, хотя и стилизированы, но довольно опредѣленно выражены, напримѣръ, на табл. X, приложенной къ статьѣ В. Ѳ. Миллера[2]), лѣвый рис. прав. нижн.

---

[1]) См. табл. VIII, XVIII и XXXII рис. «Жилища, одежда и пища минус. и ачинск. инородцевъ».

[2]) В. Ѳ. Миллеръ, «Нѣсколько словъ о коллекціи Шимкевича».

восьми-конечный узоръ, построенный на соединеніи обоихъ крестовъ. На орнаментированныхъ концахъ лежачаго креста — фигуры съ широко-раздвинутыми ногами, на концахъ прямого креста (на окружности внутренняго круга) орнаментныя благословенія напоминаютъ египетскую манеру трактованія; подъ стилизированными руками интересны зачатки меандра. На той же таблицѣ, на правомъ рисункѣ, интересующіеся могутъ увидѣть (на прав. краю, средн. узоръ) двѣ фигуры мужчинъ, съ опущенными руками, у верхней фигуры на правой рукѣ отмѣчено двойственное перстосложеніе, а у нижней отставленіе большого пальца отмѣчено на обѣихъ рукахъ. Кромѣ того, подъ ними, подъ „З“ или, точнѣе, въ omega (въ поворотѣ) символахъ, есть еще двѣ поясныхъ фигурки съ опущенными руками, изъ которыхъ одна также съ отставленіемъ большого пальца, а другая закручена спиралью.

Весьма интересны, на правомъ же рисункѣ, два узора, съ восьми-конечнымъ крестомъ въ центрѣ, одинъ амулетнаго характера: обведенъ по всей окружности замкнутою ломаною линіею, постоянно употребляющеюся на бубнахъ и на другихъ предметахъ культа. По линіи прямого креста (оріентируясь по центральному), на окружности, угловой молитвенный знакъ, ближе къ центру — зодіакальный, вѣроятно, и жертвенный символъ овна, видимо, связанный съ жертвоприношеніями мелкихъ животныхъ и птицъ, приносившихся парами. Внутри спиральныхъ стилистическихъ изгибовъ сказаннаго символа помѣщены головки птичекъ, ихъ изогнутыя шейки и раскрытые клювы показываютъ направленія жертвы (къ центру), далѣе видны длинныя восьминогія условныя животныя, повидимому головы ихъ обращены въ стороны и рога каждаго закинуты назадъ; между ними можно различить фигурку человѣка, съ омеговидно стилизированными руками, чрезъ рядъ орнаментально-выдѣланныхъ религіозныхъ знаковъ къ центральному восьми-конечному кресту, съ точками надъ углами. По линіи косого креста, также начиная отъ окружности, видимъ пару бѣленькихъ собачекъ, съ повернутыми назадъ головами и разинутыми ртами и, съ ними рядомъ, пару черненькихъ лисичекъ.

Въ узорѣ коллекціи г. Шимкевича, съ крестомъ съ омеговидными символами надъ раздвоеніями, видны короткохвостые животные, въ положеніи подобномъ предыдущимъ. На этомъ узорѣ видны молитвенные и жертвенные знаки (X табл. прав. рис. *в* прав.).

Рыбы, на лѣв. рис. X табл. въ двухъ жертвенныхъ положеніяхъ, — и небу и землѣ. Два маленькихъ узора, прав. рис. X табл., весьма цѣнны по внутри ихъ находящимся линейнымъ, почти безъ стилизаціи, религіознымъ символамъ, гдѣ выдѣленъ и знакъ зодіака (отъ рукоположенія, означен. на XII нашей таблицѣ, л. с. 4. 9 и п. с. 20. 7), въ поворотѣ, омега-символъ и дугообразные символы, при верхнемъ можно заподазривать и показателя перстосложенія.

Въ этихъ удивительныхъ образцахъ стилизаціи мы не видимъ отраженій китайской орнаментики; графическіе пережитки аризированія, элементы конкретнаго и мимическаго письма, видны; орнаментныя комбинаціи выходятъ одна изъ другой, безъ диссонансовъ, въ строгой религіозной гармоніи, калейдоскопично, напоминая, мѣстами, арабско-мавританскій орнаментъ. Эти, можно сказать, отвлеченныя графи-

ческія варіаціи, эти конкретныя отпечатки стилизаціонной фантазіи, естественное непринужденное стремленіе къ развитію этой этнографической разновидности, и эта устойчивость архаическихъ скульптурныхъ воплощеній гольдскаго пантеона, представляютъ такіе психолого-этнографическіе контрасты, объясненіе которыхъ однимъ догматомъ неприкосновенности графическихъ символовъ кажется неполнымъ и недосказаннымъ, именно со стороны сохраненія однихъ элементовъ свѣтового письма, при полномъ, повидимому, забвеніи соотвѣтствующихъ имъ знаковъ языка движеній. Это примѣнимо и къ минусинскимъ инородцамъ.

Сопоставленіе 7 и 5 фигуръ, въ виду пріостреній головныхъ уборовъ, въ № 7, и стилизированныхъ и удлиненныхъ внутреннихъ угловъ, въ № 5, приводитъ къ заключенію о томъ, что здѣсь, м. б., изображены и не люди, молящіеся землѣ, а божества или духи 4-хъ странъ свѣта, благословляющіе плечи, на которые налагаются обыкновенно эти узоры, дарующіе силу рукамъ.

Весьма интересный мало-азіатскій отвлеченный символъ свѣтового письма довольно часто встрѣчается на спинахъ шубъ инородцевъ Минусинскаго округа. Этотъ символъ означенъ на приложеніи XIII табл. на 28-й (слѣдуетъ сопоставить и начертанія стр. 29-й), въ столбцахъ Ликіи и Кипра: Ж (живѣте) — символъ безъ поперечной черты. Генезисъ объясненъ выше: графическая перестановка рукъ, при полуденномъ поклоненіи солнцу, раздѣленному полуденной линіею, на двѣ половины, восточную и западную. Знакъ туловища или полуденной линіи нашивается полосою (чаще желтаго или краснаго цвѣта), около дюйма ширины отвѣсно посрединѣ спины, а дуги правой (налѣво) и лѣвой (направо) нашиваются по шву рукавовъ, заходя до плечъ и подъ мышки. У женщинъ эти дуги спускаются внизъ и на концахъ ихъ дѣлаются узоры — символы, означенные на табл. VIII, на рис. XXXII.

Значеніе нашивокъ на шубахъ, конечно, намъ не могли объяснить: этнографическая сущность нашивокъ, видимо, утрачена.

Мы дешифрируемъ орнаментное значеніе этихъ нашитыхъ двухъ дугъ, какъ графическое передовѣріе *правой* руки лѣвой исполнить поклоненіе востоку и восточному диску, принадлежащее ей по культу правой руки; правая рука дугою *лѣвой* руки благословляется на поклоненіе, не по культу, западному полудиску солнца, уже перешедшаго въ западную половину небеснаго свода.

2, 4 и 7 фигуры, по своему религіозному генезису, должны быть и графически производимы изъ отдѣльныхъ фигуръ; устраненіе головы объясняется, м. б., стремленіемъ сигнализировать чрезъ мѣстныхъ боговъ и духовъ и молитву высшимъ, болѣе сильнымъ божествамъ, или отношеніемъ этихъ символовъ къ культу предковъ.

Относительно узоровъ у пояса женскаго кафтана или пальто (сикпен'а), должно сказать, что они, и особенно свѣшивающіяся внизъ кисти, означаютъ и благословеніе и молитву (шнуры и кисти), религіозное охранительное ихъ значеніе тождественно съ военнымъ значкомъ варваровъ Керченскихъ катакомбъ[1]) или съ такими же значками, съ изображеніями Артемиды крылатой[2]), къ которымъ привѣшивалась длинная бахрома,

---

[1]) Л. Нидерле. «Человѣчество въ доистор. врем.» стран. 426. — «Русскія древн.», Толстой и Кондаковъ, II, 66.

[2]) Гр. Толстой и Кондаковъ, «Русск. древн.», II, 92 стран. 75 рис. стран. 94 и 95.

кисти, пучки конскихъ волосъ или даже хвосты лошадей, какъ это долго держалось на бунчукахъ и гетманскихъ булавахъ.

Графическіе пережитки болѣе стойки: они сохранились, но внутреннее ихъ значеніе, среди мѣстныхъ инородцевъ, повидимому, въ большинствѣ случаевъ, уже забыто.

6. Къ орнаменту женскихъ поясныхъ фигуръ, изъ Чертомлыцкаго кургана и Цимбаловой могилы.

Для уясненія свастико-совастическаго символизма и стилизаціи, свидѣтельствующихъ о генезисѣ нѣкоторыхъ алфавитныхъ начертаній отъ свѣтового письма культа, мы даемъ описаніе конскаго золотого налобника изъ Цимбаловой могилы, по прекрасному рисунку, помѣщенному въ трудѣ гр. И. Толстаго и Н. Кондакова, „Русскія древности въ памятникахъ искусства", вып. II, „Древн. скиѳо-сарматскія", стран. 115, рис. 99.

Изъ дальнѣйшаго описанія будетъ видно, почему мы не можемъ присоединиться къ опредѣленію, что это божество въ типѣ Персидской Артемиды.

„Рисунокъ греческій, высокаго достоинства и чеканъ дополненъ рѣзьбой въ важнѣйшихъ частяхъ. Моделировка отличается общимъ орнаментальнымъ характеромъ".

Къ этой характеристикѣ должно добавить, что въ налобникѣ коня трактована скиѳская тема объ ихъ прародительницѣ, „дѣвушкѣ-змѣѣ"[1]). Двусторонняя компановка сущности этого миѳа припонтійскихъ эллиновъ (Гер. IV, 8—10)[2]) проникнута свастико-совастическимъ культомъ и проведена въ стройной гармоніи и съ изумительнымъ единствомъ стиля и композиціи. Этотъ религіозный орнаментъ носитъ на себѣ указаніе на матріархатъ, имѣвшій мѣсто въ глубокой древности и соединявшійся съ правами молитвы, которыхъ женщины, не имѣвшія дѣтей, были, по всей вѣроятности, лишены. Орнаментъ налобника обосновываетъ свое охранительное амулетное значеніе на замкнутости символовъ, на ихъ погашеніи. Стилизаціонная гамма начинается почти съ хтонической глубины и поднимается до молитвенной пальметки[3]), идущей отъ благословляющаго угловаго знака второстепеннаго небеснаго божества.

Голова прародительницы скиѳовъ, по всей вѣроятности, взята съ натуры, это довольно убѣдительно говоритъ женская голова общаго эллинскаго рисунка, напримѣръ, на Чертомлыцкомъ блюдѣ.

Здѣсь — широкое округленное лицо, безъ сильной скуластости; глаза прямые, не узкіе; носъ со впадиною въ переносьи, на концѣ замѣтно расширенный; ротъ и губы большія, — обѣ съ раздѣляющею впадинкою; подбородокъ широкій выдавшійся. Шея короткая и объемистая. Волосы не длинные, но густые, ниспадающіе въ безпорядкѣ на грудь. Въ общемъ, грубый мужской типъ лица, и въ рисункѣ

---

[1]) Этотъ миѳъ, какъ и многіе другіе, сложился уже послѣ сигнографическихъ символовъ, когда они уже снова были конкретированы.

[2]) См. II вып. «Русск. древн. въ пам. искуства», стран. 31—33, тамъ же и о натягиваніи лука.

[3]) Безъ молитвеннаго обособливанія листиковъ, образующихъ, вслѣдствіе этого, верхній благословляющій символъ (delta или добро-символъ).

отражается натура[1]). Эта типичность лѣпки лица, замѣтная тяжеловатость общаго исполненія и нѣкоторыя азіатскія черты драконовъ и особенно змѣевидныхъ грифоновъ[2]), склоняетъ къ предположенію, что это работа припонтійскихъ мѣстныхъ мастеровъ; модель такого рода вещей могла быть установлена греческими рисовальщиками, но въ нѣкоторыхъ деталяхъ трактовки высказались мѣстные мастера — ученики греческихъ художниковъ.

Одежда — короткая, безъ рукавовъ, — тюника, поясъ которой образуетъ границу религіозной символизаціи небеснымъ и земнымъ божествамъ. На груди расположены переднія части обоихъ меандровъ[3]), слѣва отъ смотрящаго (справа отъ фигуры) совастическаго (подъемъ правой руки) и справа отъ смотрящаго (на лѣвой груди фигуры) — передняя часть свастическаго элемента меандра. На спинѣ фигуры надо представить продолженія совастико-свастическихъ линій: и на спинѣ онѣ сойдутся (но не соприкасаясь) спиралями; образуя „ха“ или chi-symbolon: т.-е. на груди и на спинѣ будутъ дуги — графическіе знаки перестановки рукъ для правильнаго (по культу рукъ) выраженія поклоненія востоку и западу.

Руки опущены внизъ, съ отставленіемъ отъ туловища, онѣ крѣпко обхватили рога драконовъ, склонившихъ головы, съ открытыми ртами, внизъ: выраженіе права жертвоприношенія и власти надъ подземными жертвоприниматели; на змѣевидныхъ грифонахъ нѣтъ крыльевъ. Каждый уголъ расходящихся конкретированныхъ угловыхъ символовъ, немного спирализированныхъ на концахъ, снизу накрытъ благословляющими символами[4]); они означаютъ 3 рожденія (по миѳу — сыновей). Младшій означенъ растительною волютою (надземность означающею). Поэтому дальнѣйшее символизировано растительною пальметкою, выражающею въ основаніи поклоненіе своей прародительницѣ, дѣвушкѣ-змѣѣ (пара первыхъ листьевъ) к поклоненіе общей матери — землѣ и м. б. означеніе продолжительности жизни скиѳской прародительницы (не имѣвшей болѣе дѣтей): она скончалась при праправнукѣ. Генитальныя и жизненныя ея символы двухъ змѣй имѣли бы въ несомкнутой (при жизни) композиціи видъ символа Гермеса, въ нижнемъ поворотѣ, а въ замкнутомъ (посмертномъ амулетномъ) знакѣ конкретированныя змѣями обѣ линіи (свастическая и совастическая) образовали символъ „восьмерки“, внутри нижней части этого символа видимъ и символъ Гермеса конкретированный въ видѣ змѣй, переплетшихся шеями; ихъ полуоткрытые рты выражаютъ поклоненіе глубоко въ нѣдрахъ земли живущимъ божествамъ.

На головѣ прародительницы скиѳовъ не „калатосъ“, а его прототипъ — горшокъ съ огнемъ очага: дымъ котораго, поднимаясь въ видѣ свастико-совастическихъ основныхъ линій, образующихъ вмѣстѣ лировидное рукоположеніе (со спиралью наружу), знаменуетъ дарованныя ей права молитвы, т.-е. прва родоначальницы.

Молитвенное значеніе дыма отъ переносимаго родоначальницею скиѳовъ алтаря огня видно изъ *раздвоенія* верхнихъ концовъ символическихъ линій (ладонь и остав-

[1]) Сопост. съ другими скиѳскими лицами, на различныхъ произведеніяхъ.

[2]) Сопост. съ золотымъ ажурнымъ украшеніемъ конскаго убора Александропольскаго кургана. Ibidem, 98 (86).

[3]) Въ элементахъ только, т.-е. начало zede — и esse cymboles. Ср. F. R. L. 137. 39.

[4]) А — символы, 1-й символъ особенно отчетливо выраженъ.

ленный большой палецъ). Ср. съ фиг. 6, на рис. XVIII табл. VIII. А. А. Кузнецовой, „Жилища, одежда и пища минус. и ачинск. инородцевъ". Табл. узоровъ, прилож. къ стран. 176—177, 10 фиг. Различіе только въ меньшемъ подъемѣ рукъ и въ отсутствіи спирализаціи. Спирали внизу раздвоенія — подобныя глазамъ м. б. означаютъ и возношеніе свѣта очей къ ихъ источнику солнцу (по веддійскимъ гимнамъ).

На символъ послѣдняго возжиганія семейнаго огня наложено благословеніе не верховнымъ божествомъ, а подчиненнымъ ему — передавшимъ небу и послѣднія молитвы умершей, въ видѣ пальметки, листья которой не раздѣлены и образуютъ символъ благословенія верховнаго небеснаго божества.

Вогнутыя дуги пластины приходятся на линіи глазъ лошади.

Описанный орнаментъ этого конскаго налобника приводитъ къ заключенію, что родословное дерево, при матріархатѣ, изображалось внизъ, съ молитвенными символами землѣ. Родословная же въ мужскомъ колѣнѣ изображалась идущею вверхъ, подобно побѣгамъ многолѣтнихъ растеній. Знакъ молитвы предкамъ и молитвы ихъ, по этому культу, мы видимъ въ значкѣ Александропольскаго кургана, изображеннаго въ этой же книгѣ, на стран. 94 (рис. 79). Напомнимъ сказанное выше о священномъ деревѣ.

Предшествующее разсмотрѣніе облегчаетъ нѣсколько пониманіе орнамента окружающаго поясное изображеніе женщины, подъ ручками большого блюда, изъ Чертомлыцкаго кургана, прекрасно изображенное въ натуральную величину на стран. 111 (98), фигура молящейся женщины изображена на приложенной VIII табл. XIV рис. фиг. 11, но безъ орнамента; рукоположеніе „Ща" — символъ, см. стран. 427. 28.

Орнаментъ стилизированъ въ свастико-совастическомъ культѣ, характерные символы обоихъ культовъ симметрично расположенными съ обѣихъ сторонъ; спирализація обоихъ меандровъ очень умѣренная. Въ орнаментѣ господствуетъ послѣднее благословеніе небесныхъ и земныхъ божествъ. Генитальная жизнь и смерть составляютъ главную тему орнамента. Omega-symbolon, наложенный на genitalia, конкретированный въ сморщенный увядающій листъ, съ загнувшимися концами, т.-е. благословляя только, но не сигнализируя молитвы небесному божеству. Подъ этимъ символомъ омеги видимъ видоизмѣненное его повтореніе — второй побѣгъ изъ лировидно-изгибающихся листьевъ, раздвоенныхъ (отмѣчая перстосложеніе, по культу), но увядающе-спирализировавшихся на концахъ. Мультиплицированныя молитвы о плодородіи о потомствѣ начинаютъ принимать сомкнутое положеніе; отсутствіе знаковъ благословенія genitalia, которые мы видѣли на прародительницѣ скиѳовъ и хранительницѣ ихъ коней, указываетъ, что изображенная молодая женщина не имѣла дѣтей.

Но весьма интересная деталь орнамента — это двѣ розетки у кистей рукъ, по стебельки, на которыхъ онѣ держатся, соприкасаются съ локтями молящейся; подъ концентрическими кружечками, конкретированными въ цвѣтки, стебельки сдѣлали соотвѣтственные культу изгибы. Намъ кажется, что предъ нами графическій пережитокъ, значеніе котораго на Енисеѣ выражено достаточно ясно на изображеніяхъ, связанныхъ съ погребальнымъ культомъ. На Бирской стеллѣ и на многихъ могильныхъ камняхъ мы уже отмѣтили возношеніе „свѣта очей къ ихъ источнику

солнцу"[1]). Весь описанный орнаментъ обрамленъ выступившими краями пластинки: какъ религіозное начертаніе оно имѣетъ амулетное значеніе, всѣ молитвы навсегда погашены благословеніями[2]).

О блюдѣ должно отмѣтить, что оно носилось на головѣ, и несущая наполненное яствами блюдо могла символизировать молитву, подобно изображенію подъ ея руками. Юрки — ножки блюда приспособлены для ношенія на головѣ.

Рисунокъ и исполненіе несомнѣнно греческіе, гармонія, легкость и сосредоточенность на одной мысли — сочувствіи къ жертвѣ. По многимъ указаніямъ, нѣкоторыя цѣнныя вещи и украшенія заблаговременно заказывались для надлежащей обстановки царскаго погребальнаго обряда.

7. Графическій генезисъ начертаній славянскаго и русскаго алфавитовъ.

Въ этой предварительной замѣткѣ мы намѣрены выяснить, на сколько это возможно, основныя черты генезиса, не вдаваясь въ палеографическія подробности относительно ближайшаго заимствованія отъ греческаго алфавита IX—XI вѣковъ и нѣкоторыхъ несущественныхъ измѣненій въ начертаніи славянскихъ буквъ. Главная цѣль — выяснить общій графическій генезисъ, т.-е. опредѣлить связь съ языкомъ движеній и съ системою знаковъ и символовъ, которыми записывалась мимическая рѣчь. При этомъ неминуемо долженъ, до извѣстной степени, означиться языкъ культа славянъ, VIII — X вѣковъ, въ графическихъ пережиткахъ, вслѣдствіе необыкновенной живучести религіозныхъ начертаній, а, главное, можетъ выясниться, въ большей или меньшей степени, сущность и характерныя особенности культа.

Начертанія буквъ славянскихъ мы беремъ изъ палеографическаго атласа Саввы, епископа Можайскаго, руководствуясь таблицею: „Кирилловская азбука въ разныя эпохи"[3]). Относительно же русскаго алфавита и отчасти славянскаго, будемъ пользоваться гражданскою азбукою, съ исправленіями императора Петра I, и первымъ гражданскимъ шрифтомъ, отлитымъ въ Москвѣ въ 1708 году[4]). Рукописное начертаніе буквъ будемъ брать современное общепринятое. По графическимъ сравненіямъ предлагаемъ обращаться къ рисункамъ, помѣщеннымъ у Шницера, №№ 116, 117 и 155, по общимъ сравненіямъ генеалогіи семитическихъ и арійскихъ алфавитовъ рекомендуемъ Forrers Reallexikon, S. 710—716, Fig. 546, Tafeln 201, 202 и 203[5]).

---

[1]) См. табл. VIII, рис. XIV. 3, противу маленькой цифры 4. Тамъ же, фиг. 5b и внизу рисунка — № 12; еще фиг. 2 и внизу — № 16: концентрическіе кружечки, съ 4-мя благословляющими угловыми символами.

[2]) Мѣстное головное кокошнико-видное украшеніе, имѣющее благословляющее значеніе, поставлено на затылкѣ, что заставляетъ предполагать, что оно вырѣзано потомъ: воздѣяніе рукъ женщинъ у скиѳовъ, видимо, по культу не дозволялось. Въ углахъ отчетливо означены обѣ эсо-и зето-видныя линіи.

[3]) При ссылкѣ будемъ означать эту таблицу буквами К. а. С. (Кир. азбука Саввы), присоединяя, сперва, цифру горизонтальной строки, сверху считая, и затѣмъ, столѣтіе или годъ.

[4]) Я. Б. Шницеръ, «Иллюстр. всеобщая исторія письменъ», изд. А. Ф. Маркса, С.-Пб. 1903. Страницы 208—209 съ таблицею «Кир. азб. въ разн. эпохи» и стран. 237—243, гдѣ напечатано «Изображеніе древнихъ и новыхъ писменъ славенскихъ печатныхъ и рукописныхъ», съ исправленіями Петра I.

[5]) Ш. и F. будутъ означать этихъ авторовъ. Первая цифра: страница, № рис. или табл., а двѣ послѣдующія цифры — горизонтальная строка (счетъ сверху), и вертикальный столбецъ (счетъ слѣва).

Оріентировку буквъ, какъ знаковъ древняго культа, удержимъ ранѣе принятую, то-есть: впередъ (отъ смотрящаго) будетъ востокъ, назадъ — западъ, направо — югъ, налѣво — сѣверъ. Тѣмъ болѣе, что обозначеніе мѣстности, по странамъ свѣта, у русскихъ IX — X вв. было таково же, какъ и у турокъ VII — VIII вѣковъ на Орхонѣ, т.-е. впереди или „передъ тобою" означало востокъ[1]). См. „Русскія древности", вып. IV, стран. 11. При солнечныхъ знакахъ — соотвѣтственный поворотъ къ солнцу.

Какъ объяснено выше, большинство буквъ — поясные знаки человѣка[2]).

1. Азъ (Alpha) 1. Ꙗ — 2. ꙗ; 3. А — 4. а; 5. *А* — 6. *а*.

Графическій генезисъ 3-й и 5-й буквъ отъ углового символа выясненъ ранѣе на многихъ параллеляхъ[3]) и едва ли нуждается въ дополнительныхъ поясненіяхъ.

Славянскія буквы визант. типа — солнечные знаки, съ наложеніемъ лѣвой руки на бокъ (подбочениваніе), встрѣчаются только на нѣкоторыхъ знакахъ, какъ рѣдкое исключеніе; видно нагибаніе туловища влѣво. Это знакъ *заката*, — поклоненія лѣвой половинѣ („d") солнечнаго диска, послѣдующій знаку „Ф", полдня[4]), т.-е. выраженію полуденнаго поклоненія[5]), когда обѣ руки налагались на бока. Нагибаніе туловища выражало поклоненіе и востоку и, м. б., восточной половинѣ неба, гдѣ еще находилась эта половина солнечнаго диска.

Но древне-славянскія начертанія „ꙗ", въ большинствѣ случаевъ, изображаютъ тѣлодвиженіе, при которомъ рука поднята вверхъ, накрывающею голову, тогда это знакъ поклоненія *восходящему* лѣвому („q") полудиску солнца, съ наклоненіемъ головы къ поднятой рукѣ, по культу[6]), какъ это видимъ на начертаніяхъ 1-й строки этого § — 1 и 2 ꙗ[7]). Рука, видимо, не всегда налагалась на голову, а прикасалась къ ней ниже темени, см. К. а. С. см. годы: 1263, 1400, 1423 (пр. зн.) и 1623. Слѣдуетъ сопоставить съ „ꙗ" 993 г., въ надписи Самуила, болгарскаго царя. Ш. 217. 141.

4. а — весьма интересно по совастическому стилизаціонному изгибу туловища, шеи и головы; съ наложеніемъ на бедро лѣвой руки. Выпрямивъ верхнюю часть знака, получимъ букву „d" — знакъ заката, и поклоненія лѣвому закатывающемуся полудиску солнца[8]).

---

[1]) Напомнимъ надпись Настаса на стрѣлѣ, пущенной въ станъ Владимира, во время осады Херсонеса: «Кладязи, яже суть за тобою отъ въстока» и т. д. (Ш. 230). При уясненіи солнечныхъ знаковъ, слѣдуетъ настойчиво отрѣшаться отъ привычной для насъ оріентировки на сѣверъ и югъ.

[2]) Въ практикѣ культа, въ петроглифахъ и въ родовыхъ знакахъ, ноги имѣютъ значеніе, но въ письменныхъ знакахъ ноги не означаются, такъ что туловище въ буквахъ берется нѣсколько ниже пояса.

[3]) Гл. VI, §§ 4 и 5 и др., ср. табл. X. п. 1. 3.

[4]) «Поклоненіе бѣсу полуденному», какъ отмѣчено оно въ древне-русскихъ памятникахъ.

[5]) Напр. К. а. С. I. XI вѣкъ, наклонъ яснѣе въ 1096 г. — Сопост. греческіе унціалы и курсивъ V вѣка (Ш. 175. 117), а также все выше сказанное объ этомъ знакѣ, въ главахъ VI и VII.

[6]) Этотъ знакъ и поворотъ къ нему, см. Ш. 116 рис. 1. 3; 155. 1. 11 и 12 и у F. 203 Taf., 1, 5, 6, 7. См. пріемъ написанія этого начертанія въ 1599 и 1653 годахъ, см. К. а. С. 1; обращаемъ вниманіе на знакъ Гермеса (въ боковомъ положеніи) въ 1493 г. прав. знакъ. Сопост. съ греческими минускулами IX—XI вѣковъ, Ш. 175. 117. 1.

[7]) Сопост. съ нѣкоторыми солнечными знаками факсимиле изъ историческихъ писемъ папируса Приса и надписью на гробницѣ Эшмуназара. Рисунки: 44 (справа. 2-й столбецъ, оба знака) и 45 (слѣва 3 и 8 знаки).

[8]) Этотъ нижній полудискъ, закатывающійся ранѣе, означался, какъ объяснено выше, знакомъ «d». На востокѣ ему соотвѣтствуетъ знакъ — «р», но дѣло въ томъ, что здѣсь *показательная* линія заката и

Въ знакѣ 6. *а*, рукописномъ, разогнувъ черту съ отчеркомъ внизъ, мы увидимъ „показательную линію“ для востока (сопост. съ знакомъ „q“).

Чтобы сдѣлать яснѣе и другой сочетательный или лигатурный генезисъ, не по общему солнечному культу, а по спеціальному — свастико-совастическому культу, стоитъ только нѣсколько увеличить и отставить отчеркъ у рукописнаго „*а*“ и получимъ ясный показатель совастическаго культа (сопост. рукоположеніе на XII табл. л. 18. 18—18, лѣв. фиг.; прав. табл. 24. 7. Ср. Липпертъ, И. К. 211. 58.) въ горизонтальномъ положеніи.

Взглянувъ на поворотный (бустрофедонный, боковой) знакъ вышесказаннаго начертанія, увидимъ *совастическій* знакъ того же финикійскаго начертанія, означенный на томъ же рисункѣ (XII. л. 18. 19. пр. рукоположеніе).

Положивъ эти начертанія въ древнѣйшей оріентировкѣ на востокъ, мы увидимъ ясно и полудиски и свастико-совастически стилизированныя „показательныя линіи“ и поймемъ ясно и черточку перечеркивающую „*δ*“ и „*г*“. См. XIII табл. 30 и 31 строки енисейск. (2 и 3) и финикійскія буквы (3. Кипръ); ср. нѣкот. тамги Кавказа.

2. Буки, бо҃кы. 1. Б — 2. ь; 3. б; 4. Б — 5. б; 6. *Б* — 7. *δ*.

Знаки 1—6 — солнечные, сигнализирующіе начало заката верхняго (востокъ освѣщающаго полудиска[1]). Способъ начертанія арійскій, но рукописное начертаніе — возможно сближать съ египетскимъ сочетательнымъ знакомъ, при соотвѣтственной постановкѣ[2]). Отмѣтимъ изгибы туловища, шеи и головы вправо, они показываютъ поклоненіе и востоку — правому культу; представивъ линію выпрямленной, мы увидимъ, что правая[3]) рука касается бедеръ. Означивъ изобразительныя тѣлодвиженія отмѣтимъ графическія особенности буквы.

Изгибъ черты вверху на всѣхъ символахъ можетъ означать „гамму“, т.-е. отставленіе большого пальца и поворотъ ладони опущенной правой руки къ солнцу. Дабавимъ, что поклоненіе нижнему закатывающемуся потомъ полудиску (западному) означается поворотнымъ къ „b“ религіознымъ символомъ, который сохранился въ рукописномъ (см. школьныя прописи) „*д*“, строчномъ и даже заглавномъ (при завиткѣ или спирали, слѣва вверху).

7. *δ* можетъ быть сочтенъ такимъ поворотнымъ знакомъ: въ основѣ его начертанія свастическая („*S*“) линія; опущенная правая рука подогнута; это знакъ 3-й

востока отброшена и взамѣнъ ея поставлена *совастика*—религіозный знакъ поднятія правой руки и опусканія лѣвой; устойчивый графическій пережитокъ, выясняющійся рукописнымъ знакомъ, 6. *а*.

[1]) При восходѣ солнца этотъ полудискъ считался тогда нижнимъ, его знакъ совпадаетъ съ буквою «q» латинскою, рукописнымъ нижнимъ русскимъ «*де*», т.-е. «*Д*» и цифрою девять, арабскою. На югѣ будетъ лежащій знакъ, (оріентировка: востокъ впереди) съ полудискомъ посрединѣ, а на западѣ — полудискъ опустится внизъ по показательной чертѣ; полночное положеніе полудиска, м. б., означалось также полудискомъ, но, вѣроятно, концы показательной линіи не выходили изъ окружности.

[2]) См. стран. 372 (гл. VII, § 18. Тамги М. Кабарды) и описаніе табл. XII, § 14. Еще см. факсимиле папируса Приса у Э. Клодда, «Эв. письм.», стран. 50, правый средній знакъ,на лѣво два знака — прототипы славянскаго «*а*». Сопост. и «Объясненіе таблицъ», XII т. 14. 3. в. л. и во 2-мъ «Добавленіи».

[3]) Напомнимъ — поклоняющійся солнцу обращается *всегда* лицомъ къ этому свѣтилу, — теперь впереди западъ. Но чертежъ поворачивать не надо, соотношенія между полудисками ясно видно.

фазы совастическаго изгибанія[1]) (сопост. фиг. правую на табл. XII. л. 18. 18—19).

Зодіакальный знакъ „рака“ состоитъ изъ двухъ солнечныхъ знаковъ, вошедшихъ въ славянскій алфавитъ буквами „*а*“ и „*б*“. Оріентировавъ ихъ отъ запада къ востоку, увидимъ: „b“ и „q“ или 69. Сперва изображенъ западный правый полудискъ и соотвѣтствующій ему на востокѣ лѣвый полудискъ.

Поворотными парными знаками зодіакальному знаку „рака“ являются солнечные символы: „*р*“ и „*д*“. Для графической характеристики солнечнаго знака „*б*“, съ полудискомъ вмѣсто диска, укажемъ на строчное „е“: верхнимъ (не бустрофедоннымъ) поворотнымъ знакомъ будетъ „*б*“ или рукописное „ь“ (ерь), а боковымъ — будетъ „9“.

3. Вѣди (Beta). 1. Б — 2. в; 3. В — 4. в; 5. *В* — 6. *в*.

Символъ двухъ разновременныхъ изобразительныхъ тѣлодвиженій (поднятія и опусканія правой руки). Этотъ сложный символъ мы разсматриваемъ, какъ составленный изъ сочетанія символовъ, мимически раздѣльно изображавшимися. Такимъ образомъ, буква „В“ есть означеніе утренняго (до полуденнаго) и вечерняго (до заката) поклоненія солнцу (восточному его полудиску), по обыкновенному культу, т.-е. наложеніемъ правой руки на голову и на бедро.

Религіозный или бустрофедонный поворотъ къ этому знаку есть въ древне-греческомъ алфавитѣ[2]), онъ даетъ основаніе и эту букву, по генезису, относить къ группѣ солнечныхъ знаковъ.

4. Глаголь (gamma). 1. Г — 2. г; 3. *S*[3]); 4. Г — 5. г; 6. *Г* — 7. *г*. 8 *г*.

1, 2, 4 и 5 — показатели опусканія рукъ, съ отставленіемъ большихъ пальцевъ: правой — ладонью впередъ, и лѣвой — ладонью назадъ. Цифра „7“ — поворотъ къ буквенному начертанію; ладонь лѣвой руки впередъ или правой — назадъ. Славянское начертаніе и оба рукописныя — даютъ основаніе къ двойственному толкованію основной формы этой буквы. 3-я свастическій, а 7 и 8 буквы — совастическіе знаки, а 6. Г въ рукописи (см. учебн. прописи) состоитъ изъ отвѣсно поставленной свастической линіи и наверху изъ горизонтально расположенной — совастической.

Отсутствіе прямолинейной дигаммы и наличность древне-греческаго „vau“ въ буквѣ червь (вильчатый символъ), при наличности зѣло (digamma), составленнаго изъ дугъ, характерное начертаніе „глаголя“ курсивнаго и два раза повторяющійся

---

[1]) См. въ этнографическомъ отношеніи весьма важныя начертанія въ К. а. С. 1. 1599 г., пр. зн. и особенно 1653 г., также пр. зн. Ш. 208—209.

[2]) См. F. 203. 2. 5 и 8 и Ш. 116. 2. 2. и 3. Генезисъ, и отъ языка движеній и отъ письма алфавитнаго періода, ясенъ: два круга — одинъ надъ другимъ — изображали восходящее и нисходящее солнце, послѣ восхода и до заката солнца, раздѣленіе по отвѣсу даетъ, съ одной стороны, полудиски солнца, а съ другой — соотвѣтственныя рукоположенія, которыми этимъ полудискамъ выражается поклоненіе; мысленный сочетательный символизмъ. Добавимъ, что въ этомъ и въ другихъ подобныхъ символахъ сигнализируется не молитва, а именно поклоненіе. При одновременномъ опусканіи одной и подниманіи другой получимъ символы: «S» и поворотъ къ нему, т.-е. zede въ округленномъ очертаніи или «*г*» русское.

[3]) К. а. С. з. 1697 года.

звукъ „г“ въ названіи этой буквы, склоняютъ къ предположенію, что именно совастическое округленное курсивное начертаніе было древне-славянскою буквою и только въ XI вѣкѣ византинизмъ графически отразился во введеніи греческой прямолинейной гаммы. Вытѣсненное изъ „глаголя“ начертаніе вторглось въ „зѣло“ и чередовалось въ знакахъ этой буквы, какъ начертаніе, этнографически связанное съ начертаніемъ „зѣло“.

5. Добро (Delta). 1. Д — 2. д; 3. Д — 4. д; 5. Д — 6. д; 7. *Д* — 8. *д*.

Знаки 1—4 могутъ происходить отъ углового символа, обращеннаго къ землѣ, съ наложеніемъ линій благословенія земли; древне-финикійскій — происходитъ отъ наложенія лѣвой руки на голову[1]). Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ нижнія черточки — позднѣйшія прибавки. Рукописныя латинскія начертанія происходятъ отъ солнечныхъ знаковъ. Цифры „6“ и „9“ — бустрофедонный и верхній повороты къ *д*.

Добро (delta) и опта (theta) — солнечные знаки, это ясно видно при переходѣ древнѣйшаго начертанія delta (треугольникъ, обращенный внизъ наибольшею стороною) въ округленное римское. „Theta“ въ древнемъ начертаніи, кругъ—съ лежачимъ крестомъ, а въ арійскихъ—и съ прямымъ: первое — можетъ быть символомъ поклоненія странамъ свѣта, второе — возможно разсматривать, какъ знакъ раздѣленія дня. Относительно „д“ достойна вниманія округленность очертанія верхняго угла треугольника и удлиненность свѣсовъ горизонтальной линіи[2]), что можетъ быть дублированнымъ символомъ поклоненія нижнему *восходящему* полудиску солнца.

Рукописное русское „*д*“ (см. 8. *д*) и латинское „d“ приводятъ къ сопоставленію съ *основнымъ* солнечнымъ знакомъ созвѣздія „льва“, если къ знаку заката (западнаго или лѣваго) полудиска, справа и сверху, прибавленъ совастическій знакъ[3]). Этотъ зодіакальный знакъ, въ курсивѣ и въ минускулахъ VII вѣка, въ „дельтѣ“ встрѣчается въ сходномъ начертаніи: въ византійско-славянскій алфавитъ (такъ правильнѣе называть алфавитъ, *составленный* Константиномъ философомъ) онъ взятъ для буквы „добро“, но со смыканіемъ праваго изгиба. Верхній поворотный знакъ отъ „льва“ (безъ прибавленія свастическаго знака будетъ „q“), въ византійско-славянскій взятъ (также съ смыканіемъ конечной дуги свастическаго знака) для буквы „вѣди“. Но интереснѣе всего боковой поворотный знакъ отъ предшествующаго начертанія, отъ „q“, къ основному знаку „p“, т.-е. къ зодіакальному знаку созвѣздія „дѣва“, которое уже въ позднѣйшее время означалось въ обычномъ прямолинейномъ очертаніи. Интересно, что присущее съ глубочайшей древности (задолго до Гиппарха, II вѣкъ до Р. Х.) этому знаку названіе „дѣвы“ было замѣнено наименованіемъ „дѣрвь“ (Djrv). Конечно, должно думать, что только благочестіе побуждало къ этой замѣнѣ (fraus pia). Въ алфавитѣ, не вполнѣ уничтоженномъ византинизмомъ и удержавшемъ

---

[1]) Sidon, Sendsch, Teima и др. Ср. табл. XI. 15. 12 и 23. 12. л. н. зн.; табл. XII. л. 3. 4. п. н. и 3. 5 п. н. — Символы — прототипы видимъ въ эгейскихъ знакахъ, II табл. Эванса, 20-й рядъ.

[2]) См. надпись царя болгарскаго Самуила. «Илл. всеобщ. ист. письм.» Шницеръ, стран. 217. 141 и 219. 142.

[3]) Прибавленіе къ основнымъ знакамъ свастическихъ и совастическихъ знаковъ характеризируетъ тáмги Кавказа (гл. VII, § 19).

свои древнѣйшіе обще-славянскіе *народные* знаки, въ буквѣ „червь“ видимъ, что дуга вильчатаго знака (вначалѣ поднятіе обѣихъ рукъ и потомъ уже — одной лѣвой руки), а также и дуга въ боковомъ положеніи (направо вогнутостью обращенная), которая употреблялась въ XI—XII вѣкахъ — знаки тѣлодвиженій, выражающихъ поклоненіе вначалѣ солнцу, а потомъ восходящему полудиску, „ϥ“. Мы увѣрены, что знакъ съ названіемъ „дѣва“ былъ въ древне-славянскомъ алфавитѣ, и немаловажнымъ обстоятельствомъ мы считаемъ то, что всѣ 4 буквы слова „дѣва“— солнечные знаки: добро, ять, вѣди, азъ.

6. Есть (Epsilon). 1. Є — 2. є; 3. Е — 4. е; 5. *Е* — 6. *е*.

1, 2, 3 и 5 Символы округленнаго и прямолинейнаго начертанія обращены на югъ[1]). 4. 6. е. Поклоненіе верхнему (западному) полудиску *восходящаго* солнца. На предположенный выше графическій генезисъ „Є“ и „Э“ оборотнаго (отъ начертанія дугообразно загнутыхъ рукъ, выражающихъ поклоненіе восходу и закату солнца) возможно возраженіе съ точки зрѣнія позднѣйшаго солнечнаго культа (съ полудисками), но оно отпадаетъ въ виду того, что эти символы относятся къ переходной эпохѣ, Asylien (Tourassien) und Arisien[2]). Генезисъ этихъ знаковъ допустимъ и изъ образованія дугъ изъ двухъ дуговидныхъ гаммъ, одна означаетъ полудискъ солнца, а другая выражаетъ графически поклоненіе ему. Въ рукописныхъ (см. прописи) *Є* и *Э* видны подтвержденіе этого варіанта. И Epsilon есть основаніе разсматривать, какъ прямую Digamm'у, т.-е. съ обращеніемъ дугъ въ одну сторону.

7. Живѣте. **1. Ж. — 2. ж;** 3. Ж — 4. ж; 5. *Ж* — 6. *ж*.

Характерная славянская буква. Элементы ея начертанія указаны[3]) и разъяснены выше. Въ рукописныхъ „*Ж*“, большомъ и маломъ, генезисъ символа всего яснѣе. 3, 4 и 5 начертанія, сразу покажутся, подобными прочимъ, но въ нихъ возможно видѣть графическую постановку двухъ рукоположеній обѣихъ рукъ, типа, означеннаго на XII табл. пр. 14 и 15. 3, одно на другое, въ вертикальномъ направленіи, на что есть указаніе въ кипрскихъ, ликійскихъ и критскихъ начертаніяхъ[4]).

Букву „Ж“ (4. ж.) въ видахъ выясненія ея графическаго генезиса, слѣдуетъ сопоставить съ начертаніями хѣръ (chi), 23. I. X., и како (Kappa), въ ея начертаніяхъ, съ XI по XVII вѣкъ, когда оба элемента ея начертанія означались раздѣльно.

Въ I. х. видимъ перекрещиваніе локтей, съ отставленіемъ большого пальца и съ поворотомъ ладоней впередъ[5]). Въ „Ж“, кромѣ перекрещивающихся локтей означается и туловище.

---

[1]) См. табл. XII. п. 14. 3. — Табл. XII. п. 12. 3.

[2]) Der diluv. Mensch, M. Hoernes. B. 1903. S. 79.—S. Muller, Urgesch. Europas, S. 1905. S. 15.

[3]) См. табл. XIII. 28. 4 ст. Ликія и 6-й, см. Кипръ.

[4]) См. Perrot-Chipiez, Hist. de l'art. V. 350 (v et o). Э. Клодъ. Ист. алф. С.-Пб. 1908. Стран. 61. II. 11.

[5]) Это сохранилось въ тамгахъ лопарей, см. приложенную табл. IV. XXI. II и др.

Въ древнѣйшихъ начертаніяхъ „Ж“ XI и XII вѣка въ К. а. С. и даже въ изображеніи славянскихъ буквъ, поданномъ императору Петру I, видно, что начертанія выгнутыхъ локтей прикасались къ линіи туловища, безъ перекрещиванія. Въ „К“ мы видимъ, что отставлявшійся уголъ или дуга сблизились впослѣдствіи.

Въ срединѣ XVI вѣка, до начала XVII, встрѣчаются начертанія „Ж“, подобныя „двуглавымъ топорамъ“ и „восьмеркѣ“, которые подкрѣпляютъ этимъ наше предположеніе о ихъ свастико-совастическомъ генезисѣ. Символъ встрѣчается въ пережиткахъ (нашивки на шубахъ) у нынѣшнихъ инородцевъ (см. гл. VIII. § 5).

8. Зѣло (Digamma). 1. Ꙁ. 2. ꙁ 1653 года. см. Ш. 149 (стран. 239). К. а. С. Ш. 209. 8. 1653 годъ, прав. знакъ; сопост. сингалезскій знакъ Ш. 16. гортанное „g“.

Славянская буква „зѣло“, состоящая изъ свастическаго и совастическаго[1]) знаковъ, весьма вѣское указаніе на знакомство славянъ съ свастическимъ и совастическимъ культомъ и со всѣми главнѣйшими символами, къ этому культу относящимися.

9. Земля (Zeta). 1. З — 2. з; 3. З — 4. з; 5. *З* — 6. *з*.

Знакъ — „zede-symbole“ или двусторонній совастическій знакъ. Теперешнее начертаніе буквы „З“ можно считать установившимся только къ концу XVI вѣка, до этого преобладала форма „zede“, съ росчеркомъ. Современная форма происходитъ отъ beta-symbole, съ отстраненіемъ линіи туловища: правая рука въ дополуденномъ и послѣ-полуденномъ поклоненіи солнцу, чествующая восточный полудискъ солнца.

10. Иже (Eta). 1. И — 2. и; 3. И — 4. и; 5. *И* — 6. *и*.

Мы склонны древнѣйшее начертаніе этой буквы относить къ чертѣ, какъ знаку человѣка, съ благословеніемъ сверху и снизу[2]); въ XV вѣкѣ, вмѣсто этого начертанія сталъ двусторонній религіозный символъ или свастическій знакъ (см. XII табл. пр. с. 23. 5): „S“, въ прямолинейномъ начертаніи, какъ повернутое — zeta.

11. I (Iota). 1. І — 2. ї; 3. І — 4. і; 5. *І* — 6. *і*.

Знакъ немолящагося человѣка. Разъясненія сдѣланы выше, стран. 319. Этотъ символъ наблюдается у большинства народовъ, особенно въ вполнѣ законченныхъ арійскихъ алфавитахъ съ однимъ значеніемъ (F. 715. 203). 6. *і* — совастическій знакъ съ точкою; у Ш., стран. 240. 150. 4., 1-й и 4 знаки, съ утолщеніями, въ срединѣ — пережитки 3 фазы свастико-совастическаго знака (К. а. С. 10. 1652).

12. Како (Kappa). 1. К — 2. к; 3. К — 4. к; 5. К — 6. к; 7. *К* — 8. *к*.

Первые два знака должно отнести къ сочетательнымъ: къ знаку человѣка или къ линіи туловища справа поставлена лѣвая рука въ соотвѣтственномъ прямоугольномъ изгибѣ[3]), для выраженія поклоненія западному полудиску солнца. Соединивъ „К“

---

[1]) О вытѣсненіи «глаголя» совастическаго начертанія, греческою прямолинейною гаммою см. выше.

[2]) И съ боковъ: съ В. и З. См. древне-еврейское «zain», Ш. 88 стран. 59, и F. R. L. 714. 202.

[3]) Сопост. кипрскій слоговой знакъ «je». A. Gesnola. Salaminia, p. 18, пр. крайній знакъ.

съ его бустрофедоннымъ знакомъ, получимъ символъ I. Ж. Эти буквы *характерны для славянскаго алфавита:* оба символа, входящіе въ начертаніе этихъ буквъ, изображались *раздѣльно*, т.-е. такъ, какъ „карра“ писалась въ греческихъ унціалахъ только въ V вѣкѣ. Знаки XVIII вѣка выражаютъ молитву, обращаемую, вѣроятно, къ солнцу днемъ и вечеромъ.

13. Люди (Lamsda). 1. Λ — 2. ʌ; 3. Л — 4. л; 5. *Л* — 6. *л*.

Поклоненіе землѣ, выраженное лѣвою рукою. Кружечекъ въ начертаніи 3, 5 и 6 буквъ (и рукописныхъ) позволяетъ сопоставлять этотъ знакъ съ зодіакальнымъ — „льва“. Вліяніе византійскихъ начертаній — минускулъ XII вѣка замѣчается только въ XVI и XVII вѣкахъ. (Сопост. XII табл. л. 3. 4 и 5 и Forrer. 715. 203. 1. 17. 5 пр.)

14. Мыслѣте (Mü). 1. M — 2. ʍ; 3. M — 4. м; 5. *M* — 6. *м*.

См. рукоположеніе на XII табл. 18. 4; сопост. XIII табл. 11 строку сверху. Генезисъ возможенъ отъ кипрскаго символа. XI табл. 11: 6, т.-е. изъ воздѣтыхъ рукъ и углового символа (ср. символъ тукюэскаго алфавита, тамъ же, на XI табл. 2. 12).

15. Нашъ (Nü). 1. N — 2. ɴ; 3. N — 4. ɴ; 5. H — 6. н; 7. *H* — 8. *н*.

Z-symbole; — въ боковомъ положеніи; въ рукописномъ — выгибы переставленныхъ рукъ, сопост. X табл. пр. 2 и 3, съ постановкою черточки или точки, знака головы, среди рукъ.

16. Онъ (Omicron). 1. O — 2. ω; 3. Ꝏ — 4. ȣ; 5. O — 6. о; 7. *O* — 8. *о*.

Мимически выраженный знакъ солнца (кругъ) — знакъ одного изъ рукоположеній, выражающихъ поклоненіе ему. Характеренъ знакъ 2. ω: въ немъ можно заподазривать символъ Гермеса, съ загнутыми вверхъ концами узла.

3-й и 4-й знаки „онъ“, съ ясно выраженными точками (круглыми утолщеніями), вверху и внизу. Такое „онъ“ и теперь еще встрѣчается часто. Увидимъ его и въ гражданской азбукѣ, съ исправленіями императора Петра I. Знакъ этотъ, надъ верхнимъ чернымъ кружечкомъ, имѣетъ указательную черточку и дугообразный знакъ благословенія — титлованіе, сравнительно рѣдко встрѣчающееся. Лѣвая дуга замѣтно толще правой. Параллелизируемъ этотъ древнѣйшій символъ съ знакомъ зодіакальнаго созвѣздія „рака“, состоящимъ изъ шрифтографовъ: „bq“ или цифръ „69“. Конечно, всѣ эти символическія астрономическія начертанія, при восточно-западной оріентировкѣ, будутъ расположены горизонтально. Взявъ бустрофедонный поворотъ (зеркальцемъ), получимъ символъ, состоящій изъ шрифтографовъ: „pd“ или ꝑꝺ. Такъ какъ показатели полудисковъ, относительно востока и запада, изогнуты въ разныя стороны большими дугами, выражающими *поклоненіе* кружечкамъ — полуокружностямъ солнца, то уже нетрудно догадаться, что изъ соединенія полудисковъ попарно, или, при округленномъ начертаніи цифровыхъ знаковъ, по соотвѣтственномъ наложеніи кружечковъ, изъ 4-хъ солнечныхъ знаковъ получимъ два узловыхъ символа Гермеса, для востока и для запада. При этомъ, позволительно предполагать, что графическія слагаемыя

образовались ранѣе графической суммы или, такъ называемой, лигатуры. Во II вѣкѣ до Р. Х., еще во время Гиппарта, зодіакальные знаки относились къ глубокой древности.

Точки или черные кружечки, заподозрѣнные нами, какъ пережитки чего-то *не стилизаціоннаго*, на что указывало и утолщеніе лѣвой дуги, сдѣланное, вѣроятно, уже при оріентировкѣ на сѣверъ. Но кружечки должны быть внѣ окружности или соприкасаться съ нею *снаружи*, тогда, на правой сторонѣ, будутъ знаки: p + b = символу „beta," а на лѣвой сторонѣ: q + d = бустрофедонному символу къ „beta"; b + q = S, взявъ показательныя линіи, а p + d = ƨ; S + ƨ = 8.

Этотъ весьма важный въ религіозномъ[1]) и въ научномъ[2]) отношеніи символъ въ византійско-славянскомъ алфавитѣ перенесенъ на „отъ"[3]) и превращенъ въ криптографъ постановкою кружечковъ внутрь окружности, но сохраненіе графическаго пережитка повредило тайнѣ (disciplina arcani): и въ этомъ положеніи кружечковъ мы видимъ подтвержденіе нашего предположенія относительно генезиса славянской буквы, вѣроятнѣе, и силлабарія „Онъ", подобнаго „отъ". Сочетаніе, символовъ Гермеса востоко-западное или, въ нашей современной оріентировкѣ, полуденно-полуночное, но, едвали, символъ „онъ" имѣлъ именно это значеніе. Какъ, косвенное подкрѣпленіе мы приведемъ сложный символъ, происходящій отъ смыканія четырехъ символовъ Гермеса, образующихъ чаще ромбъ или четыреугольникъ, съ кружечками по угламъ[4]), расчлененіе такого символа на полудиски, дугою соединенные (omega или вѣди — символы), знаки 4 частей сутокъ, видны у F. R. L. 137. 39 и на кружкѣ съ ушкомъ[5]), изъ Костромскихъ кургановъ.

Мы обладаемъ, въ данное время, настолько скудными библіографическими матеріалами, что поиски описаннаго символа „Отъ", въ предполагаемой реставраціи, были напрасны, но мы увѣрены, что заинтересовавшіеся этимъ криптографомъ, находящіеся вблизи центральныхъ книгохранилищъ, найдутъ этотъ астрономическій и религіозный символъ, древность котораго можетъ восходить и къ до-алфавитной письменности, т.-е. къ свѣтовой системѣ изображенія тѣлодвиженіями и солнечныхъ знаковъ и выраженія имъ соотвѣтственнаго поклоненія.

Излишне добавлять, что „Онъ", въ виду сохранности на немъ этнографическихъ пережитковъ, не нуждается въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ. Только спеціалисты палеографы могутъ указать мѣсто и время появленія этого символа.

Одна буква „онъ", въ описанномъ начертаніи, уже свидѣтельствуетъ о такой относительной древности славянскаго алфавита, особенно въ соединеніи съ сохранившимися неотрывочными, а связными названіями сосѣднихъ буквъ („нашъ-онъ-

---

[1]) Основной кругъ въ символѣ «онъ», вѣроятнѣе, не солнце, а, скорѣе, орбита его, или «небо», какъ верховное божество, означенное своего рода графическою категоріею пространства и времени, ограниченное небосводомъ или твердью.

[2]) Какъ ключъ къ выясненію астрономическихъ воззрѣній того времени, а главное — къ дешифрированію символовъ вращенія солнечнаго диска и религіозныхъ соотношеній солнечныхъ полудисковъ или дугъ, ихъ означающихъ, а также и бустрофедонныхъ дугъ, выражающихъ или молитву или благословеніе.

[3]) Въ «онъ» поставленъ восходъ полудиска q и закатъ полудиска d, соединивъ знаки.

[4]) Изъ «Путеш. по Монголіи», А. В. Потаниной (стран. 142). — Con. Perrot-Chipiez, V. 87. 49.

[5]) Изъ находокъ Ф. Д. Нефедова. Мат. по археол. Вост. губ. т. III, табл. 6. 27. Сопост. съ бляхою Пьяноборскаго могильника, табл. 11. 5, кругъ съ символами однихъ восточныхъ полудисковъ.

покой"), что о заимствованіи его отъ византійцевъ (этнически давно уже *не грековъ)* не можетъ быть и рѣчи; ихъ духъ и ихъ характерные слѣды замѣтны лишь въ концѣ исторіи этого алфавита. Константинъ философъ и инокъ Храбръ, понимали генезисъ греческаго и славянскаго алфавитовъ. Высказаться прямо и вполнѣ опредѣленно они не могли,— disciplina arcani и тутъ примѣнялась: раскрытіе языческихъ графическихъ символовъ, будучи своего рода проповѣдью, могло бы повредить ихъ миссіонерской дѣятельности.

17. Покой (Pi). 1. П — 2. п; 3. П — 4. п; 5. *П* — 6. *п.*

Генезисъ по языку движенія, см. на табл. XII. п. 13.7 и сопост. строку 15-ю табл. XIII.

18. Рцы (Rho). 1. Р — 2. ρ; 3. Р — 4. ρ; 5. Р — 6. р; 7. *Р* — 8. *р.*

Начертаніе относится къ знакамъ восходящаго солнца; въ наклонномъ положеніи, вѣроятно, и знакъ дневного поклоненія, между восходомъ солнца и полуднемъ.

19. Слово (Sigma). 1. Є — 2. с.

Дуга, означающая послѣполуденное поклоненіе лѣвою рукою лѣвой восточной половинѣ солнечнаго диска. Символы - шрифтографы: Є — и Э — Є графическія производныя соотвѣтственныхъ дугъ. Дуги встрѣчаются обѣ во многихъ алфавитахъ.

20. Твердо (Tau). 1. Т — 2. т. 3. Т — 4. т.

О значеніи этого символа, какъ благословенія свыше и какъ поклоненія землѣ, было говорено выше — (стран. 327), но мы видимъ въ нѣкоторыхъ графическихъ показаніяхъ славянскаго алфавита, съ энхоріальными (греч. enhorios — изъ страны) знаками, отражающими до-христіанскій культъ, указаніе на древнѣйшее рукоположеніе, состоявшее изъ горизонтальнаго распростиранія и рукъ и кистей, безъ сгибанія внизъ или наклоненія къ землѣ, сначала кистей, а потомъ и локтей. Укажемъ на нижнюю показательную линію на знакѣ „добро", оно почти сразу (см. надпись болгарскаго царя Самуила, 993 г.) получило славянскую графическую особенность: округленность верхней части и изгибаніе концовъ нижней линіи. Символъ „добро" въ округленномъ начертаніи мы понимаемъ, въ верхней части, какъ *знакъ* восхода солнца, точнѣе — его западнаго полудиска; суть графическаго символа (удлиненія свѣсовъ линіи „ѳиты" древняго начертанія) въ выраженіи *поклоненія* нижнему восточному полудиску солнца. Символъ „theta" въ греческихъ унціалахъ IX вѣка) былъ для большинства грековъ не понятенъ, у славянъ же внутренній древній смыслъ знака, видимо, еще жилъ: дуга и уголъ, какъ знаки восшедшаго солнца усиливали это поклоненіе нижнему полудиску. Въ XV вѣкѣ появляется уже начертаніе типа строки 13-й, 3-й зн., прав. XII табл. и краткій (переносный) знакъ „т", означаемый поворотомъ къ „гаммѣ" или „глаголю",— поклоненіе, по культу, лѣвою выпрямленною рукою, обращенною, при восхожденіи солнца, къ нижнему полудиску. Надо обратить вниманіе и на начертаніе слоговой славянской буквы „отъ", гдѣ верхній знакъ, означая звукъ „т" имѣлъ уже на краяхъ небольшіе изгибы внизъ, какъ бы

начало усиленія сигнализаціи опусканіемъ кистей. Символы же „ш“ и „щ“ своимъ существованіемъ въ качествѣ верхнихъ знаковъ свидѣтельствуютъ о тѣхъ же древнихъ символахъ въ нижнемъ поворотѣ.

21. Укъ и Икъ. 1. Ꙋ — 2. Ꙋ; 3. ꙋ (укъ) — 4. Ꙋ; 5. ꙋ (икъ); 6. У — 7. у.

Символъ Гермеса мы понимаемъ, какъ древній знакъ поклоненія закатывающемуся солнцу, съ перекрещиваніемъ рукъ надъ головой. Знакъ 3-й, „укъ“ не зачеркнутъ Петромъ I, по всей вѣроятности, только потому что, это зодіакальный знакъ созвѣздія „Тельца“. Другой знакъ (4—7 „у“) — поднятіе локтя съ отклоненіемъ отъ туловища и съ отставленіемъ большого пальца. (Сопост. XII табл. Л. 3. 4 и 5. пр. верх. и 13. 6. верх.). См. 1-е начертаніе „икъ“ въ гражданской азбукѣ Петра I, Шниц. 241. 151. 3. 1.

22. Фертъ (Phi). 1. Ф — 2. ф. 3. Ф — 4. ф. 5. *Ф* — 6. *ф*.

Полуденный знакъ, нѣсколько видоизмѣненный, но рукоположеніе выражено ясно. Интересный пережитокъ, 6. *ф* = q + b; поворотъ = d + p. См. 3-е доб. къ „Объясн. табл.“ стран. 528.

23. Хѣръ (Chi). 1. Ϫ — 2. ϫ. 3. Х. — 4. х.

Косой крестъ, въ древнѣйшемъ начертаніи „хѣръ“, ясно указываетъ на перекрещиваніе рукъ, но возможно (по енисейск. алфавиту, см. приложенную XIII табл., 29 строку) и по греческимъ унціаламъ IX вѣка (Ш. 173.116) допускать и графическую перестановку рукъ, т.-е. связывать этотъ символъ съ культомъ солнца. Какъ и начертаніе „живѣте“ (Ш. 239. 149).

24. Отъ (Omega). 1. Ѿ — 2. ѿ; 3. ꙍ — 4. ѿ; 5. ѿ — 6. ѿ, 7. ѿ — 8. ѿ.

Объясненія высказаны ранѣе. Здѣсь, въ этомъ сложномъ символѣ, отмѣтимъ, что, на буквахъ 1-й, 2-й и 4-й изъ двухъ символовъ, генетически тождественныхъ и различныхъ только графически, благословляющимъ является знакъ въ болѣе древнемъ прямоугольномъ начертаніи: фактъ въ этнографическомъ и графическомъ отношеніи весьма важный. У славянъ символъ воздѣянія рукъ въ прямолинейномъ начертаніи, типа, изобр. на XII табл. п. 12. 3 и 13. 3, заимствованный съ культомъ отъ скиѳовъ или вѣроятнѣе отъ сарматъ, сохранился въ этомъ начертаніи, потому что вошелъ въ алфавитъ и былъ въ основѣ княжескаго родового знака (древне-финикійское начертаніе символа „schin“).

Позднѣйшій символъ, въ тѣлодвиженіи и въ начертаніи, вошелъ, видимо, въ практику культа по присоединеніи къ нему сверху благословляющаго символа, который и данъ древнимъ рукоположеніемъ (прямоугольнымъ) и даже древнѣйшимъ, въ видѣ египетскаго креста (см. К. а. С. 23. 1096 и 1398).

Въ славянскихъ знакахъ „отъ“ не замѣчается сліянія или смыканія молитвеннаго символа съ благословляющимъ, но въ греческихъ минускулахъ IX вѣка (Ш. 175, рис. 177) мы склонны видѣть такое соприкосновеніе двухъ знаковъ (символъ амулетнаго значенія) въ лежачей восьмеркѣ. Въ надписи царя Самуила (Ш. 217. 141.

1-я строка) этотъ знакъ въ типичномъ начертаніи основного начальнаго рукоположенія (по типу, XII табл. п. 19 и 20 строки, первые знаки). Сочетаніе такихъ символовъ, верхняго и нижняго, можетъ образовать лежащую восьмерку. Начертаніе основы символа, древнѣйшее, всего ближе къ „omega“ въ греческихъ унціалахъ VII вѣка: въ немъ средняя черта означаетъ шею и голову, въ IX допустимъ double-we-symbole, т.-е. однѣ руки, даже допустимо соприкосновеніе ладоней внутри[1]).

5. Ѡ, съ дуговымъ символомъ благословенія надъ кистями рукъ. См. К. а. С. 1599 и 1623 благословляющій угловой символъ.

Интересно начертаніе разсматриваемой буквы въ изображеніи славянскихъ буквъ, поданное императору Петру I (Ш. 241. 151. 3-я стр. гражданской азбуки), которое зачеркнуто съ замѣтнымъ нажимомъ. Въ палеографическомъ атласѣ Саввы, епископа Можайскаго, такого знака нѣтъ[2]).

На Енисеѣ „Ш“-символъ, въ прямоугольномъ начертаніи, повидимому, относится ко времени появленія мѣди, потомъ идетъ дугообразный символъ, омеговидное начертаніе видимъ на копенскомъ и сулекскомъ петроглифахъ. На Кавказѣ „омега“ сохранилась, повидимому, не въ алфавитахъ, а въ родовыхъ знакахъ[3]).

Заканчивая общій обзоръ графическаго состава славянскаго алфавита, мы пришли къ увѣренности, что „отъ“, какъ видно и изъ фонетическаго состава названія этого силлабарія, сознательно искаженный византійцами, изъ благочестивыхъ, конечно, побужденій, *знакъ солнечнаго заката* (см. основу въ гербѣ Рискупориса, XI табл. 22. 8). Буква „Т“, символъ рукоположенія, а потомъ и отставленія большого пальца, была отдѣлена, а кругъ расщепленъ и омеговидно стилизированъ: древне-языческій символъ сдѣлался неузнаваемымъ и только наличность знака *восхода солнца* (Ю, см. далѣе 434. 34) и *полуденный знакъ* заставили попристальнѣе всмотрѣться въ начертаніе „отъ“ и возстановить древнеславянскій знакъ заката солнца.

„Отъ“ — слоговой самостоятельный славянскій знакъ, онъ находился въ алфавитѣ, составленіе котораго должно приписать отнюдь не византійцамъ, съ древними греками расовой и культурной связи неимѣвшими[4]), а еще эллинамъ. Письмо имѣло, вѣроятно, практическое торговое значеніе. Всѣ символы—религіозные языческіе,—находящіеся въ греческомъ алфавитѣ, славяне понимали навѣрное лучше современныхъ имъ грековъ. Удержаніе древнѣйшихъ солнечныхъ знаковъ (до заимствованія культа солнечныхъ полудисковъ) ясно говоритъ о до-христіанской древности алфавита. Византійскіе монахи, узнавъ о генезисѣ алфавитныхъ знаковъ, энергично, почти 2 вѣка, уничтожали въ нихъ всѣ этнографическіе корни языческаго культа. И только древ-

---

[1]) См. ликійскіе «U»—символы, Perrot-Chipiez, V, p. 350. 246. 13 строка сверху, 1-й и 2-й знаки слѣва.

[2]) Какъ рукоположеніе, мы видимъ этотъ символъ на амфорообразномъ сосудѣ изъ Абидоса (Abydos), см. ак. Д. Н. Анучинъ, о Египтѣ, 16.9 и кабардинской тамгою, также отмѣчавшеюся выше, Убизванова, см. Сабанѣева, «Ох. кал.» 1892, 271 стр.

[3]) См. выше. Рис. у Сабанѣева, «Ох. календ.» 1892 г. Кабардинскіе знаки 13, 16 и особенно интересный 20 (Инджикъ), съ благословляющею лѣвую руку *совастическою* чертою. Въ лопарскихъ тамгахъ перечеркивающими символы линіями бываютъ обѣ свастическія линіи: на символахъ обращенныхъ, внизъ, повидимому, преобладаетъ совастическая, а при верхнемъ поворотѣ свастическая. Ср. IV табл. XX. 8 и 13 и XXII. 14.

[4]) Успенскій. Византія. Энц. Сл. 11. 252.

ность славянскаго алфавита и стойкость народныхъ культурныхъ пріобрѣтеній охранило многіе эллинскіе и славянскіе графическіе символы отъ окончательнаго уничтоженія. Спеціальная графическая разработка этого вопроса весьма желательна; нумизматическій матеріалъ въ этомъ направленіи необходимо использовать разносторонне.

25. Цы (Sampi). 1. Ц—2. ц; 3. Ц—4. ц; 5. *Ц* — 6. *ц*. Генезисъ см. XI табл. п. 8. 1.

26. Червь (Корра). 1. Ч — 2. ч; 3. Ч — 4. ч; 5. Ч — 6. ч; 7. *Ч*.

Должна бы стоять корра — несомнѣннѣйшій солнечный знакъ (Ш. 173. 116 и особенно 208 стр.), имѣющій нерѣдко и показателя рукоположенія, — поднятіе лѣвой руки.

Для буквы „ч“ взятъ былъ вильчатый знакъ, т.-е. поднятіе обѣихъ рукъ (сопост. табл. XII, 14. 4). Древне-греческая корра смыканіемъ рукъ надъ головою означаетъ восходящее солнце, а вильчатый знакъ означаетъ восходъ и поклоненіе нижнему полудиску солнца—восточному. Въ XV вѣкѣ начало встрѣчаться начертаніе, происшедшее отъ знака поднятія одной лѣвой руки.

27. Ша. 1. Ш — 2. ш; 3. Ш — 4. ш; 5. *Ш* — 6. *ш*.

Рукоположеніе это устойчиво въ сохраненіи своего первоначальнаго вида, символизмъ начертанія состоитъ въ отстраненіи нижней части линіи туловища. См. генезисъ на табл. XII. 12.3; сопост. XI табл. 21. 7—12. Символъ очень древній.

28. Ща. 1. Щ — 2. щ; 3. Щ. — 4. щ; 5. *Ш* — 6. *щ*.

То же прямоугольное рукоположеніе, но линія туловища оставлена до пояса, сопост. XI табл. 22.9 (гл. VII, § 21. 379). Въ начертаніи этой буквы XVI вѣка видимъ въ концѣ черты туловища крючокъ — показатель отставленія большого пальца, сопоставляя съ буквами енисейскаго алфавита, X табл. пр. 15. 5 и видя 15. 1, можно утверждать, что обѣ эти славянскія буквы имѣли большое значеніе въ культѣ, см. семитическіе алфавиты (XI табл. G). Эту букву, какъ „ст“, также пора выбросить. „Psi“ — тождественный религіозный символъ, введенный византійцами.

29. Еръ. 1. Ъ[1]) — 2. ъ; 3. Ъ — 4. ъ.

Славянскія начертанія: Ь, цифра 6, ъ, ы, ѣ и б — одного графическаго генезиса: это солнечные знаки, имѣющіе въ основѣ правый полудискъ закатывающагося солнца. Въ „Ъ“, къ основѣ приставлена, вверху и слѣва, гамма-показатель подъема лѣвой руки, съ отставленіемъ большого пальца и поворотомъ ладони къ солнцу; свастическое рукоположеніе.

Кромѣ того, еще надо имѣть въ виду и слѣдующіе варіанты для генезиса „Ъ“, въ виду сходства его начертанія съ знакомъ зодіака, съ созвѣздіемъ „козерога“ и съ сохранившимся пережиткомъ — перечеркиванія цифры „7“. Черточка, отличающая „Ъ“ отъ „Ь“, можетъ означать опусканіе лѣвой руки съ отставленнымъ большимъ пальцемъ, т.-е. ладонью къ закатывающемся солнцу, а дуга, перечеркивающая отвѣсную черту,—графическое дигаммированіе (на бустрофедонномъ поворотѣ гаммы),

[1]) О, Ъ, Ы и Ь см. проф. Булича, Энц. Слов. 22. 681—682.

выражающее поклоненіе и закатившемуся полудиску. Разница только въ поворотѣ ладони къ солнцу въ „Б“, и отъ солнца въ Ъ. Уясняя, напоминаемъ, что востокъ должно имѣть вверху, западъ — внизу, югъ — справа, если не поворачивать знаки.

Въ буквѣ „Ъ“ (еръ) устойчиво удержалось начертаніе восточнаго (праваго), по чертежу, — востокъ на верху полудиска, которому выражалось поклоненіе согласно показателю перстосложенія наложеніемъ правой руки на бедро большимъ пальцемъ назадъ. Но нагибаніемъ головы влѣво, такой же черточкою означеннымъ, выражалось поклоненіе закатившемуся солнцу. Знакъ „Б“ можно считать начальною, а — „Ъ“ конечною фазою движенія.

30. Еры. 1. Ы[1]) — 2. ы. 3. Ы. 4. ы.

Къ тому же солнечному знаку справа приставленъ знакъ немолящагося человѣка; сочетаніе чисто-буквенное, потому что и женщина, во время мимической молитвы родоначальника, имѣла право молиться.

Въ названіи „еры“ звукъ „ы“ въ сочетаніи съ звукомъ „р“, которое графически пріурочивается къ восходу солнца, а здѣсь связывается съ восточнымъ полудискомъ. Поучительно сравненіе съ означеніемъ звука „Ч“ (русское р) въ гіератическомъ и демотическомъ алфавитѣ (см. у Эберса, Ebers, или въ Forrers Reallex. 1908, S. 710, Fig. 546). Гіератическіе и демотическіе знаки „Ч“ изображаютъ 1) окружность — дуги восточнаго (верхняго) полудиска, благословляющаго этою дугою закатившійся западный полудискъ и 2) гаммовиднаго показателя для отставленія большого пальца съ поворотомъ ладони къ закатывающемуся солнца.

Начертаніе „q“, въ обоихъ египетскихъ алфавитахъ, знакъ восшедшаго солнца (кругъ) и внизу укороченный „уголъ“ — „gamma“, какъ тотъ же показатель, какъ и ранѣе, но поднятіе руки полагалось сдѣлать по восходѣ всего солнечнаго диска. Арійскіе солнечные знаки см. въ таблицѣ де-Ружэ и въ средне-азіатскихъ тамгахъ.

Съ начертаніемъ „Ч“ въ египетскихъ гіероглифахъ, гіератическомъ и демотическомъ алфавитѣ связываюся начертанія „G“, т.-е. закатившійся западный полудискъ солнца. Чаша — это уже конкретировавшійся солнечный знакъ, тотъ же гіероглифъ видимъ и въ „К“. „Тронъ“ — названіе дано символу поднятаго обѣими руками посоха или палки, какъ знакъ поклоненія солнцу.

31. Ерь. 1. Ь — 2. ь. 3. Ь — 4. ь; 5. ъ.

Вѣроятно и простое означеніе времени дня — „во время заката восточной половины солнца“, религіозная сигнализація выражена только подбочеваніемъ правою рукою. 5. ъ — совастическій знакъ. Современный рукописный знакъ „б“ означаетъ ко-

---

[1]) Когда вопросъ объ обязательности обученія будетъ дѣйствительно предназначенъ къ осуществленію, онъ будетъ навѣрное связанъ съ вопросомъ наибольшаго облегченія изученія грамоты, то-есть съ уменьшеніемъ числа знаковъ и въ гражданской азбукѣ, тогда палочку у «Ы» слѣдуетъ сдвинуть до соприкосновенія внизу, тогда «И» восьмеричное свободно можно выбросить, оставивъ одно десятеричное съ точкою вверху и съ краткимъ знакомъ: съ убористостью печати и со сближеніемъ съ латинскимъ алфавитомъ слѣдуетъ считаться. Предлагаемое видоизмѣненіе въ начертаніи «Ы» никакихъ практическихъ препятствій не можетъ встрѣтить ни въ печати ни въ письмѣ.

нецъ дня, но въ немъ указаніе и на нагибаніе головы и на поворотъ правой ладони (опущенной) къ солнцу. Некурсивный, а рукописный знакъ „б“ (см. 7. ₒ) въ немъ ясно выраженъ свастическій знакъ, см. табл. XII. Л. 18. 18—19, оттискъ цилиндра: рукоположеніе правой фигуры, „2“ (два арабское) поворотный знакъ (совастическій) для лѣвой фигуры. Ср. съ енисейск. букв., табл. X. Л. С. 10 и 14. См. символы на Бирской стеллѣ (VIII табл. XIV. 3. 1 и 18, и внизу рис. къ №№ 1—7: 2, 12, 15 и др). Изъ „6“, съ приставкою гаммъ, и въ горизонтальномъ положеніи, могли произойти: „Б“ „Ъ“ и „Ѣ“.

32. Ять. (ꙗть) 1. Ѣ — 2. ѣ; 3. Ѣ — ѣ.

Весьма интересный *сочетательный* знакъ свастическаго рукоположенія, поставленный вмѣсто изобразительнаго знака, въ которомъ это рукоположеніе было бы ясно начертано[1]). Знаки свастики и совастики (кипрскаго или финикійскаго начертанія см. кромѣ XII табл. л. т. 18—18.19 и на табл. XIII. 30 и 31).

Есть основаніе заподазривать анти-этнографизмъ и на этомъ древне-славянскомъ языческомъ символѣ, вошедшемъ со многими другими въ греко-славянскій алфавитъ. Но это, повидимому, единственное сомнительное начертаніе, изъ котораго можно дѣлать выводъ, что знаки и символы, хотя и отвлеченнаго построенія, но прямого генезиса, народомъ легче воспринимались, чѣмъ сочетательные знаки изъ двухъ и болѣе обособленныхъ символовъ.

Въ основѣ „яти“, „Ь“ (ерь, 6 (шесть), b (bé) — символъ) знакъ заката восточнаго солнечнаго полудиска[2]). Изображеніе и поклоненіе, согласно мимическому знаку, — правая рука на бедрѣ.

Но въ древнѣйшихъ начертаніяхъ, до XVII вѣка, верхняя характерная черточка „Ѣ“ не имѣла *двухъ* свѣсовъ или изгибовъ внизъ, а одинъ *лѣвый*. Въ виду этого вѣскаго графическаго указанія мы видимъ ея первоначальное значеніе, какъ показателя перстосложенія *для лѣвой* руки (правая уже опущена): а именно повернуть ладонь къ еще опускающемуся западному полудиску закатывающагося солнца, съ отставленнымъ большимъ пальцемъ. Нахожденіе этого знака *выше* правой руки обязываетъ ее поднять, что вполнѣ согласовалось съ культомъ: солнце на западѣ, и лѣвый полудискъ его уже закатился. Въ нѣкоторыхъ рукописныхъ начертаніяхъ (1493 г., 1500, 1599 и въ XVII столѣтіи) этотъ показатель приставляется къ „ь“ слѣва. Эта „гамма“ — весьма важное подтвержденіе: при поклоненіи закату солнца главенствовалъ и у славянъ X вѣка совастическій культъ, какъ у скиѳовъ и сарматовъ, см. опис. Чертомлыцкой вазы. Осталось высказаться о византійскомъ антиэтнографизмѣ, потому что возможно заподазривать и отдаленные пережитки въ буквѣ, осо-

---

[1]) См. енисейскій алфавитъ, X табл. л. 3. 1-й слѣва знакъ, но только линію правой руки у древнихъ славянъ надлежало пригнуть къ туловищу.

[2]) На востокѣ, на верху уясняющей схемы, предлагаемъ начертить «q» или арабскую (габорс.) цифру «9», какъ *изображеніе* восходящаго солнечнаго полудиска. Двигаясь по кругу эти начертанія на западѣ превратятся въ букву «b» и въ цифру «6». Но надо не забывать—знакъ изображающій можетъ расходиться съ знакомъ *поклоненія* восточному полудиску: когда солнце на восточной половинѣ небосвода, поднимается правая рука, опускается лѣвая (совастика), послѣ полудня—восточному полудиску и даже всему солнечному диску выражаетъ поклоненіе поднятая лѣвая рука, опущенная правая поклоняется востоку.

бенно имѣя въ „ерь“ и „буки“ тотъ же основной символъ, — знакъ заката восточнаго полудиска: допустимо предполагать начертаніе всего солнечнаго диска (см. зн. 1907 г.). Расщепленіе верхняго конца показательной линіи въ знакѣ *полудиска восточнаго*, замѣчающееся въ гражданской „яти“ (Ш. 243. 152, послѣдній знакъ) и чего не видно въ таблицѣ К. а. С. (Ш. 203—210), палеографическаго же атласа мы не имѣли подъ рукою. Этотъ пережитокъ мы замѣтили только на кавказкихъ тамгахъ [1]).

На верху показательной линіи могла быть начертана поперекъ свастическая линія, какъ подобаетъ при опущенной уже правой рукѣ и какъ это замѣчается на тамгахъ кореловъ, гдѣ видимъ и совастическую линію, какую наблюдаемъ въ „простомъ титлѣ“ въ славянскомъ языкѣ.

Но на буквѣ „ять“ мы видимъ „гамму“-показателя для поднятія лѣвой руки, что устойчиво сохраняется, и только къ началу XVIII вѣка, на славянской буквѣ видимъ равные изгибы поперечной линіи.

Относительнаго генезиса „ять“, по имѣющимся графическимъ матеріаламъ, очевидно, что основной солнечный символъ, на которомъ построено ея начертаніе, означеніе и религіозное чествованіе закатывающагося полудиска верхняго (при восходѣ оно признавалось нижнимъ). При прохожденіи солнца чрезъ меридіанъ, при поклоненіи солнцу въ полдень, она считалась *восточною* и подлежала культу *правой* руки, съ поднятіемъ ея. На западной половинѣ неба главенствовалъ культъ *лѣвой* руки, т.-е. она поднималась вверхъ, чествуя западный полудискъ, правая — опускалась. У славянъ видимъ означеніе полудня „фертомъ“, и означеніе правымъ подбочениваніемъ (стоя лицомъ къ западу) закатывающейся верхней половины солнца. При восходѣ, чествовала верхнюю половину (поворачивавшуюся къ западу, для его освѣщенія) поднимавшаяся *правая* рука, а нижней (при восходѣ солнца) — выражала поклоненіе и *лѣвая* рука.

Покончивъ предварительное графическое изученіе „ять“, мы можемъ утверждать, что древнѣйшее начертаніе „азъ“ означаетъ изображеніе и поклоненіе нижнему полудиску солнца, при восходѣ его.

Обращаясь къ унціаламъ и курсивамъ V вѣка, видимъ такой наклонъ показательной линіи и положеніе диска, которое придаетъ начертанію значеніе знака времени (половины между восходомъ и полуднемъ). Въ унціалахъ же VII—IX вѣка, въ курсивѣ VI—VIII вѣка и особенно въ минускулахъ IX—XI вѣковъ, видна уже потеря различенія показательной линіи для восточныхъ и западныхъ солнечныхъ знаковъ. Но, взявъ поворотъ къ „alpha“ или знакъ праваго полудиска восходящаго солнца, т.-е. „rho“, видимъ устойчивость и отчетливость начертанія, а въ курсивахъ VI вѣка, на 2-й и 3-й буквахъ видимъ отбрасываніе въ показательной линіи части ея, отмѣчающей голову и шею [2]). На древнѣйшихъ начертаніяхъ алфавитовъ, мы видимъ, что славянское „А“ совпадаетъ по значенію съ буквою „resch“, финикійскаго и древнееврейскаго алфавита; въ ряду „А“ арійскихъ алфавитовъ (F. 715.

---

[1]) Показательныя линіи, въ нихъ, какъ въ позднѣйшихъ тамгахъ средне-азіатскихъ кочевниковъ, внутри солнечнаго круга не прочерчиваются. Сравн. тамги Кабарды: малой. №№ 6 и 10; большой, №№ 14 и 39; Балкарскіе и Дигорскіе, №№ 1, 7 и 15.

[2]) См. таблицу почерковъ въ греческомъ письмѣ (Ш., 175. 117).

Tafel 203. 1.) съ знаками: 5, 7, 8, 9, 10. Римское строчное „a“ видно также уклоняется отъ прямой показательной линіи; интересно сопоставить съ этимъ начертаніемъ славянское ея начертаніе въ концѣ XVI вѣка, 1599 годъ (К. а. С. Ш. 209). Могутъ быть и мѣстныя графическія различія, надъ этимъ предстоитъ не мало работы, въ различныхъ мѣстностяхъ и у различныхъ народовъ. Хотя мы уже высказывались, но повтореніе не излишне. Бустрофедонные знаки рукоположенія, выражая поклоненіе и солнцу и его изображенію, могутъ объяснять отмѣченныя недоразумѣнія. Напримѣръ, на востокѣ имѣемъ знаки „p“ и „q“, съ изгибами линій, которые, по наложеніи другъ на друга образуютъ благословляющій узловой символъ Гермеса. Эти же знаки, на полуднѣ, образуютъ тотъ же символъ, обращенный налѣво, на западѣ — тотъ же символъ будетъ въ верхнемъ поворотѣ, на полночь, онъ будетъ снова въ боковомъ положеніи, обращеннымъ влѣво. Въ каждомъ положеніи, одну часть знака можно разсматривать, какъ *изображающую* соотвѣтственный полудискъ солнца, а другую — какъ *означающую* поклоненіе ему. Надо внимательно различать въ религіозныхъ знакахъ изобразительныя, молитвенныя или благословляющія черты. Въ солнечныхъ знакахъ надо различать показателей восточныхъ и западныхъ знаковъ, а главное—окружности полудисковъ, дуги, скобки и ихъ сочетанія, при чемъ линія, означающая туловище и части ея, черты шеи и головы, иногда и могутъ иногда и не означаться.

Возьмемъ таблицу цифръ; генезисъ ихъ, должно отмѣтить, нельзя еще признать вполнѣ выясненнымъ. Укажемъ на сравнительную таблицу у Э. Клоддъ, „Эволюція человѣчества въ письменахъ“, 1908 г., стран. 73, тамъ есть и индо-бактрійскія цифры. Возьмемъ только строчки 9 и 8: 1) „9“ — этой арабской цифрѣ, *изображенію* в. полудиска соотвѣтствуетъ таковое же *изображеніе* въ индо-бактрійскомъ столбцѣ, въ арабскомъ же столбцѣ означена и дуга *поклоненія* вышеозначенному восточному полудиску. — 2) Арабская цифра cé-symbole, въ поворотѣ, или поворотъ рукописнаго русскаго „в“, съ значительно разставленными кружечками (сопост. съ тамгами инородцевъ на Енисеѣ, табл. IV. XV. 2; табл. V. III. 30; табл. XII. Л. с. 15. 3. н. зн.), прав. индійск. цифра VI столб. („земля-символъ“) означаетъ поклоненіе восточнымъ полудискамъ солнца; лѣвый же свастическій знакъ (esse-symbole) означаетъ поклоненіе обоимъ полудискамъ; въ европейскомъ знакѣ XII вѣка видимъ сліяніе этихъ линій, т.-е. „восьмерку“. О египетскихъ солнечныхъ знакахъ, для предварительнаго сообщенія, сказано достаточно. Отмѣтимъ только: длинноту показательной линіи на нѣкоторыхъ гіератическихъ и демотическихъ знакахъ; показателей отставленія большого пальца правой руки, указывающихъ поднятіе для этой руки; одинъ только западный знакъ; наклонъ знаковъ, видимо, указывающій не самый восходъ солнца, а время между восходомъ и полднемъ, — вѣроятно, время утренняго богослуженія.

Разсматривая эти солнечные знаки, въ полудискахъ, въ болѣе древнемъ прямолинейномъ арійскомъ начертаніи, имѣемъ тѣ же дуги — *изобразительную* и *религіозную*, или показательныя линіи, передвигающіяся и укорачивающіяся, сообразно солнечному движенію: на востокѣ „q“, „p“ и знакъ, отъ сдвиганія ихъ происходящій; ф (фертъ-символъ) на югѣ; „d“ и „b“ на западѣ, а на полночи — кругъ съ сѣкущею, невыступающею изъ окружности; т.-е. слѣва мы имѣемъ полудиски — основы начер-

танія рукописнаго и строчнаго латинскаго „а“ и дельту (delta) греч. эоло-дорійскаго алфавита или римскую. Средне-азіатскіе солнечные знаки, какъ родовые знаки нѣкоторыхъ правителей Босоора, также имѣютъ показательныя линіи, солнечнаго круга не пересѣкающія, но на кавказскихъ тамгахъ, какъ и на „отъ“ и иногда на „онъ“, замѣчаются на окружности маленькіе выступы линій, кружечки и утолщенія, раздѣляющія ее на западную и восточную дуги (см. рис. въ Охотн. календарѣ Сабанѣева, стран. 272, № 40 въ Б. Кабардѣ и № 3 въ Карачаевскихъ тамгахъ). Съ свастическимъ религіознымъ вращеніемъ у славянъ, вѣроятно, соединялся какой-то особенный звукъ, можетъ быть и слоговой, который, еще въ XI вѣкѣ, нуждался въ іотированіи. Установить первоначальное произношеніе „Ѣ“ теперь совершенно невозможно. Трехзначность для звуковъ „е“ и „і“, одно изъ многихъ проявленій полиморфизма, представляется, вслѣдствіе этого, вреднымъ для русской азбуки балластомъ, для народнаго просвѣщенія тормазомъ, серьезною преградою грамотности, вообще, мѣрою, несомнѣнно увеличивающею процентъ безграмотности. Надо подчиниться гегемоніи латинскаго алфавита, взявъ одно „е“ и „і“: соотвѣтственные значки надъ „е“ и „і“, если надо, урегулируютъ особенности произношенія.

33. 1. Ѥ — 2. ІѢ.

Весьма интересенъ знакъ іотированія и „яти“, онъ указываетъ, что произношеніе этого звука было отличнымъ и отъ „е“ и даже отъ „ять“, нуждавшемся въ призвукѣ „і“[1]). Теперь же русскій языкъ за послѣдніе два вѣка акустически значительно эволюціонировалъ, но графически русскій алфавитъ, вслѣдствіе указа императора Петра I, 29 генваря 1710 года, не измѣнился: русская азбука обречена на тотъ же застой, въ которомъ остался славянскій алфавитъ, ее, какъ будто, навсегда предрѣшено лишить правъ на графическую эволюцію.

Важный вопросъ объ эволюціи алфавита или объ упрощеніи орѳографіи, что одно и то же, не будучи легализированъ, будетъ еще очень и очень долго стоять на мертвой точкѣ. Ничтожный процентъ грамотнаго русскаго общества, при всемъ желаніи, не можетъ послѣдовать благому совѣту[2]) проф. Томсона: „частичное измѣненіе русской орѳографіи *сначала должно быть усвоено всѣмъ грамотнымъ русскимъ обществомъ*, а *за тѣмъ* получить необходимую санкцію ученыхъ учрежденій и соотвѣтственныхъ министерствъ“. Конечно, въ мнѣніяхъ противниковъ эволюціи русскаго алфавита нѣтъ „словесъ лукавствія“, совѣтъ ихъ прямодушенъ и доброжелателенъ. Упускается изъ вида только то, что устраненіе 7 совершенно лишнихъ буквъ: „Э, Ѵ, И, Щ, Ѳ, Ъ, Ѣ“, касается не 10—15% грамотныхъ, экспериментъ надъ которыми нѣсколько страненъ, а 90—85% безграмотнаго русскаго народа, просвѣщеніе котораго всецѣло зависитъ отъ соотвѣтственныхъ правительственныхъ учрежденій. И если вопросу объ обязательномъ обученіи суждено когда либо выйти изъ фазы канцелярской разработки, то трактуемое указаніе на необходимость облегченія изученія грамоты путемъ упрощенія и усовер-

---

[1]) 1-й дифтонгъ просуществовалъ до XV вѣка, а 2-й, видимо, вліялъ на удлиненіе отвѣсной черточки верхняго показателя рукоположенія.

[2]) Сакулинъ, В. «Вопросъ объ упрощ. русской орѳогр.»

шенствованія алфавита, какъ орудія культуры, не можетъ быть обойденъ: онъ органически связанъ съ обязательностью обученія. Но исторія культуры и этнологія слишкомъ согласно констатируютъ анти-эволюціонное отношеніе дирижирующихъ сословій къ культурнымъ этнографическимъ пріобрѣтеніямъ народа, чтобы можно было надѣяться на то, что Россія именно въ этомъ отношеніи будетъ исключеніемъ. Профессоръ Томсонъ, видимо, не вполнѣ освѣдомленъ, что, въ виду указа 29 генваря 1710 года объ утвержденіи состава гражданскаго алфавита, „усвоеніе орѳографіи", *безъ дозволенія начальства*, не возможно: правительственныя учрежденія и лица всѣхъ инстанцій, всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами, неукоснительно будутъ попрежнему противодѣйствовать графической эволюціи алфавита. Усвоеніе грамотности, въ начальныхъ училищахъ, среди простого народа, среди войскъ, путемъ самообразованія и домашняго обученія необычайно и нецѣлесообразно затрудняется ненормальнымъ полиморфизмомъ обоихъ алфавитовъ (церковнаго и гражданскаго), констатирующихъ свою многовѣковую эволюціонную отсталость и несоотвѣтствіе съ насущными потребностями жизни и культуры. Сказанное еще болѣе примѣнимо и къ изученію русскаго языка инородцами и иностранцами: тотъ же полиморфизмъ русскаго алфавита, при начальномъ изученіи, и для нихъ представляетъ еще большія затрудненія.

34. Ю. 1. Ꙗ; 2. Ю — 3. ю.

Сочетательный генезисъ не требуетъ разъясненій, если смотрѣть на этотъ знакъ, какъ на іотированное „О", но это знакъ *восхода солнца*, повернутый изъ экваторіальной оріентировки въ позднѣйшую меридіональную, съ В. на Ю., фертъ — полуденный знакъ позднѣйшаго происхожденія. Эллинскій знакъ восхода солнца (Корра), еще до V вѣка (Ш. 175. 117), удаленъ изъ состава греческаго алфавита. Въ древне-славянскомъ алфавитѣ онъ является въ при-черноморскомъ начертаніи, сходномъ съ китайскимъ знакомъ, съ тамгами средне-азіатскими, арабскими, кавказскими (въ округленномъ начертаніи). См. табл. XI. 4. 8. 22 и табл. XII. л. 14. 3. 4. 5; 15. 10 и др.

Но, конечно, фонетика „ю" представляетъ большое значеніе, какъ дифтонгъ „і" и „у", съ показаніемъ въ начертаніи на допустимость дифтонга: „і" и „о" и другихъ. Постановка согласной „т" послѣ звукового символа „о" (см. „отъ", графически означающаго закатывающееся солнце, фонетическій фактъ возбуждаетъ большой интересъ, особенно въ сопоставленіи съ корнями: не „жю" и „гю", а „юж" и „юг", съ согласными звуками, символизирующими графическія полудуги, обращенныя на востокъ и западъ.

35. 1. Ꙗ — 2. ꙗ; 3. Ѧ — 4. ѧ; 5. Я — 6. я; 7. *Я* — 8. *я*.

Большое научное значеніе имѣетъ генезисъ славянскаго „Я": 1) приставка „і" (десятиричнаго) знака „человѣка", какъ выяснено выше, стоящаго слѣва, чаще съ вытянутою и касающеюся угловаго символа правою рукою (конецъ XI в.); 2) основное начертаніе имѣетъ большое значеніе: знакъ звука „і" ставится подъ благословляющій угловой символъ[1]), но этотъ знакъ человѣка ставится съ распростертыми

[1]) Не такъ, какъ это наблюдается въ сабельскомъ алфавитѣ (F. 715. 203. 1. 16. «A») или въ южно-семитическихъ алфавитахъ D. H. Muller, Safa-Halevy, см. тамъ же 1. 714. 202. 8 (cheth). 18 и 19, потому

руками и съ отброшенною линіею головы и шеи, т.-е. вильчатый знакъ является здѣсь какъ бы гомологомъ „i“. Сопост. табл. XII. п. 1. 4. и табл. XII. л. 8 п. и 9 л.

Относительно генезиса „Я“ гражданскаго и курсивнаго начертанія объясненіе кроется въ „alpha“ греческомъ символѣ, стоящемъ на востокѣ, въ благословляющемъ поворотѣ. Раздѣливъ символъ Гермеса сѣкущею, получимъ справа „R“, а слѣва поворотный знакъ „Я“; лѣвой рукой символизируется поклоненіе верхнему полудиску и изображеніе его, послѣ чего лѣвая рука опускается внизъ съ немного приподнятою кистью руки съ обращеніемъ ея внизъ. Сопост. Forrers Realex. 715. 203. 12. 19. Пр. и лѣв. знаки. См. I табл. у Еванса. II. К. Р. О; его же II табл. Критск. и Эгейск. начертанія и табл. III. II. Э. Клоддъ, „Эвол. алф.“, стран. 60, 61 и 62.

36. Юсъ большой. 1. Ѫ — 2. ѫ; 3. ѪѪ.

Можетъ быть, въ основѣ, это знакъ Гермеса, въ прямолинейномъ начертаніи, въ нижнемъ поворотѣ, накрывающемъ человѣка[1]); возможенъ генезисъ и отъ „chi“, F. R. L. 715. 202. 4. 25, съ накрывающею чертою, вверху.

Интересенъ варіантъ и отъ перекрещиванія угловыхъ символовъ, какъ дальнѣйшей символизаціи знака человѣка[2]); этотъ знакъ нами достаточно разъясненъ выше, во многихъ мѣстахъ. Сопост. этотъ знакъ съ добавленіемъ линіи шеи и головы, съ наклономъ вправо (Ш. табл. къ стран. 200, 1623 годъ). Іотированіе большого іюса подобно малому юсу: черта слѣва знака съ вытянутою къ нему правою рукою еще не прикасающуюся къ угловому знаку звука „А“ (знакъ древнѣйшій, около половины XI вѣка), затѣмъ, уже въ концѣ XI вѣка видимъ конечную фазу этого сочетательнаго графическаго начертанія, т.-е. сліяніе отдѣльныхъ знаковъ.

37. Кси (Ksi) 1. ѯ — 2. ѯ.

Кси (ksi-zede-symbole) — совастическій знакъ. Въ начертаніи начала XVI вѣка. 1220 года, это ясно: внизу черта — росчеркъ, это подтверждаетъ кипрское начертаніе этого символа, см. „je“ (A. Cesnola. Salaminia 18 p. 4. 1—2).

что отмѣчаемое теперь начертаніе можетъ происходить и отъ рукоположенія, означеннаго на приложенной таблицѣ XII. п. 2. 3. См. тамги лопарей, табл. IV. XXI. 19.

[1]) Какъ это видно на одномъ знакѣ вышеуказаннаго южно-семитическаго алфавита Muller'a, 18-й столбецъ 5-й снизу, правый знакъ, см. F. R. L. 714. 202. Подобный символъ встрѣчается и на петроглифахъ Енисея и въ тамгахъ мѣстныхъ инородцевъ. Сопост. лѣвую фигуру этого же южно-семитическаго алфавита.

Но возможны еще варіанты: 1) отъ рукоположенія типа, означеннаго на XII табл. п. 2. 2 и 20. 2, съ головою, прямоугольно (треугольникомъ) означенною; 2) на вильчатый знакъ наложено благословеніе прямою линію, голова же и весь человѣкъ покрытъ дугообразнымъ покровомъ (см. символы надъ глазами божества Бирской стеллы, на VIII табл. XIV. 3); 3) символъ должно отнести къ древнѣйшимъ изъ религіозныхъ славянскихъ начертаній; его правильнѣе считать сочетательнымъ знакомъ: дуга закатывающагося солнца (верхній полудискъ) и вильчатый символъ, символизирующій поклоненіе небу, какъ высшему божеству. Желательно увеличеніе палеографическаго матеріала.

[2]) См. иной путь построенія, въ которомъ лежачій крестъ, повидимому, является равнозначущимъ вильчатому кресту, т.-е. линія (сдвинутыхъ) ногъ человѣка въ послѣднемъ знакѣ является, при отвлеченіи или символизаціи, равною нижнему угловому знаку. На нашей классификаціонной таблицѣ XII. л. с. 1. 3. лежачій крестъ мы могли поставить на 4-мъ, а не на 7-мъ мѣстѣ.

Замѣчательно, что въ курсивѣ V вѣка этотъ символъ ясно выраженъ (Ш. 156. 14. 2-й знакъ справа)[1]), но его начертаніе можно встрѣтить и въ унціалахъ IX в. (Ш. 173 стр.), но генезисъ „Ksi„ въ унціалахъ V вѣка интересенъ: знакъ состоитъ изъ двухъ угловыхъ символовъ, обращенныхъ въ разныя (въ боковомъ положеніи) стороны (сопост. съ генезисомъ „зѣло“ въ начертаніи, изображенномъ у Ш. 239. 1-й знакъ слѣва): верхній влѣво, нижній вправо, въ срединѣ они соединены черточкою, которая удержана и въ курсивѣ V вѣка. Змѣевидное начертаніе этого знака останавливаетъ на себѣ вниманіе.

38. Пси. (Psi). 1. ψ. — ψ.

Psi-simbolon уже объясненъ выше, см. XII табл. п. 12.; сопост. XIII табл. 22 и 25.

39. Ѳита (Theta). 1. ϑ. — 2. ϑ; 3. Θ — 4. θ.

Ѳита (Theta) какъ и ѳита (phi) солнечные знаки; солнечные круги, съ чертою, дѣлящею ихъ на верхній и нижній, правый и лѣвый полудиски, западный и восточный, съ двумя дугами: поклоняющейся небу и благословляющей землю. Круги съ прямыми или лежачими крестами внутри, какъ это замѣчается во многихъ древнихъ алфавитахъ, могутъ быть религіозными указаніями на части свѣта и на части сутокъ, — какъ и отдѣльно взятые кресты. См. „Объясн. табл.“, 8 доб.

40. Ижица (Ŭpsilon). 1. Y — 2. y.

Угловой символъ въ верхнемъ поворотѣ, древность его, въ этомъ и въ прочихъ поворотахъ, отмѣчена нами въ гл. V, стран.

Закончивъ предварительный графическій анализъ древне-славянскаго алфавита и переходя къ сравненію этого алфавита съ древне-греческимъ, и особенно съ византійскими унціалами, курсивомъ и минускулами V—X вѣковъ, мы должны обратить вниманіе на этнографическія, графическія и фонетическія особенности буквенныхъ начертаній, отнюдь не упуская изъ вида и славянскихъ названій буквъ, въ до-христіанской древности которыхъ нѣтъ основаній сомнѣваться.

Византійско-славянскаго алфавита, какъ единолично изобрѣтеннаго св. Кирилломъ[2]), съ устраненіемъ, измѣненіемъ, перестановкою языческихъ знаковъ религіозныхъ тѣлодвиженій, съ ихъ криптографическою стилизаціею, мы касаться не будемъ, исключая нѣкоторыхъ паралеллей со знаками, неподвергшимися значительнымъ искаженіямъ. Для этнографическихъ заключеній этотъ вопросъ достаточно выясненъ: на немъ лежитъ печать византинизма съ своеобразнымъ характеромъ его миссіонерской дѣятельности. Славянскія названія большинства буквъ, не взирая на нарушеніе въ первоначальномъ расположеніи буквъ, вполнѣ совпадаютъ у восточныхъ и западныхъ славянъ, — онѣ несомнѣнно мѣстныя общеславянскія; почти половина названій сохранила нѣкоторую логическую связь, къ концу совершенно нарушающуюся; только

[1]) См. мнѣнія проф. В. Ѳ. Миллера, 1884, Ж. М. Н. П. и проф. Бѣляева, 1886, «Нов. мнѣніе».
[2]) Вс. ил. ист. письм., Шницеръ, стран. 211, 224, 228 и др.

послѣднія буквы, вошедшія и въ греческій алфавитъ сравнительно недавно, сохранили свои греческія названія или утратили славянскія. Въ расположеніи буквъ и въ ихъ численномъ значеніи на обоихъ алфавитахъ ясно отражается позднѣйшее византійское вліяніе,— уже послѣ принятія христіанства. Народная самостоятельность въ названіяхъ буквъ, ихъ тождественность, а, главное, ихъ устойчивость — фактъ многознаменательный, въ виду того, что духовенство въ Россіи состояло, въ теченіи X и XI вв., почти исключительно изъ грековъ и частью изъ западныхъ придунайскихъ славянъ.

Общее сходство начертаній буквъ, первѣе всего, свидѣтельствуетъ *о заимствованіи изобразительныхъ и важнѣйшихъ религіозныхъ тѣлодвиженій*, входившихъ въ практику культа у славянъ. Эти заимствованія, не вездѣ и не всегда, воспринимались непосредственно отъ грековъ. При установившемся фактѣ передвиженія народностей, этнически различныхъ, вполнѣ допустимы восточныя заимствованія, вышедшія очень давно изъ Малой Азіи и еще сохранившіяся на востокѣ. Волжско-Каспійскій путь и Кавказъ, въ періоды благопріятныхъ движеній дефилировавшихъ чрезъ него народностей, могли передавать заимствованія, по первоначальному происхожденію греческія, но, въ Малой Азіи и особенно въ самой Греціи, уже давно угасшія; по степямъ могли поступать заимствованія южно-семитическія, средне-азіатскія, персидскія и даже индійскія. Впослѣдствіи, при спеціальной разработкѣ, все это, въ большей или меньшей степени, выяснится, особенно тогда, когда и лингвисты къ этнографическимъ явленіямъ будутъ примѣнять и этнографическій научный методъ изслѣдованія. Лигатурные пріемы для установленія генезиса буквенныхъ начертаній (Тэйлоръ и др. III. 202—206) должны занять соотвѣтственное мѣсто въ исторіи сравнительнаго языковѣдѣнія, но теперь, при выяснившемся генезисѣ алфавитныхъ начертаній, въ основу лингвистическихъ изслѣдованій и обобщеній, при работѣ надъ графическою стороною буквенныхъ начертаній, они не могутъ быть принимаемы за единую устойчивую основу, особенно въ работахъ надъ древнѣйшими алфавитами, — въ толкованіи загадочныхъ начертаній. Этотъ пріемъ, разросшись, заслонилъ лингвистамъ правильные пути изслѣдованій по генезису алфавитныхъ начертаній.

Выясняя особенности древне-славянскаго алфавита и его прототипа, — эллинскаго (до-византійскаго) алфавита, неправильно признаваемаго многими лингвистами за его единственный источникъ, мы могли убѣдиться, что греческіе символы языка движеній, вошедшіе въ славянскій алфавитъ, особенно въ „рѣзяхъ“ и „чертахъ“, были вполнѣ понятны для славянъ, но въ религіозныхъ графическихъ основахъ буквъ славяне, не всегда и не во всемъ, сходились съ греками и съ византійцами, и эти различія стойко удерживали.

Подчеркнемъ важнѣйшія этнографическія и начертательныя особенности обоихъ алфавитовъ.

1. Alpha на греческихъ унціалахъ, V—IX вѣковъ, — знакъ закатывающагося солнца, лѣваго полудиска (III. 175. 117), въ славянскомъ же алфавитѣ „азъ“, съ XI вѣка, — знакъ лѣваго нижняго восходящаго полудиска, въ полдень освѣщающаго восточную половину неба, а при закатѣ и весь горизонтъ. Такимъ образомъ, славяне западные и юго-западные до византійцевъ держались древнѣйшаго эоло-дорійскаго и вообще

древне-греческаго письма того времени, когда греки начали писать слѣва направо (F. R. L. 715. 203).

2. Буки (ко8кы), конечно, не безъ звуковыхъ и этнографическихъ основаній, оставленъ византійцами на 2-мъ мѣстѣ[1]), а „beta“ стала на 3-е мѣсто. Этотъ билабіальный звучный согласный звукъ, вѣроятно, былъ ближе къ первобытнымъ арійскимъ, греческій же выговаривался съ придыханіемъ. „Финикійское названіе этого знака „beth“, т.-е. домъ, палатка, даетъ намъ право полагать, что этотъ знакъ произошелъ изъ іероглифическаго рисунка, представляющаго домъ“[2]). Мы имѣемъ больше основаній полагать, что названіе этому знаку дано Моисеемъ или, до него, другимъ монотеистомъ-первосвященникомъ еврейскимъ, чтобы скрыть истинный генезисъ этого символа политеистовъ. Знакъ этотъ одного генезиса съ церковно-славянскимъ начертаніемъ „азъ“, различіе только въ почеркахъ: знакъ лѣваго восходящаго полудиска солнца, наложеніе лѣвой руки на голову — изгибъ, наклоненіе туловища, знаки поклоненія этому полудиску.

Буква же древне-славянская — знакъ заката солнечнаго полудиска, означеннаго знаками: „азъ“ и „beth“. Объясненія даны выше. Названіе церковно-славянское ко8кы можетъ происходить отъ буковыхъ[3]) дощечекъ, на которыхъ славяне предпочитали писать „чертами“ и „рѣзями“, отсюда — „буква“ и, можетъ быть, и „*бука*“.

Въ словахъ: азъ, букы, буква, букварь — *всѣ буквы* солнечные знаки, исключая „к“, означающаго дневное и вечернее (до заката) поклоненіе солнцу, а также, вѣроятно, и время дня.

3. „Beta, вѣди“, вѣды. Генезисъ напомнимъ: два круга *рядомъ* (по древней и сѣверо-американской оріентировкѣ) или *другъ надъ другомъ* (арійская и тюркская система), раздѣленные пополамъ. Очевидно, для византійцевъ, совпаденіе религіозныхъ начертаній и совпаденіе символовъ солнечнаго культа имѣло рѣшающее значеніе, при отнесеніи „beta“ къ „вѣди“, несмотря на фонетическія различія голосовыхъ символовъ. Буквы *Ɛ* (рукописное), *β* и з — одного графическаго генезиса. Дугами буквъ „В“ и „З“ означены *правые* полудиски, а буквами: бустрофедонною „*beta*“ и „Е“ (рукописнымъ) — лѣвые полудиски.

4. Древне-славянское „глаголь“, заключая въ своемъ названіи два „Г“, (*г*), должно быть не „gamma“, а скорѣе „digamma“, которая, какъ буква, очень давно отсутствовала у грековъ и была только численною величиною. Славянское — XVII вѣка (К. а. С. 1697 г.) и русское курсивное и прописное „*Г*“, по начертанію, болѣе соотвѣтствуютъ, по нашему мнѣнію, славянскому названію этой буквы, чѣмъ „gamma“, особенно въ ея прямолинейномъ начертаніи, ея присутствіе можно приписать византійскому вліянію, русское же рукописное, выражая поклоненіе лѣвому полудиску верхнею дугою, и правому нижнею дугою является молитвеннымъ поклоненіемъ для восточ-

---

[1]) Знакъ не лишенъ числового значенія.

[2]) Цитата изъ Энц. Сл. Бр. и Ефр. 4. 587.

[3]) Толкованіе кажется и намъ вѣроятнымъ, но оно даетъ и локализацію славянскихъ племенъ, у которыхъ впервые появилась и силлабическая форма алфавита. Древній путь отъ «варягъ въ греки», приблизительно проходилъ по восточной границѣ этой области распространенія.

наго полудиска, при его восходѣ, а также и при закатѣ. Въ словѣ *глаголь*—всѣ буквы солнечные знаки (производя Л отъ знака созвѣздія „*Льва*“[1]).

5. Съ этимъ знакомъ „Ꙁ“ тѣсно связанъ, и графически и по значенію въ практикѣ культа, поворотный къ нему свастическій знакъ, замѣнившій у грековъ прямолинейную digamm'у—по славянски называвшуюся „зѣло“. Въ XIII и XIV вѣкахъ она писалась *рукописнымъ глагольнымъ* знакомъ (сопост. начертанія „зѣло“ XI вѣка и XVI—XVII вѣковъ, 1653 годъ, съ сингалезскими „g“ и „s“. Шниц. 209 и 164). Въ словѣ „зѣло“ всѣ буквы солнечные знаки.

6. „Delta“, добро[2]). Греческій знакъ *заката* въ славянскомъ начертаніи, въ XI вѣкѣ, ясно обозначился какъ знакъ *восхода*, съ выраженіемъ благословенія или особаго поклоненія нижнему полудиску[3]). Знакъ интересенъ сохранностію древней оріентировки и египетскаго пріема означенія востока.

„Theta, онта“, въ византійскомъ начертаніи, безъ показательной линіи по восточному и западному культу. Славяне, видимо, понимали его какъ знакъ заката солнца, съ означеніемъ поклоненія *нижняго полудиска верхнему* (во время всего своего пути освѣщавшаго востокъ), и на раздѣляющей дискъ линіи и ея изгибы на концахъ въ греческихъ унціалахъ замѣчаются только на унціалахъ IX, на курсивѣ и минускулахъ концы раздѣляющей линіи не выходятъ изъ окружности. Символъ, при славянскомъ „онъ“ древнѣйшаго начертанія, совершенно излишній и въ культѣ и во фонетикѣ.

7. „Живѣте“ (zhivete) совершенно самостоятельный и настолько установившійся у славянъ знакъ, который, судя по численному его значенію въ византійско-славянской азбукѣ Константина философа, приближался въ звуку, означавшемуся „zeta“. Какъ выяснено выше, знакъ древняго происхожденія (мало-азіатскаго)[4]), несомнѣнно соединеный съ солнечнымъ культомъ[5]).

Символъ „chi“, славянское названіе „хѣръ“, по табл. XIII. 29 и по начертанію *Х* рукописному, встрѣчающемуся нерѣдко въ унціалахъ IX вѣка, какъ выяснено выше, одного генезиса съ „*Ж*“: удалена только черта туловища. Въ нѣкоторыхъ унціальныхъ начертаніяхъ IX вѣка (Ш. 173. 116) знакъ chi, повидимому, состоитъ изъ двухъ перекрещивающихся свастико-совастическихъ линій. Древне-славянскія начертанія нерѣдко, XII и XIII вѣковъ, склоняютъ къ допущенію перекрещиванія локтей, а позднѣе, съ 1400 года, замѣчаются указанія пересѣченія свастическою линіею рукоположенія линіи туловища, наклоненнаго влѣво[6]).

8. „Цы, tsi“ (визант.-славян. алф.) должно признать самостоятельными древнеславянскими буквами; „sampi“ къ IX вѣку, уже было удалено изъ состава греческаго

---

[1]) Знаки нѣкоторыхъ созвѣздій напримѣръ: «дѣвы» и «овна» славянамъ, видимо, были извѣстны.

[2]) Всѣ буквы солнечные знаки: 3 знака полудисковъ и 2 диска.

[3]) Надпись царя Самуила, 3 строка снизу, 993 годъ и К. а. С. 1423 и 1606 годы.

[4]) См. XIII. табл. 28 строка.—Perrot-Chipiez, V. 350.

[5]) Восьмерка, съ линіею шеи и головы, К. а. С. 1599 и 1653 годы, сопост. букву «chh» въ алфавитахъ Ашоки, врем. дин. Купты и буддійск. пещ. Ш. 164, табл. индійск. алфав.

[6]) Сопост. съ енисейск знакомъ, изображеннымъ на табл. XIV. 4., но съ вращеніемъ влѣво и съ нѣкоторыми кавказскими тамгами. Необходимо увеличеніе графическихъ матеріаловъ.

алфавита, знакъ употреблялся только въ системѣ чиселъ; начертаніе его было отлично отъ славянскаго. Славянское „цы“ происходитъ отъ знака подъема лѣвой руки, прямоугольно согнутою (см. табл. XII. п. 8, 1.)[1]).

9. „Червь“, „tsherv“ и „djerv“, также самостоятельныя славянскія буквы: „корра“ вышла изъ употребленія, какъ излишнее повтореніе другой буквы „К“ (карра). Сама же „карра“ въ церковно-славянскомъ алфавитѣ, упорно удерживала начертаніе греческихъ унціаловъ V вѣка[2]). Буква „dierv“, подобная зодіакальному знаку „дѣва“, повидимому, не имѣла соотвѣтственнаго звука въ греческомъ и византійскомъ алфавитахъ. Символъ „дѣвы“ могъ означать и человѣческую жертву.

10. „Ша“ и „ща“ чисто славянскіе звуки, соединенные съ прямоугольнымъ скиоо-сарматскимъ[3]) рукоположеніемъ. Ихъ наименованія связанными словами, подобными названіямъ первыхъ буквъ азбуки не сохранились, м. б. и вслѣдствіе ихъ наибольшаго значенія въ культѣ.

11. „Еръ, еры, ерь, ять“ — также чисто славянскія буквы, основные символы ихъ можно графически заподазривать въ южно-семитическихъ и въ производныхъ отъ нихъ индо-бактрійскихъ алфавитахъ. Генезисъ „Ъ“, какъ уже выяснено, можетъ быть установленъ по тюркскимъ тамгамъ, выражающимъ поклоненіе заходящему солнцу.

12. „Я“, „юсы“, вообще дифтонги и силлабическія буквы, указываютъ на фонетическое разнообразіе и неустойчивость звуковъ; іотировка, въ византійское время — фактъ, неговорящій за принесеніе византійцами алфавита при крещеніи.

13. Знаки восхода и заката солнца, буквы „отъ“ и „ю“, характерныя и многознаменательныя, чисто славянскія начертанія, — пережитки языка и письма движеній.

14. Надлежитъ отмѣтить, что среди знаковъ „укъ“, кромѣ дифтонга „оу“ былъ и символъ Гермеса, знакъ созвѣздія „тельца“, входившаго въ сложный астрономическій знакъ планеты Меркурія. И фонетически и графически, это чисто славянскій алфавитный знакъ въ составѣ греко-славянскаго алфавита.

Вышеизложенныя графическія сопоставленія приводятъ къ утвержденію, что у славянъ придунайскихъ и приднѣпровскихъ, задолго до ихъ крещенія, за два или, можетъ быть, за три вѣка, изъ силлабаріевъ, образовался смѣшанный[4]) алфавитъ, въ графическомъ и особенно въ звуковомъ отношеніи, недостаточно разработанный. Составъ знаковъ и символовъ религіозныхъ тѣлодвиженій усвоенъ славянами, видимо, очень давно, отражая нѣсколько наслоеній. Этнографическое прошлое, т.-е. генезисъ и значеніе знаковъ и символовъ эллинскаго времени, было имъ хорошо извѣстно, хотя, повидимому, заимствованія у славянъ приднѣпровскихъ происходили не путемъ прямыхъ сношеній съ эллинами, а чрезъ посредство народностей, передвигавшихся по южнымъ степямъ съ востока на западъ. Скиоо-сарматскія народности, вѣроятно, оказывали наибольшее

---

[1]) Пережитки этого символа яснѣе сохранились въ южно-семитическихъ алфавитахъ, особенно въ древне-эфіопскомъ, Ш. 147, 98 и 151, 102. Сопост. кипрское «se».

[2]) См. надпись царя Самуила. Въ XII и XIII вв. отдѣленная справа линія имѣла видъ вопросительнаго знака, въ поворотѣ, т.-е. такъ, какъ писалась буква «червь» въ XI вѣкѣ (1073) и въ XII вѣкѣ.— Знаки «Djerv» и «Дѣвы», см. на рис. 133 и 137 у Шницера.

[3]) Сопост. съ петроглифическими памятниками гиттитовъ (Кападокія). — Напомнимъ Mas-d-Azil.

[4]) Европейско-азіатскій: древнія заимствованія шли съ запада, послѣдующія — съ юго-востока.

вліяніе. Но несомнѣнно, что, хотя среди дефилировавшихъ по южно-русскимъ степямъ были народности и въ значительной степени аризированныя, но ихъ солнечные культы были различныхъ фазахъ развитія. Малоазіатскія заимствованія языка культа и свѣтового письма, идя на востокъ, переплетаясь, различными путями, среди различныхъ народностей, при разнообразныхъ условіяхъ, съ задержками и видоизмѣненіями, могли доставлять славянамъ и древнія пережитки солнечныхъ культовъ, не только изъ Малой Азіи и Греціи. Вмѣстѣ съ разновременными видоизмѣненіями культа, къ славянамъ проникали и такіе знаки и символы, которые, повидимому, заимствованы не у грековъ, а изъ Персіи, даже изъ Индіи и съ Востока. Эти своеобразные начертанія могли происходить и отъ древнихъ южно-семитическихъ и отъ послѣдующихъ индійскихъ и индобактрійскихъ символовъ религіозныхъ тѣлодвиженій. Передвиженіе этихъ заимствованій и чрезъ Кавказъ представляется вполнѣ возможнымъ, но, конечно, только, въ періоды движенія народностей съ юга на сѣверъ. Движеніе по Каспійско-Волжскому пути, какъ извѣстно, началось очень давно.

Кромѣ усвоенныхъ финикійскихъ знаковъ линейнаго остроугольнаго почерка, даже и въ солнечныхъ знакахъ, славяне пріобрѣли знаки прямоугольнаго начертанія, потомъ округленнаго, выражающаго движенія обѣихъ рукъ симметрическими дугами, затѣмъ — сигмовиднаго начертанія и, наконецъ, знаки отдѣльнаго поднятія рукъ, съ различіями въ положеніи кистей руки въ перстосложеніи. Свастико-совастическіе символы, видимо, были усвоены славянами очень давно.

Установлены были путемъ примитивныхъ астрономическихъ наблюденій движенія солнца, раздѣленнаго на полудиски, которые получили особые знаки и символы. Культъ солнца, занимавшій у всѣхъ древнихъ народовъ видное мѣсто, у славянъ, въ алфавитѣ, оказывается настолько главенствующимъ, что около $^2/_3$ буквъ состоятъ изъ солнечныхъ знаковъ, тогда какъ у древнихъ грековъ солнечныхъ знаковъ, въ ихъ алфавитахъ, не наберется и $^1/_3$. У грековъ въ алфавитъ вошли преимущественно знаки и символы благословенія, поклоненія и молитвы, въ славянскихъ алфавитахъ около половины знаковъ религіозно-изобразительнаго характера.

Знаки и символы, древне-славянскаго алфавита общи со всѣми народами, усвоившими ихъ въ до-алфавитномъ культурномъ періодѣ, въ связи съ языкомъ движеній. Сочетанія и особенности дифтонговъ и согласныхъ въ названіяхъ буквъ, объединенныхъ означеніемъ солнечныхъ полудисковъ, подаютъ надежду на выясненіе нѣкоторыхъ координированныхъ связей графическихъ и звуковыхъ символовъ. Обиліе дифтонговъ и перемѣнчивость звуковъ и ихъ сочетаній въ движеніяхъ и танцахъ свастико-совастическаго культа отмѣчена во многихъ алфавитахъ довольно ясно, особенно въ славянскомъ.

Къ прискорбію, древніе знаки, созданія народнаго творчества придунайскихъ славянъ, не сохранились. Св. Кириллъ, ознакомившись на мѣстѣ съ религіознымъ значеніемъ буквенныхъ знаковъ въ славянскомъ языческомъ культѣ и, зная объ отраженіяхъ язычества и на древне-эллинскомъ алфавитѣ, движимый благочестивыми и просвѣтительными христіанскими побужденіями, изобрѣлъ для византійско-славянскаго алфавита совершенно новые знаки, которые не походили ни на древне-греческія ни

на славянскія буквенныя начертанія. Анти-этнографическія цѣли, такимъ образомъ, въ значительной степени были достигнуты. Народъ лишился не только графическаго достоянія, но и другія изобразительныя пріобрѣтенія, сопутствовавшія древнѣйшему языку движеній, многія этнографическія наслѣдія языческаго прошлаго, непротиворѣчившія христіанству, быстро угасали. Искусственный алфавитъ, плодъ *единоличнаго* труда и изобрѣтательности, обоснованной на перестановкѣ символовъ, на замѣнѣ простыхъ начертаній сложными, на ухищренно стилизированныхъ лигатурахъ, неимѣющихъ этнографическихъ связей, не привился, и нынѣ сохранился только у хорватъ.

Сохранившіяся названія славянскихъ буквъ въ древней азбукѣ, представляющей одно изъ характерныхъ проявленій византинизма, и начертанія при-днѣпровскихъ славянъ подтверждаютъ существованіе алфавита съ совершенно инымъ графическимъ составомъ знаковъ, къ уничтоженію которыхъ и была направлена дѣятельность Константина философа.

Мы не видимъ никакихъ основаній не довѣрять письменнымъ источникамъ, указывающимъ на алфавитное письмо у славянъ[1]) въ до-христіанское время.

Напримѣръ, паннонское житіе св. Кирилла безъ серьезныхъ основаній не отмѣтило бы факта нахожденія Евангелія и Псалтири въ городѣ Корсуни на славянскомъ языкѣ, — обстоятельство, во всякомъ случаѣ, нѣсколько ослабляющее обаяніе первоучителя славянъ и въ алфавитѣ. Фактъ этотъ, вѣроятно, былъ общеизвѣстенъ и умалчивать о немъ было невозможно. Славянскій алфавитъ на берегахъ Чернаго моря, въ Тавридѣ, могъ сложиться и подъ непосредственнымъ руководствомъ эллиновъ и могъ быть совершеннѣе алфавита, составленнаго самими славянами. Христіанъ было, повидимому, не мало на берегахъ Чернаго моря: состоятельные и религіозные люди могли свершить трудъ перевода Евангелія и особенно Псалтири по собственному почину, не преслѣдуя ни политическихъ цѣлей ни цѣлей миссіи. Письмо для переписки съ славянами, при торговыхъ сношеніяхъ съ эллинами, могло давно выработаться и распространиться и на берегахъ Чернаго моря и на Днѣпрѣ.

Солнечный культъ, съ обширнымъ составомъ знаковъ и символовъ состоялъ изъ двухъ генетическихъ разновидностей солнечныхъ знаковъ: изобразительныхъ и означающихъ правила культа, подчинявшагося въ этой группѣ графическихъ символовъ указаніямъ астрономіи. Культъ солнца обусловилъ появленіе и развитіе астрономическихъ наблюденій и нѣкоторыхъ своеобразныхъ обобщеній, начавшихъ проникать въ алфавиты многихъ народностей. Астрономическое міровоззрѣніе древнихъ отразилось на славянскомъ и русскомъ алфавитахъ, сохранившихъ столько цѣнныхъ въ научномъ отношеніи знаковъ, вошедшихъ въ славянскій алфавитъ, приблизительно между IV—VIII вѣками по Р. Х., съ такою наглядностію, какъ ни на одномъ изъ алфавитовъ, съ которыми намъ пришлось ознакомиться, преслѣдуя цѣли этнологоархеологическія. Принявъ во вниманіе бустрофедонные или поворотные знаки, вникнувъ въ соотношеніе полудисковъ, при дальнѣйшей спеціальной разработкѣ болѣе обширныхъ графическихъ матеріаловъ, возможно установить составъ буквен-

---

[1]) См. Ш. 231, тамъ же есть указанія и на литературу.

ныхъ знаковъ въ славянскомъ алфавитѣ не меньшій, чѣмъ въ енисейскомъ алфавитѣ, обладающемъ меньшимъ процентомъ солнечныхъ знаковъ, но значительно большимъ количествомъ символовъ свастико-совастическаго поклоненія.

Такими свойствами отличаются алфавиты, застывшіе въ своемъ развитіи или искусственно остановленные, преимущественно у народностей малокультурныхъ, изолированныхъ. Накопленіе знаковъ и символовъ, обслуживавшихъ практику культа и начальныя фазы развитія религіи, особенно интересно для переходной эпохи, когда знаки и символы оптической системы письма еще хранились не въ одномъ культѣ или зачаткахъ религіи, но и въ общественной жизни, какъ, напримѣръ, въ Китаѣ, Египтѣ и въ памятникахъ древнѣйшихъ культуръ. Цѣнно зафиксированіе различныхъ эволюціонныхъ фазъ солнечнаго культа, находившагося въ зависимости отъ практики астрономіи, придавшей разнообразнымъ солнечнымъ знакамъ мистическое значеніе.

Возникаютъ нѣкоторыя обратныя параллели съ алфавитами Енисея и Орхона и съ нѣкоторыми символами Бирской стеллы. Мы сдѣлаемъ только нѣкоторыя сближенія, имѣющія общее предварительное значеніе, — только намѣчающее спеціальную детальную разработку.

Уже по составу знаковъ и символовъ свастико-совастическаго культа въ енисейскомъ алфавитѣ, можно и апріорно утверждать знакомство аборигеновъ съ раздѣленіемъ солнечнаго диска на полудиски. Но, всмотрѣвшись, еще разъ устанавливается фактъ, въ эволюціонномъ и этнографическомъ отношеніи интересный: знаки тѣлодвиженій солнечнаго культа, приближающіеся къ конкретографамъ, вошли въ енисейскій алфавитъ ранѣе болѣе отвлеченныхъ символовъ, означающихъ полудиски. Первые поступили въ *прямолинейномъ* начертаніи, а вторые — въ *округленномъ* начертаніи (табл. X, л. 9—11), вѣроятно, около III—IV столѣтія послѣ Р. Х. Этотъ фактъ подтверждаетъ высказанное выше о томъ, что заимствованію *знаковъ и символовъ* религіозныхъ тѣлодвиженій предшествовало *заимствованіе* самыхъ *тѣлодвиженій* при практикѣ культа. Своеобразныя же представленія о движеніи солнца, обусловливавшія ранѣе усвоенныя обрядности, приняты въ языкѣ движеній и ремаркированы въ алфавитныхъ знакахъ потомъ; между религіозными, изобразительными и графическими заимствованіями были болѣе или менѣе значительные промежутки времени.

Важнѣйшія изъ полудисковъ и дугъ — знаки восхода солнца (q + p) мы видимъ въ основѣ вавилонской эмблемы или родового знака Шамашъ (табл. VIII. XII), въ буддійскомъ символѣ Джаганнатха (тоже qp), можемъ увидѣть ихъ въ комбинаціи съ узломъ Гермеса (какъ на верхней половинѣ *символа* „онъ“, въ древнѣйшемъ реставрированномъ начертаніи) и въ браминскомъ символѣ Джаганнатха (табл. I. XXXV), увидимъ ихъ и на цилиндрахъ, подъ жертвенникомъ Паффіи (табл. VIII. 6, 7 — pq и qp, и особенно на символахъ восхода солнца на цилиндрѣ 3 — и „Ша“ символъ, и „pq“, и символъ восхода и заката), въ татуировкѣ лица (на щекѣ) каменнаго изваянія у Сагайской думы (табл. VIII. XIV. 76) и особенно на Бирской стеллѣ, символическія ноги (табл. VIII. XIV. 3. 18—18—), непосредственно прилегающія къ головѣ солнечнаго божества, по очертанію своему даютъ символы-шрифтографы, буквы:

„q“ и „p“, какъ знаки восхода лѣваго и праваго полудисковъ. При правильномъ стилизированномъ начертаніи этихъ полудисковъ, ихъ соединеніе даетъ символъ Гермеса. Наверху, надъ среднею группою символовъ, видны и западные диски „b“ и „d“.

Хотя у египтянъ иное построеніе солнечныхъ знаковъ, но полудиски они различали. Кромѣ того, линія показательная удлинялась, соотвѣтственно, для знаковъ восхода и заката солнца, и наклонялась, что видно на алфавитѣ Эберса и что означено нами въ схематическихъ рисункахъ (въ „Объясненіи таблицъ“, къ 14-й полосѣ, въ концѣ пункта 14. 3. В. л. и въ началѣ 2-го „Добавленія“). Отъ египтологовъ должно ожидать разъясненій по этому вопросу.

Беря восточное и западное соотношеніе полудисковъ, т.-е. символы ихъ, вполнѣ соотвѣтствующіе схемѣ движенія полудисковъ „q“ и „p“ къ западу, съ обращеніемъ ихъ тамъ въ символы „b“ и „d“, на что указываетъ, уже отмѣченное въ этомъ отношеніи, зодіакальное созвѣздіе „рака“, на X табл. (съ начертаніями енисейскаго алфавита) л. 11, увидимъ 3 и 4 знаки, „bq“ или 69, и слѣва же, на 10-й строкѣ, 1-й и 2-й знаки образуютъ „pd“, т.-е. отмѣчаютъ обѣ пары этихъ символовъ. Интересно, что восточный полудискъ съ соотвѣтственнымъ западнымъ символомъ сохранился у мѣстныхъ инородцевъ: на Маторѣ нами зарисована тамга (VII табл. 18. 1), внизу сдѣлано только соединеніе полудисковъ чертою. Въ древне-еврейскихъ „lamed“-„phe“ и въ готскихъ рунахъ (а) видимъ сочетаніе этихъ дугъ (Ш. 191. 127. 12. 3).

Въ индійскихъ алфавитахъ свастика и знаки полудисковъ и поклоненіе имъ наиболѣе выражены въ южныхъ индійскихъ алфавитахъ.

Большой интересъ возбуждаютъ армянскій и грузинскій алфавиты, въ параллеляхъ съ иранскими и съ индійскими[1]).

Трудно устанавливать синхронистическія соотношенія во временахъ появленія солнечныхъ полудисковыхъ символовъ на Енисеѣ и на Днѣпрѣ, но, намъ кажется, что эта система религіозныхъ знаковъ могла быть усвоена сперва въ Средней Азіи и проникла на сѣверъ Азіи ранѣе юго-востока Европы, подтвержденіе видимъ въ томъ, что енисейскій алфавитъ несомнѣнно древнѣе славянскаго по составу знаковъ прямолинейнаго начертанія.

Спеціалисты по буддійской и браминской религіозной символикѣ скорѣе всего могутъ отозваться по затронутымъ вопросамъ. И здѣсь, наиболѣе цѣнные графическіе матеріалы должно ожидать изъ Китайскаго Туркестана.

Суммируемъ важнѣйшія заключенія и, кромѣ того, позволимъ себѣ высказать нѣкоторыя немаловажныя практическія замѣчанія, вытекающія изъ представленнаго очерка графическаго генезиса славянскаго и русскаго алфавитовъ.

Всѣ чисто славянскія буквы исходятъ изъ той же этнографической группы религіозныхъ знаковъ и символовъ языка движеній, по всей вѣроятности, при-средиземноморскаго происхожденія, откуда вышли шрифтографы-прототипы всѣхъ древнѣйшихъ алфавитовъ, со включеніемъ и угасшаго енисейскаго алфавита.

---

[1]) См. рис. въ «Илл. Всеобщ. ист. письменъ», стран. 155 и 156 (рис. 106 и 107), а также 153. 103 и табл. индійскаго алф. къ стран. 164.

Славянскій и русскій алфавиты отмѣчаютъ на себѣ, подобно енисейскому и тукюэскому, два графическихъ наслоенія: древнее и позднѣйшее. Древнее, европейское или эллинское, воспринято славянскимъ алфавитомъ не непосредственно, а чрезъ посредство азіатскихъ аризированныхъ народностей, занимавшихъ берега Чернаго моря, вѣроятно, въ скиѳское время. Позднѣйшее графическое наслоеніе, повидимому, чисто азіатское, не потому только, что символы культа принесены послѣдующими аризированными народностями съ юго-востока или востока Азіи, когда эллинское вліяніе уже прекратилось, но и потому, что прототипы позднѣйшихъ символовъ исходятъ изъ Малой, при-средиземноморской Азіи, частью изъ Передней и Средней (при-каспійской) Азіи.

Алфавитъ при-дунайскихъ славянъ угасъ подъ гнетомъ византинизма, алфавитъ при-днѣпровскихъ славянъ также подвергался воздѣйствію византинизма, но сохранилъ свои характерныя черты и даже указанія на свою этнографическую самостоятельность, благодаря, главнымъ образомъ, своему географическому положенію и отчасти послѣдующему ходу историческихъ событій.

Алфавитъ русскій, удержавъ полиморфизмъ и нѣкоторыя другія черты разложенія славянскаго алфавита, въ теченіе 2 столѣтій своего существованія остался безъ существенныхъ измѣненій, и только внѣшне, по очертанію буквъ, подчинился латинскому алфавиту, удержавъ многія азіатскія черты.

При графическомъ анализѣ начертаній славянскаго алфавита, вниманіе невольно останавливалось на огромномъ пространствѣ (охватывавшемъ не только Старый, но, можно сказать, и Новый свѣтъ), на которомъ распространялся культъ, обоснованный на языкѣ движеній, съ системою свѣтового письма, въ которомъ солнце занимало выдающееся положеніе. Группа солнечныхъ знаковъ и символовъ довольно велика и нуждается въ дальнѣйшей разработкѣ, — выясняется двѣ главныхъ фазы солнечнаго культа. Теперь позволимъ еще разъ обратить вниманіе на предположеніе Миллера о томъ, что нѣкогда, во всей Сибири, языческая религія (шаманство), была одна и та же и, особенно, на его заключительныя соображенія, въ концѣ приведенной выше, на стран. 75, цитаты.

Значеніе этой распространенности, въ дѣйствительности, несравненно болѣе обширной, и въ пространствѣ и во времени, и единство религіознаго источника изобразительныхъ и начертательныхъ символовъ, намъ кажется, подчеркивается нѣкоторыми интересными указаніями славянскаго алфавита на связи (по ассоціаціи и координаціи) между изобразительною и звуковою символизаціею[1]).

Характерная для первобытнаго до-алфавитнаго періода культуры склонность къ сложнымъ звуковымъ и изобразительнымъ сочетаніямъ, силлабаріямъ и дифтонгамъ, могла эволюціонировать, въ направленіи языка и алфавита, только подъ регулирующимъ и руководящимъ вліяніемъ изобразительной символизаціи на звуковую, въ направленіи качественномъ и количественномъ, т.-е. въ графическомъ и акустическомъ упрощеніи знаковъ и символовъ, и въ уменьшеніи ихъ числа.

---

[1]) Значительный процентъ увеличенія числа буквъ, повидимому, падаетъ на силлабаріи и дифтонги свастико-совастическаго культа, присоединившіеся къ заимствованіямъ древне-греческаго алфавита до-византійскаго времени и отличающіеся большою звуковою неустойчивостію.

Славянскій алфавитъ, многочисленностію знаковъ, сложностію, многообразіемъ, различіями въ построеніи и стилизаціи, и другими особенностями своего буквеннаго состава, свидѣтельствуетъ не только о своемъ разложеніи и о степени регресса культуры народа, которому онъ принадлежалъ, но, въ то же время, этими же данными, онъ указываетъ и на болѣе высокую эволюціонную ступень, на которой ранѣе стоялъ и алфавитъ и культура народа, его заимствовавшаго. Продуктовъ послѣдующаго графическаго наслоенія около 40% всего числа знаковъ древне-славянскаго алфавита.

Алфавитъ этотъ, въ концѣ 1-го регрессивнаго состоянія, съ нѣкоторыми силлабаріями и дифтонгами, около VII вѣка былъ зафиксированъ[1]), безъ надлежащаго согласованія съ культурнымъ значеніемъ языка и письма, и съ забвеніемъ древнихъ традицій акустической и графической эволюціи. Въ IX вѣкѣ этотъ алфавитъ подвергся византійской цензурѣ, стремившейся только къ искаженію и графической маскировкѣ знаковъ и символовъ языческаго культа, увеличившей составъ древне-славянскаго алфавита нѣкоторыми излишними буквами, дальнѣйшими продуктами разложенія алфавита, уже находившимися въ составѣ эллино-славянскаго алфавита въ болѣе древнемъ прямоугольномъ начертаніи.

Эллино-славянскій алфавитъ сохраненъ въ церковно-славянскомъ языкѣ, оставшемся безъ всякихъ измѣненій до настоящаго времени, онъ же, въ полууставѣ и скорописи, служилъ и для русскаго языка, почти въ томъ же составѣ знаковъ.

Въ гражданскомъ алфавитѣ число буквъ нѣсколько измѣнилось, но, сопоставляя его съ іонійскою редакціею алфавита, беря полиморфизмъ и другіе признаки, степень разложенія въ русскомъ алфавитѣ должно выразить, приблизительно 30—33%.

Взявъ среднее отъ показателей регресса обоихъ алфавитовъ, получимъ показателя графическаго разложенія славяно-русскаго алфавита: около 35% средняго числа буквъ. Случайное благопріятное измѣненіе показателя произошло въ русскомъ алфавитѣ сверху, въ сторону латинскаго алфавита. Во избѣжаніе сомнѣній въ превышеніи количества продуктовъ графическаго разложенія алфавита, возьмемъ показателя въ 33%, т.-е. равнымъ $^1/_3$ трети всего состава алфавита и попытаемся извлечь изъ него, на сколько это возможно, нѣсколько указаній общаго характера о степени культурности народа, обладавшаго этими алфавитами.

Но, сначала, надо оговориться, что полиморфизмъ славянскаго алфавита возможно приписывать византійскому воздѣйствію только въ предѣлахъ около 10%—12%,— на показатель разложенія самого эллинскаго алфавита (позднѣйшія буквы). Славянскихъ знаковъ изъ алфавита при-днѣпровскихъ славянъ византійцы вытѣснить не могли, не смотря на всѣ ихъ усилія, направленныя, главнымъ образомъ, къ обезвреживанію языческаго алфавита со стороны символовъ культа. Одинъ изъ символовъ древне-славянскаго алфавита, заимствованный ими, вѣроятно, отъ скиѳовъ, составлялъ основу родового великокняжескаго знака. Пока мы склонны его считать древнѣйшимъ знакомъ (до свастико-совастическаго культа), можетъ быть, онъ не тронутъ поэтому, но могли возникнуть и дипломатическія соображенія: благодаря такой про-

---

[1]) Вторично, — на Днѣпрѣ или Дунаѣ, что могло быть сдѣлано только служителями культа; ядро же алфавита, по всей вѣроятности, впервые появилось въ Тавридѣ.

текціи „ша“-символа могли остаться въ древне-славянскомъ и всѣ прочіе не-эллинскіе символы. Въ послабленіяхъ къ увеличенію числа алфавитныхъ знаковъ едва ли возможно усматривать сознательное намѣреніе византійцевъ затруднить народу доступъ къ алфавиту и сдѣлать его, такимъ образомъ, исключительнымъ достояніемъ правящихъ сословій. Этотъ эпизодъ мы считаемъ вѣскимъ показаніемъ самого алфавита о своей до-христіанской древности.

Оба алфавита, какъ орудія общенія и мысли, характеризуются показателемъ[1]) какъ орудія тяжелыя, объемистыя, громоздкія, находящіяся въ грубомъ необдѣланномъ видѣ, съ массивнымъ осложненнымъ орнаментомъ, технически несовершенныя, неприспособленныя къ соотвѣтственнымъ культурнымъ цѣлямъ. Вполнѣ овладѣть такимъ орудіемъ, конечно, несравненно труднѣе, чѣмъ легкимъ, упрощеннымъ, портативнымъ, технически совершеннымъ. Такой алфавитъ не могъ сдѣлаться народнымъ достояніемъ. Сравнительные культурные итоги по истеченіи тысячелѣтія у разныхъ народностей, съ нормальными и отрицательными показателями алфавитовъ, при равенствѣ прочихъ условій ихъ исторической жизни, легко убѣждаютъ, что показатели эволюціоннаго состоянія алфавитовъ и показатели, характеризующіе разныя стороны культуры, находятся между собою въ прямыхъ отношеніяхъ.

Процентъ необладавшихъ алфавитомъ, какъ орудіемъ культуры въ Россіи, къ концу 1-го тысячелѣтія ея исторіи, былъ около 90%; народъ былъ лишенъ этого орудія культуры, отодвинутый его необычайною сложностію. Среди духовенства и другихъ правящихъ сословій процентъ книжныхъ и даже грамотныхъ людей былъ также поразительно низокъ, — и здѣсь алфавитъ не былъ орудіемъ общей культуры, а лишь слугою религіи и власти: для подавляющаго большинства грамота представлялась совершенно излишнимъ обремененіемъ и тягостною обузою. Есть основанія категорически утверждать, что всѣ эти факты, въ извѣстныхъ предѣлахъ, обусловливались и графическимъ разложеніемъ алфавита, съ показателемъ въ 33%, что усиливало вредное дѣйствіе алфавита въ гораздо большей степени, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Издавна установившіяся и уже опредѣлившіяся съ достаточною устойчивостію, показатели прогрессивнаго роста культурообразующихъ этнографическихъ видовъ и разновидностей, за 1-е тысячелѣтіе исторіи Россіи, дѣлаютъ оптимистическія мечты о ихъ чудодѣйственномъ измѣненіи въ началѣ 2-го тысячелѣтія также несбыточными и фантастическими, какъ грезы о Эзоповской черепахѣ, скачущей на Гоголевской тройкѣ. Возникаютъ также не менѣе пессимистическія сомнѣнія и въ томъ, могутъ ли и хитросплетенныя, на византійской основѣ, сѣти изловить показателей: грамотности, роста начальныхъ училищъ и увеличенія числа необходимыхъ для нихъ учительскихъ силъ, такъ стойко державшихся во 2-й половинѣ 1-го тысячелѣтія, и изъять ихъ изъ обращенія, замѣнивъ, въ наступившемъ 2-мъ тысячелѣтіи, болѣе соотвѣтствующими проэктируемому[2]) обязательному обученію. Но, каково бы ни было фактическое дви-

---

[1]) Мы увѣрены, что впослѣдствіи выработаются правила для болѣе основательной и разносторонняго установленія степени разложенія алфавитовъ не только съ графической, но и звуковой стороны.

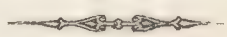
[2]) Вопросъ о всенародной грамотности поднятъ еще въ XVIII столѣтіи. Энц. Слов. Брокгаузъ-Ефронъ XI. 188 и 40. 755.

женіе начальнаго обученія народа, пренебрегать активнымъ содѣйствіемъ самого алфавита въ этомъ трудномъ дѣлѣ, ни въ какомъ случаѣ, не слѣдуетъ: только полное объединеніе дѣятельности *всѣхъ* факторовъ начальнаго обученія можетъ обезпечить наибольшій успѣхъ этого великаго начинанія.

Алфавитъ, чтобы быть вполнѣ цѣлесообразнымъ, орудіемъ обученія, долженъ быть простъ и легокъ, вполнѣ пригоденъ, и для самообученія, т.-е. и для *самодовлѣющаго*, такъ сказать, въ извѣстныхъ предѣлахъ, вліянія на пониженіе процента безграмотности, только тогда алфавитъ и можетъ быть фактическимъ народнымъ достояніемъ. Теперь же, вмѣсто *движущаго рычага* народнаго просвѣщенія и культуры, съ величайшею настойчивостію удерживается — *тормозящій*, каковымъ оказывается русскій алфавитъ въ ненормальномъ полиморфномъ составѣ знаковъ, съ характерными признаками разложенія и отсталости, вслѣдствіе его доисторическаго прошлаго и многовѣковой задержки его графической эволюціи. Вотъ почему возможно утверждать, что вопросы объ обязательномъ обученіи и объ эволюціи алфавита находятся въ органической связи: на пути къ обязательному обученію, реформа русскаго алфавита — первый шагъ.

Только научное, т.-е. вполнѣ объективное и разностороннее разсмотрѣніе этого вопроса, будучи чуждымъ духа авторитета и далекимъ отъ всякихъ предвзятыхъ, низменныхъ и злокозненныхъ замысловъ, можетъ дать его исчерпывающее рѣшеніе, направленное ко благу народа, — къ охраненію интересовъ его массоваго обученія, что обезпечитъ этому дѣлу и дальнѣйшее правильное движеніе.

Надо быть врагомъ культуры, чтобы неукоснительно требовать оставленія доисторическихъ изобразительныхъ памятниковъ на пути графической эволюціи русскаго алфавита, отстраняя его этимъ отъ активнаго служенія народному просвѣщенію.



IX.

Эволюціонное прошлое письма и языка. Заключительныя замѣчанія.

Заимствованія по практикѣ культа, въ большинствѣ случаевъ, предшествуютъ графическимъ заимствованіямъ. — Установленіе, заимствованіе и миграція изобразительныхъ движеній шли впереди соотвѣтственныхъ фазъ изобразительныхъ начертаній. — Сходство и устойчивость типовъ конкретографовъ и сигнографовъ (со включеніемъ и шрифтографовъ) кроется въ ихъ этнографической сущности. — Пиктографы, сигнографы и система письма на Критѣ; возможность смѣшенія знаковъ обѣихъ системъ письма. — О линейныхъ знакахъ въ сферѣ Микенскаго вліянія въ до-финикійское время. — О времени, мѣстѣ и происхожденіи при-средиземноморскихъ линейныхъ знаковъ. — Нѣсколько словъ о теоріи де-Ружэ. — Отсутствіе хронологическихъ данныхъ о началѣ мѣдно-бронзовой эпохи на Енисеѣ; причины этого. — Застой въ изслѣдованіяхъ и отсутствіе охраны памятниковъ старины, какъ слѣдствіе бѣдности русскихъ ученыхъ учрежденій и обществъ. Широкія и систематическія изслѣдованія Сибири, вѣроятно, будутъ начаты иностранными учеными обществами. — Нѣкоторыя хронологическія соображенія. — Языкъ движеній, какъ самостоятельный эволюціонный этнографическій видъ, предшествовавшій звуковому языку. — Сосуществованіе двухъ разновидностей одного этнографическаго вида обусловлено различіемъ основъ и дѣятелей эволюціи. — Методы этнографіи должны быть примѣнены къ уясненію филогенетическаго начала языка, какъ явленія этнографическаго. — Языкъ движеній, какъ воспитатель и учитель звукового языка. — Алфавитныя начертанія — автогенетическіе документы. — Языкъ движеній жертвенныхъ животныхъ — графическій предшественникъ языка религіозныхъ движеній самого человѣка. — Корни развитія способностей къ фонетическому языку, его всемірность и универсальность, сходство алфавитныхъ начертаній, графическій символизмъ, основы стилизаціи и композиціи орнамента кроются въ языкѣ движеній, въ его знакахъ и символахъ. — Относительная древность знаковъ и символовъ языка движеній отмѣчается ихъ обращеніемъ къ всемірнымъ божествамъ. — Сопоставленіе конечнаго вывода съ психо-физіологическими и психологическими данными. — Косвенныя указанія на языкъ движеній въ существующихъ гипотезахъ о происхожденіи древнѣйшихъ корней словъ. — Будущее вопросовъ о языкѣ и письмѣ; залогъ успѣха — въ единствѣ дѣятельности международныхъ научныхъ силъ.

Всѣ наши заключенія и выводы обоснованы на изслѣдованіи и сопоставленіи различныхъ разновидностей изобразительнаго искусства, которое, какъ этнографическій родъ или видъ, мы беремъ въ *полномъ* объемѣ, включая и изобразительный (свѣтовой) языкъ, со знаками и символами, отъ него происшедшими, со всѣми изобразительными и начертательными памятниками практики культа, — со всѣми градаціями свѣтового письма: начиная съ рисунковъ палеолитическихъ эпохъ, отразившихъ зачатки конкретнаго мышленія или фиксировавшихъ только представленія и иногда эмбріоны стилизаціи и орнамента, какъ отраженія практики культа, и кончая рисунками, конкретографами и символами, очевидно условными, и линейными сигнографами

и шрифтографами, съ ясно выраженною религіозною стилизаціею и композиціею. Вообще, мы старались параллелизировать возможно большее количество изобразительныхъ и начертательныхъ проявленій духа человѣческаго на разнообразныхъ памятникахъ старины, независимо отъ обычнаго археологическаго и этнографическаго ихъ распредѣленія.

Относительно заимствованія и передвиженія большей части этихъ этнографическихъ разновидностей, кратко резюмируемъ все выше разъясненное. Заимствовались и передвигались, вмѣстѣ съ практикою культа, сперва не знаки свѣтового письма, а знаки — изобразительнаго языка, какъ предметныя представленія тѣхъ или другихъ религіозныхъ тѣлодвиженій человѣка, древность начертаній которыхъ можетъ восходить и къ тѣмъ геологическимъ временамъ, когда языкомъ человѣка былъ самъ человѣкъ. Въ культѣ же, какъ мы видѣли, изобразительный языкъ держался очень долго послѣ того, какъ пересталъ быть средствомъ общенія. Заимствованіе, какъ и изобрѣтеніе и передвиженіе изобразительныхъ тѣлодвиженій и ихъ графическое воспроизведеніе, подчиняются закону генетической послѣдовательности, сочетаясь съ ассоціаціями сложныхъ представленій и по смежности хронологической, въ данномъ случаѣ, сперва предметныхъ, а затѣмъ — воспроизведенныхъ, стоящихъ на эволюціонно разработанномъ пути той инерваціи, гдѣ на одномъ концѣ находится ощущеніе, а на другомъ движеніе.

Игнорированіе или незнаніе отмѣченныхъ этнографическихъ и эволюціонныхъ законовъ самое слабое мѣсто въ теоріи де-Ружэ. Изумительное сходство, этнографическая устойчивость, жизненность, способность къ передвиженію разсматриваемыхъ разновидностей, какъ уже разъяснено выше, обусловливались именно ихъ религіозною сущностію: культъ сохранилъ, даже и теперь охраняетъ, эти графическіе памятники интереснѣйшей стадіи своего эволюціоннаго прошлаго. Хронологическія соображенія объ этихъ пережиткахъ глубокой старины, особенно со стороны изслѣдуемаго культурнаго центра, какъ мѣста исхожденія и схожденія всѣхъ нашихъ параллелей, весьма затруднительны, по бѣдности имѣющихся матеріаловъ.

По общему вопросу о времени и о первоначальномъ мѣстѣ появленія графическихъ разновидностей разсмотрѣнной группы (беря и конкретографы и сигнографы), мы напомнимъ о находкахъ на Критѣ[1]).

Пиктографическое письмо[2]) является тамъ старѣйшимъ и опредѣляется хронологическою датою въ XX столѣтій, его производятъ отъ первобытнаго образнаго письма неэллинскихъ обитателей острова, названныхъ этеокритянами (настоящими критянами, дорійцами), а ихъ нашествіе, по греческимъ преданіямъ, было около XII вѣка до Р. Х. Но вопросъ объ аборигенахъ Крита не считается окончательно рѣшеннымъ, права этеокритянъ на аборигенность сомнительны. Надпись на неизвѣстномъ языкѣ, недавно найденная между развалинами Презоса, указываетъ архаи-

---

[1]) Arthur I. Evans. «Cretan Pictographs». L. 1895. — Его же. «Palace of Knososs» и «The prehistoric tombs of Knososs» (London, 1906). Forrers RL. 711. — Perrot-Chipiez. Hist. d. a. VI. 462. — Э. Клоддъ. «Эвол. въ письм.», С.-Пб. 1908. Стран. 64—65. — См. Кипръ и Египетъ.

[2]) См. у Клодда табл. I, на стран. 60.

ческими начертаніями греческихъ буквъ, что этотъ алфавитъ накрылъ древнія письмена этого неизвѣстнаго языка. Но мы, по нѣкоторымъ рисункамъ этихъ пиктографическихъ письменъ, имѣемъ основанія заявить, что они могутъ быть относимы и къ оптической системѣ письма; вліяніе этого письма на микенскую цивилизацію и даже самая возможность его существованія на Критѣ не должны игнорироваться.

Линейная система письма на Критѣ признается силлабическою, допускается даже возможность и алфавитной. Линейныя начертанія считаются лишь условными формами пиктографовъ. Д-ръ Тсаунтасъ (Tsoundas) положительно отрицаетъ связь линейной системы письма съ этеокритскими письменами; онъ предполагаетъ, что *„упрощеніе этихъ письменъ произошло на востокѣ и среди народа или народовъ, не греческаго происхожденія“*[1]). Большее распространеніе констатировано на островахъ, на Критѣ и въ Пелопоннесѣ менѣе.

На XIII сравнительной таблицѣ алфавитныхъ начертаній Малой Азіи, Енисея и Орхона, можно видѣть только сходные линейные знаки, въ трудѣ Перро и Шипье можно увидѣть и другіе знаки важнѣйшихъ мало-азіатскихъ алфавитовъ, но только въ трудахъ по сравнительному языковѣдѣнію можно найти и всѣ алфавиты, со всѣми дублетными знаками, но эти источники для этнографовъ трудно доступны.

Весьма важенъ, уже отмѣченный нами, еще неразработанный графическій матеріалъ на множествѣ напряслицъ Трои, кромѣ того, принявъ во вниманіе критскіе и эгейскіе знаки, получимъ большую коллекцію линейныхъ знаковъ, генезисъ которыхъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, мы видимъ въ языкѣ движеній, стадіи и формы письма котораго могли быть различны. Сравнительно немногія линейныя начертанія представляютъ затрудненія, возбуждаютъ сомнѣніе и заставляютъ желать дублетовъ и параллелей. Мы не видимъ принудительныхъ основаній принимать за силлабическія начертанія конкретографы системы свѣтового письма, изъ формы его, непосредственно (этнографически) прилегавшей къ силлабаріямъ, а также и сочетанія символическихъ смѣшанныхъ начертаній на трехгранныхъ и четырехгранныхъ камняхъ. На первый взглядъ, намъ они кажутся прототипами древнихъ цилиндрическихъ печатей или, что также возможно, ихъ пережитками, отражающими отмѣченную стадію культа, когда человѣкъ еще не ввелъ себя въ культъ, т.-е. не былъ еще ни священнымъ жертвеннымъ животнымъ ни священнымъ жертвоприниматель емъ. Если бы мы имѣли подъ рукою возможно большее число отчетливыхъ рисунковъ гіероглифовъ: гиттитскихъ, египетскихъ, ассирійскихъ и особенно аккадійскихъ или суммерійскихъ, мы дали бы еще болѣе обстоятельныя предварительныя соображенія. Теперь же, на одномъ четырегранномъ камнѣ (54.1) видимъ[2]): корабль съ развилиною на носу, съ гребенчатымъ символомъ внизу (изъ веселъ) съ дугообразными символами благословенія—надъ кораблемъ, перекрещенные знаки

---

[1]) Курсивъ нашъ. Позволяемъ себѣ добавить: народовъ, можетъ быть, стоявшихъ *внѣ* сферы непосредственнаго воспріятія культовъ,— разработки миѳологіи и усвоенія пантеоновъ божествъ. Эти восточные народы — кочевники — повидимому, не имѣли тогда антропоморфизированныхъ божествъ, въ сношеніе съ сопровождавшими ихъ божествами родоначальники входили при содѣйствіи жертвъ, молитвъ, ихъ направленіе означалось древнѣйшимъ языкомъ движеній.

[2]) Эд. Клоддъ, «Эволюція ч—ства въ письм.» С.-Пб. 1908. Стран. 58.

заката и восхода (знакъ двухъ дней, что при внутреннихъ кружечкахъ въ знакахъ солнца м. б. знакомъ и четырехъ дней)[1]), прямоугольникъ, съ расширяющимся выходомъ, вверху и внизу два лежачихъ креста и два перекрещивающихся вертикально угловыхъ символа. Мы далеки отъ сомнѣній въ невозможности чтенія этихъ начертаній по системѣ свѣтового письма, представляющаго, въ данномъ примѣрѣ, несравненно большее содержаніе, и со стороны культа и съ житейской точки зрѣнія. Въ нашихъ глазахъ, это торговая печать, со знакомъ фирмы, съ означеніемъ курса и времени перехода, съ присоединеніемъ значительнаго числа напутственныхъ религіозныхъ символовъ, молитвенныхъ и благословляющихъ[2]). Оріентировка чтенія: верхъ — югъ и небо; низъ — сѣверъ (и земля, въ данномъ примѣрѣ — вода); направо — западъ, мѣсто отправленія (благословляющій корабль символъ владѣльца и накрывающій символъ отъ сѣверныхъ божествъ) и налѣво — востокъ и мѣсто разгрузки (какъ-бы привязныя сваи гавани, надъ которыми приходится символическая благодарственная развилина корабельнаго носа). Дешифрированіе этого рода начертаній, по аналогіи, должно предполагать идущимъ на востокъ, т.-е. отъ правой руки къ лѣвой. Символы на трехгранномъ сердоликѣ даютъ, намъ кажется, показанія еще менѣе благопріятныя для силлабическаго рѣшенія ихъ значенія.

О линейныхъ знакахъ въ предѣлахъ сферы микенскаго вліянія, въ до-финикійское время, Тсаунтасъ высказалъ слѣдующее соображеніе, которое мы цитируемъ[3]), въ виду интересныхъ сопоставленій, имъ сдѣланныхъ.

„Нѣкоторые изъ критскихъ типовъ представляютъ поразительную аналогію съ азіатскими; съ другой стороны, многіе изъ молодыхъ гиттитскихъ символовъ прямо бьютъ въ глаза своимъ отсутствіемъ. Параллелизмъ можетъ быть объясненъ тѣмъ, что обѣ системы выросли въ болѣе или менѣе пограничныхъ областяхъ изъ первобытныхъ пиктографическихъ элементовъ, какъ это мы находимъ у американскихъ

---

[1]) Ibidem. Эд. Клоддъ. Ср. рис. 54. 4. — Сопост. Perrot-Chipiez, IV. 496. 256.

[2]) См. рисунки у Эд. Клоддъ, «Эволюція въ письм.», стран. 58. Ранѣе описанный рисунокъ 54. 1. Отмѣчаемые теперь, рис. 53, начиная сверху. 1. Интересный знакъ времени дня и направленія движенія: знаки запада и полудня, показательными линіями сошедшіяся подъ прямымъ угломъ, и расположенныя согласно обычной оріентировкѣ; образовавшійся, такимъ образомъ, угловой символъ благословляетъ направленіе пути, на юго-западъ. Это толкованіе подкрѣпляется дублетнымъ знакомъ на четырехгранномъ камнѣ, рис. 54. 3, пр. зн., указывающимъ время, между востокомъ и полуночью, и сѣверо-западное направленіе движенія. На концѣ линіи направленія здѣсь присоединены угловые знаки молитвы. Если дублеты поддержатъ предложенное толкованіе направленія движенія, то географическая оріентировка была подчинена культовой, и финикійская (а вѣроятно, и эгейская) звѣзда (полярная) была только оріентировочною, только для мореплаванія. Правый знакъ на 1-й трехгранной печати: совастическій показатель, немного спирализированный на концахъ, отъ которыхъ меандроподобно отходятъ знаки полудня и сѣвера, послѣднее придаетъ всему символу двойное значеніе, поклоненія и небу (зениту) и востоку. — 2) Принесеніе на западѣ въ жертву коня надземнымъ божествамъ, на югѣ господствующимъ. Хвостъ коня условно обстриженъ; положеніе жертвеннаго топора (широкій его конецъ) указываетъ одностороннее жертвоприношеніе. — 3. Свинья, какъ жертвенное животное, обращенное опущенною головою влѣво, выражаетъ усиленное поклоненіе внизъ (восточнымъ и земнымъ божествамъ) и меньшее вверхъ (гребенчатый или щеточный символъ). Мордою жертва указываетъ мѣсто постановки жертвенника, переноснаго, деревяннаго — на сѣверѣ. Постановка жертвенника длинникомъ съ полдня на полночь означена ясно, ясно также указаніе жертвы мордою на нижнія части ножекъ жертвенника; можно думать, что направленіе пути жертвовавшихъ было съ запада-юго-запада. Вопросъ о томъ, не могли ли эти камни служить и для религіозной ворожьбы, можетъ быть рѣшенъ только выясненіемъ соотношенія размѣровъ граней.

[3]) Э. Клоддъ. «Эволюц. человѣчества въ письменахъ», стран. 60—61.

индѣйцевъ въ настоящее время; и когда, позднѣе, на берегахъ Оронта и на высотахъ Каппадокіи, съ одной стороны, и на берегахъ Эгейскаго моря, съ другой — болѣе формализированное, „гіероглифическое“ письмо начало независимо развиваться изъ этихъ болѣе простыхъ элементовъ, то что можетъ быть естественнѣе, какъ не то, чтобы общія той или другой группѣ письмена сохранились въ каждой? Дальнѣйшее взаимное общеніе этихъ странъ могло содѣйствовать только сохраненію этихъ общихъ элементовъ. Но символическое письмо, съ которымъ мы здѣсь имѣемъ дѣло, по самому существу своему находится на особомъ положеніи. Критская система пиктографическаго письма неотдѣлима отъ той площади, на которой преобладала микенская форма культуры. Съ географической точки зрѣнія оно принадлежитъ Греціи“.

Къ этому заключенію мы не можемъ вполнѣ присоединиться: подавляющее большинство такъ называемыхъ критскихъ пиктографовъ встрѣчается и въ Малой Азіи, среди многочисленныхъ алфавитовъ и памятниковъ изобразительнаго искусства; наблюдаются они и среди петроглифовъ Сибири и Америки и въ алфавитѣ Енисея и Орхона, какъ и въ пережиткахъ культа, нѣкоторые же изъ критскихъ знаковъ можно встрѣтить среди тамгъ различныхъ средне-азіатскихъ народностей даже и теперь. Критскіе типы линейныхъ начертаній и малоазіатскіе не могли вырости *изъ пиктографовъ*, генезисъ большинства конкретографовъ и сигнографовъ, съ соотвѣтственными символами отъ нихъ, кроется въ религіозныхъ тѣлодвиженіяхъ.

Интересующимся предлагаемъ сравнить гіероглифы гиттитовъ (Perrot-Chipier, Hist. de l'art. IV. 497. 256), условные знаки мексиканскихъ индѣйцевъ (Шницеръ, Вс. ист. письма, 26, II табл.) и линейные символы инковъ (Falb, Das Land der Inka), сопоставивъ съ нашими классификаціонными соображеніями (стран. 20, 21 и др.). Гіероглифическія или конкретно-символическія формы нуждаются въ спеціальной разработкѣ. Въ этомъ направленіи мы совсѣмъ не имѣемъ необходимаго графическаго матеріала. Но и въ томъ, что имѣемъ и даже на вышеуказанныхъ рисункахъ, нетрудно убѣдиться во вліяніи культа. Напр. рис. Kingsborough, „Antiqu. of Mexico, т. II, табл. LXXV (Шницеръ, табл. II) ясно показываетъ, что повороты головъ подчинены культу правой и лѣвой руки. Еще одинъ — два ключа, подобныхъ этой пояснительной фигурѣ, и можно попытаться дешифрировать и гиттитскіе гіероглифы, особенно, если среди гиттитскихъ памятниковъ, окажется подкрѣпляющій руководящій ключъ. На inscr. de Djerablus (Wright, The Empire, pl. X) бустрофедонность головъ и ногъ на строкахъ начертаній несомнѣнны; кромѣ религіозныхъ поворотовъ на востокъ и западъ, и самый составъ знаковъ указываетъ, что нѣкоторые контретографы — мимеографическаго и символическаго генезиса. Большинство же критскихъ сигнографовъ относятся къ другой стадіи и другой формѣ оптическаго письма.

Относительно времени, мѣста и происхожденія при-средиземноморскихъ линейныхъ знаковъ, еще въ 1899 г., проф. Петри высказалъ слѣдующія сравнительныя соображенія и сопоставленія, представляющія большой интересъ[1]).

„Еще за 5000 лѣтъ до Р. Х. по всему побережью Средиземнаго моря въ употребленіи находилось большое количество письменныхъ знаковъ. Они изобрѣтены

[1]) Ibidem, p. 65.

были въ Египтѣ въ эту эпоху и расщепились на два перекрещивающихся потока, — восточный и западный, — гіероглифическихъ знаковъ въ Египтѣ и у гиттитовъ. Линейныя же системы развивались различно и на долгое время въ различныхъ странахъ удержались для всеобщаго употребленія. Впервые они были систематизированы въ видѣ численныхъ величинъ, каковое значеніе имъ придано было финикійскими торговцами, которые занесли ихъ въ Грецію, при чемъ греческіе знаки были ограничены въ употребленіи въ качествѣ алфавитныхъ элементовъ. Но болѣе полная форма таковой системы сохранилась въ Каріи, при 36 знакахъ и въ Иберіи на 7 знаковъ болѣе, т.-е. съ 43 знаками. Эта связь иберійской системы съ карійской — поразительна; такимъ образомъ, связь египетской системы устанавливается скорѣе съ Западомъ, чѣмъ съ Востокомъ. Знаки, найденные въ Египтѣ, въ 13 случаяхъ сходны съ древне-арабскими, въ 15 случаяхъ общи съ финикійскими и въ 33 случаяхъ — общи съ карійскими и кельто-иберійскими. Это соображеніе ставитъ египетскую систему XII и XVIII династій въ тѣсную связь съ другими системами побережья Средиземнаго моря". (Ср. т. XIII, ст. 5.— Perrot.-Chip. V. 98. 217—218, 310—311.—Шниц. ист. п. 156. 107).

Къ сожалѣнію, проф. Петри не задается прошлымъ письменныхъ знаковъ, образовавшихъ гіероглифическіе потоки, а въ ихъ составѣ есть и конкретографы, и символы отъ нихъ, есть и сигнографы, съ символическими производными, среди тѣхъ и другихъ есть и изобразительныя, и линейныя, и символическія начертанія, — и всѣ они, по Эвансу, „изобрѣтены" въ эту эпоху и въ Египтѣ. Въ гл. V можно найти не мало данныхъ, заставляющихъ сомнѣваться въ подобной локализаціи. Напомнимъ типичный, можно сказать, для Египта угловой символъ: и двумя конкретографами и линейными углами онъ ясно выраженъ въ Европѣ, въ эпоху Мадленъ. Отдаленный эволюціонный и ближайшій этнографическій генезисъ письменныхъ знаковъ, какъ схемъ, какъ слѣдовъ движенія мысли человѣческой, изъ которыхъ весьма многіе являются отраженіями языка тѣлодвиженій, т.-е. той оптической рѣчи, которая предшествовала лингвистической, разъясненъ выше. Линейные знаки оптическихъ и акустическихъ системъ письма развивались не различно, а однообразно, подчиняясь практикѣ культа, отражавшей господство не мѣстныхъ, а всемірныхъ божествъ, покровителей и спутниковъ передвигающихся кочевыхъ народовъ. И въ практикѣ рѣчи и въ усовершенствованіи письма, обитатели великаго степного европейско-азіатскаго моря и мѣстностей, прилегавшихъ къ нему и къ древнѣйшимъ неподвижнымъ инертнымъ, замкнутымъ культурамъ, активно, хотя и безсознательно, стремились не къ мѣстнымъ, не къ расовымъ, а къ общечеловѣческимъ массовымъ интересамъ. Финикіяне пришли съ береговъ Персидскаго моря къ побережью и морю, получившему ихъ имя, не новичками въ мореплаваніи и торговлѣ, южно-семитическіе знаки и символы языка движеній, отличающіеся большимъ разнообразіемъ, они имѣли случай усвоить, а, можетъ быть, восприняли и основы алфавитной системы. Къ берегамъ Сиріи сходились великіе торговые пути съ востока и запада, и морскіе, съ побережья Средиземнаго моря, и съ суши, съ арійскими и аризированными народами финикіяне входили въ непосредственныя сношенія и чрезъ посредниковъ, каковыми могли быть и арійскія на-

родности. Въ Финикіи жили капиталисты и торговцы со всего міра, для обслуживанія дѣлъ избирались способнѣйшіе люди всѣхъ національностей, сфера финикійскаго вліянія была очень обширна. Финикіяне, богатые заимствованіями, не дѣлая изъ нихъ тайнъ, были ревностными распространителями идей и обычаевъ Азіи; развиваясь путешествіями и общеніемъ съ разнообразными народами, своею энергіею, умомъ, неустанною дѣятельностью они расшевеливали, пробуждали дремлющія силы арійскихъ народовъ. Удержавъ въ своемъ алфавитѣ консонантизмъ, свойственный семитамъ, они натолкнули арійцевъ завершить алфавитъ, уменьшивъ число знаковъ до минимума и сразу ввести гласныя буквы. А эти, на первый взглядъ, несущественные признаки, отмѣчаютъ вліяніе арійцевъ на отчетливость произношенія, на артикуляцію рѣчи, на тембръ и окраску звуковъ, вообще, — на выразительность и благозвучіе рѣчи, послѣдствіемъ этого является малочисленность алфавитныхъ знаковъ, ихъ простота и четкость. Почти всѣ буквы — знаки языка движеній, имѣвшихъ наибольшее значеніе въ культѣ, въ началѣ его миѳической стадіи, до антропоморфизаціи верховныхъ божествъ и до возникновенія мѣстныхъ культовъ.

Въ своемъ другомъ трудѣ, проф. Петри замѣчаетъ: „По вопросу о томъ, откуда происходитъ алфавитъ, мы стоимъ теперь въ совершенно новомъ положеніи, и видимъ, что эти источники должны быть приблизительно въ три раза старше, чѣмъ это предполагалось раньше. Трудно допустить, чтобы эти знаки употреблялись для письменныхъ сношеній, или въ качествѣ алфавита уже на раннихъ стадіяхъ своего развитія. Это было простое собраніе знаковъ, общее значеніе которыхъ являлось болѣе или менѣе распространеннымъ; и присвоеніе каждому знаку особой буквы, и употребленіе этихъ знаковъ исключительно для звуковъ, изъ которыхъ строятся слова — явленіе позднѣйшаго происхожденія, вышедшаго изъ процессовъ систематизаціи, столь необходимой для финикійской торговли“. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при раскопкахъ въ Гуробѣ, Петри нашелъ обломки „эгейскаго“ горшка съ начертаніями, въ нѣкоторыхъ случаяхъ тождественными съ тѣми, которыя были найдены въ Греціи[1]). За то, что находки при Кахунѣ такъ же древни, какъ и самый городъ, и Петри и Эвансъ высказались одинаково. Относительно знаковъ, бывшихъ въ употребленіи въ мѣстности, занятой народами Эгеи и Малой Азіи, за 1200 лѣтъ до Р. Х., проф. Петри высказалъ: „Нужно потребовать вполнѣ достовѣрныя доказательства того, что финикійскій алфавитъ вышелъ изъ предположеннаго арабскаго источника раньше, чѣмъ мы отважимся отрицать, что мы здѣсь столкнулись съ происхожденіемъ средиземныхъ алфавитовъ“.

„*Простое* собраніе знаковъ“ не было таковымъ въ дѣйствительности; оно имѣло этнографическое содержаніе: знаки и символы языка культа — языка движеній. Подробности изложены выше. „Столкновеніе съ происхожденіемъ средиземныхъ алфавитовъ“ возможно и оспаривать, если не будутъ представлены неопровержимыя доказательства того, что тутъ нѣтъ смѣшенія системъ письма, звуковой (силлабической) и свѣтовой: въ случаѣ же смѣшенія, нѣкоторые знаки и символы языка движеній, имѣющіе, можетъ быть, именно это значеніе, могутъ быть тождественны шрифтографамъ

[1]) Flinders Petrie, «Kahun und Gurob». London. 1890.

и могутъ вводить въ недоразумѣніе. Подробности относимъ къ предварительнымъ замѣткамъ, см. въ объясненіи къ таблицамъ Эванса и Петри.

Чтобы разносторонне выяснить взгляды на интересующую насъ древность алфавитныхъ знаковъ на берегахъ Средиземнаго моря, мы позволимъ себѣ привести нѣсколько цитатъ изъ послѣдней книги Э. Клодда, хотя написанной для большой публики, но поставившей себѣ задачею представить современное научное положеніе вопросовъ объ эволюціи человѣчества въ письменахъ и исторіи алфавитовъ, съ его заключительными обобщеніями. Въ какихъ основныхъ пунктахъ мы расходимся съ нынѣ общепринятыми воззрѣніями и каковы наши представленія о дальнѣйшемъ движеніи этого вопроса, видно изъ всего вышеизложеннаго и изъ дальнѣйшихъ ремарокъ, выводовъ, соображеній и заключительныхъ обобщеній.

Микенская цивилизація на островахъ Эгейскаго моря и въ Греціи началась, по крайней мѣрѣ, за XXX вѣковъ до Р. Х., достиженіе высшаго развитія считается между XVII и XII столѣтіями.

„Поразительные факты употребленія общихъ торговыхъ знаковъ на обоихъ берегахъ Средиземнаго моря, и столь же поразительные факты, какъ находки остатковъ микенскаго искусства въ Сардиніи, на ряду съ другими фактами, показываютъ, насколько тѣснымъ было соприкосновеніе между одной и другой частью Европы за цѣлыя столѣтія до той эпохи, когда финикіяне оставили берега Персидскаго залива ради Сирійскаго побережья. Эти факты подготовляютъ насъ къ воспріятію новой теоріи объ „эгейской культурѣ“, возникшей въ огромной области, простиравшейся отъ Швейцаріи и Сѣверной Италіи, черезъ бассейнъ Дуная и Балканскій полуостровъ и продолжавшейся чрезъ большую часть Анатоліи до Кипра (Эвансъ)“. „Раннее развитіе морской торговли дало жителямъ островного міра Эгейскаго моря возможность опередить своихъ сосѣдей и вызвало къ жизни высшія формы культуры, которой было предоставлено судьбою оказать воздѣйствіе на культуру огромнаго европейскаго пояса, а, быть можетъ, даже на болѣе древнія цивилизаціи Египта и Азіи“ (Эвансъ) [1]).

Культура эта, конечно, распространялась по Эгейскому морю и на Востокъ. Кипръ доставлялъ металлъ, которому онъ далъ свое имя, а золото Малой Азіи поступало къ до-эллинскимъ обитателямъ острововъ. О золотѣ вспомнимъ показанія Аристейя и миѳъ о золотомъ рунѣ: золото могло получаться и обмѣнной торговлей съ Ураломъ и Алтаемъ, и не однимъ средне-азіатскимъ путемъ, но и торговлею среди кочевниковъ, т.-е. по южнымъ степямъ Сибири [2]).

Объ источникѣ микенской цивилизаціи Фразеръ [3]) высказалъ слѣдующія соображенія. „Существованіе въ эту отдаленную эпоху великаго морского государства на Критѣ, который, благодаря своему центральному положенію между Греціей и имперіями Востока, былъ чрезвычайно приспособленъ къ воспріятію и претворенію характерныхъ особенностей обѣихъ сторонъ, что какъ разъ необходимо для того,

---

[1]) Э. Клоддъ. «Эволюція человѣчества», стран. 67.

[2]) Энц. Слов. Бр. Ефр. 24—640. — В. С. Реутовскій. «Полезн. ископ.» С.-Пб. 1905 г. I. 253—268.

[3]) Ibidem, стран. 68.

чтобы объяснить себѣ возникновеніе и широкое распространеніе типа такой цивилизаціи, какъ микенская, въ которой восточныя вліянія были ассимилированы и переработаны могучей и независимой національностью, одаренной острымъ чувствомъ своего я по отношенію къ искусству. Лопата, вѣроятно, рѣшитъ въ одинъ прекрасный день этотъ споръ о пріоритетѣ между Арголидой и Критомъ, но пока все говоритъ за то, что микенская цивилизація возникла на Критѣ и распространилась отсюда, какъ изъ центра и что блестящіе дни Тирены и Микенъ начались еще до того времени, когда критское государство начало приходить въ упадокъ".

„Около половины XII вѣка до Р. Х. дорійскіе завоеватели въ своемъ походѣ на югъ достигли до стѣнъ Тирены и Микенъ, разграбили и сожгли ихъ. Паденіе Микенъ было на руку Финикіи; она быстро захватила господство надъ всѣмъ Средиземнымъ моремъ. Въ періодъ возникновенія финикіяне переработали алфавитъ въ его современную форму и обезпечили усвоеніе его греками. Но если ихъ алфавитъ не является производнымъ отъ египетскаго гіератическаго письма, то откуда онъ могъ произойти?"

„Никакого опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ пока не намѣчается, и, быть можетъ, такого отвѣта никогда и не будетъ получено. И не одинъ Раулинсонъ думаетъ, что едва ли когда-нибудь будетъ твердо установлено, являются ли финикійскія начертанія видоизмѣненіемъ египетскаго, или гиттическаго или кипрскаго (слогового) алфавита, или же они представляютъ изъ себя просто сокращенное образное письмо финикіянъ. Мнѣніе это было высказано до открытія критскихъ пиктографовъ и линейныхъ знаковъ, но и эти послѣдніе не поставили вопроса на болѣе прочную почву" (Клоддъ)[1]).

Эвансъ задается такимъ вопросомъ: „не могли ли перейти зачатки финикійскаго письма хотя бы отчасти отъ жителей Эгейскаго моря? Чѣмъ болѣе доходитъ до насъ остатковъ микенской культуры, тѣмъ больше мы видимъ, на сколько эгейское населеніе въ искусствѣ и цивилизаціи шло впереди своихъ сосѣдей на ханаанскихъ берегахъ".

Заключительныя строки Э. Клоддъ къ его книгѣ по исторіи алфавита[2]). „Можно было бы предполагать, что всякій обзоръ исторіи алфавита, какъ бы ни былъ свободенъ онъ отъ излишнихъ подробностей и какъ бы ни былъ онъ общедоступенъ по своему изложенію, долженъ дать абрисъ исторіи происхожденія и перемѣнъ каждой изъ буквъ, изъ которыхъ состоитъ тотъ или другой языкъ. Но, вѣроятно, на этихъ страницахъ (т.-е. въ его книгѣ) съ достаточной убѣдительностью показано, что тѣхъ изъ данныхъ, на основаніи которыхъ могло бы быть оправдано составленіе подобной родословной таблицы алфавитовъ, нѣтъ и ее, вѣроятно, никогда не удастся получить. Самая правдоподобная теорія, которую могъ изобрѣсти умъ человѣка на основаніи фактовъ, повидимому, связанныхъ другъ съ другомъ, была формулирована де-Руже, но мы видѣли, что эпиграфическій матеріалъ, найденный на островахъ Эгейскаго

---

[1]) Ibidem, стран. 68—69.

[2]) Клоддъ. «Эвол. человѣчества въ письменахъ». С.-Пб. 1908. Стр. 77.

моря, дѣлаетъ эту, повидимому, хорошо обоснованную и послѣдовательную теорію уже непріемлемой".

„Никто до сихъ поръ не сумѣлъ классифицировать 2050 алфавитовъ, которые появились со времени до-историческаго человѣка въ видѣ грубо выцарапанныхъ пиктографовъ на поверхности скалъ или на костяныхъ пластинкахъ. Изъ всего этого числа алфавитовъ, около 50 дожили до нашихъ дней; и изъ нихъ около половины встрѣчаются въ Индіи, но, каково бы ни было ихъ историческое значеніе, употребленіе ихъ имѣетъ мѣстный, ограниченный характеръ. Остальные въ главныхъ своихъ чертахъ представляютъ варіаціи *трехъ системъ письма* — римскаго, арабскаго и *китайскаго*[1]), — и при самомъ осторожномъ взглядѣ на ходъ міровой исторіи нѣтъ ни малѣйшихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что историческій прогрессъ связанъ съ латинскимъ алфавитомъ".

Изъ вышеприведенныхъ цитатъ съ разносторонними взглядами на общее положеніе интересующаго насъ вопроса о генезисѣ алфавитовъ на берегахъ Средиземнаго моря, мы отмѣтимъ широкія колебанія въ предполагаемомъ времени появленія заподазриваемыхъ шрифтографовъ; этимъ начертаніямъ приданы и сомодовлѣющая сущность, и генерація, почти aequivoca s. spontanea, и обособленность, и независимость, вообще, права болѣе широкія, чѣмъ права этнографическихъ видовъ.

Мы же слишкомъ убѣждены въ томъ, что рисунки, линейные знаки и символы, на которыхъ теперь главнымъ образомъ сосредоточивается наше вниманіе, возникли и установились, заимствовались и передвигались, расширяя границы своего распространенія, въ зависимости отъ географическихъ, этнографическихъ и историческихъ условій, только потому, что эти рисунки, знаки и символы религіозныхъ тѣлодвиженій — слѣды, отпечатки, автографы этнографическихъ явленій извѣстнаго порядка и дополнительныя разъясненія, хотя бы и съ другихъ точекъ зрѣнія, считаемъ уже совершенно излишними. Каждый графическій индивидуумъ съ изумительною стойкостью хранилъ свои первоначальныя характерныя черты вовсе не потому, что онѣ были простыми случайными, чисто графическими знаками, спорадически возникавшими, какъ единичныя изобрѣтенія, а потому, что и они — каждый знакъ въ отдѣльности и всѣ въ совокупности, какъ этнографическая группа опредѣленнаго порядка — были созданіями народнаго общечеловѣческаго духа, имѣвшаго единый сигнализаціонный оптическій аппаратъ.

Центръ тяжести трактуемаго вопроса, въ настоящемъ его положеніи, мы видимъ не столько въ опредѣленіи мѣста первоначальнаго появленія шрифтографовъ, какъ религіозныхъ сигнографовъ, сколько въ географической и этнической локализаціи районовъ, гдѣ линейные сигнографы стали утилизироваться не только для алфавитныхъ цѣлей, пріобрѣтя и нѣкоторую графическую дифференцировку и спеціализацію.

Но и въ заключеніи мы обязаны отмѣтить, что солнечные знаки, замѣченные нами сперва въ гіератическихъ надписяхъ, потомъ у Шампольона и Еберса, усмотрѣны нами и въ таблицѣ де-Ружэ. Число гіероглифическихъ начертаній и даже гіерати-

---

[1]) Курсивъ нашъ. Три системы письма и смѣшеніе оптической системы письма съ фонетическою нѣсколько странны въ трудѣ, трактующемъ объ «эволюціи въ письменахъ».

ческихъ очень велико, можно надѣяться, что египтологи найдутъ и еще нѣсколько цѣнныхъ солнечныхъ знаковъ, относящихся къ свѣтовой системѣ письма, и хотя этнографическое значеніе этихъ знаковъ и ихъ генезисъ и не были извѣстны де-Ружэ, но они, мы увѣрены, останутся памятниками его стойкой, глубокомысленной, хотя и въ значительной степени апріорной гипотезы графическаго генезиса алфавитовъ, опирающейся на общей или большой посылкѣ, этнографически непріемлемой.

Если къ вышеизложеннымъ археологическимъ датамъ присоединить нѣкоторые конкретографы и сигнографы, имѣющіе геологическую[1]) давность, то хронологическія амплитуды возраста шрифтографовъ (какъ религіозныхъ знаковъ и символовъ) будутъ еще болѣе внушительны.

Если станемъ въ центрѣ исхожденія и схожденія нашихъ археолого-этнографическихъ параллелей, т.-е. въ срединѣ бассейна Енисея, и зададимся вопросомъ о времени прибытія знаковъ и символовъ культа, выраженныхъ языкомъ движеній животныхъ, то базайскія фигурки и нѣкоторые болѣе древніе петроглифы съ рисунками дикихъ животныхъ склонятъ насъ, по аналогіи признавая преемство палеолитической культуры, отнести это время, по меньшей мѣрѣ, къ началу послѣледниковой эпохи, т.-е. еще ко времени мамонта и носорога. Только вполнѣ закончивъ порученную намъ Музеемъ Антр. и Этн. имени Императора Петра Великаго спеціальную обработку матеріаловъ, собранныхъ нами на склонахъ Аѳонтовой горы, въ окрестностяхъ Красноярска, возможно будетъ высказаться о началѣ культуры на Енисеѣ съ нѣсколько большею опредѣленностію. Хотя и теперь выяснилась необходимость не только увеличенія матеріаловъ, удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ, установившимся въ наукѣ за послѣдніе годы, но и данныхъ для уясненія хронологическихъ соотношеній нѣкоторыхъ палеолитическихъ стоянокъ на Енисеѣ на валунныхъ террасахъ различной высоты и въ наносахъ, разновременныхъ съ обычной точки зрѣнія[2]).

Обратившись къ началу металлическихъ эпохъ въ долинѣ Енисея, мы должны всегда помнить, что одинъ подъемный матеріалъ, даже сопровождаемый вполнѣ надежными указаніями на мѣстонахожденіе и на условія нахожденія, имѣетъ относительное, — можно сказать, только вспомогательное значеніе. Насколько обстоятельны бываютъ подобныя этикетки, мы напомнимъ только о золотыхъ пластинахъ и бляхахъ изъ Сибири, мѣстонахожденіе которыхъ въ нѣкоторыхъ научныхъ работахъ обозначается кратко: „Сибирская коллекція Эрмитажа“. Въ частныхъ коллекціяхъ такой лаконизмъ также возможенъ, но возможно и нѣчто худшее — невѣрность датъ, отъ собирателей не всегда зависящая. Большинство раскопокъ еще не обработано. Классификація всего подъемнаго матеріала представляетъ не малыя затрудненія, одна морфологическая группировка можетъ иногда расходиться съ хронологическою. Вообще, увеличеніе раскопокъ кургановъ и особенно древнихъ поселеній, хотя бы и смѣшан-

---

[1]) Кромѣ графическихъ памятниковъ эпохи Мадленъ, не слѣдуетъ забывать bemalt. Kisselstein. aus der Hohle Mas-d'Azil, см. M. Hoerness, «Diluv. Mensch», S. 79, Fig. 31.

[2]) Ив. Савенковъ. Каменный вѣкъ въ Минус. краѣ. М. 1896. Стран. 79—87 оттиска.

ныхъ, но содержащихъ памятники и мѣдной эпохи, едва ли нуждается въ доказательствахъ.

Заключенія наши о движеніи трактуемыхъ вопросовъ на Енисеѣ, вытекая изъ ихъ исторіи и изъ отсутствія научно-общественной жизни въ размѣрѣ, обусловливающемъ надлежащее движеніе науки, не могутъ быть утѣшительными: о широкихъ систематическихъ изслѣдованіяхъ въ ближайшихъ десятилѣтіяхъ нельзя и думать.

Если въ существованіи общественно-научной жизни въ городахъ Россіи позволительно сомнѣваться, то сибирскіе города въ этомъ отношеніи стоятъ внѣ всякихъ сомнѣній, нѣкоторое исключеніе представляетъ Томскъ, благодаря университету. Но и тамъ число членовъ ученыхъ обществъ очень не велико, ограничивается профессіональными учеными; о веденіи широко и вполнѣ научно поставленныхъ изслѣдованій, каковыя возможны только при безпрерывной общественной поддержкѣ, не можетъ быть и рѣчи. На избытки средствъ въ русскихъ ученыхъ обществахъ также нельзя надѣяться, если бы они случайно и появились, то, конечно, они затратятся на мѣстныя изслѣдованія въ Россіи, которая въ этомъ также нуждается. Серьозно интересуются Сибирью очень немногіе изъ выдающихся русскихъ ученыхъ, для большинства интересъ обусловливается только разнообразіемъ и загадочностію культуры; классики же, вполнѣ обезпеченные въ изслѣдованіяхъ на югѣ Россіи, какъ извѣстно, не тяготѣютъ къ варварской культурѣ средней Азіи и не придаютъ особаго научнаго значенія усиленнымъ изслѣдованіямъ сѣверной, а тѣмъ болѣе — сѣверо-восточной Азіи. Ученыя учрежденія и общества въ Россіи слишкомъ бѣдны.

Все указываетъ на то, что починъ широкихъ антропологическихъ и археологическихъ изысканій въ бассейнѣ Енисея будетъ сдѣланъ иностранными учеными обществами. Нетрудно приблизительно предугадывать и время. Послѣ обработки массы матеріаловъ, собранныхъ въ Китайскомъ Туркестанѣ западно-европейскими обществами, по всей вѣроятности, на очереди окажется Енисей, особенно если получатся вѣскія указанія на движеніе мало-азіатскихъ заимствованій по средне-азіатскому пути, т.-е. по сѣвернымъ и южнымъ склонамъ восточной части долины Тарима и въ началѣ пустыни Гоби и Шамо.

Конечно, въ интересахъ русской науки, въ высшей степени желательно, чтобы археологическія изысканія въ среднемъ теченіи Енисея вышли изъ состоянія застоя, не только въ изслѣдованіяхъ, но и въ обработкѣ, а также и въ изданіи, послѣднее чаще всего зависитъ отъ недостатка матеріальныхъ средствъ.

Должно имѣть въ виду, что недостаточность средствъ, ассигнуемыхъ на изысканія, побуждаетъ изслѣдователей, даже преслѣдующихъ болѣе или менѣе широкія цѣли по исторіи культуры, мѣнять научныя линіи изслѣдованій на раскопки обособленныхъ группъ или типовъ кургановъ только изъ опасенія, въ первомъ случаѣ, не найти ничего выдающагося, эффектнаго, а, во второмъ случаѣ, выбравъ многообѣщающіе и нерасхищенные курганы, — въ твердой увѣренности хорошей антикварной или музейной добычи, что въ глазахъ большой публики свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ работъ. Работы же, имѣющія несомнѣнное научное значеніе, дающія, послѣ специаль-

ной разработки, новыя указанія или данныя, нерѣдко не бросаются въ глаза ни количествомъ, ни внѣшнимъ видомъ находокъ.

При той ограниченности средствъ, какими могутъ располагать русскія ученыя учрежденія и общества, на такомъ обширномъ пространствѣ древней мѣдно-бронзовой культуры, только систематическія изслѣдованія и могутъ дать научныя развѣдочныя указанія на мѣстности, гдѣ всего цѣлесообразнѣе поставить впослѣдствіи и большія работы.

Не слѣдуетъ забывать, что переселеніе изъ Россіи идетъ интенсивно, народонаселеніе въ Минусинскомъ округѣ возрастаетъ быстро, ломки камня для строительныхъ потребностей производятся вездѣ, безъ всякихъ разрѣшеній и безъ предварительнаго осмотра утесовъ. Конечно, соотвѣтственныя охранительныя мѣропріятія желательны, но они, не достигнувъ прямой цѣли, могутъ и ухудшить дѣло: по нашему мнѣнію, самый лучшій способъ сохраненія такихъ памятниковъ для науки въ малокультурныхъ странахъ — энергично и систематически ихъ отыскивать и немедленно снимать.

Нужны средства и энергичныя мѣры для охраненія памятниковъ: каменоломни уничтожаютъ петроглифы, а подъемный матеріалъ, съ усиленіемъ переселеній и увеличеніемъ новыхъ распашекъ, хотя и увеличивается, но онъ расходится по рукамъ скупщиковъ. Въ гор. Минусинскѣ такіе профессіональные торговцы имѣютъ вывѣски о покупкѣ вещей, вывѣски есть у агентовъ главнаго скупщика древностей и въ нѣкоторыхъ селахъ. Есть основанія предполагать, что большинство рѣдкихъ вещей уходитъ за границу; означеніе мѣстонахожденія такихъ вещей крайне сомнительно, чаще безъ означенія фамилій нашедшихъ. Музей мѣстный, не имѣя средствъ, не можетъ конкурировать съ профессіональными скупщиками и, вслѣдствіе этого, лишенъ возможности немедленно осматривать мѣстности, гдѣ сдѣланы выдающіяся находки[1]). О періодическихъ объѣздахъ, въ связи съ собираніемъ матеріаловъ для музея, нельзя и думать съ возрастаніемъ болѣе важныхъ потребностей музея. Скупщики эти объѣзды дѣлаютъ періодически. Петроглифъ, ближайшій къ гор. Минусинску (Майдашинскій), какъ уже отмѣчено выше, можно считать погибшимъ для науки; пока еще осталось нѣсколько начертаній. Песчаникъ ломается для фундаментовъ каменныхъ зданій, сооружаемыхъ въ гор. Минусинскѣ. О гибели большинства древнѣйшихъ петроглифическихъ начертаній по Тубѣ, близъ с. Тесь, мы сообщали еще въ 1887 г. Ведутся и хищническія раскопки кургановъ, о чемъ, до „новоселовъ", не было слышно. Мѣры по охраненію памятниковъ необходимо предпринять наиболѣе цѣлесообразныя; однѣми канцелярскими чисто административными мѣрами ограничиваться не слѣдуетъ.

Охрана камней съ надписями нуждается въ еще большемъ вниманіи: здѣсь требуются вполнѣ цѣлесообразныя мѣры, чтобы онѣ навѣрное оказали въ большей или меньшей степени, *положительное* воздѣйствіе. И въ данномъ случаѣ систематическія обслѣдованія степныхъ мѣстностей, гдѣ камни съ надписями встрѣчаются чаще, мы считаемъ *необходимѣйшею поддержкою* обычныхъ административныхъ мѣропріятій

---

[1]) О находкахъ вмѣстѣ нѣсколькихъ вещей продавцы очень часто не говорятъ и предпочитаютъ продавать вещи разнымъ лицамъ или приносить находки въ разное время.

по охранѣ камней съ надписями. За послѣднее время въ музей поступили свѣдѣнія, провѣрка которыхъ для музея затруднительна, что тонкія и легкія плиты съ надписями продаются (за указаніе) профессіональными скупщиками чудскихъ древностей и якобы увозятся неизвѣстными лицами, неимѣющими правъ на производство научныхъ изысканій въ Минусинскомъ округѣ.

Учрежденіе хотя бы и небольшого мѣстнаго общества или филіальнаго отдѣленія, спеціально по охраненію памятниковъ древности и по собиранію свѣдѣній о нихъ, при Минусинскомъ музеѣ, могло бы принести большую пользу, особенно въ соединеніи со снятіемъ эстампажей, рисунковъ, фотографій (не только по археологіи, но и по мѣстной этнографіи), картъ и плановъ городищъ, но на разрѣшеніе, даже и такого спеціальнаго общества или отдѣленія, въ уѣздномъ городѣ надѣяться нельзя.

Организовать при музеѣ имени Мартьянова собираніе родовыхъ знаковъ и древнихъ орнаментныхъ мотивовъ у мѣстныхъ инородцевъ желательно, но очень трудно, особенно при неимѣніи средствъ.

Проф. Н. Ф. Катановымъ въ этомъ направленіи сдѣлано многое; сколько намъ извѣстно, онъ обладаетъ очень большимъ собраніемъ тамгъ не только мѣстныхъ, тюрко-алтайскихъ, тюркскихъ и монгольскихъ, но даже манжурскихъ и китайскихъ. Трудъ его уже законченъ и стоитъ на очереди къ печатанію. Богатство собранныхъ имъ матеріаловъ и ихъ обработка, по всей вѣроятности, между прочимъ, окажутъ большое вліяніе и на движеніе вопроса объ изобразительномъ письмѣ.

Ясно выраженныхъ религіозныхъ начертаній человѣка встрѣчается въ наиболѣе древнихъ начертаніяхъ не болѣе 4—5%, символовъ простыхъ около 2%, символовъ-шрифтографовъ енисейскаго алфавита около 1,5 — 2%, сложныхъ и наиболѣе характерныхъ начертаній не болѣе 1,5%.

Если къ сказанному прибавить невозможность дать достаточно устойчивое заключеніе объ относительной древности петроглифическихъ начертаній, не видя и не обслѣдовавъ самымъ тщательнымъ образомъ контурной линіи, не только относительно способовъ и пріемовъ выдѣлыванія (отбивки, царапанья), но и со стороны степени вывѣтриванія породы, то становится совершенно излишне доказывать необходимость непрерывнаго, энергичнаго и вполнѣ обстоятельнаго собиранія этого матеріала. Мы были бы вполнѣ счастливы, если бы теперь, послѣ предварительной обработки небольшой коллекціи петроглифовъ, пріобрѣтя нѣкоторую подготовку, имѣли возможность осмотрѣть, обслѣдовать, описать на мѣстѣ и сдѣлать эстампажи, снимки и фотографіи и описанныхъ и новыхъ петроглифовъ. Конечно, попутно, были бы собраны и другіе матеріалы[1]).

Изслѣдованія петроглифовъ Енисея слѣдуетъ настойчиво продолжать, отнюдь не считая собранные матеріалы захватившими всѣ имѣющіеся на Енисеѣ памятники этого рода и отвѣчающими исчерпывающимъ образомъ на всѣ вопросы, могущіе возникнуть при ихъ разностороннемъ изученіи. Накопленіе снимковъ, фотографій, даже дублетныхъ замѣтокъ, предварительныхъ описаній, является не только не излишнимъ,

---

[1]) Каковы будутъ эти матеріалы отмѣчено во многихъ мѣстахъ, укажемъ нѣкоторыя страницы: 63, 89, 91, 104, 239, 335—333 и др.

но желательнымъ, въ виду различія точекъ зрѣнія на петроглифическія начертанія. Изслѣдователи снабжаются чаще всего очень скромными средствами, достаточными только для одиночнаго рекогносцировочнаго осмотра; очень немногіе имѣютъ возможность лучше обставить свои поѣздки и имѣютъ помощниковъ. Но смѣло можно утверждать, что даже цѣлая экспедиція далеко не всѣ мѣстности, подозрительныя въ петроглифическомъ отношеніи, можетъ осмотрѣть вполнѣ обстоятельно, во всей подробности, на всемъ протяженіи не только по маршрутному пути, но и во всѣ стороны.

Это заключеніе усилится, если мы вспомнимъ (стр. 228), что условность или вотивность на петроглифахъ Енисея встрѣчаются рѣзко выраженными такъ же рѣдко, какъ и въ рисункахъ животныхъ палеолитической эпохи въ Европѣ; многія изъ символическихъ тѣлодвиженій животныхъ и человѣка не бросаются въ глаза; неестественность позъ и движеній животныхъ маскируется реализмомъ рисунка и можетъ быть иногда подмѣчена только людьми, знакомыми съ движеніями изображенныхъ животныхъ на волѣ.

Начало и продолжительность мѣдно-бронзовой культуры на Енисеѣ еще не установлены, точныхъ указаній еще нѣтъ. Въ курганахъ не было найдено ни одной монеты, ни одной медали или зеркала съ датами на годы. Предварительныя хронологическія заключенія колеблются въ очень широкихъ предѣлахъ. Ак. Д. Н. Анучинъ считаетъ мѣдно-бронзовую эпоху на Енисеѣ „едва ли болѣе древней, чѣмъ средне-азіатская“ (приблизительно между II ст. до Р. Х. и III послѣ Р. Х.) и, всего вѣроятнѣе, относящейся къ первымъ столѣтіямъ по Р. Х. (Матеріалы по археологіи восточн. губ. Россіи. Вып. I. М. 1893. Стран. V). Соф. Мюллеръ (Sophus Müller), въ своемъ послѣднемъ трудѣ, „Urgeschichte Europas“, Str. 1905 [1]) относитъ эту культуру къ X—II вѣкамъ до Р. Х. Въ этомъ направленіи предстоитъ еще много работы.

Данныя надписей и графическія особенности алфавита Енисея, повидимому, склоняютъ и нѣкоторыхъ лингвистовъ допустить появленіе алфавита къ V вѣку по Р. Х., но мѣдно-бронзовая эпоха должна бы, въ такомъ случаѣ, закончиться ранѣе, приблизительно къ III—IV вѣку по Р. Х. Относительно нашей увѣренности въ болѣе раннемъ появленіи алфавита на Енисеѣ, основанной на составѣ знаковъ прямолинейнаго начертанія, съ полиморфизмомъ, обусловленнымъ и всѣми четырьмя поворотами буквъ, которые сохранились и послѣ присоединенія округленныхъ знаковъ и измѣненія нѣкоторыхъ прямолинейно начертанныхъ буквъ въ округленныя, мы нисколько не поколебались, и пока будемъ держаться мнѣнія проф. О. Доннера.

Этнографы не могутъ смотрѣть на алфавитъ, только какъ на средство для увѣковѣченія событій и подвиговъ азіатскихъ властителей на камняхъ и утесахъ, — въ ихъ глазахъ, это орудіе общенія могло появиться сперва и среди народа. Въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, кочевниковъ и только отчасти бродячія народности, у которыхъ языкъ культа и письмо удержались до нашего времени: народъ *въ священныхъ мѣстахъ*, на камняхъ и утесахъ, возможно утверждать, не писалъ, даже владѣя звуковымъ письмомъ, въ общеніи же съ людьми онъ могъ его употреблять. И мы уже разъяснили, насколько основательно совершенно

[1]) См. Tafel I и мотивировку Мюллера, Ural Alt. Bronzezeit, 142 стран. и Eisenzeit, стран. 164.

игнорировать эту пока скрытую стадію народной письменности (стран. 39, 62, стран. 16 и 17). Отсутствіе надписей на мѣдномъ и бронзовомъ оружіи и предметахъ хозяйственныхъ возможно объяснять не отсутствіемъ алфавита въ курганное время, а охраною культомъ древнѣйшихъ знаковъ и символовъ свѣтовой системы письма. На отдѣльно встрѣчающіеся шрифтографы правильнѣе смотрѣть, какъ на религіозные знаки, что ясно видно и по солнечнымъ знакамъ. Эти знаки могли быть и родовыми; нѣкоторые солнечные знаки Енисея, будучи сходны съ китайскими, какъ уже отмѣчено, составляютъ основу гербовъ властителей Босоора.

Въ предварительномъ обозрѣніи (гл. IV) отмѣчено преобладаніе на мѣстномъ древнѣйшемъ оружіи угловыхъ и прямоугольныхъ символовъ: заимствованіе ихъ изъ Малой Азіи должно быть относимо до Р. Х. Напомнимъ о наблюдающемся изрѣдка разнообразіи типовъ курганныхъ погребеній, то ограничивающихъ террасы высохшихъ озеръ (нерѣдко кольцомъ), то находящихся на террасахъ выше того уровня воды въ существующемъ еще соленомъ озерѣ, когда оно еще было годно для питья. Курганы на днѣ долины или на болотѣ величайшая рѣдкость. Вообще, количество озеръ и ихъ водная поверхность въ курганное время были такъ велики, по сравненію съ современною водною поверхностію озеръ, что, при сопоставленіи съ озерными террасами, отмѣченными курганами, получаются указанія на такія измѣненія физико-географическихъ условій, каковыя могутъ свершиться въ значительные періоды времени и для которыхъ, во многихъ случаяхъ, и *два тысячелѣтія*, отъ нашего времени, не будетъ, по нашему мнѣнію, значительнымъ превышеніемъ.

Приблизительныя хронологическія показанія Бирской стеллы заслуживаютъ вниманія, несмотря на ихъ разногласіе, обусловливаемое графическими особенностями памятниковъ, взятыхъ для сравненія. Общее графическое сходство начертаній идола, стоящаго слѣва отъ Джаганнатха[1]) и лица солнечнаго божества Бирской стеллы, указываетъ (стран. 222—223) на IV—V вѣка по Р. Х., какъ время исхожденія заимствованія, если оно вышло изъ Индіи. Но эту дату мы считаемъ болѣе сомнительною, чѣмъ двѣ прочія. Особенно останавливаетъ на себѣ вниманіе показаніе на трехглазаго Юпитера въ Аргосѣ[2]). Бирская стелла намъ кажется древнѣе: трехглазый богъ — сопроводитель души могъ появиться на Енисеѣ — около начала нашей эры.

На *тріаду* Джаганнатха слѣдуетъ обратить вниманіе. Сходство въ культѣ предковъ также отмѣчено нами выше, но *троичность* на бирскомъ камнѣ ясна: душа человѣка въ центрѣ: сверху надземное солнечное божество и снизу подземное. Мы заподазриваемъ индійскую тріаду въ разложеніи, подъ вліяніямъ браманизма и буддизма. Сравненіе символовъ (см. рис. XXXV. и. л.) съ 3-мя идолами говоритъ многое:

---

[1]) Всѣхъ идоловъ три: въ центрѣ главный, по бокамъ — братъ и сестра.

[2]) Будто бы взятаго во дворцѣ Пріама, а, вѣроятнѣе, представляющаго пережитокъ культа «божественнаго глаза» или «всевидящаго ока», который вѣковъ V—VI тому назадъ былъ явленіемъ распространеннымъ и могъ быть тогда же и заимствованнымъ, — могъ появиться на Енисеѣ около начала нашей эры. Весьма возможно, что Павзанія поразилъ «третій глазъ» именно на Юпитерѣ, на божествѣ тогда уже верховномъ; «трехглазость» подчиненныхъ Зевсу божествъ Павзаніемъ могла быть и не отмѣчена.

Аристейя, весьма возможно, могъ записать «аримасповъ» только потому, что лично самъ онъ не видѣлъ и поклоненіе одному «божественному» глазу и не видѣлъ графическихъ начертаній на камняхъ.

небо, воздухъ и земля у браминовъ, а у буддистовъ уже 5 элементовъ[1]). Ср. генезисъ Джаганнатха, стр. 223.

Напомнимъ объ отмѣченномъ выше сходствѣ нѣкоторыхъ символовъ Бирской стеллы съ нѣкоторыми болѣе молодыми буквенными знаками славянскаго алфавита.

Многіе частные вопросы, соображенія и даже выводы изложены, и въ §§-хъ и въ ихъ подраздѣленіяхъ, попутно при описаніяхъ и при сопоставленіяхъ различныхъ памятниковъ изобразительнаго искусства между собою, включая и нѣкоторыя письменныя начертанія, нисходящія къ предшествовавшему эволюціонному періоду.

Наиболѣе существенные пробѣлы въ имѣющихся научныхъ матеріалахъ о древней культурѣ на Енисеѣ, важнѣйшія цѣли дальнѣйшихъ систематическихъ изслѣдованій мѣстностей, которыя могутъ дать отвѣты на тѣ или другія общіе вопросы, планы рекогносцировокъ въ мѣстностяхъ, наиболѣе благонадежныхъ относительно отысканія матеріаловъ съ хронологическими показаніями на переходныя эпохи, — вообще, наиболѣе выдающіяся заключенія и обобщенія, согласованныя съ составомъ и устойчивостію имѣющихся фактическихъ матеріаловъ, изложены въ концѣ предлагаемыхъ сравнительныхъ археолого-этнографическихъ очерковъ.

Отмѣтивъ выше, въ общихъ чертахъ, положеніе интересующихъ насъ вопросовъ на берегахъ Средиземнаго моря, охарактеризовавъ и выяснивъ существенныя разногласія, происходящія, главнымъ образомъ, отъ различія точекъ зрѣнія, свойства матеріаловъ и отъ методовъ изслѣдованія и обобщенія, представивъ общія хронологическія соображенія о мѣдно-бронзовой культурѣ на Енисеѣ, мы можемъ теперь ограничиться выясненіемъ важнѣйшаго заключительнаго вывода объ эволюціонной самостоятельности языка движеній, имѣющаго большое значеніе въ исторіи человѣчества.

Предварительное изученіе петроглифовъ Енисея, въ сопоставленіи съ петроглифами другихъ мѣстностей, въ различныхъ частяхъ свѣта, параллели рисунковъ животныхъ (Tierbildern) нѣкоторыхъ петроглифовъ Енисея съ подобными же геологическими памятниками (эпохи Мадленъ), нѣкоторыя линейныя символическія начертанія петроглифовъ, наконецъ, графическія показанія алфавита Енисея, имѣющія по отношенію генезиса всѣхъ алфавитовъ принудительный характеръ, вслѣдствіе подкрѣпленія ихъ параллелями съ древнѣйшими алфавитами и провѣркою на родовыхъ знакахъ и знакахъ собственности, на орнаментѣ, на законахъ стилизаціи, композиціи и на мѣстной живой графической старинѣ, въ конечномъ результатѣ, указали на то, что языку, какъ этнографическому виду, въ общераспространенномъ узкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. языку звуковому, предшествовалъ какъ самостоятельный эволюціонный видъ — *языкъ движеній* (въ широкомъ смыслѣ этого слова).

Какъ это, на первый разъ, ни парадоксально, но именно этотъ болѣе простой языкъ, — тѣлодвиженій, сдѣлался первымъ орудіемъ общенія и мысли. Голосовая и лингвистическая практика, поддерживаемая и руководимая языкомъ движеній до тѣхъ поръ, пока все необходимое для культуры рѣчи не эволюціонировало настолько, чтобы характеризируемый и обособляемый *рѣчью* новый этнографическій видъ — звуковой языкъ — сдѣлался вполнѣ способнымъ для самостоятельнаго существованія.

[1]) См. табл. I, рис. XXXV, ср. оба рис. Братъ, сестра, маски, безрукость — все это очень сомнительно.

Но оба языка, начальный — изобразительный (конкретный или матеріальный) и послѣдующій, стоящій уже на рубежѣ духовной и матеріальной культуры (осуществленный летучими звуковыми волнами), пріобрѣтены при различныхъ степеняхъ содѣйствія двухъ физическихъ дѣятелей эволюціи, настолько обособленныхъ и самостоятельныхъ, что явилась возможность сосуществованія двухъ видовъ одного этнографическаго рода: одного угасающаго, давно лишеннаго своей многочисленной и разнообразной графической свиты, и другого — еще не достигшаго всей своей силы и еще далекаго отъ апогея общечеловѣчности.

Своеобразный симбіозъ этнографическихъ видовъ, примѣръ котораго (конечно, не единственный) мы видимъ здѣсь, намъ кажется, заслуживаетъ большаго вниманія не только по своему научному значенію, но и въ виду того, что онъ болѣе распространенъ и болѣе труденъ для изслѣдованія, чѣмъ обыкновенно полагаютъ.

Но даже и теперь, языкъ движеній, реагируя по наслѣдственнымъ проторенным рефлекторнымъ путямъ, быстрѣе и правдивѣе предваряетъ насъ о дѣйствительной цѣнности тѣхъ чувствъ и мыслей, которыя будутъ намъ потомъ *словесно* выражаться. Мимическій фонъ, съ его разнообразными оттѣнками, возникающій предварительно, сообщаетъ рѣчи нѣкоторую предварительную психологическую окраску, которая апперцептивно вліяетъ на логическую сторону воспринимающаго рѣчь.

Конечно, задержаніе рефлексовъ, управленіе ими и симуляція ихъ могутъ извращать проявленія и языка движеній, но лицемѣріе, при объективномъ внимательномъ наблюденіи, легче улавливается, нерѣдко давая указанія на мимическіе диссонансы: изобразительныя отраженія и задержанныхъ рефлексовъ.

Навѣрное, не безъ нѣкоторой эволюціонной борьбы, интересующій насъ этнографическій видъ уступилъ свое мѣсто другому виду, хотя бы и сородичу, но теперь, особенно на наиболѣе культурныхъ расахъ, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для наблюденій въ этомъ направленіи, очень трудно констатировать былое регулирующее вліяніе вымирающаго вида. Появлявшіяся изрѣдка предположенія въ этомъ направленіи не находили твердой опоры въ приниженномъ почти атрофированномъ состояніи языка движеній, что, въ сущности, являлось неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того, что во второй половинѣ предшествующей культурной стадіи языкъ движеній былъ уже подчиненъ звуковому языку.

Конечно, главная причина долговременнаго смѣшенія или неразличенія двухъ эволюціонныхъ стадій на одной эволюціонной плоскости заключалась въ отсутствіи прямыхъ фактическихъ указаній. Едва ли справедливо эту научную задержку приписывать исключительно языковѣдѣнію, еще не дифференцировавшемуся отдѣлу антропологіи, которое только исторически и по своему названію удерживало за собою права рѣшающаго голоса по всѣмъ вопросамъ объ „языкѣ“, въ лингвистическомъ объемѣ этого понятія, включая и всю совокупность разнообразныхъ и разнородныхъ органовъ и орудій голоса, языка и рѣчи, и „звуковъ, и сопровождающихъ ихъ жестовъ“[1]). Многіе изъ лингвистовъ признаютъ и оптическій языкъ, но только

[1]) Проф. Бодуенъ-де-Куртенэ. «Языкъ и языки». Энц. Сл. Брок. Эфр. 81. 540. — Сопост. Шурца, «Ист. первоб. культ.», стран. 477 и др., Липперта, «Ист. культ.», стран. 270 и слѣд., L. Reinhardt, «Der Mencsh», 724.

въ смыслѣ языка жестовъ и движеній пальцевъ, у глухонѣмыхъ, у такъ называемыхъ американскихъ индѣйцевъ, отмѣчая, что въ этомъ оптическомъ языкѣ, какъ и въ языкѣ акустическомъ, нѣкоторые жесты произошли непосредственно, путемъ рефлексовъ, другіе же ассоціировались случайно со значеніемъ"[1]).

Многія апріорныя попытки лингвистовъ, направленныя къ выдѣленію элементовъ первобытнаго языка и къ объясненію начала языка филогенетическаго, какъ необоснованныя фактически и несогласованныя съ данными новѣйшей психо-физіологіи, и, притомъ, построенныя на той же эволюціонной плоскости языка звукового, не признавались заслуживающими серьознаго научнаго вниманія[2]), теперь же съ перемѣщеніемъ филогенетическаго вопроса на низшую эволюціонную ступень, они имѣютъ значеніе только въ исторіи вопроса.

Но и среди современныхъ этнографовъ и даже этнологовъ есть компетентные ученые, съ широкимъ полемъ библіографическаго изученія, но не имѣвшихъ возможности расширить поле личныхъ изслѣдованій по изобразительному искусству, которые вопросъ о происхожденіи ставятъ на ту же плоскость звукового языка, не вникая въ права языка движеній на самостоятельную эволюціонную ступень[3]).

Такимъ образомъ, контактъ обоихъ языковъ, оптическаго и фонетическаго, долго оставался безъ разносторонняго научнаго изслѣдованія.

Силою вышеизложенныхъ данныхъ, вопросъ о происхожденіи языка, съ лингвистической точки зрѣнія, можетъ быть научно выясненъ только послѣ самой обстоятельной разработки языка, въ широкомъ смыслѣ слова — этнографическомъ. Но всего цѣлесообразнѣе, для предотвращенія недоразумѣній, проистекающихъ изъ факта сосуществованія двухъ этнографическихъ видовъ языка, въ различныхъ возрастахъ ихъ жизни, вопросъ о происхожденіи языка поставить такъ: какими способами, какими орудіями человѣкъ изображалъ свои мысли и чувства подъ давленіемъ потребности къ общенію съ людьми и божествами? Въ какой хронологической послѣдовательности располагаются эти этнографическія пріобрѣтенія даннаго порядка на соотвѣтственныхъ памятникахъ изобразительнаго искусства? Общеніе съ людьми и практика культа, подъ покровомъ которой сохранились знаки древнѣйшихъ системъ письма, имѣли ли равносильное вліяніе на ихъ генезисъ?

Подавляющее большинство алфавитныхъ знаковъ о своемъ этнографическомъ прошломъ свидѣтельствуютъ автографически. Удостовѣреніе объ изученіи алфавита вмѣстѣ съ военно-гимнастическими упражненіями и религіозными танцами и свидѣтельство о практическомъ и теоретическомъ изученіи рѣчи въ школѣ мимическихъ тѣлодвиженій изложено на двухъ языкахъ, написано обучавшимся и скрѣплено обучавшимъ. Печати консонантности не замѣтно, но печать вполнѣ законченной артикуляціи голоса и полной равноправности звуковъ, не только въ произношеніи, но и въ начертаніи, ясно выражена на послѣднемъ автогенетическомъ алфавитномъ доку-

---

[1]) Ibidem. *Случайныхъ* совпаденій и *случайныхъ* ассоціацій въ филогенетическихъ предположеніяхъ лингвистовъ слишкомъ много, стран. 539—540, 81-го полут. Энц. Слов. Брок.-Эфр.

[2]) Г. Шурцъ. «Первоб. кул.», С.-Пб. 1907. Стр. 430. — Ф. Ратцель. Народовѣд., I, 30—32.

[3]) Г. Шурцъ. «Первобытная культура», стран. 478.

ментѣ, принадлежащемъ, по нашему мнѣнію, наиболѣе подвижнымъ и дѣятельнымъ арійскимъ и аризированнымъ народамъ, но уже видимо сдѣлавшимся этнографическимъ достояніемъ всего человѣчества.

Алфавиты всѣхъ народовъ, своимъ графическимъ составомъ, полнѣ ясно и устойчиво означаютъ эволюціонныя соотношенія этихъ двухъ языковъ.

Звуковой языкъ, какъ эволюціонный наслѣдникъ языка движеній, росъ подъ его руководствомъ: *практика голоса, слуха, управленіе движеніями, практика въ аналитической жестикуляціи, въ координаціи голоса съ движеніями, въ управленіи ритмомъ голоса и движеній, упражненіе воли въ управленіи дыханіемъ,* а чрезъ него въ воздѣйствіи на физіологическіе процессы, лежащіе въ основѣ умственныхъ актовъ[1]), все обусловливавшее эволюцію рѣчи, включая и ассоціативные и координирующіе центры, простой и двойной сложности, со всѣми новыми путями проводимости ощущеній, — все управлялось и регулировалось языкомъ движеній.

Человѣкъ отъ самой природы получилъ указаніе на языкъ движеній у животныхъ. Человѣкъ привыкъ подчиняться всѣмъ указаніямъ предметовъ и явленій, съ которыми онъ приходилъ въ ближайшее соприкосновеніе, отъ которыхъ зависѣло его существованіе и которые онъ, по мѣрѣ своихъ возраставшихъ силъ, всегда внимательно изучалъ и нынѣ изучаетъ съ возрастающею настойчивостію: только учась у природы, человѣкъ научился усиливать свои этнографическія способности, стремясь всѣ важнѣйшія пріобрѣтенія матеріальной, духовной и нравственной культуры сдѣлать достояніемъ всего человѣчества.

Отдаленное будущее эмбріоновъ новаго наростающаго (дифференцирующагося) этнографическаго вида, составлявшагося также изъ матеріаловъ внѣшняго міра, человѣкъ, конечно, не могъ предвидѣть, но пользу, нагляднѣе и ощутительнѣе всего выражавшуюся въ экономіи силъ, онъ не могъ не замѣчать.

Въ началѣ и срединѣ весьма продолжительнаго періода первобытной культуры, который надлежитъ называть періодомъ свѣтового языка или языка движеній, который тогда господствовалъ, и на которомъ, въ то геологически отдаленное время, обосновывалась не только практика культа, не только взаимное общеніе, но и вся духовная культура человѣка. Въ концѣ этого культурнаго періода, наступила эпоха переходная, когда звуковой языкъ почти сравнялся съ свѣтовымъ языкомъ въ этнографическихъ правахъ, но первый быстро эволюціонировалъ, а другой разлагался: языкъ чувствъ, ослабляя себя, усиливалъ языкъ ума. Начало болѣе или менѣе устойчивыхъ ассоціацій и координацій знаковъ и символовъ обоихъ языковъ, а также и начало ихъ начертаній возможно относить и къ срединѣ этого періода. Въ концѣ переходной эпохи звуковой языкъ могъ сдѣлаться господствующимъ, но языкъ движеній сопутствовалъ звуковому языку; пережитки его сохранены культомъ и наблюдаются и теперь у нѣкоторыхъ народностей (бушмены), не могущихъ разговаривать въ темнотѣ[2]).

---

[1]) Проф. И. А. Сикорскій, «Вс. Псих. К. 1904. Стран. 257. — Geisler, Die Atmung im Dienste der vorstel. Tätigkeit. L. 1898.

[2]) С. Джонъ Лёббокъ, «Нач. цивилизаціи». С.-Пб. 1896. Стран. 283.

[3]) Начало практики голоса могло начаться вмѣстѣ съ оптическимъ языкомъ (см. стран. 238 и 459). Ч. Дарвинъ. «Происх. человѣка». Спб. 1871, т. I. 267.

Начертанія знаковъ и символовъ языка тѣлодвиженій сохранились не только въ орнаментѣ, въ родовыхъ знакахъ, въ знакахъ собственности и въ алфавитахъ, въ китайскомъ письмѣ сохранились цѣнные графическіе матеріалы по исторіи свѣтовой системы письма (см. стран. 17—19). Весьма возможно, что подобные матеріалы найдутся въ памятникахъ и египетской письменности.

Въ гл. V мы отмѣтили и разъяснили рисунки, отражающіе изученіе человѣкомъ языка движеній у животныхъ, которое подъ вліяніемъ культа привело человѣка и къ нѣкоторымъ линейнымъ начертаніямъ, положившимъ основы и давшимъ направленіе символизаціи жертвенными животными. Печать реализма и тяготѣніе палеолитическаго изобразительнаго искусства къ дѣйствительности уживались съ несомнѣнными условностями въ движеніяхъ изображаемыхъ животныхъ. Выше мы сдѣлали много указаній на рисунки, изображающіе жертвенныхъ животныхъ съ жертвоприниматели, которыхъ, въ нѣкоторыхъ памятникахъ, правильнѣе называть жертвопожирателями, ниспосылаемыми божествами: на движеніяхъ животныхъ-жертвоприниматели мы видѣли ту же подготовительную фазу языка движеній животныхъ, выражавшихъ религіозныя обращенія человѣка къ божествамъ. Возможно утверждать, что во взаимномъ общеніи люди палеолитическихъ эпохъ практиковали языкъ движеній задолго до того, какъ человѣкъ сталъ фигурировать, какъ жертвоприниматель и какъ жертвенное животное. Мы отмѣтили выше тѣ памятники, на которыхъ можно видѣть насколько согласованы и объединены изобразительныя тѣлодвиженія животныхъ и людей. Этотъ разнообразный языкъ, иногда выраженный мало замѣтными небросающимися въ глаза тѣлодвиженіями, многократно отмѣченъ и на петроглифахъ Енисея и на другихъ памятникахъ изобразительнаго искусства; въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ указана и тщательность, съ которою отмѣчаются движенія молящихся и особенно шамановъ.

Не только языкъ культа, языкъ тѣлодвиженій, принятыхъ въ общеніи съ божествами, преимущественно зафиксированный на древнихъ памятникахъ искусства, но и весь обиходный составъ знаковъ и символовъ, издревлѣ употреблявшихся съ сношеніяхъ съ людьми, не былъ устойчивымъ, ни качественно, ни количественно, ни въ реальномъ воспроизведеніи ихъ человѣкомъ, ни въ разнообразіи пріемовъ и формъ ихъ начертаній, но постоянно эволюціонировалъ въ самой практикѣ культа и ея отраженіяхъ, — въ тѣлодвиженіяхъ и особенно въ варіаціяхъ и стилѣ ихъ изображеній, — всячески стремясь къ разнообразію и всевозможному усиленію религіозной символизаціи. На предложенную классификацію графическихъ знаковъ и символовъ движеній, какъ на первый опытъ въ этомъ родѣ, построенный только на скудныхъ библіографическихъ матеріалахъ, которые мы могли достать въ началѣ работы, должно смотрѣть какъ на пояснительную схему, еще нуждающуюся въ дальнѣйшей разработкѣ. Теперь, добытые разработкою, матеріалы даютъ возможность расширить эту таблицу и придать ей надлежащую обособленность, особенно необходимо ввести въ нее солнечные знаки, изобразительные и культовые.

Много было говорено и говорится о всемірности звукового языка, какъ слѣдствіи продолжительности существованія человѣчества, вполнѣ достаточной для того, „чтобы все человѣчество могло развить *зачатки своей способности къ языку* до той

ступени, на которой мы придаемъ имъ названіе языковъ"[1]). Мы уже, до нѣкоторой степени, разъяснили, въ какой мѣрѣ именно языкъ движеній, эволюціонную самостоятельность котораго мы выдвигаемъ, подготовилъ человѣчество къ болѣе легкому воспріятію звукового языка. И если столь разумно построенные языки европейскихъ культурныхъ народовъ ведутъ свое начало изъ глубины до-историческихъ эпохъ, то начало языка движеній должно относить въ глубину геологическихъ эпохъ, — продолжительность его существованія должна быть болѣе значительною. Не безъ основанія, врожденность или зачатки способности *къ языку ума*, выведенныя изъ наблюденій только надъ нимъ самимъ, представляются намъ крайне сомнительными: генезисъ и *языка чувствъ* кроется также въ потребности общенія и въ вышеотмѣченной эволюціонной подготовкѣ человѣка, см. стран. 238, 19 и 20.

Универсальность звукового языка объясняетъ и незначительность различій въ степени организаціи нынѣшнихъ языковъ. Достаточно разъяснено и сходство языковъ съ нѣкоторыми искусствами или орудіями. Выяснена и одинаковость положенія вопроса о всемірности языка и общераспространенности религіозныхъ понятій, художественныхъ понятій и простѣйшихъ орудій[2]).

О всемірности и универсальности языка движеній можно говорить съ еще большею категоричностью, потому что онъ оказывается первою опорою въ умственномъ развитіи человѣчества. Языкъ движеній и его письменные знаки являются, во многихъ случаяхъ, тождественными у народностей, весьма отдаленныхъ другъ отъ друга. Всемірность языка тѣлодвиженій совпадаетъ съ универсальностью языка культа, подчиняющагося единству мѣстонахожденія всемірныхъ божествъ. Универсальность основныхъ знаковъ и символовъ языка движеній, какъ разъяснено выше, въ значительной степени, отражается и на сходствѣ основныхъ мотивовъ орнамента и пріемовъ стилизаціи и композиціи. Въ петроглифахъ всего земного шара и въ другихъ проявленіяхъ изобразительнаго искусства у всѣхъ народовъ всемірность знаковъ и символовъ движеній выражается наиболѣе поучительно.

Основываясь на всемъ вышеизложенномъ, возможно предполагать, что интересующая насъ система религіозныхъ знаковъ и символовъ установилась еще въ очень отдаленныхъ стадіяхъ культа, задолго до ближайшаго и разносторонняго изученія религіи, т.-е. до окончательной разработки миѳовъ и выясненія догматическихъ особенностей мѣстныхъ религій, до упорядоченія пантеоновъ и до установленія обособленности важнѣйшихъ божествъ.

Знаки и символы языка движеній вошли въ практику культа задолго до той степени развитія, когда культы возможно называть религіями. Та же начальная фаза культа, которую мы называемъ практикою культа и культъ, какъ пропедевтическая фаза къ религіямъ древнѣйшихъ культуръ, имѣла всемірное распространеніе. Эти универсальные общіе знаки и символы культа перешли и въ мѣстные культы и

---

[1]) Ратцель, «Народовѣдѣніе», I, 31. Курсивъ нашъ. — Сопост. Ч. Дарвина, «Происх. челов.» С.-Пб. 1871; Стран. 61—64 и мнѣніе М.Мюллера и д'Орсей о небольшомъ числѣ словъ-корней и словъ въ обиходной рѣчи земледѣльца (300—500), Дж. Леббокъ, «Ист. див.», 2-е изд., стран. 286—287.

[2]) Ср. Ратцель, I, 29—32.

въ древнѣйшія религіи, но, какъ было показано на многихъ примѣрахъ, они были пріурочены и къ мѣстнымъ антропоморфизированнымъ божествамъ, многія изъ отвлеченныхъ общихъ графическихъ символовъ разложились, получивъ устойчивыя конкретныя формы. Неподвижность величественныхъ храмовъ и капищъ, какъ постоянное обитаніе мѣстныхъ божествъ, развитіе и усиленіе мѣстныхъ пантеоновъ, съ мѣстными догматическими различіями, образованіе жреческаго сословія и его усиленіе и другія условія, препятствующія нормальному развитію духовной культуры, отдаливъ человѣка отъ природы, оборвали его общеніе съ всемірными божествами, и многіе линейные знаки и символы свѣтовой системы письма, оставивъ слѣды въ искусствѣ и въ орнаментѣ, вышли изъ храмовъ. Эта система религіозныхъ линейныхъ знаковъ сохранилась у народовъ кочевыхъ.

Хотя мы отмѣтили выше (стран. 13) большую вѣроятность предшествія нѣмого мимическаго языка *рѣчи*, но безъ отрицанія голоса. Нѣмой человѣкъ (Homo alalus Геккеля) потому и забытъ, что человѣкъ, какъ высшій изъ антропоидовъ, при вертикальномъ положеніи тѣла, не могъ быть совершенно нѣмымъ и вслѣдствіе вѣроятныхъ результатовъ продолжительнаго упражненія голосовыхъ органовъ у самца подъ вліяніемъ любви, ярости и ревности[1]). Голосъ былъ и нѣкоторыя ассоціаціи голосовыхъ звуковъ съ тѣлодвиженіями уже могли быть, но не будемъ забывать, что голосъ — не рѣчь. Лингвисты, до извѣстной степени, правы, беря начальную фазу сосуществованія языковъ смѣшанною, но соединеніе нѣкоторыхъ тѣлодвиженій съ голосовыми знаками еще нельзя считать за начало звукового языка. Мы знаемъ, что нѣкоторые авторитетные этнографы и этнологи къ орудіямъ рѣчи и теперь еще относятъ и сопровождающіе ихъ (точнѣе, соединенные съ ними) жесты, весьма сходные на всемъ земномъ шарѣ. Это отнесеніе къ „орудіямъ рѣчи“ и „жестовъ, *сопровождающихъ* звуки“, въ высшей степени поучительно по неразличенію и необособленію двухъ эволюціонныхъ видовъ языка[2]), одного вымирающаго (нѣкогда господствовавшаго) и другого — господствующаго или вытѣсняющаго (въ началѣ своего развитія бывшаго подчиненнымъ). Въ дѣйствительности, и прямыми простыми наблюденіями нетрудно убѣдиться, что, при нормальныхъ условіяхъ, древній языкъ движеній или, по генезису, языкъ чувствъ почти всегда опережаетъ въ реакціи молодой поступательно эволюціонирующій языкъ, — языкъ звуковой или языкъ ума, особенно беря его конечную фазу, т.-е. рѣчь. Конечно, при задержаніи рефлексовъ, при симуляціи и дисимуляціи могутъ возникать затрудненія и кажущіяся отклоненія, въ которыхъ возможно разобраться только спеціалистамъ. Психіатры, психо-физіологи, выдающіеся писатели, поэты, художники, скульпторы, артисты и теперь могутъ разъяснить, что, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, предшествіе языка чувствъ (мимики, жестовъ,

---

[1]) Ч. Дарвинъ. «Происх. человѣка», С.-Пб. 1871 г. II. 366 и 374; I томъ, 58 и 267. Геккель или упустилъ изъ вида эти соображенія или не придалъ особаго значенія этимъ вѣскимъ указаніямъ, основаннымъ на аналогіи.

[2]) Ч. Дарвинъ, «Происх. челов.» С.-Пб. 1871. I. Стран. 55. — Ф. Ратцель, «Народовѣд.», I, стран. 29. — Г. Шурцъ, «Ист. первобытной культуры», стран. 477.

тѣлодвиженій) языку ума (слову, рѣчи) улавливается по хронологической послѣдовательности соотвѣтственныхъ проявленій ихъ сосуществованія[1]).

Такое сложное психо-физіологическое явленіе, какъ передвиженіе по ассоціативнымъ путямъ двухъ воспріятій, двухъ реакцій, возбуждающихся съ двухъ чувственныхъ сферъ, при возможной коопераціи двухъ отдѣльныхъ центровъ, демонстрируется съ большимъ трудомъ и этимъ, по всей вѣроятности, объясняется психометрическая неразработанность сравнительной продолжительности звуковыхъ и свѣтовыхъ реакцій. Апріорныя соображенія по трактуемому вопросу, должно отмѣтить, приводятъ къ заключенію, что языкъ чувствъ, своимъ сигнальнымъ аппаратомъ — языкомъ движеній — и теперь еще, въ большинствѣ случаевъ, остается предтечею языка ума — рѣчи.

Ученіе объ ассоціаціяхъ, съ физіологической точки зрѣнія, установивъ ихъ послѣдовательность во времени, указало на ихъ зависимость отъ физіологическихъ условій, а ихъ „очевидная связь съ техническими условіями, вытекающими изъ самаго матеріальнаго строенія органовъ чувствъ и нервныхъ центровъ“ отмѣчаетъ ихъ зависимость и отъ анатомическихъ условій[2]).

Процессы ассоціацій по сосуществованію или по топографической смежности, происходя въ опредѣленныхъ рамкахъ каждой анатомической сѣти, единовременно возбуждаются.

Процессы ассоціацій по послѣдованію или по хронологической смежности, въ извѣстномъ законѣ навыка (усиленія или облегченія проводимости по давно установившимся путямъ, а также по путямъ, наиболѣе упражняющимся), въ физіологическомъ отношеніи выражены ясно. Для уясненія соотношеній между двигательными и звуковыми сигналами весьма важенъ фактъ функціональнаго объединенія путей, возбуждающихся послѣдовательно и непосредственно одни за другими, хотя бы между ними и не было прямыхъ анатомическихъ связей. Связующія возбужденія передаются съ однихъ путей на другіе, вѣроятно, клѣтками, названными Флехсигомъ[3]) центральными клѣтками ассоціативныхъ центровъ, устанавливающими новые варьянты физіологической проводимости и, такимъ образомъ, связывающими между собою въ разнообразномъ порядкѣ старые, готовые пути.

„Въ этомъ случаѣ практически выступаетъ одинъ важный моментъ, именно — въ составъ такихъ новыхъ комбинированныхъ путей весьма часто входятъ многочисленные и наиболѣе проторенные пути нервно-мышечной иннерваціи. Мышечныя ощущенія, мѣтко говоритъ Сѣченовъ, помѣщаются на поворотахъ чувствованій, т. е. въ промежуткахъ между ощущеніями разнаго рода. Уже изъ подробнаго перечисленія ощущеній, объединенныхъ въ одномъ представленіи[4]) видно, что наибольшая часть представленій содержитъ въ своемъ составѣ мышечныя ощущенія, и слѣдовательно — громадному числу ассоціацій не миновать нервно-мышечнаго пути (конечно, не только въ реальномъ существованіи, но и въ мысленномъ воспроизведеніи)“.

„Такимъ образомъ, въ ассоціаціяхъ по смежности хронологической, мысль

---

[1]) Проф. Н. А. Сикорскій. Всеобщая психол., стран. 172 и 191.
[2]) Ibidem. Вс. псих. стран. 189.
[3]) Flechsig, Gehirn und Seele ect.
[4]) Ibidem. Стран. 166 и 168.

вступаетъ на торные пути той иннерваціи, гдѣ всегда на одномъ концѣ находится ощущеніе, на другомъ — движеніе. Какъ только такой чувствительно-двигательный участокъ вводится какъ звено въ цѣпь представленій, процессъ сразу попадаетъ на проводники наивысшей подвижности, гдѣ для цѣпей закрѣпленія предоставлены наилучшія условія. Важное значеніе этихъ двигательныхъ вставокъ доказывается съ особою наглядностію тѣмъ фактомъ, что тамъ, гдѣ ослабѣваетъ, или выпадаетъ транскортикальная передача (въ состояніяхъ утомленія психическою работою или при отравленіяхъ, напр. при алкогольномъ отравленіи) передача импульсовъ по двигательнымъ путямъ еще остается на лицо даже и въ ту пору, когда другіе проводящіе пути парализованы и не дѣйствуютъ.

„Важнѣйшимъ спеціальнымъ отдѣломъ для ассоціативныхъ вставокъ или звеньевъ двигательнаго типа является центръ рѣчи. Его связь со всѣми чувственными сферами и ассоціативными центрами — словомъ со всѣми частями мозга показываетъ, что мышечно-осязательная работа органовъ рѣчи вплетена повсюду какъ цѣпь побочнаго замыканія, черезъ которую пробѣгаютъ струйки процесса возбужденія, гдѣ бы такой процессъ не имѣлъ мѣсто. *Слово* является въ этомъ случаѣ спутникомъ высшихъ мыслительныхъ актовъ и осязательнымъ, легко учитываемымъ, матеріальнымъ изобразителемъ ихъ. Наибольшую важность слово получаетъ въ качествѣ промежуточной физіологической территоріи, чрезъ которую пролегаютъ пути для процессовъ, исходящихъ изъ одного центра и направляющихся въ другой. Такимъ образомъ, въ ассоціаціяхъ *по смежности хронологической* дѣло идетъ *о вновь возникшей*[1]), импровизированной, но упроченной упражненіемъ проводимости. Хотя такіе проводящіе пути не имѣютъ свойствъ непосредственнаго анатомическаго русла, но они достаточно прочны и фиксированы долгимъ опытомъ. Въ сущности, многіе изъ нихъ, на своемъ небольшомъ протяженіи, совпадаютъ съ анатомическими путями. Передача возбужденія по такимъ сложнымъ и, нерѣдко, кружнымъ путямъ можетъ быть медленной (въ смыслѣ времени), но за то практикою и упражненіемъ она доводится до точности и незыблемости какъ бы анатомическаго пути. Возбужденіе, пробѣгающее по отдѣльнымъ отрѣзкамъ такого сложнаго и длиннаго пути, можетъ передаваться съ узловыхъ точекъ на боковыя вѣтви и боковыя магистрали. Въ этомъ кроется основаніе значительной распространенности въ нашемъ мыслительномъ обиходѣ ассоціацій по смежности хронологической“.

На усиленной возбудимости нервныхъ центровъ физіологически обосновываются ассоціаціи *по сходству*. При возбужденіи мозга, эти ассоціаціи происходятъ всего легче, при накопленіи нервной энергіи, „всѣ пути равной или приблизительно равной проводимости могутъ одинаково послужить для разряда энергіи“.

Слѣдуетъ имѣть на виду и субъективность, которой нѣкоторые психологи[2]) не даютъ особой рубрики въ категоріяхъ ассоціацій, другіе, къ которымъ относится и И. М. Сѣченовъ, давшій и обоснованіе субъективности, выдѣляютъ субъективность въ самостоятельный отдѣлъ. Гефтингъ, какъ замѣтилъ проф. И. А. Сикорскій, сказавъ

---

[1]) Нашъ курсивъ.

[2]) Гефтингъ, стран. 192,

что „связь между чувствомъ и познаніемъ глубже и сильнѣе связи представленій между собою“, вполнѣ призналъ важное значеніе субъективности, какъ одной изъ основъ для ассоціацій. Сѣченовъ обосновываетъ субъективность на мышечномъ чувствѣ и системныхъ чувствахъ. Системныя чувства, по Сѣченову, ощущенія, получаемыя отъ внутреннихъ органовъ и цѣлыхъ системъ тѣла (напр. кровообращенія, сердца, дыханія и пищеваренія и проч.).

Исключительное положеніе дыханія должно всегда помнить, — и постоянно имѣть въ виду то, что оно можетъ служить *и высшимъ душевнымъ актамъ*, будучи, до извѣстной степени, подчинено волѣ.

Еще Ч. Дарвинъ[1]), отмѣчая значеніе труда Ч. Белля[2]), подчеркнулъ его главную заслугу: „онъ показалъ ту тѣсную связь, которая существуетъ между движеніями, обусловливающими выраженіе лица и *дыхательными*“.

Насколько проникновенно было усвоеніе этой идеи Дарвиномъ, выражено имъ въ заключительной главѣ его труда „О выраженіи ощущеній“: „*Всякаго рода* движенія, если они постоянно сопровождаютъ извѣстное настроеніе духа, признаются всѣми за выразительныя. Они могутъ состоять изъ движеній въ любой части тѣла“. Дѣлая перечень такихъ движеній, Дарвинъ отмѣчаетъ и „пожиманіе плечами“, въ которомъ большее или меньшее разведеніе рукъ рефлекторно расширяетъ грудную клѣтку, сюда же должно отнести всѣ ощущенія, соединенныя „съ воздѣяніемъ и раздвиганіемъ рукъ“ и многія другія, такъ или иначе отражающіяся на дыханіи. Дарвинъ отмѣчаетъ и „отдѣленіе пота, измѣненіе кровообращенія, затрудненіе дыханія“, слѣдовательно, сюда же должно отнести, между прочимъ, и вредное для организма ослабленіе дыханія при усиленіи кровообращенія въ актѣ вниманія и въ суммированіи его съ другими болѣе сильными ощущеніями, напримѣръ, скрещиваніе и наложеніе рукъ на грудь.

„У человѣка дыхательные органы имѣютъ особенную важность для выраженія не только непосредственно, но и въ еще большей мѣрѣ косвеннымъ образомъ“.

Трудъ Гейслера[3]) о вліяніи воли на дыханіе, а чрезъ него и на физіологическіе процессы, на которыхъ обоснованы умственные акты, чрезвычайно важенъ для объясненія вліянія воли на умственную дѣятельность. Модификаціи или измѣненія ритма дыханія, будучи регуляторами физіологической и нервной работы, обусловливаютъ косвенное вліяніе воли на умъ и чувство. Отсюда вытекаетъ большое эволюціонное значеніе навыковъ въ управленіи дыханіемъ.

Ритмъ движеній, ритмъ голосовыхъ упражненій, ритмъ рѣчи и пѣнія — все это возможно разсматривать какъ слѣдствіе весьма отдаленной и весьма продолжительной практики въ регулированіи волею дыханія.

Необычайная сложность комплекса предварительныхъ эволюціонныхъ пріобрѣтеній, обусловливающая возникновеніе такого сложнаго этнографическаго вида, каковъ

---

[1]) «О выраженіи ощущеній», изд. О. Н. Поповой, II. Стран. 1—2 и 176—177. Курсивъ нашъ.

[2]) C. Bell, «Anatomy and Philosophy of Expression». 1806. 1-е, а въ 1844 г., 3-е посмертное изданіе.

[3]) Geissler «Die Atmung im Dinste der vorstellenden Tätigkeit. L. 1898. — Проф. И. А. Сикорскій. Вліяніе воли на умъ и чувство. Вс. Психол. К. 1904, стран. 256—257.

звуковой языкъ, невольно возбуждаетъ сомнѣніе въ эволюціонной подготовленности человѣка и неизбѣжно приводитъ къ вопросу: не предшествовалъ ли этому *сложному виду* языка болѣе *простой*, вполнѣ соотвѣтствующій болѣе скромному комплексу эволюціонныхъ данныхъ и пріобрѣтенный съ помощью другого эволюціоннаго дѣятеля?

Такимъ вопросомъ задавался и Дарвинъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ[1]).

„Опираясь на основаніи различія между извѣстными языками, нѣкоторые филологи вывели заключеніе, что при первомъ своемъ распространеніи на далекіе предѣлы человѣкъ не былъ говорящимъ животнымъ. Можно однако представить себѣ, что языки гораздо менѣе совершенные, чѣмъ какой-либо изъ современныхъ, *дополняемые жестами*, могли существовать въ древности и несмотря на это не оставить никакихъ слѣдовъ на послѣдующихъ, болѣе развитыхъ языкахъ. Безъ помощи *какого бы то ни было языка*, хотя бы самаго несовершеннаго, кажется сомнительнымъ, чтобы человѣческій умъ могъ подняться до высоты, которую слѣдуетъ предполагать изъ его преобладанія въ столь раннее время“.

Замѣчательно, что Дарвинъ предпочелъ остаться на той же эволюціонной плоскости *акустическаго* языка, хотя о языкѣ *оптическомъ*, языкѣ движеній или языкѣ чувствъ, изученномъ имъ столь глубоко, онъ высказался кратко, но многознаменательно въ слѣдующихъ словахъ.

„Нѣкоторыя движенія, кажущіяся намъ столь естественными, что ихъ легко принять за врожденныя, *были очевидно заучены, подобно словамъ какого-нибудь языка*[2]). Такой примѣръ представляетъ складываніе поднятыхъ рукъ и подниманіе глазъ кверху при молитвѣ“.

Число такихъ примѣровъ можетъ быть значительно увеличено, позволимъ себѣ напомнить: различныя складыванія опущенныхъ рукъ, поднятія и опусканія рукъ съ соотвѣтственными поворотами ладоней, топанье ногою, какъ очень древній угрожающій жестъ: повергнуть врага, убить, стать на трупъ ногою, поднятіе правой руки съ поднятымъ указательнымъ пальцемъ, и съ различными движеніями рукою и головою, какъ внушеніе, предостереженіе, вниманіе, требованіе осторожности и тишины, при приближеніи пальца ко рту, ударъ въ бедра руками (съ досады) и мн. др. изъ упомянутыхъ въ предшествующихъ главахъ, при графическихъ сопоставленіяхъ.

Подчиняясь высказаннымъ соображеніямъ, имѣющимся матеріаламъ и указаніямъ, полученнымъ при изслѣдованіяхъ, мы въ языкѣ движеній видимъ эволюціоннаго предшественника звукового языка; но, живя вмѣстѣ съ нимъ, какъ пережитокъ, на высшей эволюціонной поверхности, онъ теперь занимаетъ болѣе чѣмъ скромное положеніе въ умственной культурѣ и проникнуть въ его прошлое могутъ спеціалисты, хорошо знакомые съ этимъ своеобразнымъ симбіозомъ этнографическихъ видовъ и разновидностей, сходныхъ по этнографическому назначенію и различныхъ по эволюціонному происхожденію. Подчиняясь и обязательному для изслѣдователя скептицизму, мы, въ предѣлахъ нашихъ силъ и библіографическихъ матеріаловъ, пересмотрѣли и обдумали общіе законы эволюціи, соотвѣтственные отдѣлы антропологіи, физіологіи,

---

[1]) «Происхожд. человѣка». Пер. И. М. Сѣченова. С.-Пб. 1871 г. I т., стран. 267. Курсивъ нашъ.

[2]) «О выраж. ощущ.». Изд. О. Н. Поповой, С.-Пб. 1899. II т., стран. 177. См. о слѣпорожденныхъ.

анатоміи, психо-физіологіи, психологіи, обратили вниманіе на технику соотвѣтственныхъ чувственныхъ аппаратовъ, путей воспріятія, ассоціаціи, координаціи, простой и двойной сложности, и мы не только не нашли никакихъ противорѣчій, но, напротивъ, встрѣтили и прямыя и косвенныя подтвержденія изложеннаго выше филогенетическаго начала языка, указаннаго намъ значительнымъ и разнообразнымъ комплексомъ фактовъ. Для исчерпывающаго увеличенія фактическаго матеріала необходимо съуженіе полей изслѣдованія и увеличеніе числа изслѣдователей.

Хотя на составѣ элементовъ первобытнаго языка, предложенномъ лингвистами, останавливаться еще разъ и излишне[1]), но слѣдуетъ отмѣтить наиболѣе выдающіяся гипотезы[2]) о происхожденіи корней словъ, обоснованныя научно, въ виду находящихся въ нихъ косвенныхъ указаній на языкъ движеній, какъ на причину этого явленія.

Теорія Гейзе основана на предположеніи, что всякому внѣшнему впечатлѣнію, хотя бы дѣйствующему только на зрѣніе, соотвѣтствуетъ извѣстное звуковое представленіе и наоборотъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что первобытные народы, какъ и дѣти, живѣе чувствуютъ сродство зрительныхъ и звуковыхъ воспріятій. Все это въ психо-физіологическихъ законахъ ассоціацій уже установлено и разъяснено[3]), но до объясненія образованія корней еще далеко, если ассоціируемыя впечатлѣнія или воспріятія не установлены. Шурцъ[4]) допускаетъ, что „теорія Гейзе окажется пригодной для разъясненія образованія корней, но уже послѣ того, какъ данъ былъ первый толчокъ къ образованію ихъ. Чтобы подвинуться дальше, мы должны обратиться къ изученію другихъ формъ звуковъ животныхъ и примитивныхъ звуковъ человѣка“.

Повторимъ вышесказанное, что, стоя на плоскости языка движеній и подчиняясь психо-физіологическимъ законамъ ассоціацій, нѣкоторые изъ искомыхъ корней могутъ быть впослѣдствіи установлены съ помощію знаковъ и символовъ свѣтового письма.

„Многое говоритъ за то, что общій массовый гомонъ, перекличка и сопутствующіе звуки являются главными первоисточниками языка. Однако же, все, что до сихъ поръ было сказано, не можетъ служить удовлетворительнымъ доказательствомъ этого предположенія[5]). Не говоря уже о доказательствѣ, здѣсь нѣтъ даже и объясненія того, какимъ образомъ изъ безпорядочнаго шума могла развиться членораздѣльная рѣчь? По счастью, здѣсь намъ можетъ подать руку помощи анатомія голосовыхъ органовъ. Въ этой области особенно важное значеніе имѣютъ геніальныя открытія Людвига Нуарэ[6]), перебросившія мостъ чрезъ пропасть, отдѣлявшую безсвязные звуки отъ членораздѣльной рѣчи“.

„При расчлененіи рѣчи мы, наконецъ, доходимъ до корней, т.-е. до неразложимыхъ элементовъ рѣчи. Большого числа такихъ корней мы не находимъ ни въ одномъ

---

[1]) См. выше. — Энц. Слов. Брок. и Эфр. XLI. 81. Стран. 538—541.

[2]) Лац. Гейеръ, Людв. Нуаре, К. Бухеръ и другіе.

[3]) Гефтингъ, Очерки псих. V. R. I. — Проф. Н. А. Сикорскій. Всеобщ. псих., стран. 189.

[4]) Г. Шурцъ, «Перв. культура», стран. 480—486.

[5]) Ibidem. «Первобытная культура». Стран. 483.

[6]) Noiré, «Der Ursprung der Sprache». M. 1877.

языкѣ и въ нихъ мы должны отыскивать *древнѣйшіе остатки того языка, который былъ первоначально созданъ творческою дѣятельностію человѣка*[1]). Если удастся намъ найти первоначальное значеніе этихъ корней и мы узнаемъ, какія вещи и какія явленія и свойства вещей обозначались ими, то передъ нами выяснится и тотъ путь, которымъ человѣкъ дошелъ до выработки членораздѣльной рѣчи. Если бы, напримѣръ, всѣ корни обозначали лица и предметы, то естественно было бы выводить начало языка изъ сопровождающихъ звуковъ или наглядныхъ жестовъ, если же въ нихъ обнаружились бы подражанія голосамъ животныхъ и другимъ звукамъ природы, то главнымъ источникомъ рѣчи оказалась бы способность къ звукоподражанію. Однако, мы не встрѣчаемъ ни того, ни другого. Повидимому, въ большинствѣ случаевъ *корни даютъ указанія на дѣятельность человѣка*[2]). Первый Лацарусъ Гейеръ[3]) указалъ на чрезвычайную важность корней словъ, относящихся къ понятіямъ: *скрести, рыться, копать;* но онъ тотчасъ же сбился съ прямого пути, принявъ, что вилъ скребущаго, роющаго землю животнаго или копающаго въ землѣ вызвалъ первый членораздѣльный крикъ человѣка. Нуаре былъ счастливѣе. Принявъ открытіе Гейера, онъ расширилъ его, указавъ, что кромѣ корня, обозначающагося *скрести, царапать,* особенно часто встрѣчаются соотвѣтствующія понятіямъ *плести, связывать.* Послѣ этого уже было нетрудно добраться до истины: *древнѣйшіе корни языка указываютъ на дѣятельность человѣка, и они образовались изъ звуковъ, сопровождающихъ эту дѣятельность*".

„Но Нуарэ не сторонникъ поспѣшныхъ выводовъ. Дѣйствительно ли на самомъ дѣлѣ работа людей сопровождалась извѣстными звуками и изъ нихъ, именно, образовались корни словъ? На нашихъ фабрикахъ шумятъ только машины и люди работаютъ молча, крестьяне наши во время полевыхъ работъ тоже не любятъ шумѣть. *Почему корни словъ непремѣнно должны обозначать „дѣятельность человѣка"*, отчего не результаты дѣятельности или хотя бы рабочіе инструменты[4])?

„Здѣсь намъ поможетъ другой изслѣдователь, Карлъ Бухеръ, своимъ трудомъ „Arbeit und Rhythmus". На громадномъ числѣ примѣровъ онъ доказываетъ, что почти всякая коллективная дѣятельность первобытныхъ народовъ и стоящихъ на низшей ступени слоевъ культурныхъ народовъ всегда сопровождается криками. Эти возгласы, изъ сливающихся въ одинъ общій повторяющійся звукъ, не имѣющій никакого смысла, постепенно превращаются въ настоящую пѣсню рабочей артели и самымъ нагляднымъ образомъ демонстрируютъ переходъ отъ безпорядочнаго рева къ членораздѣльной рѣчи. Если же извѣстный возгласъ вошелъ въ постоянное

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Но необходимо имѣть въ виду, что оптическіе и мимическіе знаки (тѣлодвиженія) и графическіе (начертанія — зачатки письма) могутъ и расходиться съ акустическими корневыми или начальными сигналами: дѣйствіе нерѣдко означается *предметомъ;* предметъ можетъ означать и жертву, два предмета, напр. рука и мечъ, могутъ означать и битву и клятву. И. С.

[3]) L. Geiger, «Ursprung der Sprache», Штутг. 1869; «Ursprung u Entvickel. der menschl. Sprache und Vernunft»; Linguist. Paläontologie» («Ausland», 1883, № 49).

[4]) Въ начертательныхъ знакахъ могутъ быть избраны для означенія дѣйствія и предметы. Сопост. съ замѣткою д-ра Г. Шурца, на стран. 476, о бумерангѣ. Курсивы наши. И. С.

употребленіе при данной работѣ, то и самое произнесеніе этого возгласа должно было вызывать въ воображеніи картину самой работы и всѣхъ связанныхъ съ нею предметовъ; отсюда уже недалеко было отъ попытки нѣкоторыхъ измѣненій корней. Такимъ путемъ языкъ образуетъ изъ одного корня нѣсколько словъ (напр., изъ глагола „рыть“ — рытвина, рытье, ровъ, рыло, рыльщикъ и т. д.). Воззрѣніе Нуарэ подтверждаются другими изслѣдователями, пришедшими инымъ путемъ къ тѣмъ же результатамъ. Вундтъ, напримѣръ, считаетъ предикатъ корнемъ языка и уже Адамъ Смитъ признавалъ, что первыми словами были глаголы. Карлъ-фонъ-денъ-Штейненъ замѣтилъ, что индѣйцы верхняго Шингу часто при вопросахъ вводили его въ заблужденіе, котораго трудно было избѣжать: когда онъ спрашивалъ названіе какого-либо предмета, ему часто отвѣчали, къ чему онъ служитъ. Это ясно указываетъ намъ, что и современными первобытными народами живо чувствуется еще, что сущность рѣчи заключается въ словахъ, обозначающихъ дѣйствія“.

„Что же касается до дальнѣйшаго разложенія корней словъ на отдѣльныя буквы, то здѣсь нѣтъ надежды на удовлетворительный результатъ, такъ какъ цѣльныя слова не составлялись изъ искусственнаго соединенія отдѣльныхъ звуковъ. Полное разложеніе словъ на ихъ первичные элементы — какъ думаетъ Германъ Поль — не только крайне трудно, но и совершенно невозможно“ (Шурцъ).

Эти цитаты, резюмирующія результаты и значеніе трудовъ Гейера, Нуарэ и Бухера, указываютъ, что названные ученые шли различными путями къ констатированію факта, который является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ филогенетическаго начала звукового языка, сотканнаго человѣкомъ въ теченіе длиннаго ряда тысячелѣтій изъ безчисленнаго множества новыхъ этнографическихъ нитей, вплетенныхъ на готовую прочную канву языка движеній.

Такъ какъ членораздѣльные звуки рѣчи означены въ алфавитахъ знаками и символами языка движеній, употребляющимися въ культѣ, мы выше отмѣтили, что общественный языкъ движеній могъ имѣть очень много мимическихъ и конкретныхъ письменныхъ знаковъ, которые, вслѣдствіе обыденности своей или культовой малозначительности, не вошли, да и не могли войти въ алфавиты за неимѣніемъ мѣста.

Корни древнѣйшихъ словъ, указанные Гейеромъ и Нуарэ, подтверждаютъ, повидимому, и это наше предположеніе и невольно возбуждаютъ вопросы, какими письменными знаками *свѣтового* письма, изъ числа извѣстныхъ намъ, могли бы обозначаться эти дѣйствія? *Рыть, копать* — могъ означить и рисунокъ или знакъ мотыги или древнѣйшаго египетскаго земледѣльческаго орудія которое нерѣдко можно увидѣть въ рукахъ мумій и которое такъ напоминаетъ букву „А“; *царапать* — коготь кошки, тигра, медвѣдя, рука, съ разставленными и изогнутыми для царапанья пальцами; *скрести* — скребокъ и рука; *плести* — что-нибудь въ родѣ рѣшетчатаго символа или плетня; *связывать* — узелъ, въ родѣ символа Гермеса и т. д. На письмѣ будутъ знаки орудій работы или сдѣланные предметы, въ произношеніи будетъ главенствовать глагольная форма, подобно знаку бумеранга у австралійцевъ. Мимическое же означеніе интересующихъ насъ дѣйствій будетъ подражаніе или симуляція ихъ. Такіе древніе корни глаголовъ необычайно цѣнны и въ будущемъ, при реставраціи мими-

ческихъ и письменныхъ знаковъ для тѣхъ дѣйствій (бытовыхъ, житейскихъ, охотничьихъ и т. д.), каковыя могли и не войти въ языкъ и письмо культа.

Лингвистическія гипотезы послѣдняго времени, уже неудовлетворяющіяся апріорными соображеніями и объяснительными доказательствами, а стремящіяся подойти къ первобытнымъ временамъ и получить нѣкоторыя фактическія данныя для заключеній, во многомъ подтверждаютъ наше основное заключеніе, что звуковой языкъ не былъ первымъ языкомъ, которымъ овладѣлъ человѣкъ, что сперва онъ овладѣлъ языкомъ движеній и сдѣлалъ его не только орудіемъ общенія, но и орудіемъ воспитанія для звукового языка, — воспитанія, уничтожающаго воспитателя: воспитанникъ сдѣлался несравненно лучшимъ орудіемъ общенія и мышленія.

И въ прежнихъ и въ новѣйшихъ филогенетическихъ гипотезахъ вліяніе практики культа на языкъ и письмо не предусмотрѣны, а между тѣмъ, по свидѣтельству памятниковъ изобразительнаго искусства, отраженія культа на начертаніяхъ (даже линейныхъ) имѣетъ геологическую давность.

Къ высказанному обобщенію изслѣдованій Гейера, Нуарэ и Бухера, что „древнѣйшіе корни языка указываютъ на „дѣятельность человѣка“, а они образовались изъ звуковъ, сопровождающихъ эту дѣятельность“, мы имѣемъ основаніе поставить вопросъ: какую дѣятельность?

Въ приведенной выше формулировкѣ результатовъ работъ названныхъ ученыхъ, сдѣланной покойнымъ д-мъ г. Шурцъ, мы позволили себѣ подчеркнуть его большую посылку о томъ, что въ неразложимыхъ элементахъ *рѣчи*, т.-е. въ корняхъ, должно искать древнѣйшіе остатки *того языка*, который *былъ первоначально созданъ* творческою дѣятельностію человѣка, чтобы отмѣтить сдержанность Шурца. Казалось бы, при наличности имѣвшихся и въ то время матеріаловъ, возможно было высказаться, хотя предположительно, въ видѣ постановки вопроса, за оптическій языкъ и спуститься на эволюціонную ступень языка движеній, но Шурцъ воздержался, не имѣя ближайшихъ прямыхъ указаній. Дѣйствительно, „пережитки сочетанія жестовъ съ акустическою рѣчью“ въ то время „многіе видѣли у людей, жестикулирующихъ во время рѣчи, у искусныхъ ораторовъ, сознательно прибѣгающихъ къ помощи жестовъ“, у актеровъ, издавна[1]) относящихся съ большимъ вниманіемъ къ мимикѣ и жестикуляціи, но существованіе особаго оптическаго языка признавали только у глухонѣмыхъ (языкъ движеній пальцами) и у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. Очевидно, лингвисты находили совершенно излишнимъ поглубже вникнуть въ особенности звуковаго языка и сопутствующихъ ему тѣлодвиженій и мимики, чтобы подойти къ вопросу, не являются ли послѣднія *предшествующими?* Изъ психо-физіологовъ, работами Белля, Дарвина и Дюшена, сколько намъ извѣстно, никто не заинтересовался на столько, чтобы спеціально разработать вопросъ о соотношеніи мимики и тѣлодвиженій съ рѣчью, въ связи съ опредѣленіемъ различій времени физіологическихъ реакцій, хотя бы приблизительно, или только для установленія предшествія или запаздыванія той или

---

[1]) «Энциклоп. Сл.». Брок.-Эфр. 37. 326 и 81. 540. И. Б.-де-К.

другой реакціи. Такая работа имѣла бы большое научное значеніе и заинтересовала бы не однихъ служителей сцены[1]).

Предстоятъ, въ будущемъ, послѣ провѣрки нашихъ заключеній и послѣ дальнѣйшей разработки вопросовъ о генезисѣ алфавитовъ и о филогенетическомъ началѣ языка, интересныя попытки сопоставленія корней—въ произношеніи съ корнями—въ начертаніи. Большинство буквъ—знаки и символы религіозныхъ движеній, имѣвшихъ, повидимому, наибольшее значеніе въ культѣ: интересно, какіе изъ буквенныхъ знаковъ войдутъ въ начертаніе тѣхъ или другихъ корней?

Несмотря на категорическія заявленія нѣкоторыхъ ученыхъ о невозможности разрѣшенія интересующихъ насъ вопросовъ о генезисѣ алфавитныхъ начертаній и о филогенетическомъ началѣ языка, мы твердо вѣримъ въ ихъ разрѣшеніе, въ объемѣ и содержаніи несравненно большемъ, чѣмъ возможно теперь предполагать. Въ исторіи наукъ извѣстно не мало такихъ примѣровъ. Наступитъ время, когда многіе изъ основныхъ вопросовъ, затронутыхъ въ этихъ очеркахъ, предстанутъ въ такой разработкѣ и въ такомъ освѣщеніи, о которыхъ теперь и думать не возможно.

Конечно, только научной критикѣ, только спеціалистамъ по тѣмъ наукамъ, и по тѣмъ отдѣламъ ихъ, которые соприкасаются съ исторіею языка и письма, только ученымъ, стоящимъ въ центрахъ конкретныхъ и библіографическихъ матеріаловъ по изобразительному искусству различныхъ культурныхъ эпохъ и областей, обладающихъ высшею эрудиціею и широкимъ научнымъ кругозоромъ, принадлежитъ рѣшающій голосъ по всѣмъ затронутымъ въ этой статьѣ вопросамъ и особенно по заключительнымъ обобщеніямъ, имѣющимъ немаловажное значеніе въ исторіи первобытной культуры.

Трудно предугадывать будущее, но, кажется, мы не ошибемся, представляя составъ матеріаловъ, во многихъ случаяхъ, значительно измѣнившимся, количественно и качественно, въ нихъ произойдетъ нѣкоторое освѣженіе: изображенія и формы оживятся этнографическимъ содержаніемъ. И это особенно важно для археологіи и лингвистики, — освѣтятся отдѣлы культа и искусства, генетически связанные съ языкомъ и письмомъ. Потребность въ увеличеніи и въ разнородности матеріаловъ можетъ повліять и на направленіе изслѣдованій, склоняя археологовъ и лингвистовъ и къ новымъ методамъ и пріемамъ изслѣдованія и обобщенія. Возможно предусматривать болѣе тѣсное сближеніе археологіи и лингвистики съ антропологіею и этнографіею. Конечно, это будетъ замѣтнѣе въ работахъ надъ доисторическими культурами.

Теперь, уже заканчивая, въ предѣлахъ силъ и возможности, съ обширною и очень сложною задачею, вмѣстѣ съ отысканіемъ новыхъ данныхъ, вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ новыхъ свѣдѣній, соображеній и обобщеній и вмѣстѣ съ расширеніемъ нашихъ взглядовъ, мы пришли къ обидному сознанію, что могли представить только этюды или даже эскизы большого труда, — на столько его исполненіе не удовлетворяетъ насъ и на столько оно не соотвѣтствуетъ нашему замыслу. Но рѣшающійся вступить въ области,

---

[1]) Н. Свѣдѣнцовъ, «Рук. къ изуч. сценическ. искусства». С.-Пб. 1887. Стран. 31. — П. Д. Боборыкинъ, «Театр. искусство». С.-Пб. 1872. Стран. 172. — Benedik, «Katechismus der Redekunst». L. 1896. Palleske, Kunst des Vertrage. Штутг. 1892, 3-е изд.

обстоятельно еще никѣмъ не изслѣдованныя, всего менѣе можетъ разсчитывать на многочисленные исчерпывающіе выводы, онъ долженъ быть вполнѣ доволенъ и тѣмъ, что укажетъ къ нимъ пути. Значеніе представленныхъ сравнительныхъ очерковъ едва ли можетъ ослабляться тѣмъ, что число данныхъ въ нихъ отвѣтовъ значительно менѣе числа поставленныхъ вопросовъ. И, намъ кажется, что все это не лишаетъ насъ права сказать нѣсколько заключительныхъ замѣчаній о дальнѣйшемъ движеніи нѣкоторыхъ изъ поставленныхъ вопросовъ и высказанныхъ предположеній, насколько это мы можемъ предвидѣть.

Языкъ движеній почти во всѣхъ программахъ этнологическихъ изслѣдованій отнесенъ къ звуковому языку, но, въ видахъ пользы дѣла и накопленія новыхъ и разнообразныхъ матеріаловъ, пережитки древнѣйшаго языка движеній слѣдуетъ теперь же обособить, иначе большинство матеріаловъ по оптическому языку и письму будетъ оставаться внѣ поля зрѣнія изслѣдователей. Извѣстные вопросы Дарвина о производствѣ непосредственныхъ наблюденій надъ выраженіемъ ощущеній[1]), съ его дополненіями и съ данными, добытыми послѣдующими психо-физіологами, въ направленіи врожденныхъ выразительныхъ движеній, не слѣдуетъ предавать забвенію, но для овладѣнія и этимъ матеріаломъ для этнографа, особенно лингвиста, нужна подготовка,—весьма серьезная и разносторонняя, систематизированная и обязательная, до приступа къ самостоятельнымъ работамъ по собиранію матеріаловъ[2]). Только послѣ основательной теоретической подготовки, только расширивъ кругозоръ и развивъ наблюдательность при собираніи сырого матеріала на мѣстѣ, начинающій можетъ пріобрѣсти и навыки въ выдѣленіи врожденныхъ тѣлодвиженій, жестовъ и мимики отъ пріобрѣтенныхъ, въ различеніи рефлекторныхъ движеній отъ аналитическихъ, задержанныхъ отъ симулированныхъ, и только тогда онъ можетъ овладѣть умѣньемъ констатировать глубокія переживанія языка чувствъ или языка движеній,—наслѣдія древнихъ стадій культуры.

Символы тѣлодвиженій, какъ элементы изобразительнаго языка и символы изобразительнаго письма (стран. 7, 21 и 107), почти изъятые изъ научнаго обращенія вслѣдствіе неизвѣстности его генезиса, по всей вѣроятности, постепенно войдутъ въ составъ научныхъ матеріаловъ по изобразительному искусству, приблизительно съ тѣмъ содержаніемъ и въ томъ объемѣ, какъ они взяты въ этой статьѣ[3]). Конечно, только послѣ изученія и обстоятельнаго изслѣдованія памятниковъ древнѣйшаго графическаго символизма различныхъ культурныхъ центровъ, всѣ эти символы, послѣ критическаго ихъ разбора, будутъ вполнѣ установлены, расклассифицированы; всѣ важнѣйшія начертанія размѣстятся на большихъ общихъ таблицахъ, по соотвѣтственнымъ группамъ и гра-

---

[1]) Ч. Дарвинъ, «О выраж. ощущен. у челов. и жив.» Пер. ак. А. О. Ковалевскаго. С.-Пб. 1899. Изд. О. И. Поповой. Стран. 9. Проф. И. А. Сикорскій, «Всеобщая Психол. съ физіогномикой въ иллюстр. изложеніи». Кіевъ. 1904. Обѣ эти книги могутъ быть полезными спутниками этнографа.

[2]) Особенно важны сравнительныя таблицы всѣхъ древнѣйшихъ алфавитовъ, обильно иллюстрир. исторіи древнѣйшихъ религій, особенно по практикѣ культа, по обрядамъ; древнѣйшіе памятники изобразительнаго искусства, общіе и касающіеся культа; памятники древнѣйшей народной поэзіи, исторіи скульптуры и живописи, съ иллюстраціями; великіе писатели, поэты, драматурги древности и позднѣйшіе: Гомеръ, Шекспиръ и т. д.

[3]) См. «Челов. въ доистор. врем.» д-ра Л. Нидерле, пер. ак. Д. Н. Анучина, стран. 220.

даціямъ и сдѣлаются общедоступными, легко обозрѣваемыми конкретными объектами для научныхъ изслѣдованій и обобщеній.

Послѣ расклассифицированія всей совокупности различныхъ матеріаловъ по изобразительному искусству, понимаемому въ широкомъ смыслѣ, послѣ его размѣщенія по отдѣламъ, группамъ, градаціямъ и наслоеніямъ, неминуемо устранится все заслоняющее общее научное обозрѣніе, тогда, какъ бы сами собою, должны открыться новыя перспективы, съ новыми путями изслѣдованій, могутъ возникнуть и разработаться новые пріемы и способы достиженія такихъ научныхъ цѣлей, которыя въ настоящее время многими относятся къ числу недостижимыхъ.

Графическій генезисъ алфавитовъ, раскрытый въ основныхъ чертахъ этнографическими методами изслѣдованія и обобщенія, въ вопросахъ о филогенетическомъ началѣ языка и генезисѣ оптическаго или изобразительнаго письма, смѣемъ думать, не безъ достаточныхъ основаній предлагаетъ спуститься на предшествующую эволюціонную ступень. Казалось бы, долгъ подчиненія фактическимъ указаніямъ въ вопросѣ о сложносплетающемся своеобразномъ симбіозѣ двухъ этнографическихъ видовъ долженъ бы удержать скептицизмъ нѣкоторыхъ ученыхъ отъ предразсудковъ, къ которымъ возможно относить: и категорическое утвержденіе, что *обѣ разновидности языка* пріобрѣтены человѣкомъ не послѣдовательно, а одновременно, и что языкъ съ его звуковыми сигналами всегда былъ *господиномъ*, а языкъ съ свѣтовыми сигналами всегда былъ *его рабомъ*, и что предположенія объ иной послѣдовательности ихъ возникновенія и о возможности въ геологическомъ прошломъ обратнаго между ними отношенія произвольны и, до поступленія *прямыхъ* непреложныхъ аргументовъ, немыслимы, и что никакія аналогіи въ такомъ серьезномъ заключеніи не пріемлемы, впредь до его исчерпывающаго обслѣдованія. Мы уже имѣли случай отмѣтить (стран. 44 и 45), что лингвисты и археологи, даже и въ первоначальной подготовкѣ къ своей научной спеціальности, изученіе антропологіи, этнографіи и всего цикла естественныхъ наукъ, съ ихъ методомъ, не считаютъ для себя обязательными, хотя имъ приходится входить и въ область этнографіи. Мы отмѣчали попутно взгляды лингвистовъ на генезисъ, эволюцію и заимствованія алфавитовъ и буквенныхъ знаковъ, мы разъяснили, что какъ взгляды ихъ на символы и на шрифтографы, такъ и намѣченные ими пути и избираемые ими способы выясненія генезиса алфавитовъ, какъ показываетъ исторія этихъ вопросовъ, нельзя признать вполнѣ научными.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что, какъ ни простъ основной законъ послѣдовательности появленія этнографическихъ видовъ, но для ученыхъ, наиболѣе отстранившихся отъ естествовѣдѣнія и этнографіи, и онъ можетъ показаться безпочвеннымъ, точнѣе, трудно воспринимаемымъ, вслѣдствіе *отсутствія* необходимѣйшихъ апперцептивныхъ научныхъ связей. Констатировать же таковое отсутствіе, для лицъ, своевременно неовладѣвшихъ этнографическою методологіею, въ большинствѣ случаевъ, не возможно: апперцептивныя связи всегда будутъ внѣ поля ихъ зрѣнія, не имѣя возможности реагировать подлежащимъ образомъ на обобщенія. Подготовку новыхъ кадровъ изслѣдователей по археологіи и особенно по энтографіи едва ли возможно признать вполнѣ соотвѣтствующею интересамъ науки.

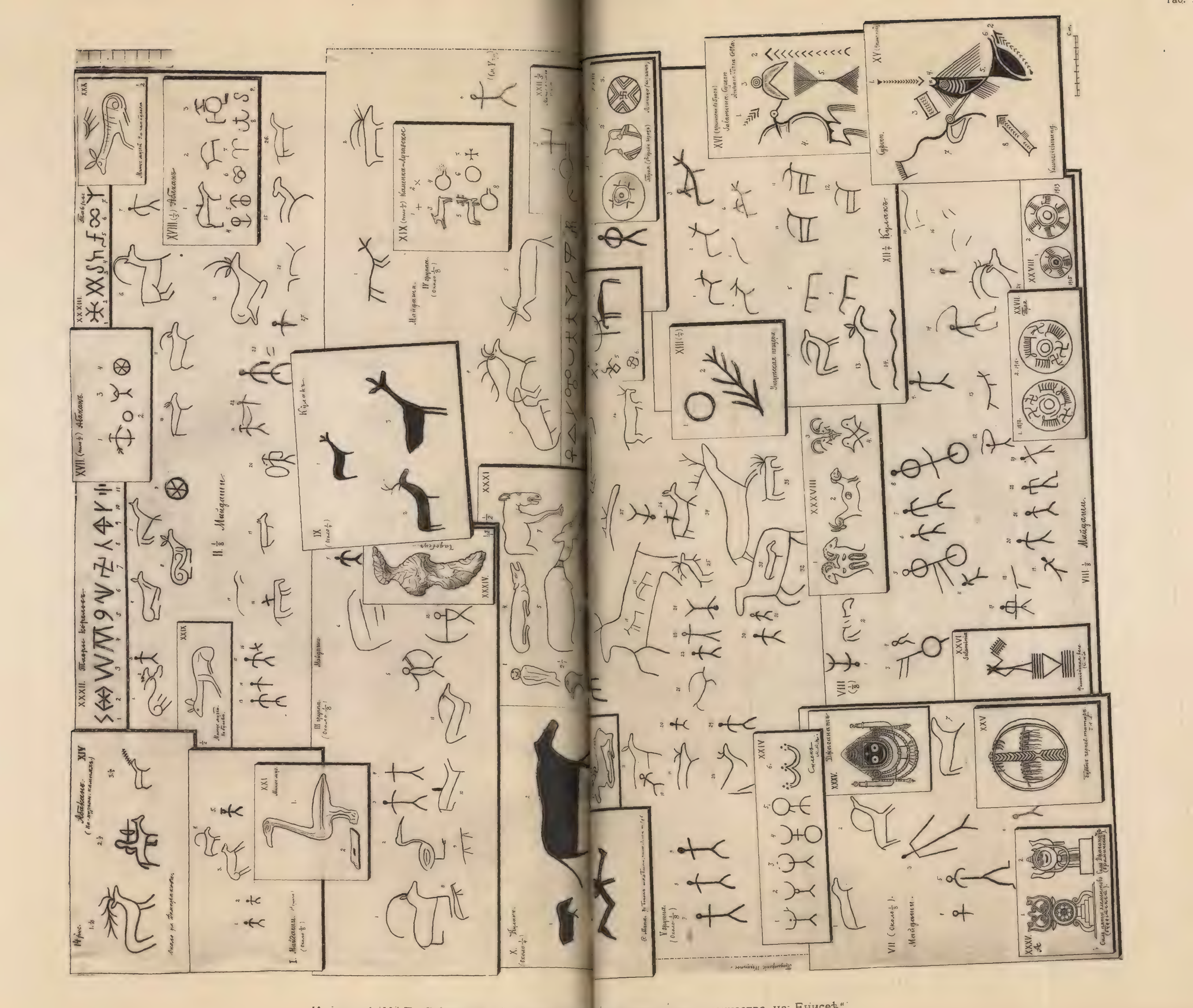
Намъ кажется для цѣлей изслѣдованія и для облегченія обобщеній, не слѣдуетъ, сознательно или безсознательно, устраивать загражденія изъ залежей и скопленія матеріаловъ по двумъ этнографическимъ видамъ на одной эволюціонной плоскости, вмѣсто соотвѣтственнаго ихъ размѣщенія на двухъ плоскостяхъ, только потому, что мы не желаемъ или не можемъ попристальнѣе всмотрѣться въ эти сложныя эволюціонныя явленія.

Даже при первыхъ попыткахъ эволюціонныхъ разграниченій, и въ пространствѣ и во времени, обоснованныхъ сначала на важнѣйшихъ соотношеніяхъ внѣшнихъ проявленій обоихъ языковъ въ соотвѣтствующихъ имъ двухъ системахъ письма, навѣрное, сразу почувствуется облегченіе въ отысканіи основаній для дальнѣйшихъ классификаціонныхъ подраздѣленій. Трудности въ реставраціи эволюціоннаго прошлаго языка и письма кроются, главнымъ образомъ въ томъ, что звуковой языкъ еще не обособился, и до полной его дифференціаціи, т.-е. до высшей ступени его развитія, долженствующаго совпасть съ полнымъ разложеніемъ свѣтового языка, остается еще очень длинный эволюціонный путь.

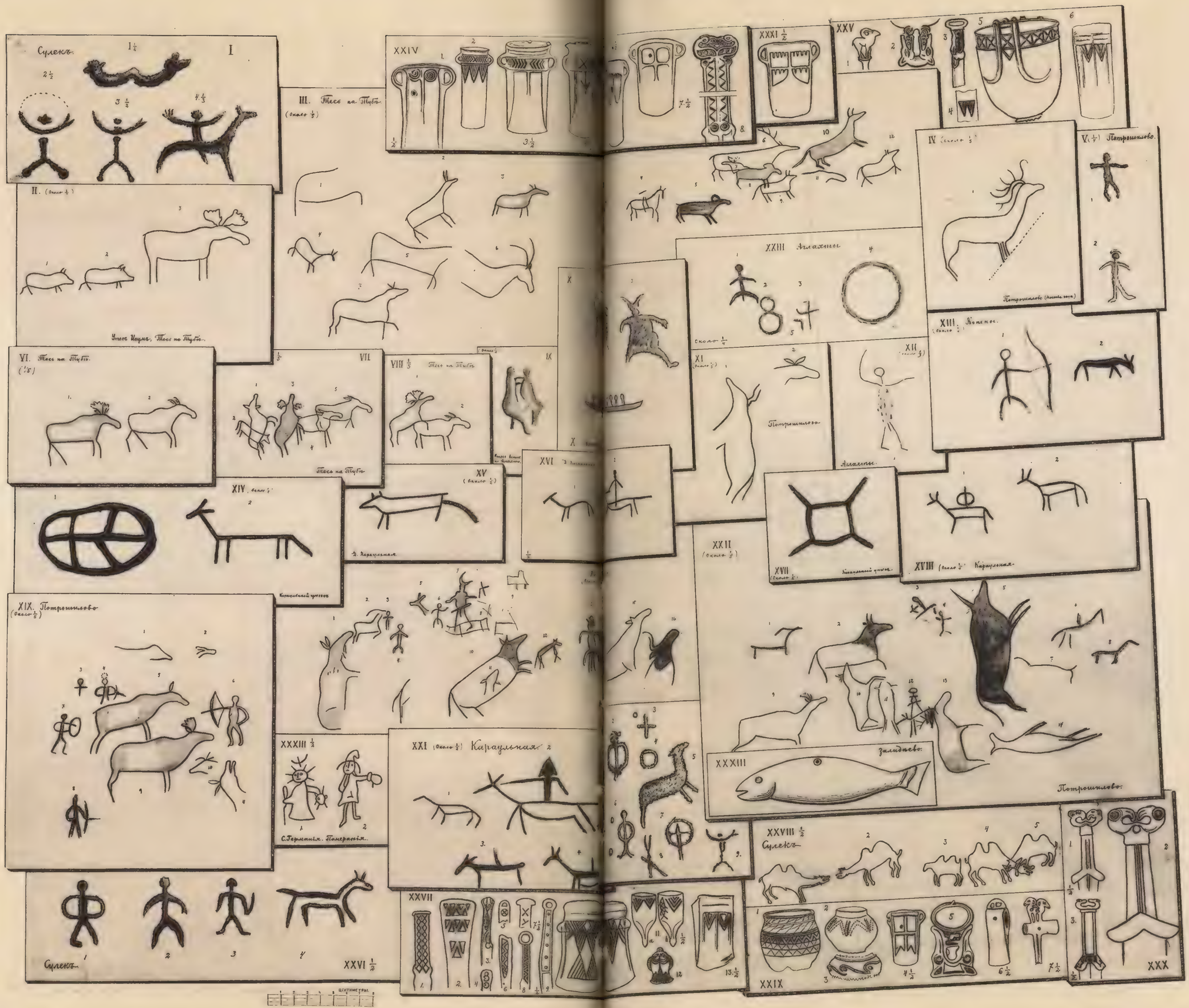
Если антропологическія науки возможно признать только стремящимися къ объединенію, то единство дѣятельности научныхъ силъ, характеризирующееся въ культурныхъ странахъ непрерывно-возрастающимъ поступательнымъ движеніемъ науки, должно признать свершившимся фактомъ. Въ этомъ стремленіи къ объединенію антропологическихъ наукъ и въ существующемъ объединеніи дѣятельности ученыхъ всего міра, — основа, сила, и охрана наукъ отъ застоя, регресса, заблужденій и полная гарантія исчерпывающаго рѣшенія всѣхъ научныхъ вопросовъ, не исключая и затронутыхъ въ предложенныхъ очеркахъ очень сложныхъ вопросовъ объ эволюціонномъ прошломъ и будущемъ письма и языка.

Ив. Савенковъ.

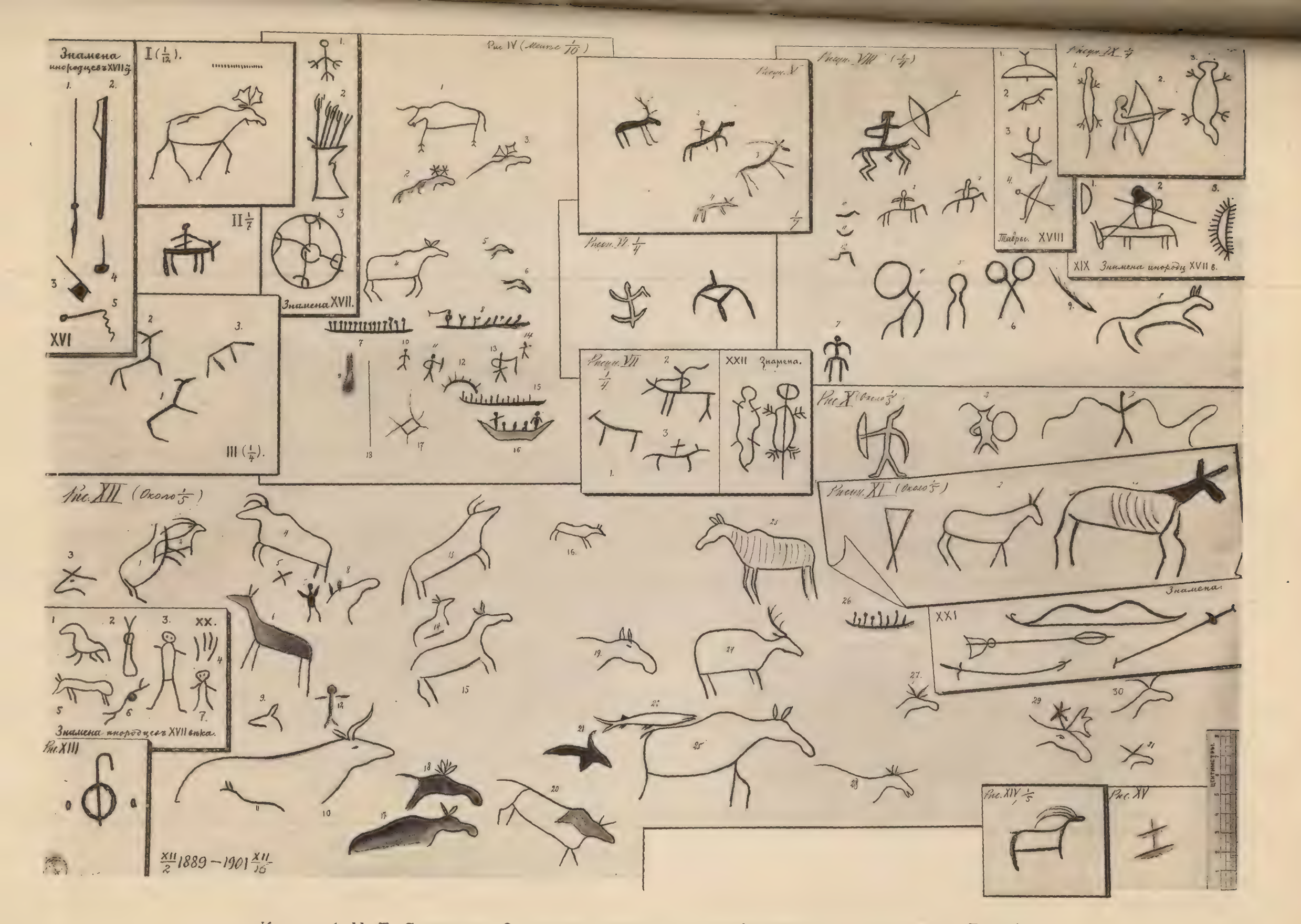
Минусинскій Мартьяновскій музей.
30 ноября 1908 года.



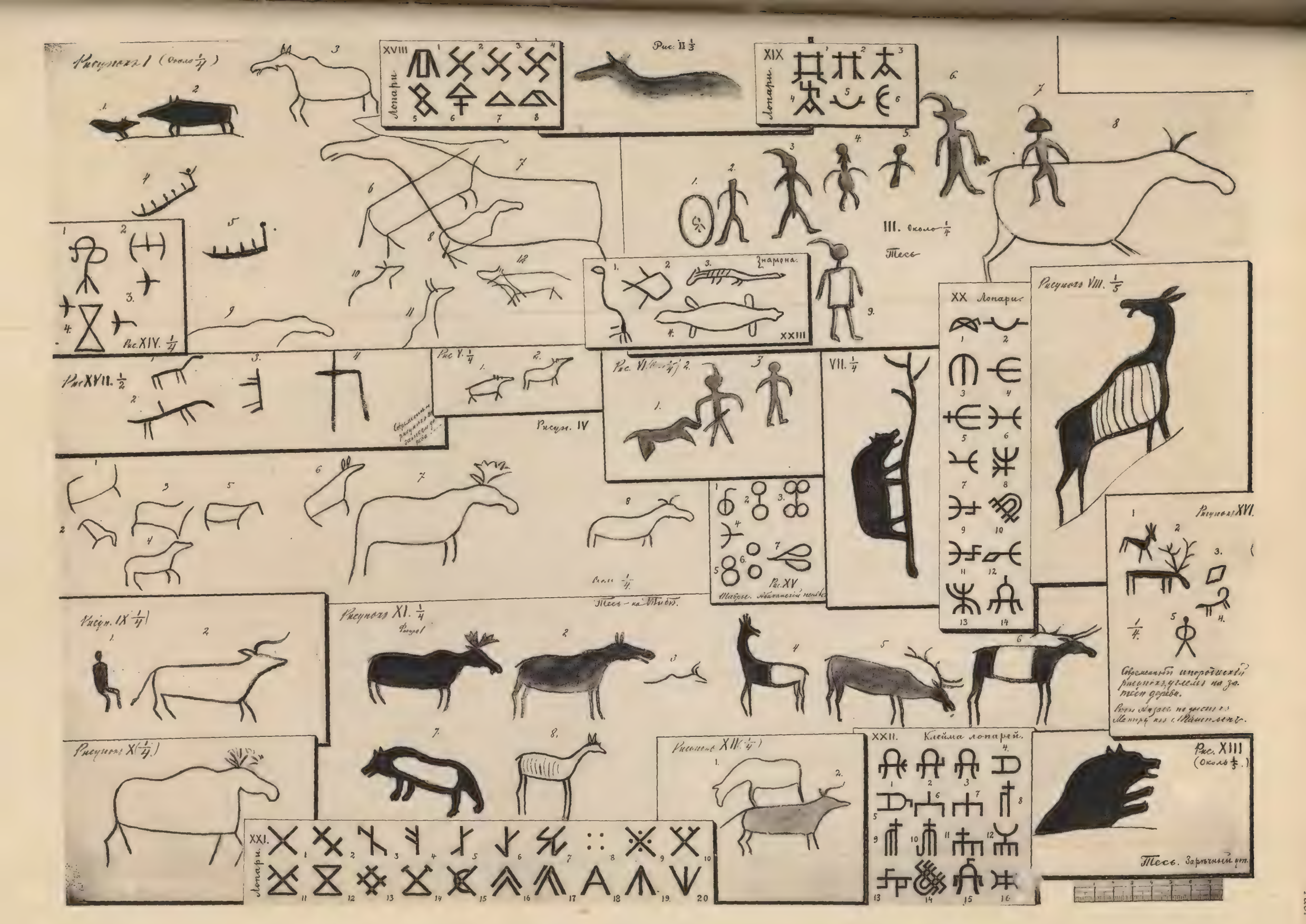
Къ статьѣ И. Т. Савенкова „О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ".



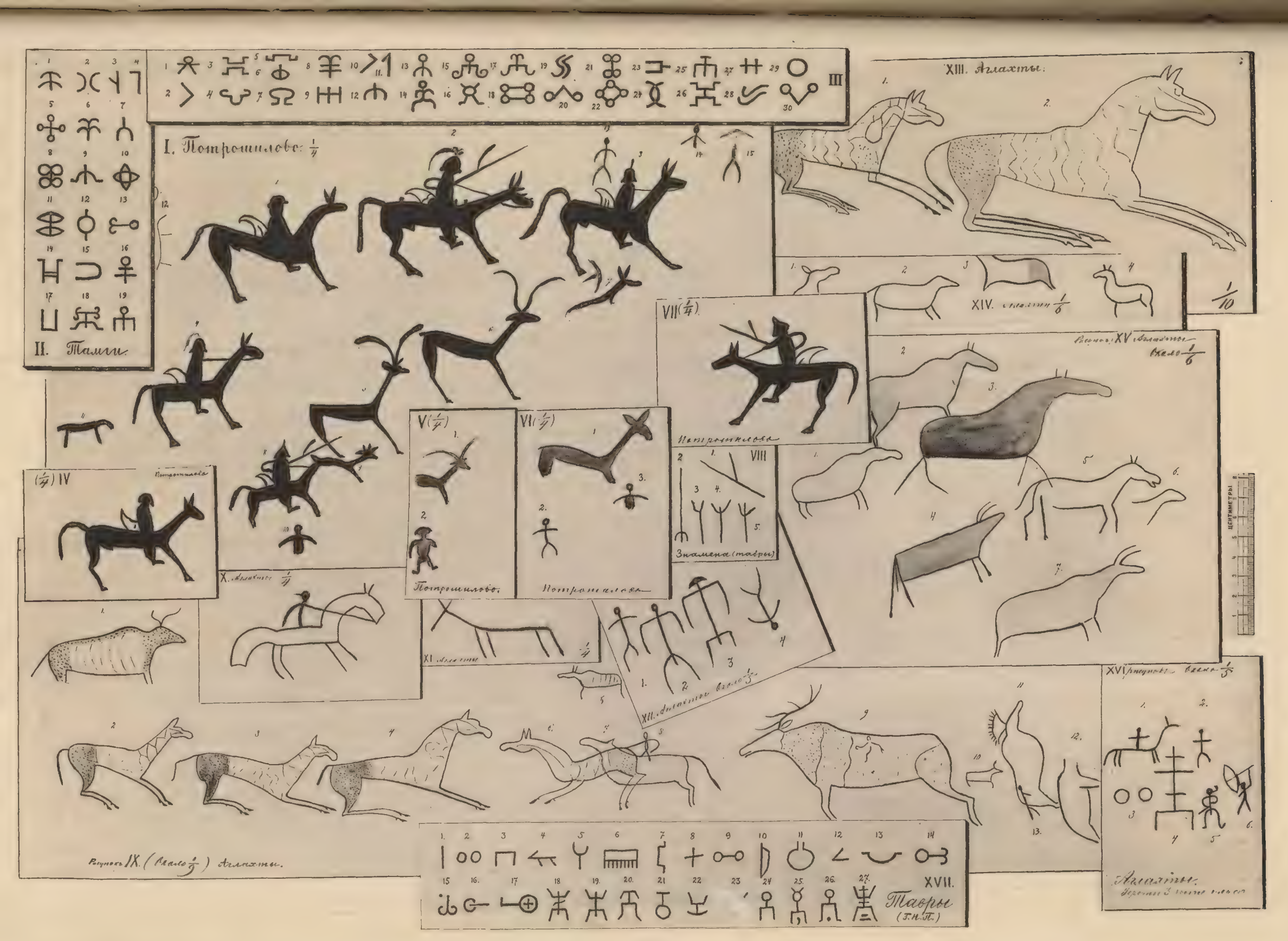
Къ статьѣ И. Т. Савенкова „О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ“.



Къ статьѣ И. Т. Савенкова „О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ“.

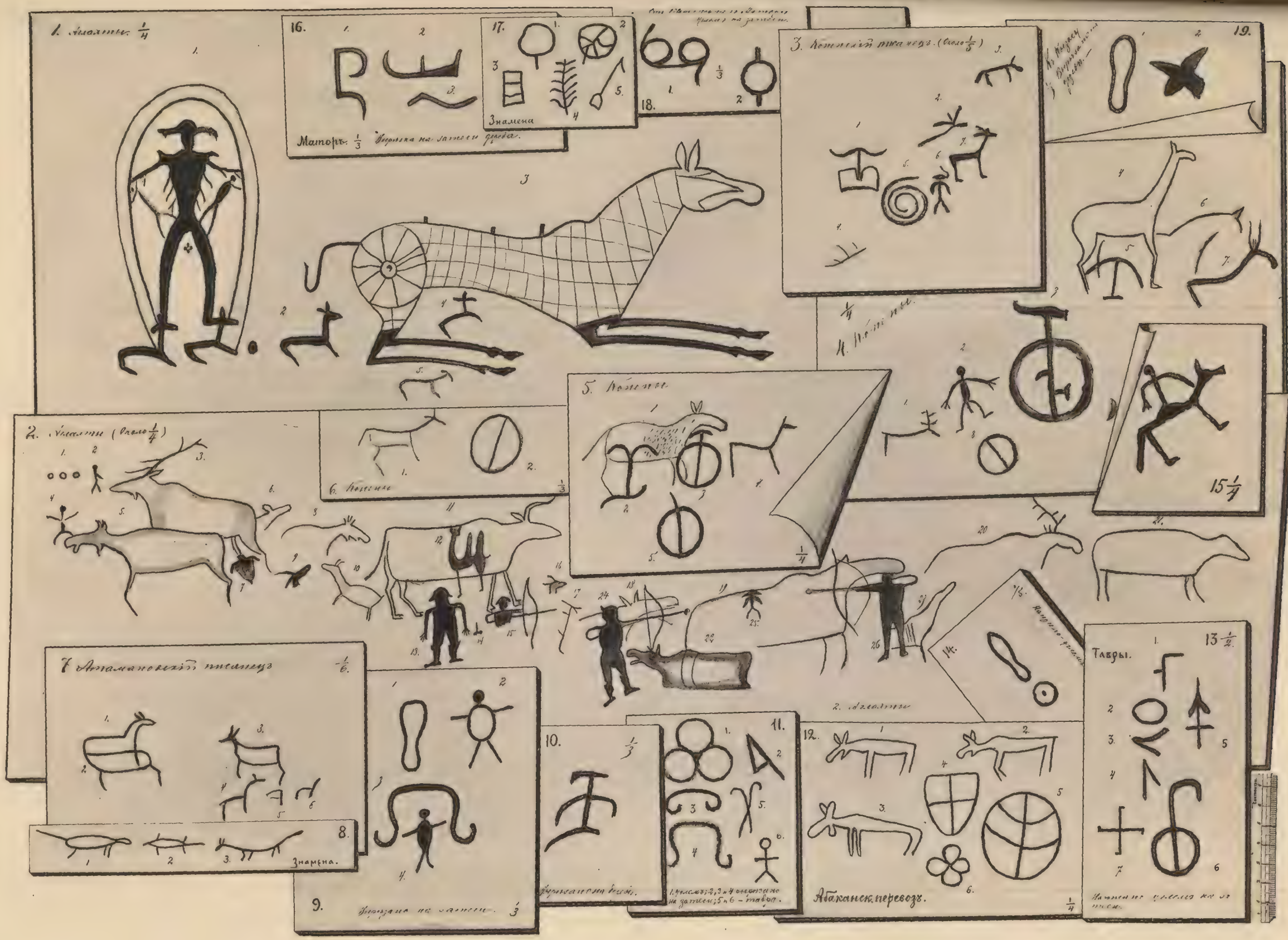


Къ статьѣ И. Т. Савенкова „О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ“.

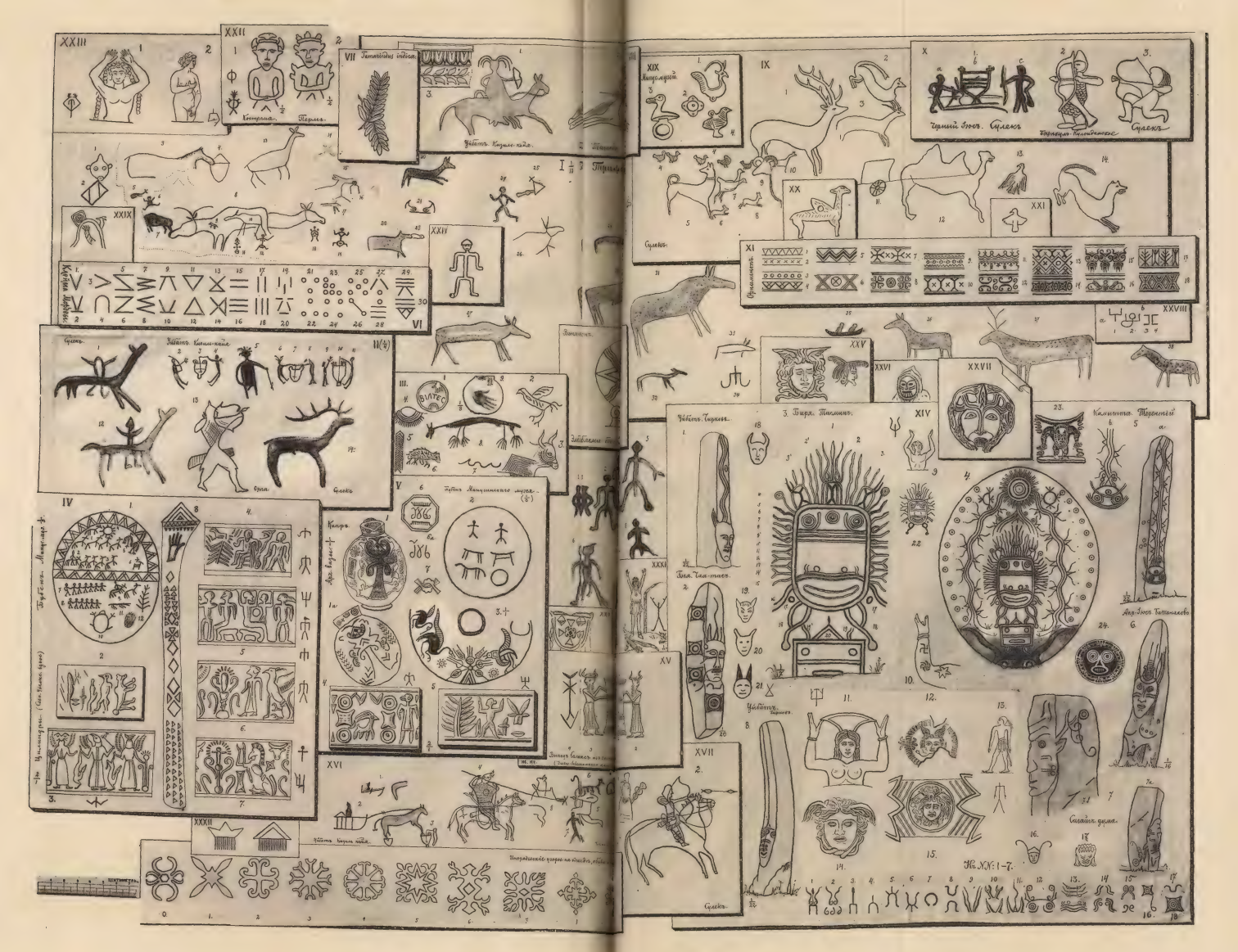


Къ статьѣ И. Т. Савенкова „О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ“.

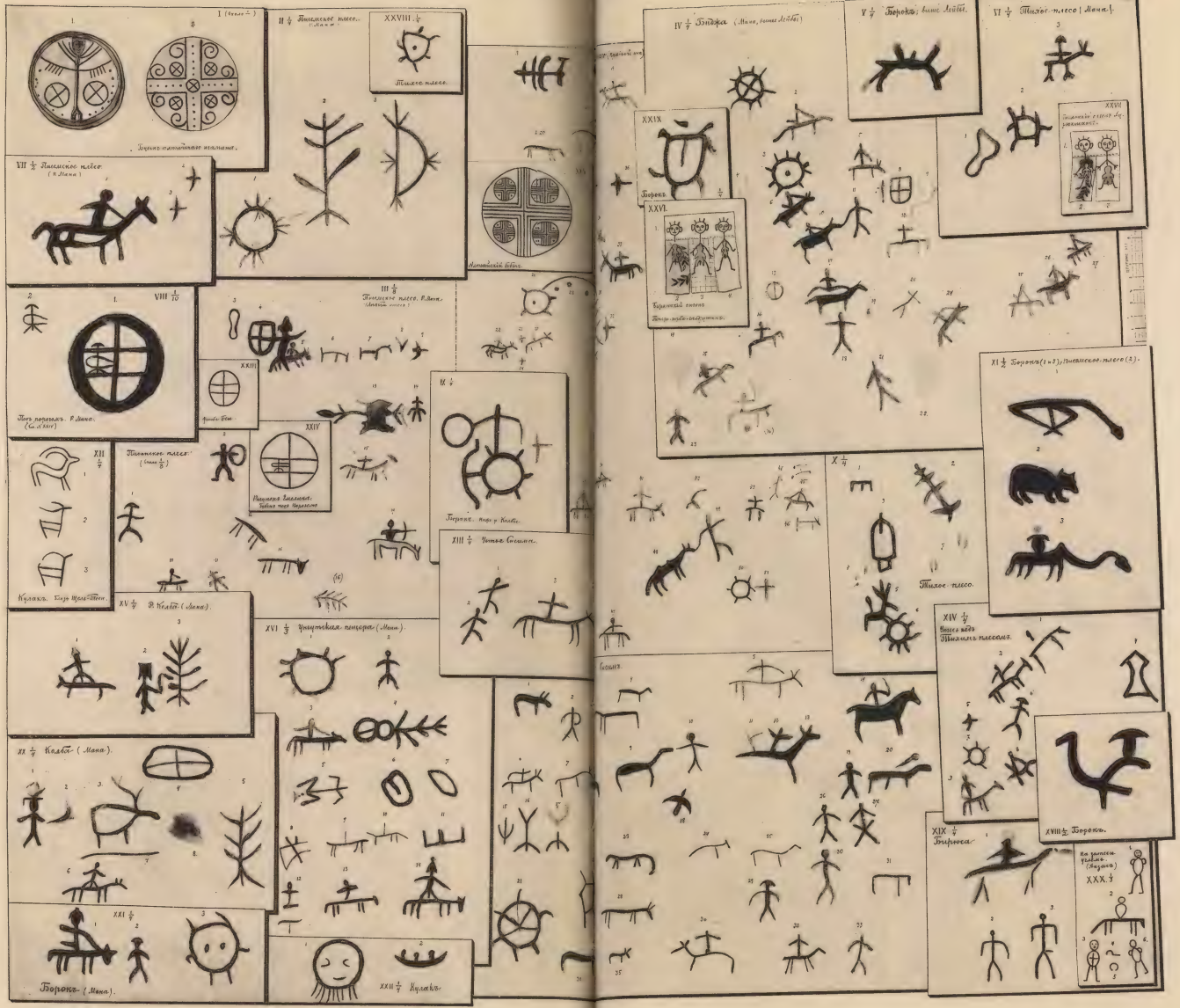
Къ статьѣ И. Т. Савенкова „О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ“.



Къ статьѣ И. Т. Савенкова „О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ“.

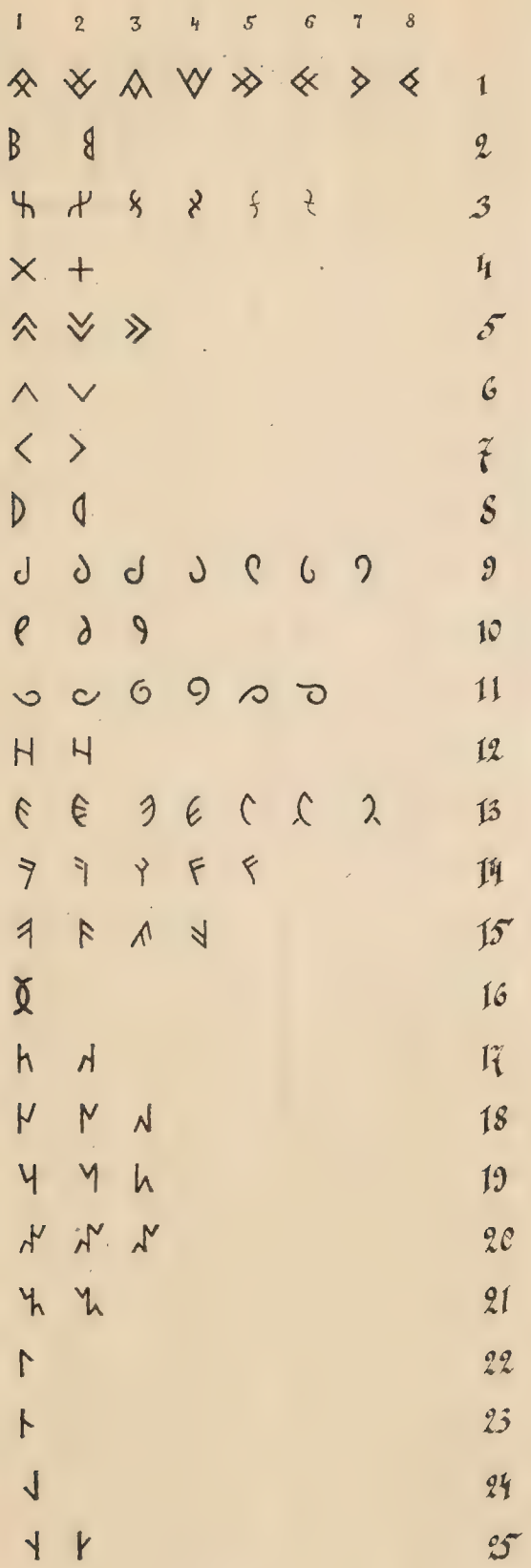


Къ статьѣ И. Т. Савенкова „О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ“.



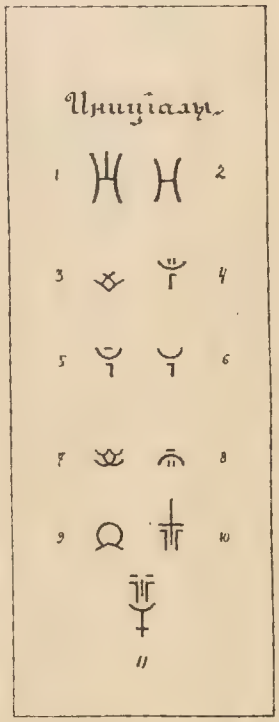
Къ статьѣ И. Т. Саренкова „О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ“.

Типы письменныхъ начертаній на Енисеѣ.



78 знаковъ.

70 знаковъ.



Къ статьѣ И. Т. Савенкова „О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ“.

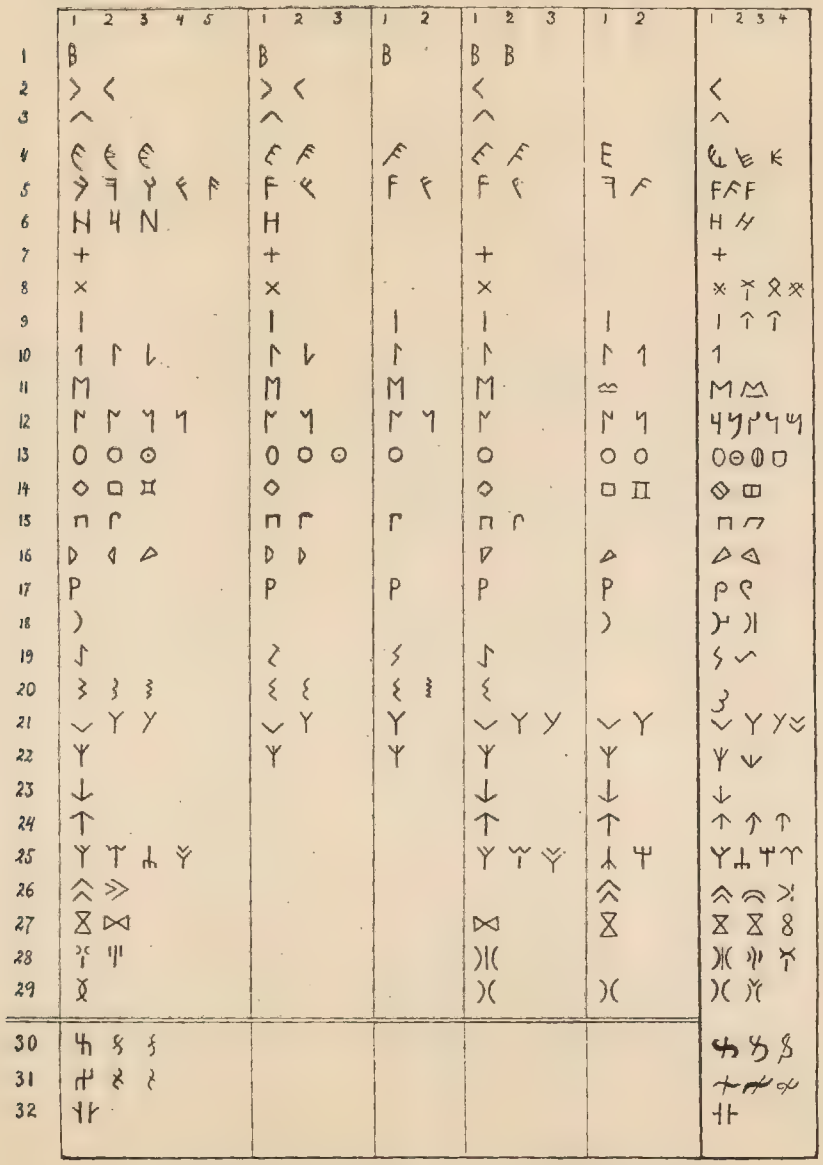
Типы начертанiй разныхъ древнихъ алфавитовъ для параллелей съ родовыми знаками и съ древнѣйшими религiозными символами.

Къ статьѣ И. Т. Савенкова „О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ“.

Опытъ классификаціи и генезиса доалфавитныхъ знаковъ и символовъ.

Къ статьѣ И. Т. Савенкова „О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ“.

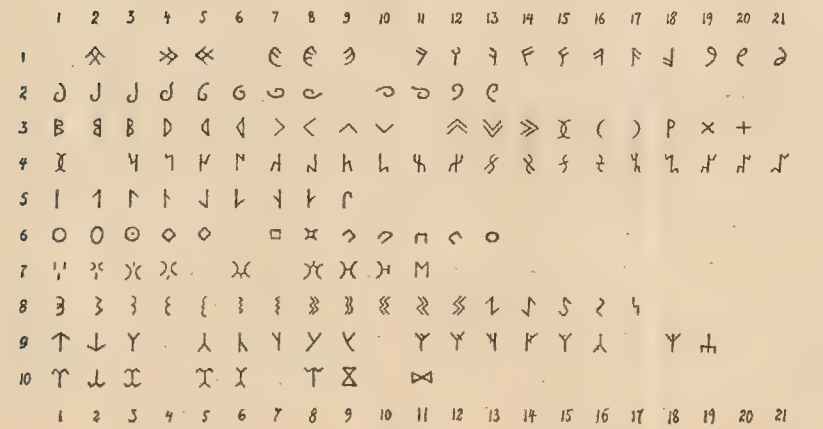
Сходныя начертанія Енисейскаго и Мало-Азійскихъ алфавитовъ.



Начертанія Енисейскаго и Тукюэзскаго алфавитовъ.

(Вторая группировка буквъ).

Таб. XIV.



Къ статьѣ И. Т. Савенкова „О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ“.

Объясненіе таблицъ и рисунковъ,

приложенныхъ къ статьѣ и указанныхъ въ другихъ изданіяхъ.

Таблица I.

Петроглифы и другіе древніе памятники изобразительнаго искусства на Енисеѣ и параллели къ нимъ.

Рисунки:

1. Петроглифъ, близъ улуса Майдаши. 5 фиг. См. описаніе на стран. 165.

2. Петроглифъ, близъ улуса Майдаши. 27 фиг. См. стран. 165. Самыя замѣчательныя фигуры оленей въ жертвенномъ положеніи и шаманъ, фиг. 20.

3. Петроглифъ, близъ улуса Майдаши. 12 фиг. Стран. 167.

4. Петроглифъ, близъ улуса Майдаши. 6 фиг. Стран. 168.

5. Петроглифъ, близъ улуса Майдаши. 29 фиг. Стран. 169.

6. Петроглифъ, близъ улуса Майдаши. 3 фиг. Стран. 169.

7. Петроглифъ, близъ улуса Майдаши. 7 фиг. Стран. 170.

8. Петроглифъ, близъ улуса Майдаши. 24 фиг. Стран. 170.

9. Петроглифъ, на утесѣ Кулакъ. 3 фиг. Стран. 160.

10. Петроглифъ, на утесѣ Кулакъ. 2 фиг. Стран. 160.

11. Петроглифъ, на р. Манѣ, урочище Борокъ, ниже Биджи. 1 фиг. Стран. 134.

12. Петроглифъ, на утесѣ Кулакъ. 14 фиг. Стран. 160.

13. Петроглифъ, въ Унгутской пещерѣ. 2 фиг. Стран. 204.

14. Петроглифъ, на курганныхъ камняхъ, Абаканъ, около улуса Доможакова. 3 фигуры. Стран. 110.

15. Параллель. Рисунокъ на вазѣ, съ острова Кипра. L. Cesnola, Cypern, Taf. XCIV; Perrot-Chipiez, H. d. l'art. III. 701 (510 и 511); Kypros, M. Ohnefalsch-Richter.

16. Рисунокъ на архаической терракотовой вазѣ, съ острова Кипра (Саламинія). A. Cesnola, Salaminia, pl. XIX. 30 (Сопост. 21, 31 и др.) — Kypros, M. Ohnefalsch-Richter, Text. 44. Для сравненія и уясненія значенія линейныхъ символовъ и ихъ мультипликаціи.

17. Петроглифъ, у р. Абакана. 4 фиг. Стран. 112.

18. Петроглифъ, у Абакана. 9 фиг. Стран. 113.

19. Петроглифъ, близъ с. Каменка-Лугавское. 8 фиг. Стран. 135.

20. Петроглифъ, у Абакана. 6 фиг. Стран. 116.

21. Мѣдная фигура гуся. Минусинскій музей. Описаніе на стран. 247—250.

22. Петроглифъ П. С. Палласа, Минусинскій округъ. Стран. 136.

23. Параллель. Напряслице и кувшины изъ Трои (1-й древній городъ; Шлиманъ, dr. H. Schliemann). Курганъ у Легоница. (Изъ Mehlis u. Kohn) см. свастика, въ VI главѣ.

24. Петроглифъ, близъ улуса Сулекъ. 6 фиг. Стран. 182.

25. Бубенъ чернев. татаръ. Съ рис. Г. Н. Потанина. Пут. въ С.-З. Монголію. XVIII. 78. Мультиплицированные угловые символы, верхніе и нижніе какъ орнаментъ.

26. Параллель. Финикійская ваза. Phoenician vase from Idalium. Salaminia. A. di Cesnola. L. 1884.

27. Параллели. Троя, напряслица съ религіозн. знаками. H. Schliemann, Ilios. L. 1881. №№ 1872 и 1911.

28. Параллели. Троя, напряслица съ религіозн. знаками. Ibidem. №№ 1913 и 1915.

29. Начертаніе на каменной булавѣ изъ Минусинскаго округа.

30. Начертаніе на каменной булавѣ. Минусинскій музей.

31. Фигуры животныхъ изъ оленьяго рога, найденныя въ могилѣ, на дюнахъ, около деревни Базаиха. См. фототипію въ докладѣ, I. Savenkov. Sur les restes de l'époque néolitique. Congr. Internat. d'archéol. Moscou, 1892. Большія фотографіи (въ натур. величину, при рапортѣ барона де-Бай Французской Академіи Наукъ, составленномъ по докладу Ив. Савенкова и по его даннымъ. Paris. 1894. Libr. Nilsson.

32. Параллели къ графическому анализу древнѣйшихъ алфавитовъ. Тавра кореловъ. П. С. Ефименко. Юридическіе знаки. Ж. М. Н. П. 1874 г.

33. Параллели для выясненія языка движеній и его линейныхъ знаковъ. Тавры кореловъ. Взяты оттуда же.

34. Идолъ, изъ кремня, выдѣланный оббивкою и давленіемъ; голова съ клювомъ. Найденъ около сел. Чадобецъ, на р. Ангарѣ, въ Кежемской волости.

35. Параллели къ Бирскому божеству и къ символизаціи загробной жизни. Индійское божество (идолъ) Джаганнатха, стран. 222—225.

35. А. Символъ пяти элементовъ (Буддійскій) и Символъ Джаганнатъ (Брамінскій).

36. Тамги калмыковъ. П. С. Ефименко.

37. Мѣдная пластинка: олень въ жертвенномъ положеніи. Минусинскій музей. Сопост. съ № 2104. Альб. рисунк. Имп. Арх. Ком.

38. 1) Два горныхъ барана, изъ мѣди — Минусинскаго округа. 2) Параллель. Два барана изъ мѣди этрусской работы. 3) Двѣ головы домашн. козловъ надъ жертвенникомъ; часть кипрской геммы. Cypern, L. Cesnola. 4) Параллель. Двѣ птичьихъ головки; начертаніе на руническомъ камнѣ. Hagenow, v. F. „Beschreib. d. Runensteine. Loitz. 1826. II. XXXIII. 4.

Таблица II.

Петроглифы и другіе древніе памятники изобразительнаго искусства на Енисеѣ и параллели къ нимъ.

Рисунки:

1. Петроглифъ, близъ улуса Сулекъ. 4 фиг. Стран. 183.
2. Петроглифъ, на утесѣ Игумъ, село Тесь на Тубѣ. 3 фиг. Стран. 194.
3. Петроглифъ, близъ села Тесь, на р. Тубѣ. 19 фиг. Стран. 194.
4. Петроглифъ, близъ деревни Потрошилово (Моссева гора). 1 фиг. Стран. 178.
5. Петроглифъ, близъ деревни Потрошилово. 2 фиг. Стран. 178.
6. Петроглифъ, близъ села Тесь, на р. Тубѣ. 2 фиг. Стран. 195.
7. Петроглифъ, близъ села Тесь, на р. Тубѣ. 5 фиг. Стран. 195.
8. Петроглифъ, близъ села Тесь, на р. Тубѣ. 2 фиг. Стран. 195.
9. Петроглифъ, выше улуса Аглахты, на утесѣ. 2 фиг. Стран. 119.
10. Петроглифъ, близъ улуса Аглахты. 4 фиг. Стран. 119.
11. Петроглифъ, близъ деревни Потрошилово. 2 фиг. Стран. 178.
12. Петроглифъ, близъ улуса Аглахты. 1 фиг. Стран. 120.
13. Петроглифъ, близъ села Копёны. 2 фиг. Стран. 138.
14. Петроглифъ, на Караульномъ утесѣ. 2 фиг. Стран. 164.
15. Петроглифъ, близъ деревни Караульной. 1 фиг. Стран. 164.

16. Петроглифъ, близъ деревни Караульной. 2 фиг. Стран. 164.
17. Петроглифъ, на Караульномъ утесѣ. 1 фиг. Стран. 164.
18. Петроглифъ, близъ деревни Караульной. 2 фиг. Стран. 164.
19. Петроглифъ, близъ Потрошилово. 11 фиг. Стран. 178.
20. Петроглифъ, близъ Потрошилово. 16 фиг. Стран. 180.
21. Петроглифъ, близъ деревни Караульной. 4 фиг. Стран. 165.
22. Петроглифъ, близъ деревни Потрошилово. 14 фиг. Стран. 181.
23. Петроглифъ, близъ улуса Аглахты. 5 фиг. Стран. 120.
24. Мѣдное оружіе, Минусинскаго округа, съ религіозными знаками. Опис. стран. 240—247.
25. Разные предметы мѣдно-бронз. эпохи съ религіозн. знаками. Опис. въ гл. IV. Стран. 242.
26. Петроглифъ, близъ улуса Сулекъ. 4 фиг. Стран. 187.
27. Разные мѣдные предметы мѣдно-бронз. эпохи съ религіозн. знак. Стран. 240—245.
28. Петроглифъ, близъ улуса Сулекъ. 5 фиг. Стран. 187.
29. Предметы мѣдно-бронзовой эпохи съ религіозными знаками. Стран. 240—245.
30. Рукоятки кинжаловъ, съ религіозными знаками. Описаніе въ главѣ IV. Стран. 243, 245—246.
31. Мѣдный топоръ.
32. Петроглифъ, близъ улуса Сулекъ. 9 фиг. Стран. 188.
33. Каменная рыба, изъ деревни Залидѣевой. Изъ коллекціи И. А. Лопатина.
34. Фигуры и символы (ореолъ), на нихъ и надъ ними, начертанныя на руническ. камняхъ. С. Германія, Померанія. Hagenow. II. XXXIII. 1 и 2 параллели.

Таблица III.

Петроглифы и другіе древніе памятники изобразительнаго искусства на Енисеѣ и параллели къ нимъ.

Рисунки:

1. Петроглифъ, близъ с. Тесь, на р. Тубѣ. (Сохатый.) 2 фиг. Стран. 195.
2. Петроглифъ, близъ с. Тесь, на Тубѣ (верховой). 1 фиг. Стран. 195.
3. Петроглифъ, близъ с. Тесь, на р. Тубѣ (три фиг. живот.). Стран. 195.
4. Петроглифъ, близъ с. Тесь, на Тубѣ. 18 фиг. Стран. 195.
5. Петроглифъ, близъ с. Тесь, на р. Тубѣ (4 фиг.). Стран. 197.
6. Петроглифъ, близъ с. Тесь, на Тубѣ (2 фиг.). Стран. 197.
7. Петроглифъ, близъ с. Тесь, на р. Тубѣ. 2 фиг. Стран. 197. Остальныя двѣ фигуры знамена XVII вѣка Сургутскихъ остяковъ; 1 — выдра и 3 — бобръ. Глава VII. 344.
8. Петроглифъ, близъ с. Тесь, на Тубѣ (12 фиг.). Стран. 197.
9. Петроглифъ, близъ с. Тесь, на Тубѣ. 3 фиг. Стран. 199.
10. Петроглифъ, близъ с. Тесь, на Тубѣ. 3 фиг. Стран. 199.
11. Петроглифъ, близъ с. Тесь, на Тубѣ. 3 фиг. Стран. 199.
12. Петроглифъ, близъ с. Тесь, на Тубѣ (31 фиг.). Стран. 199.
13. Петроглифъ, близъ с. Тесь, на Тубѣ. 1 фиг. Стран. 225.
14. Петроглифъ, близъ с. Тесь, на Тубѣ (1 фиг. живот.). Стран. 225.
15. Петроглифъ, с. Тесь на Тубѣ. 1 фиг. Стран. 225.
16. Знамена инородцевъ XVII ст. См. главу VII, стран. 342.
17. Знамена инородцевъ XVII ст., гл. VII, стран. 342.
18. Тавры инородцевъ XVII вѣка, см. VII главу, стран. 342, 343—344.
19. Знамена инородцевъ XVII ст., гл. VII, стран. 342, 344.
20. Знамена инородцевъ XVII ст., гл. VII, стран. 342, 344.

21 и 22. Знамена инородцевъ XVII ст., описаніе въ главѣ VII, рисунки взяты у Н. Н. Оглоблина. Зап. Ур. Общ. Люб. ест. 1891—92. Гл. VII, стран. 343—344.

Таблица IV.

Петроглифы и другіе древніе памятники изобразительнаго искусства на Енисеѣ и параллели къ нимъ.

Рисунки:

1. Петроглифъ, близъ с. Тесь, на р. Тубѣ. 12 фиг. Стран. 200.
2. Петроглифъ, близъ с. Тесь, на р. Тубѣ. 1 фиг. Стран. 200.
3. Петроглифъ, близъ с. Тесь, на р. Тубѣ. 9 фиг. Стран. 200.
4. Петроглифъ, близъ с. Тесь, на Тубѣ. 8 фиг. Стран. 201.
5. Петроглифъ, у с. Тесь, на р. Тубѣ. 2 фиг. Стран. 201.
6. Петроглифъ, около с. Тесь, на р. Тубѣ. 3 фиг. Стран. 201.
7. Петроглифъ, около с. Тесь, на р. Тубѣ (фиг. медвѣдя). 1 фиг Стран. 201.
8. Петроглифъ, около с. Тесь, на Тубѣ (фиг. живот.). 1 фиг. Стран. 201.
9. Петроглифъ, близъ с. Тесь, на Тубѣ (фиг. человѣка и живот.). 2 фиг. Стран. 202.
10. Петроглифъ, близъ с. Тесь, на Тубѣ (фиг. животнаго). Стран. 202.
11. Петроглифъ, близъ с. Тесь, на Тубѣ (8 фиг. животныхъ). Стран. 202.
12. Петроглифъ, близъ с. Тесь, на Тубѣ (2 фиг. животн.). Стран. 202.
13. Петроглифъ, близъ с. Тесь, на р. Тубѣ (фиг. медвѣдя). Стран. 202.
14. Современная надпись на затеси дерева углемъ. Маторъ, на утесахъ, отдѣльно отъ петроглифовъ. Гл. VIII, стран. 407.
15. Тавры. Абаканскій перевозъ. Гл. VII, стран. 408.
16. Современный инородческій рисунокъ углемъ, на затеси дерева, близъ рч. Анзасъ.
17. Современный рис. на затеси дерева. Перевалъ къ Матору. Гл. VIII, стран. 408.
18. Тамги лопарей. 8 знаковъ, 3 свастики. Тамги лопарей, какъ и всѣ прочія, являются необходимыми параллелями для графическаго анализа алфавитн. знаковъ. Гл. VII, стр. 348—350.
19. Тамги лопарей. 6 клеймъ, замѣчательна фиг. 4 (въ ростъ) съ свастическимъ рукоположеніемъ. О лопаряхъ см. Scheffer, Hist. de Laponie, sa descript., l'origine etc.—Гл. VII, стр. 350.
20. Тамги лопарей. 14 знаковъ; 9-я фигура мужчины съ свастическимъ рукоположеніемъ.
21. Тамги лопарей. Гл. VII, стран. 351—352.
22. Тамги лопарей. Выдающіеся знаки 1, 2 и особенно 13, человѣкъ (въ ростъ) съ свастическимъ рукоположеніемъ. Гл. VII, стран. 353—354.

Таблица V.

Петроглифы и другіе памятники изобразительнаго искусства на Енисеѣ, съ параллелями къ нимъ.

Рисунки:

1. Петроглифъ близъ деревни Потрошилово. Гл. II, стран. 100, гл. III, стран. 178 (табл. II) и стран. 226 табл. V.

2. Параллели для возстановленія древнихъ религіозныхъ символовъ и шрифтографовъ. Тамги инородцевъ Минусинскаго округа. Проф. Н. Ф. Катановъ.

3. Тамги инородцевъ Минусинскаго округа. Тотъ же источникъ. См. гл. VII, стр. 366. Послѣ ознакомленія съ бирскою стеллою, останавливаютъ на себѣ вниманіе тамги, за №№ 3 и 26, рис. III, въ сопоставленіи съ № 1, II рисунка и № 19, XVII рисунка этой же таблицы: означая рукоположеніе, онѣ означаютъ и положеніе ладоней при обращеніи къ небу и землѣ, во второмъ случаѣ (фиг. 26) молитва землѣ приносится за предковъ, а можетъ быть и предками.

4. Петроглифъ, близъ деревни Потрошилово. Гл. III, стран. 226.

5. Петроглифъ, близъ деревни Потрошилово. Стран. 226.

6. Петроглифъ, близъ деревни Потрошилово. Стран. 226.

7. Петроглифъ, близъ деревни Потрошилово. Стран. 226.

8. Остяцкія знамена (тавры) XVII вѣка, по Н. Н. Оглобину. (Записки Уральск. Общества Люб. Ест. и въ „Историч. Вѣсти". 1889 (№№ 10—12). Интересенъ видъ „остроги" (такъ названной въ актѣ XVII вѣка) несимметрично-вильчатой, подобный тѣмъ копьямъ, которыя видны надъ VIII рис., на VII рис. и на I рис. фиг. 2 и 8. На этомъ же рис. видимъ остроги симметричныя, и вилы и тройчатки. Но напомнимъ, что въ послѣднемъ случаѣ мы вѣроятнѣе имѣемъ дѣло съ конкретированіемъ религіозныхъ знаковъ, т.-е. съ графическимъ атавизмомъ (см. стран. 23 введенія, — примѣчаніе, въ которомъ число примѣровъ могло быть значительно увеличено).

9. Петроглифъ, близъ улуса, въ горахъ Аглахты. 13 фиг. Стран. 121.

10. Петроглифъ, въ горахъ, близъ улуса Аглахты. 1 фиг. Стран. 122.

11. Петроглифъ, въ горахъ, близъ улуса Аглахты. 1 фиг. Стран. 122.

12. Петроглифъ, въ горахъ, близъ улуса Аглахты. 4 фиг. Стран. 123. Интересны 4 фиг.

13. Петроглифъ, въ горахъ, близъ улуса Аглахты. 2 фиг. Стран. 124.

14. Петроглифъ, въ горахъ, близъ улуса Аглахты. 4 фиг. Стран. 124.

15. Петроглифъ, въ горахъ, близъ улуса Аглахты. 7 фиг. Стран. 124.

16. Петроглифъ, въ горахъ, близъ улуса Аглахты. 6 фиг. Стран. 124.

17. Параллели къ графическому анализу алфавитовъ. Тамги киргизовъ, алтайцевъ, джучидскихъ монетъ (Fraen, Die Münzen der Chane von Ulus Dschutschi's S. Pb. 1823. Г. XII).

Таблица VI.

Петроглифы и другіе памятники изобразительнаго искусства на Енисеѣ, съ параллелями къ нимъ.

Рисунки:

1. Петроглифъ, въ горахъ, близъ улуса Аглахты. 14 фиг. Стран. 125. Начертанія животныхъ на нѣкоторыхъ петроглифахъ Аглахты, близъ Трифоновой, на Тубѣ, близъ Теси имѣютъ нѣкоторыя общія черты съ фресками и петроглифами пещеръ эпохи Мадленъ, въ Западной Европѣ. См. гл. V, стран. 279—284.

2. Петроглифъ, близъ деревни Трифоново. См. стран. 227.

3. Петроглифъ, около деревни Копёны. 23 фиг. Стран. 141.

4. Петроглифъ, близъ деревни Копёны. 32 фиг. Стран. 146.

5. Петроглифъ, близъ деревни Копёны. 15 фиг. Стран. 148.

6. Петроглифъ, близъ деревни Копёны. 20 фиг. Стран. 155.

7. Параллель. Отраженіе культа на рисункѣ оленя. Знамена Березовскихъ и Сугутскихъ остяковъ, XVII вѣка. Гл. VII. 344.

8. Параллель. Тамги остяковъ, XVII столѣтія. Гл. VII. Стран. 344.

9. Знамена остяковъ XVII вѣка. Параллели. Гл. VII. Стран. 345.

10. Параллели. Знамена остяковъ XVII вѣка. Гл. VII. § 1. 344—345.

11. Параллели. Знамена XVII вѣка. Гл. VII. § 1. 345.

12. Параллели. Знамена инородцевъ Красноярскаго уѣзда. См. VII гл. стран. 342—343.

Таблица VII.

Петроглифы и другіе памятники изобразительнаго искусства на Енисеѣ, съ параллелями къ нимъ.

Рисунки:

1. Петроглифъ, на утесахъ, близъ улуса Аглахты. 5 фиг. Стран. 126.

2. Петроглифъ, въ горахъ, близъ улуса Аглахты. 26 фиг. Стран. 129.

3. Петроглифъ (писанецъ), близъ деревни Копёны. 7 фиг. Стран. 155.
4. Петроглифъ, близъ деревни Копёны. 8 фиг. Стран. 159.
5. Петроглифъ, близъ деревни Копёны. 5 фиг. Стран. 160.
6. Петроглифъ, близъ деревни Копёны. 2 фиг. Стран. 160.
7. Петроглифъ, около с. Атамановскаго 6 фиг. Стран. 131. Выше гор. Красноярска.
8. Параллели къ петроглифамъ и алфавитамъ. Знамена сибирскихъ инородцевъ XVII вѣка.
9. Параллели. Вырѣзка на затеси дерева. Живая графическая сторона, какъ и слѣдующіе рисунки: 11, 13, 14, 16, 18 и 19. См. главу VIII, стран. 408.
10. Вырѣзано на деревѣ. Гл. VIII.
11. Также для сравненій. Углемъ и рѣзью на деревѣ. Тамги. Гл. VIII, стран. 408.
12. Петроглифъ, близъ Абаканскаго перевоза. 6 фиг. Стран. 119.
13. Параллели для сравненій. Написано углемъ на затеси дерева. Тамги. Гл. VIII. 408.
14. Параллели. Начерчено углемъ на затеси дерева.
15. Петроглифъ, близъ деревни Копёны. 1 фиг. Стран. 160.
16. Для сопоставленія. Рѣзь на затеси дерева, около улуса Маторъ. Гл. VIII. 408.
17. Параллели. Знамена сибирскихъ инородцевъ XVII вѣка. Гл. VII. § 1. 345.
18. Для сопоставленій. Рисунокъ углемъ на затеси дерева. VIII. § 5. 408.
1. Полудиски: „bq“ или „69“, см. зодіакальное созвѣздіе „Рака“. — 2. Полуденный знакъ.
19. Рѣзь на деревѣ, по дорогѣ къ Кызасу. Живая графическая старина. Гл. VIII. § 5.

Таблица VIII.

Петроглифы и другіе древніе памятники изобразительнаго искусства на Енисеѣ и параллели къ нимъ.

Рисунки:

I. Трифоновскій петроглифъ. 38 фиг. Стран. 203, еще 227.

II. Фигуры 2—11. Изъ петроглифовъ Кизиль-Кайя. 10 фиг. Стран. 205. По два у котла, литейщика, работающій и молящійся.

1, 12 и 14 фигуры Сулекскаго петроглифа; поучительны молящіяся лошади. 13 фиг. изъ петроглифовъ на Оргѣ. 1 фиг. Стран. 207.

III. 1. Параллель. Рука, благословляющая, на монетѣ, золотой радужной чашечкѣ, изъ Венгріи (Нидерле, „Челов. въ доистор. врем.“ 469; R. Forrer, Reallex. 514, 419; тамъ же см. литературу, о „вотивной рукѣ“, „main votive“, въ рубрикѣ „Votivhände“).

2, 6 и 7. Параллели. Тетеря, медвѣдь и змѣя, остяцкія знамена XVII вѣка. Вліяніе культа на начертаніе лапъ дугою и тройчатымъ символомъ. Изображеніе тетери напоминаетъ тобольскія пластинки, выше (см. гл. VII стран. 345); хвостъ и крылья расправлены.

3, 4 и 5. Параллель. Совр. мѣтки и украшенія (древними молитвенными символами) коровы, въ Африкѣ, у негровъ (Э. Реклю. Человѣкъ и Земля. I, 263). Изображены части рисунка: горбъ, бока, голова и грудь. Интересующіеся взглянутъ рисунокъ всего животнаго.

8. Медвѣдь. Совр. рис. русскаго мѣстнаго охотника изъ Кежмы, на Верхней Тунгузкѣ. Параллель. Усвоенное у инородцевъ начертаніе лапъ условное.

9. Оттискъ руки на горшкѣ („Heidn. Alt“. C. von Estroff, XVI, 2). Параллель.

IV. 1. Бубенъ Минусинскаго музея. Орнаментъ, окружающій небесный кругъ начертаній. Самый старинный и самый цѣнный изъ бубновъ Минусинскаго музея.

2—7. Параллели: 2. L. Cesnola. Cypern. LXXVI. 22; 3. A. Cesnola. Salaminia, pag. 120. 131; 4. Cyp. L. C. LXXVII. 26; 5. A. C. Sal. Pl. XII. 12; 6. A. C. Sal. Pl. XII. 2 и 7. A. C. Sal. Pl. XII. 6. Противъ соотвѣтственныхъ фигуръ (конкретографовъ) нами поставлены линейные знаки (сигнографы). Цилиндры ассирійскаго и вавилонскаго стиля (Cypern и Salaminia, L. и A. Cesnola). См. цилиндры въ трудѣ Онефальшъ-Рихтера, — „Kypros“.

8. Живая старина. Современная рѣзь на ложѣ старинной винтовки, инородца Минусинскаго округа. Гл. VII, стран. 410.

V. 1 и 1 а. Ваза съ религіозными символами (Cypern, L. Cesnola, Taf. IV. 1. У Ohnefalsch-Richter, Kypros die Bibel und Homer, превосходный рисунокъ, LXI, Texts. 27). Параллель.

2. Для сравненія. Бубенъ Минусинскаго музея. Очень недавній; разложеніе культа ясно видно изъ неосвѣдомленности шамана и въ его графическомъ невѣжествѣ: вмѣсто традиціоннаго рисунка дается „отсебятина“: молитва, жертва и солнце.

3. Ваза съ Кипра (Cesnola, XCIII; Ohnefalsch-Richter, LXI). Для параллели.

4 и 5. Цилиндры ассирійскаго стиля, съ Кипра (L. Cesnola. Cypern. Taf. LXXVI. 20—21). Параллель для объясненія линейныхъ знаковъ языка движеній (сигнографовъ). См. рядомъ, на рис. XV древній сигнографъ, гербъ бога Шамаша, на которомъ права молитвы ∨ и благословенія ∧ изображены однимъ знакомъ лежачаго креста изъ волнистыхъ лучей. Но одновременно этого сдѣлать нельзя, и, по енисейской манерѣ означенія, между угловыми знаками слѣдовало бы дать промежутокъ, какъ на буквахъ типа, означающаго попеременное поднятіе и опусканіе рукъ сопост. съ X табл. л. с. 21. У Шамаша такое же свастическое рукоположеніе, но производимое одновременно обѣими руками[1]).

6 и 6а. Параллель. Бляха на обручальномъ кольцѣ современной инородки.

7. Символъ мексиканскій (Шниц., Вс. ист. письм., стран. 26, табл. II). Сопоставить съ индѣйскимъ, на сумкѣ, на этой же табл., рис. XXX.

VI. Для сравненій. Клейма мордвы, изъ труда Харузина, „Зн. собствен. у Мордвы“. (Труды эти. отд. XIV.)

VII. Параллель. Листья Tamarindus Indica. Изъ Кернера фонъ-Мерилаунъ, „Жизнь растеній“, II т. Растенія, какъ священные символы, украшенія и какъ предметы колдовства. Стран. 712, 741 и 723. См. Baumcultus, Онефальшъ-Рихтера, Kypros.

VIII. 1. Всадникъ, съ Уйбата, Кизиль-Кайя. 1 фиг. Стран. 206.

2. Ташеба, Чаа-Тасъ. Всадникъ.

3. Параллель къ табл. XI. 25. 5. Съ надгробнаго камня (Греч. и лат. надписи Ю. Россіи. Акад. В. В. Латышева, 53. № 57, табл.).

IX. Сулекскій петроглифъ. 14 фиг. Стран. 190.

X. 1 и 3. Сулекъ. 2 фиг. Стран. 191.

2. Барнаулъ. Кулондинское.

XI. Орнаментъ, составленный нами по мотивамъ мѣдно-бронзовой эпохи, въ стилѣ древнихъ религіозныхъ символическихъ знаковъ. См. табл. XVIII.

XII. Параллель. Гербъ бога Шамашъ. Три волнистыя линіи сходны съ таковыми же линіями на курганныхъ камняхъ (сопост. рис. XIV, фиг. 1). Дублированные угловые символы означаютъ благословеніе (подчиненность Шамаша небу очевидна). Благословеніе на глазахъ умершихъ, означенное на нѣкоторыхъ камняхъ, дѣлаетъ эти начертанія сходными (сопост. на этой таблицѣ съ фиг. 2 рисунка XIV и внизу, въ ряду №№ 1—7: фиг. 16 и 18.

XIII. Петроглифъ на Печищѣ. 8 фиг. Стран. 181.

XIV. Изображенія 7 камней съ грубой скульптурной отдѣлкой и съ символическими начертаніями, съ различными параллелями, уясняющими и до нѣкоторой степени реставрирующими религіозныя воззрѣнія аборигеновъ Енисея мѣдно-бронзовой эпохи.

---

[1]) Сопост. Kypros. M. Ohnefalsch-Richter, Taf. LXXXIV и таблицу LXIX. 84 и др. ja, nu. Рекомендуемъ взглянуть все древне-вавилонское клише; вращеніе круга-герба при помощи веревокъ служителями наивно означаетъ, кто изображаетъ изъ себя Шамаша. См. у Шантепи, I т., 183 (34). Болѣе древніе цилиндры см. M. Ohnefalsch-Richter, Kypros, Tafeln LXXXIV. 4-я фиг. позднѣйшая: по тіарѣ (родословное дерево). Помѣщенный на рис. XV, на этой же таблицѣ, мы считаемъ древнѣе (тіара и способъ привязыванія дверей).

1. Могильный камень. Уйбатъ, ул. Чиркова. Стран. 212.

2. Могильный камень. Бея, Чаа-Тасъ. Стран. 210.

3. Начертаніе на могильномъ камнѣ, на Бири, ул. Тазмина. Стран. 214.

4. Опытъ начертаній на бубнѣ древнихъ бирскихъ шамановъ. Верхняя *надземная* часть подчинена графическимъ даннымъ курганнаго времени. Соединены религіозныя начертанія съ нѣсколькихъ камней, для нагляднаго представленія Бирскаго божества, сопроводителя души погребеннаго, по отношенію къ верховному божеству. Высказанное на докладѣ въ засѣданіи Имп. Моск. Арх. Общества предположеніе о продолженіи начертанія подъ землею оправдалось, но, при произведенной впослѣдствіи раскопкѣ, оказалось, что голова, принимающаго загробнаго божества, поставлена антиподально: зубцы короны обращены внизъ, т.-е. означены права этого божества на молитву высшему подземному божеству. См. особ. докладъ.

5. a и 6. Камышта, ул. Терентія. Могильный камень и деталь къ нему. Стран. 212—213.

6. Акъ-Іюссъ. Батанаково. Могильный камень. Стран. 207.

7. a и b Сагайская дума. Могильный камень. Стран. 213.

8. Уйбатъ, р. ул. Чиркова. Могильный камень. Стран. 212.

9. Параллель. Молящійся *предъ* олимпійскимъ состязаніемъ юноша. Статуя, и съ боку наше сигнографическое начертаніе этого вида молитвы. Ладони какъ бы ожидаютъ даянія.

10. Рука (обломокъ отъ статуи) съ вышитою на рукавѣ совастикою. Музей Оксфордскаго университета[1]). Параллель для объясненія различныхъ способовъ графическаго символизированія совастической молитвы. Сопост. съ табл. XII. Л. 18, 20 и 21.

11. Молящаяся скиѳская царица. Блюдо Чертомлыцкаго кургана[2]). Вверху нами поставленъ сигнографическій знакъ этого вида молитвы. Параллель. Ср. табл. XI. 9. 11.

12. Параллель. Голова Гермеса, въ ореолѣ, съ его гербомъ[3]).

13. Египтянинъ, молящійся земнымъ богамъ, и подъ ними поставленное нами сигнографическое начертаніе этого вида молитвы. Параллель. Perrot-Chipiez. I.

14. Голова Гермеса. (Medusa Rondonini.) Revue Archeol. Paris, 1900, p. 308; 1904, №№ 1—2, p. 152. Параллель.

15. Параллель. Голова Гермеса на погребальномъ вѣнкѣ изъ Керчи, окруженная символическими знаками[4]).

16. Параллель. Головная повязка короля инковъ. (По Фальбу. Falb, Das Land der Inka. L. 1883, S. 193). Для сравненій.

17. Орнаментный мотивъ, бордюръ женскаго браслета изъ Куль-Оба („Русск. древности въ памятн. искусства", гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, вып. 2-й, стран. 90 (рис. 72). Исполненіе эскизно, мотивъ въ связи съ главной композиціонной мыслью украшенія, надѣтаго на погребенную рабыню князя еще при ея жизни; великая жертва оленя небу (благословляющая), принятая *небесными* миѳическими жертвоприниматели и ея отраженіе въ водѣ, т.-е. то, что она принята и землею, съ загробной жизнью, подобной подземной. Ср. съ рукоятью Чертомлыцкаго меча; тамъ же, стран. 145 (122). Бордюръ браслета стран. 90 (72), изъ головъ *земныхъ* жертвоприниматели гармонируетъ: на гривахъ львовъ стилизировано благословеніе.

18. Голова, съ древне-русской монеты (Тверская, безъ имени князя).

19. Керченскія катакомбы. Отдѣльная голова, изъ фресокъ. Русскія древности въ пам. иск. вып. II. 68 (51).

20. Мексика. Schoolcraft. VI. 606.

21. Митра-символы: предметный и сигнографическій (звѣзда смерти), (Falb. D. L. d. Inka. Stier-Tod, Mitra-Symbol) Параллель.

---

[1]) Musée d'Oxford. Revue d'Archeologie, 1900 сент. — окт. 308; 1904. 152.

[2]) Русскія древн. Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ II в., стран. 110 (97) и 111 (98). Прекрасный большой рисунокъ, со всѣмъ орнаментомъ.

[3]) Ibidem. Вып. I, стран. 33 (36).

[4]) Ibidem. 44 (53).

22. Схема Бирской стеллы. Для предварительнаго ознакомленія.

23. Изголовье, подставка подъ голову. Нов. Гвинея. Г. Шурцъ. Ист. первобытной культ. 304 (рис.). Увеличеніе головы, ея обрамленіе; отсутствіе туловища; рукоположеніе.

24. Великій духъ, татуировка австралійцевъ Параллель къ солнечному символическому божеству Тазминскаго камня (см. 3 фиг. верхнюю часть, 1—18). Нѣтъ трехглазости; австралійское начертаніе въ строгомъ амулетномъ стилѣ, замкнутое въ кругѣ, но сходство символизаціи изумляющее: права молитвы и благословенія чередуются, совпадая до тождества. Отличіе енисейскаго символа отъ австралійскаго въ томъ, что на Енисеѣ, на головѣ замѣчается чередованіе молитвенныхъ и благословляющихъ символовъ.

Конечно, необходимо спеціальное изученіе и большое число параллелей, но теперь, подъ первымъ впечатлѣніемъ, австралійская татуировка (если графики уже мертвы духомъ) — заимствованіе отъ очень высокой культуры (прямолинейность геометрическаго орнамента) средины періода языка движеній, м.-б., уже въ началѣ дифференціаціи свѣтового конкретно-сигнографическаго или смѣшаннаго письма. Интересно, когда въ Полинезіи можно (также гадательно, конечно) предполагать заимствованіе и разложеніе культуры и культа?

XV. Древне-вавилонскій цилиндръ. Выходъ бога Шамашъ изъ восточныхъ вратъ неба. Съ боку древній гербъ или символъ этого бога, означенный на цилиндрѣ. См. Шантепи-де-ля-Соссей, Ист. религій, I. 194 (37), и Bibl. und Kypr. Ohnefalsch-Richter. Сопост. Taf. LXXXIV и Text. См. замѣчаніе о гербѣ бога Шамашъ при рис. V. 4—5.

XVI. 1—3. Кизиль-Кайя, петроглифъ Уйбатъ. Стран. 206.

4—10. Сулекскій петроглифъ. Стран. 192.

XVII. 1. Кара-Юссъ. Подкамень. Петроглифъ. Женская фигура съ загадочнымъ предметомъ, — слѣва (отъ нея); она нарисована безъ рукъ (Ср. XII. л. 14. I). См. рис. у Аспелина Types de peupl. 8.

2. Сулекъ. Всадникъ, стрѣляющій. См. текстъ, стран. 192. Желательно, чтобы археологи-синологи обратили вниманіе на рисунки и письмена Сулекскаго петроглифа. На древне-китайскомъ рельефѣ, на камнѣ, мы замѣтили форму отражающаго щита, который могъ держаться вмѣстѣ съ лукомъ и присутствіе котораго можно заподозривать на Енисеѣ по мѣднымъ предметамъ, относительно назначенія которыхъ еще не дано объясненій (Древ. Минус. муз. IX. I; см. атл. Martin'a L'age du br. au M. M. 24. 8—11).

XVIII. Узоры для вышивокъ, минусинскихъ инородцевъ. А. А. Кузнецовой: „Жилища, одежда и пища минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ". Въ этой обстоятельной и снабженной многими интересными этнографич. работѣ фототипіями даны цѣнныя въ общеэволюціонномъ отношеніи графическіе пережитки. На таблицѣ узоровъ, въ которыхъ, по заключенію А. А. Кузнецовой, преобладаютъ растительные мотивы (стран. 176), мы замѣтили знаки и символы языка движеній, т.-е. нѣкоторые элементы до-алфавитнаго письма. Наиболѣе интересные рисунки мы помѣстили здѣсь на VIII рис., прибавивъ только 3 и 9 рис., замѣченные нами на мужчинахъ. Описаніе въ VIII, гл., § 5 стр. 410. Эти пережитки весьма отдаленнаго времени въ высокой степени интересны.

XIX. Вещи изъ Минусинскаго музея. Параллели къ петроглифамъ.

XX. Верблюдъ Минусинскаго музея. Для сравненія съ сулекскими.

XXI. Птичка. Минус. музей. Маленькій амулетъ. Расправлены крылья, а хвостъ не развернутъ.

XXII. Мѣдные идолы, изъ Костромы и Перми. См. Аспелинъ. Ant. Nord Finno-Ougr. 67 (299) и 68 (304). Параллели.

XXIII. 1. Увѣнчанный побѣдитель на олимпійскихъ играхъ, съ боку поставлено нами сигнографическое начертаніе рукоположенія и перстосложенія[1]).

---

[1]) Revue archeolog. 1903, Sept. oct. Bas-relief grec. Athlete-vainquer en priere. Ср. VIII табл. XIV. 9.

2. Статуя Венеры Медиційской, внизу сдѣланное нами сигнографическое начертаніе религіознаго рукоположенія, означеннаго на статуѣ. Рукоположеніе по совастическому культу (пр. и лѣв. рукъ), можно сказать, канонически условное: около извѣстнаго храма и при извѣстной, обстановкѣ предъ обязательнымъ жертвоприношеніемъ, при выходѣ на берегъ моря, и т. д. Надъ genit. лѣвая рука и отставленный *большой* палецъ (въ совокупности жестовъ рефлекторной стыдливости, производятъ замѣтную дисгармонію; правая грудь также эстетико-канонически обхватывается кистью *правой* руки, также съ отставленными б. пальцемъ и мизинцемъ (дубл. углов. символ.). У проф. И. А. Сикорскаго, въ интересномъ и поучительномъ трудѣ „Всеобщая Психол. съ физіономикою" (К. 1904), стран. 483 (фиг. 249), и рисунокъ вполнѣ совершенный и поворотъ прямой. Бедра сжаты, колѣна сомкнуты, пониже голени расходятся (для дачи угла поклоненія землѣ), ступни тоже, *правая* — только кончиками пальцевъ касается земли. Вообще, для греческой натурщицы, дѣвушки и женщины, изображающей Венеру, всѣ эти движенія были каноническими и были въ значительной степени аналитическими. Въ этомъ направленіи мы не сходимся съ профессоромъ Сикорскимъ: въ этомъ примѣрѣ, а ихъ можно привести большое количество, мы видимъ м. б. и наслѣдственность, но нерѣдко объ этомъ забываемъ. Мы ограничимся двумя примѣрами каноническаго рукоположенія изъ древности финикійско-кипрской, эпохи не такъ отдаленной: III t. Perrot-Chipiez, 409 (281) 557 (381). Примѣръ каноничности такого рукоположенія видимъ и на Орхонѣ. Труды Орх. Эксп. Атл. древн. Монголіи. Табл. XV. 2. Ханъ и его жены въ *правыхъ* рукахъ (въ текстѣ вкралась ошибка) держатъ сосуды (уголъ руки и сосудъ сигнализируютъ небу) *лѣвая* рука женщины (правой отъ смотрящаго) съ отставленнымъ больш. пальцемъ немного выше положенія рукъ Венеры. Башлыки, покрывающіе женщинъ, немного болѣе головы, на островерхихъ бабахъ на Бирѣ головной уборъ въ $2^1/_2$ — 3 раза болѣе лица. Напомнимъ высокіе уборы вотячекъ и невѣстъ у киргизовъ, а также уборы микено-критскіе (For. R. L. 415. 6 и 7).

Сходство культа и его двухсторонность на Орхонѣ подтверждается ломаною линіею (мультиплицирован. двухсторон. символомъ), встрѣчающейся очень часто на бубнахъ. Накрытъ онъ линіею неба сверху, а снизу линіею земли. Генезисъ сердцевиднаго начертанія, какъ уже отмѣчено, *только* линіи рукоположенія: при восходѣ солнца — надъ головою и при закатѣ — опусканіе ихъ внизъ. (См. египетск. петр. каменнаго вѣка и букву q древне-финикійскаго (Dibon-Mesa) начертанія). Къ вопросу наслѣдственности напомнимъ архаическую улыбку, силу и преобладаніе *правой* руки, интересующіеся и сами вспомнятъ много примѣровъ пережитковъ языка движеній, древнѣйшаго, — когда человѣкъ — весь обращался въ органъ рѣчи; нѣмой языкъ однѣми кистями рукъ — это нѣчто очень и очень недавнее.

XXIV. Молящаяся фигурка съ Камунты. Параллель съ таковою же Минус. музея, Mart. Atl. 30. 25.

XXV. Голова Гермеса на жертвенникѣ и голова еврея съ египетскихъ начертаній. (Perrot-Chipiez, I. 796. 527). Символизмъ въ украшеніи перьями.

XXVI. Маска на головѣ эскимоса. По Боасу. Ист. первоб. культ. Г. Шурцъ. 117. См. текстъ, стран. 220.

XXVII. Мѣдная пластина (голова) изъ коллекцій П. И. Щукина. Стран. 219.

XXVIII. Начертанія на камнѣ съ надписью въ Крыму. Ак. В. В. Латышевъ. Греч. и лат. надп. ю. Р. 24 и 38. См. текстъ, стран. 185.

XXIX. Духъ, небо и молящаяся рука. Начертанія сѣверо-америк. индѣйцевъ. Сочетательный графическій символизмъ. Schoolcraft, „Indian Tribes", Phil. 1853. I. 387—406.

XXX. Символъ, окруженный треугольниками. Параллель къ фиг. 8 на IV рисункѣ. Изъ Шурца, П. К.

XXXI. Знакъ мира у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. По Маллери, съ измѣненіемъ: прибавленъ мимео-синографъ. Г. Шурцъ, Перв. культ., 194.

XXXII. Узоръ у пояса, прошиваемый въ трехъ мѣстахъ, на женскомъ кафтанѣ или пальто (спкпэнь). Благословляющіе углы, прошиваемые у пояса въ трехъ мѣстахъ. Заимствованы у А. А. Кузнецовой, стран. 4. Намъ доводилось часто наблюдать на спинѣ узоръ въ видѣ русской буквы *Ж*, но безъ поперечн. черты. (Сопост. на табл. XIII, на строкѣ 28-й индійскій и кипрскій знаки). Дуги — у основанія рукавовъ — образуютъ благословляющіе символы, линія на спинѣ, видимо, имѣетъ религіозное значеніе (сопост. ее на скиѳахъ Чертомлыцкой вазы — ей на спинѣ соотвѣтствуетъ выемка — вильчатый символъ). Вышеозначенныя линіи у женщинъ оканчиваются треугольными узорами. (Табл VIII. XXXII), болѣе или менѣе варьирующимися.

Таблица IX.

Петроглифы Енисея и параллели къ нимъ.

Рисунки:

1. Бубенъ алтайскаго шамана. По Г. Н. Потанину, путешеств. по С.-З. Монголіи. (XIII. 68). Наверху, на нашемъ рисункѣ, внѣ обруча, не означена „коса" бубна.
2. Петроглифъ „Писемскаго плёса" на р. Манѣ. 3 фиг. Стран. 173.
3. Петроглифъ Писемскаго плеса, на р. Манѣ, правый утесъ съ № 1—18, лѣвый — съ 18 по 47 фиг. 51 фиг. Стран. 173.
4. Петроглифъ, на р. Манѣ (Биджа выше Лейбы). 27 фиг. Стран. 132.
5. Петроглифъ у Борка, (выше р. Лейбы). 1 фиг. Стран. 134.
6. Петроглифъ у „Тихаго плеса" (р. Мана). 3 фиг. Стран. 202.
7. Петроглифъ Писемскаго плеса на р. Манѣ. 1 фиг. Стран. 227.
8. Петроглифъ, подъ порогомъ р. Маны. 2 фиг. Стран. 175.
9. Петроглифъ у Борка ниже р. Колбы. 2 фиг. Стран. 134.
10. Петроглифъ у Тихаго плеса. 7 фиг. Стран. 202.
11. Петроглифы, у „Борка" и „Писемскаго плеса". 3 фиг. Стран. 135.
12. Петроглифъ около Кулакъ, близъ Щель-Теси. 3 фиг. Стран. 161.
13. Петроглифъ около устья Сисима. 3 фиг. Стран. 193.
14. Петроглифъ, на утесѣ подъ Тихимъ плесомъ. 8 фиг. Стран. 203.
15. Петроглифъ, на р. Колбѣ (р. Мана). 3 фиг. Стран. 161.
16. Петроглифъ Унгутской пещеры (р. Мана). 14 фиг. Стран. 205.
17. Петроглифъ у р. Сисимъ. 36 фиг. Стран. 193.
18. Петроглифъ у Борка. 1 фиг. Стран. 135.
19. Петроглифъ у р. Бирюсы. 3 фиг. Стран. 135.
20. Петроглифъ, на р. Колбѣ (р. Мана). 8 фиг. Стран. 163.
21. Петроглифъ у Борка (р. Мана). 1 фиг. Стран. 227.
22. Петроглифъ, около уроч. Кулакъ. 1 фиг. Стран. 227.
23. Петроглифъ, около устья р. Беи. Бубенъ, тождественный по начертанію съ бубномъ на слѣдующемъ петроглифѣ.
24. Петроглифъ Гмелина, подъ порогомъ на р. Манѣ. 1 фиг. Стран. 175.

25. Алтайскій бубенъ, по рис. Г. Н. Потанина (путеш. по С.-З. Монголіи, табл. 6, рис. 56), на немъ начерченъ прямой крестъ, въ каждомъ углу по два усиливающихъ угловыхъ символа и бубенъ; въ этихъ 4 бубнахъ сдѣланы тѣ же начертанія, но вмѣсто бубновъ начерчены точки.

26. Бурятскій онгонъ Тенгригурба-галдзушинъ. (Путеш. Г. Н. Потанина по С.-З. Монголіи.) Тб. XVI, рис. 75. На головѣ 3 знака молитвы, внизу символизирующія землѣ листья.

27. Бурятскій онгонъ Хурюкшитъ. (Путеш. Г. Н. Потанина по С.-З. Монгол. Тб. XVI, 73.

28. Петроглифъ. „Тихое плёсо" на р. Манѣ. 1 фиг. Стран. 228.

29. Петроглифъ у Борка (р. Мана). 1 фиг. Стран. 228.

30. Современный инородческій рис. на затеси дерева углемъ. Параллели къ пережиткамъ (survival).

Таблица X.

Типы письменныхъ начертаній и инициаловъ на р. Енисеѣ.

Ихъ графическій анализъ сдѣланъ въ гл. VI, стран. 286—334.

Таблица XI.

Типы буквенныхъ начертаній разныхъ древнихъ алфавитовъ для параллелей съ родовыми знаками и съ древнѣйшими религіозными символами. (Параллели къ главамъ VI, стран. 285 и VII, стран. 341.)

	Строка.	
A.	1—3.	Буквы тукюэскаго алфавита 4 (1—3).
B.	4—5.	Нѣкоторые китайскіе іероглифы: 4. 6, вода; 4. 7, солнце (или съ черточкою въ срединѣ); 4. 8, утро, часто и съ черточкою внутри; 4. 9, луна; 4. 10, звѣзды; 4. 11, вѣтеръ; 5. 1, дождь; 5. 2, огонь; 5. 3, человѣкъ; 5. 4, покойникъ; 5. 5, верхъ и низъ; 5. 7, дитя; 5. 8, средина; 5. 9, расти; 5. 10, встрѣчать; 5. 11, право и лѣво; 5. 12, горы (ср. табл. XII. л. 17. 15. н. з).
C.	6—7.	Корейская азбука.
D.	8—9. 10.	Нѣкоторыя буквы древне-еврейскаго алфавита.
D.	9—11 и 12.	Два египетскихъ іероглифа. 9. 11, прямоугольное сложеніе рукъ, ср. отставленіе пальцевъ.
E.	10. 1—5.	Знаки южно-семитическ. алфавитовъ.
E.	10. 6—12, 11 и 12,	Кипрскій слоговой алфавитъ.
F.	13 и 14.	Параллели гиттическихъ и кипрскихъ начертаній.
G.	15. 1—10.	Южно-семитическіе алфавиты.
	15. 11 и 12.	Знаки латинскаго и арамейскаго алфавита.
	16. 1—3.	Еѳіопскій алфавитъ.
	16. 4—5.	Южно-семитическій алфавитъ.
	16. 6—10.	Южно-семитическій алфавитъ.
	16. 11—12.	Раджайскія письмена.
H.	17. 1—5.	Родовые знаки айнъ. По Зибольду. Стран. 359.
	17. 6—12.	Знаки негровъ изъ Лунды. По Бухнеру. Стран. 385.
I.	18.	Параллели. Петроглифы Орхона[1]). 1. Горный козелъ антилопа-сайга, или со стрѣлою или дротикомъ въ спинѣ, или съ божественнымъ всадникомъ. М.-б. родовой знакъ, или жертва охотничьей добычи[2]). —

[1]) Ак. В. В. Радловъ. Труды Орхонской Экспедиціи. Атл. древн. Монголіи. Табл. XVII, XI.

[2]) Сопост. рукоять меча изъ Чертомлыцкаго кургана, гдѣ, вѣроятно, изображена охота надъ землею и подъ землею (въ загробной жизни).

2. Орнаментъ. — 3. Символъ изъ двухъ туровъ или сайгъ, съ такою же чертою надъ спиною. — 4. Символъ внизу могильнаго камня (табл. V). — 5. Молящійся на благословляющей линіи земли. — 6. Молящійся на черепахѣ. — 7. На могильномъ камнѣ. — 8. Та же „a“ выше, „b“ внизу, подъ чертою[1]). — 9. Сложный символъ, см. стран. 241. — 10. Крестъ, съ показаніемъ поворота ладоней назадъ. — 11. Вращающійся символъ. См. E. Schlagintweit, „Indien in Wort und Bild“. Gebet-Rad. См. о Курде, Энц. Слов. 33, стран. 71. На могильномъ камнѣ (табл. LXXII, труды Орх. Эксп.). — 12. Коза, символизирующая молитву, надъ ней мечъ. То же на могильномъ камнѣ. Ср. табл. VIII. II. 1 и 12.

J. 19. 1—8. Тамги Малой Орды. Стран. 366.

K. 19. 10—12, 20. 1—3 } Тамги Средней Орды. Стран. 367.

L. 20. 5—12, 21. 1—5 } Тамги Великой Орды. Стран. 367—368.

M. 21. 7—12. Древнѣйшій велико-княжескій гербъ. Стран. 382—385.

22. Глава съ древней иконы. Символическія тѣни на ликѣ Св. Кирилла. Руск. древн. въ пам. иск. в. IV, 164 (149) и 165 (150). См. нѣкоторые лики въ рис. Бранденбурга, „Старая Ладога“.

22. 2—12, 23. 1—5 } Родовые знаки правителей Керченскихъ. Стран. 379—381.

N. 23. 7—12. Нѣкоторые изъ знаковъ рунъ, готскихъ, англо-саксонскихъ и скандинавскихъ.

O. 25. 1—4. Нѣкоторые египетскіе гіероглифы. 3 фиг. молящихся. Благословляющія руки, 25. 1. Части рукъ, 25. 3. Амулетныя начертанія молящихся рукъ, съ благословеніемъ, на нихъ наложеннымъ.

25. 5—12. Троянскія напряслицы. По Шлиману.

Таблица XII.

Параллели къ алфавитамъ и къ петроглифамъ Енисея.

Л. Лѣвая сторона. Опытъ графическаго объясненія генезиса до-алфавитнаго письма, съ приведеніемъ важнѣйшихъ религіозныхъ знаковъ и символовъ, которыми записывался древнѣйшій языкъ изобразительныхъ движеній и которые частью вошли въ составъ древнихъ алфавитовъ. Разновидности солнечныхъ знаковъ еще не сгруппированы.

П. Правая сторона. Опытъ классификаціи нѣкоторыхъ важнѣйшихъ начертаній (преимущественно поясныхъ) по практикѣ культа, различныхъ по времени и различно изображающихъ одинаковыя по религіозному значенію движенія. Нѣкоторые изъ нихъ есть на древнихъ петроглифахъ Енисея мѣдно-бронзовой эпохи, нѣкоторыя начертанія наблюдаются не только на петроглифахъ, начерченныхъ красною краскою, но даже и на современныхъ начертаніяхъ, а также и въ орнаментѣ нѣкоторыхъ тюрко-алтайскихъ народностей, обитающихъ и теперь въ Минусинскомъ округѣ; многія взяты для поясненій и сопоставленій изъ центровъ древнихъ культуръ. Объясненія къ правой сторонѣ XII таблицы сдѣланы въ главѣ VI, на стран. 326—334.

I. Л. Объясненія фигуръ лѣвой стороны XII таблицы.

I. Первая горизонтальная полоса.

I. I. фиг., т.-е. стоящая первою на 1-й горизонтали и на вертикальномъ столбцѣ фигуръ. Вертикальная черта уже потому одному, что она вошла во многіе древніе алфавиты (см. Forrer's, Reallexikon, 714—715) и потому, что она входитъ въ основу многихъ знаковъ

[1]) Ср. Perrot-Chipiez, Hist. de l'art. V vol. 115 (65), 178 (120), 327 (229).

языка движеній, должна быть принимаема за древній мимико-графическій религіозный знакъ: знакъ человѣка, съ опущенными руками и сдвинутыми ногами. См. приставки въ такой чертѣ (болѣе длинной или укороченной, смотря по полному или только поясному начертанію) двухъ короткихъ отдѣльныхъ чертъ (рукъ) на таблицахъ: X. пр. ст. 2 и 3 строки; XI. 13. 3 и 14. 3 (гиттическій и кипрейскій буквенные знаки); XII. Л. 3. 6—8; XIII. 28. Такое мимико-графическое значеніе отвѣсной черты, какъ увидимъ ниже, представляется намъ достаточно обоснованнымъ.

1. 2 фиг. Знакъ человѣка, встрѣчающійся на петроглифахъ не только Енисея, но и на петроглифахъ и другихъ странъ; руки простерты вверхъ несогнутыми (ср. правую сторону; строки 1-ю и 2-ю, означающ. опусканіе рукъ); ноги раздвинуты. При нераздвиганіи ногъ, вилки внизу не будетъ, см. на правой сторонѣ знакъ 1. 2 и ср. съ знакомъ 1. 4 на правой и лѣвой сторонѣ.

1. 3. Тотъ же знакъ, но съ отвлеченіемъ или удаленіемъ черты, означающей шею и голову. Знакъ символизаціи молитвы небу и землѣ, впередъ и назадъ, часто встрѣчающійся въ петроглифахъ и въ орнаментѣ у разныхъ народовъ.

1. 4. Объясненное выше графическое сокращеніе.

1. 5. Знакъ угла, въ нашихъ глазахъ, является графическимъ сокращеніемъ предшествующаго символическаго знака. Четыре знака равныхъ угловъ обращены въ четыре стороны, какъ знаки молитвы для человѣка и благословенія, для божества верховнаго, а для второстепеннаго — одинъ изъ знаковъ означалъ и право молитвы верховному божеству. Въ нижнемъ знакѣ угла стоитъ точка („Dschoni", см. Glass Rich. Wörterbuch der Mythol. L. 1880. S. 28). При описаніи сулекскаго петроглифа и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, а также и въ параллеляхъ, выяснился генезисъ этой „точки" и въ до-алфавитномъ письменномъ знакѣ: ср. правую табл. знаки 1, 2 и 3, въ чертѣ головы и шеи произведено сокращеніе въ нижней части, то-есть въ шеѣ[1]). Такое сокращеніе и оставленіе знака только головы означало смерть или м. б. жертвоприношеніе человѣческое, или готовность къ таковой жертвѣ. Возношеніе головы, въ смыслѣ помысловъ и чувствъ, въ древнѣйшей практикѣ культа, намъ представляется хотя и менѣе вѣроятнымъ, но возможнымъ. Точка надъ „i" можетъ быть пережиткомъ болѣе древнимъ, чѣмъ древнія записи счета[2]). Горизонтальное двоеточіе, замѣчающееся въ древнѣйшихъ начертаніяхъ вверху или немного ниже, по бокамъ отвѣсной черты, указываетъ на оставленное графическое означеніе знаменательныхъ въ практикѣ культа угловъ, образуемыхъ воздѣтыми вверхъ или опущенными внизъ руками, при упрощеніи знаковъ чрезъ отбрасываніе линій, означающихъ руки.

1. 6. Косой крестъ съ точками, означающими религіозное значеніе этого графическаго символа и равносильное молитвенному обращенію на всѣ 4 страны свѣта.

1. 7. Косой или лежачій крестъ.

1. 8 и 10. Эти линейныя начертанія правильнѣе понимать и называть не прямымъ крестомъ, какъ нерѣдко дѣлается, а полнымъ знакомъ человѣка (т.-е. во весь ростъ) въ молитвенной позѣ, съ горизонтально и прямолинейно распростертыми руками и вполнѣ возможно допускать, что, на первомъ изъ нихъ, (1. 8.) ладони обращены вверхъ (съ опусканіемъ плечъ), а, на второмъ, (1. 10.) ладони обращались внизъ, съ автоматически-обусловленнымъ поднятіемъ плечъ, т.-е. съ кажущимся какъ бы опусканіемъ головы въ плечи, что могло еще соединяться и съ нѣкоторымъ наклоненіемъ головы.

1. 9. Прямой крестъ, съ равными и прямоугольно перекрещивающимися линіями, — часто встрѣчающійся на петроглифахъ, поясной знакъ человѣка. Знаки, съ нѣкоторымъ пониженіемъ или повышеніемъ горизонтальной линіи, мы склонны разсматривать, въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ и вышеозначенные знаки, но относя ихъ къ *поясным* означеніямъ молящагося человѣка.

---

[1]) См. 3. 10. н. знакъ.

[2]) Надъ единицею въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ставится точка: пережитокъ тоже интересный.

1. 11. Боковые знаки человѣка во весь ростъ, сопост. съ правой стороной XII табл. 3. 1 и 2. Означено поднятіе только одной руки.

1. 12 и 13. Въ корейскомъ алфавитѣ есть эти древніе графическіе знаки. Начертанія 1. 12 есть и въ китайской свѣтовой системѣ письма, времени Цаики, но есть еще и позднѣйшіе знаки, 1. 13, означающіе также „вверху“ и „внизу“. Но не трудно заподозрить въ вертикальной верхней черточкѣ съ утолщеніемъ на концѣ, (надъ горизонтальною чертою) знакъ человѣка, поднявшаго молитвенно одну руку, вѣроятно правую (т.-е. стоя лицомъ къ В.). Въ нижнемъ знакѣ, видимъ знакъ человѣка (безъ головы) подъ горизонтальною чертою, съ опущенною внизъ рукою, вѣроятно, лѣвою (стоя лицомъ къ З.). Предполагая антиподальное положеніе нижняго знака человѣка подъ линіею земли, опущенною со мольбою къ подземному божеству рука будетъ также лѣвая[1]).

Если начертанія, вошедшія въ корейскій алфавитъ, принять за древніе знаки свѣтовой системы письма, они могутъ означать также „вверху“ и „внизу“, но есть основаніе допускать, что мы имѣемъ дѣло съ сложнымъ знакомъ свѣтовой системы: вертикальная черта — знакъ человѣка, а горизонтальная — знакъ земли, въ сочетаніи же — „живой человѣкъ“, т.-е. стоящій на землѣ, и „умершій человѣкъ“. Но практика культа, при антиподальномъ (вверхъ ногами) представленіи человѣка подъ землею, могла привести къ тому, что благословеніе земли, наложенное ею при жизни на ноги, не утрачивало силы и подъ землею. Но благословленіе, налагавшееся верховнымъ надземнымъ божествомъ на голову, послѣ смерти подлежало снятію и замѣнѣ благословеніемъ верховнаго подземнаго божества, для чего душа усопшаго должна была предпринять длинное и преисполненное трудностей и опасностей путешествіе къ владыкѣ загробнаго міра. См. главу III, § 32 (Тазминскій камень).

Значеніе благословенія земли у древнихъ грековъ было въ свое время настолько велико, что оно усиленно подчеркивалось на произведеніяхъ древнѣйшаго искусства условнымъ увеличеніемъ ступней ногъ, какъ воспринимателей силы, даруемой землею и какъ выразителей благодареній и молитвы землѣ. Напомнимъ о вазахъ съ черно-фигурными начертаніями. См. у Perrot-Chipiez, Forrer'a, Cesnola и др. вазы и древніе цилиндры.

2. Вторая горизонтальная полоса.

Съ 2. 1 и кончая 2. 10 — поясные знаки, изображающіе молитву одною рукою, нѣкоторые изъ нихъ (2. 1 и 2. 2) можно принимать за нарисованные не спереди или сзади, а за боковые-характерные для рукъ знаки, но они вошли и въ корейскій и въ древне-кипрскій или кипрейскій слоговой алфавитъ.

2. 3 и 4 прямолинейно начертанные знаки молитвы, безъ изгибанія туловища (лѣвые знаки) и съ изгибаніемъ туловища (правые знаки). Верхніе знаки не сомкнутые, характерны для арамейскаго и южно-семитическаго алфавитовъ, а нижніе, — съ рукою, наложенною на голову характеризуютъ буквы еврейскаго алфавита. Всѣ эти знаки сигнализируютъ молитву вверхъ (небу, солнцу и т. д.) и внизъ (опусканіе руки). Наложеніе рукъ на голову или на бедра (подбочениваніе) означаетъ солнечные полудиски и полоненіе имъ. Таковы знаки 2. 3—8.

2. 6 (нижній знакъ), 7 и 8 такіе же знаки отдѣльнаго подъема и опусканія правой и лѣвой рукъ, но въ округленномъ очертаніи.

2. 9. Тѣ же молитвенные знаки, обособленные поднятіемъ одной правой или лѣвой руки, и опусканія ихъ, въ своеобразномъ линейномъ начертаніи, видимъ на 4-хъ знакахъ енисейскаго алфавита (Т. XIV. 4—3, 5, 7 и 9).

[1]) Сопост. съ китайскимъ знакомъ «сильный», на 17-й строкѣ. 14 н. пр. фигура, т.-е. «сильнаго» благословеніемъ предка. Голова человѣка подъ чертою, вѣроятно, по китайской транскрипціи, не означается, см. еще китайскіе знаки «человѣкъ» и «покойникъ» на слѣд. 2-й строкѣ. 10. н. фигури. Ср. VI табл., 5 рис. 1 фиг.

Такое же рукоположеніе, но съ перемѣннымъ поднятіемъ одной и опусканіемъ другой руки — видимъ на поясныхъ характерныхъ знакахъ, вошедшихъ въ енисейскій и орхонскій алфавиты (X табл. л. с. 20. 1 и 21. 1). Черты изогнутыхъ рукъ поставлены на отвѣсной чертѣ *съ промежутками* не такъ, какъ при означеніи начальнаго *одновременнаго* свастическаго поднятія одной руки и опусканія другой (ср. X табл. л. с. 3. 1 и 2). Знаки поперемѣннаго поднятія и опусканія[1]), такимъ образомъ, являются переходными къ *чисто символическимъ (въ графическомъ смыслѣ) начертаніямъ*, краткое описаніе которыхъ мы изложимъ ниже.

2. 11, 12 и 13. Знаки молитвы, происшедшіе отъ приставки къ *вертикальной чертѣ* простѣйшихъ символовъ молитвы: черточки, углового знака и полуовала. Они встрѣчаются во многихъ алфавитахъ, особенно интересны индійскіе.

2. 10. Два верхнихъ поясныхъ знака опусканія одной руки, вошедшихъ въ эѳіопскій алфавитъ (Шницеръ, Ист. письм. 147, рис. 98, „каф.“). Подобныя начертанія видимъ въ клеймахъ лопарей, на табл. IV, 22. 8.

Три нижнихъ знака, слѣва, 1 и 2-й, китайскіе знаки Цанки: „человѣкъ“ и „покойникъ“, а 3-й изъ арамейскаго алфавита приведенъ для сравненія.

3. Третья горизонтальная полоса.

3. 1—3. Символическіе знаки молитвы, изъ арамейскаго и южно-семитическихъ алфавитовъ, относящіеся къ группѣ 2. 11, 12 и 13 и къ 25 строкѣ правой таблицы. 2. 4 и 5.

3. 4 и 5. На 4-мъ квадратѣ изображены 4 поясныхъ знака, съ линіями, означающими туловище. На 5-мъ квадратѣ линіи туловища отброшены, по закону графическаго символическаго упрощенія. Объясненіе графическаго генезиса буквы „schin“ арамейскаго[2]) алфавита „alpha“ этрусскаго и древне-латинскаго[3]) алфавитовъ и „digamma“[4]) угловое рукоположеніе съ отставленіемъ большого пальца. Знаки 3. 4 поясные на верхнемъ изгибѣ руки обращены вверхъ, а на нижнихъ молитва сигнализируется внизъ. Въ этихъ до-алфавитныхъ символахъ графическихъ верхняго и нижняго углового рукоположенія, съ отставленіемъ большого пальца, возможно видѣть генезисъ всѣхъ вышеозначенныхъ буквъ, беря соотвѣтственные повороты, разсматриваемыхъ графическихъ отвлеченій.

Обращаясь къ сравнительной таблицѣ проф. Доннера (см. приложен. XIII таблицу) и къ его же таблицамъ съ группировкою начертаній, видимъ дигамму въ соотвѣтственномъ ряду „F“ (Табл. XIII. 5 горизонталь). Въ дигаммѣ рунической неясно выражено сгибаніе руки и отставленіе большого пальца; повидимому, большее религіозное значеніе придается линіямъ ладони и большого пальца, сгибаніе руки занимаетъ второстепенное положеніе. Есть знакъ верхняго изгиба правой руки (Табл. XIV. 1. 18), наиболѣе типичны знаки на этой же таблицѣ: 16 и 17.

3. 6—9 (лѣвые знаки). Группа, можно думать, очень древнихъ религіозныхъ знаковъ, на которыхъ виденъ не отвлекающій, а сочетающій пріемъ символизма: элементы начертанія оставлены раздѣльно. Такіе знаки встрѣчаются во многихъ древнѣйшихъ алфавитахъ, — въ гиттическомъ и особенно часто въ древне-кипрскомъ (кипрейскомъ). Они очень важны для уясненія состава графически сложныхъ символовъ.

Въ текстѣ они разъяснены. Чаще они встрѣчаются поясными. Фигуры, 3. 6 и 3. 8, въ видахъ разъясненія, изображены въ ростъ человѣка. Дугообразное начертаніе рукъ указываетъ на позднѣйшую эпоху. Прямолинейное начертаніе расходящихся рукъ (не параллель-

---

[1]) См. правую сторону таблицы XII, 21. 1—3 и 22. 1—3 и слѣд. знаки.

[2]) Teima, V вѣка до Р. Х., ассирійской эпохи. См. Forrers Reallex. 715. 203 и Шницера. И. П.

[3]) Сѣверн. этруски, архаическій латинскій и гальскій; см. Forrers Reallex. 715 (203). Сопост. «asc» (а) готскихъ рунъ. Рис. 127 Шницера, Маркса изд.

[4]) Древнѣйшія греческія и римскія начертанія.

ными линіями) мы считаемъ древнѣйшимъ (египетскимъ) способомъ начертанія поясного знака, но онъ очень рѣдко встрѣчается. На керамикѣ видимъ уже осложненные орнаментальные мотивы (напр. 17. 20).

3. 9 п. зн. Знакъ воздѣтыхъ несомкнутыхъ рукъ, съ раздвинутыми ногами (III т. XII рис., фиг. 7; VIII табл. II рис. 1 и 12 фиг.; параллель — VIII табл. XXXI, сдающійся врагамъ индѣецъ, у ногъ котораго лежитъ лукъ и колчанъ. Фигурка молящагося, изъ бронзы (Martin, Atlas, Pl. fig. 23), съ позднѣйшимъ рукоположеніемъ по типу, означенному на прав. ст. XII табл. 18. 1.

3. 10 л. с. Символы — графическіе, производные отъ выше отмѣченнаго знака, въ нижнемъ знакѣ знаменательная въ религіозномъ отношеніи точка — знакъ головы, отдѣленной отъ туловища отбрасываніемъ шейной части средней линіи.

3. 10 пр. с. Знакъ, встрѣчающійся въ петроглифахъ Енисея, хотя не такъ часто, какъ точно такой же по религіозному значенію знакъ, но изображенный округленными линіями, см. здѣсь же 4. 2.

3. 11 л. ст. Три символа — графическіе, производные отъ знака 3. 10 пр. ст.

3. 11 пр. ст. и 3. 12 л. ст. Знаки молящагося человѣка во весь ростъ, по религіозному значенію тождественные со знаками 3. 6: графическое добавленіе — только линія плечъ.

3. 12 пр. ст. и 3. 13 л. ст. Нѣкоторые символы, какъ графическіе производные отъ вышеозначенныхъ знаковъ, съ прямоугольнымъ изгибомъ рукъ. Это рукоположеніе, въ отличіе отъ древне-классическихъ, можно принимать, какъ позднѣйшее, но современное классическому времени, можно его называть и китайскимъ и скиѳскимъ (Чертомл. кург. VIII т. XIV. 11) и енисейскимъ петроглифическимъ (енисейскій алфавитъ много древнѣе), онъ имѣлъ большое распространеніе. Болѣе подробныя объясненія даны въ текстѣ.

3. 13. Знакъ молящагося человѣка съ горизонтально распростертыми руками и съ раздвинутыми ногами. Знакъ, часто встрѣчающійся на петроглифахъ Енисея, сдѣланныхъ красною краскою.

4. Четвертая полоса.

4. 1—7. Знаки молящагося человѣка и происходящіе отъ нихъ религіозные символы въ округленномъ очертаніи.

4. 8 и 9. Разновидность округленнаго начертанія: каждая рука и даже нога (4. 9) дѣлаетъ обособленный выгибъ.

4. 10, 11 и 12. Символы графическіе, производные отъ этой разновидности молитвенныхъ знаковъ.

4. 13. Разновидность прямолинейнаго начертанія знака молитвы, изгибъ рукъ самостоятеленъ; моленіе обращено рукой вверхъ, ногами дѣлается присѣданіе (табл. VIII. 1. 12; сопост. съ IX табл. XVI. 5).

5. Пятая полоса.

5. 1. Такой же изгибъ рукъ обращенъ къ землѣ; раздвиганіе ногъ или присѣданіе означено (см. Унгутскую пещеру, IX табл. XVI. 5).

5. 2—5. Символы, графически происшедшіе отъ предшествующаго знака молитвы, съ начертаніемъ, тождественнымъ поясному знаку, съ поднятіемъ одной руки, сопост. X табл. Л. 17, 18. 1 и 19. 1; П. 16. 1 (молитва живого родоначальника) и 16. 2 можетъ быть разсматриваемъ, какъ благословеніе предка, антиподально стоящаго; знакъ же 17. 1 пр. стор. — сочетаніе символическое двухъ предшествующихъ знаковъ въ одинъ.

5. 6—9. Напомнимъ, что руническіе знаки, построеніе которыхъ объясняется нерѣдко искусственно[1]), представляются намъ такими же записями религіозныхъ простираній рукъ,

[1]) Въ гл. V мы видѣли, что первыя начертанія человѣкоподобныхъ существъ и человѣка сдѣлано сбоку. Боковые конкретографы, дифференцируясь въ письмо, конечно, превратятся въ боковые знаки.

но при зарисованіи ихъ сбоку: такой поворотъ мы видимъ на изображеніи молящихся грифоновъ на древне-ассирійскихъ и древне-вавилонскихъ цилиндрахъ (VIII табл., IV. 6 и поставленный справа нами знакъ), таковое же положеніе мы видимъ нерѣдко и на египетскихъ начертаніяхъ, для примѣра мы дали на этой же таблицѣ рисунки, 17, 1. л. и 2. п. Наконецъ, позволительно задаться вопросомъ, какъ бы древній рисовальщикъ и до-алфавитный знако-писецъ изобразилъ простираніе рукъ впередъ, зарисовывая и записывая такія религіозныя движенія, производимыми въ *прямомъ* къ нему ракурсѣ?

Только условная запись сбоку[1]) могла сигнализировать и поднятіе одной руки и обѣихъ, въ послѣднемъ случаѣ одновременное и поперемѣнное поднятіе обѣихъ рукъ должно имѣть и графическія отличія, подобныя, быть можетъ, древне-еврейской „kaph“ и рунической скандинавской „pec“ и общихъ для рунъ знаковъ „fech, feh и fe“ (XI табл. 8. 10 и 23. 7)[2]). Дальнѣйшія изслѣдованія спеціалистовъ и добытыя ими новыя параллели, мы увѣрены, съ еще большею убѣдительностію уяснятъ, что въ основѣ рунъ лежитъ тотъ же мимическій религіозный и общественный языкъ, который сохраненъ въ буквахъ и прочихъ алфавитовъ. Намъ кажется, что въ руны вошли важнѣйшіе знаки, т.-е. относящіеся къ культу правой руки, при обращеніи къ южному и юго-западному румбу, повороты на сѣверо-западъ не взяты.

Разработка такихъ деталей — дѣло будущаго.

5. 10. Тождество основъ генезиса руническихъ знаковъ съ алфавитными видно и въ этихъ чисто символическихъ знакахъ. См. XII т. п. 25 и XII т. л. 2. 11—13 и 3. 1—3. Въ сочетательномъ символизмѣ этого типа знаковъ видна бо́льшая градація отвлеченія.

5. 11. Такіе же знаки, графически составленные приставкою къ вертикальной чертѣ молитвенныхъ символовъ прямоугольнаго сложенія рукъ (см. пр. таблицу. XII п. с. 12. 2).

5. 12. Верхніе знаки. Генезисъ буквы „F“ возможно усматривать въ рукоположеніи съ отставленіемъ большого пальца впередъ отъ себя, съ особымъ положеніемъ кисти, но означенный выше генезисъ дигаммы (3. 4 и 5, нижніе знаки) мы считаемъ болѣе соотвѣтственнымъ.

5. 12. Нижніе знаки. Лѣвый символъ видимъ въ древне-еврейской буквѣ „yod“, рука; возможно, что это названіе соотвѣтствуетъ первоначальному значенію и, дѣйствительно, означаетъ приподнятую руку со сгибомъ въ локтѣ; кисть означена въ двойственномъ перстосложеніи; на древне-финикійскомъ видимъ тройственное перстосложеніе, также нерѣдко замѣчающееся на енисейскихъ петроглифахъ[3]). Правый знакъ, для лѣвой руки, поворотъ къ нему предыдущему. Ср. знаки 5. 13.

5. 13. Верхніе знаки (енисейскаго алфавита) намъ кажутся означающими рукоположеніе съ изгибомъ туловища, но нельзя отрицать и возможности означенія перстосложенія, съ выгибомъ ладони[4]).

5. 13. Нижніе знаки: символъ „дубль вэ“ въ боковыхъ поворотахъ (арамейскаго алфавита).

сигнографы или боковые линейные знаки. Пока, по имѣющимся даннымъ, боковое начертаніе человѣка а слѣдовательно, и боковые линейные знаки, вошедшіе и въ алфавитъ древнѣе прямыхъ, гдѣ простираніе рукъ прямо впередъ принуждало къ боковому ихъ изображенію, въ одной плоскости.

[1]) Вс. илл. ист. письменъ, Я. Б. Шницера, стран. 191, 192 и 193. Какъ и въ генезисѣ алфавитовъ, такъ и въ рунахъ взяты только графическіе знаки, въ ихъ этнографическіе корни авторъ не вникаетъ. Еврейскій алфавитъ на чисто внѣшнихъ и шаткихъ основаніяхъ считается древнѣйшимъ. Мы пользовались рисунками, но и эта сторона не удовлетворяетъ современнымъ методамъ научнаго изслѣдованія.

[2]) Forrers Reallex. 712; Шницеръ, 191 (рис. 127).

[3]) Forrers. R. L. 714 (202), строки j, h; 715 (203). Въ сравнительныхъ таблицахъ проф. Доннера, на приложенныхъ XIII, 4-я строка, а XIV, 1, 7 и 8, приводятъ къ заподазриванію тройственнаго перстосложенія.

[4]) Надо обратиться къ *древнѣйшимъ* статуямъ буддъ и бодисатвъ. Спеціалисты по перстосложеніямъ, въ Индіи, въ Тибетѣ и въ Средней Азіи, располагаютъ въ этомъ направленіи богатымъ матеріаломъ. Мы его были совершенно лишены. Сопост. Forrer, RL. 126 (111) и 399 (1), перстосложеніе дѣвушекъ и Геракла.

6. Шестая полоса.

6. 1—4. Группа крюковъ простыхъ и двойныхъ, какъ показателей рукоположенія и перстосложенія.

6. 1. Верхніе 4 знака для отдѣльныхъ поднятій рукъ, съ отставленнымъ большимъ пальцемъ. 1-й слѣва знакъ — для означенія поднятія лѣвой руки ладонью впередъ, а 4-й знакъ — для правой руки. — 2-й графическій символъ означаетъ опусканіе правой руки съ поворотомъ ладони назадъ или съ обращеніемъ ея (съ болѣе или менѣе значительнымъ приподнятіемъ и выгибаніемъ вверхъ) и къ землѣ. 3-й знакъ — для опусканія лѣвой руки. При опусканіи обѣихъ рукъ ладони повертываются впередъ. — Эти символы-крюки могутъ быть и въ прямоугольномъ начертаніи, см. 6. 4 верхніе знаки [1]), и въ позднѣйшемъ округленномъ очертаніи (6. 3).

6. 1. Нижніе три знака. Показатели одновременнаго поднятія одной руки, съ отставленнымъ большимъ пальцемъ, и опусканія другой — съ такимъ же рукоположеніемъ (свастическое рукоположеніе, см. на этой же полосѣ 12 фиг.). Лѣвый знакъ указываетъ поднятіе лѣвой руки, съ поворотомъ ладони *впередъ* и съ отставленіемъ большого пальца и опусканіемъ правой руки съ поворотомъ ладони назадъ. — 2-й знакъ слѣва указываетъ, что при совастическомъ рукоположеніи должна быть поднята правая рука и т. д. — 3-й крюкъ, округленнымъ внизу (эсо-виднымъ) начертаніемъ указываетъ на свое болѣе позднее происхожденіе и то, что лѣвый свастическій религіозный знакъ (образующійся при подъемѣ правой руки, т.-е. совастика) получилъ, съ округленіемъ линій, и большее значеніе (см. XI т. 2. 8). Всѣ эти показатели относятся къ двумъ основнымъ буквеннымъ знакамъ енисейскаго алфавита (X. 3 л. ст. 1 и 2; справа и производные отъ нихъ: 3. 3—6. Послѣдніе два знака прибавлены нами къ X таблицѣ изъ другой группировки буквенныхъ начертаній, сдѣланной профессоромъ O. Donner (XIV табл. 4. 15 и 16). Въ тукюэскомъ алфавитѣ есть только одинъ свастическій знакъ: „совастика, sauvastika". Къ таблицѣ проф. Доннера (XIII прилож. таблица) мы прибавили начертанія съ Кипра, свастическіе знаки (30 и 31 строки) и 32 рунпческій знакъ.

6. 2. Слѣва первые знаки указываютъ: нижній на поднятіе рукъ съ плотно сдвинутыми ладонями, при чемъ отставленные большіе пальцы будутъ находиться наружу, а верхній означаетъ таковое же опусканіе рукъ, но указанное знаками положеніе отставленныхъ пальцевъ можетъ быть достигнуто и перекрещиваніемъ рукъ въ запястьѣ.

2-й и 3-й верхніе знаки намъ представляются болѣе древними, они показываютъ одновременное поднятіе (съ отклоненными наружу локтями) обѣихъ рукъ, съ отставленными большими пальцами. Въ енисейскомъ и тукюэскомъ сохранились оба знака, въ малоазіатскихъ алфавитахъ лѣваго нѣтъ. Въ рунахъ см. опусканіе локтей, XI табл. 23. 12. Сопост. эти же линейные знаки въ тамгахъ Малой и Средней орды, XI табл. 19. 4 и 20. 2.

2-й и 3-й нижніе знаки — двусторонніе религіозные символы, элементы свастики и совастики, принимающіе въ письмѣ и въ орнаментѣ отвѣсное положеніе. По своему сигнализирующему значенію они равны зето-видному и эсо-видному символамъ. Сочетаясь, мультиплицируясь и стилизируясь, они обусловливаютъ построеніе свастическихъ и совастическихъ меандровъ и спиралей.

6. 3. Солнечные знаки (полудиски), ср. выше, 2. 7 и 8 н. з., показатели рукоположенія округленнаго очертанія, вошли въ енис. алф. значительно позднѣе прямолинейныхъ.

6. 4. Показатели, горизонтально расположенные, вѣроятно, для небольшого поднятія рукъ (передъ грудью).

6. 5 и 6. Линейные знаки человѣка, во весь ростъ, съ рукоположеніемъ, замѣчающимся въ алфавитахъ, въ рунахъ и въ нѣкоторыхъ родовыхъ знакахъ. Въ алфавитахъ замѣчается чаще правый подъемъ руки. Несогнутыя въ локтяхъ руки: одна приподнята, а другая опу-

---

[1]) Таковы орхонскіе и енисейскіе петроглифическіе линейные знаки и иниціалы.

щена, образуя обѣ прямую линію. На руническихъ начертаніяхъ видимъ и двѣ параллельныхъ линіи, вѣроятно, какъ знакъ повторенія.

Знакъ 6. 7, можетъ быть, означаетъ и поворотъ (т.-е. отъ востока къ западу) или попеременное поднятіе и опусканіе рукъ. Такое одновременное поклоненіе и небу и землѣ, по всей вѣроятности, предшествовало таковому же свастическому поклоненію.

6. 8. Сложные символы, графически происходящіе отъ этого рукоположенія.

6. 9. „Alef", буква древне-еврейскаго алфавита, быкъ или голова быка, въ начертаніи, наблюдающемся на моабитской надписи царя Меша. Генезисъ этого до-алфавитнаго знака мы склонны считать производнымъ отъ поясного знака Юпитера, какъ означено на пр. XII табл. на 6 строкѣ. Оріентировка впередъ. Въ основѣ это начальный знакъ движеній боя, и всего болѣе соотвѣтствуетъ военнымъ танцамъ въ честь бога войны Марса салійскихъ жрецовъ. Лѣвая рука (со щитомъ), правая (съ мечомъ или копьемъ). И съ оружіемъ и безъ оружія, лѣвая рука, обороняясь, накроетъ шею, и рукоположеніе будетъ тождественно съ его древнимъ пояснымъ начертаніемъ у шамановъ, при камланіи, рукоположеніе, подобное символу „aleph", бываетъ нерѣдко. Голова быка — позднѣйшее конкретированіе мимическаго сигнографа. Знакъ человѣка съ своеобразнымъ молитвеннымъ рукоположеніемъ, начертаннымъ на фигурѣ во весь ростъ. Сопост. XII т. п. 6. 7 и 7. 7.

6. 10. Верхній знакъ, поясное изображеніе того же символа, — древне-финикійское и древне-еврейское начертаніи (Вс. иллюстр. ист. письменъ, Шницера, стран. 88, рис. 59). Нижній знакъ, какъ графическая параллель, — египетскій плугъ, замѣчающійся часто въ рукахъ мумій.

6. 11 и 12. Знаки основныхъ свастическихъ положеній во весь ростъ, первый 6. 11, съ поднятою правою рукою, если представить востокъ впереди знаковъ. Присутствіе двухъ знаковъ свидѣтельствуетъ о двухъ основныхъ разновидностяхъ свастики, при чемъ видно, что при подъемѣ правой руки, при графическомъ отвлеченіи и соединеніи линій рукоположенія въ двухъ или трехъ фазахъ изгибанія туловища, перемѣщающаго рукоположеніе, образуется въ сущности лѣвая свастика или, по Max Müller'у, sauvastica. Данное нами раздвиганіе ногъ оказалось недостаточно: на рисункѣ погребальной урны, найденномъ впослѣдствіи (см. на этой же таблицѣ, 16. 21), видимъ раздвиганіе ногъ, прямоугольно означенное, т.-е. съ сильнымъ присѣданіемъ.

6. 13. Верхніе знаки поясные, какъ они начертаны въ енисейскомъ алфавитѣ, тѣ же свастическія основныя начальныя позы.

6. 13. Подъ ними помѣщены соотвѣтствующіе производные знаки, изображающіе наклонными прямыми линіями изгибъ туловища и перемѣщеніе свастически изогнутыхъ рукъ; слѣва — знакъ влѣво, а въ правой — вправо. Подъ этими знаками, для поясненія, мы даемъ два знака человѣческихъ фигуръ во весь ростъ (7. 13)[1]).

7. Седьмая полоса.

6. 1. В. з. Но енисейскій алфавитъ сохранилъ еще два свастическихъ символа, графически означающихъ конечную фазу изгибанія туловища, начертаніе котораго уже почти устранено: на эсо-видномъ символѣ и его поворотѣ видимъ только маленькую черточку, — цѣнный намекъ на графическій генезисъ означенныхъ символовъ.

7. 1. Нижніе знаки, имѣющіе видъ колеса Сегнера, понятны безъ особыхъ объясненій: это сочетаніе линій трехъ фазъ енисейскаго рукоположенія при свастической молитвѣ, по отбрасываніи линіи туловища, наложенныя одна на другую.

---

[1]) Взявъ поясные знаки отъ этихъ фигуръ и продолживъ движеніе рукъ и пригибаніе къ нимъ головы, получимъ «восьмерки», а при древнѣйшемъ прямолинейномъ начертаніи получимъ «двуглавые топоры». Но еще вопросъ, что явилось ранѣе: свастическія и совастическія тѣлодвиженія или двуглавые топоры? Мы ихъ считаемъ конкретными уподобленіями линейнымъ начертаніямъ — записямъ по языку культа. См. вавилонскую восьмерку, F. RL. 715. 203. 8 стран. снизу.

7. 2 и 3. Пояснительная схема. Два полныхъ знака свастической молитвы, съ означеніемъ ногъ и наложеніемъ трехъ фазъ рукоположенія. Для наглядности и въ виду графическихъ трудностей, мы оставили туловище безъ соотвѣтственнаго изгибанія.

Стрѣлки надъ головою означаютъ направленіе вращенія рукъ, точнѣе говоря, свастическихъ покачиваній, въ вертикальной плоскости; внизу же предположительно означаемъ вращеніе и по горизонтальной плоскости.

7. 4. Типичные знаки Троянской свастики и совастики. По Шлиману.

7. 5 и 6. Верхніе два буквенныхъ знака, поясные, означенія молитвеннаго поднятія рукъ, въ округленномъ очертаніи; одна рука, вѣроятно, съ вытянутою и, можетъ быть, сигнализирующею кистью означена длиннѣе.

Нижніе два знака, также буквы, или означаютъ повороты къ различнымъ сторонамъ свѣта или означаютъ поклоненіе различнымъ божествамъ; они служатъ какъ бы продолженіемъ предшествующаго начальнаго движенія; одна рука опускается на голову или, точнѣе говоря, съ изгибомъ туловища, голова наклоняется къ рукѣ, а другая рука остается въ прежнемъ положеніи.

Въ дублетныхъ начертаніяхъ буквы „qof", въ арамейскихъ алфавитахъ, можно видѣть графическое означеніе поднятія рукъ, съ наложеніемъ одной изъ нихъ на голову, но безъ изгиба туловища[1]). На одномъ начертаніи мы видимъ — руки сомкнуты на головѣ, но кисть одной руки изгибается надъ головою[2]). Въ одномъ изъ индійскихъ алфавитовъ, телугусскомъ, видимъ 3 мимико-графическихъ знака такого же соединенія рукъ надъ головою, при чемъ обѣ кисти, въ запястьѣ, видимо, перекрещиваются; голова при этомъ означена точкою (буква th, въ группѣ зубныхъ)[3]).

Наложеніе на голову одной руки, при отставленіи другой, въ сторону замѣчается въ поясномъ знакѣ индо-бактрійскаго алфавита (III вѣкъ до Р. Х.)[4]).

Въ древне-еврейскомъ—„qof" означено сомкнутыми руками на головѣ, но иногда видимъ и ферто-образное начертаніе, т.-е. руки смыкаются на бедрахъ, но знакъ можно считать за полный (не поясной, а во весь ростъ); ср. съ китайскимъ знакомъ средины. Въ надписяхъ Ашоки qaf поясной знакъ[5]).

7. 7. В. з. Знакъ (в. л.) арамейскаго алфавита, какъ начальное положеніе воздѣтыхъ рукъ и рядомъ, справа, замкнутый знакъ, который мы относимъ къ верхнимъ ферто-виднымъ мимико-графическимъ символамъ, установившимся при практикѣ культа. Одна рука наложена на голову всей кистью, кисть же другой руки (в. п.), также наложенной на голову запястьемъ, нѣсколько приподнята. Смотря по повороту знака, къ востоку или къ западу, напримѣръ, или къ различнымъ божествамъ, черточка надъ головою можетъ быть обращена направо или налѣво. Здѣсь, знаки, по всей вѣроятности, передніе, т.-е. означающіе обращеніе на востокъ.

Н. з. л. Также поясной знакъ, той же ферто-видной группы (Forrer's, Reallex. 714. 202. „q" Dibon Mesa). Поднятіе рукъ надъ головою, повидимому съ опусканіемъ кистей рукъ на голову[6]). Съ отбрасываніемъ линій туловища и головы — интересный графическій пережитокъ сохраненъ въ начертаніи teth въ ново-пуническомъ алфавитѣ (Иллюстр. вс. ист. письм. Шницеръ, 90, рис. 61). На енисейскомъ оружіи этотъ символъ, повидимому, стилизировался въ нѣчто подобное слѣду оленя (напримѣръ, Martin. Pl. 21. 2).

---

[1]) Иллюстр. ист. письм. Я. Б. Шницеръ, стран. 113, р. 67.

[2]) Ibidem 113. рис. 67. (См. на приложенной табл. XII. Л. 7. 7 правый верхній знакъ).

[3]) Ibidem 164. См. прил. т. XII. Л. 13. 10 лѣвый нижній знакъ.

[4]) Шницеръ. Иллюстр. ист. письменъ. Стран. 153 и 164. — См. прил. т. XII л. 7. 12.

[5]) Ibidem. Стран. 161 и 164 (табл. инд. алфав.).

[6]) Древность этого рукоположенія въ Египтѣ относится къ неолитическому времени, около 5000 лѣтъ до Р. Х. На росписи одного амфорообразнаго сосуда изъ Абида (Abydos) изображены, между прочимъ, 3 женщины съ такимъ рукоположеніемъ. Д. Н. Анучинъ. Каменный вѣкъ и доисторич. насел. Египта. М. 1898 г. Стран. 16, рис. 9.

Н. з. п. Воздѣяніе одной руки, поясной знакъ, съ наложеніемъ кисти руки на голову (Р-символъ).

7. 8. Измѣненія въ начертаніи буквы teth арамейскаго алфавита, ассирійской эпохи (л. в.) и позднѣйшихъ эпохъ. — Л. н. тождественъ съ енисейскимъ знакомъ (X т. л. 11. 4). Означена только линія обѣихъ рукъ, линіи головы и туловища отброшены. Въ ассирійско-арамейскомъ знакѣ, между рукъ, надъ головою бываетъ дугообразная черточка — знакъ благословенія свыше.

Соотвѣтственныя линейныя начертанія на Енисеѣ замѣчаются только на древнѣйшихъ петроглифахъ, VI т. 3. 13 и 6 рис. 11.

7. 9. Стилизированное орнаментное начертаніе буквенныхъ знаковъ енисейскаго и тукюэскаго алфавита, съ расчлененіемъ ихъ слѣва. Сопост. центральный орнаментъ (замѣститель жертвенника) на золотой пластинкѣ изъ Чертомлыцкаго кургана (Русскія древн. гр. И. Толстого и Н. Кондакова, II вып. 151, 129)[1]) съ нѣсколько стилизированными начертаніями (X т. л. I; инициалы 3 и 7) буквенными знаками тукюэзскаго алфавита (XI т. 2. 11).

7. 10. В. з. Поясные знаки свастическаго рукоположенія, въ начальной фазѣ.

Н. з. Знаки рукоположенія, получающагося при одномъ движеніи рукъ, безъ изгибанія туловища, ср. съ поясными знаками того же рукоположенія, на этой же таблицѣ, на лѣвой же сторонѣ, 6. 12; 6. 11 и 7. 13. Они особенно отчетливо выражены на древнемъ религіозномъ символѣ, взятомъ для изображенія буквеннаго знака qof (узелъ) въ древне-финикійскомъ алфавитѣ. (См. Forrers Reallex. I. 714. 202; Шницеръ, Иллюстр. вс. ист. письм. 88, рис. 59).

7. 11. Тѣ же знаки рукоположенія на голову и на genitalia, образовавшіеся изгибаніемъ туловища, въ поворотахъ, въ прямолинейномъ и округленномъ очертаніи. См. на правой сторонѣ этой же таблицы, 23 и 24, а также и на XIII т. 27, 30 и 31. Древне-финикійскія начертанія съ Кипра въ этомъ отношеніи интересны (L. Cesnola, Cypern, Taf. CIII, CVIII и др.).

7. 12. Знаки бактрійскихъ монетъ (Шницеръ, Иллюстр. вс. ист. письм. 164. g и gh), верхніе — поясные, на л. в. горизонтальная черточка внизу начертанія означаетъ благословеніе земли, а нижніе — во весь ростъ, на прямомъ означено и отодвиганіе ноги на сторону изгиба туловища.

7. 13. Знаки съ совастическимъ и свастическимъ рукоположеніемъ, по енисейскимъ буквамъ и петроглифамъ (см. на пр. сторонѣ, 23 и 24). У шамановъ, при камланіи, свастическія движенія замѣчаются нерѣдко.

8. Восьмая горизонтальная полоса.

8. 1. Три горизонтальныхъ черты, „три рубежа“ русскихъ и инородческихъ знаменъ конца XVI вѣка: небо, земля и подземный загробный міръ.

8. 2. Благословеніе угловымъ египетскимъ символомъ земной поверхности, сверху и снизу. При съуженномъ углѣ и при проведеніи линіи благословенія нѣсколько ближе къ вершинѣ угловъ, получимъ линейные знаки бычачьихъ головъ.

8. 3. То же, но означенное послѣдующими способами начертанія: прямоугольнымъ и округленнымъ (ступовиднымъ, буддійскимъ).

8. 4 и 5. Графическія схемы благословеній, выраженныхъ горизонтальною линіею: еще идущихъ сверху или снизу и уже наложенныхъ на знакъ (линію вертикальную) человѣка.

8. 6. То же самое, сдѣланное для наглядности, расширеннымъ угловымъ (египетскимъ или основнымъ) религіознымъ знакомъ.

8. 7. То же, но обычнымъ начертаніемъ этого религіознаго символа.

8. 8 и 10. То же, сдѣланное дуговиднымъ символомъ.

---

[1]) См. Kypros. M. Ohnefalsch-Richter. Taf. LXI; LXXXIX. 6; CXIV. 6; CXVII. 7.

8. 9. Такая же схема, но для наглядности расширеннымъ дуговиднымъ символомъ.

8. 11. Благословеніе сверху и снизу прямоугольнымъ символомъ.

8. 12. Благословеніе „эмо"-или птице-виднымъ символомъ.

8. 13. Благословеніе молящагося человѣка (прямого креста), линейные символы сверху и снизу.

9. Девятая горизонтальная полоса.

9. 1—7. Различныя начертанія благословенія, идущаго сверху и снизу, и наложеннаго на прямой крестъ, какъ фигуру человѣка, символизирующаго молитву этимъ древнимъ рукоположеніемъ.

9. 8—13. Такія же графическія схемы, но по отношенію косого креста, какъ символа человѣка, молящагося древнимъ угловымъ рукоположеніемъ. — 9. 13. Буквенные знаки на Енисеѣ (см. X табл. Л. 1 и инициалы — 3 и XI табл. 2. 11).

10. Десятая горизонтальная полоса.

10. 1—4. Графическія схемы благословеній, нисходящихъ и наложенныхъ графически различными символами на египетскій крестъ, какъ знакъ человѣка, благословеннаго или постоянно воспринимающаго благословеніе земли.

10. 5—9 л. и 10 л. Различныя схемы наложенія благословенія на тотъ же египетскій крестъ въ поворотѣ, т.-е. на головѣ[1]) человѣка подъ землею.

10. 9 п. и 10 п.—11. Схемы благословенія на умершаго.

10. 12. Схема молитвы надъ умершимъ родоначальникомъ его наслѣдника, съ означеніемъ благословенія предка.

10. 13. Схемы линейныхъ благословеній, нисходящихъ и наложенныхъ на руническій (боковой) знакъ молящагося человѣка.

11. Одиннадцатая горизонтальная полоса.

11. 1—3. Графическія комбинаціи нисхожденія и наложенія благословеній на руническіе (боковые) знаки молящагося человѣка.

11. 4. Четыре буквы (d, nh, n, jb) сіамскаго алфавита, несомнѣнно мимическаго генезиса; у трехъ — показатели перстосложенія. Почти всѣ сіамскія буквы — знаки рукоположенія, далѣе приведемъ одну букву (11. 5 п. в.) съ знакомъ перстосложенія, при которомъ подъемъ руки обязателенъ въ практикѣ всѣхъ культовъ.

11. 5. В. Буквы: r, bh, n — того же сіамскаго алфавита. — II. Бирманскаго алфавита: n, u, совастическая тема стилизаціи, съ показателемъ и вращательныхъ движеній выражена ясно. II. Въ этомъ знакѣ, какъ и въ другихъ индійскихъ алфавитахъ, мимико-графическій генезисъ буквенныхъ знаковъ очевиденъ.

11. 6—13. Различные виды и стили означенія рукоположеній на поясныхъ знакахъ съ различными знаками благословенія, идущими сверху и снизу, и уже лежащими на символахъ.

12. Двѣнадцатая горизонтальная полоса.

12. 1—5. Графическія комбинаціи наложенія благословляющихъ линій на руническіе и нѣкоторые древніе алфавитные знаки. Большой и поучительный матеріалъ въ этомъ направленіи заключается въ древнемъ кипрскомъ слоговомъ письмѣ.

12. 6—8. Дополнительные знаки къ наложенію на себя замкнутыхъ знаковъ, какъ бы самоблагословеній. Какъ уже выше отмѣчено, всѣ виды фертовиднаго символа и сходнаго

---

[1]) По енисейскимъ графическимъ даннымъ.

съ нимъ наложенія такого же символа одною рукою заслуживаютъ особаго вниманія, не только въ линейныхъ начертаніяхъ, но и въ петроглифическихъ рисункахъ и на различныхъ древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства, какъ знаки солнечнаго культа.

12. 9 в. Прямоугольное начертаніе опусканія обѣихъ рукъ; показатели перстосложенія поставлены посрединѣ верхней линіи, но они не согласуются здѣсь съ рукоположеніемъ.

II. Опусканіе одной руки; черточка здѣсь правильною означаетъ и линію туловища, и нагибаніе головы, и отставленіе большого пальца; знаки обращены впередъ (на востокъ).

12. 10. Знаки того же типа. Эти и предшествующіе взяты изъ южно-симитическихъ алфавитовъ, ихъ много въ эѳіопскомъ букварѣ.

12. 11 л. в. Римская цифра одинъ, какъ графическій пережитокъ означенія обѣихъ благословеній на древній линейный знакъ человѣка. — Л. н. Дублированіе свастическихъ и совастическихъ знаковъ алфавитовъ и петроглифовъ Енисея. — П. в. Схема: гаммовидные показатели свастическаго и совастическаго перстосложенія, не сдвинутые въ центрѣ. — П. н. Гіератическій знакъ „говорящее лицо“ — свастическій знакъ [1]).

Свастическій погребальный танецъ (Danse funèbre) и шествіе у египтянъ, см. у Perrot-Chipiez, I vol. 701—702 (472).

12. 12 в. Символы изъ перекрещивающихся обѣихъ свастическихъ линій; одинъ изъ нихъ довольно ясно означаетъ каждою линіею оба вида свастическаго перстосложенія. — Н. Эсовидный линейный свастическій символъ, съ поворотомъ.

12. 13. В. л. Перекрещивающіеся показатели свастическаго и совастическаго рукоположенія. — В. п. Символъ Гермеса — змѣи кадуцея.

II. Свастическіе и совастическіе знаки въ прямолинейномъ начертаніи и въ различныхъ поворотахъ, религіозные символы, какъ генетическіе источники большинства алфавитныхъ начертаній.

Таблица къ теоріи де-Ружэ, какъ и самая теорія, не выдерживаетъ самаго поверхностнаго графическаго анализа и особенно это видно въ параллеляхъ, гдѣ встрѣчаются свастическіе знаки и ихъ зачатки, т.-е. въ параллеляхъ буквъ къ гіероглифамъ: *„утки, наводненнаго сада, воды, ставня“*. Она уже не соотвѣтствуетъ современнымъ археологическимъ, лингвистическимъ и особенно этнографическимъ даннымъ. „Заимствованіе“, какъ понятіе, какъ научный терминъ, имѣетъ строго опредѣленныя научныя границы. „Графическое же заимствованіе“, какъ явленіе этнографическое, требуетъ сугубой осторожности и великаго уваженія къ коллективной работѣ народнаго духа. Кочевые народы заимствовали только то, что могли заимствовать, т.-е. только то, что могли непосредственно воспринять и унести съ собою (т.-е. въ себѣ), безъ всякаго обремененія. Языкъ движеній и его запись они воспринимали легко, крѣпко связывая съ тѣмъ, что имѣли, не застаиваясь на мѣстѣ и не уклоняясь въ сторону. Заимствованіе же *однихъ линейныхъ знаковъ*-скелетовъ, безъ этнографической плоти, ихъ облекающей, въ религіозныхъ движеніяхъ и мимическихъ представленіяхъ, едва ли возможно и сравнивать съ имѣвшимся уже у каждой кочевой народности устойчивымъ подборомъ общепонятныхъ линейныхъ знаковъ языка движеній [2]).

13. Тринадцатая горизонтальная полоса.

13. 1. Два верхнія начертанія изъ петроглифа, зарисованнаго Страленбергомъ, недалеко отъ Чердыни, на скалѣ („Сиб. древн.“ В. В. Радлова, I. 2-й вып., стран. 35). Останавливаетъ на себѣ вниманіе обособленное означеніе точками символизирующихъ изгибовъ. Ср. VI табл. 5 рис. 13 фиг. — змѣя съ точкою надъ изгибомъ.

---

[1]) Липпертъ, Ист. культуры. С.-Пб. 1904. Стран. 295.

[2]) См. параллельныя таблицы алфавитовъ въ R. Forrers, Reallexikon, 714 (202) и 715 (203).

Н. л. Этотъ символъ мы склонны понимать, какъ поясной знакъ фертообразнаго рукоположенія: означены оба рукоположенія — верхняго (на головѣ) и нижняго (на бедрахъ). Такъ какъ верхнее рукоположеніе дѣлается при восходѣ солнца, а нижнее — при закатѣ, то этотъ знакъ могъ служить символомъ „дня". Сопост. съ такимъ же знакомъ въ прямолинейномъ начертаніи, на этой же табл. 14. 2. пр. фиг. — Правый знакъ — перекрещиваніе свастической и совастической линій, подобіе гербу Гермеса (Чердынскій петроглифъ, по Страленбергу). Сопост. съ прав. XII табл. 16. 7, тотъ же символъ въ прямолинейномъ начертаніи; XI табл. 3. 4 (нижній поворотъ), генезисъ тукюэской буквы отъ рукоположенія ясенъ [1]).

13. 2. Пять буквъ индо-бактрійскаго алфавита, гдѣ къ древнѣйшему дуговому (phe) [2]) несимметричному символу (П. с. XII табл. 14. 5), повернутому внизъ, присоединяются знаки: молитвы (в. п.) и благословенія горизонтальною черточкою (крайніе нижніе знаки) или перечеркиваніе дуги — возвращеніе къ пройденной уже фазѣ (п. с. 15. 2). То же видимъ и съ прямымъ крестомъ (л. в.), сопоставлено ниже съ (18. 17) сложнымъ символическимъ начертаніемъ и это не единственные признаки разложенія или регресса графическаго символизма, которые можно замѣтить на алфавитѣ Ашоки (Эдиктъ изъ Капуръ-ди-гирп) и на другихъ индійскихъ алфавитахъ.

13. 3. Знаки, въ основѣ, могли образоваться пересѣченіемъ свастическихъ и совастическихъ линій, съ наложеніемъ благословенія снизу (земли), въ одномъ знакѣ прямолинейнаго, а въ другомъ — дугообразнаго. Южно-семитическіе и индійскіе алфавиты. Интересенъ пр. нижній знакъ (Пали-Кіуза, Илл. ист. пис. Шницера. Табл. къ 164 стран.): среди двухъ линій — точка

13. 4. Знаки изъ индійскихъ алфавитовъ: Бирманскаго и Пали-Кіуза (Шницеръ, Исторія письм. табл. къ стран. 164), лѣвые знаки отъ арамейскихъ, — еврейско-финикійской и ассирійской эпохъ. Правый верхній прямоугольный символъ интересенъ по наложенію благословенія внутри дугообразнымъ знакомъ. — П. н. знакъ корейскаго алфавита, съ наложеніемъ благословенія прямою линіею.

13. 5. Пять буквъ древне-ээіопскаго письма (Шницеръ, Иллюстр. вс. ист. письм. 151. 102). Интересны тѣмъ, что въ нихъ сохранилось угловое начертаніе рукоположенія съ поворотами и со слѣдами различнаго перстосложенія. — Л. н. Знакъ позднѣйшій, верхній знакъ прямоугольнаго начертанія, м. б. указываетъ на графическій атавизмъ: прибавлена средняя черта шеи и головы. Хотя въ алфавитѣ есть знакъ и безъ этой черты, но вмѣсто нее фигурируетъ черточка внизу, подъ горизонтальною чертою, означающею положеніе плечъ.

13. 6. Поясные знаки енисейскаго алфавита (X т. п. с. 15) углового начертанія, въ боковыхъ поворотахъ, съ означеніемъ отставленія большого пальца, сопост. съ ликійскимъ и болѣе древнимъ кипрскимъ начертаніемъ (XIII т. 25).

13. 7, 8 и 9. Верхніе знаки, изъ того же енисейскаго алфавита, съ означеніемъ другого перстосложенія, тройственнаго. Знаки поясные, съ поворотомъ и съ опусканіемъ рукъ.

13. 7. Нижніе знаки. — Л. н. Петроглифическій поясной знакъ мужчины, съ означеніемъ рукоположенія, съ перекрещиваніемъ кистей предъ шеею и на животѣ (Бухтарма, Buchtarma, Tomsk, Aspelin. P. 77. 350).

П. н. знаки Бирманскаго алфавита, dh и ph (Шницеръ, табл. къ стран. 164). Дугообразныя линіи означаютъ только рукоположеніе обѣихъ рукъ: въ первомъ случаѣ, не касаясь головы, но съ сильнымъ изгибомъ кисти на лѣвой сторонѣ знака, а во второмъ (н. з.), поставленъ кружочекъ головы, которой по культу должна коснуться рука. Солн. зн. „q" полудискъ.

---

[1]) Inscript. de l'Orkhon. L'Expédit. finnoise. H. 1892. XLVIII.

[2]) Въ древне-финикійскомъ еще сохранилось его прямолинейное угловое начертаніе. — Вс. илл. исторія письм. Шницеръ. 161 (рис. 110); 158—164 и табл. Для превращенія молитвеннаго его значенія въ благословляющее, что обусловило форму посоха. Сопост. еще h Ашоки и въ бактрійскихъ начертаніяхъ, особенно интересны усиленія черты благословенія въ Деванагари и въ Бенгальскомъ алфавитѣ. Таблица къ стран. 164 у Шницера поучительна и со стороны мотивовъ стилизаціи алфавитныхъ знаковъ Индіи.

13. 8. II. з. Поднятіе одной руки, со сгибаніемъ въ локтѣ (л. з.); на другомъ знакѣ видимъ поднятіе также одной руки, но съ запястьемъ (п. п.) и кистью руки — надъ головою. Изъ сіамскаго алфавита („p“ и „a“); шея и голова означены отчетливо.

13. 9. II. л. Молитвенный знакъ занесенія надъ головою другой руки (см. слѣва сосѣдній знакъ, 13, 8), съ большимъ изгибаніемъ шеи и туловища (Сіамское „g“).

II. н. Загадочный запутанный знакъ, повидимому, наложеніе одной руки на голову, со стороны другой руки (т.-е. плечевая часть руки помѣщается подъ подбородокъ, а локтевая — съ противоположной стороны головы). (Сингалезскій молитвенный символъ, вошедшій въ алфавитъ буквою „n“.)

13. 10. Египетскій знакъ плуга, см. его въ рукахъ погребенныхъ; можно видѣть генезисъ буквы, но болѣе широкія параллели показываютъ ошибочность этого значенія. — II. в. Символъ, вошедшій въ арамейскій алфавитъ и вѣроятно оттуда и въ енисейскій; изогнутая линія означаетъ положеніе обѣихъ рукъ. Допустимо сближеніе съ рукоположеніемъ Копенскаго шамана (VI т. рис. 13), но одну руку онъ не наложилъ на голову, а обратилъ, какъ бы благословляя или молясь, къ загадочному колбо-образному символу, съ двумя точками внутри.

Лѣвый средній — сложный знакъ, повидиму такой же знакъ, какъ и справа стоящій, но, какъ будто, съ поперемѣннымъ положеніемъ рукъ на голову съ той и другой стороны и съ поперемѣннымъ отведеніемъ ихъ отъ головы, въ сингалезскомъ начертаніи („g“). — Косой крестъ изъ дугообразныхъ линій, дающихъ замѣтный изгибъ, наводящій на предположеніе, что это символъ скрещенія рукъ на груди. Параллели, особенно съ лопарскими клеймами, дѣлаютъ это предположеніе правдоподобнымъ. Символъ во всякомъ случаѣ, выдающійся и косой или лежачій крестъ, но въ прямолинейномъ начертаніи, вошелъ въ большинство алфавитовъ. — Пр. н. Поучительный, по ясности и изяществу стилизаціи, символъ смыканія рукъ надъ головою, съ перекрещиваніемъ рукъ въ запястьѣ. Въ этомъ поясномъ телугусскомъ знакѣ не означена только шея, — голова означена точкою („th“); въ этомъ же алфавитѣ тотъ же символъ, въ той же сигнализаціи, но съ удаленіемъ линій туловища, головы и шеи, мы видимъ въ буквѣ „d“; въ овальномъ очертаніи мы видимъ въ одной изъ полугласныхъ и эмблему Гермеса и въ соотвѣтственныхъ поворотахъ и стилизаціи видимъ генезисъ одного изъ распространенныхъ алфавитныхъ начертаній[1]).

13. 11. Начертаніе другого рукоположенія изъ того же тэлугусскаго алфавита (л. в.). Пр. верхній знакъ опусканія одною рукой, типа, означеннаго на пр. табл. 9. 4, но съ наложеннымъ свыше благословеніемъ, въ видѣ горизонтальной черточки (сопост. буквы индо-бактрійскихъ монетъ „p“ и „bh“). Такія притупленія концовъ верхнихъ символовъ особенно замѣтны въ алфавитѣ буддійскихъ пещеръ и династіи Купты[2]). Нижніе два знака поднятія обѣихъ рукъ индійскаго начертанія, не симметричнаго, но генезисъ его общій, что можно видѣть на томъ же алфавитѣ Ашоки („gh“), на знакѣ „p“ линіи головы и шеи нѣтъ, на разсматриваемыхъ же знакахъ, сохранившихъ еще бустрофедонный поворотъ, пріуроченный къ другому культу, на короткихъ концахъ видимъ отгибъ линіи наружу, указывающій на отгибаніе кисти и положеніе ладони (руки просящей).

13. 12. В. л. знакъ подобный уже описанному выше. — В. п. Когтевидный знакъ, стилизированъ изъ праваго двухсторонняго свастическаго знака прямолинейнаго начертанія („h“ въ паликіуза); этотъ же знакъ мы видимъ и въ поворотѣ внизу („u“ и „h“ алф. Купты). — II. н. знакъ поднятія одной руки и накрываніе ею головы (сингалезскій алфавитъ „b“).

---

[1]) Предлагаемъ сопоставить съ прямолинейнымъ начертаніемъ этого же символа, пр. ст. XII, табл. 16. 7; 17. 7; 18. 7 и др.

[2]) Въ алфавитахъ Кутила, Деванагари и Бенгальскомъ видимъ уже усиленіе черты благословенія. Эти алфавиты стилизированы въ направленіи полнаго отреченія отъ правъ молитвы верхнимъ божествамъ: пассивное подчиненіе ихъ волѣ. Верхняя черта можетъ означать и линію земли.

13. 13. Л. в. символъ, типа, означеннаго на правой табл. 12. 7, но безъ значка туловища; внизу поставленъ добавочный знакъ, который не можетъ быть, въ данномъ случаѣ, показателемъ перстосложенія и можетъ служить указаніемъ линіи туловища и обозначеніемъ поднятія одной руки. Знакъ изъ южно-симитическихъ алфавитовъ. — Пр. в. Поднятіе одной руки съ изгибомъ ея надъ головою, въ прямоугольномъ начертаніи (Пали-кіуза „kh“).— Подъ нимъ тотъ же знакъ, но въ округленномъ очертаніи (Бирманскій „kh“).— Л. н. знакъ, м. б., и опусканіе руки, съ двойственнымъ перстосложеніемъ.

14. Четырнадцатая горизонтальная полоса.

14. 1 л. Символическая фигура на петроглифѣ, Черный Юссъ, Подъ-Камнемъ, рисунокъ по Аспелину; его надо установить на мѣстѣ, сдѣлавъ снимокъ (VIII т. XVII рис. 1. См. Aspelin, Types des peuples). — П. Нѣсколько сходное петроглифическое начертаніе изъ Америки, Утахъ (Utah.), 5-й годичный рапортъ Смитс. Института, 153 рис. стран. 230 [1]).

14. 2. Л. То же, повидимому, изображеніе, но безъ головы и благословляющей дуги на головѣ, — въ прямолинейномъ начертаніи. Вѣроятно знакъ молитвы выходящему и заходящему солнцу.— П. Это начертаніе (Бухтарма), до нѣкоторой степени возможно объяснить, въ виду параллелей, которыя представляли дублеты и варіаціи на самомъ петроглифѣ, видимо на одну и ту же графическую тему. Особенно важна лѣвая верхняя большая фиг. этого петроглифа какъ она изображена въ атласѣ Aspelin'a, Proussiaika, L'age du bronze, стран. 77, 350. Это видимо знакъ мужчины, стоящаго на широко раздвинутыхъ ногахъ, положившаго руки на голову, перекрестивъ ихъ запястьями. Далѣе причерчены усиливающіе (дублетные) символы или въ рукахъ держалась вѣтка, съ соотвѣтственными развѣтвленіями. Вѣское подтвержденіе мы видимъ въ петроглифномъ знакѣ, изображенномъ у Аспелина: надъ головою оттуда взятой нами фигуры. На поясномъ знакѣ видимъ такое же нижнее фертообразное рукоположеніе, съ такимъ же перекрещиваніемъ рукъ въ запястьи и выдвиганіемъ кистей. Эта группа начертаній заставила вспомнить о лопаряхъ. — Бухтарминскіе символы въ стилѣ ихъ основныхъ религіозныхъ символовъ, сохраненныхъ ими въ клеймахъ. Одинъ знакъ далъ намъ нѣкоторыя указанія на графическій генезисъ одного буквеннаго начертанія тукюэскаго алфавита (см. XI т. 1. 5. Сокр. зн. культ. предк. См. „а“ арам. алф. FRL. 714. 202. 1. 5 и 6 и индійск. цифры, рис. Клоддъ, 73).

Если съ этою мимическою символизаціею соединялась символизація и вѣтвями, то возможно допускать, что при этомъ связывались длинныя двѣ вѣтви (березы напримѣръ, что замѣчается въ рощахъ, весною и теперь, и даже у русскихъ), не въ концахъ, а *посрединѣ*, оставляя два длинныхъ конца свободными (символъ Гермеса); остальная верхняя часть березки, въ такомъ случаѣ, какъ бы усиливаетъ сигнализацію концовъ двухъ связанныхъ вѣтокъ.

14. 3. В. л. Съ этого квадрата до 14. 10, мы помѣстили нѣкоторые графическіе каноны поклоненія солнцу. Первымъ мы поставили египетскій знакъ, который сперва замѣтили въ гіератической надписи и затѣмъ уже видѣли и на таблицѣ де-Ружэ [2]), гдѣ онъ поставленъ какъ имѣющій сходство (?) съ гіероглифическимъ знакомъ *треугольника* (?). Графическое сравненіе, въ нашихъ глазахъ, болѣе, чѣмъ странное. Гіератическій знакъ „q“ по генезису сложный. По нашему мнѣнію, онъ интереснѣйшій пережитокъ свѣтовой системы письма: онъ состоитъ изъ круга — знака солнца и гаммовиднаго углового показателя отставленія большого пальца: въ данномъ начертаніи — правой руки; поворотъ же ладони къ божеству обязываетъ правую руку и къ подъему (лѣвая рука видимо не поднималась). Назывался ли гіератическій знакъ угломъ, мы не знаемъ, но, помимо свидѣтельства самого начертанія, мы видимъ подтвержденіе

---

[1]) Сопост. I табл. VIII рис. 5 и 8, но эти начертанія, вѣроятно, по культу предковъ.

[2]) См. табл. графической теоріи Руже у Эд. Клодда, стран. 51, у Шницера — безъ латинскихъ и греческихъ параллелей, стран. 94 (рис. 64). Слѣдуетъ отмѣтить, что поворотъ іероглифовъ налѣво и повороты буквъ при бустрофедонѣ Руже и его послѣдователи не объяснили.

нашего объясненія генезиса гіератической буквы „q“ въ томъ, что во всѣхъ древнѣйшихъ алфавитахъ взяты знаки, никакого сходства съ гіероглифическимъ *„угломъ“* неимѣющіе, но довольно ясно обозначающіе правила поклоненія восходящему солнцу[1]), что выяснится при графическомъ анализѣ послѣдующихъ солнечныхъ знаковъ. Позволимъ себѣ, при случаѣ, выразить догадку, что и нѣкоторые бухтарминскіе петроглифическіе знаки относятся, м. б., къ важнѣйшему празднику солнечнаго культа, и даютъ намъ оба знака.

Но *весьма сходный*, особенно по графическому начертанію, а, м. б., и генезису[2]), *гіератическій знакъ* мы видимъ въ таблицѣ де-Ружэ, сопоставленнымъ съ гіератическимъ начертаніемъ *„руки“*. Въ гіероглифическомъ начертаніи *вверху* всегда ясно обозначается большой палецъ, а въ гіератическомъ сигнографѣ показатель большого пальца внизу. Если во всѣхъ дублетахъ къ гіератическому знаку нижняя линія *не* выступаетъ впередъ[3]), то гіератическая буква можетъ быть объясняема какъ мимико-графическое указаніе поднятія и наложенія руки на наклоненную къ ней голову, — другая же рука не поднимается. Конечно, можно кое-что возразить противъ совастическаго начертанія рукоположенія въ древне-еврейской буквѣ „yod“ (рука), въ зендшскомъ (Sendsch.) и теймскомъ (Teima) начертаніи, за 800 и 500 лѣтъ до Р. Х., но должно отмѣтить, что указанныя ея начертанія[4]) заключаютъ въ себѣ свастическую линію рукоположенія (подъемъ лѣвой и опусканіе правой руки). Линія туловища сохранилась только внизу: на этомъ нѣсколько повернутомъ знакѣ верхняя часть этой линіи (шея и голова) устранены[5]). Этотъ же символъ съ отвѣснымъ положеніемъ туловища предлагаемъ интересующимся взглянуть въ индійскомъ алфавитѣ (Ашоки) — „bh“. Совастическая манера начертанія особенно бросится въ глаза въ теймскомъ написаніи, особенно въ его дублетахъ. Поучительно и силоамское начертаніе этой буквы[6]). Но интереснѣе всего, что въ южно-семитическихъ знакахъ этой же буквы мы ясно видимъ преобладаніе солнечныхъ символовъ, съ подавляющимъ процентомъ поклоненія восходящему солнцу. Берберскій (Halévy) сохранилъ основную ломаную свастическую линію древнѣйшаго еврейскаго начертанія. Финикійскій знакъ по генезису совсѣмъ иной. Но замѣчательно присутствіе свастическаго рукоположенія въ древне-финикійскомъ[7]) сомкнутомъ символѣ.

Эти двѣ строки изъ таблицы де-Ружэ показываютъ насколько произвольны его основныя графическія сопоставленія[8]) и какъ неустойчиво его предположеніе, что, при переходѣ отъ зрительнаго

---

[1]) Кстати, просимъ обратить вниманіе: 1) на строчное рукописное начертаніе латинскаго „*q*“, съ отчеркомъ; 2) на рукописное нижнее русск. «*ꙗ*», какъ графическій гомологъ къ нему; на 3) «d» и «b» латинскія печатныя, и на 4) «p». Нѣкоторыя буквы — бустрофедонные повороты другъ къ другу, но только безъ отчерковъ. Прибавивъ отчерки и поставивъ знаки горизонтально, съ поворотомъ влѣво, на востокъ, получимъ предполагаемые египетскіе знаки поклоненія *восходящимъ* и *закатывающимся* полудискамъ солнца. Мы увидимъ, взявъ оба бустрофедонныхъ поворота, такіе графическіе пережитки, которые едва ли возможно приписать случайности.

[2]) До того, что невольно возникаетъ вопросъ, не къ почитанію ли луны относится этотъ знакъ?

[3]) На рисункѣ Клодда этотъ выступъ ясно выраженъ — и гамма здѣсь показатель для большого пальца.

[4]) Буквы «j» и «i» соотвѣтствуютъ древне-греческому начертанію «руки», которое Руже напрасно игнорировалъ отнеся еврейскую руку къ «параллелямъ». Параллель несомнѣнно очень странная. Противу «параллелей» или «еврейской руки» (т.-е. yod) у Шницера, рис. 59 и 64, на стран. 88 и 94, у Эдуарда Клодда, табл. на стран. 51, есть тотъ типъ буквы на который мы желаемъ обратить вниманіе, но мы рекомендуемъ обратиться къ обстоятельнымъ и четкимъ параллельнымъ таблицамъ Forrers Reallex.

[5]) См. енисейскій алфавитъ, X табл. Л. 3. 2 или XIII табл. 31. 1. Послѣ отвпеченія этой линіи увидимъ еврейское «yod» — измѣненіе только въ поворотѣ.

[6]) Forrers. Reallexikon, 714, 202 и у Шницера, 88. 59 и 164.

[7]) Особенно въ сидонскомъ начертаніи, въ болѣе древнемъ дибонскомъ (Dibon) знакъ фертовиднаго верхняго символа. См. Forrers. Reallexikon. 714 (202).

[8]) Сопоставленія *разнородныхъ* графическихъ элементовъ и разновременныхъ эволюціонныхъ графическихъ продуктовъ, при произвольно повернутыхъ налѣво конкретографахъ, при которыхъ, неизвѣстно почему и зачѣмъ, удерживаются названія гіероглифовъ, съ сигнографами неизвѣстнаго происхожденія, повернутыми вправо. Какъ конкретографы, такъ и спеціально для алфавитовъ изобрѣтенные (?) шрифтографы, *графическаго единства* алфавитовъ не объясняютъ и объяснить не могутъ.

письма къ звуковому, обязательно должно было произойти отреченіе человѣчества отъ линейныхъ знаковъ свѣтовой письменности и рабское подчиненіе однимъ *графическимъ знакамъ*, не дающимъ никакихъ сочетаній по ассоціаціи представленій, съ неумершимъ еще мимическимъ религіознымъ и общественнымъ языкомъ. Мы давно противъ теоріи де-Ружэ, и присоединяемся къ утвержденію проф. Лагарда, что финикійскія и древне-еврейскія буквы и гіератическіе сигнографы, не говоря уже о гіероглифическихъ конкретографахъ, не представляютъ достаточно обоснованнаго сходства. Мы не имѣли въ рукахъ его интересной работы, но мы чисто графическимъ путемъ убѣдились въ вѣрности его заключенія. Добавимъ только, что теорія Ружэ стоитъ *внѣ этнографической жизни народовъ*, совершенно игнорируя вопросъ о *способахъ* заимствованія. Очень затруднительно усмотрѣть въ данныхъ примѣрахъ графическое заимствованіе и весьма не трудно констатировать заимствованіе религіозныхъ символовъ, на начертаніи которыхъ мѣсто и время всегда могли, въ большей или меньшей степени, отражаться.

Закончивъ съ гіератическимъ символомъ поклоненія восходящему солнцу, мы не имѣли библіографическихъ матеріаловъ, чтобы найти графическое указаніе на способъ поклоненія древнихъ египтянъ *заходящему* солнцу и рѣшились дать его начертаніе[1]), примѣняя повороты орхонскихъ и енисейскихъ начертаній; знакъ обращенъ „впередъ“ на западъ, къ солнцу (т.-е. отъ смотрящаго); показатель отставленія большого пальца, опредѣляющій поворотъ ладони лѣвой руки къ солнцу, поставленъ горизонтально. Но, имѣя въ виду наличность свастики, угловой значокъ можетъ стоять и сбоку, имѣя поворотъ вверхъ (смотря на знаки справа на лѣво): культу лѣвой руки подъемъ ея, при обращеніи на западъ, нисколько не противорѣчитъ[2]).

Нельзя не отмѣтить отношенія хореографіи къ языку движеній въ танцахъ, особенно религіозныхъ. Въ „Исторіи хореографіи всѣхъ вѣковъ и народовъ“, барельефъ изъ Булака купированъ: внушительный, по своему спокойствію и торжественности, свастическій маршъ отброшенъ, не взирая на красоту и силу контрастовъ; „danse funebre“ превращенъ въ „танецъ для развлеченія гостей“. (Н. Вашкевичъ М. 1908 г. стран. 143). Перечень источниковъ объясняетъ поверхностное отношеніе автора — незнакомствомъ *съ первоисточниками* по археологіи и доисторической этнографіи. По Масперо, этотъ танецъ еще живетъ въ Верхнемъ Нилѣ (Perrot-Chipiez, I, 700). Не зная исторіи языка движеній, нельзя трактовать о танцѣ будущаго. А. Дунканъ поражаетъ *знаніемъ* исторіи языка движеній, проникновеннымъ его пониманіемъ въ искусствѣ, она вполнѣ владѣетъ этимъ умирающимъ (нѣкогда общечеловѣческимъ) языкомъ и относится къ нему съ великимъ уваженіемъ, не превращая его въ хореографическую шаблонность. Къ сожалѣнію, спеціально свастическихъ танцевъ у нея нѣтъ, а, въ ея компановкѣ и исполненіи ея ученицами, они представляли бы большой интересъ, и художественный и даже научный.

Заканчивая съ этимъ барельефомъ, обратимъ вниманіе на головные уборы. Дѣвушки — свастика и совастика — въ башлычкахъ; волосы женщинъ слѣва съ ясно выраженнымъ клѣтчатымъ орнаментомъ, сходнымъ съ таковымъ же послѣдней межледниковой эпохи (Der Mensch zur Eiszeit in Europa. Dr. L. Reinhardt, S. 237 F. 139). У передней средней фигуры волосы

---

[1]) XII табл. 14. 4. п. в. Показатель на таблицѣ надлежитъ исправить по 5-му знаку, на оборотѣ.

[2]) Всмотрѣвшись въ барельефъ изъ Булака, который мы уже датировали выше (Perrot-Chipiez, I, 701—702, рис. 472), видя на немъ наличность свастическаго танца, мы находимъ болѣе вѣроятнымъ поднятіе и простираніе къ закатывающемуся солнцу и лѣвой руки. Лѣвая группа танцующихъ женщинъ держитъ въ рукахъ вѣроятно бубны (около 25—30 стм. въ діаметрѣ), предположеніе, что это шары — какъ эмблема солнца, менѣе вѣроятно. Но и бубенъ держится такъ канонически однообразно, съ такимъ сходствомъ рукоположенія и перстосложенія, что и бубенъ въ этомъ танцѣ символизируетъ солнце, съ которымъ женщины съ запада стремятся на востокъ. Но энергичныя фигуры идущихъ справа налѣво не пускаютъ туда, направляя налѣво, назадъ. Бубенъ держатъ лѣвою рукою, правою, видимо, слегка ударяютъ, но, очевидно, отставленіе большого пальца и поворотъ ладони имѣли особое значеніе. Жесты держанія бубна, диска или обруча кистью лѣвой руки неестественны. Но, главное, наличность свастическихъ религіозныхъ движеній внѣ всякаго сомнѣнія. Особенно цѣнны по живости и размашистости тѣлодвиженій (изгибовъ и вращенія) дѣвушки, танцующія одновременно и свастику и совастику.

короче, вѣроятно и это дѣвушка: ея шаръ или дискъ поддерживаетъ (снизу, за ея лѣвою рукою) вытянутая, — несомнѣнно *вотивная* рука. Пара дѣвушекъ танцуютъ, по всей вѣроятности, вокругъ нее, вращаясь, въ то же время, вокругъ себя. На правой мужской группѣ волосы ниспадаютъ внизъ (мультиплицированный символъ благословенія), исключая трехъ мужчинъ, безъ волосъ. Найдя поддержку въ лѣвой вотивной рукѣ барельефа изъ Булака, некрополя Мемфиса (Memphis), по Приссу (Prisse, Hist. de l'art egyptien. Text, p. 418) XIX династіи, западный солнечный знакъ можетъ имѣть на верху показателя для лѣвой руки. Послѣдствіемъ этого является возможность происхожденія буквъ древнѣйшихъ алфавитовъ: a, b, d, p и q отъ египетскихъ солнечныхъ знаковъ или символовъ, сваст. совастич. культа, включая и ихъ бустрофедонные повороты. Конечно, положеніе этихъ религіозныхъ символовъ (сочетательнаго генезиса, конкретографа съ мимео-сигнографомъ) должно быть почти горизонтально, т.-е. въ схематическомъ видѣ начертанія будутъ таковыми, какъ 1—6 знаки. По древней оріентировкѣ, на эти начертанія слѣдуетъ смотрѣть сбоку, справа на лѣво. 7—10 знаки такъ и повернуты. 1. — 2. ; 3. — 4. ; 5. — 6. ; 7. — 8. ; 9. — 10. . Добавл. 2.

14. 3. Л. н. Китайскій знакъ „утро“ (съ тире или кружечкомъ внутри, см. XI т. 4. 8); знакъ очень древній, конкретировавшійся впослѣдствіи въ „лодку“. „Вечеръ“, какъ древнѣйшій знакъ, соотвѣтствующій китайскому, видимъ сохранившимся на петроглифахъ и тамгахъ тюркскихъ и тюрко-алтайскихъ народностей, онъ изображенъ вправо, черезъ знакъ (XII. л. 14. 4. л. н.). Показатель, конечно, надо понимать двояко: какъ рукоположеніе и какъ перстосложеніе.

Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ египетскимъ крестомъ, „tahv“, въ китайскомъ и корейскомъ начертаніи[1]), съ тою понятною для свѣтовой системы письма и сохранностію древнихъ названій „вверху“ и „внизу“. Принимая во вниманіе графическія показанія петроглифовъ и алфавитовъ, у семитовъ въ рядѣ „zain“ (оружіе), у арійцевъ отчасти этотъ же рядъ, но преобладаетъ „i“ съ точкою, вертикальная черта — знакъ человѣка, а длинная горизонтальная черта — линія земли, т.-е. въ практикѣ древнѣйшаго культа они же были знакомъ благословенія „земли“, при соотвѣтственномъ наложеніи благословенія „неба“, получится древнѣйшее еврейское начертаніе буквы „zain“. Есть основаніе утверждать, что сигнализирующая сторона въ египетскомъ крестѣ на сторонѣ знака человѣка, и поклоненіе небу и восходящему солнцу тогда выражалось горизонтальнымъ распростираніемъ рукъ, конечно, съ поворотомъ ладоней вверхъ. При поклоненіи землѣ и при закатѣ солнца, рукоположеніе было таково же, но съ поворотомъ ладоней внизъ (см. 14. 4. л. н.): графическій символизмъ выраженъ вполнѣ опредѣленно.

Второе предположеніе, конечно, вытекаетъ изъ отличій въ начертаніи; линія земли, напримѣръ, значительно укорачивается и знакъ человѣка удлиняется. Вообще, прежнее предположеніе отпадаетъ и вмѣсто линіи земли правдоподобнѣе представить въ такихъ знакахъ указаніе на поворотъ ладони рукъ, означавшійся отставленіемъ большого пальца, — напримѣръ, типичны тамги: см. ниже, 15 полосу, 10 столбецъ, н. з. Знаки эти обозначаютъ тоже очень древній обрядъ поклоненія: мы видимъ въ нихъ указаніе на одновременный подъемъ обѣихъ рукъ, — такъ, чтобы ладони подчинялись большимъ пальцамъ, обращеннымъ наружу. Вверху, въ запястьи руки надо скрестить[2]); при опусканіи же рукъ этого не требуется.

Напоминаемъ, что графическое распростираніе рукъ въ меридіональной плоскости не всегда могло быть таковымъ въ дѣйствительности, во всѣхъ случаяхъ, и при практикѣ религіи

---

[1]) См. на разсматриваемой таблицѣ Л. I. 12 и 13 и еще XI т. 5. 5 и 6. 7 и 8.

[2]) Сопост. съ символомъ Гермеса или Меркурія. Табл. XII п. 16. 7; 17. 7; 19. 5; 20. 5 и друг. Конкретный мимико-графическій символъ требуетъ соотвѣтственнаго символа-культа: 1) знака солнца восходящаго, т.-е. смыканія рукъ надъ или на головѣ и 2) знака молитвы: перекрещиванія кистей, обусловленнаго означеніемъ положенія пальцевъ. Въ тамгахъ черемисъ сохранился отдѣльный знакъ, гдѣ обозначено и перекрещиваніе кистей при подъемѣ рукъ (на этой же XX табл. 16. 5. п. н.).

и въ привѣтствіяхъ въ обыденной жизни: онѣ могли направляться, впередъ и вверхъ, съ небольшимъ раздвиганіемъ.

14. 3 п. в. и 4 л. в. Знаки „утра“ и „вечера“ (востока и запада) наиболѣе распространены въ средне-азіатскихъ тамгахъ, значеніе ихъ въ свѣтовомъ письмѣ, повидимому, давно забыто: они называются „ложками“, „чумизами“, „поваренками“ и т. п., т.-е. конкретировались.

14. 3. п. н. Китайскій знакъ „средины“. Не ошибемся, заявивъ, что это древнѣйшій солнечный знакъ „средины дня“, т.-е. знакъ полдня. Переводя на мимическую практику религіи, это поясной знакъ фертообразнаго наложенія рукъ на бока или поясницу; древне-еврейское „qof“ (узелъ) [1]) означаетъ утреннее поклоненіе солнцу, т.-е. верхнее смыканіе рукъ надъ головою; нижнее смыканіе рукъ, очевидно, означаетъ и закатъ и поклоненіе ему.

14. 4. П. н. Знакъ поклоненія заходящему солнцу; показатель отставленія большого пальца лѣвой руки, т.-е. угловой знакъ, пересѣкшій дискъ солнца. Знакъ въ поворотѣ къ западу. Осмотръ самаго клейма родовыхъ знаковъ важенъ,— поворотъ его отмѣчать необходимо.

14. 4. л. н. з. см. описаніе въ 14. 3. л. н.

14. 5. Верхніе знаки „утренніе, до полудня, послѣ полудня и вечерніе“ по китайскимъ представленіямъ [2]). Эти знаки постоянно называются „ножницами“; въ тамгахъ и въ петроглифахъ „вечера“ и „утра“ означаются съ большимъ или меньшимъ наклономъ (сопост. на табл. V, рис. III. 30 (два утра) и 22 (два вечера), таковы же они и на красно-фигурныхъ енисейскихъ петроглифахъ (IX т. IX рис.). Знакъ „дня“ см. ниже (15. 3. н.). Знакъ „сутокъ“ мы отмѣтили въ петроглифахъ (III т. VIII. 6). П. н. Корейскій солнечный знакъ, египетскій крестъ поставленъ надъ дискомъ отдѣльно, внизъ благословляющею стороною, вверхъ, къ небу, молитвенною стороною знака. Знакъ одинаковъ по своему значенію съ знаками птицы (орла, у гиттитовъ „солнечная птица“) надъ дискомъ солнца (см. 15. 5 п. в. и гіератическій 16. 18).

14. 6. В. Свастическое и совастическое поклоненіе восходящему и заходящему солнцу. На нижней горизонтальной черточкѣ прибавлены показатели перстосложенія: 1-й знакъ, правая ладонь къ солнцу — поднимается, лѣвая ладонь отъ солнца — опускается и 2-й знакъ, большой палецъ правой руки вверху, т.-е. ладонь къ себѣ — опусканіе, лѣвая — б. палецъ внизъ — должна быть поднята.— Л. н. Знакъ поклоненія восходящему солнцу, съ прямымъ крестомъ внутри, который интересенъ не какъ показатель рукоположенія, а потому, что показатель отставленія большого пальца указываетъ поворотъ ладони (подъемъ не возможенъ по указанію креста) только для одной правой руки. Прямой крестъ въ тамгахъ Большой Орды встрѣчается; встрѣчается онъ и въ петроглифахъ Енисея. — П. н. Показатель для опусканія лѣвой руки; знакъ считать обращеннымъ на западъ. Сопост. 14. 4. н. п.

14. 7. Л. в. На монетахъ Керченскихъ см. XI. 22. 10; къ китайскому знаку, прибавленъ позднѣйшій дугообразный символъ — поклоненія небу.— В. п. Также родовой знакъ Керченскихъ монетъ, XI т. 22. 8, добавленъ въ дискѣ угловой благодарственный или благословляющій символъ, вѣроятно также при выдѣленіи младшаго сына.— Н. Знакъ „дня“, восходящее и заходящее солнце. Племена Скалистыхъ горъ вост. склона.

14. 8. В. з. Знаки „вечера“ и „утра“; заката солнца съ угловымъ знакомъ на верху у писавшихъ на енисейскомъ и тукюэскомъ алфавитахъ. Поворота къ этому знаку, т.-е. углового символа, поставленнаго внизу, не доводилось видѣть. но, можно думать, что онъ есть; при восходѣ солнца молиться не полагалось, предписывалось воспринимать благословеніе, съ готовностію принять ниспосылаемое. Чаще, впрочемъ, встрѣчается болѣе глубокая выемка, безъ выступанія линій изъ окружности диска. Въ стилизаціи иногда подобенъ конскому слѣду. Н. з. Знакъ „дня“, съ благословеніемъ на немъ (косой крестъ изъ дуговидныхъ линій).

---

[1]) См. XI т. 9. 6. Самое нижнее смыканіе рукъ видно на петроглифахъ Енисея и на тамгахъ.

[2]). См. табл. XII п. 18. 1. в. з. См. рисунки петроглифическихъ начертаній М. А. Кастрена, I табл. XVIII рис. 3. По нашему мнѣнію это китайское начертаніе; мы придали ему меньшій наклонъ.

14. 9. В. л. Карѳагенскій символъ на памятникѣ (Stelle votive de Carthage). Культъ солнца: надъ дискомъ благословляющій или поклоняющійся дискъ луны, солнце на жертвенникѣ, горизонтальная черта, и ножки жертвенника, символизирующія воздѣяніе рукъ[1]). — В. п. Символъ поклоненія восходящему солнцу. Сулекскій петроглифъ. — Н. Индѣйскій знакъ „дня". Оба полу-диска восходящаго и заходящаго солнца накрыты благословляющей дугою, снизу черточки (гребенчатый символъ).

14. 10. В. Знакъ „дня", восточное и западное солнце. Индѣйское начертаніе (Domenech, Manuscrit pictograph. Paris. 1866). Солнечный ореолъ, стилизированный изъ религіозныхъ символовъ, типа благословенія, изображеннаго на XII т. 2. 2. Изъ Mallery.

14. 11. В. Лицо человѣка, — безъ носа и рта. Глаза, между ними, угловой знакъ молитвы (сопост. XI табл. 22. 1), рта нѣтъ (соп. австралійское начертаніе у Э. Гроссе", „Происхожденіе искусствъ". М. 1899, стран. 157), все это заключено въ два концетрическихъ круга съ 4 лучами, наверху — знаки молитвы, Вишера около Перми[2]).

Ср. з. Два глаза, между ними молитвенный знакъ (типъ, XII т. п. 1—3). Соп. съ табл. XI. 22. 1.

Н. з. Видъ подвязки (индійскія религіозныя маски и одежды ихъ различныхъ божествъ).

14. 12 в. Пентограммъ. Свѣтъ или небо. Изъ азбуки микмаковъ (Гельвальдъ, „Ист. плем. и народовъ", 1, 377).

Н. Свѣтило міровъ, гіероглифъ. Интересенъ косой крестъ съ прибавленіемъ черточки, означающей шею и голову. Здѣсь это — благословляющій знакъ. См. гіероглифическое начертаніе молитвы, изъ которой взято это начертаніе, у А. И. Кельсіева, фигурныя письмена (1880 г.). Начальная фигура молящагося, означающая: „О богъ", также взята нами, для подтвержденія соображеній объ особыхъ знакахъ перстосложенія, на XI т. 9. 12, рукоположеніе молящагося свастическое, съ отставленіемъ большого пальца на обѣихъ рукахъ; ноги раздвинуты. Означеніе ладони и отставленнаго большого пальца просто и ясно.

14. 13. В. Глаза и ротъ, означенные 3 точками въ сердцевидномъ очертаніи, отъ угловъ рта и отъ подбородка идутъ линіи (Страленбергъ. Aspelin, Atlas).

Н. Интересный символъ: по всей вѣроятности, поклоненіе полуденному солнцу и благословеніе или благодареніе восходу и западу (Изъ Domenech, Manuscr. pictogr). Сопост. съ головнымъ уборомъ Кизиль-Кайскаго верхового (VIII т. VIII рис. 1) и знакомъ на груди Чаатасскаго изваянія (VIII т. XIV р. 2).

15. Пятнадцатая горизонтальная полоса.

15. 1—3. Черкесскія тамги, праваго колѣна[3]). Намъ кажется, не смотря на своеобразную стилизацію и повороты нѣкоторыхъ начертаній, ихъ мимическій религіозный генезисъ достаточно ясенъ. Обращаемъ особое вниманіе на вѣди-символъ (1. н. л.), знакъ своеобразнаго воздѣянія обѣихъ рукъ (2. н. п.) и чрезвычайно интересный солнечный знакъ „дня" (3. л. н.). См. ниже, 18. 16, пояснительное расчлененіе этого знака и его описаніе въ гл. VII, стран. 368. Сопост. съ гимьяритскою буквою, въ надписи Деренбурга (Derenbourg, 1884) и въ ея транскрипціи. Шницеръ. 148. 99.

15. 4—6. Черкесскія тамги лѣваго колѣна. Весьма интересный солнечный знакъ, 15. 6 л. в. Описаніе въ гл. VII, стран. 370—371.

15. 7—11. Арабскія тамги, по Андре (Ibidem, Taf. IV, 2—5), съ немногими добавленіями. Арабскія тамги представляютъ большой интересъ и нуждаются въ пополненіи. См. VII гл., стран. 378—379.

---

[1]) G. Perrot et Ch. Chipiez. Hist de l'art dans l'antiquité. T. III.

[2]) Aspelin. Atlas. L'age du bronze. P. 77. Рис. 348.

[3]) Etnogr. Parallel. R. Andree. L. 1889 г. II. Taf. IV, fig, I. Нѣсколько знаковъ добавлено, символы эти оказались въ грузинскомъ алфавитѣ, см. «Иллюстр. ист. письм.» Шницера, стран. 156 (107).

15. 12—15. Тамги шведскихъ лопарей (Schwedisch Lappland[1]).

15. 16. (Еще см. ниже два знака, 16. 16 и 17. 16.) Карфагенскія пломбы (Revue d'Archeol. іюль и авг.). VII гл., стран. 293.

15. 17—18. Тамги самоѣдовъ [2]). VII гл., стран. 358—359.

15. 19. Тамги черемисъ и чувашей [3]). 356—357.

15. 20 и 21. Тамги вотяковъ [4]). VII гл., стран. 355—356.

16. Шестнадцатая горизонтальная полоса.

16. 1—3. Тамги вотяковъ, продолженіе см. 15. 20 и 21. Описаніе въ VII гл., стран. 355.

16. 4. Тамги алтайцевъ (Bergkalmücken [5]). Останавливаемъ вниманіе на интересномъ знакѣ воздѣянія рукъ: символъ 16. 4. (н. л.) весьма близокъ къ воздѣянію рукъ одного изъ копенскихъ шамановъ (VI т. 5 рис. фиг. 13) и на колбовидномъ знакѣ, 16. 4. пр. ср.; подобный знакъ стоитъ на петроглифѣ рядомъ съ вышеозначенною фигурою шамана.

16. 5—7. Тамги черемисъ зарисованы на докладѣ С. К. Кузнецова, Эти. отд. Моск. Имп. Общ. Люб. Естеств. Этн. и Антроп. Засѣд. 1907 г. 357.

16. 8—9. Изъ петроглифическихъ начертаній Портумберланда (Northumberland [6]).

16. 10. Символич. фигура на рѣкѣ Уапесъ (Rio-Uapes, ibidem, Taf. III, Fig. 14). Параллель.

16. 11 и 12. Гербы на монетахъ Харакена (Суэіана) [7]). Параллель. — 14. 12. Н. з. Лежачій символъ поклоненія востоку и западу, см. объясненія въ 9-мъ добавленіи.

16. 13. Гіератическій знакъ дороги (в) и такой знакъ рыбы (н. л.), тождественный съ нарисованнымъ рядомъ (н. п.) демотическимъ знакомъ (сопост. съ X т. л. 10) [8]).

16. 14. В. л. Равнобедренный треугольникъ — по черточкѣ шеи на основаніи — видимо означаетъ воздѣяніе выпрямленныхъ рукъ, со смыканіемъ ихъ надъ головою [9]). — В. п. Демотическіе знаки, см. Иллюстр. ист. письм. Шницера, стран. 66, рис. 42. Такіе знаки съ поднятіемъ одной руки встрѣчаются и въ древне-египетскихъ знакахъ [10]).

16. 14. Н. з. Различно наклоненныя начертанія „алефъ" (alef), встрѣчаются въ древнихъ надписяхъ. Въ названныхъ трудахъ Lauth и Champollion встрѣчается подобный знакъ въ поворотахъ вверхъ и внизъ, можно предполагать, что зодіакальный знакъ тельца въ прямолинейномъ начертаніи египетскаго стиля означалъ голову быка, т.-е. точнѣе говоря означалъ жертвоприношеніе этого животнаго небеснымъ и земнымъ божествамъ (см. ритуалъ на цилиндрѣ съ Кипра, изображенъ ниже 18. 6—7). Но мы склонны видѣть въ этихъ буквахъ — знаки (во весь ростъ) религіозныхъ рукоположеній.

16. 15. Л. в. Ухо (oreille), по Ленерману, стр. 15. П. в. Наббатейск. начертанія (Lenormant, pl. XV). — Н. Египетск. знакъ воздѣянія рукъ, со смыканіемъ верху (Lauth, „Les zodiaques").

16. 16. Карфагенская пломба, см. знаки выше и ниже. См. углов. симв. благослов. на genitalia.

---

[1]) Andree, R. Ibidem, Taf. IV, fig. 6.

[2]) Ibidem. Fig. 7.

[3]) Ibidem. Fig. 10.

[4]) Ibidem. Fig. V.

[5]) Ibidem, Taf. VII, fig. 14.

[6]) Andree, Ethnogr. parallel. I, Taf. 11. 6.

[7]) Lenormant. Essai sur la propag. de l'alphabet phénicien. P. 1875 Tome II, pl. XII. I. Энц. Сл. Брокгаузъ-Ефронъ. 73. 63. Литература.

[8]) Ibidem, p. 14 и 15.

[9]) F. Lauth. Les zodiaques de Denderah. Munich. 1865.

[10]) M. Champollion, le jeune. Mem. sur les signes à la notation du temps. P. 1841.

16. 17. В. Египетскій символъ благословляющихъ рукъ. Ниже „благословляющая звѣзда“ Сиріусъ), генезисъ могъ быть изъ углового знака, съ перечеркиваніемъ вверху или же знакъ) человѣка. Ср. съ буквою тукюэскаго алфавита (XI т. 1. 5), повернувъ ее вверхъ. — Н. Воздѣтыя руки. (Знаки взяты у Champollion, стран. 13 и др.). Параллели. См. гл. VII, стран. 298.

16. 18. Всѣ знаки взяты у Шампольона: интересенъ солнечный знакъ (в); знаки рукоположенія также заслуживаютъ вниманія.

16. 19. Родовые знаки, съ хижинъ свайныхъ построекъ (урны-хижины)[1]). На одномъ домикѣ крыша съ уточками (сопост. пѣтушковъ на русск. избахъ) — символами парныхъ жертвъ.

16. 20. Ломаная линія, какъ орнаментъ (в) и родовые знаки обитателей свайныхъ построекъ, съ урнъ-хижинъ изъ Альбано и изъ Сканы[2]), Scane aus Schweden.

16. 21. Входная дверь въ хижину свайныхъ построекъ. Два знака мужчинъ съ совастическимъ и свастическимъ рукоположеніемъ и прямоугольно означеннымъ раздвиганіемъ ногъ. Тщательно, кружечками означены всѣ сигнализирующіе молитву углы; подъ чертою головы и подъ линіею genital. m. поставлены кружечки. Конца бронзовой эпохи (Alba Longa).

17. Семнадцатая горизонтальная полоса.

17. 1 и 2. Различныя гіероглифическія начертанія, взяты изъ вышеуказанныхъ трудовъ Шампольона (Champollion) и Ло (Lauth). Крайнія фигуры интересны условнымъ означеніемъ рукоположенія, поучительно зачерчены ступни ногъ; на нѣкоторыхъ вавилонскихъ цилиндрахъ это замѣчается, но не въ такой степени. Боковое положеніе этихъ рисунковъ можетъ облегчить и превращеніе ихъ въ поясные линейные знаки. — П. в. Знакъ звѣзды или луны съ точно означенными тремя лучами. — П. н. Косой крестъ, превращенный въ фигурку молящагося, съ воздѣтыми руками и ступнями, направленными вправо. — Идолъ (17. 2. в.), часто изображающійся на стеллахъ. — Н. Узелъ, съ пересѣкающею его просящей рукою.

17. 3. л. Оба знака гіератическіе; означеніе обѣихъ поднятыхъ рукъ очевидно. — П. в. Дуговой символъ, линія въ срединѣ съ черточкою, опущенною внизъ, нѣчто подобное начертанію на Копенскомъ петроглифѣ (VI т. 5. 1), сопост. съ китайск. знак. „сильный“ (17. 14. Л. н. з.). Тамъ, надъ линіею земли начерченъ благословляющій предокъ, — здѣсь молящійся землѣ, благословляется ею. Болѣе подходящая параллель — символъ, взятый въ сафаистическій алфавитъ, для буквы kharm (kh). — Гіератическій поясной знакъ поднятія одной руки съ двойственнымъ перстосложеніемъ (п. н.).

17. 4. Л. в. Знакъ гіератическій, повернутый изъ лежачаго положенія въ стоячее, для сопоставленія съ петроглифическимъ начертаніемъ изъ Орхона (XI т. 18. 10 и X т. Инициалы. 10 и 11). — П. в. Фигура присѣвшаго человѣка; сопост. съ лежачимъ изображеніемъ на краснофигурныхъ петроглифахъ Енисея (IX т. XVI рис 5). — Н. п. Гіератическое начертаніе и два варіанта начертанія „печальной звѣзды“ Сатурна, состоящемъ изъ знаковъ благословенія; относится несомнѣнно къ культу мертвыхъ.

17. 5. Голова въ символическомъ благословляющемъ ореолѣ, петроглифическое начертаніе на Орегонѣ (Oregon), по Андре (Andree, Ethnogr. Parall. I, V табл. 45 рис.).

17. 6. В. л. Начертаніе изъ петроглифа Pueblo pintado, Andree, Ethn. Par., Taf. IV, 42. — В. п. Съ петроглифа Benton, Süd California. — Н. Оттуда же. Интересное огражденіе поясного знака человѣка двумя покровами, также прямоугольнаго начертанія.

17. 7. Ibidem. Taf. IV, 28. Начертанія изъ петроглифа у David, Isthmus von Darien. — На верхнемъ знакѣ на уши наложены дугообразные знаки благословнія, которые, по первому

---

[1]) Hoernes, Die Urgesch. d. Mensch. W. 1892. S. s. 564 (225) и 556 (226).

[2]) Д-ръ Нидерле, пер. ак. Д.И.Анучина, стран. 91 и др. — Reallexikon, R. Forrer. S. 338 (256 и 258).

впечатлѣнію, можно принять за уши; для божества они слишкомъ длинны. Эту голову уже нельзя отнести къ культу умершихъ. Ротъ отдѣльно не означенъ.

17. 8. В. Съ петроглифа Rio Gila (Ibidem, Tabl. IV, 35). — Молитва съ лукомъ; вотивная рука, отдѣльно означенная. Верхній правый знакъ, повидимому деревца, съ супротивно-расположенными вѣточками, прямоугольно изогнутыми вверхъ, съ *головкою на верху*, навелъ на предположеніе, что такая же орнаментальная тема у скиѳовъ и у монголовъ, замѣченная и на петроглифахъ у оз. Шира, означаетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, родословное дерево: 4 пары рукъ, молитвенно воздѣтыхъ, вѣроятно принадлежатъ молящимся предкамъ, имѣющимъ право, во время молитвы живого родоначальника, участвовать въ молитвѣ даже и небеснымъ божествамъ. Конечно, нужны еще графическія параллели. — Л. н. Nihapa See, Nicaragua, Tabl. IV. 32. — П. п. Изъ петроглифа Boyaca, Columbia (Ibidem, Tabl. III. 23). — Весьма поучительный амулетный сложной символъ въ видѣ топора.

17. 9. Изъ петроглифа St. Esteban, Venezuela (Ibidem, Tabl. III. 13).

17. 10. Изъ петроглифовъ Guiana (Ibidem, II. 11.) Голова съ двойнымъ очертаніемъ: внутреннее, вполнѣ замкнутое, амулетное, ясно указываетъ происхожденіе знака изъ культа умершихъ; наружный покровъ носитъ знаки правъ молитвы.

17. 11. Оттуда же. Ethnogr. Parall. und Vergleiche, R. Andree. Taf. II, 11.

17. 12. В. Изъ петроглифа Am. Madeira (Tabl. 11. 12). — Л. н. Оттуда же. Изъ Belmaco, Insel Palma.

17. 13. В. Начертаніе головы изъ Porto-Rico. Интересное благословляющее (только снизу несомкнутое) амулетное начертаніе. (Ср. съ мѣдною пластинкою П. И. Щукина, VIII т. XXVII.) — П. л. Mexica (изъ Falb, Land der Inca, 293). У якутовъ есть замѣчательно сходная тамга, но въ боковомъ наложеніи и только съ косымъ крестомъ внутри; здѣсь же мы видимъ пересѣченіе двухъ угловыхъ основныхъ символовъ, которое Falb пріурочиваетъ исключительно къ genital. fem. — Н. п. Benton, Süd California. (Andree, Ethn. Par. IV. 41.) Сопост. XI табл. 18. 9.

17. 14. В. Китайскія начертанія, называющіеся „травою", по Falb (Land d. Inca). — Л. н. Символъ Орфея. — Китайскій знакъ — „сильный". Знакъ интересный по названію и поучительный по начертанію: подъ линіею земли начертанъ благословляющій предокъ.

17. 15. Петроглифическое начертаніе изъ Guiana (Andree, Taf. 11. 11). Весьма поучительное начертаніе головы: амулетное начертаніе по культу предковъ. Надъ сложенными на груди крестообразно руками какъ бы проведена линія земли; двѣ дуги ореола оканчиваются на линіи земли (вѣроятно радуга); лучи рѣдки — скорѣе означеніе правъ молитвы. Носъ и ротъ означены повернутымъ египетскимъ крестомъ, въ двухъ углахъ котораго глаза замѣщаютъ знаменательныя точки. — П. л. Китайскій знакъ „горы" и н. п. знакъ „небесной горы". Тіанъ-Шань: вверху видимъ линію „неба".

17. 16. Карфагенская пломба, см. 15. 16.

17. 17. Четыре критскихъ линейныхъ знака изъ „картуша" (Кноссъ, Knossos). Мимическій генезисъ этихъ знаковъ языка движеній, можетъ быть, имѣющихъ и гіероглифическое значеніе, въ связи съ тремя конкретно-графическими знаками, которые не взяты нами изъ картуша, мы надѣемся выяснить. Интересующимся предлагаемъ взглянуть лучшій и въ большомъ масштабѣ рисунокъ (въ Forrers, Reallexikon, S. 713, Taf. 201, a) или въ трудѣ Эванса (Evans). — Л. в. Поясной знакъ, опущена одна рука; надъ плечомъ видимъ очень маленькій крючочекъ (на нашемъ рисункѣ онъ не виденъ — онъ сходенъ съ египетскими знаками рукоположенія на гіероглифическихъ начертаніяхъ человѣческихъ фигуръ); замѣчательно, что онъ даетъ указаніе поворота ладони „впередъ", что, по представленію ту-гю (турокъ) VII в. по Р. Х., значитъ и къ востоку. По культу одной руки, опусканіе одной руки съ поворотами ладони пріемлемо только по отношенію поклоненія заходящему солнцу. — Л. н. Знакъ воздѣянія, повидимому, обѣихъ рукъ, въ угловомъ (древнемъ, съ египетскимъ стилемъ) сжатомъ начертаніи, замѣчательно, что на правой рукѣ означено отставленіе большого пальца и нѣкоторое

выгибаніе ладони, на лѣвой рукѣ отмѣчено изгибаніе ладони наружу, могущее имѣть характеръ благословенія. Такое отставленіе большого пальца мы видимъ и на Енисеѣ, въ Ликіи и на Кипрѣ (XIII т. 25). Этотъ знакъ приводитъ къ окончательному заключенію, что предшествующій обращенъ не впередъ, а „назадъ", т.-е. на западъ (къ намъ, къ смотрящимъ). А это практикѣ культа одной руки непротиворѣчащее допущеніе приводитъ къ предположенію, что картушъ надо читать или уяснять его мимико-графическій смыслъ, начиная справа: молитва востоку и жертва по этому культу приносилась навѣрное ранѣе, чѣмъ западу. Если бы и склониться къ предположенію, что у нижняго знака (17. 17. л.) лѣвая черта означаетъ не руку, а туловище — это наше предположеніе о поворотѣ 1-го знака нисколько не мѣняется. Относительно верхняго, 1-го знака, отмѣтимъ, что онъ безъ головы (линія картуша какъ бы срѣзала ее, см. рисунокъ у Forrer'a Reallexikon). — П. н. Символъ, означающій человѣка въ ростъ (линія головы и шеи отвлечена), обѣ руки воздѣты съ тройственнымъ перстосложеніемъ, каковое означено и въ енисейскомъ алфавитѣ особыми поперечными черточками, но по одной рукѣ (X т. п. 15. 2. 6), такъ какъ этотъ знакъ человѣка, молящагося уже навѣрное на востокъ, стоитъ на картуши еще правѣе, наше предположеніе о томъ, что мимико-графическія линейныя начертанія свѣтовой системы письма расположены по культу съ правой восточной стороны. Здѣсь, на Критѣ, культурная эпоха много древнѣе; культы рукъ не обособились еще. — Въ высшей степени интересенъ п. в. сложный символъ: подъ угловымъ, также сжатымъ знакомъ благословенія или покрова, мы видимъ знакомый намъ знакъ прямого креста, означающій молящагося человѣка, на котораго наложено снизу благословеніе земли въ картушѣ (см. рис. Forrers, Reallexikon, 713, 201), а этотъ знакъ стоитъ вторымъ съ лѣвой стороны: мы имѣемъ дѣло съ культомъ умершихъ.

Голова и грудь лошади, лѣвѣе — военная колесница для двухъ лошадей ясны, но юрта (?), занимающая средину „картуши", не совсѣмъ ясна, хотя войлочный типъ и подходитъ къ этому нѣсколько условному начертанію. Условность изображенія юрты видна изъ того, что вверху, вмѣсто обычныхъ жердей, мы видимъ свѣшивающіеся два дугообразные предмета, которые должно принять за символы благословенія; онѣ обращены направо и налѣво и, можно думать, указываютъ послѣдовательность ритуальныхъ дѣйствій въ обѣ стороны. Мало того, легкая юрта или палатка и сама представляетъ символъ благословенія, имѣя сверху обручевидныя нашивки или накладки, ранѣе сигнализировавшія благословеніе земли, которое, послѣ смерти родоначальника, можетъ быть, и вождя, отчетливо означено снизу. Заплетеніе гривы въ остренькія, вверху стоячія, косички и сближеніе ушей и, повидимому, раскрытый ротъ лошади при опущенной головѣ, указываютъ на жертвоприношеніе землѣ. — Картушъ далѣе сломанъ и замкнутъ овально пунктиромъ, но мы за то, чтобы пунктиръ картуша былъ продолженъ параллельно, но безъ смыканія: весьма вѣроятно означеніе жертвоприношенія второй лошади по правому восточному культу. Устройство дышла колесницы ясно: оно образовано скрѣпленіемъ двухъ оглобель, впереди смыкавшихся накладкою въ видѣ символа съ трехстороннею сигнализаціею („вѣди"-символъ, въ поворотѣ и съ выгибомъ, обращеннымъ впередъ): было двѣ лошади. Жертвоприношенія людей могли быть слѣва и также не менѣе двухъ: т.-е. землѣ и небу, по обоимъ культамъ.

17. 18 и 19. Ibidem, 713, 2 и 7. Пуническія и бустрофедонныя греческія начертанія „о" (17. 19 н. з.).

17. 20. Орнаментъ крыши одной изъ хижинъ-урнъ (Hausurnen). Вверху гребенчатый (руническій) — молитвенный, а внизу основной (угловой) — благословляющій.

17. 21. Направо отъ родового знака владѣльца хижины (см. рис. хижины у Forrer'a) сложный символъ изъ угловыхъ знаковъ, въ основѣ прямой крестъ. Если дверь на востокъ, то на западномъ угловомъ знакѣ наложенъ маленькій уголъ благословенія. — Н. Свастическій знакъ стилизированъ изъ перекрещиванія двухъ двухсторонних молитвенныхъ символовъ (эсо-видныхъ) въ прямолинейномъ начертаніи. Литературу о хижинахъ-урнахъ, см. J. Schlemm, Wört., S. 231—233.

18. Восемнадцатая горизонтальная полоса.

18. 1. Верхній знакъ, см. I т. XVIII, 3, описаніе въ § 1, главы III, стран. 113.

Нижній знакъ — рука въ молитвенномъ перстосложеніи, всѣ пальцы раздвинуты, но кружекъ, знакъ особаго религіознаго значенія, поставленъ только между большимъ и указательнымъ пальцемъ. На княжескихъ древнихъ русскихъ монетахъ.

18. 2 л. с. Знаки съ петроглифа Rio-Gila (Ethnograph. Parallelen und Vergleiche, von R. Andree. St. 1878. Taf. IV. 39).

Верхнее начертаніе — фигура сложная: въ основѣ поясной знакъ человѣка, въ рукоположеніи, означенномъ на XII т. п. 6. 7 и на IX т. VIII рис. 2 ф. Гмелинскій петроглифъ (бубенъ). Сверху на голову и снизу на туловище линіями (подъ прямымъ угломъ) наложены благословенія. На выше поднятой рукѣ какъ бы подвѣшенъ кружечекъ.

Нижній знакъ: кругъ съ лучами внизъ, м. б. звѣзда или луна, напоминаетъ фигуру 1, XXII рис. на IX табл. Сопост. съ букв. зн. южно-семит. алф. FRL. 714. 202. S. 17. 18.

18. 2 п. с. Знакъ верхній, съ американскаго петроглифа Rio de Zuni (Andree, R. Ethnogr. Parallelen, Taf. V. 43). Можетъ быть знакъ человѣка въ особомъ головномъ уборѣ, распростершаго руки и раздвинувшаго ноги. Сходенъ съ петроглифическимъ знакомъ на Енисеѣ (VI т. 5 рис. 7 ф, см. текстъ, стран. 149) и съ алфавитнымъ древнимъ знакомъ на Кипрѣ (L. Cesnola, Cypern, Taf. CIII, №№ 46 и 51).

Пѣтухъ и голубь, съ древнихъ велико-княжескихъ монетъ. (См. Русск. монет. до 1547 г., изд. Истор. муз.) У пѣтуха тщательно выдѣланы: гребень, хвостъ и лапки, какъ сигнализаторы молитвы.

У голубка, надъ выгибомъ спины и подъ выгибомъ шеи, означены точки, отмѣчающія религіозное значеніе этихъ выгибовъ.

18. 3. Также языческія символическія начертанія съ древнихъ русскихъ великокняжескихъ монетъ; число этихъ начертаній на монетахъ очень велико и они, видимо, и эволюціонировали, но болѣе — регрессировали. Разложеніе древняго культа очевидно; при наличности христіанства, эти древніе пережитки представляютъ интересныя графическія проявленія двоевѣрія. Они ожидаютъ спеціальныхъ изслѣдованій. — Верхнее начертаніе — очевидно, символическая условная фигура, нѣкоторое подобіе верхней части лица[1]). — Нижніе рисунки животныхъ съ кружечками или точками, означающіе, въ одномъ случаѣ, двустороннее сигнализированіе молитвы (вверхъ и внизъ) и въ другомъ (п. н.) только вверхъ небу. Надлежитъ обратить вниманіе и на раскрытую пасть животнаго.

18. 4 и 5. Четыре фигуры; люди съ различнымъ рукоположеніемъ и перстосложеніемъ, религіознаго характера: 1-й слѣва, съ палкою, вѣроятно, въ правой рукѣ (согнутой и приподнятой), при чемъ лѣвая уперта въ бокъ; ноги раздвинуты, ступни обращены влѣво.

У 2-го рукоположеніе свастическое, съ отставленнымъ большимъ пальцемъ (интересно различіе въ отставленіи); ноги раздвинуты, ступни обращены влѣво.

3 и 4, стоя другъ противъ друга, подняли мечи въ правыхъ рукахъ, а лѣвыя опустили, одинъ (3-й) опустивъ большой палецъ, а другой раздвинувъ всѣ пальцы; у 3-го ступни обращены направо, а у 4-го налѣво. Очевидно клятва или молитва съ оружіемъ. Сопост. ниже, съ 18. 19.

Часть фигуръ, взятая съ цилиндра, находящагося въ Египетскомъ Берлинскомъ музеѣ. родина котораго предполагается въ Малой Азіи. (L. Cesnola, Cypern, 430). Петроглифическія начертанія грубыя, варварскія.

18. 6 и 7. Цилиндръ ассирійскаго стиля, съ Кипра. (L. Cesnola, Cypern, taf. LXXV, 6) Въ срединѣ, внизу, т.-е. на переднемъ планѣ, на нѣсколько испорченномъ мѣстѣ, видимъ

---

[1]) Сопост. ниже фиг. на цилиндрѣ изъ Саламиніи, 18. 10. — 11. — M. Ohnefalsch-Richter, Kypros, XXVIII. 17.

лежащимъ животное съ поднятою вверхъ головою, съ открытымъ ртомъ, приподнявшее (по рисунку) лѣвую лапу (?), символизируя этимъ свое посвященіе небеснымъ божествамъ. Всматриваясь въ животное, мы затрудняемся его опредѣлить, но оно, очевидно, лежитъ условно, животъ приподнятъ и между ногъ и животомъ есть выгибъ вверхъ дугою, жертвенное животное какъ бы благословляетъ землю и можетъ быть этимъ объясняется (если нѣтъ ошибки въ поворотѣ правильно сдѣланнаго рисунка или ошибки рисовальщика въ очертаніи ноги) подъемъ ноги не по культу небесному или солнечному — просьба о благословеніи живущихъ на землѣ, а не благодареніе или непосредственное умилостивленіе небеснаго божества. Два символическихъ крылатыхъ жертво-принимателя благословляютъ центральное жертвенное животное, въ то же время крыльями символизируютъ молитву небу и нижними и задними концами крыльевъ, а также раздвинутыми ногами — благословеніе землѣ. (Чтеніе цилиндра справа налѣво.)

За этою группою, на второмъ планѣ, видимъ быка въ положеніи двухъ быковъ на мѣдной пластинѣ, имѣющейся въ Минусинскомъ музеѣ. (Martin. Musée de Minussinsk, pl. 29. 16). Положеніе это сходно съ пластиною, найденной въ Кузнецкомъ округѣ, изображенной въ трудѣ В. М. Флоринскаго. (Первобытн. славяне, т. II, стран. 551 и 552, рис. 126). Голова быка низко опущена, рога символизируютъ внизъ; ноги разставлены. Противъ этого быка изображенъ жертво-приниматель — левъ, наложившій на лѣвый рогъ быка правую лапу, пасть льва раскрыта; онъ выражаетъ и благословеніе и молитву, двойственное значеніе жертвы символизировано хвостомъ льва: онъ эсо-видно изогнутъ (передняя часть символа открыта вверхъ, задняя внизъ). Съ правой стороны видимъ сзади этого льва-жертвопринимателя быка, изображеннаго внизъ головою, ногами ко льву. Сзади же нижняго праваго символическаго жертвопринимателя (крылатаго) другаго быка, зарисованнаго также условно — вверхъ головою, — оба рога выражаютъ молитву небу. Такъ какъ рога верхняго быка касаются роговъ нижняго быка сверху, то молитвенная ихъ сигнализація какъ бы погашается или удовлетворяется смыканіемъ этихъ символовъ. Такъ что двѣ дуги, соприкасающіяся такимъ образомъ другъ съ другомъ, не всегда могутъ быть разсматриваемы, какъ знаки луны. Этихъ быковъ, конечно, надо понимать, какъ стоящихъ вдоль въ зарисованномъ направленіи, нижній (на переднемъ планѣ) стоитъ головою на югъ. Одна жертва, умилостивляющая, и земнымъ и надземнымъ божествамъ, предшествуетъ главной молитвенной или просящей. Приношеніе двухъ животныхъ въ жертву было и на Енисеѣ, на что указываетъ пластина Минусинскаго музея, она этою параллелью съ цилиндромъ ассирійскаго стиля въ значительной степени выясняется.

Налѣво видимъ жреца, идущаго влѣво и льва-жертвопринимателя — вправо, раздвинувшаго совастически лапы, къ которому жрецъ обращаетъ лѣвую руку съ свастическимъ отставленіемъ большого пальца, правую же руку съ топоромъ онъ опустилъ внизъ. У льва нѣтъ хвоста, у нижняго жертвеннаго животнаго нѣтъ хвоста, у животнаго, изображеннаго подъ ногами верхняго быка, нѣтъ хвоста, и у быка между головами львовъ хвостъ какъ бы обрубленъ. Среднія жертвы — на западъ, — лѣвыми ногами впередъ; преобладаніе совастичечкаго культа.

18. 8 и 9. Цилиндръ съ Кипра. (A. Cesnola, Salaminia, pl. XIII, 32). Жертвенныя животныя изображены поперекъ. Собака, съ открытою пастью, и олень — самецъ съ рогами, символизирующими вверхъ, должны быть обращены головами на востокъ, а домашній козелъ головой внизъ на западъ. Шеею и ногами оленя образованъ знаменательный символическій уголъ: въ немъ означенъ глазъ (кругъ съ другимъ въ немъ концентрическимъ кругомъ). На этотъ кружекъ или глазъ, м. б. видящій жертвы, указываетъ центральная фигура жреца; другой такой же кружокъ означенъ между ногъ оленя. Вторая человѣческая фигура съ птичьею головою. Слѣва, вверху, въ углу, означенъ лежачій крестъ, съ опускающеюся какъ бы изъ него пальмовою вѣтвью, съ листьями, обращенными внизъ и символизирующими благословеніе.

18. 10 и 11. Цилиндръ съ Кипра (Salaminia, A. Cesnola, pl. XIV, 33). Слѣва фигура человѣка, съ опущенными внизъ руками, молящимися или благословляющими; ноги раздвинуты. Въ срединѣ символическая фигура, въ основѣ заключающая египетскій крестъ (thav), съ кон-

цами, закругленными внизъ; въ центрѣ образовавшихся круговъ помѣщены символическіе кружки (глаза). Фигуры на русскихъ древнихъ монетахъ, разсмотрѣнныя выше (на этой же сторонѣ XII табл. 18. 3), повидимому, одного графическаго генезиса. Подъ символическими кружками двѣ козы, поперекъ начертанія, головами вверхъ, но рога ихъ даютъ религіозные символы внизъ.

18. 12 и 13. Древне-русская надпись, приводимая въ сочиненіи арабскаго писателя (X вѣка по Р. Х.) Ибнъ-эль-Недима. Верхняя строка — точная значительно уменьшенная копія русской надписи[1]) и нижняя съ незначительными измѣненіями начертаній, въ сторону большей опредѣленности и ясности знаковъ. Учеными спеціалистами по исторіи и по развитію различныхъ древнихъ алфавитовъ и рунъ она разсматривалась безрезультатно, какъ намъ кажется, по той простой причинѣ, что въ этомъ начертаніи нѣтъ алфавитныхъ и силлабическихъ знаковъ, она несомнѣнно одинъ изъ рѣдкихъ образчиковъ древней свѣтовой (до-алфавитной) письменности, о которой можно дѣлать догадки, но объяснить которую категорически, какъ надпись, невозможно: въ зрительномъ письмѣ всегда есть мѣстныя отклоненія. Въ срединѣ ясно виденъ угловой символъ — направо (можетъ быть на югъ обращенный вынужденно, для разстановки сигнографовъ), онъ своего рода раздѣлительный знакъ. Направо отъ него знакъ, нѣсколько напоминающій знамя сибирскихъ инородцевъ XVII вѣка: (III т. XX р. 6) можно усматривать линію рукъ и внизу голову. Оскійская надпись, найденная въ Помпеяхъ, подтверждаетъ существованія такого знака въ языкѣ движеній (Шницеръ, рис. 121, стран. 180): черта и къ ней справа приставленная точка. Слѣдующая поясная фигура человѣка, обращенная влѣво (судя по выступу утолщенія, означающаго голову). Крайній знакъ на правой сторонѣ въ общемъ ясенъ: это поясной знакъ молитвы, обращенный впередъ и къ небу, psi-символъ (см. п. с. этой же таблицы 14. 2 и 6. 2, послѣднее болѣе подходяще), нѣсколько измѣненный прикосновеніемъ одной руки къ головѣ и вытягиваніемъ другой, съ оружіемъ почти горизонтально. Если въ этой рукѣ мечъ въ ножнахъ, обращенный остріемъ къ себѣ и рукояткой (крестомъ) отъ себя, то это можетъ быть особою молитвою о благословеніи оружія или клятвою съ оружіемъ.

Съ лѣвой стороны, потерпѣвшей, къ которой символъ благословенія обращенъ вершиною въ основѣ (первымъ слѣва), мы видимъ дугообразный молитвенный символъ, обращенный къ землѣ, omega-символъ (въ керченскомъ начертаніи). Что онъ не поставленъ въ смыслѣ благословенія, это видно по угловому молитвенному знаку на лѣвомъ концѣ дуги; если этотъ значекъ — показатель перстосложенія, т.-е. отставленія большого пальца, то слѣва на сигнографѣ правая рука и этотъ болѣе отвлеченный символъ обращенъ лицомъ къ намъ, т.-е., по енисейскимъ надписямъ судя, на западъ. Въ черточкахъ сверху правой руки праваго крайняго знака возможно видѣть указаніе на отставленіе большого пальца. Надо отмѣтить, что на удлиненіи руки, т.-е. на оружіи, а м. б. и на ножнахъ, снизу видны значки, подобные угловому символу, на концѣ дуги лѣваго крайняго знака; локоть правой руки расположенъ горизонтально. Конечно излишне пояснять, что хотя два главныхъ символа (крайнихъ) и какъ бы зачерчены, такъ сказать, въ меридіанальной плоскости, но мимическое символизированіе руками, будучи обращено на западъ, могло производиться и въ прямомъ ракурсѣ къ намъ, то-есть въ широтной плоскости.

Читать, конечно, этотъ образчикъ мимико-сигнографическаго свѣтового письма надлежитъ отъ правой руки къ лѣвой; лѣвый ушелъ на западъ, можетъ быть и 3 воина за нимъ, правый одержалъ верхъ, потерявъ только одного воина (см. стран. 319).

---

[1]) Лучшіе и болѣе отчетливые снимки этой надписи интересующіеся могутъ найти у Фрюна: Frühn, Ibn-Foschlans Berichte, St. Pb. 1823, стран. 21.—Его же позднѣйшій трудъ: Ibn-el-Nedims Nachricht von Schrift der Russen, Mémoires de l'Académie de St.-Petersburg, 1836, Serie VI, p. 513. — Недурной рисунокъ и въ «Иллюстр. ист. письм.» Шницера 232, рис. 143.

18. 14. Петроглифическое американское начертаніе, изъ Никарагвы, Nicaragua, Nihapa-See (Andree R., Ethnogr. Parall. u. Vergleiche, St. 1878, Taf. IV, 32). Пояснительная параллель къ начертанію на Бирскомъ камнѣ.

18. 15. Схема для объясненія, такъ называемыхъ, „вавилоновъ" и „лабиринтовъ". См. рисунокъ каменнаго лабиринта или вавилона въ Appen въ Финляндіи у д-ра Нидерле, переводъ ак. Д. Н. Анучина, „Человѣчество въ доисторическое время". С.-Пб. 1898. Стран. 136, рис. 92[1]). Данная нами схема уясняетъ генезисъ, цѣли и приблизительно время появленія этого религіознаго символа.

Генезисъ — отъ поясного молитвеннаго знака, обращеннаго вверхъ къ небу, см. прав. таблицу, въ рамкѣ, 14. 2. Означеніе головы утолщеніемъ ясно обозначаетъ, что составляетъ центръ этого огражденія. Закручиванію или спирализаціи у скандинавскихъ вавилоновъ видимо подвергаются только три конца основного линейнаго знака: концы обѣихъ рукъ и туловища, на монетахъ же изъ Кносса (Cnosse, Cnossus)[2]) спирализированы всѣ 4 конца символа, съ поворотомъ символа (см. прав. табл. XII. 15. 2), что въ основномъ знакѣ означаетъ поклоненіе землѣ (или западу) или благословеніе неба (или востока). Лабиринтъ на этрусской вазѣ (G. Perroz et Chipiez, Hist. de l'art dans l'antiquité, VII, 118. 14 et 15) настолько схематиченъ, что въ объясненіяхъ не нуждается. Отмѣтимъ только, что на этрусскомъ начертаніи онъ, очевидно, имѣетъ благословляющее амулетное значеніе, имъ накрытъ хвостъ задней лошади. За переднимъ верховымъ сидитъ на корточкахъ, но не касаясь крупа лошади, какое-то интересное безхвостое обезьяновидное божество или духъ, протянувшее руки, съ разставленными пальцами къ верховому. Шлемы верховыхъ безъ гребней, волосы означены длинными свѣшивающимися. Чолка и грива лошадей, при соотвѣтственномъ изгибѣ, сигнализируютъ скорѣе благословеніе всадникамъ, чѣмъ обращеніе къ небу. Переднія ноги означены условно. Рисунокъ вазы и условія ея нахожденія не даны у Benndorf, Über das Alter, fig. 1, а они необходимы для нѣкоторыхъ соображеній.

18. 16. Расчлененный знакъ „дня" или, точнѣе, знакъ поклоненія восходящему и заходящему солнцу, сохранившійся въ черкесскихъ тамгахъ праваго колѣна, см. на этой же таблицѣ 15. 3 л. н. Состоитъ онъ изъ двухъ круговъ-дисковъ солнца, восходящаго и опускающагося и между ними двухъ рукъ, въ видѣ двухъ слегка изогнутыхъ линій, которыя есть въ силлабическомъ древне-кипрскомъ алфавитѣ, въ ликійскомъ и карійскомъ (XIII т. 29 и XIV т. 7). См. въ южно-семит. алф. гимьяр. FRL. 714. 202. t. 17.—Вс. ист. пис. Шн. 148. 99. Safa. FRL. 714. 1. 19 (полудиски). Еще ср. H. Schliemann, «Ilios», L. 1881. 690, 1463 и 1464.

18. 17. Сложный знакъ, фиг. 11 петрогрифа Трифоновскаго, на VIII табл. 1 рис., фиг. 11. Описаніе въ III главѣ, § 22, стран. 203.

18. 18 и 19. Цилиндръ съ Кипра (A. Cesnola, Salaminia, Taf. XII, № 11). Надъ жертвенникомъ стоятъ двѣ фигуры съ типичнымъ рукоположеніемъ, означеннымъ на финикійскихъ надписяхъ Кипра (L. Cesnola), см. XIII т. 30 и 31 строки въ столбцѣ Кипра. Лѣвая фигура въ совастическомъ, а правая въ свастическомъ поворотѣ; подняты у обоихъ, судя по положенію ступней, правыя руки; ноги раздвинуты. Собака и два козла, у одного между ногъ прямой крестъ.

18. 20 и 21. Пояснительная съ свастическимъ положеніемъ рукъ фигура, генезисъ знаковъ британской свастики. Къ VIII табл., къ рис. XIV, къ 10 фиг. Въ виду несоотвѣтствія начертанія совастики на рукавѣ лѣвой руки статуи, приходится допускать новый генезисъ свастическихъ знаковъ, отъ положенія кистей рукъ съ отставленными большими пальцами

---

[1]) Описаны Virchow u. Aspelin, Verhandl. d. berl. anthr. Ges. 1877, стран. 439.

[2]) Kypros. d. Bib. u. Hom. D-r. M. Ohnefalsch-Richter, Taf. CXXXII. 4 и Text. 446.— M. Hoerness. Urgeschichte d. Bild. Kunst in Europa. W. 1898. S. 373—574. — Perrot-Chipiez, VII. 118 (14 и 15). — А. А. Спицынъ, «Произв. археоп. раскоп.», къ сожалѣнію, не означилъ, откуда взятъ его рисунокъ вавилона, этрусскаго типа.

18. 21. В. Внизу, слѣва, означено вращеніе фигуры, по вышивкѣ на рукавѣ. Интересующимся напомнимъ о барьельефѣ изъ Булака (Perrot-Chipiez, I vol. 701—702 (472), танецъ двухъ встрѣчныхъ свастикъ (правой и лѣвой), въ исполненіи двухъ дѣвушекъ (въ срединѣ барельефа): изображенъ жизненно и въ моментъ, наиболѣе знаменательный по культу.

Таблица XIII.

Сходныя начертанія Енисейскаго, Орхонскаго и нѣкоторыхъ мало-азіатскихъ алфавитовъ.

Параллели къ описанію петроглифовъ и къ графическому анализу енисейскаго и тукюэскаго алфавитовъ.

Мы воспользовались таблицею проф. O. Donner'a (Inscript. de l'Orkhon. H. 1892. Pag. XLIII), позволивъ себѣ дополнить ее буквенными знаками съ Кипра, взявъ и свастическіе символы, сохранившіеся въ енисейскомъ алфавитѣ въ трехъ фазахъ, указавшихъ на генезисъ этихъ символовъ. Рекомендуемъ сопоставить съ критскими и эгейскими начертаніями Эванса и Тсаунтаса. См. ниже.

Таблица XIV.

Начертанія Енисейскаго и Тукюэскаго алфавитовъ.

Параллели къ графическому анализу алфавитовъ. Таблица проф. О. Доннера (O. Donner), изъ той же его статьи, „Inscript. en caract. de l'Ienissei".

Добавленія.

1. Къ критскимъ и эгейскимъ начертаніямъ, А. Эванса[1]), къ его табл. I, II и III.

Есть ли достаточныя основанія считать сочетанія линейныхъ начертаній, означенныхъ у Эванса, на табл. III, несомнѣнно силлабическими? Для насъ, при ближайшемъ изученіи этихъ древнѣйшихъ начертаній по первоисточникамъ, наиболѣе интересенъ, конечно, генезисъ этихъ начертаній, о чемъ возможно судить и по копіямъ съ рисунковъ Эванса[2]).

1. Пиктографы, табл. I Эванса: 1, 5 и 6; сиграфы, табл. II: 1, 3, 19, 24 и 25 и соотвѣтственные знаки среди предполагаемыхъ силлабаріевъ, табл. III, происходятъ отъ тѣлодвиженій (отъ древнихъ религіозныхъ рукоположеній), см. нашу классификаціонную таблицу, XII. п. 1 и 2 строки.

2. Пиктографы: 7 и сиграфы: 2, 4, 9 и 18 и 2-й силлабарій, табл. III, мы относимъ къ линейнымъ символамъ религіозныхъ тѣлодвиженій, по всей вѣроятности, болѣе древнихъ, чѣмъ вышеотмѣченныя — угловыя. Подробныя разъясненія сдѣланы въ текстѣ, при параллеляхъ, во многихъ мѣстахъ. Соединеніе двухъ прямыхъ крестовъ (II табл. 4 строка. Das byzantinische Kreuz), византійскій крестъ, мы склонны принимать за молитву родоначальника предку и означеніе ихъ одновременной молитвы надземному и подземному божествамъ. Соединеніе трехъ крестовъ (въ стилизаціи — päpstliche Kreuz) мы разматриваемъ какъ прибавленіе линіи земли или обращеніе, чрезъ предка, къ хтоническимъ божествамъ, болѣе глубоко обитающимъ

---

[1]) Evans, Arthur. Cretan Pictographs. L. — 1895. «Исторія алфавита», Э. Клодда. С.-Пб. 1908. Стран. 57, 60—62. — См. Тсаунтаса и Петри.

[2]) О начертаніяхъ на трехгранныхъ и четырехгранныхъ камняхъ мы уже высказались, остановившись на нѣкоторыхъ рисункахъ Эванса.

въ землѣ. На 9-й строкѣ таблицы — эти три вида крестовъ ограждены прямоугольными благословеніями, знаменующими, быть можетъ, и погребеніе, и фазисы вступленія въ загробную жизнь, и соединеніе съ ближайшимъ и болѣе отдаленными предками-родоначальниками.

3. Пиктографы I. 2 и сигнографы II. 22, по ихъ значенію, мы не склонны производить отъ двуглаваго топора соотвѣтственной формы, а, наоборотъ, форму топора считаемъ конкретированіемъ прямолинейныхъ сомкнутыхъ символовъ свастико совастическаго культа. Знакъ можетъ образоваться двояко: 1) посредствомъ соединенія двухъ линій свастическаго и совастическаго рукоположенія (см. табл. XII. п. 21. 3 и 21. 4) и 2) отъ наложенія прямолинейныхъ показателей свастики и совастики одного на другого (т.-е. табл. XII. п. 23. 5 и 6 на 24. 5 и 6). То, что принимается за рукоять топора, мы считаемъ линіею шеи и головы. Въ оріентировкѣ нѣкоторыхъ начертаній нельзя забывать о востокѣ, чисто географическая позднѣйшая оріентировка нерѣдко затрудняетъ пониманіе древнихъ графиковъ. Напримѣръ, интересующее насъ начертаніе на трехъ таблицахъ встрѣчается 11 разъ и только 1 разъ линія головы и шеи обращена на полночь, 4 раза видимъ совастико-свастическое (вѣроятное преобладаніе культа восхода солнца) и 6 разъ—символъ, показатель обѣихъ линій надлежитъ относить къ западу,—держась общепринятой терминологіи, будетъ правая свастика, т.-е. съ подъемомъ *лѣвой* руки.

Въ критскихъ и эгейскихъ начертаніяхъ строки 20-й, на II табл. Эванса, мы склонны видѣть подтвержденіе высказаннаго. Критскій знакъ и эгейскій знакъ, 1-й слѣва, для насъ несомнѣнно delta-symbolon, символъ, какъ мы понимаемъ, *заходящаго* солнца [1]): гаммовидный показатель опусканія правой руки ладонью къ солнцу поставленъ сбоку, немного выше знака („d“ полудискъ). Египетскій же знакъ и 3-й знакъ, этой же 20-й строки, тогда придется признать знакомъ восхожденія того же полудиска („q“ полудискъ), показатель и назначаетъ подъемъ *лѣвой* руки, поднятіе же *правой* руки дѣлалось западному полудиску „p“, скорѣе *по культу востока*, по традиціямъ древнѣйшаго культа солнца, когда еще не было дѣленія солнца на полудиски. Мы можемъ, до нѣкоторой степени, уяснить себѣ преимущества послѣдующаго свастико-совастическаго культа и результаты наложенія или графическаго суммированія этихъ символовъ, въ обоихъ поворотахъ.

4. 13-я стр. II т.—digamma-symbolon, уже разъясненъ. Символъ опусканія рукъ (см. I-ю строку) и знаки обѣихъ digamm'ъ, правой и лѣвой, поставленныхъ рядомъ, образуютъ сложный символъ 14-й строки. Возможно, что символъ означаетъ *три опусканія*: при 1-мъ — одна рука съ отставленнымъ большимъ пальцемъ даетъ соотвѣтственную дигамму, при 2-мъ — обѣ руки опускаются безъ отставленія большого пальца и при 3-мъ дигамму образуетъ другая рука.

5. Кипрское „a“, знакъ 11-й строки, II табл. можно разсматривать, какъ соединеніе обоихъ символовъ 1-й строки, воздѣяніе рукъ и опусканіе ихъ внизъ; съ такимъ генезисомъ возможно подходить и къ лежачему кресту, подобно тому, какъ прямой крестъ возможно разсматривать какъ соединеніе китайскихъ сигнографовъ-элементовъ: „вверху“ и „внизу“. И здѣсь, въ критскихъ сигнографахъ, возможно заподазривать графическій прототипъ культа предковъ.

Сопоставивъ эти знаки съ перекрещивающимися обоими крестами, лежачимъ и прямымъ, можно видѣть тотъ же знакъ, что и на 11-й строкѣ, но съ линіею земли, т.-е. болѣе опредѣленный знакъ молитвъ родоначальника и его предка. См. 8-е добавленіе.

6. Петроглифическое начертаніе, I. 9, и сигнографическое, II. 23, на пастушьей палкѣ изъ Теллъ-Эль-Хези, узловой символъ Гермеса.

Генезисъ большинства этихъ знаковъ — отъ знаковъ и символовъ языка движеній, и хотя нѣкоторые изъ этихъ символовъ совпадаютъ съ знаками кипрскаго слоговаго алфавита, но, будучи, первѣе всего, *символами* религіозныхъ движеній, они могутъ образовывать сочетанія между собою и по системѣ *оптическаго* письма.

---

[1]) Предлагаемъ взглянуть семитическій и арійскій ряды начертаній этой буквы; только въ сидонскомъ и арамейскомъ начертаніяхъ черточка можетъ указывать и на восходящее солнце, въ арійскомъ рядѣ уже устойчиво отмѣчено заходящее солнце.

2. О солнечныхъ знакахъ и символахъ.

(Къ объясненію XII табл., къ 14-й полосѣ, къ 3 в. лѣв. и 4. в. пр. знак.; стр. 514, см. стр. 534).

Сдѣлавъ *предполагаемыя* схемы построенія солнечныхъ знаковъ у египтянъ, согласно ихъ пріему означенія этихъ знаковъ, мы представимъ нѣкоторыя указанія, данныя намъ предварительнымъ ознакомленіемъ съ гіератическимъ и демотическимъ алфавитами по Эберсу. Въ 22 знакахъ: 6 знаковъ несомнѣнно солнечныхъ, съ наличностью круга, полукруга и показателей углового перестосложенія (g, d, ch, k, q, r) и 4—5 знаковъ, въ которыхъ мы видимъ означеніе поклоненія дугами, въ сочетаніи съ угловымъ показателемъ (b, m, p и s, по сходству съ начертаніемъ k) и 2 знака a и t (tu) свастическихъ. Такимъ образомъ, мы допускаемъ около 50% солнечныхъ знаковъ въ египетскихъ алфавитахъ. У Шампольона и Ло (Lauth) мы видѣли нѣсколько солнечныхъ знаковъ, не вошедшихъ въ алфавитъ. Дублеты солнечныхъ знаковъ въ высокой степени важны, особенно египетскіе.

Обратившись къ консонантальной группѣ семитическихъ алфавитовъ (F. RL. 714. 202), въ буквахъ: d, b, p, t, c, r, съ прибавленіемъ сомнительныхъ: w, j и m, получимъ приблизительно также 50% солнечныхъ знаковъ. Солнечные знаки въ древне-финикійскихъ и въ послѣдующихъ алфавитахъ мы видимъ поставленными, т.-е. повернутыми отвѣсно. Въ нѣкоторыхъ знакахъ (арабскихъ) египетскихъ алфавитовъ, при поворотѣ, удержались и показатели. Финикіяне, видимо, различали полудиски, но въ южно-семитическихъ алфавитахъ появляются знаки солнца безъ раздѣленія на полудиски; этотъ древній способъ начертанія солнечныхъ знаковъ, по имѣющимся матеріаламъ, сохранился и на средне-азіатскихъ тамгахъ.

Въ арійской группѣ, повидимому, древне-финикійское дѣленіе на полудиски, въ первое время по заимствованіи алфавитовъ, не было удержано въ алфавитахъ, хотя, какъ объяснено выше, греческіе астрономы, въ древнихъ символахъ отмѣтили эти воззрѣнія на солнечный дискъ. Это видно, напримѣръ, въ послѣдовательности измѣненій арійской „дельты“ и „коппы“. „Beta“, и римская „delta“ явились давно, но полуденный знакъ „phi“ много позднѣе. Свастическія линіи вошли въ алфавитъ въ прямолинейномъ начертаніи; знаки же рукоположеній по этому культу уже давно были слишкомъ общеизвѣстны, и, можетъ быть, именно вслѣдствіе этого, они уже не имѣли особаго религіознаго значенія. Процентъ солнечныхъ знаковъ въ арійскихъ алфавитахъ также около половины.

Въ цифрахъ процентъ солнечныхъ знаковъ болѣе: не менѣе 60%. Мы руководимся таблицею К. Тайлора[1]). Мы не считали „7“; въ древнихъ начертаніяхъ, согласно и у арабовъ и у индійцевъ, это — дуга, выражающая поклоненіе восходящей нижней (востокъ освѣщающей) половинѣ солнца; не считали мы и знака этого полудиска у индійцевъ (въ V и X вѣкахъ). Европейская цифра „4“, XIV—XX вв., символъ Гермеса (на концѣ кадуцея), въ прямолинейномъ начертаніи, или, м. б., и „Юпитера“; въ арабскомъ начертаніи онъ видоизмѣненъ. Въ индійской цифрѣ знакъ Гермеса поставленъ въ полуночномъ поворотѣ, — въ X вѣкѣ, а въ I в.— это буква тукюэскаго алфавита, на XI табл. 1. 5; въ индо-бактрійскомъ — цифра означается, по всей вѣроятности, гомологическимъ по культу знакомъ „chh“, который есть основаніе разсматривать, какъ знакъ человѣка вверхъ ногами, т.-е. въ положеніи живущихъ загробною жизнью. На религіозномъ начертаніи на Орхонѣ, см. сложный символъ, изображенный на XI табл. 18. 9, подъ благословленіями видна фигурка человѣка, такой же знакъ молящагося человѣка видимъ и на петроглифѣ въ Южной Калифорніи (Benton, см. табл. XII. л. 17. 13). Генезисъ тукюэской буквы долженъ быть подобенъ указаннымъ знакамъ, т.-е. въ полномъ видѣ онъ — знакъ человѣка, съ крестообразно распростертыми руками и съ ногами, широко раздвинутыми, но безъ сгибанія въ колѣняхъ, поставленный внизъ головою. Сопоставленіе съ бухтарминскимъ петроглифомъ дало указаніе на культъ предковъ.

---

[1]) При его докладѣ 28 янв. 1882 года.—У Э. Клодда, «Эволюція алф.» С.-Пб. 1908. Стран. 73.

Въ виду выше разъясненнаго участія символа Гермеса въ предполагаемой схемѣ древнихъ о движеніи солнца см. гл. VIII, § 7, стр. 423 („Онъ"), мы цифру „4" считаемъ знакомъ солнечнаго генезиса. Попутно, рекомендуемъ сопоставить габорскую цифру (арабскую) съ индо-бактрійскими „gb": тамъ знакъ повернутъ вправо, на 90°. Для европейской цифры взятъ, по всей вѣроятности, бустрофедонный символъ, еще прямолинейнаго начертанія. Слѣдуетъ отмѣтить арабскую восьмерку: она означаетъ, въ дѣйствительности, полудиски „q" и „d", арійцы же взяли знаки полныхъ двухъ дисковъ, означающихъ восходящее и заходящее солнце.

Эта группа знаковъ до-алфавитнаго письма, со включеніемъ созвѣздій и астрономическихъ схемъ, нуждается въ увеличеніи матеріаловъ и въ спеціальной разработкѣ.

3. Мультиплицированный символъ Гермеса.

(Къ описанію Чертомлыцкой вазы, къ стран. 396.)

Къ нижнему символическому бордюру фриза. Поучительныя параллели представляютъ памятники изъ Нимруда (4 мили отъ Ниневіи), IX вѣка до Р. Х.[1]) и памятникъ VI вѣка до Р. Х. изъ Камиры, на Родосѣ, раскрашенный глиняный щитовидный кругъ (Bemalte Tonschale von Camiros auf Rhodos, VI. Jahrh. v. Chr[2]). Рисунокъ интересенъ не по одной орнаментальной детали, но и по обилію религіозныхъ символовъ, связанныхъ съ трактуемымъ свастическимъ культомъ, могущихъ дать указанія на графическій генезисъ нѣкоторыхъ алфавитныхъ начертаній.

На рисункѣ изъ Камиры линія земли подчеркнута тѣмъ же характернымъ свастическимъ орнаментомъ, который опоясываетъ Чертомлыцкую вазу подъ фризомъ. Взявъ шнуръ, соотвѣтственной длины и толщины, сложивъ его вдвое, такъ, чтобы концы были слѣва, а петля справа, и скручивая его, взявшись за петлю, сперва — слѣва направо (отъ себя), а потомъ — справа налѣво (къ себѣ), легко наглядно убѣдиться въ генезисѣ и мультипликаціи символа Гермеса, въ его обоихъ начальныхъ поворотахъ и при обоихъ способахъ начертанія восточной несомкнутой восьмерки. Передъ нами 7 несомкнутыхъ восьмерокъ, символовъ „востока" и „запада"; мультиплицированный символъ открытъ *только съ востока*, — только въ эту сторону онъ автоматически и дѣйствуетъ: молясь и воспринимая благословенія. Въ петляхъ — кружки, съ черными кружечками въ нихъ; съ обоихъ боковъ, отъ кружковъ отходятъ свастико-совастическія, линіи, показатели „d" и „p" полудисковъ.

Менелай и Гекторъ, сражающіеся надъ убитымъ Эйфорбомъ, въ лѣвомъ поворотѣ, съ выступомъ впередъ лѣвыми плечами; лѣвыя руки и ноги впереди, а правыя руки, съ занесенными копьями, сзади. Надъ промежуткомъ между круглыми щитами изображены два глаза, безпристрастнаго свидѣтеля ихъ богоугоднаго единоборства; глаза, какъ шлемомъ, накрыты религіозными символами. Роковая линія для охраняющаго ее и для сражающихся означена шахматною доскою, съ отчерненными клѣтками, вѣроятно и у грековъ служившею для жеребьеваго опредѣленія судьбы, простого или осложненнаго постановкою различныхъ фигурокъ. Половина доски, войдя угломъ между глазъ, какъ стрѣлка шлема, защищающая переносье, обращена внизъ между символами обоихъ восходящихъ полудисковъ, „q" (восточнаго) и „p" (западнаго); уголъ доски заканчивается кружечкомъ, котораго касается копье Гектора. Зрачки глазъ божества сосредоточились на линіи, рокомъ указанной[4]). На верхней неначерченной половинѣ шахматной доски

---

[1]) Layard, «Nineveh», t. II, p. 311 и друг. — Perrot-Chipiez, «Hist. de l'art», t. II. — К. Верманъ, «Ист. искусствъ», т. I, 222.

[2]) См. рис. у Salzmann, «La necrop. de Camiros, pl. 53. или у R. Forrer, Reallex. B. 1908 137. Taf. 39.

[3]) На стр. 396, въ примѣч. 1-мъ это отмѣчено. При современной оріентировкѣ будутъ тѣ же полудиски.

На одномъ изъ серебряныхъ сосудовъ, изъ Куль-Оба («Русскія дневн. въ пам. иск.», гр. И. Толстого и Н. Кондакова, II. 140. Рис. 117) бордюръ *верхній*, надъ жертвою и жертвоприниматель совастическій, съ полудисками «6» + 9 = 69 = зодіакальному знаку «рака».

[4]) Можно заподазривать прототипъ «чатуранга». См. И. Т. Савенковъ. «Къ вопр. объ эволюціи шахматной игры», стран. 18—24. Оттискъ изъ LXIV кн. «Этногр. Обозр.». Тамъ и литература вопроса.

означены символы: „d“ и „b“: жребій равный для обоихъ борцовъ. И прочіе символы поясняютъ и подтверждаютъ, что ни тотъ ни другой не могутъ перейти чрезъ рубежную линію. Доспѣхи Эфорба остаются у ахейцевъ; ни одному изъ сражающихся не суждено быть убитымъ.

По обилію символическихъ знаковъ и орнаментальныхъ украшеній передней стороны щита, эта древняя модель имѣетъ большое значеніе для уясненія, съ одной стороны, графическихъ пережитковъ культа, въ то время, когда у грековъ миѳологическая сторона религіи была уже значительно разработана, а, съ другой стороны, и дефференціаціи искусства изъ изобразительнаго или свѣтового письма, неизбѣжно отражавшаго свое вліяніе и на языкѣ и, наконецъ, со стороны характеристики эволюціонныхъ взаимоотношеній культа и обѣихъ системъ письма въ переходную эпоху[1]).

Щита три; замѣчательно, что щитъ Эфорба, съ совершенно тождественными охранительными символами, какъ у Менелая, въ сопоставленіи со шлемомъ, также тождественнымъ по устройству и орнаменту, склоняетъ къ предположенію, что доспѣхи, изъ-за которыхъ происходитъ единоборство Менелая съ Гекторомъ, принадлежали ахейцамъ, и были на Эфорбѣ, какъ военный трофей.

Внутри этихъ щитовъ, въ кругѣ, раздѣленномъ на 4 части, видимъ символы: schin, sigma или gamma (округленная классическая, съ спирализированными концами), означающіе, при соотвѣтственной оріентировкѣ, полудиски солнца на востокѣ, въ полдень и на западѣ (q, p, b и d); внутри щита—спирали сомкнуты угловымъ символомъ съ знаменательною точкою, снаружи — видны угловые символы, а вверху и внизу — и дублировка ихъ. Амулетное значеніе сочетанія 4-хъ тождественныхъ по начертанію символовъ, усиливается обрамляющими кругами, съ ломаною линіею, какъ двухсторонним символомъ.

Шаманскіе бубны, по размѣрамъ и округленной формѣ, сходны съ древне-греческими щитами VI вѣка до Р. Х., нерѣдко замѣчается сходство и въ религіозномъ орнаментѣ. Отмѣтимъ бубенъ, изображенный на таблицѣ IX. 1. 2. Кругъ также раздѣленъ на 4 части, а спирали, приставленныя не къ концамъ линій, а немного отступя, но вверху видимъ полулиски „q“ и „p“, а внизу „d“ и „b“. У Г. Н. Потанина (Очерки С.-З. Монголіи, вып. IV), на рис. 66, этотъ же символъ означенъ въ стилизаціи орхонскихъ буквъ и начертаній (XI. 18. 2 и XII. 7. 9). См. Мат. по археол. вост. губ. Т. III, Костр. курганы, табл. 6. 27[2]).

На щитѣ Гектора изображена вѣщая религіозно стилизированная птица, всѣ символически-знаменательные углы отмѣчены группами точекъ (отъ 6 до 9); перья хвоста расправлены, а потому также отмѣчены точками. Черная кайма щита какъ бы задерживаетъ на немъ чары вѣщей птицы.

На латахъ означены вверху половины свастическаго и совастическаго знаковъ, полуовальные символы, обращенные къ землѣ; внизу латы покрыты клѣтчатымъ орнаментомъ. Шлемы съ щеткой стоящими и свѣшивающимися волосами; шлемы Менелая и Эфорба безъ стрѣлки, покрывающей носъ.

Религіозные символы 4 видовъ.—1. Два концентрическихъ круга съ кружечками на окружности, сзади обоихъ сражающихся: ихъ значеніе, м.-б., и побуждающее впередъ и означающее

---

[1]) Имена убитаго троянца Эфорба (Euphorbos) и сражающихся, изъ-за доспѣховъ его, Менелая и Гектора, написаны: у Гектора, обращеннаго къ востоку, бустрофедонно, см. («tau» и «rho»).

[2]) На этихъ неспирализированныхъ 4-хъ символахъ легко убѣдиться, что при наложеніи полудисковъ другъ на друга получится ромбъ съ кружечками на углахъ или 4-мя ромбиками, въ прямолинейномъ начертаніи. См. стран. 423—424.

Сопост. XII. 15. 1. л. н. и 4. п. н.; 16. 6. л. ф. Парное сочетаніе солнечныхъ знаковъ, въ дискахъ и полудискахъ, отмѣчены въ арабскихъ тамгахъ. Мѣстныя тамги, V табл. II. 8 и III. 21, возможно понимать и какъ полудисковые символы; знакъ, т. V. III. 20, состоитъ изъ полудисковъ «d» и «b». Кстати, отмѣтимъ, что тамгу 24-ю, на той же V табл. III рис., она же и буквенный знакъ енисейскаго алфавита (XIV т. 3. 15), можно понимать, какъ полудисковый суммирующій всѣ 4 полудиска знакъ; по генезису конечно, онъ позднѣйшаго происхожденія.

предѣлъ отступленія.—2. 7 концентрическихъ круговъ, съ овальными благословляющими символами; это символы знаменательные, отвѣчающіе на молитвенную сигнализацію и углы, образующіеся при движеніяхъ. Они стоятъ надъ шлемами, подъ локтевыми изгибами рукъ, между щитами (снизу), между ногъ Гектора и т. д. — 3. Молитвенные символы, изъ которыхъ самый замѣчательный — амулетный (замкнутый) свастико-совастическій знакъ, подъ плечевой частью правой руки. Прямоугольно-спирализированная свастика, между голеней Гектора и Эфорба. Косой крестъ, съ мультиплицирующими угловыми символами, подъ плечевою частью правой руки Менелая. Спирали западныхъ полудисковъ, „d“ и „b“ (ср. съ 10 добавленіемъ, на 537 стран.) на вооруженіи Эфорба, у шеи его; угловой символъ и спираль „p“, внутри его согнутыхъ ногъ[1]). — 4. Точки: подъ глазами, охраняющими линію Рока, предъ глазами единоборцевъ и между ногъ Менелая, на щитѣ Гектора.

Ознакомившись съ зачатками искусства, отмѣчающаго свое подчиненіе культу въ разнообразныхъ условностяхъ начертаній, мы видимъ параллельно и изобразительное письмо, съ большимъ количествомъ знаковъ свѣтового письма, различныхъ по времени образованія и по построенію, выражающихъ культовыя обрядности, находящихся подъ непрестаннымъ божественнымъ наблюденіемъ. Перейдя къ звуковому письму, мы замѣчаемъ, что и оно еще не вполнѣ дифференцировало, и въ немъ отразился культъ солнца и культъ предковъ. Имя „Ектор“ написано бустрофедонно[2]), а „sigma“ на концѣ именъ повернута, какъ символъ благословенія, (М-символъ), обращенный къ называемымъ. Все изображеніе обведено 3 концентрическими кругами, съ зигзагообразною линіею (двусторонній символъ) между наружными кругами.

Раскопки Лэйярда (Layard, „Nineveh“, t. II, p. 311), см. К. Верманъ, „Исторія искусствъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ“, томъ I, 222 и G. Perrot et Ch. Chipiez, „Hist. d. l'art“, t. II: 1) p. 704, tabl. XIII. Изразцы эмалированные (brique emaillée). Совастико-свастическое переплетеніе полосъ: на первомъ планѣ совастика, на второмъ — свастика; полосы окрашены *кирпично-красною* и *синею* краскою. Символы вверху и внизу означаютъ равное двухстороннее религіозное значеніе этого бордюрнаго символа. При Ассурназирпалѣ (Assournazirpal), (885 до Р. Х.). См. 310. 126 и 127. 2) На изразцѣ изображенъ царь, оруженосецъ и тѣлохранитель, стоящіе лицами влѣво (отъ смотрящаго), по древней оріентировкѣ — къ востоку, выдвинувъ впередъ правыя ноги (см. означеніе пальцевъ на лѣвыхъ ногахъ) и руки, то есть, вполнѣ согласно съ изгибами, находящимися на первомъ планѣ. Сопост. съ рис. Assournazirpal'a, принимающаго питье, положеніе рукъ и изгиба лука (Ibidem, 614. 303) и съ барельефомъ Саргона (de Sargon; ibidem, 630. 308), ср. соотношеніе въ положеніи рукъ и ногъ. Интересующимся совѣтуемъ взглянуть рисунки въ Forrers Reallexikon, 53. 16 и 54. 17. 3) На изразцѣ же (на той же XIV табл. Perrot-Chipiez) изображенъ крылатый быкъ, преклонившій правое колѣно (см. боковое бустрофедонное изображеніе въ зеркалѣ, для сравненія съ жертвоприниматели и центральною жертвою Чертомлыцкой вазы, „Русскія древности“, гр. И. Т. и К. II. 139. 116). Сопост. Perrot-Chipiez, II. 290. 118 (единорога быкоподобнаго, ср. съ таковымъ же, изображеннымъ въ Forrers Reallex. 54. 17); 321. 138 (козлы); 322. 139 (быки-единороги); 383. 280 (козелъ и грифоны); колѣно-преклоненный жрецъ и фантастическій жертвоприниматель (левъ), съ головою человѣка; 739. 399, фантастическіе приниматели человѣческой жертвы; 771. 443, крылатое божество, съ рогами, открытымъ ртомъ, въ горгональной колѣнопреклонной позѣ, держащій въ обѣихъ рукахъ львовъ-жертвоприниматели, какъ бы спустившій ихъ для принятія крылатыхъ единороговъ-быковъ; налѣво внизу такой же единорогъ въ жертвенномъ положеніи и съ повернутою назадъ головою; 772. 444; 774. 446. 447 и 775. 449. 4) На рис. 443, стр. 771 того же II т. Перро-Шипье, въ центрѣ, фигура 4-крылаго божества,

---

[1]) Руки Эфорба образуютъ «d»-symbole, съ угломъ, образованнымъ ногами, «beta-symbolon».

[2]) Обращеніе начертанія на востокъ и къ божественнымъ глазамъ согласно ихъ религіозному графическому значенію.

въ митрѣ, съ рогами (не возвышающимися надъ митрою), м.-б., апофеозъ-символизація могущества жертвы предъ божествами, движется въ поворотѣ налѣво (вправо, отъ смотрящаго); лѣвая нога впереди, лѣвая рука приподнята и обращена влѣво съ отставленнымъ большимъ пальцемъ, правая нога касается земли пальцами, правая рука опущена внизъ съ отставленнымъ большимъ пальцемъ. Верхнее правое крыло приподнято, въ его основаніи видимъ на рисункѣ змѣю, свернувшуюся въ два свастико-совастическихъ изгиба; глазъ и голова явственно видны на рисункѣ. На лѣвомъ опущенномъ крылѣ изгибы вполнѣ не видны. Совастико-свастическое сплетеніе (змѣй?) видно при основаніи нижнихъ крыльевъ. Змѣевидная цѣпь соотвѣтствуетъ положенію лапъ жертвоприниматель (вверху, справа, отъ смотрящаго), но на описываемой фигурѣ, она согласуется въ движеніи ногъ съ верхнимъ божествомъ; символическое сплетеніе, лежащее, повидимому, на плечевой части царской одежды имѣетъ уже не орнаментальное, но культовое значеніе, какъ бы управляя или придавая силу органамъ движенія. Описанная фигура и всѣ начертанія этого рисунка весьма важны для уясненія религіознаго генезиса орнаментальной полосы, пережитки которой видны на Чертомлыцкой вазѣ. Ср., Ibidem, 730. 391. 5) Отпечатокъ цилиндра, на немъ изображено сидящее божество, съ рукою, держащею символъ солнечнаго полудиска (сопост. 642. 313 шествіе божествъ, ихъ благословіе и поклоненіе имъ); рука повидимому лѣвая, правой не видно. Божество сидитъ; нѣсколько ниже видимъ свастико-совастическое сплетеніе, въ основѣ совершенно сходное (не бустрофедонное) съ орнаментомъ подфризья Чертомлыцкой вазы; нѣтъ только отчетливо означенныхъ кружковъ, означающихъ солнце.

Генезисъ разсматриваемаго орнамента графическими матеріалами и параллелями къ нимъ, имѣющимися въ настоящее время, указывается въ сочетаніи въ одно начертаній двухъ змѣй (свастической и совастической, см. Kypros, Ohnefalsch-Richter, Tafel-Band, CXX, 1 и 2) или въ мультиплицированіи символа Гермеса (или „восьмерки", ср. „Русск. древн.", в. II, 115. 99, нижнюю часть), обоихъ начертаній (свастическаго и совастическаго).

4. Символъ «Ф» въ древне-славянскомъ начертаніи.

Къ § 7-му, VIII главы, стран. 425. 22.

Въ греческихъ унціалахъ IX вѣка иногда встрѣчается символъ полудня (Ф) съ концами средней линіи чуть изогнутыми совастически; курсивъ V—VI вв. не только подтверждаетъ это, но въ VII вѣкѣ даетъ совастическій знакъ, древне-финикійскій (q), сидонскаго начертанія; минускулы IX—XII вѣковъ добавляютъ интересный знакъ этой буквы, съ маленькимъ кружечкомъ на верху.

Въ древнѣйшихъ начертаніяхъ этой буквы, въ славянскомъ алфавитѣ, XI и XII вѣковъ, 1073 и 1143 гг., совастичность средней линіи выражена своеобразно и, кромѣ того, на срединѣ этой линіи видимъ точку[1]). Пересматривая атласъ Саввы, и на табл. III. къ стран. 209 видимъ указанія и на свастическую среднюю линію (1354, 1398, 1400 и 1552 годы). Кромѣ того, и это очень важно въ этнографическомъ отношеніи, нерѣдко замѣчается, что солнечный кру-

---

[1]) Сопост. съ начертаніями этой буквы въ армянскомъ и грузинскомъ алфавитахъ (Шницеръ, стран. 155—156, рис. 106 и 107).

См. буквы енисейскаго алфавита, знаки наибольшаго сгибанія туловища, X табл. лѣв. ст. 3. 5 и 6 или XIV. 4. 15 и 16, и кабардинскія тамги Чуксей и узденей Абаевыхъ (у Сабанѣева, №№ 1 и 2). Точки и черточки весьма вѣроятные пережитки раздѣленія поклоненія востоку и западу (при древней оріентировкѣ знака) и верхней и нижней символизаціи этого знака, съ указаніемъ на дугѣ или даже на полудискѣ солнца.

Генезисъ строчныхъ печатныхъ, курсивныхъ и рукописныхъ латинскихъ буквъ: f *f* и j *j* кроется въ указанномъ выше свастическомъ символѣ.

жечекъ поднимается то вверхъ (К. а. С. 1296, 1308 и 1354 годы), то внизъ (1423 и 1653 годы), т.-е. указывается отношеніе его и къ культу восхода и заката солнца.

§ (§), paragraph-symbole, поставленный на первомъ планѣ въ религіозной орнаментальной полосѣ, опоясывающей Чертомлыцкую вазу, *подъ фризомъ* и его бустрофедонный знакъ — составляющій орнаментальную основу бордюра серебрянаго[1]) Куль-Обскаго сосуда *надъ фризомъ*, раскрываютъ этнографическій генезисъ характернаго символа (вѣроятно, позднѣйшаго происхожденія), сохранившагося въ курсивной строчной и въ рукописныхъ начертаніяхъ русской буквы Ф.

Грузинское церковное письмо (хуцури)[2]), V вѣка послѣ Р. Х., сохранило, въ буквѣ „Kan“ (kk), въ древнемъ прямолинейномъ начертаніи (до свастическихъ изгибовъ), символъ, по значенію въ изобразительномъ письмѣ культа, совершенно тождественный религіозной каймѣ серебрянаго Куль-Обскаго сосуда.

Paragraph-symbole, en écriture boustrophedon[3]) = церковной грузинской буквѣ „Kan“ = = „b“ + „q“ = „bq“[4]). Теперь, сдѣлавъ перестановку знаковъ этнографическихъ представленій, т.-е. въ *этнографической лигатурѣ*, получимъ „qb“, по сдвиганіи, русское „ф“.

Взявъ „Kan“ въ бустрофедонномъ начертаніи, получимъ *параграфъ-символъ*, безъ свастическихъ изгибовъ средней линіи, т.-е. полудиски „d“ и „p“, при сдвиганіи (безъ наложенія полудисковъ) получимъ также „Ф“, а при ея соотвѣтственныхъ изгибахъ — „*ф*“.

У византійцевъ этнографическій эллинскій генезисъ „ферта“ былъ, очевидно, забытъ и появленіе этого знака, съ свастическимъ изгибомъ средней линіи, и со значеніемъ не только полуденнымъ, но и восточнымъ и западнымъ, въ славянскомъ алфавитѣ указываетъ на его существованіе въ до-христіанское время.

Поверхностныя параллели указываютъ и возможный путь заимствованій символовъ — шрифтографовъ и позднѣйшихъ буквъ славянскаго алфавита, который нуждается въ спеціальномъ ближайшемъ обслѣдованіи. Конечно, волжско-камскій путь отнюдь не теряетъ своего значенія и такая же работа желательна и здѣсь.

Предлагаемъ интересующимся сопоставить начертанія нѣкоторыхъ полудисковъ, выдѣленныхъ изъ „§“ и изъ его бустрофедоннаго знака, съ нѣкоторыми курсивными и рукописными русскими буквами; то же видно и въ пережиткѣ болѣе близкомъ къ славянамъ, въ курсивномъ „фертѣ-символѣ“. Египтологи, конечно, сопоставятъ ихъ съ предполагаемыми египетскими солнечными знаками, въ схематическомъ построеніи. Интересно фактически установить отчерки и изгибы показателей отставленія большого пальца въ египетскихъ знакахъ (см. стран. 513 и 526).

5. О цѣпномъ сочетаніи символовъ и о генезисѣ меандровъ.

„Параграфъ“ и поворотный знакъ къ нему, какъ разновидность мультипликаціи эсовидныхъ символовъ, обоихъ видовъ, а также и „фертъ“, представляющій соединеніе такихъ же символовъ съ соотвѣтственнымъ образованіемъ помощію изгиба овала или кружечка, слѣдуетъ имѣть въ виду относительно такого же генезиса сложныхъ символовъ, происходящихъ отъ смы-

---

[1]) На электровомъ сосудѣ изъ Куль-Оба, основа каймы (подъ фризомъ) полуденная: солнечный дискъ не раздѣляется на полудиски. Полуденный знакъ болѣе древній, см. Forrers. R. L. 714. 202. 19. 17 и 18 ср. съ 19.

См. прекрасные рисунки, во II вып. «Русск. древн.», гр. И. Толстого и Н. Кондакова, стран. 136 (114), 138 (115), 140 (117) и 142 (119). — См. Perrot-Chipiez, II. 310 (126), 311 (127), pl. XIII, XIV и 771 (443).

[2]) *Изобрѣтенное* (?), см. «Вс. илл. ист. письменъ», Шницера, стран. 157, Месропомъ. Его графическій анализъ, надлежаще параллелизированный, какъ монографія, навѣрное далъ бы много цѣнныхъ научныхъ указаній. Армянскій алфавитъ менѣе устойчивъ, — онъ утратилъ характерныя черты во многихъ символахъ.

[3]) Также отбросивъ стилизаціонные совастическіе изгибы, т.-е. съ кружкомъ посрединѣ.

[4]) Или 69, знакъ созвѣздія «Рака», см. выше.

канія угловъ, дугъ или скобокъ (двухъ „сигмъ“ или „гаммъ“ классическихъ), обращенныхъ выгибами въ разныя стороны. Такимъ образомъ, могли образоваться и оба эсовидныхъ знака. Но можно образованіе самой „сигмы“ или дуги съ концами, загнутыми болѣе, чѣмъ у обыкновенныхъ „скобокъ“, производить отъ соединенія двухъ „гаммъ“ классическихъ, обращенныхъ въ одну сторону.

Идя далѣе, къ символамъ прямолинейнымъ, болѣе древнимъ[1]), мы можемъ допустить подобный же цѣпной сочетательный способъ образованія „zède“ и esse[2]).

Сочетаніе или дублированіе символовъ сцѣпленіемъ неспирализированныхъ концовъ вполнѣ примѣнимо и при развившейся религіозной спирализаціи концовъ символовъ: концы спирализированныхъ символовъ обоихъ культовъ, въ одну или въ разныя стороны обращенныхъ, налагались одинъ на другой, смыкались и образовывали оба меандра (свастическій и совастическій), разнообразные по степенямъ спирализаціи и по способу смыканія концовъ линій: на это уже сдѣлано краткое указаніи на стран. 275.

Такой сочетательный генезисъ и въ солнечныхъ знакахъ замѣчается часто. Относительно связи такого сочетательнаго генезиса съ мимико-графическимъ, теперь еще нельзя сказать ничего опредѣленнаго: и здѣсь составъ матеріаловъ еще далекъ отъ желаемой полноты. Но есть основаніе и теперь допускать возможность установленія рукоположеній, примѣняясь къ графическимъ схемамъ, образованнымъ путемъ дублированія символовъ. Таковымъ, напримѣръ, можно считать горизонтальное сочетаніе угловыхъ символовъ „mü“ или „double-we-symbole“. Рукоположеніе это (XII табл. пр. 16—18) изъ позднѣйшихъ и оно могло имѣть прототипомъ символъ. Такой взглядъ мы уже высказали относительно *знака* „двуглавыхъ топоровъ“, онъ, какъ графическій символъ культа конкретировался въ топорахъ, послѣ прямолинейной восьмерки. Если полудиски находятся въ древнѣйшихъ алфавитахъ, то и символизація восходу и закату могла, въ отдаленнѣйшей древности, означаться („рѣзью“) двумя треугольниками, основаніями (религіозными сторонами) къ В. и З., а вершинами внутрь.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что послѣдующіе графическіе матеріалы убѣдятъ въ томъ, что ромбъ или квадратъ съ продолженными концами возможно разсматривать, какъ лигатурный сочетательный символъ 4-хъ солнечныхъ полудисковъ (см. XII табл. прав. 16—18, 7-й столбецъ)[3]). Примѣровъ конкретированія древнихъ символовъ изобразительнаго письма въ культѣ, въ композиціи орнамента, въ произведеніяхъ искусства классическаго и даже современнаго такъ много[4]), что двуглавые топоры представляются примѣромъ малозначительнымъ, по сравненію съ болѣе выдающимися примѣрами, наблюдающимися въ исторіи изобразительнаго письма и дифференцировавшагося изъ него искусства.

6. О вопросительномъ знакѣ.

Палеографамъ извѣстно, что древнѣйшею интерпунктаціею была только точка; въ каролингскихъ типахъ интерпунктаціи уже замѣчается разнообразіе, и вопросительный знакъ выражался гіератическимъ символомъ (см. прилож. XII табл. лѣв. 16. 18. в. зн.): точка (солнце) съ угловымъ

---

[1]) «Рѣзи» и даже «черты» на деревѣ не дозволяли прибѣгать къ округленнымъ линіямъ. Въ древности и солнце означалось квадратомъ или ромбомъ, а полудиски треугольниками.

[2]) Такіе знаки въ сочетательномъ сближеніи, но не слившіяся, хотя и рѣдко, но встрѣчаются, особенно при разложеніи алфавитовъ, напр. типичный знакъ «Ksi» встрѣчается въ греческомъ курсивѣ V вѣка (Шницеръ, «Ил. Вс. ист. пис.», стран. 175, рис. 117, 7-й знакъ, слѣва). См. «zeta»: символы тождественные въ двухъ буквахъ.

[3]) Символизація треугольниками поучительна на табл. VIII. IV. 8 (современная инородческая символическая «рѣзь»), поучителенъ орденскій крестъ, на той же таблицѣ, рис. XXX, ср. съ рис. XII.

[4]) Вообще, этотъ вопросъ впослѣдствіи будетъ представлять очень интересную тему для спеціальной разработки.

(птицевиднымъ) знакомъ сверху (символъ закатывающагося солнца съ орломъ, какъ солнечной птицей древнихъ).

Если угловой символъ превратить въ треугольникъ или клинъ, расширеніемъ вверхъ, мы получимъ вѣроятный генезисъ и восклицательнаго знака. См. Энц. Слов. Брокгауза-Ефрона, 44 плт., стран. 614, пр. столб.

Основа вопросительнаго знака — символъ *поклоненія* восходящему *лѣвому* полудиску солнца или означеніе дуги праваго („p") полудиска, см. Forrers Reallex. 714. 202. 6 (w) 8 пр. зн., 9 л. зн. и 11 ср. зн. Сопост.: съ индійскою цифрою „q", I столѣтія (ср. съ цифрою „6", V столѣтія[1]) и съ символомъ въ лѣвой рукѣ Джаганнатха, прилож. I табл. XXXV (въ правой — солнце). ? — несимметрическій совастическій знакъ, съ уменьшенною нижнею частью, съ точкою внизу (см. верхній поворотный знакъ).

7. Къ свастическимъ пляскамъ.

Хотя непосредственно мы не наблюдали нижеописываемаго танца одного изъ инородческихъ племенъ Восточной Сибири, но намъ не доводилось встрѣчаться и съ его описаніями. Замѣтка о немъ не излишня. Мнѣ и моимъ сверстникамъ былъ показанъ, еще въ дѣтствѣ, однимъ пріисковымъ рабочимъ, бывавшимъ на крайнемъ сѣверѣ и на дальнемъ востокѣ, танецъ, несомнѣнно свастико-совастическаго типа, который онъ видывалъ у инородцевъ примѣрно, въ срединѣ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Насъ, дѣтей, танецъ заинтересовалъ по трудности координацій движеній руками и ногами, но, помню, — мы не могли достигнуть той продолжительности и той безошибочности движеній, съ которою исполняли этотъ танецъ инородцы. Танецъ, въ сущности, простой, но для отчетливаго выполненія онъ очень труденъ, особенно съ вращеніями въ обѣ стороны. При легкихъ прыжкахъ, двое танцующихъ (помнится, мужчины), стоящихъ лицами другъ къ другу, дѣлаютъ выпады то правой, то лѣвой ногой, при чемъ ступни обоихъ танцующихъ должны становиться на землю вплоть одна къ другой (послѣдній приставляетъ ногу даже съ легкимъ ударомъ). При выпадѣ правою ногою, поднимается правая рука, а при выдвиганіи впередъ (безъ поворота или послѣ поворота) лѣвой ноги поднимается лѣвая рука. Руки поднимаются чаще ладонями впередъ. Въ началѣ этого оригинальнаго танца, руки, въ моментъ соприкосновенія ногъ при постановкѣ, сначала налагаются другъ другу на плечи: правая рука кладется на лѣвое плечо визави, и обратно. Послѣ нѣсколькихъ наложеній на плечи, танцующіе начинаютъ въ тактъ хлопать поднятыми и обращенными впередъ ладонями, попеременно, правыми и лѣвыми руками. Иногда, одинъ, также по условному возгласу, немного опускаемую руку, повертываетъ ладонью вверхъ, а другой хлопаетъ по ней повернутой внизъ ладонью, и обратно.

Помню хорошо, что, несмотря на все наше стараніе, мы достигали нѣкотораго успѣха, танцуя этотъ забавный и для насъ танецъ только *на мѣстѣ*, т.-е. такъ, что ноги становились *на одно* опредѣленное мѣсто. Соразмѣрить повороты, помню, было чрезвычайно трудно. Все это требовало отъ насъ напряженнѣйшаго вниманія. По разсказамъ же старика-рабочаго, инородцы вращались не только вокругъ себя, но и подвигались по кругу, и вправо и влѣво; это особенно было удивительно, когда плясало нѣсколько паръ. Плясали они, не торопясь, чинно, долго, степенно, „какъ будто, дѣло дѣлали; смѣшно было на нихъ смотрѣть".

Къ сожалѣнію, не помню указаній на пѣніе, на возгласы (что они значили), на отношеніе зрителей, на обстановку и др. подробности.

Танецъ этотъ, видимо, не обыденный, а исполнявшійся въ какой-то большой праздникъ (языческій, конечно); тогда сѣверные инородцы Сибири почти не посѣщались миссіонерами.

---

[1]) Клоддъ, стран. 73 (*Эв. письм.*).

Навыки въ координированіи вышеозначенныхъ движеній въ описанномъ танцѣ могли получаться только при постоянной практикѣ, начиная съ ранняго дѣтства.

Можетъ-быть, спеціалисты-этнографы встрѣчали указанія на непосредственно наблюденные пережитки такого танца, мы не встрѣчали подходящихъ замѣтокъ; къ сожалѣнію, названіе мѣста и народности не сохранились въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ.

8. О генетическихъ соотношеніяхъ прямого и лежачаго крестовъ и о нѣкоторыхъ знакахъ свѣтового письма, означающихъ время и пространственныя соотношенія.

Вопросъ этотъ, особенно если взять всѣ виды крестовъ, съ ихъ графическими производящими и производными, можетъ быть предметомъ отдѣльнаго графическаго изслѣдованія. Теперь мы только намѣтимъ направленіе графическихъ параллелей и выяснимъ графическій объемъ и содержаніе этихъ двухъ выдающихся знаковъ свѣтового письма.

Какъ summa summarum всѣхъ графическихъ данныхъ о прямомъ крестѣ, о древне-египетскомъ, о китайскихъ знакахъ „вверху“ и „внизу“, о соотвѣтственныхъ корейскихъ и кипрскихъ знакахъ, возможно утверждать, что прямой крестъ не означалъ только „вверху“ — „внизу“ — и во всѣ стороны небосклона, т.-е. не символизировалъ только въ отвѣсной плоскости, но означалъ и горизонтальное положеніе мѣста къ основнымъ странамъ свѣта: „впередъ“, „назадъ“, „вправо“ и „влѣво“ или „на востокъ“, „на западъ“, „на полдень“ и „на полночь“. По современной оріентировкѣ картъ и плановъ, — сѣверъ — вверху[1]), востокъ — вправо, и западъ — влѣво, югъ — внизу. При графическомъ анализѣ древнѣйшихъ начертаній эти коррективы всегда надо имѣть въ виду. Восточно-западная и полуденно-полночная линіи прямого креста дѣлятся на половины. Отнявъ западную половину, получимъ знакъ „впереди“, т.-е. знакъ „востока“ какъ страны свѣта, и знакъ времени дня: „восхода“ солнца; отнявъ сѣверную[2]) половину линіи, получимъ, „югъ“ или „полдень“ (славянская буква „**Ю**“, стран. 434); отнявъ восточную полулинію креста, получимъ „западъ“ и знакъ времени дня: „заката“ солнца и, наконецъ, отбросивъ югъ, получимъ „сѣверъ“ или — „полночь“. Такіе знаки странъ свѣта, связывавшіеся нѣкогда съ культомъ, встрѣчаются порознь во многихъ древнихъ алфавитахъ; въ слоговомъ же кипрскомъ они находятся во всѣхъ 4 поворотахъ (lo, ta, da и na); ta и da — знаки руническаго типа. Для отличія, къ знакамъ времени дня прибавлены кружечки и, впослѣдствіи, одна изъ оріентировочныхъ линій, какъ излишняя, у многихъ народностей была отброшена.

Если пріемлемо вышеотмѣченное по отношенію прямого креста, то то-же самое примѣнимо и къ равноугольному лежащему кресту (съ углами въ 90°).

Въ гл. V, на стран. 270, разъяснено, что угловой символъ имѣетъ геологическую давность и лежащій крестъ есть основаніе разсматривать, какъ сочетательный символъ изъ 2 или 4-угловыхъ знаковъ, въ соотвѣтственныхъ поворотахъ, что мы и видимъ въ енисейскомъ, кипрскомъ-слоговомъ и во многихъ другихъ алфавитахъ.

Угловые эти символы могутъ означать и части горизонта и четверти сутокъ. Поставивъ равноугольный лежачій крестъ въ надлежащей древней восточной оріентировкѣ, согласуясь съ положеніемъ основныхъ сторонъ свѣта, и устранивъ сѣверо-западную полулинію, получимъ знакъ, указывающій на юго-востокъ; отбрасывая соотвѣтственныя полулинія, получимъ указанія на ю. з., с. з. и с. в., и на соотвѣтственныя части сутокъ. Въ послѣднемъ случаѣ по-

---

[1]) Въ глубокой древности на верху начертаній и картъ стоялъ *востокъ*, потомъ *югъ*, сѣверъ очень долгое время былъ слѣва, а потомъ внизу. Оріентировка по *финикійской* (полярной) *звѣздѣ* относится сравнительно къ недавнему времени.

[2]) По оріентировкѣ до-финикійской.

Ниже объяснимъ, что въ періодѣ свѣтового письма существовала устойчивая форма неравноугольнаго лежащаго креста, съ углами по 60° и 120°.

становка внутри угла кружечковъ, какъ знаковъ солнца (впослѣдствіи точекъ), является также необходимою.

Сочетаніе обоихъ крестовъ — знакъ очень древній, онъ встрѣчается среди критскихъ и эгейскихъ начертаній (см. II табл. Эванса съ 32 начертаніями). Въ колесахъ, послѣ 4 и 6 спицъ, видимъ 8, въ положеніи двойного креста. Колесо въ 8 спицъ есть и на петроглифахъ Енисея, отдѣльно начертанное, м. б. какъ символъ солнца. У кельтовъ, во время Цесаря, Юпитеръ изображался съ колесомъ въ 8 спицъ[1]). Возможно предполагать, что этотъ сочетательный символъ отражаетъ и древнее римское дѣленіе дня на 8 стражъ. Зачатки румбическаго дѣленія въ горизонтальной и вертикальной плоскостяхъ также возможны; въ послѣднемъ случаѣ, чрезъ отбрасываніе горизонтальной линіи (знакъ земли) получимъ древній критскій, эгейскій и эгейско-египетскій символъ (№ 11, табл. Эванса), кипрскій, который также можетъ относиться и къ представленіямъ о загробной жизни, такъ какъ могъ образоваться сочетательно изъ знаковъ, стоящихъ въ таблицѣ критскихъ и эгейскихъ знаковъ за № 1.

Если на концахъ лежащаго креста будутъ кружки[2]), какъ на прямомъ крестѣ, то получимъ промежуточные дневные знаки древняго[3]) начертанія. Такіе наклоненные солнечные знаки изрѣдка встрѣчаются и въ родовыхъ знакахъ и даже въ алфавитахъ[4]), но наибольшее значеніе они имѣютъ, какъ разъяснено выше, въ гіератическомъ и демотическомъ алфавитахъ, въ сопоставленіи съ таковыми же знаками въ семитическихъ и тюркскихъ алфавитахъ.

Неравноугольный крестъ, лежащій тупымъ (120°) или чаще острымъ (60°) угломъ внизъ можно замѣтить на нѣкоторыхъ древнихъ знакахъ, на „а“ кипрскаго алфавита и на „і“ (см. Salaminia, Cesnola, 16), на многихъ начертаніяхъ „к“, съ равными углами. При отбрасываніи вертикальной линіи въ сочетательномъ символѣ съ прямымъ крестомъ очень часто замѣчается равенство угловъ (60°. 6 = 360°). Этотъ знакъ мы склонны принимать за указаніе на древне-греческое раздѣленіе сутокъ на 6 стражъ. Отбрасывая верхній угловой символъ, получится знакъ 3 ночныхъ стражъ, и обратно — 3 дневныхъ. Истекшія стражи могли означаться отбрасываніемъ соотвѣтственныхъ линій или постановкою точекъ, черточекъ и т. п.

9. Къ генезису буквы „Ю“.

(Къ стран. 434, гл. VIII, § 7. 34.)

Если этотъ древній солнечный знакъ[5]) разставить въ подлежащихъ поворотахъ по 4 странамъ свѣта, начиная съ востока (имѣя его впереди и на чертежѣ вверху), то генезисъ начертанія „Ю“; удержавшаго свой древній правильный поворотъ, очевиденъ. Эллинское (до-византійское) заимствованіе несомнѣнно. Предположеніе о существованіи въ греческихъ колоніяхъ, на берегу Чернаго моря, славянскаго алфавита подкрѣпляется, между прочимъ, очень вѣско не только этимъ полуденнымъ знакомъ, но даже и позднѣйшимъ — „фертомъ“: курсивъ и рукопись и даже унціалы свидѣтельствуютъ, что и это буквенное начертаніе славяне знали до крещенія. Названія обоихъ знаковъ: „фертъ“ и „ю“, весьма возможно, что русское названіе этого сим-

---

[1]) Судя по рис. 163, на 541, II тома «Иллюстр. истор. религіи», Шантепи-де-ля-Соссей.

[2]) Что на тамгахъ нерѣдко встрѣчается.

[3]) Китайцами только заимствованнаго, м. б., еще до передвиженія ихъ къ востоку.

[4]) Помимо дневного означенія времени, такіе наклоненные знаки могли означать и зимній восходъ и закатъ солнца.

[5]) На берегахъ Чернаго моря появившійся около начала нашей эры, гл. VII, § 21. См. китайскій знакъ «утро» (табл. XI. 4. 8) и арабскую тамгу, у Андрэ она (XII. Л. 15, 10. Н. Л.) изображена лежащею, т.-е. въ древнѣйшей оріентировкѣ «впередъ» = «на востокъ», какъ въ Forrers R. L. 714, 202, 1, 8 означенъ знакъ лѣваго полудиска, вправо, т.-е. по нашей оріентировкѣ на картѣ вверху, будетъ «Югъ»: въ этомъ положеніи (т.-е. стоя лицомъ на востокъ) знакъ и взятъ въ славянскій и русскій алфавиты.

вола было „югъ“; согласная „г“ совастическій символъ, главенствовавшій въ полуденномъ культѣ. Въ славянскомъ алфавитѣ это начертаніе было равнозначущимъ буквѣ „зѣло“ (свастическій знакъ).

Если этотъ солнечный знакъ, какъ думаютъ филологи, есть іотированный славянскій дифтонгъ „ѹ“, т.-е. онъ, значитъ, при своемъ образованіи, былъ уже „трифтонгомъ“ и „у“ отброшено для *графическаго* сокращенія (Энц. Слов. Брокгауза и Ефронъ, 81. 269), то это вѣское показаніе о такой степени разложенія алфавита, которое свидѣтельствуетъ о весьма значительномъ разложеніи и культуры у приднѣпровскихъ славянъ. Проще допускать, при избраніи этого знака, іотировку „о“ или, правильнѣе, признать эту букву очень древнимъ символомъ, — означеніемъ того культоваго призвука, который сочетался съ согласною, такой же неопредѣленной и неустойчивой, вслѣдствіе ея связи съ свастико-совастическою культовою пляскою.

Укажемъ, для сравненія, на другое культовое междометіе, которому также не надлежало бы находиться въ числѣ славянскихъ алфавитныхъ знаковъ и которое продержалось даже въ церковно-славянскомъ алфавитѣ около IV вѣковъ: единственная буква, не дошедшая до нашихъ временъ. Мы говоримъ объ „ꙗ“[1]): м.-б., это и самостоятельный графическій символъ — одинъ изъ многочисленныхъ дублетныхъ знаковъ древняго кипрскаго слогового алфавита. Это отнюдь не составленный для славянскаго алфавита іотированный[2]) знакъ — это очень древній символъ. Интересующимся мы предлагаемъ взглянуть на таблицу Cypriote Characters у A. Cesnola „Salaminia“ 16 стран. 2 рядъ, 6-й, 7-й и 9-й знаки. Особенно важенъ 6-й знакъ; знакъ этотъ (также въ древней оріентировкѣ, въ горизонтальномъ востоко-западномъ положеніи, есть и въ ликійскомъ алфавитѣ[3]). Этотъ же символъ отмѣченъ въ орнаментѣ у черемисъ (С. К. Кузнецовъ), см. XII л. 16, 5 л. н., фигура у насъ зарисована въ вертикальной оріентировкѣ, но на нѣкоторыхъ узорахъ есть основаніе допускать и горизонтальное основное положеніе. На Енисеѣ, у инородцевъ, сохранился такой же символъ, также въ прямоугольномъ начертаніи, но съ перечеркиваніемъ въ срединѣ чертою, какъ это видимъ въ кипрскомъ и ликійскомъ религіозныхъ знакахъ. Двусторонность этихъ религіозныхъ знаковъ и ихъ востоко-западное направленіе указываютъ на ихъ свастико-совастическое культовое значеніе и принимаемая за іотированное „ε“, въ сущности „digamma“ односторонняя, знакъ свастическій: дуга полуденнаго поклоненія западному полудиску должна стоять справа или вверху, а дуга восточная — слѣва или внизу; поворотъ эсовидныхъ свастическихъ символовъ внизъ, повидимому, выражаетъ поклоненіе землѣ или хтоническимъ божествамъ, особенно съ усиленіемъ этого символа приставкою египетскаго креста.

Въ заключеніе, обратимъ вниманіе на разсѣченіе при-средиземноморскихъ солнечныхъ знаковъ въ древнемъ начертаніи (китайск. типа) и позднѣйшемъ (символъ Гермеса или Меркурія), взявъ его съ знака планеты[4]) въ соотвѣтственныхъ меридіональныхъ и экваторіальныхъ поворотахъ, обративъ особое вниманіе на предпочтенный арійцами[5]) поворотъ по меридіану. Первое начертаніе — даетъ „p“ и „q“, но съ разногласіемъ въ показателяхъ отставленія большого пальца съ предполагаемыми нами египетскими солнечными знаками (стран. 514 и 528), въ восточныхъ полудискахъ. Этого разногласія не должно бы быть, въ виду согласія въ за-

---

[1]) Предлагаемъ повернуть вправо, къ себѣ, трезубцемъ книзу и *линіею земли* вверхъ, т.-е. по древнѣйшей оріентировкѣ, удерживавшей въ культѣ очень долго, и значеніе «назадъ», «на западъ», «внизъ» и т. д.

[2]) Противу іотированности яти и юса большого (34, на стран. 435), очень молодыхъ сравнительно буквенныхъ знаковъ, трудно возражать. И эта прибавка, какъ уже отмѣчено, лишній разъ подтверждаетъ, что «ꙗ» — знакъ человѣка у большинства народностей, особенно аризированныхъ.

[3]) Въ двухъ фазахъ, поясняющихъ его культовый генезисъ (см. стран. 421, 7. Ж.).

[4]) Знакъ, вѣроятно, финикійскій, символъ въ полуночномъ поворотѣ (ср. астр. знакъ и карфагенскую пломбу, табл. XII. п. 16. 16).

[5]) Финикійская (полярная) звѣзда. Ср. арійскія и семитическія таблицы алфавитовъ.

надныхъ знакахъ и во многихъ этнографическихъ показаніяхъ. Хотя узловой символъ заключаетъ въ себѣ и изображеніе обоихъ полудисковъ (въ одномъ кругѣ или элипсисѣ слившихся) и какъ бы и взаимное ихъ самопоклоненіе или самоблагословеніе, и разсѣченіе его, въ сущности, ясно показываетъ непониманіе его арійцами[1]), но буквы „R“ и „Q“, повидимому, являются графическими результатами полудисковаго раздѣленія символа Гермеса, когда его древнѣйшее сокровенное значеніе было греками уже утрачено.

10. Религіозное значеніе славянскихъ височныхъ колецъ (Slavische Schläferinge).

Пересматривая разнообразныя по своему назначенію произведенія изобразительнаго искусства въ различныхъ странахъ, у различныхъ народовъ, наиболѣе древнихъ, соприкасающихся съ историческими культурами, мы собрали не мало матеріаловъ по отраженію религіи на древнихъ памятникахъ искусства, но они выходятъ изъ настоящей нашей программы.

Но несимметрично-эсовидныя *несомкнутыя* височныя кольца, какъ изготовлявшіяся изъ проволоки, являются *линейными символами*, положеніе которыхъ вполнѣ точно установлено; такимъ образомъ, они совпадаютъ съ преслѣдуемыми нами цѣлями выясненія и увеличенія коллекціи знаковъ изобразительнаго письма. Но предварительно, мы должны оговориться, что серьги, ушныя и височныя привѣски, носившіяся въ древнее время и царями (Ассирія), въ то время, когда приблизительно появилась интересующія насъ височныя кольца и серьги (V—VI вѣкъ по Р. Х.), ихъ носили большею частью женщины и рабы. Напомнимъ объ обширной торговлѣ славянами-рабами, см. стран. 530—531 и 585 у Л. Нидерле (изслѣдованіе Сабѣстіанскаго). При заключеніяхъ о такого рода находкахъ, вышеотмѣченное обстоятельство нельзя игнорировать. Рабы, какъ женщины, лошади и рогатый скотъ, не имѣли права непосредственнаго обращенія къ божествамъ: они могли носить на себѣ только знаки благословенія; исключенія рѣдки и, насколько намъ извѣстно, относятся къ болѣе древнимъ временамъ. Это соображеніе также слѣдуетъ имѣть въ виду.

Описывать форму височныхъ колецъ излишне, — она общеизвѣстна, но, разъясняя ихъ культовое значеніе, мы будемъ руководствоваться рис. 426 и 427, въ трудѣ Л. Нидерле, „Чел. въ доистор. врем.“ (стран. 550 и 551) и рисунками въ археологическомъ словарѣ Юліи Шлеммъ („Wörterbuch zur Vorgeshichte“, Julie Schlemm. B. 1908. S. 521—524)[2]).

Уже одна эсовидность изгиба символа показываетъ, что онъ относится къ позднѣйшей фазѣ солнечнаго культа, ко времени тщательнаго различенія и соотвѣтственнаго поклоненія обоимъ полудискамъ, лѣвому (востокъ освѣщающему) и правому (западному), когда, во время восхода и заката, обращалось особое вниманіе на молитвенное и благословляющее значеніе дугъ (полуокружностей) обоихъ дисковъ, при чемъ хорды (діаметры), въ болѣе позднія времена, какъ нѣчто графически не существенное, нерѣдко устранялись.

Возьмемъ сперва простѣйшую форму, изображенную на 428 рис. у Нидерле. Несомкнутое кольцо означаетъ оба полудиска солнца, а прибавка сверху, которую надлежитъ представить расправленной въ прямую линію, опредѣляетъ, что *молитвенною* является дуга съ показательною линіею „b“ полудиска, а *благословляющею* будетъ дуга „d“ полукруга. Этотъ височный подвѣсъ съ загибомъ символизируетъ чисто *свастическій* культъ (лѣвая рука поднята, правая, гдѣ крючекъ, опущена).

---

[1]) Гордіевъ узелъ, весьма возможно, былъ культовымъ. Двойной узелъ Гермеса можно заподозрѣвать на одной терракотовой таблицѣ, H. Shliemann, «Ilios», S. 690, 1459. Вѣроятно, встрѣтится и четверной. Среди маговъ и фокусниковъ, вѣроятно, сохранились древніе пережитки узловъ (не въ смыслѣ узлового письма).

[2]) Тамъ же и обстоятельная литература вопроса.

Но напомнимъ, что мы дали объясненіе *свастическаго* несомкнутаго кольца для *лѣваго* виска; для праваго виска кольцо должно повернуть (бустрофедонно): изгибъ будетъ не „эсо“, а „зѣло“ (глаголе-видный, *совастическій*. Символическое значеніе будетъ нѣсколько иное: *молящеюся дугою* будетъ лѣвая полуокружность солнца („d“ полудискъ). Не слѣдуетъ игнорировать очертаніе лѣваго уха; оно, равнозначущее дугѣ съ нижней показательной линіей, т.-е. „p“ полудиску. Верхняя дуга (уха), при серьгѣ, можетъ быть разсматриваема, какъ усиливающая благословеніе. Конечно, надо обратить вниманіе и на очертаніе праваго уха (дуга „q“ полудиска).

Мужчина-родоначальникъ могъ бы носить такія серьги или подвѣсы, но съ отсѣченными благословляющими дугами, какъ, напримѣръ на Fig. m., на стран. 523, въ словарѣ Ю. Шлеммъ.

Относительно семи (число едва ли случайное)[1]) височныхъ колецъ, на 426 рис. и 427 Нидерле, должно отмѣтить, что они, видимо, нашивались на особую матерчатую подвѣску для лѣваго виска, м. б. и закрывавшую лѣвое ухо.

Форма болѣе сложныхъ височныхъ колецъ, только по общему впечатлѣнію, эсовидна: отдѣливъ несомкнутое кольцо, мы ясно увидимъ, что показательная линія изогнута совастически (бустрофедонный поворотъ къ s)[2]). Изгибъ вверхъ справа замѣтенъ и на тѣхъ трехъ подвѣскахъ, гдѣ конецъ проволоки не загнутъ въ колечко. Совастическій изгибъ показателя закатывающагося солнца особенно отчетливо выраженъ на 1-мъ височномъ кольцѣ слѣва. Еще отчетливѣе эти изгибы на Fig h и i на стран. 522, у Ю. Шлеммъ, на Fig. h, съ сомкнутымъ кольцомъ, т.-е. *амулетъ*, не активно дѣйствующій молитвенный приборъ.

Отмѣтимъ что серьги на Fig. b, d, e[3]), и f символизируютъ поклоненіе восходящему солнцу.

У Sophus Müller, „Urgeschichte Europas“, S. 191, 157 и въ лексиконѣ Форрера, 703, 545 височныя славянскія кольца, по всей вѣроятности, съ *правыхъ* ушей, если они взяты съ череповъ въ изображенномъ положеніи: поклоненія солнцу по всѣмъ культамъ дѣлалось, стоя лицомъ къ нему. Здѣсь *молитвенною* является дуга „d“ полудиска (ранѣе закатывающагося), а благословляющею будетъ дуга („b“) полудиска болѣе чтимаго, востокъ освѣщающаго. Эти серьги, весьма возможно, принадлежатъ мужчинамъ-рабамъ.

Для височныхъ колецъ, съ правой и лѣвой стороны, служатъ, слѣдовательно, только дуги полудиска „d“ и „b“, съ ихъ показателями, совастически и свастически изогнутыми, т.-е. несомкнутые курсивные русскія буквы: „*д*“ „*б*“ „*ъ*“. Греческая „*δ*“, курсива VII вѣка и минускуловъ IX и слѣдующихъ вѣковъ, немного разомкнутая, довольно близка къ формѣ славянскихъ височныхъ колецъ. Но, конечно, „зѣло“, съ эсовиднымъ и глаголевиднымъ начертаніемъ, при соотвѣтственной несимметричности, являются болѣе близкими прототипами.

Изъ болѣе древнихъ символовъ укажемъ: 1) „qof“ (узелъ) древне-финикійскаго сидонскаго начертанія, и поворотъ[4]) къ нему (см. Forrers K. L. 714. 202. 19. 4 и Шницеръ, 88. 59); 2) S. Forrers K. L. 16. 8. 1 зн.; 3) S, съ точкою, ibidem, 18. 10.

Весьма интересна форма Fig. K. на стран. 523 словаря Шлеммъ: узловой символъ въ полуденномъ положеніи, одинъ конецъ удлиненъ и символизируетъ дуги „q“ и „p“.

Хотя у славянъ имѣется изобразительный и культовый знакъ полудня — „ф“, есть и особый солнечный знакъ, отмѣчающій, можетъ-быть, и полуденную часть небосклона — „ю“, но символъ Гермеса въ полуденномъ положеніи у славянъ вполнѣ возможенъ, тѣмъ болѣе, что въ полунощномъ поворотѣ[5]) онъ есть; кромѣ того, заслуживаютъ вниманія указанія на какое-то

---

[1]) См. стран. 528, даемъ ближайшее напоминаніе о семи восьмеркахъ въ мультиплицированномъ символѣ Гермеса.

[2]) Знакъ опусканія лѣвой руки и поднятія правой.

[3]) И серьга, въ основѣ имѣетъ форму «e», или «p» символъ.

[4]) &, т.-е. «и» — торговый знакъ — графическій пережитокъ финикійскаго времени, въ основѣ котораго лежитъ символъ Гермеса.

[5]) Строчная греческая alpha — восточный поворотъ того же символа.

особое „поклоненіе бѣсу полуденному“, неоднократно отмѣчавшееся даже въ христіанское время. Но женщины и не родоначальники, какъ неимѣвшіе правъ непосредственнаго сношенія съ божествами, вмѣсто амулетнаго узлового символа (въ видѣ „восьмерки“), носили его чуть разомкнутымъ, какъ это видимъ на разсматриваемой разновидности височныхъ подвѣсовъ. Нижній загибъ имѣетъ здѣсь *благословляющее* значеніе, но символъ, будучи охранительнымъ, остается, въ тоже время, и постоянно дѣйствующимъ сигнализаторомъ молитвы и воспринимателемъ благословеній. Такой же равнодѣйствующій символъ, для привѣшиванія или накладыванія на правое ухо надлежитъ взять отъ *совастической* восьмерки.

И. С.

УКАЗАТЕЛЬ.

А, — Азъ-символъ; его графическій генезисъ III гл., 143. VI, 328. 293 (прим. 2); VIII, § 2. 395; § 1, 7.
А-орнаментъ VIII, 2, 395. Табл. VIII, VIII, 3, ср. VIII гл. § 2, 293—294.
Alpha-symbolon III, 176. VI, § 5, 330; VIII гл. § 7, 1, 417.
Абаканъ, рѣка 94.
Абаканскіе петроглифы 110.
Абазинскіе тамги VII, § 19, 377.
Аглахты, Б. и М., горы на л. б. Енисея. 102.
Аглахтынскій петроглифъ III, § 2, 119. V, § 1, 268.
Азія, Малая 2, 33, 441, 455.
„ Средняя 2, 444.
„ Сѣверная 279.
„ Сѣверо-восточная 3.
„ поднятіе ея средины 48—50.
Alef — символъ VI, § 4, 293, 294;
Алтай 36; 250.
Алфавитъ, арамейскій IV, § 12, 245;
„ видимыхъ знаковъ 9;
„ генезисъ его — въ языкѣ движеній и въ религіи 4, 59—60;
„ греческій 4;
„ гіератическій 61, 527;
„ демотическій 527;
„ днѣпровскихъ славянъ, церковный и гражданскій, гл. VIII. 7;
„ дунайскихъ славянъ, народный 445—446 и составленный византійскими миссіонерами 441;
„ древне-еврейскій 4;
„ енисейскій 33, 57, 60, 285, 325, 334—336, его исхожденіе изъ Малой Азіи 57, 447;
„ завершители его эволюціи, 27-39, 62, 455.
„ карійскій 4;
„ ликійскій 4;
„ и обязательное обученіе 448;
„ его эволюц. идеалъ — простота, несложность и малочисленность букв. состава, гл. VIII. 447;
„ происхожденіе его 61;
Алфавитъ, его регрессирующее задерживающее вліяніе при полиморфизмѣ 448;
„ тукюэскій 285, 325, 334;
„ его связь съ этнографіею VI, 285;
„ финикійскій 4, 61;
Алфавиты, автогенетическіе документы 468;
„ мало-азіатскіе 4;
„ индо-европейскіе 61, 62;
„ семитическіе 61;
„ при-средиземноморскіе 455.
„ связь ихъ съ петроглифами 235;
„ „ „ тамгами 235;
„ славянскіе, гл. VIII. 7;
„ индійскіе 331, 505—508.
Альбомъ рисунковъ изъ отчетовъ Императорской Археолог. Коммиссіи 264, 269 и др.
Альтамирск. пещ., фрески VI, § 1, 251, 281.
Америка, барабанный яз. 32;
„ письмо, изобразительное 9, 518, 519;
„ языкъ движеній 9, 495.
Аму-Дарьинскій кладъ 48;
Амулетные символы V, § 1, 258. VI, § 30, 328. VIII, § 3, 403, 407;
Анализъ графическій, родов. знак. и собствен. 60. VI, 285—340. VII, 341—386.
Andree, Richard. Ethnogr. Par. 355, 362, 368 и др.
Анучинъ, Д. Н., ак. 7, 50, 219, 232, 368, 463, 505.
Анимизмъ 57.
Анэйкумена 354.
Антиподальное положеніе живущихъ земною и загробною жизнью 492, 4.
Арабскія тамги VII, § 19, 378—379, 528.
Арба III § 17, 187.
Арбаты, стан. 103, въ текстѣ ошибочно напечатано Аглахты.
Аризированіе, 43, 233.
Аризированія, сферы, 58.
Аристей и Геродотъ 48, 464.
Арійскіе или индо-европ. алф. 61.
Арійцы и алфавитъ 62, 455.
„ ихъ характерные умствен. признаки 43;
„ бытъ ихъ; боги всемірные, сопутствующіе имъ 231;
„ передвиженіе 43; его начало и причины 50;
„ этническій составъ, аризированныя народности 53.

Арійцы, пра-арійцы 48, 51.
„Arcandisciplin“ (Arcani disciplina), см. F. K. Kraus, Real-Encyclop. d. Christl. Alterthums и графа А. С. Уварова, „Христ. симв.“ I. VI и 3—7, 69—80 и др. Энц. Слов. 3. 110. Правило тайны въ первобытныхъ культахъ и доисторическихъ религіяхъ — явленіе этнографическое, спеціально еще не разработанное, 69—80.
Археологія VIII § 2, 394;
„ ея кажущ. несостоятельность 47;
„ причины медлен. ея движенія 47.
Aspelin, J. R. 84, 90, 113, 135, 158, 189, 192 и мн. др.
Ассирія, древн. культъ живот. 2;
„ языкъ животныхъ, см. на цилиндрахъ.
Астрономическ. знаки планетъ Юпитера VI, 176, 334; Сатурна 176, 356; Нептуна 144;
„ созвѣздій зодіака 357, 362, 366, 424.
Атамановскій петроглифъ III, § 3, 131;
Афганистанъ 50;
Африка 3; барабанный языкъ 30—32;
„ желѣзо 33;
„ родовые знаки 385.

Б, б — бе, буки-символъ VIII § 7. 2. 418, 438.
Beth, b — bé, ср. F. R. L. 715, 203. 2. 16.
Базаиха, д. 58.
„ рѣка 95.
Балкарскія тамги VII, § 19, 377.
Банзаровъ, Д. Перстосложеніе, 299—300.
Bastian, Geogr. Bild. J. 1873. 76.
Барабанный языкъ 32.
Баранъ III, § 13, 167, § 17, 190, § 20, 194.
„Бета“—„Beta-symbolon“, VII, § 17, 320, 369 и 371.
Безграмотность народа, и полиморфизмъ разлагающ. алф. гл. VIII. 446, 447 и др.
Бѣлогорье IV, § 2, 248—249.
Библіографія датирована постранично.
Биджа, рѣки, впад. въ Енис. и въ Ману 95, 96.
Биджайскій петроглифъ III, § 4, 132.
Бирскій монолитъ 59, 61. III, § 27, 106, 210—212, 214, 286, 443, 467, 493.
„ антиподальное положеніе принимающаго душу 492.
Бирюса 72, 98, III, § 6. 135.
Бобринскій, А. А., гр. 264.
Бобръ — родов. зн. сиб. инор. XVII в. VII, 344.
Боги всемірные 59; верховные, общенародные, сохранивш. до-миѳическіе символы 59;
„ антропоморфизмъ подчиненныхъ божествъ 59;
„ духи,
„ общеніе съ ними посредствомъ жертвъ 59, вѣщихъ птицъ; права непосредственнаго сношенія 59.
Борокъ, петроглифъ 97. III, § 5, 134.
„Болванъ“, родов. зн. сиб. инор. XVII в. VIII, 358.
Брамины III, § 8, 157.
Браманизмъ 59.
Бронзово-мѣдная эпоха Минус. окр.; орнаментъ на одеждѣ, на оружіи, на утвари, 240.
Бронзовый гусь, Минусинск. муз. 247—248.
Бубны шам. III, § 1, 119, 147, 155, 163, 176, 529.
„ одинаковы по размѣрамъ съ греческ. щитами VI вѣка до Р. Х.
Буквы, ихъ палеографы и дублетные знаки 28.
„ не изобрѣтен., а заимствован.
„ знаки и символы яз. движеній 38, 338, 444 и др.
Бутылеобразныя символич. начертанія, ср. сигмо-эсо-видные меандры, спирали, круги, элипсисы и т. п. III, § 7, 136.
Бустрофедонныя начертанія (зеркальныя отраженія знаковъ и символовъ), повороты, — верхніе и боковые 34.

В, в — ве, вѣди-символъ VIII, 7, 3; 419, 438.
B. Ve-symbole VI, § 1, 289, 296.
Вавилоны, см. лабиринты.
Ваза, чертомлыцкая VIII, § 2, 387, 391—401; 413—416; 528—531.
„ изъ Беотіи V, § 1, 274.
Валунныя и галечныя террасы V, § 1, 252.
Вѣди и „3“ символы VII § 17. 368.
Верблюдъ, на петрогл. 113, 130. 135, 187, 190.
Верманъ, К. „Исторія иск.“ 3-е добавл. 530.
Верхне-Колбинскій петроглифъ III, § 10, 161.
Верховой на лошади III, § 2, 125, § 4, 133, § 11, 163, 167, § 16, 181, § 24, 205, 206;
„ на оленѣ III, § 4, 132, § 9, 160, § 20, 195, 197, 203;
„ въ кольчугѣ III, § 18, 192.
Вертикальная линія VI, § 22, 319—320.
Вильчатый символъ V, § 1, 258;
„ крестъ V, § 1, 274 и 277.
Влажность, прогрессив. ея уменьшеніе 7.
Вода 7. V, § 1, 254.
Воспорскія надгробія III, § 18, 186.
Восточный Туркестанъ 36, 54.
Восьмерка, свост.-совастич. амулетный символъ 526, 533. (См. двуглав. топоры).
Вотивный орнам. на ложѣ инор. винтовки VIII, § 3, 387, 407.
Всадникъ III, § 2, 122, § 8, 152, § 18, 192;
„ на верблюдѣ III, § 5, 135;
„ на оленѣ III, § 20, 197.
Voullieme, E. „Quomodo veteres adoraverint“. Dissertatio. H. 1887. 112, 156, 217, 305, 313, 329 и мн. др.
Выдра родов. знакъ сиб. инор. XVII в. VII, § 1, 344.
Высыханіе озеръ и болотъ, 36, 49, 464.

Вѣкъ, мѣдный 57, 463.
Вѣтеръ, его преобл. направленіе.
Вѣтка, пальмовидная III, § 14, 174.

Г, ге, глаголь-символъ VIII, 4, 7, 419, 438.
Гамма-символъ VII, § 18, 376.
Gamma классическая, образовавш. изъ 2-хъ гаммъ 533.
Галечныя и валунныя террасы V, § 1, 251.
Hallstrom, G. Hällristnigari norra Skandinavien. 1907.
Heikel, A. Antiqu. de la Siberie Oc. H. 1894. 124, 166, 345 и др.
Геммы-сіяніе, лучи VIII, § 3, 387, 403—407.
Генезисъ искусства 4;
„ буквенныхъ знаковъ 6;
„ графическій 107;
„ символовъ 108;
„ родословнаго дерева 415;
„ священнаго дерева VI, § 30, 326;
„ славян. и русск. алфав. VIII, 7;
„ петроглиф. и алфав. начер. VII, § 1, 387.
Городотъ, 48, 245, 464 и др.
Геральдическ. символика 107.
Genitalia — благословеніе ихъ 113.
Георги 70.
Гербъ древне-княжескій 60.
Hœrnes, M., „Urgesch. der Bild. Kunst in Europa" W. 1898. 40—42, 226, 234, 243, 252, 253, 255, 256, 272—274, 459, 524 и мн. др.
„ Nat. u. Urgeschichte d. Mensch. W. L. 1909.
Гермесъ V, § 1, 252 и 260;
„ психопомпъ 61.
„ его символъ 435, 443, и мн. др.
Глаголица, изобрѣт. визант. миссіонеровъ.
Глаза III, § 2, 125, ихъ возношеніе по смерти;
„ средній, третій, *божественный*.
Glass, Rich. 289.
Глухонѣмыхъ мимика 8.
Гиттиты, гіероглифы ихъ 453.
Гіератическ. алфавитъ 61.
Гмелинъ, 72, 97 и др.
Гоби пустын. 54.
Голосъ — жестъ 8.
Гоннегеръ, J. 48.
Голуби III, § 11, 163.
Городище Аглахты 102.
Горощенко, К. кург. черепа 54.
Грассери, де-ля, „Психол. религій", 129, 261.
Графическій анализъ алф. гл. VI, 285;
„ генезисъ славян. и русск. алф. VIII, § 3, 387;
„ анализъ род. знак. и собств. 341.
Графическое единство родов. знаковъ и алфавит. обитателей степей 54.
Гребенчатые символы VIII, § 1, 391;
„ знакъ VI, § 30, 332;
Гребенчатые свѣсы „срга" (серги) IV, § 1, 243.
Греція, 453.
Гродековъ, Н. И. Кирг. и кара-киргизы Сыръ-Дарьинск. обл. 3, 119, 366 и др.
Гроссе, Э. „Происх. иск." 218, 279.
Гроты 94.
Гудочки III, § 7, 137.
Гусь IV, § 2, 247—248.
Гунтеръ, К. „Происх. и разв. ч-ка", 1909. Въ главѣ X этого труда много стран. подкрѣпляющихъ соображенія, высказан. на стран. 12, 24, 471, 475, 481 и мн. др.

Д, д, д—de, добро-символъ VIII, § 7, 5, 420, 439.
Девяносто шесть, „96" и „69" — символы задіакальные 419, 420, 444 и др.
Delta-symbolon 321—322, 420, 439.
Дарвинъ, Ч. 468, 470, 471, 474, 481 и др.
Двойной фертообраз. символъ III, § 18, 188.
Двойственное рукополож. (гамма-символъ) VI, § 16, 302—305.
Двуглавые топоры, ихъ свастико-совастич. генезисъ (отъ прямолинейной восьмерки), 275, 526, 533.
Джаганнатха, воплощеніе Вишну 222, 464.
Дешифрированіе симв. и знак. языка движеній 65, 339.
Дигорскія тамги VII, § 19, 377.
Дигамма-символъ VI, § 27, 323.
Диллювіальный періодъ, гл. V.
„ изобразит. искусство, 252.
„ рис. и линейн. знаки 262.
Диллювій. Диллювіальная палеолитическая культура, палеолитическ. періодъ, гл. V.
Дифференціація, этнограф. видовъ и разновидностей 62, 236—238.
„ культа V, § 1, 280, 283.
„ письма и языка 237—238.
Дипилонъ, культ. эпоха, V, § 1, 254; особенности начертаній конкретографовъ и сигнографовъ;
Дипилонская рыба V, § 1, 258.
Дневные знаки; части дня 116.
Donner, O. Prof. 4, 241, 321, 337, 525 и др.
Дополнит. параллели, ихъ значеніе 387.
Дордони, нижняя-Ложери V, § 1, 258.
Дороги, древнія, 95, 104—105.
Древняя стадія культуры 57.
Древнѣйшіе велико-княж. родов. знаки 382.
Древовидные линейные знаки V, § 1, 274.
Дубль-вэ (double-wé) VII, 346, 355, 369.
Дублирован. по вертикали углов. символы VI, § 6, 295, 296.
Дуговой символъ VII, § 22, 385.
Дугою, одною, означеніе рукоположенія VI, 323.
Духовная жизнь палеолитич. человѣка 259.
Дюнные наносы V, § 1, 251.
Дѣва, созвѣздіе зодіак. 420, 421, 440.

Е, е — е, есть-символъ VIII, 7, 6. 421, 438. 3.
Esse-symbole VII, § 18, 376.
Epsilon-symbolon. VIII, 7.
Evans, Arhtur. 450. см. Э.
Европа 2 и 3.
Египетъ 2, 444.
Единство языковъ обусловлено единствомъ яз. движеній 238, 469.
Екатерина II, ея больш. экспедиціи, 70.
Енисейская раса 335.
Енисейскій алфавитъ 34. VI, § 1, 287, § 30. 334.
„ „ сходенъ съ ликійскимъ 52;
„ „ анал. графич. 60, 285.
Ерба, рѣка 94.
Ъ — Еръ VIII, 7, 29. 428.
Ы — Еры VIII, 7, 30. 429
Ь — Ерь VIII, 7, 31. 429—430.
Есауловка, рѣка 95.
Ель — родов. знакъ сиб. инор. XVII в. VII, § 1, 345.
Ефименко. II. С. 3.

Ж, ж — живѣте-символъ VII, § 15, 365. VIII, 7, 7, 421—422, 439.
Жаровня III, § 17, 191.
Жезлы начальниковъ Туразской эпохи V, § 1, 269.
Женскія украшенія III, § 26, 208, сходство ихъ съ конскими по религ. символизаціи.
Женщина III, § 6, 135, § 8, 142, 144, 158, § 13, 169, § 20, 201, 204, § 26, 207.
Жертва VI, § 30, 332.
Жертвенники 361.
Животныхъ, украшенія V, § 1, 251, VIII. § 2, 394,
Жертвопожиратели 59, 284, 394.
Жертвоприниматели V, 257, 262, 284.
Жертвоприношенія V, § 1, 259, 261, 262. VIII, § 1, 387;
„ „парами животныхъ“ V, § 1, 269;
„ палеолетической эпохи V, § 1, 262, 283.
„ по соваст. ритуалу диллювіального врем. V, 274.
Жертвенный культъ VIII, § 3, 387, 394, 403—407.
Жесты, аналитическіе 8 и рефлекторные.
„ соотношеніе между ними.
Живая графич. стар. Минусинскаго округа VIII, § 5, 387, 407.
Животныхъ, яз. движеній 280.
Жрецы 59.
Zmigrodskiego M. „Hist. swast“. 313, 316, 318 и др.
Журавль III, § 13, 168.

З, з — зѣло — земля — глаголь символы дигаммическаго генезиза. VIII, 7, 9, 422, 438 и 439.
Z — Zeta — двустор. свастич. VII, 346.
Zede III, § 11, 166. VI, § 8, 296. VII, § 18, 376.
„ Z = ƨ, два угла = двумъ дугамъ.
Забѣлинъ, И. Г. 393, 399.
Заимствованія 2, 17, 58;
„ древне-арійскія 57;
„ египетскія 29, 39, 237;
„ индійскія 58, 59;
„ начало не отъ начертаній символовъ, а отъ языка тѣлодвиженій 237, 450, 508, 510.
„ критскія и эгейскія 525;
„ мало-азіатскія 57;
„ миграціонныя, 237;
„ монгольскія — позднѣйшія;
„ на низш. ступеняхъ эволюціи 237;
„ при-средиземно-морскія 453;
„ религіозн. знаковъ и символовъ, наглядное, непосредственное. 29, 39, 450. Объясн. таблицъ XII, 12, 13.
„ китайскія 59, 233;
Займище 94.
Зайцы III, § 17, 190.
Законность молитв. движ. рукъ VI, § 30, 329.
Заключительныя соображенія V, § 1, 251.
Заключеніе къ Чертомлыцкой вазѣ VIII, § 1, 387, 391 — 401.
Залавки-петроглифъ 94.
Зарисовываніе и групиров. петрогл. начертаній I, 93.
Земля двигатель астроном. оріентир. и деффер. культа изобр. исскуст. и письма V, § 1, 151, 254.
Зендъ-Авестъ 48.
Златковскій, В. К. 131.
Змѣя III, § 8, 154, 157, 158 и 159.
Знаки, алфавитные 3;
„ воды и струй свѣта VI, 29, 323;
„ гребенчатый VI, § 30, 332;
„ диллювіальн. врем. V глава;
„ до-алфавитн. антич. письма 235.
„ земли и человѣка III, § 1, 113;
„ зодіака 357, 362 и др.
„ линейные; III, 235; V, § 1, 251, IX, 453;
„ петроглиф. линейн. 106;
„ религіозн. сваст. „эсъ“ 116;
„ родовые 40, 60;
„ рукопол. и перстол. VI, § 315, 299—302.
„ рукоположк. и опуск. рукъ VI, § 18, 307—308;
„ собственности 3, 40, 60;
„ созвѣздій
„ троичности, дня, ночи вечера, утра, VII, 348.
„ угловой V, § 1, 271;
„ языка движеній VIII, § 1, 2, 387, 401—403;
„ „110“ VII, § 20, 378;
„ и символы молитвъ о плодор. VIII, § 3, 387, 407;

Значеніе поворота ладоней въ солн. культѣ VI, § 17, 305, 307.
Зодіака, созвѣздія 69 и 96, стр. 442.
Золото разсыпное и рудное — жильное 249.
Знамена сѣвер. сиб. инор. VII, 341—346.
Зупанъ, А. „Осн. физ. геогр.“ 49, 50.

И, и, — иже-символъ И, N VII, 354, 356. VIII. 10. 422.
„ „ свастич. знакъ VIII, 7, 10.
N — enne-symbole 7, § 5, 354.
V, v-ижица-символъ VI, § X, 289, 328. VIII, 7. 40.
Ибнъ-эль-Недима, русская „рѣзь“, X вѣка 61, 523.
Игумъ-утесъ на р. Тубѣ 99.
Изобразит. искусство 60, 64. V, § 1, 251;
„ палеотич. времени 264, 279.
„ его дифференціація въ обѣ стороны 54
„ браминское, буддійское 59.
Изображенія на шаманскихъ бубнахъ I, 80.
Изыхъ, хребетъ 98.
Изслѣдованія Минусинскаго округа I, 81.
Индія 2, 221, 441, 464 и мн. др.
Искусство, письмо, трудности изслѣдованія ихъ начальной дифференціаціи, 62—63,
„ вліяніе на него знаковъ и символъ культа 62.
Истуканъ, идолъ род. знакъ сиб. инор. XVII в. VII, § 9, 358.
Историч. очеркъ вопр. о петроглифахъ на Енисеѣ 64.
Источники религіи въ періодѣ оптич. яз. 61.
Италія 43.
Исхожденіе заимствованій 57.

І, і, Iota, VI. 319; VIII, 7, 11. 422. 11.
Ikse или „ха“ VII § 8, 357, 376, 285. 426, 439.
Іюссъ рѣка 94. III, § 26, 209.

К, - к — како-символъ VII, 353. VIII, 7, 12, 422—423.
Kappa-symbolon VIII, 7, 12,
Ksi — ξ VIII, 7, 37,
Кабардинскія тамги VII, § 18, 371.
Кавказъ 3, 441.
Камеи VIII, § 1 и 3, 387, 403—407.
Каменныя орудія, ихъ выдѣлка 279.
Каменка, петроглифъ III, § 7, 135.
Камни, курганные и не на курганахъ стоящіе;
„ Бейскій надгроб. 106, III, § 27, 210—212;
Карта археологическая 104 — 105.
„ торговыхъ путей 46.
Карта Неймайера 49.
Кастренъ III, § 18. 182.
„ о чуди и чудскихъ могилахъ I, 82.
Катакана, япон. алф. 113.
Катановъ, Н. Ѳ., проф. 297, 362—366, 462 и др.
Квадраты-символы VI, II, 297.
Кельсіевъ, 25, 321.
Кинжалъ мѣдн. типа род. зн. сиб. инор. XVII в. VII, § 1, 344.
Кипръ 2 и др.
Кириллица, эллино-славянск. алфав. 416, 436, 441.
Китай 2, его слаб. отраженіе на петроглифахъ 59.
Китайское письмо 16.
Клапротъ 77.
Классификація VI, § 30, 326, 340.
Клеймо лопарское 112, VII, 384;
„ мордвы VII, 354;
Клеменцъ, Д. А. 29, 30, 36, 88, 91, 166, 247, 264 и др.
Климатъ 7, 279.
Клинопись фонетическая 29.
Клоддъ, Эд. „Эвол. чел-ства въ письм.“ 236, 258, 340, 450, 452, 456, 525 и др.
Кобылицы III, § 2, 121.
Козелъ горный 113, 160, 161, 168, 169, 181, 199.
Козерогъ, созвѣздіе зодіака 428.
Коза III, § 2, 122, 124, 128, 130; § 8, 159, 160; § 12 и 13, 165; § 17, 190; § 20, 194, 197, 201—204, 227.
Колба, рѣка 95.
Колесо, его символ. значеніе 113.
„ вѣры, вращать, см. Курдэ, Шамаша эмблема 404, 497.
Кольцо, инород. сереб. съ древ. сим. 3, 407.
„ височное, славянское, добавленіе 10.
Колотушка отъ бубна III, § 4, 132.
Композиція и стилизація 55, 387.
Конечный отвлеченнѣйш. симв. молитвы 289.
Конкретно-сигно-граф. письмо VIII, § 3, 387, 407, 457.
„ графическія стадіи письма 20.
Конкретографы и сигнографы 387, 451.
„ генезисъ типич. рунич. знак. V, § 1, 267.
Консонантальность алф. 455.
Контактныя аризирующія пространства, полосы — ср.-азіатск. степ. 54.
Конъ Ф. Я. 65, 68, 81 и др.
Конь лежащій III, § 2, 123. См. лошадь.
„ украш. жен. убор. III, § 26, 208.
Копенскій петроглифъ III. § 8, 138.
Копье род. знакъ сиб. инор. XVII в. III, § 8, 144; VII, § 1, 342.
Колчанъ род. знакъ сиб. инор. XVII в. § 1, 342.
Корея 17.
Корельскія тамги или клейма VII, 346—347.
Корнеръ фонъ-Марилаунъ, А., Жизнь растеній, 491.
Корниловъ, 110.
Корова III, § 2, 121, 124, 126, 130; § 9, 160; § 13, 167; § 16, 181; § 20, 194, 195, 199, 200 и 202.

Koch-Grünberg, Theodor, Dr. Südamerikanische Felszeichnungen. Berlin 1907.
Крестъ, 535.
„ вильчатый VI, § 14, 299;
„ въ углѣ ⌃ — символъ IV. § 1[1]) 242; VI, § 5, 295; ср. съ „Das Krückenkreuz". F. R. L. 424, 345.
Крестъ двойной (см. критск. и эгейск. знаки);
„ дублированный, прямой и лежачій;
„ египетскій (T — символъ);
„ изъ треугольниковъ VI, § 30, 328.
„ колѣнчатый, Das Hakenkreuz;
„ лежачій ⤫ 118, 135, 242, 291, 292, 330, 344, 535;
„ прямой T + III, 135, 183. IV, § 1, 242. VII, § 2, 219—292, 328, 535;
„ свастическій и совастическій.
„ съ ручкою (Das Henkelkreuz);
„ тройной;
„ якорный.
Криптографія, тайнописаніе 80, скрываніе тайнъ религіи, 69, 75.
Критика научная 63, 339, 480, 481.
Кривое дерево, род. зн. сиб. инор. XVII в. 358;
Критъ, возможность смѣшенія съ оптическ. сист. письма 451
Кругъ-символовъ 77, VI, § 11, 297.
Крюкъ, род. зн. сиб. инор. VII, § 1, 345.
Кулакъ, утесъ III, § 9, 160.
Культура древняя 3, 58;
„ ея разложеніе или упадокъ 7, 53, 233.
„ ея пути въ С. Азіи 58.
Кузнецова, А. А., 410 и 491.
Кузнецовъ, С. К. 76, 166, 357, 515 и др.
Кузнецовъ, И. П. 36, 64 и др.
Культъ дифференціація его въ эп. Солютре 283;
„ животныхъ 61;
„ коня и змѣи 59;
„ коня и рыбъ;
„ лѣвой руки 15.
„ оленя и рыбъ;
„ полуден. солнца VII, § 2, 395;
„ растеній 61, 231;
„ угасаніе его 7;
„ эволюція 7;
„ языка 59;
Куня — гора, л. б. Енисея, б. городище.
Курганы 94.
Курган. камни, ограждающ. и знаменательн. 343.
Курдэ, монг. кхорло, тиб. молитвен. приборъ 497.
„ Мессершмидтовск. 106. III, § 28, 212; Второй-Уйбатскій 106. III. 212;
„ на Камыштѣ 106, § 30, 212—213;
„ Сагайской думы 106. III, § 31, 213;
„ Бирская стелла или Тазминск. камень 106. III, § 32, 214—225;
Курильщикъ III, § 2, 124.
Куропатки-выводки VII, § 17, 190.

Л, л — люди-символъ VIII, 7, 13, 423.
Лабиринты, его объясненіе III, § 8, 158 и 524.
Лаппо-Данилевскій 394.
Лань III, § 20, 201, 227.
Латышевъ, В. В., ак., 172, 185, 495 и др.
Леббокъ, С., Дж. 264, 468.
Лейба, р. прит. Маны 96.
Лена, р. 72, 74, 75.
Ликія, ея алфавитъ 52;
Линейные знаки и символы V, § 1, 251. III, § 3, 387, 407.
„ „ пространствен. геометр. 284.
Липпертъ 9, 18.
Лисица III, § 12, 164, § 20, 194.
Литейщики III, § 8, 152, § 17, 191, § 24, 206;
Литейная жаровня III, § 8, 153.
Лицо (маска) род. зн. сиб. инор. XVII в.; VII, § 1, 344, § 9, 359.
Лодка съ людьми III, § 2, 120, § 5, 134, § 20, 196—197, § 22, 204.
Лопатинъ, И. А. горн. инжен. 132, 487 и др.
Лось самецъ III, 117, 122, 124, 125, 126, 130, 194, 202, 203;
„ самка 122, 125, 180, 194, 202.
Lauth, F. J. „Les Zodiaques", 337, 405, 517.
Лошадь III, § 2, 121, 124, 128, § 4, 132, 133, § 8, 146, 148, 152, 160, § 13, 167, § 17, 187, § 20, 197, § 24, 206.
Лукъ III, § 2, 131, § 19, 192;
„ сигмовидный скиѳскій III, § 25, 207;
„ вотивный III;
„ род. зн. сиб. инор. XVII в. 343, 344.
„ молитва съ лукомъ 197, 206, параллели.
„ надѣваніе титевы 343;
„ стрѣльба по-скиѳски 193;
Луна 326.
Льва, созвѣздіе зодіака 420.

М, м — мыслѣте-символъ VIII, 7, 14, 423.
„М"-эмъ-символъ IV, § 1, 241, § 10, 244.
Мадленъ и Солютре V, § 1, 251.
Майдаши, улусъ, около Минусинска 98.
Македонскій Александръ III, § 32, 215.
Мамонтъ переходн. врем. 40, 279;
„ жертвен. живот. палеолит. врем. 266.
Мана, рѣка 94, 95, 96 и 97.
Манеры зарисовыв. петроглиф. 109.
Martin, F. R. 88, 247, 261, 264, 270 и др.
Мартьяновскій музей, переименованіе, см. предисловіе, 86—88.
Мартьяновъ, Н. М. 85, 86, 88, 244, 261, 268, 270 и мн. др.
Матеріалы археолог. 46.
Матріархатъ, кам. бабы.
Маякъ, караулъ казачій 95,
Меандры, генезисъ ихъ свастико-совастическій 532; виды ихъ: прямолинейн. и округленные,

дигаммическіе, эсо- и глаголеобразно переплетающіеся.
Медвѣдь род. знакъ сиб. инор. XVII в. III, § 2, 122, § 5, 135, § 20, 201, 202. VII, § 1, 345.
Меліоранскій, 4, 34, 198, 335 и др.
Мельница вѣтряная III, § 7, 137.
Мензисъ, А. 129, 262.
Меркурія, знакъ, см. Гермеса симв.
Мессершмидтъ 4, 66, 67, 70. III, § 28, 212.
Мечниковъ, Л. И. Цив. вел. рѣкъ 18.
Мечъ вотивный III;
„ род. зн. сиб. инор. XVII в. VII, § 1, 343.
Механизмы молитвенные: веретено, напрясло 401, колесо, курдэ, кхорло и т. п. 60, 111, 137, 242, 300, 404, 497.
Миграція, символич. тѣлодвиженій 450.
„ линейн. симв. или сигнографовъ 235.
Микенская сфера вліянія 451, 456.
Миллеръ, В. Ѳ., проф., 133, 410, 436 и др.
Миллеръ Гер. Фр. 70, 71, 72, 73 и 74.
Мимика 8.
Мимико-графическій 20, 60;
„ графическая стадія 22;
„ „ форма свѣт. письма 326.
Минусинскій мѣстный музей 1, 86—88.
Могильный камень Сагайск. думы 213.
Молитва, механич. 111, 137, 242, 390, 404, 497;
„ двухсторон. VI, § 30, 329;
„ жестами, украшеніями, орнаментомъ, механическими приборами 60, 111, 137, 242, 390, 404, 497.
Моленія общественныя 98.
Монеты, русск. велико-княжескія 60;
„ керченскихъ властителей, XI табл.
„ древне-финикійскія, греческія, римск., кареаг. XI и XII табл.
„ парфянскія 335, 337.
„ джучитскія 360.
Монолиты, дилиты и трилиты.
Мортилье, Г. и А. Доисторич. жизнь. С.-Пб. 1903. V, § 1, 258.
Mortillet, G-et A. Musée prehistorique. P. 1881, 249, 259, 264, 269, 271, 344 и др.
Мужчины III, § 2, 120, § 6, 135, 137, 146, § 16, 180, § 20, 200 и 201.
Мушкетовъ, И. В. 50.
Мысль, послѣдовательность внѣшн. ея выраженій;
„ ихъ эволюціон. градаціи 80;
„ эволюція языка и письма 12, 339.
Мышленіе предметное 11, 237.
Мѣдно-бронзов. эпоха на оружіи 240. 464.
Мѣдь, рудники.
Мѣстная диллювіальная культура V, § 1, 251.
Mallery, G. „Pict. wr. of the Americ. Indians“. 9.
Маллери 9
Müller, Sophus, 232, 235, 237, 266 и др.

Н, н. нашъ-символъ VII, § 7, 356. VIII, § 7, 15, 432.
N, Nü — symbolon VIII, 7.
Навѣсы (surplombs) 94.
Надписи Енис. и Орхона, ихъ соотнош. 35, 335.
Надпись, рѣзь древне-русская 61.
Надфризье Чертомл. вазы VIII, § 2, 393.
Налобники, Цимбаловой мог. VIII, § 6. 407.
Напряслица III, 235; VI, § 21, 314—319. VIII, § 3, 401—403; X. 451.
Народностей, типы въ петрогл. Енисея 7, 43.
Народности, пале-азіатск. и америк. 58, 279.
Нарты род. зн. сиб. инор. XVII в. III, § 24, 206. VII, § 1, 345.
Небо, верховн. бож. V, § 1, 251, 254 и др.
Негровъ Африки, барабан. языкъ 31.
Неолитическое время 40.
Нижне-Колбинскій петрогл. III, § 11, 163.
Нидерле, Люб. д-ръ, „Человѣкъ въ доист. врем.“
Ниши 94.
Нога, человѣка слѣдъ 202, 243.
„ оленя, коня, слѣдъ, правильнѣе — солнечный знакъ 245.
Ножъ III, § 8, 144.
Ножницамъ подобн. начертанія (db, pq и т. п.).

О, о, онъ-символъ VIII, 7, 16. 423—425.
Овна, созвѣздіе зодіака 357, 366 и 411.
Ѿ — „отъ-символъ VIII, 7, 24; искаженный солнечный знакъ, закат. солнца.
Omega-symbolon VII, § 17, 368.
Овалъ-символъ VI, § 11, 297.
Оглоблинъ, Н. Н. 3.
Одноглазость (аримаспы и циклопы), генезисъ этихъ миѳовъ — графическій.
Ohnefalsch-Richter, Max, D-r. „Kipros die Bibel und Homer“. B. 1893. Взято много графич. параллелей и сдѣлано описаніе нѣкоторыхъ рисунковъ.
Озера 49.
Означенная, стан. 105.
Олени, въ жертвен. положеніи 166, 261, 264.
Олень, сѣвер. род. зн. сиб. инор. XVII в. III, § 2, 122, 125, 126, 130, § 4, 132, § 7, 135, § 10, 162, 163, § 13, 168 и 169, § 16, 178, § 19, 194, § 20, 197, 200, 201; 344.
„ на камнѣ, эпохи Солютре напомин. жертв. полож. V, § 1, 261, 264.
Олень, самка III, § 2, 130, § 7, 135, 137, § 13, 169, § 19, 194 и 195, 200, 201.
Онефальшъ-Рихтеръ, см. Onefalsch-Richter.
Описаніе средн. фриза. Черт. VIII, § 1, 387.
Оптическій яз. или яз. движеній 466.
Орелъ, 370.
Ореолъ III, § 11, 163, § 18, 191, § 32, 215.
Оріентировка, начертаній VI. 340; VIII, 387.
„ древнѣйш. (горизонтальная)— на востокъ; послѣдующая —

югъ на верху и позднѣйшая: сѣверъ вверху, востокъ справа.
Орнаментъ—символы IV, 240; глазной 11, 60;
Орнаментъ — мотивы его 62;
„ родовой знакъ ;
Орнаментъ Чертомл. вазы VIII, § 1, 387;
„ женск. поясн. фигур. на серебр. блюдѣ VIII, § 3, 387, 407.
Орхонъ 2, 36.
Основа дѣленія письма, свѣтъ и звукъ 19.
Основной символъ молитвы VI, § 1, 288.
„Отповѣдь" мѣдн. гуся, IV, § 2, 248.
Открытый ротъ — графич. символъ V, § 1, 252.
Отъ (omega)-символъ, VIII. 7. 24. 426—428.
Очерки — параллели, значеніе ихъ 238—239, 339.
Охотникъ, палеолит. времени 279—284.

П, п, покой-символъ: VI. 12. 297. VII, § 5, 354. VIII, § 7, 17. 425.
Ψ—Psi, VIII, § 7, 38.
Павзаній, 212, 464.
Пале-азіатск. и пале-америк. нар. 279.
Палеографія алфавитовъ 28.
Палеолитическій періодъ культуры V, § 1, 252, 279—280. VIII, § 2, 394.
Палласъ, П. С. 77, 106, 225 и др.
Памятники предшествованія арійскимъ заимствован. 58;
„ изобразит. искусств. палеолит. времени V. § 1, 263.
Параллели 2, 112;
„ графическія 107.
„ этнографическія 4;
„ съ узор. гольдовъ и мало-азіат. алфав. знак. VIII, § 3, 387, 407.
Перевалы чрезъ Алтай 105, 336.
Пережитки графическія 57.
„ тюрко-алтайцевъ 57;
Переселеніе, великое, народовъ, въ IV вѣкѣ 53, 56, 58.
Переимчивость, подражаніе — законъ заимствованія, 237.
Періоды 13. 20.
Petrie, Flinders 234, 453—456 и др.
Петроглифы, Енисея: 6, 64.
„ абаканскій 100, 106, 110—119;
„ аглахтынскій 102, 106—131. V, § 1, 268;
„ Акъ-Іюссъ, Батанаковъ 106. III, § 26, 207—210;
„ аргинскій, Кара-Іюссъ 106. III, § 25, 207;
„ атамановскій 106, 131;
„ биджайскій 95, III, § 4, 132—134;
„ бирюсинскій 98, 106, 135;
„ у Борка 106, 134, 135, 227;
„ „ „ Биджи 103;
Петроглифы, противъ устья Биджи 103;
„ верхне-Колбинскій 106. III, § 10, 161—163;
„ Гмелина 97; подъ „Порогомъ" 106. III, § 15, 175—178;
„ границы ихъ распростран. 94;
„ древность ихъ; виды 65.
„ Каменки (Лугавскаго) 106, 135—138;
„ копенскій 100, 106, 138—160;
„ кулахскій или щель-тесинскій 101. III, § 9, 160—161, 227;
„ у дер. Караульной 101. III, § 12, 106, 164—165;
„ манскій 95;
„ мѣстонахожденіе, гл. II, 94.
„ какъ отраж. культа, культуры и изобраз. искусства 55;
„ на Кара-Іюссъ 103;
„ майдашинскій 98. III, § 13, 165—173;
„ нижне-колбинскій 106. III, § 11, 163—164;
„ Палласа 106. III, § 33, 225;
„ печищенскій 106. III, § 17, 181—182;
„ писанскаго плеса 106. III, § 14, 173—175, 327;
„ потрошиловскій 100. III, § 16, 106, 178—181, 226—227;
„ параллели 57, 59;
„ сулекскій 106. III, § 18, 182—193, 228;
„ при устьѣ Сухой Теси 103;
„ сисимскій 101, 102. III, § 19, 193—194;
„ связь съ алфавитами VI, 285;
„ тихаго плеса 106, III, § 21, 202—203, 228;
„ тесинскіе 99, III, § 20, 106, 194—202, § 33, 225;
„ трифоновскій 101. III, § 22, 203—204, 227;
„ уйбатскій (Кизиль-кайя) 106. III, § 24, 205, 206;
„ унгутской пещеры 106. III, § 23, 204—205;
„ усть-колбинскіе 96;
„ шалаболинскій 99;
Петроглифное означен. на долменѣ у Гавра IV, § 1, 242;
„ какъ пережит. языка предметами V, § 1, 251;
„ сходство съ фресками Альтамир. пещеры V, 1, 251;
Петроглифическій генезисъ и алфав. начер. VIII, 387;
Пещеры съ памятн. 95. V, § 1, 251.
Пещерское плесо на р. Манѣ 97.

Пѣтухъ III, § 18, 191.
Пиктографія 21.
Пиктографич. форма V, § 1, 257.
Писемское плесо на р. Манѣ 97.
Письмена и культъ 15.
Письменные знаки и изобраз. искусство 64.
Письмо 13;
„ до-алфавитное 65, 109;
„ буквенное 23;
„ въ Египтѣ 15;
„ изобразительное (въ шир. смыслѣ), дифференціація его изъ рисунка 54, 279, 283;
„ искусство, ихъ эволюц. взаимоотношенія 60, 62, 279;
„ китайское, эволюція его 10;
„ комплектъ яз. движеній 238;
„ культа VIII, § 3, 387, 407 и
„ народное 17;
„ развѣтвленія его 284.
„ рисунками или знаками предметовъ 20; 279—283.
„ слоговое 23;
„ свѣтовое 38, звуковое 23, неразрывность ихъ эволюц. связей 238;
„ фонетическое или алфавитъ 26;
„ эволюція его 20, 23, 26, 38, 279.
„ языковѣдѣніе, отношеніе его генезису письма 44, 45, 67, 338, 339, 448 и др.
Пифагоръ III, § 32, 214.
Плавильная печь „сыродувка“ 100.
Плутархъ 313.
Погребеніе, палеолитич. времени V, § 1, 260.
Погребальная ваза изъ Беотіи V, § 1, 274.
Поднятіе средней Азіи 49.
„Подъ-порогомъ“ (Гмелин. петрогл.) 97.
Подражаніе, законъ заимствованія 237.
Подфризье Чертомл. вазы VIII, § 2, 393.
Полиморфизмъ алфавит. 5.
Поповъ, Н. И. 65, 87, 85, 124, 127 и др.
Поржезинскій, В., проф. 13, 45, 51.
Поселенія древнія, раскопки ихъ 57;
„ до-истор. дюнныя 94.
Потанина, А. В. 142, 424.
Потанинъ, Г. Н. 3, 360, 485, 496 и мн. др.
Права сношенія съ предками и съ божествами 50.
„ мужчинъ-родоначальниковъ 59;
„ женщинъ, какъ исключеніе 59;
„ животныхъ, особенно жертвенныхъ 59.
Практика, 40, 42. V, § 1, 252; въ языкѣ культа V, § 1, 280; VIII, § 12, 387, 394, 401—408.
„ въ яз. движ., въ ихъ означеніи, въ практ. голоса и рѣчи и т. д. 238.
Предокъ-знакъ VI, § 30, 324.
Предсѣдатели Московскаго Импер. Археолог. Общ. I, 90.
Присѣданіе молитвенное 112, V, § 1, 278.
Причины и задержки къ собиранію научн. матеріал. 1, 92—93.
Производители, этнографич., линейн. знаковъ и символовъ 235;
„ направленія и методы 234;
„ выясненіе ихъ генезис. 234.
Психологическій и этнографич. генезисъ VIII, § 2, 394.
Птица III, § 14, 173.
Пуговица V, § 1, 258.
Пути,
„ верхов. древ. 95;
„ передвиженія енисейск. алфав. 36;
„ культурные, на сѣверѣ и сред. Азіи 58;
„ степной 58.

Р, р. Рцы-символъ VIII, 7, 18, 425, 525—530.
P, P, Rho-symbolon VIII, § 15, 364, 365, VIII, 7, 18.
Radloff, W. Aus Sibirien 3.
Радловъ, В. В., ак. 34, 67, 73, 75, 84, 212 и мн. др.
„ отставленіе больш. пальцевъ 300—301;
„ „Сибир. древ.“ IV, 240, 241, 249, 300 и др.
Развѣдки, 58.
Разновидность свастики и совастики V, 292.
Рака, созвѣздіе зодіака. 444, 623.
Ранке, I., д-ръ, проф., Ч-къ, 40 и др.
Растенія, какъ символизаторы и предметы колдовства 491.
Ратцель, 9, 13, 19, 23, 30—33, 470 и др.
Reinhard, Ludwig Dr. Der Mensch zur Eiszeit in Europa. München 1908. Глава V.
Реутовскій, В. С. 456.
Рогатина III, § 8, 144.
Родовые знаки правит. гречес. колоніи VII, § 21, 379.
Реальность палеолитическихъ рисунковъ и условность въ начертаніи нѣкоторыхъ деталей V, § 1, 260.
Ребусы, конкретные 107.
Реклю, Э. 18, 46, 48, 222 и др.
Религія,
„ дифференціація ея изъ культа 259—262;
„ практика ея или культъ V, § 1, 259;
„ палеолитическ. періода культуры V, § 1, 260, 261;
„ единства 75;
Религіозные символы VIII, § 3, 387, 403—407;
„ основы композ. и стилизаціи VIII, § 1, 387;
„ дуализмъ 55.
Рефлексы и симуляція ихъ 466.
Рибо, Г. Эв. общ. идей 8, 9 и др.
Ригведа 51.
Рисунки, палеолитическаго времени 251;
„ петроглифическіе 106;
„ вполнѣ согласные съ дѣйствительностію 279;
„ реальные и условные, въ движен. и позахъ 280—283.

Ритуальн. прич. поворот. животн. на памятн. диллюв. и аллюв. времени V, § 1, 274.
Ритуалъ жертвоприношенія III, § 8, 159.
Родоначальникъ, право молитвы 59.
Родов. знаки сѣвер. сиб. инор. XVII в. VII, § 1, 342;
„ „ клас. древн. на югѣ Россіи 3.
Ромбъ — символъ III, § 1, 119. VI, 11, 297, 328.
Rougemont, de, Fred. Le peuple ptimit. G. 1855. 8, 235 и др.
Ротъ, открыт. — графическій символъ V, § 1, 252.
Рубежи VII, § 5, 355.
Ружэ, де, теорія происхожден. алфав. 29, 235, 237, 337—340, 450, 508, 509—513, 457—459 и мн. др. Объясн. табл. 12, XII, 13.
Рука,
„ вотивная; молитва, клятва 521 и др.:
„ отпечатокъ ея, рукоприкладство 490;
„ благословляющая и молящаяся 491 (8), 493 (XXIII);
„ постъ-плioценовой женщ. съ растопыр. пальцами V, § 1, 272.
Рукоподнятіе — знакъ совастич. VI, § 30, 325.
Рукополож. сваст. и совост. VI, § 30, 331.
Румбъ V, § 1, 254.
Рыбы III, § 18, 191.
„ между ногъ лошадей V, § 1, 254.
Рыбы, созвѣздіе зодіака 411.
Рѣчь, успѣхи житейской техники и начала общественности 14.
„ записываніе ея 12, 338.

С, с, слово — сé-символъ VII, § 17, 368. VIII, 7, 19, 425;
Sigma-symbolon VII, § 18, 376;
Samech-символъ VI, § 30, 330;
S — esse и zede VII, 7, 356. VII, § 18, 375;
Schin-символъ.
Сабанѣевъ, Л. П. Охотн. кал. 3.
Сабля родов. зн. сиб. инор. XVII в. VII, 343.
Савва, еп. Можайскій, гл. VIII. 7. 416—436.
Самаркандъ, 249.
Санскритъ, 51.
Свайн. постройки, см. символы и орнаментъ.
Свастическіе знаки 34; свастика и совастика, объясненіе культа, означеннаго этими графич. символами 60. VI, § 3, 292, 293, 332, 333, 337.
Свастика, заимствованіе ея, загадочность 337;
„ сперва движеній и пляски 2, 17, 58, 337—338.
„ енисейская 60;
„ троянская 60;
„ греко-римская или британская 60.
Свастич. и совост. танецъ VI, § 20, 310-314;
„ линіи — показатели культа ;
„ совастическ. знаки и символы VII, § 18, 372, 373. VII, § 18, 371;
„ совастическ. поклон. и жертвопр. по культу солнца VIII, § 1, 387;
Свастич. совастическ. культъ скиоо-сарм. времени VIII, § 2, 391.
Свирѣльный языкъ 31.
Свистки III, § 7, 137.
Свинья III, § 9, 160, § 20. 194, 200, § 22, 203.
Священное дерево III, § 10 и 11, 162 и 163.
Сардинія 43.
Селенга, р. Орхонъ, ея прит. 36.
Семитическіе алфавиты 61.
Серпъ луны VI, § 30 326.
Сибирь 3, 245, 279, 460.
Сигнографы и символ. лин. начер. V, § 1, 266, 281. VIII, § 1, 387;
„ „ палеолит. время V, § 1, 284.
Сигнографич. религіозн. символы VIII, § 1, 387, 401—403.
Сигмовид. лукъ род. зн. сиб. инор, XVIII в. VII, § 1, 344.
Сикорскій, И. А., проф. 468, 472, 481 и др.
Силабическая стадія письма 24.
Симбіозъ обоихъ языковъ 466.
Символизація, внѣшняя, актовъ мышленія (8)
„ и чувствованія, 8, 62—63.
Символизмъ 6, III, § 18, 183.
„ его эволюція въ мышленіи 108.
Символы и буквы, ихъ генетическое соотношеніе.
„ на блюдѣ 7;
„ вильчатые V, § 1, 258 270.
„ графическіе 8, 106, 107;
„ гребневидные 111;
„ двойственности перстослож. 308;
„ двухъ полос. фриза Чертомлыцкой вазы, конкретные линейные VIII, § 1, 387;
„ „Z.“ и „S.“ VI, § 322;
„ Индія родина симв. V, § 1, 265;
„ линейныя V, 258;
„ листья и цвѣты VIII, § 1, 391;
„ „M“ (эмъ) IV, 240. VI, 7, 296;
„ мультиплицир. V, 258;
„ округленнаго начертанія VI, § 19, 308—310;
„ и орнаментъ IV, 240;
„ орнам. ниж. части Чертомл. вазы VIII, § 1, 387;
„ пережит. ихъ въ род. знак. 109;
„ предметные 108;
„ пониманіе и толкованіе ихъ 73;
„ покрова VI, § 12, 297;
„ рыбы V, § 1, 253;
„ точки VI, § 23, 323;
„ троичности или трехглазости 323;
„ углового начертанія 60. V, § 1, 258, 271, 274;
„ этнографическая ихъ сущность 450.
„ языка культа, древній VIII, § 3, 387, 407;

Синхронистическія замѣчанія 57, 443, 465, 470 и др.
Синонимы, къ графич. символамъ яз. движеній, ошибочные, привод. къ недоразумѣніямъ 7, 21, 107.
Squir and Davis, Anc. Monument.
Сисимъ, р. 94.
Сицилія 43.
Скобки, въ двухъ поворотахъ VI, § 10, 299—297.
Скобель род зн. сиб. инор. XVII в. VII, § 1, 345, § 9, 358.
Скобельки, скобленицы .род. зн. сиб. инор. XVII в. VII, § 1, 358.
Скребницы род. зн. сиб. ин. XVII 358.
Славянскій алфавитъ VIII, 7.
Слѣдъ коня, оленя, человѣка, Будды.
Собака III, § 18, 190, 192.
Соболь род. зн. сиб. инор. XVII в. III, 19, 193. VII, § 1, 345.
Совастическ. линія VII, § 12, 359.
Соколъ III, § 17, 190.
Соколовъ, Д. Н. 3.
Сокращеніе словъ 110.
Солнечный знакъ-символъ 113;
„ „ культъ, его главенство;
„ „ „середина“ „половина“, „полдень“ „утро“ 114, 115;
„ „ заката и восхода VI, § 30, 324.
Солнце, двигатель оріент. и дифференц. изобр. искусст. и письма V, § 1, 251, 254; VI. 340.
„ представленія кочевниковъ о его движеніи 392.
Состояніе и начертаніе Бирюсинск. петрогл. въ XVIII столѣтіи I, 72.
Солютре V, § 1, 251, 265, 283.
„ жертвен. полож. оленя на камнѣ V, § 1, 261.
Спасскій, Г. И. 77 и слѣд.
Спенсеръ, Герб. — Коллинсъ, 19, 20 и др.
Средне-Европ. узелъ аризированія 47.
Средиземное море 43, 465.
Срисовываніе петроглифовъ I, 73—74.
„Срга“ (серги) IV, § 1, 243.
Старообрядческое кадило III, § 20, 204.
Степи 35.
Страленбергъ 68, 69.
Стремя III, § 8, 152.
Стрѣла род. зн. сиб. инор. XVII в. III, 131, 192. VII, § 1, 344.
Стрѣлокъ изъ лука, пѣшій III, § 18, 192, 199.
„ и шаманъ III, § 16, 178.
Статистич. данныя о енисейск. петроглифахъ 228.
Ступени мышленія 8, предметнаго и отвлеченнаго 2; графическія отвлеченія палеолит. періода, гл. V. 251, 281—283.
Стрѣльба 343—344.
Суммированіе введенія 57 и главъ: I. 92; II. 104; III. 228; IV. 250; V. 279; VI. 335; VII. 386; VIII. 444 и IX. 480.
Сутки III, § 1, 119.
Сѣдло III, § 18, 192.
Сѣрошевскій, В. 358.
Сѣченовъ, И. М. Эл. мышл. 21, 63 и др.

Т, т. Т — твердо-символъ VIII, 7, 20, 425.
„Т“ Т au VII, § 6, 356.
„Т“ Thav, VII, § 20, 387; § 21, 379;
„Т“ Те-символъ VII, § 20, 378.
Тэ — Египетскій крестъ III, § 18, 189.
Таблица, классификаціи религіозн. движеній;
„ хронологическая, стилизаціон. послѣдовательности пріемовъ начертанія символовъ и знаковъ 60 (17), 62 (28), 326—334.
Тавры 3, см. тамги.
Тайлоръ, Э. Б. Антр. 9.
Тарденуазская стадія 50.
Tard, G. „Les lois de l'imitation“, 237.
Тазминъ улусъ, камень 61.
Тайна, Arcanidisciplina.
„ культа, — пережитковъ языка движеній и свѣтового письма 69, 75, 80 и др.;
„ стилизаціи, символизаціи и композиціи многихъ мотивовъ орнамента.
Тамга 3. наложеніе ея 3; VI, § 30, 329.
Тамги, абазинскія 377;
„ айновъ 359;
„ арабскія 378;
„ балкарскія и догорскія 377—378;
„ вотяковъ 341, 355—356;
„ Кабарды малой коннозав. 372;
„ Кабарды большой 375;
„ Кавказа сѣвернаго 376;
„ калмыковъ астрахан. VII, 341, 347—348;
„ калмыковъ горныхъ 359;
„ киргизскихъ поколѣній 360—362;
„ киргиз. и кара-киргиз. Сыръ-Дарьин. обл. VII, 341, 360;
„ лопарей 341, 348;
„ негровъ 385;
„ Орды, малой, средней, великой VII, 341, 360—368;
„ остяковъ 341, 357;
„ самоѣдовъ 358—359;
„ тюрко-алтайц. Минус. окр. VII, 341, 362;
„ черемисъ 341, 357;
„ чувашей 341, 356;
„ якутовъ 358.
Танецъ, VI. 20, 310, 317.
Таримъ 54, 233, 250.
Татуировка, Австраліи 493;
„ Азіи 493;
„ Америки 220, 494;
„ Африки 220.

Теленокъ III, § 16, 181.
Телецъ, созвѣздіе зодіака 426.
Тесь, на р. Тубѣ 94, 99 194.
„ село на Енисеѣ Щель-Тесь 160.
„ Сухая Тесь дер., на рѣкѣ съ этимъ имен.
Техника, звѣролова 279.
Титева, ея сниманіе и надѣваніе 343.
Тихсенъ (Tychsen) 33, 70, 71.
Тихое плесо, на р. Манѣ, петроглифъ 97.
Тождество знак. и симв. и сход. въ мотив. орнам. 56.
Тобольскъ IV, § 2, 248, 249.
Тобольскій музей VII, § 1, 345.
Толстой, И. гр. и Н. Кондаковъ, „Русск. древн.“ 48, 56, 125, 139, 144, 164, 165, 209, 394 и мн. др.
Thomsen, W. Prof. 4, 335 и др.
Топоръ род. зн. сиб. инор. XVII в. VII, § 1, 324.
Тотемизмъ 57.
Трехглазость боговъ Греціи 212.
Троя 2 295, 314—319, 401—403, 451, и мн. др.
Tsoundas 232, 237, 451, 452 и др.
Туба, рѣка 94.
Тубинцы, пути ихъ на сѣверъ 95.
Тукюэскія буквы 35.
„ алфавитъ 36. VI, § 30 334.
Туркестанъ, Китайскій 48, 233, 250, 444.
„ смѣсь культуръ 250.
Тюрко-алтайцы 3;
„ монголы, переселенія 53.

У, у, — символъ VIII, 7, 21, 426.
(Y) Y-symbolon VIII, 7.
◇ · ◇ - „укъ“ и „икъ“ символы VII, § 21, 380. VIII, § 7, 21.
Уваровъ, А. С. графъ „Христ. символика“. 214, 252.
Убѣжища подъ скалами (abris sous roches) 94.
Угловой и друг. лин. символы V, § 1, 258, 271. VIII, 387, 395, 396.
Уйбатскій (втор.) съ надпис. камень 212.
Урна-хижина VI, § 30, 333.
Условность въ древ. рисун. VI, § 1, 280.
Унгутское плёсо на рѣкѣ Манѣ 97.

Ф, ф. Фертъ-символъ VIII, 7, 22, 426; Добавл. 4.
Ѳ, ѳ. Ѳита-символъ VII, § 18, 372. VIII, 7, 39, 436, 439.
Falb, Rud. D. Land d. Inka, 8, 142, 180, 235 и др.
Фалькъ 70.
Фертообразный знакъ III, § 18, 185.
„ двойной символъ III, § 18, 188.
Фигуры модели 63.
Филинъ, род. зн. сиб. инор. XVIII в. VII, § 1, 345.
Филогнетическое начало языка 467.
Финикійскій алф. 61.
Финикія 2.
Финляндское Арх. общ. 2, 65, 68, 71, 77.
„ „ экспедиція I, 81, 88.
Финно-угрское общество 2.
Флоринскій, В. М. 47, 70, 132, 335, 522.
Фокусъ-покусы III, § 2, 127.
Forrer, Robert, Dr. Reallexikon Berlin 1907. Очень много ссылокъ и параллелей.
Фототипическій альбомъ Мартина 240.
Фразеръ, 107, 456.
Фрески керченскихъ катакомбъ VIII, § 1, 390—391;
„ альтамирской пещеры V, § 1, 251.
Фризъ VIII, § 1, 387.

Х, х. Хѣръ-символъ V, § 1, 263. VIII, 7, 23.
Харузинъ, Н. Н. 3 и др.
Хронологія 58, 459, 463.
Хронологич. соотношенія VI, § 30, 334.
„ изображенія религ. символовъ яз. движеній
„ и ихъ означенія письменнаго 57.
Хижины-урны, 518, литература у Forrer и Schlemm.

Ц, ц. Ц, ц. Цы—символъ VIII, 7, 25.
Цанки 115.
Цеца (Визант. писатель) IV, § 12, 245.
Цилиндры или древнія печати VIII, § 4, 403—406.
Цифровыя данныя о петроглифахъ 228.

Ч, ч. Червь—символъ VIII, 7, 26, 428, 440.
Y Корра-symbolon VIII, 7, 26.
Ч, ч. VII. § 21. 380.
Человѣкъ спереди и сбоку
„ молящійся III, § 1, 112. § 8, 144;
„ съ сдвинутыми ногами III. § 1, 116. § 17, 187;
„ фигуры III, § 2, 119, 123, 131;
„ сидящій на оленѣ III. § 4, 133;
„ въ шапкѣ и безъ шапки III, § 20, 200, 201;
Чередованіе формъ молитвы 56.
Черепаха петрогл. у Борка 227.
Черное море 43.
Чернышевскій, Н. Г. „Отношеніе искусства къ дѣйств.“ 207.
Чертомлыцкая ваза VIII, § 2, 391—401.
Cesnola, A. P. Salaminia L. 1884. L. P. di, Cypern. Lena 1879.
Чувствованія и мышленія акты, трудности ихъ внѣшней символизаціи, 62—63.

Ш, ш. Ша—символъ VIII, 7, 27. 428.
Ш — символъ IV, § 10, 244.
Шайтанская рожа зн. сиб. инор. XVII в. VII, § 1, 358.
„ носъ VII, 358.

Библиотека

Шаманизмъ, 59. IV, § 2, 248—249.
„ его начало, 299.
Шаманъ съ бубномъ и колот. III, § 1, 113, 114. § 2, 119. § 5, 134. § 7, 136. § 8, 148, 154, 155. § 10, 11, 162—163, 167. § 14, 173. § 15, 175. § 20, 199;
„ камлающій III, § 2, 124;
„ въ треугольной шляпѣ III, § 8, 154;
Шамашъ—богъ солнца. III, § 8, 143, 147, 195. VI, § 30, 329. VIII, § 4. 2.
Шантепи, де-ля-Соссей, Илл. ист. религій 23 и др.
Schampollion, M. 337, 370, 405, 517 и др.
Шапка шамана III, § 8, 157.
Шапка III, § 2, 130. § 16, 181.
Шалаболино село на р. Тубѣ 99.
Швейцарія, ср. симв. у орнам. у V. Gross и у F. Keller и др.
Шимкевичъ, 133, 162, 220 и др.
Шницеръ, Я. Б. Иллюстр. всеобщ. ист. письменъ. Много ссылокъ на рисунки.
Schoolcraft, „Indian Tribes“ Philadel. 1853.
Штернбергъ, Л. Я. 256, 259, 269, 281 и др.
„69“, шестьдесятъ девять, знакъ созвѣздія „Рака“ (см. „96“) 419.
Schlemm „Julie. Wörterbuch zur Vorgeschichte“. Berlin 1908.
Schliemann, Heinrich dr. „Ilios.“ Leipzig 1881.
Шляпа, III § 8, 148, 154, 159.
Штернбергъ, Л. Я. Пер. „Le Prehistorique“.
Штаны III, § 2, 130.
Шурцъ, Генрихъ, докт. 476, 478 и др.

Щ, щ. Щ, щ. Ща—символъ VIII, 28.
Щ, щ. VII, § 21, 380. § 22, 382, 385; VIII. 7, 28, 428.
Щитъ, греческій VI в. до Р. Х. одинаковъ по размѣрамъ съ бубномъ.
Щитъ, отражательный, для лука и для локтя 493.
Щукинъ, П. И. 219, 294.

Э, э — символъ VI, 30, 334.
Ѣ Эсъ — символъ III, 166, 198. VII, 316.
Evans, Arthur, 179, 234, 232, 234, 237, 450—456, 525—526 и др.
Эволюція обществ. жизни 64;
„ письма 15, 20;
„ священный языкъ 60;
„ письма, періоды 23.
Эгейская культура 456.
Эйкумена 7, 49.
Эмблема, ошибки въ сопост. съ граф. симв. 107.
Эмовидный или птицевидный символъ 275.
Эпохи Солютре и Мадленъ V, § 1, 251.
Эсовидные — символы IV, § 11, 245.
Эстампажи и рисунки петроглифовъ 63, 230.
Этническіе пути 46.
Этнографическ. матеріалы VIII, § 1, 387.
Этнографическая сущность сигнографовъ VIII, § 1, 387.
Этнографич. и психолог. генезисъ VIII, § 2 394.

Ю, ю — символъ, полуденный знакъ VIII, 34.
Юсы: Ѫ Ѫ VIII, 36.
„ Ѭ VIII, 35.
Южный (съ 3) перевалъ чрезъ Алтай VI, 336.
Юпитеръ, астроном. знакъ VI, § 30, 334.
„ изображеніе его съ 3 глазами 212.
Юрта сиб. инор. XVII в. VII, § 1, 342, 343.

Я, я. VIII, 34, 434.
Ять — Ѣ, ѣ. VIII, 32, 430—433.
Ять, іотированная VIII. 7, 33, 423. Добавленіе 9.
Ядринцевъ, Н. М. Орхонск. древности.
Языковѣдѣніе 44.
Языкъ,
„ аналитическихъ жестовъ III, § 18, 184, 237;
„ барабанный 30;
„ вліяніе линейныхъ символовъ на искусство (условности рисунка) 62;
„ дешифрированіе оптич. письма 65 и 339.
„ движеній 9—10. 387, 403—407, 445;
„ движеній, предшествіе его рѣчи 107. V, § 1, 283, 445, 465, 466.
„ движеній-учитель языка звукового 467.
„ единство яз. фонетическаго обусловлено единствомъ яз. оптическ. 238, 465;
„ жестовъ и тѣлодвиженій 9, 10, 40, 60;
„ знаковъ 339;
„ источникъ алфавитныхъ начертаній 61;
„ международность яз. движ. 233, 466.
„ мимическій 9.
„ послѣ-ледник. челов. V, § 1, 259; его письмо, — изобразительное 9;
„ ребусный—предметами (конкретами) 108;
„ религіозный и бытовой 236—238;
„ свирѣльный 31;
„ священный, всемірный 59—60, 233.
„ телеграфный 30.
„ явленіе этнографическое 338.